

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 14

Moscow
2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 14

Москва
2018

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Энговатова (отв. редактор), В. Ю. Коваль (составитель), И. Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Л. А. Беляев,
доктор исторических наук А. Н. Сорокин

Археология Подмосковья: Материалы научного семинара.
Выпуск 14. – М.: Институт археологии РАН, 2018. 520 с., цв. вкл.
ISBN 978-5-94375-242-1

Очередной, 14-й выпуск ежегодного издания материалов научного семинара «Археология Подмосковья» содержит статьи, представляющие результаты продолжающихся исследований археологических памятников широкого хронологического диапазона: от эпохи бронзы до Нового времени. Значительная часть из них посвящена изучению различных керамических находок: посуды, игрушек, музыкальных инструментов, голосников. Естественнонаучные изыскания представлены анализом кожаных изделий из разных памятников и почвоведческими исследованиями. По традиции широко представлены работы о материальной культуре времени Московской Руси и Нового времени. Отдельный блок посвящен различным проблемам средневековой археологии.

Новый выпуск «Археологии Подмосковья» будет интересен археологам, историкам, музейным работникам и всем интересующимся историей.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-242-1

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2018
© Авторы статей (фамилии выделены
в содержании курсивом), 2018

Содержание

<i>Энговатова А. В., Колдаева Н. Т.</i> Новое в российском законодательстве в сфере сохранения археологического наследия.....	9
---	---

Древности эпохи бронзы и раннего железного века

<i>Азаров Е. С., Чаукин С. Н.</i> Финал бронзового века на городище Александрова гора.....	14
<i>Сидоров В. В.</i> Реконструкция укреплений городищ раннего железного века	26
<i>Гольева А. А., Тавлинцева Е. Ю., Коваль В. Ю.</i> Исследование жилищ дьяковской культуры Ростиславля Рязанского естественнонаучными методами (предварительная публикация).....	32
<i>Столяров Е. В.</i> Материалы раннего железного века с городища Дуна из раскопок 1898 года Ю. Г. Гендуне (из собрания Государственного Эрмитажа).....	44
<i>Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., Гольева А. А.</i> Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник (результаты раскопок 2016 года).....	52

Славяно-русские древности

<i>Чернов С. З.</i> Болшево-3 на верхней Клязьме: северная усадьба и ее этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 года)	64
<i>Лазукин А. В.</i> Погребальные памятники XI–XIII веков в бассейне реки Вязьмки	105
<i>Сарачева Т. Г., Гоняный М. И., Аносов Д. В.</i> Химико-технологическое исследование изделий из цветных металлов, обнаруженных на археологических памятниках в селе Беседы под Москвой	126
<i>Орфинская О. В., Зоц Е. П.</i> Текстиль домонгольского времени из курганных могильников Подмосквья.....	145
<i>Столярова Е. К.</i> Стекланные украшения средневекового сельского населения Подмосквья (по материалам Мякининского археологического комплекса).....	158
<i>Фатюнина О. А.</i> Кожаные туфли с шерстяными чулками из Монастырского курганного могильника у Пронска	166
<i>Феребов А. Н.</i> Возможные следы XI века на территории Московского Кремля	178
<i>Феребов А. Н.</i> Основания датировки стекланных браслетов, найденных на территории Московского Кремля	189
<i>Завьялов В. И.</i> К вопросу о дате основания Переяславля Рязанского	201
<i>Андреев С. И.</i> Поселение Екатериновка 3: к вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества	209
<i>Тропин Н. А.</i> Жилища на подклетах служилых людей Елецкого княжества последней четверти XIV – первой половины XV века (по материалам поселения Аргамач-Пальна 3).....	236

Археология Московского государства и Нового времени

<i>Жилина Н. В.</i> Серьги в уборе Московской Руси.....	278
<i>Алексеев А. В., Кузьменко С. В.</i> «Московские» каменные кресты XV–XVI веков с геометрическим декором. Каталог памятников.....	307

<i>Вишневский В. И.</i> Средневековые белокаменные надгробия кладбища села Воскресенского дворцовой волости Черноголовль (Ногинского района Московской области)	330
<i>Осипов Д. О.</i> Изделия из кожи из раскопок в Московском Кремле	343
<i>Гоняный М. И., Дедук А. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В.</i> К вопросу о топографии позднесредневековых погостов Подмосковья.....	353
<i>Хухарев В. В.</i> Прикладные печати-матрицы из кости среди находок в Твери	365
<i>Щербаков В. Л., Зюютина А. А.</i> Кресты-энколпионы из села Тетеринского в Нерехтском районе Костромской области	375
<i>Горохова А. В., Лазарев А. С., Бушуев И. А.</i> Раскоп «Мелочные ряды П»: новые данные о культурном слое городского торгового Костромы в XV–XVIII веках	382
<i>Зацаринный С. В.</i> Ружейные отвертки-огнива XVII века из культурного слоя Тульского кремля (к вопросу о типологии и хронологии части позднесредневековых кресал).....	388
<i>Кабатов С. А., Курочкина С. А.</i> Первоначальный обзор некоторых групп рыболовного инвентаря сельского населения Костромского Поволжья (по результатам археологических исследований селища Вёжи).....	399
<i>Лихтер Ю. А., Балашов А. Ю., Пономаренко А. К.</i> Погребения со слезницами. Археологические исследования Нового кладбища Спасо-Андроникова монастыря в 2016 году.....	409

Керамологические исследования и естественнонаучные методы в археологии

<i>Коваль В. Ю.</i> Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы.....	414
<i>Мальшиева Н. Н., Полюлях А. А., Сарачева Т. Г.</i> Результаты натурного исследования сосудов-голосников из церкви Трех Патриархов Константинопольских в соборе Покрова Пресвятой Богородицы на Рву	442
<i>Полюлях А. А.</i> Археологические исследования в селе Гжель: белоглиняная расписная, чернорощенная и поливная керамика	451
<i>Глазунова О. Н., Малых С. В.</i> Звенигородская печь, облицованная изразцами производства новоиерусалимской мастерской.....	469
<i>Беркович В. А., Полюлях А. А.</i> Посуда завода Гребенщиковых из археологических наблюдений в Вознесенском переулке в Москве в 2016 году	487
<i>Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В.</i> Калужские керамические дудки в эволюционной системе свистковых музыкальных инструментов: особенности изготовления и хронология бытования.....	497
<i>Сыроватко А. С., Гольева А. А.</i> О следах древней распашки на Щуровском могильнике	505
<i>Каширская Н. Н., Борисов А. В.</i> Фосфотазная активность как инструмент для реконструкции источников поступления фосфора в культурный слой.....	512
Список сокращений	517

Contents

<i>Engovatova A. V., Koldaeva N. T.</i> New in the Russian legislation in the field of preservation of archaeological heritage.....	9
---	---

Bronze Age and the Early Iron Age

<i>Azarov Ye. S. & Chaukin S. N.</i> The end of the Bronze Age at the Alexandrova Gora hillfort.....	14
<i>Sidorov V. V.</i> Conjectural reconstruction of the fortifications of Iron-Age sites.....	26
<i>Golieva A. A., Tavlintseva E. Yu., Koval V. Yu.</i> Study of homes from the Dyakova culture of Rostislavl Ryazansky, using natural scientific methodology	32
<i>Stolyarov E. V.</i> Early Iron-Age finds from the Duna hill-fort, from excavations undertaken in 1898 by Yu. G. Gendune (from the Russian State Hermitage collections).....	44
<i>Novoselova T. N., Vishnevsky V. I., & Golieva A. A.</i> The early Medieval Finno-Ugrian Ratkovo burial ground – results of excavations during 2016	52

Archaeology of Medieval Rus'

<i>Chernov S. Z.</i> Bolshevo-3 on the upper Klyazma: a northern homestead and its ethno-cultural features (based on excavations in 2012)	64
<i>Lazukin A. V.</i> Burial sites of the 11 th to 13 th century along the Vyazemka River Basin.....	105
<i>Saracheva T. G., Gonyanyi M. I., & Anosov D. V.</i> Chemical & technological research into non-ferrous items found at archeological sites in Besedy village, near Moscow	126
<i>Orfinskaya O. V. & Zots E. P.</i> Textiles from the burial mounds of the Moscow region of pre-Mongolian time	145
<i>Stolyarova E. K.</i> Glass ornaments of Medieval rural population of Moscow region (based on materials from Myakinino cluster of sites)	158
<i>Fatyunina O. A.</i> Leather shoes with woollen stockings from a monastic earthworks burial ground near Pronsk	166
<i>Ferebov A. N.</i> Relics, possibly from the 11 th century, found within the grounds of the Moscow Kremlin.....	178
<i>Ferebov A. N.</i> A basis for the dating glass bracelets found within the grounds of the Moscow Kremlin.....	189
<i>Zavyalov V. I.</i> Concerning the date of the founding of the town of Pereslavl Ryazansky.....	201
<i>Andreyev S. I.</i> The settlement of Yekatarinovka-3 – issues concerning the southern borders of the Ryazan Principedom.....	209
<i>Tropin N. A.</i> Basement-level dwellings served people in the Yeletsky Principality during the last quarter of the 14 th and first half of the 15 th centuries (based on material from the Argamach-Palna-3 settlement).....	236

Archaeology of Muscovy and Modern Times

<i>Zhilina N. V.</i> Earrings as part of the dress of Muscovian Rus'	278
<i>Alexeev A. V. & Kuzmenko S. V.</i> 'Muscovian' stone crosses of the 15 th – 16 th centuries with geometric decoration. A site catalogue.....	307
<i>Vishnevsky V. I.</i> Medieval white-stone graves from the Voskresenskoye village cemetery in the Tsar Chernogolovl district (the Noginsk District of the Moscow region).....	330

<i>Ossipov D. O.</i> Leatherware items from excavations in the Moscow Kremlin	343
<i>Gonyaniy M. I., Deduk A. V., Shebalin G. A. & Shekov A. V.</i> Concerning the topography of late-Medieval churchyards in the vicinity of Moscow County Region	353
<i>Khukharev V. V.</i> Bone-matrix seals located amongst finds in Tver	365
<i>Scherbakov V. L. & Zuyutina A. A.</i> Encolpion Crosses from the Teretinsky Village in the Nerekhtsky District of Kostroma Region	375
<i>Gorokhova A. V., Lazarev A. S., & Bushuev I. A.</i> Excavations at ‘Farthing Row II’ – new information about the cultural layer of the Kostroma Market Square over the 15 th to 18 th centuries	382
<i>Zatsarinnyy S. V.</i> A rifle screwdriver-flint of the 17 th century, from the cultural layer of the Tula Kremlin (typological issues and chronology of the late-Medieval ‘kresal’).	388
<i>Kabatov S. A. & Kurochkina S. A.</i> An initial overview of several sets of fishing gear from a rural population of Kostromsky Povolzhya (based on the results of archaeological studies of the settlement of Vyozha)	399
<i>Lichter Yu. A., Balashov A. Yu., & Ponomarenko A. K.</i> Burials with teardrops. An archaeological study of the “New Cemetery” of the Spaso-Andronikov Monastery (based on studies made during 2016)	409

Ceramology and archeometric methods in archeology

<i>Koval V. Yu.</i> Ceramics from excavations at the Podol of the Moscow Kremlin – series of smaller pieces.	414
<i>Malysheva N. N., Poliulyakh A. A., Saracheva T. G.</i> Results of full-scale research into ‘golosniki’ ceramic vessels from the Church of the Three Patriarchs of Constantinople, within the Intercession Cathedral on the Moat (aka ‘St Basil’s Cathedral’) in Moscow	442
<i>Poliulyakh A. A.</i> Archaeological investigations at the ceramics centre of Gzhel – white-clay decorated, black-decorated and poured-on ceramics	451
<i>Glazunova O. N. & Malykh S. V.</i> A Zvenigorod stove, lined with tiles produced at the workshops of the New Jerusalem monastery	469
<i>Berkovich V. A. & Poliulakh A. A.</i> Crockery made at the Grebenshikov Works, from archaeological surveys at Voznesensky pereulok, Moscow, in 2016.	487
<i>Fyodorova L. I., Tkachenko V. A. & Fyodorov V. V.</i> Kaluga ceramic whistles and the evolution of a system of fipple-type (whistle) musical instruments: details of their manufacture, and a chronology of their use	497
<i>Syrovatko A. S. & Golieva A. A.</i> Signs of ancient ploughing at the Shurovsky Graveyard	505
<i>Kashirskaya N. N. & Borisov A. V.</i> The activity of phosphates as a way of reconstructing the sources from which phosphorus enters the cultural layer.	512
List of abbreviations	517

А. В. Энговатова, Н. Т. Колдаева
Институт археологии РАН, Москва

Новое в российском законодательстве в сфере сохранения археологического наследия

В последние годы в России число археологических исследований постоянно растет, что подтверждается данными о количестве выданных разрешений (открытых листов) на их проведение. Во многом это связано с совершенствованием нормативной правовой базы, регулирующей вопросы сохранения и изучения археологического наследия.

Институт археологии РАН принимает активное участие как в практической работе по спасению памятников археологии, которые могут быть уничтожены или значительно пострадать при хозяйственной деятельности человека, так и в области совершенствования законодательства.

После принятия в 2004 г. Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ), в разработке которого активно участвовали сотрудники института, значительно выросло количество спасательных археологических работ при осуществлении строительных проектов на территории страны. Практический опыт археологических исследований в условиях действия нового закона выявил и определенные его недоработки, осложняющие проведение полевых работ. В течение следующих лет велась постоянная законопроектная работа, направленная на внесение изменений в действующее законодательство, принятие новых законов и подзаконных актов.

В стенах Государственной думы и Минкультуры России, в кругах ученых и специалистов на базе Института археологии РАН прошли многочисленные дискуссии. Был использован весь накопившийся опыт по сохранению объектов культурного наследия, а также учтены сложившиеся на тот момент в обществе социально-экономические отношения.

Первым этапом позитивных изменений стало обсуждение и подготовка к ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (ETS N 143. Валлетта, 16 января 1992 года), к которой Россия присоединилась в 2003 г. Нормы конвенции были приняты не только в странах Европы, в том числе Восточной, но и в части бывших республик СССР. Большие усилия прикладывались со стороны Института археологии РАН для разъяснения российской общественности и законодателям прогрессивности данного документа в сравнении с нормами старого советского законодательства в области охраны культурного наследия и необходимости приведения российских законов в соответствие с европейскими. 27 июня 2011 г. конвенция была ратифицирована (Федеральный закон № 163-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (переработанной)»). С этого момента началось планомерное приведение национального законодательства в соответствие с ее нормами, направленными на комплексное сохранение археологического наследия, предотвращение незаконного оборота археологических предметов и коллекций.

Знаковым событием в российском законодательстве, регулирующем вопросы сохранения археологического наследия, стало принятие федеральных законов от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» (далее – Федеральный закон № 245-ФЗ) и № 315-ФЗ от 22 октября 2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 315-ФЗ).

Практически все вопросы, на которые в последнее десятилетие неоднократно обращали внимание ученые-археологи, участники парламентских мероприятий, посвященных сохранению археологического наследия, новыми законами в определенной степени решены.

Приняты следующие изменения:

- границы территории объекта археологического наследия устанавливаются только на основании археологических полевых работ (ст. 3.1 Федерального закона № 73-ФЗ);

- введено понятие особого режима использования земельного участка или водного объекта, в границах которого располагается объект археологического наследия, и установлены требования к осуществлению деятельности в его границах (ст. 5.1 Федерального закона № 73-ФЗ);

- установлен порядок выявления объектов археологического наследия и сроки их включения в соответствующий перечень (ст. 16.1 Федерального закона № 73-ФЗ). Данная норма позволит своевременно распространить на указанные объекты археологического наследия режим государственной охраны, а также уведомить об этом собственников земельного участка, в границах которого располагается объект археологического наследия;

- установлен возраст объектов археологического наследия для включения их в реестр – не менее ста лет (ст. 18 Федерального закона № 73-ФЗ);

- внесены существенные изменения в раздел, связанный с проведением государственной историко-культурной экспертизы, согласно которым порядок проведения историко-культурной экспертизы на земельных участках, участках лесного фонда либо водных объектах или их частях, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, работ по использованию лесов и иных работ, осуществляется исключительно путем археологической разведки только при наличии разрешения (открытого листа);

- обеспечен доступ к объектам археологического наследия, археологические полевые работы на которых предусмотрены разрешением (открытым листом) на проведение археологических полевых работ (ст. 45.1 Федерального закона № 73-ФЗ);

- установлена ответственность со стороны Минкультуры России за создание соответствующих условий, при которых обеспечивается прием всех изъятых при проведении археологических полевых работ археологических предметов на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации;

- установлены порядок и ответственность за нарушение при использовании специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин в целях обнаружения объектов археологического наследия и (или) археологических предметов (ст. 45.2 Федерального закона № 73-ФЗ);

- установлены, а в некоторых случаях ужесточены меры ответственности за нарушение норм законодательства, регулирующего вопросы сохранения археологического наследия (ст. 243, 243.1, 243.2, 243.3 Уголовного кодекса РФ; ст. 7.15, 7.15.1, 7.33 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Рассмотрим внесенные изменения более подробно в порядке их введения в федеральное законодательство.

Одним из существенных является уточнение, а в отдельных случаях и законодательное введение в ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ таких базовых понятий, как «объект археологического наследия», «археологический предмет», «культурный слой» (введено Федеральным законом № 245-ФЗ).

Новой ст. 45.1 установлен порядок проведения археологических полевых работ, разграничена ответственность между федеральными органами исполнительной власти и Российской академией наук при осуществлении контроля за всем процессом археологических полевых работ: от выдачи разрешения (открытого листа) до передачи научного отчета на хранение в составе Архивного фонда Российской Федерации.

В ст. 45.2 устанавливаются правила использования специальных технических средств поиска в целях обнаружения объектов археологического наследия и (или) археологических предметов.

Ст. 49 объекты археологического наследия и археологические предметы закреплены в государственной собственности, установлено понятие территории объекта археологического наследия в случае отсутствия утвержденных границ.

Кардинальному изменению подверглись вопросы, связанные с незаконным поиском и (или) изъятием археологических предметов из мест залегания, уклонением исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ от обязательной передачи государству предметов, имеющих культурную ценность, обнаруженных при проведении таких работ.

В этих целях новые статьи были введены в Уголовный кодекс РФ (ст. 243.2 «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания», ст. 243.3 «Уклонение испол-

нителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере»).

Новые положения появились и в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в части незаконного оборота археологических предметов (ст. 7.15.1 «Незаконный оборот археологических предметов»).

Порядок владения и распоряжения археологическими предметами физическими и юридическими лицами, уже владеющими археологическими предметами на день вступления закона в силу, установлен ст. 8 Федерального закона № 245-ФЗ.

Законом № 315-ФЗ приняты важные изменения в сфере правового регулирования сохранения археологического наследия в Российской Федерации.

Кардинальному изменению подверглись вопросы, связанные с территорией объекта культурного наследия. Законодательно введено, что границы территории объекта археологического наследия устанавливаются только на основании археологических полевых работ (ст. 3.1 Федерального закона № 315-ФЗ).

Существенным является введение ст. 5.1 понятия особого режима использования земельного участка или водного объекта, в границах которого располагается объект археологического наследия, а также установление требований к осуществлению деятельности в его границах. Данные изменения с учетом введенных Федеральным законом поправок в ст. 66 Водного кодекса РФ в том числе важны при эксплуатации гидротехнических сооружений, на что неоднократно обращали внимание археологи.

Еще одним новым положением является законодательное установление ст. 16.1 порядка выявления объектов археологического наследия и сроков их включения в соответствующий перечень. Эта норма позволит своевременно распространить на указанные объекты археологического наследия режим государственной охраны, а также уведомить об этом собственников земельного участка, в границах которого располагается объект археологического наследия.

Ст. 18 в новой редакции Федерального закона установлен возраст объектов археологического наследия для включения их в реестр: с момента их возникновения должно пройти не менее ста лет.

Важное значение имеют изменения, внесенные в ст. 21 Федерального закона № 73-ФЗ, относящиеся к паспорту объекта культурного наследия. В частности, устранены внутренние противоречия закона в части предоставления собственнику земельного участка, в границах которого располагается объект археологического наследия, паспорта на данный объект, который является необходимым условием при совершении сделок с земельным участком.

Внесены существенные изменения в раздел, связанный с проведением государственной историко-культурной экспертизы: в ст. 28 дополнены цели проведения государственной историко-культурной экспертизы; ст. 30 дополнена новыми объектами историко-культурной экспертизы.

Принципиальное значение имеют изменения в ст. 31, согласно которым проведение историко-культурной экспертизы на земельных участках, участках лесного фонда либо водных объектах или их частях, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, работ по использованию лесов и иных работ, осуществляется исключительно путем археологической разведки в порядке, установленном ст. 45.1, при наличии разрешения (открытого листа).

Следует отметить, что необходимость историко-культурной экспертизы на предмет наличия (отсутствия) объектов археологического наследия в границах земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, была установлена еще в 2002 г. Однако на практике жесткость данной нормы компенсировалась необязательностью исполнения, поскольку ответственность за нарушение не была определена. Данная ситуация кардинально изменилась в связи с введением в действие норм, устанавливающих ответственность в том числе и органов охраны объектов культурного наследия за нарушение законодательства. Установленный Правительством РФ порядок проведения государственной историко-культурной экспертизы в части наличия (отсутствия) в границах земельных участков объектов археологического наследия предусматривает проведение экспертизы экспертами, аттестованными Минкультуры России.

Учитывая неравномерность археологического обследования территории страны, а также повышение ответственности за нарушение законодательства, можно говорить о том, что реализация данного постановления в сочетании с установленными Федеральным законом мерами ответственности привели к существенным трудностям на местах ввиду отсутствия достаточного количества

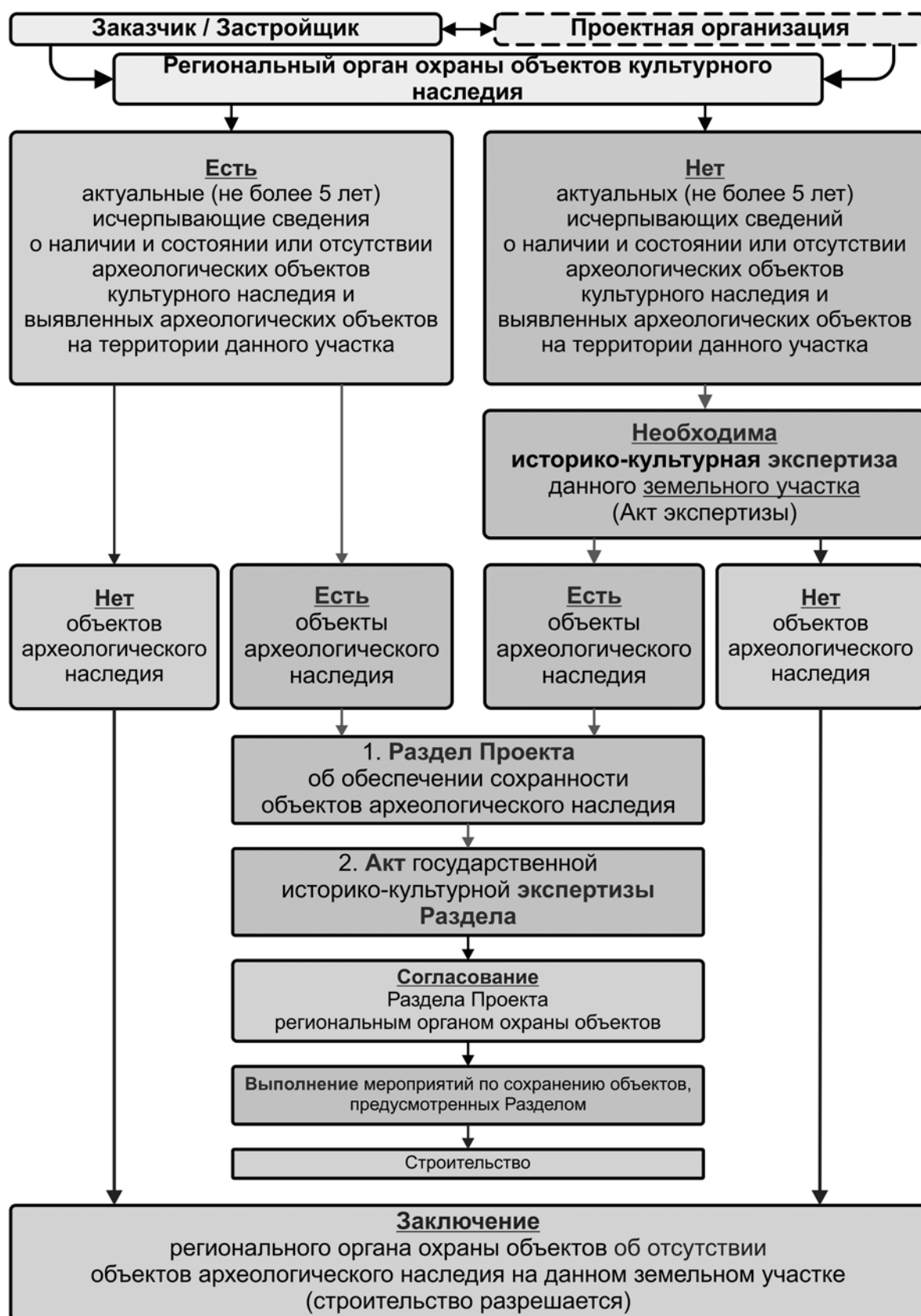

Рис. 1. Схема последовательности прохождения государственной историко-культурной экспертизы

аттестованных экспертов. Хотя эта проблема во многом техническая, но решать ее нужно за счет увеличения количества аттестованных экспертов.

Значительно изменена редакция ст. 36 Федерального закона № 73-ФЗ, посвященной обеспечению сохранности объекта археологического наследия при проведении изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных, по использованию лесов и иных работ. Они могут проводиться только при условии реализации согласованных с соответствующим органом охраны объектов культурного наследия обязательных разделов об обеспечении сохранности объектов культурного наследия в проектах проведения работ, или проектов обеспечения сохранности указанных объектов культурного наследия, или плана проведения спасательных археологических полевых работ, включающих оценку воздействия проводимых работ на указанные объекты культурного наследия. Разделы также должны пройти государственную историко-культурную экспертизу. Все этапы прохождения историко-культурной экспертизы представлены в схеме, разработанной авторами (рис. 1).

В новой редакции ст. 45.1, относящейся к порядку проведения археологических полевых работ, новшеством является правовая норма, согласно которой обеспечивается доступ к объектам археологического наследия, археологические полевые работы на которых предусмотрены разрешением (открытым листом).

Важным для сохранения археологического наследия является повышение уровня организации музейного хранения коллекций, обеспечивающего полную и долговременную сохранность артефактов, полученных в ходе археологических полевых исследований.

В связи с этим одним из существенных нововведений является и установление ответственности со стороны Минкультуры России за создание соответствующих условий, при которых обеспечивается прием всех изъятых при проведении археологических полевых работ археологических предметов на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации.

Таковы изменения в федеральном законодательстве в области археологического наследия. Во многом благодаря принятым поправкам в России выросло количество археологических разведок и раскопок, которое в 2017 г. стало рекордным. Выдано 2649 разрешений (открытых листов) на их проведение, что в два раза больше по сравнению с 2011 годом (1245). Есть и другие позитивные моменты. Однако приведут ли принятые поправки к дальнейшему сохранению археологического наследия России? Это будет зависеть от эффективности подзаконных актов, принятых в соответствии с федеральным законодательством, и практических усилий, которые предпринимают органы охраны памятников различных уровней, а также ученые-археологи.

Древности эпохи бронзы и раннего железного века

Е. С. Азаров*, С. Н. Чаукин**

* Государственный исторический музей, г. Москва;

** Институт археологии РАН, Москва

Финал бронзового века на городище Александрова гора

Городище Александрова гора – многослойный археологический памятник раннего железного века и X–XVII вв. н.э. в Переславском р-не Ярославской обл. (рис. 1). Находится на северо-восточном коренном берегу оз. Плещеево и имеет название мысового отрога коренного плато (рис. 2). Площадка мыса имеет неправильную овальную в плане форму размерами 36×86 м, высотой от уровня озера 30–32 м. Городище связывалось некоторыми исследователями с древнерусским городом Клещином, что впоследствии не нашло подтверждения (Комаров, 2014). Тем не менее это определило высокий интерес к памятнику. Так, уже в 1853–1854 гг. П. С. Савельевым последовательными траншеями была исследована, по всей видимости, практически вся территория верхней площадки (Комаров, 2014. С. 140). Результаты этих работ были частично обобщены А. С. Уваровым уже после кончины П. С. Савельева (Уваров, 1871. С. 657, 658), сам автор оставил полевые документацию и дневники, хранящиеся в архиве ИИМК РАН¹ (подробнее см.: Комаров, 2014). В дальнейшем городище обследовалось П. Н. Третьяковым в 1938 г., К. И. Комаровым в 1974 г., И. В. Дубовым в 1977–1978 гг., А. Е. Леонтьевым в 1988 г. (Макаров, Милованов, 2016. С. 5–9). Всеми исследователями отмечалось наличие обломков текстильной керамики в отвалах и переотложенных слоях, а находки П. С. Савельева в нижнем горизонте двушипных костяных и железных наконечников стрел, костяных шильев, проколов и гарпунов позволили предположить начало существования

городища в «дьяковское время» – с V в. до н.э. (Комаров, 2014. С. 142, 143).

В 2016 г. проводились работы по определению границ территории и обследованию объекта археологического наследия (далее ОАН) «Городище Александрова гора» (Макаров, Милованов, 2016)². На территории памятника было заложено 8 шурфов общей площадью 17 кв. м (рис. 2). Установлено, что ОАН занимает весь мысовой отрог коренного плато, вытянутого по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток в длину на 340 м и ограниченного с обеих сторон широкими овражными системами. Общая площадь памятника составляет 3,75 га. Были обнаружены материалы последнего периода в истории заселения Александровой горы – позднесредневекового монастыря. В шурфе 3 зафиксированы непотревоженные культурные напластования XV–XVII вв., расчищено разрушенное печное сооружение. Отдельную и небольшую хронологическую группу составляют предметы X–XI вв. В шурфах 1, 2 и 3, располагавшихся ближе к юго-восточной части городища, на площадке мыса, обнаружено 528 фрагментов лепной керамики с «текстильными» отпечатками, отнесенных к начальному периоду освоения территории городища. При этом в шурфе 2, вскрывшем засыпанный раскоп П. С. Савельева, обнаружено 460 обломков (рис. 3). Возможно, такая большая плотность находок свидетельствует о наличии в древности в этом месте объекта, разрушенного в какой-то из моментов в истории памятника.

¹ Савельев П. С. Дневники археологических розысканий по Владимирской губернии в 1853–1854 гг. / Архив ИИМК. Ф. 8. Д. 4 (по: Комаров, 2014); Савельев П. С. Иллюстративный материал к раскопкам П. С. Савельева во Владимирской губернии в 1853–1854 гг. Архив ИИМК. Ф. 8. Д. 6 (по: Комаров, 2014).

² Авторы благодарят Н. А. Макарова и С. И. Милованова за предоставленную возможность обработки керамической коллекции городища Александрова гора.

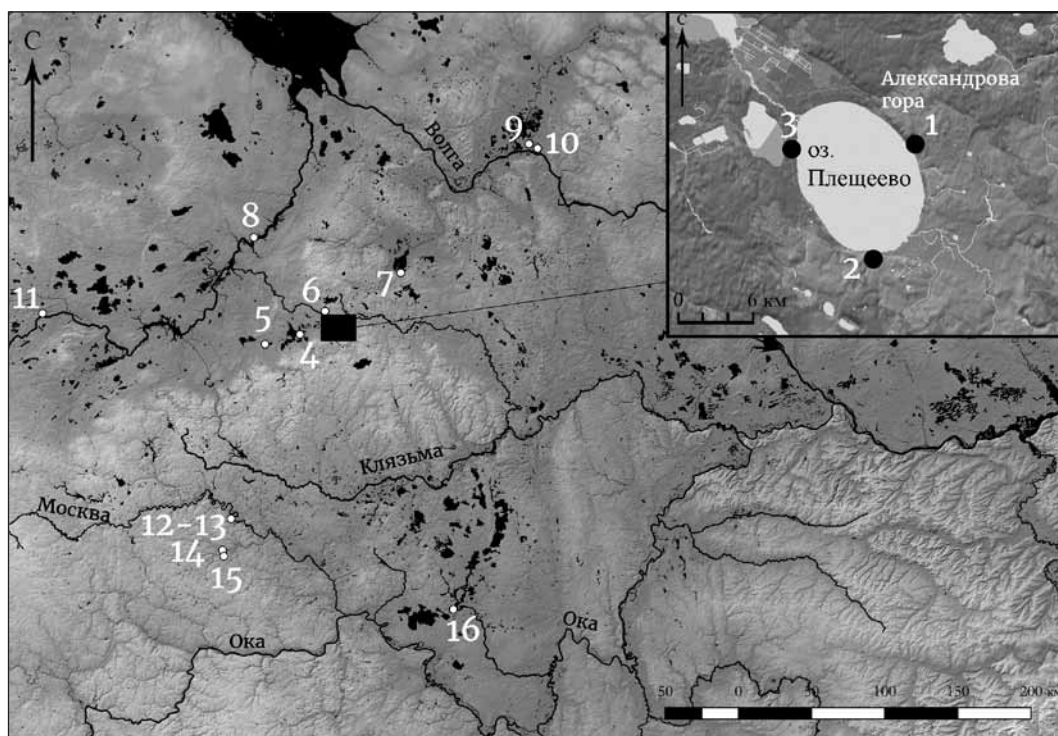

Рис. 1. Расположение городища Александрова гора и основных памятников, упоминаемых в статье.

1 – Александрова гора; 2 – Вельково I; 3 – Плещеево III; 4 – Кубринское городище; 5 – Сулять I; 6 – Торговище I; 7 – Липовка I; 8 – Калязинское городище; 9 – Борань; 10 – Шунга; 11 – Отмичи; 12 – Дьяково городище; 13 – Чертов городок; 14 – Щербинское городище; 15 – Подол I; 16 – Тюков городок

Анализируя дневники П. С. Савельева, К. И. Комаров отмечает, что нижний горизонт культурного слоя городища аморфный по составу, с большой примесью угля и включает предметы с V в. до н.э. по V в.н.э., что подразумевает как перерывы в функционировании городища в раннем железном веке, так и отсутствие целостности слоя (Комаров, 2014. С. 144). Этот вывод подкрепляется наличием славянских материалов X в., более поздней боярской усадьбы и Александрова монастыря вплоть до XVII в. (Комаров, 2014. С. 144, 146). Активная хозяйственная деятельность в Средневековье вряд ли могла оставить в сохранности древнейшие слои еще до начала археологического изучения в XIX в. Тем не менее такая ситуация несколько не умаляет важности и ценности этих материалов. Смешанность разновременных комплексов и отсутствие четкой стратиграфии – обычное явление для археологических памятников неолита и раннего металла Верхневолжского бассейна.

Коллекция керамики представляется довольно однородной (рис. 4; 5), практически вся она была изготовлена из формовочных масс с примесью крупной дресвы. Из 528 обнаруженных обломков около 70% имеют на поверхности «рябчатые» отпечатки в виде мелких и средних подквадратных

или сильно вытянутых овальных ячеек (в равных долях), единично встречены фрагменты с «ниточными» отпечатками (рис. 5, 6). Целых форм сосудов не обнаружено. Судя по обломкам сосудов, большинство из них имело слабо отогнутый наружу край (69%). Сохранность значительного числа профильных образцов (всего 73) не позволяет говорить о характере перехода от плеча к тулову сосуда, но в имеющихся случаях встречается как выраженный, но плавный переход, так и достаточно резкий, ребристый (7%) (рис. 4, 4; 5, 1, 6). Оформление краев венчиков достаточно разнообразно, но наиболее распространены косой срез вовнутрь (рис. 4, 3, 4, 12; 5, 3), прямой срез с небольшим «козырьком» наружу или вовнутрь (рис. 4, 2, 6; 5, 5, 8, 10), а также немного приостренный край, отогнутый наружу (рис. 4, 1, 8, 9). Обнаруженные части днищ (всего 24) плоские, в двух случаях есть небольшая закраина («сапожок») (рис. 5, 11).

Орнаментация встречается в основном на верхних частях сосудов, чаще на плечиках и верхней части венчика (щека и губа), значительно реже по верху тулова. Всего орнаментировано 25% от всей керамики, в то же время число неорнаментированных венчиков единично (5%). Наиболее распространенным является гребенчатый

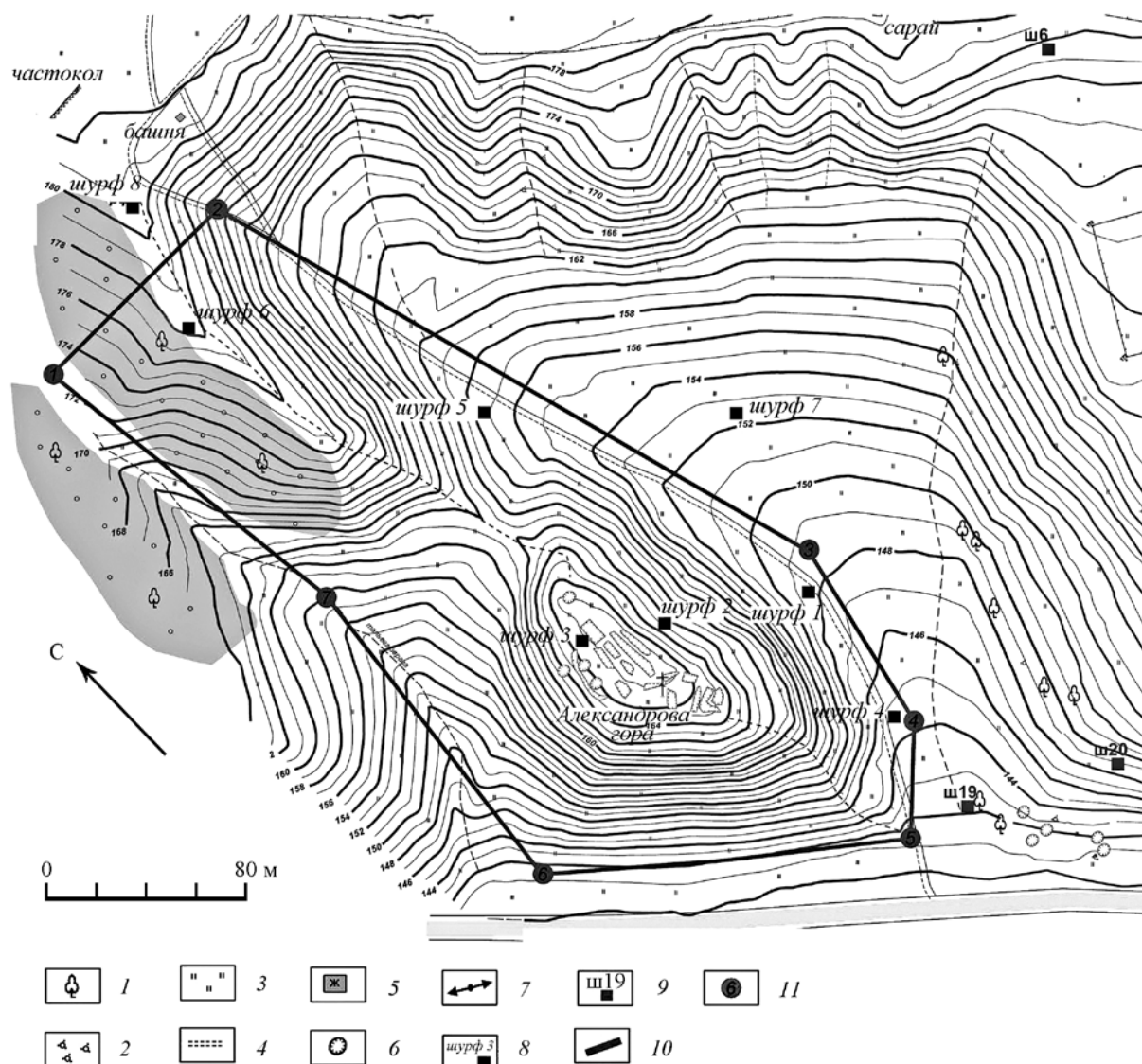

Рис. 2. Топографический план ОАН «Городище Александрова гора». Выполнил П.Ю. Баранов. Сентябрь 2016 г.

1 – отдельно стоящее дерево; 2 – кустарник; 3 – луговая растительность; 4 – траншея вдоль дороги; 5 – строения капитальной (дом жилой); 6 – ямы; 7 – опора ЛЭП; 8 – шурфы 2016 г.; 9 – шурфы 2015 г.; 10 – границы ОАН «Городище Александрова гора»; 11 – поворотные точки границ ОАН

(зубчатый) штамп (47%) как с квадратными, так и с прямоугольными зубцами средних размеров (2–3 мм) (рис. 4), среди них отмечены глубоко врезуемые (рис. 4, 2). Реже встречается ямчатый (круглые ямки) (14%) (рис. 4, 3–6, 9, 11; 5, 3, 4) и штампный (рис. 4, 7; 5, 2, 3, 6, 7) орнамент (22%) различных, чаще округлых форм. Практически единичны «жемчужины» (9%) (рис. 4, 1) и тычки (вдавления под наклоном) (8%) (рис. 4, 8, 10, 12). Композиционно элементы декора размещены горизонтальными рядами, как разреженно (округлые ямки, «жемчужины»), так и достаточно плотно (гребенчатый и штампный орнамент); встречены также пояса из отдельных наклонных (рис. 4, 3, 5,

8, 11) строк гребенчатого штампа. Среди сосудов, орнаментированных штампом, можно выделить более сложные (трудно угадывающиеся) мотивы (рис. 4, 2, 7). Наиболее распространенным является сочетание ямчатого орнамента в верхней части с горизонтальными рядами и наклонными линиями гребенчатого штампа (рис. 4, 3–6, 9, 11).

Большинство срезов венчиков орнаментированы или имеют «рябчатые» отпечатки (рис. 4, 2; 5, 8), продолжающиеся с поверхности сосуда. Стоит отметить, что если венчик орнаментирован гребенчатым штампом по внешней поверхности, то такой же декор имеется на срезе (рис. 4, 1, 3, 5, 12). При пристроенном крае венчика такая орнаментация

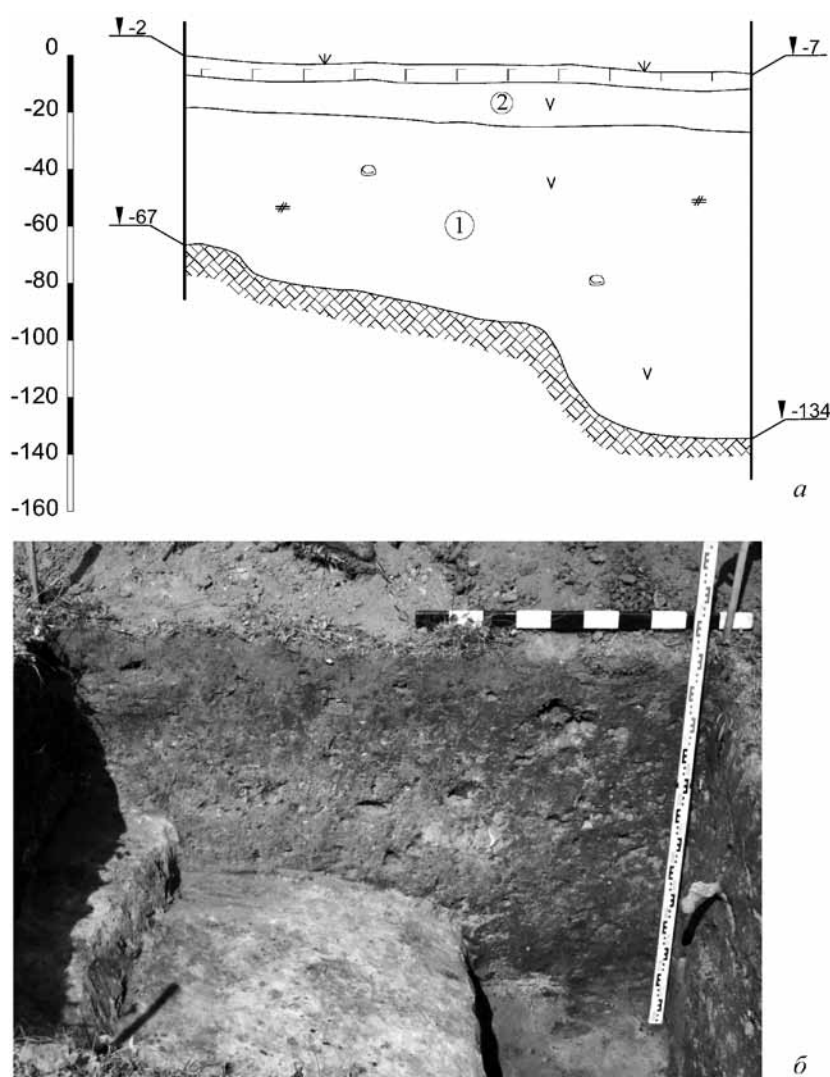

Рис. 3. Городище Александрова гора. Профиль северной стенки шурфа 2 со ступенчатыми следами материка от траншей П. С. Савельева

1 – серо-коричневый гумусированный суглинок с отдельными включениями камней, угля и пещины;
2 – темно-коричневый гумусированный суглинок с отдельными включениями угля

переносится на внутреннюю часть сосуда (рис. 4, 11). К специфичным чертам стоит отнести орнаментацию сосудов изнутри штамповым орнаментом как по дну, так и по придонной части (рис. 5, 13). С описанной керамикой соотносятся также 7 отщепов из серого и красно-коричневого кремня (рис. 5, 16–21) и скребок с полукруглым рабочим краем и коркой на спинке из серого кремня (рис. 5, 15). Все предметы обнаружены в шурфе 2.

Указанная керамика в целом не характерна для памятников дьякова типа V в. до н.э. – V в. н.э. и имеет более архаичный вид, с учетом наличия предметов из кремня, это заставляет искать

аналогии ей в материалах памятниках так называемого предгородищенского периода или позднего бронзового века региона. Наиболее близкие аналогии обнаруживаются в материалах селища Веськово I, находящегося в 11 км южнее по побережью Плещеева озера (Вишневский, 1990). Памятник был расположен³ в схожих условиях – в 500 м от озера на треугольном высоком мысу южного берега озера (25 м над уровнем воды). Культурный слой был также поврежден распашкой и позднесредневековым могильником (Агафонов, 1991). Сохранившаяся часть слоя обнаружена под насыпью кургана, откуда и происходит большинство находок.

³ Раскопки проводились в связи со строительством на этом месте зданий Института программных систем АН СССР (Вишневский, 1988), ныне ИПС им. А. К. Айламазяна РАН.

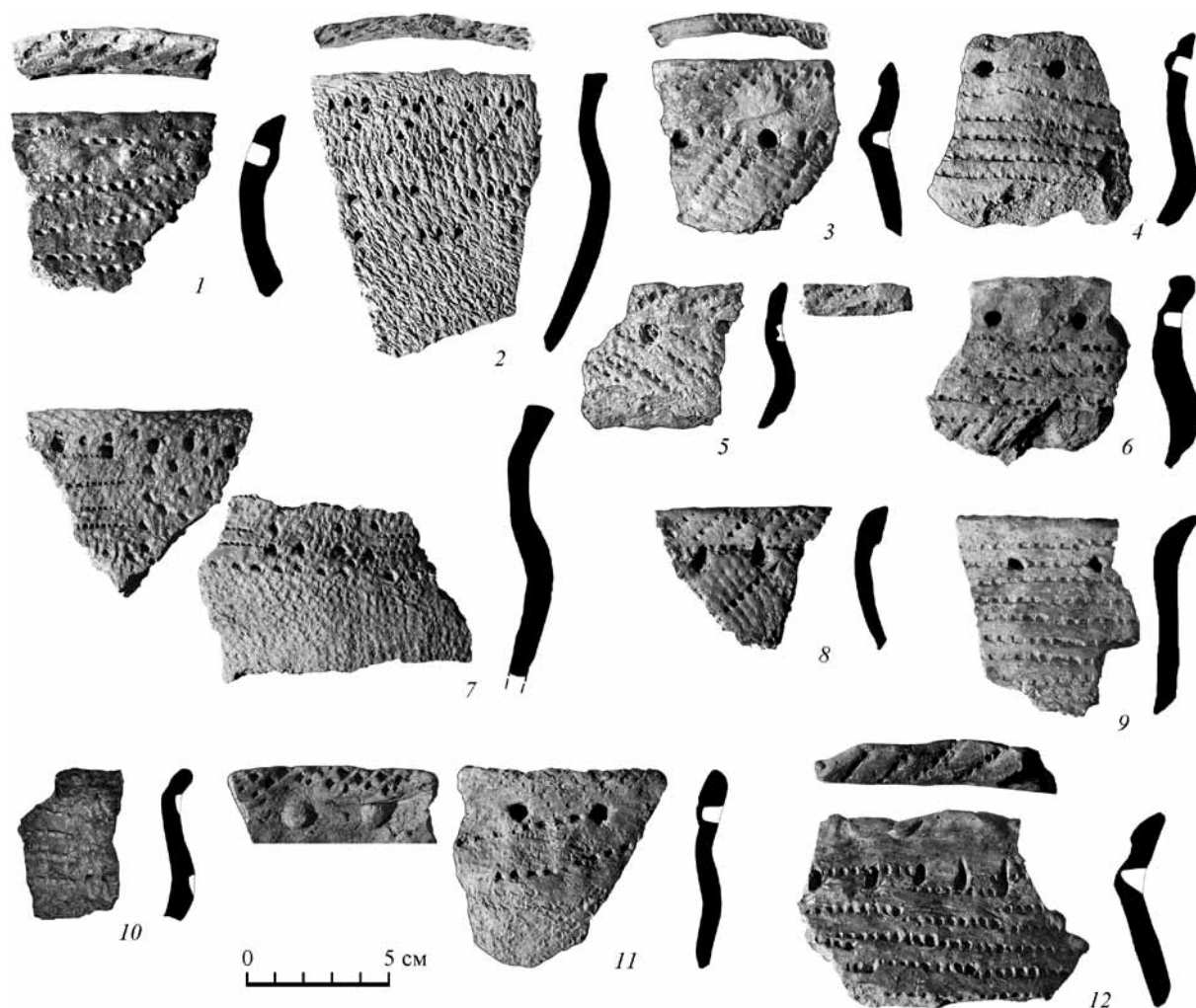

Рис. 4. Городище Александрова гора. Венчики с гребенчатой орнаментацией

В 1988 г. было вскрыто 892 кв. м и обнаружено 4063 обломка керамики раннего железного века (по определению автора раскопок). Почти вся она имела текстильные отпечатки на поверхности (97%). Около 20% от всего числа фрагментов орнаментировано, также преимущественно на венчиках. Около половины всех сосудов с декором орнаментированы гребенчатым штампом, значительно реже встречены ямчатый, штамповый и жемчужный орнаменты. Преобладающим сочетанием (в 70% случаев) является сочетание ямчатого и гребенчатого орнаментов. Сходными представляются мотивы и узоры. Зафиксирована также штамповая орнаментация внутренних поверхностей днищ (Вишневский, 1990. С. 11, 12). Сходства наблюдаются и по формам сосудов с отогнутой наружу шейкой и выделенными ребрами. Срезы венчиков часто были орнаментированы гребенкой или аморфными ямками. Иногда орнаментировалась шейка изнутри. В керамике в целом преобладала

примесь грубой (крупной) дресвы (Вишневский, 1988. С. 10, 11).

Также было обнаружено значительное число каменных предметов. Помимо 180 различных осколков имелись отщепы с ретушью, стрелы, различные скребки (Вишневский, 1990. С. 13, 14. Рис. 2, 7–16). Частью они были соотнесены с иными (небольшими по числу находок керамики) материалами позднего неолита, а также фатьяновской культуры и позднего бронзового века (Вишневский, 1990. Рис. 1, 7–14). По причине грубости обработки, возможно, металлическими предметами, большая часть таких находок была отнесена к основному комплексу. В частности, упоминаются так называемые эрзац-скребки (Вишневский, 1990. С. 14). По наличию большого числа текстильной и орнаментированной керамики, наличию «жемчужин» и орнамента с внутренней стороны венчиков автором раскопок основной комплекс селища был отнесен к первой половине I тыс. до н. э. (Вишневский, 1990. С. 13).

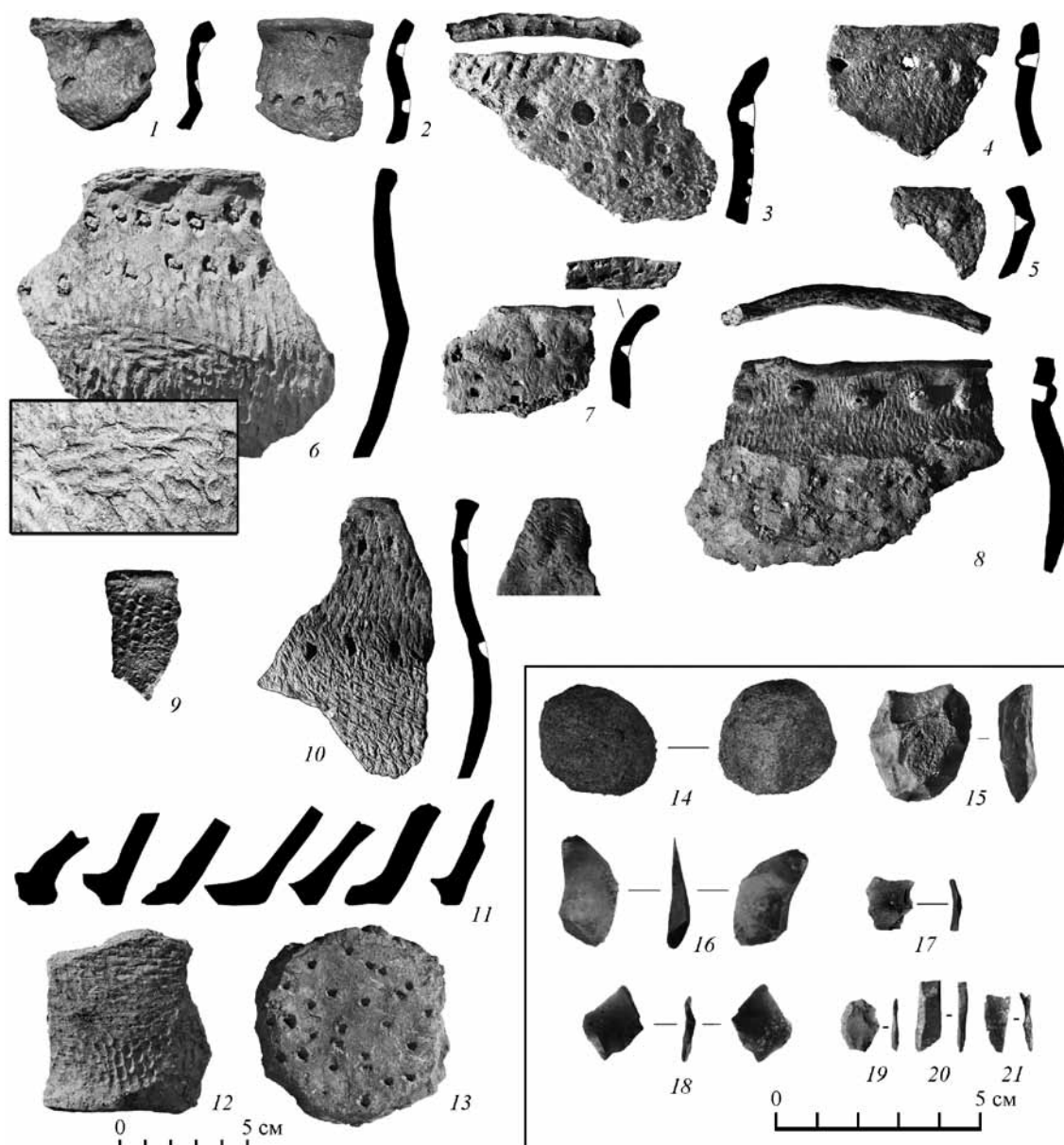

Рис. 5. Городище Александрова гора
1–10 – венчики; 11–13 – донца; 14–21 – предметы из камня

Некоторые аналогии ямчато-ребристой орнаментации керамики Александровой горы и Веськово можно обнаружить в текстильной керамике нижнего слоя Кубринского городища (Вишневский, 1989. Рис. 3, 24–38), расположенного 20 км западнее оз. Плещеево. Там также встречены орнаментированные изнутри днища сосудов (Вишневский, 1989. С. 168), однако среди орнаментов нижнего слоя отсутствуют «жемчужины» и ямчатая орнаментация доминирует над ребричатой, кроме того, значительно больше неорнаментированных венчиков (Вишневский, 1989. С. 170). Автор раскопок отнес нижний слой городища к одному

из наиболее ранних в дьяковской культуре, отметив начало его формирования с V в. до н. э. К отличительным чертам городища был отнесен высокий процент «текстильных» отпечатков и доминирование ямчатой и ямчато-ребристой орнаментации (Вишневский, 1989. С. 170). Сравнивая материалы двух памятников, В. И. Вишневский рассматривал керамику основного комплекса Веськово I как более архаичную (1990. С. 13), то есть, как минимум, предшествовавшую или одновременную керамике нижнего слоя Кубринского городища.

Сходная с материалами Александровой горы керамика также обнаруживается и в памятниках,

отнесенных к концу бронзового века оз. Плещеево. Одним из известных памятников этого периода является Плещеево III, расположенное на западном берегу. Топографическое расположение поселения сильно отличается от упоминаемых ранее. Это край первой озерной террасы, расположенный ниже уровня древнего берегового вала, на высоте 3–5 м над уровнем озера, в 250 м от берега. Поселение открыто А. Л. Никитиным в 1957 г., им же раскапывалось в 1964 г. (80 кв. м) (Никитин, 1964), в 1971 г. памятник исследовал Б. А. Фоломеев (156 кв. м) (Фоломеев, 1971; 1972). Частично материалы раскопок А. Л. Никитина были опубликованы самим автором (Никитин, 1976. С. 77–84). Поселение было определено как однослойное, развитого этапа культуры ложнотекстильной керамики⁴, следующего за этапом Дикарихи; за исключением керамики неолита, оно представлялось чистым и эталонным (Никитин, 1976. С. 84). Б. А. Фоломеев в полевом отчете определил поселение как предшествующее и в незначительной степени одновременное возникновению древнейших верхневолжских городищ в VII–V вв. до н. э., то есть XI–VIII вв. до н. э. (Фоломеев, 1971. С. 18). Имеются также две даты по ¹⁴C, которые, правда, полной ясности не вносят. Первую – Cal BC 596±180 (2480±50, ГИН–113) – А. Л. Никитин считал на тот момент омоложенной, так как датированный уголь находился в современном почвенном горизонте (Никитин, 1976. С. 77). Вторая – Cal BC 980±136 (2820±50, ЛЕ–1136)⁵ (Сулержицкий, Фоломеев, 1993. С. 33. Табл. 1) более соответствовала предположениям исследователей.

При новом обращении к коллекциям⁶ можно отметить, что среди керамики обнаруживаются фрагменты, сходные по сочетанию ямчато-гребенчатой орнаментации. Сходства обнаруживаются по профилировке такой керамики, оформлению срезов венчиков, наличию орнаментации изнутри венчиков и днищ сосудов (рис. 6, 9). У всей керамики поселения среди примесей практически всегда встречается дресва, в большинстве средних размеров; единично встречается примесь песка.

Крупная дресва чаще наблюдается у керамики с гребенчатой орнаментацией, которая представлена как с квадратными, так и прямоугольными ячейками (рис. 6, 1–6). Если же рассматривать весь комплекс керамики, то также выделяется большое количество как фрагментов с «текстильными» отпечатками, так и орнаментированной керамики, особенно среди венчиков. Однако в общей массе среди орнаментации в значительной степени преобладают «жемчужины» (рис. 6, 11–14) и различный штамповый (ямчатый) орнамент (рис. 6, 7–8, 10–16). Так же сильно различается профилировка большинства сосудов. Сохраняются отогнутые наружу венчики, иногда с ребристым переходом в тулово (рис. 6, 4, 12), но при «жемчужной» орнаментации наблюдается небольшой желобок в верхней части (рис. 6, 12, 13).

Декор керамики с «жемчужинами» часто включает сочетания со всевозможными ямками. Сосуды содержат дресву более мелких (в рамках средних) размеров и имеют аналогии с керамикой бронзового века Вельского 1 (Вишневский, 1990. Рис. 1, 7–10). Помимо этого заметно представлена керамика с примесью мелкого песка, имеющая более архаичную орнаментацию из ямок и зубчатого штампа (рис. 6, 15–16), выраженную в более сложном геометрическом узоре, и профилировку в виде прямого верха, переходящего в округлые бока. Такая керамика более характерна для ранней текстильной керамики с так называемой ямчато-зубчатой⁷ орнаментацией памятников бассейна Верхней Волги, вероятно, первой половины II тыс. до н. э. (Воронин, 1998. Рис. 5, 17–19). В свою очередь керамика с «жемчужной» орнаментацией в сочетании с различными ямками-штампами, составляющая основной комплекс поселения, находит аналогии в комплексе развитой сетчатой керамикой бронзового века стоянки Липовка I, расположенной на южном берегу оз. Неро и датированной второй половиной II тысячелетия до н. э. (Воронин, 1998. Рис. 10).

Смешанный характер разновременных групп керамики на поселении Плещеево III, очевидно, говорит о долговременности формирования

⁴ Равноценное определение – культура текстильной керамики или культура сетчатой керамики.

⁵ Обе даты калиброваны в программе OxCal v4.3.2 по калибровочной кривой 2013 г.

⁶ ГИМ 102024 – раскопки А. Л. Никитина в 1964 г.; ГИМ 103027 – раскопки Б. А. Фоломеева в 1971 г. ГИМ, г. Москва.

⁷ У исследователей разных эпох для именовании одних и тех же элементов орнаментации существуют разные устоявшиеся терминологические традиции. Эти различия становятся иногда некоторым препятствием при рассмотрении и описании археологического материала на смежные темы, создается определенная путаница. В этой работе мы старались употреблять определения, характерные для раннего железного века. Но с позиции исследователей бронзового века орнаментация описывалась бы по-другому. Так, вместо «ямчатой» было бы скорее «ямочная», в то же время вместо «штамповой» – «ямчатая», а гребенчатая именовалась бы зубчатой. Таким образом, указанная ямочно-зубчатая орнаментация на языке описания керамики раннего железного века превращается в ямчато-гребенчатую.

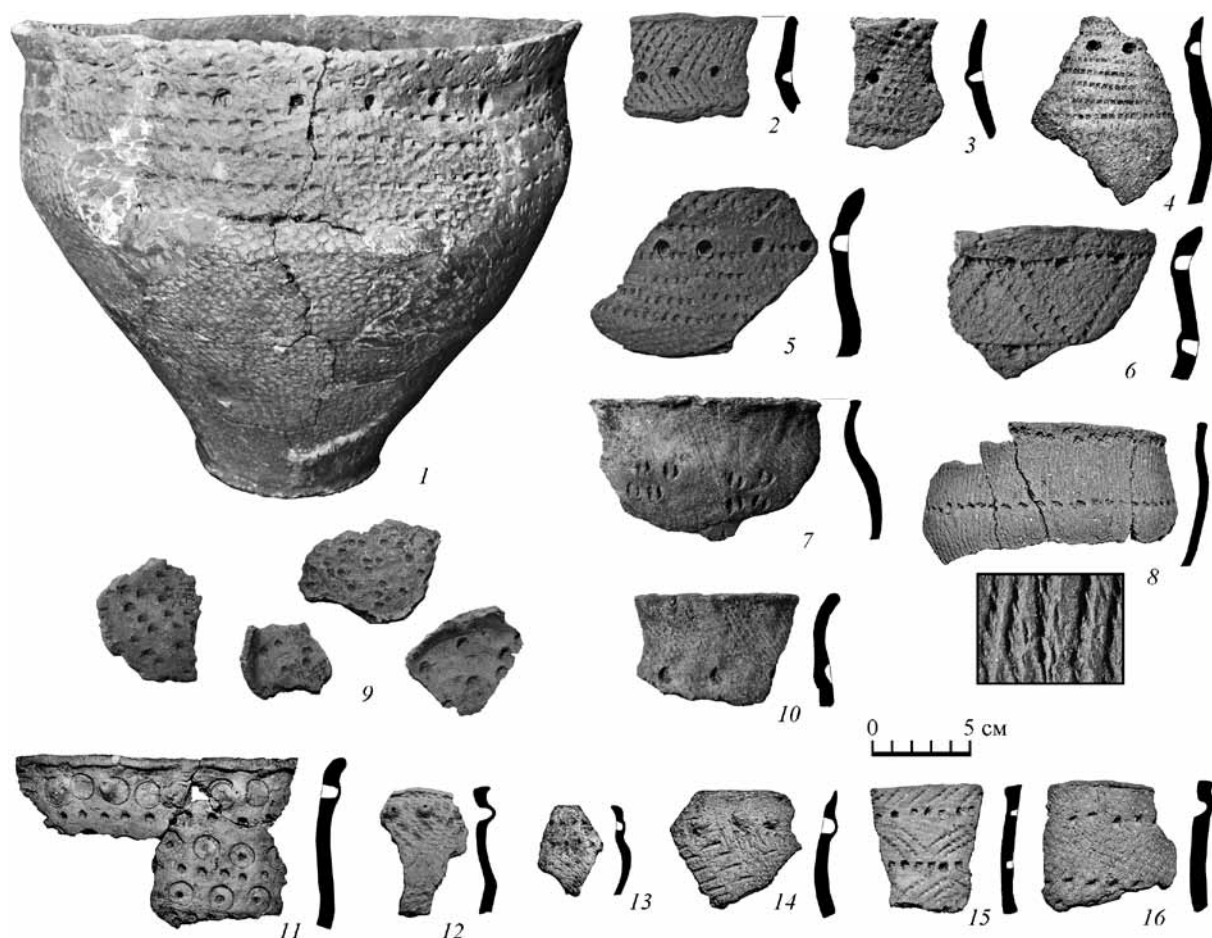

Рис. 6. Плещеево III. Керамика из раскопок А.Л. Никитина

1–6 – керамика с ямчатой и гребенчатой орнаментацией кон. II тыс. до н.э.; 9 – орнаментированные донца; 7–8, 10 – керамика раннего железного века; 11–14 – керамика 2-й пол. II тыс. до н.э.; 15–16 – керамика 1-й пол. II тыс. до н.э.

культурного слоя или многократности посещения этого места древнейшим населением, связанным с культурой текстильной керамики в эпоху бронзы вплоть до ее финала. Имеющиеся радиоуглеродные даты, вероятно, фиксируют лишь позднее время жизни на памятнике в интервале первой половины I тыс. до н.э., но не позволяют пока уверенно соотнести их с какой-либо из намеченных групп керамики. Среди которой, к слову, единично фиксируются и совсем поздние фрагменты керамики, характерные уже для «городищенского» времени (рис. 6, 7, 8, 10). Такая хронологическая смешанность фиксируется и по предметам из кремня, которые представлены как достаточно выраженными орудиями (Никитин, 1976. Рис. 7), так и грубыми разных цветов – от сиреневого до грязно-коричневого и серого. Возможно, сходную картину можно наблюдать на памятниках Заболотского озера, в частности, Сулять 1, расположенного чуть более чем в 40 км на запад от Плещеево III. Коллекция данного памятника собрана преимущественно

по перекатам вдоль русла (Сидоров, 2015. Рис. 4, 5), то есть вымыта из донных отложений и переложена, и представляет собой своеобразную смешанную антологию культур позднего неолита и всего бронзового века междуречья рек Волги и Москвы.

Таким образом, рассматривая описанный археологический материал, обнаруженный в 2016 г. на территории городища Александрова гора, в рамках системы древностей оз. Плещеево, следует его отнести к периоду, предшествующему возникновению городищ или же самому началу их появления. На это указывает отчасти и высокое топографическое расположение археологического материала на территории мысового отрога. Такое же сходное положение мы находим у близкого по керамике и, возможно, по времени селения Воськово I, а также последующего периода (по сходной керамике) нижнего слоя Кубринского городища. С другой стороны, наличие схожей керамики в материалах памятников, расположенных

на относительно низких местах, как Плещеево III, относящихся к периоду поздней бронзы и близких памятникам Сулать I и Липовка I, возможно, говорит об особенностях системы жизнеобеспечения, заставляющих использовать как низкие, так и высокие берега для заселения. Также это может свидетельствовать о том, что население с такой керамикой стало переселяться на более высокие места. Керамику финала бронзового века, обнаруженную на указанных памятниках, можно кратко охарактеризовать как достаточно плотную, с примесью крупной дресвы, с преобладанием усеченно-конических форм сосудов с наличием губы, иногда ребристых при переходе к тулову. В орнаментации такой керамики преобладают сочетания многорядного гребенчатого штампа с ямчатым орнаментом, сохраняется также и «жемчужный» орнамент. Днища часто орнаментированы изнутри.

Хронологическое положение рассматриваемой керамики установить достаточно трудно в силу особенностей памятников, отсутствия четкой стратиграфии, серий радиоуглеродных дат и некоторой возможной культурной замкнутости вокруг озер в период раннего металла. Последнее тем не менее является скорее положительным моментом, позволяющим проследить культурную преемственность. Очевидно, такую керамику следует отнести к древностям общности культур текстильной керамики финала бронзового века (не ранее конца II тыс. до н.э. и не позднее VII вв. до н.э.), то есть времени начала распространения городищ. Определенные сходства с процессами, происходившими в конце бронзового – начале раннего железного века на оз. Плещеево, можно наблюдать и на ближайших территориях: в Москворечье, Поочье и Верхней Волге. В работах по периодизации культур раннего железного века остается актуальным выделение отдельного переходного этапа, достаточно подробно описанного К.А. Смирновым (1994. С. 88, 89), или же использование определений «преддьяковский», «додьяковский», «догородищенский», «предгородищенский» и т.д. для характеристики определенного горизонта древностей. Хронологически верхняя граница переходного этапа устанавливается в среднем не позже VII–VI в. до н.э., нижняя граница не определена из-за отсутствия объективных данных. Фактически «стартовой линией» этого этапа должно стать начало «перехода населения со стоянок, расположенных на дюнах, на высокие участки берега» (Смирнов, 1994. С. 88). С чем изначально связать такое превращение «из стоянок в селища» (Бадер, 1966. С. 37) – с изменениями экономики или климатическими сдвигами (и, как

результат, повышением уровня воды), пока сказать не представляется возможным. На берегах оз. Плещеево и его окрестностей К.А. Смирновым к этим древностям были отнесены Веськово (в статье оно ошибочно отнесено к городищам) и, вероятно, Торговище I (Смирнов, 1994. Рис. 1). Последний памятник находится на северном берегу близлежащего оз. Сомино (раскопки Д.А. Крайнова в 1975 и 1980 гг.) и представляет собой многослойное поселение от неолита до горизонта с «поздней текстильной керамикой» (Крайнов, 1976. С. 68), с признаками определенной преемственности. По мнению автора раскопок, эта поздняя керамика имела генетические связи с группой керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией неолита (Крайнов, 1981. С. 59).

Одним из первых этап, предшествующий «культуре «дьяковых» городищ» и относящийся к эпохе бронзы, обозначил П.Н. Третьяков (1947) и определил его первой половиной I тыс. до н.э. Среди главных характеристик выделялась керамика облика бронзового века, более качественный обжиг и толстые стенки относительно керамики железного века (Третьяков, 1947. С. 64). К другим относились наличие каменных орудий и изделий из кости, а также отсутствие следов железа (Третьяков, 1947. С. 64). Свои выводы П.Н. Третьяков строил на основе материалов городища у г. Калязина, расположенного в 70 км к северо-западу от оз. Плещеево. Среди опубликованных фрагментов встречаются достаточно схожие с керамикой Александровой горы (Третьяков, 1947. Рис. 7, 6, 7), а также иные образцы, характерные для гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинской культуры (Третьяков, 1947. Рис. 7, 9–11), появляющейся на берегах Верхней Волги не ранее VII в. до н.э. (Новиков, 2014. С. 386). Стратиграфически это не определено, но можно допускать, что керамика с сочетаниями ямчатой и гребенчатой орнаментации предшествовала ананьинской. На основной территории распространения этих древностей в Верхневолжском течении (в 150 км к северо-западу, в Костромском Поволжье) встречается сходная керамика в материалах памятников Борань (Гурина, 1963. Рис. 9, 13; 10, 9; 12, 10; 13, 13), Шунга (Гурина, 1963. Рис. 41, 10, 12, 17) и др. На сосуде из Борани также присутствует узор (Гурина, 1963. Рис. 10, 9), обнаруженный на одном из венчиков Александровой горы (рис. 4, 2). Однако в настоящий момент сложно сказать как о количестве, так и о датировке разных групп керамики, смешанных на этих памятниках.

Определенные связи с ранними городищами можно найти на западе и юго-западе от оз. Плещеево. Так почти в 200 км к западу в предматериковом

слое и нижнем слое городища Отмичи обнаружена керамика, отнесенная к группе 3 (резко профилированные и округлые сосуды с гребенчатым штампом) и группе 8 (сосуды с ребром при переходе к тулову и орнаментированные гребенчатым штампом) (Исланова, 2008. С. 34–36). Такая керамика, названная И.В. Ислановой «набор керамики с гребенчатым орнаментом», была отнесена ко второй четверти I тысячелетия до н.э. и сопоставлялась с ранней керамикой Щербинского и Дьякова городищ (Исланова, 2008. С. 37). С керамикой Александровой горы ее роднит наличие остросеребряных форм, преобладание гребенчатого штампа и примесь дресвы (Исланова, 2008. С. 29), но на этом сходства заканчиваются. Нет сочетания с ямчатой орнаментацией, относительно большое количество гладкостенной и неорнаментированной керамики.

В опорном исследовании по керамике дьяковской культуры (по материалам Щербинского городища) И.Г. Розенфельдт к самым ранним формам сосудов относил сосуды типа 3 (горшки усеченно-конических форм с округлыми и ребристыми переходами) и типа 5 (округлобокие и ребристые развитых форм) (Розенфельдт, 1974. С. 117, 155, 156). Гребенчатый штамп дьяковского времени отличался более крупными размерами (3–5 мм), тогда как на более ранних характер штампа был более близок к керамике бронзового века, а с VII–V вв. до н.э. появляется гребенчатый штамп с прямоугольными зубцами (Исланова, 2008. С. 145). Стратиграфически керамика с «текстильными» отпечатками и орнаментированная гребенчатым штампом была обнаружена в предматериковом слое Щербинского городища (Исланова, 2008. С. 155). Среди всей текстильной керамики, встреченной преимущественно в нижнем и предматериковом слое, в качестве примеси используется и дресва (Исланова, 2008. С. 111). Сходное стратиграфическое положение текстильной керамики с гребенчатым штампом – в погребенной почве, отнесенной примерно к XI в. до н.э., – характерно и для Дьякова городища, тогда как в нижнем слое этого памятника она отсутствует (Кренке, 2011. С. 109–114). Яркой находкой в погребенной почве является створка, вероятно, от формы для отливки булавок с двуспиральным навершием, датированной первой четвертью I тыс. до н.э. (Кренке, 2011. С. 44. Рис. 52, 1, 9). Аналогичная булавка из железа обнаружена на упоминаемом селище Веськово I (Вишевский, 1990. Рис. 2, 2). Кроме того, в погребенной почве Дьякова городища более отчетливо прослежена керамика с характерной тычковой

орнаментацией, часто называемой «древности типа Климентовской стоянки» по названной стоянке недалеко от Старой Рязани на Оке, датирующаяся широким диапазоном – XII–V вв. до н.э. (Сыроватко, 2013. С. 360).

Керамика нижних слоев Щербинского городища наряду со Старшим Каширским, Селецким, Мамоновским, Дьяковским и др. является одной из ранних в дьяковской культуре раннего железного века. Подстилающие же додьяковские слои представляются слоями финала бронзового века и достаточно разнообразными по культурным типам керамики Москворечья и подмосковного Почья (Сыроватко, 2013). Так, условно выделяются каширский тип (гладкостенная и штрихованная керамика с гребенчатым штампом), северный тип (мелкоячеистая «рябчатая» керамика с гребенчатым штампом) и уже описанный выше климентовский тип (Сыроватко, 2013. С. 372). Очевидно, последние два указанных условных типа можно соотнести с верхневолжской и окской традициями керамики, указанными Х.И. Крис и И.Л. Чернаем по материалам Селецкого городища (Крис и др., 1984). Одним из ярких памятников финала бронзового века Москворечья является селище «Чёртов городок» (Кренке, 1995), расположенное в непосредственной близости от Дьякова городища. Памятник, видимо, предшествовавший возникновению городища, содержал в одном комплексе такую верхневолжскую/северную и окскую/климентовскую керамику, по-видимому, уже в смешанном варианте. Селище было датировано IX–VIII вв. до н.э. (Кренке, 1995. С. 178).

Всего в нескольких десятках километров к югу от Чёртова городка было исследовано поселение Подол I конца II – начала I тыс. до н.э. (Гак, Гоняный, 2007), содержавшее преимущественно гладкостенную керамику с ямочно-«жемчужной» орнаментацией (Гак, Гоняный, 2007. Рис. 5, 6). Памятник располагался на тыльном шлейфе первой террасы (Гак, Гоняный, 2007. Рис. 1). С учетом топографического расположения, некоторого постпоздняковского облика керамики и имеющихся дат поселение следует отнести, по-видимому, к более раннему периоду, чем появление описываемых селищ переходного этапа. Правда, нельзя исключать и сосуществование такого рода памятников друг с другом.

Интересно сравнение с комплексом Тюкова городка, расположенного в 200 км южнее, на берегу оз. Лебединое среди Мещерских озер (Фоломеев, 1975). Исходя из радиоуглеродных дат (Сулержицкий, Фоломеев, 1993. С. 32), городище представляется одним из наиболее ранних, наряду

с Городецким, в Окском бассейне и имеет следы заселения площадки до появления оборонительных конструкций (Фоломеев, 1975. С. 168). Примечательно и топографическое расположение памятника на достаточно высоком останце озерной террасы, в 100 м от озера и примерно в 13 м над ним. Среди орнамента керамики практически отсутствует гребенчатый штамп, доминируют же главным образом различные ямки, «жемчужины» и тычки. Примечательно и преобладание ниточной фактуры отпечатка. Среди примесей отсутствует дресва, упоминается лишь песок и шамот⁸ (Фоломеев, 1975. С. 159). Встречены орудия из кремня. Являясь ярким памятником переходного этапа в Поочье и времени занятия населением конца бронзового века высоких площадок, в чем-то близким топографической ситуации Александровой горы и Васьково I, и по общей близости с памятниками бронзового века, комплекс Тюкова городка тем не менее заметно отличается от них по керамическому материалу.

Таким образом, описанная керамика переходного этапа Александровой горы имеет ближайшие аналогии на окрестных памятниках, сконцентрированных недалеко от оз. Плещеево. Весьма

отдаленные связи, возможно, определяются по так называемой верхневолжской традиции (или северному типу) керамики, для которой характерны мелкоячеистая «текстильная» («рябчатая») поверхность, орнаментация гребенчатым штампом, некоторая примесь дресвы в формовочной массе, а также специфические формы сосудов. Такая керамика обнаруживается чаще в погребенной почве московских городищ, а также на селищах предшествующего времени (конца бронзового века). Но следует признать заметное своеобразие керамики оз. Плещеево, что, очевидно, является закономерным явлением при замкнутом крупном водном объекте. Необходимо отметить разнообразие культурных типов групп керамики на рассмотренных территориях, достаточно проблематично соотносимых между собой. Определенные сходства можно наблюдать в топографических условиях нахождения керамики переходного этапа (начала I тыс. до н.э.) на территории вокруг оз. Плещеево, в Москворечье, на Мещерских озерах и в Поочье, что, возможно, символизирует единство причин, которые заставили древнейшее население подняться на высокие берега и начать сооружать укрепления.

Литература

Агафонов П. Г., 1991. Могильники XI–XII веков у села Васьково Переславского района Ярославской области // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Матер. 2 региональной науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Вып. 1. Н. Новгород. С. 336–340.

Бадер О. Н., 1966. Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе // СА. № 3. С. 32–37.

Гак Е. И., Гоняный М. И., 2007. Многослойное поселение Подол I в исторической части города Подольска: результаты исследований и интерпретация материалов // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 9–19.

Вишневский В. И., 1988. Отчет о раскопках селища раннего железного века, кургана IX–X вв., грунтового могильника X–XI вв. у с. Васьково Переславского района Ярославской области в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 13936.

Вишневский В. И., 1989. Керамический комплекс городища Кубринское I // СА. № 4. С. 163–170.

Вишневский В. И., 1990. Селище раннежелезного века Васьково I на Плещеевом озере // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново. С. 8–12.

Воронин К. В., 1998. К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века // ТАС. № 3. Тверь: Тверской музей. С. 308–323.

Гурина Н. Н., 1963. Памятники эпохи бронзы раннего железа в Костромском Поволжье (По материалам Горьковской экспедиции) // МИА. № 110. М.–Л.: Наука. С. 85–204.

Исланова И. В., 2008. Городище Отмичи. М.: ИА РАН. 284 с. (Раннеславянский мир. Вып. 11).

Комаров К. И., 2014. Городище Александрова гора – памятник археологии V в. до н.э. – XVII в. н.э. // РА. № 3. С. 140–146.

Крайнов Д. А., 1976. Результаты работ Верхневолжской экспедиции // АО 1975. М.: Наука. С. 68–69.

Крайнов Д. А., 1981. Работы Верхневолжской экспедиции в Ивановской и Ярославских областях // АО 1980 года. М.: Наука. С. 58–59.

Кренке Н. А., 1995. «Чертов Городок» – селище железного века в окрестностях села Коломенского // РА. № 3. С. 165–179.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. М.: ИА РАН. 548 с.

Крис Х. И., Чернай И. Л., Данильченко В. П., 1984. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 130–137.

Макаров Н. А., Милованов С. И., 2016. Отчет о проведении археологических полевых работ на объектах археологического наследия «Городище «Александрова гора» и «Селище «Городище-7» в Переславском районе Ярославской области в 2016 г. / Архив ИА РАН.

Никитин А. Л., 1964. Отчет о работах Переславского неолитического отряда в Переславском районе Ярославской области в 1964 / Архив ИА РАН. Р-1. № 4178.

Никитин А. Л., 1976. Эпоха бронзы на Плещеевом озере // СА. № 1. С. 69–86.

Новиков А. В., 2014. Комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ поселения Ватажка // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Казань: Отечество. С. 374–387. (Археология евразийских степей. Вып. 20).

Розенфельдт И. Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 90–197.

Смирнов К. А., 1994. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. № 4. С. 85–97.

Сидоров В. В., 2015. Заболотское озеро. Развитие озерной системы // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 9–19.

Сыроватко А. С., 2013. Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации // ТАС. Вып. 9. Тверь: Триада. С. 360–373.

Сулержицкий Л. Д., Фоломеев Б. А., 1993. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-Угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола: МарГУ. С. 20–34.

Третьяков П. Н., 1947. Древнейшие городища Верхнего Поволжья // СА. Вып. IX. Л.: АН СССР. С. 61–78.

Фоломеев Б. А., 1971. Отчет о раскопках стоянки Плещеево III Переславским отрядом Верхневолжской экспедиции в 1971 году по открытому листу № 97 (форма № 1) / Архив ИА РАН. Р-1. № 4591.

Фоломеев Б. А., 1972. Раскопки стоянки Плещеево III // АО 1971 года. М.: Наука. С. 54–55.

Фоломеев Б. А., 1975. Тюков городок // СА. № 1. С. 154–170.

Уваров А. С., 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Тр. первого Археологического съезда в Москве (1869). Т. 2. М.: Синодальная типография. С. 633–847.

Ye. S. Azarov & S. N. Chaukin

The end of the Bronze Age at the Alexandrova Gora hillfort

Summary

This article publishes new archaeological finds from the ancient period of the Alexandrova Gora hillfort, and determines the placing of these items within the system of the Lake Pleshcheyevo region. The ceramic items seem homogeneous with an admixture of clay, with ornamentation from pits and a comb stamp, with ornamentation within their lower sections. Flint objects were also found. The ceramics have analogies both in sites from the end of the Bronze Age, and the beginning of the early Iron Age along the Upper

Volga. On the basis of available evidence, this ancient period, probably from before the appearance of the first hillfort, dates back to the 12th – 8th centuries BC. The materials discovered should be correlated with antiquities of the “transitional stage” of the end of the Bronze Age, prior to the time of the appearance of the fortifications. During this period and for unknown reasons, the population of a large territory of the Volga-Oka interfluvium area, begins to occupy higher locations for their settlements.

В. В. Сидоров

Институт археологии РАН, Москва

Реконструкция укреплений городищ раннего железного века

Народное истолкование археологического объекта «городище» как «крепость» основано на знакомстве с подобными сооружениями Нового времени с валами, рвами, брустверами. На таком же знакомстве и самых общих представлениях основаны и первые научные реконструкции укреплений городищ РЖВ в виде тына. Уверенность в том, что по краю площадки шел именно тын, частокол, сохранялась до недавнего времени, и всякую цепочку столбов исследователь признавал тыном, даже если между ямами был интервал. Так В. А. Городцов трактовал ямы на краю площадки Каширского городища (*Городцов*, 1934). Но тын требует не столбовых ям, а канавок, в которые столбы ставились вплотную друг к другу. Однако не всякая канавка – след от частокола. Канавки на краю площадки Щербинского городища, открытые в 1961 г., были истолкованы как следы тына, однако они были переосмыслены Н. А. Сыроватко как основания стен жилых построек (*Сыроватко*, 2013). Тын – конструкция, которая требует глубоких канавок, пропорциональных высоте столба. Вертикальные столбы неустойчивы, особенно если стоят близко к краю площадки. На краях площадок городищ такие конструкции ни разу не зафиксированы (в отличие от конструкций под валами).

Сгоревшие конструкции Кикинского городища, исследованного В. И. Вишневым (2007), включают горизонтально использованные бревна, то есть это явно не частокол. Сгоревшие конструкции на валу городища Ростиславль тоже включали бревна, но они оказались сильно разрушены (*Коваль*, 2012).

Столбовые конструкции, прослеженные по периметру городища Троицкого и истолкованные А. Ф. Дубыниным как «жилые стены» (*Дубынин*, 1974), то есть жилые сблокированные постройки, обращенные к напольной стороне и склону глухими стенами, К. А. Смирнов (1974) далее стал трактовать как столбовые постройки у края площадки, но тоже

как детали «жилых стен». Подобным же образом истолкованы постройки городища Никола-Ленивец (*Никольская*, 1959). Предполагалось, что стены таких жилищ возводились из горизонтальных бревен, закрепленных в пазах вертикальных столбов. Для этого требуются достаточно мощные столбы, не менее 20 см диаметром, способные держать в двух пазах глубиной 4–5 см набор горизонтальных бревен – конструкция трудоемкая и непрочная: повреждение одного столба ведет к рассыпанию двух прясел стены. Не следует забывать и о том, что топоры железного века имеют узкое лезвие, мало приспособленное для отески плоскости и оформления чашек сруба из бревен толще 15 см.

Практически полностью исследованная напольная линия укреплений на городище Настасьино (*Энговатова*, 1996; 1999; 2000) позволяет выдвинуть гипотезу об иной конструкции, гораздо проще и экономичнее, чем клеть и тын. Ров был раскопан полностью, и его заполнение тоже говорит об условиях его функционирования. Городище возникло на мысу крупной балки при впадении ее в р. Северку. Западный край площадки очерчивает неглубокая промоина – неразвившийся овраг, вероятно эскарпированный. Площадка почти круглая, диаметром около 55 м, высота над поймой времен функционирования поселения 4 м (сейчас 2,5 м), над дном балки 8–9 м. До городища тут появлялись погребения иванобугорской культуры (на пространстве за будущим валом), фатьяновские находки, вероятно, тоже следы разрушенной могилы. Кратковременной была стоянка с клементовской керамикой. Правда, мысовая часть городища не исследована и речь идет только о раскопанной, верхней по склону половине.

Городище имеет два рва. Внешний, по видимому, незавершенный. Он копан на разную глубину, в среднем на 0,8 м, стенки его извилистые, находок минимальное количество. Он имеет

разрыв-целик, совпадающий по направлению с проходом в основном, внутреннем рве. Территория между рвами не дала ни находок, ни ям. Возможно, внешний ров относится к начальному этапу существования поселения, но он охватывал слишком большую площадь, и докапывать его не стали.

Внутренний ров образует дугу длиной 90 м при хорде 77 м. В западной части его глубина – около 2 м, в восточной, при переходе в балку, до 3,5 м максимальная, средняя – 3 м. Максимальная ширина в средней части дуги – 6 м. Естественный уклон дна в сторону балки, дно носит следы промывки дождевыми водами. Значительный уклон рва способствовал промыванию его дна даже без чистки. В западной части рва оставлен целик – проход на площадку городища. Только по сторонам этого «мостика» ров оказался почти доверху заполнен бытовыми отходами, тождественными составу верхних слоев дьяковского городища. На других участках в заполнении рва количество дьяковского материала во рву минимально, такой слой встречается в нижней части рва, и толщина его достигает всего 20 см.

Со стороны площадки городища мусор во внутренний ров не поступал. То есть существовала какая-то преграда между жилой площадкой и рвом. Нет также следов обрушения в ров вала и эскарпа. Делювий с полей не доходил до этого рва, мешал внешний ров. Основное заполнение внутреннего рва – материал функционирования боярской усадьбы XIV–XVI вв. На валу располагались хозяйственные службы, в ров шли кухонные отходы. Ограды здесь не было. Скорее всего, средневековая усадьба имела ограду, но она отделяла хозяйственный двор от хором, располагавшихся в нераскопанной нижней части площадки.

Склон внутреннего рва со стороны площадки (эскарп) перекрыт пластом перекопанной материковой глины, заметно отличающейся от материка. К тому же между материковой и переотложенной глиной встречаются гумусные пятна с редкими находками. Падение слоя такой крутизны не могло быть естественным. Видимо, слоем глины эскарп был покрыт специально. Со стороны контрэскарпа такого слоя нет. Скорее всего, глиняная облицовка эскарпа относится к позднему периоду существования городища.

На площадке прослежены древнейшие постройки, подходившие к самому краю рва и частично срезанные при реконструкции этого рва. Они предшествовали не только валу, но и позднему этапу рва (древний мог быть гораздо уже и мельче). Отсутствие валов при наличии рвов на ранних городищах отмечено Б. А. Фоломеевым

(1994) на примере Шишкинского и других городищ. Ров не способен защитить площадку от обстрела и серьезной преградой не является. Крутизна стенок рва, копанного в суглинке, может быть и более 60 градусов, но вертикальные стенки простоят недолго. Однако ров можно дополнительно оборудовать для защиты. Допустимо предложить следующую реконструкцию, которая не противоречит конкретным наблюдениям и технически реальна. Простейшая конструкция состоит из бревен и жердей, которыми надо покрыть эскарп так, чтобы тонкие концы возвышались над площадкой не менее чем на 2 м. При длине склона эскарпа 4 м нужны шестиметровые жерди. Возвышающиеся над площадкой концы образуют стенку достаточной высоты, надежно закрывая ее от посторонних глаз (и, соответственно, от прицельного обстрела). При этом к качеству строительного материала требования минимальны. Годятся молодые деревья толщиной у комля 10–15 см (постройки каширских городищ возводились из бревен 15 см диаметром). Это значительно облегчает и ускоряет строительство. Можно даже не обрубать ветки кроны, с ними стена превращается в непролазную засеку. Строительного материала требуется гораздо меньше: бревна не обязательно класть плотно, так как укрытие создают ветки. При диаметре площадки городища 55 м его периметр составит 165 м, и на сплошную облицовку рва и склонов потребуется около 1,5 тыс. молодых деревьев. Никакого крепления такая «стена» не требует, разве что связывания верхушек лубом (рис. 1, *верх*.).

При наличии готового рва преграда типа засеки – с использованием деревьев с ветками – может быть сооружена за один день. Для этого достаточно уложить на склон с интервалом 0,5 м около 300 молодых деревьев вместе с кроной, и укрепление готово. Далее такую стену-засеку можно пополнять годами.

Проследить «стену», облицовывавшую склон, можно во рву, но трудно ожидать сохранения ее следов на склонах площадки и на конце мыса. Но то, что укрепления были со всех сторон, показывает накопление слоя в VI–III вв. до н.э., в том числе навоза, как раз по краю площадки, где его удерживали «стены».

Валы на городищах появляются, по нашему мнению, не ранее II в. до н.э. Но эти валы столь малы, что никакой преграды не создают. И их незначительная высота и объем вовсе не результат оплывания в ров, его тоже практически не было. Незначительно смещение их грунта и на площадку. Оно выражается в некотором осветлении культурного слоя

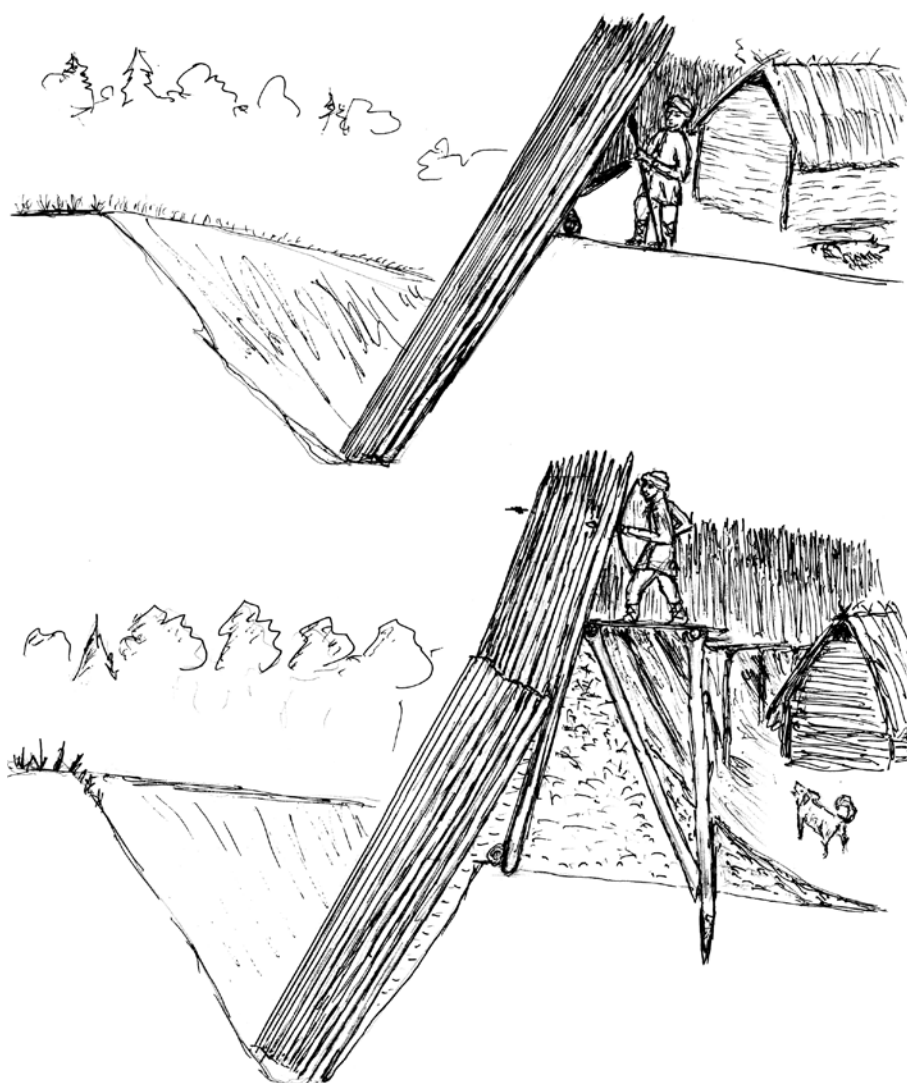

Рис. 1. Городище Настасьино. Ров без вала VI–II вв. до н.э. (верхний рис.) и древо-земляные укрепления II в. до н.э. – II в. н.э. (нижний рис.). Реконструкция

от примеси суглинка вала в полосе, примыкающей к нему, шириной до 4 м и появлении очень небольших, менее 1 м, языков делювия. Сама насыпь составляет обычно 0,5 м высотой и 4–6 м шириной. То есть с учетом естественного оплывания исходная высота вала составляла не более 1 м. При наличии опалубки она могла быть выше, до 2 м, но в таком случае стеной является именно опалубка, удерживающая насыпь.

Для возведения древо-земляного укрепления над ровом можно повторить ту же конструкцию, но с использованием в качестве опоры для наклонно-вертикального бревенчатого покрытия уже не только стенки рва, но и грунтовой насыпи. Эта насыпь, конечно, подвержена усадке, так что требует дополнительного крепления верхней части

наклонной стены на продольную горизонтальную опору (нижние концы ставятся на грунт позади верха облицовки рва). С установки опорной балки для поддержания верха наклонной стены начинается ее строительство. Опорная балка позволяет ставить вторую стену менее наклонно, чем стенка рва. Для крепления этой опоры потребуется ряд столбов с интервалом 3–4 м, подпертые укосинами. И действительно, под валом есть цепочки, в которых по 2–3 ямы располагаются перпендикулярно стене. Эта же балка может быть опорой боевого хода (на высоте 2,0–2,5 м), который и определяет высоту опоры. Для верхней стены уже не требуется жердей такой длины, достаточно 3–4 м, но желательны более массивные опоры. Крепление может делаться плетением, лубом, а на столбах горизонтальные

лаги боевого хода и опорная балка могут крепиться в развилке. После установки каркаса и укладки облицовки стены изнутри она засыпается грунтом до уровня боевого хода (рис. 1, *ниж.*).

Строительство укреплений начиналось с обновления рва и облицовывания эскарпа жердями (их далее приходилось регулярно обновлять), то есть делалось укрепление, использовавшееся в начальный период. Жерди укладывались на глиняную подушку, выравнивавшую склон. Далее делался опорный каркас из столбов с интервалом 3–4 м, на который ставилась верхняя «стена». Со стороны рва она была подперта жердями его облицовки, а верхние концы имели опорой балку, положенную на столбы. Далее эта наклонная «стена» подпиралась изнутри насыпью, которая и держала облицовку стены. Внутренний склон насыпи оползал, приобретая естественный уклон, поэтому вал приходилось периодически досыпать. Подобные подсыпки на Дьяковом городище мощностью до полуметра Н. А. Кренке (2009) считает новыми валами, но их можно воспринимать как текущий ремонт стены, а не создание новых укреплений.

Такая конструкция проста и технически доступна. Транспортировка строительного материала тоже не составляет труда. Крепление не требует замеров и подгонки крепежа. Стена достаточно высока – от дна рва она не менее 6 м. Поэтому невозможно использовать коня для того, чтобы забираться на стену: под стеной нет пространства, где можно коня поставить. При использовании аркана несколько бревен выпадут вместе со штурмующим, но на защитные качества укрепления такие утраты существенно не повлияют. Наклонные стены не разрушают край площадки, в отличие от частокола.

Но есть и слабая сторона: такая конструкция пожароопасна. И это подтверждают пласты прокала, встречающиеся в валах. Прокаленные валы могли возникнуть только при горении дерево-земляной конструкции верхней стены. Для горения ее существует сильная тяга из рва (сама нижняя стена во рве гореть не будет, слишком сыро на контакте с землей). Прокал возникает на грунтовом заполнении верхней стены, а затем рассыпается, образуя слой в оплывающей подпорной насыпи. Обжиг валов – следы пожаров укреплений. Обжигать специально валы бессмысленно, они не могут быть обожжены до спекания и образования твердой корки. А. С. Сыроватко (2009) тоже согласился с бессмысленностью такой технологии укрепления вала, но оставил прокалу ритуальное назначение.

Очень редко возникает спекание глины отдельными комками. Мне известно только два таких случая. Это городище Городищи (в черте г. Коломны), исследовавшееся А. С. Сыроватко, и средневековое городище Старая Кашира. Возможно, причина одна – использование самана для противопожарной обмазки деревянных стен.

Насыпь не всегда была глиняная, мог использоваться и песок. На старшем Каширском городище с внутренней стороны укреплений лежит пласт прокаленного песка, точнее, прокаленного культурного слоя, в котором встречаются обгорелые кости и черепки со следами вторичного обжига. Видимо, подпорная насыпь здесь делалась из культурного слоя.

Ворота тоже относятся к системе укрепления. То, что целик шириной 2 м и такой же высоты простоял на протяжении веков функционирования поселения и не был ни растоптан, ни размыт, заставляет предполагать, что он был закрыт какой-то мостовой. Настил тут не мог сохраниться. Обилие столбовых ям в пределах прохода через ров подтверждает существование какого-то сооружения. И других входов на площадку со стороны поля не было. Проход через укрепления располагался прямо напротив прохода через ров, то есть ворота (если они вообще существовали) не были ничем защищены от таранного удара.

Высота и ширина гипотетических ворот должны быть достаточными для прохода лошади и быка. Скот не был крупным, но все же минимальный проем – 0,9×1,8 м. Створка ворот – сооружение тяжелое. Это щит из жердей или плах, скрепленных врубкой «ласточкиного хвоста». Можно облегчить его, сделав плетеным. Каким же могло быть крепление щита таких ворот? Железные петли тут исключаются, их нет в дьяковской культуре. Каменных подпятников на раннем и среднем этапах дьяковской культуры тоже нет (на позднедьяковских городищах они встречаются), как нет и никаких гвоздей. Деревянные подпятники в сочетании с шипами будут намокать и заклинивать дверь, к тому же непрочны. Можно предполагать вертикальный подъем полотнища ворот воротом или, что реалистичнее, через перекладину. Она может входить в конструкцию опорной балки верхней стены и боевого хода. Для этого штанга должна быть установлена над воротами на двойной их высоте, то есть около 4 м. Это могут быть два мощных столба с развилками, на них кладется валик, через который перекинута ремни (рис. 2). Большие столбовые ямы, которые могут быть предназначены для ворот, на линии укреплений Настасьинского городища

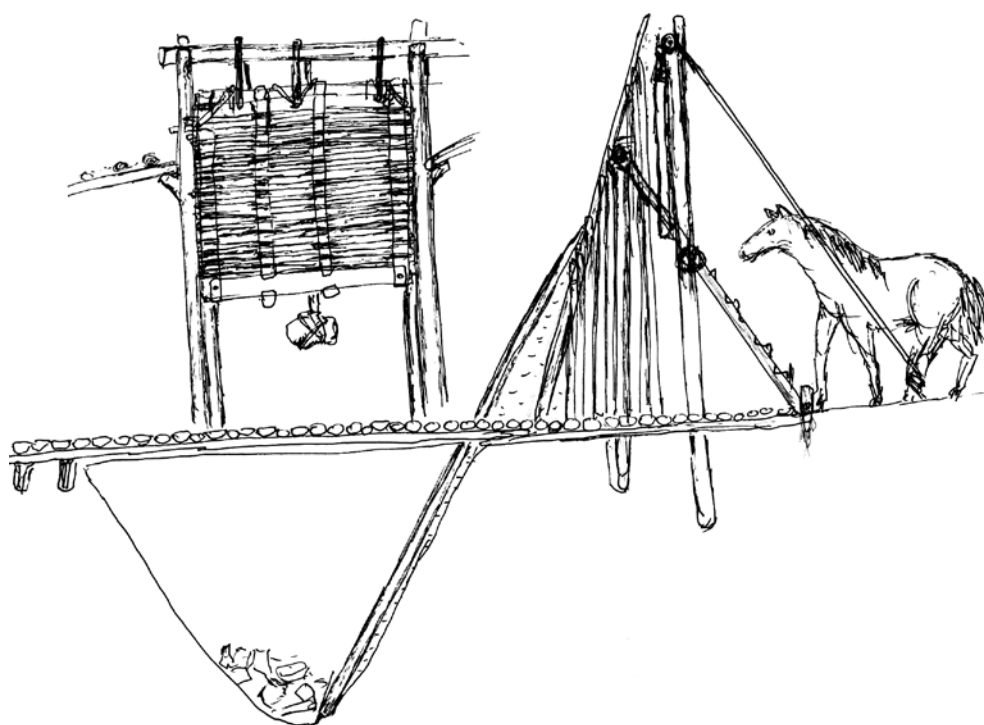

Рис. 2. Реконструкция ворот и прохода через ров

имеются. Боковая нагрузка на столбы ворот требовала компенсации подпорками. Ворота поднимаются, вытягиваемые ремнями или тросом, плетеным из конского волоса. Облегчить подъем ворот можно противовесом. Слабыми местами этой реконструкции являются незащищенность пространства над воротами и ремни для вытягивания полотнища ворот. От трения они очень быстро придут в негодность, а цепей эта культура не знала.

Техническому уровню рассматриваемого времени могла соответствовать следующая простая конструкция: ее основой являлась горизонтальная перекладина, лежащая на опорных столбах с развилками, воротина набирается из плах, скрепленных врубкой «ласточкиных хвостов», верхние, тонкие хвосты жердей могут быть соединены оплетением. Для опоры на перекладину делается поперечная выемка, вероятно, с дополнительной врубкой поперечных планок, закрепленных на опорной оси оплеткой. Поворачиваясь на оси (перекладине), такой щит закрывает массивным краем проем ворот, а потянув за верхний тонкий, но более длинный край, можно было поставить щит горизонтально, открыв проход. Закрываются

такие ворота моментально – надо отпустить притягивающую верхний край веревку, и тяжелый край тотчас сам опускается.

Можно предполагать возможность сооружения смотровой вышки: установленные пирамидой три-четыре опоры с развилками на концах даже без крепления.

Таким образом, ни клеток в основании валов, ни частокола на валах нет необходимости изобретать для дьяковской культуры. Высокие валы на дьяковских городищах, как представляется, имеют отношение к феодальным усадьбам, построенным на площадках этих городищ. Многорядные укрепления, включающие несколько рвов и валов, пока недостаточно исследованы. Это явно не следы расширения жилых площадок – сохранность всех валов-рвов одинакова, они функционировали одновременно.

Все предлагаемые здесь элементы реконструкции находятся в пределах технических возможностей дьяковской культуры, минимума плотницкой работы, не требуют расхода металла, применения таких инструментов, каких в культуре городищ мы не знаем, достаточно топора.

Литература

- Вишневский В. И.*, 2007. Оборонительные сооружения и постройки позднедьяковского населения Верхнего Поволжья. По материалам раскопок Кикинского городища // ТАС. Вып. 6. Т. 2. Тверь: Триада. С. 65–74.
- Городцов В. А.*, 1934. Старше Каширское городище // Тр. ИГАИМК. Вып. 85. Л.
- Дубынин А. Ф.*, 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 198–281.
- Коваль В. Ю.*, 2012. Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 53–69.
- Кренке Н. А.*, 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 546 с.
- Никольская Т. Н.*, 1959. Культура племен верхней Оки в I тыс. н. э. М. 152 с. (МИА. № 72).
- Смирнов К. А.*, 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 7–89.
- Сыроватко А. С.*, 2009. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке. К характеристике локальных вариантов в дьяковской культуре. М.: CheBuk. 351 с.
- Сыроватко Н. А., Сыроватко А. С.*, 2009. К вопросу об облике построек городищ Щербинка и Кузнечики // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 409–416.
- Фоломеев Б. А.*, 1994. Шишкинское городище // Древности Оки. М. С. 138–157. (Тр. ГИМ. Вып. 85).
- Энговатова и др.*, 2004. Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН. 292 с. (Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2).

V. V. Sidorov

Conjectural reconstruction of the fortifications of Iron-Age sites

Summary

New conjectural reconstructions are presented regarding the fortifications of hill-fort settlements in Central Eastern Europe, in which their approach-slopes are lined with schemes of ditches and shafts

vertically lain over slopes of felled whole tree-trunks. Such fortifications did not leave traces behind, unless they caught fire – in which case they leave surface burns at the surface of the shafts.

А. А. Гольева*, Е. Ю. Тавлинцева**, В. Ю. Коваль***

* Институт географии РАН, Москва;

** Музейное объединение «Музей Москвы», Москва;

*** Институт археологии РАН, Москва

Исследование жилищ дьяковской культуры Ростиславля Рязанского естественнонаучными методами (предварительная публикация)¹

Постройки раннедьяковского времени не становились объектами изучения исследователей. Впервые они были зафиксированы и описаны В. А. Городцовым на Старшем Каширском городище (Городцов, 1933. С. 8–9). И хотя методика, использовавшаяся В. А. Городцовым, и предложенная им интерпретация археологических объектов («землянки» и «жертвенники») в дальнейшем подвергались критической оценке (Крис, Чернай, 1980. С. 80; Лопатина, Сидоров, 2003. С. 49; Сыроватко, 2009. С. 94, 95), тем не менее это был первый опыт изучения построек раннего железного века на территории Подмосковья².

Широкомасштабные исследования, проведенные на городищах в Подмосковье в послевоенное время (Круглица, Троицкое, Щербинское, Кузнечики), способствовали накоплению информации о постройках дьяковской культуры. В частности, были археологически прослежены и описаны следы наземных многокамерных сооружений. Впервые подобные жилища, относящиеся к раннедьяковскому времени, были исследованы Л. И. Пимакиным при раскопках городища Круглица в 1956–1957 гг. (Кренке, Чаукин, 2013). Позднее аналогичные постройки были найдены на целом ряде дьяковских городищ Подмосковья, в том числе на городищах Щербинском и Кузнечики, где были обнаружены сооружения, длина которых составляла несколько десятков метров.

Объект, исследовавшийся на Щербинском городище, представлял собой остатки постройки длиной около 29 м и шириной не более 3 м. Она была по-

делена поперечными стенами на отдельные большие и малые отсеки. На городище, по-видимому, были и другие жилища такого же типа (Дубынин, 1974. С. 216, 217). Следы похожих сооружений были прослежены несколькими годами позже на городище Кузнечики. Авторами раскопок они были отнесены к середине I тыс. до н.э. Одним из них была протяженная наземная постройка (длина ее составила более 40 м при ширине 3,6 м), разделенная поперечными перегородками на парные отсеки, между которыми находились своеобразные тамбуры шириной 1,2 м. Две другие постройки были сходны с первой.

При раскопках Дьякова городища в центре площадки были выявлены следы построек шириной 3,0–3,6 м и длиной свыше 10 м. Зафиксированы не только очаги двух типов (прямоугольные и овальные с глиняными или деревянными бортиками), но и глинобитные остатки полов, остатки сгоревших растительных выстилок на полах построек, прослежена конструкция стен (Кренке, 2011. С. 28, 29). При раскопках городища Настасьино были исследованы остатки сразу нескольких построек, наиболее ранняя из которых существовала в VIII–VII вв. до н.э., а наиболее поздние датируются рубежом эр. Все они представляли собой прямоугольные вытянутые сооружения, состоявшие из двух, по-видимому, жилых комнат с очагами, разделенных узким тамбуром. Часто еще два тамбура располагались с торцов построек (Энговатова, 2004. С. 149–152. Рис. 1).

Важно отметить, что речь идет именно о жилых постройках, хотя в некоторых из них обнаружены

¹ Обобщение аналитических данных выполнено по программе ГЗ: ГП 0148-2016-0003.

² Позднее следы заглубленных в землю построек были выявлены еще на нескольких городищах коломенской группы памятников, однако, по мнению А. С. Сыроватко, эти «сведения о жилищах либо признаны недостоверными, либо настолько отрывочны и неясны, что нуждаются в верификации» (Сыроватко, 2009. С. 96–101).

следы производственной деятельности (Кренке, 2011. С. 32; Сапрыкина, 2004. С. 136). Особняком в этом списке стоит Боршевское городище. При его раскопках было открыто несколько ярусов последовательно сменявших друг друга земляных и глинобитных «платформ» с очагами. Большое количество тиглей, болотной руды и пирита, найденных около очагов и на «платформах», позволило сделать предположение об их производственном назначении (Крис, Чернай, 1984. С. 76–80). Впоследствии на основании анализа полевой документации раскопок 1977 и 1978 гг. Н. А. Кренке пришел к выводу, что некоторые глиняные платформы, открытые на городище Боршева, могли также были частью постройки типа «длинный дом», которая была поделена на отапливаемые секции и узкие холодные тамбуры (Кренке, 2014. С. 115–126).

За последние годы жилища I тыс. до н. э. были выявлены и исследованы на южной периферии области распространения дьяковских древностей: на Мутенковском и Ростиславльском городищах. Оба памятника расположены на правобережье Оки в Каширском и Озерском р-нах Московской обл. В 2001–2003 гг. на Мутенковском городище В. В. Сидоровым исследованы постройки с глиняными полами и круглыми или овальными очагами с глиняными бортиками. Постройки не раз перестраивались: очаги перекрывали друг друга. По мнению автора раскопок, жилища представляли собой небольшие прямоугольные дома шириной до 3,5 м и длиной 4 м. Судя по планам, приведенным в публикации, в некоторых случаях были вскрыты только отдельные участки этих сооружений, таким образом, их настоящая длина могла быть намного больше (Сидоров, 2004. С. 109–111).

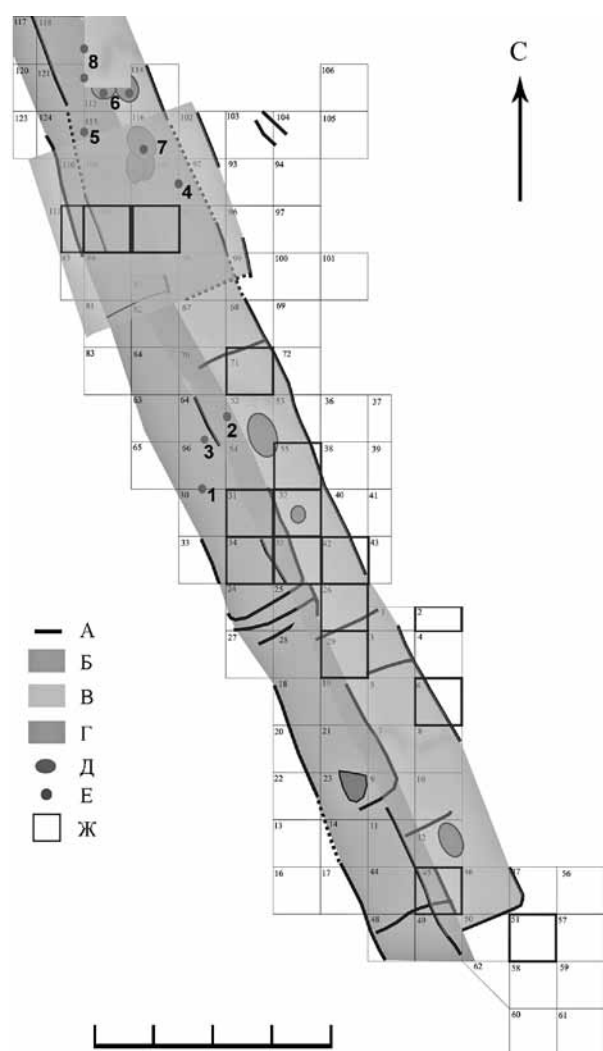
В 1998–2016 гг. жилища раннего железного века (так называемые «длинные дома») исследовались на городище Ростиславль. За это время была полностью вскрыта вся сохранившаяся часть двух построек, которые частично были повреждены эрозийными процессами (ими уничтожены их северные края). Исследования проводились Ростиславльской археологической экспедицией Института археологии РАН (нач. экспедиции В. Ю. Коваль) раскопом V под руководством Е. Ю. Тавлинцевой. Все материалы раскопок хранятся в Музее Москвы. Предварительные результаты исследования этого сооружения в первые два года раскопок публиковались (Коваль, 2000).

Раскоп V размещался на небольшой (50×30 м) мысовой площадке, которая в эпоху раннего железа была занята городищем, защищенным сначала частоколом, а затем валом и рвом, которые на протяжении второй половины I тыс. до н. э. постоянно обновлялись, что приводило к увеличению размеров вала и углублению рва. Эти выводы получены в результате полной прорезки вала высотой более 5 м и всех засыпанных рвов (Коваль, 2011; 2012). Площадка городища имела треугольную форму, располагаясь на оконечности мыса высокого коренного правого берега р. Оки при впадении в ее долину большого оврага. Эта площадка лежит на высоте 30–37 м над современным уровнем воды в р. Оке в межень. За 19 полевых сезонов раскопом V была исследована площадь 523 кв. м – почти половина всей площади раннего городища.

«Длинные дома» располагались вдоль того края площадки, который был обращен к р. Оке. В ходе раскопок тут были выявлены остатки сменявших друг друга жилых построек, из которых наилучшим образом сохранилась та, которая, по данным стратиграфии и радиоуглеродного датирования, существовала в интервале IV–II вв. до н. э. Поскольку постройка размещалась на поверхности, имевшей заметный уклон, то ее полы ступенчато понижались, и в начальной фазе исследований создавалось впечатление, что это были разные сооружения (постройки 3, 4, 5 по полевой нумерации). Однако после построения сводного плана стало ясно, что речь идет об одной постройке длиной не менее 47 м (северо-западный край жилища не сохранился) при ширине от 4,0 до 5,5 м (рис. 1). Этой постройке предшествовала более ранняя, длиной до 40 м при ширине 3,5–4,0 м. Заполнение этой ранней постройки сохранилось очень плохо, возможно, большая его часть была уничтожена при строительстве более позднего жилища. Характерной чертой этого слоя была его насыщенность мелкими углями и золой, что позволило предположить, что на каком-то из этапов своего существования постройка пострадала от пожара.

Были также найдены остатки не менее двух более поздних построек, сохранившихся крайне фрагментарно. Сегодня можно говорить о том, что на Ростиславле надежно зафиксировано бытование двух построек типа «длинный дом», сменивших одна другую около середины I тыс. до н. э., поэтому есть смысл дать им условные наименования «постройка А» (ранняя) и «постройка Б» (поздняя)³.

³ Постройки, сменившие постройку Б, в данной статье не описываются, поскольку их следы слишком фрагментарны. Однако на представленном плане указано предполагаемое место одной из них (постройка В), от которой сохранились некоторые следы стен (рис. 1).

Рис. 1. Схема квадратов раскопа V. Цветом выделены квадраты, где были отобраны колонки образцов для почвенных и фитолистных исследований (см. цв. вкл.)

А — канавки от стен построек А и Б; Б — постройка А;
В — постройка Б; Г — постройка В; Д — очаги; Е — места отбора образцов (1 — кв. 66; 2 — кв. 64; 3 — кв. 65/66; 4 — кв. 92; 5 — кв. 115; 6 — кв. 113; 7 — кв. 116; 8 — кв. 118 и 121); Ж — квадраты отбора образцов, не упоминаемые в статье

Очевидно, каждая из этих построек существовала продолжительное время. Ясно также, что время функционирования постройки Б в целом синхронно периоду постоянного наращивания вала городища — от середины — конца III в. до н.э. до рубежа эр — I в. н.э. (Коваль, 2012. С. 61). Заполнение постройки Б частично перекрывало заполнение постройки А. Таким образом, восточная часть поздней постройки была несколько врезана в материк, тогда как западная располагалась непосредственно над заполнением более раннего жилища, которое также было врезано в материк, но немного ниже по склону (рис. 1). Вероятно, именно при строительстве

постройки Б верхняя часть отложений постройки А была срезана, а над остатками ее заполнения сделана нивелирующая подсыпка из желтого материкового суглинка, мощность которой составляла от 2–3 см до 20 см на разных участках. Возможно, искусственная подсыпка была необходима для того, чтобы подготовить ровную площадку для строительства нового жилища, надежно изолировав его от культурного слоя в ранней постройке. В ряде мест нивелирующая подсыпка фиксировалась и за пределами постройки Б (к западу от нее).

Каждый «длинный дом» (т.е. постройки А и Б) разделялся на отсеки различной протяженности, в которых размещались очаги, использовавшиеся для отопления и приготовления пищи. Длина отсеков колебалась от 5 до 7 м, к сожалению, следы перегородок между отсеками сохранились не всегда, имеются также крупные по размерам отсеки, в которых очаги отсутствовали.

С 2001 г. при проведении раскопок жилищ док. географ. наук А. А. Гольевой начали проводиться почвенные исследования с использованием широкого спектра естественнонаучных методов. Всего на сегодняшний день такими методами исследования проведены в 25 пунктах на площади построек (рис. 1). Основное внимание уделялось различным по морфологии напластованиям внутри построек. Проанализировано более 200 образцов. Значительный объем проведенных работ позволил получить для каждой из построек серии анализов. Это дает возможность выделять общие закономерности и частности по каждому из изученных объектов. Результаты работы частично опубликованы (Гольева, 2004. С. 24–34) и в данной работе не приводятся. Настоящая статья посвящена исследованиям, проводившимся на городище в 2008, 2012, 2014 и 2015 гг. (участки К, П, С и Т, согласно полевой документации). Образцы отбирались как колонками, так и в виде отдельных проб грунта из заполнения жилищ; кроме того, были исследованы заполнения очагов обеих построек. Использовался комплексный подход, включающий морфологический анализ (фиксация специфики слоя в поле), аналитические исследования (определение физико-химических свойств каждого слоя) и микробиоморфный анализ (уточнение использованного в прошлом типа органического материала).

Лабораторные исследования сделаны в химической лаборатории Института географии РАН по стандартным методикам, принятым в почвоведении. Определялись (в скобках дано обозначение анализа на диаграмме): содержание органического

углерода (С,%); валового фосфора (P_2O_5 вал., %). Среди всех микробиоморф наиболее информативным оказался фитолитный анализ, поэтому в работе показаны данные количественного и качественного распределения фитолитов.

Результаты исследования

Участок К (2008 г.)

В раскоп попали центральная часть жилого отсека постройки А с очагом и периферийная часть жилого отсека постройки Б. Образцы отбирались на трех участках раскопа.

1. Квадрат 66, южная стенка раскопа. Особенностью этого участка было отсутствие заполнения постройки Б, граница которой располагалась восточнее того места, где отбиралась колонка образцов. Стратиграфия выглядела следующим образом: под дерном шел слой 1 – аморфный, нарушенный многочисленными кротовинами и перекопами грунт. Ниже располагался слой 2 – прослойка коричневого суглинка с включениями темно-серого суглинка. Ее верхняя часть была сильно нарушена кротовинами и засорена более поздним материалом, попавшим сюда из слоя 1. Нижняя часть прослойки сохранилась лучше: в ней отсутствовала ошлакованная керамика, лощеная и подлощенная посуда (маркеры верхнего слоя). Далее шел тонкий слой желтого суглинка – нивелирующая подсыпка над постройкой А. Под ней было расчищено собственно заполнение постройки А, которое состояло из темно-серого суглинка с включениями желтого суглинка и угольков, толщиной 2–10 см. Исследована вертикальная колонка образцов. Определено количество органического углерода, валового фосфора и фитолитов. Нижние образцы практически не содержат фосфора и органики, что нормально для почвенных горизонтов. Количество этих элементов резко возрастает выше по профилю. Это нетипично для почв и связано с антропогенным генезисом нижней части профиля. Особенно выделяются образцы из заполнения постройки А. Там фосфора более 4%. Это возможно лишь в случае разложения здесь значительных объемов животной органики. В этих же образцах много фитолитов, но максимальное их количество зафиксировано в слое нивелирующей подсыпки над постройкой А. В составе фитолитов во всех образцах много мхов, но особенно много их в образце из заполнения постройки А. Можно уверенно говорить о том, что люди использовали здесь значительные объемы мхов.

2. Участок К, квадрат 64, восточная стенка раскопа (рис. 2). На этом участке исследовалось заполнение обеих построек – А и Б, которые разделяла нивелирующая подсыпка из желтого суглинка. Заполнение постройки А залегало непосредственно на материке. Исследована вертикальная колонка из 12 образцов (отсчет снизу вверх). Образцы из колонки, относящиеся к постройке А, происходили из ее периферийной части, прилегающей к восточной стене жилища. Образцы из постройки Б соответствовали участку, находящемуся приблизительно посередине между очагом и западной стеной постройки. Определено содержание валового фосфора, органического углерода и фитолитов. Наиболее интересны для нас в данном случае образцы 2 и 8. Образец 2 был взят из заполнения постройки А. Слой небольшой мощности и ровного, практически линейного простирания. Он морфологически хорошо выделяется по темному, практически черному цвету. Верхние и нижние границы слоя линейные, резкие, хорошо фиксируются. По сравнению с ниже и вышележащими горизонтами – образцы 1 (материк) и 3 (нивелирующая подсыпка) – слой выделяется высокой концентрацией валового фосфора (около 1%), органического углерода, большим количеством фитолитов. В составе фитолитов существенную долю составляют мхи. Относительно много также фитолитов тростника.

Образец 8 происходит из придонного слоя постройки Б. Он содержит большое количество органической массы, много валового фосфора и фитолитов. В составе фитолитного комплекса есть формы, характерные для тростника, культурных злаков и мхов. Данный количественный и качественный состав различных элементов и микроскопических частиц типичен для культурных слоев постройки 5.

По сравнению с заполнением постройки А (образец 2) можно отметить увеличение всех показателей: валового фосфора, органического углерода, фитолитов. Последних больше практически в три раза, что позволяет говорить о том, что при формировании этого слоя использовались значительно большие объемы растительной массы, чем ранее. При этом изменился состав растений: сократилось абсолютное доминирование мхов. Возможно, это связано со сменой функциональной значимости исследуемого участка жилища.

Квадраты 64/66. На этом участке исследовалось заполнение постройки А. Оно залегало на материке. Мощность его составляла от нескольких сантиметров в центральной части раскопа до 15–20 см

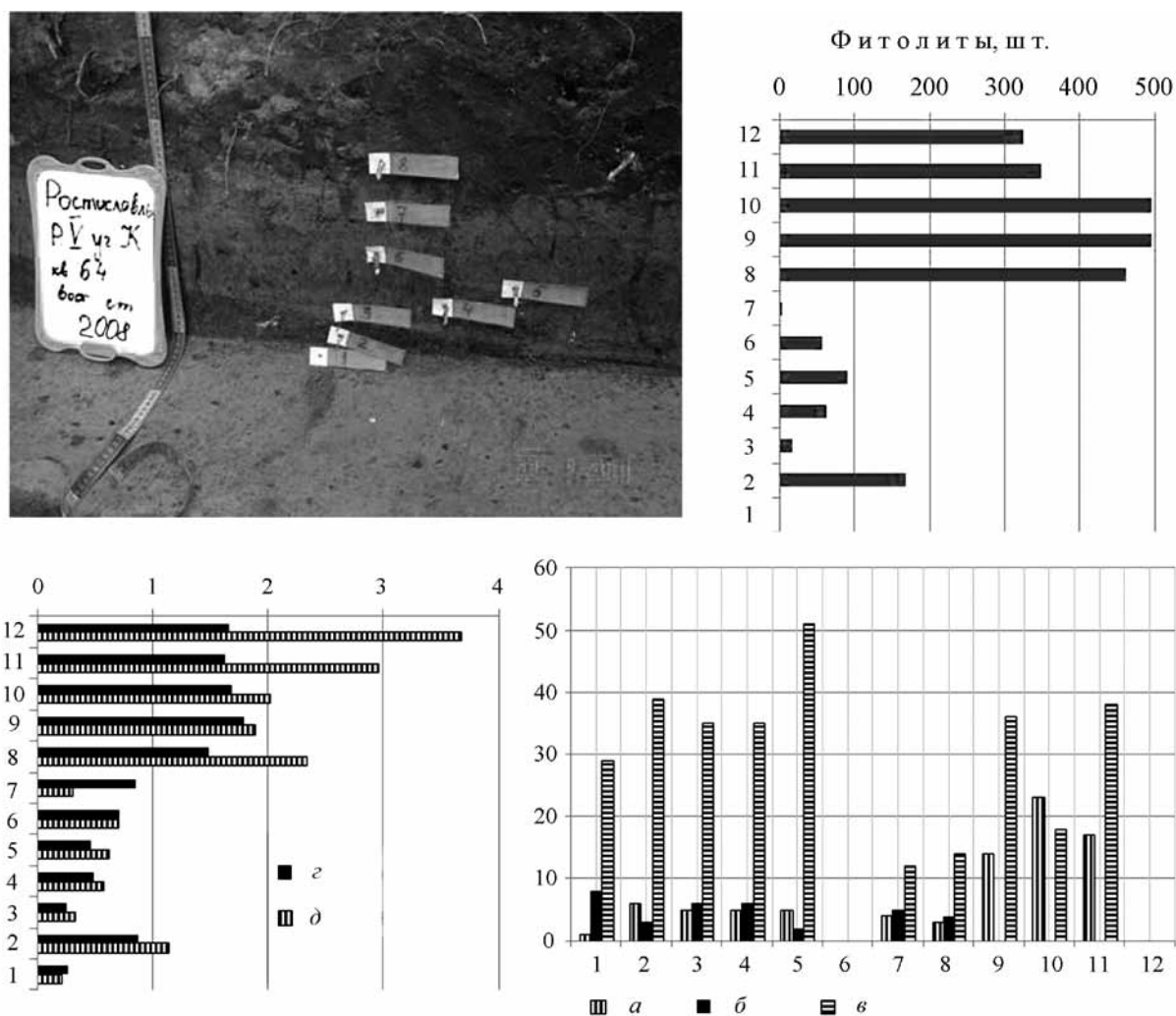

Рис. 2. Участок К, кв. 64 (восточная стенка). Фото профиля с местами отбора проб, диаграммы

1 – материк; 2 – горизонт постройки А; 3–7 – нивелирующая подсыпка; 8 – придонная часть постройки Б; 9–11 – горизонт А слоя 1 (глубины -20/-30 см, -30/-40 см, -40/-50 см); 12 – современный дерн; а – культурные злаки, %; б – тростник, %; в – мхи, %; г – фосфор, %; д – органика, %

у восточного борта. Сверху его перекрывали слой 2 (с запада) и нивелирующая подсыпка (в восточной части раскопа). При этом канава от западной стены постройки Б частично нарушила заполнение более раннего жилища, в частности, северо-восточный край его очага. Верхняя часть очага, включая бортики, не сохранилась. Сохранилось лишь углубленное в материк на 5–7 см ложе очага овальной формы размерами 90×55 см (с длинной осью по линии север – юг). Заполнение очага состояло из светло-серого суглинка с включениями темно-серого суглинка, углей и большого количества золы. Материк под очагом был прокален до красно-бурого цвета. Рядом с очагом, к западу, фиксировалось еще одно пятно прокала размерами 110×80 см, отмечавшее место размещения более раннего отопительного

устройства. Образцы были взяты из заполнения очага и с пола рядом с очагами (рис. 3). В образце из очага фосфора много, что нормально, поскольку при приготовлении пищи в огонь попадают (проливаются или просыпаются) продукты питания. Органические компоненты при этом сгорают, а минеральный (фосфор) остается и со временем накапливается. Количество фитолитов мало. Это также нормально, если в очаге сжигалась древесина, поскольку дерево не образует фитолитов.

В обоих образцах с различных участков пола постройки А фосфора много (более 1%), что указывает на то, что на полу была какая-то подстилка из животной органики (шерсть, шкуры, войлок и т.п.). Фитолитов мало, но доля мхов составляет 15%. То есть мох на полу жилища присутствовал.

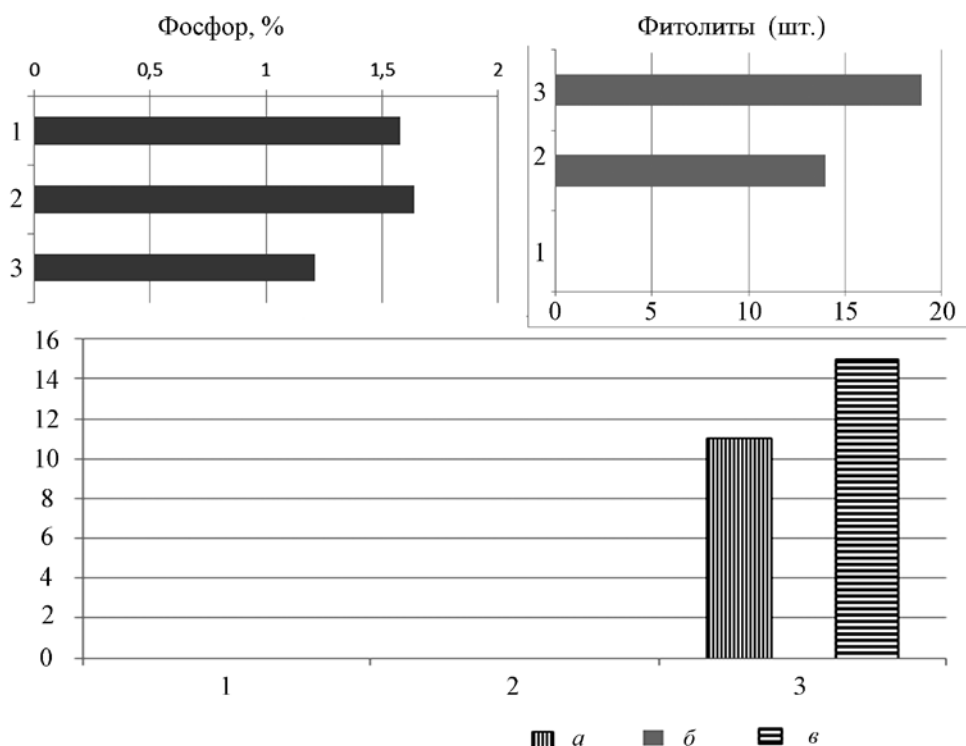

Рис. 3. Участок К. Диаграммы основных свойств образцов из кв. 64/66

1 – очаг постройки А; 2, 3 – образцы с пола рядом с очагом постройки А;
 а – культурные злаки, %; б – тростник, %; в – мхи

Участок П (2012 г.)

Здесь исследовался небольшой участок одного из отсеков постройки Б, заполнение которого залегало непосредственно на материке. Была прослежена канавка от восточной стены постройки. Постройка А в этот участок раскопа не попала, поскольку размещалась западнее.

Квадрат 92, западная стенка раскопа. Изучена вертикальная колонка из семи образцов (нумерация снизу вверх) (рис. 4). Колонка отбиралась на участке внутри жилого отсека на удалении от очага. Определено содержание валового фосфора и фитолитов. Наибольший интерес представляют три нижних образца из колонки. Образец 1 происходит из придонной части постройки, образец 2 также относится к самой нижней части сооружения. Оба этих образца характеризуют самый ранний (начальный) этап функционирования постройки Б. Образец 3 был взят из слоя светло-серого суглинка, представлявшего собой искусственную подсыпку на полу жилища, возникшую после завершения первого этапа жизни жилища. Остатки подобных подсыпок (или «полов») были зафиксированы практически во всех жилых отсеках постройки Б. В некоторых случаях куски подобных

«полов» были расчищены на значительной площади. Их толщина составляла от 4 до 7–8 см. Так как «полы» неоднократно обновлялись, их остатки залегают в несколько слоев один над другим (в тех местах, где они не подверглись впоследствии разрушению перекопами). Культурный слой между этими «полами» представлял собой горизонты, сформировавшиеся в процессе эксплуатации того или иного «пола». В данной колонке эти периоды отражены образцами 1, 2 и 4. Образец 4 соотносится с самой верхней частью заполнения постройки Б, которая нарушена многочисленными перекопами.

Во всех образцах фосфора много и очень много, что типично для культурных слоев. Меньше всего этого элемента в образце 3, но и там больше природной нормы. Наибольшее количество (более 2%) в самом нижнем образце (образец 1), который был взят из придонной части заполнения непосредственно над материком. Такие большие количества фосфора возможны только в случае разложения концентрированной животной органики, например, шерстяного войлока и т. п.

Количество фитолитов в образцах разное. Минимальное присутствовало в образце 3, максимальное – в образце 4. Интересно, что во всех образцах

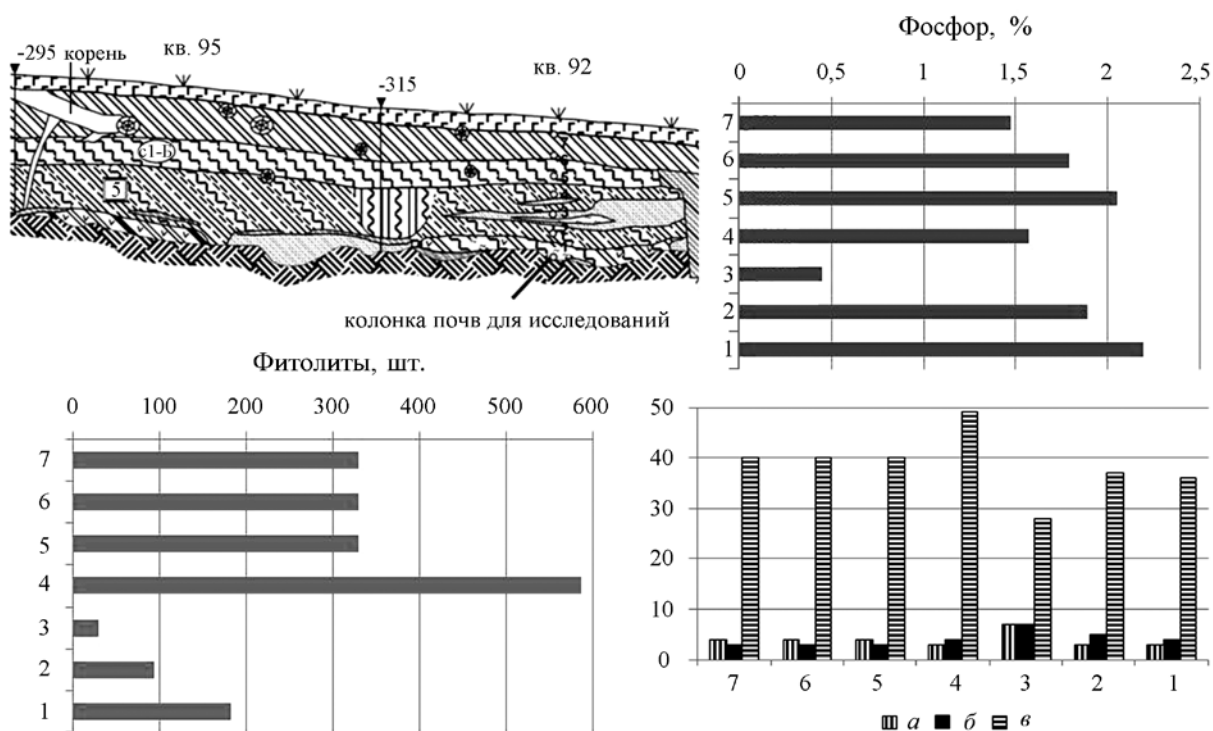

Рис. 4. Участок П. Стратиграфия в кв. 95, участки отбора проб и диаграммы их основных свойств
а – культурные злаки, %; б – тростник, %; в – мхи

высока доля фитолитов мхов. То есть все культурные слои в постройке Б вне зависимости от их современного состояния (*in situ* или частично переотложенные) формировались при значительной примеси мхов в составе органического материала. Кроме мхов в составе образцов есть фитолиты культурных злаков и тростника. Микрочастицы культурных злаков – нормальное явление в помещениях населения сельскохозяйственных культур. Они осаждаются в виде тонкой пыли при работе с зерном. Частицы тростника случайно попасть в жилище не могли, их наличие однозначно указывает, что эти растения здесь использовались для каких-то целей. Следует отметить, что хотя тростник, являясь представителем семейства злаковых, формирует много фитолитов, но диагностических форм образуется мало. То есть кажущаяся относительно небольшая доля фитолитов этих растений свидетельствует о значительных объемах реально использовавшегося тростника в древности. Можно, таким образом, предположить наличие в интерьерах жилища тростниковых матов или чего-либо подобного.

Обращает на себя внимание образец 3, где содержится меньше всего фосфора и фитолитов. Это можно объяснить происхождением образца: он был взят из суглинистой подсыпки на полу постройки, представлявшей собой своеобразное

напольное покрытие. Сравнение образцов 1 и 2, взятых из нижней части постройки с образцом 4, который соответствует одному из верхних горизонтов обживания, показывает, что на начальном этапе функционирования жилища в интерьере преобладала животная органика, фитолитов в них значительно меньше, чем в образце 4, где их очень много, особенно тростника.

Участок С (2014 г.)

Во время раскопок на этом участке заполнение постройки А в полевых условиях прослежено не было. После анализа полевой документации и сопоставления ее с результатами раскопок предшествующих лет стало ясно, что, вероятно, к этой ранней постройке может иметь отношение тонкий прослой, который четче всего фиксировался в юго-восточном углу раскопа. Это был углистый слой, залегавший практически сразу на материке. В раскоп также попали два отсека постройки Б: отчетливо читалась поперечная стена, разделявшая в древности помещения длинного дома. Оба отсека были отапливаемыми: внутри них расчищены остатки очагов. В обоих случаях очаги, как и сами помещения отсеков, неоднократно ремонтировались – насыпались новые полы.

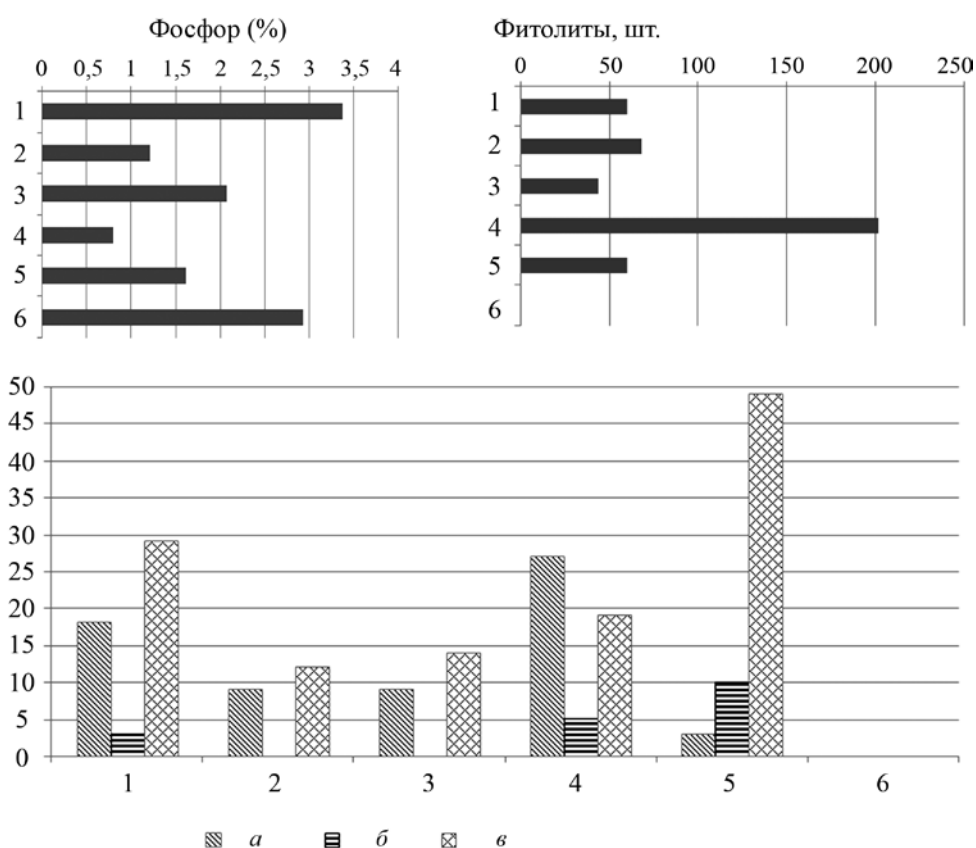

Рис. 5. Участок С. Диаграммы основных свойств образцов из кв. 113/114

1 – кв. 113, -450/-460 см, зола на полу постройки Б; 2 – кв. 116, заполнение очага; 3 – кв. 116, зола из очага 2;
4 – кв. 113/114, -420/-430 см, зола из очага 3; 5 – зола из очага 4; 6 – кв. 113, зола из очага 5;
а – культурные злаки, %; б – тростник, %; в – мхи

Квадрат 113, постройка Б. Рассмотрены отдельные образцы по площади квадрата близко к очагам постройки, либо непосредственно из их заполнения (рис. 5). Все образцы брались из одного и того же отсека постройки Б.

Очаг 3, зола. Фосфора много в пределах относительной нормы для очагов, фитолитов много, преобладают формы, характерные для культурных злаков. Следовательно, здесь в процессе приготовления пищи в огонь попала солома культурных злаков и чешуйки зерен.

Очаг 4, зола. Как и в предыдущем случае (очаг 3), количество валового фосфора соответствует значению, возможному в кухонных очагах. Фитолитов мало, т. е. сжигалась древесина, а не травы. Доминирование мхов в этом случае можно связать с тем, что деревья в таежной зоне часто покрыты мхами и лишайниками.

Очаг 5, зола. Очень много фосфора при отсутствии фитолитов. Здесь однозначно сжигалась какая-то животная органика.

Зола на полу рядом с очагом 5. Максимально высокое количество фосфора, фитолитов мало,

в их составе преобладают мхи. Здесь также горело что-то животного происхождения, но была и небольшая по объему растительная масса, среди которой доминировали мхи.

Квадрат 115, западная стенка раскопа. Изучена колонка из 10 образцов (рис. 6). В образцах определено содержание органического углерода, валового фосфора, карбонатов кальция и фитолитов. Керамический материал четко свидетельствует о том, что верхний горизонт заполнения постройки Б фактически не имеет отношения к периоду жизни этой постройки. Скорее всего, это культурный слой более позднего времени, просевший внутрь постройки по мере уплотнения ее первоначального заполнения. Поскольку средняя часть профиля переотложена, то любые количественные показатели могут свидетельствовать лишь о том, что здесь был культурный слой, обогащенный органическими соединениями. Какие-либо конкретные выводы невозможны. Это касается содержания всех химических элементов и микроскопических частиц, определенных в этих слоях. Поэтому из всей колонки наиболее интересными является

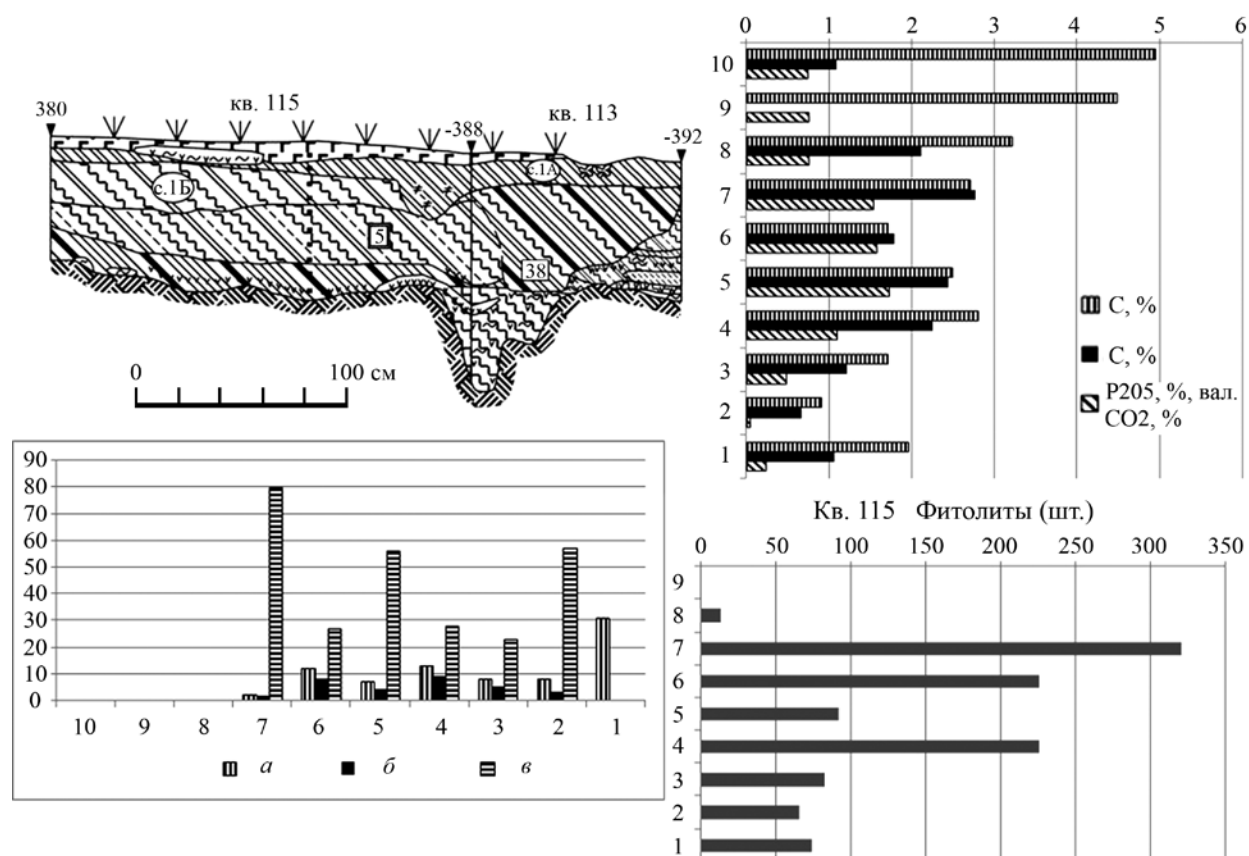

Рис. 6. Участок С. Стратиграфия в западном борту кв. 115, участки отбора проб 1–10 (показаны черными точками) и диаграммы их основных свойств

1 – угольный слой на дне постройки А; 2 – дно постройки Б; 3–5 – постройка Б (переотложенная часть); 6 – слой 2, верхняя часть; 7 – слой 1, нижняя часть; 8 – слой 1; 9 – слой 1, верхняя часть; 10 – современный дерн; а – культурные злаки, %; б – тростник, %; в – мхи

анализ результатов по трем самым нижним образцам (образцы 1, 2 и 3). Образец 1 может относиться к постройке А, образцы 2 и 3 происходят из заполнения постройки Б. По содержанию органического углерода выделяются верхние горизонты современной почвы (образцы 8–10), средняя часть переотложенного слоя 2 (образцы 4 и 5) и угольный слой над материком, который, возможно, представлял собой остатки заполнения постройки А (образец 1).

Угольный слой на дне (образец 1) содержит больше органического вещества, валового фосфора, карбонатов по сравнению с образцом 2 (дно постройки Б). Можно предположить, что горела не только растительная органика, но и животная. Количество фитоцитов различается незначительно, хотя в образце 1 их больше, чем в образце 2. Но качественный состав фитоцитного комплекса абсолютно разный. Продемонстрируем соотношение только трех групп фитоцитов: культурных злаков, тростника и мхов (рис. 6). Эти группы выбраны как наиболее значимые и информативные для

понимания выявленных следов органики на полу постройки. Хорошо видно, что в угольном слое на дне (образец 1) из этих трех групп присутствуют лишь формы, характерные для культурных злаков. В образце 2 этих форм очень мало, зато более 50% составляют фитоциты мхов. Можно сделать предположение, что среди сторевого материала в образце 1 была шелуха зерен культурных злаков, а на полу постройки Б истлела выстилка из мхов. Отсутствие фитоцитов тростника в образце 1 в совокупности с общим малым количеством этих частиц позволяет более уверенно говорить о том, что растительной выстилки в этом месте на полу не было.

Квадрат 116, постройка Б (рис. 5). Рассмотрены два образца, связанные с очагом 2. Этот очаг, который сохранился очень плохо, располагался в другом, соседнем отсеке постройки Б.

Очаг 2, зола. Содержание фосфора и фитоцитов типично для кухонных очагов, где сжигается древесина и в процессе приготовления пищи в очаг случайно попадают какие-то пищевые продукты.

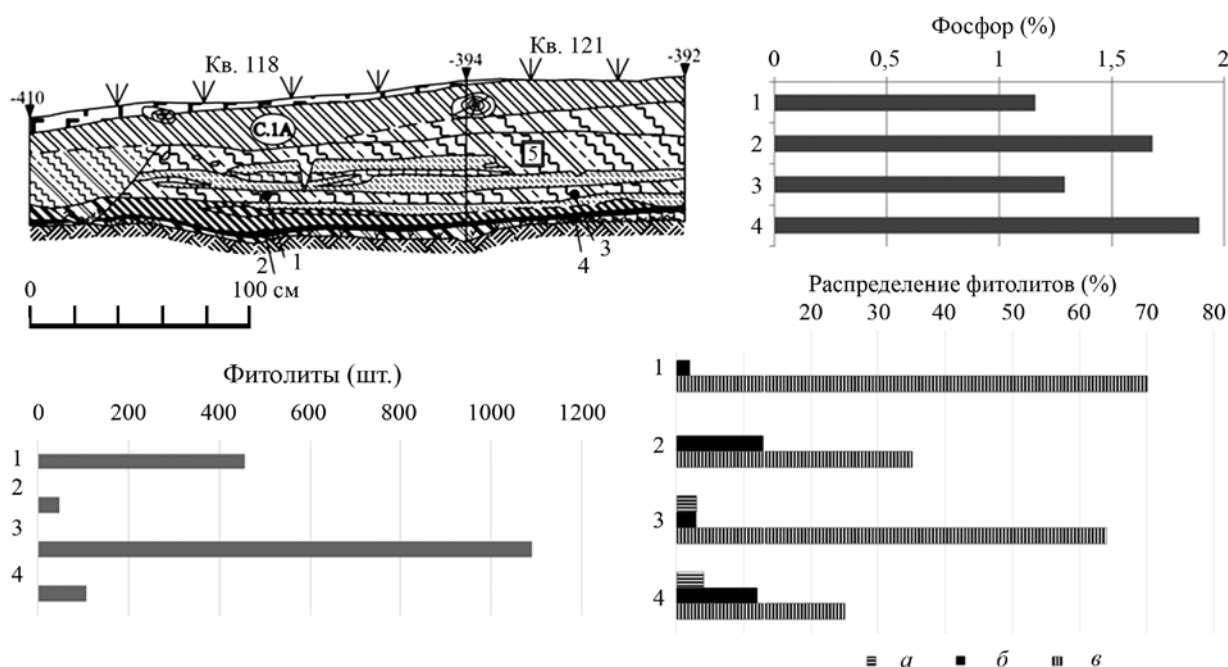

Рис. 7. Стратиграфия в восточной стенке кв. 118 и 121, участки отбора проб и диаграммы их основных свойств
1, 3 – образцы из слоя между полами постройки Б; 2, 4 – образцы из заполнения постройки А;
а – культурные злаки, %; б – тростник, %; в – мхи

Заполнение очага. Можно считать, что по своим химическим и микробиоморфным характеристикам этот образец аналогичен рассмотренному ранее образцу из этого же квадрата. То есть здесь также сжигалась древесина и случайно попадала органика в процессе приготовления пищи.

Участок Т (2015 г.)

Квадраты 118 и 121, восточный профиль. В раскоп попали часть постройки А, примыкающая к ее восточной стене, и участок постройки Б между ее западной стеной и очагами. Исследовано четыре образца: два из них (образцы 1 и 3) взяты из слоя между суглинистыми полами постройки Б, который соответствует начальному этапу ее функционирования. Образцы 2 и 4 происходят из заполнения постройки А. Как видно из описания и на схеме (рис. 7), образцы попарно дублируют друг друга (1 и 3, 2 и 4). Проведено определение валового фосфора. Результаты анализов по парным образцам практически совпали и существенно различаются между собой. Во всех образцах количество фосфора намного превышает природные значения, что указывает на искусственный генезис обоих слоев. Но в образцах 2 и 4 фосфора больше 1,5%, что возможно только при разложении животной органики, такой как кожа, войлок и т. п. Слой, из которого взяты эти образцы, выглядит как ровная линейная

черная (темно-бурая) прослойка. Мощность прослойки практически неизменна по всему простиранию профиля участка. Верхняя и нижняя границы линейные, резкие, четко фиксируемые. Все это в совокупности позволяет говорить о том, что рассматриваемый прослой – это остатки какого-то покрытия пола жилища, состоявшего из шерсти (ковер? войлочная циновка?).

Образцы 1, 3 и 2, 4 резко различаются и по данным фитоцитного анализа. В первой паре образцов фитоцитов на порядок больше, чем во второй, а в составе фитоцитного комплекса абсолютно доминируют мхи (более 65% от общего количества частиц). Для второй пары образцов доля фитоцитов мхов также достаточно велика (25–35%), но в данном случае можно говорить о существенно более значимом вкладе фитоцитов тростника в общий баланс фитоцитного комплекса (12, 13% по сравнению с 2, 3% для образцов 1, 3).

Заключение

Во всех случаях горизонты жилищ резко выделяются темным цветом, химическими свойствами и микробиоморфным составом. Темный цвет этих прослоев обусловлен большими объемами животного и растительного органического материала. Все почвенные образцы, взятые в пределах жилищ, содержат большие количества валового фосфора,

что типично для помещений. Все образцы обогащены древесным детритом, фитолитами, включая фитоциты культурных злаков, тростника и особенно мхов. Помимо фитоцитов встречаются кутикулярные слепки разных трав, а это свидетельствует о том, что большие объемы растений разлагались тут *in situ*.

Присутствие тростника позволяет говорить о его возможном использовании в интерьерах построек (тростниковые выстилки или маты?) или при возведении жилища (материал для крыши (?), попадавший в заполнение постройки при ее периодических ремонтах). Большая доля фитоцитов мхов свидетельствует о том, что мох активно использовался в помещениях жителями городища. Регулярная встречаемость фитоцитов мха во всех образцах позволяет говорить о слоях из мха. Их функциональное назначение не очень ясно, но наиболее вероятно, что мох, являясь гигроскопичным растением, выполнял функцию борьбы с повышенной влажностью в жилых помещениях. Высокая концентрация фосфора во всех горизонтах построек однозначно указывает на то, что здесь было что-то из шерсти (маты, ковры?) или шкуры животных. Таким образом, можно предположить использование в интерьерах жилых отсеков обеих построек каких-то органических подстилок (войлочных?) или шкур животных в качестве напольного покрытия. Последовательность прослоев из всех этих материалов неясна, но их присутствие внутри помещения не вызывает сомнений.

Обобщая данные полученные для заполнения постройки А, можно отметить, что эти слои выделяются высокими концентрациями соединений и частиц растительной и животной органики. В составе растительной массы абсолютно преобладают мхи. Доля тростника небольшая, но, учитывая малую продуктивность диагностически значимых форм в этом растении, можно уверенно говорить, что объемы этих трав были не меньше объемов мхов.

Следует также отметить, что концентрация фосфора в анализах из заполнения постройки А была разной. Большая часть образцов, взятых с разных участков жилища (пространство у очагов, пространство между стенами), содержала близкие значения фосфора. На этом фоне выделяется образец с участка К (кв. 66, южный борт), содержащий аномально высокое значение фосфора – более 4%. Что свидетельствует о том, что на этом

месте разлагались значительные объемы животной органики.

Обращает на себя внимание сходство анализов из заполнения очагов построек А и Б. В обеих постройках зафиксировано использование топлива как растительного, так и животного происхождения (кости?). Причем два разных вида топлива использовались в очагах постройки Б, относящихся к одному жилому отсеку. В очагах постройки А (участок К, кв. 65/66) сжигалось топливо растительного происхождения: во всех очагах наблюдается большое скопление древесного детрита, в меньшей мере травянистого. Однако образец из другого очага постройки А, взятый в 2002 г. с участка Д (кв. 33/34), показал, что в нем сжигалось что-то из кожи или шерсти без дерева или трав (Гольева, 2004. С. 31).

В период функционирования постройки Б интерьер ее жилых отсеков неоднократно обновлялся: периодически в помещении устраивали новый пол взамен старого. Формировался новый горизонт обживания, полностью повторяющий по своей структуре предыдущий. И так до 4–5 раз (судя только по сохранившейся части постройки). Насыпка новых полов могла быть вызвана разными причинами, например, ремонтом жилища, поскольку со временем дерево, шкуры и маты начинали подгнивать, отсыревать. Одновременно с настилом нового пола могли ремонтироваться и стены (это предположение невозможно проверить методами археологии, но оно кажется вполне допустимым, поскольку стены постройки были выстроены из недолговечных материалов и требовали постоянного ремонта), в этом случае смена «напольного покрытия» вполне совпадает с мотивацией современного человека. В пользу этого говорит одновременное переустройство очажных конструкций, при этом очаги перестраивались на одном и том же месте несколько раз. Это также могла быть просто попытка «освежить» жилое пространство, для этого не было необходимо перестраивать стены, можно было просто сделать новый пол.

Таким образом, постоянное возобновление полов и очагов внутри жилых отсеков позволяет сделать вывод о стабильных и длительных условиях функционирования построек на территории городища, преемственности традиций бытования, т.е. устойчивых и комфортных условий для проживания.

Литература

- Гольева А. А., 2004. Комплексные естественно-научные исследования на городище Ростиславль Рязанский // АП: Матер. научн. семинара. М.: ИА РАН.
- Городцов В. А., 1933. Старшее Каширское городище // Изв. ГАИМК. Вып. 85. М.—Л. С. 6–105.
- Дубынин А. Ф., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 198–281.
- Коваль В. Ю., 2000. Новые данные о Ростиславльском городище эпохи раннего железного века // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.: МИГМ. С. 26–32.
- Коваль В. Ю., 2011. «Ростиславльский курган» (вал городища раннего железного века на Ростиславле) // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 35–58.
- Коваль В. Ю., 2012. Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 53–69.
- Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.
- Кренке Н. А., 2014. Древности бассейна Москвы-реки: этапы культурного развития, формирования производящей экономики и антропогенного ландшафта. Дисс. ... докт. ист. наук / Архив ИА РАН. Р-2. № 2829, 2830.
- Кренке Н. А., Чаукин С. Н., 2013. Городище дьякова типа Крутлица на Москве-реке // РА. № 1. С. 106–118.
- Крис Х. И., Чернай И. Л., 1980. Городища дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. Вып. 162. М. С. 75–82.
- Лопатина О. В., Сидоров В. В., 2003. Каширские городища раннего железного века // Чтения, посвященные столетию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Ч. II. М. С. 49–52.
- Сапрыкина И. А., 2004. Производственный ювелирный комплекс дьяковской культуры на городище Настасьино // АП: Матер. научн. семинара. М.: ИА РАН. С. 136–141.
- Сидоров В. В., 2004. Мутенковское городище // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 108–127.
- Сыроватко А. С., 2009. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке. К характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: CheBuk. 352 с.
- Энговатова А. В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // АП: Матер. научн. семинара. М.: ИА РАН. С. 142–152.

A. A. Golieva, E. Yu. Tavlintseva, V. Yu. Koval

Scientific Analysis of Dyakovo Culture Dwellings Located in Rostislavl Ryazansky (preliminary survey)

Summary

Two dwellings dated back to early Iron age were examined at Rostislavl hillfort between 1999 and 2016. Both dwellings are a type of longhouse separated into individual compartments with or without hearth. Based on stratigraphic data and radiocarbon dating, it was determined that one of the dwellings (dwelling “B”) was present between IV and II century BC. It was 47 metres long and 4 to 5.5 metres wide. This building was predated by an earlier one (dwelling “A”) which was up to 40 metres long and 3.5 to 4 metres wide. A. A. Golieva has been performing soil analysis since 2001 utilizing a wide spectrum of scientific methods. More than 200 samples were analyzed. Organic carbon (C, %) and total phosphorus (P₂O₅ total, %) were measured. Phytolith analysis turned out to be the most informative of all the microbiomorphs, therefore this article presents the data characterising distribution of phytoliths.

All soil samples taken within the boundaries of the buildings contained large amounts of total phosphorus which is characteristic of dwellings. Thus, one may

assume that some organic floorcoverings such as (felt?) or animal hides were used inside the living quarters in both of the buildings. All the samples were rich in wood detritus and phytoliths including gramineous phytoliths, reed phytoliths and in particular moss phytoliths. Cuticle custers of different grasses were also present indicating that large amounts of plants were present in situ. Presence of reed allows to presume that it might have been used in the interior of the buildings (reed coverings or mats) or during the construction of the dwelling (roofing material). Large amount of moss phytoliths indicates that moss was widely used by inhabitants of the hillfort. It was determined that both vegetable and animal fuels (bones) were used in both buildings.

Archaeological data and results of scientific analysis point to a sustained and prolonged conditions in which the dwellings were used inside the hillfort, as well as to the continuity of traditions of habitation and therefore to the lasting and comfortable living conditions.

Е. В. Столяров

ООО ЦАИ «Куликово поле», Подольск (Московская обл.)

Материалы раннего железного века с городища Дуна из раскопок 1898 года Ю. Г. Гендуне (из собрания Государственного Эрмитажа)

Городище Дуна представляет собой многослойный памятник, расположенный в Суворовском р-не Тульской обл. Городище занимает мыс левого берега р. Ока при устье безымянного ручья, в 1,2 км к северо-востоку от г. Чекалин. Площадка, бывшая первоначально треугольной в плане, практически полностью разрушена рекой. Сохранилась только ее северо-западная часть размерами около 10×3 м с остатками вала высотой до 2 м (Воронцов, 2011).

Материалы, собранные за весь период исследований городища, относятся к верхнеокской, мощинской, роменской археологическим культурам и к эпохе Древней Руси. Впервые археологические исследования на городище Дуна были проведены Н. В. Тепловым в 1897 г., а в 1898–1899 гг. оно исследовалось И. Д. Четыркиным и Ю. Г. Гендуне (рис. 1). Детальное обследование городища совершено А. М. Воронцовым в 2011 г. (Воронцов, Столяров, 2016).

Целью статьи является публикация материалов раннего железного века, полученных в ходе раскопок Ю. Г. Гендуне в 1898 г. на городище Дуна. Эта публикация является продолжением издания археологических коллекций, полученных при раскопках этого уникального памятника в разные годы (Столяров, 2016).

Публикуемая коллекция хранится в отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа¹ под номером 595 и насчитывает 260 единиц хранения². Это обломки керамических сосудов (лепная и круговая керамика), предметы из кости, рога, железа и камня, остеологический материал. К раннему железному веку можно

отнести примерно 17% единиц хранения. Подавляющая часть материалов коллекции относится к более позднему времени. Такое соотношение материалов объясняется тем фактом, что Ю. Г. Гендуне раскапывала в 1898 г. верхние напластования, а нижний слой (ранний) остался нетронутым. Находки раннего железного века, видимо, являются переотложенными и были найдены в более поздних культурных напластованиях.

Если рассматривать все коллекции находок с городища Дуна за всю историю исследования памятника, то они хранятся также в собрании Калужского объединенного музея-заповедника, Государственного исторического музея и Государственного музея-заповедника «Куликово поле».

Раскоп 1898 г. площадью около 36 кв. м был заложен между участками исследований Н. В. Теплова в 1897 г. Мощност культурных напластований составила до 4 м. В ходе раскопок Ю. Г. Гендуне применила методику горизонтального вскрытия верхнего культурного слоя, условно разделив его на четыре «заступа» (штыка) по 8 вершков (35,56 см) каждый. В 1898 г. был исследован только верхний (черный) культурный слой и собрана небольшая коллекция археологических находок, преимущественно предметов раннеславянского и древнерусского времени. Работы 1898 г. на городище Дуна продолжались недолго и были приостановлены в связи с чрезвычайно жаркой погодой (до 37 °С в тени и до 58 °С на солнце). В 1899 г. работы продолжились (Наумова, 2016. С. 158, 159). Итоги исследований на городище Дуна были подведены

¹ Автор выражает огромную благодарность сотрудникам отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа И. Р. Ахмедову за возможность работы над коллекцией, А. Г. Фурсеву за всестороннюю помощь.

² Нумерация находок на рисунках дана согласно коллекционной описи.

Рис. 1. Городище Дуна

А – фрагмент карты Ф. Ф. Шуберта и П. А. Тучкова (сер. XIX в.); Б – план памятника (по: Гендуне, 1903)

исследовательницей в обобщающей монографии, изданной в 1903 г. В этой работе были впервые опубликованы и наиболее яркие вещи из раскопок 1898 г. (Гендуне, 1903).

Материалы раннего железного века (VI в. до н.э. – рубеж эр) из коллекции

Изделия из кости и рога

Проколки – самая многочисленная группа изделий в коллекции. Для их изготовления применялись различные кости. В настоящее время нет

четко разработанной классификации подобного рода изделий ввиду того, что подобные орудия имели многофункциональный характер. В. А. Городцов попытался первым разработать их классификацию (Смирнов, 1974. С. 43), которая была в общих чертах воспринята Я. Я. Граудонисом, затем В. И. Шадыро (Шадыро, 1985. С. 43), А. А. Егорейченко (2006а. С. 31–36) и значительно переработана К. А. Смирновым (1974. С. 44–46).

Исходя из специфики материала и следуя, отчасти, вышеперечисленным классификаторам, к проколкам можно отнести 10 образцов (рис. 5,

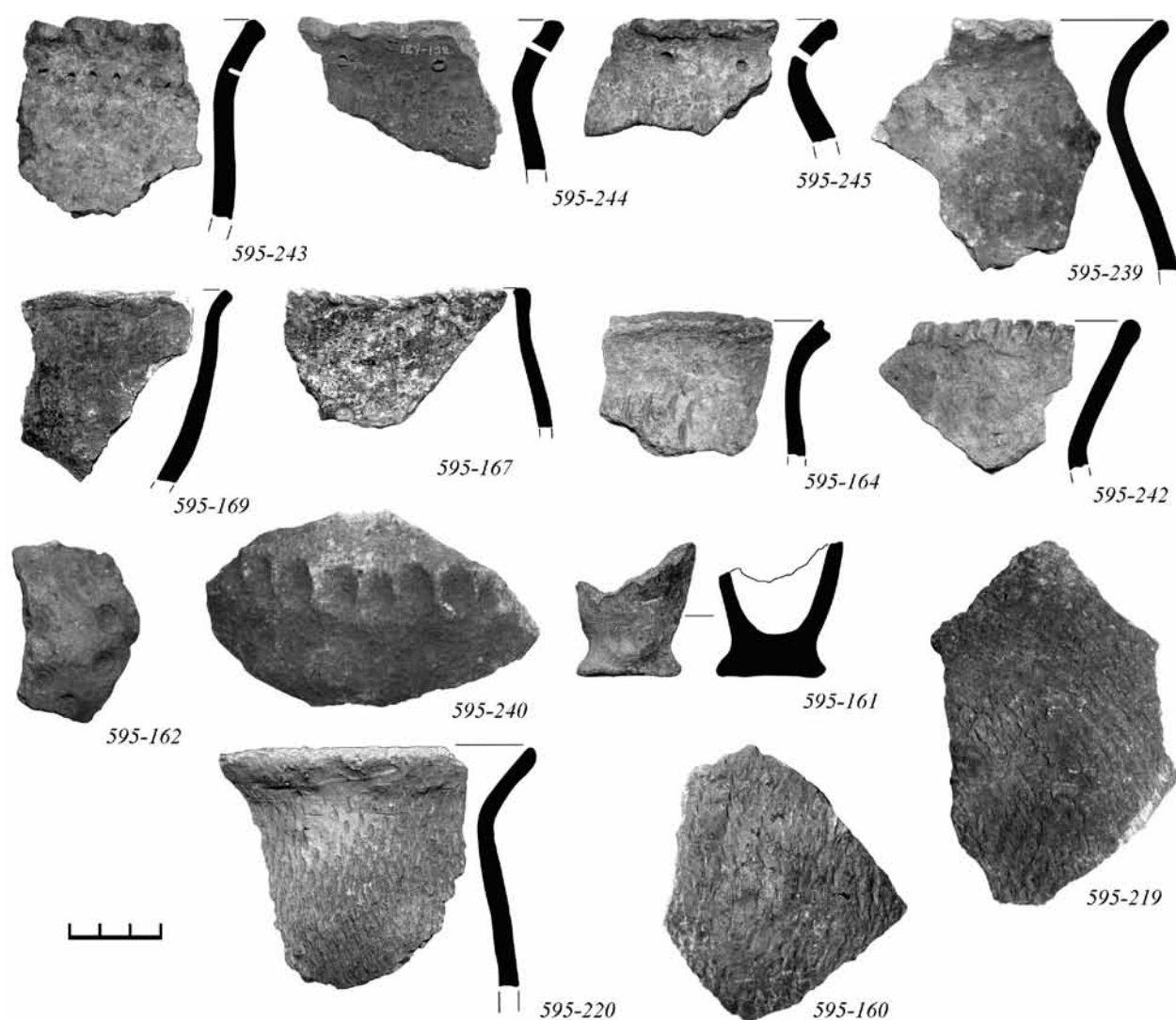

Рис. 2. Грубая лепная керамика из раскопа 1898 г. Ю. Г. Гендуне. Государственный Эрмитаж

3–6, 8–9, 11–12, 15–16) – значительная их серия сделана из метакарпальных костей, имевших с одной стороны естественное сужение, а рукояткой служило естественное завершение кости (Егорейченко, 2006а. С. 30). Данный вид хозяйственного инвентаря широко представлен в различных культурах всех времен и народов.

Булавка (рис. 4, 10) относится к группе изделий, у которых головка сохраняет естественную подтреугольную форму кости, а игла тонкая. В головке сделано отверстие для крепления к одежде при помощи шнура. Аналогичные изделия, которые не имели отверстия, Н. В. Теплов относил к орудиям для проведения орнамента на сосудах (Теплов, 1899. С. 16). Подобные булавки встречены среди древностей культуры ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 2006а. Табл. 27), раннего железного века белорусского Понеманья (Медведев,

1996. С. 38, 1–5), днепро-двинской культуры северной Белоруссии (Шадыро, 1985. С. 44. Рис. 21, 27) и Смоленщины (Шмидт, 1992. Табл. 8, 1–19), материалов каширской группы городищ дьяковской культуры (Сидоров, 2006. Рис. 9).

Кочедык (рис. 4, 2). Такие инструменты, впервые выделенные В. А. Городцовым на материалах Каширского городища, а сейчас известные на многих поселениях эпохи раннего железного века, служили для того, чтобы в процессе плетения из лыка, шнура, ремня приподнимать один компонент и пропускать под ним в поперечном направлении другой. Экземпляр с городища Дуна имеет клиновидное острие и хорошо зашлифован.

Гарпунный наконечник (рис. 4, 14). Следуя классификации, разработанной В. А. Городцовым на материалах Каширского городища дьяковской культуры, а позже К. А. Смирновым, гарпунный

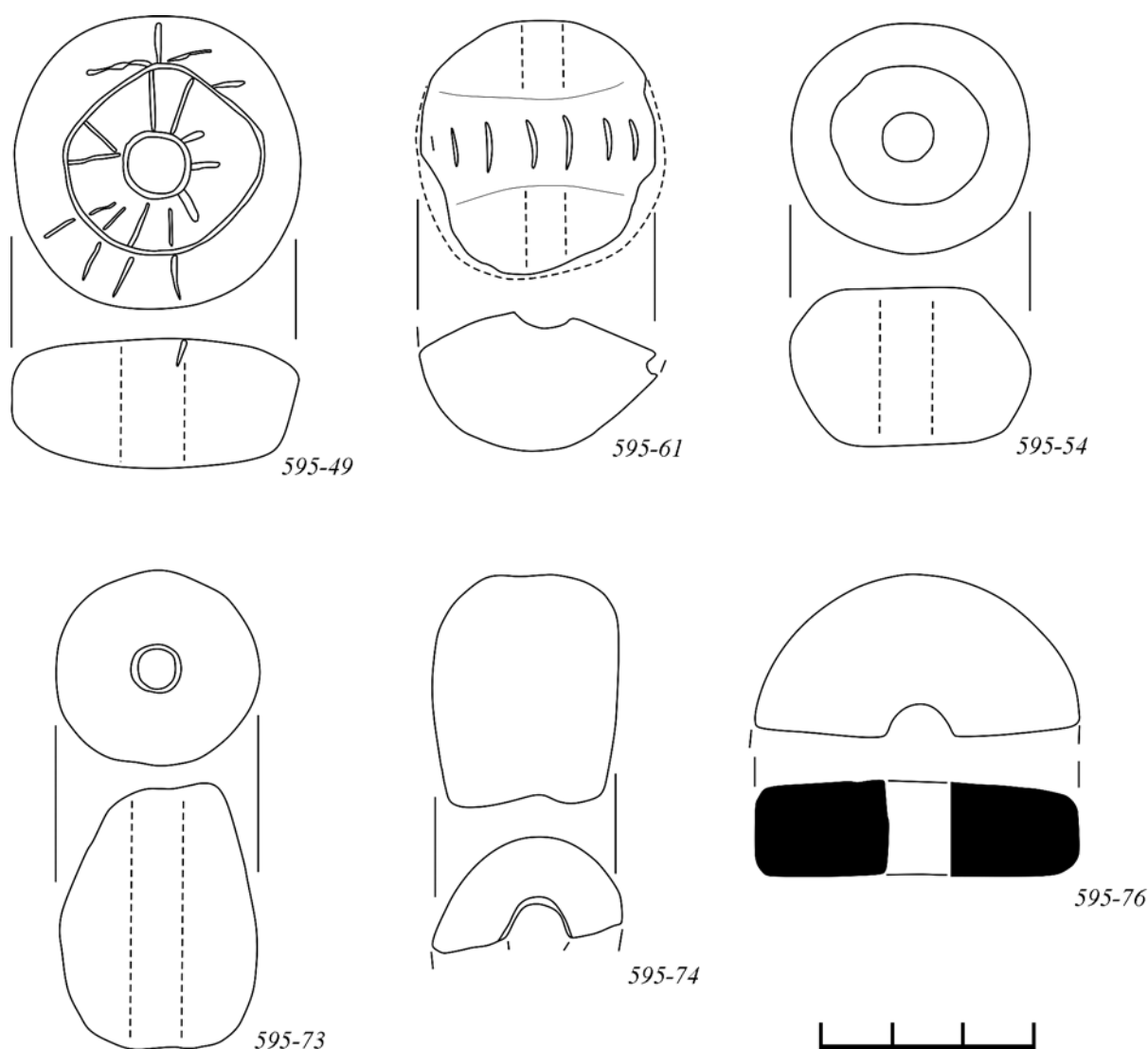

Рис. 3. Керамические (49, 54, 61, 73–74) и каменный (76) грузики из раскопа 1898 г. Ю. Г. Гендуне. Государственный Эрмитаж

наконечник, несмотря на имеющуюся утрату, следует отнести к отделу отделяющихся, типу 1 – однозубые с муфтой. Н.В. Теплов считал подобные изделия рыболовными крючками (1899. С. 16). Гарпун такого типа не был частью остроги, а применялся самостоятельно. Самая многочисленная группа таких гарпунов обнаружена на Щербинском городище в нижнем и среднем слоях (Дубынин, 1974. С. 257. Табл. III). На Троицком городище, которое поражает обилием костяного инвентаря, таких наконечников только два, причем один найден на материке, с датировкой IV–III вв. до н. э. Большая часть гарпунов культуры ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 2006а. С. 35. Табл. 23) и днепровинской (Шмидт, 1992. С. 78. Табл. 2, 1–7) также относится к данному отделу и типу. В Прикамье

подобные гарпуны встречены в слое со скифскими стрелами V–III вв. до н. э. Общая датировка гарпунных наконечников этого типа – не позднее IV–III вв. до н. э. (Смирнов, 1974. С. 35).

Наконечники копий (рис. 4, 1). С городища Дуна происходят два костяных наконечника копий. Первый, размерами 4×10 см, хорошо отполирован и заострен (Гендуне, 1903. Табл. III, 11). Наконечник копья из коллекции 1898 г. – длиной 15 см, три четверти кости срезаны по оси, оставшаяся часть выдолблена и представляет собой втулку диаметром 2,25 см (Гендуне, 1903. Табл. III, 10). Подобные наконечники копий (тип I, вариант 1 по А.А. Егорейченко) известны в материалах культуры ранней штрихованной керамики. Они могли бытовать все I тыс. до н. э. (Егорейченко, 2006а. С. 32. Табл. 15)

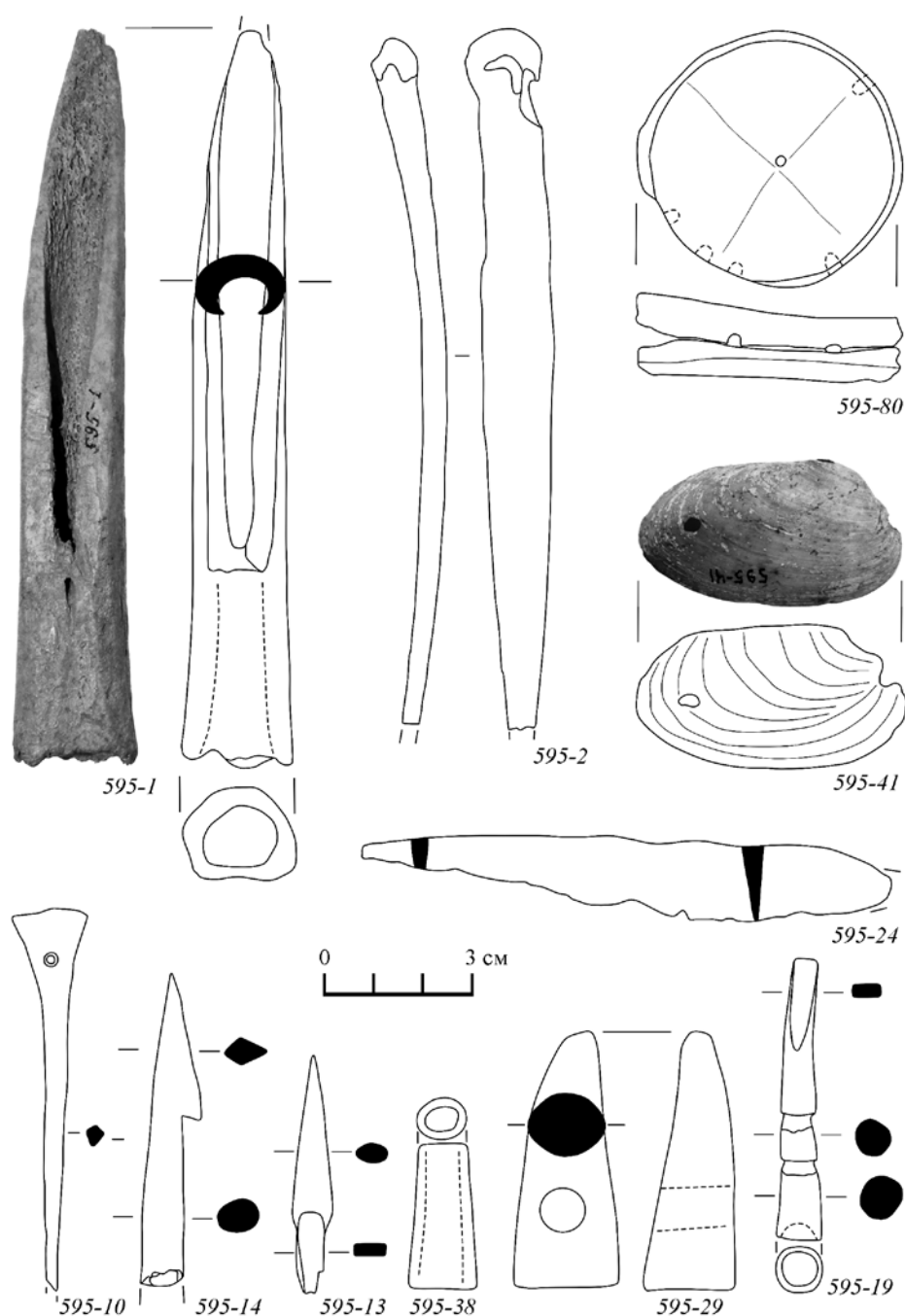

Рис. 4. Костяные (1–2, 10, 13–14, 19, 38), роговые (29, 80), железное (24) изделия и раковина моллюска (41) из раскопа 1898 г. Ю. Г. Гендуны. Государственный Эрмитаж

Донце от колчана (рис. 4, 80). К этой категории находок, как ее интерпретировала И. Г. Розенфельдт (1968), можно отнести роговой кружок диаметром 5 и толщиной 1,8 см (Гендуны, 1903. С. 20, 21). По его ребру идут несколько круглых углублений, которые расположены неравномерно. На середине кружка (с внешней стороны) небольшое углубление, рядом с которым выцарапаны две перекрещивающиеся линии. Близкая по размерам и стилю оформления находка была найдена при раскопках городища Гре-

мячево на Верхней Оке (Булычев, 1899. Табл. III, 2). Диаметр находки – 5,3 см, толщина – 1,5 см, по контуру – закраина с системой отверстий. На наружной стороне рогового кружка – орнамент в виде креста, изображенного точечными углублениями, собранными в прямые линии.

Аналогичные находки донцев отмечены на Щербинском, Кропотовском городищах, городищах Кузнечики, Сатинка и Овстуг (Розенфельдт, 1968. С. 272–276), известны они и на городище культуры

ранней штрихованной керамики Ратюнки (*Егорейченко*, 2006б. С. 51. Рис. 9), а также на городище днепро-двинской культуры Демидовка (*Шмидт*, 1992. Табл. 6, 13). Подобные находки И.Г. Розенфельдт датировала последними веками до н.э. – первыми веками н.э. (1968. С. 274). К.А. Смирнов считал, что они могли быть и донцами от коробок. Круглые или продолговатые коробки из бересты с донцами аналогичной формы, изготовленными из рога или дерева, известны по этнографическим параллелям среди предметов быта народов Сибири и Крайнего Севера (*Смирнов*, 1974. С. 59, 60).

Наконечник стрелы (рис. 4, 13) можно отнести к типу конических (шиловидных) без упора. Он имеет овальное в сечении перо в виде заостренного стержня и плоский черешок. Аналогии наконечнику известны с городищ дяковской культуры – Троицкого, Щербинского, Кузнечики, Графская Гора и Каширского (*Смирнов*, 1974. С. 31. Табл. I, 18) и с городища Николо-Ленивец в Погуще (*Столяров*, 2009; 2011).

Костяные предметы представлены также одной костяной *пронизкой* (рис. 4, 38), *незаконченными изделиями* (рис. 5, 16, 18) или *изделиями с непонятным функциональным предназначением* (рис. 4, 19, 29).

Речная раковина с отверстием (рис. 4, 41), по описанию Н.В. Теплова, являлась часто встречающейся находкой на городище Дуна. По его мнению, раковины, очевидно, носились как украшение (*Теплов*, 1899. С. 17). Не исключен вариант использования их и в качестве блесен при рыбной ловле, что было неоднократно отмечено материалами археологических и этнографических исследований. Но, принимая во внимание хрупкость материала, версия Н.В. Теплова выглядит правдоподобнее.

Находки подвесок из створок раковин моллюска известны из раскопок городища Дуна в 2011 г. из слоя IV–III вв. до н.э. (раскоп 2, слой 4). Ввиду того, что четыре подвески были найдены недалеко друг от друга, возможно, они представляли собой ожерелье (*Столяров*, 2016. Рис. 16, 3–6). Аналогичные находки с территории культур раннего железного века лесной и лесостепной зон Восточной Европы нам неизвестны.

Каменные изделия

Известняковый грузик, вероятно, использовался для рыбной ловли (рис. 3, 76). Подобные грузики известны по материалам раскопок Н.В. Теплова (1899. С. 17). Целая серия аналогичных находок происходит с верхнеокских городищ

Николо-Ленивец, Свинухово (*Столяров*, 2013. С. 340. Рис. 45, 1–25), Гремячево (*Булычев*, 1899. Табл. IV, 17) и Мужитино (*Булычев*, 1903. Табл. XIV, 5), а также с селища Певкин Бугор (*Розенфельдт*, 1963). Размеры грузиков стандартизированы: диаметр – от 4,5 до 5,7 см, толщина – от 1,5 до 2,2 см и диаметр канала отверстия – от 0,9 до 1,9 см, но в среднем 1,1 см у большинства экземпляров. Сечение подовальное или прямоугольное, хотя некоторые имеют битрапечиевидное с неотчетливо выраженным ребром. Кроме того, отдельные экземпляры грузиков орнаментированы различными прочерченными линиями, представляющую солярную символику.

Изделия из керамики

К раннему железному веку можно отнести пять керамических *грузиков*. Они представлены разнообразными формами, среди которых можно выделить следующие типы, исходя из сечения предмета: 1) овального сечения, уплощенные (рис. 3, 49, 54). Один из них с одной стороны имеет орнаментацию в виде прочерченного круга и линий, расходящихся от центра к краям; 2) овального сечения, вытянутые (рис. 3, 73, 74); 3) округлой формы, орнаментированный ногтевыми вдавлениями (рис. 3, 61).

Грубая лепная керамика (рис. 2). Исходя из понимания стратиграфии слоев раннего железного века на городище Дуна и разработанной типологии лепной керамики по результатам работ 2011 г., керамический материал из коллекции 1898 г. можно отнести с конкретным хронологическим периодом (*Столяров*, 2016). Фрагменты хорошо выраженных высоких венчиков от округлобоких так называемых тюльпановидных горшков имеют прямые аналогии в древностях последних веков до н.э. – первых веков н.э., типа среднего слоя Тушемли, верхнего горизонта Полужья и памятников типа Упа 2. Как правило, они имеют орнаментацию в виде пальцевых вдавлений (рис. 2, 239, 243–245), насечек по срезу венчика (рис. 2, 242) и проколы по шейке (рис. 2, 243–245). К этому кругу древностей, вероятно, относятся также стенка, орнаментированная пальцевыми вдавлениями (рис. 2, 240), и венчик с орнаментом в виде ногтевых вдавлений по плечикам и прорезанной бороздкой по срезу. Аналогичный керамический материал (горшки типов VI–VII) происходит из слоя, датированного рубежом эр, на раскопе 22011 г. (*Столяров*, 2016. С. 101).

Венчик округлобокого открытого горшка (рис. 2, 169) аналогичен материалам из слоев 3–4 раскопа 22011 г., датированных IV–III вв.

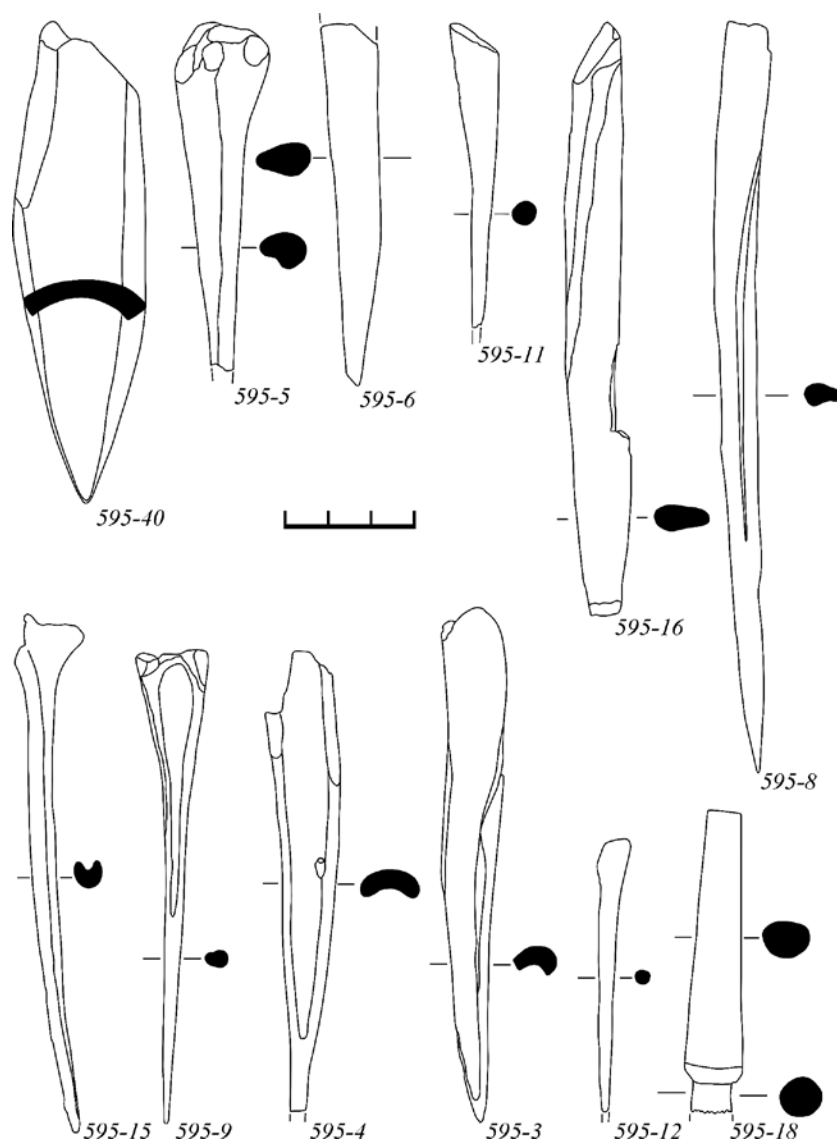

Рис. 5. Костяные проколки (3–6, 8–9, 11–12, 15–16) и незаконченные изделия (16, 18) из раскопа 1898 г. Ю. Г. Гендуны. Государственный Эрмитаж

до н.э. Низкий венчик сосуда слегка отогнут наружу, дуга профиля между шейкой и плечом выражена слабо (тип V).

Слабопрофилированный венчик горшка (рис. 2, 167), который имеет орнамент в виде насечек по срезу, характерен для керамического комплекса слоев 3–5 раскопа 22011 г., с широкой датировкой V–III вв. до н.э. Вероятно, к этому времени относится и фрагмент сероглиняного миниатюрного сосудика (рис. 2, 161).

Возможно, к самому раннему этапу функционирования городища относится фрагмент стенки лепного сосуда, орнаментированный углублениями со спиральным рубчатым дном, напоминающими отпечаток раковин (рис. 2, 162). Подобный орнамент встречен как на гладкостенной, так и на тек-

стильной керамике нижних слоев дьяковских городищ (Розенфельдт, 1974. С. 137–145). Один венчик и два фрагмента стенок лепных сосудов имеют «рябчатые» отпечатки (рис. 2, 160, 219–220). Текстильная керамика, видимо, свидетельствует о контактах с населением дьяковской культуры.

Металлические изделия

Изделий из металла, которые можно было бы отнести к раннему железному веку, всего одно – это железный черешковый нож (рис. 4, 24). Вероятно, он относится к типу ножей с горбатой спинкой. Такой тип ножей был распространен на территории лесной зоны Восточной Европы на протяжении всей второй половины I тыс. до н.э. (Смирнов, 1974. С. 37).

Литература

- Булычёв Н. И., 1899. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М.: Тип. Мамонтова. 23 с.
- Булычёв Н. И., 1903. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М.: Тип. Эбе. 77 с.
- Воронцов А. М., 2011. Отчет об археологических раскопках на городище Дуна в Суворовском районе Тульской области в 2011 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 34218.
- Воронцов А. М., Столяров Е. В., 2016. Городище Дуна // Россия как археологическое пространство. М.: ИА РАН. С. 134–135.
- Гендуне Ю. Г., 1903. Городище Дуна Лихвинского уезда Калужской губернии. СПб.: Тип. Лопухина. 22 с.
- Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 198–281.
- Егорейченко А. А., 2006а. Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ. 207 с.
- Егорейченко А. А., 2006б. Боевое и охотничье оружие племен культуры ранней штрихованной керамики // ГАЗ. № 21. Минск. С. 47–51.
- Медведев А. М., 1996. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (1 тысячелетии до н. э. – 5 в. н. э.). Минск: ИИ АНБ. 200 с.
- Наумова Т. В., 2016. История изучения археологических памятников тульского края (1760-е – 1930-е гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М. 401 с.
- Розенфельдт И. Г., 1968. Детали колчанов на городищах дьякова типа // СА. № 2. С. 272–276.
- Розенфельдт Р. Л., 1963. Селище Певкин Бугор // СА. № 3. С. 224–228.
- Сидоров В. В., 2006. Каширская культура в железном веке бассейна Оки // Обнинский краеведческий сборник. Матер. историко-краеведческой конф. «Город и регион: проблемы археологии истории и культуры». Обнинск. С. 136–145.
- Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 7–89.
- Столяров Е. В., 2009. Костяные наконечники стрел с городищ Свинухово и Николо-Ленивец (по материалам из фондов КОКМ) // Природа и история Поугорья. Вып. 5. Калуга. С. 161–167.
- Столяров Е. В., 2011. Костяной инвентарь верхнеокских городищ эпохи раннего железа (по материалам городищ Свинухово и Николо-Ленивец) // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 89–102.
- Столяров Е. В., 2013. Культурные традиции населения бассейна верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI в. до н. э. – I в. н. э.). Дисс. ... канд. ист. наук / Архив ИА РАН. Р-2. № 2818. 392 с.
- Столяров Е. В., 2016. Городище Дуна: к характеристике горизонтов эпохи раннего железного века (по материалам работ 2011 г.) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 98–121.
- Теплов Н. В., 1899. Городище «Дуна» близ г. Лихвина Калужской губернии // Изв. КУАК. Вып. 1. Калуга. С. 15–20.
- Шадырь В. И., 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск: Наука и техника. 126 с.
- Шмидт Е. А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепр-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Прометей. 208 с.

E. V. Stolyarov

Early Iron-Age finds from the Duna hill-fort, from excavations undertaken in 1898 by Yu.G. Gendune (from the Russian State Hermitage collections)

Summary

This is a write-up of materials from the Duna hill-fort (on the Upper Oka River) which are kept at the State Hermitage collection in St Petersburg. The finds

come from the upper (Medieval) layers of the hill-fort – yet had been relocated there, probably in ancient times, by digging that disturbed ancient sediments below.

Т. Н. Новоселова*, В. И. Вишневский*, А. А. Гольева**

* СПГИХМЗ, Сергиев Посад (Московская обл.);

** Институт географии РАН, Москва

Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник (результаты раскопок 2016 года)

Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник продолжил археологические работы на Ратьковском могильнике позднесредневековой культуры, расположенном в 0,6 км к юго-западу от д. Ратьково у пос. Искра в Александровском р-не Владимирской обл. Открыт памятник был в 1996 г. В.И. Вишневским и исследовался в 1999, 2000, 2002, 2006, 2007, 2013–2015 гг. (Вишневский, 2002; Вишневский, Ки-

рьянова, Добровольская, 2007; Вишневский, Новоселова, 2010; Новоселова, Вишневский, 2015; 2016; 2017). В 2016 г. было исследовано 80 кв. м в широкой, юго-восточной части городища (рис. 1).

Раскоп (8×10 м) прирезан к северному краю раскопа 2015 г. Культурный слой мощностью 0,3–0,5 м содержал остатки погребений: погребальный инвентарь, измельченные обожженные кремнированные кости людей, фрагменты керамики, обугленные зерна.

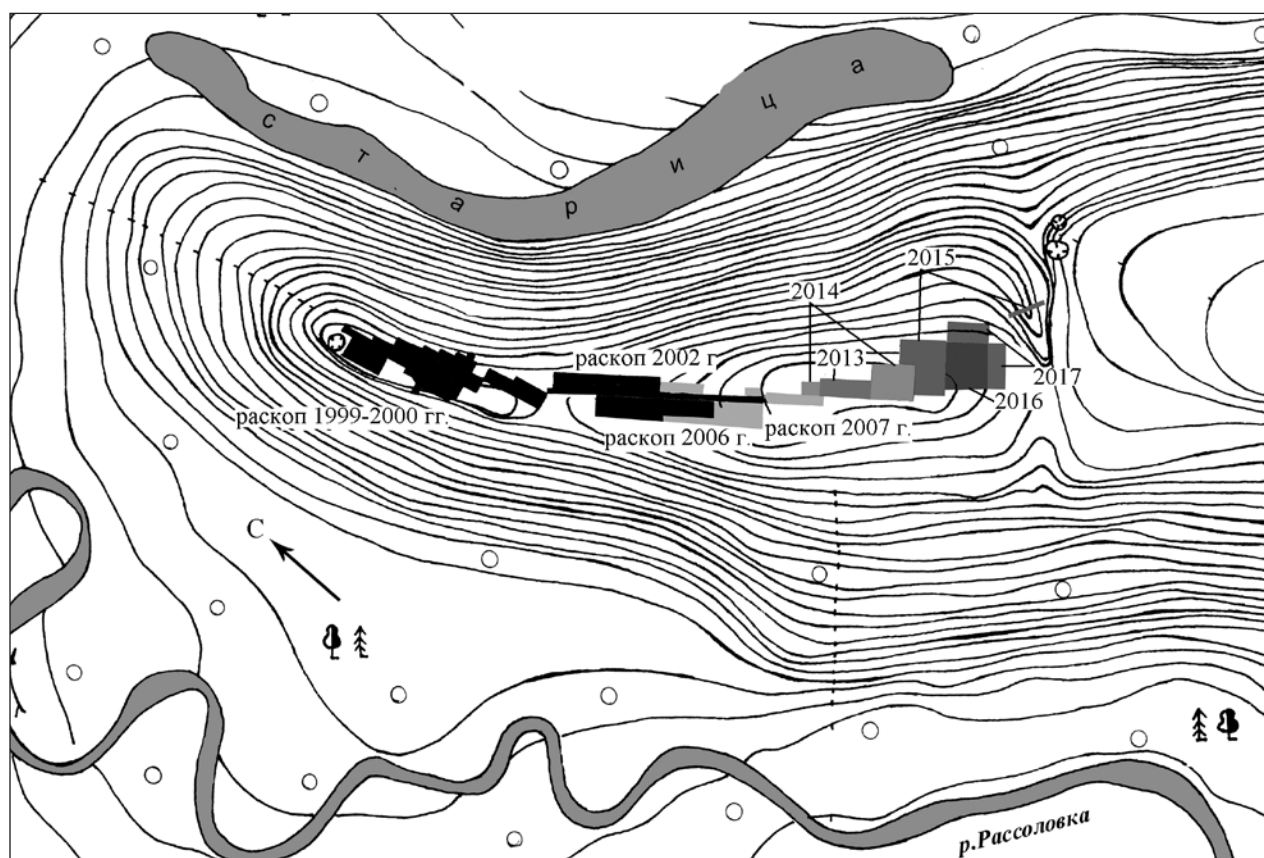

Рис. 1. Ратьковский могильник. План раскопок

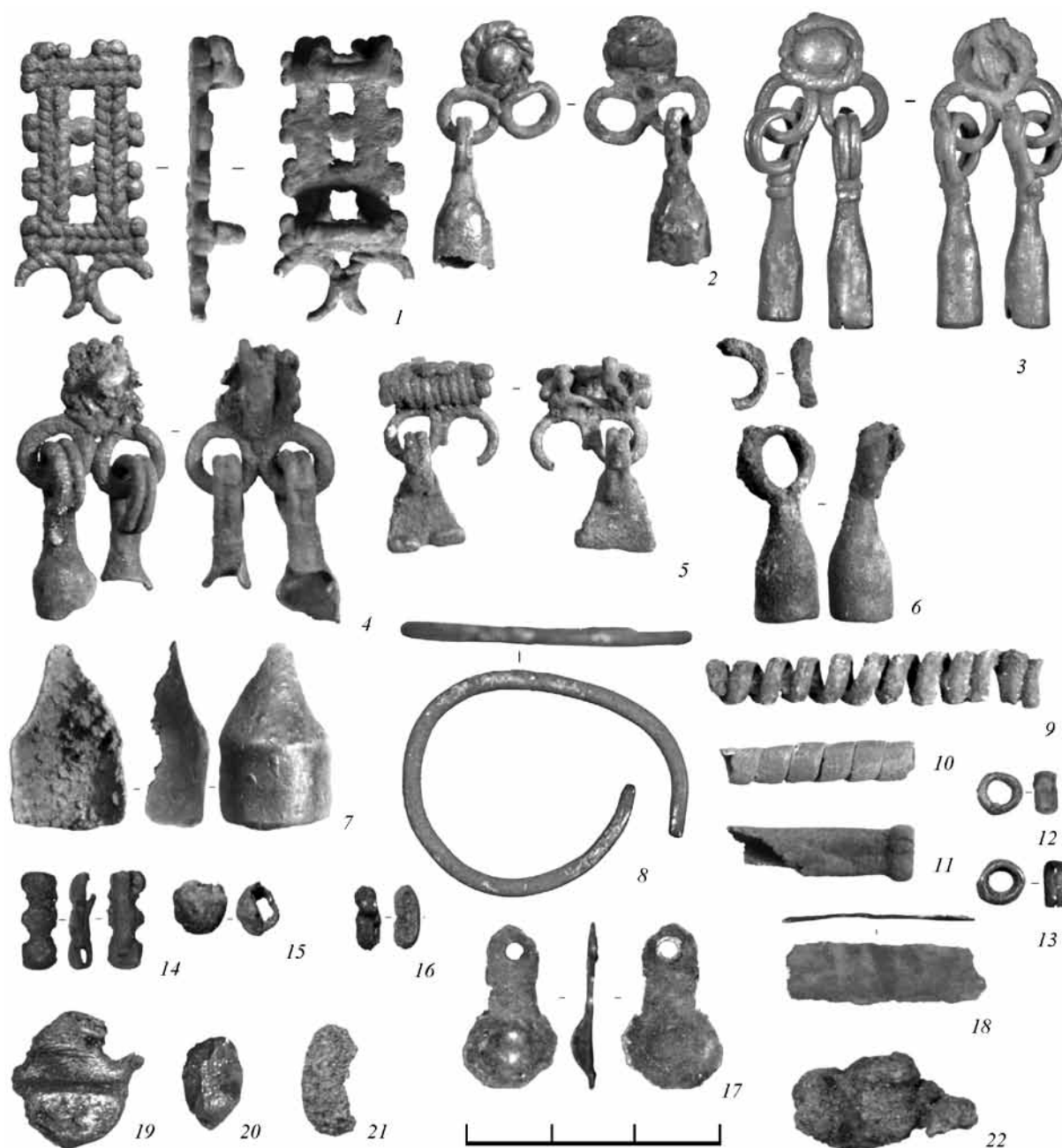

Рис. 2. Ратковский могильник. Бронзовые украшения

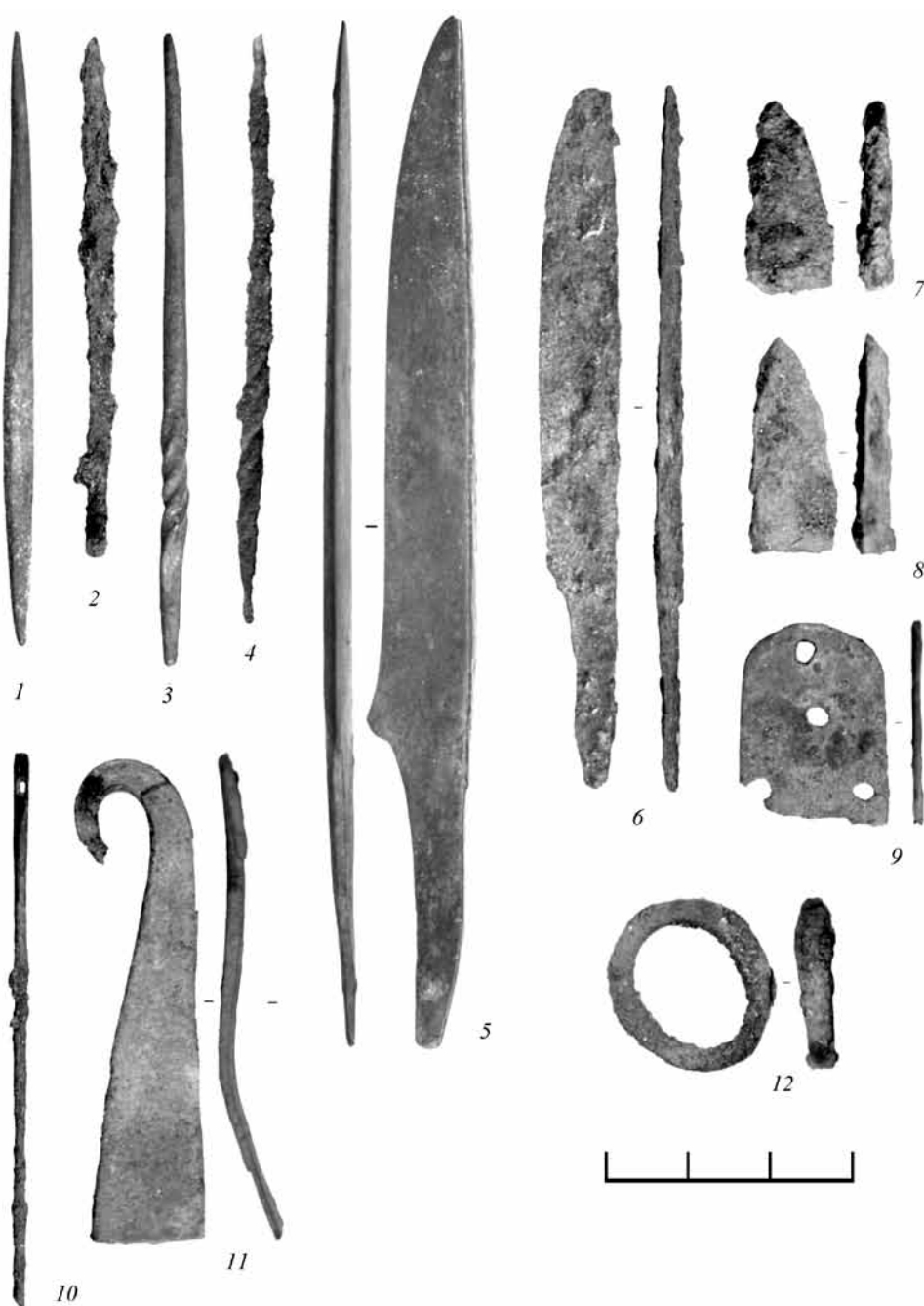
1–5 – шумящие подвески; 6–7 – колокольчатые привески; 8 – височное кольцо; 9–10 – спирали-пронизки; 11 – трубочка-пронизка; 12–13 – пронизы; 14–16 – бляшки-пронизки; 17 – поясная привеска; 18 – пластинка; 19–22 – слитки

Бронзовые украшения (рис. 2).

Шумящая подвеска с щитком из полуспиральи и двумя «лапками» (рис. 2, 5). Шумящие подвески с щитком в виде полусферы со «шнуровым» кантом, с двумя колокольчатыми привесками (рис. 2, 2, 3, 4), встречающиеся в могильниках муромы (Голубева, 1987. С. 283. Табл. XXXIV, 5, 16). Найдены колокольчатые привески бутылчатой формы,

в том числе фрагмент крупного колокольчика (рис. 2). Впервые найден щиток шумящей ажурной подвески в виде вертикальной рамки из плетеного спаренного шнура, украшенной десятью парами зерни по контуру и двумя более крупными полшариями внутри. К щитку крепятся два кольца из витой проволоки, на оборотной стороне подвеска имеет две горизонтальные петли для крепления

Рис. 3. Ратьковский могильник. Железные вещи

1–4 – шилья; 5–6 – ножи; 7–8 – фрагменты ножей; 9 – накладка; 10 – игла; 11 – кресало; 12 – кольцо

на одежду (рис. 2, 1). Подобные щитки из двойных плетеных шнуров более характерны для памятников муромы, в меньшей степени – для мери (Голубева, 1987. С. 283. Табл. XXXIV, 8). Пронизки-спирали из бронзового дрота (рис. 2, 9–10), пронизка-трубочка (рис. 2, 11); бляшки: полушарная с плоской петлей сзади (рис. 2, 15) и трехполушарная с двумя петлями на оборотной стороне (рис. 2, 14); височное кольцо из круглой в сечении проволоки

(рис. 2, 8), пронизи (рис. 2, 12–13), незамкнутое звено (рис. 2, 16) и тонкая пластина прямоугольной формы (рис. 2, 18). Отметим второй случай находки поясной подвески с окончанием в форме полушария с плоскими полями, орнаментированной по кругу чеканными точками (рис. 2, 17). Поясные подвески с подобными круглыми завершениями и точечным орнаментом встречены на Шатрищенском могильнике культуры рязано-окских

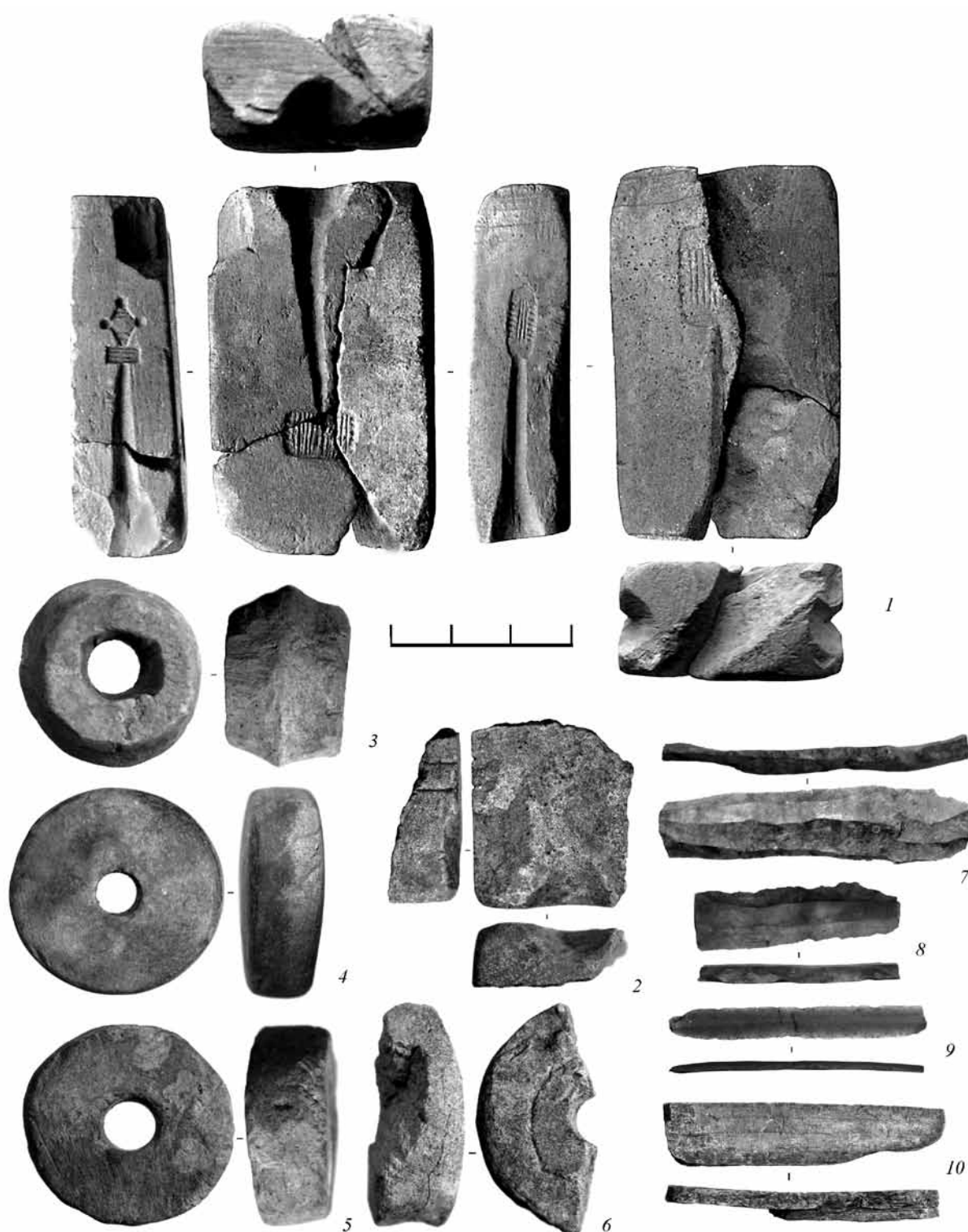

Рис. 4. Ратьковский могильник

1-2 – литейные формы; 3-6 – пряслица; 7-9 – пластины; 10 – фрагмент рукояти.
1-2 – камень; 3-6 – керамика; 7-9 – кремь; 10 – кость

Таблица 1. Ратьковский могильник. 2014. Стратиграфическое распределение археологического материала.

Пласты	Фрагменты керамики	Находки	Фрагменты костей	Обугленные зерна
1	295	2	68	8
2	1598	5	339	121
3	1708	24	227	5
4	536	13	89	113
5	179	2	30	154
6	18	3	11	28
7	6	—	13	70
8	3	—	3	—
9	—	—	2	1
Ямы	27	3	29	71
Всего	4343	49	782	500

могильников (V–VIII вв.) (Розенфельдт, 1982. С. 109–111. Рис. 1, 2, 4).

Железные предметы. Шилья (рис. 3, 1–4), из которых три перекручены, игла с ушком (рис. 3, 10), ножи (рис. 3, 5, 6) и их обломки (рис. 3, 7, 8), кольцо (рис. 3, 12), кресало пластинчатое с петлей (рис. 3, 11) и обломок перфорированной пластины подпрямоугольной формы с закругленной одной стороной и четырьмя сквозными отверстиями для заклепок (рис. 3, 9).

Обломки каменных прямоугольных литейных формочек (на памятнике найдено более 30 целых и фрагментов), типичных как для позднедьяковских и мерянских городищ, так и для могильников поволжских финнов, датируемых VII–X вв. (Вишневский, 1996. С. 55). Найдены обломок литейной формы, который на одной из сторон сохранил два параллельных тонких канала (рис. 4, 2), и собранная из трех частей полная форма в виде уплощенного прямоугольника с зашлифованными поверхностями (рис. 4, 1). На плоскостях – резанные вглубь каналы для заливки сплава, завершающиеся (на трех сторонах) прямоугольником с многочисленными канальцами; на четвертой – прямоугольный щиток с ромбовидным углублением ямок для отливки ложной зерни на трех углах. *Керамические предметы* представлены четырьмя пряслицами (три цилиндрическими и одним биконическим (рис. 4, 3–6). На фрагменте одного цилиндрического пряслица имеется орнамент в виде резанной вглубь одной узкой кольцевидной линии (рис. 4, 6).

Впервые найден обломок костяной обработанной пластины, вероятно, рукояти ножа (склеен из двух частей) (рис. 4, 10). Обнаружены три кремневые ножевидные пластины удлинённой формы, одна из которых имеет ретушь по двум сторонам (рис. 4, 7–9).

Помимо предметов из инвентаря могильника в пласте 4 найден один гвоздь от конской подковы. В отличие от северного края могильника здесь отмечено, что кремированные кости не имеют определенной концентрации – рассеяны по всему раскопу на разной глубине, их находки не связаны с ямами. Основная концентрация находок, костей и керамики приходится, как и на других участках могильника, на пласты 2 и 3 (табл. 1).

Раскопки 2016 г. показали, что на широкой части площадки могильника также расположены погребальные комплексы, но насыщенность слоя остатками погребений (индивидуальными находками, обугленными зёрнами и фрагментами кремированных костей) незначительна. В то же время местами фиксируется концентрация обломков керамической посуды, среди которой значительная доля ошлакованной – 730 шт. (17%) (рис. 5, 1). Керамика лепная, неорнаментированная, с примесью крупного песка и дресвы, по большей части слабого или среднего обжига, поэтому сильно фрагментированная. Основной массив (76,1%) керамики залегал в пластах 2 и 3 (табл. 1). Этот массив по качеству теста можно разделить на четыре группы: 1) плохо выделанную (грубую) (44,5%); 2) хорошо выделанную (гладкую) (1,8%); 3) заглаженную (близкую к подлощенной) (10,7%); 4) шероховатую (25,9%).

Фрагменты венчиков (448 шт. – 10,3% всего керамического комплекса) относятся к небольшим горшкам с диаметром венчика от 10 до 30 см (отдельные до 35 см) и днищами диаметром от 10 до 20 см. Днища сосудов в основном без закраин (98 шт.), те, что с закраинами, относились к сосудам с грубым тестом (41 шт.).

Ямы в материке содержали примеси кремированных костей и обугленных зёрен. Инвентарь

Таблица 2. Распределение находок по погребальным комплексам.

Комплекс №	Квадраты	Яма №	Индивидуальные находки, шт.	Керамика, фрагменты	Кости, шт.	Обугленные зерна
30	С-8-13, Т-8-13, У-8-12	4, 7, 11	11	1443	344	202
31	У-13, Ф-9-13, Х-9-13, Ц-9-13	1, 8, 9, 13	10	518	27	21
32	Р-7-8, С-7	—	7	212	22	14
33	П-4-6, Р-4-6, Т-46	6, 7	8	747	26	37
34	У-4-7, Ф-4-7, Х-4-7, Ц-5-7.	2, 12	12	372	293	134

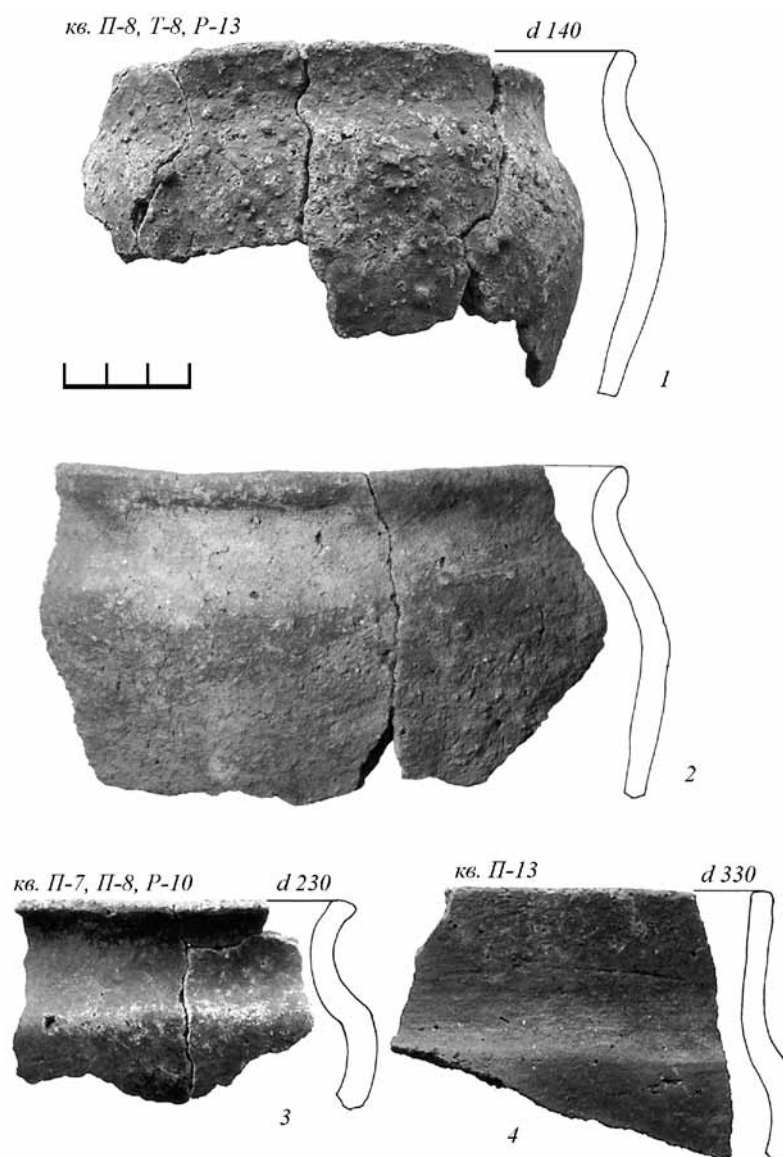

Рис. 5. Ратьковский могильник. Фрагменты керамики. Пласт 3 (см. цв. вкл.)

1 – кв. П-8, Т-8, Р-13; 2 – кв. Т-6; 3 – кв. П-7, П-8, Р-10; 4 – кв. П-13

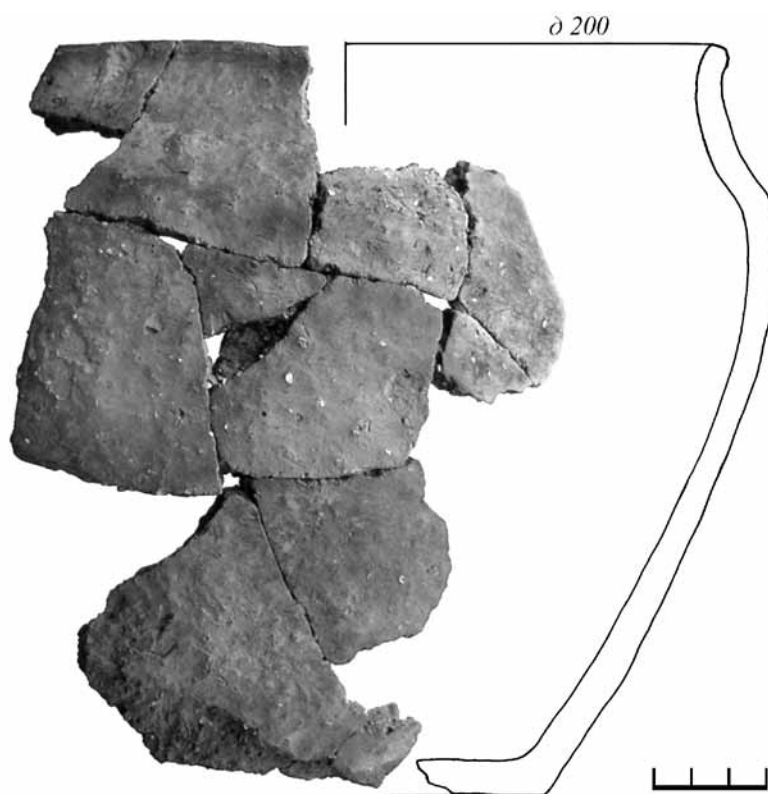

Рис. 6. Ратьковский могильник. Фрагмент керамического сосуда.
Пласт 2, кв. П-8, Т-9; пласт 3, кв. Т-5, Т-6, Т-7, У-6, У-7, У-8; пласт 4, кв. Т-6, Т-7, С-9, Х-6

погребений найден преимущественно в пластах 2 и 3 (табл. 1). Кремированные кости, обугленные зерна, фрагменты керамики и находки образуют скопления, разные по площади и объему материала, которые могут быть топографически соотнесены с пятью погребальными комплексами (рис. 7¹; табл. 2).

*Комплекс № 30*² (рис. 7, 1). Бронзовые вещи: шумящая подвеска, бляшки-пронизки, поясная подвеска, пронизь, железные шило, накладка, обломок ножа, кольцо, керамическое пряслице, кремневая ножевидная пластина.

Комплекс № 31 (рис. 7, 2). Целая каменная литейная форма и один обломок формы, бронзовое височное кольцо, железные шило, обломок ножа, пластинчатое кресало, кремневая ножевидная пластина.

Комплекс № 32 (рис. 7, 3). Бронзовые вещи: три шумящие подвески, трубочка-пронизка, пронизь, слиток.

Комплекс № 33 (рис. 7, 4). Бронзовые вещи: шумящая подвеска, две привески-колокольчика, железные нож, звено-колечко, слиток.

Комплекс № 34 (рис. 7, 4). Бронзовые вещи: две спирали-пронизки, поясная подвеска, пронизь, железные: нож, шило и два обломка шильев, игла, два керамических пряслица и один обломок пряслица, кремневая ножевидная пластина, фрагмент костяной рукояти.

В комплексах инвентарь соответствует женским погребениям: украшения, литейные формы, ножи, шилья, иглы, пряслица.

Новые находки подтверждают ранее определенную дату – VI–VII–IX–X вв.

В 2016 г. были проведены почвенные исследования. Почвообразующая порода – песок связный, современная растительность – березняк с хорошо развитым травянистым покровом. Изучались следующие объекты. У могильника (рис. 8) – южные стенки квадрата Т6 и ямы 5 в квадратах Т5–6 (рис. 9), а также разрез ямы 2 в квадратах Х-5–6 (рис. 10). Проведено морфологическое описание стенок, отобраны вертикальные колонки образцов на определение количества валового фосфора. Цель исследования – определить наличие

¹ Рисунки выполнены Д. Н. Черевко.

² Нумерация комплексов продолжает начатую в предшествующих публикациях.

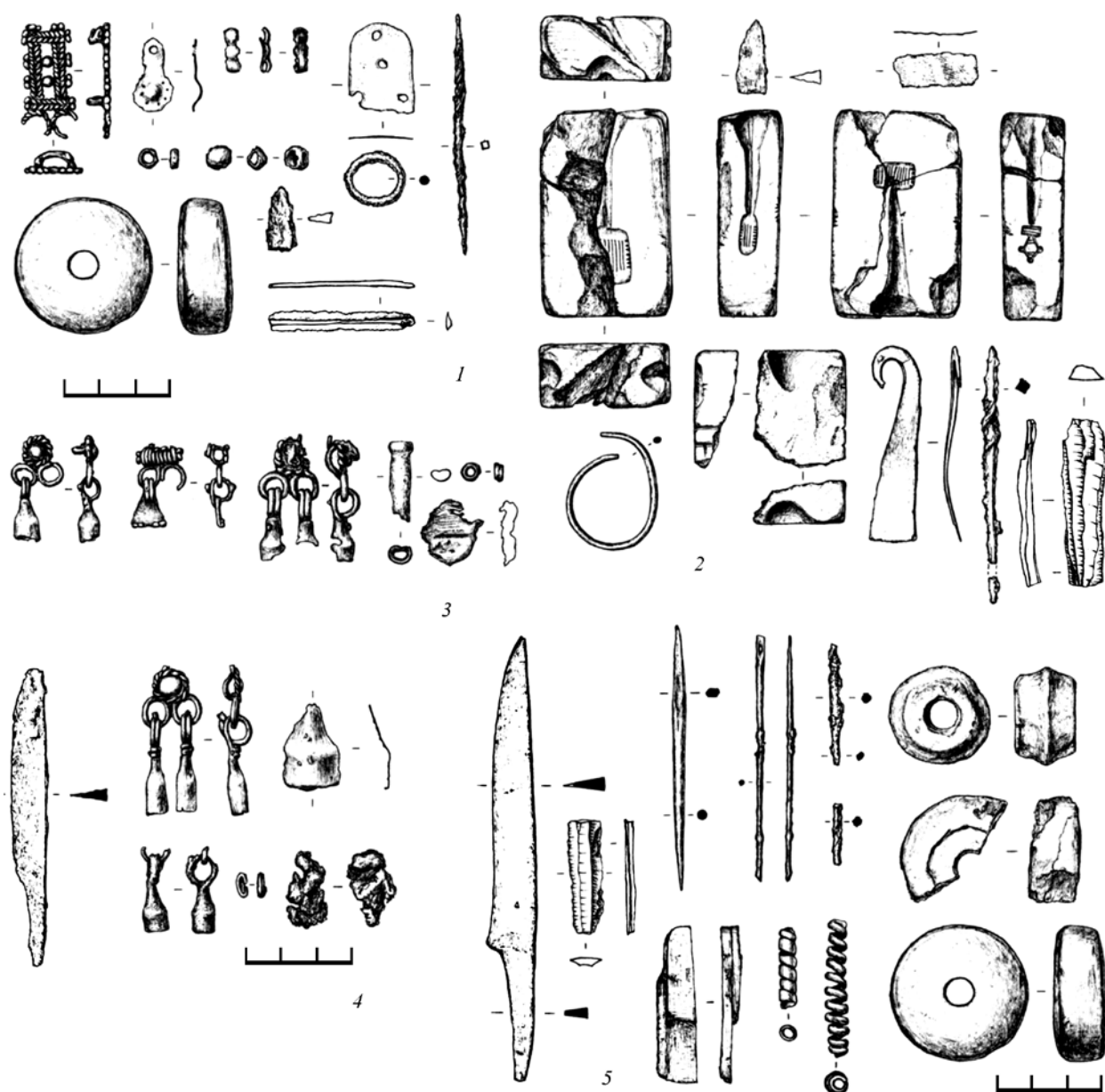

Рис. 7. Ратковский могильник. Инвентарь погребальных комплексов
1 – комплекс 30; 2 – комплекс 31; 3 – комплекс 32; 4 – комплекс 33; 5 – комплекс 34

и сохранность культурного слоя на участке перед созданием могильника, реконструировать изменения ландшафта за последние 100 лет.

Морфологическая характеристика. По всем вскрытым в ходе раскопок стенкам квадратов непосредственно под дерниной фиксируется темно-серый гумусовый горизонт мощностью 25–30 см, что нехарактерно для естественных песчаных почв Московской области. Этот горизонт имеет однородную окраску по всей мощности и, фрагментарно, линейный рисунок нижней границы. Ввиду однотипности объектов морфологическая

характеристика приводится для стенок квадрата Т-6 (без ямы) и квадратов Т-5–6 (яма) (рис. 9).

Квадрат Т-6, южная стенка (рис. 9). Под луговой растительностью сформировалась рыхлая темно-серая дернина мощностью 8–10 см. Дернина пронизана корнями трав и деревьев. Переход к следующему горизонту ровный, слабо-волнистый, заметный по плотности, степени минерализации, резкому уменьшению корневой массы.

10–25 (30) см – однородный гумусовый горизонт серого цвета. Интенсивность серой окраски незначительно ослабевает книзу. Нижняя

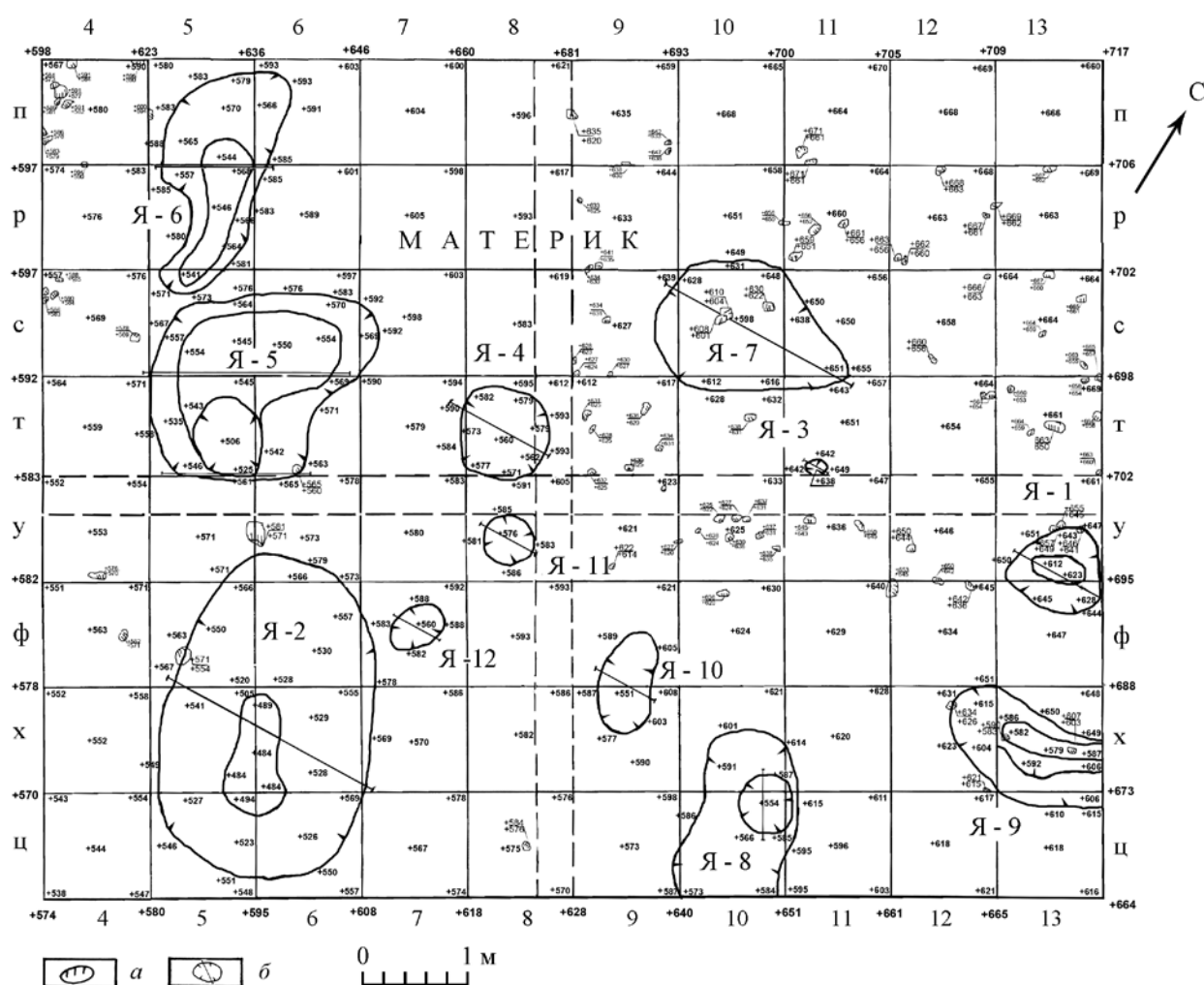

Рис. 8. Ратковский могильник. 2016. План зачистки материка

а – камни; б – ямы

Рис. 9. Ратковский могильник. Забора проб почвы № 1 (кв. Т-6) и № 2 (яма 5, кв. Т-5). Вид с севера

Рис. 10. Ратьковский могильник. Забор проб почвы № 3 в разрезе ямы 2 (кв. X-5-6). Вид с юга

граница неровная, фрагментарно линейная, сильно нарушена ходами землероев. Переход к следующему горизонту ровный, заметный по цвету.

25 (30) – 40 см – минеральный горизонт бурого цвета. Уплотнен. В верхней части наблюдается большое количество ходов почвенной фауны.

Для определения содержания валового фосфора была отобрана вертикальная колонка образцов через 10 см до глубины 40 см.

Основным отличием данной стенки является большая мощность гумусового горизонта. При этом его однородная окраска такая же, как для объектов, где ямы не фиксируются. Каких-либо прослоек, имеющих иной цвет или плотность, не зафиксировано. Наблюдается несколько большая по сравнению с другими стенками раскопа нарушенность ходами землероев.

Для выявления возможной антропогенной составляющей при формировании вскрытой ямы была отобрана вертикальная колонка образцов через 10 см для глубины 70 см.

Валовый фосфор (табл. 3). Больше всего фосфора на участке квадрата Т-6, но оно меньше требуемого для культурных слоев поселений. Распределение элемента ровное до глубины 40 см, что характерно для пахотных горизонтов. На всех других объектах фосфора мало, наблюдается тренд к уменьшению количества элемента с глубиной, что типично для естественных почв.

Выводы по почвенным исследованиям. В заполнении ям материал культурного слоя не выявлен. На участке квадрата Т-6 наблюдается неко-

торое повышенное содержание фосфора на глубине 30–40 см, что позволяет говорить о возможной хозяйственной активности на этом участке в прошлом, но ее интенсивность была крайне мала.

Выявленные морфологические признаки – однородность серой окраски, нехарактерная для зональных почв мощность гумусового горизонта, линейный рисунок нижней границы гумусового горизонта – позволяют уверенно диагностировать его как пахотный горизонт. Дополнительно к морфологической характеристике в верхних горизонтах всех изученных объектов видим ровное распределение фосфора, что также характерно для пахотных горизонтов. То есть два независимых вида анализа (морфологический и химический) показали, что почва распаивалась. Мощность пахотного горизонта (25–30 см) типична для современной техники. Фрагментарность линейной нижней границы пахотного горизонта указывает на залежный характер почвы, то есть распахка была прекращена порядка 30–40 лет назад, за счет чего линейный рисунок нижней части пахотного горизонта был нарушен корнями выросших на залежи трав и деревьев. Темно-серый цвет пахотного горизонта свидетельствует о внесении органических удобрений, что требуется для произрастания пропашных (овощных) культур. В пользу вывода об искусственном обогащении почвы органикой говорит сильная перемешанность верхней части почвы землероями. Зброшенная пашня (огород?) со временем заросли мелколистным лесом, являющимся начальной сукцессионной стадией восстановления коренных лесов.

Таблица 3. Содержание валового фосфора в образцах из Ратьковского могильника

№ образца	Объект, квадрат	Глубина, см	P ₂ O ₅ вал, %
1	Т-6	0–10	0,11
		10–20	0,09
		20–30	0,11
		30–40	0,11
2	Яма 5, Т-5-6	0–10	0,09
		10–20	0,09
		20–30	0,11
		30–40	0,07
		40–50	0,06
		50–60	0,07
		60–70	0,07
3	Яма 2, Х-5-6	50–60	0,10
		60–70	0,10
		70–80	0,08
		80–90	0,06
		90–100	0,07
		100–110	0,06
		110–120	0,07
		120–130	0,04
		130–140	0,06

Литература

Вишневский В. И., 1996. О бронзолитейном деле на Кикинском городище // Проблемы изучения эпохи первобытности и средневековья лесной полосы Восточной Европы. Вып. 3. Иваново. С. 48–55.

Вишневский В. И., 2002. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС. Вып. 5. Тверь: Триада. С. 550–557.

Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Козловская М. В., 2004. О погребальном обряде финно-угорского раннесредневекового могильника на Ратьковском городище в верховьях р. Дубна // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 153–161.

Вишневский В. И., Новоселова Т. Н., 2010. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2006–2007 годов) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 67–83.

Голубева Л. А., 1987. Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 81–92.

Голубева Л. А., 1987. Меря // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 67–81.

Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., 2015. Ратьковский финно-угорский могильник (по материалам раскопок 2013 г.) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 127–137.

Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., 2016. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (по материалам раскопок 2014 г.) // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 45–52.

Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., 2017. Ратьковский раннесредневековый могильник (результаты раскопок 2015 года) // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 19–31.

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука. 177 с.

T.N. Novoselova, V.I. Vishnevsky, & A.A. Golieva

**The early Medieval Finno-Ugrian Ratkovo burial ground –
results of excavations during 2016**

Summary

In 2015 an expedition group from Sergiev-Posad museum explored 80 sq. m at the Ratkovo burial ground (the area in question was excavated in 1999, 2000, 2002, 2006, 2007, 2013–2015). The excavations revealed five new funeral complexes contained fragments of jewelry and ceramic vessels, implements, cremate bones and

burnt grain. Based upon archaeological evidences the funeral complexes are dated between the 6th – 7th and 9th – 10th cc. Soil analysis was made. Two independent types of analyses (morphological and chemical) showed that 1) the cultural layer of the settlement is missing and 2) the soil has been plowed.

Славяно-русские древности

С.З. Чернов

Институт археологии РАН, Москва

Болшево-3 на верхней Клязьме: северная усадьба и ее этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 года)

Район старинного с. Болшево на р. Клязьме (ныне г. Королев Московской обл.) является объектом многолетних исследований Московской областной экспедиции Института археологии РАН. В 2007 г. здесь впервые на северо-востоке Московского края было выявлено раннее древнерусское поселение – селище Болшево-3 (рис. 1, врезка, 56)¹.

Поселение расположено на правом берегу р. Клязьмы, к северу от Колхозной пл. пос. Болшево и к югу от ограды российско-шведского предприятия «Альфа-Лаваль» (рис. 1). Культурный слой прослежен между мостом через Клязьму по ул. Кирова и дамбой бывшего Шапкина моста, на первой надпойменной террасе, которая возвышается над рекой (139,95) на 2–10 м. Площадка селища имеет заметный уклон к реке (1 м на 10 м по горизонтали). Вдоль берега Клязьмы слой зафиксирован на протяжении 110 м. Вглубь от реки он распространяется на 55 м до ул. Колхозной и за нее примерно на 30 м. Общая площадь селища оценивается в 7–8 тыс. кв. м.

В 2001 г. на основании данных разведок 2000 г. (шурф 2–1 кв. м) поселение было поставлено на государственную охрану. В 2003 г. на его территории были заложены шурфы 3–7 (33 кв. м), причем в шурфе 5 зафиксирован культурный слой древнерусского времени, залегающий *in situ*. Весной 2005 г. без согласования с Министерством культуры Московской области Отделом архитектуры г. Королев было выдано разрешение на строительство капитального восьмисекционного жилого дома по адресу Колхозная пл., 3, и здесь был выкопан котлован, уничтоживший около 900 кв. м

культурного слоя. Осенью 2005 г. строительство было остановлено, в 2005–2006 гг. проведены спасательные археологические раскопки, в ходе которых исследованы шурфы 8, 9, 10 (40 кв. м), южная часть раскопа 1 (102 кв. м), раскоп 2 (92 кв. м) на общей площади 234 кв. м. В марте 2007 г. восточнее котлована были изучены участки Б, В и Г раскопа I общей площадью 232 кв. м, открывшие центральную усадьбу древнего поселения.

Наибольший интерес представляли две постройки (рис. 1). В яме 20 были найдены калачевидное кресало с язычком и «крылатый» псалий от удил типа III, датируемых XI в., а также лепная и раннекруговая посуда в соотношении 8:2. Лепная посуда включала славянскую керамику ладожского и роменского типов, а также сосуда, близкие подлощенной керамике мерянских поселений, исследованных в районе Углича и в бассейне р. Дубны. Эти находки, имеющие системные аналогии с комплексами 1030–1070 гг., свидетельствуют о том, что селище Болшево-3 возникло не позднее второй – третьей четверти XI в. (Чернов, Волков, 2009б). Располагавшаяся рядом яма 31 содержала раннекруговую и курганный керамику, близкую комплексу Дьяково-пойма. Среди находок выделяется поясная латунная литая накладка. По заключению В.В. Мурашевой, накладка является частью поясного набора профессионального воина и близка кругу скандинавских древностей X–XI вв., однако могла быть отлита и в XII в. Кроме того, встречены пряслице из овручского шифера, обломок керамического пряслища, оселок из сланца и половинка навитой битрапецидной бусины из синего прозрачного

¹ Рисунки помещены в конце статьи.

стекла XI–XIII вв. В целом комплекс ямы 31 датируется первой половиной XII в. (Чернов, Волков, 2010). Имеются основания предполагать, что поселение выполняло военно-торговые функции на Клязьминско-Яузском водно-волоковом пути с верхней Клязьмы в бассейн р. Москвы и в Починое (Чернов, 2004).

Присутствие в комплексе XI в. (яма 20) вместе со славянской лепной посудой лепной керамики иной традиции – с саблевидной формой венчика и ребром-уступом на низкой шейке – проливает новый свет на этнокультурную историю верхней Клязьмы. Следует, впрочем, отметить, что на уровне наших сегодняшних знаний об этнокультурных процессах в западной части Волго-Окского междуречья в X–XI вв. и более раннего времени информация, потенциально содержащаяся в этой находке, пока не может быть в полной мере прочитана. Примером тому может служить весьма противоречивая, на мой взгляд, интерпретация материалов из Болшево-3, предложенная в работе «Позднеславянская культура на территории бассейна Москвы-реки» (Кренке, 2016. С. 261–232).

Находясь в ситуации дефицита археологических данных об автохтонном населении бассейна р. Москвы в VII–IX вв., Н. А. Кренке обратился к наблюдениям, сделанным исследователями соседних районов и касающимся весьма значительного временного диапазона. В частности, он изложил соображения А. М. Воронцова, выделившего на городище Акиньшино (на р. Оке, напротив устья Жиздры) позднеславянский керамический комплекс середины VII в. и писавшего о влиянии этого типа керамики (включая керамику с лощением и ребром-уступом на шейке) на роменскую посуду Супрутского городища IX в. (Воронцов, 2011. С. 14, 15). Далее Н. А. Кренке акцентировал внимание на выделенных И. В. Ислановой памятниках с «верхневолжским керамическим набором» середины – третьей четверти I тыс. н. э., для которых также характерно ребро-уступ (Исланова, 2007. С. 308, 309). К этому кругу древностей он отнес не имеющую строгой датировки керамику с ребром-уступом с городища Бородино-1 и Борисова городка на р. Протве (Янишевский, 2012). Что касается мерянской подлощенной керамики с ребром-уступом на шейке, найденной на городище Кикино и в Ратьковском могильнике в бассейне р. Дубна

(Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007. С. 96. Рис. 4, 19), то Н. А. Кренке относит ее к иному кругу и не связывает с процессами, которые, по его мнению, протекали в Москворечье.

Гипотеза о возможном влиянии позднеславянской керамической традиции на население Москворечья в третьей четверти I тыс. н. э., навеянная находками керамики в Болшево-3 и Бородино-1 и подкрепленная наблюдениями А. М. Воронцова и И. В. Ислановой, весьма интересна. Однако она никак не может являться основанием для переноса датировки археологического комплекса из ямы 20 в Болшево-3 VII–VIII вв. и отнесения его к «финалу позднеславянской культуры» (Кренке, 2016. С. 229, 230)².

Подобная интерпретация предполагает, что лепная подлощенная керамика с «саблевидной» формой венчика и ребром-уступом на шейке попала в яму 20 из более раннего культурного слоя. Следует сразу же отметить, что подобное предположение применительно к раскопу 1 на селище Болшево-3 противоречит установленным в ходе раскопок фактам. Интересующая нас лепная керамика представлена серией крупных фрагментов, некоторые из которых составляют треть горшка, что вполне типично для материалов, обнаруживаемых в постройках. Эти фрагменты залежали непосредственно в заполнении ямы 20 вместе с древнерусской раннекруговой керамикой (Чернов, Волков, 2009а. С. 128. Рис. 9) и на прилегающей к ней территории, причем вся лепная керамика фиксировалась исключительно на пространстве 10×6,5 м. На остальной части раскопа лепная керамика отсутствовала (Чернов, Волков, 2009а. Цв. вклейка. Рис. XII).

Поставленный Н. А. Кренке вопрос о наличии или отсутствии на памятнике отложений раннего железного века методически вполне правомерен. В ходе раскопок 2000–2007 гг., охвативших площадь 500 кв. м, материал раннего железного века был встречен трижды. В шурфе 2, в нижнем слое, найдено девять фрагментов керамики, которая была определена В. Ю. Дукельским как рогожная керамика начала раннего железного века (Чернов, 2000. С. 26–28. Рис. 32, 33) (рис. 2, 135–138). В шурфе 4 встречен вертикально поставленный венчик (Чернов, 2005б. С. 10. Рис. 24), который относится к кругу текстильной керамики рубежа эр – первых веков н. э. (Кренке, 2011. С. 505. Рис. 207, 158)

² На с. 329 этого издания помещены изображения керамики селища Болшево-3, поселения Соколова пустынь и городища Акиньшино, а на с. 330 – керамики городища Бородино и городища Кикино. Подрисовочная подпись к первому изображению по ошибке заверстана на с. 330, а подпись ко второму изображению – на с. 329.

(рис. 2, 44)³. В шурфе 9 найден венчик со слегка отогнутым краем и округлыми вдавлениями (Чернов, 2005б. С. 20. Рис. 67; Чернов, Волков, 2009б. С. 557, 570, 571. Рис. 10а), который принадлежит к тому же времени (рис. 2, 72)⁴.

Эти находки были сделаны в центральной и южной частях селища, соответственно в 22 м к северо-северо-востоку, 37 м к северо-востоку и 24 м к юго-востоку от ямы 20, датированной XI в. Ни территориально, ни хронологически, ни типологически эти находки не связаны с лепной керамикой ямы 20. Тем не менее они свидетельствуют о посещении этого места людьми в I тыс. до н.э. и начале I тыс. н.э.

Таким образом, совершенно очевидно, что для понимания материалов, полученных на центральной усадьбе поселения, важно изучить ее контексты на хронологическом и пространственном уровнях. Необходимо уточнить данные о предшествующей хозяйственной деятельности, составить более полное представление о планировке поселения, проследить особенности усадеб в хозяйственном, социальном и этнокультурном планах.

Подобная возможность представилась в ходе раскопок, проведенных в 2012 г. на площади 650 кв. м и затронувших усадьбы конца XI–XII вв., располагавшиеся в северной части селища (рис. 1 – раскопы 3 и 4). Введение в научный оборот этих данных будет способствовать лучшему прочтению памятника, позволит верифицировать полученные ранее выводы и даст в руки исследователей новые закрытые комплексы – надежный источник для изучения этнокультурной ситуации в северном Подмосковье в XI – первой половине XII в.

Раскоп 3 (западный)

Исследования 2012 г. (Чернов, 2012) были проведены в связи с планировавшимся строительством жилого дома по адресу: Колхозная пл., 5 (рис. 1, раскопы 3 и 4). Участок дома 5 имел при-

моугольную форму и охватывал северную часть селища – от ул. Колхозной на западе до поймы р. Клязьмы на востоке (река протекает здесь в 30 м от края коренного берега). На юге он примыкал к участку дома 4, на севере – к проезду, отделяющему жилую застройку от предприятия «Альфа-Лаваль». Северо-восточный угол раскопа примыкал к дамбе Шапкина моста.

Центральная часть участка была занята руинированным строением жилого дома (16×22 м). Раскопы 3 и 4 были заложены, соответственно, к западу и востоку от него. Раскоп 3 (западный) охватывал наиболее возвышенную часть участка и представлял собой огород, на котором не просматривалось следов земляных работ последнего десятилетия. Там, где был разбит раскоп 4 (восточный), также еще недавно был огород, но теперь он был засыпан мощным слоем балласта. После снятия балласта механическим способом проведения зачистка. Далее раскопки осуществлялись вручную, с переборкой всей земли на месте⁵.

Раскоп 3 (22×16 м за вычетом кирпичного строения 6×6 м) охватил площадь 306 кв.м. Поверхность его имела уклон с северо-запада на юго-восток, в сторону р. Клязьмы⁶. Верхний слой (25–30 см) представлял собой темно-серую супесь, насыщенную углем с незначительными включениями кирпича. Значительные участки разбираемого пласта представляли собой свалки мусора XX в. На остальной территории наслоения имели вид культурного слоя. Однако по мере их разборки стало ясно, что они подверглись столь значительным изменениям, что не отражают даже хозяйственную деятельность слободы, располагавшийся здесь в XVIII в.

Материк представлял собой бурый горизонт дерново-подзолистой почвы (бурый суглинок) с участками подзолистого горизонта. Уровень поверхности понижался от северо-западного угла раскопа (-204 см) на юго-восток на 1 м и достигал

³ Об особенностях данного типа орнаментации см.: Лопатина, Тавлинцева, 2017.

⁴ Благодарю Н. А. Кренке, давшего определения материалам раннего железного века.

⁵ В фиксации участвовали сотрудники экспедиции Н. Н. Потапов, геодезист В. В. Петров, Курмановский В. С. (на тот момент сотрудник РГАДА), разборку слоя вели лаборанты Малышкин М. А., Рябочкин Д. В., Новиков Е. А. (студент кафедры музеологии Ярославского госуниверситета), Крайнов А. В., в обработке материала участвовали сотрудники ИА РАН Е. Ю. Лебедева и О. Н. Глазунова. Фиксация индивидуальных находок и керамики производилась по квадратам (4×4 м) и слоям. Культурный слой разбирался пластами в 20 см, снимающимися в плоскости, параллельной современной дневной поверхности. Разборка ям велась с фиксацией по квадратам 2×2 м, с двойной переборкой (совком в раскопе и на отвале), с фиксацией массового материала по комплексам, квадратам и слоям. Нивелировка производилась от нулевого репера, за который была принята чугунная крышка люка канализационного коллектора, имеющая отметку в Балтийской системе высот 146,29 м. Люк располагался у пересечения ул. Колхозная и проезда, ведущего вдоль предприятия «Альфа-Лаваль», в 12,55 м от северо-западного угла и в 17,45 м от юго-западного угла раскопа 3.

⁶ Отметка его северо-западного угла в Балтийской системе – 146,0 м, северо-восточного – 145,50, юго-западного – 144,27, юго-восточного – 144,38.

у северо-восточного угла -242 см, у юго-западного -260 см и у юго-восточного -298 см. В квадратах 1 и 14–15 читались пятна серого суглинка овальной формы (от 2,5×2 до 1,5×0,5 м), которые были интерпретированы на основании определений А. Л. Александровского как мерзлотные западины, не связанные с деятельностью человека. Утраты поверхности материка, возникшие в последнее столетие, были незначительными (мусорные ямы в кв. 2, 3, 4, 21, 22). В северной части раскопа материк был разрушен котлованом под здание XIX в. (8×>12 м) (рис. 4). Вдоль северного края раскопа читался край котлована канализационного коллектора.

Северная поздняя усадьба. На наиболее возвышенном участке раскопа (отметки материка -208/-232 см), в 55 м от поймы, в 85 м от реки и на высоте 4,26 м от уреза воды, были зафиксированы ямы 2 и 3 (рис. 4). Вначале была исследована западная часть ямы 2 (рис. 5, верхний). Полученный разрез ямы показал, что она имеет протяженность с севера на юг 3,1 м и глубину 70 см. Учитывая, что восточная часть ямы 2 и южная часть ямы 3 были нарушены котлованом XIX в., в обычную схему раскопок были внесены коррективы. Разборка заполнения ямы 2 была временно приостановлена, и раскопки были перенесены на ту часть котлована XIX в., которая пробивала ямы средневекового времени (рис. 5, нижний). Северо-западная часть котлована была разобрана с тем, чтобы обнажить все элементы сооружений 2 и 3, которые могли сохраниться⁷. Зачистка пласта 3 показала, что ямы средневекового времени были разрушены котлованом до дна. Следующий этап раскопок на данном участке состоял в снятии профилей для получения дополнительных разрезов ям 2 и 3, после чего началась разборка заполнения ям.

Яма 2 (в зачистке материка -208/-227 см) была ориентирована на линии северо-запад – юго-восток, имела подпрямоугольную форму и размеры 3,1×>2,1 м (рис. 6). Разборка заполнения велась пластами по 10 см, которые имели, как и вся яма,

уклон с СЗ на ЮВ. Заполнение пласта 1 состояло из черного интенсивно гумусированного суглинка, который на уровне зачистки пласта (-230/-234 см) выклинился до пятна, занимающего центральную часть ямы. По ее краям под этим слоем открывался серый суглинок (рис. 6, пласт 1). Встречено 156 фрагментов древнерусской керамики и шлак, фиксирующий производство кричного железа из болотной руды (рис. 3, 4). В пласте 2 в центре ямы добирался черный суглинок. Под ним залегал серый, менее гумусированный суглинок с пятнами черного суглинка. В слое найдена керамика древнерусского времени и две пластины ранненеолитического времени (рис. 2, 1, 2)⁸. В зачистке (-236/-250 см) внешний контур ямы немного сократился, и она приобрела подпрямоугольную форму. Серый суглинок перемежался пятнами черного суглинка и подзола (рис. 6, пласт 2). Встречено 46 фрагментов керамики. Пласт 3 состоял из серого суглинка и подстилающей его на ряде участков прослойки черного суглинка. Найдено 27 обломков керамики. В зачистке (-247/-263 см) открылся слой бурого суглинка, который перемежался пятнами подзола и серого суглинка, а в западной части ямы – полосою черного суглинка (рис. 6, пласт 3).

С четвертого пласта характер заполнения изменился. Теперь он включал бурый суглинок почти без керамики (18 экз.). В зачистке пласта (-257/-273 см) он доминировал (рис. 6, пласт 4). Найдена пластина ранненеолитического времени (рис. 2, 3)⁹ и железная игла (рис. 3, 14). На уровне пласта 5 под бурым суглинком, на дне ямы, открылась прослойка серого суглинка – видимо, следы обживания дна подпола. В зачистке пласта (-267/-284 см) на фоне бурого суглинка эта прослойка читалась в южной части ямы и по ее северо-восточному контуру (рис. 6, пласт 5). После постепенного сокращения насыщенности слоя керамикой от первого (146 обломков) до четвертого пласта (18 экз.) в пятом пласте количество керамики выросло до 40 фрагментов. Найдены бронзовый пластинчатый решетчатый перстень (-277 см),

⁷ Заполнение котлована (яма 11) представляло собой бурый гумусированный суглинок с редкими фрагментами красноглиняной гладкостенной керамики XIX в. В ходе разборки в заполнении котлована собрана также курганная керамика, которая пополнила коллекцию, полученную из частей ям 2 и 3, сохранившихся *in situ*. По мере разборки заполнения котлована обнажались его почти вертикальные стенки, которые представляли собой практически готовые разрезы ям 2 и 3. На уровне зачистки пласта 3 обнажалось дно котлована, в юго-восточной части которого четко читалось сложенное темно-серым суглинком пятно, ориентированное так же, как и котлован, по сторонам света. По всей видимости, пятно представляло собой северо-западный угол загубленной части котлована. Кроме того, в зачистке пласта 3 открылись четыре круглые в плане ямы, которые уходили значительно ниже уровня зачистки (отметки -295/-300 см). Раскрытие котлована в материке (яма 11) показало, что его загубленная часть лежит на отметках -307/-315 см, а дно круглых столбовых ям – на отметках -347, -370, -378, 338 см.

⁸ Определение Н. А. Кренке.

⁹ Определение Н. А. Кренке.

который характерен для погребений вятичей (рис. 3, 15). После выборки заполнения (в пласте 6 найдено еще 25 обломков керамики) на отметках -278/-290 см открылось дно ямы подпрямоугольной формы.

Как видно из разреза ямы (рис. 6), верхнюю черную супесь, в которой найдена большая часть керамики, подстилают серая менее гумусированная супесь и прослойка черной супеси. Можно предполагать, что эта часть заполнения образовалась в результате разрушения наземной части деревянной постройки. Нижний горизонт заполнения образован бурым суглинком, который практически лишен керамики.

В заполнении ямы 2 найдено 312 фрагментов керамики, из которых в коллекцию взято 73 (рис. 8–10). Доминирует древнерусская курганная керамика (74,7%), которая сочетается с раннекурганной (3,4%) и серой (8%), при наличии 11,3% мелких фрагментов¹⁰. Системные аналогии форм посуды связывают этот комплекс с комплексом из ямы 31 селища Болшево-3, которая была исследована в 2007 г. и датирована первой половиной XII в. Воронкообразные горшки варианта 7¹¹ с горизонтальной верхней площадкой из ямы 2 (рис. 8, 7, 8, 9, 33; 10, 37, 39–41) присутствуют в яме 31 (Чернов, Волков, 2010. Рис. 4, 154, 328, 347, 363). То же можно сказать и о сосудах с сильно профилированным венчиком, округлым валиком и упором под крышку варианта 1 (рис. 9, 12, 13, 56; сравни: Чернов, 2010, рис. 4, 397, 449) а также с небольшим валиком внутри и заостренным краем (рис. 8, 14; 9, 15; ср.: Чернов, Волков, 2010. Рис. 3, 75). Сосуды со срезанным венчиком варианта 4 из ямы 2 также находят аналогии в яме 31. Встречены как вертикально стоящие венчики (рис. 8, 55; 10, 46; сравни: Чернов, Волков, 2010. Рис. 4, 30, 362), так и наклонные (рис. 10, 38; сравни: Чернов, Волков, 2010. Рис. 3, 20, 315, 260), в том числе с заостренными краями (рис. 9, 19; ср.: Чернов, Волков, 2010. Рис. 11, 1057 и др. из слоя над комплексом).

Большинство указанных форм имеют аналогии и в комплексах второй половины XII – первой трети XIII в. Так, воронкообразные горшки встречены в курганах второй половины XII в. (МК, 1991. Табл. 16, 2, 3), сосуды варианта 1 вообще составляют наиболее распространенную форму курганной керамики (МК, 1991. Табл. 27, 2587; 21, 124, 518), а срезанные горшки варианта 4 широко

представлены в курганах (МК, 1991. Табл. 17, 2, 4, 6). Учитывая это обстоятельство, нельзя исключить, что дата ямы может заходить во вторую половину XII в. В то же время следует учесть, что в яме 2 имеются некоторые маркеры первой половины XII в.: многорядная волна и штамп (Чернов, 2012. Рис. 136, 22, 10). Поэтому датировать яму 2 следует в диапазоне второй – третьей четверти XII в.

Яма 3 (2,1×1,45 м) в верхнем горизонте была заполнена черным суглинком (зачистка пласта 1 на -233 см), который в пласте 2 сменился менее гумусированным серым суглинком (зачистка на -243 см) (рис. 7, пласты 1, 2). В ходе его разборки в западной части ямы обнажился слой бурой глины, оба они фиксировались в зачистке пласта 3 (-253 см) (рис. 7, пласт 3). В пласте 4 бурая глина была добрана, и вновь на всей площади ямы читался серый суглинок (зачистка на -263 см). В зачистке пласта 5 (-273 см) серый суглинок концентрировался в центре ямы, а края ее были заняты бурым суглинком, но в зачистке пласта 6 (-283 см) серый суглинок вновь заполнил всю площадь (рис. 7, пласты 5, 6). Находки курганной керамики распределялись в пластах 1–6 равномерно (30, 22, 14, 19, 17, 11 обломков). В пласте 6 найдена пластина ранненеолитического времени (рис. 2, 16). Как показывает профиль, яма залегала на склоне (-214/-228 см), имела крутые стенки, ровное дно (с наклоном -286/-291 см) и глубину 76 см (рис. 7, В1–В2).

В заполнении ямы 3 найдено 113 фрагментов керамики, из которых в коллекцию взято 38 (рис. 11). Практически вся керамика курганная. Формы ее повторяют описанные для ямы 2, однако они не столь разнообразны. Доминируют горшки варианта 1 с сильно профилированным венчиком, валиком и упором под крышку (рис. 11, 86, 87, 107, 113). Имеются срезанные венчики (рис. 11, 89, 111, 114, 119), в том числе архаичная форма, имеющая аналогии в ранней (возможно, первой половины XII в.) постройке из селища Алексеевка-2 на р. Воре (МК, 1991. Табл. 18, диаметр 14 см). Хотя ярких признаков орнаментации первой половины XII в. нет, яму можно отнести к тому же времени, что и яма 2: второй – третьей четверти XII в.

Учитывая фактическую утрату верхнего слоя, судить о периферийных сооружениях усадьбы сложно. Помимо ям 2 и 3 в северной части раскопа зафиксированы три столбовые ямки

¹⁰ Под серой керамикой раскопа 3 понимается более совершенная в технологическом плане древнерусская посуда с заглаженной поверхностью. Сооружений второй половины XIII–XIV вв. с классической серой керамикой на раскопе 3 не найдено.

¹¹ Типология курганной керамики опубликована: Чернов, 2005а. С. 112.

13–15 с вертикальными стенками, содержавшие мелкие фрагменты древнерусской керамики (рис. 4, 21А)¹², и яма 1, располагавшаяся в 2,7 м к северо-западу от ямы 2, в северо-западном углу раскопа (-209 см). Она вошла в раскоп своей юго-восточной частью (2×0,9 м, глубина 50 см) и представляла собой в зачистке пятно темно-серого гумусированного суглинка (рис. 4). Состав керамики¹³ показывает, что раскоп накрыл край ямы древнерусского времени¹⁴.

Северная ранняя усадьба. Центральная часть западного раскопа, как показала зачистка материка, была свободна от ям средневекового времени. В южной же его части открылась группа сооружений, которая располагалась в 10 м к югу от ям 2 и 3 и лежала на полметра ниже их по склону.

При строительстве здесь регулярной слободы в 1720–1730-е годы красная линия застройки была заложена таким образом, что жилая постройка (яма 4 квадратной формы размерами 4,4×>2,8 м)¹⁵ «легла» западнее остатков сооружений древней усадьбы, задев лишь яму 5. Первоначально яма представляла собой квадрат или прямоугольник, ориентированный по линии юго-запад – северо-восток, от которого сохранилась лишь восточная половина. В зачистке материка она имела вид пятна треугольной формы, обращенного длинной стороной (110 см) к кромке котлована ямы 4. После выборки котлована был получен разрез ямы 5 (рис. 23, А). Затем она была исследована. Заполнение ее состояло из двух слоев – темно-серого суглинка сверху и светлого суглинка внизу. Стенки ямы пологие, глубина 25 см. Отметки материка в районе ямы -259/-267 см, отметка ее дна -289 см. В заполнении найдено девять обломков курганный керамики.

Наиболее раннее и богатое по находкам сооружение южной усадьбы, яма 6, открылось в зачистке материка в юго-западном углу раскопа. Вначале была исследована северная часть ямы, затем зафиксированы ее разрез (рис. 13) и южная

половина. Раскопки показали, что яма представляет собой подполье наземной деревянной жилой постройки, в которой имелась глинобитная печь; обломки печи были прослежены в заполнении.

В зачистке материка (-262/-270 см) яма имела форму прямоугольного, со скругленными углами, пятна, ориентированного по сторонам света (190×140 см) (рис. 14) с приямком, обращенным на север (95×70 см). Пятно заполнено черным сильно гумусированным суглинком, обрамленным полосой светло-бурого суглинка (10–15 см). На уровне зачистки пласта 1 (-280 см) в приямке слой начал выклиниваться. По контуру ямы полосой (10–30 см) открылись белый суглинок и полоса угля (рис. 14). В пласте 1 найдено 55 фрагментов древнерусской керамики.

В ходе разборки пласта 2 стало видно, что приямок – не что иное, как спуск в подполье. В зачистке (-290 см) заполнение ямы сократилось до 173×127 см. Найдены 91 обломок древнерусской керамики и шлак, свидетельствующий о том, что в районе постройки осуществлялось производство железных криц из болотной руды (рис. 3, 25). В пласте 3 с увеличением количества угля черный суглинок приобрел иссиня-черный цвет. В этом горизонте начали встречаться камни, в том числе подвергшиеся воздействию огня, возможно, очажные. В пласте 3 найдено 76 фрагментов древнерусской посуды и обломок керамического изделия кубической формы (рис. 3, 26), а на дне постройки (пласт 4) – еще 6 фрагментов. В зачистке (-300 см) черный суглинок перемежался со скоплениями угля и развалами камней, особенно много их было в восточной части ямы. Там же было зафиксировано скопление обожженной глины – остатки разрушившегося отопительного сооружения, сместившегося в подпечную яму. В западной части ямы был зафиксирован перемещенный подзолистый горизонт погребенной почвы. В слое черной супеси (-295 см) обнаружен обломок изделия из бронзовой пластинки (рис. 3, 13).

¹² Ямка 13, круглая, диаметром 30 см и глубиной 23 см, располагалась в 1,3 м к юго-западу от ямы 2 в кв. 5. Ямка 14, круглая, диаметром 20 см и глубиной 20 см, находилась между ямами 2 и 3 в кв. 2. Ямка 15, круглая, диаметром 20–30 см, обнаружена в 2,5 м к юго-западу от ямы 2 и в 1,9 м к северо-западу от ямки 13.

¹³ В пласте 1 ее заполнения найдено семь обломков курганный керамики (тесто с добавлением крупнозернистого песка – кварциты до 2 мм, а некоторые 3 мм) и срезанный венчик серой керамики варианта 6 (кварциты до 1 мм, внешняя поверхность заглажена). Во втором пласте найден фрагмент красноглиняной грубой керамики, а в третьем – венчик курганный керамики варианта 1 с валиком внутри и упором под крышку, стенка курганного типа и фрагмент керамики из белой глины.

¹⁴ В 1 м к востоку от нее в зачистке материка зафиксирована западина, заполненная серым суглинком (1,9×0,9 м, глубина 26 см), содержавшая четыре стенки красноглиняной грубой или серой керамики (тесто с среднезернистым песком – кварциты не более 1 мм) и фрагмент печины. По-видимому, в западине сохранились следы культурного слоя, утраченного на большей части раскопа.

¹⁵ Это сооружение с кирпичной печью, содержавшее в заполнении денгу императрицы Елизаветы Петровны 1747 г., будет опубликовано отдельно.

В разрезе яма имела вид подквадратного заглубления с довольно крутыми стенками и плоским дном (-306 см) глубиной 45 см (рис. 14, Л1-Л2). До самого дна она заполнена гумусированным суглинком с углями и камнями. Все эти особенности заполнения свидетельствуют, что это подпечная яма жилой постройки.

Керамический материал из заполнения ямы представляет большой интерес. Здесь найдено 329 обломков древнерусской керамики (в коллекции – 230 экз., рис. 15–20). Без учета мелких и неидентифицируемых фрагментов (до 1 см) распределение типов следующее: 6,5% – лепная древнерусская посуда, 33% – раннегончарная круговая посуда и 60,5% – круговая курганного типа. При учете исключительно венчиков соотношение типов несколько меняется: 16, 42 и 42%. Это сочетание лепной, раннегончарной и курганной керамики в западной части Волго-Окского междуречья типично для последней четверти XI в.

Среди лепной керамики выделяется крупный фрагмент горшка биконической формы ладожского типа, который является этномаркером новгородских словен (рис. 16). Подобный сосуд был найден на селище Болшево-3 в 2007 г. в яме 20 второй – третьей четверти XI в. (Чернов, 2009. С. 130. Рис. 11, 716).

Особенно интересен небольшой лепной сосуд баночной формы, от которого сохранились венчик, фрагмент тулова и донце (рис. 15, 122, 261, 178). Диаметр венчика – 10,5 см. Высота восстанавливается приблизительно – 11,5 см. Венчик имеет вертикальную форму, его край немного завернут наружу и заострен. Имеется еще четыре венчика близкой формы – видимо, эта форма лепной посуды была ведущей (рис. 15, 123, 258, 259, 260). Интересно, что подобной керамики нет в яме 20, исследованной в 2007 г. В то же время в яме 6 нет характерных для ямы 20 горшков с лощением и саблевидным венчиком, которые идентифицируются как мерянские.

Ведущей формой завершения раннекурганных горшков являются срезанные венчики. Горшки небольшие (диаметры венчиков – 13, 18 и 17 см) (рис. 17; 18). Один из них украшен двухрядной волной с заострениями и горизонтальной полосой (рис. 17). Второй украшен двумя линиями волнистого орнамента – на плечике и на тулове (рис. 18, 185), третий – одной линией волнистого орнамента по плечу (рис. 18, 184–186). Многорядная с заострениями на концах волна зафиксирована и на фрагментах стенок сосудов (рис. 19, 191, 192, 270, 279). Подобная орнаментация встречена в комплексе ямы 30 (Чернов, Волков,

2010. С. 145. Рис. 5, верхняя часть) и в культурном слое Болшево-3 в районе ям 20 и 30 (Чернов, Волков, 2009а. С. 134. Рис. 15, верхняя часть), а также на селище Дьяково-пойма (Кренке, 2004. С. 207. Рис. 46, Б, 4). Кроме того, встречены стенки, украшенные равномерно размещенными по тулову сосуда рядами штампованного орнамента (рис. 19, 194, 280, 281, 336), аналогии также имеются на селище Дьяково-пойма (Кренке, 2004. Рис. 46, А, 4). Из других форм следует указать на вертикально стоящие и воронковидные венчики (рис. 19, 185, 264, 265) и горшок с небольшим вертикально стоящим срезанным венчиком и волной с заострениями, нанесенной на плечике, спускающемся под углом 45 градусов (рис. 19, 183).

Курганная керамика представлена первым (с отогнутым наружу валиком и желобком под крышку, рис. 20, 207, 208), вторым (отогнутый наружу венчик без утолщений – почти полная форма сосуда, рис. 18, 204, 205), третьим (секировидный валик снаружи, рис. 20, 130, 206, 284, 296) и четвертым (срезанный венчик, рис. 20, 132, 337) вариантами, которые, как отмечалось выше, имеют многочисленные аналогии в комплексах середины – второй половины XII в. Следует, впрочем, заметить, что и среди этой группы посуды имеются ранние признаки. Три венчика и две орнаментированные стенки выполнены из белой глины (рис. 20, 130, 189, 284, 285, 286) и украшены двух- и трехрядной волной (рис. 20, 130, 189), аналогия которой отыскивается на селище Дьяково-пойма (Кренке, 2004. Рис. 46, Б, 3).

Подводя итог рассмотрению керамического комплекса из ямы 6 (соотношение лепной и круговой керамики 6/94% или 16/84% с учетом только венчиков), следует сказать, что он занимает промежуточное положение между комплексами из ямы 20 Болшево-3 (соотношение лепной и круговой керамики 80/20%) и группой комплексов типа ямы 31 Болшево-3 (исключительно раннекруговая керамика) и селища Дьяково-пойма (один фрагмент лепной посуды при доминировании раннекруговой). Это позволяет датировать яму последней четвертью XI в.

В 3 м к востоку от ям 5 и 6 в зачистке материка открылись три пятна, которые получили название ям 16, 17 и 18. Из них лишь яма 16 представляла собой следы заглубленного сооружения. Ямы 17 и 18 оказались неглубокими (рис. 12). Яма 16 имела овальную форму, размеры 3,3×3 м и была вытянута по линии юго-запад – северо-восток. В районе ямы поверхность материка имела уклон на юг (-243/-260 см). Вначале была

раскопана северо-западная часть ямы, затем зафиксирован ее разрез и исследована юго-восточная часть. В зачистке материка (-240/-260 см) яма была заполнена серым суглинком с серпообразным пятном обожженной глины (200×65 см) в южной части (рис. 14). На уровне зачистки пласта 1 (-265 см) размеры ямы сократились, и она приобрела округлую форму диаметром 2,8 м (рис. 14), а на уровне зачистки пласта 2 (-285 см) размеры пятна обожженной глины сократились до 1×0,4 м. Вдоль южного и западного краев ямы зафиксированы полосы светлого слабо гумусированного суглинка. Керамики встречено незначительное количество. Вся она относится к типу курганный и датируется древнерусским временем. В зачистке пласта 3 (-305 см) яма приобрела форму овала длиной 160 см. На дне ямы залегал темно-серый гумусированный суглинок.

В разрезе яма имеет вид сегмента с пологими стенками глубиной 67 см. На профиле на фоне темно-серой гумусированной супеси читается развал обожженной глины (рис. 14, М1-М2). Таким образом, существование печи над этим большим подпольем не вызывает сомнений. Однако, учитывая незначительное количество найденной здесь керамики и отсутствие вещей, ее трактовка как следов жилого сооружения представляется сомнительной. Возможно, это остатки хозяйственной надворной печи или овина.

Яма 17, в 20 см к северу от предыдущей (рис. 12), представляла собой западину в материке (2,45×1 м) глубиной 15 см (дно на отметке -270 см), заполненную серым суглинком с одним фрагментом древнерусской керамики (рис. 21, 343). Яма 18 (к югу от ямы 16), так же, как и 17-я, имела вытянутую форму (размеры 2,3×1 м) (рис. 12), но была ориентирована меридианально. Яма оказалась чашевидным заглублением в материке (10 см), заполненным серым слабо гумусированной суглинком, который содержал семь обломков курганный керамики, один из которых изготовлен из белой глины. Датирующее значение имеет слабо отогнутый венчик с плоской поверхностью края. Он изготовлен из глины с крупнозернистым песком и дресвой

(кварциты до 1,5 мм) и прошел неполный окислительный обжиг, в результате чего в изломе черепок черный и лишь поверхности получили краснокирпичный цвет. Кроме того, найдена стенка с штампованным орнаментом (рис. 21, 344, 345).

Яма 19, расположенная в 40 см к юго-западу от ямы 18, у южной стенки раскопа, вошла в раскоп наполовину. Она имела округлую форму и диаметр 1,05 м при глубине 10 см. На фоне темно-серого суглинка в зачистке выделялось скопление обожженной глины диаметром 28 см. Найдено два фрагмента курганный керамики (рис. 21, 346, 347). Яма 20, расположенная в 1,9 м к северо-западу от предыдущей, между ямами 6 и 16, напоминала яму 19. Она имела округлую форму и диаметр 1 м. В зачистке материка имела вид пятна темно-серой супеси, в центре которого выделялось скопление угля (рис. 12). В разрезе яма чашевидная, глубиной 20 см, с заглублением диаметром 8 см и глубиной 15 см (-280 см). Найдено 15 фрагментов курганный керамики и 16 обломков печины (в том числе крупные – 5×3 и 3×3 см). Обращает на себя внимание венчик варианта 3 с оттянутым вниз валиком снаружи и заостренным краем (рис. 21, 348). Он изготовлен с примесью дресвы (кварциты до 1 мм). Возможно, от того же сосуда происходит стенка, украшенная четырьмя или более рядами мелкого штампованного орнамента (рис. 21, 351). Встречено железное шило с расширением в середине (рис. 3, 22). Яма 21 имела чашевидную форму, размеры 50×40 см и глубину 11 см.

О хозяйственном назначении ям 16–21 свидетельствуют столбовые ямки. Одна из них (22) располагалась в 1 м к северо-востоку от ямы 16, а остальные пять ямок (23–27) – между ямами 20 и 16 (рис. 12). Ямки 22 и 27 были заполнены темно-серым гумусированным суглинком, а ямки 23–26 – серым суглинком. В заполнении попадались мелкие фрагменты курганный керамики¹⁶.

Раскоп 4 (восточный)

Раскоп 4 (22×16 м площадью 344 кв. м) был разбит в 17,2 м к востоку от раскопа 3, за руинированными строениями дома 5. После снятия балласта

¹⁶ Ямка 22 имела глубину 7 см и диаметр 25 см. Ямка 23 – глубину 5 см и диаметр 20 см. Ямка 24 – глубину 6 см и диаметр 35 см. Ямка 25 – глубину 7 см и диаметр 20 см. Ямка 26 – глубину 12 см и диаметр 25 см. Ямка 27 – глубину 28 см и диаметр 35 см (см. план ямок в материке и их разрезы на рис. 12). Древнерусская керамика встречена в ямках 22 (1 шт.), 26 (4 шт. и 1 обломок печины) и 27 (5 шт. и 2 печины). Из взятых в коллекцию образцов из ямки 26 два фрагмента изготовлены из красножгутистых глин и один – из белой (рис. 21, 355–357). Из ямки 27 все три взятых в коллекцию фрагмента были изготовлены из белой глины, причем один украшен сплошным глубоким рифлением, а другой – двухрядной волной, по которой нанесено рифление (рис. 21, 358–359). Из них лишь один (покрытый сплошным рифлением) прошел полный окислительный обжиг и в изломе имеет равномерный белый цвет. Остальные прошли неполный обжиг и имеют белый цвет только на поверхности и черный – в изломе черепка.

и остатков верхнего слоя был зачищен материк¹⁷, который представлял собой бурый горизонт суглинистой почвы с фрагментами подзолистого горизонта. Уровень поверхности понижался от северо-западного угла раскопа (-390 см) на юго-восток и достигал у северо-восточного угла -425 см, у юго-западного -404 см и у юго-восточного -469 см. Археологические объекты обнаружены лишь в северной части раскопа¹⁸.

Хозяйственная деятельность слободы XVIII в. на восточном раскопе отразилась в виде ям 7 и 28 (рис. 22, А). Первая из них была вытянута (10,5×2 м) по линии северо-запад – юго-восток и заполнена темно-бурым гумусированным суглинком. В разрезе она имела вид сегмента с плавно спускающимися к центру стенками и глубиной 30 см от поверхности материка. В 6 м к востоку от ямы 7, параллельно ей, располагались овальная яма 28 – западина в материке глубиной 8 см. В ямах найдена исключительно красноглиняная и белоглиняная шероховатая посуда XVIII в.

При зачистке материка по обе стороны от ямы 7 обнаружено два обломка керамики бронзового века. Она была приурочена к микрозападинам культурного слоя¹⁹. Два венчика лепных сосудов, украшенные вдавлениями (балановский зигзаг) (рис. 2, 23, 24), имеют точные аналогии среди материалов поселения фатьяновской культуры, обнаруженного в парке «Царицыно» в Москве (Кренке, 2008. С. 246. № 1–05) и в настоящее время датируется второй половиной III тыс. до н. э. (Кренке, 2014)²⁰.

К древнерусскому времени относятся ямы 8, 9, 10. Круглая яма 8 (диаметр 1,3 м), заполненная интенсивно-черным гумусированным суглинком

с углем, была обнаружена в 2 м к востоку от ямы 7 (рис. 12, А). Вначале была разобрана южная половина ямы, затем снят профиль и изучена северная половина. 1-й (-405 см), 2-й (-425 см) и 3-й (-445 см) пласты дали однородную стратиграфическую картину. В центре ямы залегало пятно круглой формы, заполненное черной супесью с углем. Пятно постепенно сужалось и в зачистке пласта 4 (-465 см) читалось как круг диаметром 20 см, заполненный иссиня-черным суглинком с углем. По периферии ямы в виде полосы, обрамлявшей и подстилавшей этот конус, залегал слабо гумусированный слой серого суглинка. В зачистке пласта 5 (-485 см) фиксировалась уже иная ситуация. Центр ямы занимал слабо гумусированный суглинок, а полосой по периферии залегал серый негумусированный суглинок. Вдоль всего дна ямы, а оно имело форму заостренного конуса, залегала тонкая прослойка черного гумусированного слоя (рис. 22, Б). Профиль ямы показывает, что она заполнялась на протяжении двух этапов: на первом сформировался нижний конус, а на втором – верхний. Дно ямы (-542 см) лежало на глубине 1,42 м (-400 см).

Заполнение ямы 8 было насыщено керамикой²¹. Из 142 фрагментов (в коллекцию взято 89) 9% принадлежало раннекруговой посуде и 91% – курганной. Небольшой (диаметр венчика 14 см) горшок 3-го варианта (с валиком внутри) украшен многорядной заостренной волной (рис. 21, Б, 403, 438–440), которая близка венчику из ямы 6 (рис. 19, А, 183) и венчику той же формы из ямы 31, исследованной в Болшево-3 в 2007 г. (Чернов, Волков, 2010. Рис. 3, 75; 5, верхняя часть). Не менее ярким

¹⁷ До снятия балласта поверхность раскопа имела уклон с северо-запада на юго-восток. Отметка северо-западного угла раскопа составляла 144,27 м, юго-западного – 143,58 м, юго-восточного – 142,74 м. Юго-восточный угол раскопа 4 до начала строительных работ на соседнем участке был ниже северо-западного угла раскопа 3 на 3,5 м (рис. 1). Верхний слой – темно-серая супесь мощность 25–30 см, с углем и включениями кирпича, залегал на материке и был серьезно затронут в результате хозяйственных работ XX в. Древнерусский материал представлен единичными фрагментами курганной, серой и красноглиняной грубой посуды. Поздняя керамика включала белоглиняную гладкую и шероховатую, ангобированную, чернолощеную, мореную, светлолощеную, поливную с зеленой и оранжевой поливой, гладкостенную, фаянс, фарфор и крынки. Количество керамики сокращалось с северо-запада на юго-восток по мере приближения к Клязьме.

¹⁸ Поверхность материка в целом сохранилась удовлетворительно. Мусорные ямы XX в. нарушили материк на значительных площадях. Значительные утраты имелись в кв. 7, 8, 10, 12, где одной из мусорных ям была разрушена южная часть древнерусской ямы 10. В южной части раскопа мусорными ямами затронута вся площадь, за исключением западных квадратов 13, 17 и 21. Судя по тому, что здесь вообще не прослежено следов ям древнерусского времени, они не были утрачены. Однако применительно к кв. 19 и 20 утверждать этого нельзя.

¹⁹ Первая находка (рис. 2, 23) обнаружена между западным краем ямы и западным бортом раскопа, в юго-западном углу кв. 1. Вторая находка (рис. 2, 24) сделана в непосредственной близости от восточного края ямы 7, у восточного края кв. 6, примерно по центру его западного края (рис. 22).

²⁰ Точно такие же венчики найдены на территории селища Беседы 1, которое расположено на первой низкой террасе р. Москвы (Гоняный, Аносов, 2017. С. 2015. Рис. 4). Это лишний раз свидетельствует о том, что славянское население X–XI в. выбирало для устройства приречных поселений те же элементы ландшафта, что и люди в бронзовом веке.

²¹ В пласте 1 найдено 17 обломков древнерусской керамики, во 2-м – 20, в 3-м – 5, 1 печина и 1 шлак, в 4-м пласте – 28 фрагментов керамики и 4 печины, в 5-м – 9, в 6-м – 31 и в 7-м – 32 обломка керамики.

примером раннекруговой традиции является срезанный венчик горшка средних размеров (диаметр 21 см) с упором под крышку, который украшен двумя рядами волнистого орнамента с заострениями (рис. 24, 420 и фрагменты ниже). Данный орнамент близок орнаментации горшка из ямы 6 (рис. 18, 185). В технологическом плане эта керамика мало отличается от обычной древнерусской посуды второй половины XII в. Она изготовлена из красножгущейся глины с песком и дресвой (кварциты около 1 мм). Обжиг неполный окислительный. Поверхность сосуда бурая (венчик 438) или темно-бурая (венчик 420), а в изломе черепок темно-серый.

Венчик 401 технологически неотличим от курганной керамики: он изготовлен из красножгущейся глины с песком и мелкой дресвой (кварциты до 1 мм) с ровным обжигом (и поверхность, и излом черепка имеют темно-серый цвет). Однако форма его совершенно не характерна для керамики конца XII – начала XIII в. Шейка слабо изогнута, венчик почти прямой с небольшим расширением снаружи. Край его слегка загнут внутрь и заострен (рис. 24, 401). Такие горшки происходят из курганных комплексов первой половины XII в. Каблуково-1 и Кузнецовка-II (МК, 1991. Табл. 5, 2, б) и, вероятно, восходят к слабопрофилированным горшкам баночного типа, один из которых найден в кургане 72 из могильника Шейково с денариями, позднейший из которых датируется 1024–1056 гг. (МК, 1991. С. 7. Табл. 2, 2).

Остальная керамика может быть описана как курганная с характерными для нее вариантами верхней части горшков. К варианту 1 (с отогнутым венчиком и валиками по обеим его сторонам и упором под крышку) относятся горшок 380 (сохранилось 6 венчиков, рис. 25, А, 361, 380, 382, 393, 427), а также 385 (рис. 25, А, 385). К третьему варианту (валик внутри) принадлежит лишь один сосуд (рис. 25, А, 362). К варианту 7 (воронковидным сосудам) с заостренными краями, которые характерны для ямы 2 раскопа 3, относятся пять венчиков (рис. 21, Б, 428, 429; 24, А, 398, 399, 402; 25, А, 368). Доминирующий орнамент – линейный (рис. 25, Б). Как уже говорилось при описании ямы 2, сосуды таких типов бытовали как в первой, так и во второй половине XII в. Между тем следует обратить внимание на то, что серия воронковидных горшков имеется как в самой яме 31 (Чернов, Волков, 2010. Рис. 4. С. 144, 363, 422), так и в слое в ее районе (Чернов, Волков, 2010. Рис. 134, нижняя часть).

На дне ямы 8 найдены ручка ведра и пряслице из овручского пирофиллита (шифера) (рис. 3, 18, 17), которые нередко маркируют слои более

ранние, чем отложения конца XII–XIII вв., богатые стеклянными браслетами. Приведенные данные дают основания помещать яму 8 в плане типологии керамики между ямой 31, которая надежно датируется первой половиной XII в. (Чернов, 2010) и ямой 2, отнесенной к второй – четвертой четвертям XII в.

Яма 9, зафиксированная в 5,5 м к юго-востоку от ямы 8 (рис. 22; 23, Б), также имела округлую форму (диаметр 1,65 м) и была заполнена серо-черным гумусированным суглинком. В разрезе она имеет вид сегмента глубиной 31 см (-457 см) от уровня поверхности материка (-427 см). В яме найдены 33 обломка курганной керамики (в коллекции 10) (рис. 24, Б) и ряд находок: массивный строительный гвоздь с прямоугольной шляпкой (рис. 3, 19), игла (рис. 3, 20) и семь фрагментов бронзового котла, включая два фрагмента венчика (рис. 3, 21). Эти вещи найдены, соответственно, на отметках -430, -456, -442 см. Обращает на себя внимание редкий по форме венчик: отогнутый, срезанный, с бороздкой для крышки (рис. 24, Б, 457), и три обломка со сплошным горизонтальным рифлением – орнаментация, типичная для ранней курганной и раннегончарной посуды. Черепок изготовлен с использованием мелкой дресвы (кварциты 1 мм) и прошел неполный окислительный обжиг, поверхность приобрела красно-кирпичный оттенок, а в изломе – серый.

Последняя из трех небольших древнерусских ям восточного раскопа, яма 10, зафиксирована в зачистке материка в 1 м к юго-востоку от ямы 9 (рис. 22, А). Исследование ее показало, что это небольшая (длиной 45 см) овальная яма с полыми стенками глубиной 30 см (дно ямы -471 см). В заполнении найдено семь обломков курганной керамики (рис. 24, В, 460, 461), один из которых, толщиной 8 мм, изготовлен с добавлением большого количества дресвы (кварциты 1 мм) и прошел неполный окислительный обжиг.

Поскольку ямы 8, 9 и 10 дали курганную керамику и ряд находок древнерусского времени, можно полагать, что здесь, в 30 м от двух древнерусских усадеб, изученных в раскопе 3, на склоне к р. Клязьме, вблизи выходов грунтовых вод, были размещены сооружения, характер которых пока остается неясным.

Планировка поселения и хронология усадеб

Раскопки северных усадеб позволяют составить более полное представление о планировке селища, о котором ранее мы могли судить лишь по результатам исследования центральной усадьбы (рис. 1).

Древнее поселение располагалось в геоморфологических условиях, типичных для XI в.: на наволоке, выше по течению того места, где к реке выходил высокий коренной берег. Относительно крупные раскопы, в ходе которых было изучено 20% территории селища (до ул. Колхозной), свидетельствуют о том, что усадьбы древнерусского времени располагались вдоль реки так, что между их селитебными ядрами оставались незастроенные участки длиной 15–20 м.

Южную усадьбу маркируют яма 15 раскопа 1 (комплекс керамики см. Чернов, Волков, 2009а. С. 134. Рис. 15, нижняя часть) и зона обнаружения раннегончарной керамики на участках А и Б раскопа 1 и в шурфе 9 (Чернов, 2005б. Рис. 68).

В 15 м к северу располагалась центральная усадьба, представленная постройками 20, 31 и их сателлитами. В 17 м от них к северу, возможно, располагалась еще одна усадьба, об этом говорит мощный культурный слой (30 см) с древнерусской керамикой, перекрытый пахотным горизонтом (20 см) в районе шурфов 2 и 5 (Чернов, 2000. С. 26–28; 2005б. Рис. 20–27)²².

Участок, где можно было бы ждать обнаружения следующей усадьбы, совершенно свободен от ям древнерусского времени. Об этом свидетельствует раскоп 2 (92 кв. м), заложенный в 18 м к северу от шурфа 5 и давший минимальное

количество древнерусской керамики²³. Полностью отсутствуют следы слоя этого времени и в траншее, заложенной восточнее, на склоне к пойме. Характерно, что в южной части этой траншеи зафиксирована небольшая яма, связанная с производством кричного железа, которое обычно размещалось на периферии усадеб.

Отсутствие жилых сооружений связано с тем, что в районе раскопа 2 наблюдается понижение рельефа (рис. 1), которое сменяется подъемом. В начале этого подъема, в 38 м к северо-западу от шурфа 5, в раскопе 3 исследована яма 6 с прилегающей к ней ямами 16–20 – древнее ядро северной усадьбы, а в 10 м к северу – ямы 1–3, отражающие более поздний этап ее жизни.

Что касается склона к р. Клязьме восточнее северной усадьбы, то он изучен раскопом 4 весьма детально. В северной возвышенной части раскопа фиксируются три хозяйственные ямы, а в южной, пониженной и подтопляемой, ям древнерусского времени нет. Та же картина выклинивания слоя прослеживается в траншее и шурфе 4. Все это позволяет заключить, что на склоне к пойме не было второго ряда усадеб²⁴.

Данные о высоте жилых построек над уровнем р. Клязьмы (табл. 1) позволяют прояснить мотивацию, которая обуславливала выбор места для устройства описанных выше усадеб.

²² К сожалению, проверить это предположение невозможно, так как данный участок селища разрушен котлованом здания.

²³ Шурф 10 (4×4 м) заложен в 2005 г. в 20,6 м от северо-восточного угла строящегося здания. Под дерном и тонкой (до 6 см) прослойкой черного гумуса залегала темно-серая супесь (32–45 см) с незначительными включениями битого кирпича, которая постепенно осветлялась по мере приближения к матерiku. В слое 1 был обнаружен концевой скребок на крупной пластине кремня с ретушированными краями (гл. -55 см, № 7), который может относиться к бронзовому веку.

Керамический материал, собранный из слоя (86 экз.), включал курганный и серую керамику (16,4%) а также посуду XVI–XVII вв. (белоглиняная грубая, гладкая и шероховатая, чернолощеная и мореная) (80%). К курганной керамике относится венчик крупного горшка 1-го варианта, сильно отогнутый наружу, с валиком, завернутым внутрь, и упором под крышку (№ 236). Подобные сосуды известны в курганах первой (МК, 1991. Табл. 6, 2, 3) и второй половины XII в. (МК, 1991. Табл. 14, 1) и в яме 8 Исторического проезда первой половины XIII в. (МК, 1991. Табл. 27, № 2587). Венчик 243 аналогичен венчику 178 из шурфа 9. Венчик 229 воронкообразного сосуда с горизонтальной площадкой по краю (вариант 7) аналогичен сосуду 90 из шурфа 8.

Широкую дату (XV–XVI вв.) имеет венчик красноглиняного гладкого горшка 245 второго варианта с подтреугольным валиком с внутренней стороны сосуда. Белоглиняная грубая посуда XVI в. выделяется по венчикам с эллипсовидным валиком снаружи (№ 230, 237). Венчик 244 такой же формы, но выполненный из красной глины, маркирует ранний этап распространения этого типа посуды в последней четверти XV в. К этому же времени относится квадратноконечный бронзовый крест-тельник с обломанной нижней лопастью шириной 15 мм (гл. -58 см, № 8). На лицевой стороне креста помещено изображение св. Никиты, побивающего беса; оборотная сторона гладкая, со следами обработки напильником. Кресты с изображением св. Никиты были широко распространены в Тверской и Московской землях в XV–XVI вв. (Хухарев, 2003. С. 195). Крест близок тельникам из некрополя Старицы, датируемого по монетам тверских князей XV в. (Романченко, 1928. С. 41. Рис. 2, 10), но не несет изображения предстоящих. Встречен также бронзовый перстень с гнездом для каменной или стеклянной вставки (№ 9) XV–XVIII вв.

В 2006 г. с запада к шурфу 10 был прирезан раскоп 2 (92 кв. м). Поверхность его имела уклон к востоку в 1,41 м. Слой мощностью 0,58–0,39 м, залегавший на подзолистом и буром горизонтах погребенной почвы, содержал значительно меньше керамики, чем шурф 10. Зачистка материка не выявила ям. По всей видимости, раскоп попал на периферийную часть древнего поселения со слабо выраженным культурным слоем. Вновь поселение возникло здесь в XV–XVI вв.

²⁴ Исключением являлась бровка коренного берега Клязьмы при впадении в пойму оврага, в районе шурфа 9, где обнаружен древнерусский материал.

Таблица 1. Расположение усадеб XI–XII вв. селища Болшево-3 относительно поймы и р. Клязьмы.

Усадьба и ямы	Абсолютная отметка ямы в Балтийской системе высот, м	Абсолютная отметка уреза воды р. Клязьмы в Балтийской системе высот, м	Высота ямы над урезом воды, м	Расстояние от ямы до поймы, м	Расстояние от ямы до р. Клязьмы, м
Северная усадьба, ямы 2–3	144,21	139,95	4,26	55	85
Северная усадьба, яма 6	143,67	139,95	3,72	56	80
Утраченная усадьба (шурфы 2, 5)	144,00	139,95	4,05	25	45
Центральная усадьба, ямы 20, 31	144,04	139,95	4,09	25	28
Южная усадьба, яма 15	144,55	139,95	4,64	20	25

Таблица 2. Хронология усадеб XI–XII вв. селища Болшево-3.

Усадьбы			Керамика					Приблизительная дата ямы, гг.
Южная	Центральная	Северная	Лепная, %	Ранне-круговая, %	Курганная, %	Серая, %	Всего керамики, фр-ты	
?								1025–1075
	Яма 20 ↓		80	20			347	1025–1075
		Яма 6 ↓	6,5 (16)	33 (42)	60,5 (42)		329	1075–1100
	Яма 31			5	95		497	1100–1125
Яма 15				23	77		34	1100–1125
		Яма 8		9	91		142	1100–1150
		Яма 2		3,3	74,7 (86)	9,3	312	1125–1175
		Яма 3		2	93,3	4,7	113	1125–1175
Яма 2					56	44	30	1150–1175

Все жилые постройки были размещены в узком (около 1 м) диапазоне высот над уровнем Клязьмы (3,72–4,64 м). Поскольку по мере продвижения на север река отступала от коренного берега, жилые постройки приходилось размещать все далее и далее от воды, чтобы ямы не соприкоснулись с уровнем грунтовых вод.

Прояснив внутреннюю логику формирования планировки поселения, следует проанализировать имеющиеся данные о хронологии жилых построек южной, центральной и северной усадеб (табл. 2).

Как можно видеть из таблицы, первые жилые постройки на усадьбах возникают в период бытования лепной керамики, то есть в XI в., вначале в центральной (яма 20), а затем – в северной усадьбе (яма 6). Поскольку южная усадьба, в силу ее близости к реке, являлась наиболее удобной для заселения, можно предполагать, что в дальнейшем

здесь также будет обнаружена постройка с лепной керамикой.

В первой половине XII в. на каждой усадьбе на смену ранним постройкам приходят новые, для которых характерно отсутствие лепной керамики и доминирование раннекруговой посуды при наличии курганной. Для южной усадьбы это яма 15, для центральной – уникальная по инвентарю яма 31, для северной – яма 9 и новое жилье (ямы 2–3), поставленное в 10 м к северу.

Третий этап жизни (яма 2 южной усадьбы), для которого характерно сочетание курганной керамики и посуды, напоминающей серую, выделяется с трудом. Поскольку на селище Болшево-3, которое нельзя отнести к рядовым сельским поселениям, на площади 1150 кв. м не найдено ни одного стеклянного браслета, есть серьезные основания полагать, что во второй половине XII в. наволок

был оставлен. По-видимому, усадьбы людей, которые позднее были захоронены во 2-м Болшевском курганном могильнике второй половины XII – первой половины XIII в. (Чернов, 2004. С. 244), были перенесены на более возвышенные места.

Что касается присутствия человека на наволоке в более ранние периоды, то северный раскоп фиксирует следы посещения этого места носителями фатьяновской культуры, а в центральной и южной части селища – носителями дьяковской культуры в самом начале новой эры.

Этнокультурные особенности северной усадьбы

Обрисовав пространственное и хронологическое соотношение усадеб, можно вновь обратиться к наиболее раннему комплексу северной усадьбы – яме 6. Эта постройка была возведена примерно в последней четверти XI в., после появления первой постройки центральной усадьбы (яма 20) и до возникновения там новой постройки (яма 31), обитатели которой, судя по находке боевых стрел, поясного набора профессионального воина, близкого кругу скандинавских древностей X–XI вв., и крестательника с эмалью, выполняли военно-торговые функции на Клязьминско-Яузском водно-волоковом пути. Северная усадьба, бедная находками (рис. 3), скорее всего, была населена теми, кто был связан с перегрузкой товаров, извозом, выплавкой железа.

Комплекс керамики из ямы 6 (329 фрагментов) достаточно полно представляет керамическую традицию первопоселенцев северной усадьбы в эпоху, когда лепная керамика использовалась наряду с раннекруговой. Обращение к этому комплексу показывает, что он имеет системные аналогии с памятниками Новгородской, Смоленской земель и Верхневолжья. Наиболее полно его место в керамической традиции этих территорий может быть описано с помощью сравнения с материалами Городка на Ловати, которые представлены 57 комплексами X–XII вв. (Горюнова, 2016).

Ведущей формой лепной керамики ямы 6, как уже отмечалось, являются небольшие слабо профилированные сосуды баночной формы с коротким вертикальным, чуть отклоненным наружу венчиком. Они представлены развалом сосуда (диаметр венчика 10,5 см, высота около 11,5 см), а также венчиками четырех подобных сосудов (рис. 19). В ранних комплексах Городка на Ловати, которые

датируются X – первой половиной XI в., подобные сосуды образуют группу V, составляющую около 10% лепной керамики памятника (Горюнова, 2016. С. 27. Рис. 11, 2). Близкие аналогии сосудам из Болшево-3 с диаметрами венчиков 6–8 и 16,5 см имеются на городище – в постройках 5 и 9 (Горюнова, 2016. Рис. 69, 4; 88, 2) и на селище – в сооружениях 7 и 14 (в нем обнаружен денарий Оттона – Адельгейды 991–995 гг. с отверстием для подвешивания) (Горюнова, 2016. С. 26. Рис. 117, 14; 131, 4). Подобные баночные сосуды встречены в ранних слоях Витебска и Смоленска (Еремеев, 2015. Рис. 2, 1–4; 11, 1; 64, 5; 66, 1; 71, 3, 4, 7; Кренке, 2015. С. 79. Рис. 1, 5, 6).

Сосуды ладожского типа с ребром по плечу из ямы 6 (рис. 16) и ямы 20 центральной усадьбы (Чернов, Волков, 2009а. Рис. 11, 716, 1612) имеют аналогии в постройках 1, 4, 6, 9 городища (Горюнова, 2016. Рис. 54, 1, 4; 63, 5; 74, 1; 86, 6) и сооружении 13 селища (Горюнова, 2016. Рис. 126, 6), образуют группу 1а (Горюнова, 2016. С. 27) и широко распространены на новгородском Северо-Западе (Чернов, Волков, 2009б. С. 566, 567).

По мнению В. М. Горюновой, керамика групп I, IV, V сохранила традиции лепной керамики длинных курганов Смоленщины и Подвинья. «По сути, – пишет исследователь, – единый комплекс с Городком составляет керамика целого ряда длинных и круглых курганов IX–X вв. бассейнов верхнего течения рек Великой, Западной Двины, Волги: Торопецкий, Березовецкий, Шихинский, Казихинский могильники... Лепная посуда, сохраняющая традиции культуры длинных курганов, в этих районах нередко встречается в курганных погребениях даже XI в. в Березовецком могильнике, Грицково, Пикуново, Горбуновский курганах, Черневичах» (Горюнова, 2016. С. 27, 28).

Сосуды с эсвидной профилировкой и срезанным венчиком, украшенные сочетанием волнистого («дрожащая волна») и линейного орнамента, которые являются ведущей формой раннекруговой керамики ямы 6 Болшева-3 (рис. 17; 18), находят аналогии в комплексах раннего периода Городка на Ловати – постройках 1, 4, 5, 11, 12²⁵ городища (Горюнова, 2016. Рис. 56, 2; 64, 3; 70, 7; 95, 4; 100, 15) и сооружении 21 селища (Горюнова, 2016. Рис. 143, 4).

Наряду с системными аналогиями лепной и раннекруговой керамики Городка на Волхове и Болшева-3 между ними прослеживается

²⁵ В постройке 12, которая датируется автором раскопок последней четвертью X – началом XI в., встречена аналогия (Горюнова, 2016. С. 67. Рис. 100, 13) белоглиняному сосуду с венчиком, имеющим расширения с обеих сторон и украшенному волнистым орнаментом из ямы 6 (рис. 20, 130).

фундаментальное различие. Распространенная на Одере и в польском Поморье западнославянская раннекруговая керамика типов Торнов, Фрезендорф, Менкендорф, широко представленная в коллекциях Городка на Ловати (группы II, III, IV и гибридные формы группы V; Горюнова, 2016. С. 30–32), Рюрикова городища, Новгорода²⁶, Пскова и Гнездова в середине X – начале XI в. (Малыгин и др., 2001; Лопатин, 2011), полностью отсутствует в Болшево-3. Объяснить это можно тем, что в пределах первой четверти XI в. керамика типов Торнов, Фрезендорф, Менкендорф прекращает бытовать, тогда как сочетание местных лепных форм и срезанных сосудов группы I продолжает использоваться в Городке на Ловати вплоть до середины XI в.

«Возводить постройки второго периода на Городке стали, – отмечает В. М. Горюнова, – не ранее середины XI в., после того как самые поздние сооружения первого периода, даже те, что не сгорели в пожаре (постройка 10 на городище и сооружение 15 на селище), были уже разрушены» (Горюнова, 2016. С. 48). В поздних комплексах Городка на Ловати (второй половины XI в.), в которых отсутствует лепная посуда, также наблюдаются параллели с комплексом из ямы 6 Болшева-3. Горшки со срезанными венчиками (типы II-1 и IIIa-1) (Горюнова, 2016. С. 52) дают аналогии эсовидным горшкам Болшева-3 (рис. 17; 18) (постройка 15 на городище; Горюнова, 2016. Рис. 181, 10). Отыскиваются аналогии для мискообразного горшка из ямы 6 (рис. 18, 204, 206) (Горюнова, 2016. Рис. 200, 7 – сооружение 33 на селище) и горшка с каннелурой по краю венчика и «дрожащей волной» из ямы 8 (рис. 21, 438) (Горюнова, 2016. Рис. 175, 10 – постройка 15 на городище).

Наименее противоречивой интерпретацией прослеженных параллелей комплекса ямы 6 Болшева-3 представляется следующая. По всей видимости, мы имеем дело с керамической традицией, существовавшей в кривичском новгородско-смоленском пограничье и новгородском Верхневолжье во второй четверти XI в., на стадии, когда навыки

изготовления лепной посуды баночного типа еще сохранялась, раннекруговые эсовидные сосуды со срезанными венчиками уже использовались, а западнославянские типы раннекруговой посуды (там, где они затронули сельские территории) вышли из употребления. Оказавшись во второй половине XI в. в долине верхней Клязьмы, носители данной традиции какое-то время (на уровне одного-двух поколений) сохраняли привычные им навыки изготовления керамики. В первой четверти XII в. когда в центре поселения возник военно-торговый форпост, а затем на северной усадьбе был поставлен новый двор, навыки изготовления лепной керамики были утрачены.

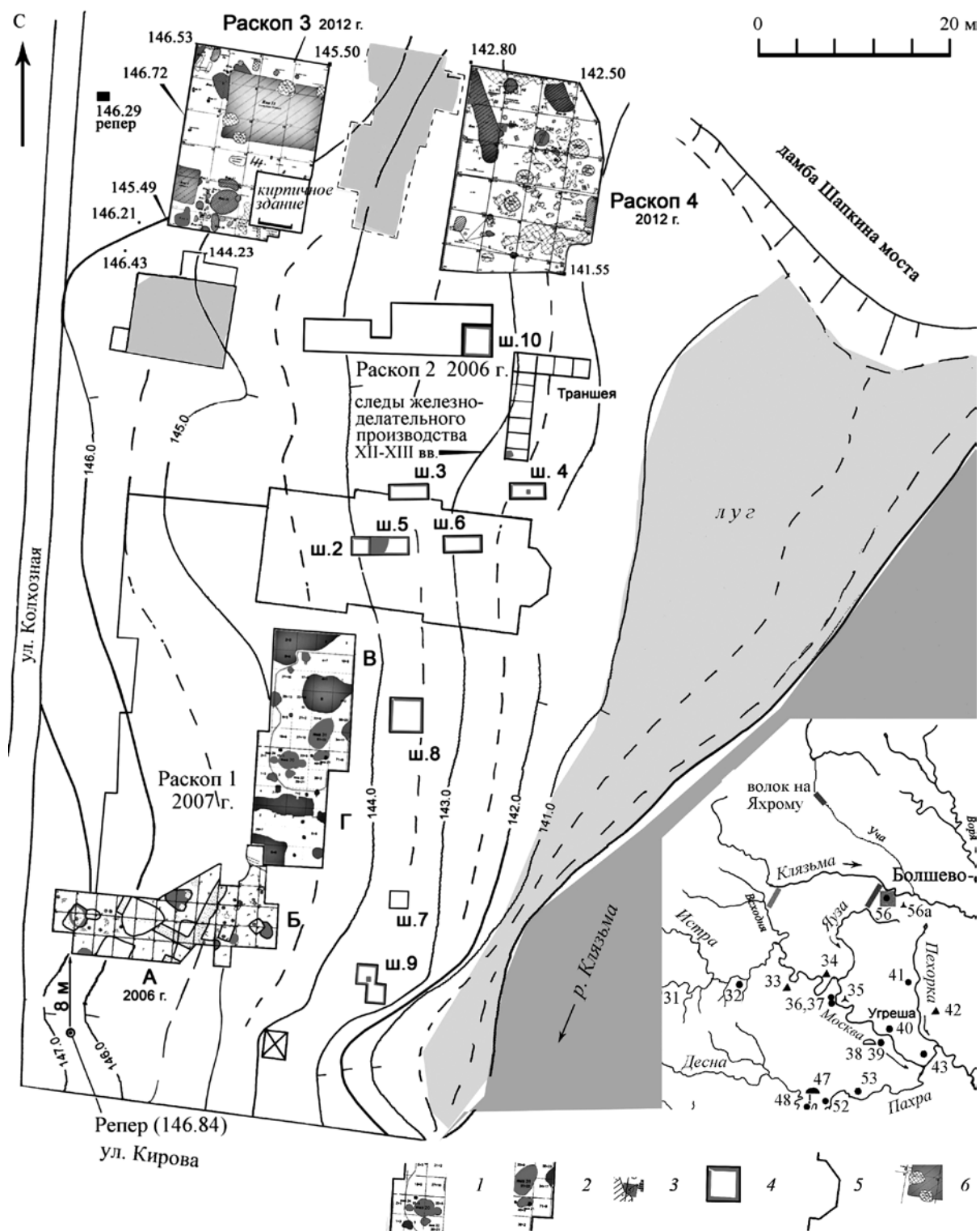
Подведем некоторые итоги. Археологическое изучение селища Болшево-3 на площади 1150 кв. м показало, что здесь нет следов поселения третьей четверти I тыс. н. э., а лепная керамика, обнаруженная в заполнении ям 20 и 6, относится к XI в.

Комплексы сооружений Болшева-3 являются ценными источниками для понимания керамических традиций, бытовавших на верхней Клязьме в XI в. При этом содержащаяся в них историческая информация становится достоянием исследователей по мере того, как этот материал анализируется в масштабе жизненного цикла определенных поколений и с учетом развития конкретных усадеб.

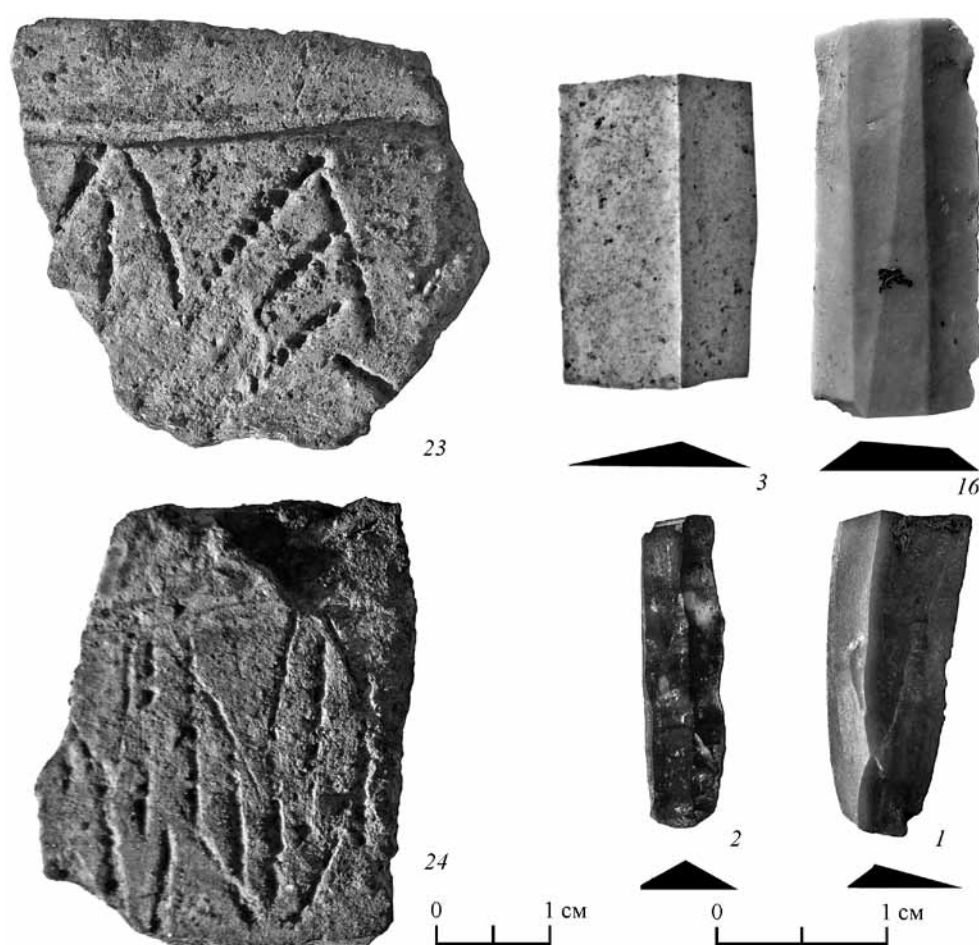
В настоящей работе как будто удалось проследить истоки керамической традиции северной усадьбы, которая восходит к этапу бытования керамики в кривичском новгородско-смоленском пограничье и новгородском Верхневолжье второй четверти XI в. Думается, что в перспективе, по мере введения в оборот закрытых комплексов керамики на мерянских памятниках, станет возможно реконструировать истоки керамической традиции сооружения 20, давшего серию лощеных лепных горшков с саблевидным профилем.

Ценность Болшева-3 как памятника археологии состоит в том, что он фиксирует на верхней Клязьме в XI в. самобытную этнокультурную ситуацию, отличающуюся от ситуации в бассейне р. Москвы, входившей в зону развития роменской культуры.

²⁶ На Рюриковом городище и в Новгороде за вычетом Торнова.

См. след. стр. →

Рис. 2. Селище Болшево-3. Находки бронзового и раннего железного века

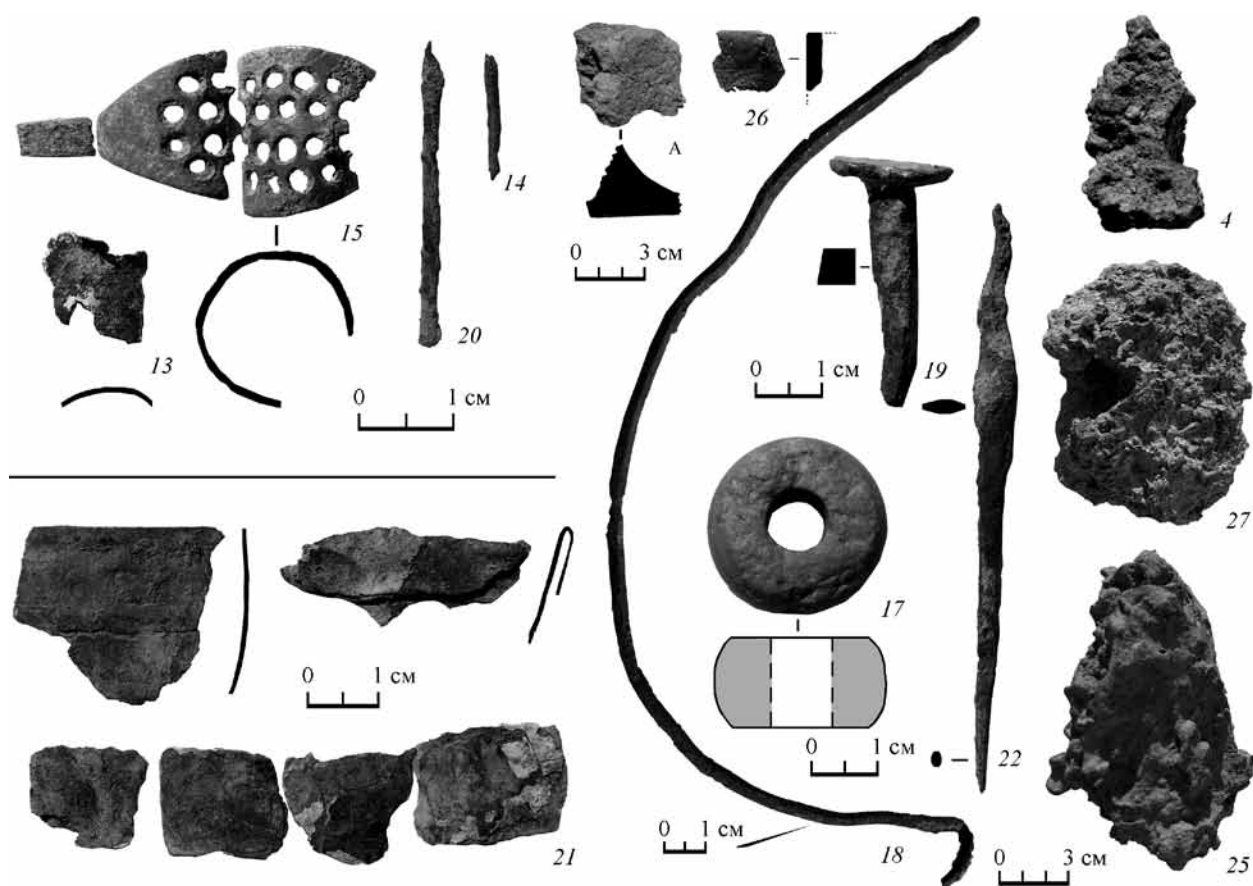
23, 24 – фрагменты венчиков горшков фатьяновской культуры III тыс. до н.э. из зачистки материка в раскопе 4 (кв. 6);
16 – пластины ранненеолитического времени из заполнения древнерусских ям 2 (1, 2, 3) и 3 (16)

к с. 78

**Рис. 1. Селище Болшево-3. Сводный план шурфов (2005 г.)
и раскопов 1А 2 (2006 г.), 1Б, 1В, 1Г (2007 г.), 3 и 4 (2012 г.) (см. цв. вкл.)**

1 – сооружения с лепной керамикой XI в.; 2 – сооружения с древнерусской круговой керамикой XII–XIII вв.; 3 – местонахождения керамики фатьяновской культуры (раскопы 3, 4) и раннего железного века (шурфы 2, 4, 9); 4 – шурфы с древнерусской круговой керамикой XII–XIII вв.; 5 – участки культурного слоя, утраченные при строительстве усадьбы XX в. и многоквартирного дома 2006 г.; 6 – участки культурного слоя, утраченные при строительстве слободы XVIII–XIX вв.

Врезка: селище Болшево-3 на карте памятников археологии XI в. среднего течения р. Москвы и верхнего течения р. Клязьмы: 31 – селище Поречье-2; 32 – селище Жуковское; 33 – находки дирхемов 753–775, 806–808 гг. на городище Кунцевское; 34 – находки дирхемов 862 и 866 гг. на месте храма Христа Спасителя; 35 – находка обломка дирхема у Симонова монастыря; 36 – селище Даниловское-1 (в Свято-Даниловом монастыре); 37 – селище Даниловское-2 (в Даниловской слободе); 38 – большой Беседский курган; 39 – селище Беседы (Ленинский р-н); 40 – селище на территории Николо-Угрешского монастыря (г. Дзержинский); 41 – селище Акатово-2 (Балашихинский р-н); 42 – Коренёво (Люберецкий р-н), клад дирхемов IX–X вв.; 43 – селище Заозерье-2 (Раменский р-н), находка брактеата дирхема; 47 – курганный могильник Стрелково (из 13 курганов один с кремацией); 48 – селище Стрелково-2; 52 – селище Макарово-1; 56 – селище Болшево-3 (г. Королев); 56а – находка дирхема 862 г. у д. Бурково (г. Королев)

Рис. 3. Селище Болшево-3. Раскопы 3 и 4. Находки из ям древнерусского времени

Перстень бронзовый пластинчатый решетчатый, яма 2 (№ 15), обломок изделия из бронзовой пластины, яма 6 (№ 13), фрагменты бронзового котла, яма 9 (№ 21); железные иглы, ямы 2 (№ 14) и 9 (№ 20). Пряслице шиферное овручское (№ 17) и железная ручка ведра, яма 8 (№ 18); гвоздь, яма 9 (№ 19); шило, яма 20 (№ 22); шлак железный из болотной руды, ямы 2 (№ 4), 6 (№ 25) и 9 (№ 27); фрагмент свода (?) глинобитной печи (А) и керамическое изделие (№ 26), яма 6

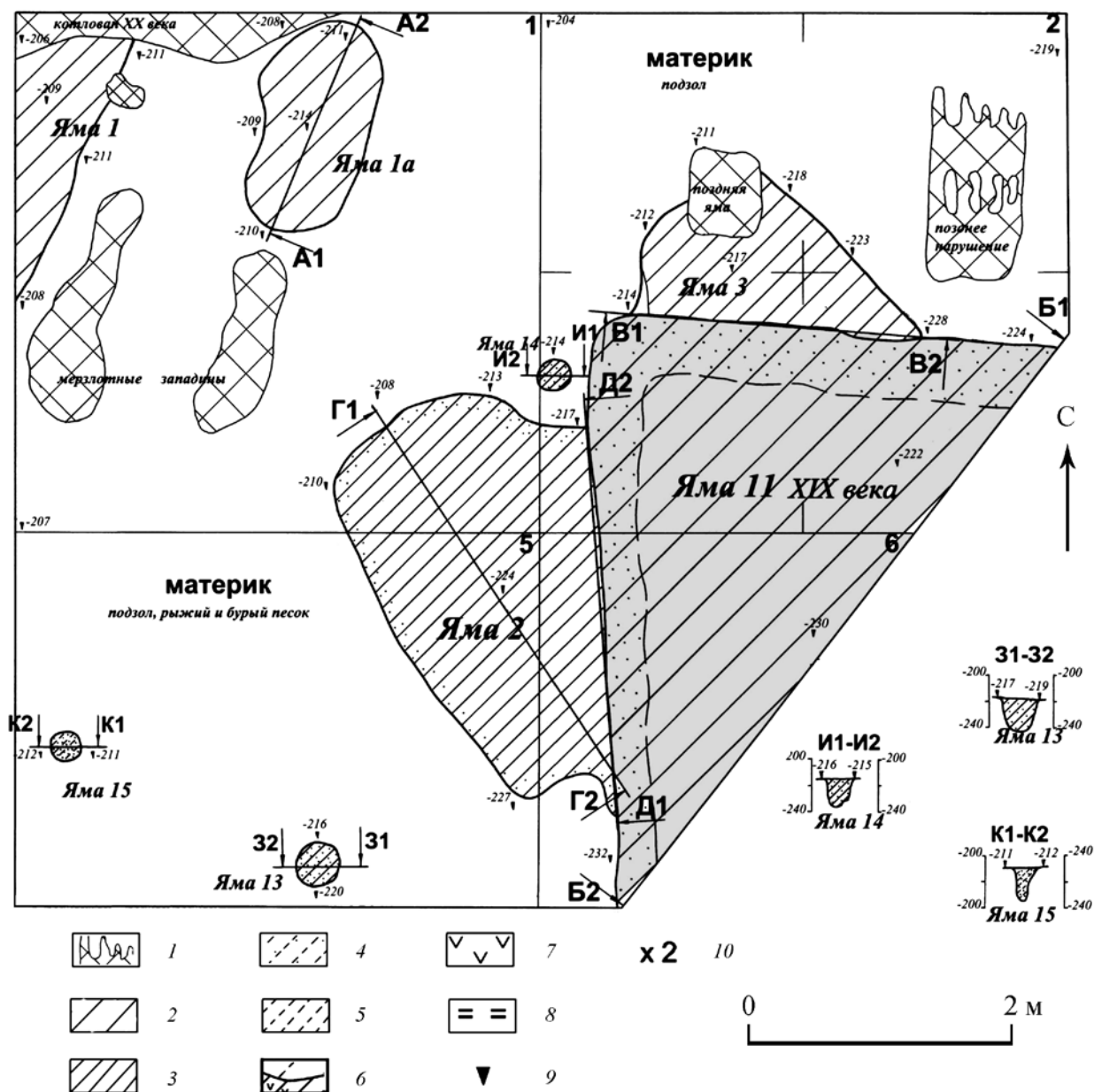

Рис. 4. Болшево-3. Раскоп 3 (западный). План зачистки материка северной части раскопа

1 – мусорные ямы XX в. (утраченные участки); 2 – серо-бурый гумусированный суглинок – верхний культурный слой; 3 – темно-серый и черный суглинки – заполнение ям древнерусского времени; 4 – серый суглинок – заполнение ям древнерусского времени; 5 – черный суглинок и слой угля в заполнении ямы 6 древнерусского времени; 6 – уголь; 7 – обожженная глина (развал печи); 8 – высотные отметки; 9 – находка и ее номер

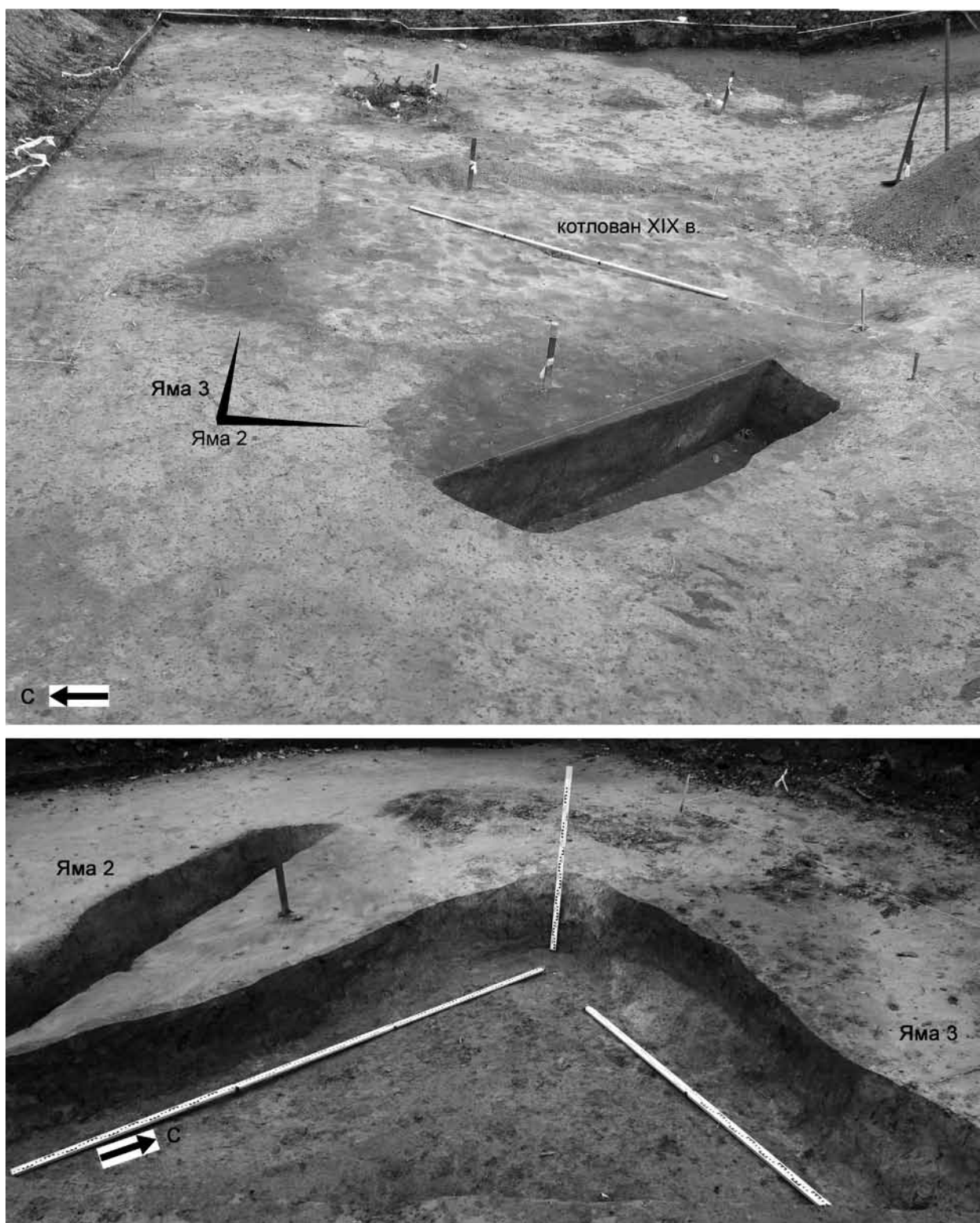

Рис. 5. Болшево-3. Раскоп 3 (западный). Северная усадьба. Вверху – ямы 2 и 3 в зачистке материка. Вид с запада. На переднем плане – выборка западной части ямы 2. Внизу – ямы 2 (слева) и 3 (справа). Вид с юго-востока после выборки котлована XIX в., затронувшего ямы

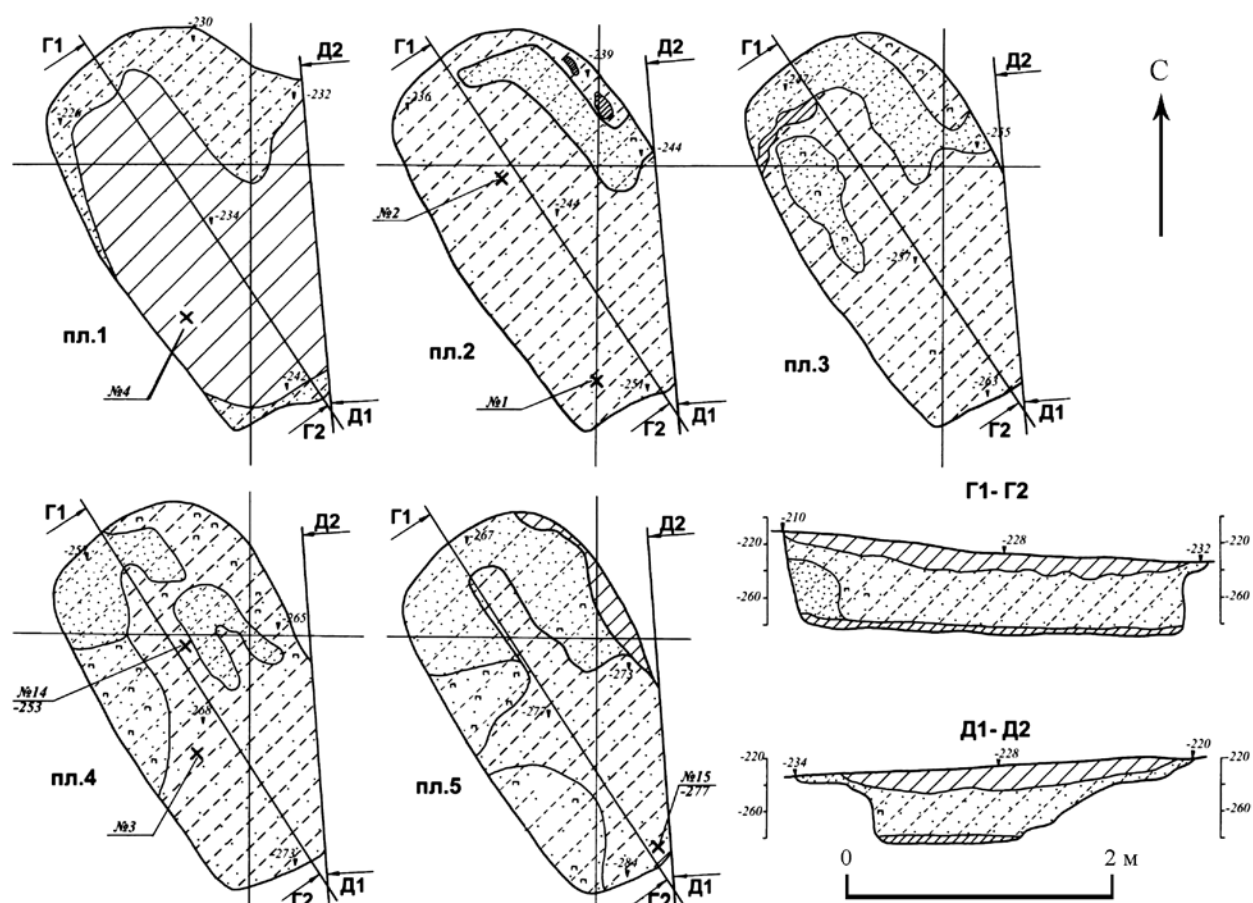

Рис. 6. Болшево-3. Раскоп 3. Яма 2. Планы на уровне зачисток пластов 1–5 (через 10 см) и разрезы ямы. Чертежи

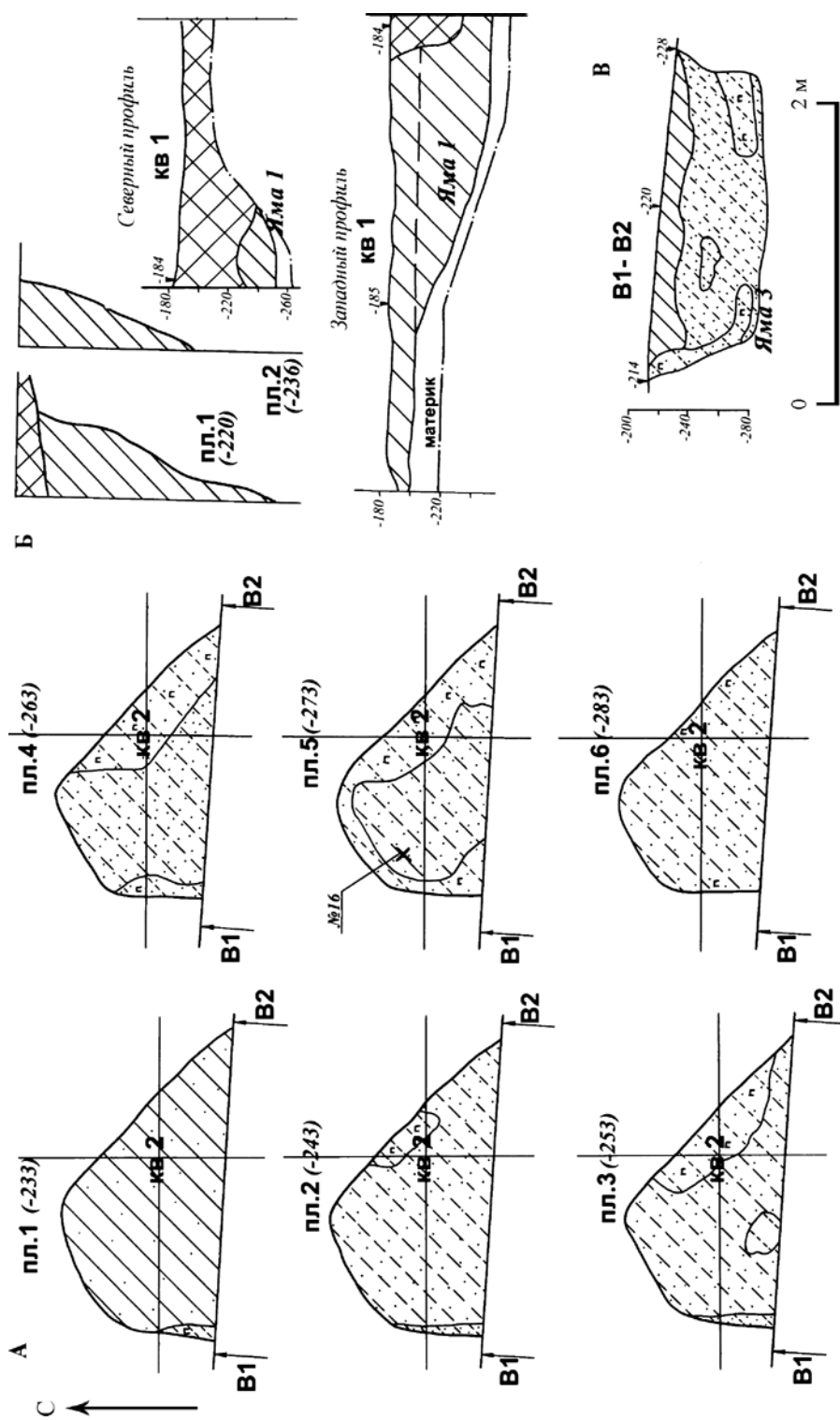

Рис. 7. Болшево-3. Раскоп 3

А — яма 3. Планы на уровне зачисток пластов 1–5 (через 10 см); Б — яма 1. План пластов 1 и 2 и разрезы ямы; В — разрез ямы 3

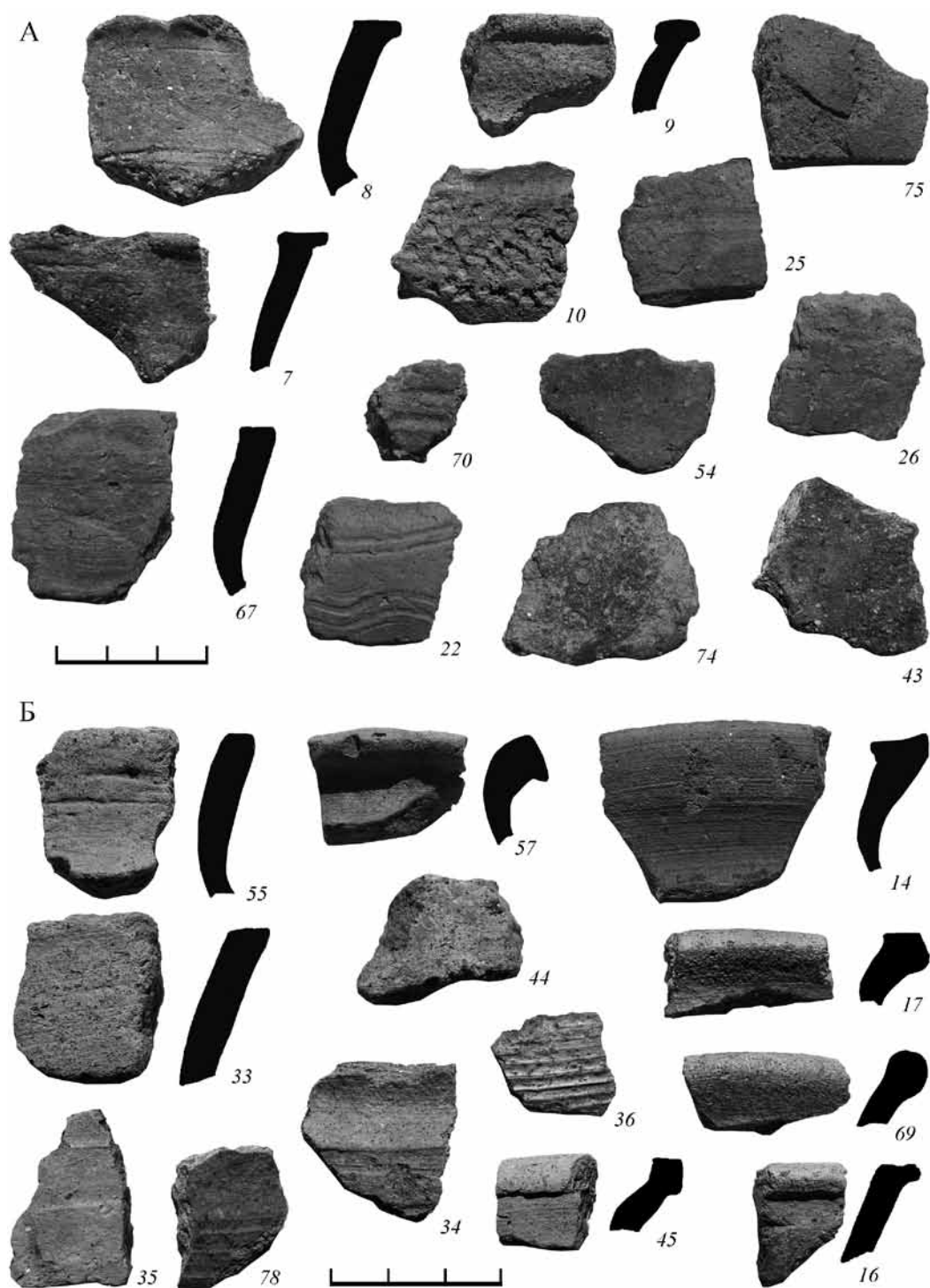

Рис. 8. Болшево-3. Раскоп 3. Яма 2

А – раннекруговая керамика; Б – курганная керамика из белой глины. Венчики и стенки

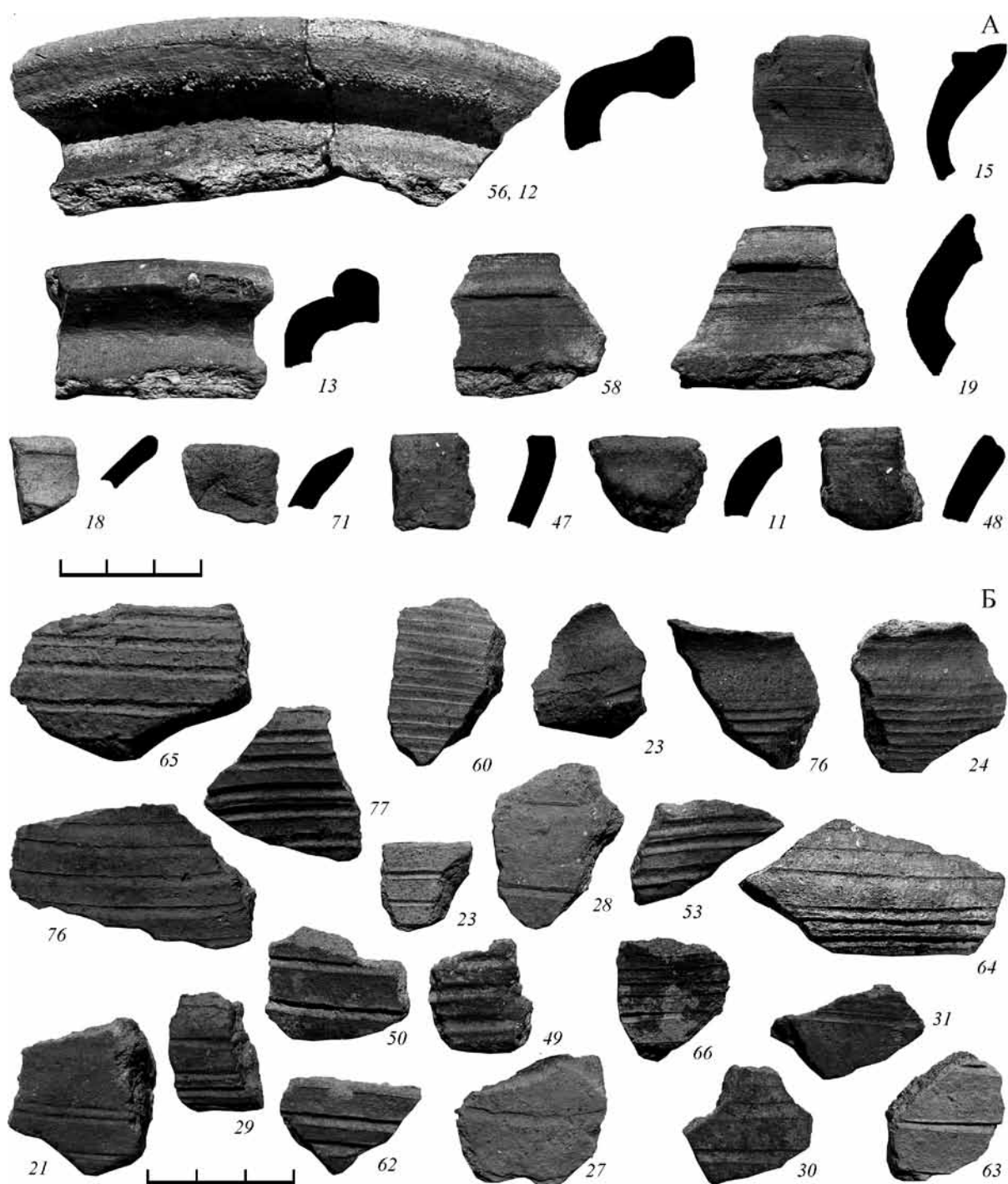

Рис. 9. Болшево-3. Раскоп 3. Яма 2. Курганная керамика

А – венчики; Б – стенки

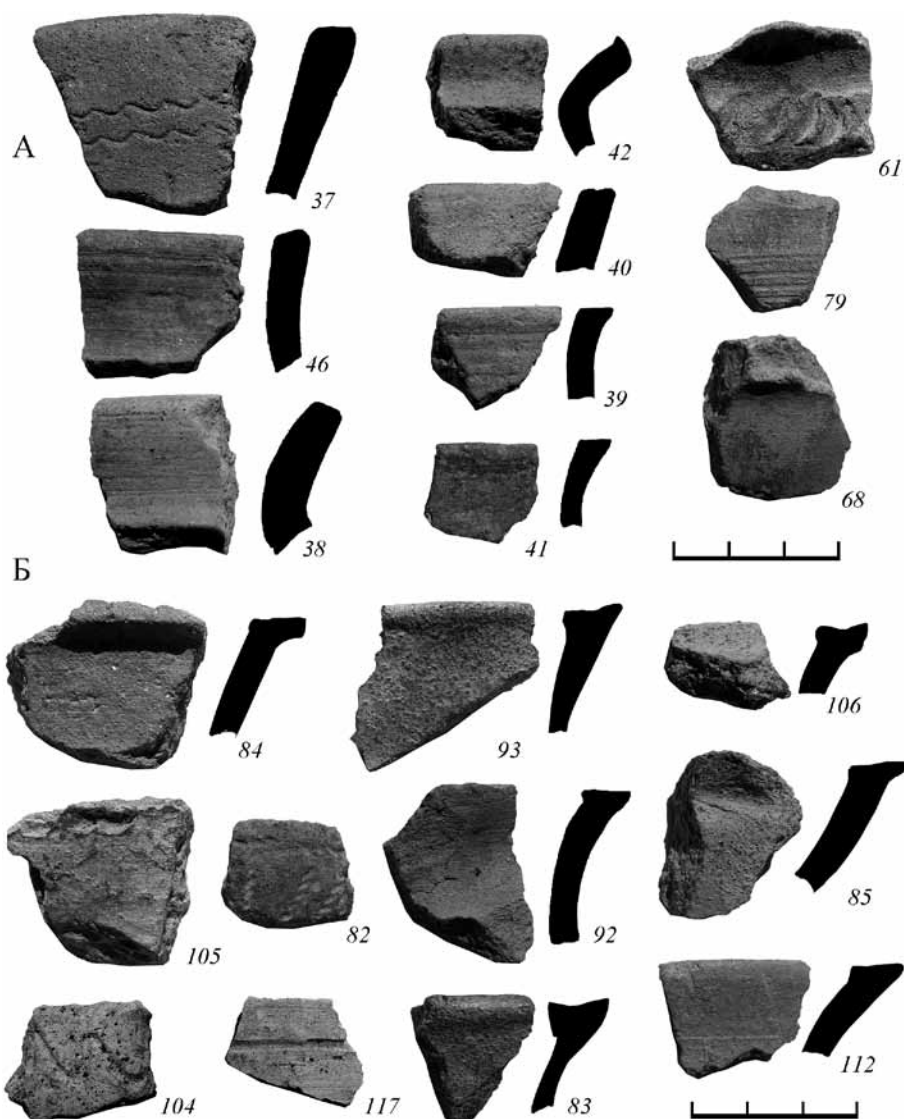

Рис. 10. Болшево-3. Раскоп 3

А – яма 2. Венчики курганных сосудов; Б – яма 3. Курганная керамика из красной и белой глины

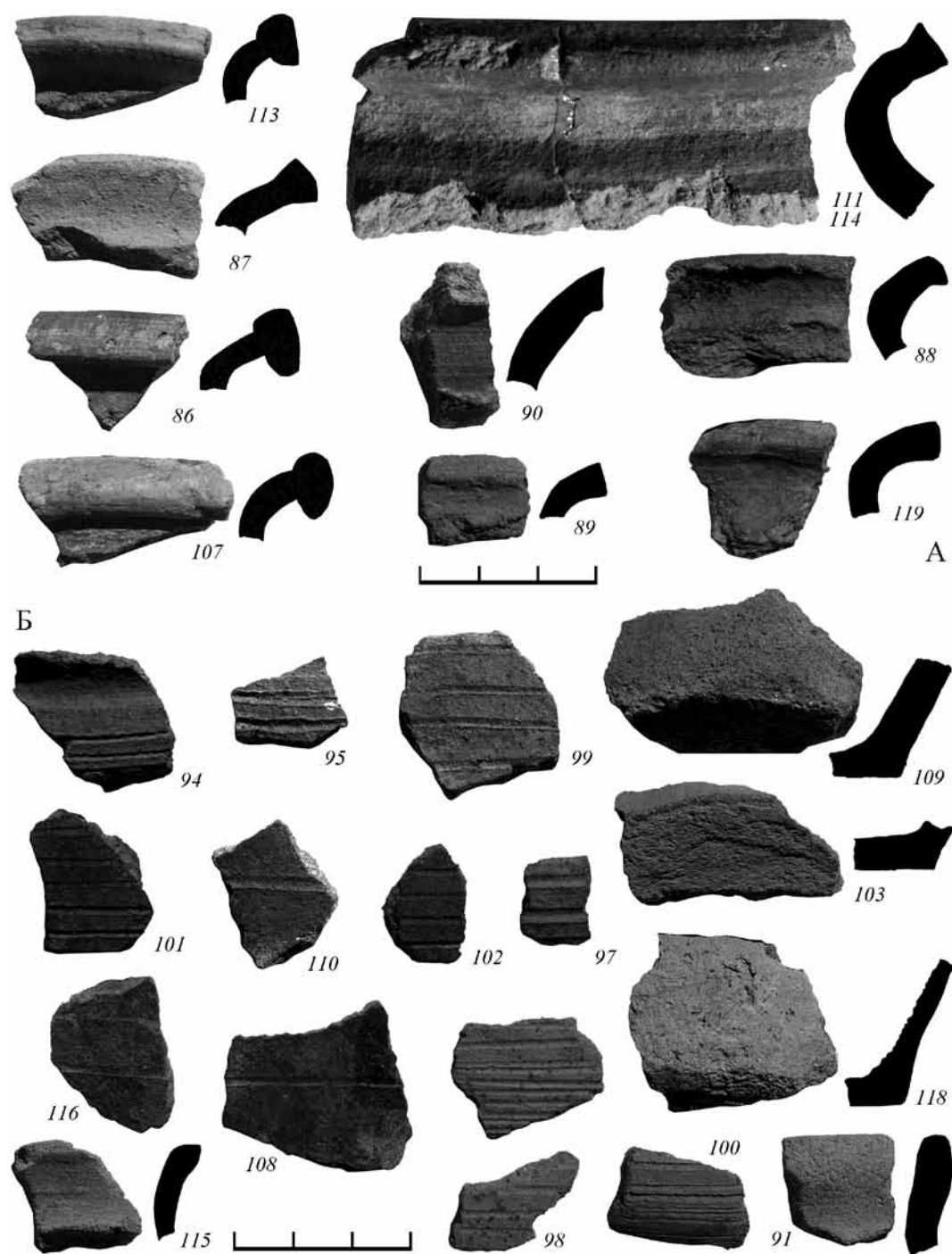

Рис. 11. Болшево-3. Раскоп 3. Яма 3
А – венчики; Б – орнаментированные стенки и донца

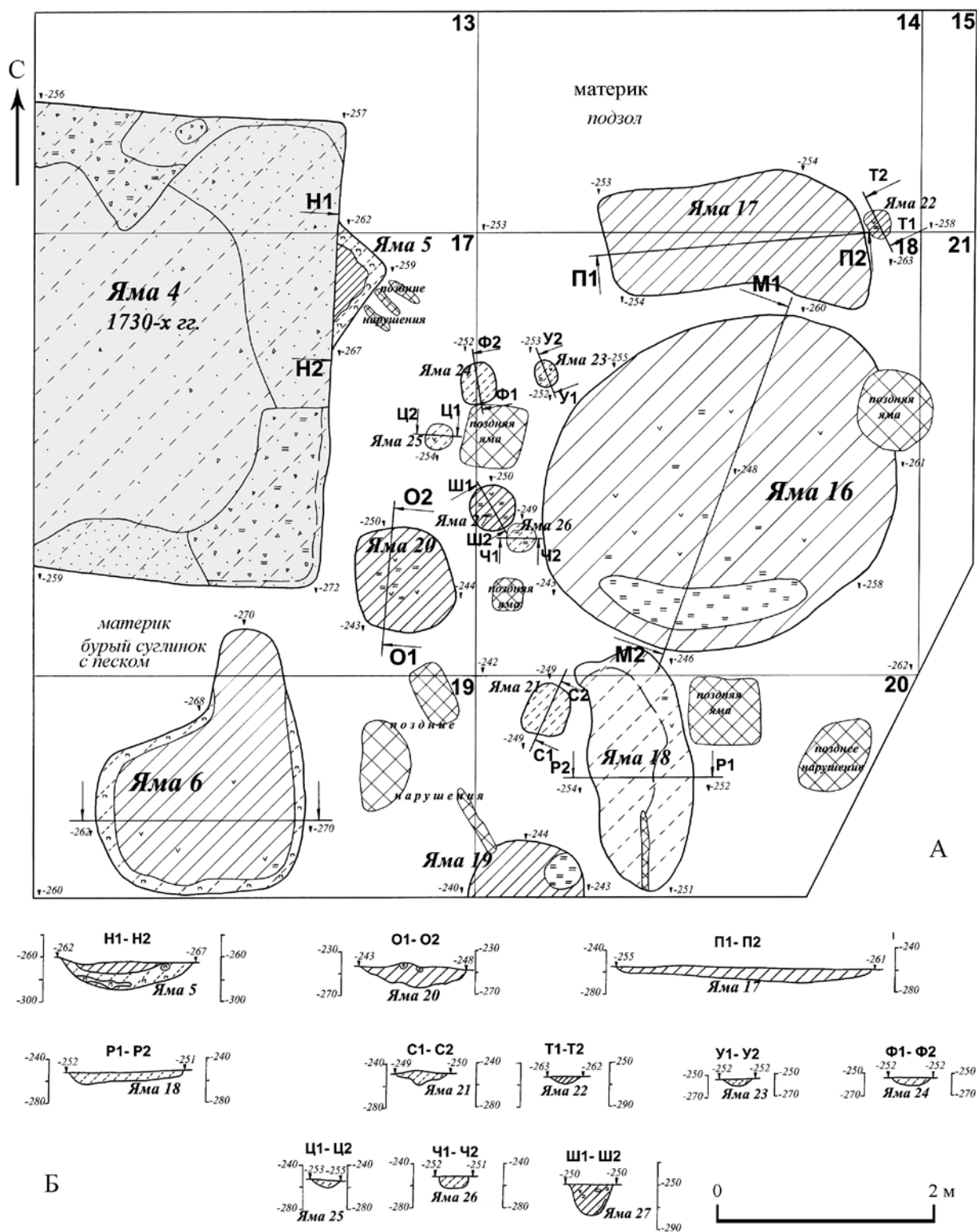

Рис. 12. Болшево-3. Раскоп 3. Северная ранняя усадьба

А – план южной части западного раскопа на уровне зачистки материка; Б – разрезы ям

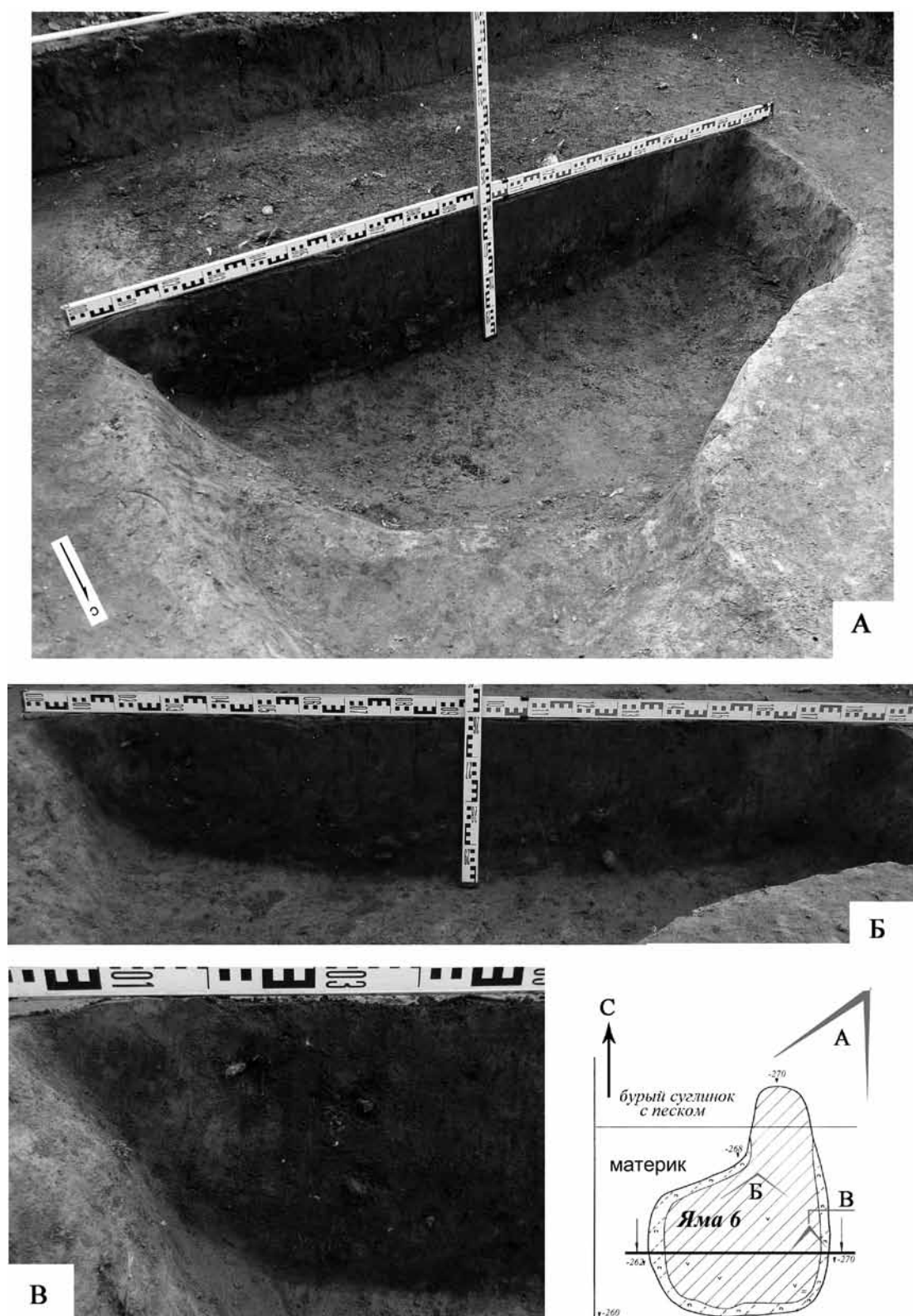

Рис. 13. Болшево-3. Раскоп 3. Северная ранняя усадьба. Яма 6

А – общий вид ямы с северо-востока после выборки ее северной части и приямка (на переднем плане); Б – разрез ямы, вид с севера; Б' – разрез ямы. Фрагмент; Г – схема расположения ямы 6 на плане раскопа с показом точек съемки

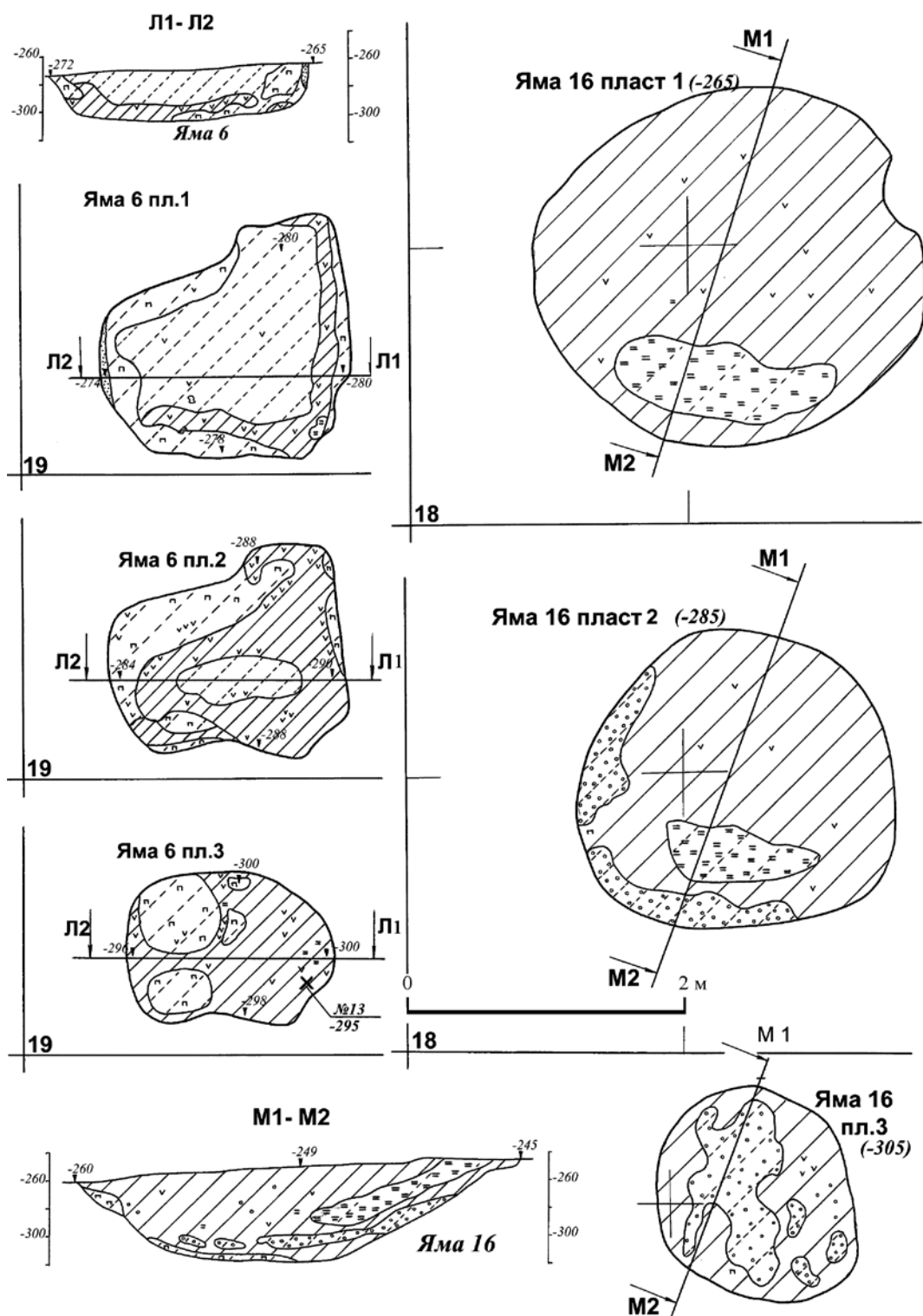

Рис. 14. Болшево-3. Раскоп 3. Слева яма 6: планы зачисток пл. 1–3 (через 10 см) и разрез ямы. Справа яма 16: планы зачисток пл. 1–3 и разрез ямы

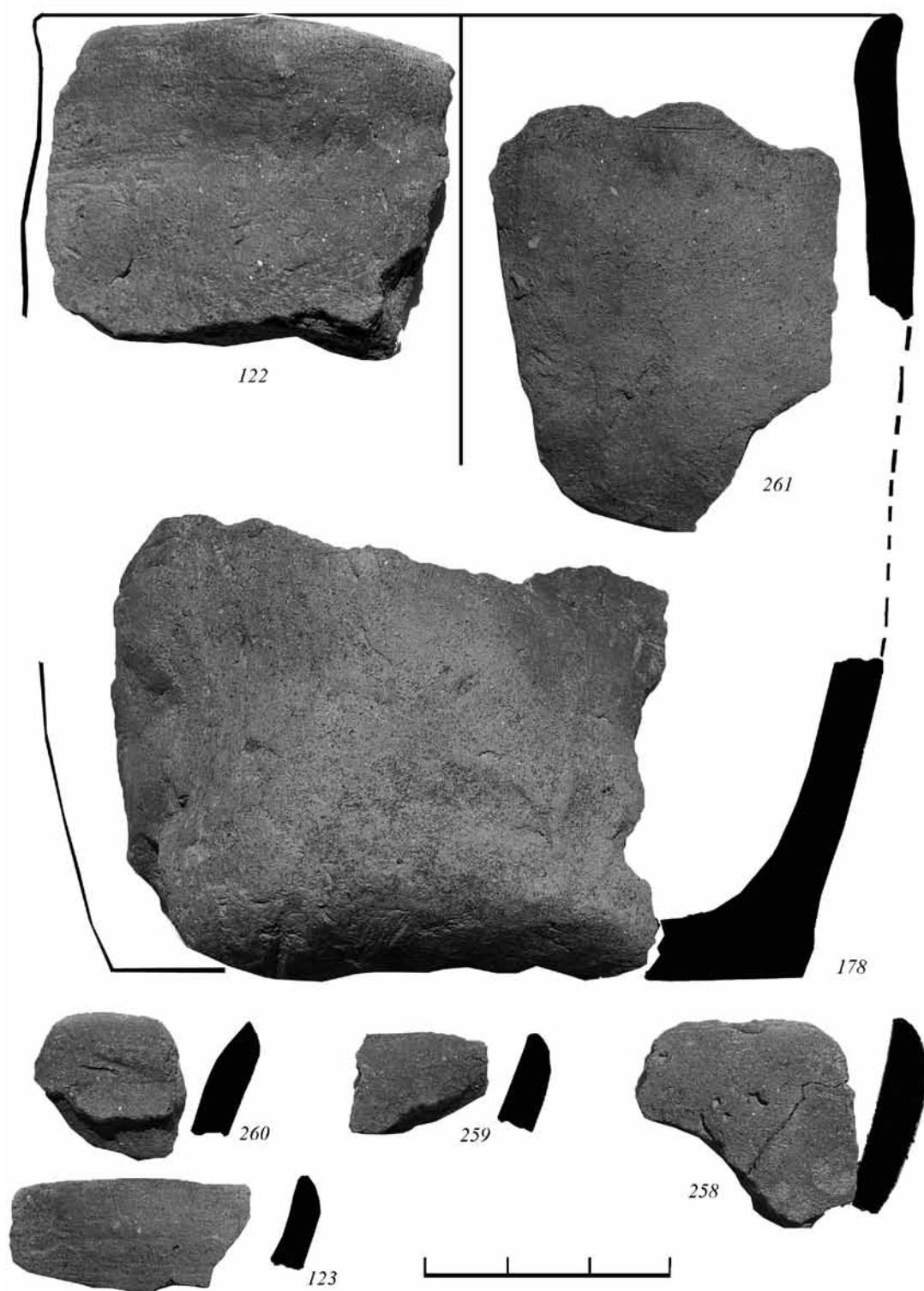

Рис. 15. Болшево-3. Раскоп 3. Яма 6. Лепная керамика: баночный сосуд с вертикально стоящим венчиком (№ 122, 178, 261) и отдельные венчики (см. цв. вкл.)

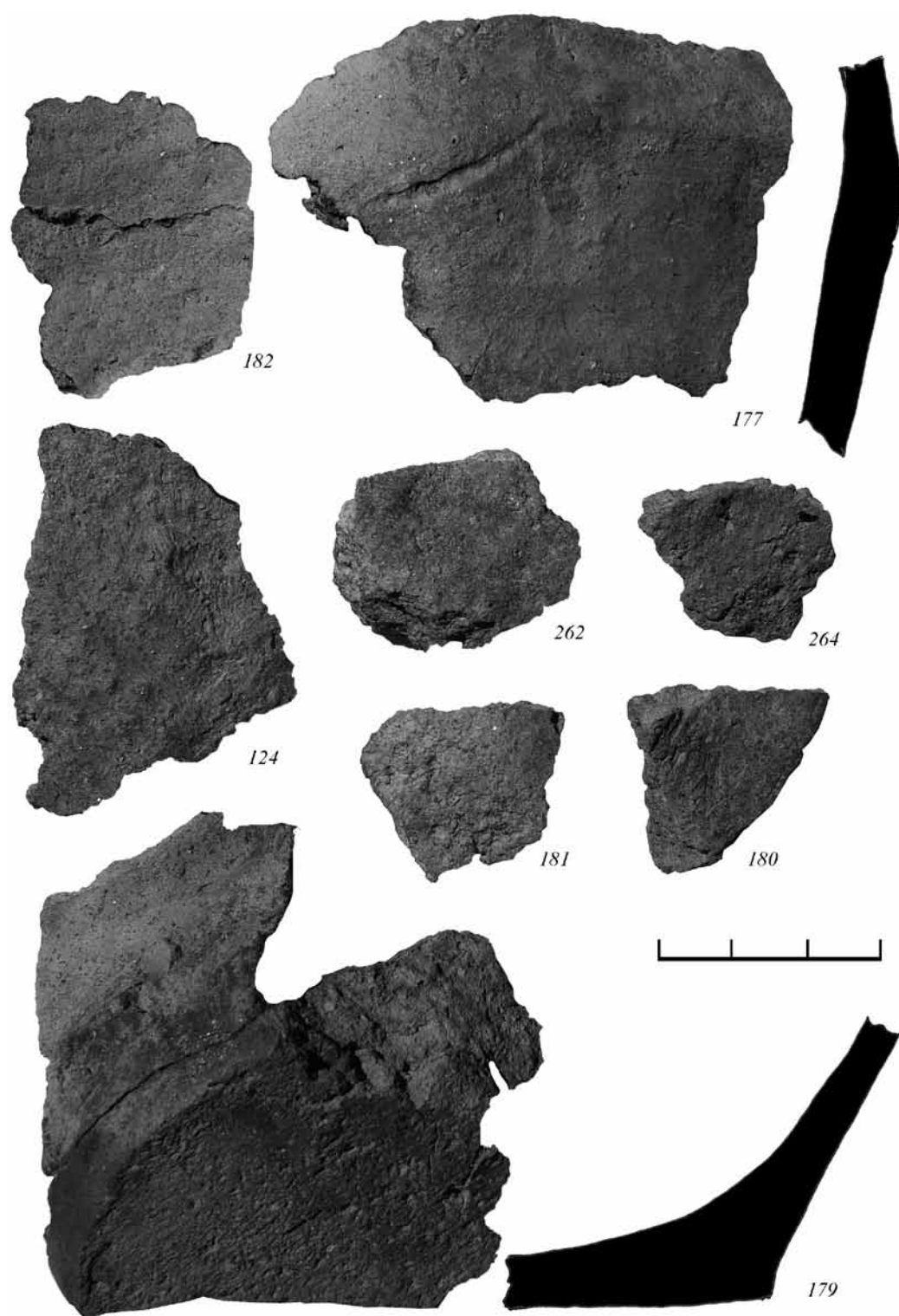

Рис. 16. Болшево-3. Раскоп 3. Яма 6. Лепная керамика ладожского типа с ребром по плечу (№ 177),
донце и стенки (см. цв. вкл.)

Рис. 17. Болшево-3. Раскоп 3. Яма 6. Раннекруговая керамика. Горшок № 267–269

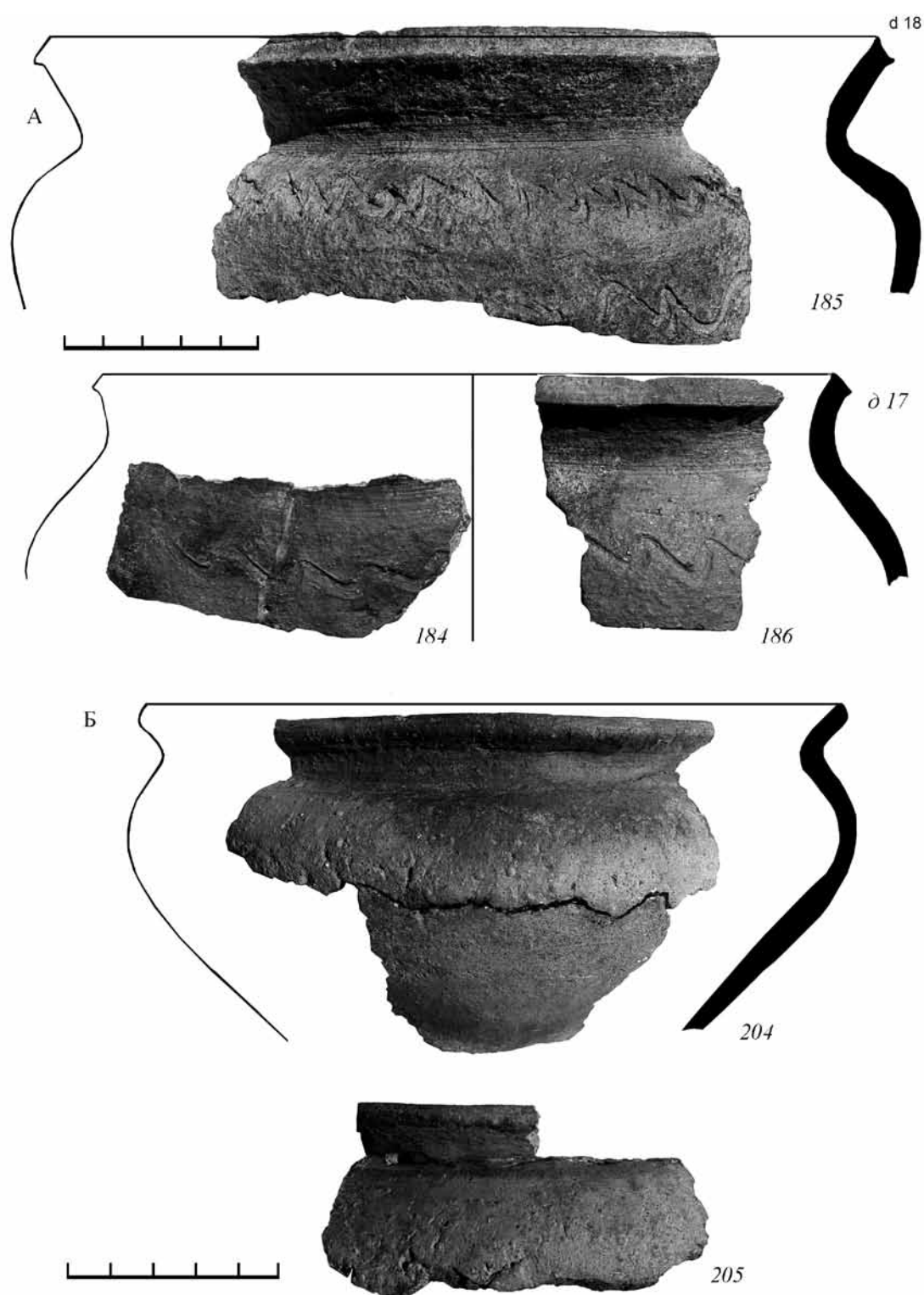

Рис. 18. Болшево-3. Раскоп 3. Яма 6

А – раннекруговые горшки № 184–186; Б – курганный горшок № 204–205

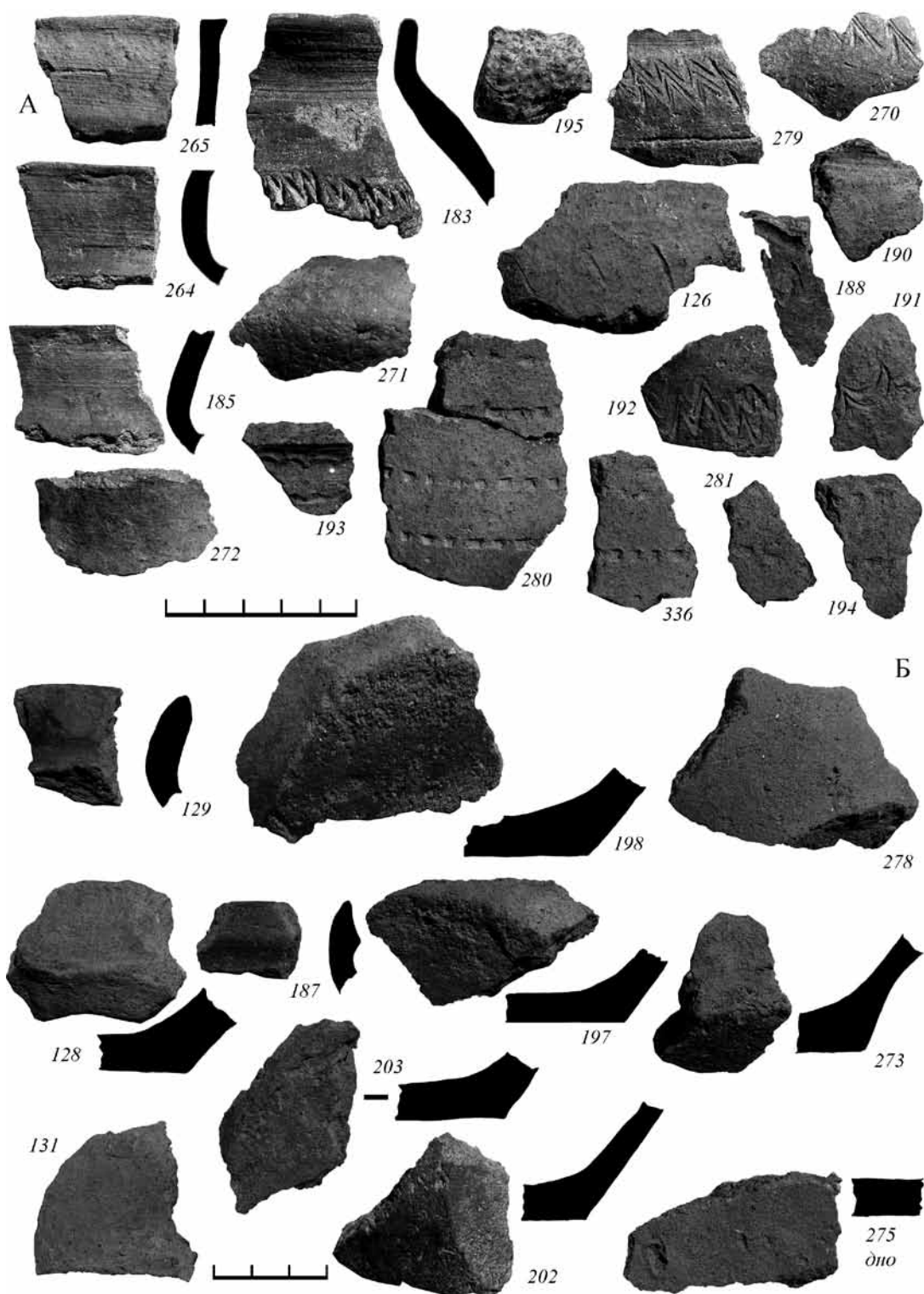

Рис. 19. Болшево-3. Раскоп 3. Яма 6
 А – раннекруговая керамика; Б – раннекруговая и курганная керамика. Донца

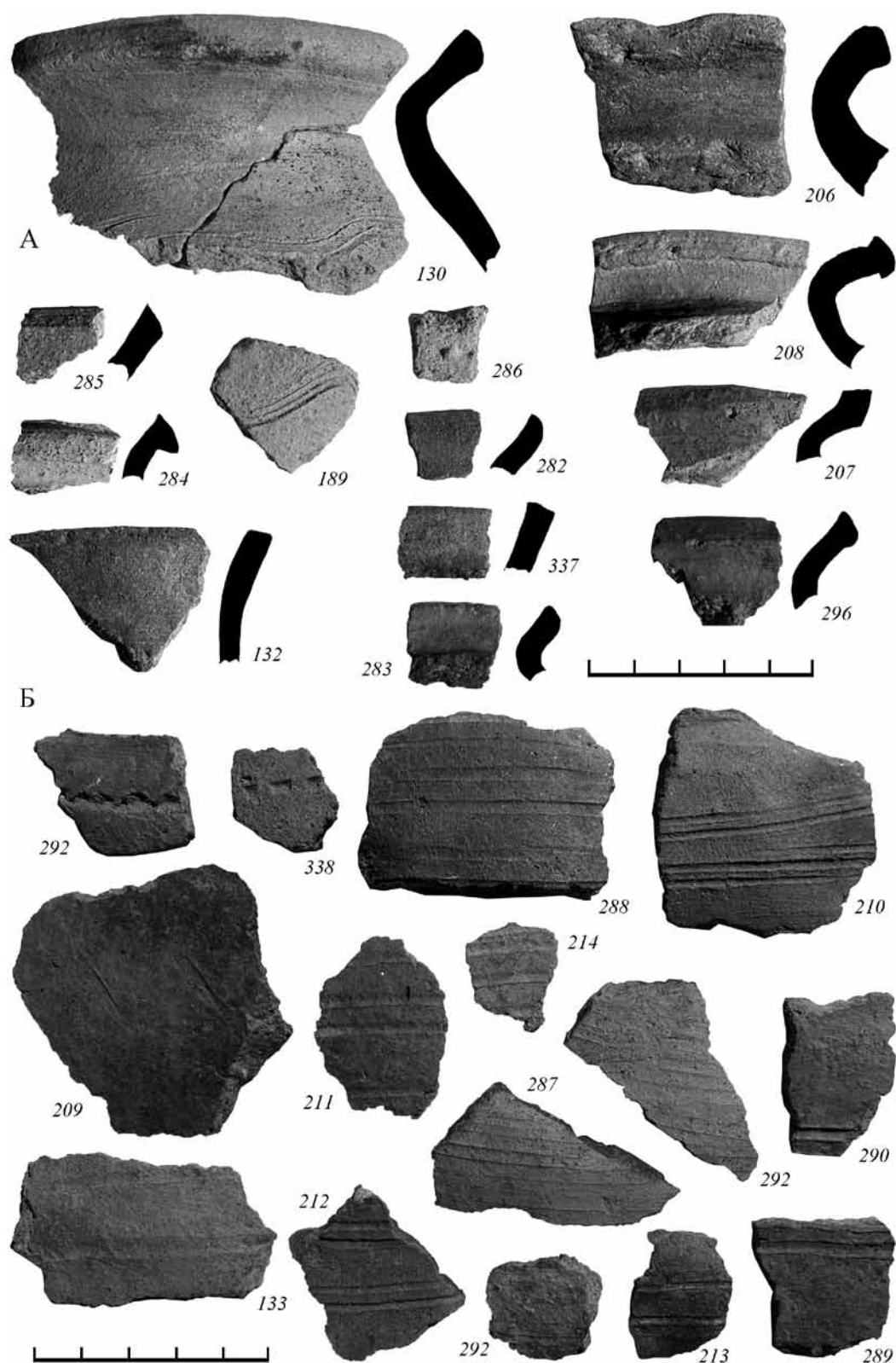

Рис. 20. Болшево-3. Раскоп 3. Яма 6

А – курганная керамика: венчики из белой (№ 130, 189, 284–286) и красной глины;
Б – курганная керамика: орнаментированные стенки

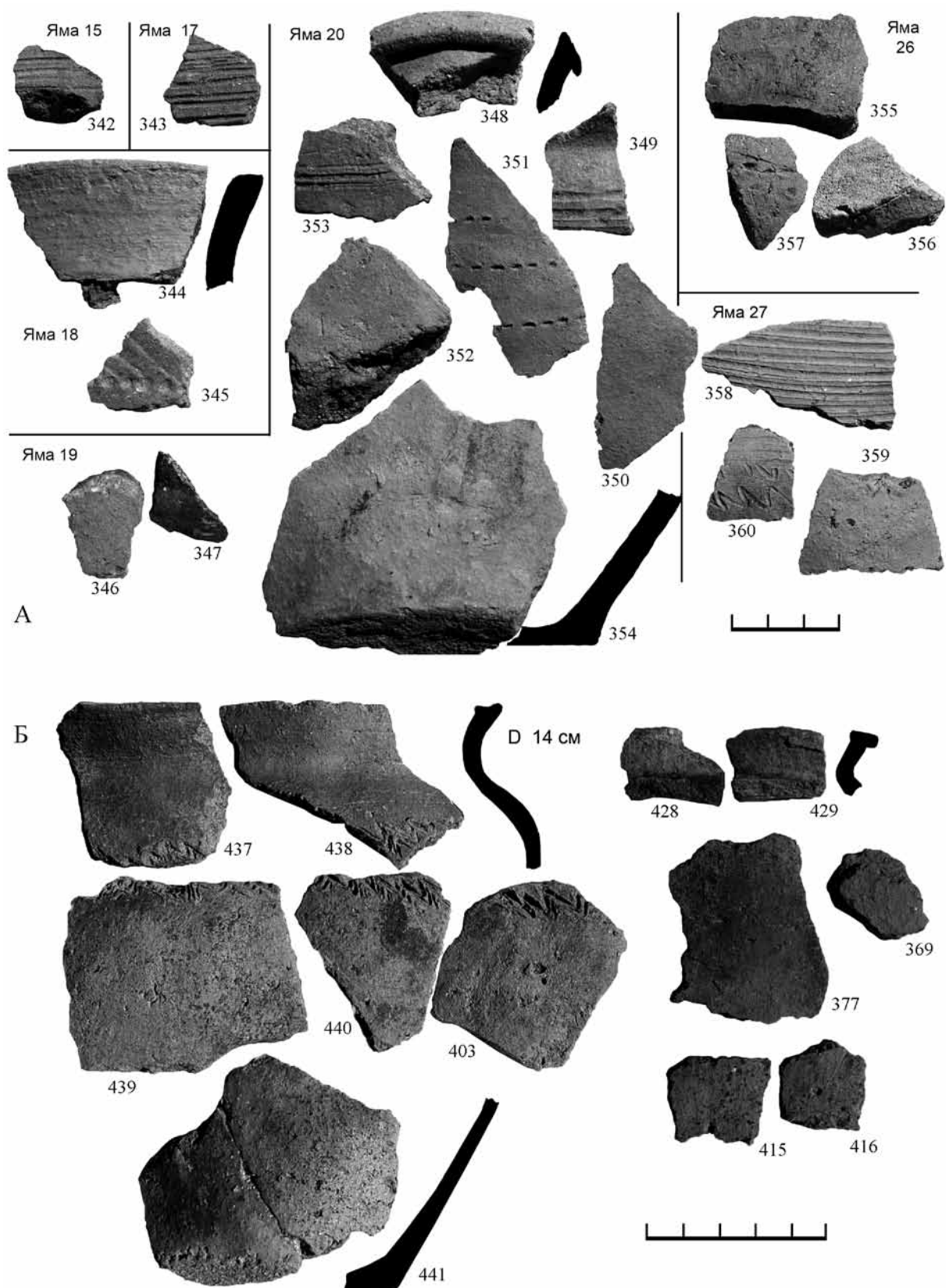

Рис. 21. Болшево-3

А – раскоп 3. Ямы 15, 17, 20, 26, 27. Курганная керамика, в том числе из белой глины (яма 27);
 Б – раскоп 4. Яма 8. Раннегончарная керамика

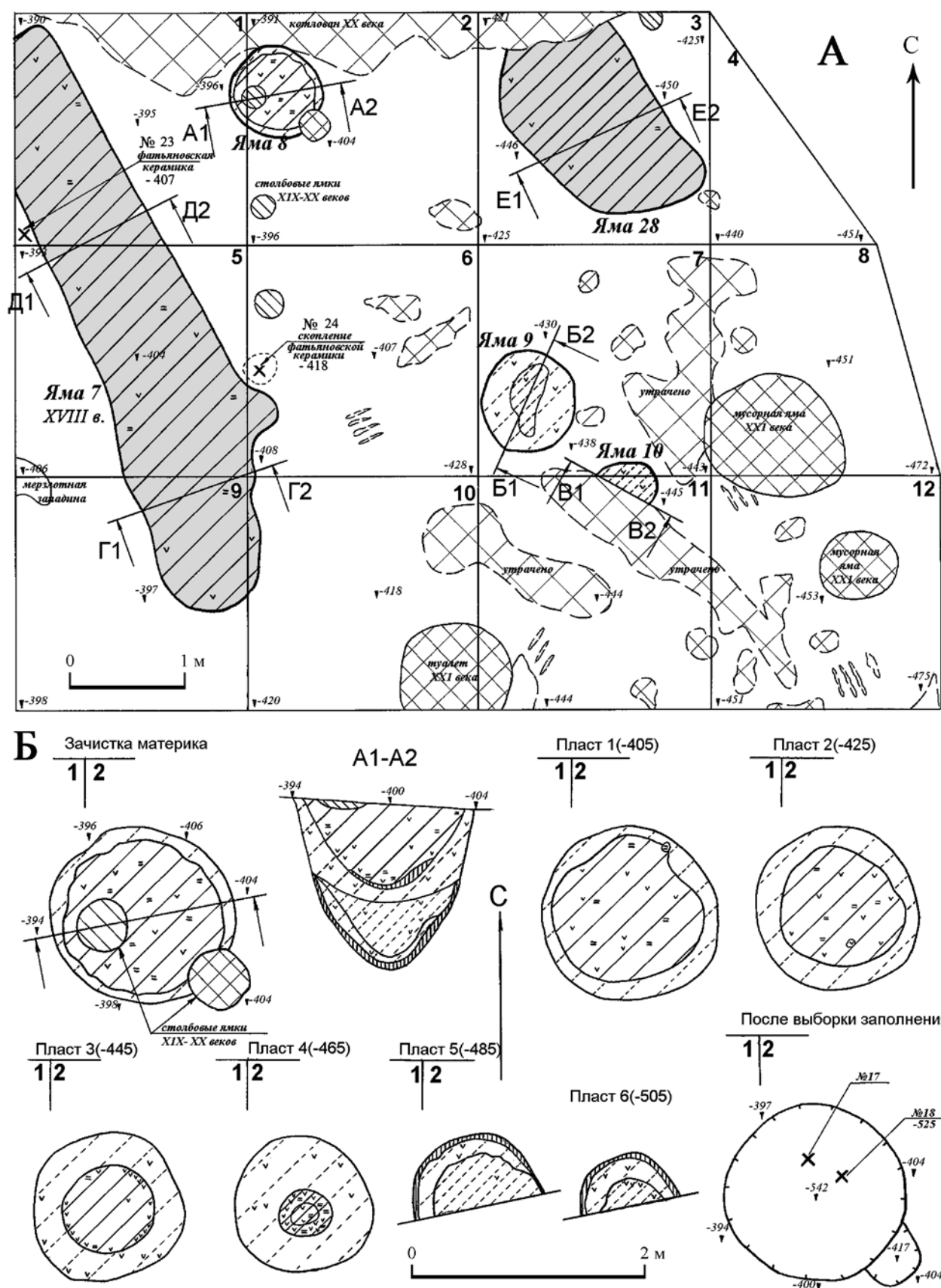

Рис. 22. Болшево-3. Раскоп 4 (восточный)

А – план на уровне зачистки материка; Б – яма 8: пластовые планы, план ямы в материке и ее разрез

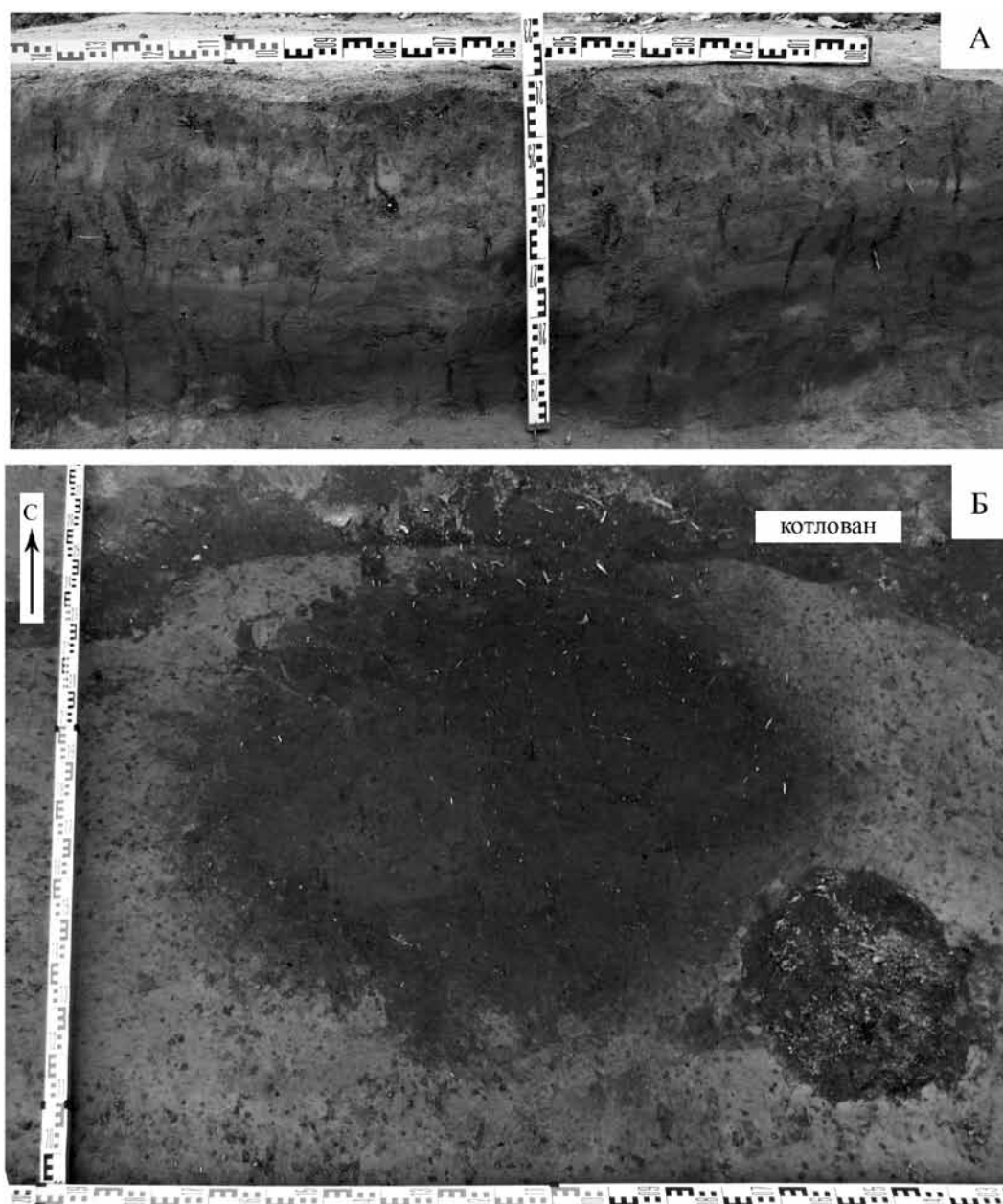

Рис. 23. Болшево-3

А – раскоп 3 (западный). Яма 5 в южной части раскопа. Разрез ямы по линии Н1–Н2. Вид с запада после выборки заполнения ямы 4 XVIII в; Б – раскоп 4 (восточный). Яма 8 в северной части раскопа. Вид с юга в зачистке материка. Яма пробита столбовой ямой XIX в. и затронута котлованом XX в.

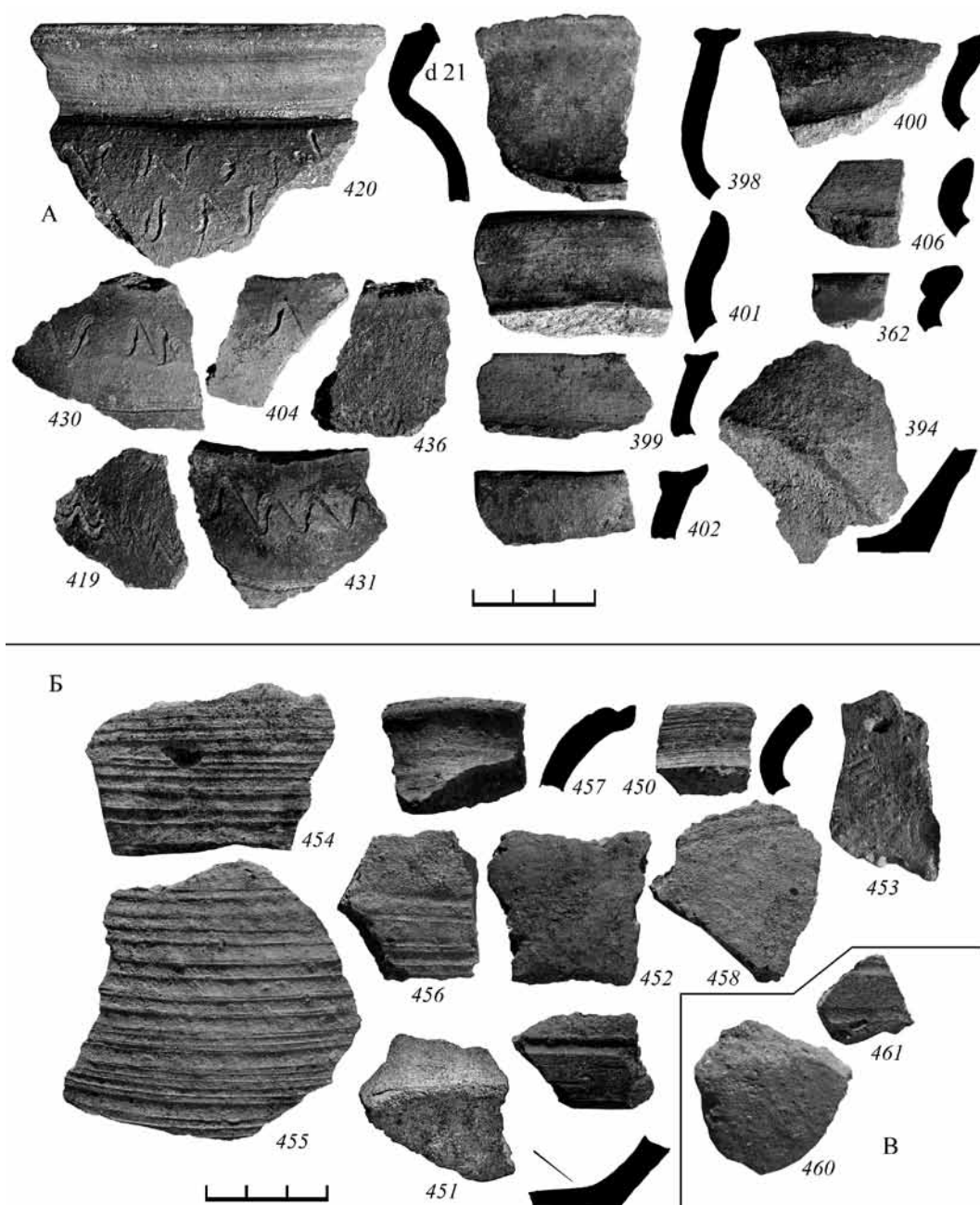

Рис. 24. Болшево-3. Раскоп 4 (восточный)

А – яма 8. Раннекруговая и курганная керамика; Б – яма 9. Раннекруговая (№ 453, 455, 456, 457) и курганная керамика;
В – яма 10 керамика (№ 460, 461)

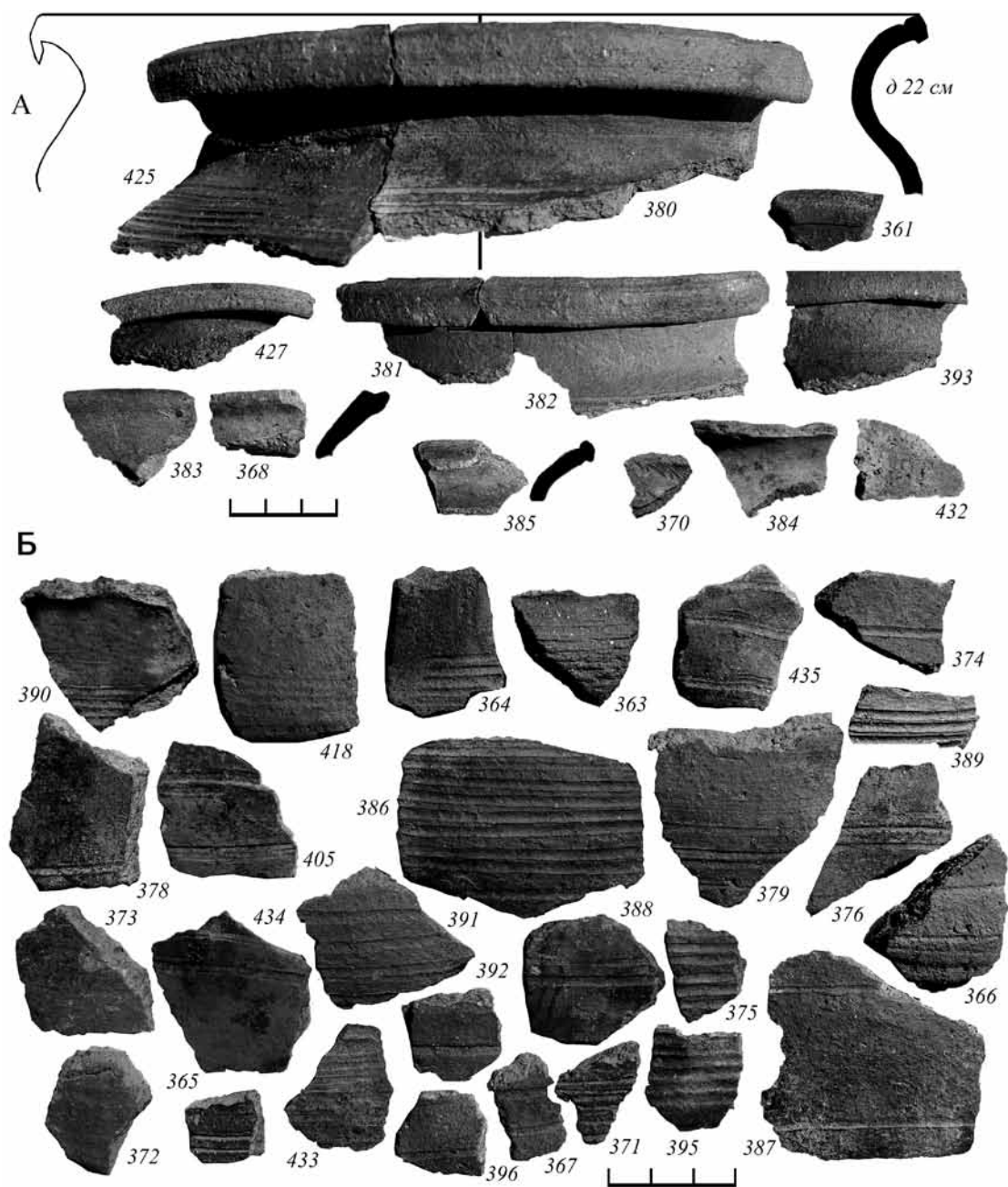

Рис. 25. Болшево-3. Раскоп 4 (восточный). Яма 8. Курганная керамика

А – венчики горшков из красной и белой глины (№ 368, 370, 383–385, 432); Б – орнаментированные стенки

Литература

- Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В., 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. № 2. С. 89–107.
- Воронцов А. М., 2011. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Тр. XIX Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 14–15.
- Гоняный М. И., Аносов Д. В., 2017. Новые материалы об археологических памятниках в с. Беседы под Москвой // De mare ad mare. Археология и история: Сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. М. – Смоленск: Свиток. С. 194–234.
- Горюнова В. М., 2005. Раннегончарная керамика Рюрикова городища // Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 82–121.
- Горюнова В. М., 2016. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин. 328 с.
- Еремеев И. И., 2015. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья. СПб.: Дмитрий Буланин. 696 с.
- Исланова И. В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС. 304 с.
- Исланова И. В., 1994. Водные пути в восточной части Новгородской земли в IX–XIII вв. // РА. № 1. С. 26–32.
- Исланова И. В., 2007. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. М.: ИА РАН. С. 301–332.
- Кренке Н. А., 2004. Археологическая карта Коломенского в древнерусский период (XI–XIII вв.) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.: Наука. С. 203–214.
- Кренке Н. А., 2008. Археология парка «Царицыно». По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. М.: ИА РАН. 367 с.
- Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.
- Кренке Н. А., 2014. Москворецкие памятники фатьяновской культуры // РА. № 4. С. 5–18.
- Кренке Н. А., 2015. К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М. – Вологда: Древности Севера. С. 78–85.
- Кренке Н. А., 2016. Позднелесовская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН. С. 261–332.
- Лопатин Н. В., 2011. К дискуссии о происхождении горшка с цилиндрическим горлом на Руси // АИППЗ. М. – Псков: ИА РАН. С. 248–256.
- Лопатина О. А., Тавлинцева Е. Ю., 2017. Поздняя профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль // De mare ad mare. Археология и история: Сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. М., Смоленск: Свиток. С. 345–361.
- Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М., 2001. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // ННЗ. Вып. 15. Великий Новгород. С. 82–97.
- МК. М.: ИА РАН, 1991. 199 с.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., 2005. Новые раскопки поселений в Северном Приильмении // Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 122–154.
- Плохов А. В., 2005. Лепная керамика Рюрикова городища // Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 74–81.
- Романченко Н. Ф., 1928. Образцы старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству. Т. 1. Л.: Государственный Русский музей. С. 37–42.
- Хухарев В. В., 2003. Об одном типе нательных крестов с сюжетом «побивания беса» // ТТЗ. Вып. 5. Тверь: Старый город. С. 195–202.
- Чернов С. З., 2000. Археологические исследования для разработки генерального плана г. Королев Московской области / Архив ИА РАН. Р–1. № 24255, 24356.
- Чернов С. З., 2004. Археологические памятники Болшева на Клязьме и Яузский волок // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. I. Расселение и освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. М.: Наука. С. 228–270.
- Чернов С. З., 2005а. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.: Наука. 651 с.
- Чернов С. З., 2005б. Отчет об охранных археологических исследованиях 3-го Болшевского

селища в зоне строительства восьмисекционного дома по адресу Колхозная пл., д. 3 в г. Королев Московской области в 2005 году / Архив ИА РАН.

Чернов С. З., 2006. Отчет об охранных археологических исследованиях 3-го Болшевского селища в г. Королев Московской области в зоне строительства восьмисекционного дома по адресу: Колхозная пл., д. 3 в 2006 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 51277.

Чернов С. З., 2007. Отчет об охранных археологических исследованиях селища Болшево III в г. Королев Московской области в зоне строительства восьмисекционного дома по адресу: Колхозная площадь, д. 3 в 2007 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 44292.

Чернов С. З., 2012. Отчет о спасательных археологических работах, направленных на обеспечение сохранности объекта культурного наследия селища Болшево-III, произведенных по адресу:

Московская область, г. Королев, микрорайон Болшево, Колхозная пл., д. 5 в 2012 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 46130.

Чернов С. З., Волков И. В. 2009а. Болшево-3 – древнерусское поселение XI века на верхней Клязьме // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 112–136.

Чернов С. З., Волков И. В. 2009б. Болшево-3 и особенности древнерусской колонизации севера Московского края в XI веке // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли. С. 546–572.

Чернов С. З., Волков И. В., 2010. Постройка первой половины XII века селища Болшево-3 на верхней Клязьме (яма 31) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 139–163.

Янишевский Б. Е., 2012. Раскопки на Борисовом городке в 2009 году // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 229–245.

S. Z. Chernov

Bolshevo-3 on the upper Klyazma: a northern homestead and its ethno-cultural features (based on excavations in 2012)

Summary

This article makes available data obtained during excavations in 2012 (covering 650 square meters) at the northern homestead of the Bolshevo-3 site— an early Old Russian settlement, on the bank of the upper stretch of the Klyazma River, north of Moscow.

Excavations during 2006–2007, carried out at the central estate of this old settlement (500 sq. m.), revealed the remains of two buildings – dating from about 1025–1075 AD, and 1100–1150 AD – which reflect the nature of this military and trading outpost that existed at the beginning of the waterway from the Klyazma River to the Moscow River (published in “Archaeology of the Moscow Region”, NN 5 and 6).

The material recovered in 2012 significantly complements our understanding of this settlement.

Of special interest is a complex of ceramics from the construction 6 (more than 300 fragments), which dates from about 1075 to 1100. Comparison with the ceramics complexes from Gorodok on the river Lovat (Pskov region) and other monuments showed that the origins of the ceramic tradition of the northern homestead of the Bolshevo-3 settlement are connected with a stage of using of pottery in the Novgorod-Smolensk border and the Upper Volga region of Novgorod, dating from about 1025–1050. At this stage the ancient skills of handmade pots of the can type were still preserved – early circular vessels with cut coronas were already used, and the West Slavonic types of ceramics made on a potter’s wheel had fallen out of use.

А. В. Лазукин

*Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей,
Звенигород (Московская обл.)*

Погребальные памятники XI–XIII веков в бассейне реки Вязёмки

Река Вязёмка (Большая Вязёмка), являющаяся одним из двух наиболее крупных правых притоков р. Москвы в Одинцовском р-не Московской обл., имеет протяженность 24 км и обладает разветвленной сетью притоков. Начало она берет из Рыбного озера, далее принимает справа Малую Вязёмку, слева – Захаровку, в окрестностях пос. Горки-10 и с. Успенского впадает в Москву-реку. Протекает по густонаселенной местности. На ее берегах расположены Кобяково, Сидоровское, Голицыно, Большие Вязёмы, Шараповка, Горловка, Назарьево, Горышкино, Горки-10, Молоденово (Насимович, 2004. С. 91). Площадь ее бассейна равняется 115 кв. км. На этой территории зафиксировано более 20 поселений эпохи Средневековья и 18 погребальных памятников XI–XIII вв. Картографирование курганных групп и одиночных насыпей, которые визуальным образом фиксируются на местности, позволило выделить их «гнездовые» скопления и концентрацию в нижнем течении Вязёмки, на левом берегу реки (рис. 1).

Рассмотрим памятники от устья реки к истоку. Первым погребальным памятником, сохранившимся к настоящему времени в низовьях Вязёмки, является одиночный курган *Горки-Х 5*. Курган находится на правом коренном берегу р. Москвы, в 0,3 км от ее русла, в 0,4 км к юго-западу от устья Вязёмки, на мысу, близ приустьевой части оврага, выходящего в пойму Вязёмки (его устье перекрыто участком шоссе Успенское – Горки-10¹), на его правом берегу, в 20–25 м к северо-востоку от дороги, в лесу. Он расположен на территории бывшей госдачи № 4. От шоссе курган отгорожен забором, со стороны дороги его не видно. Насыпь правильной полусферической формы, высота 1,5 м, диаметр 7–8 м,

ровики не прослеживаются. Нарушений поверхности не отмечено (Лазукин, 2004. С. 27). В 0,37 м к юго-востоку от кургана находится Успенское городище – многослойный памятник, на котором широко представлены материалы древнерусского времени (X–XIII вв.). Удивительно то, что в его окрестностях нет других курганов, что кажется странным для такого крупного поселения.

Следующий памятник вверх по реке – это курганная группа *Горки-Х 1*. Она расположена близ поселка, в 0,3 км к юго-западу от здания старой школы, в 0,5 км к северо-западу от русла Вязёмки, в лесу (АКР, 1993. С. 139. № 314). Состоит из пяти насыпей высотой 0,5–2,2 м, диаметром 8–12 м, с кольцевыми и полукольцевыми ровиками у основания. Большая часть нарушена ямами. Через одну сильно оплывшую насыпь проложена лесная тропинка. В издании ошибочно названо количество курганов – восемь насыпей (АКР, 1993. С. 139). У местного населения эта группа известна под названием «Курганы за школой», их считают могилами французских солдат периода Отечественной войны 1812 г. Курганы, расположенные рядом с поселком, постоянно привлекали внимание местных подростков, которые периодически пытались их раскапывать. Старый шурф на вершине одного из курганов был зафиксирован еще в начале 1970-х гг., но основная часть насыпей была повреждена в 1977–1979 гг. Находки в 1978 г. были сданы кладоискателями в ЗИАХМ (КП № 3322/5–9) (Лазукин, 2004. С. 28).

Благодаря сбору данных о кладоискательских раскопках установлено, что в кургане № 3 было обнаружено женское погребение на уровне горизонта с западной ориентировкой. По сообщениям

¹ До 2006 г. цифровая нумерация в названии поселка писалась латиницей.

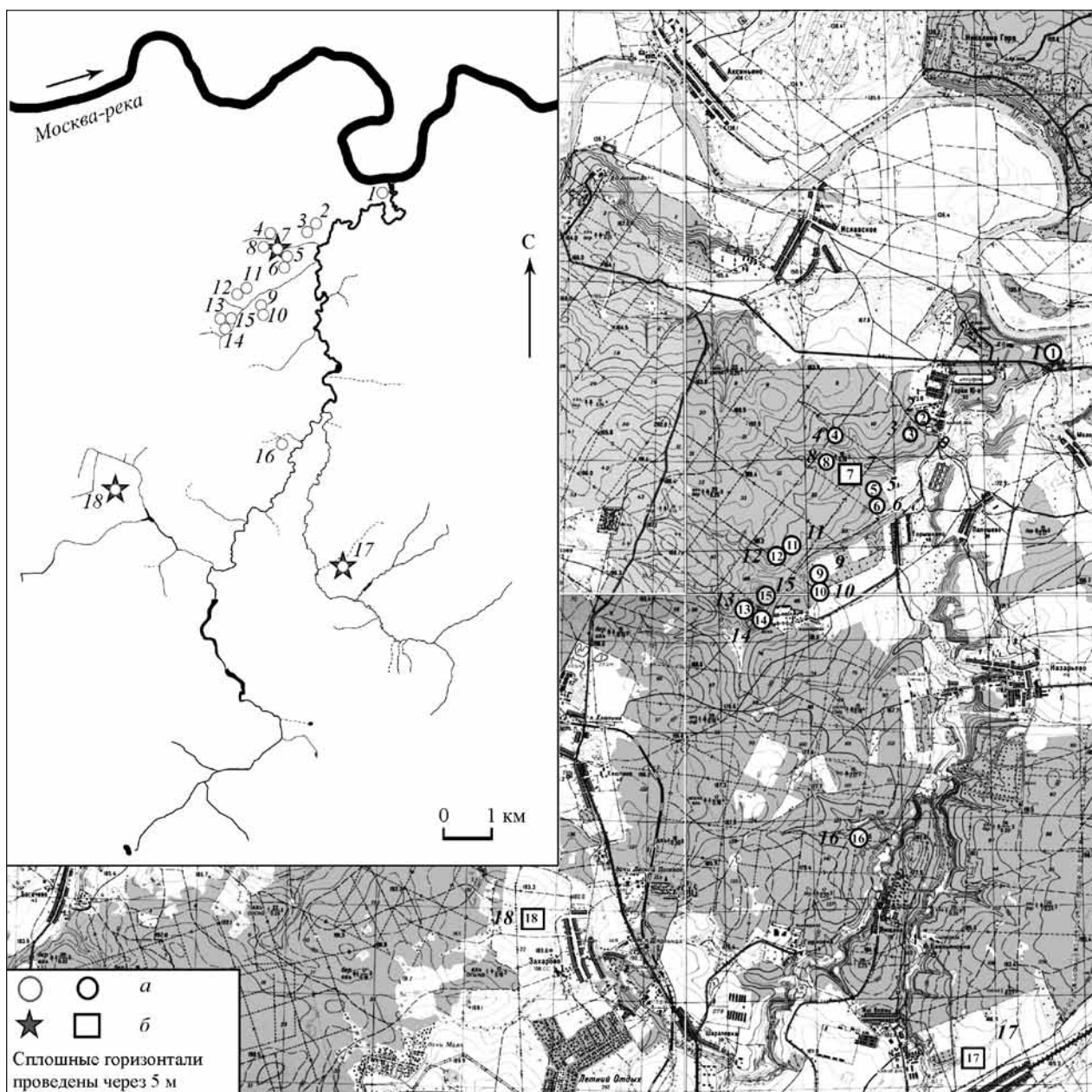

Рис. 1. Древнерусские погребальные памятники XI–XIII вв. на топографической карте бассейна р. Вязьмы.
На врезке – схема бассейна Вязьмы

а – сохранившиеся погребальные памятники; б – несохранившиеся погребальные памятники. 1 – о. к. Горки-Х 5; 2 – к. г. Горки-Х 1; 3 – к. г. Горки-Х 2; 4 – к. г. Горышкино 3; 5 – к. г. Горышкино 1; 6 – к. г. Горышкино 2; 7 – к. г. Горышкино, курганы с кремациями; 8 – к. г. Горышкино 12; 9 – к. г. Горышкино 4; 10 – к. г. Горышкино 5; 11 – к. г. Горышкино 6; 12 – к. г. Горышкино 7; 13 – к. г. Горышкино 8; 14 – к. г. Горышкино 9; 15 – к. г. Горышкино 13; 16 – к. г. Ямщина; 17 – о. к. Мал. Вязьмы; 18 – о. к. Захарово

находчиков, среди находок были семилопастные височные кольца VI–VII типов (Равдина, 1975), гривна шейная полужгутовая пластинчатоконечная, браслеты пластинчатые загнутоконечные, бусы сердоликовые бипирамидальные и хрустальные шарообразные. Семилопастные височные кольца с секировидными завершениями лопастей, с орнаментацией лентой или городком,

с дополнительными колечками у дужки входят в обиход в середине XII в., а тип сростнозубцовых колец – с конца XI – начала XII в. Витые гривны из трех двойных жгутов с коваными окончаниями характерны для XII – начала XIII в. (Седова, 1997. С. 65, 66). Пластинчатые загнутоконечные браслеты А. В. Арциховский относил к вятическим древностям (Арциховский, 1930. С. 21), этот тип

датируется по курганным материалам XI–XIII вв., а по новгородским аналогиям – от конца XI до середины XII в. (Седова, 1997. С. 76). Таким образом, время сооружения кургана можно отнести к XII – началу XIII в.

Курганная группа Горки-Х 2 находится недалеко от поселка, в 0,5 км к юго-западу от здания старой школы, в 0,25 км к юго-западу от курганный группы Горки-Х 1, слева от тропы, ведущей в д. Горышкино, на левом берегу безымянного ручья, левого притока р. Вязёмки, в 0,26 км к северо-западу от его русла, на правом берегу оврага, в лесу (АКР, 1993. С. 139. № 315). От курганный группы Горки-Х 1 ее отделяют всего 200 м. Занимает пологий склон водораздела. Поверхность участка, на котором расположена группа, плавно понижается в южном и юго-восточном направлениях (рис. 2). В курганном могильнике насчитывается 27 компактно расположенных насыпей высотой от 0,8 до 2,5 м, диаметром 5–12 м, с ровиками у основания. Большинство нарушено кладоискательскими ямами. В АКР неточно названо количество курганов – 16 насыпей, а среди находок упомянуты семилопастные височные кольца, которые в числе погребального инвентаря здесь отсутствуют. Эта курганная группа также хорошо известна местным жителям как ориентир в лесу, который считается французским кладбищем эпохи войны 1812 года. Археологами памятник не изучался, а грабителями активно копался в 1970–1980-е гг. Шесть насыпей имеют старые ямы, которые можно предположительно датировать 1940–1950 гг. Судя по их форме и размерам, это также результат кладоискательских раскопок. К началу 1990-х гг. поврежденными оказались 26 курганов. Вещевой материал разошелся по рукам, некоторая часть попала в Звенигородский музей. Краеоведам в свое время удалось собрать информацию о результатах разрытия кладоискателями 16 насыпей (Лазукин, 2002. С. 26–28). В 11 из них оказались одиночные женские захоронения, в трех – мужские. В одном случае грабители наткнулись на старый раскоп с потревоженным погребением, и еще в одном кургане захоронения не было.

Все погребения совершены на древнем горизонте², в вытянутом положении на спине, головой на запад. По мнению Т.Н. Никольской, проанализировавшей материалы раскопок верхневолжских курганов кривичей, погребения на горизонте относятся к их первой хронологической стадии

и датируются XI – первой половиной XII в. (Никольская, 1949. С. 41). Руки уложены вдоль тела; в одном случае левая рука, согнутая в локте, покоилась на груди (курган № 6). Два захоронения находились в долбленных колодах, одна из которых (курган № 19) с обкладкой из бересты. Еще в одном погребении (курган № 20) найдены два железных гвоздя – в ногах и головах скелета, что указывает на наличие деревянного гробовища (колоды?). Во всех случаях около погребений и в насыпи отмечены древесные угольки. Угли были обнаружены также в отвалах грунта из шурфов тех курганов, где, по словам грабителей, их не было.

Погребальный инвентарь представлен ювелирными украшениями, орудиями труда и керамическими сосудами. Самая многочисленная категория находок – ювелирные украшения. Среди них браслетообразные височные кольца диаметром 9–10 см с завязанными концами (курганы № 12, 18, 26). Этот тип проволочных колец получил распространение в области расселения кривичей. Образцы колец с завязанными на две стороны концами относятся к X – началу XII в. (Седова, 1981. С. 10). В кургане № 12 помимо шести колец большого диаметра обнаружены два маленьких кольца. Их диаметр равен 3,5–3,8 см. Каждое такое маленькое кольцо было соединено с тремя большими кольцами, они располагались с каждой стороны черепа в области височных костей. Все кольца изготовлены из цветного металла серебристого цвета. Из кургана № 25 происходят шесть экземпляров браслетообразных височных колец, закрученных в полтора оборота, с S-образным завершением одного конца. Их диаметр – 6,5–7,0 см, проволока в сечении круглая, диаметром 4–5 мм. Аналогичные украшения головы были обнаружены А.Г. Векслером в 1958 г. при раскопках курганный группы Одинцово III на р. Самынке (правый приток р. Москвы), в 15 км ниже по течению от устья Вязёмки. Время сооружения кургана автор раскопок отнес к XII в. (Векслер, 1959. С. 9, 10). В женском погребении из кургана № 20 найдено одно браслетообразное несомкнутое височное кольцо, которое находилось возле черепа, с его левой стороны. Оно имеет диаметр 5,8–6,2 см и изготовлено из круглой в сечении проволоки диаметром 2 мм. Одно окончание кольца свернуто колечком, другое заострено. Погребальные памятники кривичей в округе Звенигорода известны, правда, они весьма немногочисленны. В 1940-е годы граница между

² Уровень залегания погребения определялся по глубине грабительской ямы. Также в ходе дополнительных обследований в профиле шурфа удавалось зафиксировать погребенную почву.

Рис. 2. Курганная группа Горки-Х 2. Фото 18.03.2011 г.

1 – общий вид на памятник с востока; 2 – вид с запада на курган № 6

вятичами и кривичами в этом регионе проводилась по Москве-реке, несколько севернее ее русла (Авдусина, 1962. С. 279). Не сильно изменились представления об этой границе и к началу 1980-х гг., что нашло отражение в фундаментальном издании «Археология СССР». По мнению В.В. Седова, все правобережье р. Москвы принадлежало

вятичам. Вятичи заходили и на левый берег этой реки (на 10–50 км севернее), но здесь вместе с вятическими курганами встречаются и кривические (Седов, 1982. С. 143, 147–148). В нашем случае отмечается обратная ситуация, когда кривичи проникают на правобережье Москвы-реки. В данном случае под «кривичами» мы понимаем

потомков выходцев их ареала расселения этого племени – следующее поколение поселенцев, сохранявших традиционную культуру и характерные украшения. В кургане № 5 на черепае среди сохранившихся волос найдены одно целое и одно фрагментированное³ ромбошитковые кольца с завязанными концами. Щитки украшены чеканным орнаментом в виде крестов, состоящих из пуансонных кружочков. Этот тип колец характерен для северо-западного ареала расселения восточных славян и является определяющей деталью женского костюма новгородских словен. Наиболее ранние образцы этих колец относятся, видимо, к концу X в. Особенность ромбошитковых колец XI – первой половины XII в. – завязанные концы (Седова, 1997. С. 64). Еще один тип височных колец, проволочных трехбусинных, представлен только одним экземпляром в женском погребении (курган № 6). Бусины сплетены из бронзовой проволоки и свободно скользят по ней. Концы у кольца загнуты колечками, соединенными вместе. По мнению М.В. Седовой, подобным образом оформленные кольца являются ранним вариантом трехбусинных височных колец. Известные им аналогии в Новгороде найдены в слое второй четверти XI в. (Седова, 1981. С. 14).

Шейные гривны встречены только в двух женских погребениях. В кургане № 16 найдена ложновитая бронзовая гривна с пластинчатыми раскованными концами, загнутыми спирально. Обычно гривны сопровождают богатые захоронения в комплексах с другими украшениями и деталями костюма. Но в этом захоронении кроме гривны был обнаружен только один ложновитой браслет. Другая гривна, из кургана № 6, имеет более сложное устройство: она свита из трех двойных жгутов, на концы припаяны пластинчатые спиральнозагнутые наконечники с пуансонным орнаментом. Они датируются XII – началом XIII в. (Седова, 1997. С. 66). Гривны этого типа широко представлены в вятических курганах рассматриваемой территории, в курганах кривичей они достаточно редки.

Бусы найдены почти во всех женских погребениях, за исключением кургана № 5. Основная их комбинация – сердоликовые и металлические бипирамидальные с золотостеклянными и хрустальными шарообразными бусами (курган № 26) либо металлические полусферические со стеклянными шарообразными, сердоликовыми

бипирамидальными и золотостеклянными бусами (курган № 6). В кургане № 15 найдены только металлические полусферические бусы в количестве более 15 экземпляров и одна металлическая бипирамидальная. Металл серебристого цвета, вероятно, это свинцово-оловянистый сплав. В небольшом количестве встречены стеклянные шарообразные желтые, а также рыбовидные, зонные и кольцевидные бусы цветного стекла. Максимальное количество бус в составе ожерелья в среднем не превышает полутора десятка экземпляров, но можно думать, что кладоискателями были собраны далеко не все бусы, имевшиеся в погребениях. Сердоликовые бипирамидальные бусы М.В. Фехнер датировала X–XII вв., а наличие таких бус в курганах вятичей XIII в. исследователь объясняет их случайным сохранением в быту сельского населения (Фехнер, 1959. С. 152). Шаровидные хрустальные бусы поучили распространение в X–XIII вв. (Фехнер, 1959. С. 156).

Подвески среди бус в этой курганной группе встречены лишь однажды – в кургане № 6. Это литые монетовидные подвески диаметром 3,4 см с рельефным изображением на лицевой стороне и гладкой оборотной поверхностью, в верхней части имеется ложноклепанное ушко с боковым отверстием для шнура. Почти все поле на лицевой стороне занимает фигура стилизованного зверя с головой, повернутой назад; его вытянутая оскаленная пасть приближается к процветшему хвосту; контур тела передан двумя рельефными линиями со штриховкой между ними; на шее зверя имеется ошейник, показанный двумя рельефными линиями с шариками ложной зерни между ними; под животным расположено схематическое изображение розетки. Вся композиция заключена в двойной кольцевой линейно-точечный ободок, точки в виде шариков ложной зерни. Аналогичные подвески в комплекте с браслетообразными височными кольцами происходят из раскопок курганов у Высокино, которые датируются XI–XII вв. Изучению таких подвесок посвящена статья Т.Г. Сарачевой, которая датировала их второй половиной XI – первой половиной XIII в. (2003. С. 109). Сюжет с изображением существа, кусающего или пытающегося укунить свой хвост, попал на Русь в середине X в. из Скандинавии. Не исключено, что на подвесках изображен змей Ермунганд или дракон Ниддхегг, которые в скандинавской мифологии эпохи викингов считаются связующим

³ Часть находок долгое время хранилась в частных коллекциях, без надлежащего ухода и консервации, многие из них оказались фрагментированы.

звеном между природным и божественным началами (Коришун, 2013. С. 16). Изначально в кургане № 6 было найдено шесть таких подвесок, но в 2003 г., при проведении мониторинга курганной группы, прямо на тропе возле насыпи удалось обнаружить фрагменты еще двух таких подвесок (обе с ушком). Таким образом, общее их количество составило восемь экземпляров. На западном склоне кургана найдены также металлические полусферические, сердоликовая бипирамидальная и золотостеклянная бусы. Вероятно, находки были выброшены грабителями вместе с грунтом из шурфа.

В погребениях обнаружены также различные браслеты, преобладают пластинчатые и дротовые. Два пластинчатых браслета происходят из женского погребения в кургане № 4. У одного из них концы пластины расковырены и завязаны тем же приемом, что и у височных колец. На его внешней стороне нанесен пуансонный орнамент – ряд двойных кружков с округлой плетенкой, а ближе к концам расположены косые кресты с кружками в центре и на окончаниях. Этот тип браслетов достаточно редок. Встречаются они в богатых погребениях XI в. владимирских курганов, в Гнездове, в южном Приладожье, в Ленинградской и Московской обл., а также в Новгороде в слое X в., на о. Готланд (Седова, 1997. С. 75). Не менее интересен и второй браслет из этого погребения, литой в односторонней каменной форме. Он относится к типу пластинчатых овальноконечных с дополнительными украшениями окончаний. В этой роли выступают две выпуклые орнаментированные накладки (одна утеряна) миндалевидной формы. По кромке накладок пущен ложнозерненный бордюр, а на вершине помещена розетка из трех двойных кружков. Накладки отлиты отдельно и припаяны (?) к окончаниям браслета⁴. Внешняя поверхность браслета сплошь украшена рельефным декором: в центральной части помещен стилизованный растительный орнамент в виде вьющейся лозы; по сторонам от него находятся «узел счастья» и еще одна крестовидная композиция из двух треугольных фигур вершинами к центру и стилизованных побегов в разные стороны, «произрастающих» из центральной части; далее идет прямоугольник из зигзагов, а ближе к окончаниям расположены два косых креста и один четырехконечный крест с расширяющимися лопастями; бордюр в виде тонкой рельефной линии. Орнаментальная композиция в центре

браслета очень близка, даже тождественна украшению щитков некоторых типов семилопастных височных колец развитых форм. А «узел счастья» является элементом восточной орнаментации, проникающий из Золотой Орды на Русь в XIII–XIV вв. (Седова, 1997. С. 76). Комбинация геометрического и растительного орнаментов на пластинчатых браслетах появляется в XII–XIII вв. (Седова, 1981. С. 115). Таким образом, браслет может быть датирован серединой – второй половиной XIII в. Еще один литой плоско-выпуклый браслет с массивными окончаниями происходит из кургана № 25. Всю лицевую сторону браслета разделяет рельефный валик шириной около 5 мм. Переход к окончаниям разделен выпуклой полусферой с косым крестом на поверхности, сами окончания в виде головок квадратного сечения, декорированы поперечными глубокими линиями-насечками по внешней стороне. Поверхность браслета украшена ромбовым и зигзаговым орнаментом с точками. Ближайшие аналогии этому украшению выявлены среди древностей средневековых латгалов (Финно-угры и балты... 1987. С. 426. Табл. CVII. № 34), где они считаются воинскими аксессуарами (Финно-угры и балты... 1987. С. 361).

Витой проволоочный браслет из оловянно-свинцово сплава был встречен лишь однажды – в кургане № 15, он найден в области правого запястья. Сохранность браслета очень плохая, удалось собрать лишь фрагменты небольших размеров, а также два окисленных обломка, возможно, от окончаний браслета.

Дротовые разомкнутые браслеты ромбического или круглого сечения с сужающимися концами обнаружены в курганах № 12 и 20. Этот тип браслетов получил широкое распространение не только в Древней Руси, где они известны на памятниках конца I тысячелетия н. э. и вплоть до XIV в. (Седова, 1981. С. 94), но и на гораздо большей территории. Круглопроволочный сомкнутый браслет происходит из женского погребения в кургане № 18, где он обнаружен на запястье левой руки. Еще два подобных браслета, но с ложнозавязанными концами найдены в курганах № 6 и 26. Все они изготовлены методом литья в каменных формах.

Перстни встречены как в женских, так и в мужских захоронениях. Среди них есть витые, ложновитые, пластинчатые, дротовые. Количество перстней в погребениях варьируется от одного до четырех экземпляров. Витых перстней найдено пять

⁴ На месте ее крепления сохранились остатки припоя (?) серебристого цвета.

экземпляров (курган № 11 – 2 экз., № 12 – 2 экз., № 18 – 1 экз.), все с несомкнутыми концами. Пятью экземплярами представлены и пластинчатые перстни. Один узкопластинчатый несомкнутый овальноконечный перстень с точечной окантовкой по краю был найден в мужском погребении (курган № 21). Один широкосерединный пластинчатый перстень с заходящими друг за друга концами происходил из кургана № 15. Его внешняя сторона разделена на три восьмиугольные ячейки, в каждую из которых помещена рельефная свастика, «бегущая» влево. Окончания украшены двойной зигзаговой линией. Перстни с подобной трех- или пятичастной орнаментацией считаются характерным украшением племени вятичей третьей четверти XII в. (Седова, 1981. С. 131), однако экземпляр из кургана № 15 все же отличается от них сюжетной компоновкой и может рассматриваться как вполне самостоятельный тип пластинчатых перстней. Два широкосерединных несомкнутых перстня обнаружены в кургане № 20, оба с пуансонным орнаментом на внешней стороне. В кургане № 4 найден пластинчатый широкосерединный перстень с завязанными концами из металла серебристого цвета. Его внешнюю поверхность по центру делит продольно-выпуклое ребро («валик»), а вдоль него и по краям нанесен пуансонный орнамент из мелких треугольников и точек. Завязанные перстни известны на широкой территории Северо-Восточной Европы. На древнерусской территории они в основном датируются XI в. (Седова, 1997. С. 77). Н. Г. Недошивина, посвятившая этим украшениям специальную работу, датировала тип продольно-рубчатых завязанных перстней концом X – началом XII в. (Недошивина, 1967. С. 256). Еще два перстня из этого кургана относятся к типу рубчатых. Один с заостренными несомкнутыми окончаниями, другой – замкнутый. Помимо кургана № 4 два перстня этого типа найдены в кургане № 25 (оба с заостренными, но сомкнутыми концами) и один в кургане № 26 (замкнутый). Четвертый перстень из кургана № 4 – круглодротовый замкнутый, овального сечения, напоминает простое кольцо. К этому типу перстней близко находится плоско-выпуклое в сечении кольцо из оловянно-свинцового сплава (курган № 6). В технике литья в двухсторонней каменной форме изготовлен замкнутый плоско-выпуклый перстень с продольным валиком по центру (курган № 20).

Железные ножи зафиксированы дважды, и оба раза в женских захоронениях. Один нож (курган № 12) небольшого размера, с черешковой рукояткой. Вместе с ним находилось сильно корродированное железное кольцо с внутренним диаметром 0,25 см, вероятно, поясное. Другой нож (курган № 26) с лезвием длиной 7–8 см обломан, поэтому установить вид рукоятки невозможно. Из этого же кургана происходит находка небольшого корродированного стержня круглого сечения.

Керамика из погребений представлена горшками разных размеров или их развалами, всего шесть сосудов. В одном разграбленном кургане (№ 10) удалось собрать только несколько фрагментов разбитого кругового горшка с линейным орнаментом. Коллекция эта далеко не полная, так как часть погребений раскопана лишь частично⁵. Все сосуды изготовлены на ручном гончарном круге из красно- и светложгущихся глин с примесью мелкого песка, полного или неполного окислительного обжига. Дно на подсыпке из мелкого песка или золы. Высота сосудов примерно равна их верхнему диаметру. Орнамент нанесен многочастным гребнем горизонтальными поясами. В кургане № 12 находился красноглиняный горшок с орнаментом, выполненным при помощи зубчатого штампа-колесика. Он полностью опоясывает тулово и плечики сосуда горизонтальными поясами с интервалом 1,0–1,5 см. На дне его находились остатки «заупокнойной» пищи – мелкие птичьи косточки. В кургане № 26 обнаружена донная часть красноглиняного кругового горшка с линейным орнаментом и клеймом в виде двойного кольца. Из женского погребения (курган № 20) происходит миниатюрный горшок с линейным орнаментом, нанесенным палочкой. Его высота – 7 см, диаметр венчика – 9,4 см, диаметр донца – 6 см. Поверхность частично закопчена. В керамической коллекции этой курганной группы довольно большой процент составляют сосуды из светложгущихся глин, что не характерно для большинства курганов Москворечья. Популярность этой керамики среди вятического и кривического населения региона может быть связана с притоком нового южнорусского населения в середине XII в. (Коваль, 2008. С. 175).

Кроме перечисленных категорий находок в составе погребального инвентаря в курганах были обнаружены фрагменты текстиля, вероятно, от погребальных облачений. Остатки текстиля в виде органического тлена с нитями, часто

⁵ Грабители пробивали по центру кургана небольшой шурф и, обнаружив костяк, подбоями в стенках двигались в стороны.

с сохранившимися волосами фиксировались возле черепа. В отвале из грабительского шурфа кургана № 26 найден небольшой фрагмент шерстяной ткани с геометрическим орнаментом, выполненном в технике бранного ткачества (Ёлкина, 2003. С. 34–41). В ногах мужского погребения, помещенного в долбленную колоду (курган № 19), обнаружен фрагмент кожаного изделия – закрытая пяточная часть обуви. Он состоит из двух сшитых между собой кожаных пластин тонкой выделки, со следами шва по самой кромке. Вероятно, это вид специальной погребальной обуви типа цельнокроенных тапочек без усиления подошвы. Подобные находки известны в погребальных памятниках округа Звенигорода, как, например, остатки кожаной обуви в кургане № 2 возле с. Саввинская Слобода (исследования А. В. Успенской, 1951 г.) в мужском погребении. Они напоминали чуни-тапочки, причем верхний край их стягивался продетым в шов шнурком (Успенская, 1953. С. 126).

Анализ вещевого материала из курганного могильника показал его принадлежность летописным кривичам. В женских погребениях мало по сравнению с вятическими некрополями находок шейных гривен, хрустальных шарообразных бус, витых браслетов, решетчатых перстней. Среди височных украшений доминируют браслетообразные проволочные кольца с завязанными концами, ожерелья из металлических, стеклянных и каменных бус, дрововые и ложновитые браслеты и перстни, то есть комплексы, типичные для погребальных памятников кривичей. Но здесь же присутствуют вещи северо-западного региона (ромбошитковые кольца), украшения, характерные для латгалов (плоско-выпуклый браслет), керамика, изготовленная в южнорусской традиции. Хронологические рамки бытования находок достаточно широки, в коллекции присутствуют как ранние вещи (завязанные браслеты и височные кольца), так и позднего периода (витая гривна из трех двойных жгутов, пластинчатый браслет с растительно-геометрическим орнаментом). Предварительная датировка памятника на основании инвентаря и особенностей погребального обряда – начало XII – середина XIII в. Вероятнее всего, он является сельским некрополем населения ближайшей округи, который функционировал в течение нескольких поколений потомков славян-кривичей. В целом материалы этой курганной группы представляют нам довольно сложную историко-этническую обстановку на правобережье Верхнего Москворечья, где пересеклись пути нескольких колонизационных потоков славян-переселенцев. Каждый из них

внес определенный вклад в развитие «местной» культурной традиции.

Часть находок из этой группы поступила в ЗИАХМ (КП № 3322).

Курганная группа Горышкино 3 расположена в 1,2 км к северо-северо-западу от северной окраины деревни, в 0,87 км к западо-юго-западу от здания старой школы пос. Горки-Х, на левом высоком берегу безымянного ручья, левого притока р. Вязёмки, на границе кварталов 12 и 13 Хлюпинского лесничества, в лесу (АКР, 1993. С. 140, № 320). Она находится в 0,53 км к западо-северо-западу от курганной группы Горки-Х 2. Занимает пологий склон водораздела, поверхность понижается в сторону ручья в западном и юго-западном направлениях. У местного населения курганный могильник известен под названием «Курганы у первой просеки». Насчитывает около 18 насыпей высотой 0,5–2,3 м, диаметром 5–12 м, с ровиками у основания. Насыпи расположены в два ряда и вытянуты в линию по оси юго-запад – северо-восток, две насыпи (№ 1–2) отстоят на 15–20 м от основного скопления курганов. Многие из них повреждены ямами. Три насыпи (№ 16–18), расположенные в северо-восточной части могильника, повреждены («заезжены») при устройстве просеки. Около курганов № 17 и 18, с их южной стороны, вырыта землянка.

Курганная группа Горышкино 3 хорошо известна археологам. Составлено несколько ее планов, разнящихся между собой. Так, например, на плане Р. Л. Розенфельда курганы ошибочно расположены к востоку от просеки. Один курган был исследован Г. Л. Новиковой в 1987 г. Материалы не опубликованы, но известно, что среди находок присутствовали браслетообразные височные кольца. Из грабительских находок происходит лировидная пряжка, одно целое орнаментированное и один фрагмент поясного кольца из оловянисто-свинцовой бронзы (Шполянский, 1994. Приложение). Лировидные пряжки с лилиевидным завершением получили широкое распространение на всей древнерусской территории и за ее пределами в XI–XII вв. (Мурашева, 1997. С. 80). Поясное кольцо с орнаментом на внешней стороне в виде растительного вьюна отлито из оловянисто-свинцовой бронзы серебристого оттенка, обратная сторона гладкая. Обломок второго кольца, круглого в сечении, орнамента не имеет.

Наличие браслетообразных височных колец среди погребального инвентаря позволяют отнести эту курганную группу к кривичам. Примечательно, что эта группа находится недалеко

от курганной группы Горки-Х 2, также принадлежащей кривичам, в 500 м от нее. Обе расположены примерно в одинаковых геоморфологических условиях: на вершине левого берега одного ручья – левого притока Вязёмки, в шаговой доступности от водотока. По прямой их разделяет только глубокий овраг.

Следующий комплекс погребальных памятников находится в окрестностях д. Горышкино. В его состав входит несколько курганных некрополей, тяготеющих к большой курганной группе Горышкино 1. Все они занимают водораздельный участок, ограниченный с юга безымянным ручьем, с севера и запада – сухими оврагами, а с восточной стороны – склоном водораздела, выходящим к руслу Вязёмки. Курганная группа Горышкино 1 расположена в 0,36 км к северо-северо-западу от северной окраины деревни, на левом берегу безымянного ручья, левого притока р. Вязёмки, в 0,33 км от русла, у опушки леса (АКР, 1993. С. 140. № 318). Насчитывает 30 насыпей высотой 0,7–3,8 м, диаметром 5–15 м, с кольцевыми или полукольцевыми ровиками (рис. 3). Большая часть курганов нарушена ямами. Эта курганная группа хорошо известна археологам, исследовалась Н. С. Елагиним (один курган), Ю. А. Красновым (два кургана), Г. Л. Новиковой (один курган). О результатах работ сотрудника Звенигородского музея Н. С. Елагина нет сведений, предположительно раскопки он проводил в 1951–1953 гг. В 1959 г. Ю. А. Красновым были исследованы две курганные насыпи, содержавшие труположения без вещей. Сотрудником Звенигородского музея Г. Л. Новиковой в 1987 г. раскопан один высокий курган в юго-восточной части группы (№ 26), в котором найдено мужское захоронение в долбленной колоде. В ногах находился круговой горшок с линейным орнаментом. С конца 1970-х гг. группа Горышкино 1 активно раскапывалась кладоискателями, в результате чего почти все насыпи оказались повреждены, погребения большинства курганов потревожены. Из материалов грабительских раскопок происходят женские ювелирные украшения, детали поясного набора, орудия труда, целые формы и обломки гончарных сосудов, фрагменты текстиля и кожи от погребальных облачений. Часть находок поступила в ЗИАХМ (КП № 6558; КП № 6660).

О конструктивных элементах раскопанных курганных насыпей и особенностях погребального обряда сведений практически не имеется. Относительно точно зафиксирована ориентировка погребений, положение костяка и состав погребального инвентаря лишь в десяти курганах, из них семь

содержали женские погребения и три – мужские. Еще в двух насыпях захоронения не обнаружены. В ходе проведенных дополнительных исследований раскопанных курганов (зачистка стенок шурфов, нивелировка насыпей) установлено, что все погребения в них совершены на уровне древнего горизонта, захоронений в подкурганных могильных ямах нет. Угольки отмечены в семи насыпях (№ 7, 12, 15, 21, 22, 28, 29), часто в непосредственной близости от костяка. В кургане 6 возле захоронения прослежены крупные фрагменты древесины и пятна древесного тлена, а в погребении кургана № 12 найдены только мелкие фрагменты дерева. Ориентировка погребений западная, с незначительным отклонением к северу или югу. Мужское погребение в кургане № 15 имело северо-западную ориентировку. Череп в захоронениях лежал прямо, глазницами вверх (курган № 7 и 25) или повернут к правому плечу (курганы № 15, 22, 28). Скелеты находились в вытянутом положении на спине, руки уложены вдоль тела. Среди погребального инвентаря в захоронениях отмечены и погребальные дары. Например, в кургане № 6 возле левой стопы скелета обнаружен решетчатый двузигзагообразный перстень. А в кургане № 12 около черепа захоронения найдены остатки кожаного кошелька (?) с текстильным вкладышем и тремя шарообразными бубенчиками (с щелевидной прорезью) внутри. Бубенчики были связаны между собой при помощи перекрученного шнура. Еще два связанных между собой аналогичных бубенчика находились рядом с кошельком. В других курганах бубенчики обнаружены не были, за исключением погребения под насыпью № 29, где находился один крупный шарообразный бубенчик диаметром 36 мм. В его нижней части имеется щелевидная прорезь, а на поверхности – декор в виде горизонтального пояса из трех рельефных валиков. По мнению Н. Г. Недошивиной, традиция оставления погребальных даров связывается с местным финским населением, ассимилированным славянами в XI–XII вв. (Недошивина, 1967. С. 254, 255).

Семилопастные височные кольца обнаружены во всех женских погребениях в составе богатых погребальных комплексов, в количестве от двух до семи в каждом захоронении, всего 30 экземпляров. На дужке кольца из кургана 25 сохранился фрагмент кожаного ремешка шириной 0,7 см, а из кургана 12 происходят кольца с кожей на дужках и фрагментами текстиля на внешней их поверхности (остатки головного убора?). Из общего числа найденных колец только шесть относятся к типу V (курганы № 12, 27 и неустановленный

Рис. 3. Курганная группа Горышкино 1. Курганы в восточной части могильника (верхнее фото), вид с северо-востока. Курган № 29 (нижний снимок), вид с юго-востока. Фото 2005 г.

курган), остальные – типа VI (по Т. В. Равдиной). Более ранних типов этих украшений не выявлено. Значительная часть найденных колец отличается крупными размерами, лопастями секировидной формы, наличием боковых колечек. Женское погребение в кургане № 6 сопровождали два семилопастных височных кольца с дополнительным

литым растительным орнаментом на щитке. Еще у одного кольца (курган № 7) литым орнаментом оказались украшены все лопасти, а у двух экземпляров (курганы № 7 и 27) на лопасти нанесен гравированный орнамент. Этот признак характерен для украшений с конца XII в. и позже (Равдина, 1975. С. 120).

Перстнеобразных полутораоборотных височных колец и круглых проволочных колечек найдено восемь штук: курган № 6 – три; курган № 12 – три; курган № 25 – одно, неизвестный курган – одно. В одном случае (курган 12) в качестве височного украшения был использован ложнолитой перстень небольшого размера. У проволочных колец один из концов загнут колечком, другой крючком или заострен. Эти височные кольца не могут служить этнически определяющим признаком, так как широко встречаются на памятниках Древней Руси.

Витые шейные гривны происходят из четырех курганов. В двух случаях это типичные для вятичей полужгутовые гривны с припаянными пластинчатыми наконечниками (курганы 12 и 27) XII–XIII вв., еще в одном (курган 7) – витая замкнутая гривна, диаметром в сечении 5–6 мм. Ее окончания соединены при помощи плоской ковальной пластины с концами, загнутыми в трубочку. По другим вещам из этого погребения (витые тройные браслеты, решетчатые перстни, семилопастные височные кольца VI типа по Т.В. Равдиной) гривна датирована XII–XIII вв. Еще в одном неустановленном кургане этой группы найдена бронзовая полужгутовая гривна, концы которой раскованы в пластинчатые наконечники и загнуты колечком.

Бусы из камня, стекла и металла обнаружены в пяти женских погребениях. В состав ожерелья из кургана № 7 входили горнохрустальные шарообразные (4 шт.), сердоликовые бипирамидальные (3 шт.), стеклянные зонные синего (2 шт.), черного (3 шт.), зеленого (1 шт.) и фиолетового (1 шт.) цветов. Разнообразным набором бус представлено ожерелье из кургана № 12, состоящее из хрустальных шарообразных (9 шт.), сердоликовых бипирамидальных (14 шт.), костяной зонной (1 шт.), металлических полусферических (2 шт.) и одной призматической шестигранной бусины темно-синего стекла с ромбическими вставками белого и оранжевого цвета. Бусина такой же формы, но из синего прозрачного стекла с бело-ромбическими вставками датируется X–XI вв. (Фехнер, 1959. Приложение 1). Металлические полусферические бусы с небольшим кольцевым воротничком вокруг отверстия изготовлены из оловянно-свинцового сплава серебристого цвета, часто их называют биллоновыми⁶. Обычно они соприкасаются основаниями друг к другу, образуя составную лимоновидную бусину. При движении они могли

издавать негромкий звон. В кургане № 25 помимо хрустальных шарообразных (8 шт.), сердоликовых бипирамидальных (8 шт.) и стеклянных шарообразных (2 шт.) бусин найдена и одна металлическая полусферическая бусина. В погребении из кургана № 27 обнаружены только хрустальные шарообразные (3 шт.) и сердоликовые бипирамидальные (2 шт.) бусины. А ожерелье из кургана № 29 состояло из сердоликовых бипирамидальных (20 шт.) и сердоликовых призматических шестигранных (3 шт.) бусин. Время бытования отдельных типов сердоликовых бус, наиболее характерных для Древней Руси, хорошо определяется по монетам и по их сочетанию в ожерельях с другими бусами. Так, употребление призматических бус охватывает период с X по XI в., а бипирамидальных – с X по XII в. (Фехнер, 1959. С. 152). Хрустальные шарообразные бусы датируются временем с X по XIII в. включительно (Фехнер, 1959. С. 156).

В состав богатого погребального комплекса из кургана № 12 входили подвески-амулеты (6 экз.). Они крепились к бронзовой цепочке с восьмеркообразными звеньями, отлитой по восковой модели. Сохранилось три фрагмента цепочки длиной 12–14 см каждый и одно отдельное звено с тремя петлями (разделитель?). На конце одного из фрагментов прикреплен сильно корродированный железный предмет, возможно, это еще один амулет или соединительный замок. В сакральный набор входили: плоский конек смоленского типа; плоская рогатая уточка, украшенная кружковым орнаментом; миниатюрный гребень с двумя стилизованными головками коней; круглая ложечка с длинным черенком; четырехконечный крестик с шариками на концах; декоративная копоушка (?).

Плоские литые коньки являются наиболее распространенными зооморфными амулетами в X – начале XIII в. Ареал их охватывает северные земли восточнославянской территории (Брянская, Калужская, Московская, Смоленская, Ленинградская, Псковская, Новгородская, Калининская, Вологодская и Ярославская обл.), а наибольшая концентрация приходится на области расселения смоленско-полоцких кривичей (Седов, 1968. С. 151–157). По классификации Е. А. Рябины эта подвеска-конек относится к XIV типу, варианту 1 (Рябинин, 1981. С. 28, 29). Подвески варианта 1 изображают стилизованное животное с закрытой пастью; на ногах имеются округлые углубления.

⁶ От фр. *billon* – неполноценный. В узком значении – сплав меди и серебра, где последнее составляет менее 50% («белая медь»).

Рельефная головка с ушами в виде пластинчатых выступов; уши развернуты перпендикулярно к плоскости самой подвески; на морде животного, углубленной линией и точкой над ней, обозначена его пасть и ноздри; поверхности гладкие. Подавляющее большинство подвесок, лишенных орнамента, датируется XII и XIII вв., то есть относится к позднему этапу их бытования на Руси (Рябинин, 1981. С. 29, 30).

Плоская прорезная уточка с двумя лапками изготовлена в технике литья в двухсторонней каменной форме. У нее сильно выступает вперед грудь (зоб) с прорезью-завитком, хвост загнут кольцевым диском, а на голове находится незамкнутое колечко «рогами» вверх. Шея покрыта рядом мелких кружков, нанесенных пуансоном. Клюв птицы открыт, и по его периметру пущена углубленная линия, глаза обозначены небольшим круглым углублением. Согласно типологии Рябинина Е. А. эта подвеска относится к типу III, варианту 1А и несет признаки, характерные для переработанных украшений предыдущего варианта. В Новгородской земле эти подвески датируются XII в. по их встречаемости с другими древностями (Рябинин, 1981. С. 17). Следует заметить, что данный экземпляр еще сохраняет архаичные признаки своего прототипа: кружковый орнамент на поверхности, «рога» еще не слитны, мелкие детали тщательно проработаны. Аналогичная подвеска, но без дополнительного пуансонного орнамента найдена в Волковской курганный группе (Волково-1), в кургане № 21 (раскопки А. В. Арциховского, 1940 г.). По мнению А. В. Успенской, эти амулеты наибольшее распространение получили в районах с финно-угорским населением (Успенская, 1967. С. 93).

Миниатюрная подвеска в виде ложки входит во вторую по численности группу амулетов Древней Руси. Она изготовлена способом литья по восковой модели с потерей формы. Область распространения амулетов-ложек на древнерусских территориях полностью совпадает с ареалом коньковых подвесок, их наибольшая концентрация также фиксируется в междуречье Днепра, Западной Двины и Волги (Рябинин, 1988. С. 58). Круглые ложечки датируются X – началом XII в. (Журжалина, 1961. С. 130).

Литая подвеска в виде гребня имеет размер 24×24 мм. Ее верхняя часть («ручка») выполнена в виде двух сросшихся шеями конских голов; между ними имеется сквозное круглое отверстие диаметром 2 мм; нижняя часть – гребенка с восемью зубьями; поверхность покрыта орнаментом

в виде двойных кружков. Амулеты-гребни с конскими головами, смотрящими в разные стороны, получили распространение в полосе между Верхним Поднепровьем, р. Угрой и р. Москвой, где они представлены несколькими вариантами одного и того же типа (Рябинин, 1988. С. 59). В погребениях они часто встречаются вместе с коньками-привесками X – начала XIII в. Прототипом этого амулета, вероятно, является подвеска-гребень типа 4 (по классификации Л. А. Голубевой), характерная для курганных древностей Поднепровья XI–XII вв. (Голубева, 1979. С. 61). Следовательно, более поздняя датировка горышкинской подвески периодом XII–XIII вв. будет вполне корректна.

Следующий предмет в составе комплекса – четырехконечный крест-тельник с округлыми завершениями лопастей и кольцевым ушком в верхней части. Он отлит в двухсторонней форме из оловянно-свинцового сплава, размер 24×20 мм. Крестик относится к широко распространенному типу древнерусских нательных крестов с утолщенными профилированными концами и датируется XI–XIII вв. При раскопках в Новгороде подобный крестик был найден в слое XI в. (Седова, 1981. С. 50).

Последнему амулету из погребения не удалось выявить как прямых, так и косвенных аналогий среди курганных древностей восточных славян. Это стержень длиной 45 мм (верх обломан), отлитый в форме по восковой модели. Его нижняя половина расширяется в виде лопаточки, конец которой заострен, верхняя часть декорирована двумя восьмеркообразными петлями, поставленными по сторонам стержня на равном расстоянии друг от друга. На самом верху стержня, вероятно, находилось ушко для подвешивания. В целом этот амулет напоминает декоративную копоушку с рабочей частью в виде лопаточки.

Браслеты разных типов из различных сплавов сопровождают практически каждое женское погребение. Доминируют витые (14 экз.). В кургане № 6 кроме четвертного и витого 2×3 найден плетеный браслет со стеклянными вставками на концах. Вставки имеют форму равнобедренного треугольника с закругленными углами, внешняя поверхность слабовыпуклая, обратная сторона плоская. Одна из них темно-синего цвета, другая бутылочно-зеленого. В Новгороде аналогичный браслет, но с прямоугольными гнездами для вставок на концах найден в слое рубежа XI–XII вв. (Седова, М. 1981. С. 97). Витые браслеты со стеклянными вставками на концах известны и в более поздних комплексах, вплоть до начала XIII в. В кургане 12 на правой руке погребенного индивида

находились два витых четвертных браслета, еще один витой тройной петлеконечный браслет был надет на запястье левой руки. Два браслета (тройной петлеконечный и четвертной) обнаружены в кургане № 29, и один витой браслет 2×3 происходит из кургана № 27. Один браслет 2×3 найден в кургане № 19, а из неизвестного кургана происходит браслет 2×3 и тройной витые браслеты. Тройные браслеты с петлями на концах датируются периодом с первой четверти XI до 80–90-х годов XIV в. (Седова, 1981. С. 94). Четвертные браслеты (2×2) из круглой проволоки А.В. Арциховский относил ко второй стадии вятических курганов, датируя их XIII–XIV вв. В Новгороде они обнаружены в слоях середины XIII – середины XIV вв. (Седова, 1997. С. 75).

Тип пластинчатых загнутоконечных браслетов представлен одним экземпляром (курган № 12), который находился на правой руке. На его внешней поверхности нанесен чеканный геометрический орнамент в виде косых крестов, отделенных друг от друга перегородкой из двойных вертикальных линий. Такие браслеты А.В. Арциховский считал типично вятическими украшениями XI–XIV вв. (1930. С. 21).

Только один дровотый сомкнутый браслет сопровождал женское погребение в кургане № 25, где он находился на правой руке. Браслет имеет овальное сечение, на его поверхности нанесены редкие неглубокие косые насечки, имитирующие плетение.

Перстни найдены в женских погребениях в количестве от одной до восьми штук. Среди них решетчатых двухзигзаговых – 6 экз., пластинчатых широкосерединных – 10 экз., дровотых незамкнутых – 2 экз., дровотых замкнутых – 1 экз., витых – 3 экз., плетенных на проволоочном каркасе – 1 экз., ромбоштитковых с двумя шариками по краям – 1 экз., узкопластинчатых со вставкой – 1 экз., всего 25 шт. В кургане № 6 решетчатый перстень найден в ногах костяка, куда он был положен в качестве погребального дара. В женском погребении кургана № 12 небольшой дровотый перстенок с заостренными концами и редкой насечкой на поверхности обнаружен возле черепа скелета, среди височных колец; он, возможно, входил в комплекс головного убора. Из этого погребения происходит самое большое количество перстней – восемь штук. Помимо дровотого перстня, найденного возле головы, обнаружены еще два решетчатых двухзигзаговых несомкнутых перстня (один целый и один фрагмент), один дровотый несомкнутый с заостренными концами, один пластинчатый широкосерединный с пуансонным и чеканным геометрическим

орнаментом, один витой несомкнутый, один витой замкнутый и один плетенный на каркасе. Последний перстень изготовлен в сложной технике вязания тонкой проволокой на основе из круглого в сечении дрота. Концы у него несомкнутые, заостренные. Аналогичная техника плетения чаще применялась в производстве браслетов, которые датируются от рубежа XI–XII вв. до второй половины XIII в. (Седова, 1981. С. 100). Два широкосерединных пластинчатых ячейковых перстня, отлитых в одной форме, встречены в курганах № 25 и 29. Их орнамент состоит из трех ячеек, в центральную из которых вписан солярный знак (небольшой рельефный круг с 12 расходящимися лучами и рельефной точкой в центре), а по сторонам помещены косые кресты с ромбическими лопастями и округлыми углублениями в центре каждой лопасти. Еще один похожий перстень, только с косым крестом с перекрещенными концами в центре, происходит из кургана № 19. Перстни с подобной трех- или пятичастной орнаментацией считаются характерным украшением вятичей третьей четверти XII в. (Равдина, 1968. С. 133–138).

К категории предметов хозяйственного назначения относится железный черешковый нож из кургана № 28 с сохранившейся деревянной рукояткой. Его общая длина составляет 140 мм, максимальная ширина клинка – 20 мм. Лезвие с прямой спинкой, деревянная рукоятка простая, овального сечения в центральной части и круглого сечения в основании. Прямо на лезвии ножа, чуть ниже основания рукоятки, находилось бронзовое колечко диаметром 19 мм круглого сечения. С его помощью, вероятно, нож подвешивался к поясу.

Керамические сосуды обнаружены только в трех курганах, где погребения были раскопаны полностью. В кургане № 12 развал кругового горшка находился в ногах скелета. Он сформован из красножгущейся глины с примесью мелкого песка, обжиг неполный окислительный, черепок в изломе трехслойный, на поверхности имеется линейный орнамент. В мужском погребении из кургана № 22 целый круговой горшок из красножгущейся глины находился между берцовыми костями ног. Глиняное тесто с добавками мелкого песка, обжиг неполный окислительный. Плечики горшка выпуклые, венчик с округлым утолщением в верхней части плавно отогнут наружу, нижняя часть горшка коническая. Высота его – 110 мм, диаметр – 130 мм, диаметр донца – 70 мм. По тулову горшка – линейный орнамент. В кургане № 25 аналогичный по технологическим характеристикам круговой горшок с линейным орнаментом

находился в ногах женского погребения. На донце горшка просматривается клеймо Х-образной формы.

Курганная группа Горышкино 1 датируется периодом с конца XI по XII в., более точную датировку могут дать дополнительные исследования группы. На фоне остальных погребальных памятников этого времени группа выделяется большим количеством курганов, наличием высоких (до 3,8 м) насыпей, доминированием погребений на уровне горизонта, с костяками, у которых руки вытянуты вдоль тела, богатыми ювелирными комплексами. Она может рассматриваться в качестве центрального некрополя округа.

Менее чем в 0,1 км к юго-западо-югу от группы Горышкино 1 находится еще одна курганная группа. В своде памятников Московской области она проходит под названием «Горышкино. Курганный могильник 2» (АКР, 1994. С. 140. № 319) или Горышкино 2. В издании указано количество курганов этой группы – три насыпи. На самом деле в группе насчитывается семь курганов высотой 1,0–3,0 м и диаметром основания 7–15 м, компактно вытянувшихся с юго-востока на северо-запад вдоль левого берега небольшого оврага. Местное население называет их «Курганы у лесника», так как в 50 м к юго-западу от группы находится усадьба лесника Н. Н. Кузнецова. Других курганов в радиусе 0,2–0,3 км нет. Эта группа введена в научный оборот как Горышкино 11 (Лазукин, 2004. С. 38). Путаница с названиями произошла из-за несоответствия фактического количества курганов и сведений об их численности в АКР. Большинство насыпей нарушены ямами. Материал из раскопок утрачен.

В АКР в разделе «Несохранившиеся археологические памятники» имеются сведения еще об одном курганном могильнике в окрестностях д. Горышкино. Он находился в 1,3 км к северо-западу от д. Горышкино, 0,5 км к северо-западу от курганной группы Горышкино 1, на правом берегу безымянного ручья⁷, левого притока р. Вязёмки (АКР, 1994. С. 256. № 64). Состоял из двух насыпей на расстоянии 25 м друг от друга. В 1959 г. исследовался Ю. А. Красновым. В курганах выявлены остатки трупосожжений на стороне, помещенные в подкурганные сооружения в виде ящиков из плах без дна, с покрытием. При остатках сожжений найдены обломок лепного сосуда со следами воздействия огня и оплавленная стеклянная

бусина. В одном из курганов исследовано также вводное детское трупоположение без сопровождающего погребального инвентаря. Автор раскопок датировал их более раннем временем, чем вятические курганы с трупоположениями, упоминал под названием «Горышкино. Курганы с трупосожжениями» и относил их к раннему периоду заселения вятичами долины Москвы-реки (Краснов, 1962. С. 302–304). К настоящему времени следов этой группы на местности выявить не удалось.

Курганная группа Горышкино 12 находится на значительном удалении от группы Горышкино 1, более чем в 0,5 км к западо-северо-западу от нее, на левом берегу оврага, проходящего между ними. Расстояние от курганов до русла Вязёмки превышает 1 км. Группа расположена в 1 км к юго-западу от здания старой школы пос. Горки-Х, в 0,86 км к северо-западу от северной окраины д. Горышкино, на правобережье 1-го Горышкинского ручья, левого притока р. Вязёмки, в 0,16 км от его русла, на вырубке. Находится на склоне водораздела, на высоте 165 м по балтийской системе. Насчитывает не менее 13 насыпей высотой до 2,1 м с кольцевыми или полукольцевыми ровиками у основания (Лазукин, 2006. С. 15, 16). Часть курганов повреждена грабительскими и охотничьими ямами, насыпь № 4 «заезжена» грузовой техникой, вывозившей пиломатериалы с вырубки. Следы колес прослежены на склонах и вершине кургана № 8. В северной части памятника отмечены многочисленные ямы различных размеров и глубины. Другие нарушения не зафиксированы. В профиле ямы на южном склоне кургана № 6, на уровне основания насыпи, зафиксирован предположительно пахотный горизонт – слой темно-серый супеси мощностью около 10 см, то есть курган был насыпан на старопашотном участке. Недалеко от этой группы, в 0,15 км к северо-востоку, находится селище XII–XIV вв., с территории которого происходят находки семилопастных височных колец VI типа. Вероятно, курганная группа синхронна этому поселению и является его кладбищем.

Следующий комплекс погребальных памятников бассейна Вязёмки расположен в среднем течении безымянного ручья⁸, протекающего по северной окраине Горышкино. Состоит из двух курганных групп на небольшом удалении друг от друга. Курганная группа Горышкино 4 находится в 1,0 км к западо-юго-западу от северной окраины деревни, в 1,15 км к юго-западу от курганной группы

⁷ У части местного населения в 1970-е годы он назывался «Первый горышкинский».

⁸ Неофициальное название – 2-й Горышкинский ручей.

Горышкино 1, на правом берегу безымянного ручья, левого притока р. Вязёмки, в 0,17 км от русла, на опушке леса. Насчитывает 27 насыпей (при натурном осмотре зафиксировано 28 насыпей) высотой 0,5–2,7 м, диаметром 5–12 м, с кольцевыми или полукольцевыми ровиками у основания (АКР, 1994. С. 140, 141. № 321). Значительная часть курганов нарушена грабительскими ямами. Памятник хорошо известен археологам, неоднократно ими осматривался (Р.Л. Розенфельдт, А.А. Юшко, Г.Л. Новикова). Местные подростки и пионеры из близлежащего п/л «Дружный» периодически разрывали курганы с конца 1970-х годов. Материал из раскопок неизвестен.

Курганная группа Горышкино 5 находится в 1,04 км к западо-юго-западу от северной окраины деревни, в 30 м к югу от курганного могильника Горышкино 4, в 1,2 км к юго-западу от группы Горышкино 1, на опушке леса. Состоит из шести насыпей (при натурном осмотре зафиксировано семь насыпей) высотой 0,4–3,8 м, диаметром 9–15 м, с ровиками у основания (АКР, 1994. С. 141. № 322). Большинство из курганов нарушены ямами. По сведениям местных краеведов, в разрытии курганов принимали участие пионеры из лагеря «Дружный», расположенного неподалеку. Основная часть насыпей была повреждена в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Материал из раскопок неизвестен. С начала 1990-х гг. вся прилегающая к курганам территория начинает застраиваться дачами. С южной стороны могильника появился добротный каменный дом, а курганы, расположенные в лесу, оказались загорожены владельцами участка. В 2003 г. на вершине самого высокого кургана появилась деревянная беседка и ведущая к ней лестница на западном склоне.

Еще один комплекс погребальных памятников, состоящий из двух курганных групп, расположен на противоположном берегу ручья, на небольшом расстоянии друг от друга. Не исключено, что это одна группа, но при составлении археологической карты три отдельно стоящих кургана были выделены в самостоятельную группу⁹. Оба памятника расположены на склоне водораздела. Курганная группа Горышкино 6 находится в 1,1 км к западо-юго-западу от северной окраины д. Горышкино, в 0,35 км к северо-западу от курганной группы Горышкино 4, на левом берегу безымянного ручья, левого притока р. Вязёмки, в 0,15 км от русла, в лесу. Состоит из трех насыпей высотой 0,6–1,8 м,

диаметром 6–9 м, со следами ровиков у основания (АКР, 1994. С. 141. № 322). Две насыпи нарушены старыми ямами. Материал из раскопок неизвестен. Эта же группа ошибочно получила еще одно название – Горышкино 10.

Следующая курганная группа Горышкино 7 находится в 1,12 км к западо-юго-западу от северной окраины деревни, в 0,4 км к северо-западу от курганной группы Горышкино 4, в 0,03 км к юго-западу от курганной группы Горышкино 6, на левом берегу безымянного ручья, левого притока р. Вязёмки, в 0,25 км от русла, в лесу, в урочище Угольница (АКР, 1997. С. 244, 245. № 2659). Насчитывает 28 насыпей высотой 0,4–2,5 м, диаметром 5–13 м, с кольцевыми и полукольцевыми ровиками у основания. Один большой курган (№ 19) состоит из нескольких слившихся насыпей. Значительная часть курганов нарушена грабительскими ямами. Об особенностях и деталях погребального обряда получено очень мало сведений, отмечено лишь наличие угольков и древесины в отдельных насыпях и довольно крупных валунных камней в отвалах кургана № 15. В небольшой округлой насыпи в южной части могильника встречены крупные обломки обугленного дерева, возможно, это остатки сгоревшей конструкции, засыпанной грунтом. О положении и ориентировке костяков также мало данных. В кургане № 10 обнаружено женское погребение на уровне древнего горизонта. Костяк находился в вытянутом положении на спине, черепом ориентирован на запад. Кисти рук были, возможно, уложены на тазовые кости. Состав погребального инвентаря следующий. В области черепа обнаружены шесть браслетообразных височных колец с завязанными концами из круглой проволоки. Три деформированных кольца находились возле левой височной кости, еще три кольца, скрепленных между собой при помощи кожаного шнура, – под черепом. Тип завязанных колец по новгородским аналогиям датируется концом X – началом XII в. (Седова, 1981. С. 10). В погребении также найдено перстнеобразное несомкнутое височное кольцо с эсвидным окончанием. Такое кольцо очень близко аналогичным височным кольцам западных славян, хотя и отличается более крупными размерами и оформлением завитка. У восточных славян этот тип встречается редко (Седова, 1997. С. 64). По мнению Т.В. Равдиной, такие височные кольца преобладают во втором периоде курганной погребальной традиции, то есть в XII в. (Равдина, 1975. С. 41, 42). На груди находилась

⁹ Рядом расположенная группа численностью 27 насыпей в первой части карты не упоминается.

шейная гривна из тонкого дрота круглого сечения, ее окончания раскованы в тонкую пластину, а концы спирально загнуты. Гладкие гривны из тонкой проволоки считаются местной продукцией восточных славян, они имели широкое распространение (Седова, 1997. С. 66). М. В. Фехнер датировала этот тип шейных украшений XI в. (1967. С. 68). Рядом найдены бусины: сердоликовые бипирамидальные (две целых и две половинки); бронзовые спиральные пронизи из тройных трубочек каждая (5 шт.). На одном конце ожерелья уцелел кожаный «замок», а внутри отдельных бусин сохранились остатки нитей. На запястье правой руки был надет ложновитой браслет с завязанными концами, а на левой – дровый браслет с заходящими друг за друга острыми концами. Завязанные витые браслеты наиболее широко бытовали в X–XI вв., но известны они и памятниках XII в. Ложновитые браслеты изготавливались в подражание витым. Их отливали или в разъемной глиняной форме, полученной путем оттиска в глине витого браслета, или в каменной форме, или способом литья по восковой модели. Типы их те же, что и у витых браслетов, и время существования то же (Седова, 1997. С. 74, 75). Дровые браслеты круглого или овального сечения относятся к широко распространенной категории украшений рук. В Новгороде они найдены в слоях с середины X до начала XIV в. (Седова, 1981. С. 94). В погребении кургана № 10 в области тазовых костей костяка находилось еще одно браслетообразное височное кольцо из круглой проволоки, широкосерединный бородавчатый перстень, две связки шарообразных бубенчиков со щелевидной прорезью, скрепленных по две и три штуки между собой при помощи проволоки. На их поверхности отмечены волокна древесины. Браслетообразное височное кольцо с завязанными концами является полной аналогией кольцам, обнаруженным около черепа, а его нетипичное местоположение, вероятно, связано с традицией оставления погребальных даров. Бубенчики шарообразной формы с щелевидной прорезью и рельефным пояском из трех линий на тулове по новгородской хронологии датируются концом XI – серединой XIII в. (Седова, 1997. С. 70). Литой бородавчатый перстень с сомкнутыми концами по классификации Арциховского А. В. относится к III группе, типу трехпунктирных, характерных только для вятичей (Арциховский, 1930). Его поверхность покрыта «пузырчатыми» рельефными бугорками, расположенными в три ряда, а края перстня окантованы невысоким линейным бордюром. На поверхности также отмечены два сквозных отверстия округлой формы, которые связаны с недолгим металлом при его изготовлении.

Скелеты плохой сохранности с западной ориентировкой найдены в насыпях № 3 и 20. Состав погребального инвентаря из кургана № 3 следующий: фрагменты трех проволочных браслетообразных височных колец завязанные одним концом; бронзовый несомкнутый ложновитой браслет; несомкнутый рубчатый перстень с заостренными окончаниями; обломок пластинчатого широкосерединного перстня. Браслетообразные височные кольца особенно широко были распространены в верховьях Днепра и Западной Двины, на водоразделе Днепра и Оки, на Верхней Волге, захватывая бассейн р. Клязьмы, – словом, на территории, заселенной потомками кривичей. Поэтому за большими завязанными височными кольцами и кольцами с заходящими концами утвердилось название кривичских. Эти типы (особенно завязанный) могут служить не только надежным этническим, но отчасти и хронологическим признаком. По наблюдениям исследователя Харлаповского могильника в Смоленской обл., браслетообразные кольца, завязанные обоими концами проволоки, встречаются, как правило, в погребениях XI – начала XII в., а завязанные одним концом – в погребениях XII–XIII вв. (Левашева, 1967. С. 16). Ложновитой браслет с одним загнутым концом (второй обломан в древности) изготовлен методом литья в жесткой форме, и последующим нанесением насечки, имитирующей редкое плетение. Датируются XI–XIV вв. (Седова, 1981. С. 98). Рубчатый перстень является разновидностью круглодротовых гладких, на утолщенную внешнюю сторону которых нанесена косая насечка, подражающая витью. Перстень отлит из оловянисто-свинцовой бронзы в разъемной жесткой форме, насечка углублена зубильцем. Этот тип украшений датируется достаточно широко – с конца XI по XIV в. (Седова, 1981. С. 122).

Из кургана № 20 происходят следующие находки: четыре проволочных височных кольца, браслет витой четвертной с дополнительной оплеткой из тонкой перекрученной проволоки (на левой руке), перстень пластинчатый решетчатый двузигзаговый (на правой руке). Перстнеобразные височные кольца загнутоконечные и с заходящими концами встречаются в древностях всех славянских племен и не могут считаться этноопределяющим признаком какого-либо из них (Седова, 1997. С. 64). Время их бытования достаточно широко – X–XIII вв. (Левашева, 1967. С. 15). Интересно колечко из круглой проволоки с перекрещенными окончаниями, которое дополнительно оплетено более тонкой проволокой по всей его поверхности.

Витые четвертные браслеты (2×2) А. В. Арциховский относил ко второй стадии вятических курганов, датируя их XIII–XIV вв. В Новгороде они обнаружены в слоях середины XIII – середины XIV в. (Седова, 1997. С. 75). Широкосерединый двузигзаговый, или, как их еще называют, решетчатый перстень, считается этническим признаком вятичей. Типология и хронология этих перстней разработаны А. В. Арциховским и Т. В. Равдиной (Арциховский, 1930. С. 73; Равдина, 1975. С. 11). Таким образом, погребение в кургане № 20 имеет достаточно широкие хронологические рамки.

Только одна находка была сделана в кургане № 4. Это железная тордированная гривна. Наконечники гривны уплощенные, линзовидного сечения, на конце спирально закручены (одно окончание не сохранилось). Максимальный диаметр гривны составляет 19 см, вероятно, она неплотно облегла шею. Гривна находилась в зольной прослойке мощностью 2,0–2,5 см, рядом с остатками древесины, мелкими угольками и костным тленом погребения. Ни одного фрагмента кальцинированных костей в этом скоплении не обнаружено. Высота кургана не превышает 0,7 м, уровень залегания золы и угольков зафиксирован на глубине 0,7–0,8 м, что несколько ниже современной поверхности. Вероятно, погребение было произведено на уровне древнего горизонта, на кострище или на площадке, предварительно обработанной огнем. Эта особенность характерна для первого этапа (XI в.) погребального обряда XI–XIII вв. славянского населения Верхнего Поднепровья (Булкин и др., 1978. С. 24). На территории летописных кривичей, занимавших верховья Днепра, Двины и Волги, в XI–XII вв. было распространено трупоположение на горизонте, на кострище (Булкин и др., 1978. С. 81, 82).

Известны тордированные бронзовые гривны, обнаруженные не только в курганных захоронениях бассейна Москвы-реки, но и на всей «вятической» территории. Отличие их состоит только в материале изготовления. Железные, иногда посеребренные гривны четырехгранного сечения, перекрученные по всей длине или частично, считаются предметом импорта. Застежка этих гривен оформлена в виде петли или крючка или двух завитков, причем располагаются они сзади. Диаметр этих гривен невелик, они, видимо, плотно охватывали шею. В погребениях часто встречаются обручи с надетыми на них железными подвесками в виде маленьких молоточков или кружочков – символов скандинавского бога Тора. Железные гривны были распространены на территории Руси в X–XI вв. Их находки сосредоточены в основном вдоль торговых пу-

тей, связывающих Северную Европу со странами Востока. На Русь эти гривны попадали из Скандинавии (Седова, 1997. С. 66). На раннюю дату гривны из кургана № 4 указывает такая деталь погребального обряда, как зольная прослойка с угольками, что свидетельствует о выжигании площадки на месте будущего погребения. Этот признак, как уже отмечалось выше, характерен для первого этапа древнерусской курганный культуры XI в. Однако считать эту гривну предметом импорта, на мой взгляд, нет достаточных оснований, поскольку она все же отличается от скандинавских аналогов.

Керамика обнаружена только в отвале грунта из кургана № 12, всего четыре обломка кругового сосуда из светложгущейся глины с линейным орнаментом на поверхности. Погребальный инвентарь из раскопанных курганов позволяет интерпретировать группу как сельское кладбище кривичей конца XI – первой половины XIII в.

Последнее компактное скопление погребальных памятников находится в среднем течении р. Вязьмки, в 1,9 км от ее русла, в 1,5 км к западу от южной окраины деревни. Оно состоит из трех курганных групп и занимает водораздельный участок между безымянными ручьями, левыми притоками р. Вязьмки. Максимальное расстояние между этими группами не превышает 180–200 м.

Курганная группа Горышкино 8 расположена в 1,8 км к западо-юго-западу от северной окраины д. Горышкино, в 1,86 км к юго-западу от курганный группы Горышкино 1, в 0,3 км к западу от ограждения дачного поселка «Зеленый уголок», на водоразделе между двумя безымянными ручьями, левого притока р. Вязьмки, в лесу (АКР, 1997. С. 245. № 2660). Высота по балтийской системе – 170 м. Сохранилось 18 компактно расположенных насыпей высотой до 1,2 м, часть из которых нарушена старыми ямами. Самостоятельными раскопками в 1980–1990-х гг. вскрыто восемь насыпей, материал из них частично опубликован (Шполянский, 1994. Приложение). Эта курганная группа выделяется малыми размерами насыпей, среди которых имеется и один «могильный холм» размером 2,0–2,3×1,2×0,3 м (курган № 3). Все обнаруженные погребения помещены в подкурганные могильные ямы глубиной от 0,2 до 0,8–0,9 м. Они имеют прямоугольную или трапециевидную в плане форму, углы закруглены или прямые, стенки вертикальные, дно ровное. Точные размеры ям установлены только у двух погребений: в кургане № 15 ее габариты составляли 1,6×0,5×0,6 м (при длине костяка 1,55 м); в кургане № 17 1,9–2,0×0,6–0,5×0,5 м (длина скелета 1,8 м). Насыпь кургана № 3 имеет вытянутую форму,

ориентированную длинной стороной по оси северо-восток – юго-запад. Она очень напоминает небольшой холм грунтовой могилы. С его северо-западной стороны находится курган № 2, не исключено, что часть земли с насыпи № 3 была взята для его сооружения. Под этой насыпью, на глубине 0,45 см от поверхности горизонта, обнаружено безынвентарное погребение с юго-западной ориентировкой в прямоугольной могильной яме размером 2,0×1,1×0,5 м, в засыпке отмечены древесные угольки. Костяк очень плохой сохранности находился в вытянутом положении на спине вдоль северо-западного борта могильной ямы. Ориентировка скелетов в остальных курганах западная, часто с незначительным отклонением к северу или югу, в двух случаях (курган № 2 и № 15) костяк ориентирован черепом на западо-юго-запад. Скелеты находились в вытянутом положении на спине, череп повернут к правому (курганы № 4 и 15) или левому (курганы № 14 и 17) плечу, остальные плохой сохранности. Руки сложены на груди или в области живота, левая поверх правой (курган № 14) или правая поверх левой (курган № 17). В кургане № 15 левая рука уложена на живот, а правая сильно согнута в локте, при этом предплечье касалось плеча, а фаланги пальцев концентрировались около левой ключицы. Угольки отмечены в засыпке трех насыпей (№ 3, 14, 17). Их наличие может указывать на зимний период захоронения, когда для оттаивания замерзшего поверхностного слоя на месте погребения разжигались костры.

Погребальный инвентарь достаточно беден и обнаружен только в двух насыпях. Из кургана № 2 происходит находка витого тройного браслета и щиткового перстня, все с правой руки. Витой тройной браслет изготовлен из круглой в сечении проволоки, его окончания оформлены в виде петли и свободного конца внутри нее, также загнутого петлей. Браслеты этого типа встречаются среди древностей всех восточнославянских племен, но особенно часто у новгородских словен, кривичей и вятичей. А. В. Арциховский относил эти браслеты ко второй стадии вятических курганов, то есть к XIII в., хотя они есть и в памятниках XIV в. В Новгороде они найдены в слоях XI–XII вв. (Седова, 1981. С. 96). Щитковый перстень имеет округлую в сечении дужку и резко расширяющуюся среднюю часть в виде гладкого щитка овальной формы с круглыми шариками по сторонам. В продольном сечении щиток находится в одной плоскости с дужкой. Подавляющее большинство щитковых перстней – продукция городских ремесленников. Их отливали из оловянисто-свинцовых сплавов в каменных разъемных

формах со вставными стержнями (Седова, 1997. С. 77–78). В Новгороде персти с овальными щитками встречены в слоях самого конца XII – середины XV в. (Седова, 1981. С. 135).

В кургане № 14 обнаружено женское погребение, на черепе которого (с левой стороны) найдено перстнеобразное височное кольцо. Оно изготовлено из круглой в сечении проволоки, имеет овальную форму размером 2,3×1,8 см, окончания заходят друг за друга. Как уже отмечалось выше, этот тип украшений не является этноопределяющим признаком восточнославянских племен и имеет широкую датировку. На предплечье правой руки скелета находился плетенный без каркаса браслет со стеклянными вставками на концах. Это достаточно редкий тип украшений, который следует отнести к продукции городских ювелиров. Подобная находка сделана в курганной группе Горышкино 1 в кургане № 6, где также был найден плетеный браслет со стеклянными вставками треугольной формы зеленого и синего цвета. Окончания браслета плохо сохранились, но среди собранных фрагментов имеется обломок светлого полупрозрачного стекла со следами медных окислов на его боковой поверхности. Плетеные браслеты с накладками на концах, которые по технологии изготовления близки к рассматриваемому варианту, Т. В. Равдина отнесла к третьему периоду древнерусских курганов (с конца XII в.) и датировала их второй-третьей четвертью XIII в. (Равдина, 1975. С. 120).

На склоне кургана № 7, поврежденного грабительской ямой, найдены фрагменты кругового сосуда, которые склеиваются между собой. Удалось восстановить нижнюю часть кругового сосуда из ожелезненной глины с редкими включениями дресвы мелкого и среднего (до 2 мм) размера, песка и органики (?). Обжиг неполный окислительный, черепок в изломе трехслойный, плотный, звук глухой. Цвет на внешней стороне серый, на внутренней – светло-бурый. Форма сосуда полностью не реконструируется, нижняя часть – в виде перевернутого усеченного конуса. Донце ровное, диаметром 13 см, вероятно, горшок имел высоту около 25–26 см. На донце отмечена подсыпка крупнозернистого песка. Внешние поверхности со следами продольных полос, оставленных при формовке сосуда на гончарном круге и небольшими кавернами от выгоревшей при обжиге органики.

Такие особенности погребального обряда в этой группе, как захоронения в подкурганных могильных ямах, доминирование небольших насыпей, скудность погребального инвентаря, позволяют датировать ее концом XII–XIII в. Все эти

признаки связываются с распространением христианства и постепенном вытеснении языческого мировоззрения (Булкин и др., 1978. С. 25). В бассейне Вязёмки это самый поздний погребальный памятник древнерусского времени.

Курганная группа Горышкино 9 расположена в 1,8 км к западо-юго-западу от северной окраины д. Горышкино, в 1,87 км к юго-западу от курганной группы Горышкино 1, в 0,06 км к юго-западу-югу от группы Горышкино 8, в 0,1 км к западу от ограждения д/п «Зеленый уголок», на левобережье безымянного ручья, левого притока р. Вязёмки, в лесу (АКР, 1997. С. 245. № 2661). Она занимает склон водораздела, поверхность плавно понижается к востоку, в сторону русла ручья. Сохранились три компактно расположенные насыпи диаметром 7,0–9,5 м и высотой до 1,7 м с полукольцевыми ровиками у основания. Все курганы повреждены старыми ямами.

Курганная группа Горышкино 13 находится в 1,65 км к западо-юго-западу от северной окраины д. Горышкино, в 1,75 км к юго-западу от курганной группы Горышкино 1, в 0,2 км к северо-востоку от группы Горышкино 8, в 0,2 км к северо-западу от ограждения д/п «Зеленый уголок», на водоразделе двух безымянных ручьев, левого притока р. Вязёмки, в 0,18 м от места их слияния, в лесу. Состоит из четырех насыпей высотой до 1,8 м с полукольцевыми ровиками у основания (Лазукин, 2006. С. 16). Все курганы имеют повреждения, особенно большая яма (глубиной до 1,5 м) зафиксирована на вершине насыпи № 3. Материал из курганов неизвестен.

Следующая курганная группа Ямщина находится в 1 км к северо-западу от северной окраины д. Ямщина, на левом берегу р. Большая Вязёмка, в 0,4 км от русла, в лесу, по обеим сторонам просеки, разделяющей кв. 110 и 111. Восемь насыпей высотой 0,4–1,2 м, диаметром 6–9 м, шесть из которых повреждены ямами (АКР, 1994. С. 167. № 416). На сегодняшний день она является последней группой сохранившихся погребальных памятников в среднем течении Вязёмки.

Не удалось точно локализовать место нахождения одиночного кургана возле д. Малые Вязёмы. По данным конца XIX в., он расположен близ деревни, на р. Малая Вязёмка (АКР, 1994. С. 160. № 379). Не исключено, что к настоящему времени курган не сохранился.

По данным второй половины XIX в., близ д. Захарово на берегу ручья Захарынка, притока р. Малая Вязёмка, расположен одиночный курган (АКР, 1994. С. 145. № 338). Его местонахождение

не локализовано, вероятно, к настоящему времени он не сохранился.

Таким образом, в бассейне р. Вязёмки значится 18 погребальных памятников древнерусского времени общей численностью 204 кургана, значительная часть которых концентрируется в ее нижнем течении. Из этого числа минимум три группы принадлежат кривичам, остальные связываются с летописными вятичами. Все они обитали на сравнительно небольшой площади приблизительно в одно и то же время, но «вятический компонент», вероятно, следует рассматривать в качестве основы местного населения XII–XIII вв. Об этом свидетельствуют самые ранние курганы возле д. Горышкино, содержащие остатки кремации на стороне. Центральное место среди погребальных памятников занимает самая многочисленная группа Горышкино 1, где отмечены очень высокие насыпи и доминируют архаичные черты погребального обряда вятического населения. Крупных поселений, синхронных курганам, выявить не удалось, вероятно, все группы следует рассматривать как долговременные кладбища небольших селищ-малодворок. Безусловно, следует учитывать информационную ограниченность археологических материалов этих памятников, не исключено и просачивание дезинформации по отдельным группам и комплексам, но в целом имеющиеся данные позволяют сделать предварительные выводы и заключения по ряду вопросов. Анализ вещевого материала дает интересную картину распространения тех или иных типов изделий и их сочетания в погребальных комплексах. Помимо продукции сельских (местных?) ювелиров и ремесленников в захоронениях представлены и вещи, изготовленные в городских центрах. В их числе можно назвать витые браслеты со стеклянными вставками на концах, бронзовые щитковые перстни, каменные и стеклянные бусы, то есть вещи, требующие высокой производственной технологии. «Городские» украшения обнаружены как в составе погребений в вятических курганах, так и среди кривических погребальных комплексов.

Определенный этнический консерватизм населения этого микрорегиона выражается в специфическом наборе погребального инвентаря захоронений в отдельных курганных группах. В комплексах, оставленных потомками кривичей, практически отсутствуют изделия, характерные для вятических курганов. В них нет решетчатых перстней, единичны находки пластинчатых спиралеконечных браслетов и витых шейных гривен с плоскими наконечниками, малочисленны хрустальные шарообразные бусы.

Приложение 1. Погребальные памятники древнерусского времени бассейна р. Вязёмки

№ п/п	Название памятника, его привязка	Кол-во курганов	№ в АКР	Примечание
1	Горки-10. Курганная группа 1	5	314	
2	Горки-10. Курганная группа 2	27	315	
3	Горки-10. Курган	1	—	
4	Горышкино. Курганная группа 1	30	318	
5	Горышкино. Курганная группа 2	7	319	Она же Горышкино 11
6	Горышкино. Курганная группа 3	18	320	
7	Горышкино. Курганная группа 4	28	321	
8	Горышкино. Курганная группа 5	7	322	
9	Горышкино. Курганная группа 6	3	323	Она же Горышкино 10
10	Горышкино. Курганная группа 7	27	2659	
11	Горышкино. Курганная группа 8	18	2660	
12	Горышкино. Курганная группа 9	3	2661	
13	Горышкино. Курганная группа 12	13	—	
14	Горышкино. Курганная группа 13	4	—	
15	Горышкино. Курганы с трупосожжениями	2	64	Не сохр.
16	Захарово. Курган	1	338	Не сохр.
17	М. Вязёмы. Курган	1	379	Не сохр.
18	Ямщина. Курганная группа	8	416	
Всего учтено: 203 кургана				

Литература

Авдусина Т. А., 1962. Три курганные группы у Звенигорода // Историко-археологический сборник. М.: МГУ. С. 272–290.

Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 223 с.

АКР. Московская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1993. 320 с.

АКР. Московская область. Ч. 4. М.: ИА РАН, 1997. 350 с.

Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978. Археологические памятники древней Руси IX–XI веков. Л.: ЛГУ. 151 с.

Векслер А. Г., 1959. Отчет об археологических работах в районе г. Одинцово Кунцевского района Московской области в 1958 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1730.

Голубева Л. А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука. 112 с. (САИ. Вып. Е1-59).

Ёлкина И. И., 2003. Текстиль из древнерусских курганных памятников округа Звенигорода // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Матер. X региональной науч. конф. Калуга. С. 34–41.

Журжалина Н. П., 1961. Датировка древнерусских привесок-амулетов // СА. № 2. С. 122–131.

Коваль В. Ю., 2008. Светлоглиняная керамика в Подмоскowie: Звенигородский регион // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 161–180.

Коришун В. Е., 2013. Языческие привески Древней Руси X–XIV веков. Вып. III. М.: Группа «Искатели». 160 с.

Краснов Ю. А., 1962. Курганы с трупосожжениями у дер. Горышкино // СА. № 3. С. 302–304.

Лазукин А. В., 2002. Курганный могильник у пос. Горки-Х // Звенигородский краевед. М. С. 26–28.

Лазукин А. В., 2004. Отчет об археологических разведках на территории Одинцовского района Московской области в 2003 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 28785.

Лазукин А. В., 2006. Отчет об археологических разведках на территории Одинцовского района Московской области в 2005 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 53794.

Левашева В. П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни XI–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 7–39. (Тр. ГИМ; вып. 43).

Мурашова В. В., 1997. Поясной набор // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 79–80. (Археология).

Насимович Ю. А. и др., 2004. Природа Одинцовского края. М.: НИИ-Природа. 480 с.

Недошивина Н. Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни XI–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 253–264. (Тр. ГИМ; вып. 43).

Никольская Т. Н., 1949. Хронологическая классификация верхневолжских курганов // КСИИМК. Вып. XXX. С. 31–41.

Равдина Т. В., 1968. Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 136–142.

Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятических» древностей / Архив ИА РАН. Р-2. № 2154.

Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука. 122 с. (САИ. Вып. Е1–60).

Рябинин Е. А., 1988. Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М.: Наука. С. 55–63.

Сарачева Т. Г., 2003. Древнерусские привески с изображением зверя // РА. № 4. С. 102–115.

Седов В. В., 1968. Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 151–157.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 328 с. (Археология СССР).

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.

Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 63–78.

Успенская А. В., 1953. Звенигородские курганы // КСИИМК. Вып. XLIX. С. 124–132.

Успенская А. В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни XI–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 88–112. (Тр. ГИМ; вып. 43).

Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни XI–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 149–224. (Тр. ГИМ; вып. 33).

Фехнер М. В., 1967. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни XI–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 55–74. (Тр. ГИМ; вып. 43).

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука. 1987. 510 с. (Археология СССР).

Шполянский С. В., 1994. Отчет о разведках в Одинцовском районе Московской области в 1994 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 18759.

A. V. Lazukin

Burial sites of the 11th to 13th century along the Vyazemka River Basin

Summary

This paper covers 18 earthwork burial groups and separate burials along the basin of the right-hand tributary of the River Mosvka. Study of these sites makes it possible to conclude that descendants of literate Vyatichi

and Krivichi people lived alongside each other within this limited area. This suggests a more involved process of population settlement of the River Moscow Valley during the 12th century than had previously been considered.

Т. Г. Сарачева*, М. И. Гоняный*, Д. В. Аносов**

* Государственный исторический музей, Москва;

** ООО «ЦАИ «Куликово поле», Подольск (Московская обл.)

Химико-технологическое исследование изделий из цветных металлов, обнаруженных на археологических памятниках в селе Беседы под Москвой

Изделия из цветных металлов древнерусского времени, обнаруженные на территории Подмосковья, изучены достаточно подробно и всесторонне. Как правило, это женские украшения, составляющие вятичский круг древностей, известный в первую очередь благодаря раскопкам курганов. Разработана типология украшений, исследован химический состав цветного металла, определены характерные для этой территории типы сплавов и приемы металлообработки (Зайцева, Сарачева, 2011). В то же время, находки из сельских поселений этого региона редко оказываются в поле зрения исследователей ювелирного дела (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 52–65; Сарачева, 2009. С. 204–212). В связи с этим химико-технологический анализ каждой, даже небольшой, выборки по цветному металлу поселений представляет научный интерес, так как ассортимент находок, обнаруженных при их исследовании, отличается от курганного материала.

Рассмотрению результатов разведочных археологических работ, проведенных в 2015–2016 гг. в районе с. Беседы Ленинского района Московской области, включающих поиск новых и дополнительное комплексное обследование ранее выявленных и в разной степени изученных памятников, посвящена специальная статья (Гоняный, Аносов, 2017. С. 194–247). На изученной территории собрана коллекция находок из цветных металлов. С помощью рентгенофлуоресцентного анализа исследован химический состав 43 изделий¹ (табл. 1). Для определения типов сплавов использована классификация, разработанная в лаборатории

рентгеноспектрального анализа кафедры геохимии геологического факультета МГУ (Ениосова и др., 2008. С. 125–132). Следует отметить, что химический состав металла 39 украшений из Бесединских курганов исследовал в 1960-е годы А. А. Коновалов с помощью полуколичественного оптического эмиссионного спектрального анализа (Коновалов, 1969. С. 60–77).

В 2016 г. на территории с. Беседы проведены разведочные работы с целью сверки состояния известных и поиска новых археологических объектов (рис. 1). Обнаружено селище Беседы 3, расположенное неподалеку от церкви Рождества Христова в с. Беседы, в 0,18 км к юго-востоку от автодороги, ведущей от МКАД в с. Беседы, в 0,65 км к западу от русла Москвы-реки, на высоте 5–7 м над дном балки (рис. 1; 2).

Заложенный на селище поисковый планшет площадью 5428 кв. м позволил локализовать зоны жилой и хозяйственной застройки. Он имел прямоугольную форму, ориентированную по линии северо-восток – юго-запад, длиной 104 м и шириной до 60 м (рис. 3). Планшет разбивался на квадраты 4×4 м. Нумерация квадратов имела буквенно-цифровое обозначение.

Планшетный сбор подъемного керамического материала и индивидуальных находок позволил на распаханной части селища Беседы 3 локализовать зону жилой и хозяйственной застройки, выделить наиболее перспективные участки для будущих исследований. При помощи детекторов металла обнаружено 17 металлических предметов. Находки из цветного металла древнерусского

¹ Искренне благодарим сотрудника ГИМ А.О. Шевцова за проведение анализов с помощью микрорентгенофлуоресцентного спектрометра *Bruker M1 MISTRAL*.

Таблица 1. Химический состав металла находок из Бесед

№ ан.	Название предмета	№ на рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Hg	Тип сплава
1	Фибула восьмилучевая, основа	5, 1; 8, 6	72,83	23,94	2,88	0,04	0,00	0,16	0,09	0,07	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
2	Фибула восьмилучевая, язычок		92,22	5,07	1,46	0,49	0,00	0,21	0,06	0,39	0,04	0,06	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
3	Привеска ажурная		58,93	33,33	7,14	0,13	0,00	0,17	0,11	0,00	0,12	0,08	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
4	Височное кольцо семилопастное	9, 1; 10, 7	56,20	34,03	9,08	0,16	0,04	0,23	0,09	0,00	0,18	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
5	Перстень дровотый	5, 3; 8, 1	75,51	21,70	2,63	0,04	0,00	0,07	0,05	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
6	Бубенчик линейнопрорезной	9, 2; 10, 3	87,30	7,26	4,79	0,00	0,00	0,33	0,10	0,11	0,04	0,07	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
7	Бубенчик крестопорезной	5, 4; 8, 5	88,03	3,52	7,68	0,00	0,00	0,47	0,13	0,09	0,09	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
8	Височное кольцо семилопастное	9, 3; 10, 5	59,39	31,71	7,92	0,13	0,00	0,22	0,11	0,17	0,30	0,05	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
9	Накладка поясная, шиток	5, 5; 6, 6	74,59	13,14	11,14	0,00	0,00	0,18	0,12	0,11	0,65	0,00	0,00	0,00	0,06	оловянно-свинцовая бронза
10	Накладка поясная, штифт		62,36	21,35	14,34	0,10	0,00	0,31	0,20	0,18	1,08	0,00	0,00	0,00	0,09	оловянно-свинцовая бронза
11	Гривна шейная витая, конец	9, 4; 10, 11	86,98	8,67	2,24	1,54	0,00	0,24	0,08	0,00	0,22	0,00	0,03	0,00	0,00	многокомпонентный сплав
12	Перстень ложновитой	9, 5; 10, 8	77,06	15,38	6,64	0,00	0,00	0,29	0,07	0,13	0,38	0,04	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
13	Бубенчик линейнопрорезной, тулово	9, 6; 10, 1	87,13	6,21	6,24	0,00	0,00	0,15	0,07	0,00	0,13	0,04	0,03	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
14	Бубенчик линейнопрорезной, шарик		89,28	5,35	5,00	0,00	0,00	0,13	0,05	0,08	0,07	0,03	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
15	Височное кольцо семилопастное	9, 7	82,65	13,98	2,63	0,12	0,00	0,16	0,10	0,00	0,36	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
16	Височное кольцо семилопастное, покрытие	9, 8; 10, 6	76,42	22,07	0,66	0,00	0,00	0,15	0,06	0,00	0,59	0,04	0,00	0,00	0,00	оловянная бронза
17	Височное кольцо семилопастное, основа		79,77	19,21	0,62	0,00	0,00	0,18	0,07	0,00	0,15	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянная бронза
18	Звено цепи	9, 9	78,35	20,43	0,67	0,00	0,00	0,12	0,07	0,00	0,35	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянная бронза
19	Бубенчик линейнопрорезной	9, 10	92,21	2,92	1,47	0,00	0,00	0,41	0,09	0,11	2,75	0,04	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
20	Бубенчик линейнопрорезной	9, 11; 10, 2	89,16	6,62	3,82	0,00	0,00	0,14	0,07	0,08	0,07	0,04	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
21	Браслет пластинчатый	9, 13; 10, 12	85,11	6,24	5,18	2,33	0,00	0,20	0,18	0,19	0,59	0,00	0,00	0,00	0,00	многокомпонентный сплав
22	Бусина ажурная, скань	9, 14; 10, 9	4,56	0,00	0,20	0,00	0,00	94,93	0,00	0,00	0,23	0,00	0,00	0,08	0,00	высокопробное серебро
23	Бусина ажурная, тулово		4,96	0,00	0,21	0,00	0,00	94,36	0,00	0,00	0,25	0,00	0,00	0,00	0,22	высокопробное серебро
24	Браслет (?) дровотый		89,99	0,02	1,59	7,69	0,00	0,10	0,02	0,00	0,60	0,00	0,00	0,00	0,00	свинцовая латунь
25	Привеска-ложечка	5, 7; 8, 4	82,02	2,73	11,40	2,73	0,05	0,13	0,07	0,65	0,22	0,00	0,00	0,00	0,00	многокомпонентный сплав
26	Накладка поясная, шиток	5, 8; 6, 2; 7, 2	80,95	8,14	10,11	0,00	0,00	0,12	0,10	0,09	0,33	0,00	0,00	0,00	0,16	оловянно-свинцовая бронза
27	Накладка поясная, штифт		83,11	7,33	8,94	0,04	0,00	0,13	0,07	0,09	0,25	0,04	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
28	Накладка поясная, шиток	5, 9; 6, 1; 7, 1	81,21	9,82	8,39	0,04	0,00	0,17	0,11	0,00	0,19	0,00	0,00	0,00	0,07	оловянно-свинцовая бронза
29	Накладка поясная, штифт		84,93	7,65	6,86	0,00	0,00	0,26	0,08	0,10	0,10	0,00	0,00	0,00	0,03	оловянно-свинцовая бронза

Таблица 1. (окончание)

№ ан.	Название предмета	№ на рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Hg	Тип сплава
30	Предмет оплавленный	5, 10	63,14	32,81	1,55	1,43	0,05	0,12	0,07	0,19	0,54	0,10	0,00	0,00	0,00	многоткомпонентный сплав
31	Предмет оплавленный	5, 11	61,60	27,26	4,89	4,37	0,05	0,13	0,09	0,16	1,34	0,13	0,00	0,00	0,00	многоткомпонентный сплав
32	Накладка поясная, шток	5, 13; 6, 5; 7, 4	90,16	5,31	4,37	0,00	0,00	0,07	0,06	0,00	0,00	0,03	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
33	Накладка поясная, штифт		85,87	7,22	6,53	0,00	0,00	0,15	0,09	0,00	0,07	0,03	0,00	0,00	0,05	оловянно-свинцовая бронза
34	Бубенчик линейнопрорезной	9, 17	85,66	6,40	6,43	0,00	0,00	0,46	0,13	0,10	0,82	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
35	Предмет оплавленный	5, 15	0,07	0,00	99,78	0,00	0,00	0,00	0,00	0,15	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	свинец
36	Накладка поясная, шток	5, 16; 6, 3; 7, 3	89,03	4,95	5,75	0,00	0,00	0,11	0,06	0,00	0,07	0,03	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
37	Накладка поясная, штифт		86,60	5,36	7,62	0,00	0,00	0,20	0,08	0,00	0,04	0,02	0,00	0,00	0,07	оловянно-свинцовая бронза
38	Бубенчик линейнопрорезной	9, 19	79,73	9,97	9,53	0,00	0,00	0,22	0,07	0,12	0,32	0,04	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
39	Кольцо поясное	9, 12	67,59	20,26	11,33	0,00	0,00	0,07	0,13	0,58	0,04	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
40	Перстень ложноплетеный	5, 17; 8, 3	62,95	21,10	15,35	0,09	0,00	0,25	0,07	0,08	0,04	0,00	0,00	0,00	0,08	оловянно-свинцовая бронза
41	Перстень пластинчатый	5, 18; 8, 2	83,87	10,19	5,71	0,00	0,00	0,15	0,07	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
42	Бубенчик линейнопрорезной	9, 20; 10, 4	89,28	5,02	5,41	0,00	0,00	0,16	0,07	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
43	Накладка поясная, шток	5, 19; 6, 4	84,48	7,92	7,07	0,00	0,00	0,15	0,09	0,15	0,11	0,03	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
44	Накладка поясная, штифт		89,02	5,89	4,86	0,00	0,00	0,09	0,05	0,00	0,00	0,03	0,00	0,00	0,05	оловянно-свинцовая бронза
45	Затыльник плети	5, 2; 7, 5; 8, 7	82,08	10,28	6,72	0,03	0,00	0,13	0,05	0,00	0,64	0,06	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
46	Бубенчик крестопрорезной	3, 1; 4, 3	91,76	2,89	4,61	0,12	0,00	0,08	0,03	0,10	0,35	0,02	0,03	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
47	Бубенчик линейнопрорезной	3, 2	94,56	0,30	0,10	4,49	0,00	0,03	0,00	0,00	0,29	0,22	0,00	0,00	0,00	латунь
48	Перстень пластинчатый широкосрединный, основа	3, 3; 4, 5	98,12	0,36	0,97	0,00	0,00	0,25	0,06	0,12	0,13	0,00	0,00	0,00	0,00	медь
49	Перстень пластинчатый широкосрединный, покрытие		94,88	2,54	1,88	0,03	0,00	0,24	0,07	0,11	0,20	0,04	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
50	Перстень пластинчатый прямой	3, 4; 4, 4	98,20	0,08	1,20	0,00	0,04	0,24	0,06	0,16	0,02	0,00	0,00	0,00	0,00	свинцовая бронза
51	Бубенчик крестопрорезной	3, 5	97,14	0,59	1,94	0,00	0,00	0,13	0,04	0,10	0,03	0,04	0,00	0,00	0,00	свинцовая бронза
52	Бубенчик крестопрорезной	3, 6	97,58	0,50	0,91	0,00	0,00	0,13	0,03	0,31	0,55	0,00	0,00	0,00	0,00	медь
53	Бубенчик крестопрорезной	3, 7; 4, 2	96,54	0,98	1,75	0,00	0,00	0,25	0,11	0,20	0,14	0,04	0,00	0,00	0,00	свинцовая бронза
54	Перстень пластинчатый прямой	3, 8; 4, 1	92,49	0,08	2,07	4,66	0,00	0,10	0,05	0,28	0,19	0,05	0,02	0,00	0,00	свинцовая латунь

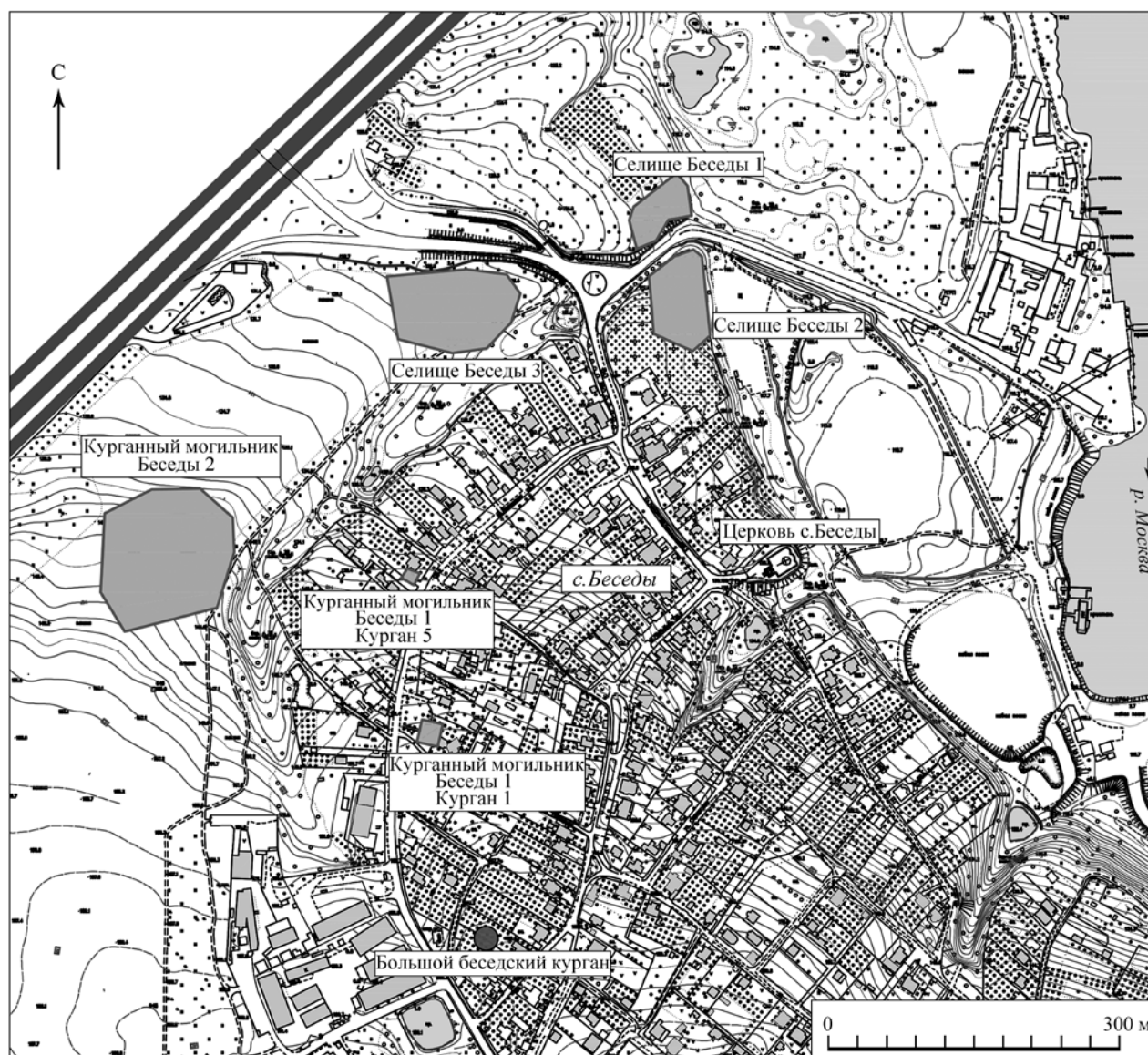

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников в с. Беседы Ленинского района Московской области, обследованных в 2016 г.

времени концентрируются в центральной части селища (рис. 3). Они тяготеют к пятнам темного гумусированного слоя и к участкам концентрации подъемного керамического материала.

К концу XI – первой половине XII в. можно отнести 10 предметов (рис. 4, 1–5)². Они представлены четырьмя грушевидными крестопорезными бубенчиками; три из них сохранились фрагментарно (рис. 3, № 1, 5–7; 4, 2, 3). Бубенчики изготовлены из различных типов сплавов: оловянно-свинцовой бронзы, а также из редко встречающихся в этом регионе «чистой» меди и свинцовой бронзы.

Содержания свинца и олова в меди и в свинцовой бронзе имеют несущественные различия, что позволяет отнести их к одной группе сплавов с одинаковыми технологическими свойствами. Фрагмент медного бубенчика был сплюснен, возможно, подготовлен для переплавки. Технология изготовления крестопорезных и шаровидных бубенчиков детально исследована; их получали литьем в одноразовых пластичных формах (Сарачева, 2007. С. 150–152). Рассматриваемая категория находок, как правило, характерна для памятников XI в., они продолжают бытовать и в первой половине XII

² Рисунки находок выполнены художником С. И. Вилькиной.

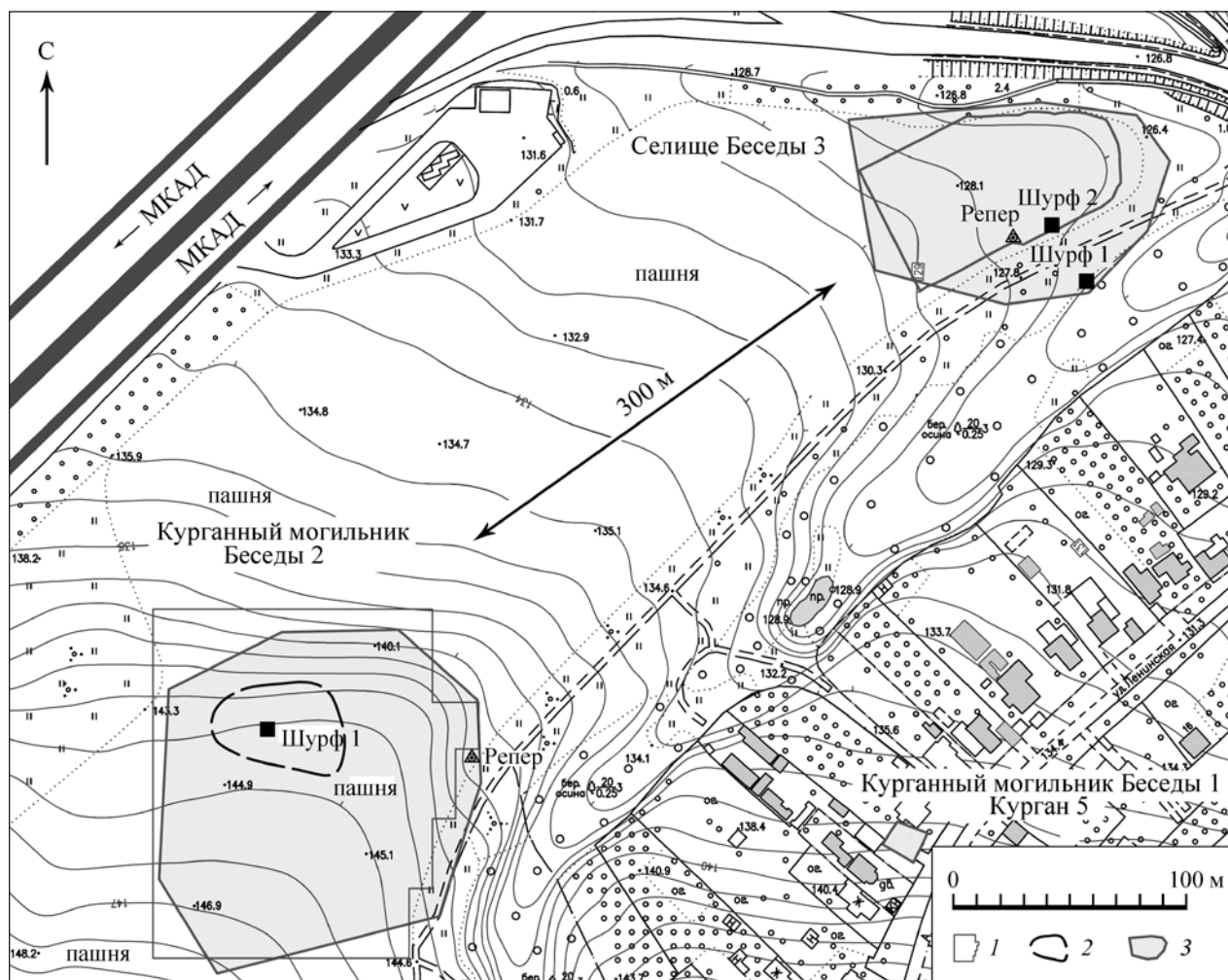

Рис. 2. Карта-схема расположения селища Беседы 3 и курганного могильника Беседы 2

1 – поисковые планшеты; 2 – скопление костей на месте курганного могильника; 3 – границы археологических объектов

столетия (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136, 137; Седова, 1981. С. 156; Лесман, 1990. С. 60).

На селище обнаружен обломок литого шаровидного линейнопрорезного бубенчика³ (рис. 3, № 2). В хорошо датируемых погребальных комплексах подобные бубенчики появляются в конце XI – начале XII в.

Среди подъемного материала выделяются два перстня. Один из них – пластинчатый, разомкнутый, уплощенно-выпуклый, неорнаментированный (рис. 3, № 8; 4, 1), один его конец плавно сужается, другой утрачен. Диаметр обруча около 17 мм, ширина 6 мм, толщина 1,8 мм. Перстень согнут из литой пластинчатой заготовки, вероятно, в холодном состоянии, так как заметна деформация обруча. Анализ химического состава металла

выявил свинцовую латунь – сплав с высокими механическими свойствами.

Другой перстень узкопластинчатый, прямой с заходящими разомкнутыми концами, изготовлен из свинцовой бронзы с низким содержанием легирующего элемента (рис. 3, № 4; 4, 4). Диаметр обруча 16 мм, ширина 6 мм, толщина 1 мм. Литая, подвергнутая ковке заготовка, украшена по всей длине чеканным декором. Он нанесен небрежно при помощи кольцевого пуансона, рабочая часть которого составляла 2 мм. Это наиболее часто встречающийся вид чеканного декора на украшениях вятичского круга: височных лопастных кольцах, пластинчатых перстнях, браслетах, гривнах и на плоских концах витых гривен (Сарачева, 1999. С. 77). По типологии перстней он относится

³ Сохранился небольшой фрагмент украшения. Возможно, это половина полой бусины, так как с противоположных сторон фрагмента заметны выемки, образующие часть канала.

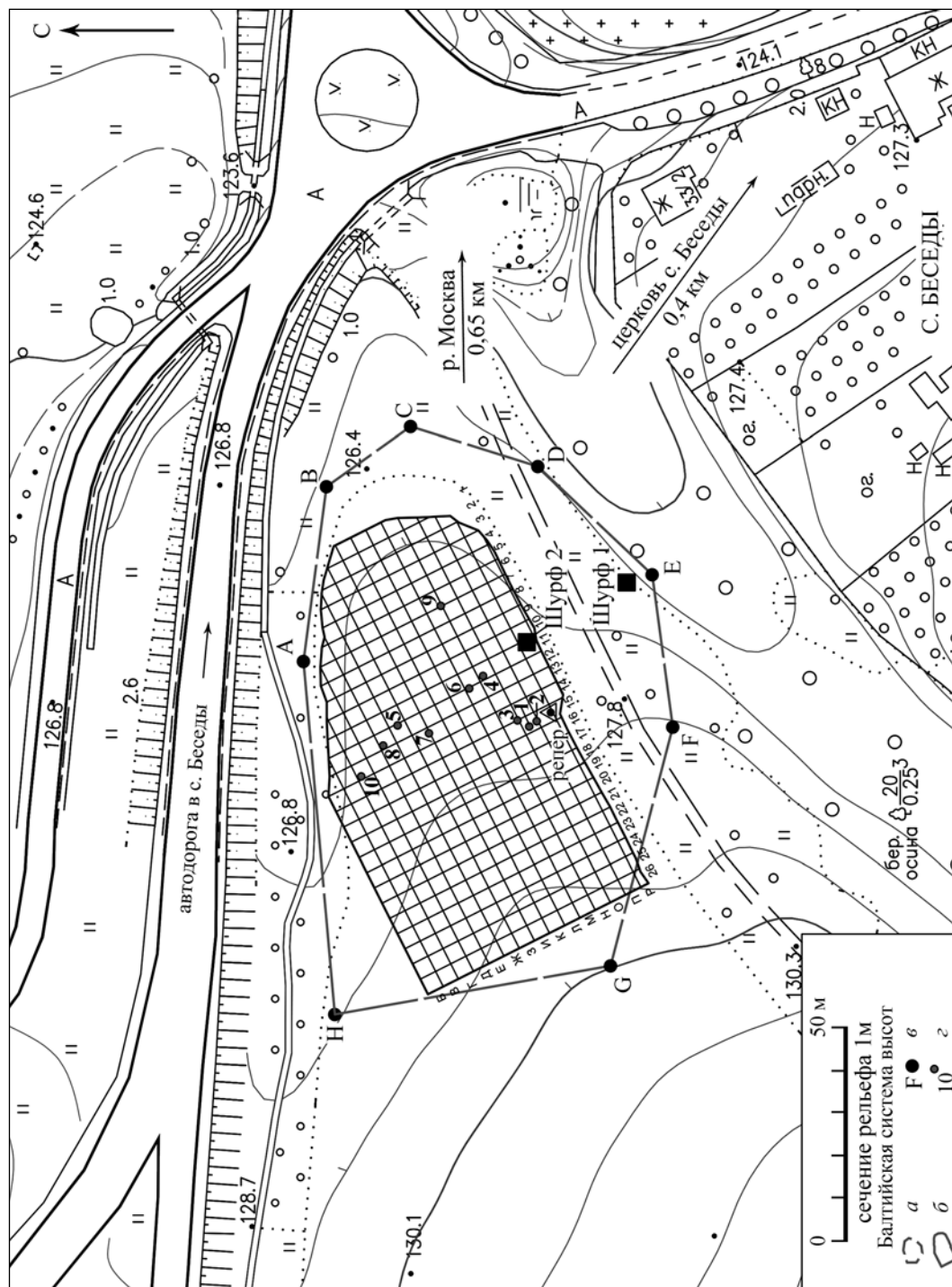

Рис. 3. Селище Беседы 3. Топографический план с нанесением поискового планшета, стратиграфических шурфов, находок, собранных с использованием детекторов металла (цифры в скобках соответствуют номерам находок на поисковом планшете)

a – граница селища; *b* – граница поискового планшета; *в* – повторная точка на границе селища; *г* – находки, собранные в процессе планшета сбора подземного материала с использованием детекторов металла. 1 – бубенчик крестопрорезной (кв. О/15); 2 – фрагмент линейнопрорезной бубенчика (кв. О/15); 3 – перстень широкосрединный (кв. Н/15); 4 – перстень узкопластинчатый (кв. Н/11); 5–7 – фрагменты крестопрорезных бубенчиков (кв. Ж/12, М/12 3/13); 8 – фрагмент дровяного перстня (кв. Е/12); 9, 10 – ножки черешковые (кв. Н/6, Г/13)

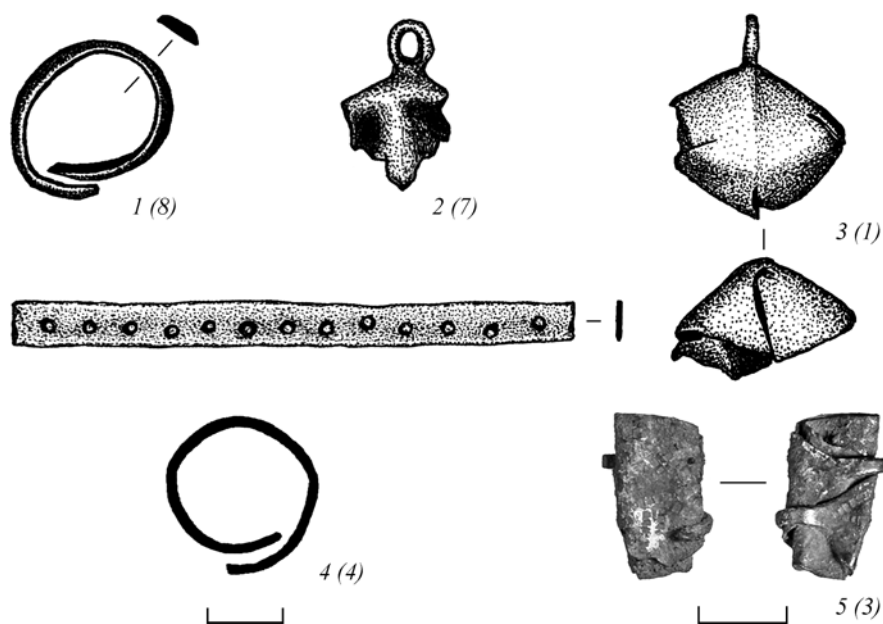

Рис. 4. Селище Беседы 3. Поисковый планшет 1

1 – фрагмент перстня пластинчатого; 2–3 – бубенчики крестопорезные;
4 – перстень узкопластинчатый; 5 – перстень широкосрединный

к классу I, типу 1 (Сарачева, 1994. С. 87). Прямые пластинчатые перстни были широко распространены на территории Древней Руси в XI – первой половине XII в., хотя отдельные экземпляры встречаются в более позднее время. Известны они и в погребальных памятниках «земли вятичей», причем преобладают литые экземпляры (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 214).

Рассматривая новгородские узкопластинчатые перстни XI в., М. В. Седова отмечает наличие двух неорнаментированных, одного со сходным декором и трех орнаментированных в виде плетеной косички (Седова, 1981. С. 131). Н. Г. Недошивина считает, что основная масса пластинчатых прямых закраинных перстней бытует в XI в. Они зафиксированы на большой территории Древней Руси, но чаще встречаются в курганах Владимирской и Смоленской областей. Они не найдены в более поздних курганах Московской и Костромской областей, что соответствует ранней дате узкопластинчатых перстней, «и вместе с тем является косвенным доказательством более поздней даты московских и костромских курганов» (Недошивина, 1967. С. 259). Заметим, что при раскопках курганных могильников у с. Беседы ни в одном из погребений не было встречено узкопластинчатых прямых перстней.

При анализе этой находки создается впечатление, что она появилась в то время, когда мода на узкопластинчатые перстни начинает проходить.

Перстень изготовлен по иной схеме: декор получен не в процессе литья, а выполнен с помощью чекана на литой заготовке. Этот тип декора и способ его нанесения характерен для широкосрединных пластинчатых перстней, вошедших в широкое употребление с XII в. Эти наблюдения позволяют отнести перстень к концу XI – началу XII в.

Еще один перстень, близкий по времени бытования вышеописанным украшениям, найден в центральной части селища Беседы 3 (рис. 3, № 3). Он относится к пластинчатым широкосрединным разомкнутым, но имеет морфологические особенности: вместо плавно сужающихся краев обруч завершается узкими прямыми концами (рис. 4, 5). Максимальная ширина обруча 20 мм, в то время как ширина концов составляет 2 мм. Перстень изготовлен из меди при помощиковки. Лицевая сторона обруча покрыта лужением – характерным для вятичской металлообработки приемом имитации дорогих серебряных украшений (Сарачева, 2001. С. 386–395). Наличие покрытия подтвердил анализ поверхности: в металле выявлены олово и свинец, концентрация которых существенно выше, чем в металле основы. Известно, что в предназначенный для лужения оловянный расплав добавляли свинец.

Широкая часть перстня украшена геометрическим декором, выполненным зубчатым одинарным штампом-колесиком. Этот инструмент часто применялся вятичскими ювелирами, поскольку

существенно ускорял процесс нанесения декора по сравнению с чеканами и резцами (*Сарачева*, 1999. С. 79). Однако реконструировать орнаментальную композицию не представляется возможным, так как перстень плотно сложен в три раза, вероятно, подготовлен для переплавки.

На предварительном уровне анализа рассмотренная небольшая коллекция металлических находок может датировать селище Беседы 3 концом XI – серединой XII в. На это указывают и результаты химического состава металла: среди изученных украшений отсутствуют предметы из бронз – сплава, характерного для вятичских курганных древностей. Керамический материал, собранный на площади селища, также датируется концом XI – началом третьей четверти XII в.

В 0,3 км к юго-западу от селища располагался полностью изученный раскопками курганный могильник Беседы 2, распаханый в 1960-е годы (рис. 1; 2). Он находится в 0,6 км к западу от церкви Рождества Христова в с. Беседы, в 0,15 км к юго-востоку от МКАД, на правом берегу Москвы-реки, в 0,9 км от ее русла, в 30–39 м над урезом воды, на пологом левом склоне балки Конюшенной, в 0,06 км от русла временного водотока на ее дне. Площадка могильника имеет уклон в северо-западном направлении с перепадом высот до 9 м.

На месте, где располагался курганный могильник, был размечен поисковый планшет площадью 18400 кв. м, обследованный с использованием детекторов металла. Все обнаруженные находки инструментально нанесены на план поискового планшета и привязаны к топографическому плану памятника.

В результате визуального сбора подъемного материала металлических индивидуальных находок не было обнаружено. Однако в северо-западной части поискового планшета на площади 1762 кв. м удалось зафиксировать 11 костей человека (рис. 5; 9). Внешний вид костей свидетельствует о том, что они недавно подняты плугом. Их нельзя связать с костными останками погребений, изученных при раскопках в конце 1940-х годов. Рядом с останками распаханых погребений при помощи детекторов металла удалось локализовать 37 находок из цветного металла и железа, 3 из стекла и горного хрусталя, которые можно связывать с изучаемым курганным могильником и, возможно, грунтовым могильником, примыкавшим к курганному с северо-западной стороны.

Наиболее ранние находки, датируемые концом XI – первой четвертью XII в., тяготеют к скоплению костных останков. В этой зоне зафиксировано 19 предметов (рис. 5). Это четыре пятиугольные накладки, которые, скорее всего, происходят от одного наборного пояса⁴. Возможно, к этому набору относится прямоугольная накладка с петлей-рамкой в основании, а также накладка сердцевидной формы. Украшения представлены тремя перстнями, бубенчиком и фрагментом привески-ложечки. К статусным находкам, не характерным для вятичских курганных древностей, относится затыльник плети.

Рассмотрим подробнее перечисленные находки. В поисковом створе Д, в кв. Д/6–8 обнаружен набор, состоящий из четырех одинаковых ремennых накладок пятиугольной формы (рис. 5, № 8, 9, 16, 19; 6, 1–4; 7, 1–3). Их основу составляет квадрат с трехчастным завершением с плавными округлыми линиями. Лицевая поверхность слегка выпуклая; торцевые края накладок скошенные, имеют четкие контуры с лицевой стороны и мягкие, оплывчатые очертания с оборотной. Накладки украшены углубленным геометрическим и растительным декором: два S-видных завитка в центре и бордюр по контуру щитка, состоящий из параллельных линий. Визуально бордюр напоминает декор, который наносился зубчатым колесиком, однако он выполнен в иной технологической традиции.

Накладки отлиты по восковым моделям. На индивидуальный способ изготовления каждой модели указывают различия в размерах накладок при общем морфологическом сходстве: 15,0–16,0×18,0–18,5 мм. Основа модели могла быть получена с помощью специального подкладного штампа или отлита в жесткой форме и доработана вручную. Доработка заключалась в заглаживании лицевой поверхности и торцов (оборотная сторона оставалась шероховатой). Затем на модели исполняли резной декор, а с оборотной стороны присоединяли два тонких штифта с заостренными краями, которые можно было легко согнуть при креплении накладок на кожу. При литье вокруг штифтов образовались наплывы металла, маркирующие их крепление на этапе работы с мягкой восковой моделью. Отливка накладок вместе со штифтами подтвердилась результатами химического состава металла: концентрации основы сплава и легирующих элементов щитков и штифтов

⁴ Фотофиксация находок выполнена фотографом В. М. Бойко.

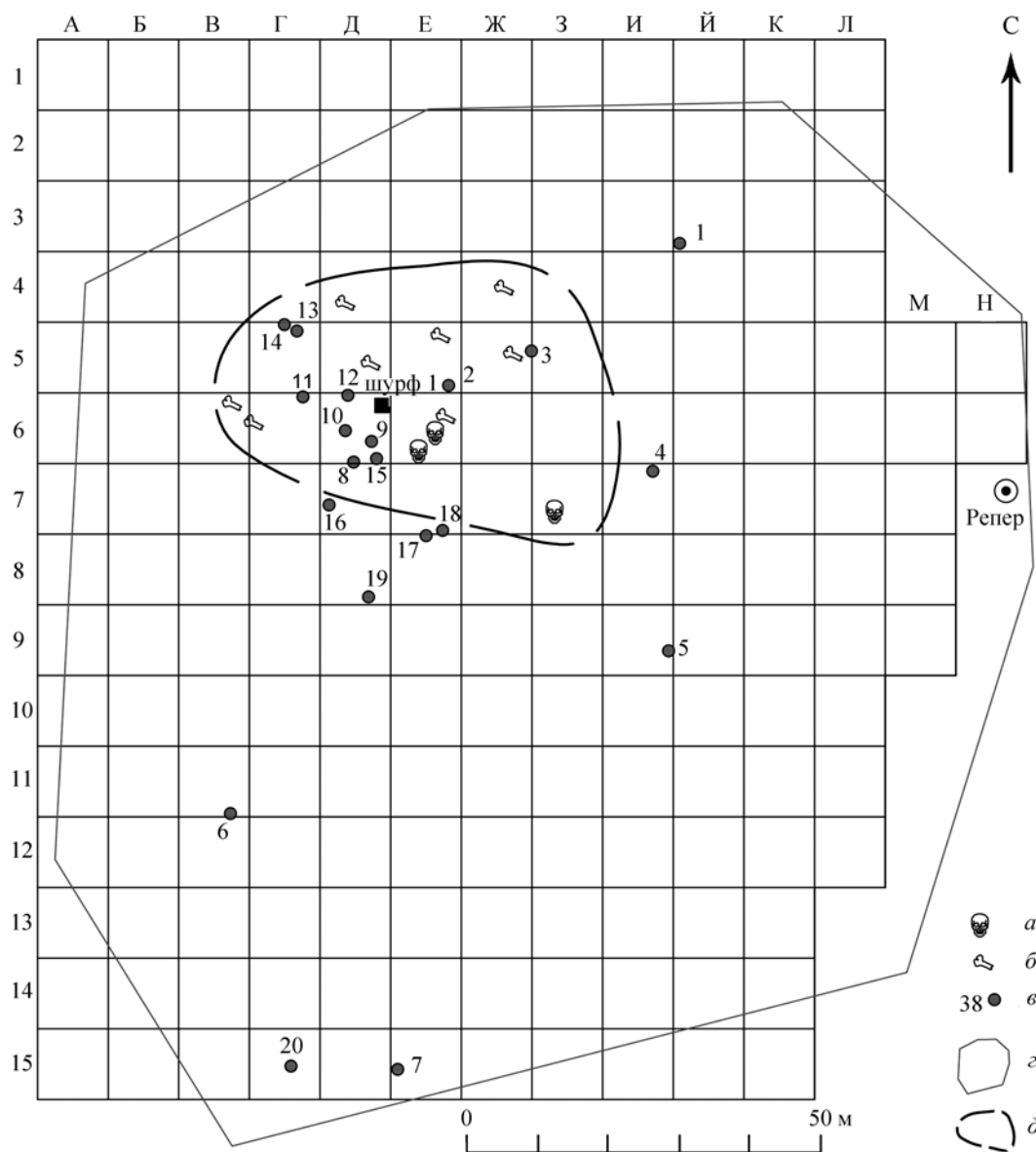

Рис. 5. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1. План распространения фрагментов костей человека и находок кон. XI – 1-й четверти XII в. (цифры в скобках соответствуют номерам находок на поисковом планшете)

а – фрагменты черепа человека; б – фрагменты костей человека; в – находка; г – граница курганного могильника; д – граница скопления костей человека. 1 – фибула звездообразная (Й/3); 2 – затыльник плети (Е/5); 3 – перстень круглодротовый (Ж/5); 4 – бубенчик крестопрорезной (И/7); 5 – накладка сердцевидная (И/9); 6 – бусина шаровидная, зонная (В/11); 7 – фрагмент привески-ложечки (Е/15); 8, 9, 16, 19 – накладки пятиугольные (Д/6; Д/6; Д/7; Д/8); 10–12, 14, 15 – оплавленные предметы (Д/6; Г/6; Д/6; Г/5; Д/6); 13 – накладка с петлей-рамкой (Г/5); 17 – перстень ложноплетеный (Е/7); 18 – перстень широкосрединный (Е/7); 20 – прут (браслет?) (Г/15). 1–5, 7–19 – цветной металл, 6 – стекло

выявили незначительные различия, связанные с методикой проведения анализа и неравномерностью распределения свинца при застывании металла в литых изделиях (Мальцев и др., 1960. С. 53). Под штифтами сохранились истлевшие небольшие кусочки кожи. Своеобразие окислов, которые

до реставрации покрывали накладки со всех сторон, указывает на то, что эти предметы происходят из погребений⁵.

Аналогичная накладка размером 20×17 мм встречена при сборе подъемного материала на селище конца XI – середины XII в. Калединовка 1,

⁵ Благодарим художника-реставратора отдела реставрации фондов ГИМ А. М. Гоняную за проведение реставрации рассматриваемой коллекции.

расположенном в Заокском районе Тульской области (Аносов, 2017. С. 16, 66). Подобное украшение наборного пояса размером 19×17 мм происходит с городища Осовец 3 на Клязьме Собинского района Владимирской области. Накладка обнаружена при проведении поверхностных сборов на памятнике и датируется X–XI вв. (Шполянский, 2015. С. 171–172. Рис. 3, 24).

К ремненным наборным украшениям правомерно отнести накладку, которая в типологии В. В. Мурашевой не вошла в классы и относится к виду 016 (Мурашева, 2000. С. 53). Основу щитка составляет прямоугольник, узкие стороны которого имеют завершения, аналогичные рассмотренным пятиугольным ремненным изделиям, отличаясь от них лишь метрически (рис. 5, № 13; 6, 5; 7, 4). Совпадает и характер углубленного декора: в центре искусно выполненная растительная композиция с элементами симметрии, по контуру проходит состоящий из параллельных линий бордюр. К длинной стороне щитка примыкает прямоугольная петля, через которую мог пропускаться ремешок или же к ней крепились мелкие привески. Внешняя сторона накладки плоская, внутренняя вогнутая. Ее размеры 45,0×18,5 мм, включая петлю-рамку. Накладка отлита по выплавляемой модели, которая в свою очередь была получена литьем в разъемной жесткой форме. При этом в одной створке формы был вырезан и декор, то есть восковая модель отливалась декорированной и вместе с петлей. Четыре штифта присоединялись на этапе изготовления восковой модели. Два были утрачены впоследствии.

Типологически близкая накладка происходит из кургана 23 могильника Ступенки II Смоленской области, датируемого первой половиной XII в. (Булычев, 1913. С. 56. Табл. IV, 6, 13; IX, 2, 10). Фрагмент аналогичного украшения с петлей-рамкой с нижней стороны, с округлосужающимися боковыми сторонами обнаружен в 1999 г. Звенигородской археологической экспедицией в процессе сбора подъемного материала на селище Хотяжи⁶.

Сходное по форме, размерам и декору ремненное украшение происходит с поселения у с. Исканское Тарусского района Калужской области (Прошкин, Фролов, 2015. С. 200, 202. Рис. 4, 2). На Исканском поселении собрано значительное количество находок второй половины XI – первой половины XII в. Видимо, в это время могла находиться в употреблении рассмотренная накладка.

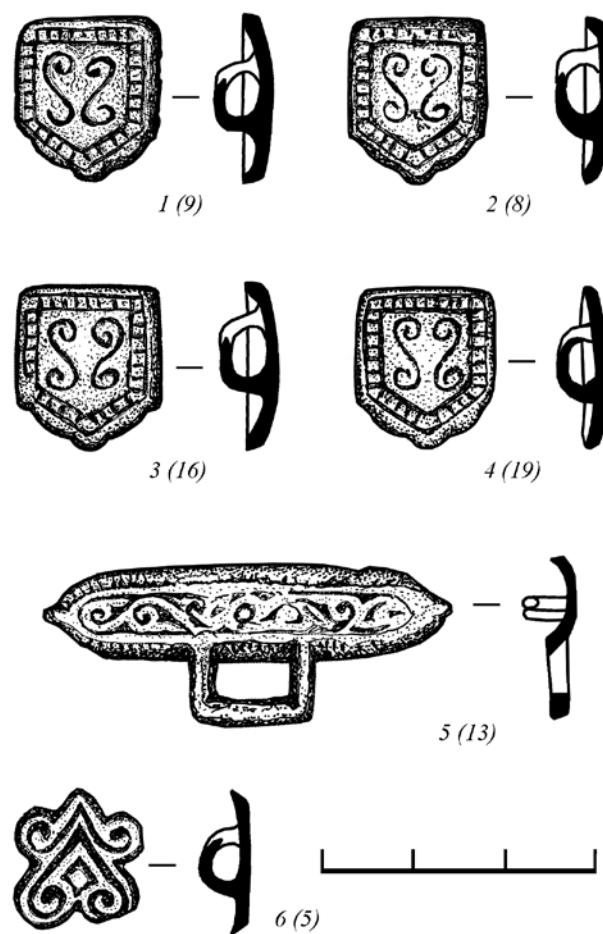

Рис. 6. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1. Находки кон. XI – 1-й четв. XII в.

1–4 – накладки пятиугольные; 5 – накладка с петлей-рамкой; 6 – накладка сердцевидная

В 20 м к юго-востоку от скопления костных останков обнаружена фигурная накладка сердцевидной формы с двумя округлыми боковыми выступами (рис. 5, № 5; 6, 6), которые придают ей сходство с трилистником. По типологии В. В. Мурашевой ее можно отнести к классу XIV, вид А (Мурашева, 2000. С. 38, 39). Размеры накладки 16,0×14,5 мм. Лицевая сторона плоская гладкая, оборотная вогнутая шероховатая с двумя тонкими согнутыми штифтами. Под ними сохранились маленькие фрагменты истлевшего кожаного ремешка. Она изготовлена по сходной с пятиугольными накладками технологической схеме, но отличается исполнением декора, линии которого имеют отчетливые очертания большей глубины. Аналогичные накладки первой половины XII в. встречены при раскопках уже упоминавшегося курганного могильника Ступенки II.

⁶ Выражаем благодарность сотрудникам Звенигородской археологической экспедиции за возможность ознакомиться с находкой.

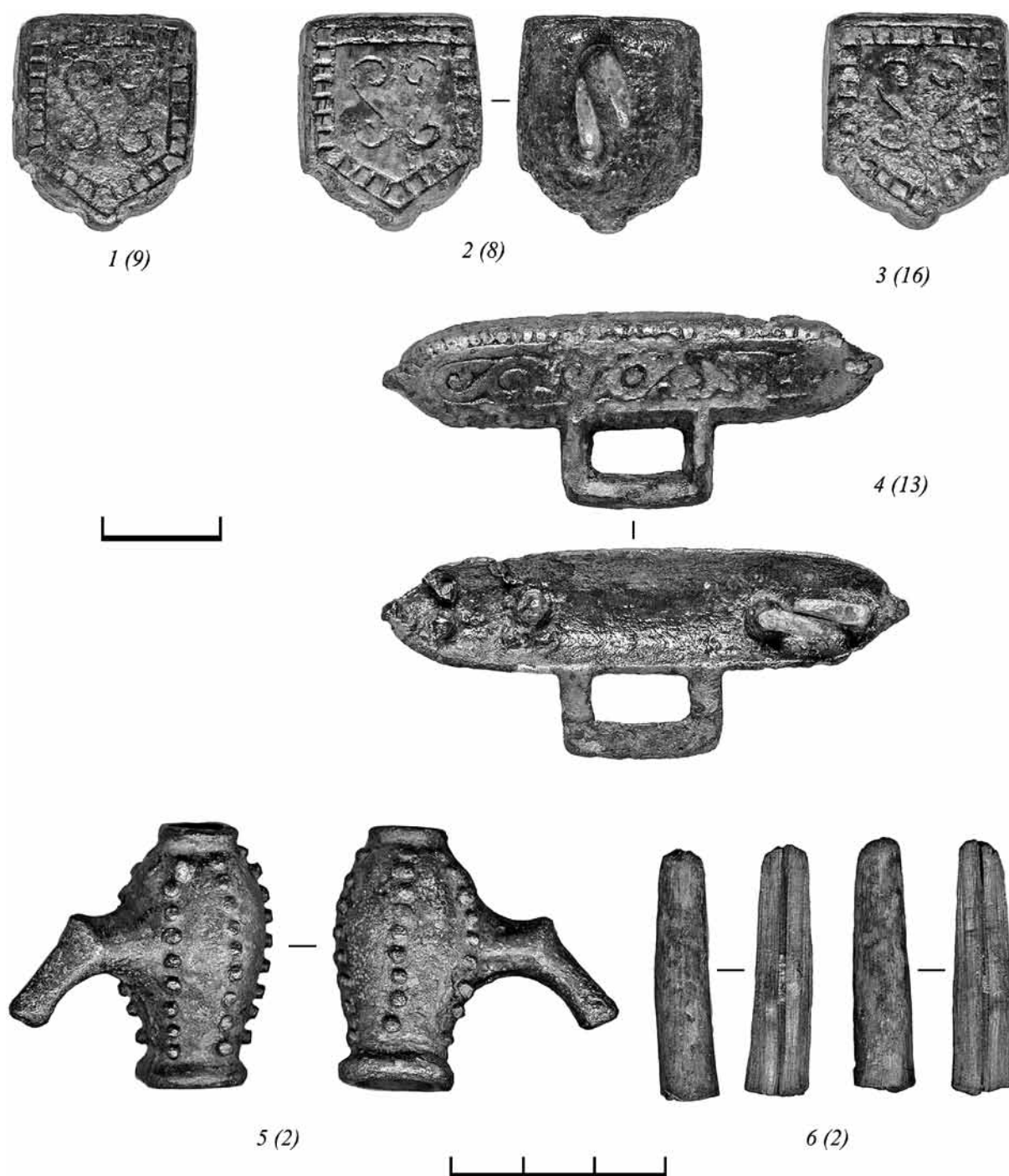

Рис 7. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1. Находки кон. XI – 1-й четв. XII в.

1–3 – накладки пятиугольные; 4 – накладка с петлей-рамкой; 5 – затыльник плети с фрагментом деревянной рукояти

Четыре пятиугольные и прямоугольная накладки изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы с близкими показателями концентраций олова и свинца. Это наблюдение в совокупности с технологическими особенностями изготовления накладок является косвенным свидетельством принадлежности изделий не только к одному набору ремennых украшений, но и одной мастерской, из стен которой

они вышли. Из такого же сплава получена накладка из Калединовки. В то же время, сердцевидная накладка, также отлитая из оловянно-свинцовой бронзы, отличается морфологически и более высокими концентрациями олова и свинца.

В центральной части распаханного скопления костей человека на курганном могильнике Беседы 2, в кв. Е/5 обнаружен затыльник плети (рис. 5, № 2;

7, 5; 8, 7). Высота затыльника 31 мм, максимальная ширина тулова 21 мм, с учетом выступа 38 мм. Тулово имеет бочонковидную форму с коленчатым клювовидным выступом в верхней трети изделия. Выступ сплошной, округлый в поперечном сечении. Цилиндрический канал для закрепления деревянной рукояти оформлен валиками. Лицевая поверхность затыльника украшена шестью вертикальными рядами шариков ложной зерни. В каждом ряду насчитывается 9 шариков. Несмотря на то, что изделие отлито из обладающей высокими литейными качествами оловянно-свинцовой бронзы, многие шарики оказались непролиты или уплощены. Это могло произойти еще на этапе изготовления восковой модели затыльника, отлитого в разъемной резной форме. По контуру тулова и выступа проходят отчетливые литейные швы, разделяющие изделие на две равные части. Следы прилепа декора отсутствуют; такие миниатюрные шарики могли получить лишь при литье восковой модели в жесткой форме.

Отверстие в верхней части затыльника имеет диаметр 8,0 мм, в нижней – 11,5 мм. Литые валики вокруг канала шириной 1,5 и 3,0 мм увеличивали прочность его внешнего края и подчеркивали художественную завершенность изделия.

Благодаря окислам, консервирующим органические материалы, внутри втулки сохранился фрагмент округлой в сечении деревянной рукояти, расщепленной вдоль еще в древности. Длина фрагмента 36 мм, ширина зауженного округлого окончания 7,0 мм, противоположного конца 10,5 мм (рис. 7, 6; 8, 8). Внутри сохранившегося фрагмента рукояти проходит продольный канал, через который мог пропускаться тонкий ремешок или веревка. Обнаруженное деревянное окончание рукояти имело слегка клиновидную форму, а его внешний диаметр был на 1 мм меньше внутреннего диаметра продольного отверстия в бочонковидной части затыльника. В процессе сборки плети расщепленное окончание деревянной рукояти со вставленным в ее внутренний канал ремешком плотно зажималось внутри втулки затыльника, выполнявшего роль своеобразных тисочков.

По классификации А.Н. Кирпичникова, подобные затыльники отнесены к типу III (Кирпичников, 1973. С. 74. Табл. XXIV). Как отмечает исследователь, декорирование шариками, напоминающими зернь, характерно для затыльников, бытующих в XII–XIII вв. Самые ранние затыльники плетей найдены в хазарском слое Саркела. Это

наталкивает на мысль о появлении на Руси плетей с навершием из степи, с юга. Плетей применялись при верховой езде «по-восточному» без шпор; с их помощью осуществлялось управление конем (Кирпичников, 1973. С. 71).

При раскопках чаще встречаются костяные затыльники плетей, однако известны изделия, отлитые из цветного металла⁷. Типологически близкие затыльники плетей немногочисленны: это находки XII–XIII вв. из Шатунов, Киевщины (?), Цимлянского городища – Саркела – Белой Вежи из слоя начала XII в., из Билярского городища (Кирпичников, 1973. С. 110. Табл. XXIV, 1, 2, 4; Халиков, 1985. С. 207. Табл. LXIX, 4).

Достаточно полная география распространения костяных и металлических наконечников плетей представлена в работе В.Н. Чхаидзе (2016. С. 354–359). По его мнению, плетъ – это элемент экипировки всадника; парадная плетъ – знак воинского достоинства. У тюркских народов плетъ служила средством управления лошастью, оружием, оберегом, атрибутом культовой практики и погребально-поминального обряда (Чхаидзе, 2016. С. 360).

Завершая рассмотрение предметов ременной гарнитуры и затыльника плети, обнаруженных на северо-западной окраине территории, где располагался курганный могильник Беседы 2, отметим, что все эти находки совпадают с зоной распространения выпавших костей человека. В шурфе 1 площадью 5 кв. м на контакте пашни и материка удалось зафиксировать частично нарушенное распашкой погребение подростка (рис. 5). Ориентировка костяка западная. В 0,4 м к западу от стопы правой ноги на материке обнаружено перстнеобразное проволочное височное кольцо. Можно предполагать, что в этой части могильника сохранились не раскопанные в 1940-е годы погребения наиболее ранней части некрополя. Они могли остаться незамеченными, если древнейшая часть могильника не имела насыпей или курганы были невысокими и в процессе многолетней распашки сnivelировались. Скорее всего, накладки и затыльник бытовали немного раньше, чем погребальные комплексы, открытые при раскопках курганных могильников Беседы 1 и 2 и проанализированные В.В. Енуковым. Исследователь установил, что погребения содержали типично вятичский набор украшений, а могильник начал функционировать после 10-х годов XII в. (Енуков, 1987. С. 190–201). Заметим, что изученные нами находки не встречены ни в одном из погребений Бесединских курганов

⁷ Выражаем искреннюю благодарность старшему научному сотруднику отдела археологических памятников ГИМ С.Ю. Каинову за помощь в подборе аналогий затыльнику плети.

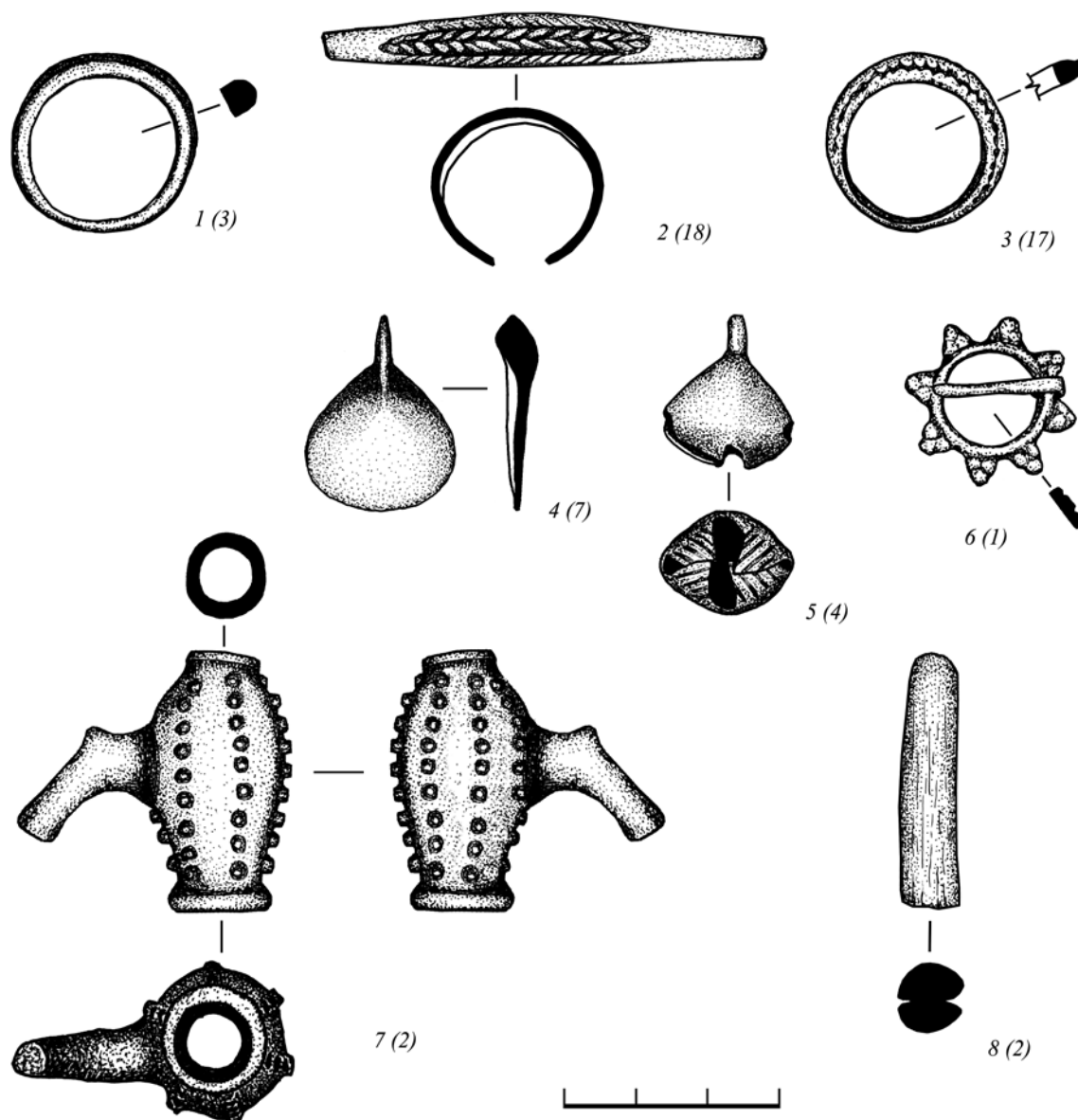

Рис 8. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1. Находки кон. XI – сер. XII в.

1 – перстень дротовый; 2 – перстень широкосрединный; 3 – перстень ложноплетеный; 4 – фрагмент привески ложечки; 5 – бубенчик крестопрорезной; 6 – звездообразная фибула; 7 – затыльник плети; 8 – фрагменты деревянной рукояти

и в целом не характерны для традиционных вятичских курганных древностей.

С начальным этапом существования рассматриваемого могильника можно связать фрагмент привески-ложечки, обнаруженной на южной окраине некрополя (рис. 5, № 7; 8, 4). Она отлита из многокомпонентного сплава с низкими содержаниями олова и цинка в неразъемной форме по выплавляемой лепной, подправленной резьбой, модели. Подобные амулеты часто входили в состав оберегов как символ благосостояния и довольства. По форме они делятся на круглые и продолговатые. Круглые встречаются чаще на территории Древней Руси

в X – начале XII в. В Новгороде они бытуют в слоях X – середины XII в. (Седова, 1981. С. 26).

В западной части могильника встречен грушевидный крестопрорезной бубенчик (рис. 5, № 4; 8, 5). Верхняя часть тулова четырехгранная, нижняя округлая, разделена на четыре лопасти, украшенные параллельными углубленными линиями. Внутри сохранился шарик. Бубенчик отлит из оловянно-свинцовой бронзы.

К раннему периоду относится звездообразная фибула, принадлежащая к типу кольцевидных фигурных. Подобные застежки состоят из обруча в форме восьми- или десятиконечной звезды

с круглым отверстием и небольшой иглой. Изготавливали их путем литья из медных сплавов. Находка из Бесед имеет восемь лучей, каждый из которых состоит из трех шариков ложной зерни, плотно прижатых друг к другу (рис. 5, № 1; 8, 6). Диаметр фибулы 25 мм. Ее основа отлита из оловянно-свинцовой бронзы в разъемной форме, возможно по оттиску, так как шарики пролиты плохо. По контуру изделия проходят отчетливые литейные швы. С оборотной стороны заметны углубления под лучами, позволявшие сэкономить металл при литье. Круглый в поперечном сечении язычок диаметром 2 мм получен в результатековки. Существенные расхождения в концентрации олова позволяют утверждать, что для изготовления язычка использовали другой металл – пригодную дляковки низкооловянную бронзу. Известно, что бронзы с высоким содержанием олова обладают хрупкостью и в силу этого не подходят для механической деформации (Равич, 1983. С. 140–142).

Звездообразные фибулы обнаружены в курганах Московской и Брянской областей, а также в Харлаповском могильнике Смоленской области. Этот тип застёжек подробно проанализирован В.А. Мальм, связавшей их с женскими погребениями второй половины XI–XII в. (Мальм, 1967. С. 169, 171, 172, 190. Рис. 8, 10). Т.В. Равдина уточнила датировку находок в вятичских погребениях: фибулы встречены только с ранними типами семилопастных височных колец, не доживающих до середины XII в. (Равдина, 1975. С. 84). Аналогичная застёжка происходит из культурного слоя поселения у с. Горбово в Подесенье, гибель которого приходится на первую половину XI в. (Григорьев, 2000. С. 39, 41. Рис. 13, 8).

В зоне концентрации костей человека найдены три перстня (рис. 5, № 3, 17, 18) и пять оплавленных предметов (рис. 5, № 10–12, 14, 15), возможно, связанных с трупосожжениями, которые можно ожидать в этой части могильника. Химический состав металла трех находок был проанализирован: одна получена из чистого свинца, две – из многокомпонентного сплава с высоким содержанием олова. Многокомпонентные бронзы часто встречаются в вятичской зоне металлообработки, они зафиксированы и в выборке из Бесединских курганов, проанализированной А.А. Коноваловым.

Дротовый сомкнутый перстень имеет плоско-выпуклое поперечное сечение (рис. 8, 1). Передняя часть обруча утолщенная. Диаметр обруча 25 мм, толщина 5×6 мм, в тыльной части – 2,2×3,0 мм. Перстень отлит в разъемной форме, по контуру проходит литейный шов. Сильные разрывы металла матового серого цвета свидетельствуют

об отливке изделия из оловянно-свинцовой бронзы с высокой концентрацией олова, которая влияет на хрупкость предметов. Визуальные наблюдения подтвердились результатами аналитического исследования перстня. Именно из такого сплава отливали вятичские дротовые простые и ложновитые перстни с сомкнутым обручем, не требующие существенной механической доработки (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 163). В Новгороде подобные перстни встречаются в слоях с начала XI в. и доживают до 70-х годов XII в. (Седова, 1981. С. 122, 123). В вятичских погребениях они известны с конца XI в. (Равдина, 1975. Табл. 8).

Разомкнутый пластинчатый перстень принадлежит к переходному типу от прямых с узким обручем к широкосрединным (рис. 8, 2). Диаметр обруча 22 мм, ширина передней части 8 мм, краев 4–5 мм. Он украшен декором в виде косички, характерным для финских племен Поволжья и Прикамья. Однако технология изготовления находки отличается от традиционного для тех территорий приема литья по сборной восковой модели. Модель для отливки этого перстня получена литьем в разъемной резной форме. Обруч перстня отлит из оловянно-свинцовой бронзы в прямом виде и изогнут после литья, вероятно, в горячем состоянии. Узкопластинчатые перстни с аналогичным декором были широко распространены в XI – начале XII в. на территории Древней Руси, но отсутствуют в курганных древностях вятичей.

Ложноплетеный сомкнутый перстень имеет утолщенную переднюю часть (рис. 8, 3). Диаметр обруча 26 мм, толщина 4–2 мм. Он отлит из оловянно-свинцовой бронзы в двусторчатой форме по оттиску готового изделия. Об этом свидетельствует плохая проливка рельефных элементов. Тыльная часть и внутренняя поверхность обруча гладкая, следовательно, изделие, послужившее для получения литейной формы, в свою очередь было не плетеным, а литым. В отличие от ложновитых, такие перстни на вятичской территории встречаются редко и датируются XII в. (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 31, 213–214).

В западной части могильника, в кв. Г/8 найден сомкнутый перстень со слабо выраженными рельефными элементами в передней части обруча (рис. 9, № 5; 10, 8). Такие перстни принято называть рубчатыми. По технологии изготовления и внешнему облику они сходны с ложновитыми. Диаметр обруча 18 мм, толщина 2,5–3,0 мм. Перстень отлит из оловянно-свинцовой бронзы в разъемной форме по оттиску готового изделия. При литье произошло смещение створок формы, в результате

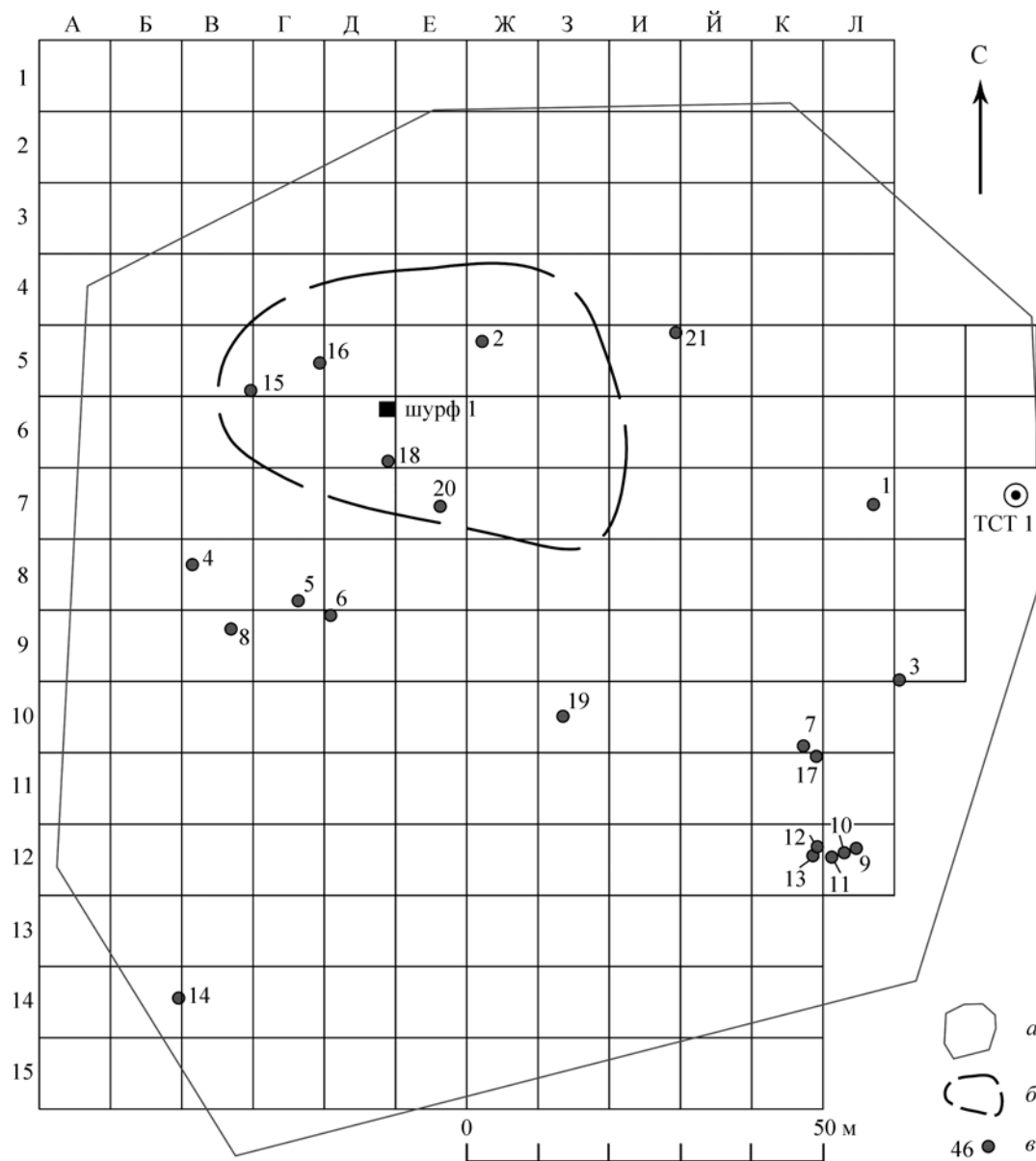

Рис 9. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1. План распространения находок первой – третьей четверти XII в.

a – граница курганного могильника; *б* – граница скопления костей человека; *в* – находка. 1, 7 – лопасти семилопастных височных колец (Л/7; К/10); 2, 6, 10, 11, 17, 19, 20 – бубенчики линейнопрорезные (Ж/5; Д/9; Л/12; Л/12; К/11; 3/10; Е/7); 3 – фрагмент семилопастного височного кольца (М/9); 4 – конец витой шейной гривны (В/8); 5 – перстень рубчатый (Г/8); 8 – фрагмент щитка семилопастного височного кольца (В/9); 9 – фрагмент держателя или звена от цепи амулета (Л/12); 12 – кольцо поясное (К/12); 13 – фрагмент браслета пластинчатого (К/12); 14 – фрагмент бусины (Б/14); 15 – бусина шаровидная (В/5); 16 – фрагмент бусины (Г/5); 18 – фрагмент ножа черешкового (Д/6); 21 – фрагмент крестолунничной привески (И/5). 1–13, 19–21 – цветной металл; 14 – серебро; 15 – горный хрусталь; 16 – стекло; 18 – железо

чего возникла деформация обруча. Ложновитые перстни были одним из самых распространенных украшений у всех славянских племен в X–XIII вв. (Недошивина, 1967. С. 264). В вятичских погребениях они встречаются в комплексах второй половины XI–XII в. (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 31.).

В южной части скопления костей, в кв. Е/7 обнаружен фрагмент треугольного в поперечном

сечении прута, возможно, браслета, полученного литьем из свинцовой латуни – сплава, который редко встречается в металлообработке вятичей и характерен преимущественно для более раннего времени (рис. 5, № 20).

Остальные 20 находок, обнаруженные на территории курганного могильника Беседы 2, представлены типично вятичскими украшениями,

характерными для первой – начала третьей четверти XII в. (рис. 9; 10). К ним относятся семь бубенчиков шаровидной формы с щелевидной прорезью. Их тулово высотой 20–21 мм орнаментировано пояском из трех концентрических линий (рис. 9, № 2, 6, 10, 11, 17, 19, 20; 10, 1, 2, 3, 4). Все бубенчики литые. Довольно сложная технология изготовления привесок повлияла на то, что на некоторых экземплярах углубленные линии оказались практически непролиты, несмотря на зафиксированную в каждом случае оловянно-свинцовую бронзу, обладающую высокими литейными качествами. Содержания олова и свинца в пробах близкие и не превышают 10%. На одной находке линейный декор присутствует лишь на одной половинке, другая имеет гладкую поверхность. В двух бубенчиках сохранился шарикопогремушка. Изучен состав металла одного шарика, который полностью совпал с металлом тулова этого бубенчика. Временем наибольшего распространения шаровидных бубенчиков является XII в., что подтверждается многочисленными находками из вятичских курганов (Мальм, Фехнер, 1967. С. 137; Зайцева, Сарачева, 2011. С. 31, 204–206).

Найдено два фрагмента семилопастных височных колец со вторым орнаментом на щитке и две плоские лопасти с округлым завершением (рис. 9, № 1, 3, 7, 8; 10, 5–7). Судя по форме, они принадлежат кольцам небольшого размера, характерным для раннего периода бытования этих украшений. Форма лопастей, отсутствие насечек на боковом колечке и особенности декора на щитках позволяет отнести находки к V–VI типу лопастных колец по Т.В. Равдиной. Это первые типы, на которых появляются боковые колечки. Подобные кольца входят в употребление с середины XII в. (Равдина, 1968. С. 140).

Кольца изготовлены по традиционной для них технологии: литьем по выплавляемой модели или по оттиску готового изделия. На трех фрагментах сохранилось лужение и сопутствующие этому приему риски шлифовки (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 175–185). Три находки получены из оловянно-свинцовой бронзы, одно кольцо – из оловянной бронзы. Результаты одного и того же экземпляра показали различие концентрации олова в местах проб с покрытием и без него. Большинство колец из Бесединских курганов, проанализированных в 1960-е годы А.А. Коноваловым, также выявили подобные сплавы. Кроме того, в его выборке были зафиксированы биллоновые экземпляры.

Фрагмент цепи или держателя амулетов (рис. 9, № 9) изготовлен из оловянной бронзы по характерной для финно-угорской металлообработки технологии, предполагающей литье по сборной

из проволочных жгутов модели. На поверхности находки сохранилось лужение. Единичные находки цепей с амулетами встречены в ранних вятичских курганах конца XI – начала XII в. (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 245).

Единственная в коллекции находка из драгоценного металла – половина ажурной бусины (рис. 9, № 14; 10, 9). Она изготовлена из высокопробного серебра (Ag 94%), лигатурой в котором была небольшая присадка меди. Тулово бусины составляли штампованные полусферические половинки, спаянные впоследствии. После штамповки на заготовке были пробиты отверстия: с внутренней стороны хорошо видны их рваные края. Затем бусина украшалась с помощью сканого жгута, скрученного из двух тонких волооченных провололок диаметром 0,1 мм. Припаянная скань окаймляла каждое отверстие, скрывая его неровные края. Анализ состава металла показал, что проволока скани получена из той же порции драгоценного металла, что и тулово бусины. Судя по размерам сохранившегося фрагмента (15×20 мм), бусина входила в состав ожерелья. Филигранные украшения являются характерным элементом драгоценных древнерусских уборов, известным покладам и городским слоям; в курганных древностях они отсутствуют.

Среди других находок укажем поясное кольцо плосковыпуклого поперечного сечения (рис. 9, № 12). Диаметр обруча 31 мм. Оно отлито из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова.

В северо-восточной части территории, занятой курганным могильником Беседы 2, обнаружен фрагмент круглой ажурной крестолунничковключенной привески (рис. 9, № 21; 10, 10). Ее высота 34 мм, толщина 1,5 мм. Она отлита по резной выплавляемой модели, на которой был исполнен ажурный и углубленный декор. Анализ привески выявил оловянно-свинцовую бронзу с высоким содержанием лигатуры, благодаря чему она имеет серый матовый цвет, придающий сходство с серебряными украшениями. Аналогичные привески встречаются на памятниках XII–XIII вв. на территории Московской и в восточных районах Смоленской областей. А.В. Успенская пришла к выводу, что они были характерны для женского убора земли вятичей (Успенская, 1967. С. 100, 106, 108. Рис. 16, 11).

В юго-восточной части поискового планшета среди скопления находок встретился фрагмент пластинчатого браслета, обруч которого сужается по направлению к концам (рис. 9, № 13; 10, 12). Он изготовлен из многокомпонентного сплава с низкими содержаниями олова, цинка и свинца, которые позволяли производить механическую

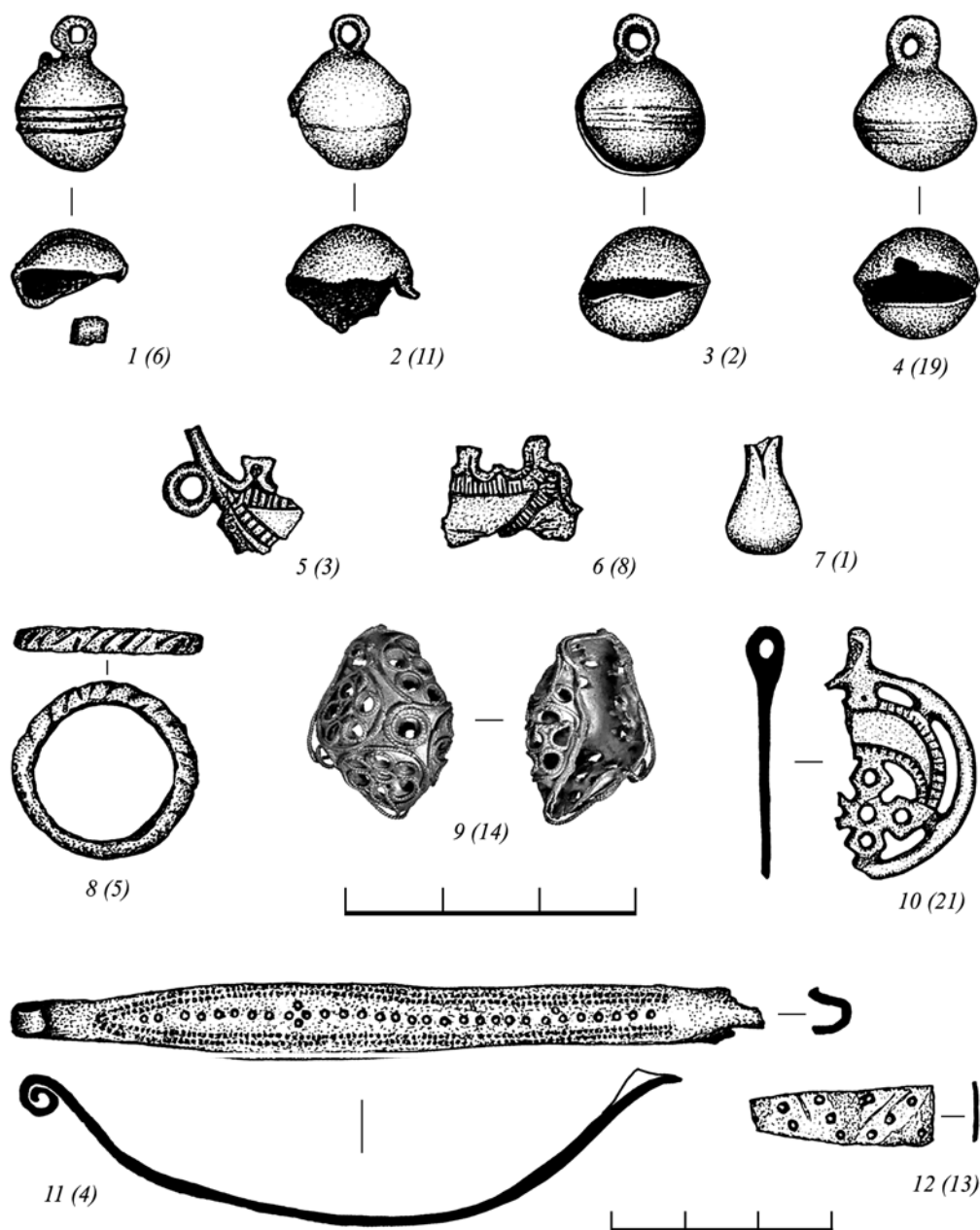

Рис 10. Курганный могильник Беседы 2. Поисковый планшет 1. Находки 1-й – 3-й четв. XII в. (цифры в скобках соответствуют номерам находок на поисковом планшете)

1–4 – бубенчики щелепрорезные; 5 – фрагмент семилопастного височного кольца; 6 – фрагмент щитка семилопастного височного кольца; 7 – лопасть семилопастного височного кольца; 8 – перстень рубчатый; 9 – фрагмент; 10 – фрагмент привески крестолунничковключенной; 11 – конец витой шейной гривны; 12 – фрагмент браслета пластинчатого

деформацию: ковку и изгибание обруча, а также нанесение на его лицевую поверхность геометрического зигзагообразного декора. Он состоит из наклонных параллельных линий, выполненных с помощью резца или зубильца; между ними расположены ряды окружностей, нанесенные кольцевым чеканом с рабочей поверхностью диаметром 1,8 мм. Сохранился один отпечаток треугольного чекана с тремя точками внутри – разновидность

декора, получившего название «волчий зуб». Он характерен для украшений X–XI столетий, но встречается и в более позднее время, в том числе, на вятичских перстнях и браслетах.

Среди находок из подъемного материала можно отметить пластинчатый конец витой гривны (рис. 9, № 4; 10, 11). Длина конца 98 мм, максимальная ширина 9 мм. Он выкован из массивной заготовки. Широкий край сильно раскован

и изогнут, что свидетельствует о креплении конца к обручу гривны с помощью пайки. Узкий край согнут в спираль, через которую пропусклся ремешок. Поверхность конца луженая с обеих сторон. Лицевая сторона украшена геометрическим декором: по краям идет двойной бордюр, выполненный одинарным зубчатым колесиком с шириной зубцов около 0,5 мм; по центру – декор, нанесенный кольцевым чеканом с диаметром отпечатка 1,8 мм.

Витые гривны с пластинчатыми орнаментированными концами – характерное украшение вятических древностей XII – первой половины XIII в. М. В. Фехнер считала, что изделия с напаянными концами представляют собой упрощенный вариант технологии их производства: вместо соединения краев проволоки в процессе горячей сварки иковки в плоский конец, на витой обруч напаявали изготовленные отдельно концы (Фехнер, 1967. С. 73). Однако известны находки, на которых лишь один конец напаян, а другой составляет единое целое с проволочным обручем. Это указывает на ремонт гривны после того, как один конец был сломан (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 187).

При раскопках могильника в с. Беседы в кургане 29 обнаружена витая двойная гривна с припаянными пластинчатыми концами (Енуков, 1987.

С. 194, 200. Рис. 2, 3). Погребение датируется серединой – началом второй половины XII в. Видимо, к этому времени относится нынешняя находка. На гривне из кургана один конец отсутствовал; сохранился лишь его небольшой край. Заманчиво предположить, что найденный нами конец мог быть частью этой гривны. Совпадения выявлены в составе металла: конец получен из многокомпонентного сплава с содержанием олова, свинца и цинка; в изученной А. А. Коноваловым гривне обнаружены эти же легирующие элементы.

Изучение химического состава металла находок из памятников у с. Беседы показывает, что типично вятические украшения получены из характерной для этой зоны металлообработки оловянно-свинцовой бронзы с различным содержанием легирующих элементов. Высокооловянные бронзы использовали преимущественно для литых изделий, а низкооловянные – для украшений, полученных в результате механической деформации. Сплавы, в состав которых входит латунь, зафиксированы в предметах XI – начала XII в. Химико-технологическое изучение находок подтверждает предположение о наличии на северо-западной окраине курганного могильника более раннего бескурганного погребального памятника.

Литература

Аносов Д. В., 2017. Отчет о результатах археологических разведочных работ в бассейне р. Нериска на территории Заокского района Тульской области в 2016 г. / Архив ИА РАН.

Булычев Н. И., 1913. Раскопки по среднему течению р. Угры. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. 77 с.

Гоняный М. И., Аносов Д. В., 2017. Новые материалы об археологических памятниках в с. Беседы под Москвой // *De mare ad mare*. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Москва – Смоленск: Свисток. С. 194–247.

Григорьев А. В., 2000. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф. 263 с.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М: Восточная литература. С. 107–188.

Енуков В. В., 1987. Курганы в селе Беседы // СА. № 3. С. 190–201.

Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII в. М.: Индрик. 404 с.

Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 112 с. (САИ. Вып. Е 1–36).

Коновалов А. А., 1969. Медные сплавы подмосковных курганов // ВМУ. Серия История. № 2. М.: МГУ. С. 60–77.

Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода X–XIV вв. // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.: НАЭ МГУ. С. 29–98.

Мальм В. А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 149–190. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Мальм В. А., Фехнер М. В., 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 133–148. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Мальцев М. В., Барсукова Т. А., Борин Ф. А., 1960. Металлография цветных металлов и спла-

вов. М.: Гос. изд-во литературы по черной и цветной металлургии. 372 с.

Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС. 136 с.

Недошивина Н. Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 253–274. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Прошкин О. Л., Фролов А. С., 2015. Поселение у с. Исканское (к вопросу о локализации древнерусской Исконы) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 198–209.

Равдина Т. В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 136–142.

Равдина Т. В., 1975. Хронология «вятических» древностей. Дисс... канд. ист. Наук / Архив ИА РАН. Р-2. № 2154.

Равич И. Г., 1983. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. № 8 (38). М.: Искусство. С. 136–143.

Сарачева Т. Г., 1994. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX – первая половина XIII в.) // История и эволюция древних вещей. М.: МГУ. С. 85–94.

Сарачева Т. Г., 1999. Инструменты для нанесения декора на вятические украшения // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер. М.: ГИМ. С. 74–81. (Тр. ГИМ. Вып. 111).

Сарачева Т. Г., 2001. О технологии нанесения лужения на украшения вятичей XI–XIII веков // Художественный металл России. Матер. конф. памяти Г. Н. Бочарова. М.: РГТУ. С. 386–395.

Сарачева Т. Г., 2007. Химико-технологическое изучение металлических украшений из раскопок курганов у д. Каблуково // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 145–171.

Сарачева Т. Г., 2009. Ювелирные изделия и предметы христианского культа из раскопок средневекового селища Степаново 2 в Подмосковье // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 204–212.

Сарачева Т. Г., Сапрыкина И. А., 2004. Средневековые ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино / Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2. М.: ИА РАН. С. 52–65.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.

Успенская А. В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 88–132. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Фехнер М. В., 1967. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 55–87. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Халиков А. Х., 1985. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука. 213 с.

Чхаидзе В. Н., 2016. Костяные наперстки плетей с отростком в погребениях кочевников Восточно-европейских степей // Степи Восточной Европы в средние века. Сб. памяти Светланы Александровны Плетневой. М.: Авторская книга. С. 353–382.

Шполянский С. В., 2015. Древнерусский Осовец на Клязьме: археологический комментарий к истории крепости // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 164–177.

T. G. Saracheva, M. I. Gonyanyi, & D. V. Anosov

Chemical & technological research into non-ferrous items found at archeological sites in Besedy village, near Moscow

Summary

This article is dedicated to research into non-ferrous items found at archaeological sites near Besedy village, not far from Moscow. In 2015–2016, during exploration works, a small collection of nonferrous items was compiled. Their chemical composition was examined with X-ray Fluorescent (XRF) analysis. The selection was compiled from items identified in 2016 at the ancient settlement Besedy 3, and also from an area of the previously-examined barrow Besedy 2. Archeological finds from this settlement enable us to date it to the late 11th or early 12th century. This is indicated by the result of chemical

composition of metal. Among the examined jewelry there are no bronze items – the alloy typical for Vyatichi barrow antiquities. Archeological finds from these burials is feature a set of items, which we can attribute to the first phase of existence of this barrow. Belt overlays and the metallic hip of the whip linked to a military culture are of particular interest. From more recent times there is jewelry typical for a Vyatichi set of antiquities. Filigree highest-standard silver bead is an exception. Such items can be found in hoards and settlements but they are an exception among barrow antiquities.

О. В. Орфинская*, Е. П. Зоц**

* НИИ культурного и природного наследия, Москва;

** Институт археологии РАН, Москва

Текстиль домонгольского времени из курганных могильников Подмосковья

Статья посвящена материалам курганных могильников, раскопанных Р. Л. Розенфельдом в 1965–1981 гг. на территории Московской области и не введенным до нынешнего дня в научный оборот. Среди металлических украшений, ножей и керамических сосудов в рассматриваемой коллекции находились текстильные фрагменты, происходившие из четырех курганных могильников (Федоскино, Шейки I, Жуково I и Григоровские курганы) (рис. 1). В одном образце, представленном почвенным конгло-

мератом с остатками человеческих волос, снятых с височного кольца из могильника Федоскино, судя по этикетке, должен был также содержаться древний текстиль, но при детальном исследовании он обнаружен не был. Однако сам прецедент свидетельствует о крайне внимательном отношении руководителя раскопок к находкам и к текстилю в частности.

Таким образом, находки текстиля в данном случае были обнаружены в материалах из трех могильников.

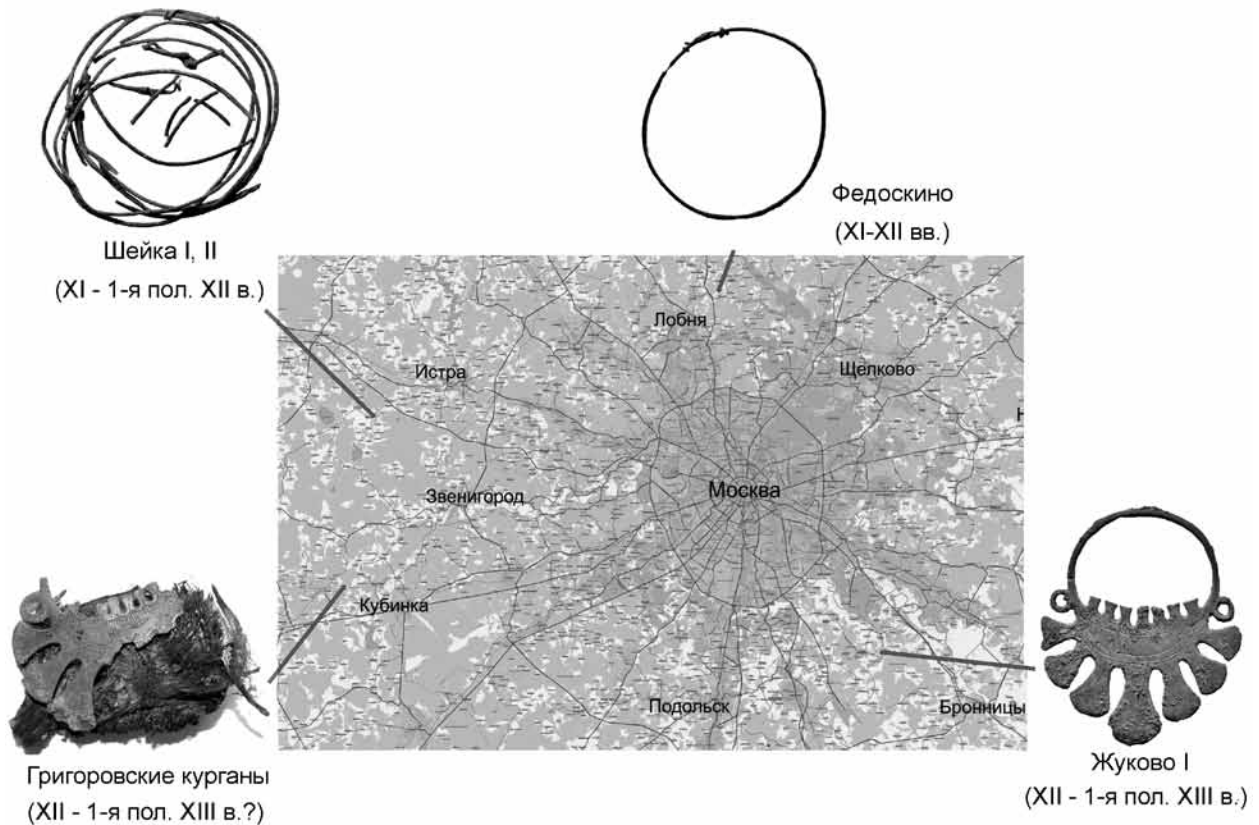

Рис. 1. Курганные могильники, материалы которых рассматриваются в статье, на карте Подмосковья

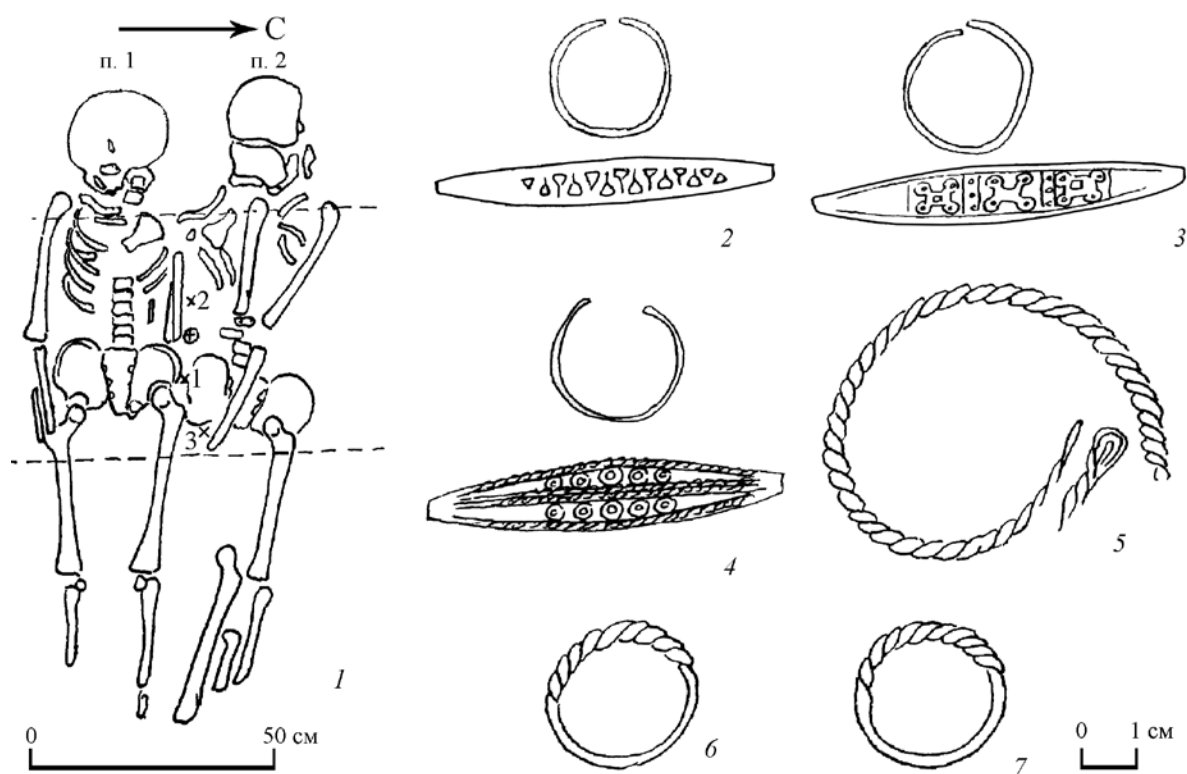

Рис. 2. Курганная группа Шейки 1. Курган 7. Рисунки Р.Л. Розенфельдта

1 – чертеж погребений (1 – три пластинчатых перстня; 2 – браслет витой; 3 – два рубчатых перстня); 2–4 – пластинчатые перстни медного сплава; 5 – браслет витой медного сплава; 6, 7 – перстни рубчатые медного сплава

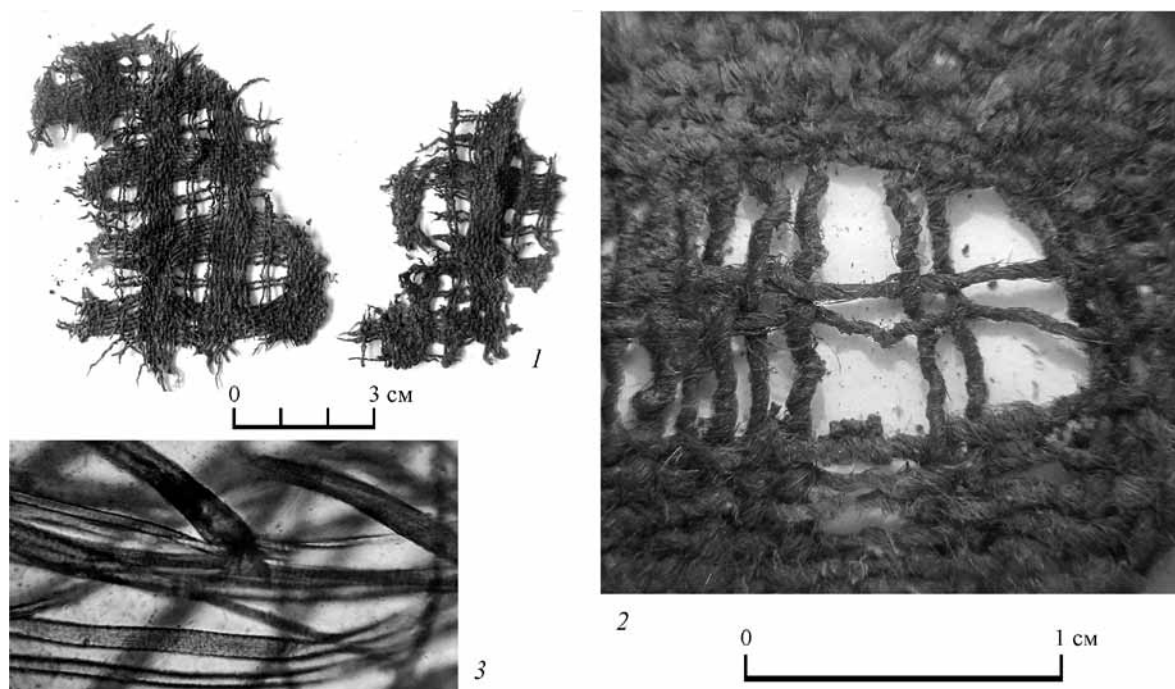

Рис. 3. Текстиль из кургана 7 курганной группы Шейки 1

1 – фрагменты ткани после промывки; 2 – микрофотография участка ткани с просветом;
3 – микрофотография шерстяных волокон, окрашенных в синий или зеленый цвет

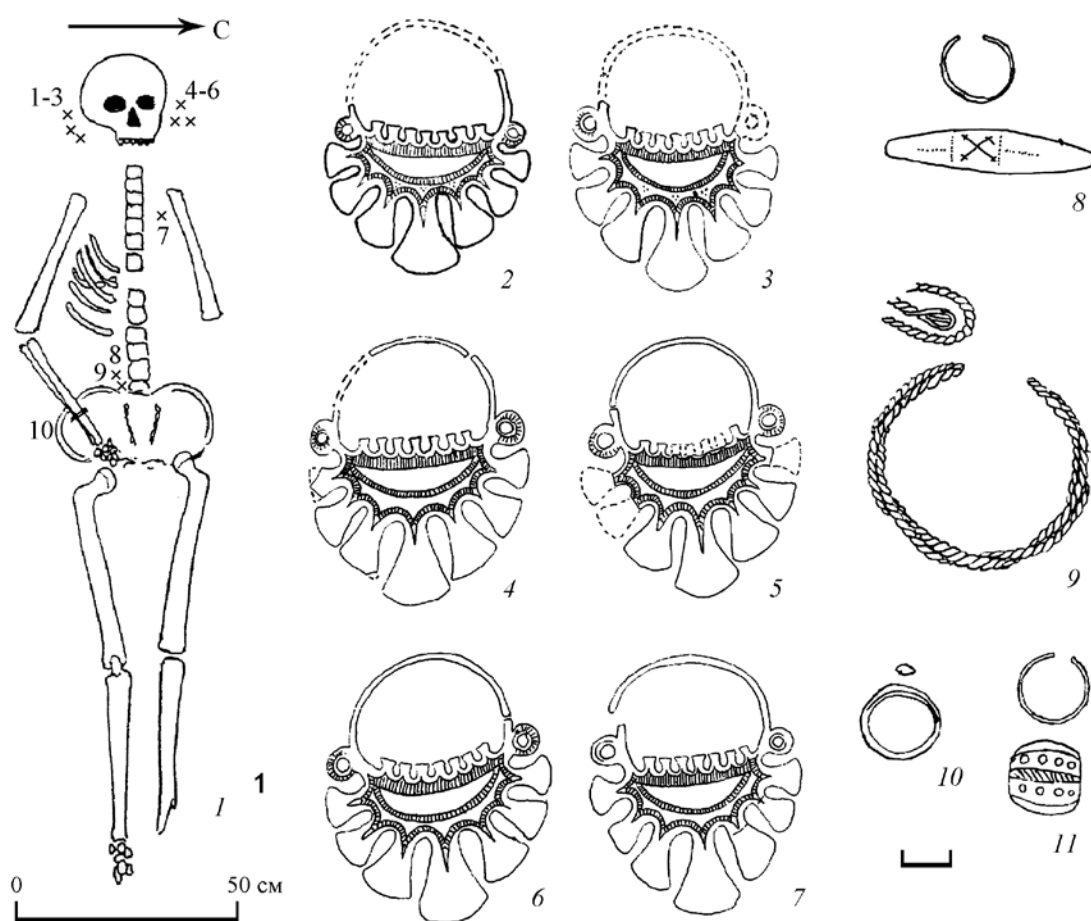

Рис. 4. Курганная группа Жуково 1. Курган 5. Рисунки Р.Л. Розенфельдта

1 – чертеж погребения (1–6 – височные кольца; 7–9 – перстни, 10 – браслет); 2–7 – височные кольца медного сплава; 8, 11 – перстни пластинчатые медного сплава; 9 – браслет витой медного сплава; 10 – перстень дровяной медного сплава

Курганная группа Шейки I

Курганная группа располагалась в Истринском районе на левом берегу р. Молодицы, левого притока р. Малой Истры, недалеко от ее устья, на западной окраине ныне не существующей д. Шейки. До начала работ Р.Л. Розенфельдта в группе насчитывалось 122 кургана, из них 24 уже были раскопаны. За четыре года (1978–1981 гг.) исследовано 60 курганов (Розенфельдт, 1978; 1980а; 1980б; 1981).

Могильник можно связывать с племенем кривичей. Исходя из анализа вещевого инвентаря, с учетом современных знаний о датировке курганных древностей Подмосковья (Аникин, 2005. Рис. 3, 2; Гоняный, Недошивина, 1991. С. 248, 250, 251; Равдина, 1988. С. 128, 129; Седова, 1997. С. 64) большая часть погребений датируется XI в., но есть и те, что можно отнести к XII – началу XIII в.

Курган 7. Раскопан в 1981 г. В кургане были захоронены два человека (рис. 2), вероятно, в одной могильной яме. Исследователь предполагал, что весь инвентарь относился к одному скелету (погребение 2), хотя, судя по чертежу, однозначно этого сказать нельзя, поскольку костяки лежат частично друг на друге и некоторые находки переотложены, вероятно, из-за деятельности землеройных животных (Розенфельдт, 1981. С. 2, 3. Рис. 3). Исходя из дат вещевого инвентаря, погребение может быть предварительно датировано XII – началом XIII в.

Место расположения фрагментов ткани ни в тексте отчета, ни на этикетке не указано. Исходя из того, что ткань обычно сохраняется на контакте с металлом, а относительно большое металлическое изделие в данном кургане – это витой браслет, можно предположить, что фрагменты ткани находились вместе с ним, тогда их место расположения можно определить

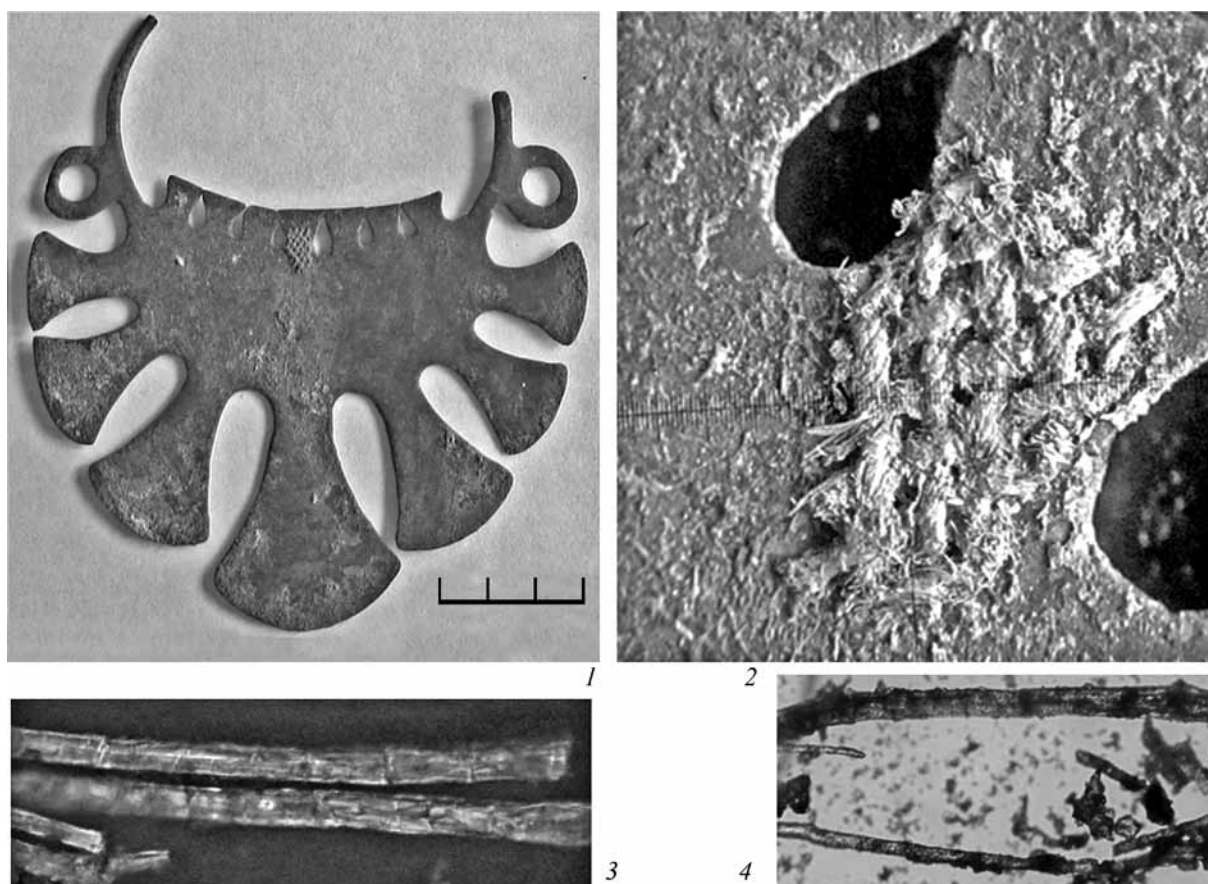

Рис. 5. Текстиль из кургана 5 курганной группы Жуково 1

1 – общий вид изнаночной стороны кольца; 2 – микрофотография фрагмента ткани; 3 – микрофотография льняных волокон в поляризованном проходящем свете (темное поле); 4 – микрофотография волокон льна в неполяризованном проходящем свете (светлое поле)

как район талии – бедер. Образец ткани размером 5×5 см при реставрации распался на два, плотно прижатых друг к другу фрагмента (рис. 3). За таким типом ткани, с четко выраженными просветами, в литературе закрепилось название «ажурная» (Нахлик, 1985. С. 250). Принято считать, что в этих тканях часть нитей утка и основы были льняными, которые в почве полностью деструктировались, оставив после себя свободное пространство (просветы) (рис. 3, 2). Основная масса нитей в данной ткани – шерстяная. Волокна в основном пуховые, с небольшой примесью полуости. Окраска в синий или зеленый (зеленый, вероятно, чаще всего складывается в почве, когда к изначальному синему крашению добавляются желтые почвенные загрязнения) цвет проводилась на стадии волокон (рис. 3, 3). Это указывает на высокий уровень развития текстильной технологии. Нитей красного цвета в данном образце выявлено не было.

Курганная группа Жуково 1

На правом берегу р. Пахры в Раменском районе, в 1 км к юго-западу от д. Жуково располагается курганный могильник Жуково 1. В 1972 г. в нем насчитывалось 19 курганов, 11 из которых в 1973 и 1975 гг. раскопал Р.Л. Розенфельдт (1974; 1976). Могильник оставлен потомками племени вятичей и может датироваться в пределах XII – начала XIII в. (Кренке, 2014. С. 276–288. Рис. 204).

Курган 5 раскопан в 1973 г. (рис. 4). Голову погребенной в нем женщины украшали по три семилопастных височных кольца с каждой стороны (Розенфельдт, 1974. С. 5). Кроме того, на левой стороне груди был обнаружен пластинчатый перстень медного сплава. Если допускать, что он не был переотложен землеройными животными, то его можно интерпретировать как привеску или скорее как погребальный дар. Левая рука была украшена гладким круглодротовым и решетчатым

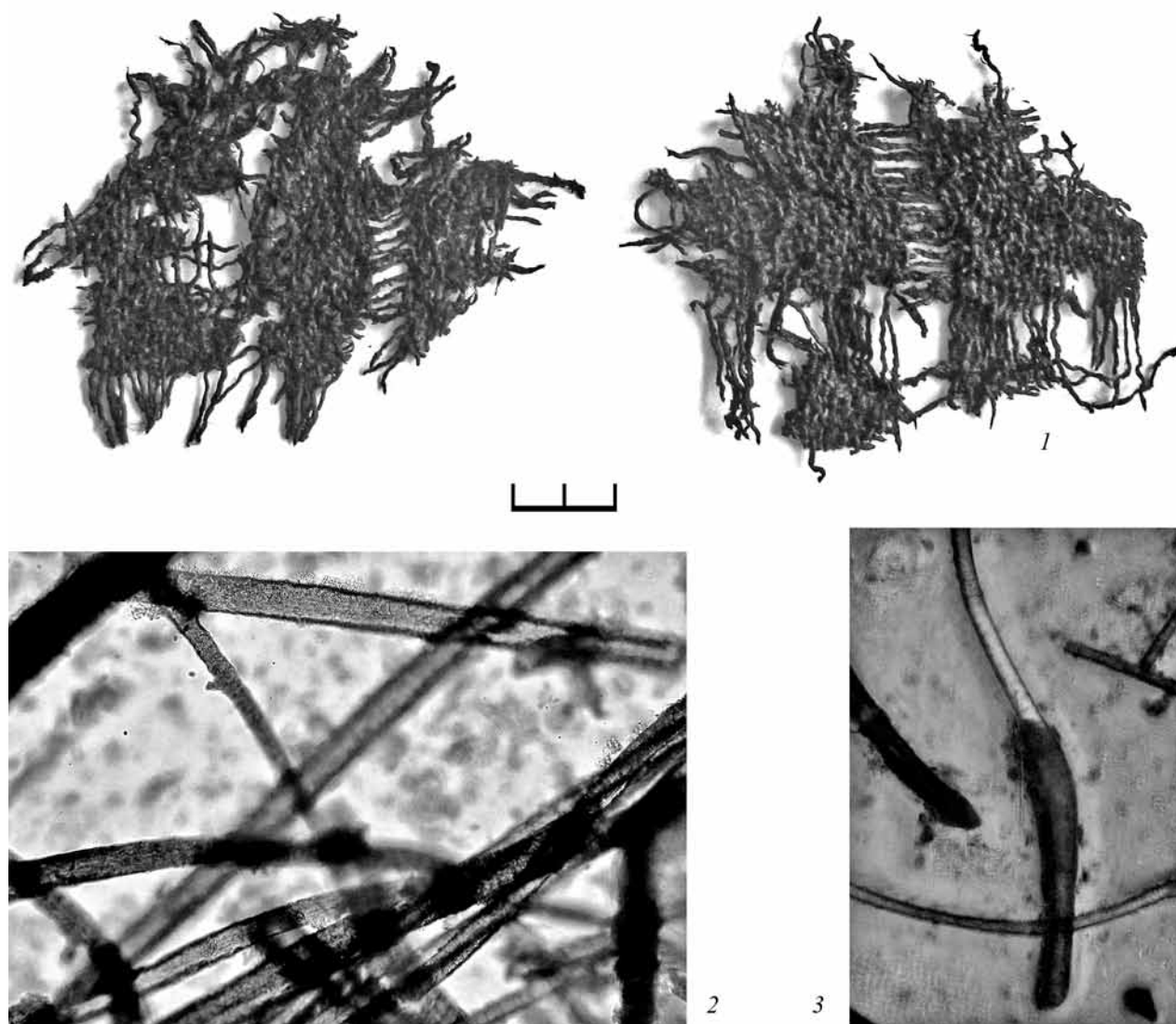

Рис. 6. Текстиль из кургана 5 курганной группы Жуково 1

1 – фрагменты ткани после промывки; 2 – микрофотография шерстяных волокон;
3 – микрофотография шерстяного волокна с луковичкой роста

перстнями, правая – плетеным браслетом (Розенфельдт, 1974. С. 5, 6). Исходя из современных знаний о хронологии вятических древностей, погребение может быть датировано второй половиной XII – началом XIII в. (Кренке, 2014. С. 276–288. Рис. 204).

Один фрагмент ткани находился на задней стороне височного кольца с правого виска (рис. 5), его размер – 0,5×0,3 см. Это ткань из растительных волокон, имевшая полотняное переплетение. Примерная плотность ткани – 17/12 н/см, что позволяет отнести ее к тонким, достаточно качественным тканям.

В этом же погребении среди височных украшений у левого виска был обнаружен второй

фрагмент ткани. После промывки (рис. 6) ткань распалась, но зафиксировано, что это сложенная по диагонали (относительно основы или утка) «ажурная» ткань. При микроскопических исследованиях не удалось выявить окраску волокон, однако это не значит, что они не были окрашены, вполне возможно, что краситель полностью разложился и для его определения требуются более тонкие методы исследования, например, тонкослойная хроматография. При микроскопических исследованиях удалось выявить одно волокно, имеющее луковичку роста. Это значит, что волокна шерсти были вычесаны, а не сострижены с животного (определение породы животного требует отдельного исследования), что отражает

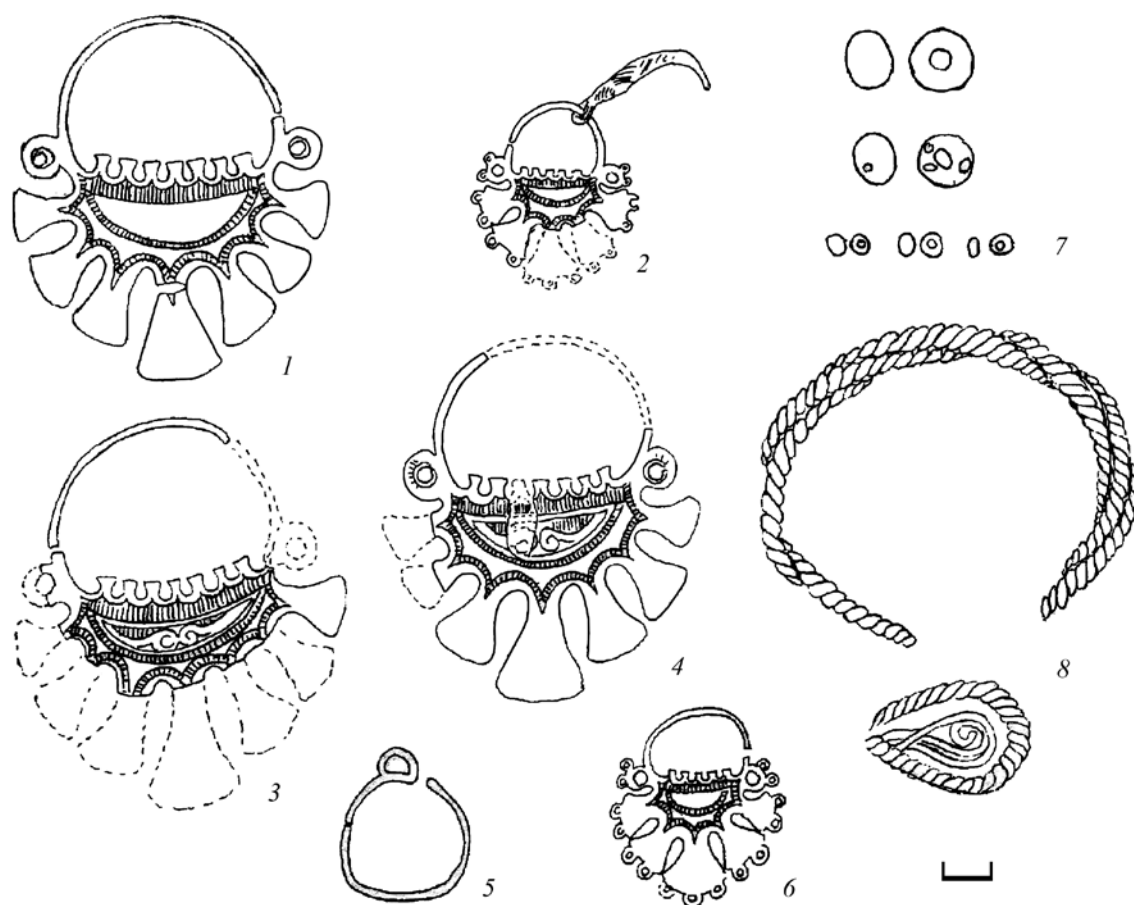

Рис. 7. Курганная группа Жуково 1. Курган 6. Погребение 1. Рисунки Р.Л. Розенфельдта
1–6 – височные кольца медного сплава; 7 – бусы стеклянные; 8 – браслет витой медного сплава

технологические процессы подготовки сырья для прядения у создателей данной ткани.

Курган 6. Погребение 1 (рис. 7). Курган раскопан в 1973 г. С правой стороны от черепа погребенной женщины обнаружены два вятических височных кольца – семилопастное и малое ажурное пятилопастное. С левой стороны голову женщины украшали четыре височных кольца – два семилопастных, одно ажурное пятилопастное малое и одно перстнеобразное, сделанное из дужки лопастного. В районе шеи обнаружено пять бусин – одна мозаичная, одна круглая из белого прозрачного стекла и три маленькие зонные, также из прозрачного стекла. На правой руке – витой браслет (Розенфельдт, 1974. С. 6, 7. Рис. 21–23). Погребение датируется концом XII – началом XIII в. (Кренке, 2014. С. 276–288. Рис. 204).

Малое ажурное кольцо было продето во фрагмент кожи (рис. 8, 1, 2, 3). Сейчас оба височных кольца хранятся раздельно, однако при рассмотрении фрагмента кожи было замечено, что он в верхней половине образует трубочку, внутри которой

видны медные окислы. В связи с этим возникло предположение, что этот кусочек кожи был накручен на дужку большого височного кольца. При попытке надеть его на кольцо они совпали идеально. Таким образом, можно предположить, что малое височное кольцо привешивалось на большое с помощью кожаной полоски и располагалось, вероятно, немного дальше от лица, чем большое кольцо (рис. 8, 4).

В этом же комплексе обнаружен фрагмент текстильной ленты (рис. 9, 1). Местоположение ленты в отчете не описано, и поэтому определить его сложно. Запакована она была вместе с височными кольцами, следовательно, можно предположить, что найдена она была в непосредственной близости от них. Таким образом, лента могла перекрывать место крепления височных колец. Она могла являться самостоятельным изделием или входить в систему некоего сложного головного убора. Лента была соткана на дощечках (рис. 9, 2, 3). Нити основы – шерсть синего (или зеленого?) цвета, а также нити из растительных волокон.

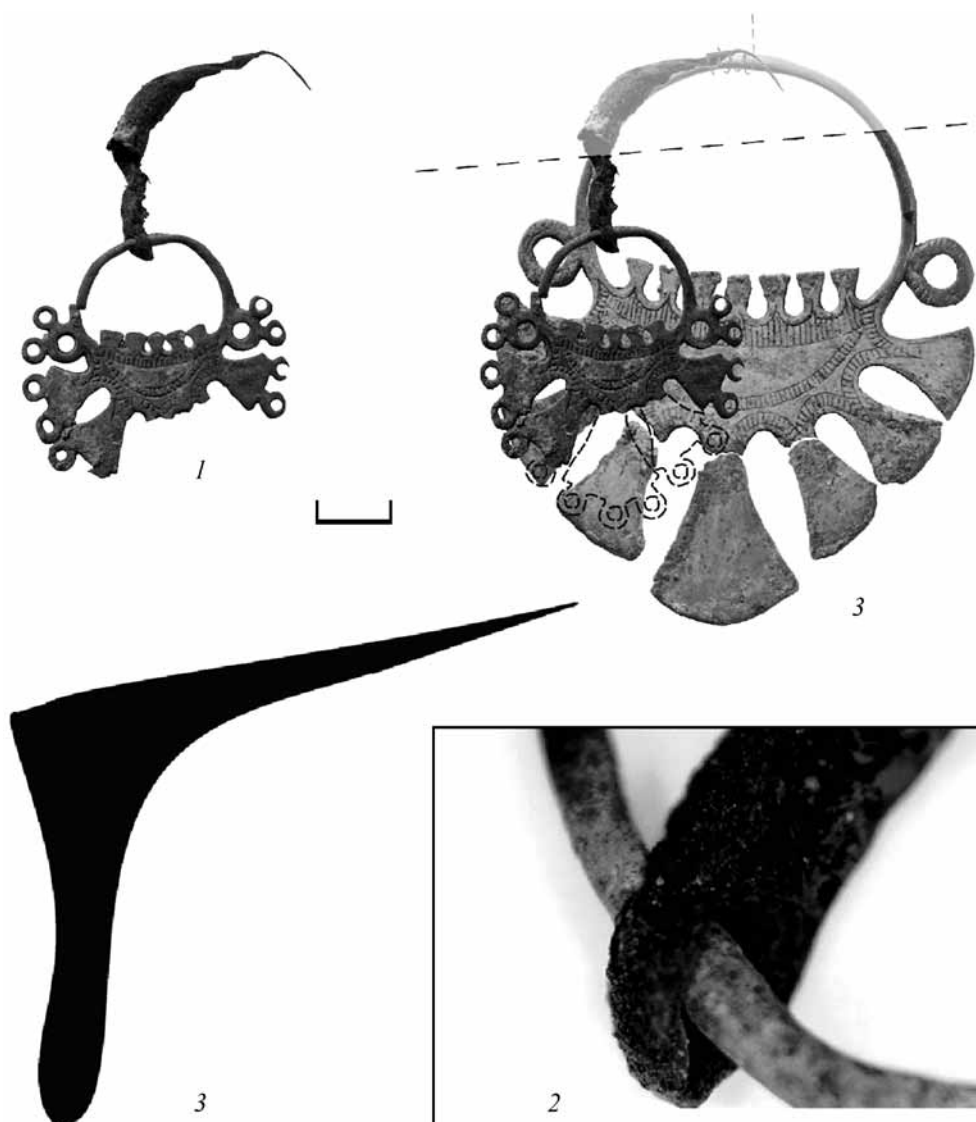

Рис. 8. Курганная группа Жуково 1. Курган 6. Погребение 1

1 – малое ажурное кольцо; 2 – микрофотография крепления кольца на обрезок кожи; 3 – реконструкция формы обрезка кожи; 4 – реконструкция системы соединения колец

Уток – парные шерстяные нити красного цвета. Узор создавался за счет как нитей основы, так и нитей утка.

Курган 7. Погребение 2. Раскопан в 1973 г. Согласно отчету, в кургане 7 было два погребения – мальчика (п. 1) и девочки (п. 2) (рис. 10), хотя антропологические исследования не проводились (Розенфельдт, 1974, С. 7) Исходя из богатства инвентаря (два семилопастных височных кольца, на левой руке – плетеный браслет и решетчатый перстень, на правой – такой же перстень), можно предположить, что там захоронена не девочка, а относительно взрослая женщина, как минимум девушка на выданье (Степанова, 2009. С. 68). Это погребение предположительно датировано

второй половиной XII в. (Кренке, 2014. С. 276–288. Рис. 204).

Фрагменты ткани (рис. 11) из погребения 2 был обнаружен на голове погребенной. Ткань полотняного переплетения (рис. 11, 2). Нити основы и утка имеют близкие характеристики: это шерстяные нити синего или зеленого цвета (рис. 11, 3) одинаковой толщины (около 0,5 мм) и достаточно сильной крутки (Z), что создает эффект крепа (неровной поверхности). Ткань имеет плотность 12×10 н/см.

Курган 11, погребение 2 (рис. 12). Курган раскопан в 1975 г. В погребении 2 у головы женщины найдены три семилопастных височных кольца: два с правой стороны, одно с левой. Шейное украшение – ожерелье из сердоликовых

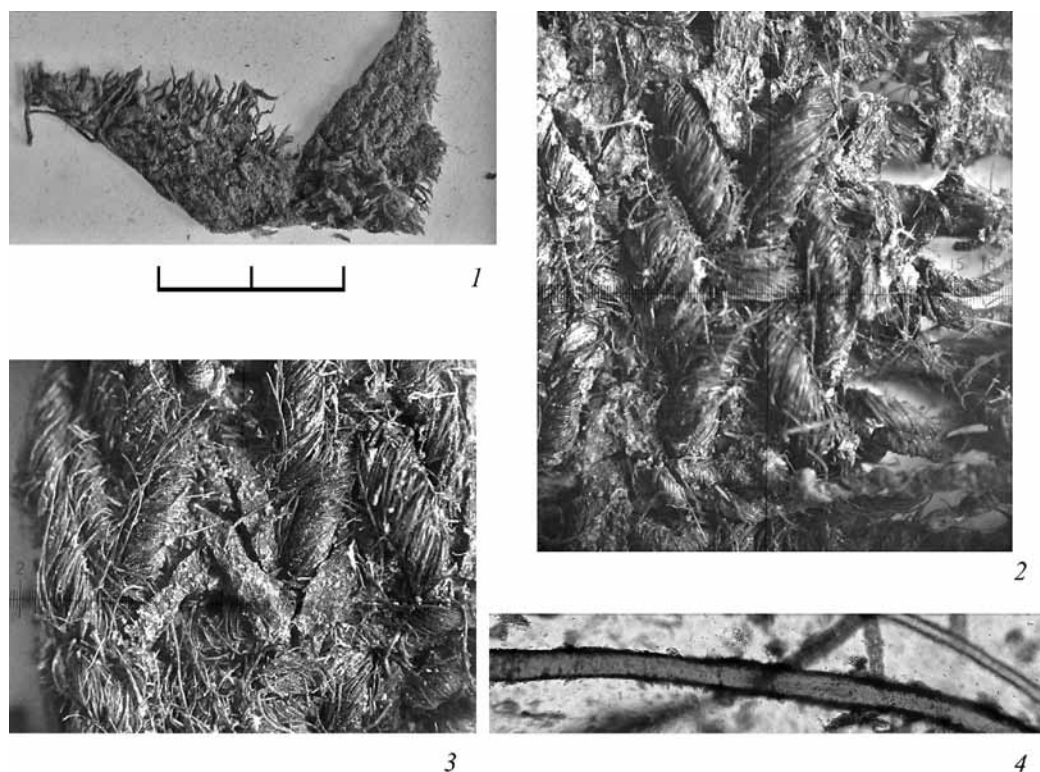

Рис. 9. Текстиль из кургана 6, погребения 1 курганной группы Жуково 1

1 – общий вид ленты; 2 – участок ленты с узором; 3 – участок ленты, где хорошо видны разрушенные нити основы из растительных волокон; 4 – микрофотография шерстяных волокон

и горнохрустальных бусин (всего 12 шт.). На левой руке был надет витой браслет, на одном пальце два перстня – витой и серповидный в сечении. В районе таза обнаружено медное поясное кольцо. В районе груди – остатки перламутрового крестика с бронзовым оголовьем (Розенфельдт, 1976. С. 6, 7. Рис. 25–27). Погребение датировано второй половиной XII – началом XIII в. (Кренке, 2014. С. 276–288. Рис. 204).

Фрагменты тканой ленты располагались под височными кольцами, вероятно, справа от черепа и были частью головного убора. Они представляли собой сжатые между собой скрученные жгуты, имеющие различную направленность (рис. 13). Так бывает, если тканная на дощечках лента имела часть нитей из растительных волокон. От ленты или, скорее всего, от нескольких нешироких лент сохранились шерстяные нити основы красного, сине/зеленого и коричневого (в данный момент) цвета, скрученные в жгуты. Фиксируются отдельные шнуры из четырех и из двух нитей. Следовательно, можно предположить, что рабочие дощечки имели четыре дырочки и два варианта заправки: во все дырочки заправлялись шерстяные нити и – второй вариант – заправлялись две шерстяные

и две нити из растительных волокон. Красные нити, вероятно, были кромочные.

Григоровские курганы

Курганный могильник располагался на правом берегу р. Москвы, в 200 м к востоку от с. Григорово Рузского р-на. Р.Л. Розенфельдт, раскопавший два кургана в 1965 г., связывал его с вятичами (Розенфельдт, 1967. С. 106, 107. Рис. 37).

Курган 9. Фрагмент ленты обнаружен поверх массива волос у левого виска. Его перекрывали «петли» из волос, поверх которых находилось семилопастное кольцо (рис. 14), датированное второй половиной XII – началом XIII в. (Кренке, 2014. С. 276–288. Рис. 204; Равдина, 1968. С. 137–140).

Лента шириной около 2 см была соткана на дощечках. Причем ее ширина непостоянна. На одном участке четко видно, что ширина ленты уменьшалась. С одной стороны в центре ленты проходила красная полоса с небольшими ромбическими фигурами синего или зеленого цвета. На обратной стороне – синяя/зеленая полоса с красным узором. По краям шел красно-синий или красно-зеленый узор. Нити утка парные (рис. 14, 2). На двух

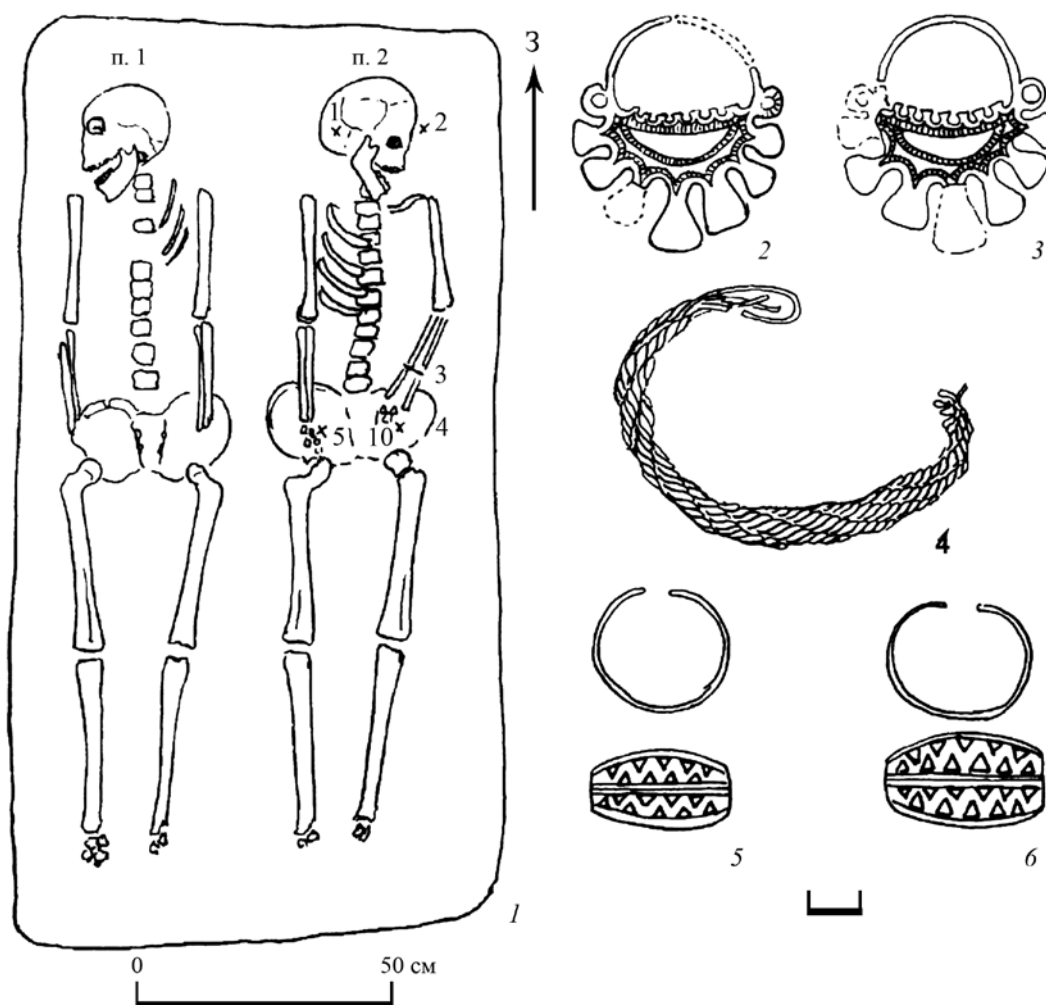

Рис. 10. Курганная группа Жуково 1. Курган 7. Рисунки Р.Л. Розенфельдта

1 – чертеж погребений (1, 2 – височные кольца; 3 – браслет; 4, 5 – перстни); 2, 3 – височные кольца медного сплава; 4 – браслет витой медного сплава; 5, 6 – перстни пластинчатые медного сплава

фрагментах они красные, на одном синие/зеленые. Следовательно, это могла быть одна лента, где красный уток менялся на синий, или две ленты, расположенные рядом, имевшие уточные нити различного цвета.

После отделения височного кольца стало заметно, что оно лежало на волосах, завернутых петлей (рис. 14, 2, 3). Эта петля располагалась между кольцом и лентой. Таким образом, можно предположить, что на основной массив волос была надета лента или ленты, поверх которых были выпущены и уложены петли (известная вятическая прическа) (Зоц Е. П., Зоц С. А., 2012. С. 116. Рис. 5, 6; Сабурова, 1997. С. 99), а сверху привешивались височные кольца. Возможно, кольца нашивались на ленту, а волосы пропускались петлями по внешней стороне ленты между кольцами.

Заключение

Если обобщить полученную информацию по семи погребениям из шести курганов, то всего в них были зафиксированы:

- четыре ткани полотняного переплетения: ткань из растительных волокон (вероятно, лен), ткань шерстяная синяя и две ткани «ажурных», из них одна синяя и одна, вероятно, красно-синяя;
- три ленты тканых на дощечках из цветных шерстяных нитей и нитей из растительных волокон. Все фрагменты лент обнаружены в районе головы. Следовательно, они входили в систему головного убора.

Синяя шерстяная ткань полотняного переплетения также находилась на голове. Это могла быть часть платка, шапочки или савана.

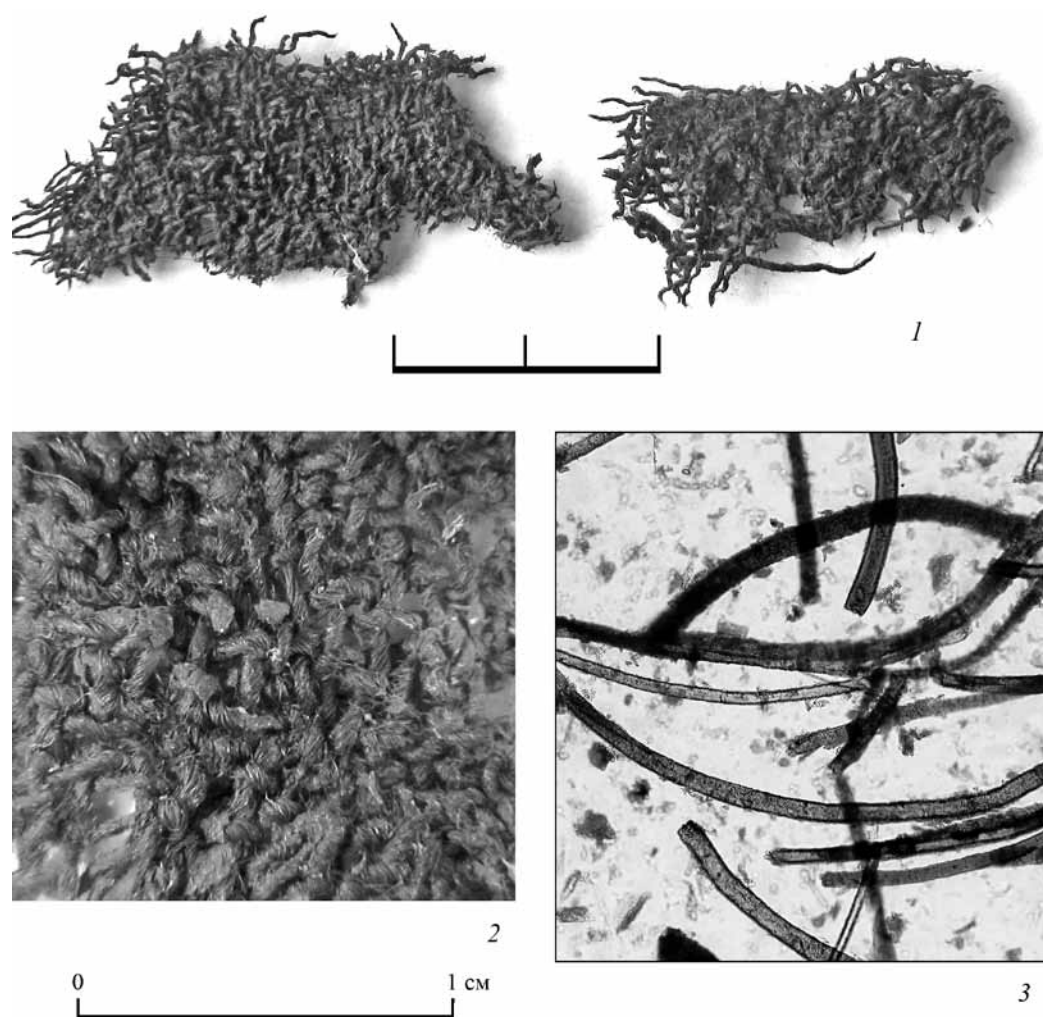

Рис. 11. Текстиль из кургана 7, погребения 2 курганной группы Жуково 1

1 – общий вид фрагментов ткани; 2 – микрофотография ткани; 3 – микрофотография шерстяных волокон

В двух погребениях была обнаружена «ажурная» ткань. В одном случае это платок, а во втором, возможно, тот же платок, который играл роль юбки-поневы.

Обратимся к классической работе А. Нахлика, где сказано, что «ажурные» ткани появляются в Новгороде с конца XII в. и что они ввозились туда с территории средней Руси, то есть из района, где находки такого типа характерны и встречаются часто. По мнению многих авторов, найденные фрагменты клетчатых «ажурных» тканей являются остатками простейших головных уборов типа платка или убруса. В курганном могильнике Новоселки 2 в такой платок был завернут ребенок, и в той же курганной группе «ажурная» ткань известна как понева (Зоц Е. П., Зоц С. А., 2012. С. 116. Рис. 7; Орфинская, 2012. С. 127, 130. Рис. 1, 6).

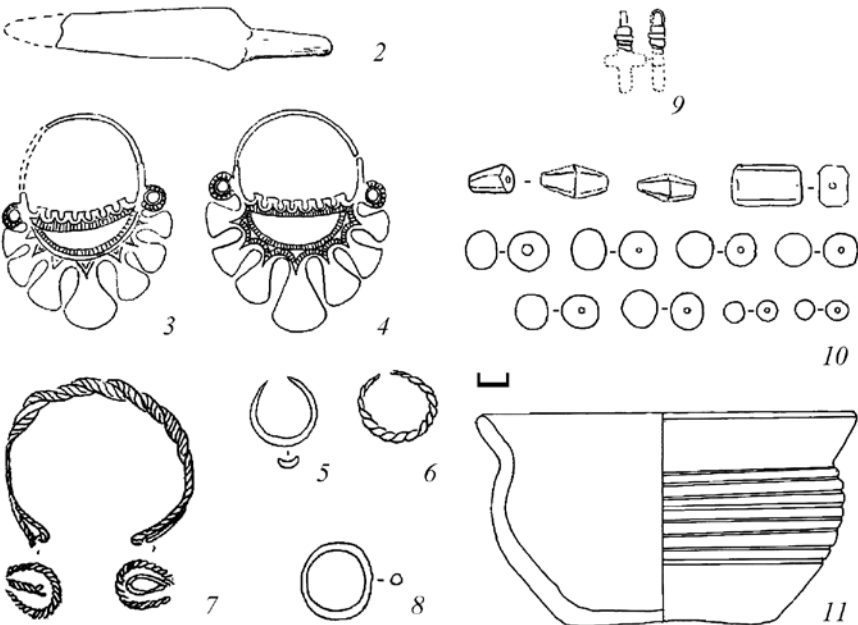
В кургане 5 могильника Жуково 1 ниже шерстяного платка находилась льняная ткань, которая

являлась нижним платком или отдельным головным убором. Если обратиться к историческим и этнографическим параллелям, то можно найти оба варианта. Первый более логичен для сельских поселений и сегодняшнего дня, второй – для городских культур. Рассмотренный нами материал хорошо вписывается и не противоречит ранее известным материалам из курганов кривичей и вятичей.

«Ажурные» ткани в нашем случае встречены и у кривичей, и у вятичей в одном случае на голове, в другом – в форме поневы.

Ленты из шерстяных и льняных нитей участвовали в системе головного убора, причем ткались они, вероятно, под конкретное изделие (учитывая сужающийся конец одной из лент), а не нарезались от некоего длинного куска.

Шерстяная ткань полотняного переплетения имеет синий/зеленый цвет, то есть окрашена, что существенно повышало ее статус.

Рис. 12. Курганная группа Жуково 1. Курган 11. Рисунки Р.Л. Розенфельдта

1 – чертеж погребений (погр. 1: 1 – нож железный; погр. 2: 1 – два височных кольца; 2 – височное кольцо; 3 – бусы; 4 – витой браслет; 5, 6 – перстни; 7 – поясное кольцо; 8 – крестик (?); 9 – миска керамическая; 10, 11. керамика); 2 – нож железный; 3, 4 – височные кольца медного сплава; 5 – перстен серповидный в сечении медного сплава; 6 – перстен витой медного сплава; 7 – браслет витой медного сплава; 8 – кольцо поясное медного сплава; 9 – остатки перламутрового крестика с бронзовым оголовьем (определение Розенфельда Р.Л.); 10 – сердоликовые и горнохрустальные бусы; 11 – миска красноглиняная

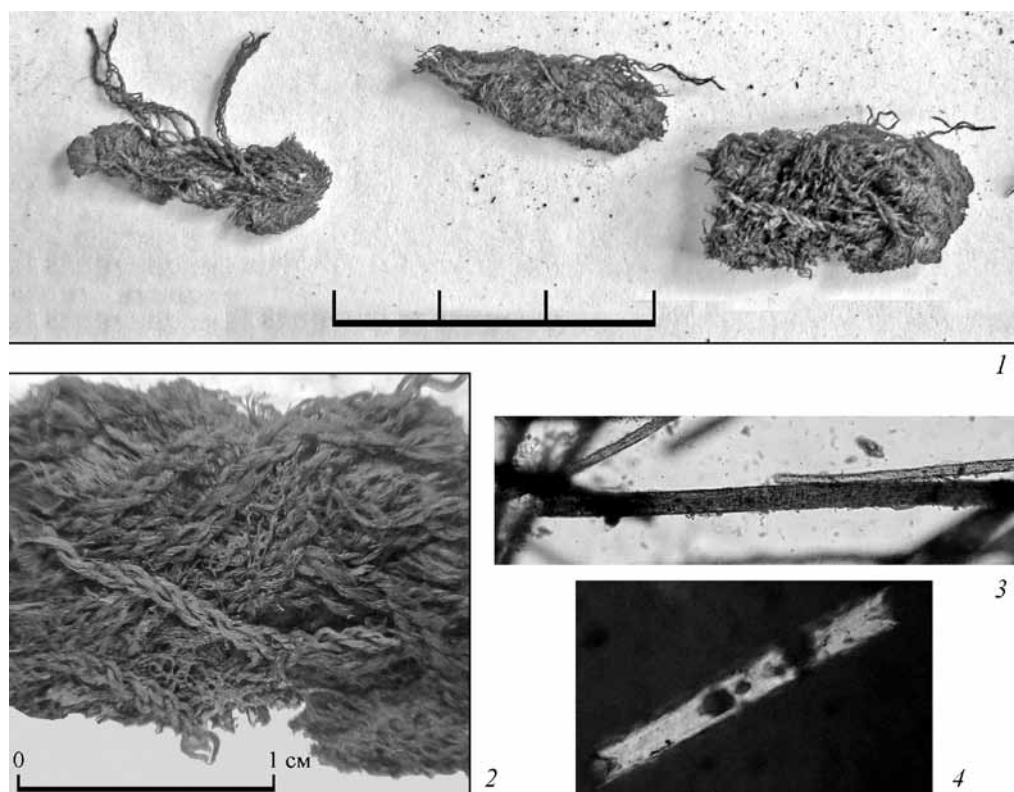

Рис. 13. Текстиль из кургана 11, погребения 2 курганной группы Жуково 1

1 – общий вид фрагментов; 2 – микрофотография плотно скрученных жгутов; 3 – микрофотография шерстяного волокна синего/зеленого цвета; 4 – микрофотография шерстяного волокна с сильными повреждениями, результатом деятельности микроорганизмов

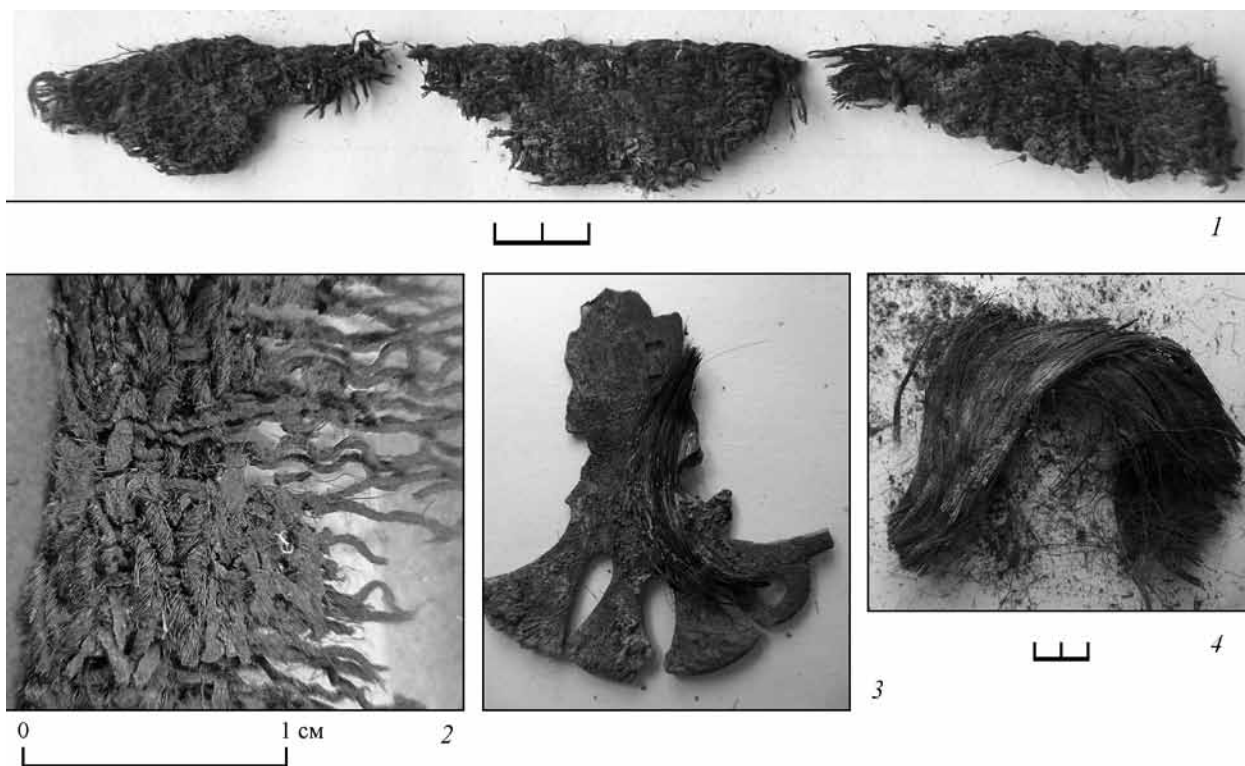

Рис. 14. Текстиль и височное кольцо из кургана 9 Григоровских курганов

1 – общий вид ленты; 2 – микрофотография ленты; 3 – кольцо с прижатыми к нему волосами; 4 – петля из волос, которая располагалась между кольцом и лентой

Литература

- Аникин И. С., 2005. Древнерусский сельский грунтовый могильник в бассейне р. Кудьма // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 9. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет. С. 13–26.
- Гоняный М. И., Недошивина Н. Г., 1991. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. № 1. С. 246–254.
- Зоц Е. П., Зоц С. А., 2012. Реконструкция женского погребального костюма по материалам курганного могильника Новоселки 2 // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 115–126.
- Кренке Н. А., 2014. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Дисс. ... докт. ист. наук / Архив ИА РАН. 720 с.
- Нахлик А., 1985. Ткани Новгорода // МИА. № 123. С. 228–268.
- Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. М.: Наука. 304 с.
- Орфинская О. В., 2012. Новоселки 2. Результаты исследования текстиля XII века // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 127–136.
- Равдина Т. В., 1968. Типы и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 136–142.
- Равдина Т. В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.: Наука. 152 с.
- Розенфельдт Р. Л., 1967. Григоровские курганы XII–XIII вв. // КСИА. Вып. 110. С. 106–109.
- Розенфельдт Р. Л., 1974. Отчет о раскопках курганной группы Жуково I в Раменском районе Московской области в 1973 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5085.
- Розенфельдт Р. Л., 1976. Отчет о раскопках курганов в группах у с. Федоскино Мытищенского района и у с. Жуково Раменского района в Московской области в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5475.
- Розенфельдт Р. Л., 1978. Отчет об археологических исследованиях курганной группы «Шейка» в Истринском районе Московской области в 1978 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7273.
- Розенфельдт Р. Л., 1980а. Отчет об археологических исследованиях курганной группы «Шейка I» и курганной группы «Шейка II» в Истринском районе Московской области в 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8035.
- Розенфельдт Р. Л., 1980б. Отчет об археологических исследованиях курганных групп Шейка I и Шейка II в Истринском районе Московской области и курганной группы у с. Никитское в Домодедовском районе Московской области в 1980 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8319.
- Розенфельдт Р. Л., 1981. Отчет об археологических исследованиях курганной группы «Шейка I» и курганной группы «Шейка II» в Истринском районе Московской области в 1981 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10043.
- Сабурова, 1997. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 93–102. (Археология СССР).
- Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 63–78.
- Солнцев Ф. Г., 1869. Одежды Русского государства. Наряды Торжка, Вышнего Волочка и Твери. Альбом акварелей. СПб.
- Степанова Ю. В., 2009. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Тверской госуниверситет. 364 с.

O. V. Orfinskaya & E. P. Zots

Textiles from the burial mounds of the Moscow region of pre-Mongolian time

Summary

This article looks at textile fragments from earthworks burials. Examples include silk and linen (flax) woven fabrics, in addition to ribbons woven on boards,

among which plant fibres were incorporated among the woollen threads. Woollen threads which had been dyed blue and green were identified.

Е. К. Столярова

Институт археологии РАН, Москва

Стеклянные украшения средневекового сельского населения Подмосковья (по материалам Мякининского археологического комплекса)

Стеклянные украшения сельского населения Руси, в том числе и подмосковного региона, известны благодаря археологическим исследованиям поселенческих и погребальных памятников. Первоначально эти группы объектов изучались неравномерно. В XIX в. и почти на всем протяжении XX в. активно раскапывались курганные захоронения. Исследование же сельских поселений им значительно уступало. По словам Б. А. Рыбакова, к середине прошлого века обильный материал курганов еще не был уравновешен раскопками селищ. В распоряжении исследователей не было ни одного сельского поселения, раскопанного целиком. Приходилось довольствоваться отрывочными материалами рекогносцировочных раскопок (Рыбаков, 2015. С. 107). Это вело к тому, что картина распространения и бытования стеклянных украшений у сельского населения Руси была неполной.

За последние десятилетия количество исследованных селищ значительно выросло. Это дает возможность восполнить существующие лакуны в истории сельских стеклянных украшений. Оптимальной ситуацией для решения этой проблемы является исследование комплекса памятников, в который входит поселение вместе с принадлежавшим ему могильником, на котором хоронили жителей этого селища. Одним из таких объектов является Мякининский археологический комплекс.

Он расположен близ северо-западной границы г. Москвы, на излучине правого берега Москвы-реки, неподалеку от дер. Мякинино (рис. 1). Исследование этого памятника начато в 1924 г. В. А. Городцовым, в 2006 г. Подмосковная экспедиция ИА РАН (руководитель – Энговатова А. В.) закончила его изучение. Комплекс включает несколько памятников от раннего железного века до начала Нового времени. Стеклянные украшения перио-

да Средневековья обнаружены на двух поселениях: Мякинино 1, существовавшем в XII–XV вв., и Мякинино 2, датированном XIII–XVI вв., а также в могильнике, относящемся к XII – первой половине XIII в. и выполнявшем функцию кладбища как минимум для одного из этих селищ – Мякинино 1, а возможно, и для обоих (Энговатова, Коваль, 2007. С. 71, 72).

Номенклатура стеклянных украшений Мякининского комплекса достаточно разнообразна (табл. 1). Обнаружены бусы, браслеты, перстни, пуговицы, а также вставки в различные металлические украшения. Однако категории украшений, найденных в погребениях и на селищах, даже если сравнивать только украшения домонгольского времени, не совпадают.

На поселениях обнаружены все категории названных украшений (на Мякинино 2 отсутствуют пуговицы) (Векслер, Лихтер, 2007. Табл. 2), а в курганах встречены браслет, бусы и вставки (Столярова, 2008. С. 47; 2018. С. 60, 61. Табл. 1).

Есть различия и в количественных показателях, на которые стоит обратить внимание. На обоих поселениях обнаружено 104 обломка браслета (рис. 2), а в погребениях – только один целый (фиолетовый ребристый крученный) браслет (рис. 3), при этом в погребениях встречено большое количество бус (354 экз.). Для курганных древностей такой набор изделий обычен: инвентарь древнерусских погребений включал, как правило, только бусы; другие же изделия, такие как браслеты, перстни, пуговицы, привески, были единичны (Щапова, 1972. С. 6; Захаров, Кузина, 2008. С. 142, 143. Табл. 25; Столярова, 2017. С. 46–54). Например, наборы с единичными находками браслетов известны лишь в нескольких захоронениях – это синий ребристый браслет из кургана в Филях

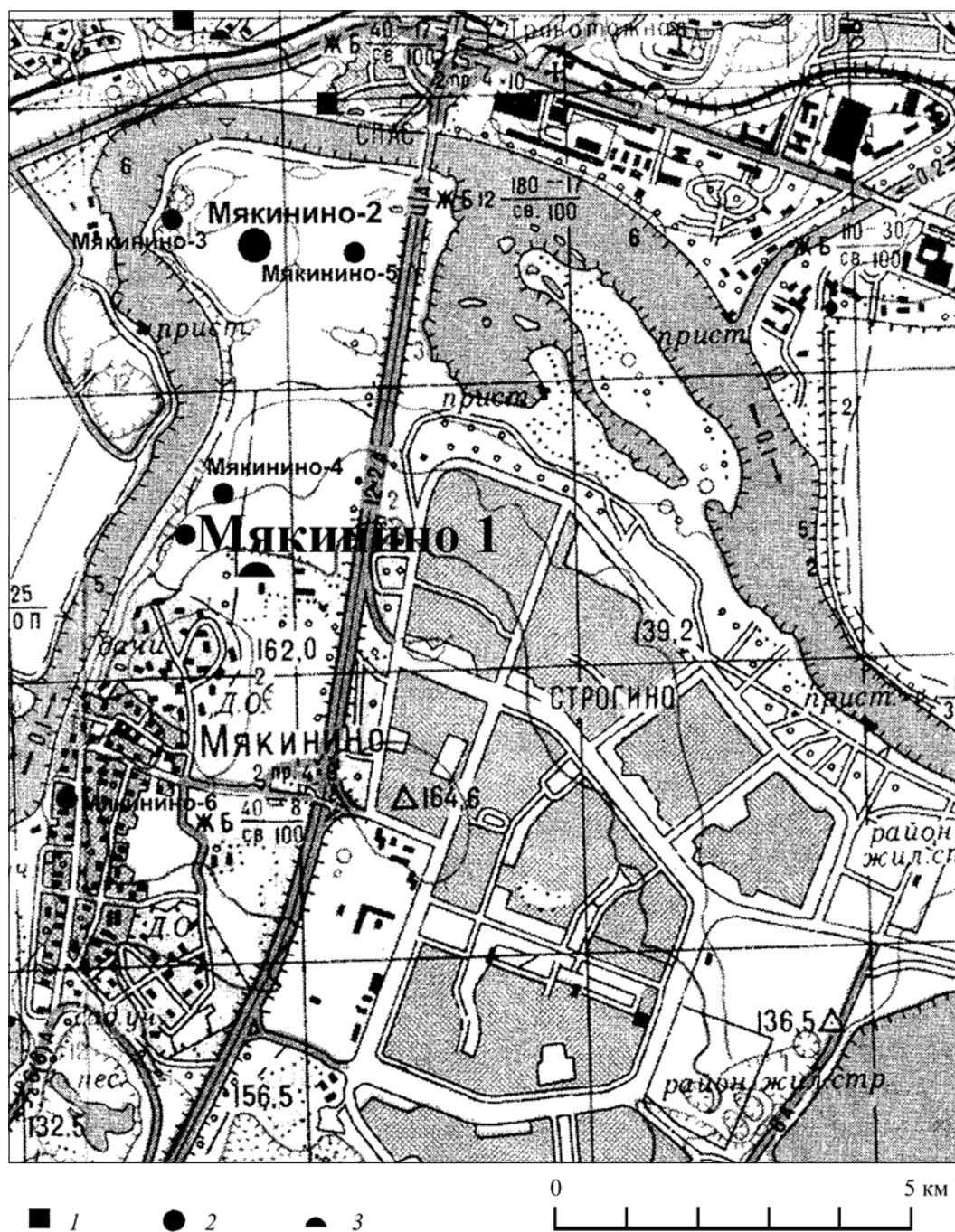

Рис. 1. Место расположения Мякининского археологического комплекса

1 – городище; 2 – селище; 3 – курганный могильник

(Арциховский, 1930. С. 193; 1947. С. 18); фиолетовый ребристый крученный браслет из бронзовых курганов Рязанской губернии (Черепнин, 1898. С. 14, 15); два синих и два черных браслета из одного женского погребения в курганном могильнике близ д. Вирково Бобруйского уезда Минской губернии (Соловьева, Кропоткин, 1953. С. 22); синий ребристый крученный браслет из кургана у д. Хмельница Костромской обл.; черный мелкорребристый

браслет в трупосожжении кургана у с. Левашиха той же области; браслет из кургана у пос. Новый Быхов Могилевской обл. (Соловьева, Кропоткин, 1953. С. 22, 23); синий с цветными разводами браслет диаметром 7,5 см, шириной 1,2 см из женского погребения в кургане у с. Шокошова Суздальского уезда Владимирской губернии (Спицын, 1905. С. 121, 149. Рис. 274; Щапова, 1972. С. 6; Доброва, 2015. С. 223), а также два гладких синих браслета

Таблица 1. Номенклатура стеклянных украшений Мякининского комплекса.

Категории	Погребения	Поселения				
		Мякинино 1		Мякинино 2		Всего
		Всего	Домонгольский период	Всего	Домонгольский период	
Браслеты	1	71	71	33	33	104
Бусы	354	64	63	4	3	68
Вставки	2	5	3	1	–	6
Перстни	–	5	1	6	1	11
Пуговицы	–	3	3	–	–	3
Всего	357	148	141	44	37	192

и один фиолетовый ребристый крученный из одного захоронения в грунтовом могильнике у с. Липино Липинского р-на Курской обл. (Соловьева, Кропоткин, 1953. С. 23). Как видим, стеклянные браслеты не только в Мякинино, но и в других погребальных памятниках XI – первой половины XIII в. встречаются редко.

Получается, что в повседневной жизни жители мякининских селищ носили стеклянные браслеты, но не надевали их на умерших при захоронении. Чем можно объяснить такое дифференцированное отношение к этому виду украшений?

Причиной являлось существенное отличие повседневного костюма и его украшений от погреб-

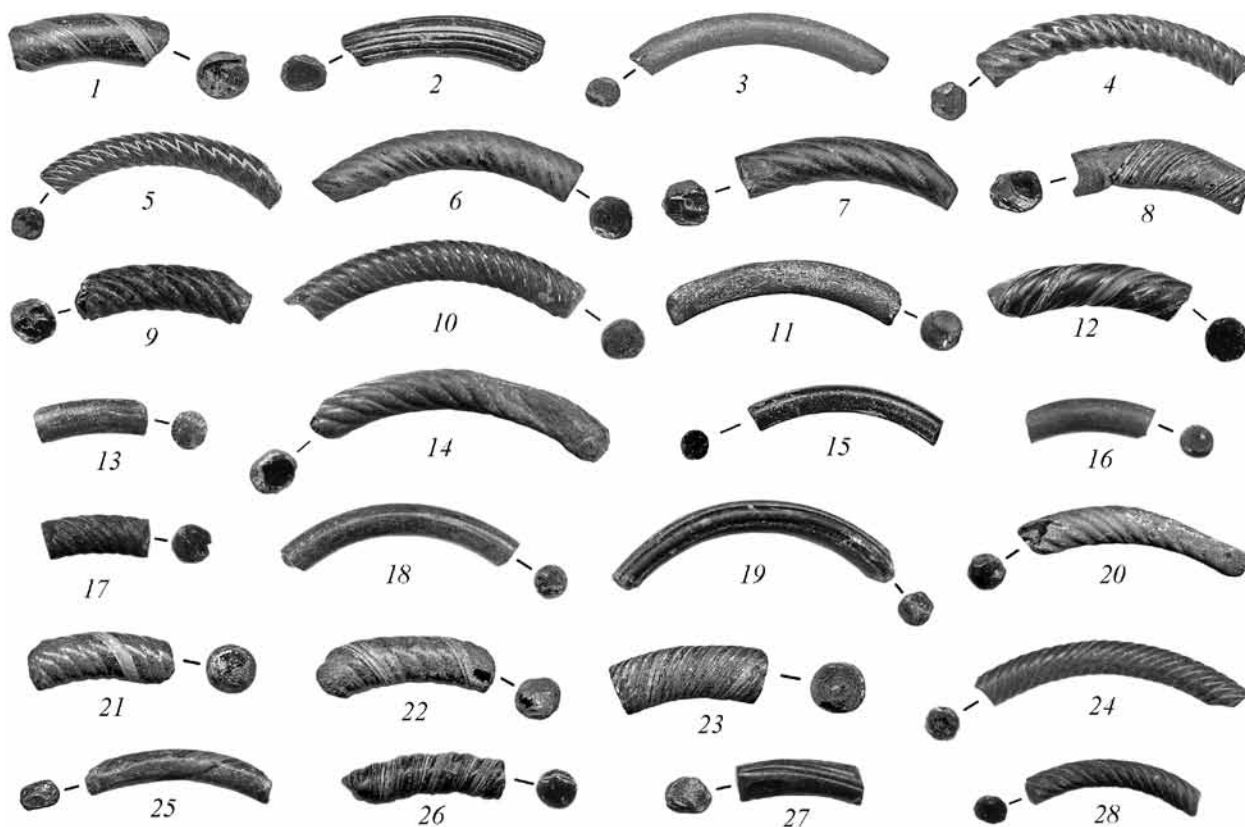

Рис. 2. Стеклянные браслеты селища Мякинино 1 (см. цв. вкл.)

1 – 2003, р. 1, уч. 11, № 266; 2 – 2003, р. 4, уч. 1, № 20; 3 – 2003, р. 4, уч. 5, № 156; 4 – 2003, р. 5, уч. 1, № 2; 5 – 2004, р. 5, уч. 7, № 5; 6 – 2004, р. 5, уч. 8, № 17; 7 – 2004, р. 8, № 9; 8 – 2004, р. 9, уч. 2, № 57; 9 – 2004, р. 10, № 76; 10 – 2005, р. 10, № 94; 11 – 2005, р. 10, уч. 2, № 103; 12 – 2005, р. 10, уч. 2, № 108; 13 – 2005, р. 10, уч. 14, № 300; 14 – 2005, р. 10, уч. 17, № 341; 15 – 2005, р. 10, № 156; 16 – 2003, р. 1, уч. 1, № 37; 17 – 2003, р. 1, уч. 3, № 100; 18 – 2003, р. 1, уч. 4, № 165; 19 – 2003, р. 1, уч. 4, № 188; 20 – 2003, р. 1, уч. 6, № 208; 21 – 2003, р. 1, уч. 6, № 220; 22 – 2003, р. 1, уч. 9, № 243; 23 – 2003, р. 1, уч. 11, № 294; 24 – 2003, р. 1, уч. 11, № 306; 25 – 2003, р. 1, уч. 11, № 313; 26 – 2003, р. 1, уч. 12, № 325; 27 – 2003, р. 4, уч. 2, № 86; 28 – 2004, р. 10, № 35

бальной одежды, для которой, как известно по летописным (Ипатьевская летопись) (Рыбаков, 2015. С. 125) и этнографическим данным (Маслова, 1984. С. 85), использовалась свадебная или праздничная одежда (Сабурова, 1988. С. 266). Для нее, в свою очередь, было принято применять старинные наряды и украшения, уже вышедшие из общего употребления, а потому имевшие апотропейные (охранительные) действия (Маслова, 1984. С. 13, 18, 35, 36). Для древнерусского населения стекланным украшением, имевшим апотропейную функцию, были бусы, издавна являвшиеся одним из элементов костюма. Браслеты же появляются на Руси только во второй половине X в. сначала на южных территориях и в единичных экземплярах, а массовое их распространение начинается с середины XII в. При этом долгое время даже считалось, что стекланные браслеты – украшение городское, и сельское население их не носило (Арциховский, 1947. С. 18).

Здесь следует еще раз вспомнить о неравномерности изучения сельских поселений и погребений. Раскопки же городов в конце XIX – начале XX в. и особенно в предвоенные годы велись достаточно активно. Проведенные там работы показали, что по частоте находок со стекланными браслетами может сравниться только керамика. И сейчас изучение культурных слоев древнерусских городов, как правило, дает огромное количество находок стекланных браслетов, превышающих количество бус и других стекланных изделий. Именно на основании сравнения количества находок стекланных браслетов в сельских погребальных памятниках (курганах) и в городах Древней Руси при отсутствии полноценно исследованных селищ А. В. Арциховским и был сделан вывод, ставший в советской историографии почти хрестоматийным, об отсутствии у сельского населения браслетов. Этот тезис объяснялся особенностями сельской культуры (Арциховский, 1930. С. 26), в которой, как предполагалось, дольше, чем в городской, сохраняются элементы традиционного костюма, характерными признаками которого являются стекланные бусы. Упомянутые выше редкие находки браслетов в курганных захоронениях А. В. Арциховский объяснял близостью этих могильников к городам (Арциховский, 1947. С. 18), где стиралась племенная обособленность и возникали новые, чисто городские украшения, примером которых являются стекланные браслеты (Древняя одежда... 1986. С. 57–59).

Вывод А. В. Арциховского подтверждают исследования на севере Руси. Например, на Мининских селищах в слоях XI–XIII вв. не обнаружено ни одного браслета, при этом количество бус превышает

Рис. 3. Стекланный браслет из погребения 1 кургана VII Мякининского могильника (раскопки 1924 г.)

тысячу находок (Захаров, Кузина, 2005. С. 115. Табл. 2, 3). Изучение же селищ среднерусской зоны в последние десятилетия показало другие данные. Например, на селище Степаново 2 (начало – середина XII – первая половина XIII в.; Дмитровский р-н Московской обл.) в 2005 г. в ходе исследований Подмосквонной экспедиции отдела охранных раскопок ИА РАН обнаружено 11 обломков браслетов (Столярова, 2009. С. 197); на селище Новиково 1 (XIII в.; Становлянский р-н Липецкой обл.) в 2009 г. в результате раскопок той же экспедиции найдено три фрагмента браслетов (Столярова, 2012. С. 272). Таким образом, археологическое изучение ряда селищ, в том числе и подмосквонного региона, показывает, что стекланные браслеты были довольно хорошо известны сельскому населению, проживавшему на исследованной территории. Следует отметить, что на селище Мякинино 1 браслеты присутствуют в четырех комплексах XII в. (5 находок), шести комплексах второй половины – конца XII – первой половины XIII в. (8 браслетов) и одиннадцати комплексах, заполнявшихся в первой половине XIII в. (21 браслет) (Энговатова, Коваль, 2004; 2005; 2006; Коваль, 2007). Такое распределение аналогично распределению браслетов в слоях древнерусских городов, в которых период максимального распространения этих украшений относится к началу – первой половине XIII в. (Столярова, 2016. С. 209).

Обратимся к сравнению стекланных бус, найденных на мякининских селищах и в курганах. Количество их разное, что само по себе неудивительно, если принимать во внимание разные типы этих памятников (табл. 1). При этом следует учесть, что при работах на них использовалась одинаковая методика раскопок. Характер находок на поселениях в отличие от погребений в целом иной, он в большей

Таблица 2. Сравнительная характеристика стеклянных бус Мякининского комплекса.

Тип	Декор, цвет	Погребения	Поселения
Зонные (округлые шаровидные усеченные дважды)	Бледно-желтый	27	16
	Ярко-желто-зеленый	7	1
	Синий	5	5
	Бирюзовый	4	7
	Черный	15	—
	Фиолетовый	1	—
	Бежевый	—	2
	Оливковый непрозр.	—	1
	Красно-коричневый непрозр.	—	2
	Желтый непрозр.	—	1
	Нельзя установить	12	3
Всего		71	38
С пластичным декором	Фестоны	3	2
	Пятна	2	—
	Пятна в петлях	—	1
	Спираль	—	1
	Зигзаги	—	1
Всего		5	5
Эллипсоидные (бочонковидные)	Черный	5	—
	Красно-коричневый непрозр.	—	1
	Нельзя установить	1	—
Всего		6	1
Кольцевидные	Ярко-желтый	3	2
	Бирюзовый	8	—
	Бежевый	2	—
	Ярко-желто-зеленый	—	5
	Бледно-желтый	—	1
Всего		13	8
Биконические (битрапециодные)	Синий	1	2
	Бледно-желтый	3	—
	Белый непрозр.	—	2
	Пурпурный	—	1
Всего		4	5
Цилиндрические	Фиолетовый	2	—
	Бирюзовый	—	1
Всего		2	1
Навитой бисер (древнерусский)	Сине-зеленый	—	1
	Желтый непрозр.	—	2
	Нельзя установить	1	—
Всего		1	3
Винтообразные цилиндрические	Бирюзовый	37	—
	Фиолетовый	4	—
	Нельзя установить	8	—
Всего		49	0
Рыбовидные	Фиолетовый	6	—
	Синий	4	—
Всего		10	0
Рубленый бисер	Бирюзовый	36	—
Итого		36	0
Навитой бисер (византийский)	Зеленый	77	—
	Желто-зеленый	6	—
Всего		83	0

Таблица 2. Сравнительная характеристика стеклянных бус Мякининского комплекса (окончание).

Тип	Декор, цвет	Погребения	Поселения
Навитые с металлической фольгой	Золотостеклянные	2	–
	Псевдозолотостеклянные	10	–
	С фольгой (древнерусские)	7	–
Всего		19	0
Винтообразные зонные	Коричневый	–	2
	Фиолетовый	–	1
Всего		0	3
Пирамидальные	Синий	–	1
Всего		0	1
Нельзя установить	Нельзя установить	24	3
Итого		323 ¹	68

степени подвержен случайностям. Находки бус на селищах обусловлены их случайными потерями, при этом, вероятно, каким-то типам бус, например наиболее красивым и/или дорогим, придавалось особое значение, их больше берегли и поэтому меньше теряли, а если теряли, то тщательно искали и собирали. Поэтому, вероятно, бусы, обнаруженные на селищах, полностью не отражают того набора, который использовали в повседневном костюме. Тем не менее интересно сравнить типы бус, обнаруженных на селищах и в погребениях (табл. 2).

На поселениях полностью отсутствуют наиболее ранние типы из всех бус Мякининского комплекса, относящиеся в целом к X – первой половине – середине XII в. Это рубленый бисер, навитой бисер византийского производства, золотостеклянные бусы византийского производства, бусы с металлической фольгой древнерусского производства (Столярова, 2008. С. 51, 55. Рис. 1, 1–3; 8, 2). В то же время на селищах нет и некоторых типов бус, относящихся к более позднему времени – второй половине XII – первой половине XIII в. Это так называемые рыбовидные бусы, псевдозолотостеклянные древнерусского производства, винтообразные бусы цилиндрической формы (Столярова, 2008. С. 51, 55, 57, 58. Рис. 1, 4; 7, 1; 9, 1; 10, 2; 11, 1).

В погребениях отсутствуют типы бусин, датируемых золотоордынским временем, что понятно. Это, например, граненая пирамидальная бусина, являющаяся частью серьги (рис. 4, 39).

Типы бусин, встреченные и на поселении, и в погребениях, следующие. Это так называемые зонные (рис. 4, 1–17) (Столярова, 2008. С. 53, 54, 55, 57. Рис. 4, 1; 6; 8, 3; 9, 2–5; 10, 1), кольцевидные

(рис. 4, 18–24) (Столярова, 2008. С. 51, 55. Рис. 1, 5; 8, 4), эллипсоидные (бочонковидные) (рис. 4, 25) (Столярова, 2008. С. 57), биконические (битрапециодные) (рис. 4, 26–29) (Столярова, 2008. С. 57, 58. Рис. 9, 6; 11, 2), цилиндрические (рис. 4, 30) (Столярова, 2008. С. 57. Рис. 10, 3), навитой бисер древнерусского производства (рис. 4, 31–33) (Столярова, 2008. С. 54. Рис. 5, 1), так называемые бусы с пластичным декором (рис. 4, 34–38) (Столярова, 2008. С. 54, 55, 58. Рис. 5, 2; 8, 5; 11, 3). Причем количество бус этих типов на поселениях и в погребениях в целом пропорционально (табл. 2). Из них наиболее многочисленны как в погребениях, так и на поселениях зонные бусы разных цветов, из которых в обоих случаях преобладают бусы из бледно-желтого стекла (рис. 4, 9–17) (Столярова, 2008. С. 55, 57. Рис. 8, 3; 10, 1), имитирующие горнохрустальные шаровидные бусы.

Таким образом, можно говорить о том, что в сельских памятниках среднерусской зоны, в том числе и в Подмосковье, в XII–XIII вв. традиционный костюм сохраняется главным образом в свадебной, праздничной и, как следствие, в погребальной одежде. Отсюда наличие в погребениях только стеклянных бус, в первую очередь наиболее древних, а также самых ярких и красивых. Очевидно, что вышедшие из общего употребления, ставшие старинными для жителей мякининского селища бусы (рубленый бисер, навитой бисер византийского производства, золотостеклянные бусы византийского производства), являвшиеся частью традиционного костюма более раннего времени, имели апотропейные (охранительные) свойства, поэтому их использование в погребальном костюме понятно. Бусы современные жителям селища,

¹ Форма, цвет и прочие признаки остальных бусин (31 экз.) не установлены, т.к. их местонахождение на сегодняшний день неизвестно.

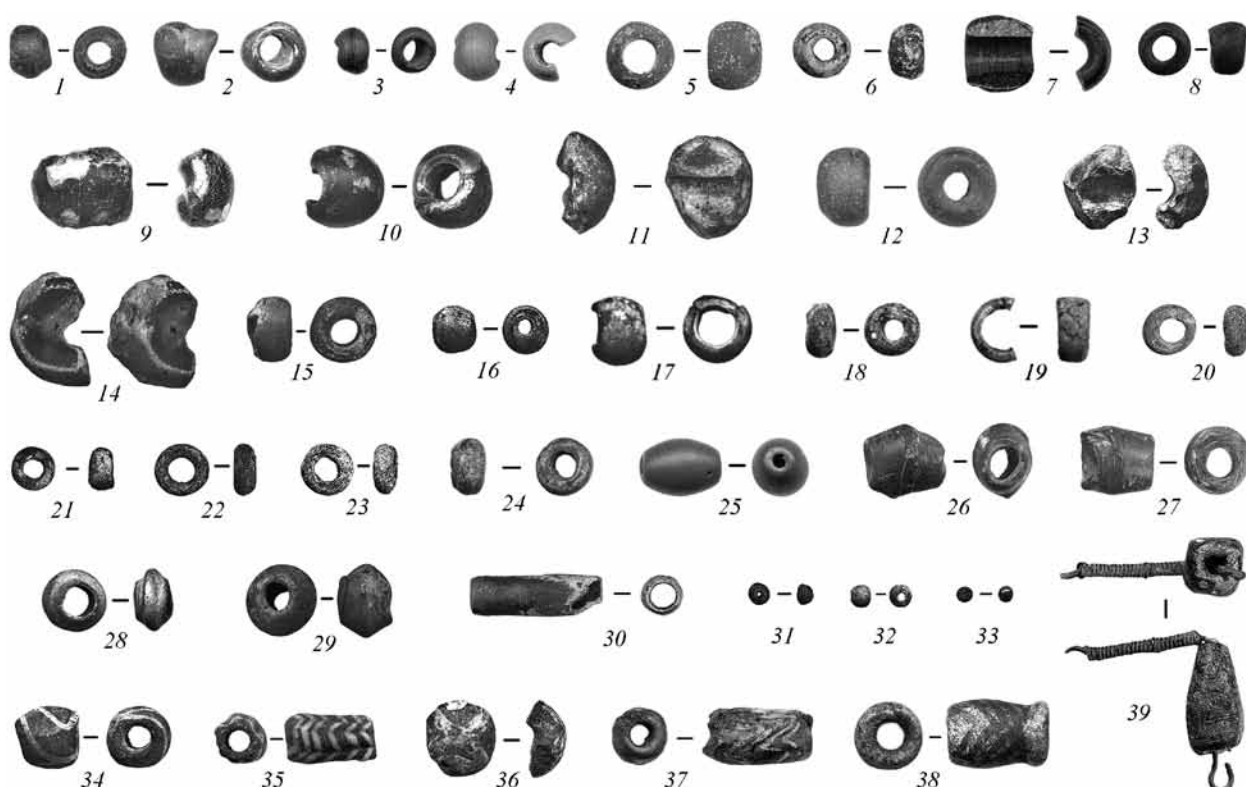

Рис. 4. Стекланные бусы селища Мякинино 1 (см. цв. вкл.)

1 – 2004, р. 3, уч. 6, № 90; 2 – 2003, р. 1, уч. 11, № 259; 3 – 2004, р. 3, уч. 5, № 70; 4 – 2004, р. 3, уч. 9, № 125; 5 – 2006, р. 11, уч. 8, № 194; 6 – 2006, р. 11, уч. 1, № 28; 7 – 2003, р. 4, уч. 1, № 38; 8 – 2005, р. 10, № 346; 9 – 2003, р. 1, уч. 1, № 47; 10 – 2003, р. 1, уч. 4, № 169; 11 – 2004, р. 3, уч. 6, № 83; 12 – 2004, р. 5, уч. 8, № 27; 13 – 2005, р. 10, уч. 11, № 265; 14 – 2005, р. 10, № 340; 15 – 2005, р. 10, № 344; 16 – 2005, р. 10, № 345; 17 – 2003, р. 3, уч. 3, № 32; 18 – 2005, р. 10, № 355; 19 – 2006, р. 11, уч. 4, № 133; 20 – 2006, р. 11, уч. 9, № 204; 21 – 2006, р. 11, уч. 15, № 296; 22 – 2006, р. 11, уч. 2, № 100; 23 – 2006, р. 11, уч. 4, № 135; 24 – 2006, р. 11, уч. 16, № 327; 25 – 2003, р. 5, уч. 3, № 9; 26 – 2005, р. 10, № 342; 27 – 2005, р. 10, № 343; 28 – 2003, р. 1, уч. 2, № 74; 29 – 2005, р. 10, № 351; 30 – 2006, р. 11, уч. 2, № 96; 31 – 2006, р. 11, уч. 2, № 106; 32 – 2004, р. 8, № 23; 33 – 2004, р. 10, № 57; 34 – 2005, р. 10, № 356; 35 – 2005, р. 10, № 352; 36 – 2005, р. 10, № 348; 37 – 2004, р. 8, № 8; 38 – 2004, р. 5, уч. 8, № 8; 39 – 2006, р. 11, уч. 5, № 158

но наиболее яркие и красивые, а, возможно, потому и наиболее дорогие (бусы с металлической фольгой и псевдозолотостеклянные древнерусского производства, рыбовидные, винтообразные цилиндрической формы), ценились больше бус обычных типов и включались в убор погребальной одежды в первую очередь. Отсутствие в захоронениях, за редким исключением, стеклянных браслетов характерно не только для периода, когда браслетов еще мало, но и для первой половины XIII в., когда

эти украшения довольно популярны на Руси, и уже не только в городах, но и в деревне. Находки же стеклянных браслетов на селищах среднерусской зоны, видимо, действительно отражают начавшийся и в сельской культуре процесс распространения новых, городских украшений и включения их в повседневный, будничные костюм. Однако на селищах, удаленных от крупных городов, он шел гораздо медленнее, чем в городах и близких к ним поселениях, о чем и говорил А. В. Арциховский.

Литература

Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 223 с.

Арциховский А. В., 1947. Основные вопросы археологии Москвы // МИА. № 7. С. 7–22.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2007. Находки стеклянных изделий на селище Мякинино 2 (из раско-

пок 1994–1995 годов) // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 111–114.

Доброва О. П., 2015. К вопросу о ношении стеклянных браслетов // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История. С. 223–224.

Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: Наука, 1986. 272 с.

Захаров С.Д., Кузина И.Н., 2005. О некоторых особенностях материальной культуры северных поселений // РА. № 4. С. 115–124.

Захаров С.Д., Кузина И.Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. Н.А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 142–215.

Коваль В.Ю., 2007. Отчет об охранных археологических раскопках Мякининского комплекса памятников в Красногорском районе Московской области в 2006 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 33226–33229.

Маслова Г.С., 1984. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX века. М.: Наука. 216 с.

Рыбаков Б.А., 2015. Ремесло Древней Руси. М.: Академический проект; Культура. 715 с.

Сабурова М.А., 1988. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси. М.: Наука. С. 266–271.

Соловьева Г.Ф., Кропоткин В.В., 1953. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов Древней Руси // КСИ-ИМК. Вып. 49. С. 21–25.

Спицын А.А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб. С. 84–172.

Столярова Е.К., 2008. Стеклянные бусы Мякининской курганной группы // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 47–61.

Столярова Е.К., 2009. Стеклянные украшения селища Степаново-2 // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 197–203.

Столярова Е.К., 2012. Украшения из стекла и фаянса селища Новиково 1 // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 272–277.

Столярова Е.К., 2016. Стекло средневековой Москвы: XII–XIV вв. М.: РГГУ. 692 с.

Столярова Е.К., 2017. О редких стеклянных украшениях Древней Руси (золотостеклянные привески домонгольского времени) // ТТЗ. Тверь: ИА РАН; ТНИИР-центр. Вып. 10. С. 46–54.

Столярова Е.К., 2018 (в печати). Предметы из стекла // Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Зоц Е.П., Столярова Е.К., Сарачева Т.Г. Мякининский археологический комплекс в Подмосквье. Мякининские курганы / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 60–75. (Материалы спасательных археологических исследований. Вып. 21).

Черепнин А., 1898. Раскопки Пронских курганов // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. Год VI. № 1. М. С. 6–17.

Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ. 215 с.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2004. Отчет об охранных археологических раскопках на селище Мякинино 1 и разведках в Красногорском районе Московской области в 2003 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 32946–32948.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2005. Отчет об охранных археологических раскопках на Мякининском комплексе памятников в Красногорском районе Московской области в 2004 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 26185–26188.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2006. Отчет об охранных археологических раскопках в Красногорском и Дмитровском районах Московской области в 2005 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 26681–26685.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2007. Мякининский комплекс памятников археологии // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 71–80.

E. K. Stolyarova

Glass ornaments of Medieval rural population of Moscow region (based on materials from Myakinino cluster of sites)

Summary

This article is dedicated to a study of glass ornaments of rural population of Moscow region. It makes a comparative study of finds from two different settlements, and at the cemetery, which makes conclusions

possible about different kinds of ornaments which were in use in the 12th and 13th centuries, both for funeral rites, and for everyday cloths.

О. А. Фатюнина

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Рязань

Кожаные туфли с шерстяными чулками из Монастырского курганного могильника у Пронска

На настоящий момент исследователи, занимающиеся изучением древних обуви и одежды, проявляют большой интерес ко всем изделиям подобного рода. Новые артефакты своевременно и довольно регулярно публикуются. В результате проявилась тенденция к переосмыслению всего того массива материалов, который был собран археологами в XIX–XX вв., и пересмотру выводов, полученных еще лет 30 тому назад.

В работах А. В. Курбатова и Д. О. Осипова изучены различные аспекты русского кожевенно-сапожного производства, выявлены его региональные особенности на основании анализа археологической кожи VIII–XVIII вв. (*Курбатов*, 2012; *Осипов*, 2014). В связи с проявившимся интересом к находкам обуви как из городских и сельских слоев, так и из захоронений (*Попова*, 1997; *Курбатов*, 2002; *Осипов*, 2013; *Зубкова*, 2013) представляется целесообразным ввести в научный оборот находку, которая 120 лет хранится в фондах Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (рис. 1; 2).

Фрагменты кожаной обуви с сохранившимися остатками вязаных чулок были обнаружены в одном из Монастырских курганов под Пронском летом 1897 г. членом Рязанской Ученой архивной комиссии А. И. Черепниным. Об этой находке он доложил на заседании Архивной комиссии 3 сентября того же года: «В кургане № 2 при остатках женского погребения сохранились полуистлевшие кожаные башмаки и шерстяные чулки. Эта находка особенно интересна тем, что обувь обыкновенно истлевает бесследно и до сих пор в рязанских курганах не находили обуви. Курган № 2 занимал вершину бугра, самое положение кургана и особенно грунта и насыпи способствовали сохранению остатков обуви» (Труды... 1898. С. LIV).

Полное же описание обстоятельств обнаружения курганов, их размеров, а также содержимого

приведено в Дневнике раскопок (*Черепнин*, 1898а. С. 53–66) (Прил. 1). Эта же информация, с небольшими дополнениями, была опубликована в 1898 г. (*Черепнин*, 1898б. С. 12–14). Кроме того, упоминания 45 Пронских курганов около монастыря и их общая краткая характеристика имеются в обзоре деятельности Рязанской Ученой архивной комиссии за 15 лет (*Проходцов*, 1899. С. 66, 67).

Позже А. В. Арциховский упоминал, что «при раскопках А. И. Черепнина в Монастыре Пронского уезда найдены в женском погребении хорошо сохранившиеся остатки женских чулок. Чулки эти доходили выше колен и были, по замечанию А. И. Черепнина, вязаны из очень толстых и грубых шерстяных ниток» и «туфли высотой в 2 см, шитые из двойной кожи, с подошвами, пришитыми нитками» (*Арциховский*, 1930. С. 102). Эту цитату, касающуюся только кожаной обуви, приводит А. В. Курбатов в обобщающей статье по погребальной обуви средневековой Руси (*Курбатов*, 2002. С. 155–172), и это единственное отрывочное упоминание артефакта в современной литературе.

Отсутствие в публикациях иллюстраций и упущение контекста – полного комплекса вещей из кургана № 2 – значительно снижали научную ценность перечисленных упоминаний интереснейших находок. Подробные описания А. И. Черепнина являются важным источником по установлению особенностей конструирования туфель, надетых на умершую. Вместе с тем накопленная научная база по типам бытовой обуви и обуви из погребений позволяют по-новому взглянуть на столь интересную находку.

Сохранившиеся фрагменты относятся к мягким туфлям – основному виду низкой обуви в древнерусских городах до середины XIV в. (*Курбатов*, 2015. С. 473). По конструкции туфли состоят из асимметричного одночастного верха, сшивавшегося на боковой стороне стопы тачным швом, и подошвы.

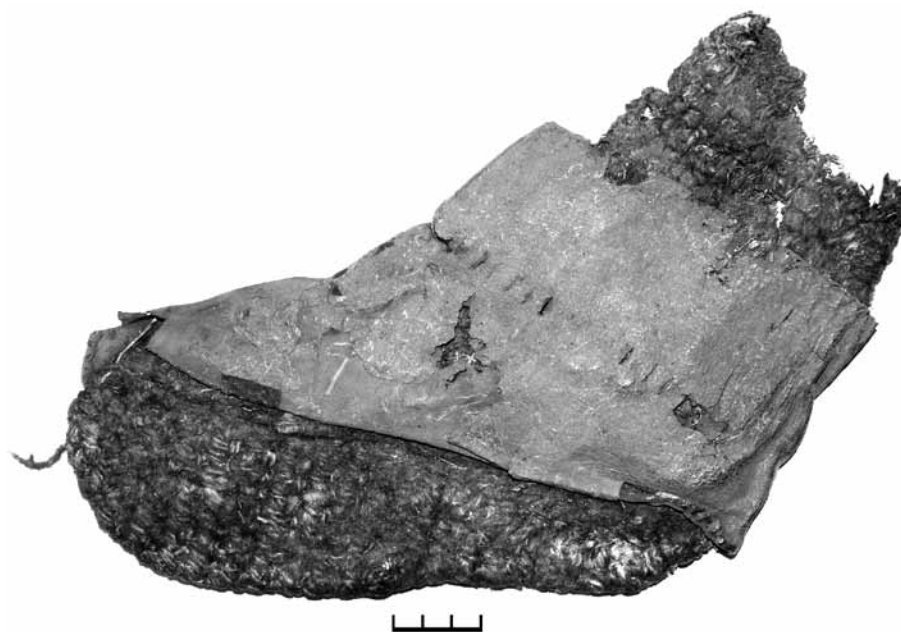

Рис. 1. Кожаная туфля с фрагментом шерстяного чулка

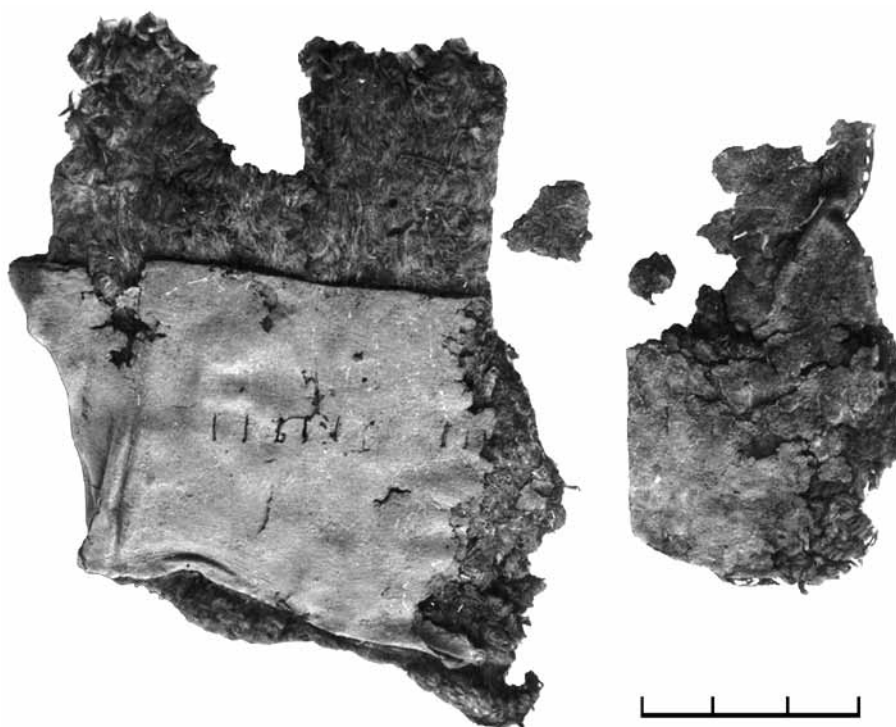

Рис. 2. Фрагменты второй полу пары

По наблюдениям А. И. Черепнина, «на каждом башмаке над подъемом ступни сделан продольный вырез в виде ромба». Верх туфли отделен ромбовидным вырезом от боковины с ее отложным краем. Обувь крепилась на голени при помощи ремешков, продернутых сквозь прорезы. А. И. Черепнин сообщает, что «стянутые ремешки или шнуры завязывались над

ромбоидальными вырезами», но были ли на момент описания остатки ремешков, сейчас сказать невозможно: в настоящее время никаких их следов не прослеживается. Отчетливо видны прорезы для обор, сгруппированные по шесть, между группами – свободное пространство. Туфля по краю обшивалась, об этом свидетельствует обметочный шов «через

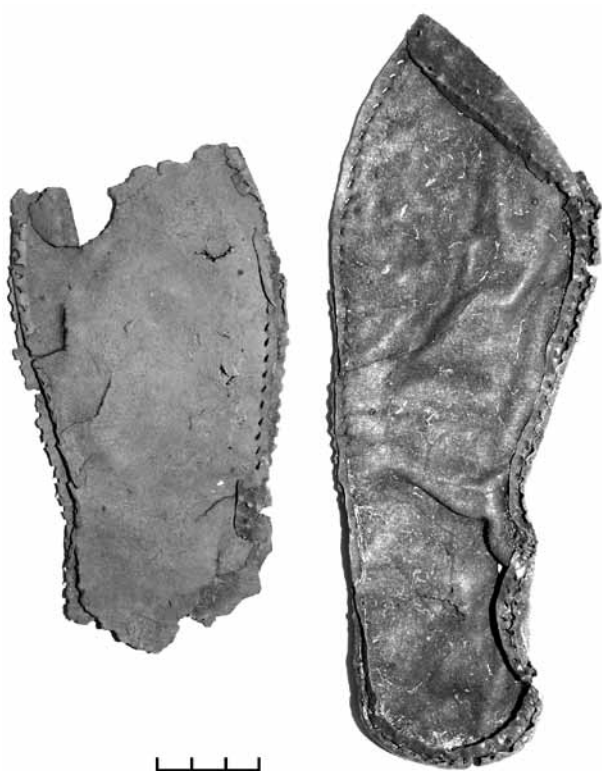

Рис. 3. Фрагменты подошв туфель

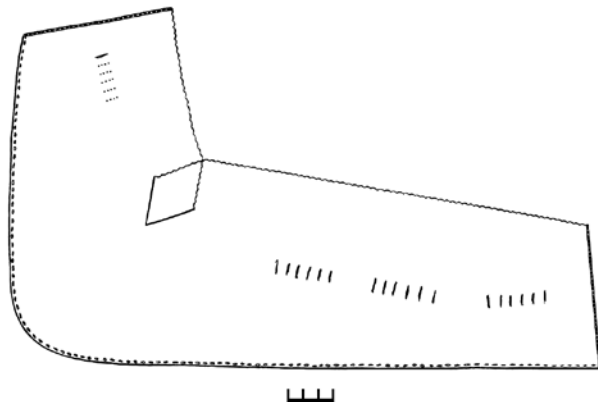

Рис. 4. Реконструкция выкройки туфли

край». Подошва соединялась с верхом выворотным швом. Она имеет слегка заостренный носок и округлую пятку (рис. 3). Довольно хорошая сохранность одной из туфель позволяет сделать реконструкцию выкройки обуви (рис. 4).

Подобная конструкция бытовой обуви присутствует среди материалов Рюрикова городища, Полоцка, Москвы и др. и датируется XII – первой половиной XIII вв. (Курбатов, 2005. С. 234, 235; 2015. С. 478, 479; Осипов, 2006. С. 42). Отсутствие декора на наших туфлях, вероятно, позволяет отнести их к XII в.

А.И. Черепнин указывал на пошив туфель «из двойных цельных кусков кожи» и упоминал про «двойные подошвы». Однако еще Е.А. Оятева писала о том, что тонкую кожу ошибочно считают показателем высокого качества, тогда как она расслоилась из-за недостатков дубления (Оятева, 1975. С. 125–133). Не очень хорошее качество продуба, определенная почва, да и время пребывания в ней артефакта часто приводят к расслоению. Эту сторону вопроса подробно рассмотрел А.В. Курбатов (2007. С. 90, 91). Так, тщательное визуальное изучение фрагментов туфель из кургана позволяет утверждать, что детали туфель были сшиты из одного слоя кожи.

Как известно, цвет обуви в слое не сохраняется. Можно заметить, что меряя кожи имеет черный цвет, а бахтарма кожи и места расслоения – коричневого цвета. А.И. Черепнин обратил внимание, что «нижняя кожа, обращенная к ступне... по-видимому, не окрашенная в черный цвет».

Крайне любопытно также свидетельство раскопщика, что «шов находится на правой боковой стороне у правого башмака и на левой боковой стороне у левого башмака». В своей публикации А.И. Черепнин так сформулирует эту мысль: «... шов, соединяющий концы куска кожи, с наружной стороны, с боку...» (Черепнин, 1898б. С. 13). По мнению А.В. Курбатова, «верх всегда имел боковой шов на внутренней стороне стопы» (Курбатов, 2015. С. 473), что в принципе логично: скрывать швы там, где их сложно заметить. Это же место сшивания отмечает Д.О. Осипов, добавляя, что «по месту расположения шва можно определить принадлежность обуви к правой или левой ноге, что подтверждается характерной стертостью подошвы» (Осипов, 2006. С. 42). В нашем случае сохранившаяся полупара с внешним швом была надета на правую ногу. Казалось бы, туфли на умершую по ошибке могли расположить не на ту ногу. Но, как известно, по асимметричному раскрою подошвы можно разделить обувь для правой и левой ноги (Курбатов, 2015. С. 473). Так, по сохранившейся подошве одной туфли можно заметить, что кроилась она для правой ноги. Тогда как по фрагменту подошвы на вторую ногу видно, что она явно кроилась для левой ноги. Получается, что швы на туфлях все же были с внешней стороны.

Что касается чулок, то при обнаружении по высоте они «заходили выше колен». Они были связаны из толстых шерстяных ниток. А.И. Черепнин указал, что они были вязаны на одной спице, вероятно, подразумевая под ней иглу. Способ вязания одной иглой был распространен в X–XIII вв. как у русских, так и у неславянских народов.

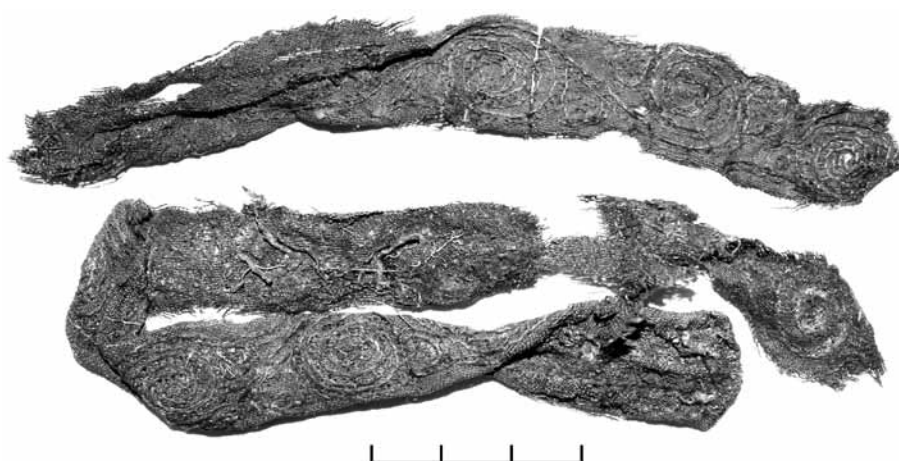

Рис. 5. Фрагменты обшивки ворота

Иглой вязали и в скандинавских странах (Григорьева, 2002. С. 2). В 2012 г. в Великом Новгороде были найдены два шерстяных вкладыша в обувь (Янин и др., 2013. С. 16, 18); судя по иллюстрации, они были выполнены подобной вязкой. Вкладыши были обнаружены в слоях конца XI – начала XIII в.

А. И. Черепнин предположил, что изначальный цвет чулок был красный. В ходе лабораторного анализа, по результату жидкостной хроматографии, удалось установить, что шерстяной чулок не был окрашен (Прил. 2).

Стоит прокомментировать мнение А. И. Черепнина, что «найденные нами башмаки приготовлялись только для умерших и не употреблялись при жизни», «на умершего были надеты новые башмаки и чулки». Считается, что специально пошитая погребальная обувь применялась не ранее XV в., тогда как в ранние периоды умершего хоронили в повседневной обуви (Курбатов, 2002. С. 156; Осипов, 2013. С. 145). Однако единичные находки показывают, что и в более ранних захоронениях использовалась обувь, созданная специально для погребения (Кочкина, Левыкина, 2015. С. 318).

На нашем образце следов износа не наблюдается: напротив, подошвы туфель сохранили отчетливый рисунок мереи. Чулки, вероятно, также были новые или малоношенные, о чем свидетельствует нитка, оставшаяся после завершения вязки вещи: если бы чулки долго носились, нитка бы свалилась и спрессовалась с изделием. Итак, на погребенную надели новую обувь и чулки, но конструктивно от обиходной она не отличается (за исключением места расположения шва), что подтверждает выводы А. В. Курбатова (2002. С. 156, 157) и Д. О. Осипова (2013. С. 142).

Помимо обуви с чулками в кургане обнаружен и иной погребальный инвентарь. О расположении

фрагментов золототканой ленты (рис. 5) известно по записям А. И. Черепнина: «На месте шеи сохранился обрывок ткани, напоминающий узкую ленту, с узором в виде завитков; в ткани заметны металлические нити. Эта лента, вероятно, служила обшивкой ворота у рубашки» (Черепнин, 1898а). Фрагменты ткани по длине составляют 12,7 и 23,5 см, а по ширине – 1,6 см. Согласно наблюдению Т. Д. Пановой, «среди наиболее распространенных вещей, встреченных в погребениях XII–XIII вв., выделяются дорогостоящие привозные (в основном византийские) золотные ткани» (Панова, 2004. С. 150). Кроме того, по обе стороны от черепа с плохо сохранившимися темными волосами, заплетенными в три пряди, лежали два перстнеобразных височных кольца (рис. 6), изготовленные из проволоки толщиной 2 мм. Одно из колец, диаметром 2,3 см, имеет заходящие концы, второе, диаметром 2,5 см, обломано. Украшения имеют довольно широкую датировку – X–XIII вв. (Седова, 1981. С. 13–14).

Подводя итог рассмотрению содержимого кургана, мы можем предположить совершение захоронения в XII в.

Рис. 6. Височные кольца

Литература

- Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 223 с.
- Григорьева Г. А., 2002. Забытые традиции. Вязание одной иглой. Архангельск: Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И. Э. Грабаря. 6 с.
- Зубкова Е. С., 2013. Еще раз об обуви из Псковской скудельницы // АИППЗ. Вып. 58. М. – Псков: ИА РАН. С. 38–47.
- Кочкина А. Ф., Левыкина Т. А., 2015. Погребальные калиги из Малорязанского могильника золотоордынского времени на Самарской Луке: проблемы реставрации и атрибуции // Поволжская археология. № 4 (14). Казань. С. 311–323.
- Курбатов А. В., 2002. Погребальная обувь средневековой Руси // Археологические вести. № 9. СПб. С. 155–172.
- Курбатов А. В., 2005. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец. на кн.: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stocrhholm. 2001 // Археологические вести. № 12. СПб. С. 231–244.
- Курбатов А. В., 2007. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 89–133.
- Курбатов А. В., 2012. Кожевенное ремесло в средневековой России. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб. 53 с.
- Курбатов А. В., 2015. Обувная мода в средневековой Руси // ТАС. Вып. 10. Т. II. Тверь: Тверской государственный музей-заповедник. С. 467–495.
- Осипов Д. О., 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН. 202 с. (Материалы охраняемых археологических исследований. Т. 7).
- Осипов Д. О., 2013. Обувь из погребений и погребальная обувь // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 140–150.
- Осипов Д. О., 2014. Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (комплексное исследование). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М. 48 с.
- Оятева Е. А., 1975. Осебергская обувь (Опыт исторического исследования) // Скандинавский сборник. Т. XX. Таллин: Ээсти Раамат. С. 125–132.
- Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радунца. 195 с.
- Попова С. В., 1997. Обувь из погребения у церкви Алексея – человека Божьего в Твери // ТТЗ. Вып. 2. Тверь: Старый город. С. 271–276.
- Проходцов И. И., 1899. Обзор пятнадцатилетней деятельности Комиссии. Рязань: Тип. Губернского Правления. 145 с.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1897 г. Т. XII. Вып. 3. Рязань: Тип. Губ. Правления, 1898. 105 с.
- Черепнин А. И., 1898а. Дневник раскопок Пронских курганов // Тр. РУАК. Т. XIII. Вып. 1. Рязань, Тип. Губ. Правления. С. 53–66.
- Черепнин А. И., 1898б. О Пронских курганах // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским Императорским археологическим обществом. Вып. 1. М.: Тип. А. И. Мамонтова. С. 6–17.
- Янин В. Л., Рыбина Е. А., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К., Тянина Е. А., 2013. Работы в Людином конце Новгорода в 2012 году (Троицкий раскоп XIII, участки Г и Г-1) // ННЗ. Великий Новгород. С. 12–19.

О. А. Fatyunina

Leather shoes with woollen stockings from a monastic earthworks burial ground near Pronsk

Summary

This article is dedicated to the unique leather shoes with woollen stockings from a monastic earthworks burial ground near Pronsk, which were found in 1897. We can suggest they were made in the 12th century

particularly for funerary use: trim collar and temporal rings. A relatively new pair of shoes and stockings were put on a dead woman. The construction of the shoes was typical of ones for everyday use.

Приложение 1

Черепнин А. И.

Из Дневника раскопок Пронских курганов¹

Курган № 2. Над обвалом, недалеко от изгороди, окружающей монастырскую рощу, находился полуразрушенный курган; восточное крыло его обрушилось в обрыв. Один из зрителей, присутствовавших во время производства раскопок, заметил на отвесном обрыве, аршина на три от поверхности полуразрушенного кургана, клочок темной кожи, выдающийся из земли; с ловкостью обезьяны он взобрался по отвесной крутизне обрыва и вытащил из земли заинтересовавший его кусочек кожи. Подавая мне обрывок старой кожи, он указал место, откуда достал эту находку. Не могло быть сомнения, что клочок кожи добыт из могилы, находившейся под полуразрушенным курганом. Тотчас же начали раскопку поврежденного кургана. До глубины 1 $\frac{1}{4}$ аршина от вершины кургана шла насыпная суглинистая земля, затем оказалась прослойка глины толщиной в $\frac{1}{2}$ аршина, и ниже следовал грунтовый песок. На глубине 3 аршин от вершины кургана показались остатки полуистлевшего костяка, обращенного головой на запад, ногами – на восток, лицом – вверх; кисти рук были сложены на верхней части груди; череп распался на части: по обе стороны его лежало по одному кольцу, согнутому из медной проволоки; концы проволоки несколько заходили один за другой (№ 2, № 3); диаметр колец – $\frac{3}{8}$ вершка. Тут же поднята часть косы, заплетенная в три пряди (№ 4), волоса темные. На месте шеи сохранился обрывок ткани (№ 5), напоминающий узкую ленту, с узором в виде завитков; в ткани заметны металлические нити. Эта лента, вероятно, служила обшивкою ворота у рубашки. По сторонам костяка и над ним находились небольшие куски от истлевших досок, которыми были обставлены бока могилы и покрыта умершая. На ногах были остатки полуистлевших шерстяных чулок и башмаков. По своей форме башмаки несколько напоминают нынешние полуботинки, сшитые из двойных цельных кусков кожи, охватывающих верхнюю часть ступни и пятку; шов находится на правой боковой стороне у правого башмака и на левой боковой стороне у левого башмака, в расстоянии 1 $\frac{1}{2}$ вершков от конца пятки; на каждом башмаке над подъемом ступни сделан продольный вырез в виде ромба, в 1 $\frac{3}{4}$ вершка длины; верхняя

кожа по шероховатости наружной поверхности напоминает нынешний тонкий шагрень, нижняя кожа, обращенная к ступне, несколько тоньше верхней, совершенно гладкая и, по-видимому, не окрашенная в черный цвет. На высоте щиколотки верхняя часть башмака стягивалась узким ремешком или шнурком, продевавшимся в небольшие сквозные прорезы (3/16 вершка длиною), кругом верхней части башмака с наклоном к пятке, так что сбоку башмака прорезы отстоят от подошвы на 1 $\frac{1}{4}$ вершка; около же пятки только на $\frac{3}{4}$ вершка от подошвы; прорезы идут не сплошным рядом, а прерываются над пяткою и с боков; промежутки между рядами прорезов имеют по $\frac{5}{8}$ вершка; стянутые ремешки или шнуры завязывались над ромбоидальными вырезами. Двойные подошвы выкроены из цельных кусков тех же сортов кожи; нижняя подошва одинакова с верхнею кожею башмака; подошвы пришиты нитками; верхний край башмаков был обшит лентою из ткани или очень тонкую кожею. Длина подошвы 5 вершков, наибольшая ширина ее между боковыми швами, прикреплявшими подошвы к башмаку, 1 $\frac{5}{8}$ вершка. Высота башмака сбоку 2 $\frac{1}{2}$ вершка, против пятки только 2 вершка. Ни каблуков, ни набоек на башмаках нет. Тонина подошв дает повод предполагать, что найденные нами башмаки готовились только для умерших и не употреблялись при жизни. Чулки вязаны из толстых шерстяных ниток, как кажется, имевших красный цвет. Способ вязания чулок отличается от нынешнего, – чулки вязаны на одной спице накидною петлею. Этот способ сохранился до сих пор в некоторых деревнях Тульской, Калужской и Рязанской губерний. Чулки, связанные накидною петлею на одной спице, называют в Калужской губернии зачетырными чулками. Чулки заходили выше колен, нижние части чулок, прикрытые башмаками, сохранились лучше, верхние же почти совсем истлели. Внутри чулок сохранились полуистлевшие кости ступней и голеней. На умершею были надеты новые башмаки и чулки, на подошвах башмаков не было заметно следов ношения, то же самое представляли и чулки – на одном из них даже сохранился конец шерстяной нитки, служивший для закрепления последних петель.

¹ Впервые опубликовано: Тр. РУАК. 1898 г. Под ред. члена ком. С. Д. Яхонтова. Т. XIII. Вып. 1. С. 56–58.

Приложение 2

Анализ шерстяного чулка из Монастырского курганного могильника у Пронска²

Метод.

Навеску образца 10,11 мг кипятили в 150 мкл раствора соляная кислота/метанол/вода (2:1:1 по объему). Полученный раствор центрифугировали в течение 20 мин. Центрифугат декантировали с осадка и упаривали досуха. Сухой остаток растворяли в 100 мкл смеси метанол/вода (1:1 по объему), полученный раствор центрифугировали 20 мин. 30 мкл центрифугата вкалывали в хроматографическую систему.

Образцы анализировали на приборе ВЭЖХ *Agilent 1200 (Agilent)* с диодно-матричным детектором. Разделение проводили на колонках Zorbax Rx-C18 (4.6×150 мм, 5 мкм) и BONUS-RP. Детектирование вели на полосах 247–263 нм (УФ-область), 340–400 нм (желтые красители), 400–480 нм (красные красители), 560–640 нм (синие красители).

Заключение.

Шерстяной чулок не был окрашен.

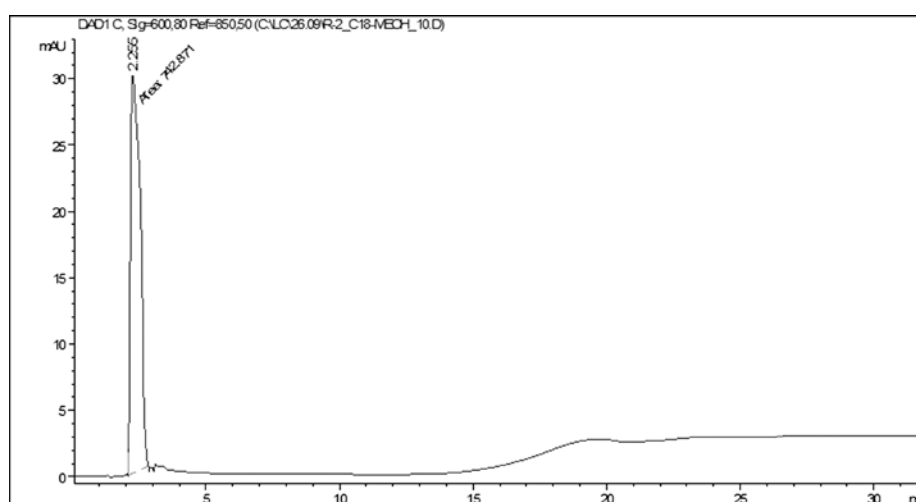

Рис. 1. ВЭЖХ профиль гидролизата образца, зарегистрированный на колонке Zorbax Rx-C18 в диапазоне 560–640 нм

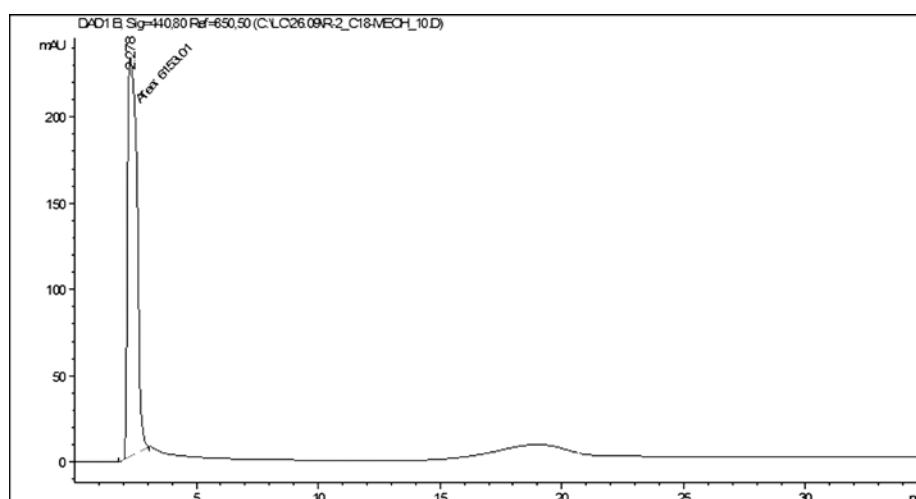

Рис. 2. ВЭЖХ профиль гидролизата образца, зарегистрированный на колонке Zorbax Rx-C18 в диапазоне 400–480 нм

² Определение красителей проводилось в Центре спектральных исследований Новосибирского института органической химии СО РАН.

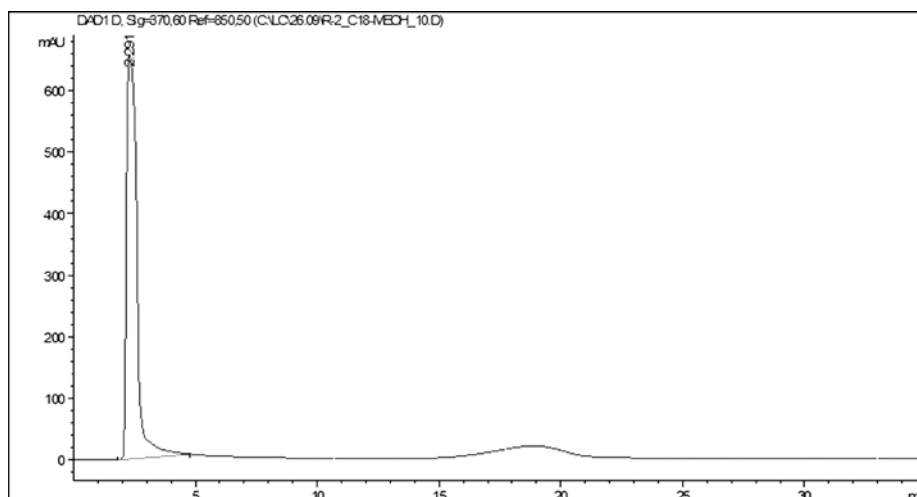

Рис. 3. ВЭЖХ профиль гидролизата образца, зарегистрированный на колонке Zorbax Rx-C18 в диапазоне 340–400 нм

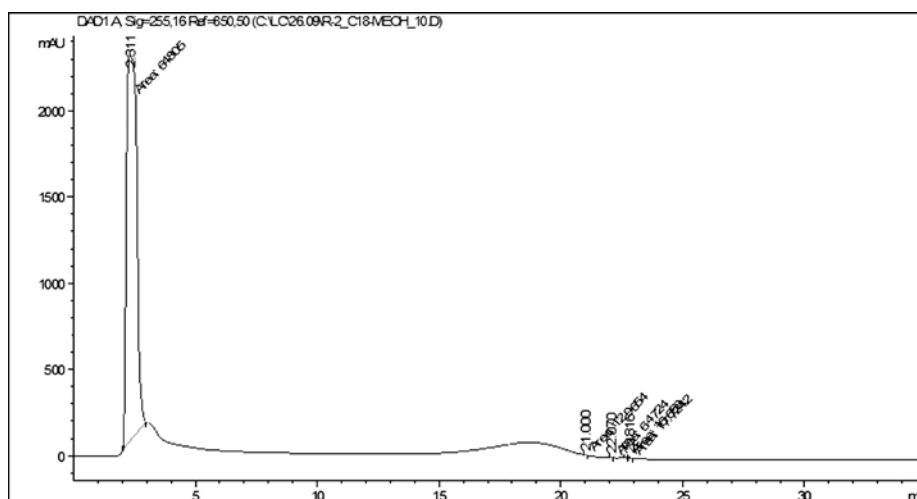

Рис. 4. ВЭЖХ профиль гидролизата образца, зарегистрированный на колонке Zorbax Rx-C18 в диапазоне 247–263 нм

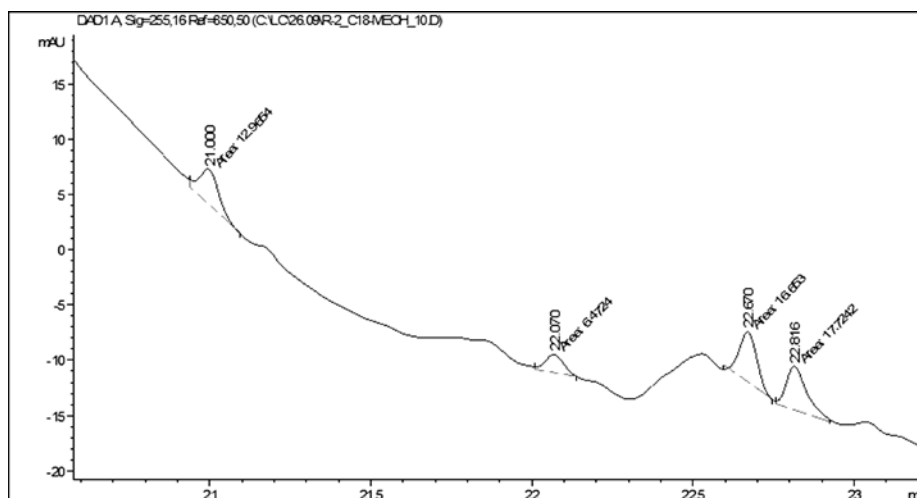

Рис. 5. ВЭЖХ профиль гидролизата образца 20.0–23.5 мин., зарегистрированный на колонке Zorbax Rx-C18 в диапазоне 247–263 нм

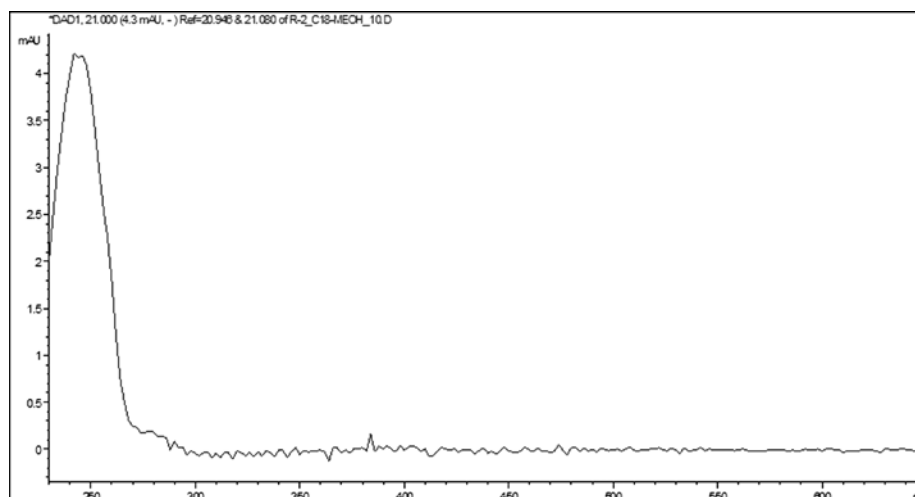

Рис. 6. Электронный спектр сигнала 21.00 мин. (колонка C18, УФ-область) – бесцветное вещество

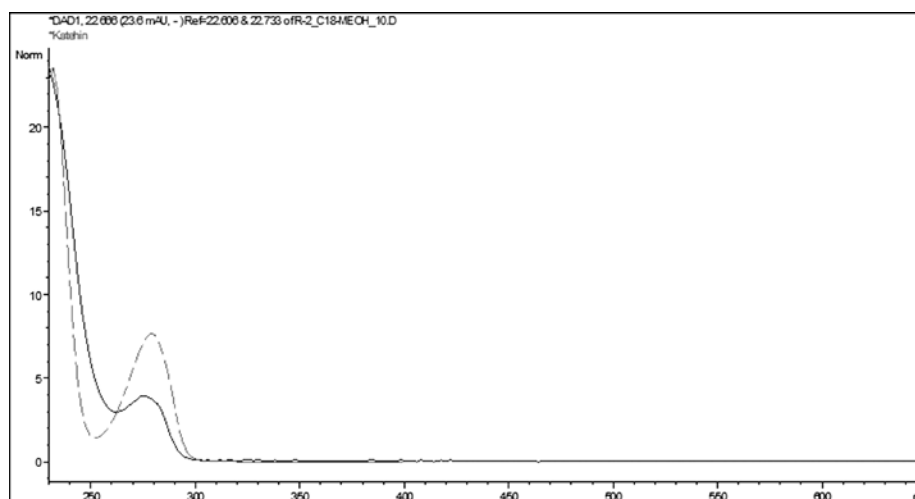

Рис. 7. Электронный спектр сигналов на 22.07, 22.67, 22.82 мин. (синяя линия) и спектр катехина из базы электронных спектров НИОХ СО РАН

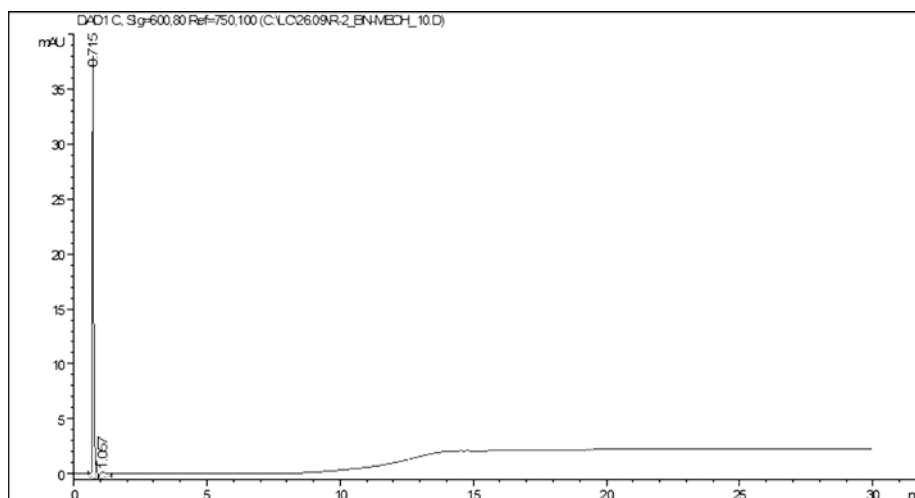

Рис. 8. ВЭЖХ профиль гидролизата образца, зарегистрированный на колонке BONUS-RP в диапазоне 560–640 нм

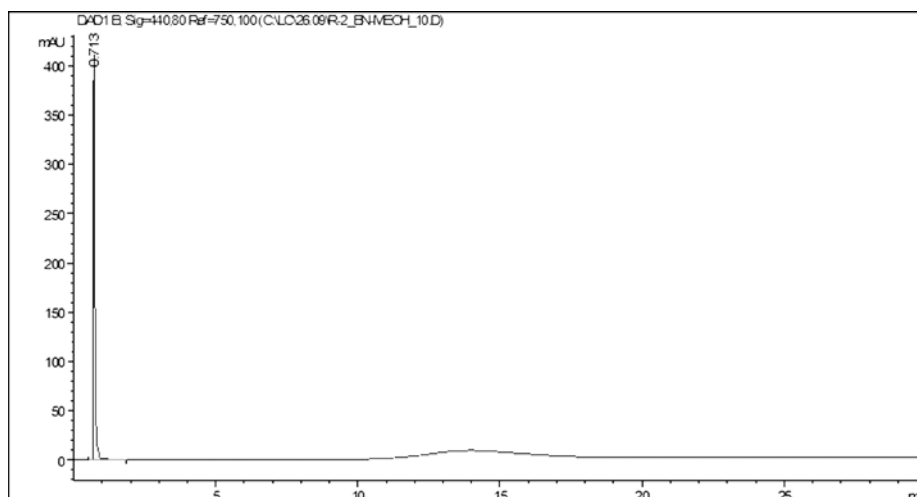

Рис. 9. ВЭЖХ профиль гидролизата образца, зарегистрированный на колонке BONUS-RP в диапазоне 400–480 нм

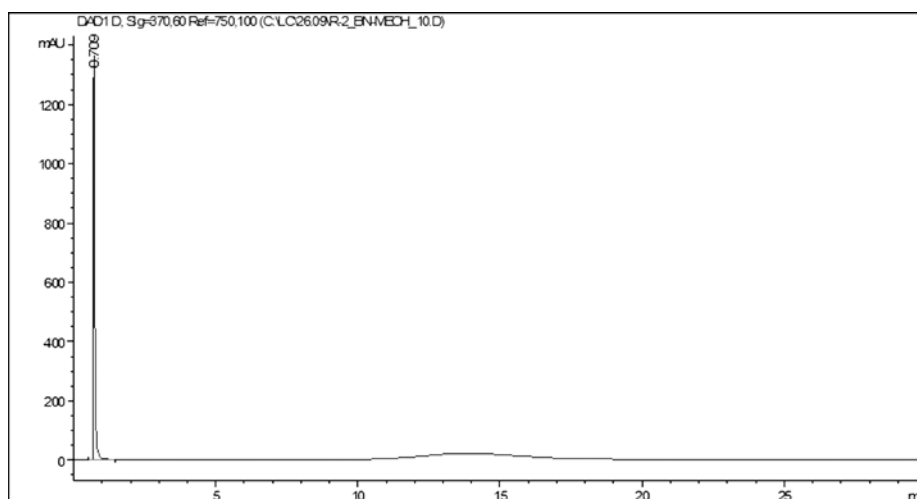

Рис. 10. ВЭЖХ профиль гидролизата образца, зарегистрированный на колонке BONUS-RP в диапазоне 340–400 нм

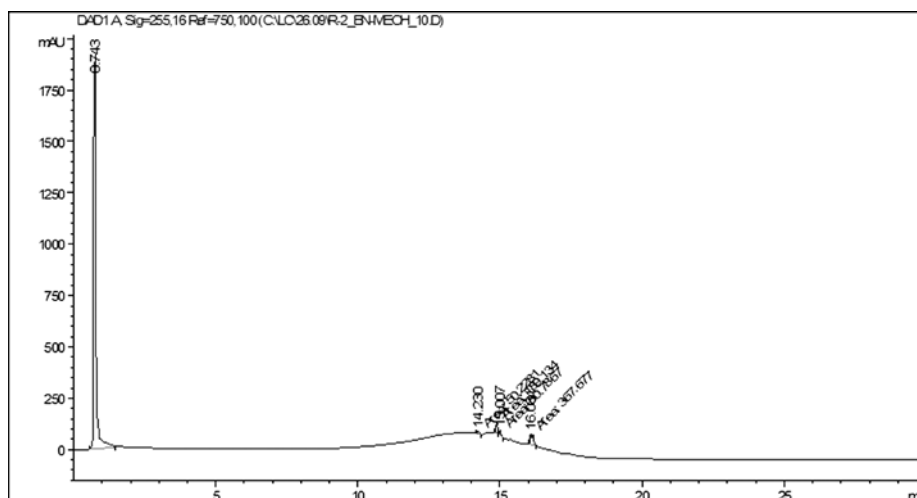

Рис. 11. ВЭЖХ профиль гидролизата образца, зарегистрированный на колонке BONUS-RP в диапазоне 247–263 нм

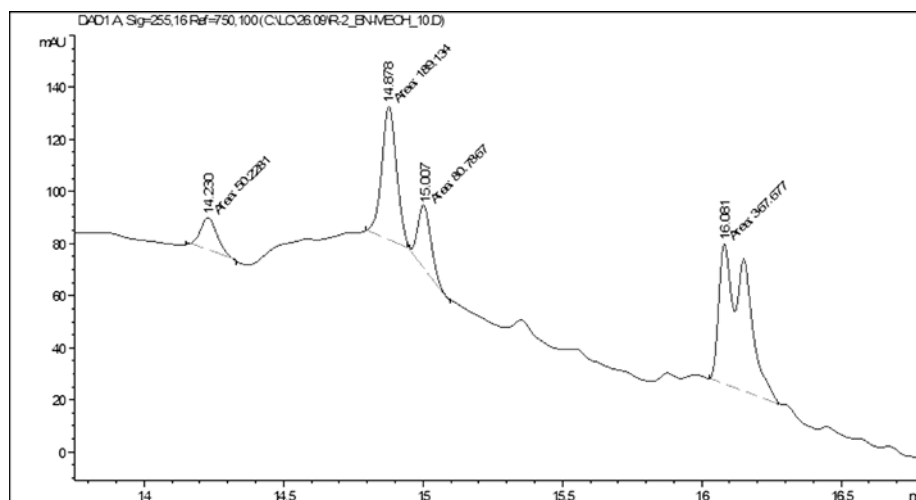

Рис. 12. ВЭЖХ профиль гидролизата образца, зарегистрированный на колонке BONUS-RP в диапазоне 247–263 нм, 13,5–17,0 мин.

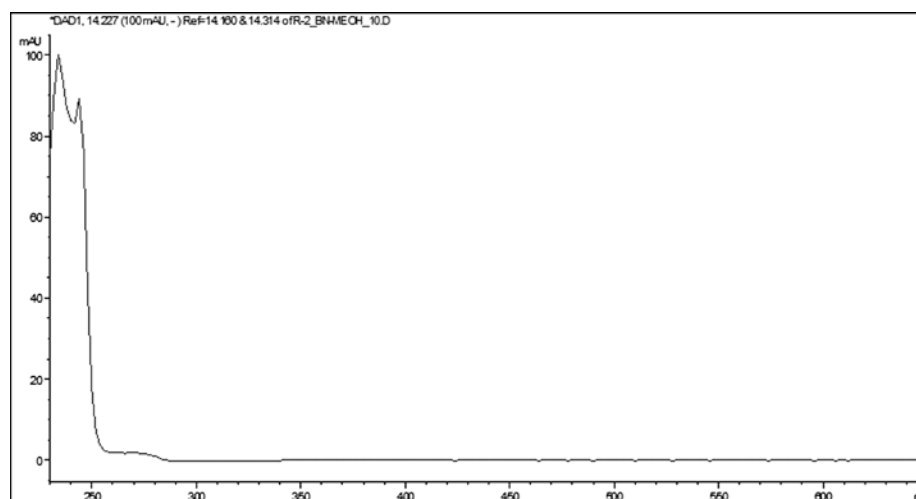

Рис. 13. Электронный спектр сигнала 14,23 мин. (BONUS-RP, УФ-область) – бесцветное вещество

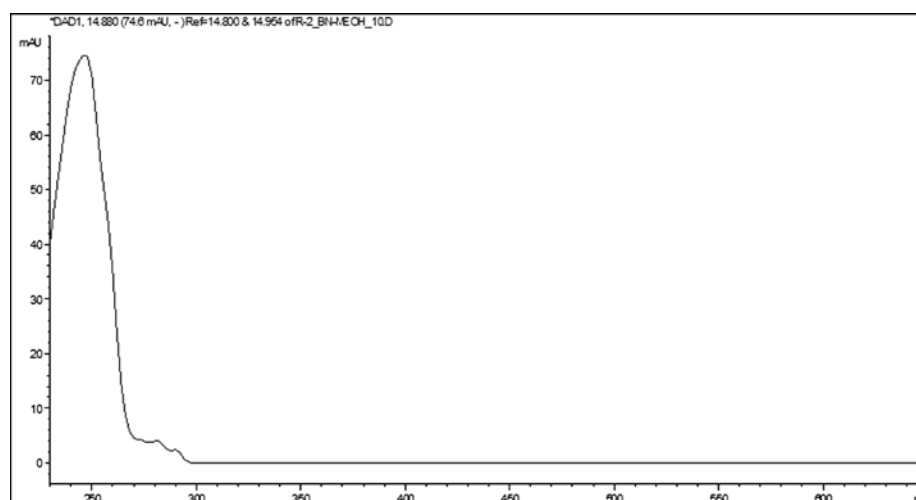

Рис. 14. Электронный спектр сигнала 14,87 мин. (BONUS-RP, УФ-область) – бесцветное вещество

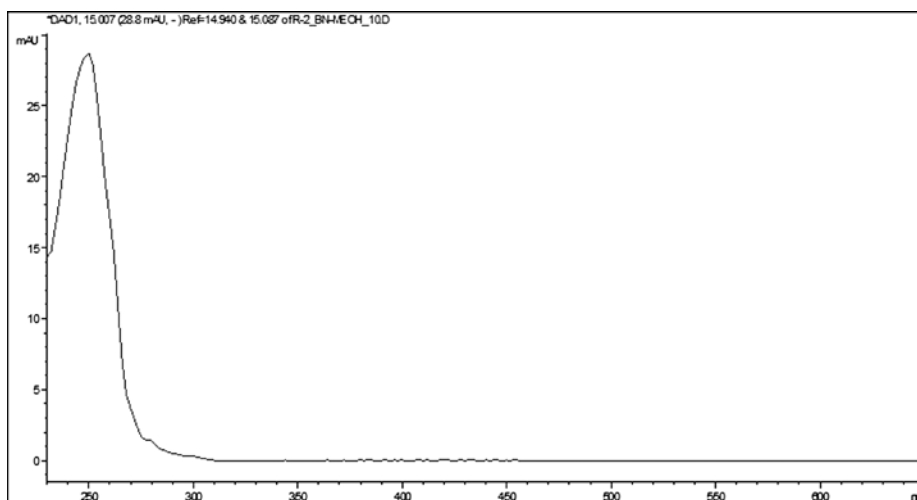

Рис. 15. Электронный спектр сигнала 15,00 мин. (BONUS-RP, УФ-область) – бесцветное вещество

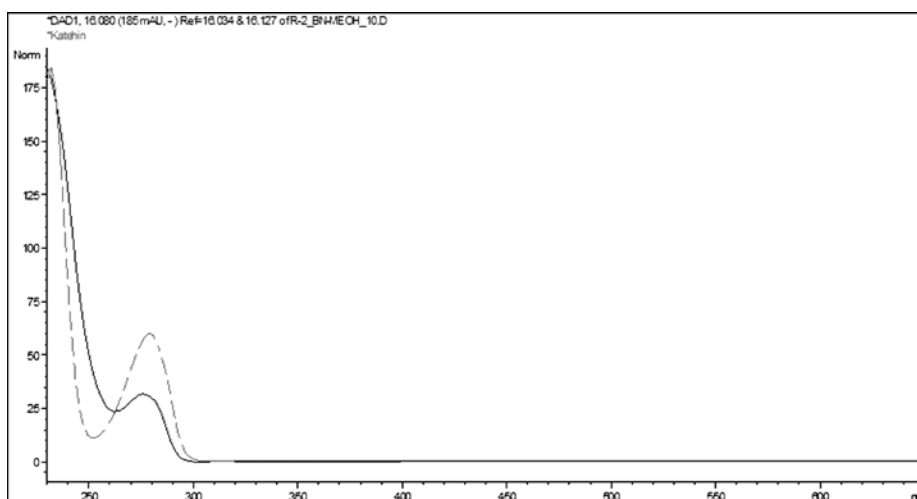

Рис. 16. Электронный спектр сигнала в диапазоне 16,08 мин. (синяя линия) и спектр катехина из базы электронных спектров НИОХ СО РАН

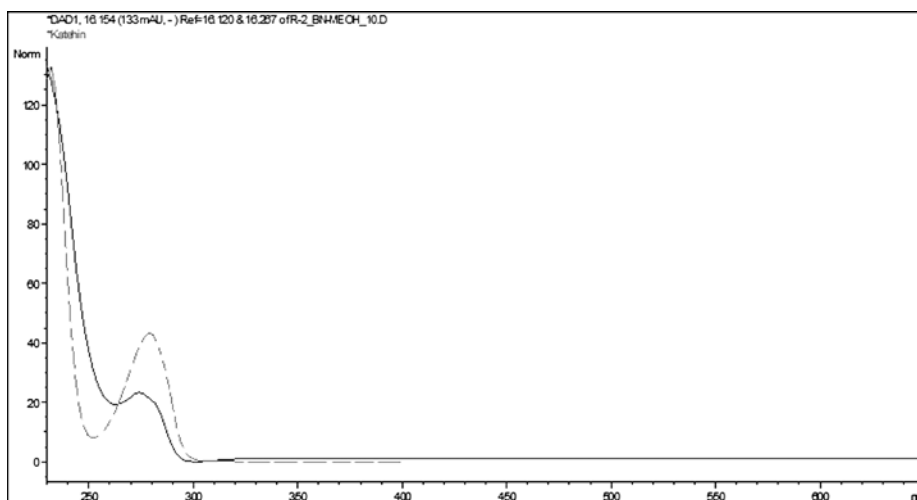

Рис. 17. Электронный спектр сигнала 16,15 мин. (синяя линия) и спектр катехина из базы электронных спектров НИОХ СО РАН

А. Н. Феребов

Независимый исследователь, Москва

Возможные следы XI века на территории Московского Кремля

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в литературе развернулась полемика о времени основания Москвы. Ее отголоски звучали и позже (Панова, 2003. С. 14–17; 2013. С. 18–20). Ключевая роль в решении проблемы до сих пор принадлежит Т. В. Равдиной, комплексно аргументировавшей датировку формирования культурного слоя на территории Московского Кремля не ранее второй половины XII в. (Равдина, 1963). Последующие раскопки и наблюдения подкрепили ее вывод (Панова, 1990. С. 75–76; 2013. С. 18, 48).

Однако причина дискуссии – противоречивое положение археологического предмета как датирующего признака слоя и слоем датируемого – не была исчерпана. Определение принципов археологической фиксации возникновения города как особого социального объекта не должно затмевать вопроса об археологических следах человеческого присутствия вообще.

Вислая печать

В первую очередь следует напомнить о вислой свинцовой печати (инв. № Арх-221), найденной в 1965 г. в шурфе во дворе Оружейной палаты. В. Л. Янин предположительно соотнес ее с киевской митрополией 1093–1096 гг. (Шеляпина, 1968. С. 47, Прил. № 2; Янин, 1970. С. 149–150). Данная версия неоднократно повторена в научной литературе (Шеляпина, 1971. С. 124, 152–153. Рис. 5, 1 (указаны 1091–1096 гг.); 1979. С. 722; Панова, 1990. С. 76), в том числе с уточнением, что

ее нашли в отложениях конца XII в. (Панова, 2000. С. 49–50; 2013. С. 49, 242).

По справедливому мнению Т. Д. Пановой, сам по себе данный предмет не может свидетельствовать о поселении на месте Московского Кремля (Панова, 2000. С. 42–43, 50). Однако до сих пор отсутствует объяснение возможного пути попадания печати в более поздний культурный слой Москвы. Значение датировки буллы заключается в потенциальных последствиях для реконструкции процесса формирования первой московской социальной элиты, ее хозяйственных и правовых прерогатив. Какие области внутрицерковной, экономической или политической жизни должен был затрагивать документ с данной печатью, чтобы перейти от своего прямого адресата, жившего где-то на северо-востоке Руси в XI в., к владельцу-москвичу во второй половине XII в.?

Обнаружение идентичных экземпляров и введение их в научный оборот – наиболее вероятный путь к решению вопроса¹. К настоящему времени самой простой интерпретацией остается прямая связь между отправителем печати и местом ее обнаружения археологами. Если формирование московского городского слоя началось во второй половине XII в., значит, в конце XI в. на берегу Москвы-реки оказались человек или группа лиц, при которых был предмет с данной печатью. По какой причине они здесь появились и почему булла оказалась на земле, остается только гадать. Позднейшие вмешательства в грунт могли привести к попаданию печати в напластования любого времени.

¹ При консультации П. Г. Гайдуков указал на обнаружение около 10 таких печатей в районе Суздаля и вероятную их связь с одним из тамошних монастырей при датировке XII в. Печати находятся в частных коллекциях и труднодоступны для изучения. Благодарю П. Г. Гайдукова за предоставленную информацию.

Следует отметить, что с учетом масштабов археологически раскопанных территорий локализация случайных находок не более достаточна для их атрибуции, чем иные аргументы. Во всяком случае, концентрация печатей где-либо может закономерно обуславливаться частотой и направлением контактов их владельца в конкретный период.

Двушипный наконечник

Более пристально в историографии рассмотрена датировка двушипного наконечника (инв. № Арх-223), найденного в том же 1965 г. Его обнаружили «почти на уровне подошвы материка» в шурфе 1 под восточной проездной аркой церкви Двенадцати апостолов (*Шеляпина*, 1968. С. 34).

Сначала предмет связали с двушипными наконечниками стрел без упора (тип 29 по А.Ф. Медведеву) и по аналогиям датировали XI в. Предварительная дендродата настила мостовой (1080–1090 гг.), ниже которой нашли наконечник, подкрепила данную версию (*Шеляпина*, 1968. С. 34, Прил. 3. С. 2; 1971. С. 126, 143. Рис. 10, 2; *Шеляпина и др.*, 1979. С. 218–219, Рис. 2, 1)². Позднее Т.Д. Панова усомнилась в оправданности произведенных сравнений: «Стрелы XI в. избранного нами в публикации в качестве аналога типа имеют соотношение длины пера к черешку 1:2, в то время как в нашей находке оно несколько иное – 1:3». Отличался и вес: 26 г вместо 8–12 г, принятых для типа 29. После устной консультации с А.Ф. Медведевым наконечник был датирован не ранее XII в. Подчеркнув ориентировочность денхронологического анализа, Т.Д. Панова отметила, что на основании стратиграфии застройки данного места и комплексов вещей мостовую следует относить к концу XII в. (*Панова*, 1990. С. 69–70; 2013. С. 121, 299–300, 312–313).

Особенностью изучения предмета является расплывчатость его наименования: черешковый наконечник стрелы от самострела (Археологическая выставка... 1983. С. 15. Кат. № 63; *Шеляпина*, 1968. С. 34; 1971. С. 126, 143) и дротик (*Шеляпина и др.*, 1979. С. 219). Позднее отмечена ошибочность его определения как дротика (*Панова*, 1990. С. 70; 2013. С. 299).

Прежде всего следует отказаться от связи наконечника с самострелом. Подобных ему нет среди древнерусских арбалетных стрел (*Медведев*, 1966. С. 93–96). Сложнее решить вопрос о его месте между классификациями наконечников стрел и дротиков.

Дротиками называют метательные копья. Для их обозначения используют также термин «сулица» (*Кирпичников*, 1966б. С. 23; *Медведев*, 1959. С. 128; *Рабинович*, 1946. С. 555). А.Н. Кирпичников отнес «гарпуны» к обычным копьям (тип VII) (*Кирпичников*, 1966б. С. 17). На основе письменных

источников А.Н. Чубинский показал, что сулицы чаще использовали как основное оружие ближнего боя – копье. Отличительным признаком сулиц может выступать только длина древка. Размеры и вес наконечников таковыми не являются (*Чубинский*, 2016. С. 312–318).

Работа А.Н. Чубинского требует уточнений во взаимосвязи морфологии и функций отдельных типов древкового оружия и их элементов. Однако в вопросах хронологии имеющиеся результаты типологических наблюдений сохраняют свою силу, и далее допустимо использовать выделенные ранее признаки интересующих нас наконечников.

Исследователи по-разному определяли характерные черты наконечников дротиков. М.Г. Рабинович соотнес с ними все наконечники, имевшие «у основания шипы (подобно боевым стрелам), хотя встречены и наконечники ромбической формы» (*Рабинович*, 1946. С. 555). А.Ф. Медведев больше внимания уделил размерно-весовым характеристикам. По его мнению, длина наконечников дротиков обычно составляла 15–18 см. Однако в каждом случае для выделения «из общей массы копий их ширина и форма не могут служить определяющим признаком». Последним автор считал вес от 60 до 100 г (*Медведев*, 1959. С. 128).

А.Н. Кирпичников тоже отметил «обычные» размеры наконечников дротиков: общая длина – 15–20 см, «редко больше», длина лезвия – 8–12 см. Согласно его наблюдениям, формы дротиков «копируют копья, поэтому для их классификации применима» разработанная им типология копий. Соответственно, в отличие от М.Г. Рабиновича он разделил наконечники с шипами на дротики и копья. Говоря о черешковых дротиках, А.Н. Кирпичников указал на загнутые концы у их стержней: «Такие наконечники привязывались к древку сбоку, и лишь загнутый на конце черешок входил в дерево». Правда, двушипный черешковый наконечник в 35 см длиной с загнутым кончиком стержня из Княжей Горы он отнес к собственно копьям типа VII (*Кирпичников*, 1966б. С. 17, 23. Табл. X, 6).

Различие в размерах вряд ли может выступать достаточным основанием для разделения двушипных черешковых наконечников между копьями и дротиками. Крепление с помощью загнутого стержня и перевязи снижает, если не лишает вовсе возможности конкурентного использования копья в ближнем бою как основного оружия. По справедливому мнению А.Н. Кирпичникова, «двушипные

² Помимо опубликованных иллюстраций предмет можно увидеть в экспозиции «Клады и древности Московского Кремля» в подклете Благовещенского собора в витрине 3.

копья – в основном охотничье оружие, и в этом отношении они не отличаются от двушипных стрел» (Кирпичников, 1966б. С. 17). Промысловое назначение таких наконечников по функции метания скорее связывает их с дротиками. К ним следует отнести и тип VII по А. Н. Кирпичникову.

Черешок наконечника из Московского Кремля обломан в древности (Шеляпина и др., 1979. С. 219). При добавлении к наличной массе (26 г) недостающей части черешка рассматриваемый экземпляр еще больше разойдется с наконечниками стрел типа 29. С одной стороны, столь тяжелые наконечники можно найти среди других черешковых стрел: типы 47 и 49, VIII–XIV и XIII–XV вв. соответственно (Медведев, 1966. С. 62, 68–69). С другой – известны и мелкие экземпляры копий. Общая длина московского наконечника – 13,5 мм, а длина лезвия – 4,5 мм. Такая и меньшая общая длина при лезвиях 4–12 см известны для наконечников копий типа VII по А. Н. Кирпичникову), относящихся к IX–XIII вв. (1966б. С. 78–95. № 218, 233, 386–391, 557–558).

Контур торца стержня московского наконечника, верно прорисованный в упомянутых ранее публикациях, скорее всего, свидетельствует о ранее существовавшем загибе кончика для присоединения к древку сбоку. Если это так, тогда перед нами небольшой наконечник дротика. Поэтому к нему приложима общая хронология копий типа VII.

Для более точного понимания датировки рассматриваемого предмета важна динамика изменений размеров, соотносимых с его морфологией категорий вооружения. Наблюдения А. Ф. Медведева за двушипными наконечниками стрел без упора показали, что «с VIII в. они становятся крупнее, и черешок чаще заострен книзу». В целом наконечники типа 29 бытовали до XIV в. включительно (Медведев, 1966. С. 62). А. Н. Кирпичников же заметил, что обычно «гарпуны XI в. меньше своих предшественников X в.». В дальнейшем происходит их вытеснение на окраины Руси (Кирпичников, 1966б. С. 17–18).

Возможно, двушипный наконечник из Московского Кремля является отражением двух процессов: сближение параметров дротиков и стрел и вытеснение первых из обихода. На это может указывать периферийное положение района, где возникла Москва, относительно дружинных центров Руси в XI–XII вв., прохождение здесь границы с независимыми землями вятичей (Панова, 2013. С. 44–47).

Бронебойный наконечник стрелы

Ряд сомнений вызывает существующая атрибуция еще одного наконечника стрелы (инв. № Арх-670). Он имеет ромбовидное перо с шейкой и упором. Острые пера у него ромбического сечения, стороны выпуклые. Шейка с четырех сторон имеет вогнутое конусообразное завершение, образуя также вогнутые плечики. Сечение шейки в середине прямоугольное, а ниже полого расширяется в плоскости пера, создавая высокий цилиндр восьмиугольного упора. Сечение черешка многогранное. Общая длина наконечника – 6,2 см, длина пера – 2,5 см³. Его нашли в 1979 г. в шурфе во дворе Оружейной палаты в пласте 18. В том же пласте обнаружили синий бисер, фрагмент семилопастного височного кольца, шиферное пряслице, несколько обломков стеклянных браслетов (Владимирская, 1979. С. 8, 9).

Ранее наконечник связали с типом 33 по А. Ф. Медведеву: вытянутый килевидный с наибольшим расширением в средней трети длины пера, – и датировали XII – первой половиной XIII в. (Авдусина и др., 1989а. С. 13, 15; Авдусина и др., 1989б. С. 92; Панова, 2000. С. 48).

Между тем острие пера имеет не линзовидное, а ромбическое сечение. По морфологии предмет лишь отчасти схож с контурами наконечников типа 33, что обусловлено изогнутостью плечиков. Все характерные черты, особенно оформление перехода от боевой головки к шейке и малые размеры, указывают на принадлежность предмета типу 83 по А. Ф. Медведеву: бронебойные наконечники с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, с шейкой. По данным исследователя, такие наконечники в Восточной Европе наиболее характерны для XI в., хотя могли появиться в X в. (Медведев, 1966. С. 81, 149. Рис. 4).

В литературе высказано мнение о более продолжительном бытовании наконечников типа 83. В материалах аскиской культуры связанные с ним предметы разделены на местные типы 58, 68 и, судя по описанию и контурам, 62. И. Л. Кызласов отнес их к Оглахтинскому периоду Малиновского этапа, ограниченному серединой XI – началом XII в. (Кызласов, 1983. С. 48, 52, 108. Табл. XX, 21).

К. А. Руденко прослеживал развитие наконечников типа 83 на болгарской территории в более позднее время: «С начала XII в. появляется

³ Изображение предмета не публиковалось. Ныне находится на выставке «Клады и древности Московского Кремля» в подклете Благовещенского собора в витрине 3. Качественные изображения предмета будут представлены во втором томе каталога археологической коллекции Музеев Московского Кремля, подготавливаемом в отделе нумизматики и археологии.

разновидность этого типа с заметным утолщением шейки у упора», предположительно связывая это «с распространением бронебойных долотовидных наконечников, которые, по А. Ф. Медведеву (тип 100), появляются со второй половины XI в., а на болгарских селищах преимущественно с XII в.». В дальнейшем исследователь выстроил типологию наконечников стрел Волжской Булгарии, в которой типу 83 по А. Ф. Медведеву соответствовали местные типы А-26, А-3, а также Б-10 и Б-26 с вариантами. Одни из них автор датировал XI–XII вв., другие – XI–XIII вв. (Руденко, 1995. С. 11; 2003. С. 76, 77, 88, 92).

Между тем предложенные аргументы для расширения хронологии рассматриваемых наконечников нельзя признать достаточными. В работе И. Л. Кызласова временные рамки периодов аскизской культуры условны и призваны отразить постепенность ее развития. Дробная периодизация Малиновского этапа основана на «типологической последовательности форм инвентаря, манеры оформления и орнаментации, приемов инкрустации». Наконечники стрел датированы автором по аналогиям из труда А. Ф. Медведева. После Оглахтинского периода подобные наконечники не отмечены (Кызласов, 1983. С. 52–55, 62).

Паспортная документация болгарских находок свидетельствует, что все наконечники местных типов, соотносимых с типом 83 по А. Ф. Медведеву, являются случайными находками или подъемным материалом. К. А. Руденко распространил на них общую хронологию памятников, на которых они обнаружены (Руденко, 2003. С. 92, 116–137, 282–287, 319, 341–345, 362–367, 416, 417, 422, 423, 429, 433, 436, 437, 455–457; 2015. С. 186, 187).

Таким образом, для датировки наконечников типа 83 по аналогиям опорными остаются сведения, систематизированные А. Ф. Медведевым. Это подтверждают материалы Суздальского Ополя (Шполянский, 2017. С. 158). Рассматриваемый наконечник из Московского Кремля следует датировать XI в., в каком бы слое он ни залегал.

Меч с именным клеймом

Особую проблему составляет датировка фрагмента меча (инв. № Арх-366), обнаруженного при археологических наблюдениях на территории Кремля в 1975 г. С обеих сторон на нем железом инкрустированы надписи латинскими буквами,

заключенные между двумя костыльными крестами каждая. На одной стороне после первого креста заметен отступ, обусловленный стертой первой буквы. От второй буквы виден только вертикальный контур «|», за которым следует: CELINMEFECIT. На другой стороне первая буква также стерта. После нее уловимо следующее начертание: NNOMINED: III.

Находка неоднократно опубликована с приложением ее иллюстраций⁴. Ее оперативно ввели в научный оборот (Шеляпина и др., 1976. С. 98, 99). Ей посвящена специальная публикация Н. С. Шеляпиной. Автор датировала меч в пределах XII в., склонившись к 1130–1170 гг. Это позволило предположить, «что он мог попасть в культурный слой Москвы в 1177 г., когда ее сжег Глеб Рязанский» (Шеляпина, 1978). Датировка в пределах XII в. поддержана в российской историографии (Новоселов, 2006. С. 306; Панова, 2013. С. 49, 70; Шеляпина, 1979. Р. 725; Шеляпина и др., 1979. С. 216–219. Рис. 1).

В зарубежной литературе аналогичные мечи датируют более широкими рамками, удревняя нижнюю границу до начала XI в. (Moilanen, 2015. Р. 143, 287, 288, 290; Oakeshott, 2004. Р. 53, 57–59; 2006. Р. 8, 31–37, 93; Pierce, 1990. Р. 149; Swords... 2002. Р. 134, 135). Это требует нового обращения к вопросу о хронологии производства и выпадения в слой московского меча.

Предварительно необходимо сказать о прочтении клейма, определяющем круг прямых аналогий. На большинстве таких клинков первые буквы имени плохо сохранились. До сих пор существует традиция, восходящая к началу XX в., читать имя перед формулой *me fecit* («меня сделал») в виде Gicelin. Расчистки давали следующие предположительные варианты: CICELI, CICELIN, CTCLIN, STELIN, ETCELIN, ETCLIN, GICELNI. Палеографический анализ Д. А. Дрбоглава показал необходимость толкования имени во всех известных к тому времени случаях как Etcelin (Дрбоглав, 1978). Данный вывод подтвердило раскрытие соответствующих букв на новых находках (Дрбоглав, 1984. С. 107–109). Несмотря на это, предложенный вариант редко используют в историографии (Древняя Русь... 1985. С. 303; Новоселов, 2006. С. 306). Иногда авторы указывают на различные версии (Kazakevičius, 1996. Р. 77; Tomsons, 2012. Р. 252–253; Tyulenev, 1984. Р. 108, 109), но чаще придерживаются традиционного Gicelin. Помимо работ, указанных Д. А. Дрбоглавом, такое прочтение

⁴ В настоящее время меч выставлен в экспозиции «Клады и древности Московского Кремля» в подклете Благовещенского собора.

принято во многих других трудах, где приводится имя в таком клейме (*Сакса*, 1990. С. 86; *Geibig*, 1991. S. 128–129; *Mäntylä*, 2007. P. 305; *Medieval...* 1993. P. 719; *Moilanen*, 2015. P. 13, 25, 131, 141–144, 174, 287, 288, 290, 297; *Oakeshott*, 2004. P. 57⁵; *Pierce*, 1990. P. 142, 149) и др.

Показателен пример с недавно введенным в научный оборот мечом, найденным в 1974–1976 гг. в Уппсале (Швеция). Авторы приняли чтение CICELIN, считая ее вариантом формы GICELIN. Однако представленная ими пропись свидетельствует о второй букве в клейме как палеографическом варианте «t», отмеченном Д. А. Дрбоглавом. По фотографии также можно с уверенностью говорить о «С» как инициальной букве (*Wagner et al.*, 2009. S. 15–18. Pic. 5, 6). В настоящем случае я буду следовать варианту Etcelin («Этцелин»), несмотря на иные точки зрения в упоминаемых работах.

В литературе представлено не менее 18 «Этцелинов». Пять из них найдены на территории Латвии, четыре – в Германии, по два – в Нидерландах, России и Финляндии и по одному – в Англии, Украине и Швеции (*Дрбоглав*, 1978; 1984. С. 107–109; *Moilanen*, 2015. P. 142; *Wagner et al.*, 2009. S. 15–18). Предположительно к ним относятся еще два клинка из Латвии и один из Дании (*Moilanen*, 2015. P. 142; *Schwietering*, 1915–1917. S. 211, 215; *Tomsons*, 2012. Lp. 253, 254, 432. Tab. 51. № 3; Tab. 57. № 6). Ряд «Этцелинов» восходит к ранним музейным коллекциям и антикварным покупкам, и их точное происхождение не установлено. Клинки, найденные в ходе полевых археологических работ, обычно залегают в слоях, узкая датировка которых затруднена.

Мечи из Латвии связаны с куршскими древностями и в целом могут быть датированы в пределах XI–XIV вв. Ограничение историками их хронологии в пределах XII–XIII вв. носит ориентировочный характер (*Кирпичников*, 1966в. С. 275). Об «Этцелине» из Выборга можно с уверенностью сказать только то, что он выпал в слой до конца XIII в. (*Tuulenev*, 1984). Шведский меч обнаружили в слоях середины XIII – начала XIV в. в районе Ратуши. Публикаторы подчеркнули, что соответствующий отчет был написан спустя 24 года после полевых работ, из-за чего нельзя быть полностью уверенным в отражении обстоятельств находки. Сами они посчитали клинок более древним (*Wagner et al.*, 2009. S. 15).

Сказанное относится и к московскому мечу. Н. С. Шеляпина отметила, что он находился «в горизонте, датированном “курганной” керамикой и обломками стеклянных браслетов» (*Шеляпина*, 1978). Эти данные не позволяют говорить о точной датировке «Этцелина». Отчет 1975 г. еще сильнее размывает временные границы. Согласно ему, в ходе работ на Ивановской площади была выявлена впадина в рельефе, интерпретированная как древний ров. В нем один из рабочих СУ-19 случайно нашел меч. Точный район обнаружения клинка не обозначен. Неясно, в какой части рва он залегал – ближе к центру или у склона. В заполнении рва найдены курганная и серая керамика, четыре обломка стеклянных браслетов, «медный разливной черпачок с характерным для домонгольской металлической посуды причеканным донцем» (*Шеляпина*, 1975. С. 1–3). Пространственная связь перечисленных находок с мечом никак не прояснена. Указанный керамический материал, как и единичные находки стеклянных браслетов, может свидетельствовать о широком хронологическом диапазоне.

Для сужения хронологии рассматриваемых мечей исследователи прибегали к анализу их морфологических и технологических признаков и клейма. Изучение литературы показало, что разница в существующих датировках «Этцелинов» обусловлена особенностями формирования различных типологий мечей и традициями региональных школ опираться на построения того или иного автора. Главным образом речь идет о классификации древнерусских мечей А. Н. Кирпичникова и условно общеевропейской типологии Э. Окшотта. При этом на каждую из них применительно к «Этцелинам» существенное влияние оказали сообщения финского археолога И. Леппяхо.

В историографии постсоветского пространства датировка «Этцелинов» восходит к работам А. Н. Кирпичникова. Он включил такие клинки в состав мечей типа II. Бытование типа ограничено преимущественно XI – первой половиной XIII в., хотя «клинки точно такой формы изображались еще в XV в.». При рассмотрении «Этцелинов» исследователь объединил суждения зарубежных исследователей о европейских аналогиях: «... по И. Леппяхо – около 1150 г., по А. Брун-Гоффмейер – ок. 1200 г., по Е. Оуксхоту – 1130–1170 гг., следовательно, XII в. наиболее вероятен». Важно заметить, что данные о финских

⁵ Первое издание вышло в 1991 г.

мечех И. Леппяхо сообщил в частном письме от 16 мая 1957 г., процитированном А. Н. Кирпичниковым: «У нас имеется 150 мечей 750–1250 гг. с надписями... Встречаются следующие надписи... Gizelin – 2 шт. (около 1150 г.)» (Кирпичников, 1966 а. С. 21, 53, 54; 1966в. С. 279. Прим. 85).

Н. С. Шеляпина приняла общую версию о XII в. Перечислив взгляды тех же зарубежных авторов, она без пояснений сузила датировку московского меча до 1130–1170 гг., чем фактически последовала за мнением Э. Окшотта. Изучая аналогичную находку в Выборге, А. В. Тюленев указал на период 1130–1200 гг. (Тюленев, 1984. Р. 109). А. Томсон привел датировку по Н. С. Шеляпиной (Tomsons, 2012. Лр. 253). Н. А. Плавинский подтвердил бытование мечей типа II, выделенного А. Н. Кирпичниковым, в XIV в. (Плавинский, 2011).

Говоря о точке зрения Э. Окшотта, А. Н. Кирпичников и Н. С. Шеляпина использовали его книгу 1960 г. Однако уже в ней взгляд английского исследователя не был столь однозначен. В его типологии все «Этцелины» вошли в состав мечей XI типа, который он датировал в целом 1120–1200 гг. Экземпляры с рассматриваемым клеймом он отнес к 1130–1170 гг. В примечании упомянуто о финском «Этцелине», найденном в позднем захоронении викингов и датированном 1100 г. Об этом автору сообщил И. Леппяхо в письме, подобно случаю с А. Н. Кирпичниковым. Правда, никаких цитат из него не приведено (Oakeshott, 1999. Р. 205, 213⁶).

К 1964 г. Э. Окшотт пересмотрел хронологию XI типа. Поводом послужило выявление на одном мече англосаксонских рун, которые редко встречались после 900 г. Опираясь на переписку с И. Леппяхо, он также отнес к более раннему времени крестовины и навершия некоторых рукоятей мечей рассматриваемого типа. Это коснулось и убора «Этцелинов». Основная датировка типа XI была ограничена 1000–1100 гг. Это не исключало возможности их использования и в последующее время, чему автор привел примеры. Так, в подписи к английскому «Этцелину» приведена дата «начало XII в.» (Oakeshott, 2006. Р. 8, 31–37, 93⁷).

Наконец, в 1991 г. исследователь расширил верхнюю дату типа до 1125 г. В описаниях «Этце-

линов» он допустил более широкие рамки. Английский клинок получил датировку «1100? Возможно, 1050 или 1175 гг.». Тут же показан финский меч, послуживший основанием для удревнения «Этцелинов», с датировкой «1050–1100 гг.» (Oakeshott, 2004. Р. 53, 57–59).

Как видно, в основу двух хронологий «Этцелинов» легла частная корреспонденция И. Леппяхо. Возможно, расхождения в датировках, сообщенных финским археологом, обусловлены промежуточными результатами его исследований. В альбоме, вышедшем после его смерти, представлен только один «Этцелин»: меч из Рованиеми (КМ 3631:1) без указания даты (Leppäaho, 1964. С. 58–59).

В рецензии советских специалистов решение Э. Окшотта удревнить тип XI и «Этцелины» в 1964 г. не прокомментировано (Кирпичников и др., 1969). В то же время в зарубежной историографии получила широкое распространение датировка производства «Этцелинов» в XI в. с возможностью более позднего бытования. Особенно следует отметить отнесение Л. Томантере характера инкрустации на них к 1000–1150 гг. (Moilanen, 2015. Р. 143, 287, 288, 290).

Важно подчеркнуть, что хронология финских «Этцелинов» не является самостоятельной. Она проистекает из широкого сравнительного материала того же региона. Меч из Рованиеми обнаружили случайно на горе Марикковаара в конце XIX в. вместе с другими предметами вооружения, по аналогии датированными XI–XII вв. (Hakamäki et al., 2013; Moilanen, 2015. Р. 458; Swords... 2002. Р. 134, 151). Второй меч найден И. Леппяхо при раскопках захоронений времен викингов в Халикко Рикала. Могильник датирован в целом XI–XII вв. (Mäntylä, 2007. 303, 305).

Сужение хронологии «Этцелинов» связано с присутствием аналогичных колесообразных наверший (*wheel pommel*; выпуклый диск) на других мечех в узко датированных погребениях викингов (Pierce, 1990. Р. 149; Swords... 2002. Р. 134–135). Опора на отделку рукояти не случайна. Хотя каждая типология средневековых мечей учитывает всевозможные характеристики, оформление эфеса – основной признак датировки и, часто, выделения типов.

⁶ Впервые основной текст опубликован в Лондоне в 1960 г. Переиздания с 1994 г. могут содержать дополнения в виде предисловия и списка уточнений датировок по новейшим данным. Согласно им, «Этцелин» следует датировать не 1130–1170, а 1050–1120 гг. (Oakeshott, 2004. Р. 7). Русскоязычное издание см.: Окшотт, 2004. С. 240–241. Вклейка. Илл. 6с.

⁷ Основной текст впервые опубликован в 1964 г. Книга выходила несколько раз. Автор не перерабатывал основной текст. Вместо этого с 1994 г. в переиздания включены пояснения в виде предисловия, послесловия и перечня уточнений в конце книги. Русскоязычные переводы обычно не содержат справочного аппарата, а последующие уточнения Э. Окшотта приведены частично. О типе XI см. (Окшотт, 2007. С. 36–44). В примечании 2 на странице 36 допущена опечатка: вместо «1150–1100» должно быть «1050–1100». В отношении других типов книга содержит и более грубые ошибки.

Для «Этцелинов» известны различные варианты оформления рукоятей. Два латвийских «Этцелина» отнесены к типу Z по Я. Петерсену и обладают трехчастным изогнутым кверху навершием и изогнутым книзу перекрестьем (*Anteins*, 1964. Lpp. 76–77; *Kazakevičius*, 1996. Р. 76, 77). Э. Окшотт охарактеризовал английский, три немецких и один финский экземпляр. По его типологии на финском мече представлено дисковидное навершие типа Н или I⁸ при широкой в плане с прямоугольным разрезом крестовине, незначительно сужающейся к прямым в разрезе концам (стиль 7). Навершия типа I имеют два меча из Берлинского цейхгауза, но на одном из них короткая гарда прямоугольного сечения (стиль 3), а на втором – узкая в плане с расширяющимися в разрезе концами (стиль 5). Рукоять меча из музея в Гамбурге составлена из дисковидного набалдашника с сильно выступающими плоскостями типа G и крестовины стиля 3, а английского – полукруглое навершие типа B и плавно сужающимся в плане перекрестьем с опущенными вниз концами (стиль 4) (*Oakeshott*, 2004. Р. 57–59; 2006. Р. 93–96, 112–116).

В классификации древнерусских мечей типу II соответствует трехчастный бронзовый либо железный набалдашник и обычно несколько изогнутое трубчатое перекрестие. Правда, «Этцелины» из Стаек (бывш. Киевская губерния) и Пассельса (Латвия), использованные А. Н. Кирпичниковым, содержали лишь элементы такого убора (*Кирпичников*, 1966а. С. 53, 54, 86. 87. № 11. Табл. XXV, 3; 1966в. Рис. 11, 1; 15, 3–4).

Московский меч при обнаружении не имел никакой отделки рукояти. С типологической точки зрения его отнесение ко II типу, по А. Н. Кирпичникову, является предположением. Однако в соседней Прибалтике подобные мечи имели разные навершия и перекрестья. Учитывая общую подвижность воинов и торговцев из Европы в ранний период Руси, нельзя исключить попадания на берег Москвы-реки «Этцелина» с любым из упомянутых выше эфесов.

Может ли выбор типа рукояти повлиять на датировку московского экземпляра? Как было отмечено, по разным источникам, II тип (по А. Н. Кирпичникову) зафиксирован для XI–XV вв. Типы G, H и I, по Э. Окшотту, в классификации А. Н. Кирпичникова соответствуют дисковидным навершиям типа VI, а тип B – типу IV (*Кирпичников*, 1966а. С. 54–56; *Oakeshott*, 1999. Р. 224–225; 2006. Р. 93–96).

А. Н. Кирпичников первоначально датировал появление дисковидных наверший началом XII в. Около 1200 г. произошел переход от узкого к выпуклому диску. Разделение на этапы было основано на данных А. Брун-Гоффмейер (*Кирпичников*, 1961. С. 17–19; в данной работе нумерация типов отличается от более известной его публикации). Затем на основании первых наработок Э. Окшотта он удревнил возникновение выпуклого диска до 1180 г. (*Кирпичников*, 1966а. С. 55). Изменения датировок в опорной типологии английского исследователя неизбежно заставляют сделать то же самое и в классификации А. Н. Кирпичникова. Причем, по мнению Э. Окшотта, ранний вариант дисковидных наверший может уходить ближе к X в. (*Oakeshott*, 2006. Р. 95–96; *Moilanen*, 2015. Р. 270). В целом дисковидные навершия просуществовали до начала XV в. (*Кирпичников*, 1966а. С. 55).

Те же уточнения касаются мечей с полукруглым навершием и прямым перекрестием (тип IV по А. Н. Кирпичникову). Из-за недостатка древнерусского материала их датировка в пределах XII–XIII вв. изначально опиралась на западноевропейские аналогии, включая мнение Э. Окшотта (*Кирпичников*, 1961. С. 16; 1966 а. С. 54). Влияние финских материалов на пересмотр хронологии Э. Окшоттом закономерно распространить и на древнерусскую типологию.

Более того, еще А. Надольский выделял польские мечи с подобными навершиями и перекрестиями в тип a и склонялся к их датировке XI–XII вв. (*Nadolski*, 1954. S. 26–29, 35, 249–251. Tab. IX-2, X-1, XI-1). А. Надольский, А. Н. Кирпичников и другие исследователи подчеркивали тесную связь таких мечей с типом X по Я. Петерсену. Их близость обуславливает и сложность атрибуции. Л. Марек напрямую отнес один их клинков, указанных А. Надольским, к типу X по Я. Петерсену (*Marek*, 2005. Р. 133. № 216).

Отдельно следует сказать о куршских мечах типа Z. А. Антейн, а за ним и В. Казакевичус датировали их предположительно около 1200 г. (*Anteins*, 1964. Lpp. 79, 91; *Kazakevičius*, 1996. Р. 77, 159). Согласно сноскам, данная точка зрения происходит из труда А. Брун-Гоффмейер. При этом основанием для датировки по аналогии из ее системы послужило именное клеймо. По заключению Ф. А. Андрощука, мечи типа Z возникли

⁸ Автор в более поздней книге указал тип I (*Oakeshott*, 2004. Р. 59). Однако предлагаемые им очертания типа и преобразование основного профиля диска на ¼ над диаметром выступающих плоскостей соответствует типу H (*Moilanen*, 2015. Р. 368; *Swords...* 2002. Р. 135).

в поздний период эпохи викингов (970–1000-х гг.). Вероятнее всего, это произошло «ок. 1000 г., если не позднее», но в пределах первой половины XI в. (Андрощук, 2010. С. 76–78, 81, 85–87).

Следует отметить дискуссионность атрибуции латвийских клинков. Версия А. Антейна о типе Z поддержана и широко воспринята в историографии (Кирпичников и др., 2006. С. 44; Kazakevičius, 1996. Р. 76, 77; Marek, 2005. Р. 53–54). Некоторые авторы предлагают относить их к местным вариациям типа II по А. Н. Кирпичникову, благодаря чему расширяется и хронология мечей. Правда, при этом предлагаемая датировка по клейму опирается на исследование Н. С. Шеляпиной (Tomsons, 2012. Лр. 126–130, 252–253). Это возвращает нас к рассмотренным выше сведениям, происходящим от И. Леппяхо и развитым Э. Окшоттом.

Как видно, типологически появление «Этцелинов» во всех случаях тяготеет к XI в., иногда с возможностью захода в предыдущее столетие. Разумеется, нельзя безоговорочно синхронизировать датировку всех полос и отделки их рукоятей. Вполне возможно, что некоторые экземпляры носят более поздние элементы, установленные из-за новой моды или повреждений первоначальных эфесов. В то же время ни один тип оформления рукояти не имеет узкого периода бытования. Исследователи допускают, что произведенные в IX–X вв. уборы, например, мечей типа H по Я. Петерсену, могли употребляться и в XII–XIII вв. (Стасюк, 2010).

Последнее обстоятельство следует подразумевать при интерпретации мечей, найденных при раскопках. В частности, не обязательно видеть противоречие между датировкой шведского меча по клейму (убора рукояти нет) и слою, в котором он залегал. В связи с развитием христианства данный меч не попал в чью-либо могилу. Его не теряли в походе или полевым сражении, поскольку он обнаружен в центре города. Вероятно, меч просто переходил по наследству, хранился в городской сокровищнице или арсенале, пока не был утерян. То же могло произойти и с московским «Этцелином».

К сожалению, анализ палеографии пока ничего не добавил для установления времени создания «Этцелинов». В начале XX в. исследователи считали, что коллекционные экземпляры из Берлина и Гамбурга относятся к XIV в. (Schwietering, 1915–1917. S. 211–215; Wegeli, 1904–1905. S. 224–225). Д. А. Дрбоглав оспорил такую версию, отметив архаичность букв. Правда, при узкой датировке надписи он опирался на исследования А. Н. Кирпичникова и прежде всего подчеркнул непротиворечивость начертаний с ар-

хеолого-типологической датой: «датировка мечей (XII–XIV вв.) здесь слишком поздняя и идет вразрез как с архаикой надписи, так и с другими хронологическими показателями, относящимися к затрагиваемой группе мечей. Опираясь на достижения последующих специалистов, можно сделать заключение о XII в. как о наиболее вероятном времени изготовления “Гицелинов”». В частных замечаниях Д. А. Дрбоглав использовал аналогии XI–XIII в. (Дрбоглав, 1978. С. 222–224).

В других работах хронологическое определение надписи основано на ее размерах, присутствии костыльных крестов, формул *in nomine domini* и *me fecit*, а также технике и материале инкрустации. Разные элементы ограничивают датировку «Этцелинов» в пределах середины X – середины XII в. (Geibig, 1991. S. 126–129, 155, 156; Moilanen, 2015. Р. 287, 288, 290, 297). Также следует указать на ряд морфологических особенностей московского меча, отмеченных Н. С. Шеляпиной. Отношение дола к ширине полосы, вес оружия, наличие и расположение именного клейма в общей сложности тяготеют к периоду до конца XII в. (Шеляпина, 1978). Размер дола не позволяет датировать «Этцелины» ранее XI в. (Кирпичников, 1961. С. 15).

В комплексе рассмотренных вариантов меданным временем производства «Этцелинов» оказывается вторая половина XI в., возможно, ближе к концу столетия. По наблюдениям С. Ю. Каинова, к этому времени сокращается хронологический разрыв между появлением типа мечей в Западной Европе и их проникновением на территорию Руси (Каинов, 2001). Поэтому «Этцелины» вполне могли проникнуть в северо-восточную Русь уже на рубеже XI–XII вв.

Из-за отсутствия точных данных о контексте находки нельзя исключать и более позднюю датировку выпадения московского меча в слой. В таком случае попадание в «ров-овраг» с одинаковой вероятностью могло произойти и при случайной (или не случайной) остановке отряда дружинников, двигавшегося по реке в XI – первой половине XII в., и при нападении на город в 1177 г., и при Батыевом нашествии, и в более позднее время. Причем перед этим клинок находился в распоряжении своего владельца неопределенное время.

Заключение

Помимо рассмотренных предметов в историографии представлено еще несколько изделий с территории Московского Кремля, тяготеющих к концу XI – середине XII в. Это несколько обломков

керамических сосудов и яичко-писанка, покрытое поливой (Авдусина и др., 1984. С. 202; Панова, 2013. С. 120, 121). Все они происходят из разных районов Кремля и не составляют единого комплекса.

Приведенные данные нельзя считать основанием для более ранней датировки возникновения Москвы. Скорее, они позволяют уловить связующую нить между разными этапами формирования следов материальной культуры человеческого общества на означенной территории. Люди, пришедшие сюда в середине XII в., неизбежно приносили с собой и более ранние вещи, с которыми они выросли и жили прежде. Высокоstatusные предметы могли

находиться в обиходе еще больше времени и выпадать в слой много позднее их появления в данной местности. Подобные обстоятельства часто ускользают при обобщениях археологического материала отдельно взятого памятника, особенно в случаях отсутствия «закрытых» комплексов. Сама широта типологических датировок разных предметов показывает тесную преемственность материальной культуры в каждой из своих деталей. Также нельзя исключать, что рассмотренные предметы связаны с инициаторами и агентами достаточно активной колонизации округа Боровицкого холма в XI в. (Кренке, 2003. С. 155–156).

Литература

Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д., 1984. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. № 2. С. 201–212.

Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д., 1989а. Археологическое изучение юго-западной оконечности Боровицкого холма // История и реставрация памятников Московского Кремля / отв. ред. Н. С. Владимирская. М.: Искусство. С. 10–16. (ММК. Вып. VI).

Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д., 1989б. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974–1982 гг.) // СА. № 3. С. 87–95.

Андрощук Ф. А., 2010. Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. В 2 тт. Т. 1 / Под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. М.: Ломоносовъ. С. 72–93.

Археологическая выставка Музеев Кремля: Каталог. М.: Музеи Московского Кремля, 1983. 44 с.

Владимирская Н. С., 1979. Отчет об археологических раскопках в Кремле в 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7901.

Дрбоглав Д. А., 1978. Эпиграфическое значение меча из Московского Кремля (миф о Гицелине) // СА. № 2. С. 222–227.

Дрбоглав Д. А., 1984. Загадки латинских клейм на мечах IX–XIV веков: (Классификация, датировка и чтение надписей). М.: МГУ. 137 с.

Древняя Русь: Город, замок, село. М.: Наука, 1985. 431 с. (Археология СССР).

Каинов С. Ю., 2001. Проблема датировки древнерусских мечей (по материалам Гнездовского археологического комплекса // XIV конф. по изуч.

скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М. – Архангельск: ПГУ. С. 135–137.

Кирпичников А. Н., 1961. Русские мечи XI–XIII веков // КСИА. Вып. 85. С. 11–25.

Кирпичников А. Н., 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М. – Л.: Наука. 176 с. (САИ. Вып. Е1–36).

Кирпичников А. Н., 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. М. – Л.: Наука. 147 с. (САИ. Вып. Е1–36).

Кирпичников А. Н., 1966в. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX–XIII вв. // Скандинавский сборник. Вып. XI. Таллин: Ээсти Раамат. С. 249–298.

Кирпичников А. Н., Сакса А. И., Томантера Л., 2006. Мечи средневековой Карелии // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб.: Нестор-История. С. 41–72.

Кирпичников А. Н., Тарасюк Л. П., 1969. Рец. на кн.: R. Ewart Oakeshott. The Sword in the Age of Chivalry // СА. № 3. С. 271–274.

Кренке Н. А., 2003. Русь в XIII веке: Древности темного времени / отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 151–167.

Кызласов И. Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука. 128 с. (САИ. Вып. Е3–18).

Медведев А. Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА СССР. № 65. М.: АН СССР. С. 121–191.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие: (Лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука. 184 с. (САИ. Вып. Е1–36).

Новоселов В. Р., 2006. Надписи на западноевропейском клинковом оружии XI–XVIII веков

из собрания Музеев Московского Кремля // ММК. Вып. XVIII. М.: КУНА. С. 306–319.

Окшотт Э., 2004. Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса. М.: Центрполиграф. 388 с.

Окшотт Э., 2007. Меч в век рыцарства. Классификация, типология, описание. М.: Центрполиграф. 174 с.

Панова Т.Д., 1990. Культурный слой Московского Кремля // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 3. С. 64–78.

Панова Т.Д., 2000. Археология мыса Боровицкого холма Москвы: стратиграфия и хронология // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.: МИГМ. С. 40–55.

Панова Т.Д., 2003. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI в. (опыт комплексного исследования). К проблеме формирования территории древнерусского города. Автореф. дисс. ... док. истор. наук. М. 53 с.

Панова Т.Д., 2013. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI века. М.: Таус. 408 с.

Плавинский Н.А., 2011. Охронологии мечей балтийских типов и их аксессуаров на Руси // АИППЗ. Семинар имени академика В.В. Седова: материалы 57-го заседания. М. – Псков: ИА РАН. С. 205–209.

Рабинович М.Г., 1946. Вооружение новгородского войска // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. Т. III. № 6. С. 547–560.

Равдина Т.В., 1963. Еще раз о датировке древнего слоя Москвы // СА. № 1. С. 98–109.

Руденко К.А., 1995. Материальная культура болгарских селищ XII–XIV вв. низовьев р. Кама. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М. 25 с.

Руденко К.А., 2003. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман. 512 с.

Руденко К.А., 2015. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. Казань: Казанская недвижимость. 400 с.

Сакса А.И., 1990. Приполярная Финляндия на рубеже I и II тысячелетий н.э. // Двести лет арктической археологии. М.: Наука. С. 83–88. (КСИА. Вып. 200).

Стасюк И.В., 2010. Средневековые погребения с мечами в курганах Ижорского плато (по материалам раскопок Л.К. Ивановского) // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2 / под ред. Е.Н. Носова, С.В. Белецкого. М.: Ломоносовъ. С. 397–409.

Чубинский А.Н., 2016. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. Рогатины, копья, сулицы и совни // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Тр. VII междунар. науч.-практич. конф. Ч. 5. СПб.: ВИМАИВиВС. С. 310–340.

Шелятина Н.С., 1968. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в Московском Кремле 1963–1965 гг. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3578.

Шелятина Н.С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля. М.: Наука. С. 117–157. (МИА. № 167).

Шелятина Н.С., 1975. Отчет об археологических наблюдениях на территории Московского Кремля в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6127.

Шелятина Н.С., 1978. Меч из раскопок в Московском Кремле // Древняя Русь и славяне / отв. ред. Т.В. Николаева. М.: Наука. С. 196–203.

Шелятина Н.С., 1979. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1963–1975 гг.) // Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave (Bratislava 7–14 septembre 1975). Т. 1. Bratislava: VEDA. Р. 721–727.

Шелятина Н.С., Авдусина Т.Д., Панова Т.Д., 1976. Археологические наблюдения в Московском Кремле // АО 1975. М.: Наука. С. 98–99.

Шелятина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д., 1979. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле // СА. № 2. С. 214–228.

Шполянский С.В., 2017. Предметы вооружения и конского снаряжения X – первой половины XII в. из Суздаля и сельских поселений Суздальского Ополя // РА. № 1. С. 150–167.

Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1: Печати X – начала XIII в. М.: Наука. 325 с.

Anteins A., 1964. Damascētie un ierakstu zobeni Latvijā un to asmeņu tehnologija // Par tehnikas vesture Latvijas PSR. VI. Rīgā. Lpp. 65–95.

Geibig A., 1991. Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter: Eine Analyse des Fundmaterials vom ausgehenden 8. bis zum 12. Jh. aus Sammlungen der BRD // Offa-Bücher; Bd. 71 Neumünster: Wachholtz. 375 s.

Hakamäki V., Hakonen A., Moilanen M., Kuusela J.-M., 2013. Pohjoissuomalainen miekkaläytö viiden vuosisymmenen takka // Artefactum 2. Helsinki: Artefacta, 1.7.2013 (Электронный ресурс: www.artefacta.fi/tutkimus/artefactum/2 – дата обращения: 30.01.2017).

Kazakevičius V., 1996. IX–XIII a. Baltų kalavijai. Vilnius: Lietuvos Istorijos Institutas. 173 pp.

Leppäaho J., 1964. Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland. Schwertinschriften und Waffenverzierungen des 9–12. Jahrhunderts // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Taf. 61. Helsinki: Oy Weilin & Göös Ab. 131 s.

Mäntylä S., 2007. The Meaning of Weapons as Grave Goods: Examples from Two Southwest Finnish Crusade Period Cemeteries // Weapons, Weaponry and Man: In Memoriam Vytautas Kazakevičius. Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 302–309. (Archaeologia Baltica. Vol. 8).

Marek L., 2005. Early Medieval Swords from Central and Eastern Europe: Dilemmas of an Archeologist and a Student of Arms // Acta Universitatis Wratislaviensis, № 2713. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. 157 p.

Medieval Scandinavia: an encyclopedia / Ed. Philip Pulsiano Vol. 934. NY. – L.: Garland Publishing, 1993. 745 p. (Garland reference library of humanities).

Moilanen M., 2015. Marks of Fire, Value and Faith. Swords with Ferrous Inlays in Finland during the Late Iron Age (ca. 700–1200 AD). Turku. 463 p. (Archaeologia Medii Aevi Finlandiae, XXI).

Nadolski A., 1954. Stidia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Łódź: Zakł. im. Ossolinskich. 287 s. (Łódzkie towarzystwo naukowe. Wydział II. Nr. 12).

Oakeshott R. E., 1999. The Archaeology of Weapons: Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry / Reprint. Woodbridge: The Boydell Press. 359 p.

Oakeshott E., 2004. Records of the medieval sword / Reprint. Woodbridge: The Boydell Press. 307 p.

Oakeshott R. E., 2006. The Sword in The Age of Chivalry / Reprint. Woodbridge: The Boydell Press. 149 p.

Pierce I., 1990. The Development of the Medieval Sword c. 850–1300 // The Ideals and Practice of Medieval Knighthood. Vol. III: Papers from the fourth Strawberry Hill conference, 1988 / Ed. Christopher Harper-Bill, Ruth Harvey. Woodbridge: The Boydell Press. P. 139–158.

Schwietering J., 1915–1917. Meister Gicelin // Zeitschrift für historische Waffenkunde. Bd. 7. S. 211–215.

Swords of the Viking Age, 2002. Catalogue of examples. Woodbridge: The Boydell Press, 152 p.

Tomsons A., 2012. Divasmeņu zobenī Latvijas arheoloģiskajā materiālā 9.–13. gs.: promocijas darbs. Rīga. 449 lpp.

Tyulenev V. A., 1984. The Inscribed Medieval Sword from Excavations in Vyborg (With Reference to the Arms of Ancient Karelians) // Fenno-Ugri et Slavi 1983: Papers presented by the participants in the Soviet-Finnish Symposium «Trade, Exchange and Culture Relations of the Peoples of Fennoscandia and Eastern Europe». Helsinki. P. 107–111. (Suomen Muinaismuistoyhdistys Finska Fornminnesföreningen, Iskos 4).

Wagner T., Worley J., Holst Blennow A., Beckholmen G., 2009. Medieval Christian invocation inscriptions on sword blades // Waffnen- und Kostümkunde. Zeitschrift für Waffnen- und Kleidungsgeschichte. Heft. 1. S. 11–52.

Wegeli R., 1904–1905. Inschriften auf mittelalterlichen Schwertklingen // Zeitschrift für historische Waffenkunde. Bd. 3. Dresden. S. 224–225.

A. N. Ferebov

Relics, possibly from the 11th century, found within the grounds of the Moscow Kremlin

Summary

This article deals with a chronological analysis of four artifacts: a medieval seal, two arrowheads, and a sword stamped 'Etelcelin' (or 'Gicelin'). New attribution allows dating the manufacture of these arrowheads to the 11th century. As a result of a study of analogous material, the author was able to establish

the chronology of the existence of swords stamped «Etelcelin» over the period from the 11th to the 15th century. The dating of the seals to the 11th century can be supported. In the conclusions, the author presents an explanation of how these items arrived at Borovitsky Hill in the Moscow Kremlin.

А. Н. Феребов

Независимый исследователь, Москва

Основания датировки стеклянных браслетов, найденных на территории Московского Кремля

К настоящему времени в историографии главным способом датировки стеклянных браслетов является анализ статистики их распределений в толще культурного слоя. Основы такого подхода, заложенные и развитые в середине – третьей четверти XX в., обобщены в монографии Ю. Л. Щаповой «Стекло Киевской Руси» (1972). На материале нескольких городищ автор проследила общие закономерности распределений браслетов, выявила различия и предложила их интерпретацию. Полученные выводы отражают следующие этапы бытования данной категории вещей.

До XII в. на Руси существовали привозные стеклянные браслеты. Их местное производство начинается в Киеве со второй четверти XII в. С середины XII в. их делают в Новгороде и Любече, а потом и в некоторых других городах. Большинство городов Руси не имело своего стеклоделательного производства и зависело от импорта из других княжеств, главным образом Киевского. Батыево нашествие привело к уменьшению количества браслетов. В городах, разрушенных монголо-татарскими войсками, это падение очень резкое: пик распространения браслетов попадает на первую треть XIII в., и в скором времени они исчезают. В Новгороде, избежавшем разорения, такой пик связан с десятилетиями после походов Батыя. Здесь браслеты постепенно выходят из обращения в течение первой половины XIV в. (Щапова, 1972. С. 103–175, 191–195).

Опираясь на данную схему, исследователи создавали хронологические шкалы распределений стеклянных браслетов для разных поселений, в том числе для территории Московского Кремля. Первые наблюдения в его отношении произвели Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович, А. Г. Векслер и Т. В. Равдина (Векслер, 1963; Воронин и др., 1963. С. 256–258; Равдина, 1963. С. 101–109). В более

развернутом виде наработки Ю. Л. Щаповой для кремлевского холма воспроизведены Н. С. Шеляпиной (Владимирской), Т. Д. Авдусиной, Т. Д. Пановой и особенно Е. К. Столяровой (Авдусина и др., 1989б. С. 90–93; Панова, 2003. С. 97–99; Столярова, 1997. С. 93–99; 2002; 2016. С. 204–221; Шеляпина Н. С., 1971. С. 118–130).

С разной степенью подробности построены шкалы для двух раскопов 1959 г., заложенных на месте построенного позже Дворца съездов (ныне – Государственный Кремлевский дворец), а также для нескольких шурфов во дворе Оружейной палаты, у Патриарших палат и церкви Двенадцати апостолов. Это открыло путь к узкой периодизации формирования культурного слоя на данных участках, а также к уточнению местных датировок бытования вещей в пределах известных для них общерусских аналогий и типологических систем.

Следует отметить, что с течением времени роль стеклянных браслетов в датировке московского культурного слоя все больше возрастала по отношению к иным датирующим признакам. В 1960-е гг. было отмечено сосуществование крупной доли стеклянных браслетов с так называемой красной керамикой: для раскопа II 1959 г. Т. В. Равдина допустила бытование браслетов до первой половины XIV в. (Равдина, 1963. С. 101–109).

Усиление опоры на браслеты как датирующий материал заметно на примере двух шурфов, заложенных во дворе Оружейной палаты в 1979 и 1982 гг. Происходящие из них материалы подробно опубликованы в 1989 г. (Авдусина и др., 1989а; 1989б). Пик распределения браслетов в шурфах падает на пласт 17 (Авдусина и др., 1989 б. С. 91–92). Различные авторы датировали его рубежом XII–XIII вв. (Авдусина и др., 1989 б. С. 91, 92; Панова, 2000. С. 47; Столярова, 2002.

С. 363–365). Отталкиваясь от данной точки, к первой половине XIII в. в целом исследователи сначала относили пласты 12–17 (*Авдусина и др.*, 1989 б. С. 93), а после уточнений Е. К. Столяровой – пласты 15–17 (*Панова*, 2000. С. 47; *Столярова*, 2002. С. 374). Однако в этом случае в слои первой половины XIII в. попадает и красная керамика, зафиксированная в пласте 16 и выше (*Авдусина и др.*, 1989б. С. 91). Между тем считается, что распространение красной керамики происходит с начала XIV в., хотя единичные находки и тенденции ее формирования могут быть связаны с комплексами, уходящими в конец XIII в. (*Чернов*, 1991. С. 26–28). Получается невозможное: где-то между пластами 16 и 17 должны уместиться 50–100 лет активного развития Москвы перед монгольским нашествием и восстановления после него.

Противоречия между датировками по стеклянным браслетам и другим хроноиндикаторам проявились при подготовке второго тома каталога археологической коллекции Музеев Московского Кремля в 2011–2016 гг. (руководитель группы – ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук Т. Д. Панова). Работа предполагала составление индивидуальных каталожных описаний обломков стеклянных браслетов, хранящихся в фондах музея, с указанием собственной датировки каждого из них. Поэтому следовало не только определить место отдельного фрагмента в статистике распределений стеклянных браслетов по глубинам, но и учесть окружавший его иной вещевой материал. Во многих случаях выявились нестыковки дат, полученных двумя способами.

Результат исследования, представленного на заседании отдела нумизматики и археологии, показал несколько причин возникших затруднений. В одних случаях противоречия проявились благодаря совершенствованию за последние десятилетия типо-хронологических схем различных категорий предметов и уточнению археологически зафиксированного времени их появления в обиходе населения средневековой Руси. В других – в связи с принятыми в прошлом способами описания стратиграфии в археологических отчетах и объемом анализируемой выборки стеклянных браслетов¹.

Настоящая работа посвящена следующему этапу размышлений над проблемой. Формулировка очередной исследовательской задачи обусловлена как состоянием источниковой базы по археологии Боровицкого холма, так и нарастающими

кризисными явлениями в атрибуции стеклянных браслетов Древней Руси в целом. Решение противоречий между массовыми хроноиндикаторами культурного слоя Московского Кремля, каковыми выступают стеклянные браслеты и керамическая посуда, разумеется, должно строиться по двум направлениям: необходимо повторно изучить условия фиксации, точность типологических определений и принципы датировки каждой категории находок. Однако обращение в данном ключе к керамике очень затруднительно. Для этого не только необходимо обладать определенными навыками обработки материала, но и иметь возможность осмотра последнего. Если для раскопов 1959 г. такая возможность есть, то керамическая коллекция из шурфов, для которых созданы хронологические шкалы по браслетам, отсутствует. Поэтому далее внимание будет сосредоточено на стеклянных браслетах. При обращении к керамике использованы типологические заключения предшествовавших исследователей.

Об остроте методологического кризиса в изучении стеклянных браслетов свидетельствует не только появление в многочисленных работах О. М. Олейникова новых версий о месте производства браслетов, привычно называемых в историографии древнерусскими, но и отсутствие до сих пор систематического обсуждения всех оснований противостоящих точек зрения. В отношении периодизации стеклянных браслетов особо следует отметить возникшую полемику вокруг их связи с дендрохронологией Твери (*Лапшин*, 2009. С. 111, 112; *Сафарова*, 2011).

Современный статистический анализ браслетов подразумевает два основных этапа. Сначала прослеживают их распределение по глубинам или интервалам глубин. Затем на их основе выстраивают кривую распределения на графике, применяют к ней закон нормального распределения. При небольшом количестве находок, характерном и для Кремля, высчитывают доверительные интервалы. Полученную кривую по траекториям восходящей и нисходящей ветвей сравнивают с общерусской хронологической шкалой распределения и вариациями внутри нее, составленными Ю. Л. Щаповой. Наблюдения над цветовой гаммой и химическим составом позволяют уточнить ряд особенностей бытования стеклянных браслетов в конкретном поселении, хотя обычно не влияют на общую периодизацию.

¹ Протокол № 3 заседания научно-хранительского отдела нумизматики и археологии от 27 июня 2016 г.

Применение данной методики в историографии не всегда обходилось без ошибок. Н.С. Шеляпина объединила данные о находках браслетов со всех шурфов, заложенных в северной части Соборной площади в 1963–1965 гг. Как показала Е.К. Столярова, полученное распределение оказалось неточным, поскольку на графике был представлен пятиметровый браслетоносный слой, а такого не может быть. Несколько пиков указывало на нарушение закона нормального распределения, где должен быть только один пик (Столярова, 2002. С. 361, 362). Вместо этого она предложила выделить шурфы с наибольшим количеством браслетов, для которых была известна глубина залегания. Были построены графики для шести совокупностей. Четыре из них включают шурфы в Патриарших палатах (№ 8, 18, 22, 27), пятая объединяет пять шурфов у церкви Двенадцати апостолов, шестая – упомянутые ранее шурфы 1979 и 1982 гг. во дворе Оружейной палаты (Столярова, 2002).

Приведенный пример свидетельствует о зависимости кривых распределений и результатов их анализа от учета рельефа местности, а также от исторической топографии древнего поселения. Это же хорошо видно и на примере двух раскопов внутри Тверского кремля. В ранней его части пик распределения браслетов попал на десятилетия перед монгольским нашествием, а в зоне, до 1317 г. находившейся за стенами, связан со второй половиной XIII – началом XIV в. (Дашкова, 1997. С. 218, 219). Та же тенденция, но без точных датировок прослежена и на других участках города (Дашкова и др., 1994).

Последовательная проверка принципов построения хронологических шкал культурного слоя Московского Кремля по стеклянным браслетам обнаружила и другие источники погрешностей расчетов и выводов, ранее представленных в литературе. Все они носят методологический характер, поскольку отражают либо общий подход к обработке материала, либо способ последующей интерпретации. Речь идет о достаточности выборки и учете ее паспорт-

ных данных, а также об особенностях применения математических и логических методов.

Общие достоинства и недостатки составления выборки можно проследить на большинстве упомянутых распределений стеклянных браслетов из объектов Московского Кремля. При анализе статистики Е.К. Столярова учитывала только те обломки, которые находились на хранении в Музеях Московского Кремля. Важнейшим достоинством такого подхода является возможность реализации методики Ю.Л. Щаповой во всей полноте с учетом соотношения друг с другом общего количества браслетов, технологии их производства, цвета, химического состава. В то же время усиливается проблема репрезентативности источниковой базы для анализа отдельных вопросов. Насколько полно сохраненная доля браслетов отражает первоначально зафиксированные сборы? Если технику и цвет можно определить визуально, то химический состав отбирается выборочно: каково обоснование произведенного отбора в каждой группе находок? Какая погрешность в нем учитывается?

Несомненно, комплексный подход полезен и необходим, в том числе на отдельных выборках, если изучение полной коллекции невозможно. Однако его результаты говорят прежде всего о связях внутри этой выборки, и для их переноса на весь материал необходима дополнительная аргументация. Построения распределений предметов по глубинам следует выполнять на основе данных, релевантных этой частной задаче.

Отчеты и рабочая документация² отдела нумизматики и археологии Музеев Московского Кремля содержат более подробные данные о количестве найденных обломков браслетов почти для каждого из шурфов, рассмотренных в литературе (табл. 1; 2; рис. 1; 2; 4; 6)³. Они показывают, например, что распределение браслетов в шурфе 27 даже визуально нельзя считать близким к нормальному. Многочисленность пиков свидетельствует об объединении нескольких совокупностей в одном графике (рис. 4; 5).

² Под ней подразумеваются сохраненные в отделе тетради и листы, объединенные в папки, со списками находок. Часть из них названа как «опись находок», другая не имеет какого-либо общего заголовка. Обычно они разделены по годам, но есть списки за тот или иной год, которые разбиты на несколько групп без систематизации по объектам. Все это затрудняет оформление ссылок на данные списки.

Источниковедческий анализ материалов достаточно сложен, т.к. они не всегда имеют указание на дату составления, а ряд случаев свидетельствует о том, что некоторые из них написаны значительно позже раскопок. Они не являются полевыми описями, но некоторые из них можно считать черновиками таковых, а остальные – списками с черновиков. Это в полной мере текущие записи первичной систематизации, созданные для удобства работы.

³ Упомянутые здесь и далее результаты подсчетов по источникам и составленные на их основе графики помещены в Приложении. Статистический анализ произведен нами по формулам из работы А.И. Мартынова и Я.А. Шер (2002. С. 152–165). В пособии Г.А. Федорова-Давыдова (1987. С. 31) указана неверная формула определения среднего квадратичного отклонения.

Таблица 1. Количество обломков стеклянных браслетов, найденных в разных шурфах в 1963–1965 гг., по разным источникам.

№ Шурфа	Количество браслетов, шт.		
	По данным Е.К. Столяровой	По отчету и рабочей документации (всего)	По отчету и рабочей документации (с глубинами)
8	27	61	61
18	6	6	6
22	12	15	15
27	8	29	27
Шурфы под проездной аркой ц. Двенадцати апостолов	11	29	27
Всего	64	140	136

Таблица 2. Распределение обломков стеклянных браслетов по точно зафиксированным глубинам в шурфе 8 у Патриарших палат.

Глубина, см	Количество браслетов, шт.	
	По данным Е.К. Столяровой	По отчету и рабочей документации
-295	2	2
-300	8	8
-310	2	3
Всего	12	13

То же самое можно сказать о выборке из шурфов во дворе Оружейной палаты. В двух шурфах (1979 и 1982 гг.) там найдено 54 обломка стеклянных браслетов. Для изучения Е.К. Столяровой оказалось доступно 36 обломков (*Столярова, 2002. С. 363*). Опора только на три десятка находок заставила исследователя прибегнуть к доверительным интервалам. Однако в данном случае их использование основано только на допущении, требуемом статистическим анализом, что полученная совокупность соответствует нормальному распределению. В действительности доверительный интервал при выборке в 30–40 предметов предполагает возможность смещения пика как минимум на одно среднее квадратичное отклонение (*Ковалевская, 1965. С. 293*). Это требует дополнительного обоснования помещения пика на пласте 17, а не на одном из соседних и, соответственно, сдвига связанных с ними хронологических периодов.

Для проверки закономерности распределения браслетов в районе Оружейной палаты целесообразно разделить материалы двух шурфов и сосредоточить внимание на результатах 1979 г. В шурфе данного года обнаружили 46 обломков браслетов из 54, достаточные для анализа (*Панова, 2000. С. 46*). Их помещение на графике показывает кривую, близкую к нормальному распределению (рис. 6). Однако математическая проверка опровергает это. По правилу трех сигм в пределах

среднего квадратичного отклонения в обе стороны от пика должно быть не менее 68% значений выборки. По факту мы имеем 47,8%.

Следует отметить, что данные о залегании находок не всегда позволяют выстроить шкалу распределения стеклянных браслетов по одинаковым отрезкам глубин. В привычном для археологии виде ее желательно делать по пластам в 20 см, а при возможности и более дробно. Для некоторых обломков браслетов из шурфа 8 в Патриарших палатах в рабочих документах указана глубина -435/-460 см. В том виде, который мы имеем, у нас не получается нормального распределения. В первую сигму попадает только 26% значений (рис. 2; 3).

Отдельный вопрос составляют данные из-под проездной арки церкви Двенадцати апостолов. В работах Е.К. Столяровой для данного участка указаны шурфы 1, 2, 3, 10а и 40 (*Столярова, 2002. С. 363*). В соответствующем отчете на плане около церкви шурф 40 отсутствует. Можно предположить, что речь идет о шурфах, последовательно расположенных под восточной проездной аркой, в которых была вскрыта древняя мостовая: 1, 2а, 6, 4, 10 и 10а. При этом шурф 3 выходит из этой линии (*Шелятина, 1968. С. 28, 30, 33. Фото № 59*). В целом распределение браслетов по указанным шурфам под аркой повторяет динамику, приведенную Е.К. Столяровой (рис. 7). По правилу трех сигм мы получаем 84,6% в пределах одного

Рис. 1. Распределение обломков стеклянных браслетов в шурфе 8 у Патриарших палат (по интервалам глубин, указанных в отчете)

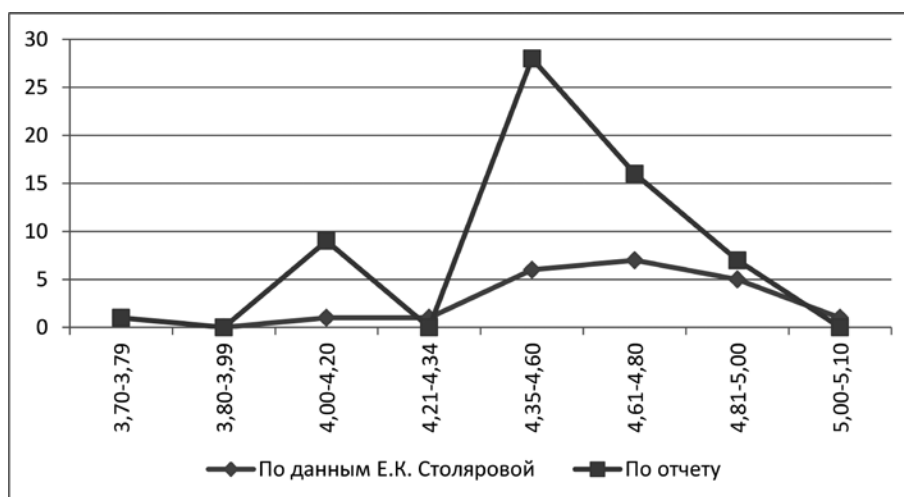

Рис. 2. Проверка распределения обломков стеклянных браслетов в шурфе 8 законом нормального распределения

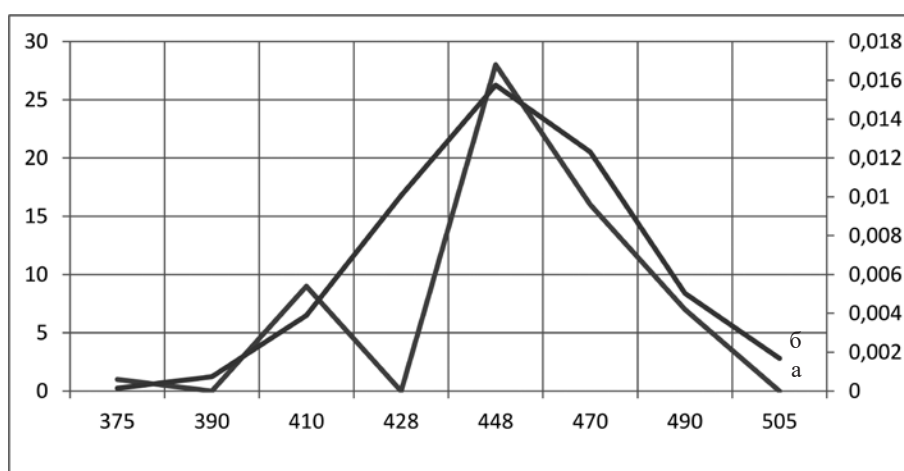

Рис. 3. Распределение обломков стеклянных браслетов в шурфе 22 у Патриарших палат
а — количество браслетов; б — F(x)

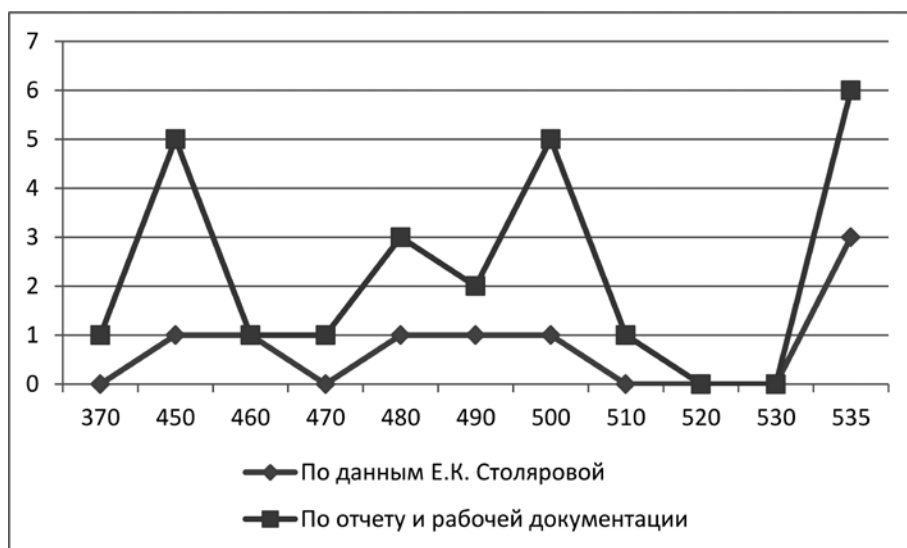

Рис. 4. Распределение обломков стеклянных браслетов в шурфе 27 у Патриарших палат

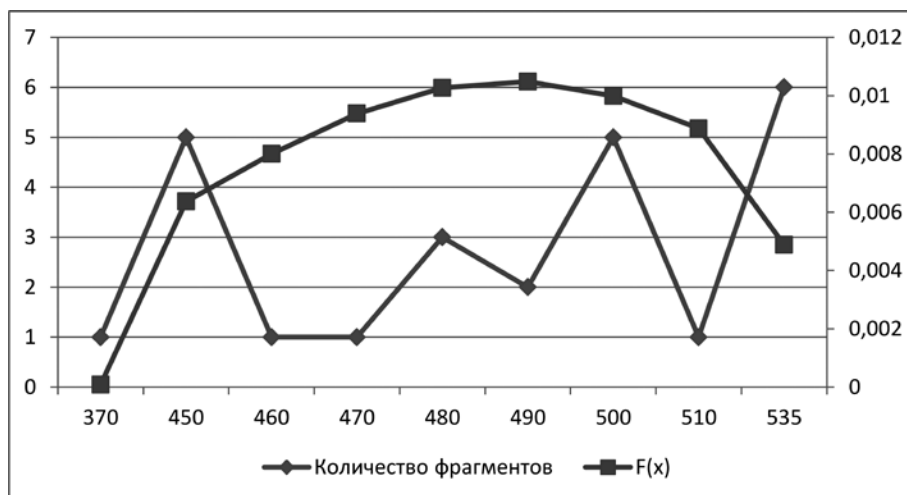

Рис. 5. Проверка распределения обломков стеклянных браслетов в шурфе 27 законом нормального распределения

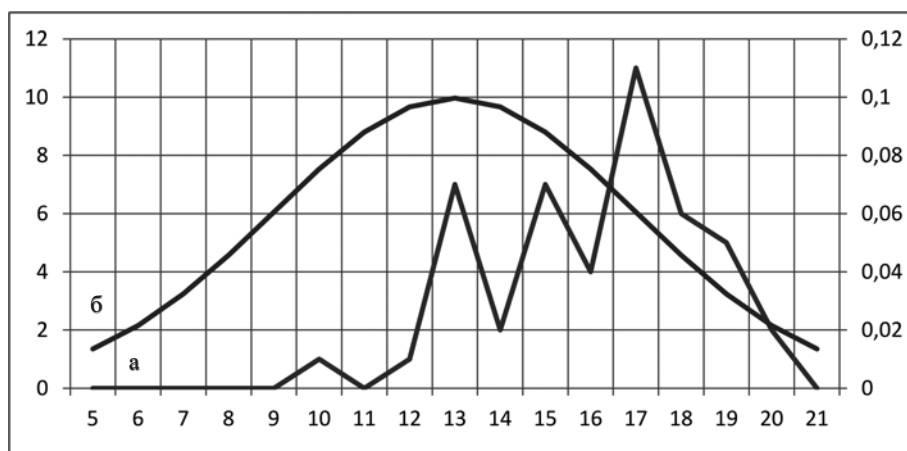

Рис. 6. Проверка распределения обломков стеклянных браслетов в шурфе 1979 г. во дворе Оружейной палаты законом нормального распределения
а – количество браслетов; б – F(x)

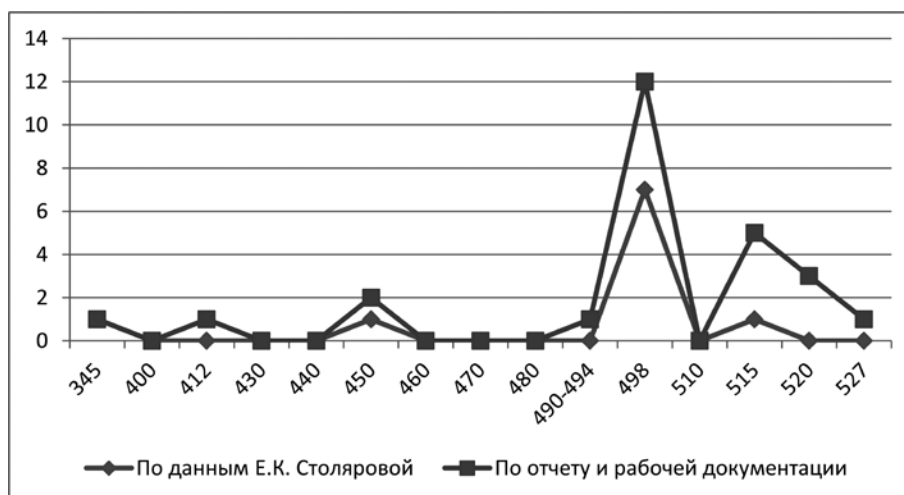

Рис. 7. Распределение обломков стеклянных браслетов в шурфах под проездной аркой церкви Двенадцати апостолов

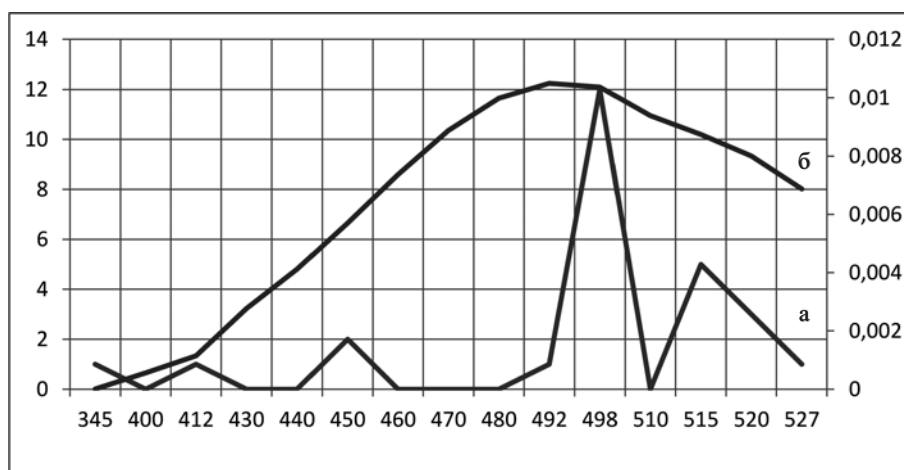

Рис. 8. Проверка распределения обломков стеклянных браслетов в шурфах под проездной аркой церкви Двенадцати апостолов законом нормального распределения

а — количество браслетов; б — $F(x)$

среднего квадратичного отклонения в обе стороны от пика (рис. 8). Однако больше всего браслетов было найдено при расчистке мостовой. Не исключено, что это стало определяющим фактором в построении графика.

Как видно, в большинстве рассмотренных случаев мы можем говорить, что имеющиеся данные объединяют несколько совокупностей. Некоторое исключение составляют шурфы под проездной аркой церкви Двенадцати апостолов. Хотя и здесь остается почва для сомнений в полноте зафиксированных данных.

Что нам говорит отсутствие нормальных распределений?

В литературе данное обстоятельство принято сразу интерпретировать на историческом уровне как следствие определенных политических

и экономических событий. Обычно речь идет о внешнем вмешательстве в естественные тенденции производства и употребления в быту стеклянных браслетов (в виде монгольского нашествия). В действительности при таком подходе свойства математической функции подменяются визуальным анализом кривой. Как всякий математический метод, закон нормального распределения работает только в отношении признаков, введенных в его формулу. В данном случае речь идет об интервале мощности культурного слоя и количестве обломков стеклянных браслетов. Какие-либо параметры времени в графиках отсутствуют, и кривые нельзя сразу интерпретировать в хронологическом ключе. Соответственно, с помощью закона нормального распределения мы в лучшем случае можем судить о «нормальности» или «ненормальности»

отложений культурного слоя, а именно: насколько равномерно происходило накопление культурного слоя на том или ином участке. При этом до привлечения планов и разрезов раскопа мы даже не в состоянии уловить роль в этом процессе исходного рельефа.

Представленное выше отсутствие нормального распределения браслетов в большинстве шурфов на территории Московского Кремля прежде всего ставит вопрос о нарушениях в стратиграфии. Его актуальность определяется тем, что при составлении графиков распределений исследователи обычно не учитывают данный фактор. Например, согласно отчету 1979 г., в западной части шурфа во дворе Оружейной палаты в пластах 17–20 отмечен перекоп (*Владимирская*, 1979. С. 8–11). Это обстоятельство не учтено как возможный источник погрешности при построении кривой распределения браслетов, сконцентрированных на данных глубинах. Полученный график существует как отражение материалов ненарушенной стратиграфии. Это же касается и связи красной керамики в 16-м пласте и выше с различными прослойками грунта (*Авдусина и др.*, 1989. С. 91–93; *Владимирская*, 1979).

Более показателен пример шурфа 8. График, построенный для него Е. К. Столяровой, получил ломаные линии с двумя пиками. На этом основании исследователь предложила сложную хронологическую шкалу. Одному и тому же временному периоду соответствовали два отстающих друг от друга отрезка глубин. Ко второй половине XIII в. отнесены глубины -370/-409 см, к первой половине XIII в. -410/-469 и -409/-499 см, к началу XIII в. -470 и -500 см, ко второй половине XII в. -471/-478 и -501/-515 см (*Столярова*, 2002. С. 374). Очевидно, что мы видим повтор вышеописанного случая с подсчетами Н. С. Шеляпиной, только в меньшем масштабе. Два пика означают отсутствие нормального распределения. В археологическом плане это свидетельствует либо о резком перепаде рельефа, либо о перекопах. По мнению автора раскопок, с массовыми находками обломков стеклянных браслетов в шурфе 8 на отметке -440/-450 см связана «предполагаемая дневная поверхность» сруба 4 (*Шеляпина*, 1971. С. 136). Хотя само сооружение уходило в борт шурфа, на профиле последнего не показано линий заглубления постройки от предполагаемой дневной поверхности до обнаруженных венцов. Вероятно, привязка к слою браслетов обусловлена стремлением совместить предварительные результаты дендроанализа постройки (1253 г.) и хронологию вещей

на том же участке (*Шеляпина*, 1968. С. 24, 25. Фото № 55А. Прил. 3. С. 2).

Как видно, проверка законом нормального распределения запрещает строить подробную хронологическую шкалу на основе распределения браслетов в рассмотренных шурфах. Однако это не значит, что стеклянные браслеты не обладают некоторым датирующим значением. Необходимо выяснить, признаком какого этапа формирования культурного слоя Московского Кремля они являются.

Историко-археологическая интерпретация стеклянных браслетов основана на двух логических методах. Либо это экстраполяция своеобразного общерусского распределения на вновь анализируемые материалы. Либо это рассуждение по аналогии с наиболее близкими картинками распределений, известных по другим памятникам. Оба варианта в историографии следуют наблюдениям, представленным в монографии Ю. Л. Щаповой (1972). При этом второй из них обычно связан с отсылкой на аналогии новгородской шкалы.

Для экстраполяции и аналогии необходимо соблюдение определенных требований. Экстраполяция может производиться только тогда, когда в нашем распоряжении находится доказанный случай неразрывной связи части и целого. На первый взгляд неотъемлемость Москвы от Древней Руси безусловна. Однако это не значит, что она справедлива и в отношении стеклянных браслетов. Дело в том, что база, использованная Ю. Л. Щаповой, не представляет собой общерусской выборки. Подборка браслетов охватила города по линии полумесца от Новгорода, через белорусские земли и Киев к Старой Рязани. Материалы Костромы, по замечанию исследовательницы, не имели стратиграфии, т. е. для их анализа уже была задействована аналогия (*Щапова*, 1972. С. 147–148).

Аналогия требует сравнивать объекты, сходные друг с другом по внешним признакам. На этом основании допускается, что и по другим свойствам объекты тождественны. Однако нигде не объяснено, что считать внешним признаком для проведения аналогий при изучении статистики стеклянных браслетов. Фактически долгое время таким признаком выступал городской характер памятника, т. е. сравнивали городища. Немало фактов, опровергающих такую точку зрения, было представлено еще в 1953 г. (*Соловьева и др.*, 1953. С. 21–25), и недавно они подкреплены новыми данными (*Столярова*, 2009). Наконец, возник пример Твери. Он показал, что распределение браслетов может зависеть от времени основания города (*Лапишин*, 2009. С. 111, 112).

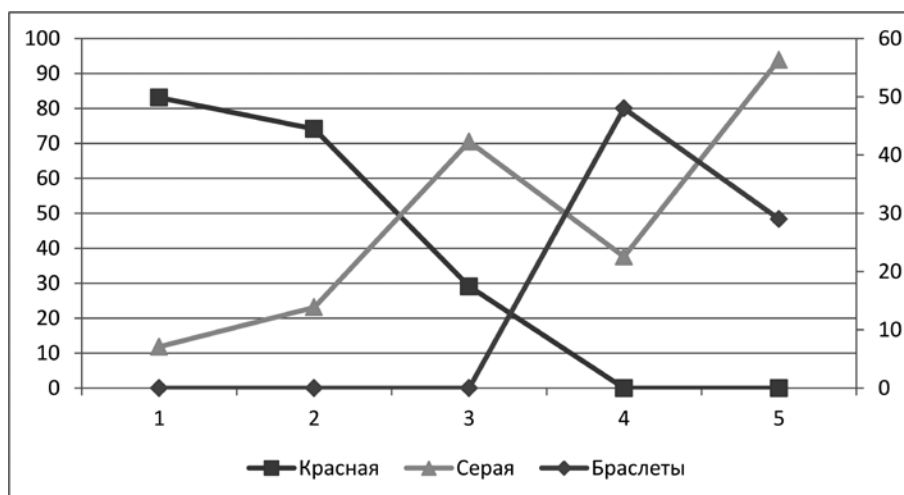

Рис. 9. Распределение керамики (ось слева, %) и стеклянных браслетов (ось справа, в абсолютных числах) в раскопе I, 1959 г.

При интерпретации браслетов в Московском Кремле нет особых оснований бесприкословно следовать так называемому общерусскому распределению. На первый взгляд более допустима аналогия с Тверью из-за географической близости, генетической связи с Ростово-Суздальской землей и подобным основаниям. Однако остается неясным, является ли время основания города определяющим признаком, который позволил бы произвести такую процедуру.

Следовательно, первичная датировка браслетов Кремля должна опираться на собственный археологический контекст. Необходимо сопоставить распределение браслетов с другими датированными материалами. Характер археологических земляных работ на территории Кремля обуславливает небольшой набор участков, доступных для выполнения данной задачи. Таковыми являются лишь раскопы 1959 г. и шурф 1979 г. во дворе Оружейной палаты.

Следует отметить, что описание раскопов 1959 г. в соответствующем отчете построено по двум признакам (Воронин, 1959). Во-первых, выделены стратиграфические горизонты или слои. Во-вторых, в одном случае представлена, а в другом – отсутствовала характеристика по пластам. Распределение стеклянных браслетов прослежено по слоям: они происходили из коричневой земли, разделенной на два горизонта по наличию или отсутствию включений щепы. Поэтому десятки обломков браслетов привязаны к интервалу -30/-120 см, в зависимости от участка раскопов.

В раскопе I над коричневой землей залегал слой черной земли. В ней, вплоть до границы

с коричневой землей, наблюдалось заметное присутствие красной керамики. На большей части раскопа черная земля закончилась на уровне -310/-322 см, но в его северо-западном углу она доходила до -360 см. Поскольку далее слои лежали с существенными перепадами, глубины на графике в приложении приведены в виде уровней по горизонтальной оси. Для удобства и наглядности они отражают чередование слоев, но объединяют разные диапазоны глубин (рис. 9). Помимо указанных на графике данных следует отметить, что на первых двух уровнях присутствовали включения белоглиняной керамики. Есть шесть белых черепков и в четвертом уровне, где обнаружены и браслеты. Также здесь указано 238 фрагментов переходной керамики от серой к красной. Курганная керамика (8 обломков) была только в пятом уровне. Здесь главное – подчеркнуть, что стеклянные браслеты непосредственно предшествуют красной керамике. Интерпретации графического изображения помогают данные второго раскопа.

Описание раскопа II в отчете разделено на характеристику предварительного стратиграфического шурфа и самого раскопа. Ниже рассмотрены только данные раскопа. Описание слоя коричневой земли разделено на две части, разграниченные перекопами: центральную и южную. Для каждой части составлено по отдельному графику (рис. 10; 11). Данные вышележащего слоя черной земли и нижележащего предматерика невозможно разграничить. Они приведены одинаково на обоих графиках.

Здесь красная керамика появляется сразу вслед за пиком графика браслетов. Это десятки доли

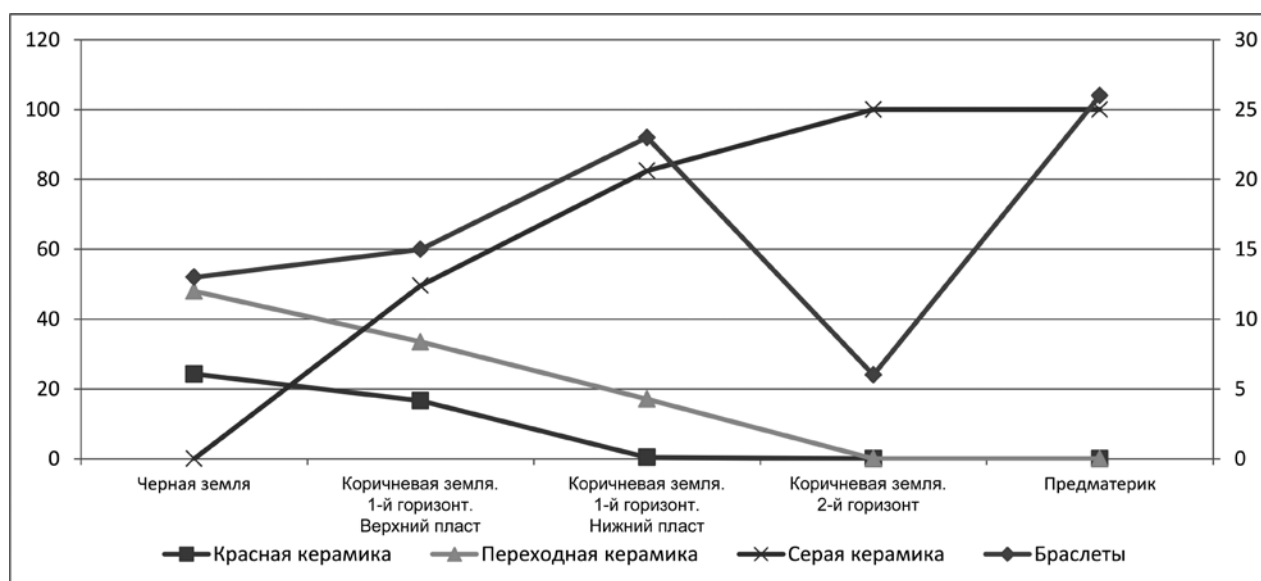

Рис. 10. Распределение керамики (ось слева, %) и стеклянных браслетов (ось справа, в абсолютных числах) в раскопе II, 1959 г. Центральная часть

процента или процент, но все же она есть. Затем отчетливо наблюдается сосуществование обеих категорий. Благодаря этому можно основательно полагать, что и график раскопа I свидетельствует о том же. Перекрещенные кривые браслетов и красной керамики отражают некоторый момент их совместного присутствия в слое.

Развитием данной картины является рассмотренная выше характеристика шурфа 1979 г. во дворе Оружейной палаты (Авдусина и др., 1989а; 1989б). В нем наибольшее количество браслетов совпадает с первой фиксацией красной керамики. Не исключено, что это является следом какого-то нарушения слоя. Однако и здесь хорошо заметно сопresутствие в слое браслетов и красной керамики. Исходя из данных раскопа II 1959 г., эту картину следует признать как отражающую общую закономерность бытования данных вещей.

Рассмотренные примеры возвращают нас к хронологической шкале раскопа II, составленной и подробно аргументированной Т.В. Равдиной еще в 1963 г. Для первого (верхнего) горизонта коричневой земли она указала на присутствие красной керамики, кресала XIV–XV вв., ключа и замка XIII–XIV вв., среднеазиатской⁴ поливной керамики золотоордынского времени, стеклянных непрозрачных перстней конца XIII–XIV в. и стеклянных браслетов. В итоге первый горизонт

коричневой земли она датировала первой половиной XIV в. Из этой хронологии выбивались только одно шиферное пряслице и восемь обломков амфор (Равдина, 1963. С. 101–103). Судя по малочисленности последних предметов и современным данным по амфорам из Переяславля Рязанского (Коваль, 2016), мы можем считать, что здесь нет серьезного противоречия, поскольку ранние вещи довольно часто встречаются в более поздних контекстах.

Во втором (нижнем) горизонте красная керамика присутствовала только в верхних сантиметрах. В нижних сантиметрах толщи горизонта были найдены обломки стеклянных сосудов, характерных для времени до середины XIII в. Т.В. Равдина предложила датировать второй горизонт в следующем промежутке: не ранее первой половины XIII в. – рубеж XIII–XIV вв. Верхнюю границу предматерикового слоя она определила, исходя из возможной самой нижней даты вышележащего горизонта. Поэтому предматерик датирован второй половиной XII – рубежом XII–XIII вв. (Равдина, 1963. С. 103–105).

Данные шурфа 1979 г. подтверждают общие выводы Т.В. Равдиной о хронологии московского слоя. В пласте 10 отмечен один обломок стеклянного браслета, который находится как бы в отрыве от общей массы. Вместе с ним в пласте

⁴ Среднеазиатской керамикой в 1950–1970-х гг. московские археологи называли все восточные импорты, но преимущественно – поливную кашинную керамику, изготовленную в золотоордынском Поволжье в середине – второй половине XIV в. (Прим. ред.)

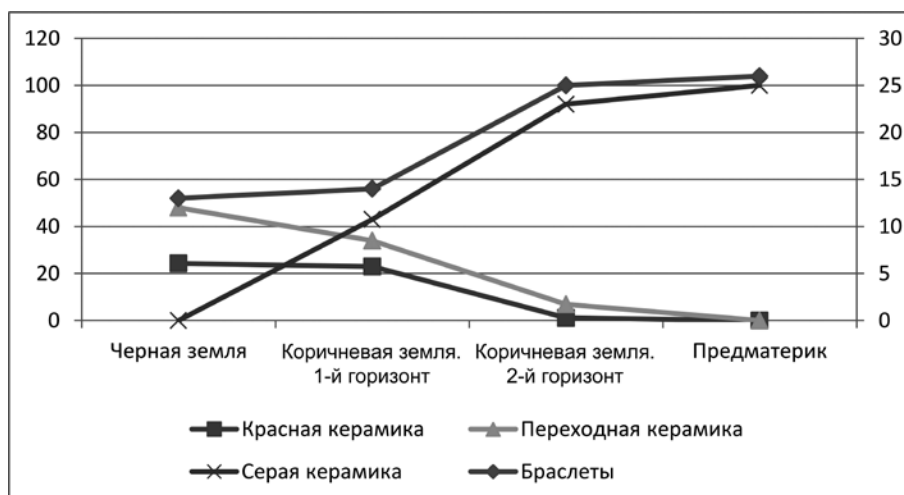

Рис. 11. Распределение керамики (ось слева, %) и стеклянных браслетов (ось справа, в абсолютных числах) в раскопе II, 1959 г. Южная часть

найден фрагмент поливного золотоордынского сосуда. По данным В.Ю. Ковалья, такие сосуды могли попасть на территорию Руси не ранее середины XIV в. (Коваль, 2010. С. 97, 194). Значит, основную массу браслетов из рассматриваемого шурфа следует относить ко времени до середины XIV в.

В связи с интервалами, допущенными при фиксации браслетов, нельзя исключать, что наибольшее количество браслетов выпадает около времени Батыева нашествия. Однако на данный момент более правдоподобным представляется соотнесение количественных пиков со второй

половиной XIII в. Скорее всего, следует говорить о конце столетия. Верхняя граница бытования стеклянных браслетов в Московском Кремле не выходит далее середины XIV в.

Несомненно, в дальнейшем датировка стеклянных браслетов, найденных на Боровицком холме, будет уточнена. Здесь же важно подчеркнуть, что пример Московского Кремля свидетельствует о некоторых методических погрешностях обработки и интерпретации стеклянных браслетов, допущенных исследователями при построении хронологических шкал культурного слоя⁵.

Литература

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д., 1989а. Археологическое изучение юго-западной оконечности Боровицкого холма // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. VI. М.: Искусство. С. 10–16.

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д., 1989б. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974–1982 гг.) // СА. № 3. С. 87–95.

Векслер А.Г., 1963. К вопросу о древнейшей дате Московского Кремля (На материале кремлевского раскопа II) // СА. № 1. С. 110–115.

Владимирская Н.С., 1979. Отчет об археологических раскопках в Кремле в 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7901.

Воронин Н.Н., 1959. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 1959 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2004.

Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1963. Археологические работы в Московском Кремле // СА. № 1. С. 253–272.

Даишкова И.А., Сиволопова А.Б., 1994. Стеклянные браслеты из раскопок Кремля и Затьмацкого посада г. Твери (по материалам исследований 1989–1991 гг.) // ТАС. Вып. 1. Тверь. С. 196–200.

Даишкова (Сафарова) И.А., 1997. Стеклянные браслеты древней Твери (вопросы хронологии и происхождения) // ТТЗ. Вып. 2. Тверь: Старый город. С. 218–225.

⁵ Статья отражает личную позицию автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии сборника.

Ковалевская (Деопик) В. Б., 1965. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // Археология и естественные науки. М.: Наука. С. 286–301. (МИА. № 129).

Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII век. М.: Наука. 269 с.

Коваль В. Ю., 2016. Византийские амфоры в Переяславле Рязанском // КСИА. Вып. 245. С. 117–130.

Лапишин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: СПбГУ. 540 с.

Мартынов А. И., Шер Я. А., 2002. Методы археологического исследования. М.: Высшая школа. 240 с.

Панова Т. Д., 2000. Археология мыса Боровицкого холма Москвы: стратиграфия и хронология // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.: МИГМ. С. 40–55.

Панова Т. Д., 2003. Москва и монгольское нашествие: характер культурного слоя Кремля XIII века // Русь в XIII веке: Древности темного времени / отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 97–102.

Равдина Т. В., 1963. Еще раз о датировке древнего слоя Москвы // СА. № 1. С. 98–109.

Сафарова И. А., 2011. Актуальные вопросы хронологии стеклянных изделий из раскопок Твери // Стекло Восточной Европы в древности, Сред-

невековье и Новое время: изучение и реставрация: Тез. докл. М.: ИА РАН. С. 35.

Соловьева Г. Ф., Кротошкин В. В., 1953. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси // КСИ-ИМК. Вып. 49. С. 21–25.

Столярова Е. К., 1997. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. № 4. С. 93–106.

Столярова Е. К., 2002. К проблеме хронологии стеклянных браслетов Москвы XII–XIV вв. // ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 361–375.

Столярова Е. К., 2009. Стеклянные украшения селища Степаново 2 // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 197–203.

Федоров-Давыдов Г. А., 1987. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа. 216 с.

Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // МК. М.: ИА РАН. С. 20–32.

Шеляпина Н. С., 1968. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в Московском Кремле 1963–1965 гг. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3578.

Шеляпина Н. С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля. М. С. 117–157. (МИА. № 167).

Щапова Ю. Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ. 215 с.

A. N. Ferebov

A basis for the dating glass bracelets found within the grounds of the Moscow Kremlin

Summary

This article covers the study of dating principles for glass bracelets found within the grounds of the Moscow Kremlin. Methodological errors in statistics for glass

bracelets interpretation admitted by previous researchers were established. A new chronological scale was constructed for the entire grounds of the Moscow Kremlin.

В. И. Завьялов

Институт археологии РАН, Москва

К вопросу о дате основания Переяславля Рязанского

Город Переяславль Рязанский (современная Рязань) был основан на холме при слиянии рек Трубежа и Лыбеди примерно в 2 км от впадения Трубежа в Оку. Топоним Переяславль Рязанский сохранялся до конца XVIII в. (официально город переименован в Рязань в 1778 г.), хотя уже в XIV в. (после перенесения столицы княжества из Рязани (совр. Старая Рязань) в Переяславль) в письменных источниках город нередко называется Рязанью.

Название города, по мнению лингвистов, перенесено не ранее XII в. с Переяславля Русского (Южного), наименование которого, в свою очередь, восходит к личному имени (*Гордова*, 2013. С. 10). Отмечу, что именно XII в. датируется прослеживаемый археологически новый приток южного населения в Среднее Поочье. На территории современной Рязани кроме Переяславля присутствуют такие южнорусские топонимы, как Трубеж, Лыбедь, Дунай (совр. Дунайчик).

Переяславль Рязанский впервые упоминается в Лаврентьевской летописи под 6808 (1300) г.: «Того же лета рязаньскыи князи Ярославичи у Переяславля...» (далее сообщается о сражении с войском Даниила Московского). И следующий раз под 6809 (1301) г., когда «... в осенине, Данило князь Московский приходил на Рязань ратью, и билися у Переяславля» (ПСРЛ, 1962. С. 209). Но, принимая во внимание, что во второй записи говорится об осенних событиях, т. е. по сентябрьскому стилю уже наступил новый 6809 г., а по мартовскому это еще 1300 (6808), возможно, речь идет об одном и том же столкновении московских и рязанских дружин.

Другая дата основания города приведена в «Рязанских достопамятностях» архимандрита Иллариона, где под 1208 г. помещена выписка из какого-то неизвестного источника: «При великом князе рязанском Романе Игоревиче внуке Глебова был на Рязани епископ Арсений 1-й. Он город Переяславль заложил у озера Карасёва» (*Монгайт*, 1961. С. 164).

В источнике второй половины XV – начала XVI в., Следованной Псалтыри, есть известие о заложении Переяславля Рязанского в 1095 г. Эту дату поддержали члены РУАК А. В. Селиванов (1892) и С. Д. Яхонтов (1896). В пользу ее достоверности высказывались А. Н. Насонов (1951. С. 206) и М. Н. Тихомиров (1956. С. 434). Но уже А. Г. Кузьмин выразил сомнение в ее корректности (1965. С. 69–70). Однако в настоящее время именно 1095 г. административно признан датой основания города.

Истинность сведений Следованной Псалтыри вызывает определенные сомнения. Критике запись подверг А. Л. Монгайт (1961. С. 163). В настоящее время достоверность записи отвергается рядом историков и лингвистов. Во-первых, сам источник относится к памятникам письменности второй половины XV – начала XVI в., а следовательно, все свидетельства, касающиеся событий, произошедших за несколько столетий до составления документа, носят, как справедливо замечено в «Топонимическом словаре Рязанской области» (2004. С. 190), «характер позднейшего припоминания», а во-вторых, в записи город называется Переяславлем Рязанским, хотя уточняющее определение, как было показано Ю. Ю. Гордовой, появляется у топонима не ранее 30-х гг. XIV в., а до этого времени (и, видимо, в момент основания) город назывался просто Переяславлем (*Гордова*, 2013. С. 13; ср. текст летописи, приведенный выше). Косвенно против датировки возникновения города в конце XI в. свидетельствуют и археологические источники. Обращает на себя внимание слабая заселенность округа Переяславля Рязанского в IX–XI вв. (*Судаков, Буланкин, Вячин*, 2005. С. 34).

Таким образом, письменные источники приводят три взаимоисключающие даты основания Переяславля Рязанского: 1095, 1208, 1300 гг. Если исходить из принятого в исторической науке датирования

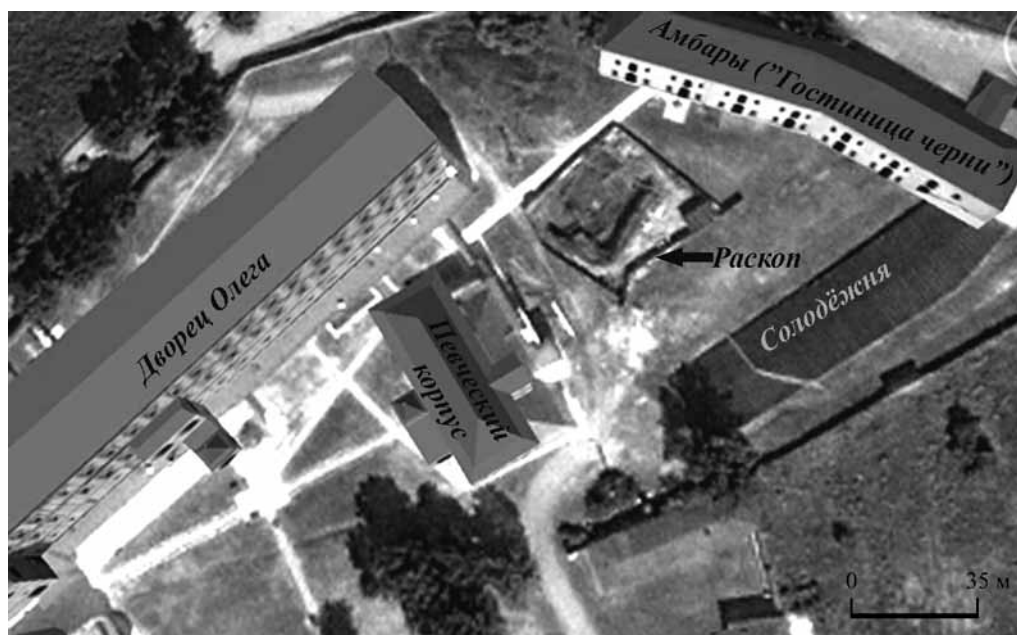

Рис. 1. Вид на Житный раскоп из космоса

основания города по первому упоминанию в летописи, то Переяславль Рязанский возникает в золотоордынский период (1300 г.). Два других упоминания указывают на домонгольское время.

Некоторые аргументы для обоснования даты возникновения Переяславля Рязанского представляют материалы археологического исследования Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского. Раскоп площадью 160 кв. м разбит в северо-восточной части кремля на территории Архиерейского двора между Певческим корпусом и Амбарами («Гостиница черни») (рис. 1). За 12 полевых сезонов вскрыто более 6 м культурного слоя. В результате изучения нижних напластований Житного раскопа удалось выделить слои второй половины XII столетия. Этот вывод очень важен для археологии Переяславля Рязанского, поскольку до наших работ горизонт этого времени выделялся условно лишь на основании присутствия в слое исключительно керамики курганного типа (Монгайт, 1961. С. 179).

Как показали исследования нижних напластований Житного раскопа, начало хозяйственного освоения участка приходится на вторую половину XII в. До этого времени на этом месте рос березовый лес: корни деревьев хорошо видны при зачистке материка¹. Материк представлен сизоватой супесью поздневалдайского времени (аллювий). Материковая супесь пронизана кристаллами

железа и марганца, что свидетельствует о сильном сезонном переувлажнении палеопочвы (определение канд. географ. наук А. В. Водорезова).

Над материком располагается серая слабогумусированная супесь – погребенная почва. Ее мощность достигает 20 см, но в среднем не превышает 10–12 см. Находки в этом слое практически отсутствуют, за исключением отдельных мелких фрагментов керамики, попавших сюда в результате многочисленных перекопов при рытье заборных канавок, хозяйственных и столбовых ям. Залегающий над погребенной почвой нижний горизонт культурного слоя (-540/-600 см от нулевого репера) содержат преимущественно керамику типа Х (по В. В. Судакову). Она представлена сосудами усеченно-конической формы с высокими, так называемыми цилиндрическими, венчиками (рис. 2). Наряду с вертикальными встречаются и отогнутые наружу – как прямые, так и с несколько изогнутой шейкой, переход к тулову в основном через уступ. У большинства венчиков черновой край завернут внутрь сосуда, при этом устье у некоторых может быть отогнуто наружу под углом (вплоть до прямого) к шейке. Встречаются и венчики со срезанным краем. В большинстве своем сосуды хорошо обожжены, стенки их в изломе однослойные, тесто с примесью песка. Стенки горшков покрыты линейным или волнистым орнаментом (Судаков, 1988; Завьялов, Судаков, 2017. С. 84). Аналогичная

¹ Определение породы древесины проведено сотрудником Института археологии РАН Л. Н. Соловьёвой.

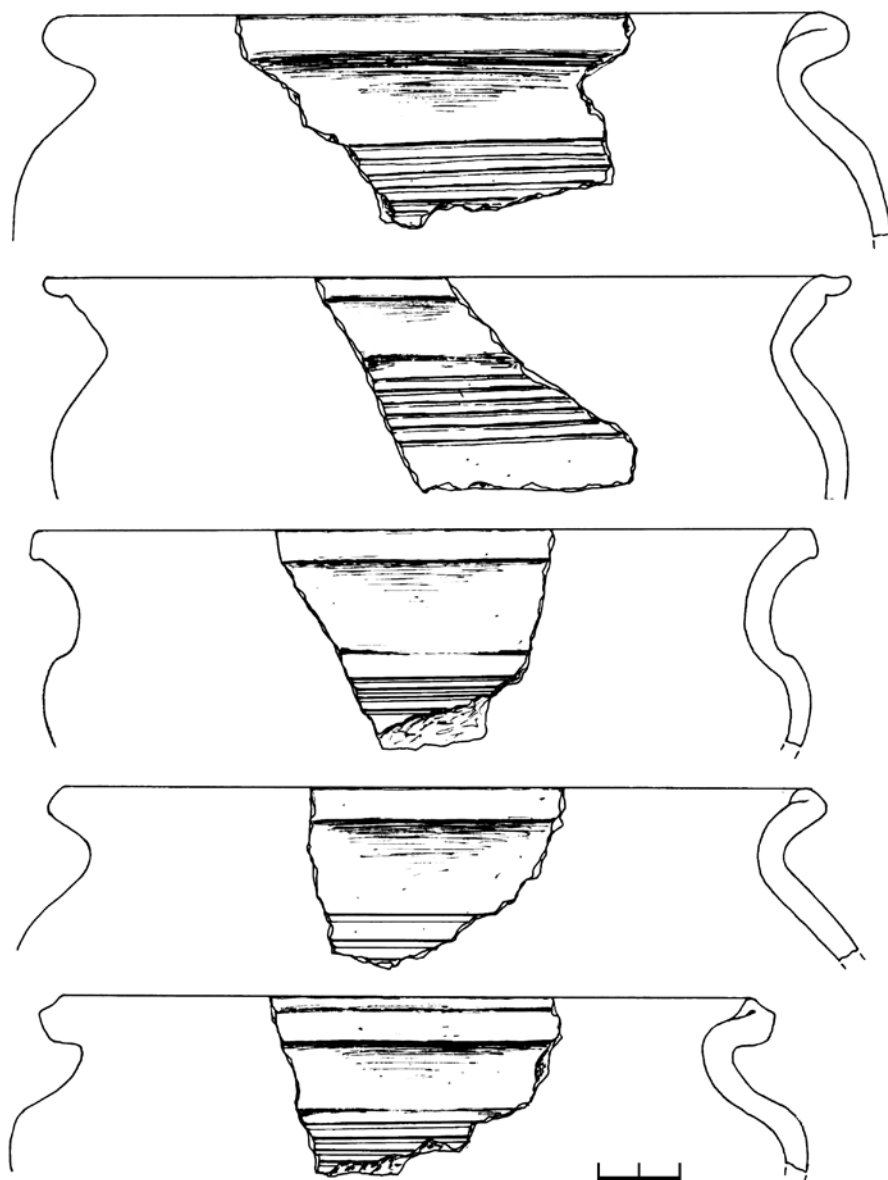

Рис. 2. Керамика из 28–30-го пластов

керамика довольно широко была распространена в домонгольское время в Подмоскowie (Равдина, 1991. Табл. 7, 1, 2), Старой Рязани (Стрикалов, 2006. С. 102–104. Рис. 19). И. Ю. Стрикалов называет подобные сосуды горшками-кринками. Учитывая тот факт, что на Житном раскопе не встречено более ранних форм, в том числе венчиков, шейка которых покрыта глубокими линиями, напоминающими рифление, а также нет такого разнообразия орнамента, представляется возможным сузить датировку керамики данного типа на изученном раскопе до второй половины XII – первой трети XIII в.

Эту датировку подтверждает концентрация именно в 26–29-м пластах фрагментов стеклянных

браслетов и византийских амфор (рис. 3). При этом кривая концентрации указанных артефактов носит правильное распределение (с пиком на 28-м пласте для амфор и на 26-м пласте – для стеклянных браслетов). Характерно, что амфоры в слоях позднее середины XIII в. не встречены. В отношении стеклянных браслетов следует оговориться, что хотя наибольшее их распространение приходится на 26-й пласт (датированный второй половиной XIII – первой половиной XIV в.), но появление этого вида украшений связано с 28-м пластом (конец XII в.). Широкое бытование стеклянных браслетов в золотоордынское время неоднократно отмечалось специалистами (Лапшин, 2009. С. 111; Олейников, 2002. С. 51; Милованов, 2013. С. 150).

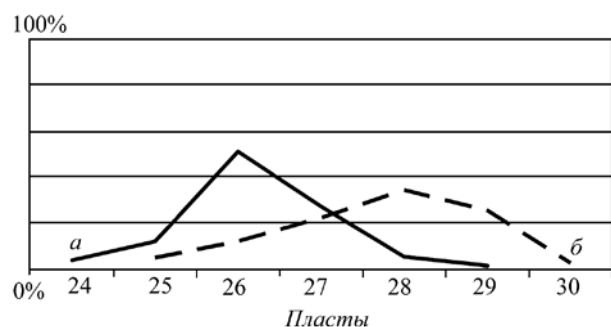

Рис. 3. Распределение стеклянных браслетов и фрагментов амфор по пластам

a – стеклянные браслеты; *б* – амфоры

Во второй половине XII в. исследуемый участок был разграничен двумя рядами оград из тонких (около 5 см в диаметре) жердей, проходящих в направлении юго-юго-запад – север-северо-восток и маркирующими полотно улицы (рис. 4). Судя по направлению, улица шла в сторону первоначального укрепления на мысу при впадении р. Лыбедь в р. Трубеж (Судаков, 1993; Судаков, Буланкин, 2005. С. 257). Расстояние от первоначальных укреплений до территории раскопа не превышает 60 м. Ширина улицы составляла около 6 м. Позднее частоколы вдоль нее были заменены заборами из колотых, треугольных в сечении досок, остатки которых сохранились в канавках.

В домонгольское время на площади раскопа выделяются две усадьбы, вскрытые лишь частично. Усадьба I в южной части раскопа представлена остатками двух построек (сооружения № 26 и 29).

Первоначально было возведено сооружение № 26. Во время его постройки территория усадьбы была ограждена частоколом из жердей. К востоку от постройки располагался загон для скота или хлев, сооруженный из вертикально стоящих жердей. Западная часть сооружения № 26 повреждена более поздней ямой. От постройки сохранились остатки северо-западной и северо-восточной стен в виде полуистлевших бревен диаметром 12–14 см. Зафиксированная в раскопе длина северо-западной стенки сруба составляет 230 см, северо-восточной – 200 см. В 25 см от северо-западной стенки и в 30 см от северо-восточной стенки расчищены остатки досок, параллельных бревнам сруба. Пространство между досками и бревнами, а также внутри сруба заполнено желто-серым суглинком (мощность которого составляет около 8 см). Вблизи сооружения расчищены остатки деревянных конструкций, вероятно, связанных с ним. Наличие подушки из суглинка под сооружением наводит на мысль, что перовоселенцы хорошо были

знакомы с особенностями переувлажненной почвы и поставили сруб на предварительно насыпанный гидроизолирующий слой.

Позднее, когда ограда из жердей была заменена дощатым забором, к востоку от сооружения № 26 было построено сооружение № 29. К этому моменту разбирается хлев (сооружение № 29 перекрывает линию ограды № 7). Постройка представлена бревнами, расположенными параллельно по направлению юго-юго-запад – северо-северо-восток. Сохранность дерева удовлетворительная.

Именно у сооружения № 29 сосредоточено большинство индивидуальных находок, соотносимых с усадьбой I. Главным образом это стеклянные браслеты (7 экз.) и стеклянные бусы (3 экз.). Среди бус следует выделить рыбовидную бусину из полупрозрачного фиолетового стекла, время бытования которых датируется концом XI–XIII в. (Фехнер, 1959. Прил. VI–14; Голубева, 1973. С. 182; Савельева, 1987. С. 149). Другая бусина – круглая, желтого стекла – имеет широкий хронологический диапазон – конец XI – начало XIV в., но наиболее характерны они для XII–XIII вв. (Щапова, 1956. С. 165; Фехнер, 1959. С. 172; Полубояринова, 1988. С. 162).

Предметы христианского культа представлены двумя крестами-тельниками. Один из них вырезан из кости. Крест четырехконечный, с равными по высоте четырехугольными лопастями. Другой крест – каменный «корсунчик», от которого сохранились только две лопасти с металлической окантовкой.

На усадьбе найдено семь фрагментов амфор. Большинство из них относятся к самой распространенной разновидности – амфорам трапезундской группы (по И. В. Волкову) или группы I (по В. Ю. Ковалю). Изготовлены они из ожелезненной глины, насыщенной очень мелким (пылевидным) песком. Одним фрагментом представлена амфора триллийской группы (по И. В. Волкову) или группы II (по В. Ю. Ковалю).

Усадьба II, расположенная в северной части раскопа, вошла в него лишь незначительной частью (площадью около 18 кв. м). К тому же напластования в западной части усадьбы нарушены поздней ямой. На вскрытой части усадьбы построек не зафиксировано. Но, несмотря на незначительную площадь, слой усадьбы II изобилует находками.

Прежде всего обращает на себя внимание значительное количество обломков амфор – 26 экз. Это большая часть амфор, найденных в 29–30-м пластах. Представлены амфоры как группы I, так и группы II. Нахождение значительного числа фрагментов (напомним, что вскрытая площадь усадьбы составляет всего около 18 кв. м) амфорной

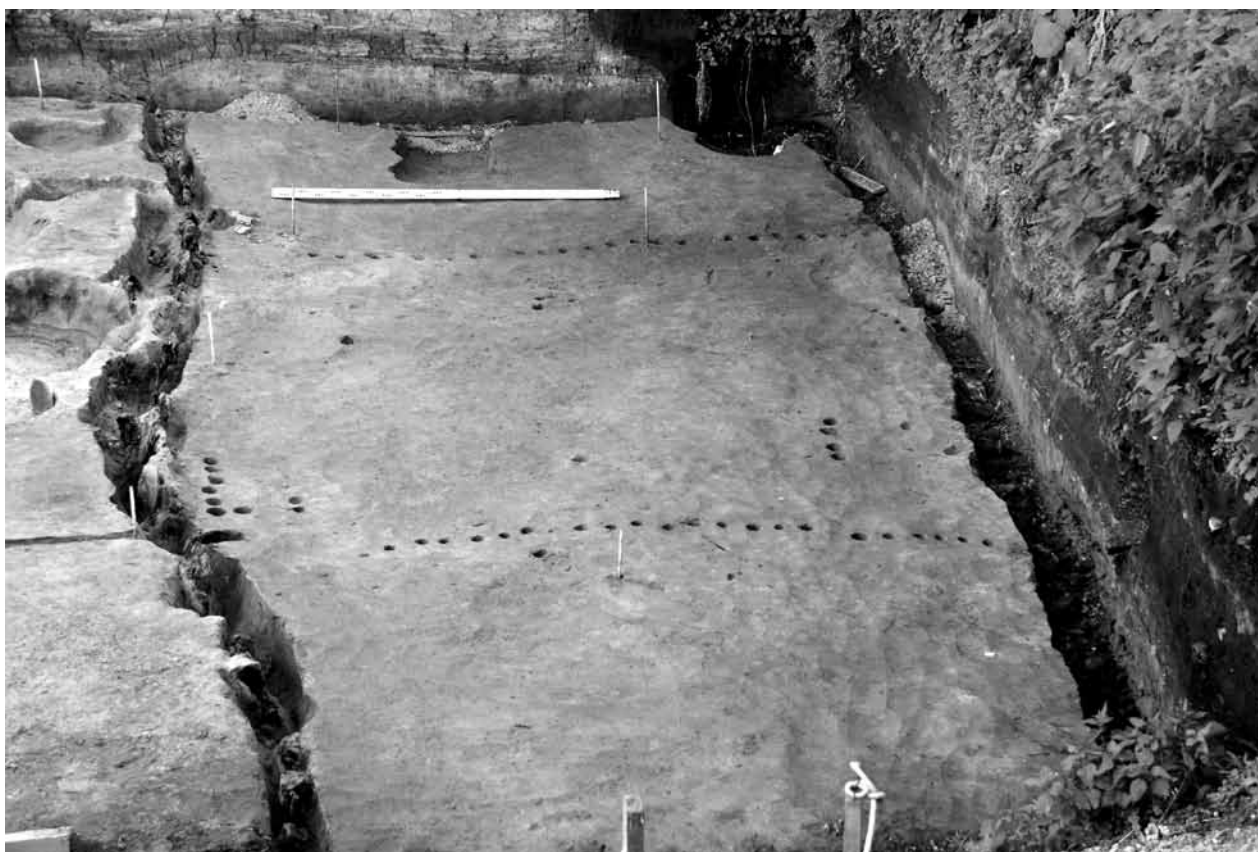

Рис. 4. Материк на восточном участке раскопа. Вид с запада

тары на рядовой посадской усадьбе не должно удивлять: излишек амфорной тары «мог расходиться по рукам челяди, попадать в сферу мелкой внутренней торговли и использоваться в быту непривileгированного городского населения» (Коваль, 2010. С. 171).

Из предматериковых напластований происходят два фрагментарно сохранившихся двухсторонних костяных гребня. Один из них (30-26-224)², по всей видимости, относится к типу Л по типологии Б. А. Колчина. Этот тип был распространен в Новгороде в XI – начале XIII вв. Другой гребень (34-26а-309) имеет индивидуальную форму: боковые стороны расширяются к середине, образуя тупой угол. Центральная часть гребня декорирована тремя параллельными линиями.

Трудно сказать, имеет ли отношение к комплексу находок из усадьбы II кошелек (29-1а-200), представляющий собой кусок кожи, затягиваю-

щийся в верхней части (сохранились отверстия для продержки). Как уже отмечалось, в нижних слоях сохранность органики плохая, и этот артефакт мог попасть в слой из вышележащих напластований (место находки непосредственно примыкает к стенке раскопа).

Украшения из стекла представлены браслетами (4 экз.) и бусами. Среди последних – рыбовидная фиолетовая, желтая бипирамидальная, три круглые фиолетовые. Дополняет набор украшений бипирамидальная сердоликовая бусина.

Большой интерес представляет найденная в непосредственной близости от усадьбы II кость с вырезанным инициалом. Находка представляет левый астрагал (таранная кость) козы (*Capra hircus*)³. Размеры кости – 3,3×1,6×1,4 см. Одна из сторон подточена. На широкой плоскости вырезана буква N – буква «Наш» кириллического алфавита⁴, которая либо выражала в смысловом

² Трехчленный паспорт находки – пласт-квадрат-полевой номер.

³ Определение канд. биол. наук Е. Е. Антипиной.

⁴ Е. Е. Антипина высказала предположение, что если рассматривать астрагал в том положении, как он расположен в скелете, то инициал имеет вид латинской Z. Но, по мнению А. А. Медынцева, буква однозначно читается как N. К тому же представляется маловероятным, чтобы русский человек изображал латинскую букву.

значении родство или близость по духу, либо обозначала число 50. До настоящего времени среди археологических материалов астрагалы, отмеченные буквами, не были известны (Завьялов, 2016.).

Следует отметить, что абсолютное большинство артефактов, связанных с обеими усадьбами, стратиграфически залегали не ниже уровня 29-го пласта. Следовательно, именно с этим уровнем следует соотносить начало освоения исследуемого участка. По керамическому комплексу пласт 29 датируется рубежом XII–XIII – первой половиной XIII в., что полностью подтверждается вещевым материалом.

В начале XIII в. на исследуемой территории происходит существенная перепланировка участка. В это время по каким-то причинам перестает функционировать улица между усадьбами I и II, и на ее месте возводятся три постройки: сооружения № 24, 25 и 27. Поскольку никаких заборов между сооружениями не зафиксировано, есть основания полагать, что все они входили в состав единой усадьбы III.

Сооружение № 25 сохранилось на один венец. Контуры деревянной конструкции, вошедшей в раскоп лишь незначительной частью, представлены тремя бревнами, соединенными под прямым углом. Способ соединения бревен проследить не удалось из-за плохой сохранности древесины. Но вынос концов у северного угла восточной стены указывает на рубку в обло (с остатком). Заполнение внутренней части конструкции представлено темно-коричневой супесью со значительными вкраплениями угля и щепы. С сооружением № 25 связаны единичные индивидуальные находки. Но мощное скопление рыбьих костей и чешуи у северного угла позволяет рассматривать данное сооружение как хозяйственную постройку, в которой обрабатывали рыбу.

В центральной части восточной стены прослежены деревянные плахи с внутренней и внешней сторон сооружения, расположенные по одной линии и имеющие одинаковую длину. Они могут быть интерпретированы как часть пола и фрагмент крыльца.

Судя по тому, что на уровне пласта 27 сооружение № 25 уже не прослеживается, постройка существовала непродолжительное время.

Сооружение № 27 расположено в восточной части участка. Раскопом затронута лишь западная часть фрагментарно сохранившейся постройки. Контуры сооружения прослежены по остаткам деревянных плах. Постройка сохранилась на один венец. Бревно северной стены укреплено вертикально вбитыми кольями. Печь располагалась в юго-западном углу

избы. От печи сохранилось основание пода из шести параллельно расположенных обгорелых бревен или плах. К югу и востоку от печи располагаются мощные (до 7–11 см) линзы древесного угля и золы, а к северу – пятно желтоватой супеси с включениями древесного угля и обожженной глины.

К югу от сооружения № 27 зафиксирован настил из шести бревен или плах шириной около 1 м и толщиной 10–17 см. Бревна расположены по направлению запад – восток. Таким образом, данный настил являлся мощеной внутриусадебной дорожкой.

Наиболее сложным по конструкции оказалось сооружение в центральной части раскопа, получившее № 24. К сожалению, постройка сильно разрушена более поздними ямами и траншеей с деревянной конструкцией. Кроме того, детали постройки сильно пострадали от пожара. По всей площади раскопа фиксируются мощные угольно-зольные пятна, особенно значительные возле остатков деревянных конструкций.

Сооружение № 24 представляло собой крупную постройку, возведенную на подсыпке из желтоватой супеси толщиной до 20 см. В состав сооружения входила изба, рубленная в обло, и конструкция (возможно, крыльцо), опирающаяся на четыре столба диаметром 25–30 см. Столбы почти на полметра заглублены в материк, а между ними в материковом слое прорыты канавки, в одной из которых сохранились остатки дерева. Максимальная прослеженная длина стены избы составляет 490 см. Сооружение ориентировано по линии юго-юго-восток – северо-северо-запад. Бревна постройки частично обуглены.

С этой постройкой связано более 90 индивидуальных находок. Интересен фрагмент мужской фигурки (сохранилась верхняя половина), вылепленной из беложгущейся глины и покрытой зеленой поливой (28-17-777). Фигурка представляет бородатого мужчину в высокой шапке. Аналогичные фигурки происходят из домонгольских слоев Киева, Старой Рязани и Воиня (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 144; Довженко, Гончаров, Юра, 1966. Табл. XVII; Ивакин, Степаненко, 1985. С. 103).

Значительную часть составляют находки из стекла (42 экз.). В сооружении № 24 найдено 24 стеклянных браслета, 3 стеклянных перстня, 15 бусин (из них 13 стеклянных, круглая хрустальная и круглая сердоликовая). Круглые зонные бусы представлены одночастной молочно-белого стекла и двухчастной зеленой.

Пожар, разрушивший постройки усадьбы III, маркирует верхнюю границу второго хронологического горизонта. Эта граница расположена наглу-

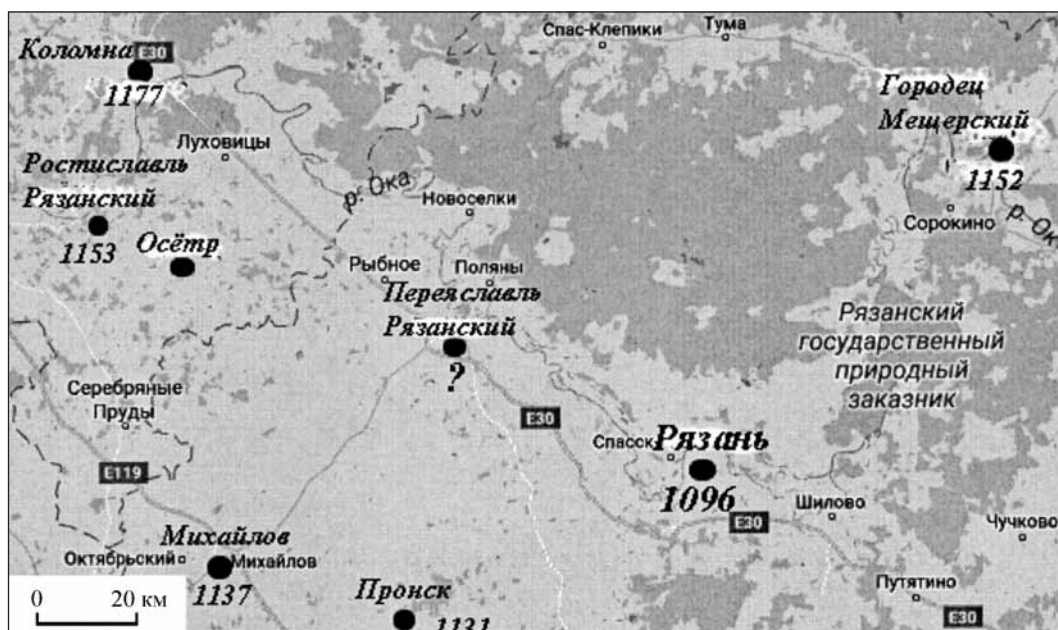

Рис. 5. Города Рязанского княжества и даты их основания

бине -530 см от условного репера. Слой выше нее датируется второй половиной, а слой ниже – первой половиной XIII в. Принимая во внимание, что выше, в пласте 26, построек не зафиксировано, то есть участок некоторое время не застраивался, можно предположить связь пожара, разрушившего усадьбу III, с нашествием татаро-монголов в 1237 г.

Таким образом, в результате археологического исследования Житного раскопа на территории кремля Переяславля Рязанского удалось выделить хорошо документированные слои второй половины XII – первой половины XIII в. Анализ вещевого комплекса свидетельствует о городском характере поселения. Полученные данные позволяют считать, что Переяславль Рязанский возник задолго до первого упоминания в летописи (1330 г.)

и даты, приведенной в «Рязанских достопамятностях» (1208 г.). Вместе с тем археологически пока не подтверждается и дата, указанная в Следственной Псалтыри (1095 г.).

Для выхода из сложившейся ситуации следует обратиться к исторической ситуации, сложившейся в Рязанском княжестве во второй половине XII в. Именно начиная с середины этого столетия рязанские князья разворачивают активную деятельность по строительству городов для обороны границ княжества (Иловайский, 2009. С. 55). За короткий промежуток времени возникают Пронск (1131), Михайлов (1137), Осётр (1146), Городец Мещерский (1152), Ростиславль Рязанский (1153), Коломна (1177). Вероятно, в этом ряду и должен находиться Переяславль Рязанский (рис. 5).

Литература

Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука. 212 с.

Гордова Ю. Ю., 2013. Топонимия Переяславля Рязанского в свете лингвистических и археологических данных // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань: РИАМЗ. С. 8–19.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ. 448 с.

Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О., 1966. Давньоруське місто Воїнь. Київ: Наукова думка. 148 с.

Завьялов В. И., 2016. Гадальная кость из Переяславля Рязанского // Древности Поочья. Рязань: Рязанское историко-культурное общество. С. 61–63.

Завьялов В. И., Судаков В. В., 2017. Стратиграфия и хронология Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 69–87.

Ивакин Г. Ю., Степаненко Л. Я., 1985. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева. К.: Наукова думка. С. 77–105.

Иловайский Д. И., 2009. История Рязанского княжества. М.: Кучково поле. 320 с.

Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.: Наука. 269 с.

Кузьмин А. Г., 1965. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М.: Наука. 286 с.

Латишин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009. 540 с.

Милованов С. И., 2013. Предметы торгового инвентаря и импортного происхождения второй половины XII–XV в. из раскопок Переяславля Рязанского // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Рязань: РИАМЗ. Вып. 2. С. 148–178.

Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.: АН СССР. 400 с.

Насонов А. Н., 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: АН СССР. 282 с.

Олейников О. М., 2002. Стекланные браслеты Великого Новгорода // РА. № 1. С. 51–73.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Наука, 1962. 580 с.

Полубояринова М. Д., 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука.

Равдина Т. В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосквья // МК. М.: ИА РАН. С. 7–13.

Савельева Э. А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ. 200 с.

Селиванов А. В., 1892. К вопросу об основании города Переяславля-Рязанского // Тр. Рязанской

ученой архивной комиссии за 1891 г. Т. VI. Вып. 2. Рязань. С. 24–27.

Стрикалов И. Ю., 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв. Дисс. ... канд. ист. н. М.

Судаков В. В., 1988. Керамика Переяславля Рязанского // Научные чтения. Археология Рязанской земли. Тезисы докладов. Рязань. С. 32–33.

Судаков В. В., 1993. Славянский могильник Переяславля Рязанского // Древние памятники Окского бассейна. Рязань. С. 31–37.

Судаков В. В., Буланкин В. М., 2005. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли. С. 241–261.

Судаков В. В., Буланкин В. М., Вячин, 2005. Археологическая карта округа ПР. Сельские поселения IX–XIV вв. // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли. С. 34–35.

Тихомиров М. Н., 1956. Древнерусские города. М.: Госполитиздат. 477 с.

Топонимический словарь Рязанской области. Рязань: РГУ, 2004. 295 с.

Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях русской деревни X–XIII вв. // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: ГИМ. С. 149–224. (Тр. ГИМ. Вып. 33).

Щапова Ю. Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. М.: АН СССР. С. 164–179.

Яхонтов С. Д., 1896. К вопросу об основании города Переяславля Рязанского // Празднование 800-летия г. Рязани. Рязань.

V.I. Zavyalov

Concerning the date of the founding of the town of Pereslavl Ryazansky

Summary

Arising from archaeological investigations within the grounds of the Kremlin of the town of Pereslavl Ryazansky, it became possible to identify cultural layers from the latter 12th and early 13th centuries. Analysis of the recovered artifacts confirms the urban nature

of the settlement. This means that Pereslavl Ryazansky was in existence long before the earliest written mention (1300). Despite this, the date mentioned in the Sledovan Psalter (1095) remains unconfirmed by the archaeological data.

С. И. Андреев

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Тамбов

Поселение Екатериновка 3: к вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества

Вопрос о юго-восточном рязанском пограничье давно поднимается в отечественной историографии. Дело в том, что о ней нет четких письменных сведений, а сама линия пограничья часто менялась.

Этой темой интересовался Б. И. Иловайский: «Здесь она (рязанская колонизация. – С. А.) встречала дикие племена Финнов и Половцев, которые должны были отступать перед высшею ступенью гражданственности, и действительно границы княжества не замедлили далеко раскинуться в эту сторону. На востоке они терялись в Мордовских дебрях. Впрочем, мы имеем несколько данных, чтобы указать на них приблизительно. Во-первых, город Кадом, упоминаемый под 1209 г., можно принять за крайний Рязанский пункт по реке Мокше; во-вторых, при нашествии Батыя говорится, что татары стали на Онозе, а рязанские князья встретили их на границах своих владений и стали на Воронеже. Что берега Воронежа были заселены, на это указывает эпизод о Ярополке Ростиславиче, который после битвы на Колокше искал убежища у здешних жителей. Во второй половине XI и в начале XII в. все пространство к югу от Прони было занято кочевьями Половцев; но в XII столетии Славянское начало мало-помалу стало оттеснять кочевников далее в степи...» (Иловайский, 1997. С. 60).

И далее он пишет «... пределы княжества, несмотря на тяжкое иго, значительно расширились после той эпохи (после 1237 г. – С. А.). Это растяжение границ совершалось, конечно, в тех направлениях, в которых оно встречало наименее препятствий, именно в юго-восточном и северо-западном. На юго-востоке граница княжества далеко перешагнула за реку Воронеж и углубилась в степи. В конце XIII и начале XIV в. она определялась Русскими поселениями, разбросанными по левому берегу Дона с одной стороны и по правому Хопра и Великой Вороны с другой; по крайней мере, мы

знаем, что эти реки отделяли Рязанскую епархию от Сарайской...» (Иловайский, 1997. С. 75).

«Восточную границей можно считать реку Гусь и левый берег Оки до речки Середней; отсюда шел так называемый Мещерский рубеж к среднему течению Цны, впадающей в Мокшу; далее, судя по смыслу договорной грамоты 1496 г., места по Воронежу составляли крайние Рязанские владения на юго-востоке, нет никакого основания думать, что весь древний Червленый Яр в то время все еще принадлежал к Рязанскому княжеству...» (Иловайский, 1997. С. 126).

Относительно границ Руси в XIV в. на юго-востоке и о Червленом Яре С. М. Соловьев пишет следующее: «Что касается общих русских границ на юго-востоке, то с большою вероятностью можно предположить, что они совпадали с границами епархии Рязанской и Сарайской, ибо последняя находилась уже в собственных владениях татарских. Этой границею в митрополичьих грамотах определялась река Великая Ворона; из тех же грамот узнаем, что христиане находились в пределе Черленого Яру (реки) и по караулам возле Хопра до Дону...» (Соловьев, 1993. С. 525).

В 1951 г. выходит работа В. В. Мавродина, в которой говорится, что в XIII–XIV вв. «... рязанцы проникали далеко на юг, и их отдельные поселения можно было встретить по Дону, Хопру, Тихой Сосне и Вороне. Вся часть степи к востоку от Воронежа, носившая в те времена название Червленого Яра, постепенно заселялась рязанцами» (Мавродин, 1951. С. 44).

Среди источников отметим ряд грамот, отразивших спор между Рязанской и Сарайской епархиями из-за территории, ограниченной рекой Великой Вороной (р. Ворона). Первая грамота появляется в 1330 г. в Костроме на соборе, который избрал нового суздальского епископа. Съезд епископов заставил также сарайского епископа Софония дать

рязанскому епископу Григорию письменное обязательство: «... пред господином моим преосвященным – Феогностом митрополитом всея Руси и пред братиею своею епископы Онтонием Ростовским и Даниилом Суздальским отселе потом не вступатися в предел Рязанской по Великую Ворону...» (*Введенский*, 1905. С. 359).

В 40-е годы XIV в. спор возобновляется. Чтобы его прекратить, митрополит Феогност направляет новую грамоту, теперь адресованную всему православному населению спорной территории: «Благословение Феогноста, митрополита всея Руси, к детям моим, к баскакам и к сотникам, и к игуменом и попом, и ко всем крестьяном Червленого Яру, и ко всем городом, по Великую Ворону...» (Акты... 1964. С. 342). В результате споров митрополит Феогност постановил передать Червленный Яр в распоряжение рязанского епископа.

С поставлением в 1353 г. нового митрополита Алексия сарайский епископ Афанасий немедленно возобновляет спор. На это Алексей направляет новую грамоту: «Благославенье Алексиа, митрополита всея Руси, к всем христианы, обретающимся в пределе Червленого Яру и по караулам возле Хопор, до Дону, попом и дяконом, и к баскакам, и к сотникам, и к бояром... ныне послал есмь к вам владыку рязанского Василья с грамотою своею: и вы поминайте его, а пошлину церковную дайте ему по обычаю» (Акты... 1964. С. 344). Таким образом, грамота митрополита Алексия подтверждала рязанскую юрисдикцию над Червленным Яром.

В преимущественно археологическом исследовании «Рязанская земля» А. Л. Монгайт вынужден был определять южные границы Рязанского княжества по данным письменных источников (*Монгайт*, 1961. С. 144). С восточной стороны к юго-восточной границе Рязанского княжества примыкал золотоордынский улус Мохши. По мнению Г. Н. Белорыбкина, к 30–50-м гг. XIV в. Мохши достигает вершины своего развития. Территория улуса распространяется на востоке до р. Суры, на западе до р. Цны, на севере до бассейна р. Теша, на юге до р. Хопёр (*Белорыбкин*, 2009. С. 209).

Относительно точно определить этническую и политическую границу (а в нашем случае они совпадают) возможно только методами археологии. В течение ряда лет автором проводились исследования группы древнерусских памятников в верховьях р. Цны. Изучалось городище у с. Никольского и четыре неукрепленных поселения. Выявлены слои домонгольского времени и поселения второй половины XIII–XIV в. В том числе открыто обширное (до 20 га) селище золотоордынской эпохи. Все это позволило определить

границу Рязанского княжества на юго-востоке по верховьям реки Цны (*Андреев*, 2013. С. 158–161).

В июне – июле 2015 г. археологической экспедицией Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина было открыто и исследовано раскопками поселение 3 у с. Екатериновка в Пичаевском р-не Тамбовской обл. (*Андреев*, 2016) (рис. 1). Поселение занимает склон первой надпойменной террасы правого берега р. Большой Ломовис на высоте 4–6 м от уровня воды в реке. Поверхность северной части задернована, здесь проходит полевая дорога, центральная и южная части распахивались. Река Большой Ломовис – левый приток р. Кашмы, которая, в свою очередь, впадает справа в р. Цну (Волжский бассейн).

Судя по распространению подъемного материала, поселение располагалось вдоль края террасы, примерно на 1,5 км вдоль реки. Ширина полосы распространения подъемного материала – около 75 м. Внешне какие-либо остатки сооружений не просматриваются. Исследование проводилось одним раскопом. Общая вскрытая площадь памятника в 2015 г. составила 524 кв. м (рис. 1; 2).

Культурный слой в раскопе состоял из гумусированной супеси (разной степени насыщенности гумусом, во влажном виде темно-серого цвета), прослойки песка, обожженной почвы, углей, древесного тлена. Сверху находился дерновый слой толщиной до 0,05 м и местами слой песка, внизу – материк (бело-серая подзолистая супесь). Отметим присутствие в слое единичных фрагментов керамики неолита, раннего железного века, многочисленные обломки керамики Средневековья, кости животных. Всего из земли извлечено 15 667 предметов (обломки керамики, изделия из камня, глины, железа, серебра, меди и иных сплавов цветных металлов, железный шлак, кости домашних и диких животных).

Первый пласт раскопа представляет собой гумусированную супесь серо-черного цвета с вкраплениями обожженной глины, фрагментов керамики, угольков и золы, поверхность которого покрыта дерном. Цвет грунта зависит от концентрации гумуса, которая несколько меняется по направлению от края террасы в восточном направлении – с серо-серого на серо-черный и серый (типичную лесную супесь). Этот грунт довольно давно подвергался распахке. Хотя в стратиграфии это практически незаметно, такой вывод следует из сильной измельченности керамики, а также об этом свидетельствует находка в кв. 20 нижней половины лепного сосуда, верхняя часть которого была, вероятно, срезана распахкой. Нижняя часть первого пласта, на глубине около 0,2 м, несколько выщелочена и имеет бело-серый

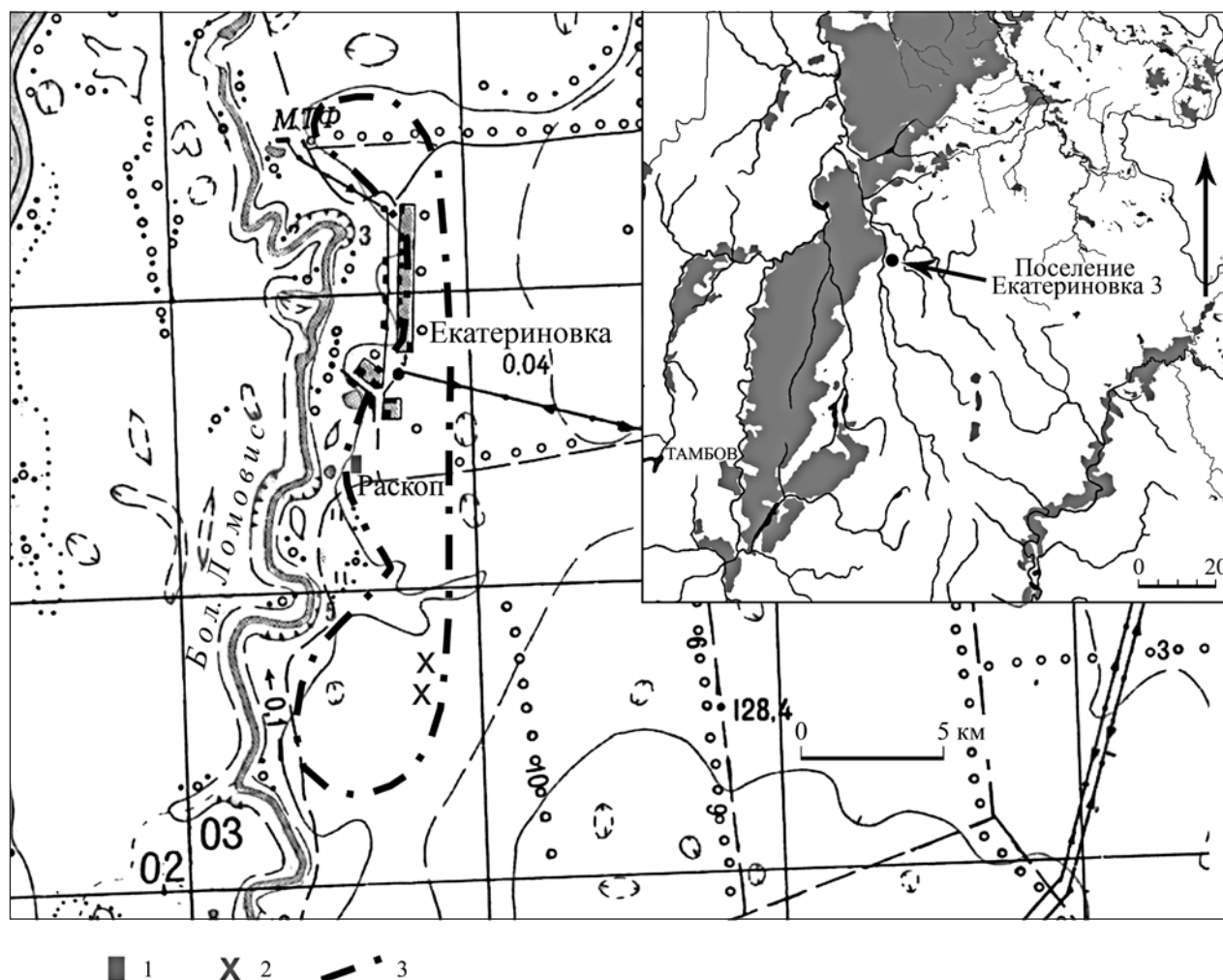

Рис. 1. Поселение Екатериновка 3. Ситуационный план и план поселения
1 – раскоп; 2 – места скопления металлических шлаков; 3 – границы памятника

оттенок из-за меньшей концентрации гумуса. В целом грунт первого пласта довольно однороден и хорошо перемешан. Керамика и кости животных образуют скопления, как выяснилось позже, вокруг жилых построек и хозяйственных сооружений.

Грунт второго пласта представлял собой более светлую (по сравнению с первым пластом) гумусированную супесь с включениями обожженной глины, вкраплениями углей, песка и фрагментов керамики. На фоне выщелоченной гумусированной супеси хорошо читались пятна гумуса от сооружений и построек. В целом второй пласт оказался в значительной степени насыщен продуктами горения (угольками, золой, пережженным грунтом).

Грунт третьего пласта также представляет собой слабо гумусированную супесь с включениями обожженной глины, вкраплениями углей, песка, обломками керамики и костей. В основании этого пласта фиксировался предматериковый слой, и все

выявленные на этом уровне пятна гумусированной супеси маркировали углубленные в материк ямы. Вне этих пятен гумус отсутствовал, то есть уровень дневной поверхности существовавшего здесь поселения находился выше. В целом третий пласт оказался еще более насыщен продуктами горения (угольками, золой, пережженным грунтом).

Строительные сооружения (рис. 2)

Строительные сооружения представлены ямами – столбовыми, хозяйственными, подпольными, а также сооружением в виде глиняной подушки.

Яма № 4 – столбовая, округлой формы, диаметром 0,4 м, глубиной в материке 0,25 м. Стенки вертикальные, дно плоское, заполнение аналогично выше расположенному культурному слою в виде гумусированной супеси. Находки представлены 9 венчиками, 2 обломками днищ, 32 стенками

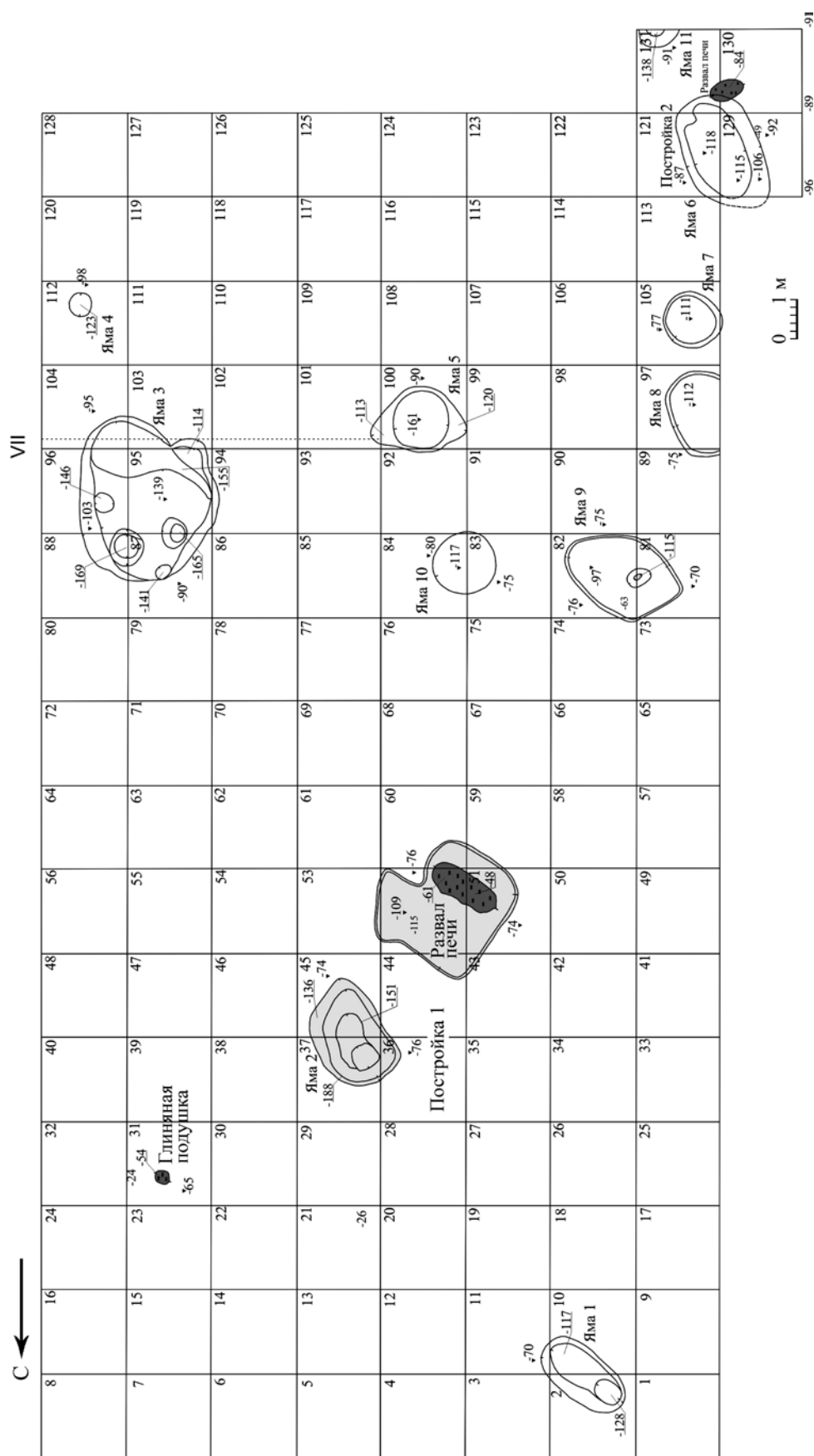

Рис. 2. Поселение Екатериновка 3. План раскопа

гончарных древнерусских сосудов, а также 2 фрагмента костей животных.

Постройка 1 (рис. 2) включала в себя подпечную и подпольную ямы (яма № 2). Подпечная яма расположена в центральной части раскопа. Она имела неправильную подквадратную форму с закругленными углами, со сторонами 2,2–2,0×2,4–1,8 м, с максимальной глубиной в материке 0,33 м. Стенки ямы вертикальные, дно ямы практически плоское. Заполнение ямы представляло собой насыщенную гумусированную супесь с прослойками песка, включениями золы, угольков, костей животных, фрагментов керамики. В заполнении подпольной ямы находился развал отопительного сооружения (печи) (рис. 3), который имел неправильную форму овала, вытянутого по линии северо-запад – юго-восток, размерами 1,4×0,5 м, толщиной до 0,25 м. На глубине 0,15 м от горизонта материка выявлено основание печи в виде прослойки сильно гумусированной супеси, насыщенной угольками, толщиной до 0,08 м. Выше залегала сильно пережженная глина с включениями древесных углей и обломков керамики толщиной до 0,1 м, а еще выше – слой обожженной глины толщиной до 0,15 м. Судя по отсутствию шлейфа из обожженной глины, печь (после сгорания подпечка) упала практически вертикально на образовавшийся в подпечной яме в процессе жизни и деятельности хозяев культурный слой.

В заполнении подпечной ямы постройки 1 найдены три индивидуальные находки. Это железный универсальный черешковый нож (рис. 3, 1), керамическое битрапециодное пряслице (рис. 3, 2), железные рыболовный крючок (рис. 3, 3) и гвоздь без шляпки (рис. 3, 4), мелкий фрагмент венчика лепного древнемордовского сосуда, две стенки лепных древнемордовских сосудов без орнамента. Тесто черепков плотное, с примесью мелкого шамота.

Найдены также 34 венчика, 5 обломков днищ, 103 стенки гончарных древнерусских сосудов, в одном случае форму сосуда удалось реконструировать (рис. 3, 6–14). Сосуды изготовлены из красной жгущейся глины без видимых примесей песка, в качестве отощителя добавлен мелкий шамот, обжиг ровный. Сосуды в редких случаях украшены волнистым многорядным, чаще линейным, орнаментом. Встречены обломки белоглиняных горшков не местного изготовления. В заполнении найдены также 15 обломков костей животных и 4 фрагмента глиняной обмазки.

В 1,6 м к северо-востоку от подпечной ямы находится подпольная яма № 2, которая, вероятно, являлась частью постройки 1 (рис. 3, 1). Имела под-

квадратную форму с закругленными углами, размеры сторон 2,0–1,2×1,6–1,1 м, максимальная глубина в материке 1,13 м. Стенки с юго-западной и северо-западной сторон вертикальные, остальные покатые, дно закругленное. Грунт первых двух пластов заполнения аналогичен вышерасположенному культурному слою. Ниже, на глубине 0,72 от горизонта материка, выклинивается прослойка сильно гумусированной супеси, основание которой выстилает прослойка угольков толщиной до 0,02 м.

В заполнении ямы 2 найдены шесть обломков лепных древнемордовских сосудов, в том числе мелкий фрагмент венчика, часть дна и четыре стенки. Тесто плотное, с примесью мелкого шамота. К древнерусским гончарным сосудам относились пять венчиков и восемь фрагментов днищ без закраин (два из которых имеют клейма: одно фрагментировано, второе – свастика). Форму одного сосуда удалось реконструировать (рис. 3, 5).

К сооружениям, связанным с постройкой 1, можно отнести выявленную в кв. 31 глиняную подушку – блок из обожженной глины с включением мелких угольков, который имел округлую форму (0,3×0,27 м) и толщину до 0,25 м (рис. 3, 1). В 0,15 м к западу и северо-западу от блока выявлена площадка обожженной глины округлой формы размером 0,65×0,65 м. Толщина слоя обожженной глины – до 0,02 м. Предположим, что это элемент домостроения в виде опорного камня под угол жилого дома.

В раскопе выявлены девять хозяйственных ям.

Яма № 1, овальной формы (1,8 × 1,06 м), вытянута по линии северо-запад – юго-восток, глубиной в материке до 0,57 м. Стенки покатые, дно плоское, с небольшим округлым заглублением в северо-западной части. Заполнение аналогично вышерасположенному культурному слою. Находки представлены двумя венчиками, 4 фрагментами днищ и 28 стенками лепных сосудов без орнамента, древнемордовского типа. Венчики от горшка и сосуда закрытого типа (рис. 4, 3–4), днища без закраин (рис. 4, 9). Тесто черепков плотное, с примесью мелкого песка и мелкого шамота. Наиболее многочисленны обломки гончарной древнерусской посуды: 14 венчиков, 9 фрагментов днищ и 47 стенок с линейным и волнистым орнаментами (рис. 4, 2, 5–8), один сосуд удалось собрать из обломков (рис. 4, 1).

Яма № 3 имела форму неправильного квадрата с округлыми углами, размерами 1,8–2,4×2,5–2,8 м по краю, глубиной в материке до 0,8 м. Стенки покатые, дно разноуровневое, плоское. Яма включает в себя четыре округлых углубления, которые можно интерпретировать как опорные столбовые ямы. Ямы округлые, стенки покатые, дно плоское.

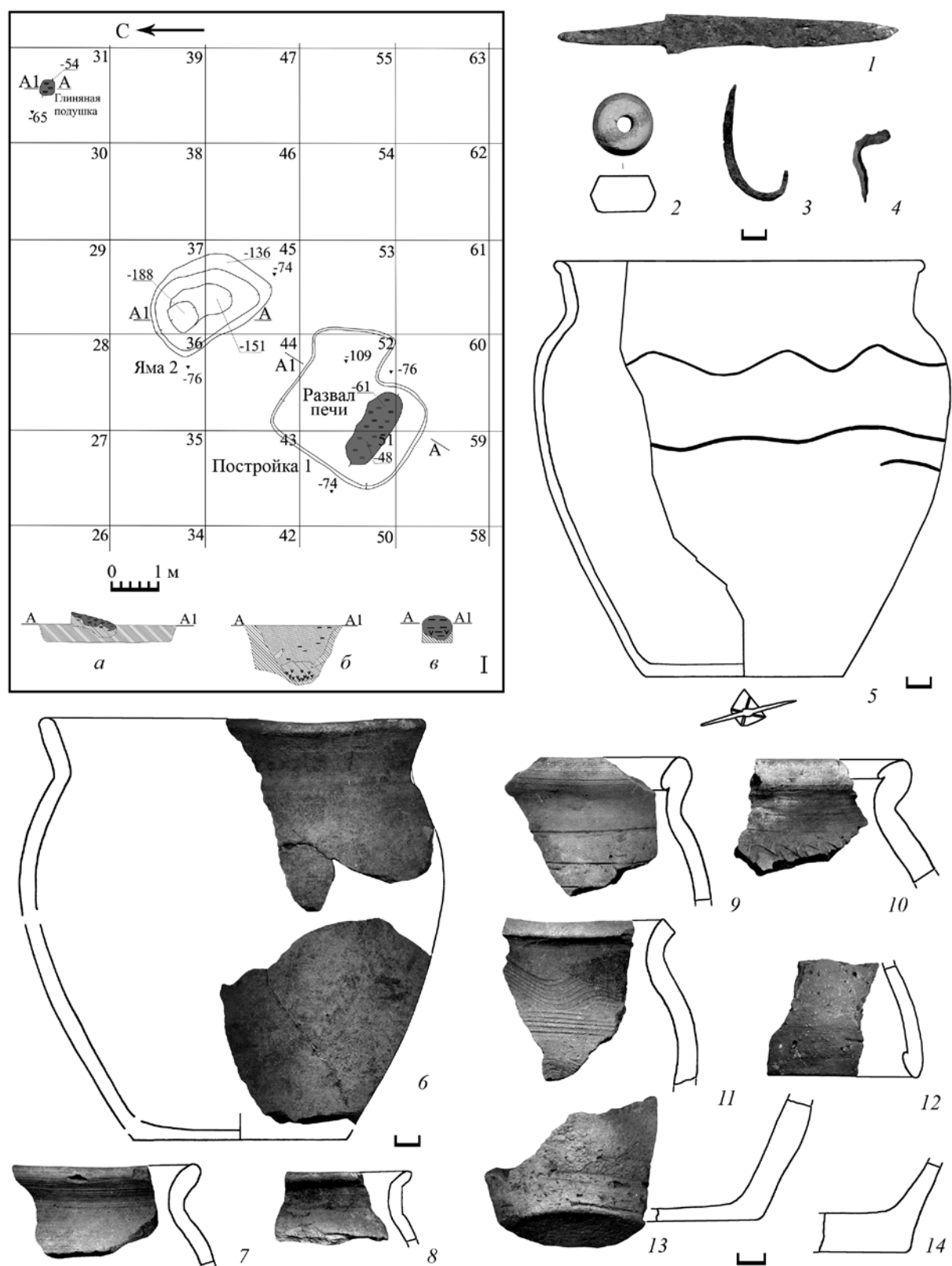

Рис. 3. I. План и профили постройки 1. Находки из заполнения постройки 1

1 – нож; 2 – пряслице; 3 – рыболовный крючок; 4 – гвоздь; 5–14 – фр-ты круговой керамической посуды.
1, 3, 4 – железо; 2 – глина

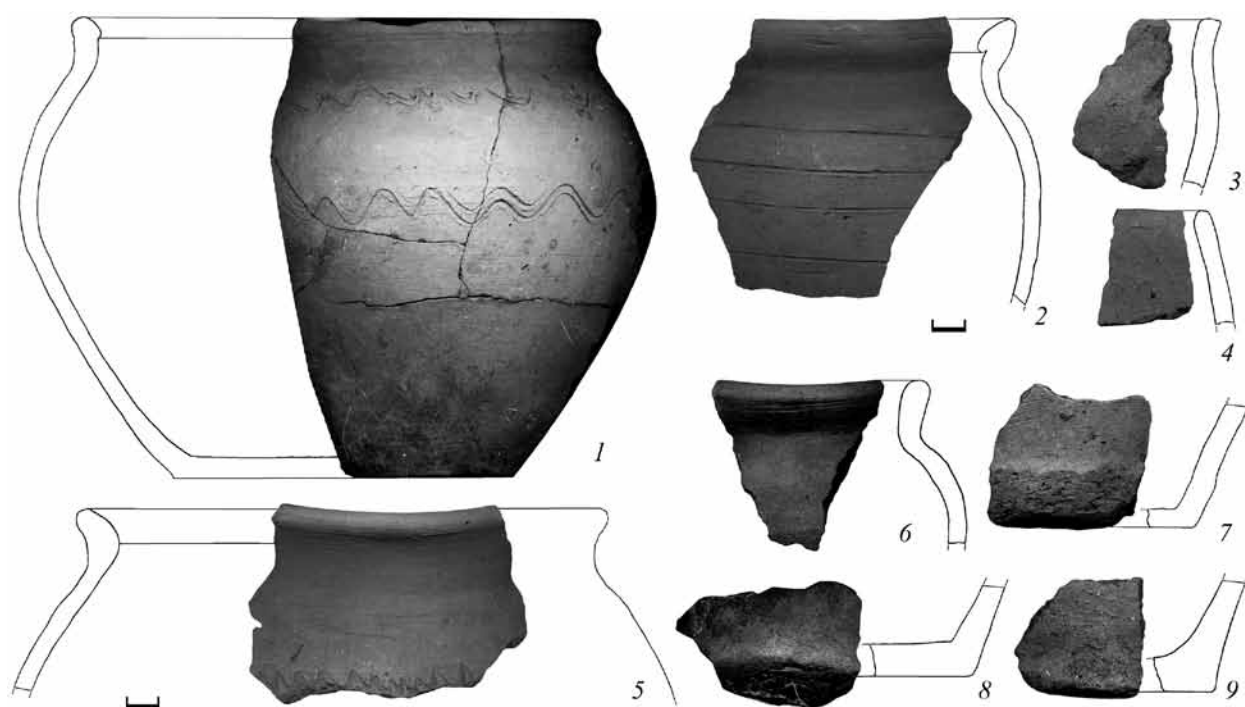

Рис. 4. Поселение Екатериновка 3. Керамика из заполнения ямы 1

1, 2, 5–9 – круговая керамика; 3, 4 – фр-ты лепной посуды

Заполнение аналогично вышерасположенному культурному слою. В центральной части выявлено пятно концентрированного гумуса диаметром до 1 м и обожженного грунта.

Из заполнения ямы 3 происходят четыре находки: медный щитковый перстень без изображения на щитке (рис. 5, 1), железный ключ от цилиндрического замка типа ВП по Б.А. Колчину (рис. 5, 2), обломок железного предмета (рис. 5, 3), красноглиняное пряслице, имитирующее по форме шиферное (рис. 5, 4).

Керамика представлена обломками лепных древнемордовских сосудов без орнамента (6 венчиков, 4 фрагмента днищ и 42 стенки). Венчики как от слабо профилированных горшков (рис. 5, 5), так и от сосудов баночного типа (рис. 5, 6, 7). Тесто черепков плотное, с примесью мелкого песка и мелкого шамота. Наиболее многочисленны находки гончарной древнерусской посуды: 39 венчиков (рис. 5, 9–13), 18 фрагментов днищ (2 из которых имеют клейма в виде пентаграммы и круга (рис. 5, 18, 19), одно имело закраину (рис. 5, 21) и 216 стенок гончарных сосудов с линейной и волнистой орнаментацией. Найдены также обломки импортных сосудов: венчик и стенка желтоглиняного сосуда с красным ангобом (рис. 5, 8, 16), стенка светлоглиняного кувшина (рис. 5, 15) и ручка от кувшина или амфоры (рис. 5, 17). Зафиксированы также 113 костей животных.

Яма № 5 имела форму неправильного овала, размером 1,8×1,26 м (вытянута по линии запад – восток), глубиной в материке до 0,74 м. Стенки верхней трети покатые, ниже вертикальные, дно плоское. Округлые углубления с западной и восточной сторон ямы предположительно являются ее ступеньками. Нижняя часть ямы заполнена концентрированным гумусом. Заполнение верхней части аналогично вышерасположенному культурному слою. Находки представлены 22 венчиками (рис. 6, 1–5), 4 фрагментами днищ (рис. 6, 8–9) и 53 стенками гончарных сосудов с линейным и волнистым орнаментом. Один обломок принадлежит древнерусскому кувшину (рис. 6, 7). Тесто черепков плотное, с примесью мелкого и среднего шамота. Найдена также ручка от амфоры (или импортного кувшина?) (рис. 6, 6) и семь костей животных.

В юго-западной части раскопа выявлена постройка 2 (с припечной ямой 6). Яма имела форму неправильного овала, вытянутого по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток, размерами 2,4×1,65 м, с максимальной глубиной в материке 0,42 м. Стенки ямы покатые, дно плоское. Заполнение ямы состоит из сильно гумусированной супеси с прослойками песка, включениями золы, угольков, костей животных, керамики. В верхней части заполнения ямы обнаружена прослойка из обломков сильно пережженной глины (стенок разрушенного

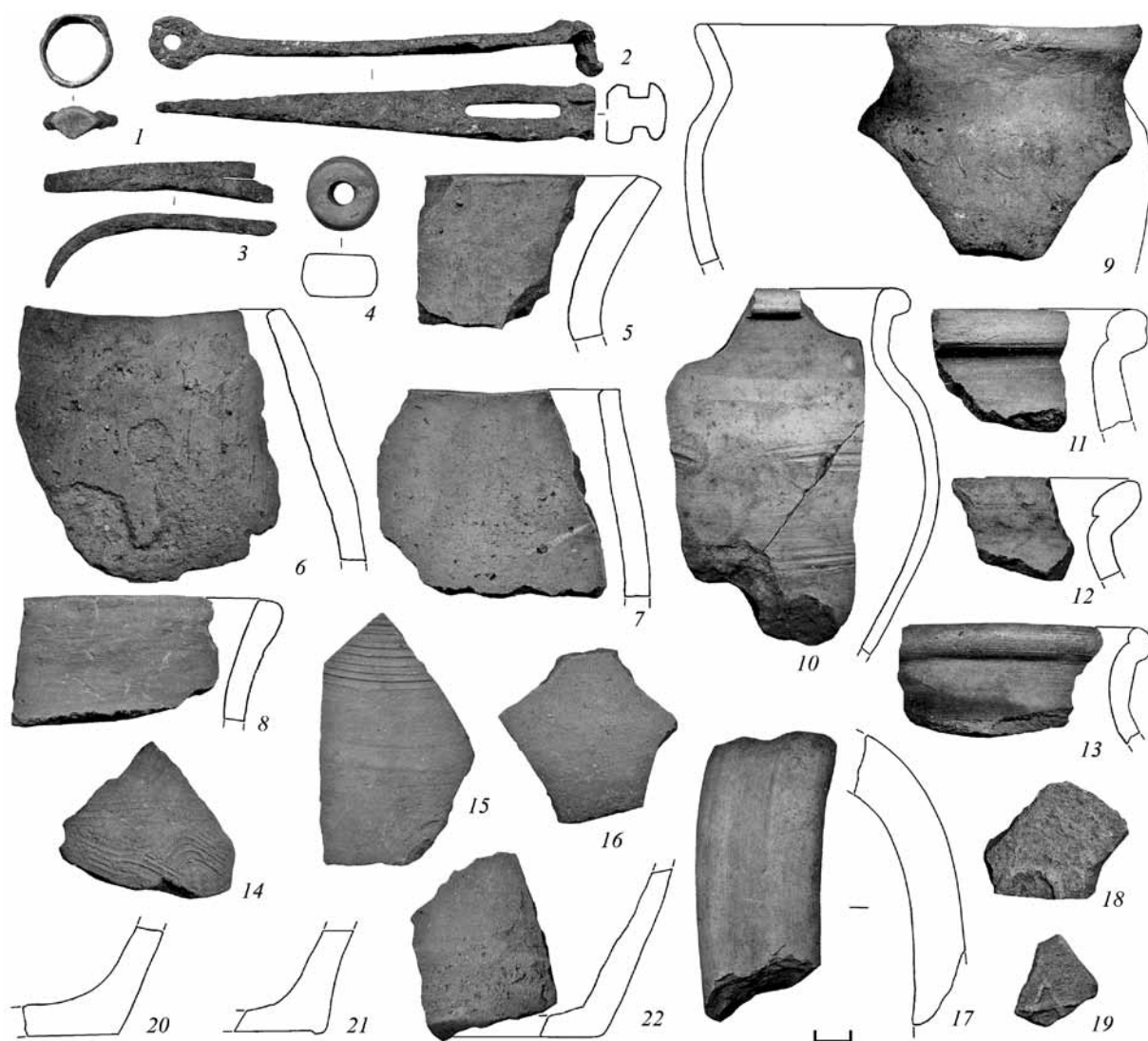

Рис. 5. Поселение Екатериновка 3. Находки из заполнения ямы 3 (см. цв. вкл.)

1 – перстень; 2 – ключ; 3 – обломок светца; 4 – пряслице; 5–22 – фр-ты лепной и круговой керамической посуды.
1 – медный сплав; 2, 3 – железо; 4 – глина; 5–7 – фр-ты лепной посуды; 8–22 – фр-ты круговой посуды

печного устройства?) размерами 0,15×0,15 м, фиксированных на площади 0,5×0,5 м (рис. 7, Л).

С юго-западной стороны ямы, немного ее перекрывая, выявлен развал печи в виде скопления прокаленной глины, углей и фрагментов керамики (рис. 7, Л). Развал имеет несколько неправильную форму овала, вытянутого с запада на восток, размерами 0,64×0,41 м, толщиной до 0,32 м. Под этим развалом, на высоте 0,1 м от горизонта материка выявлена прослойка гумусированной супеси толщиной 0,13 м. Над ней залегал слой сильно пережженной глины с включением углей и обломков керамики (толщина – 0,05 м), а над ним – слой прокаленной глины толщиной до 0,25 м. Если допускать, что обломки печины в заполнении ямы являлись шлейфом, образовавшимся при падении

печи, то можно предполагать, что она падала с юго-западной стороны в северо-восточную. Не совсем понятен характер этого сооружения. Возможно, это было легкое наземное сооружение типа летней кухни. К юго-западу от постройки (в сторону реки) культурный слой резко обрывается.

В заполнении ямы № 6 найдены железное седельное кольцо (рис. 7, Л), свинцовый грузик в форме бипризматического пряслица (рис. 7, 2), медная поясная накладка (рис. 7, 3). Найдены также два венчика баночного типа (рис. 7, 5), один обломок дна и 11 стенок лепных древнемордовских сосудов без орнамента. Тесто черепков плотное, с примесью мелкого шамота. К древнерусской культуре относятся 17 венчиков (рис. 7, 6–13, 15), 3 обломка днищ (одно с закраиной) и 37 стенок, в том числе от толстостенного

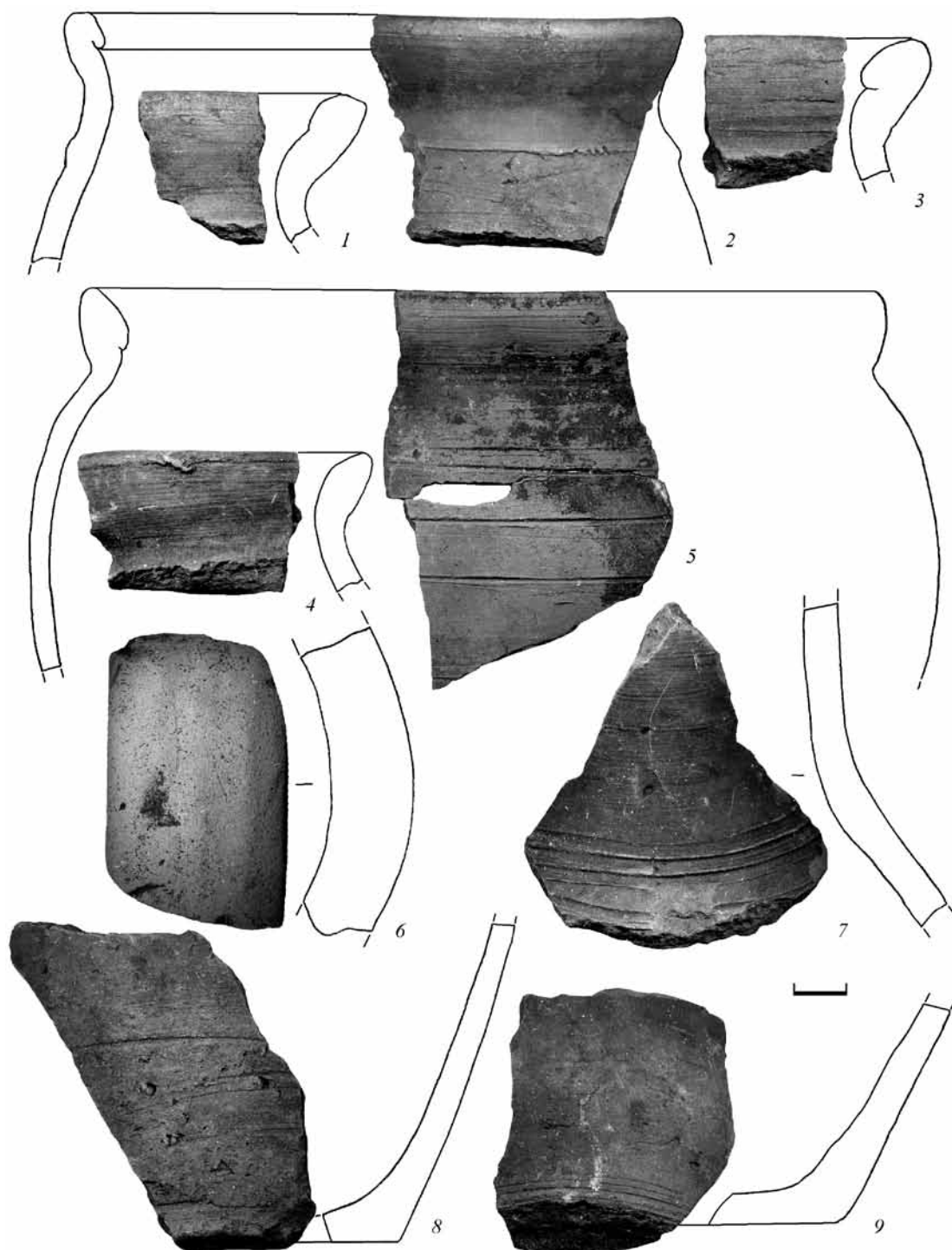

Рис. 6. Поселение Екатериновка 3. Фрагменты круговой керамической посуды из заполнения ямы 5

сосуда закрытого типа (кубышка?), орнаментированного гребенчатым штампом (рис. 7, 14). В формовочной массе фиксируется мелкий шамот. К импортным сосудам относятся венчик небольшого чугунного котла (рис. 7, 4) и основание ручки краснолощеного (булгарского?) кувшина (рис. 7, 16). Найдены также шесть костей животных.

Яма № 7 имела округлую форму (диаметром 1,11 м по краю и 0,92 м по дну), стенки наклонные, дно плоское, глубина в материке – 0,38 м. Заполнение аналогично вышерасположенному культурному слою. Находок нет.

Яма № 8 – подквадратной формы, с закругленными углами, максимальным размером 1,4 × 1,1 м

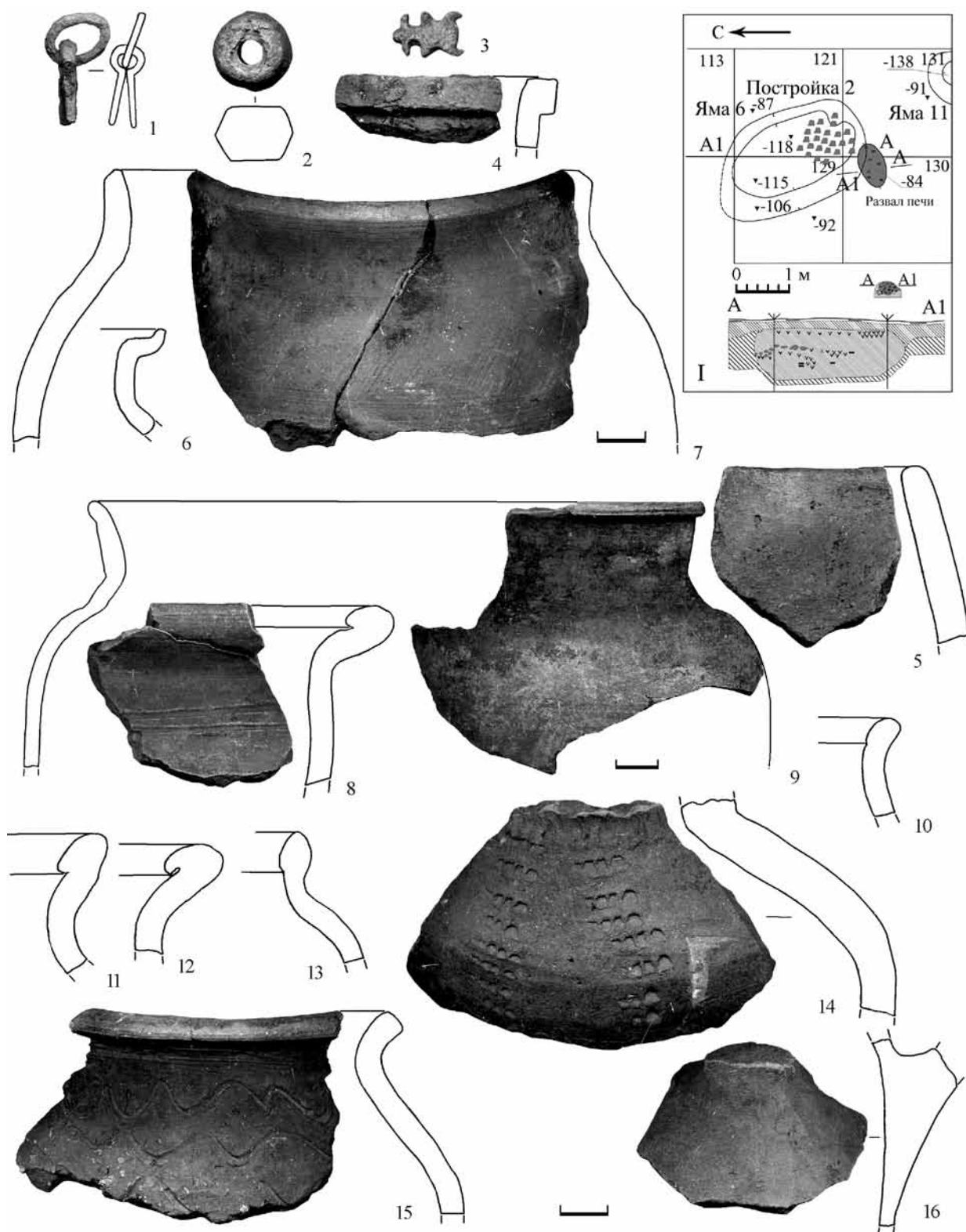

Рис. 7. Поселение Екатериновка 3. Постройка 2 (яма 6). I. План и профиль постройки 2. Находки из заполнения
 1 – седельное кольцо; 2 – пряслице; 3 – поясная накладка; 4 – фр-т чугунного котла; 5–16 – фр-ты посуды.
 5 – фр-т лепной посуды, остальная круговая. 1 – железо; 2 – свинец; 3 – медный сплав; 4 – чугун

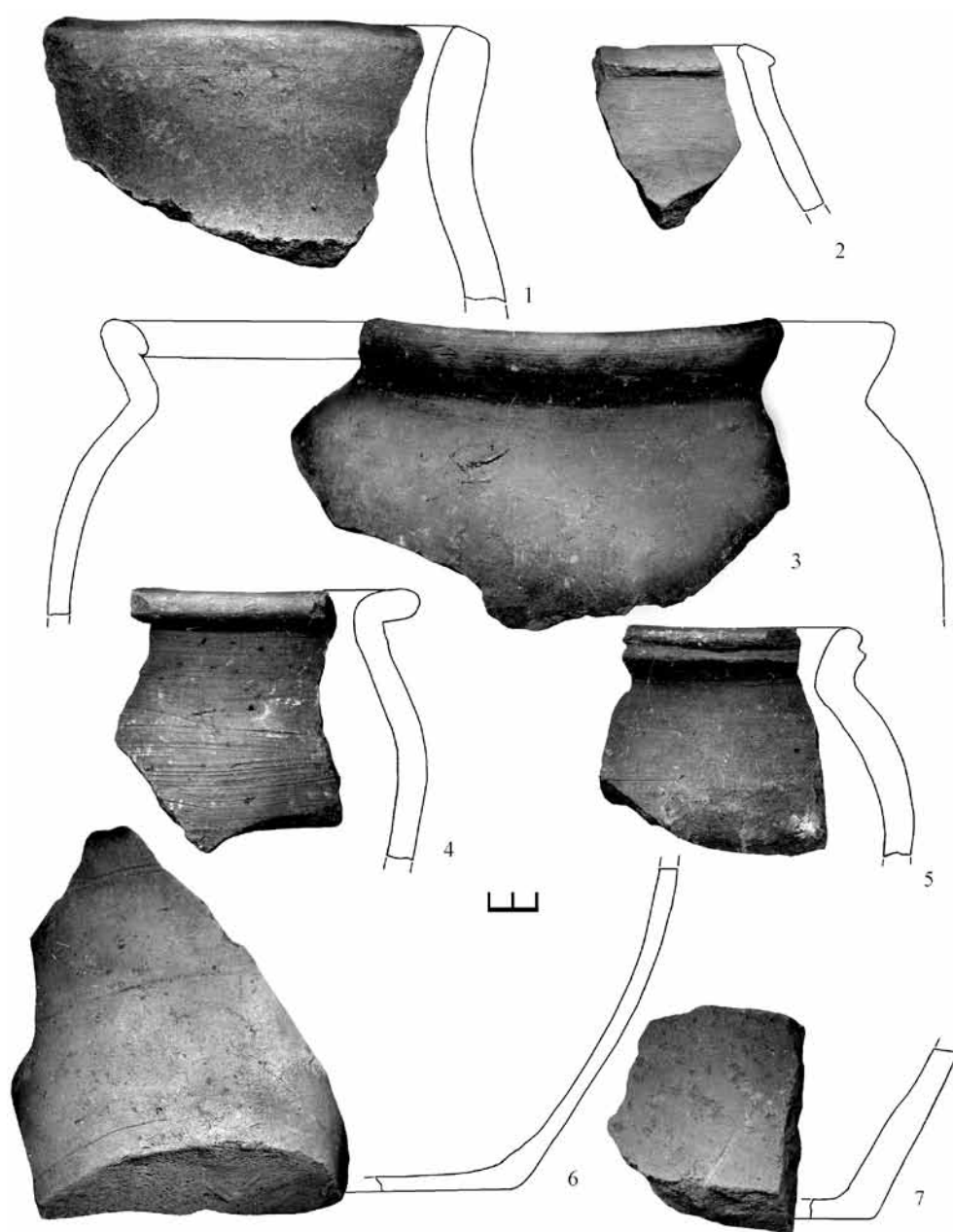

Рис. 8. Поселение Екатериновка 3. Фрагменты круговой керамической посуды из ямы 10

по верху. Стенки наклонные, дно плоское, глубина в материке – 0,35 м. Заполнение аналогично выше-расположенному культурному слою. Находок нет.

Яма № 9 имела подквадратную форму с закругленными углами, размерами 2,0–1,25×1,4–1,2 м. Стенки наклонные, дно плоское, глубиной в материке – 0,24 м, в центре имеется углубление в виде конической столбовой ямки размерами 0,48×0,3 м, глубиной 0,18 м от дна ямы. Заполнение ямы представляет собой гумусированную супесь с пятнами материковой супеси, включениями угольков, мелких фрагментов пережженного грунта. Находок нет.

Яма № 10 имела округлую форму диаметром 1,2 м по верху. Стенки вертикальные, дно плоское, глубина в материке – 0,42 м. Южная треть ямы 10 заполнена сильно гумусированной супесью, остальное заполнение аналогично выше-расположенному культурному слою. Находки представлены одним обломком венчика лепного слабо сосуда (рис. 8, 1), двумя фрагментами дна и 14 стенками древнемордовских лепных сосудов без орнамента. Тесто плотное, коричневого цвета, в качестве отощителя использован мелкий шамот. Древнерусская посуда представлена 3 венчиками (рис. 8, 3–5),

8 фрагментами днищ (рис. 8, 6), 26 стенками. Тесто черепков плотное, с включениями мелкого и среднего шамота. Золотоордынским импортом являлись обломки желтоглиняного сосуда без видимых примесей в тесте, покрытого красным ангобом (рис. 8, 2, 7). Найдены также семь костей животных.

Яма № 11 имела округлую форму, часть ямы уходила в южный борт, размеры в пределах раскопа – 0,75×0,36 м. В сечении коническая, дно округлое. Глубина в материке – 0,48 м. Заполнение аналогично вышерасположенному культурному слою. Находок нет.

В культурном слое поселения было довольно большое количество находок, которые можно разделить на следующие группы:

- 1) монеты, украшения и детали костюма, включая предметы личного благочестия;
- 2) предметы быта и орудия труда;
- 3) вооружение и элементы доспеха;
- 4) керамика.

Группа 1. Монеты, украшения и детали костюма.

Монеты позволяют относительно точно датировать время функционирования поселка. Всего нами найдена 21 монета, но шесть из них плохой сохранности, поэтому эмитент, место и время чеканки не установлены¹.

1. Анонимный медный пул с тамгой дома Бату, место чеканки не имеет однозначного прочтения (варианты – Нуриджан, Укек), рубеж XIII–XIV вв.
2. Анонимный медный пул времени Джанибека с двуглавым орлом, Сарай ал-Джадид, 740-е гг. х. или подражание этому типу. Плохой сохранности.
3. Пул Джанибека с двуглавым орлом, Сарай ал-Джадид, 740-е гг. х. Начальные монеты этой эмиссии имеют на себе дату 743 г. х. (1342/1343 г.), затем велась чеканка уже недатированных пулов данного типа.
4. Джучиды, анонимный медный пул времени Джанибека с двуглавым орлом, Сарай ал-Джадид, 740-е гг. х.
5. Джучиды, анонимный медный пул времени Джанибека с двуглавым орлом, Сарай ал-Джадид, 740-е гг. х. Плохой сохранности.
6. Джанибек, Сарай ал-Джадид, 7-е гг. х., по типу – 746–747 гг. х., данг (серебро).
7. Анонимный медный пул времени Джанибека с трилистником, Базджин, 753 г. х.

8. Джучиды, анонимный медный пул с цветочной розеткой, Сарай ал-Джадид, год чеканки не виден, 750–760-е гг. х.
9. Джучиды, анонимный медный пул с цветочной розеткой, Сарай ал-Джадид, год чеканки не виден, 750–760-е гг. х.
10. Анонимный медный пул времени Джанибека с розеткой, чеканен в г. Мохши, 756 г. х. (1355/1356 г.).
11. Джучиды, анонимный медный пул с цветочной розеткой, Сарай ал-Джадид, 750–760-е гг. х. Плохой сохранности.
12. Джучиды, анонимный медный пул с искаженным годом чеканки – 7/5/53 г. х., г. Мохши.
13. Джучиды, Хызр, медный пул, место чеканки затерто, но это могут быть только Гюлистан или Сарай ал-Джадид, 762 г. х. (1360/1361 г.).
14. Джучиды, анонимный медный пул, Укек (?), XIV в.
15. Подражание джучидскому дангу с символом веры конца XIV – начала XV в. (?). Возможно, изготовлено из недорогого металла и плакировано серебристым металлом.

Практически все монетные находки укладываются в хронологический диапазон с конца XIII в. по 60-е гг. XIV в., одна монета, возможно, относится к концу столетия. Очевидное преобладание медных пулов можно объяснить тем, что памятник подвергается постоянным набегам черных копателей, которые выбрали из слоя серебряные монеты.

Браслеты составляют многочисленную категорию находок. Один целый браслет относится к типу пластинчатых, соотношение ширины средней части и концов больше 1:2, концы орнаментированы растительным узором (рис. 9, 1). Судя по размеру, был детским украшением. Редкой находкой является обломок пластинчатого браслета с арабской надписью (рис. 9, 2). По определению А. А. Гомзина, это подражание арабской надписи, прочтению не поддается. Ближайшая аналогия этому браслету была найдена в Новохарьковском могильнике Воронежской обл. (погребения 31, 57), датируемом XIV в. (Новохарьковский... 2002. С. 177).

Обломки еще четырех браслетов относятся к типу пластинчатых (рис. 9, 3–5, 7), причем два из них идентичны по форме и орнаменту (рис. 9, 4, 7). Один из обломков браслета относится к типу пластинчатых тупоконечных с геометрическим

¹ Определение кандидата исторических наук А. А. Гомзина (ИА РАН).

Рис. 9. Поселение Екатериновка 3. Находки медного сплава из слоя
1–7 – браслеты; 8, 18, 20 – накладки; 9–13 – перстни; 14 – перекрестие ножа;
15–17, 19 – пуговицы; 21–24 – поясная гарнитура

орнаментом. Похожий браслет из слоя Новгорода Великого датируется XIV в. (Седова, 1981. С. 110). Большое количество обломков браслетов позволяет предположить их использование в качестве сырья, а находки в сборах шлаков и всплесков меди – местное изготовление.

Перстни – найдено пять щитковых перстней, изготовленных из медных сплавов (рис. 9, 9–13). Два относятся к типу пластинчатых с круглым щитком, на котором изображен древний солярный знак (свастика). В заполнении щитка заметны следы белой эмали (рис. 9, 9, 12). Довольно редкий тип представляет собой пластинчатый

перстень с овальным щитком, в центре которого S-видный знак. Щиток заполнен белой эмалью. Один перстень имел щиток с геометрическим узором (рис. 9, 11), другой был изготовлен из светлого сплава и имел на щитке знак в виде трезубца (рис. 9, 13).

Имеется одна обоймица от рукояти ножа из медного сплава (рис. 9, 14). Накладки разных типов представлены в трех экземплярах. Две из них, видимо, поясные (рис. 9, 8, 20), одна предположительно книжная (рис. 9, 18). Найдена пара серебряных подвесок болгарского круга, которые могли служить пуговицами или элементами ожерелья

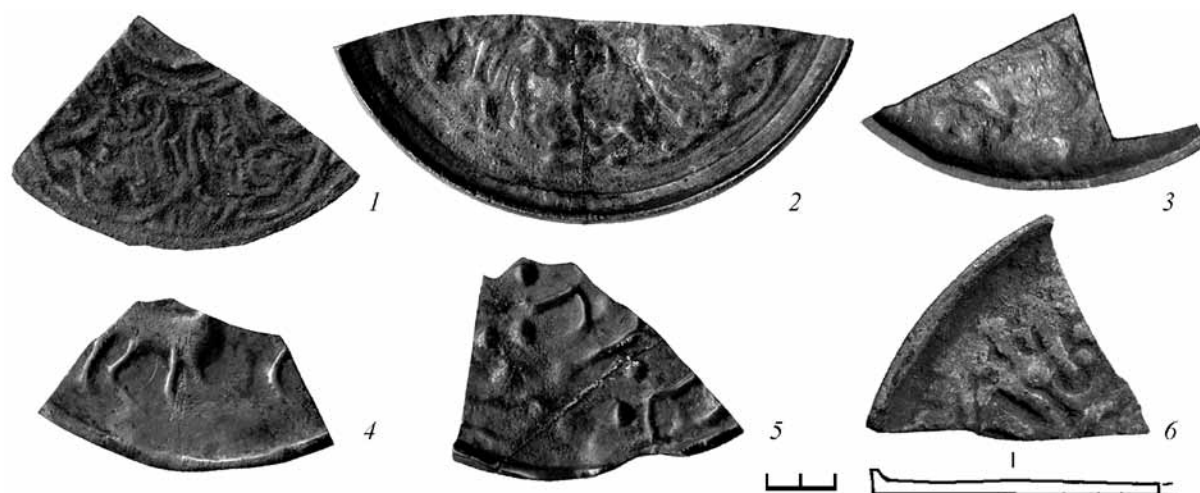

Рис. 10. Поселение Екатериновка 3. Фрагменты металлических зеркал из слоя

(рис. 9, 15, 16). Их двух пуговиц одна грушевидной формы (рис. 9, 17), вторая – плоская округлая с отверстием посередине (рис. 9, 19).

В слое поселения найдены три поясные пряжки из медных сплавов, из них одна лировидная, довольно распространенного в XIII–XIV вв. типа, другая прямоугольная с крупным фигурным щитком с окончанием в виде геральдической лилии (рис. 9, 22). Очевидно, этому же типу типа пряжек принадлежал крупный фигурный щиток (рис. 9, 24). Третья пряжка трапециевидная, с железным язычком (рис. 9, 23).

Зеркала. Найдены обломки шести зеркал, изготовленных из светлого сплава (рис. 10). Два зеркала близки по орнаментальным мотивам и относятся к типу с узким высоким бортиком (рис. 10, 1, 2). Аналогичные целые зеркала имеют две окружности в центре, поле занимает сложная плетенка, в которую включены изображения голов различных животных и человеческой головы в короне внутренняя поверхность высокого бортика украшена пояском из выпуклых «жемчужин». Этот тип хорошо известен по находкам в Поволжье, на Северном Кавказе и в Калмыкии, характерен он для XIII–XIV вв. (Недашковский и др., 1998. С. 33). Один обломок имеет орнамент в виде изображений животных, предположительно копытных (рис. 10, 4), один – в виде арабской вязи (рис. 10, 6). Два зеркала с неясной орнаментацией (рис. 10, 3, 5). Все зеркала хронологически укладываются в XIII–XIV вв.

Предметы личного благочестия (рис. 11). К таковым относятся три створки энколпионов (из них два обломка) и четыре нательных креста. Первый энколпион относился к типу quadrifoliiformных.

Форма подобных крестов возникла в XIV в. и получила широкое распространение в XV в. (Седова, 1981. С. 59). Центр производства quadrifoliiformных крестов XIV в. остается под вопросом. Искомая форма впервые появляется во второй половине XIII в. на энколпионах с изображением тронной Богоматери, которые предположительно связываются с Печерским монастырем Киева. Происхождение самой формы, видимо, следует искать в византийских древностях, среди которых известен quadrifoliiformный серебряный эмалевый крест с изображением Пантократора и св. Евстафия (Остапенко, 2015. С. 114). На нашем фрагменте заметно изображение Распятия. Около фигуры Христа – маленькие фигурки предстоящих Богородицы и Иоанна. В верхнем конце – архангел Михаил, по бокам трудноразличимые фигуры святых. Обломок лицевой створки второго энколпиона отлит по оттиску готового изделия (?), в заполнении углубленного фона просматриваются остатки эмали желтого цвета (рис. 11, 2). Судя по новому типу Распятия, относящимся, по-видимому, к концу XIII–XIV в. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 86), наш экземпляр может быть датирован тем же периодом. Одна створка, возможно, относится к типу «сирийских» прямоконечных энколпионов с гравированным изображением. Хотя ее сохранность плохая, тем не менее просматривается контур фигуры. Появление таких энколпионов связывается с принятием христианства на Руси, они распространяются в XI в. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 14).

Два креста сплетены из проволоки (рис. 11, 4, 5). Они относятся к новациям ордынского времени, хотя известны еще со второй половины XIII в.,

Рис. 11. Поселение Екатериновка 3. Индивидуальные находки из слоя. Предметы личного благочестия из медного сплава

о чем говорит находка одного из них в комплексе 40–80-х гг. XIII в. в Пскове. В Рязанской земле не позднее конца XIV в. можно датировать только один образец из селища Монастырщина 5 на Куликовом поле (Остапенко, 2015. С. 111). Два креста с трехлепестковыми криновидными концами и ромбиками в средокрестии (рис. 11, 6, 7) использовались в Новгороде с начала XIV в. по начало XV в. (Седова, 1981. С. 54).

Украшения древнемордовского круга (рис. 12). Наиболее многочисленным типом древнемордовских украшений, найденных на поселении, являются сюльгамы. Целых и обломков найдено 12 экземпляров (рис. 12, 1–12). Они бронзовые литые с округлым в сечении кольцом. Одна сюльгама относится к типу 3, вариант А без орнамента (рис. 12, 12), одна близка типу 3, варианту А без орнамента, только в отличие от типа 3 она плоская, без граней (рис. 12, 6). Другая группа относится к типу 5. У всех экземпляров этого типа у основания кольца имеется выступ, который орнаментирован. Орнамент практически не повторяется. Это разные варианты насечек (рис. 12, 1, 3, 6, 8, 10, 11) и округлые углубления (рис. 12, 4). В одном случае орнамент в виде «волчьего зуба» нанесен по периметру лопасти (рис. 12, 9). Данный тип сюльгам исследователи относят в ордынскому времени (Вихляев и др., 2008. С. 58).

Среди трех подвесок одна – от шейной гривны или ожерелья, в виде трубочки с орнаментом в нижней части в виде насечек (рис. 12, 13). Вторая подвеска несет следы вторичного использования,

первоначально она была поясной накладкой (рис. 12, 14), третья – трапециевидная шумящая подвеска (рис. 12, 15). Имеются также булава от крупной сюльгамы (рис. 12, 16) и накладка (рис. 12, 17). Интересной находкой является обломок височного кольца с концевой с многогранной бусиной (рис. 12, 18).

Грузики, весовые гирьки, бусы. Грузики изготовлены из свинца, имеют конусовидную форму (рис. 13, 2, 7), уплощенного конуса с орнаментом (рис. 13, 1), биконическую (рис. 13, 3–6). Биконические грузики по форме повторяют пряслица, видимо, как пряслица они и использовались. Конические грузики, по мнению М. В. Седовой, могли использоваться в качестве застежек, пуговиц для грубой верхней одежды (1981. С. 158). Весовые гирьки представлены четырьмя различными экземплярами (рис. 3, 8–11). Три изготовлены из свинца (рис. 13, 8, 10, 11), одна – из медного сплава (рис. 13, 9).

Особый интерес представляет западноевропейская товарная пломба (рис. 13, 12). Западноевропейские свинцовые текстильные пломбы (англ. *cloth seals*, нем. *tuchplomb*), предназначавшиеся для того, чтобы удостоверить покупателя в качестве продаваемого шерстяного сукна, стали использоваться с XII–XIII вв. во Фландрии и Англии, но широкое распространение получили в основном в XIV–XV вв. (Коваль, 2015. С. 211). В Средние века в Европе использовали несколько типов свинцовых пломб. Наиболее распространенный тип – навесная пломба. Она состоит из двух

Рис. 12. Поселение Екатериновка 3. Древнемордовские украшения из медного сплава, найденные в слое
1–12 – сюльгамы; 13–15 – шумящие подвески; 16 – застезка сюльгамы; 17 – накладка; 18 – обломок височного кольца

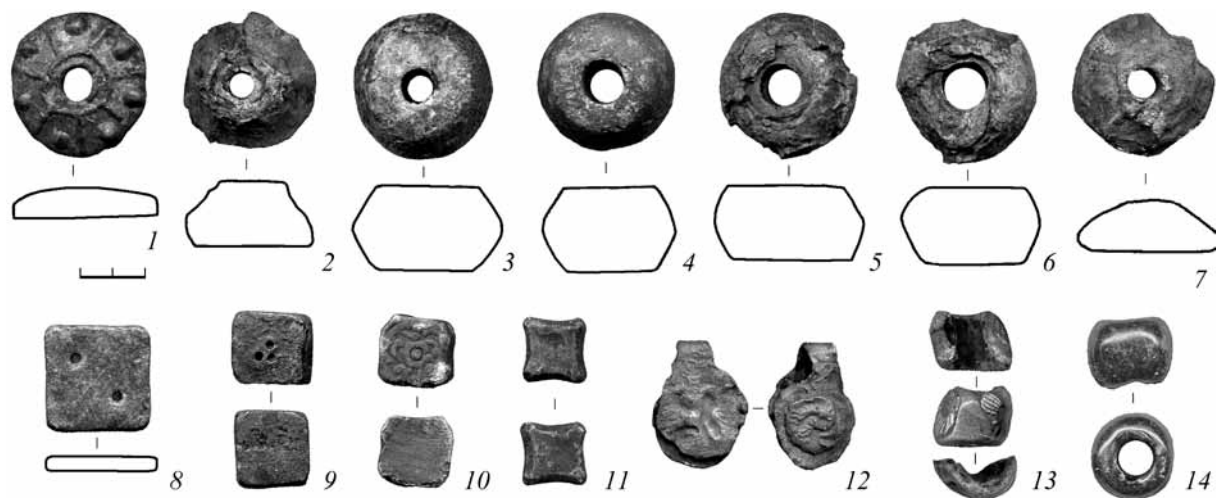

Рис. 13. Поселение Екатериновка 3. Находки из слоя
1–11 – грузики; 12 – пломба; 13, 14 – бусы. 1–8, 10–12 – свинец; 9 – медный сплав; 13, 14 – стекло

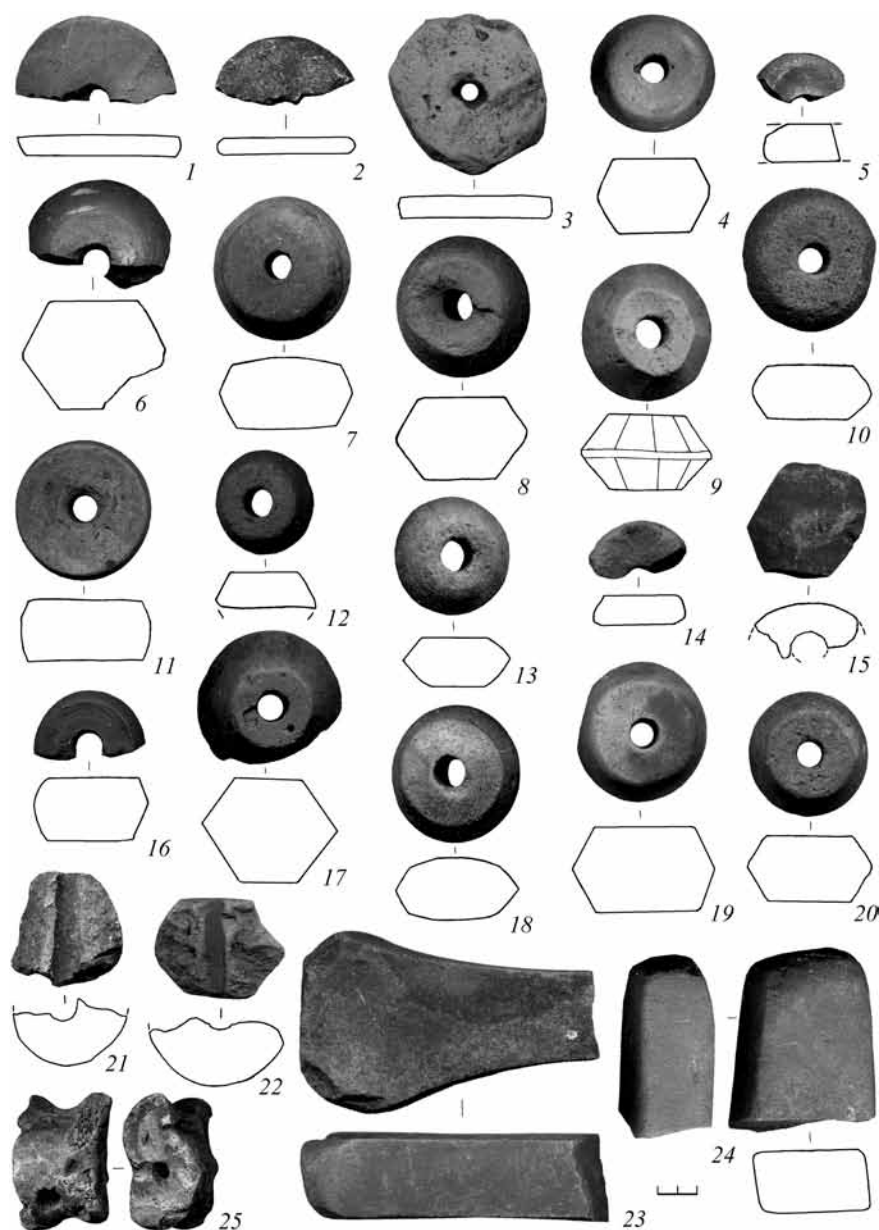

Рис. 14. Поселение Екатериновка 3. Находки из слоя

1–14, 16–20, 22 – пряслица; 15, 21 – фр-ты рыболовных грузил; 23, 24 – точильные бруски; 25 – амулет.
1–22 – глина; 23, 24 – камень; 25 – кость

круглых дисков, соединенных между собой полостной металлом. Один из этих дисков перфорировали, а на втором помещали один или два «шпенька безопасности». Этот шпенок при пломбировании протыкал ткань и проходил через отверстие в другом диске. Перфорированный диск условно считается лицевой стороной, поскольку в большинстве случаев именно он несет изображение эмблемы города, выпустившего пломбу, или самого важного иконографического элемента. Диск со шпеньком считается оборотной стороной, поскольку на нем чаще изображен вторичный иконографический

мотив (Ван Лаере, Тростьянский, 2012. С. 146). На нашем экземпляре на оборотной стороне просматривается изображение стоящего льва, на лицевой стороне поместились только лапы с когтями, по всей видимости, орла. Пломба в таком сочетании символов могла принадлежать одному из городов Фландрии, например, Эр (Aire, Франция) или Ло (Lo-Renninge, Бельгия) (Ван Лаере, Тростьянский, 2012. С. 147).

Бусы представлены двумя экземплярами – один обломок бусины со спаянно-накладным плоским глазчатым узором, круглая в поперечном сечении,

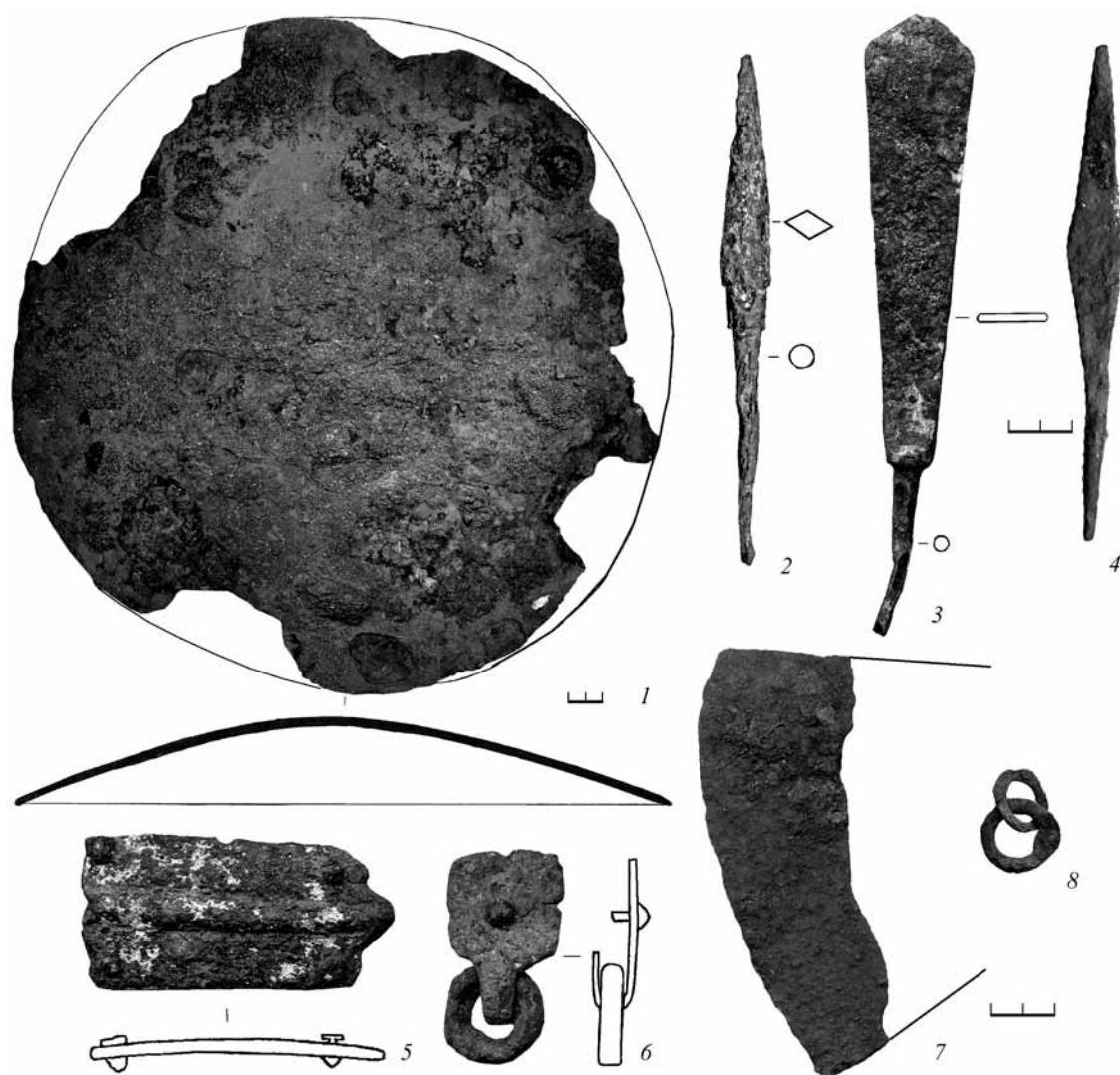

Рис. 15. Поселение Екатериновка 3. Железные предметы вооружения из слоя

зонная глазчатая с голубой основой и желто-красно-белыми реснитчатыми глазками, средняя (рис. 13, 13). Одна целая, относится к типу одноцветных, круглых в поперечном сечении, зонных, синяя прозрачная среднего размера (рис. 13, 14).

Группа 2. Предметы быта и орудия труда.

Пряслища. Сравнительно большая коллекция пряслищ происходит из слоя и сооружений поселения Екатериновка 3. Всего найдено 20 экземпляров (рис. 14, 1–14, 16–20, 22). В основном они имели коническую форму и диаметр отверстия до 0,5 мм. Три изготовлены из стенок сосудов (рис. 14, 1–3), причем один из обломка ордынского сосуда (рис. 14, 3). Только три экземпляра имеют цилиндрическую форму (рис. 14, 5, 11, 14). Найдены также два фрагмент керамических грузил от сетей (рис. 14, 15, 21). Находки из кости представлены только одним экземпляром: альчик со сквозным

отверстием (рис. 14, 25). Кроме того, обнаружены два обломка точильных брусков из плотного песчаника (рис. 14, 23, 24).

Замки, ключи. Замки представлены двумя фрагментами (рис. 16, 12, 13). В одном случае возможно предположить, что это часть замка типа VI (по Б.А. Колчину). Использовались эти замки с конца XII в. по начало XV в. (Древняя Русь... 1997. С. 252. Табл. 6). Из трех ключей один был от замка типа В (рис. 16, 11), второй от замка типа Г (рис. 16, 10), третий имел индивидуальную форму (рис. 16, 18).

В слое найдено восемь целых железных ножей и один обломок (рис. 16, 1–9). Все они универсального типа. Найдены также обломки железной ручки от котелка (рис. 16, 14) и скобы (рис. 16, 19). Три крупных железных рыболовных крючка: с расплюснутым концом для крепления лесы

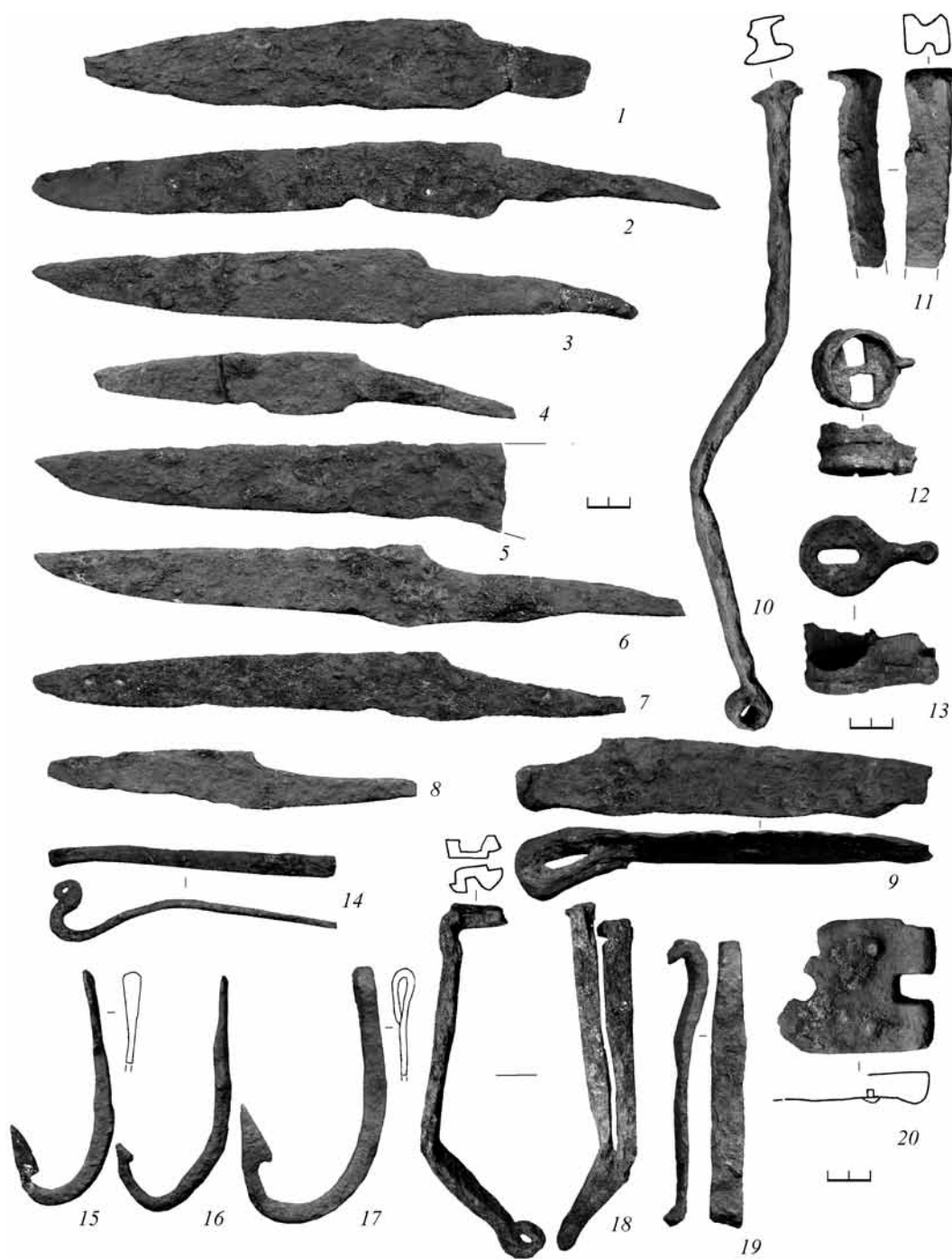

Рис. 16. Поселение Екатериновка 3. Железные орудия труда и предметы быта из слоя
1–9 – ножи; 10, 11, 18 – ключи; 12–13 – фр-ты навесных замков; 15–17 – рыболовные крючки;
19 – резец; 20 – деталь пряжки

(рис. 16, 15), с прямым концом (рис. 16, 16) и с загнутым в петлю краем (рис. 16, 17).

Группа 3. Вооружение и элементы доспеха.

Найденный округлый железный предмет интерпретируется нами как умбон от деревянного щита (рис. 15, 1). По всей видимости, этот тип щитов можно назвать мордовским, так как до последнего времени их находили только в древнемордовских

захоронениях воинов. Например, это погребение 40 могильника Заречное II (Мартьянов, 1998. С. 104); погребение 35 могильника Красное I (Мартьянов, 1988. С. 98).

Один железный наконечник ремня имел крупные размеры и, как нам представляется, мог применяться в составе доспеха (рис. 15, 5). К защитным кольчатым доспехам относятся также

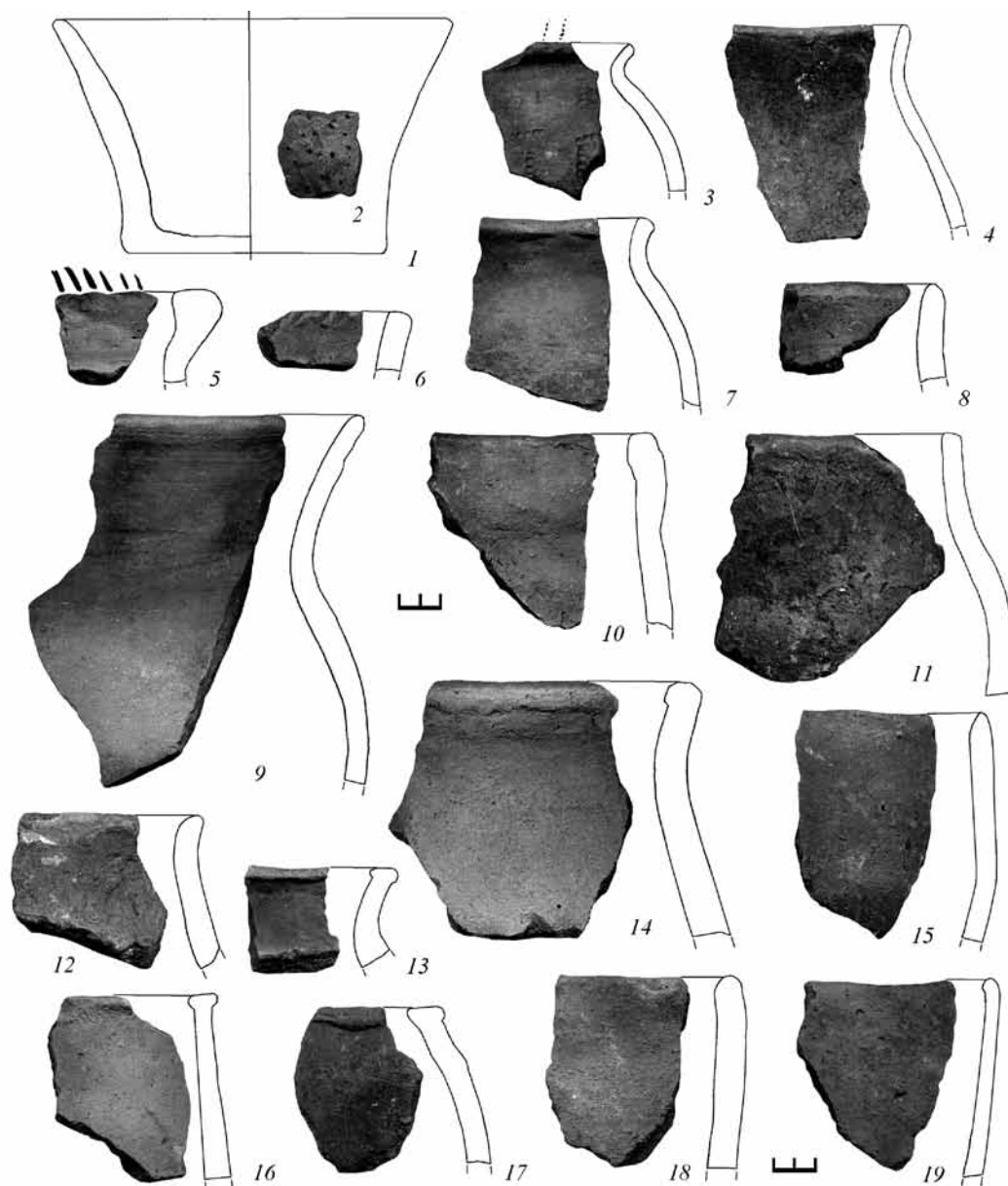

Рис. 17. Поселение Екатериновка 3. Фрагменты лепной древнемордовской керамики из слоя

отдельные железные колечки (рис. 15, 8). Обломок лезвийной части железного топора имеет ширину лезвия 6 см, его возможно отнести к типу универсальных (рис. 15, 7). Накладка с кольцом могла также относиться к конскому снаряжению (рис. 15, 6). Найдено три железных наконечника стрел: 1) узкий шиловидный ромбический в сечении с перехватом у черешка (рис. 15, 2) относился к типу 95, распространенному с VIII по XIV в. (Медведев, 1966. С. 84); 2) монгольский срезень в виде узкой вытянутой лопаточки (рис. 15, 3) относится к типу 67 с пропорцией 1:3, наиболее характерной для XIV в. (Медведев, 1966. С. 95); 3) предмет,

который мог использоваться в качестве охотничьей стрелы (рис. 15, 4).

Группа 4. Керамика.

В слое и сооружениях поселения Екатериновка 3 встречена совместно гончарная и лепная керамика.

Лепная керамика древнемордовской культуры (рис. 17). Всего найдено 103 венчика, 81 фрагмент днищ и 1647 стенок. Изготовлена она из плотного теста с примесью песка и шамота различного размера. Обжиг часто неровный, серо-коричневого цвета. Поверхности неровные, иногда бугристые. Орнамент практически отсутствует. Только три венчика имели украшения в виде параллельных

косых насечек по срезу. Два фрагмента стенок сосудов имеют орнамент на поверхности. В одном случае это вертикальные и горизонтальные отпечатки гребенчатого штампа (рис. 17, 2), в другом – хаотичные наколы палочкой (рис. 17, 3).

Сосуды в подавляющем большинстве представлены горшками. Можно выделить следующие типы:

- с плавно профилированным туловом и выделенной шейкой;
- со стройным усеченно-коническим туловом, плавно выраженными плечиками и раструбообразным венчиком;
- слабопрофилированные сосуды со срезанным краем, этот тип появился, по-видимому, под влиянием древнерусской гончарной традиции;
- сосуды с сильно отогнутым краем;
- банки с вертикально поставленными или немного отогнутыми стенками;
- банки с вертикально поставленными или немного отогнутыми стенками, имеющие на внешнем крае утолщение различной формы. Этот тип появился, по-видимому, под влиянием древнерусской гончарной традиции;
- закрытые банки со срезанным Т-образным краем.

В слое найдены также фрагменты миниатюрных сосудов, которые могли служить культовыми предметами. Они представляют собой небольшие чашки-плошки, один удалось реконструировать (рис. 17, 1).

Древнерусская гончарная керамика (рис. 18–23). В слое поселения Екатериновка 3 найдены 1451 венчик, 461 фрагментов днищ, 10 603 стенки гончарных сосудов. Среди них имеется привозная звонкая, светлоглиняная посуда не местного происхождения, изготовленная из глины с примесью мелкого песка или вовсе без примесей. В большинстве случаев у этих сосудов край венчика отогнут наружу и загнут внутрь, образуя валик (рис. 19, 1). Некоторые венчики светлоглиняных сосудов просто отогнуты наружу (рис. 18, 3). Остальная керамика, судя по всему, была изготовлена на месте. Об этом, в частности, говорит практически полная идентичность глиняного теста древнерусских и древнемордовских сосудов.

Типологически сосуды можно разделить в зависимости от оформления края венчика.

1. Тип I – венчики с простым оформлением без утолщения, край закруглен, срезан или приострен, поставлен вертикально или немного отогнут (рис. 18) – 166 экз. (11,4%).
2. Тип II – край венчика отогнут наружу, а с внутренней стороны имеет желобок (рис. 19) – 21 шт. (1,4%).

3. Тип III – край венчика горшков отогнут наружу, образуя утолщения различной формы (рис. 20) – 292 шт. (20,1%).

4. Тип IV – край венчика загнут внутрь так, что образуются утолщения различной формы (рис. 21) – 679 экз. (46,8%).

5. Тип V – венчики, край которых срезан и приострен (рис. 22, 1–5) – 9 экз. (0,6%).

6. Тип VI – венчики, край которых представляет собой округлый в сечении или уплощенный валик (рис. 22, 6–10) – 9 экз. (0,6%).

Найдено также 16 обломков крышек гончарных сосудов.

Тесто местной керамики плотное, в основном с добавлением шамота, в некоторых случаях крупного, несколько экземпляров имеют обильную примесь песка. Цвет посуды – от черного и коричневого до красного, розового, серого, белого. 105 фрагментов несли волнистый (как однорядный, так и многорядный), а 194 – линейный орнамент, в 16 случаях отмечена комбинация линейного и волнистого орнаментов. 18 фрагментов орнаментированы гребенчатым штампом.

Большинство днищ без закраины (только 8 из 461 имели такую закраину), 133 из них сформованы на песчаной подсыпке. На 68 днищах выявлены клейма (рис. 23): в 17 случаях это различные варианты свастик, в 4 – пентаграммы, в 6 – разные варианты кругов, в 7 – знаки, заключенные в круги или другие фигуры, в 6 – сложные сочетания линий; в одном зафиксирована прямая линия (отпечаток трещины на гончарном круге) и 23 неопределимых из-за своей фрагментарности.

Импортная керамика. В культурном слое раскопа найдено 5 венчиков, 11 фрагментов днищ, 78 стенок гончарных сосудов и 7 ручек от кувшинов и амфор. 3 венчика, 5 днищ и 21 стенка принадлежали сосудам из глины темно-желтого цвета с красно-коричневым ангобом, на изломе черного цвета (рис. 24, 4, 8). Один крупный фрагмент принадлежал крупной корчаге, изготовленной из глины светло-коричневатого цвета с включениями мелкой слюды, поверхность фрагмента покрыта сплошным рифлением, выполненным палочкой (рис. 24, 1). Четыре стенки принадлежали сосудам розового цвета, тесто плотное, без явных примесей (рис. 24, 2, 3), еще 13 фрагментов имели оранжевый цвет и были орнаментированы прочерченными линиями, в одном случае с таблечковидными налечами (рис. 24, 5), все они принадлежали сосудам ордынского круга (то есть изготовленных на территории Золотой Орды). Пять обломков относились к серым (мореным) сосудам, а два

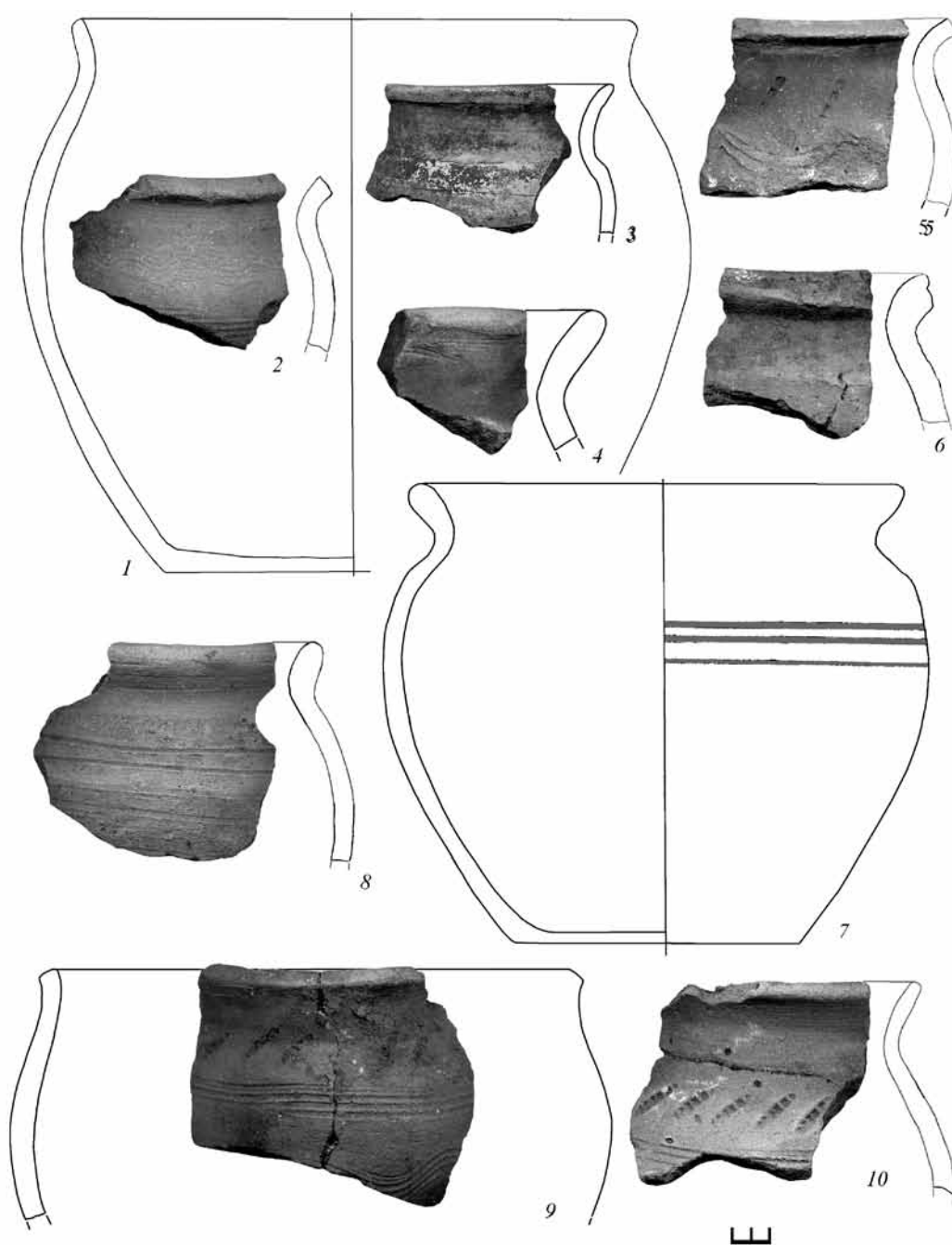

Рис. 18. Поселение Екатериновка 3. Фрагменты круговой древнерусской керамики из слоя. Тип I

фрагмента имели с внутренней стороны поливу зеленого цвета. По всей видимости, данная импортная гончарная керамика была изготовлена в одном из золотоордынских центров, а также завезена из причерноморских городов. Из 11 фрагментов днищ такой керамики почти все были сформованы на песчаной подсыпке.

В целом керамический комплекс поселения датируется второй половиной XIII–XIV в., наибольшее число фрагментов относится к XIV в.

В результате проведенных археологических раскопок поселения Екатериновка 3 изучены остатки части сельской усадьбы, возможно, двух contemporaneous, существовавших с середины XIII по начало XV в. Находки на территории усадьбы древнемордовской керамики и элементов женского мордовского костюма позволяют говорить об этнической смешанности на всей территории поселения. Это уже не первый памятник, на котором отмечается совместное проживание

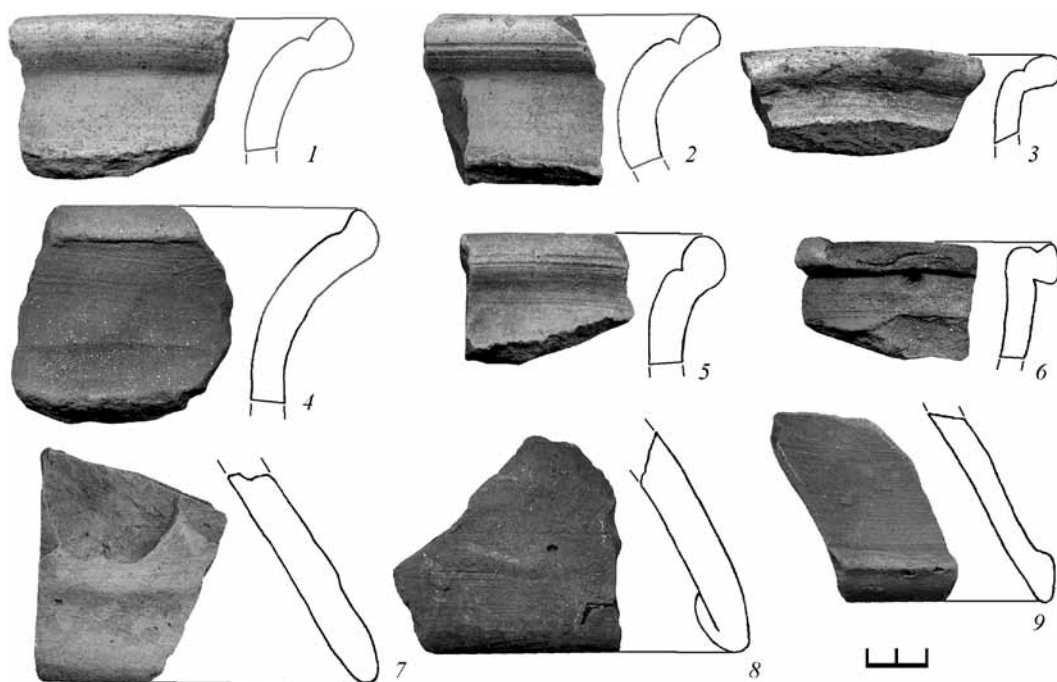

Рис. 19. Поселение Екатериновка 3. Фрагменты круговой древнерусской керамики из слоя. Тип II

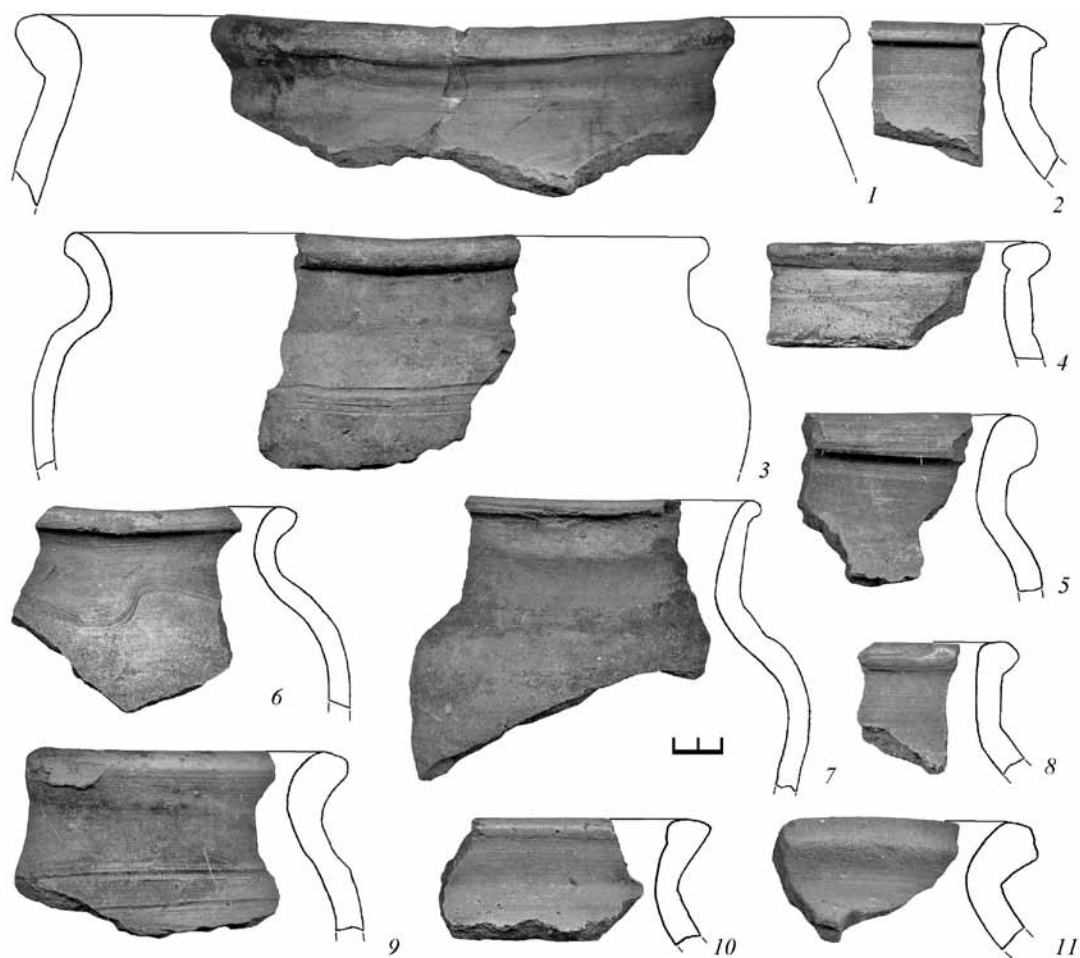

Рис. 20. Поселение Екатериновка 3. Фрагменты круговой древнерусской керамики из слоя. Тип III (см. цв. вкл.)

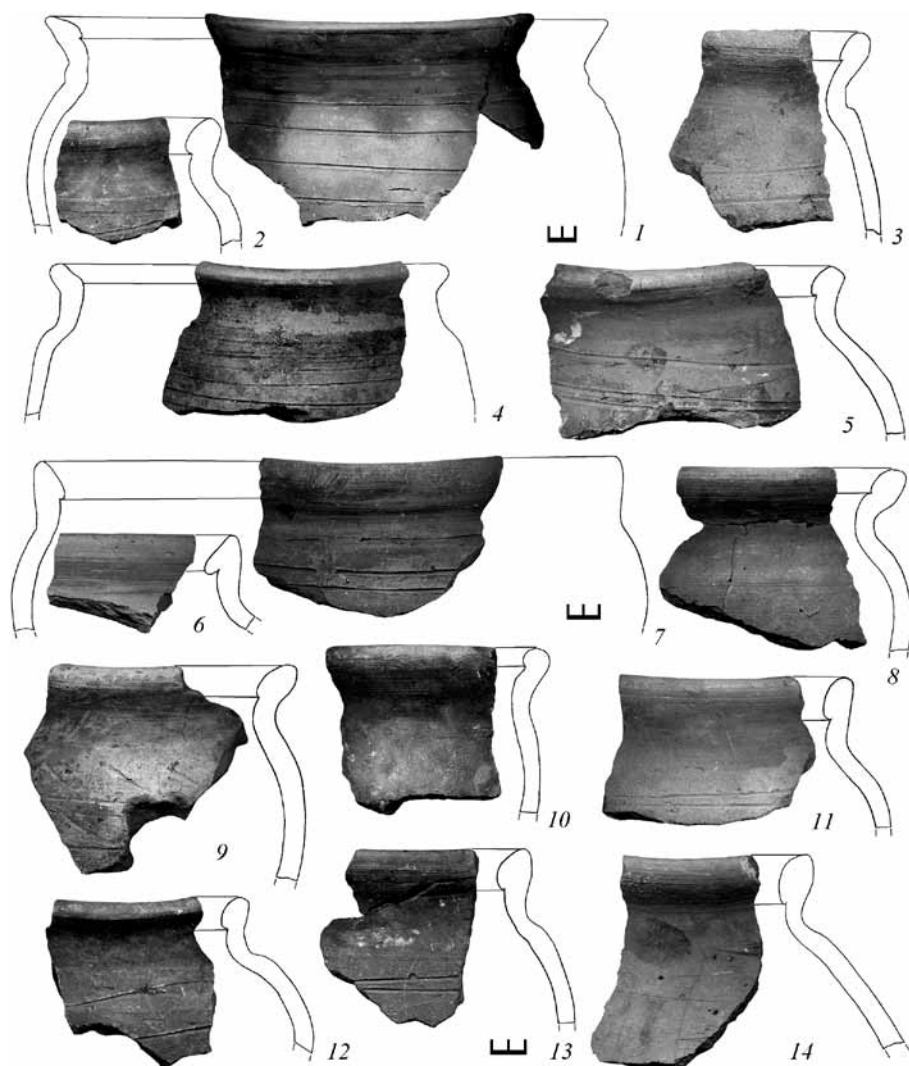

Рис. 21. Поселение Екатериновка 3. Фрагменты круговой древнерусской керамики из слоя. Тип VI

русского и мордовского населения (Андреев, 2014. С. 16).

Находки на территории усадьбы наконечников стрел и топора, других предметов ременной гарнитуры и упряжи коня свидетельствуют о несении ее владельцем военной службы. О сравнительно высоком достатке хозяев усадьбы говорят найденные здесь ювелирные изделия, нательные кресты, энколпионы, монеты.

Кроме того, отметим высокий статус самого поселка: сбор подъемного материала позволил выявить уличную планировку, места скопления шлаков цветных и черных металлов, то есть места их плавки. Однако имеющиеся письменные источники не дают конкретной информации об этом месте. На основании имеющихся археологических источников можно утверждать, что поселение возникло примерно в середине XIII в. как опорный погра-

ничный пункт Рязанского княжества на границе с Золотой Ордой, позже с улусом Мохши. До этого здесь ни русское, ни мордовское население не проживало. Возможно, здесь находились чиновники, ведавшие таможенным сбором так как в непосредственной близости находятся караванные пути.

Поселение перестало существовать в 60-х гг. XIV в., когда оно было покинуто жителями, унесшими с собой весь свой скarb. Часть построек была ими сожжена. Причину ухода можно связать с изменениями природно-климатических условий, вызвавшими похолодание климата и подъем уровня вод, что сделало невозможным проживание на данном месте, а также начавшейся в Орде Великой замятней – периода внутренней борьбы, негативно сказавшейся на землях Рязанского княжества, непосредственно примыкавших к территории Золотой Орды.

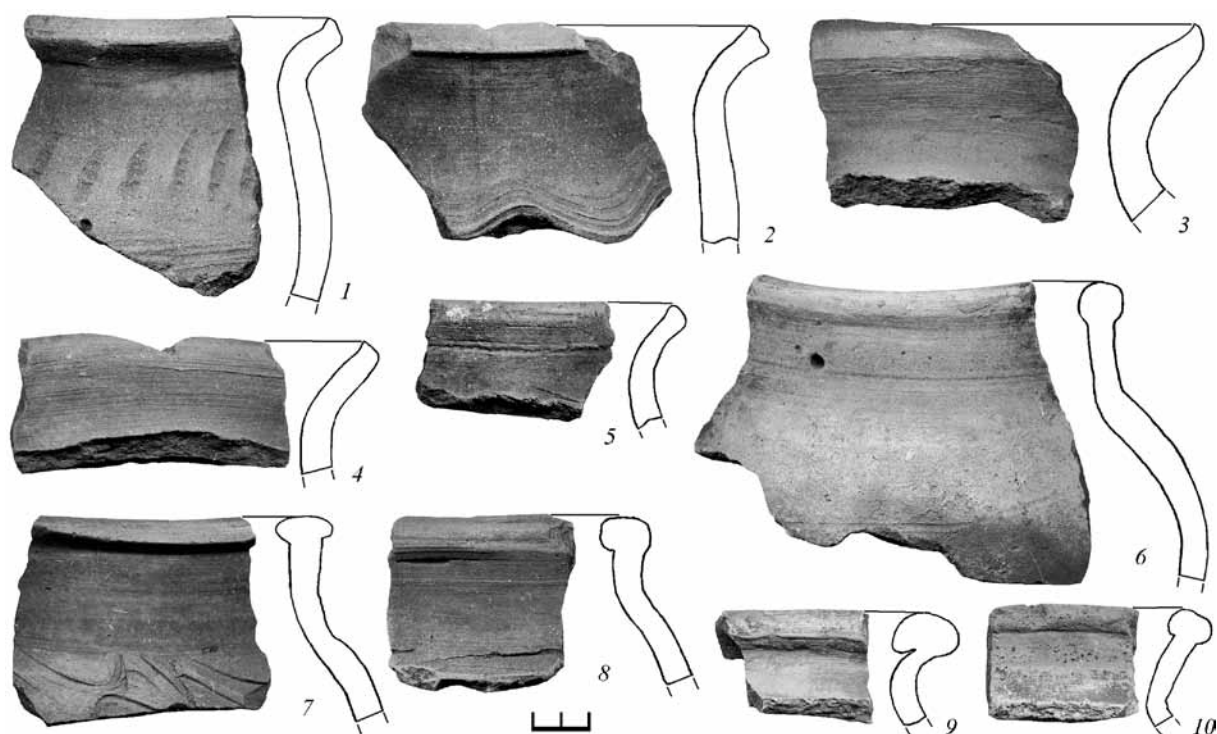

Рис. 22. Поселение Екатериновка 3. Фрагменты круговой древнерусской керамики из слоя.
Типы V и VI (см. цв. вкл.)
1-5 – тип V; 6-10 – тип VI

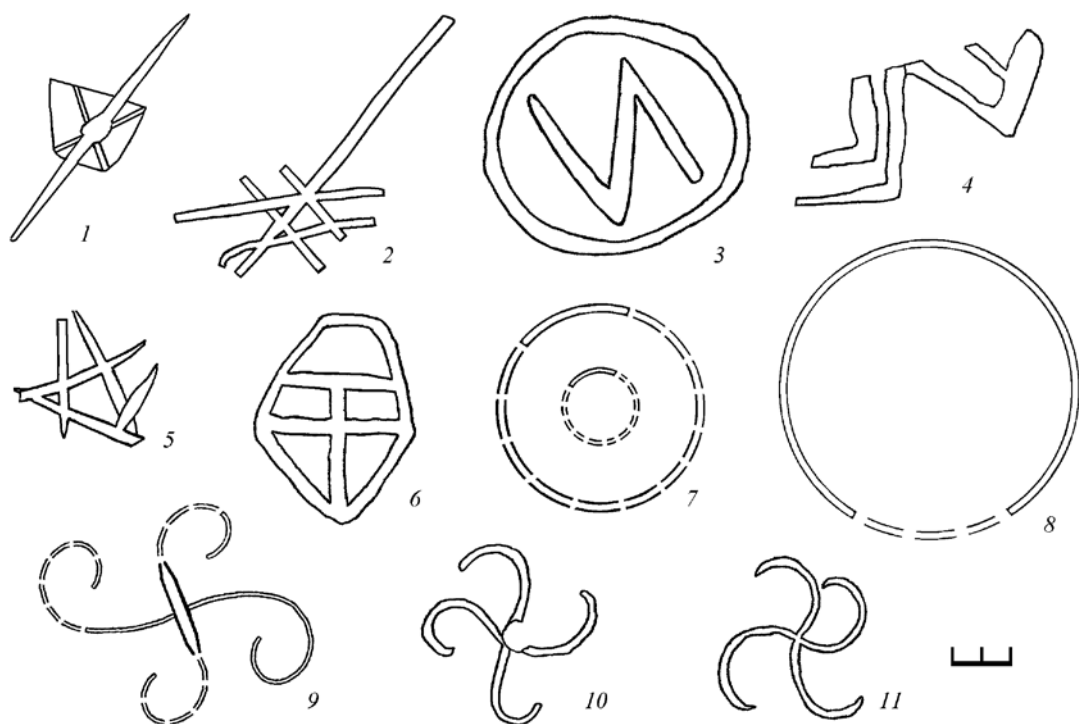

Рис. 23. Поселение Екатериновка 3. Реконструкция форм клейм древнерусской круговой посуды из слоя

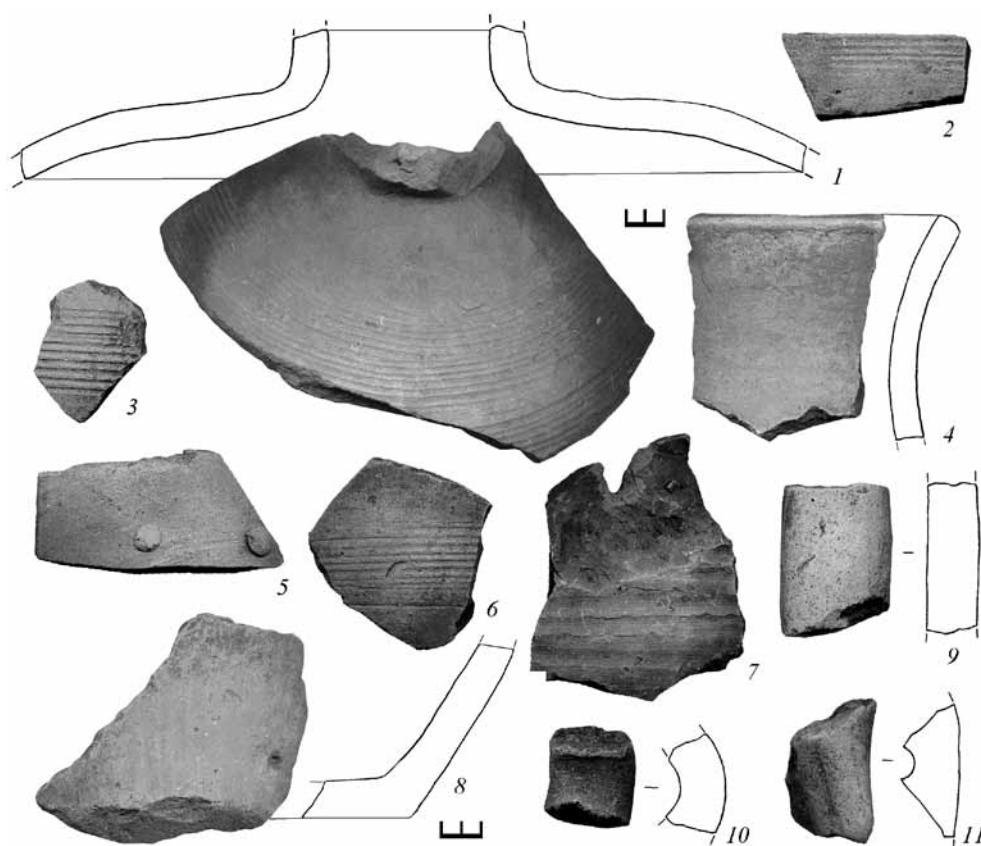

Рис. 24. Поселение Екатериновка 3. Фрагменты круговой импортной посуды из слоя (см. цв. вкл.)

Литература

Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в., 1964. Т. 3. М.: АН СССР. 687 с.

Андреев С. И., 2013. Никольское городище. Тамбов: Тамбовский госуниверситет. 215 с.

Андреев С. И., 2014. Об этнических контактах русских и мордвы в XIV в. (на примере поселения Серповое 3) // Тр. IV (XX) всероссийского археологического съезда. Т. III. Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН. С. 16–17.

Андреев С. И., 2016. Отчет о раскопках поселения 3 у с. Екатериновка Пичаевского района Тамбовской области в 2015 году / Архив ИА РАН.

Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. 368 с. (Археология).

Белорыбкин Г. Н., 2009. Улус Мохши // История татар с древнейших времен. Т. III. Казань: Институт истории АН РТ. С. 208–210.

Ван Лаере Р., Тростьянский О. В., 2012. Западноевропейские товарные пломбы XIV–XV вв. с территории Золотой Орды // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. – Казань. С. 144–209.

Введенский С. Н., 1905. Червлёный Яр // Воронежская старина. Вып. 5. Воронеж. С. 358–362.

Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Мордовский госуниверситет. 352 с.

Иловайский Д. И., 1997. Рязанское княжество. М.: Чарли. 507 с.

Коваль В. Ю., 2015. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. Вып. 237. С. 211–220.

Корзухана Г. Ф., Пескова А. А., 2003. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение. 432 с.

Мавродин В. В., 1951. Образование единого Русского государства. Л.: ЛГУ. 328 с.

Мартыанов В. Н., 1988. Могильник Красное I // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия нашей эры. Саранск. С. 80–100. (Тр. НИИЯЛИЭ. Вып. 93).

Мартьянов В. Н., 1998. Могильник Заречное II // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола: Марийский госуниверситет. С. 95–105.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука. 154 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.: АН СССР. 400 с.

Недашковский Л. Ф., Ракушин А. И., 1998. Средневековые металлические зеркала с Увекского

городища // Татарская археология. № 1 (2). Казань. С. 32–51.

Новохарьковский могильник Золотой Орды. Воронеж: ВГУ, 2002. 193 с.

Остапенко А. А., 2015. Христианские древности рязанской земли XI–XVI вв. (мелкая пластика). Дисс. ... канд. ист. н. Т. 1 / Архив ИА РАН. 239 с.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.

Соловьев С. М., 1993. История России с древнейших времен. Т. 2. М.: Голос. 613 с.

S. I. Andreyev

The settlement of Yekatarinovka-3 – issues concerning the southern borders of the Ryazan Principdom

Summary

The article presents the results of research at an unidentified settlement located at the border of the Ryazan Principdom with the lands of the Golden Horde (at the basin of the Tsna River) in the mid-13th and

14th centuries. It is interesting to note signs of habitation here by both Russian and Mordovian populations, along with imported ceramics originating from the lands of the Horde.

Н. А. Тропин

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец (Липецкая обл.)

Жилища на подклетах служилых людей Елецкого княжества последней четверти XIV – первой половины XV века (по материалам поселения Аргамач-Пальна 3)

В округе г. Елец, в нижнем течении р. Пальна (левый приток р. Быстрая Сосна), у с. Аргамач-Пальна, находится локальная группа памятников, состоящая из 12 поселений XIII–XV вв. На четырех из них в разные годы проводились раскопки (поселения 1–3, 5).

По результатам раскопок 2011–2012 и 2015 гг. заметно выделяется поселение 3 у с. Аргамач-Пальна. Оно занимает высокий левобережный склон р. Пальна высотой 32–42 м. Памятник задернован лишь в южной части, в северной половине его поверхность распахана под лесополосы, что позволило зафиксировать остатки глинобитных печей и определить границу поселения. В итоге работ установлено, что его размеры – 60×200 м (рис. 1)¹. Площадка памятника имеет значительный уклон в южном направлении, в сторону реки (перепад высот составляет 10 м). На ее поверхности на расстоянии 20 м друг от друга расположены два межевых камня начала XX в. (верхний и нижний). Это четырехгранные столбы известняка, возвышающиеся на 0,6 м. На памятнике до начала раскопок фиксировались девять западин, которые составляли три компактные группы, удаленные друг от друга на 20–30 м. Как показали раскопки, западины связаны с углубленными в материк средневековыми сооружениями.

Раскопками изучено 4240 кв. м площади (*Тропин и др.*, 2012). Предварительные рекогносцировочные работы с распахиваемой поверхности памятника методом планшетной съемки помогли собрать интересный подъемный материал (*Инишкова, Инишкова*, 2012). Установлено, что преобладаю-

щее большинство находок относится к поселению, существовавшему во второй половине XIV – начале XV в. Более поздние находки XVIII–XIX вв. связаны с хозяйственным использованием данной территории жителями близлежащей деревни, известной по планам Генерального межевания.

В ходе работ обнаружено более 300 находок. Ко второй половине XIV – первой половине XV в. отнесены 204 находки, исключая подковы, многочисленные подковные и строительные гвозди. Значительную по количеству находок группу составляют артефакты, связанные со снаряжением всадника и верхового коня (38 экз., или 17,2%). Они указывают на социальный статус основной части жителей как служилых людей. Самые многочисленные группы находок – предметы быта (72 экз., или 35,3%, с преобладанием ножей – 17 экз.) и хозяйственной деятельности (54 экз., или 26,5%, с преобладанием рыболовных грузил – 38 экз.). К украшениям относились лишь 14 находок (6,8%). Часть находок неопределима из-за фрагментарности (29 экз., или 14,2%).

Исследовано 18 жилищ и 5 наземных хозяйственных построек. На распахиваемой поверхности памятника за пределами раскопок зафиксированы еще пятна от шести глинобитных печей. Это позволило сделать вывод о двухрядной застройке поселения с наличием локальных участков концентрации жилищ (*Тропин*, 2013. С. 15, 16). Наиболее интересным оказался западный участок поселения, где наблюдается концентрация жилищ и зафиксированы признаки взаимного перекрытия жилых построек. Это позволило говорить об их одновременности

¹ Рисунки помещены в конце статьи.

(рис. 2). Обнаруженные два ордынских монетных клада позволили датировать как минимум два из пяти строительных этапов на поселении временем около 1385 г. и около 1415 г. (Гончаров, 2011).

Все жилища являлись наземными. В зависимости от конструктивных особенностей они разделены на пять типов. Тип 1: с подпольными ямами – погребками (постройки 2А, 2Б, 3, 4А, 4Б, 10А). Тип 2: с неглубокими предпечными ямами из-за залегания скальной породы на небольшой глубине, при наличии глубоких подпольных ям (постройки 9А, 9Б). Тип 3: с неглубокими из-за выхода камня подпольными и предпечными ямами (постройки 7, 8А). Тип 4: с предпечными ямами, но без подпольных ям (постройки 6, 8Б). Тип 5: жилища без подпольных и предпечных ям (постройки 11, 12, 13, 15; постройка в раскопе 3; постройка в раскопе 4).

Наиболее распространенными являются жилища с подпольными ямами (типы 1–3). Их изучено 10, включая и те случаи, когда из-за каменистого грунта погреб под домом не смог быть выкопан в полную глубину. Но уже глубина 0,2–0,3 м (в глиняном материке) позволяла использовать подобную яму как кладовую. Однако и в этом случае верхняя часть неглубокого погреба имела подпрямоугольную форму и площадь 4,5–5 кв. м.

Предпечных ям в жилищах типов 3 и 4 встречено лишь четыре. Они расположены непосредственно у печей, имеют овальную в плане форму, площадь 1–2 кв. м и глубину в материке, как правило, не превышающую 0,2 м.

Значительную группу представляют жилища без подпольных и предпечных ям (6 шт.).

В центре нашего внимания находятся жилища типа 1, то есть с подпольными ямами, сооруженными на полную глубину. Данная конструктивная особенность, на наш взгляд, является наиболее яркой, чтобы показать на археологическом источнике наличие уряда жилищ подклетов и предложить их реконструкцию. Несмотря на огромное количество жилых построек IX–XIII вв., исследованных в Южной и Юго-Восточной Руси, раскопанные жилища XIV–XV вв. до сих пор остаются малочисленными, и к ним почти не применялись методы реконструкции.

Подклет – это хозяйственное помещение, расположенное под жилой частью дома. Согласно этнографическим данным, возьмем в качестве примера ближайшие к Ельцу южные территории Подмосковья, для жилищ более характерным был низкий подклет, и перерубы для пола врубались во второй – четвертый венцы (Чижикова, 1987. С. 228). Если учесть, что диаметр стандартного бревна составлял 25 см и при возведении сруба за счет пазов происходила

его усадка на 15%, то уровень второго венца, возвышавшийся над дневной поверхностью, составит 0,4 м. Подклеты можно разделить на наземные, то есть не углубленные в дневную поверхность (низкие и высокие), и углубленные (низкие и высокие). Убедительными археологическими доказательствами наземных подклетов мы не располагаем. В углубленном подклете из-за подпольной ямы пол расположен существенно ниже дневной поверхности. Наибольший интерес представляют шесть жилых построек с углубленными в грунт подклетами (низкие и высокие). Их изучение опирается прежде всего на хорошую сохранность и возможность исследования структур заполнения подпольных ям, а также выявление конструктивных признаков жилища в его наземной части в условиях сухого культурного слоя.

Для решения первой задачи мы располагаем полноценной информацией четырех подпольных ям от шести жилищ типа 1. Их размеры – от 2,4×2,8 до 3,3×4,3 м, глубина в материковой глине – 0,8–1,1 м. Наибольшую ценность представляют те ямы, в которых сформировались «диагностические» слои и которые не были нарушены человеком при разборке котлована (Борисов, 2010; 2014). Исследуя заполнения подпольных ям в постройках XIV–XV вв. нижегородской округи, Н. Н. Грибов акцентирует внимание на методике исследования, подчеркивая, что «этот подход предполагает выделение характерных структур в заполнении котлованов, то есть таких специфических ассоциаций слоев и прослоек, которые нельзя признать случайными из-за их сериации, присутствия у значительного числа исследованных объектов» (Грибов, 2012. С. 155).

Значительные сложности представляет изучение конструктивных признаков жилища и подклета в его наземной части в условиях сухого культурного слоя (Коваль, 2007; 2010; Енукова, 2011). Однако их выявление для нас оказалось возможным благодаря почвенному фону поселения, расположенного на серых лесных почвах. Границы жилищ и его отдельные конструктивные части фиксировались в профилях культурного слоя при боковом освещении солнца (восход и закат) как гумусированные участки в виде прогибов диаметром до 0,3–0,4 м с угольками и обожженной глиной. Внешне они напоминали просевшее в культурный слой бревно, точнее сказать, овал его нижней части. Участки благодаря бровкам, расположенным через 4 м, выстраивались в линии, маркирующие границы наземной части дома, а иногда и внутреннее пространство. Мы предположили, что это остатки утопленного в грунт нижнего венца сруба или подклады. Случаи фиксации следов срубов на материке очень редки при раскопках

средневековых поселений, но все же известны в науке по материалам раскопок Н. Н. Грибова в округе Нижнего Новгорода (Грибов, 2008. С. 258) и на селище Мякинино II в Подмоскowie (Коваль, 2007. С. 61).

Фиксация следов подкладов или просевшего нижнего венца нами отмечена для каждой постройки, но преимущественно частично. В тех случаях, где жилое сооружение имело два строительных этапа, то границы постройки раннего этапа фиксировались более фрагментарно.

В ряде случаев под жилым срубом отмечены признаки «стульев». В четырех постройках они в виде столбовой ямы зафиксированы вблизи печи (постройки № 2А, 4Б, 12, 15). В двух постройках (№ 2Б, 3) отмечены подклады под угловые венцы в виде неглубоких (до 0,1 м) ям овальной формы с пологими стенками. В таких ямах, как правило, фиксировались мелкие вкрапления угольков. К постройке № 2А относились, вероятно, два камня, которые могли служить «стульями», размещаясь на той стороне дома, которая была обращена к склону и требовала дополнительного укрепления.

В итоге возможность зафиксировать границы жилищ позволила нам говорить об их размерах и, соответственно, о размерах подклетов.

Постройка № 2

Она включает объекты № 2, 4, 5, 14, а также сохранившийся полный развал глинобитной печи в кв. 17 (рис. 3). Наиболее крупным сооружением является объект № 2 – подпольная яма с размерами поверху 2,8×4,2 м, по низу – 2,8×4,0 м. Ее глубина в материке составляет 1,06–1,15 м, а на одном из участков – 2 м. При выходе на уровень материка установлено, что здесь не один, а два котлована подполий (один из них прорезал другой), связанные с двумя строительными этапами жилища. Расчистки позволили зафиксировать остатки деревянных конструкций и столбовые ямы второго (позднего) этапа, впущенные в заполнение подполья первого этапа, и выявить границы подполья второго этапа. Этапы жилища названы «постройка № 2А» и «постройка № 2Б».

Постройка № 2А

Включает в себя объекты № 2, 14 (рис. 4). Объект № 2 представлял собой котлован подпрямоугольной формы размерами 2,2×2,2 м. Глубина котлована – 1,02–1,32 м. В центральной части котлована исследована яма-ледник размерами 1,05×1,6 м, глубиной 0,81–0,87 м от уровня дна котлована. В южной части котлована имеются две вырезанные в материке ступеньки высотой 0,2 м, шириной 0,6 м и длиной 1,6 м. Их наличие указывает на вы-

сокую вероятность подклета. Судя по наиболее информативной южной стенке профиля, с постройкой № 2А связана лишь нижняя часть заполнения подполья в виде засыпки, начиная с отметки -575 см и глубже (рис. 5, 2). Вышерасположенные слои соответствуют этапу постройки № 2Б.

В центральной и западной частях профиля с отметки -545 см до -595 см зафиксирован слой плотной глины и земли, который являлся глинобитной забутовкой пространства между деревянной облицовкой и стеной котлована второго этапа. Частично этот слой проник в верхнее пространство ледника первого этапа. Ниже его, с отметки -595 см и до дна ледника, залегала гумусированная земля с редкими вкраплениями угольков. Это, пожалуй, единственный участок заполнения котлована первого этапа, не нарушенный перекопом второго этапа постройки. С этого слоя и происходят непереотложенные немногочисленные фрагменты посуды постройки № 2А, попавшие в нее при первоначальной засыпке.

Объект № 2 первоначально являлся подпольной ямой наземного жилища, имевшего ледник. Его полезная площадь составляла 3,8 кв. м, учитывая наличие деревянной облицовки стен котлована. Вход в погреб располагался с юго-западной стороны, то есть с нижней части склона. Облицовка стен погреба исключала вероятность срубной конструкции из-за ступенек в материке и незначительного пространства между стенками котлована и краем ледника.

С южной стороны к объекту № 2 примыкает объект № 14 (рис. 4). У него неправильная многогранная форма и размеры 1,6×1,6 м, глубина – 0,12–0,19 м. Верхнее заполнение этой ямы – глина с землей. Скорее всего, она была завалена грунтом при возведении постройки 2Б. В объекте находится яма подквадратной формы 1,1×1,3 м и глубиной 0,42–0,52 м от поверхности материка. Ее заполнение иное (рис. 5, 3). В нижней части залегает прослойка земли (мощностью до 0,05 м) с интенсивными вкраплениями угольков и обожженной глины. Выше расположен тонкий слой глинобитной прокаленной крошки, смешанной с угольками толщиной до 0,05 м. Это остатки печи. В северо-восточном углу этой ямы находится овальной формы ямка размерами 0,45×0,60 м и глубиной 0,66 м от поверхности материка. Ее заполнение содержало исключительно горелое дерево без примесей земли и обожженной глины. Можно предположить, что это следы сгоревшей бочки, стоявшей в кладовой. В заполнении объекта встречены 94 фрагмента круговой посуды, кость животного и железная игла (рис. 9, 5).

Объект № 14 предположительно являлся кладовой. Во время пожара в него провалился развал

печи. Восточнее объекта 14 на расстоянии 0,4 м расположена столбовая яма диаметром 0,2 м и глубиной в материке 0,16 м. Это столб мог служить дополнительной подпорки для опечка.

Выводы по постройке № 2А: исследованное жилое сооружение являлось наземным домом на подклете, с ледником в подпольной яме. Размеры наземной части дома составили 5,6×5,6 м (рис. 5). Его границы реконструируются гипотетично. Наиболее точно можно говорить о юго-западной стене жилища. Ее трасса маркируется двумя крупными камнями на глубине -429/-438 см непосредственно в основании первого пласта, которые, вероятно, являются остатками каменных ступьев. В створе с ними, в стенке раскопа зафиксирован характерный отпечаток гумуса от подклада в виде очертаний полукружья бревна диаметром до 0,30 см (точка А). Важен тот факт, что фиксируемая юго-западная стена дома удалена от края подпольной и подпечной ям на расстояние 0,6 м, что повышает степень достоверности реконструкции. Границы жилища с северо-западной и юго-восточной сторон гипотетичны и учитывают отступ от краев подпольной и подпечной ям. Такой метод был использован в свое время Ю. Ю. Моргуновым при раскопках и реконструкции жилищ IX–XIII вв. городища Сампсониев Остров и получил признание в научных кругах (Моргунов, 2003. С. 123–126).

Северо-восточная граница дома условная. К сожалению, отпечатки подкладов или ступьев в слое больше не обнаружены. Однако с наибольшей вероятностью можно сказать, что углами жилище ориентировано по сторонам света.

О наличии подклета убедительно свидетельствует место расположения ступенчатого входа в подполье с внешней стороны дома, со стороны уклона площадки. Вопросу о высоте подклета следует уделить особое внимание.

Низкий подклет высотой до двух венцов (0,4 м), более характерный для лесостепной территории по этнографическим данным, мог быть достаточным, чтобы находиться на дне подпольной ямы в полный рост (1,5 +0,4 м). Глубина подпольной ямы с учетом культурного слоя могла едва достигать 1,5 м. Однако учитывая, что войти в подпольную яму с ледником можно было лишь через подклет с внешней, юго-западной стороны дома, то высота подклета должна быть более значительней, чем 0,4 м. Это убедительно указывает в пользу высокого подклета, учитывающего наклонный характер поверхности (перепад до 0,5 м) (рис. 6).

Наклонная поверхность, на которой был построен дом, требовала горизонтального выравнивания

площадки под нижний венец сооружения сруба. Убедительных данных в пользу сказанного в профилях нами не отмечено, однако без выравнивания площадки возведение дома было бы невозможно. При выравнивании использовались подклады (рис. 7, точка А) и каменные ступья.

Реконструкции входа в подклет, как и определению его возможной высоты, способствует проведенное О. Н. Енуковой исследование на примере одного из жилищ Липинского археологического комплекса (усадьба А, раскоп 4, яма 50). Ею установлена расчетная высота сруба наземной части подклета 1,2–1,7 м. Высота подклета 1,2 м, на ее взгляд, наиболее вероятна (Енукова, 2007. С. 89. Рис. 106–107). Ситуация с нашим жилищем в полной мере соответствует примеру реконструкции входа в подклет с жилищем из Липино. Учитывая наклон дневной поверхности, вход в жилище целесообразно было бы расположить в северо-восточной стене дома или вблизи его восточного угла с южной стороны. Постройка № 2А сгорела, и на ее площади возникла постройка № 2Б.

Постройка № 2Б

Постройка № 2Б включала в себя объекты № 2, 4, 5, а также развал глинобитной печи (рис. 7). Объект № 2 – это котлован подпрямоугольной формы размерами 2,7×2,8 м. Глубина котлована этого периода – 1,02–1,32 м. Каких-либо приступок, связанных со входом в погреб, не выявлено. В заполнении погреба выделяются пять слоев (рис. 5, 1). Верхний слой, состоящий из чернозема с интенсивным гумусом, от дерна и до отметки -475 см представлял собой заполнение западины над засыпанным котлованом сгоревшего жилища, формировавшееся на финальном этапе поселения в течение длительного времени. В северо-восточном углу котлована обнаружена часть развала глинобитной печи, это свидетельствовало о том, что объект был засыпан еще при жизни поселения. В этом слое было наибольшее количество фрагментов посуды, кости животных (рис. 8, 1–10; 9, 7).

Второй слой – слой осветленного гумуса, заметно выделяется в сравнении с верхним слоем, несмотря на одинаковую структуру заполнения. В этом слое отмечены скопления камней в северной части котлована. Он сформировался, вероятно, сразу же после гибели жилища. Нивелировочные отметки -475/-498 см. Во втором слое впервые стали проявляться элементы конструкций и засыпки погреба. Так, в западной части котлована зафиксирована вогнутая углистая линза (следы сгоревшей крыши?), а по периметру котлована

более отчетливо выявился слой глиняной забутовки между материковой стенкой и деревянной облицовкой котлована. В слое отмечена концентрация фрагментов круговой посуды (рис. 8, 11–16), костей животных, другие находки (рис. 9, 2–5).

Третий слой состоял из горелого дерева (остатков переотложенных и сброшенных в котлован разрушенных конструкций дома). Уровень его залегания –498/-512 см. Находки отсутствуют.

Четвертый слой – земля темно-серого цвета с редкими включениями угольков и глины. Нижний уровень ее залегания –512/-535 см. К стенкам котлована этот слой достигает мощности 0,4 м, а к центру уменьшается, составляя 0,2 м. Под четвертым слоем под наклоном залегала в восточной части профиля угольная прослойка мощностью до 0,03 м (глубина –510/-540 см) – остатки перекрытия подпола дома и собственно уровень пола в жилом пространстве.

В этом слое встречено значительно меньше керамики (рис. 8, 18–19) и костей животных. В числе индивидуальных находок – железный нож (рис. 9, 8) и фрагмент верхней части чугунного котла (рис. 9, 10). Диаметр котла по срединному ребру – 54 см, толщина стенки – 0,5 см. У котла имеется вертикальный литейный шов.

Пятый слой (это гумус мощностью 0,1–0,2 м на материковом полу котлована) – остатки деревянного пола и натоптанной земли. Плахи пола, судя по горелому дереву, располагались по линии запад – восток. Они лежали на расколотых вдоль бревнах диаметром не менее 0,2 м и слегка заглубленных в материковый пол вдоль западной и восточной стенок котлована. Слой горелого дерева в изобилии был встречен по уровню материка всей площади котлована. Уровень залегания слоя 5 –540/-565 см.

Чуть выше уровня пола, ближе к материковым стенкам располагается слой суглинка – возможно, этот остаток забутовки пространства между материком и деревянной обшивкой. С этого уровня стала проявляться картина характера деревянной облицовки объекта. С южной стороны, именно в том месте, где котлован постройки 2Б перерезал более ранний котлован постройки 2А, зафиксированы четыре столбовые ямы, две из которых оказались углублены в ледник погребя первого периода, а другие две ямы закончились на уровне материка. Столбовые ямы начинали фиксироваться с глубинных отметок –517/-525/-539 см по характерному заполнению: гумус + угольки (горелые плашки, тлен). Дно столбовых ям зафиксировано на глубинах –556/-559/-571 см. Диаметры ям – от 0,2 до 0,4 м.

На других участках погребя по его периметру столбовые ямы не зафиксированы. Однако это

не предполагает их отсутствия, так как из-за неровных стенок котлована возведение срубной облицовки стен было нецелесообразным. Скорее всего, его материковые стены были облицованы горизонтальными плахами, поддерживаемыми вертикальными столбами. В своей нижней части вертикальные столбы, вероятно, прижимались деревянному полу, возвышающемуся над материком котлована.

В 5-м слое встречены немногочисленные фрагменты керамики (рис. 8, 20–24) и другие находки (рис. 9, 9).

Итак, объект № 2 постройки № 2Б являлся погребом со столбовой конструкцией стен и деревянным полом. Его размеры – 2,7×2,8 м. Полезная площадь составляла около 6 кв.м. Находки, происходящие из 4–5-го слоев, связаны с жилищем и могут рассматриваться как условно закрытый комплекс.

Развал глинобитной печи постройки № 2Б расположен в кв. 17 на слое черной земли, размеры – 1,3×1,5 м, мощность – 0,1 м (рис. 7). Сохранились бревна диаметром 0,1 м от печка, расположенные по контуру глинобитной линзы. Бревна расколоты вдоль. Точные размеры печка установить не удалось из-за отсутствия полноты деревянных конструкций.

Объект № 4 имел овальную в плане форму. Размеры – 1,6×1,8 м, глубина в материке – 0,07–0,12 м. На фоне материка пятно ямы выглядело как освещенный гумус. В заполнении встречены кусочки обожженной глины и угля. Керамика представлена единичными мелкими фрагментами круговых сосудов. Объект № 4 мог быть следом от опорного столба или подклада под угол дома.

Объект № 5 имел овальную форму размерами 0,8–1,6 м, глубиной в материке 0,11–0,2 м. Стенки ямы пологие. На фоне материка пятно ямы представляло собой темно коричневое заполнение. Здесь встречены единичные мелкие фрагменты керамики и уздечное железное кольцо (рис. 9, б). Назначение объекта аналогично объекту № 4.

Выводы по постройке № 2Б: исследованное жилое сооружение являлось наземным домом, вероятно, на подклете, с подпольной ямой. Размеры наземной части дома составили 9,2×>10 м. Границы дома реконструируются по характерным отпечаткам гумуса в профилях раскопа и в виде очертаний полукружья бревна диаметром до 0,30 см. Прежде всего это отмечается по южной стене дома, где отпечатки гумуса с детритом встречены в створе на трех участках (точки А, Б, В). О месте нахождения входа в жилище данных нет. Вход в погреб (2,7×2,8 м) располагался внутри дома, вероятно, по деревянной лестнице.

Для выяснения социальной принадлежности владельца жилища следует акцентировать внимание

на вещевые находки не только из заполнений котлованов (в данном случае они невыразительны), но и в наземной части дома, хотя не все эти предметы могут быть соотносимы со временем бытования жилища. Однако они маркируют социальную принадлежность как жилого, так и нежилого пространства.

Среди находок особо выделим наременную пряжку прямоугольной формы размерами 3,3×4,5 см (рис. 9, 11), четырехгранный наконечник стрелы, ромбический в сечении (рис. 9, 13), фрагмент кольца кольчуги-байданы диаметром 1 см (рис. 9, 12). Кроме военных артефактов встречены и бытовые вещи: ключ длиной 7,5 см (рис. 9, 14), крест из медного сплава размерами 1,8×2,5 см (рис. 9, 15). На наш взгляд, находки указывают на принадлежность данного пространства военному человеку.

Постройка № 2Б сгорела. На месте образовавшейся западины в погребке формировалась мусорная яма в результате жизнедеятельности обитателей близрасположенной постройки № 4.

Постройка № 3

Она включает объекты № 3, 8, столбовые ямы, а также развалы двух глинобитных печей (№ 1, 2) (рис. 10).

Основным сооружением жилища является объект № 3 – подпольная яма подпрямоугольной формы и размерами 3,3×4,3 м (рис. 11). Ее глубина в материке – 0,94–1,26 м. На дне котлована, в его северной половине, расчищены две столбовые ямы (одна – диаметром 0,3 м и глубиной 0,08 м, вторая – размерами 0,3×0,4 м и глубиной 0,05 м). Их расположение, вероятно всего, связано со входом в подполье, на что указывает и выемка грунта у его северной стенки. Вблизи западной стенки объекта с наружной стороны в кв. 9 и 13 расположены три столбовые ямы диаметром 0,2–0,3 м, глубиной в материке до 0,1 м. Гипотетично они связываются с крыльцом дома.

На современной поверхности на месте объекта фиксировалась неглубокая западина. В заполнении выделяются шесть слоев (рис. 12, 2). Два верхних слоя являются горизонтом накопления мусора. Они состояли из чернозема и различаются оттенками цвета. Первый слой с нивелировочными отметками от дерна и до -366 см. Второй слой залегал на отметках -366/-410 см. Эти слои насыщены фрагментами керамики (рис. 13, 1–14) и другими находками (рис. 14, 7, 9–10).

Третий слой состоял из горелого дерева, он зафиксирован по центру котлована, где его мощность достигала 0,35 м. Уровень залегания от -390 до -428 см. Это остатки сгоревших конструкций, сброшенных в котлован и относившихся, по всей ви-

димости, к остаткам более позднего пожара от постройки № 4, расположенной южнее (рис. 13, 15–19).

Четвертый слой – суглинок мощностью 0,2–0,3 м, залегающий под уклоном от стенок котлована к центру. Он образовался в результате засыпки котлована после пожара грунтом, снятым с площади, примыкавшей к котловану. К этому же слою принадлежал развал глинобитной печи (печь № 1), зафиксированный в южной части подполья (рис. 11). Его размеры – 1×1,2 м, толщина – 0,2–0,25 м. Печной развал залегает под уклоном от восточной стенки котлована к центру. Верхний уровень его нивелировочных отметок -359/-390 см. Глинобитный развал лежит на слое угольков мощностью 0,1–0,2 м (остатки опечка?), нижний уровень нивелировочных отметок которого -337/-430 см (рис. 13, 20–22).

Пятый слой фиксировался в центре и восточной части котлована, состоял из угольной прослойки и залегавшего под ней слоя земли с интенсивными включениями горелого дерева. Мощность угольной прослойки – 0,05–0,15 м, это остатки перекрытия подполья дома и собственно пола в жилом пространстве. Мощность залегающего под ним слоя – 0,25 м. В целом же это слой сгоревших конструкций дома, сброшенных в яму. Нижний уровень слоя фиксируется на деревянном полу подполья на отметках -435/-450 см. Керамики немного (рис. 13, 23–25).

Шестой слой – это тонкая, до 0,05 м, угольная прослойка, лежавшая на неровном материковом полу котлована с отметками -440/-460 см. Это остатки сгоревшего пола в подполье.

Объект № 3 являлся подпольной ямой дома, вероятно, со срубной конструкцией стен и деревянным полом. О наличии сруба свидетельствует отсутствие столбовых ям и мощное глиняное заполнение вдоль стенок котлована. Полезная площадь подпольной ямы составляла 6,9 кв. м (2,3×3 м) и была намного меньше общей площади котлована. Глубина подпольной ямы с учетом дневной поверхности составляла не менее 1,6 м. Находки, происходящие из 5–6-го слоев, связаны с жилищем и могут рассматриваться как условно закрытый комплекс. Вход в погреб, весьма вероятно, располагался с северной стороны ямы.

Развал глинобитной печи № 2 расположен в кв. 67, 68, 37, 39 (рис. 10; рис. 11, 2). Он подпрямоугольной формы, размерами 1,9×2,5 м, мощностью 0,1–0,2 м. Развал монолитом лежит на слое черной земли. В профиле, содержащем разрез печи по линии запад – восток, отчетливо зафиксирован как уровень пола, так и следы перекрытий над печью. Южнее печи зафиксирован частичный развал горшка, от которого сохранилась придонная часть.

Уровень его расположения соответствует уровню пола в жилище.

На двух участках сохранились лежащие параллельно друг другу бревна от опечка по разные стороны глинобитного развала. Это позволяет предположить размеры опечка 1–1 м. При расчистке печи встречены обломки трех круговых горшков и фрагмент оселка.

Развал печи № 2 показывает, что в плане печь строго маркирует свое первоначальное расположение, и во время пожара она просела с небольшой высоты, иначе развалилась бы на более мелкие части. Данное наблюдение предполагает в доме невысокий подклет, факт наличия которого отмечен по профилю подпольной ямы. С учетом глубины подпольной ямы невысокого подклета достаточно, чтобы находиться в нем в полный рост.

Объект № 8 удален от подпольной ямы на 2,6 м севернее. У него овальная, вытянутая в плане форма. Размеры – 1,2–2,2 м, глубина в материке – 0,2 м (рис. 11, 3). Стенки ямы пологие. На фоне материка пятно ямы выделялось бледно-серым заполнением. На ее дне отмечены вкрапления угольков. Объект может являться следом от подклада под угол жилища.

Выводы по постройке № 3: исследованное жилое сооружение являлось наземным домом с низким подклетом. Его общие размеры реконструируются по характерным отпечаткам гумуса в профилях раскопа в виде очертаний полукружья бревна диаметром до 0,3 м. Полагаем, что их большая часть связана с нижним венцом сруба (точки А, Б, В, Д, Е, Ж), с подкладами – объект № 8 и точка Г. В итоге размеры дома реконструируются приблизительно 10×11 м. Он сориентирован стенами по сторонам света.

Жилище гипотетически реконструируется как две избы с пристроенными сенями (рис. 14). В избах, возвышавшихся на подклете, находились печи. О наличии стены между этими помещениями говорит перемешанный и гумусированный характер слоя без четких границ подкладов и следов от нижних венцов сруба, зафиксированный в профиле по линии север – юг. Размеры изб примерно равные и составляют 5,5×7,2 м для каждой.

Изба № 1 занимала западную часть дома. Располагаясь ближе ко входу в дом, она выполняла роль чистой избы. Вход в нее располагался с северной стороны и вел из сеней. Справа от входа в полу располагался вход в подклет с подпольной ямой. Его глубина до перекрытия с полом избы составляла около 2 м, а размеры с учетом облицовки стен – 2,3×3,0 м. В подпол вела деревянная лестница, для устойчивости закрепленная в нижней части деревянными столбиками. Изба № 2 занимала восточную часть дома.

Она располагалась дальше от входа в жилище, чем чистая изба, и могла называться черной избой. Центр помещения занимала печь.

Сени размерами 2,8×11,0 м располагались в северной части жилища. Их восточная часть за черной избой могла быть занята под кладовую. Вход в сени находился с западной стороны и осуществлялся через невысокое крыльцо, от которого остались две небольшие столбовые ямы.

О высоком социальном статусе владельца дома свидетельствуют самые большие размеры жилища на поселении. В числе находок из наземной части дома найдены подпругная (рис. 15, 5) и поясная пряжки (рис. 15, 4), уздечное кольцо (рис. 15, 6), перстень из медного сплава с плоским щитком (рис. 15, 8). Рядом со сгоревшим жилищем было построено новое, почти аналогичное по размерам. На месте образовавшейся западины в погребе старого жилища постепенно скапливался мусор.

Постройка № 4

Постройка № 4 включает в себя объекты № 12, 12А–Ж, а также два развала глинобитной печи (рис. 16). Основным является объект № 12 – подпольная яма. Обратим внимание на второй развал глинобитных печей, один из которых был в виде мелкой крошки зафиксирован в кв. 71. В яме фиксируются два строительных этапа, соответствующие двум разным жилым постройкам. Поздний котлован по площади полностью накрыл более ранний, но был менее глубоким. Изучение профилей, послойные зачистки заполнения подпольной ямы позволили зафиксировать уровень горизонта двух строительных этапов, разделяющий котлованы двух построек. Он находится на отметке -411 см (рис. 18). Эти этапы мы назовем «постройка № 4А» и «постройка № 4Б».

Постройка № 4А

Постройка № 4А включает в себя объект № 12 с уровня нивелировочной отметки ниже -411 см (рис. 17) и остатки глинобитной печи в кв. 71. Объект № 12 – это котлован подпрямоугольной формы размерами 2,6×2,9 м. Его глубина в материке – 1,1–1,3 м. В западной части котлована исследована яма, возможно, ледник, размерами 0,9×1,8–1,9 м и глубиной 0,16–0,41 м от материкового пола котлована.

С внешней северной стороны ямы примыкает длинный (3,7 м) вход с четырьмя ступеньками (объект № 12В). Его максимальная ширина – 2,7 м. Перепад высот от материка и до уровня четвертой ступеньки составляет 1,01 м. Заполнение входа различалось. Верхние две ступеньки были перекрыты землей, соответствующей культурному

слою поселения, следующие (третья и четвертая) ступеньки завалены глиной и частично землей. Видимо, при расширении котлована (на втором этапе) эти ступеньки были частично засыпаны.

С постройкой № 4А связана нижняя часть заполнения подполья с отметки ниже -411 см (рис. 18). На этой отметке расположен слой угольков – остатков деревянного пола постройки № 4Б. Он прослеживался по всей площади котлована. Важно отметить, что в заполнение подпола постройки № 4А были вкопаны камни, служившие, вероятно, подпорками для основания лестницы в подпол постройки № 4Б.

Заполнение подпольной ямы было однородным и включало глину, землю серого цвета, немногочисленные вкрапления угольков и обожженную глину. Отдельные, разрозненные прослойки гумуса и угольков являлись наглядным подтверждением спешной засыпки котлована после его гибели. Остатки деревянного пола не прослежены.

На материковом полу сооружения обнаружена корродированная дужка от цилиндрического замка (рис. 22, 14), немногочисленные фрагменты керамики (рис. 22, 8–11) и кости животных. Непосредственно с пола происходили развалы трех сосудов (рис. 22, 1–3). Это достаточно надежный факт для датировки сооружения (Лапшин, 2016. С. 134).

Выводы по объекту № 12: объект являлся подпольной ямой – погребом наземного жилища с неглубоким ледником. Его полезная площадь составляла 5,5 кв. м, глубина от дневной поверхности составляла 1,7 м. Вход располагался с северной стороны. Конструкция стен ямы не могла быть срубной и имела иную облицовку, поскольку западная стенка ледника находилась в створе с материковой стенкой котлована. Облицовка могла быть дощатой, скрепленной по углам в пазах.

Другим объектом, принадлежавшим постройке № 4А, являются аморфные остатки глинобитной печи в кв. 71. Они встречены в виде мелкой крошки на площади 10 кв. м.

Выводы по постройке № 4А в целом: исследованное жилое сооружение являлось наземным домом с подклетом и печью. Размеры наземной части дома можно установить гипотетически. Его основное пространство включало подпольную яму со входом и место печи (рис. 17).

Мы предполагаем, что жилище было ориентировано строго по линии север – юг в соответствии со стенками котлована подпольной ямы. Предполагая его вероятные размеры по линии запад – восток, мы учитываем расстояние от восточного края погреба с необходимым отступом от него как

минимум на 0,3 м и до западного предела развала печи. Это расстояние составляет 6,45 м. По линии север – юг протяженность жилища выглядит несколько больше, достигая 9,7 м. Это расстояние от северного края ступенек в подпольную яму с необходимым отступом не менее 0,3 м до фиксируемого в бровке подклада под сруб с южной стороны (точка Д). Итого размеры срубного жилища могли составить не менее 6,45×9,7 м.

Наличие ступенчатого входа в подпольную яму, необходимость конструктивного оформления двери в нее – все это дает основания полагать, что жилище являлось пятистенком и состояло минимум из двух помещений, избы размерами 6,00×6,45 м и сеней (горницы) размерами 3,70×6,45 м. Надежных данных о входе в жилую часть дома мы не имеем, за исключением фиксируемого входа в погреб. Этому обстоятельству мы отдаем предпочтение. Печь располагалась с противоположной стороны. Реконструируя сени, мы предполагаем традиционный тип жилища с фактором сбережения тепла в избе.

В дальнейшем возможны два равнозначных варианта реконструкции жилища. К сожалению, археологическими данными, по которым можно отдать предпочтение определенному варианту, мы не располагаем.

Первый вариант: жилище являлось одноэтажным сооружением на низком подклете (рис. 19). Для погреба глубиной 1,7 м достаточно было двух венцов подклета высотой 0,4 м. Вход в жилище был с северной стороны, с общим входом в подпол, но дверь дома располагалась со смещением от входа в подпол.

Второй вариант: жилище являлось двухэтажным сооружением на высоком подклете до 1,7 м, выполнявшем функцию хозяйственного этажа (рис. 20). В нем было два наземных хозяйственных помещения (6,00×6,45 м и 3,70×6,45 м) и подпол. Вход на жилой верхний этаж шел с севера.

Постройка № 4А сгорела, и на ее месте сооружена постройка № 4Б.

Постройка № 4Б

Постройка № 4Б включала в себя объекты № 12, 12А–Ж, а также развал глинобитной печи в кв. 46. Объект № 12 этого этапа полностью накрыл погреб раннего этапа. Это котлован квадратной формы размерами 3,6×3,6 м (рис. 21). Его глубина в материке достигала отметки -411 см, следовательно, от уровня материка он был углублен на 0,63–0,86 м. По площади котлован был значительно больше погреба предшествующего этапа. С его восточной стороны вдоль стенки отмечены выходы материкового камня в глине.

В заполнении выделяются два слоя (рис. 18). Верхний слой от дерна до угольной прослойки (на уровне -390 см) включал гумус с мелкими кусочками известняка и обожженной глины. Отметка -390 см фиксирует уровень вторичной засыпки котлована после его гибели. Второй слой (от отметки -395 см до -411 см) – это засыпка котлована подклета после пожара. Слой состоял из земли без каких-либо включений. Угольная прослойка на отметке -411 см – это уровень деревянного пола в погребе. Ниже расположен котлован постройки № 4А. Немногочисленные фрагменты керамики и другие находки встречены лишь в верхнем слое (рис. 22, 4–7, 15, 16). Они, вне всякого сомнения, связаны с жилым пространством дома.

Выводы по объекту № 12 второго этапа: объект являлся подпольной ямой наземного жилища. Его полезная площадь достигала 6,2 кв. м (2,3×2,7 м). Конструкция стен погреба, вероятно, была срубной.

Развал глинобитной печи расположен в кв. 46. Его размеры – 1,2×2,3 м, мощность – 0,1 м. Он лежит на слое черной земли, в которой сохранились отдельные угольки, возможно, от опечка. Нивелировочные отметки развала по верху -312/-360 см. Развал печи вытянут по линии запад – восток, причем частично сполз. Данное обстоятельство убедительно указывает в пользу наличия у жилища подклета.

С конструкцией жилища, вероятно, связана столбовая яма, расположенная в 0,9 м к западу от печи (объект № 12А в кв. 46), ее размеры – 0,43×0,6 м, глубина в материке 0,09 м. В ее заполнении было много обмазки, горелого дерева.

В наземной части жилища исследована серия ям, которые в большей степени напоминали «вытопты» в материке, чем хозяйственные объекты, среди них были и столбовые ямы. Все эти сооружения получили обозначение как объекты № 12Б–Ж. Объекты № 12Г–Е весьма схожи по общим признакам (очень пологие стенки, слегка заглублены в материк). Их расположение в пространстве жилища можно связывать с оформлением крыльца (угол наземной части дома). При зачистке материка в створе этих объектов отчетливо фиксировался уплотненный грунт. Объект № 12Ж интерпретируется как опорный столб для лестницы при входе на крыльцо.

Выводы по постройке № 4Б: исследованное сооружение являлось наземным домом с подклетом и подпольной ямой – погребом полезной площадью 6,2 кв. м (рис. 21). Вход в подпол располагался внутри жилища. Размеры наземной части дома – 7,92×12,85 м. Границы дома реконструируются по отпечаткам подкладов, замеченных

в бровках раскопа, и подпорок-козлов. Подклады отмечены в точках А, Г, Д. По профилю на участке кв. 42–48 фиксировались гумус и прослойка угольков, соответствовавшая уровню пола в жилище (рис. 18). Этот участок находится между погребом и системой столбовых ям. Благодаря этому наблюдению возможно считать, что жилище было ориентировано с запада на восток с незначительным отклонением. Подпорки-козлы отмечены в центральной части дома (объект № 12А) и в предполагаемом северо-западном углу жилища (объекты № 12Г–Е).

На примере постройки 4Б имеется возможность предполагать внутреннюю планировку дома, выделяя избу, горницу, сенцы и крыльцо (рис. 21). Маркерами, определяющими границу между избой и горницей, являются точки Б и В, зафиксированные в профилях в виде овальных полукружий гумуса и древесного тлена – следов от подкладов. Отметим, что столбовая яма № 12А находится в створе этих точек, что усиливает предположение о бревенчатой стене, отделяющей избу от горницы. В итоге размеры избы, где размещались печь и подпольная яма, могли составлять 6,57×7,92 м.

Однако такое крупное жилище вряд ли состояло только из горницы и избы. Точка А дает возможность предполагать границу между горницей и сенями. Размеры горницы могли составить 3,78×7,92 м, сеней – 2,42×7,92 м. К сеням с юго-западного угла дома примыкал вход в жилище.

Возвращаясь к теме подклета постройки № 4Б, напомним, что надежные данные о его наличии дает лишь характер расположения развала печи. Недостаточная глубина подпольной ямы лишь косвенно может указывать на это. Напомним, что ее глубина в материке составляет 0,63–0,86 м, а с учетом уровня дневной поверхности она достигнет 1,03–1,26 м, этого все же недостаточно, чтобы находиться в ней в полный рост.

Необходимо выяснить высоту подклета. Применяя расчеты аналогично постройке № 3, полагаем, что достаточной высотой подклета будет высота на три венца, то есть на 0,6 м (рис. 23).

Находки из культурного слоя с площади жилища № 4 представлены фрагментами двух ножей (рис. 22, 12), ключа (рис. 22, 13), двух рыболовных грузила и заготовки для пряслища.

Постройка № 4Б сгорела. После пожара наиболее ценные сохранившиеся вещи были собраны. Равномерный слой засыпки заполнения подпола (отсутствуют признаки длительного разрушения котлована) указывает на то, что территория пожарища в дальнейшем была сnivelирована и использована

под строительство нового дома, расположенного поблизости. Его остатки исследованы в раскопе № 3.

Постройка № 10

Постройка № 10 включает в себя объекты № 17, 17А (рис. 24). Подпольная яма подпрямоугольной формы, размеры по верху – 4,2×5,0 м, по низу – 3×4 м. Ее глубина в материке доходит до 1,3 м. В процессе ее раскопок было установлено, что здесь не один, а два котлована – второй, как «матрешка», сел в границы первого (рис. 25; 26). Попластовое вскрытие заполнения позволило отчетливо зафиксировать границы постройки второго этапа в виде древесного тлена, горелого дерева и прокаленного грунта от забутовки котлована первого этапа. При выходе на материк зафиксирована печь второго этапа, частично врезанная в материк. В этом месте (южная часть котлована) постройка второго этапа вышла за пределы границ подпольной ямы первого этапа и расширила котлован в южном направлении. Однако характеристика второго строительного этапа (постройка 10Б) не входит в задачи данной работы.

Постройка № 10А

Подпольная яма является основным объектом исследования данной постройки. Ее размеры по верху – 4,2×4,4 м, по низу – 2,4×3,0 м. Южная стенка котлована, хоть и нарушена постройкой второго этапа, реконструируется с высокой долей вероятности. Глубина котлована в материке – 0,9–1,3 м (рис. 25). На его материковом полу расчищено 14 столбовых ям. Вдоль северной стенки – три ямы диаметром 0,2–0,3 м и глубиной 0,11–0,15 м, вдоль южной стенки – три ямы диаметром 0,1–0,2 м и глубиной 0,05–0,2 м, вдоль западной стенки – три ямы диаметром 0,1–0,27 м и глубиной 0,05–0,17 м, вдоль восточной стенки – пять ям диаметром 0,15–0,3 м и глубиной 0,06–0,08 м.

Кроме столбовых ям у западной и северной стенок котлована расчищены две крупные ямы овальной формы, которые можно связывать с основанием лестниц. Яма у западной стенки – размерами 1,0–1,5 м и глубиной 0,25 м от пола погребца, у северной стенки – размерами 0,6–0,7 м и глубиной 0,1 м. Возможно, эти лестницы были одновременными.

Описание заполнения котлована проведем по южной стенке профиля (рис. 27). Основная часть заполнения, за исключением нижнего пласта и грунта вдоль стенок котлована, связана с постройкой второго этапа. Поэтому о характере верхней части заполнения погребца первого этапа можно судить лишь по грунту, оставшемуся вдоль материковых стенок. Вдоль западной стенки

котлована общая мощность заполнения составляет 1,1 м. На верхние слои, связанные с засыпкой и разрушением подпольной ямы этапа 1, приходится мощность 0,8 м. Это слои оплывшей материковой стенки, линза которой вклинивается к центру котлована, и вышерасположенный гумусированный слой. Для них характерно наклонное расположение к центру заполнения. Самый нижний слой является непотревоженным. Здесь можно предполагать закрытый комплекс, сформировавшийся при разрушении подпольной ямы. Это прослойки угольков, глинистые забутовки в столбовых ямах. Мощность слоя – 0,2 м по центру и 0,4 м у стенок котлована. Находки в виде керамики немногочисленны (рис. 29, 23–25). В целом складывается впечатление, что котлован постройки первого этапа длительное время оставался открытым: разрушались материковые стенки, в котлован попадали смывы от разрушенной поблизости глинобитной печи.

Развал глинобитной печи (объект № 17А), расположенный к западу от подпольной ямы, имеет размеры 1,4×2,4 м (рис. 25). Его мощность – 0,1 м. Он лежит на слое темно-серой земли с угольками от пола жилища или опечка (?). При расчистке развала зафиксированы остатки опечка, лежащие по контуру печи с северной и южной сторон. С других сторон фрагменты дерева не сохранились. Установлено, что опечек сооружен из бревен диаметром 0,1 м. Его длина по линии север – юг 1,25 м.

Вокруг развала глинобитной печи на различных глубинных отметках прослеживался наиболее гумусированный участок постройки. С уровня -200/-209 см зафиксированы горелые деревянные плахи пола, ориентированные по линии запад – восток или северо-восток – юго-запад (рис. 25). Та же ориентировка была и у плах опечка. Видимо, такой же была ориентировка ее стен. Наиболее гумусированный участок слоя следует связать с теплой частью дома – избой.

Исследованное жилое сооружение являлось наземным домом на подклете с погребом и печью. Размеры его наземной части составили 6,3×13,3 м. Границы дома отчетливо реконструируются по прогибам в слое, зафиксированным в профилях. Погреб имел размеры 2,4–3,0 м (общая площадь – 7,2 кв. м, полезная площадь – 2,2×2,8 м, или 6,2 кв. м), столбовую конструкцию стен, глубину от дневной поверхности не менее 1,5 м. Высоты наземной части подклета в 0,4 м было достаточно для хозяйственных работ в его углубленной части (1,5+0,4 м).

Кроме общих размеров жилища имеются основания для того, чтобы выделить его некоторые структурные компоненты (рис. 28). В западной

половине дома располагалась его теплая часть с печью – изба. Ее размеры 4,4×6,3 м. Восточная часть дома была занята горницей и, возможно, сенями. Однако археологических доказательств к их разделению не имеется. В этой же части дома мог находиться вход, однако археологически он не зафиксирован.

Обратим внимание на более многочисленные находки в наземной части жилища (рис. 29, 1–22). Из 106 обломков керамики 88 экз. приходится на квадраты, связанные с печью и теплой частью дома (избой).

Постройка № 10А сгорела. Через некоторое время ее подпольная яма была приспособлена под хозяйственное сооружение (постройка № 10Б).

На поселении Аргамач-Пальна 3 нами исследованы шесть жилых построек с углубленными в грунт подклетами. Подытоживая, можно выделить несколько археологических признаков вероятности жилищ на подклетах.

1. Незначительная глубина (0,8–1,3 м) подпольных ям в материке. С учетом мощности культурного слоя 0,4 м и толщины дерна 0,1 м (под слоем дерна расположен верхний уровень печей) глубина подпольной ямы от уровня древней дневной поверхности могла составлять 1,2–1,7 м. Этого не всегда достаточно, но для построек № 2А, 2Б при глубине 1,06–1,3 м в материке этого более чем недостаточно (сооружения расположены на склоне, где мощность слоя не превышает 0,3 м). Обойтись без подклета невозможно было бы и в подпольной яме постройки № 4Б при ее глубине в материке 0,63–0,86 м.

2. Наличие входа в подпол с внешней стороны жилища (постройки 2А, 4А). В постройке 2А вход фиксировался в виде вырезанных в материке ступенек внутри ямы. В постройке 4А – в виде примыкающих к подполью с внешней стороны вырезанных в слое и в материке ступенек.

3. Наблюдения за характером заполнения подпольных ям, где выделяются угольные прослойки разных уровней как следы разрушения сгоревших построек и последующих сбросов в котлованы остатков более поздних пожаров.

4. Наблюдения над состоянием развалов глинобитных печей в наземной части жилищ, а именно хаотичное расположение плах опечек, неравномерная по толщине глинобитная линза развала печи на горизонтальной поверхности, несовпадение расположения столбовых ям (от подпорок-козлов) относительно залегания линзы развала печи – все это создает впечатление об их падении сверху. В случае бесподклетного жилища это вряд ли было бы возможно, печь сохранилась бы гораздо лучше. Вместе с тем развалы глинобитных печей лежат компактно,

монолитом, без отвалившихся кусков. Это предполагает, что их падение могло произойти с небольшой высоты. Однако при раскопках следует учитывать тот факт, что печи раннего строительного этапа в случае возведения на этом месте жилища последующего этапа чаще всего сохраняются в виде развалившихся кусков печины или обожженной крошки, перемешанной с землей. И все же восприятие четвертого признака исследователем является субъективным и требует более точной аргументации.

Выясняется, что степень информативности подпольных ям разная. Три из них, за исключением подпольной ямы постройки № 3, перестраивались. В них фиксируется второй строительный этап и не перекопанные по краям остатки от первого этапа.

Опираясь на профили подпольных ям построек № 2Б и 3, можно заметить следующее:

1) мощность слоя, отложившегося в результате пожара, разрушения постройки и последующей засыпки котлована в центральной его части, достигает 0,5 м;

2) к краям стенок котлована сохраняется забутовка пространства между облицовкой подполья и материковой стены котлована; кроме того, здесь фиксируются следы разрушения котлована природными процессами, пока он находился открытым;

3) с полной уверенностью можно говорить о деревянных полах на дне подпольных ям. В материковом полу двух таких ям сохранились отпечатки углублений от трех лаг в виде бревен диаметром около 0,3 м (гумус + угольки). Лаги расположены параллельно друг другу по линии север – юг вдоль стенок котлована и по центру. Следовательно, доски пола были ориентированы перпендикулярно лагам.

Профили подпольных ям других построек, нарушенных поздними перекопами, содержат иную информацию. Имеющийся в подполе постройки № 2А ледник был засыпан глиной. Яма была расширена и стала подполом постройки № 2Б. В верхней части засыпки ледника в плане зафиксированы вкопанные столбовые ямы, конструктивно связанные с постройкой другого этапа.

Характер заполнения подпольной ямы построек № 4А и 4Б отражает факт разборки ее конструкций, возможно, и выборку наиболее ценных вещей после пожара на каждом из двух этапов ее гибели. Об этом свидетельствуют равномерно перемешанная засыпка котлована. После первого пожара подпольная яма постройки № 4, будучи углубленной в материк до 1,3 м, была засыпана до глубины 0,63–0,86 м и расширена. После второго пожара облицовочные конструкции ямы разобраны, остатки пола сохранены. И яма была сразу же засыпана.

Таблица 1. Поселение Аргамач-Пальна 3. Жилища на подклетах.

Номер постройки	Признак							
	1	2	3	4	Низкий подклет	Высокий подклет	Размеры жилища, м	Площадь, кв. м
2А	+	+		?		+	5,6×5,6	31
2Б	+			?	+		9,2 × >10	Более 92
3	+		+	?	+		10×11	110
4А	+	+		?		+	6 × около 8	Около 48
4Б	+		+	?	+		7,92×12,85	102
10А	+			?	+		6,3×13,3	84

В подпольной яме постройки № 10А после ее непродолжительного запустения была сооружена хозяйственная постройка № 10Б.

Приведенный перечень состояния структур заполнения разных подпольных ям лишний раз убеждает в том, что профиль может отражать как конструктивные особенности жилища, так и следы его перестроек.

Обратимся к облицовке стен котлована. В подпольных ямах построек № 2Б, 10А зафиксированы редко расположенные столбовые ямы вдоль материковых стен. Следовательно, возможно говорить об их горизонтальной облицовке, укрепленной вкопанными столбами. Подобная облицовка стен более характерна для южных и юго-восточных территорий Руси, в то время как в Северо-Восточной Руси преобладала вертикальная облицовка (Шполянский, 2008. С. 62).

В подпольной яме постройки № 2Б столбовые ямы зафиксированы лишь вдоль южной стенки, в слое засыпанного ледника. Вдоль остальных стен котлована они не отмечены. Очевидно полагать, что вертикальные столбы в нижней части крепились за счет пространства, образованного от высоких лаг пола, и ими прижимались к забутовке.

Учитывая расстояние между материковой стенкой котлована и облицовкой, можно рассчитать полезную площадь этих подпольных ям. Если для постройки № 2Б общая площадь ямы в материке при размерах 2,7×2,8 м составила 7,56 кв. м, то полезная площадь – 2,0×2,1 м (4,2 кв. м). Для постройки № 10А при размерах 2,4×3,0 м (по низу котлована) общая площадь составила 7,2 кв. м, полезная площадь – 2,2×2,8 м (6,2 кв. м).

В остальных случаях из-за отсутствия столбовых ям, вероятнее, следует предполагать наличие срубной конструкции облицовки стен. Выполненные расчеты на примере самой крупной подпольной ямы постройки № 3 показали, что при ее общих размерах 3,3×4,3 м (14,2 кв. м) полезная площадь могла составлять 6,9 кв. м (2,3×3,0 м).

Возвращаясь к выделенным признакам подклета, можно уверенно говорить о нем на примерах жилых построек № 2А, 2Б, 3, 4А, 4Б, 10А. А в четырех случаях признаки подклета фиксируются по два раза.

Констатируя наличие подклетов у ряда построек, перейдем к выяснению их высоты. Низкий подклет вполне соответствует постройкам, имеющим первый и третий признаки подклета (постройки № 2Б, 3, 4Б, 10А). Высокий подклет неизбежно должен быть у построек, имеющих вход в подпол с внешней стороны жилища (постройки № 2А, 4А). Высота такого подклета должна быть более 1 м и включает в себя не только дверь высотой минимум 0,8–1 м, но и перерубы в клети, выполненные в определенных местах (Енукова, 2007. С. 89. Рис. 106, 107; Лысенко, 1985. С. 180). Важно подчеркнуть, что высокий подклет, известный по археологическим данным, встречается довольно часто на значительной территории Южной и Юго-Восточной Руси.

В итоге очевидна следующая закономерность. Два жилища (постройки № 2А и 4А) на высоком подклете имели наименьшие размеры – от 31 до 48 кв.м. А четыре жилища на низком подклете (постройки № 2Б, 3, 4Б, 10А) – максимальные – 84–110 кв.м. Возможно сделать предположение, что небольшие размеры дома компенсировались за счет двух ярусов строения, где верхний ярус являлся жилым, в нижний – хозяйственным подклетом. Полезная же площадь домов (жилая и хозяйственная зоны) независимо от высоты их подклетов в целом была одинаковой. Данное сходство по общей площади можно объяснить сложившимся стандартом повседневной жизни для данной группы военного населения. Таким образом, не только большие размеры жилищ, но и их конструктивное решение определяло статус владельцев жилищ второй половины XIV – первой половины XV в. на поселении Аргамач-Пальна 3.

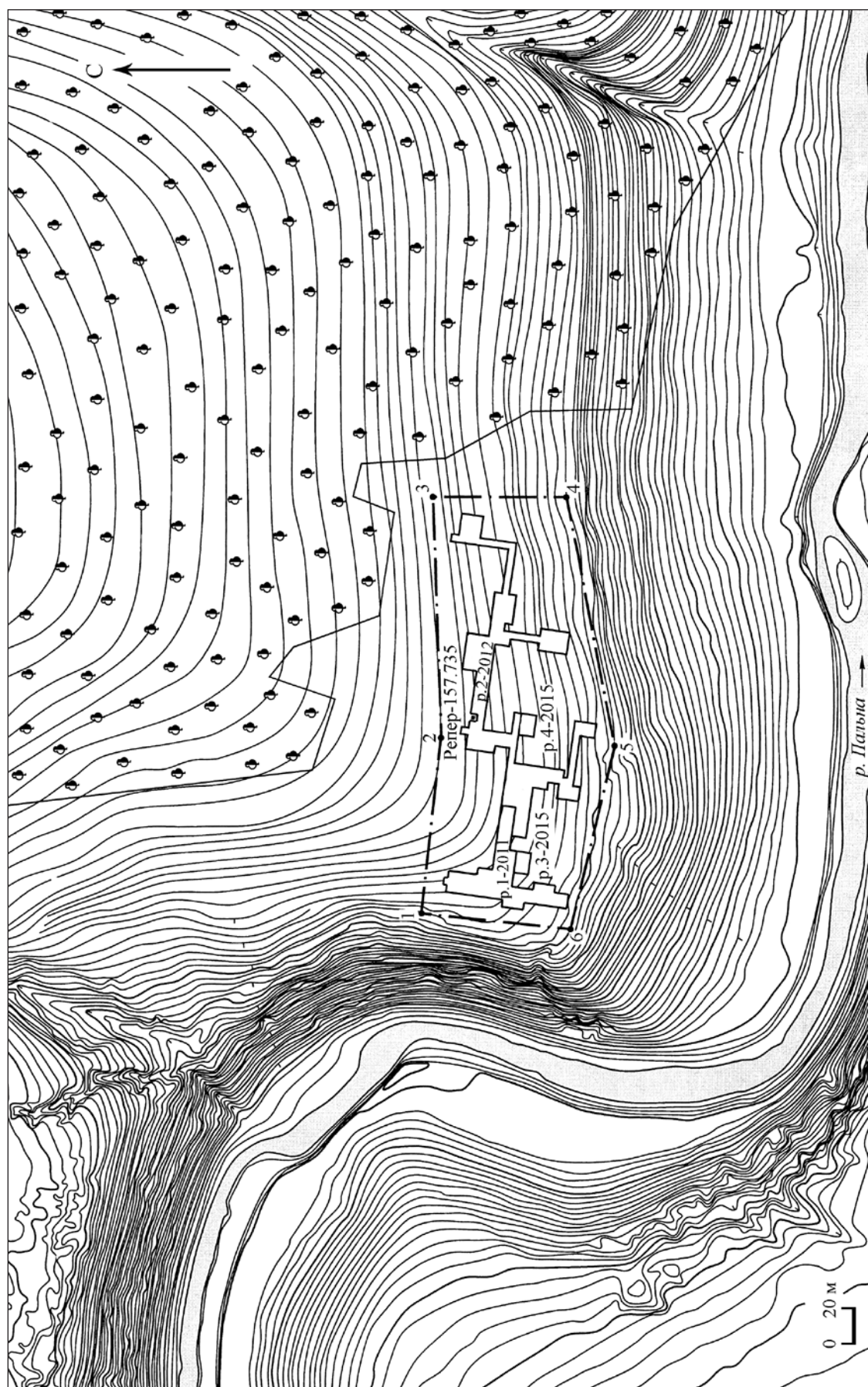
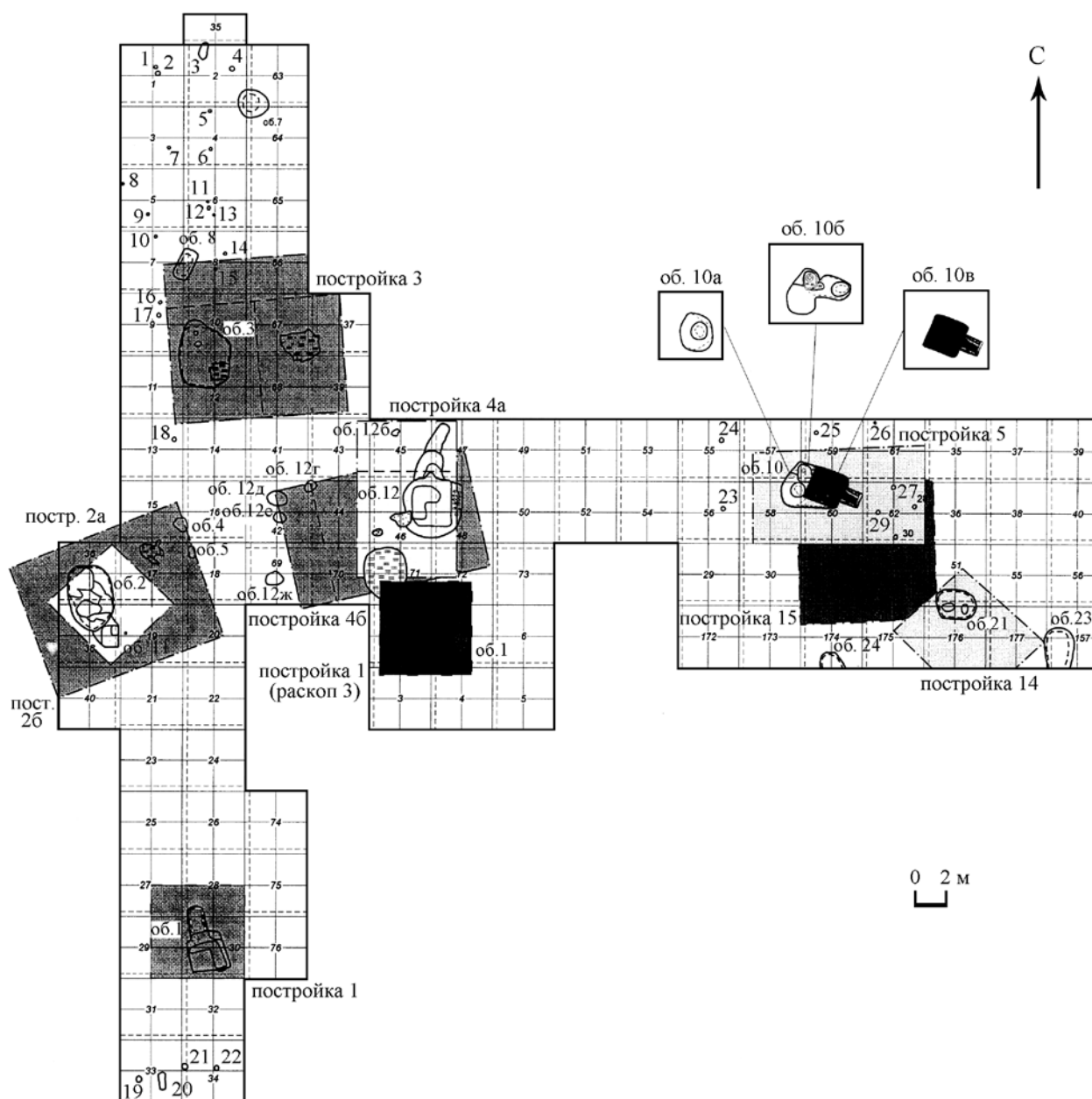

Рис. 1. План поселения Аргамач-Пальня 3

Рис. 2. Поселение Аргамач-Пальна 3. Западный участок раскопа с постройками разных этапов

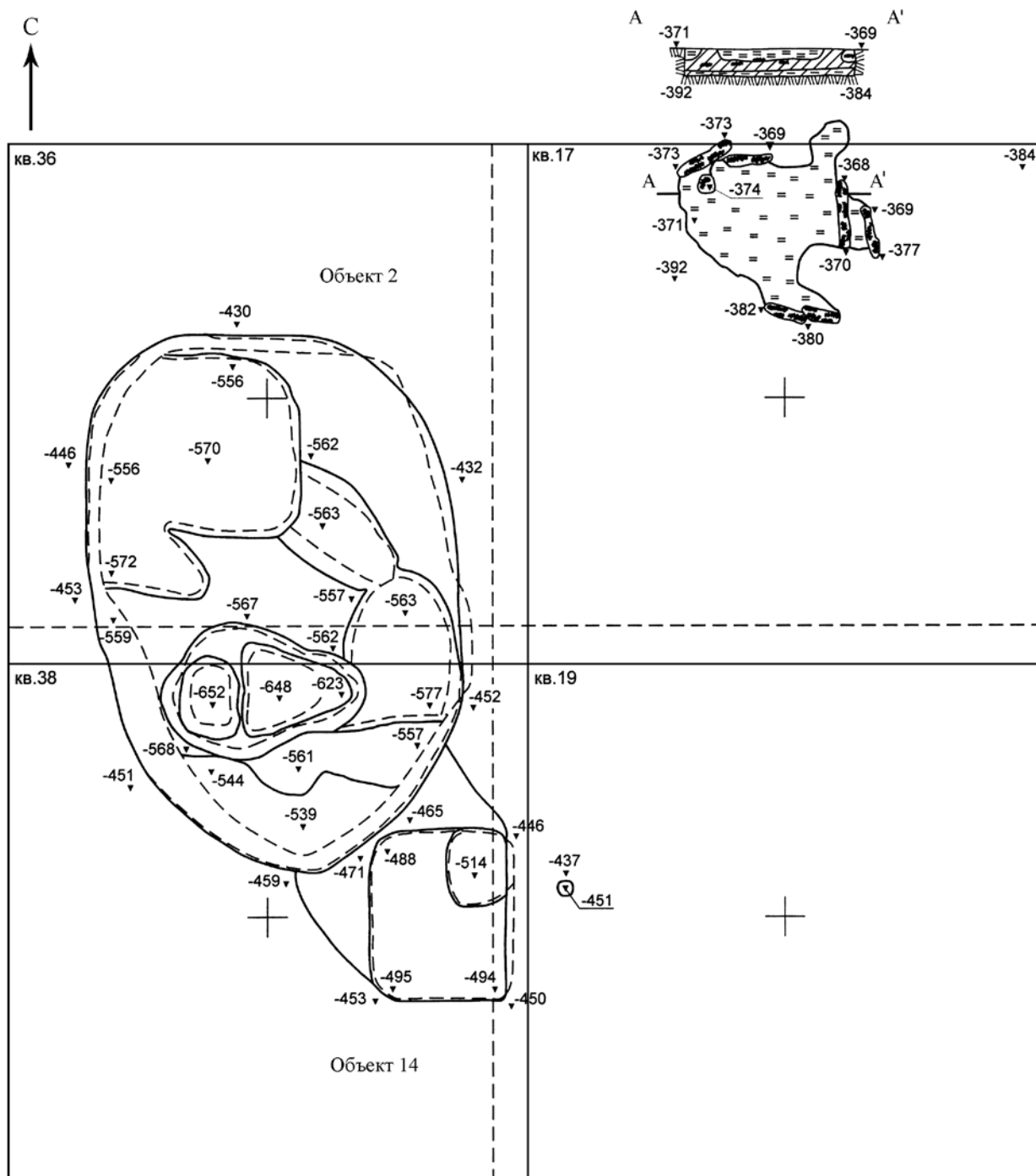

Рис. 3. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 2. Сводный план

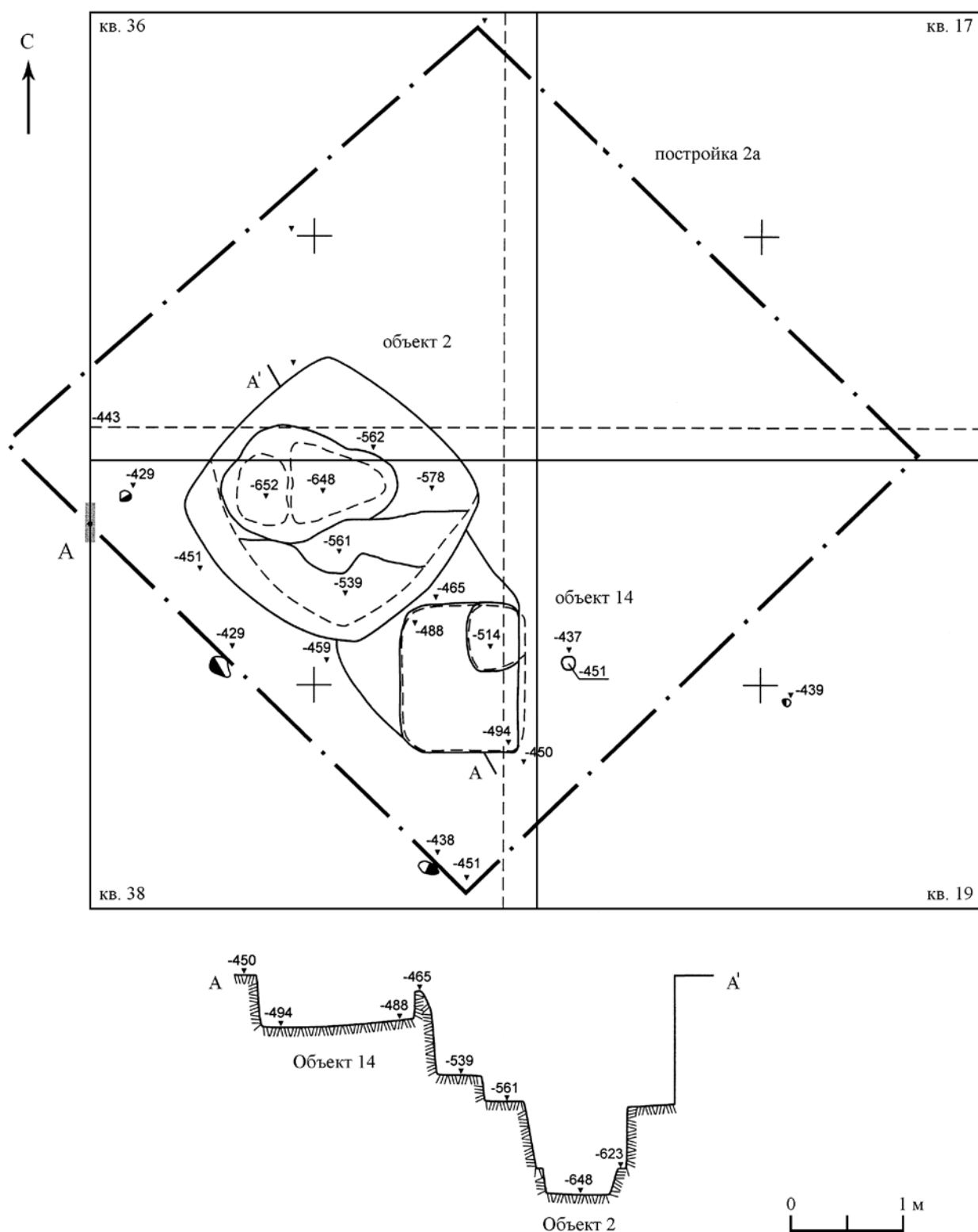

Рис. 4. Поселение Аргамач-Пальня 3. Постройка № 2А. План и разрез объектов

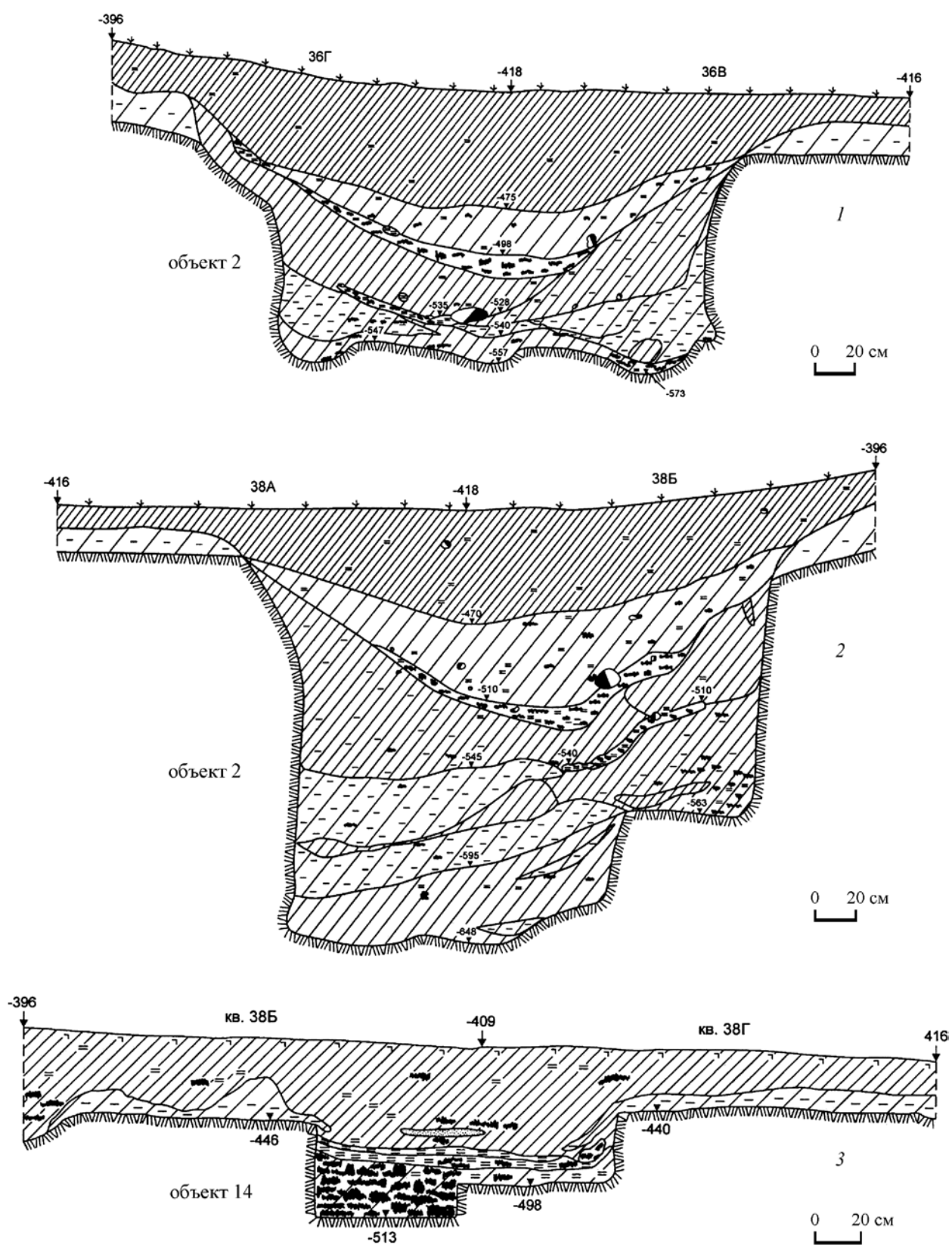

Рис. 5. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 2А. Профили подпольной ямы (1–2) и объекта № 14
 1 – вид с северной стороны; 2 – вид с южной стороны; 3 – профиль по линии С-Ю, вид с западной стороны

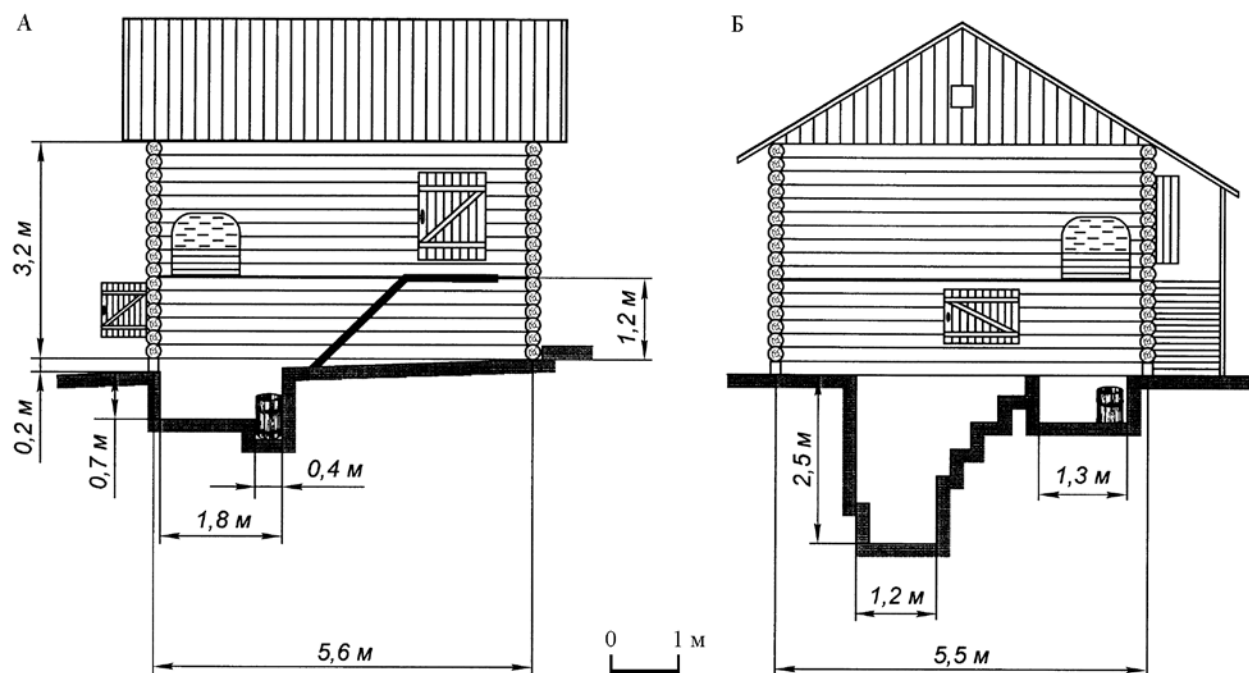

Рис. 6. Реконструкция постройки № 2А. Поселение Аргамач-Пальня 3

А – вид с юго-восточной стороны; Б – вид с юго-западной стороны

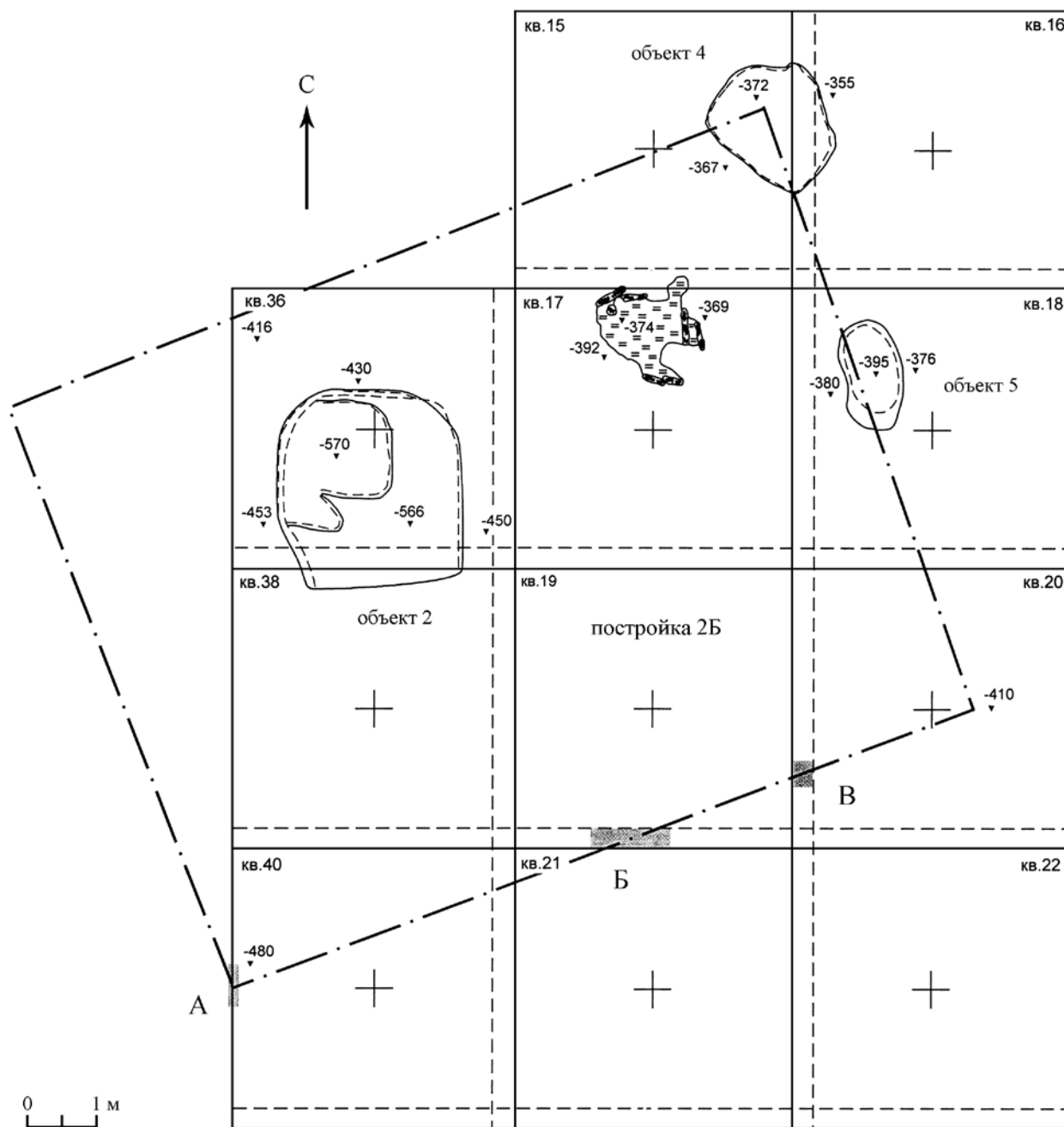

Рис. 7. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 2Б. План

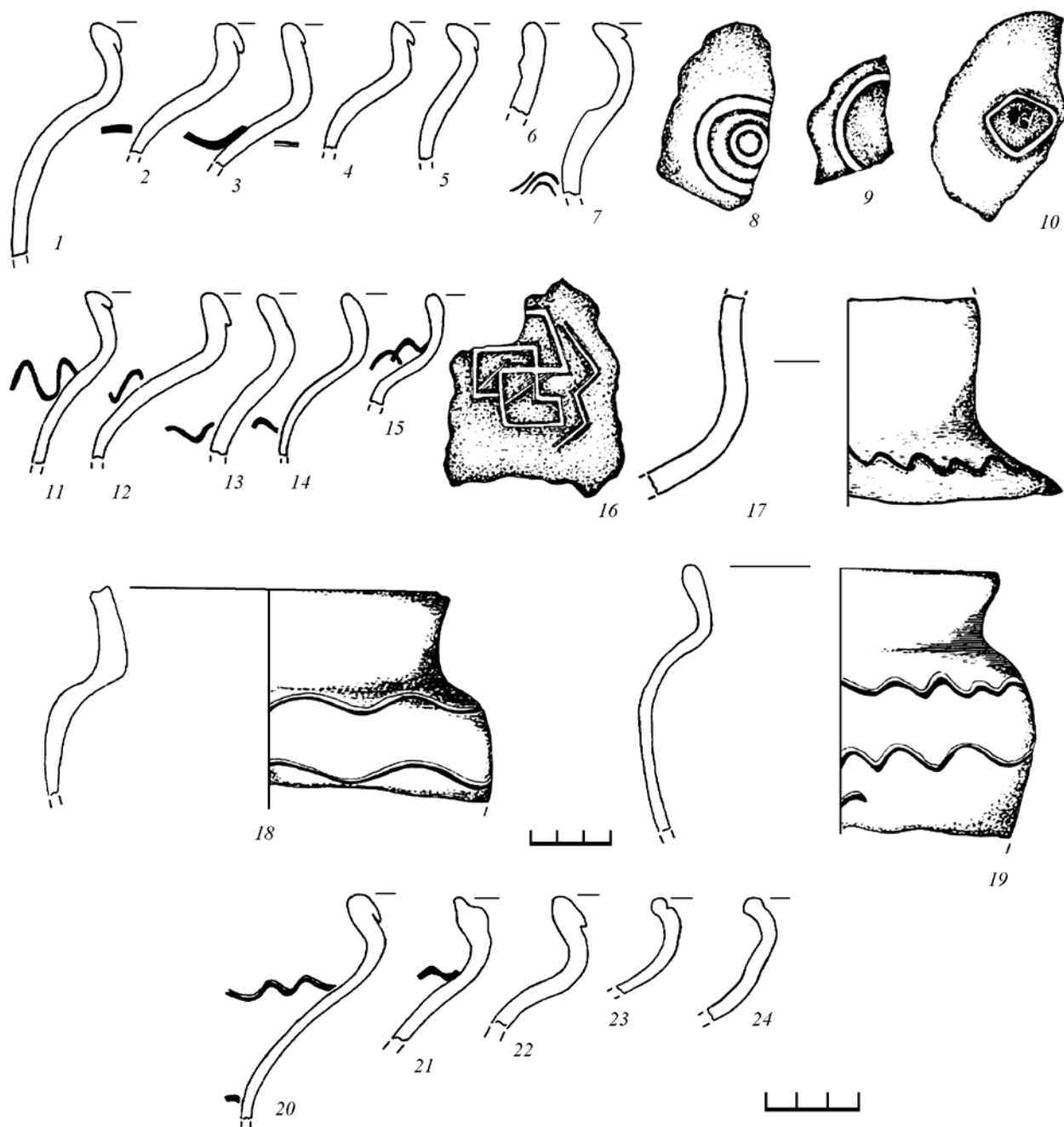

Рис. 8. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 2. Керамика

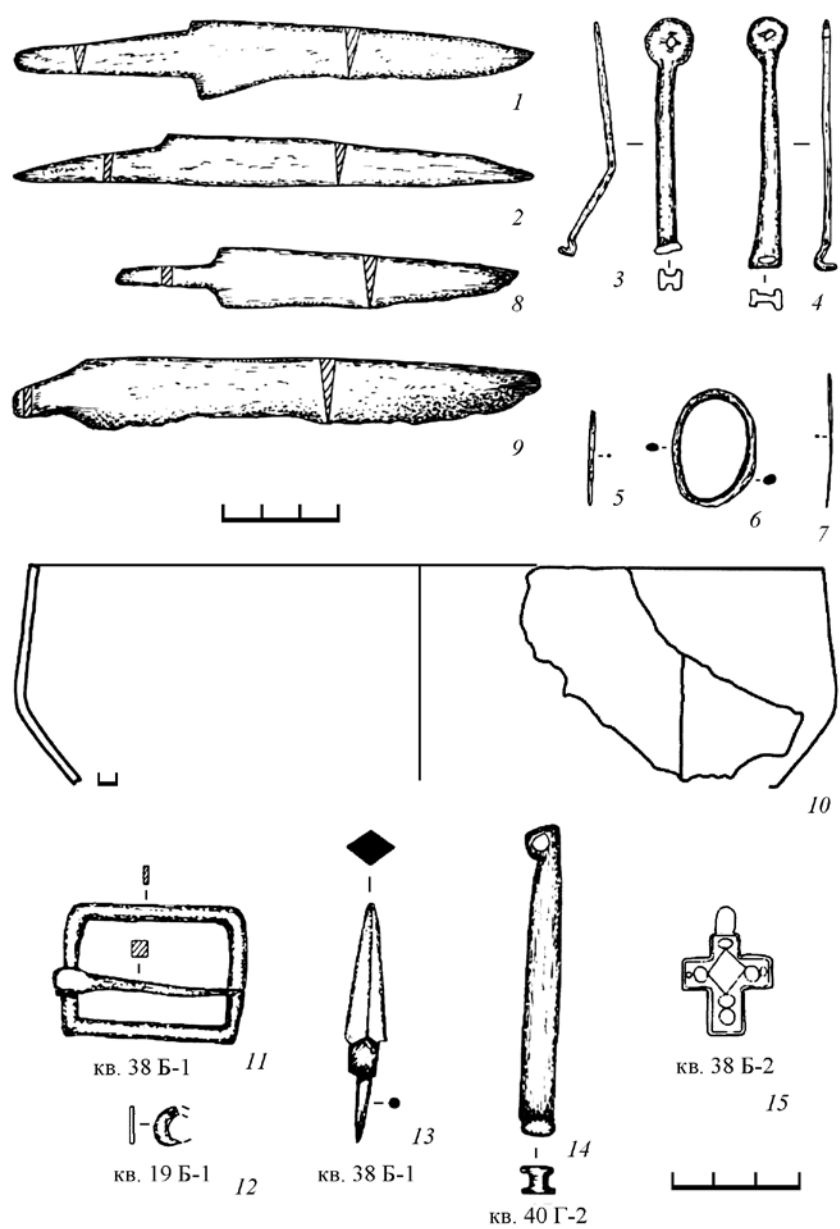

Рис. 9. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 2. Находки
1-9, 11-14 – железо; 10 – чугун; 15 – бронза

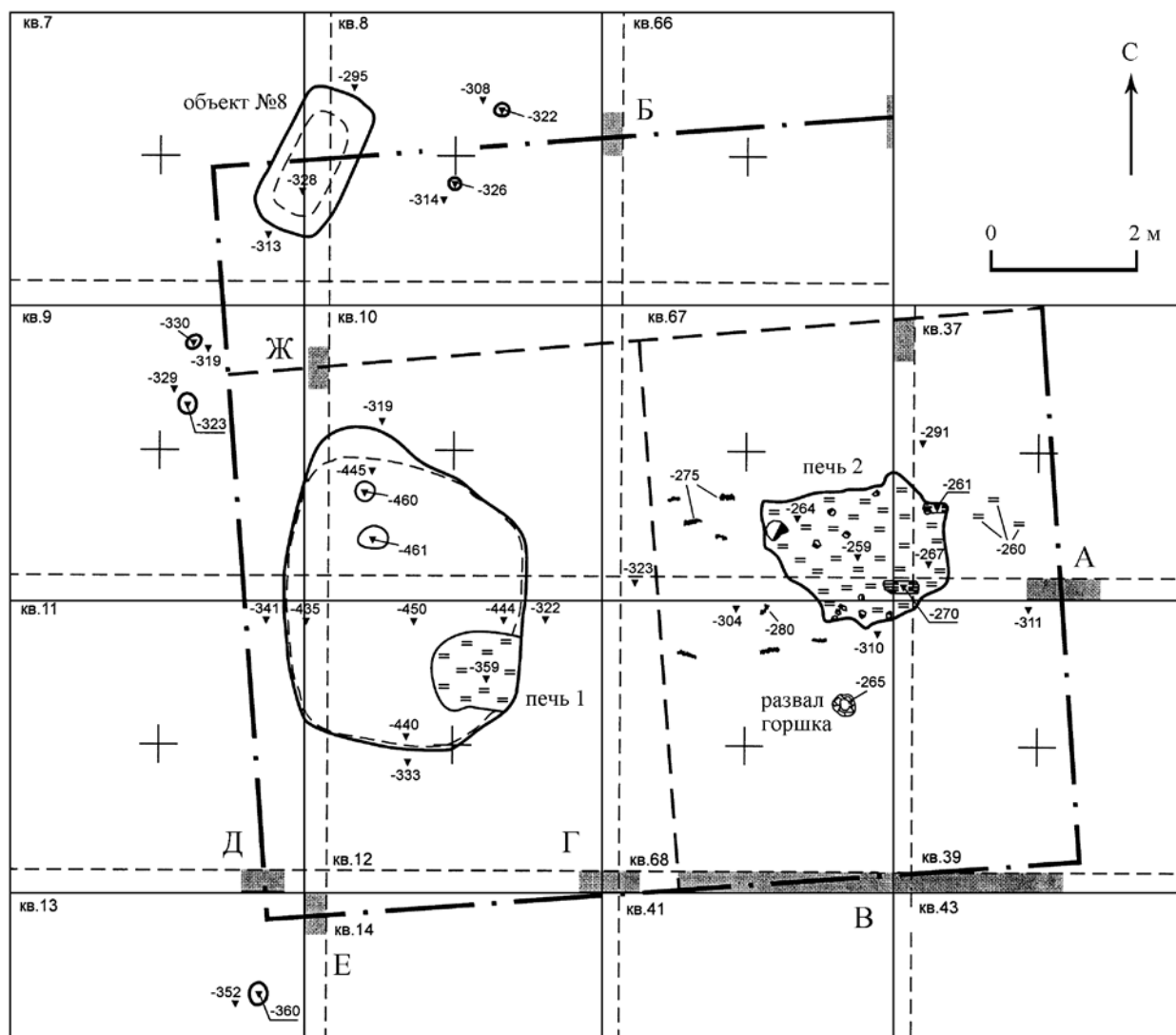

Рис. 10. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 3. План

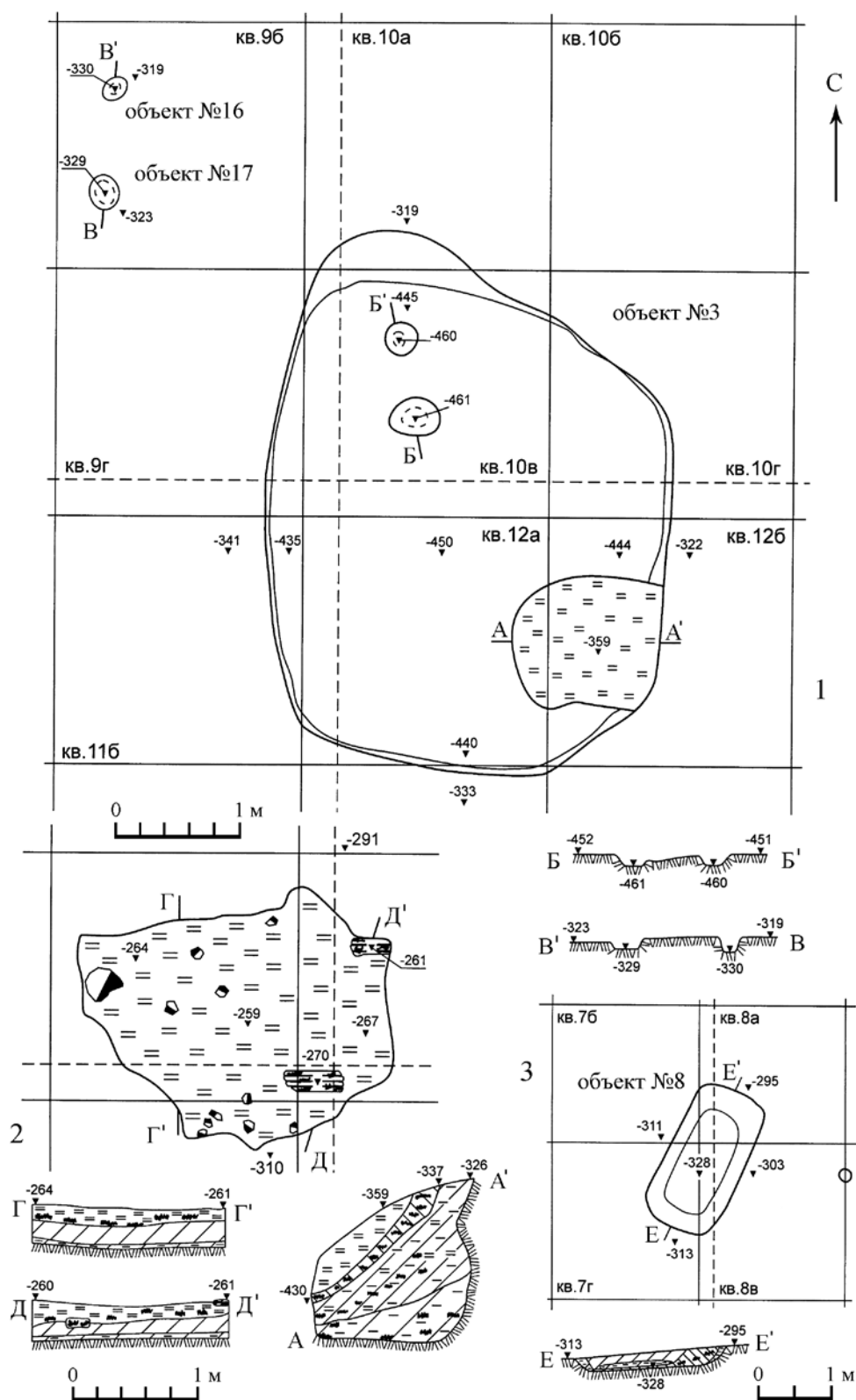

Рис. 11. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 3. Объекты и профили постройки крупным планом

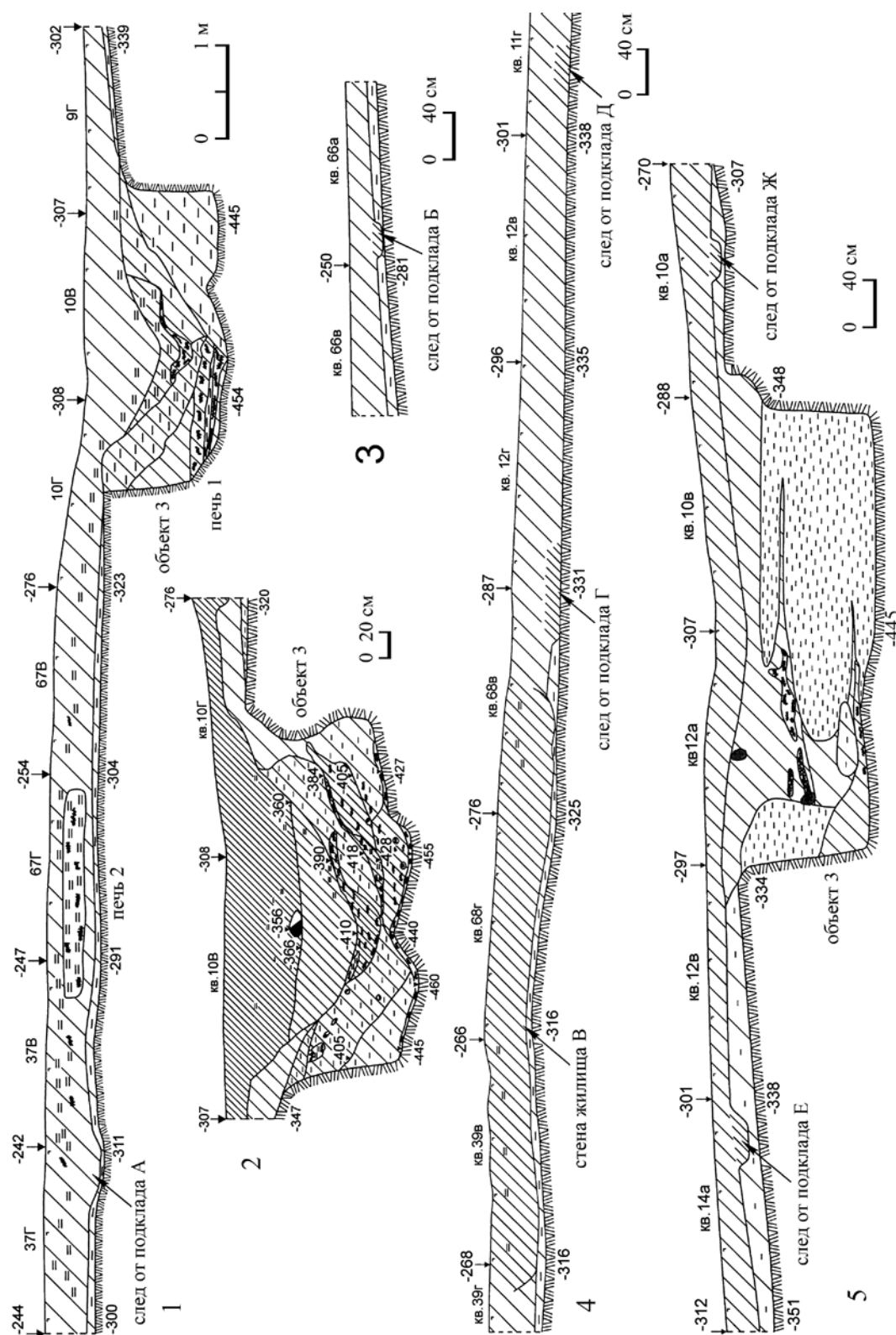

Рис. 12. Поселение Аргамач-Паль на 3. Постройка № 3. Профили подпольной ямы и наземной части

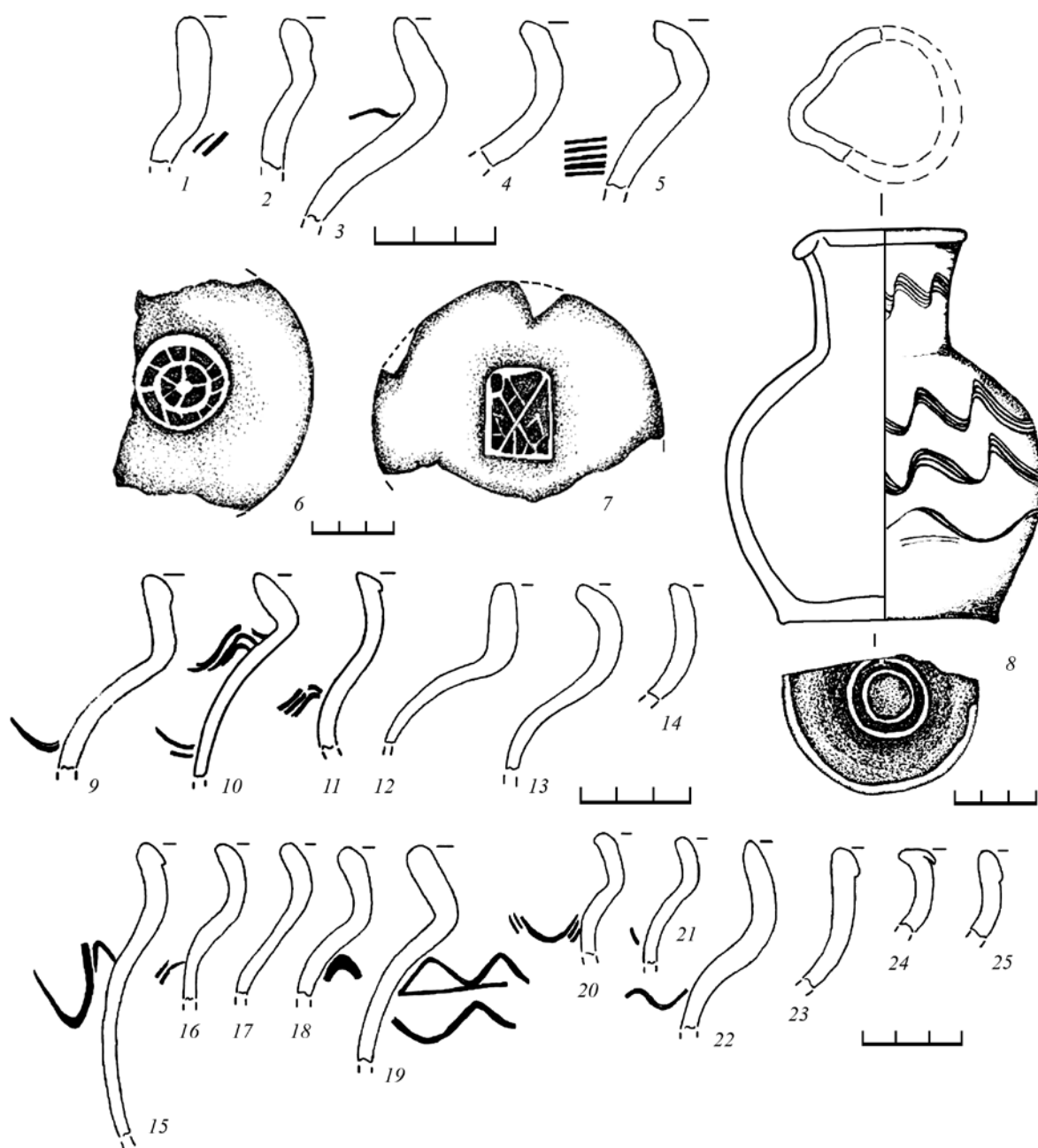

Рис. 13. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 3. Керамика

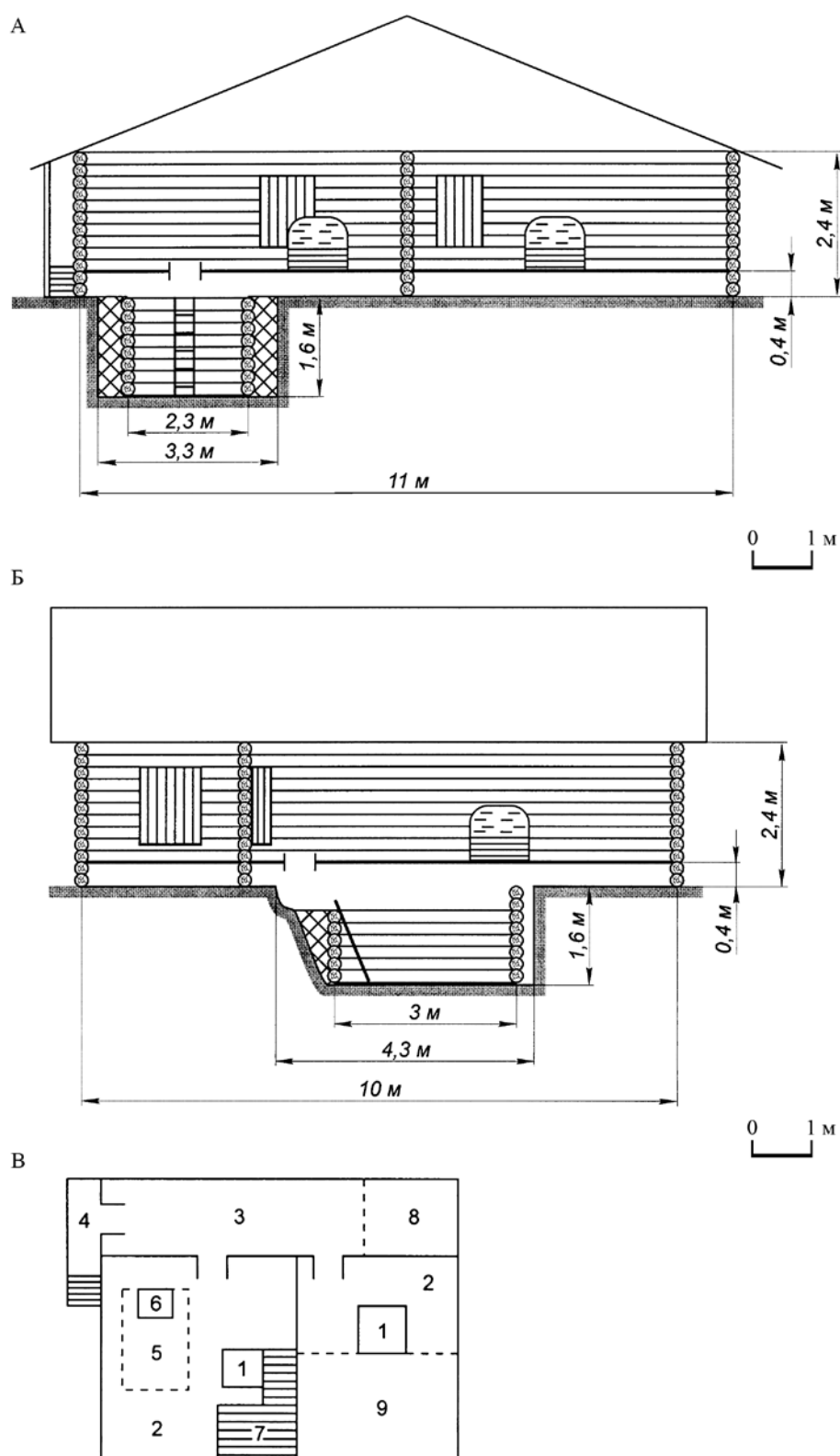

Рис. 14. Поселение Аргамач-Пальня 3. Реконструкция постройки № 3

1 – печь; 2 – изба; 3 – сени; 4 – крыльцо; 5 – подпол; 6 – вход в подпол; 7 – спальное место; 8 – кладовая; 9 – горница

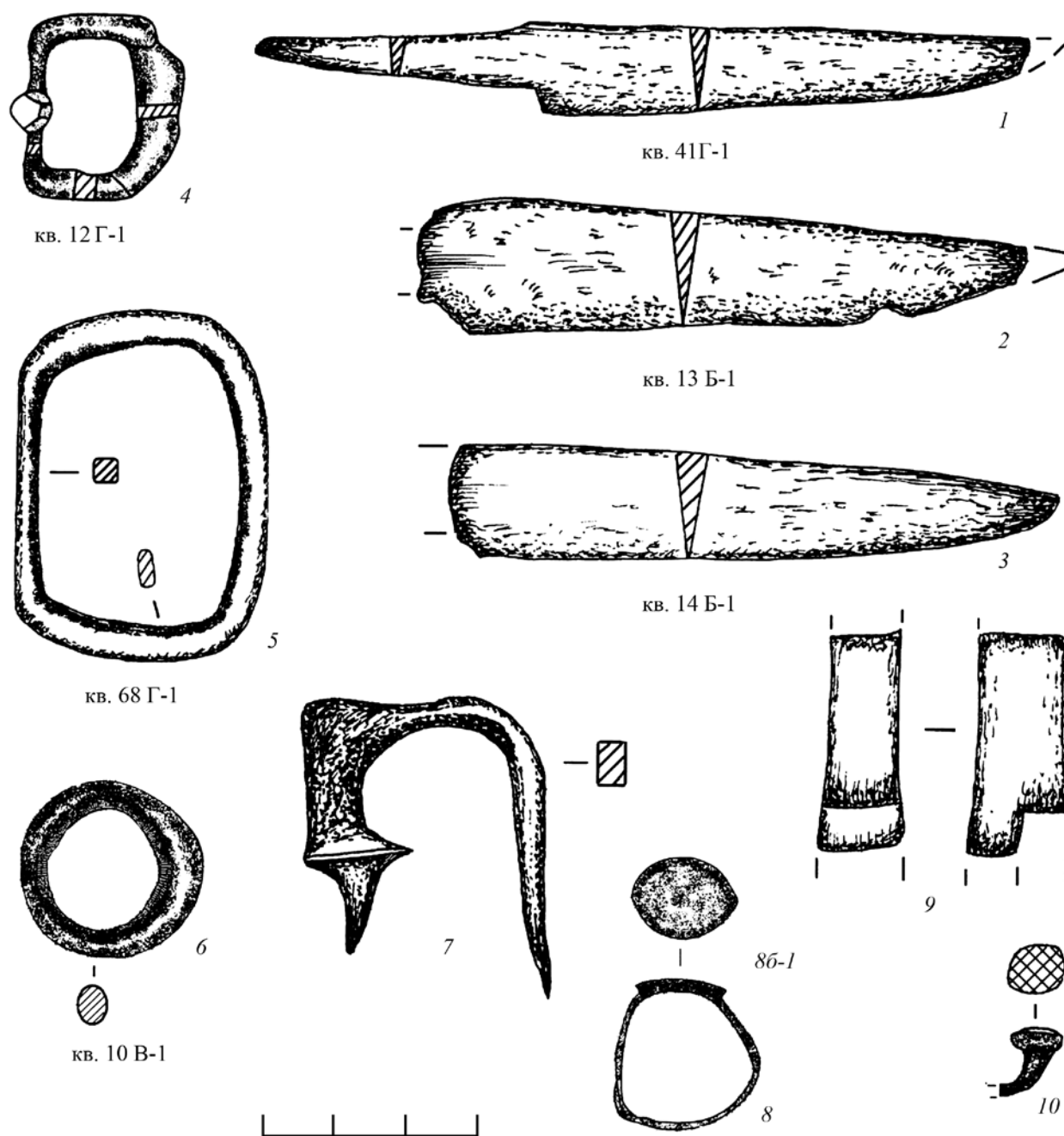

Рис. 15. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 3. Находки
1-7, 9, 10 – железо; 8 – бронза

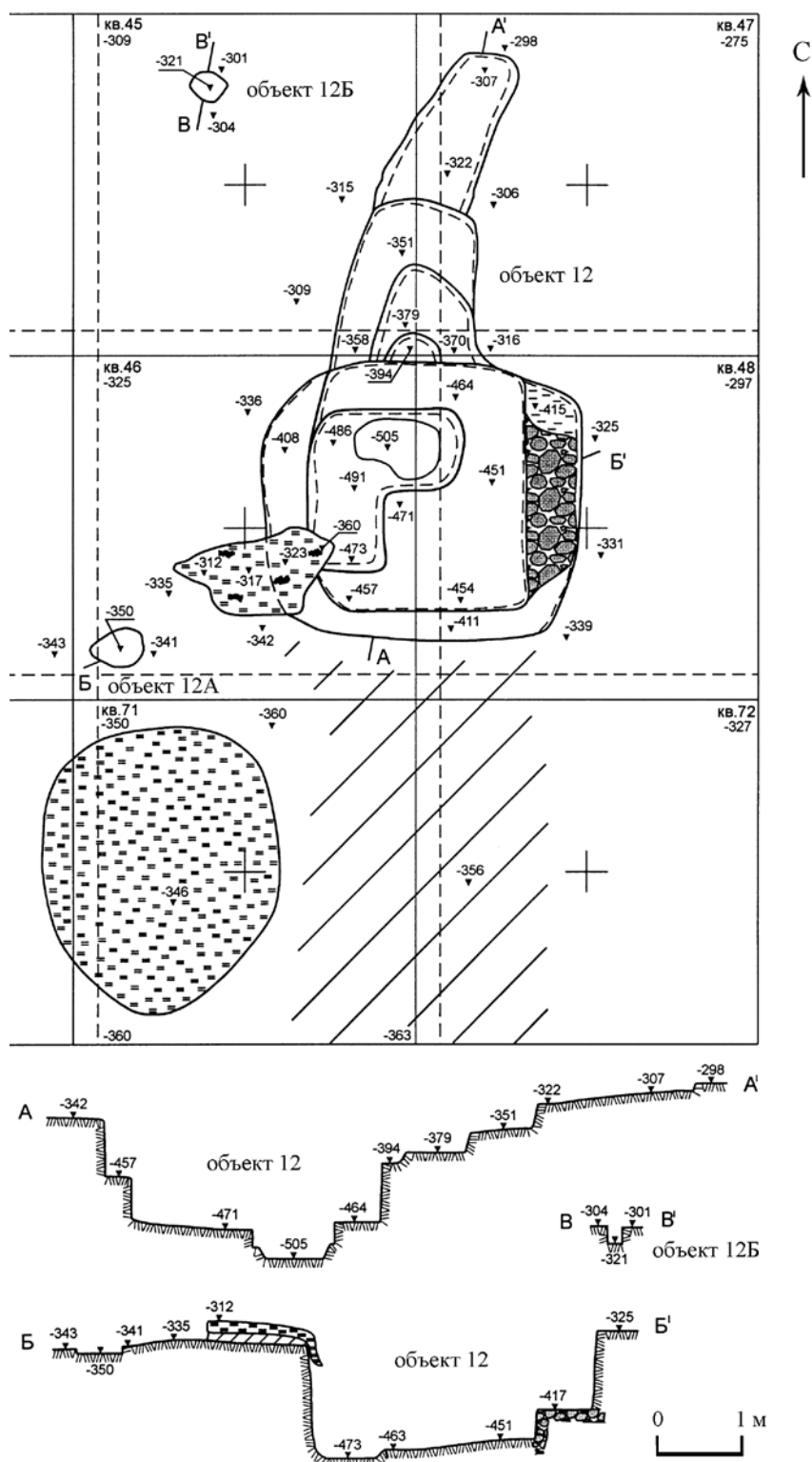

Рис. 16. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 4. Сводный план

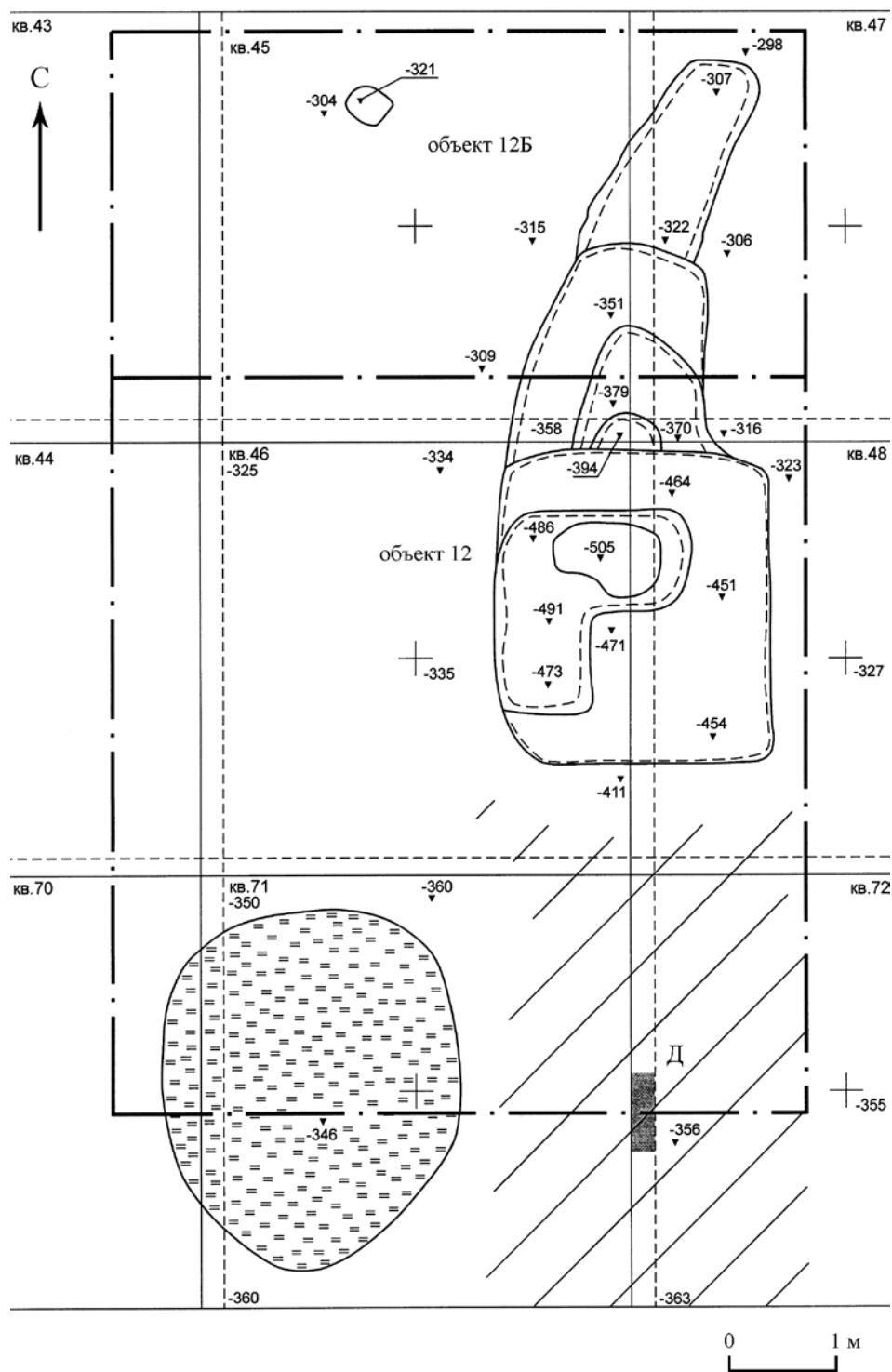

Рис. 17. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 4А. План

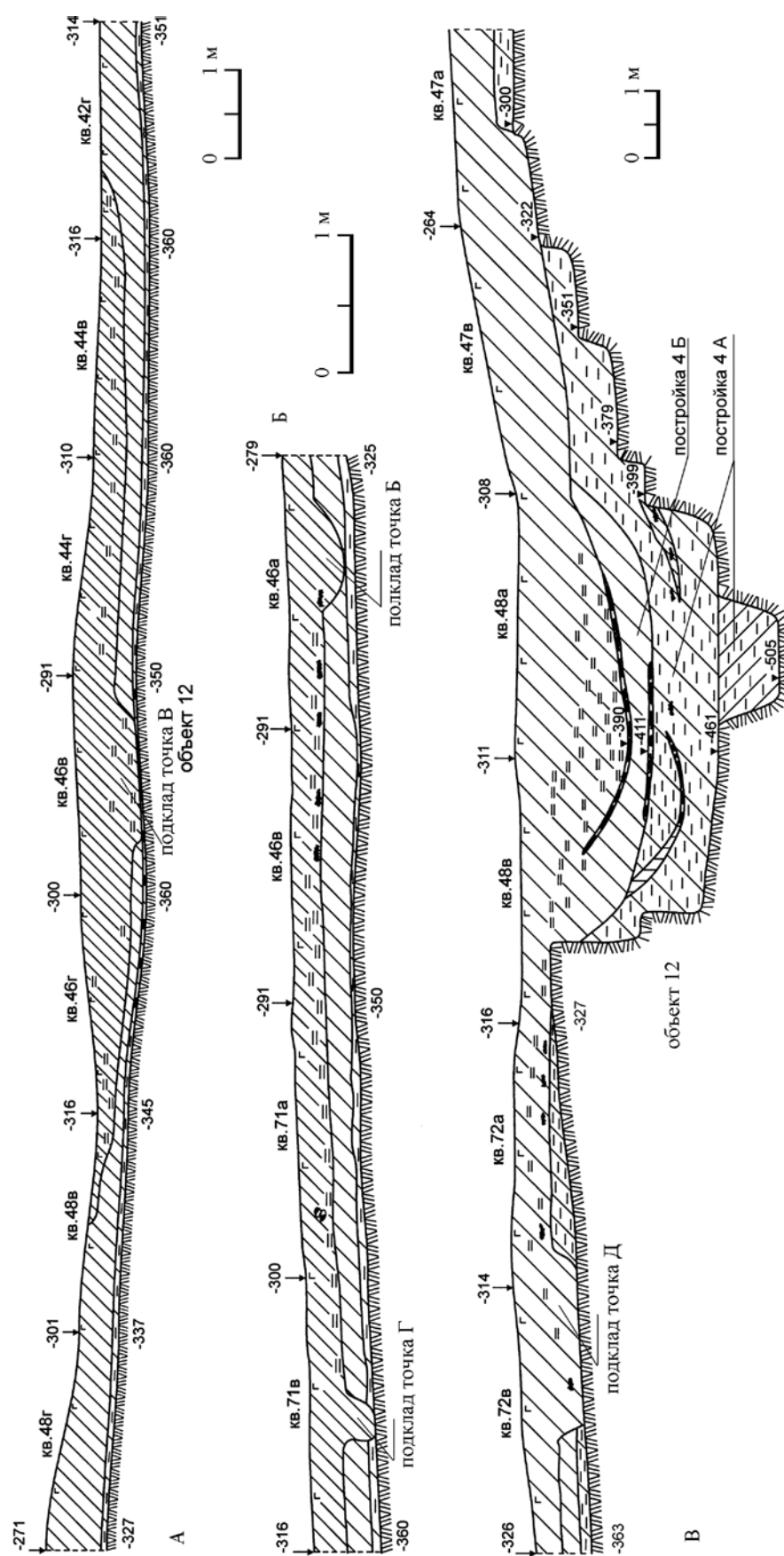
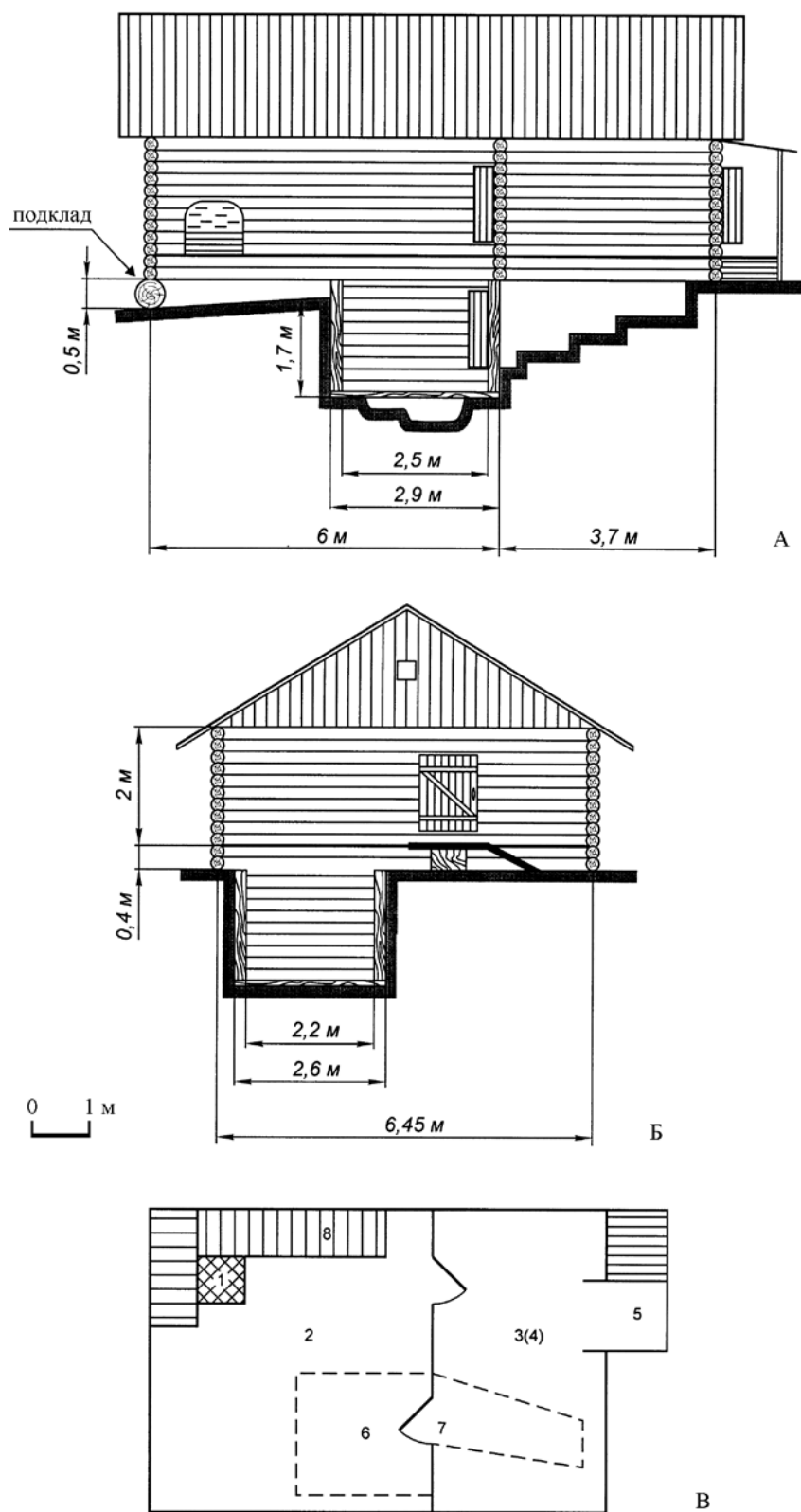

Рис. 18. Поселение Аргамач-Пальня 3. Постройка № 4. Профили

А – профиль 3-В, вид с севера; Б – профиль С-Ю, вид с востока; В – профиль С-Ю, вид с востока

Рис. 19. Реконструкция постройки № 4А. Первый вариант. Поселение Аргамач-Пальна 3
 1 – печь; 2 – изба; 3 – горница; 4 – сени; 5 – крыльцо; 6 – подпол; 7 – вход в подпол; 8 – спальное место.
 А – вид с востока; Б – вид с севера; В – план

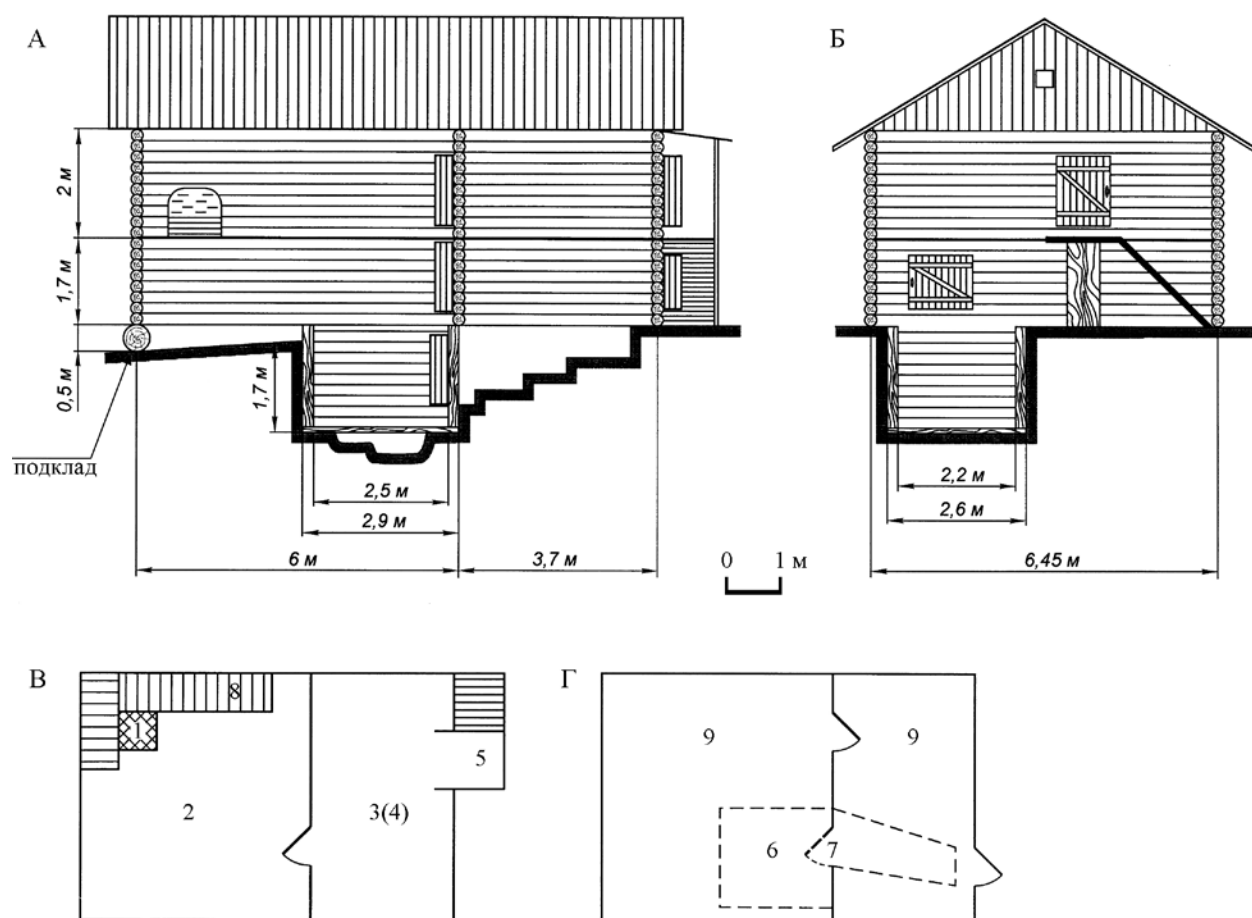

Рис. 20. Реконструкция постройки № 4А. Второй вариант. Поселение Аргамач-Пальна 3

1 – печь; 2 – изба; 3 – горница; 4 – сени; 5 – крыльцо; 6 – подпол; 7 – вход в подпол; 8 – спальное место; 9 – хозяйственное помещение. А – вид с востока; Б – вид с севера; В – план верхнего этажа; Г – план нижнего этажа

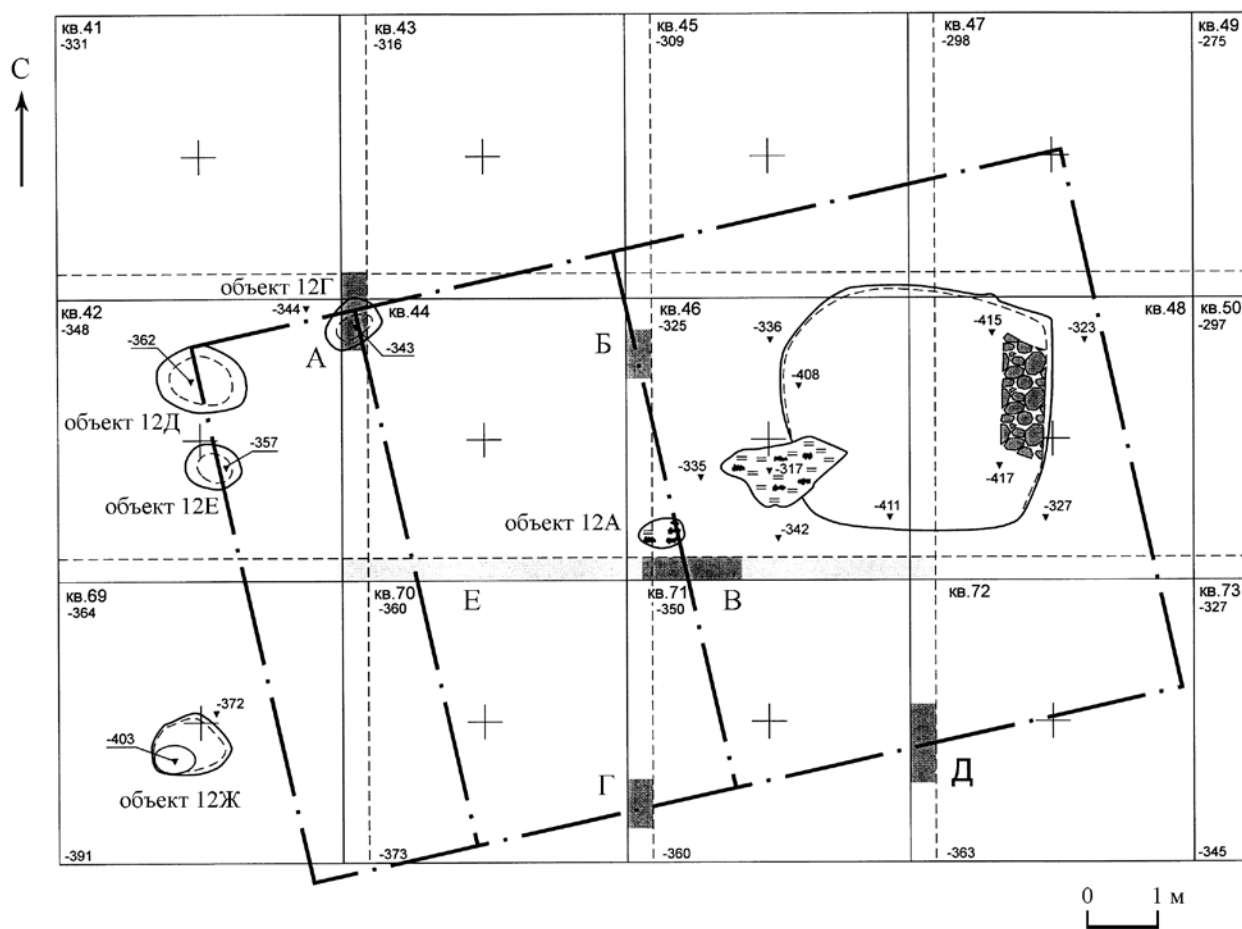

Рис. 21. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 4Б. План

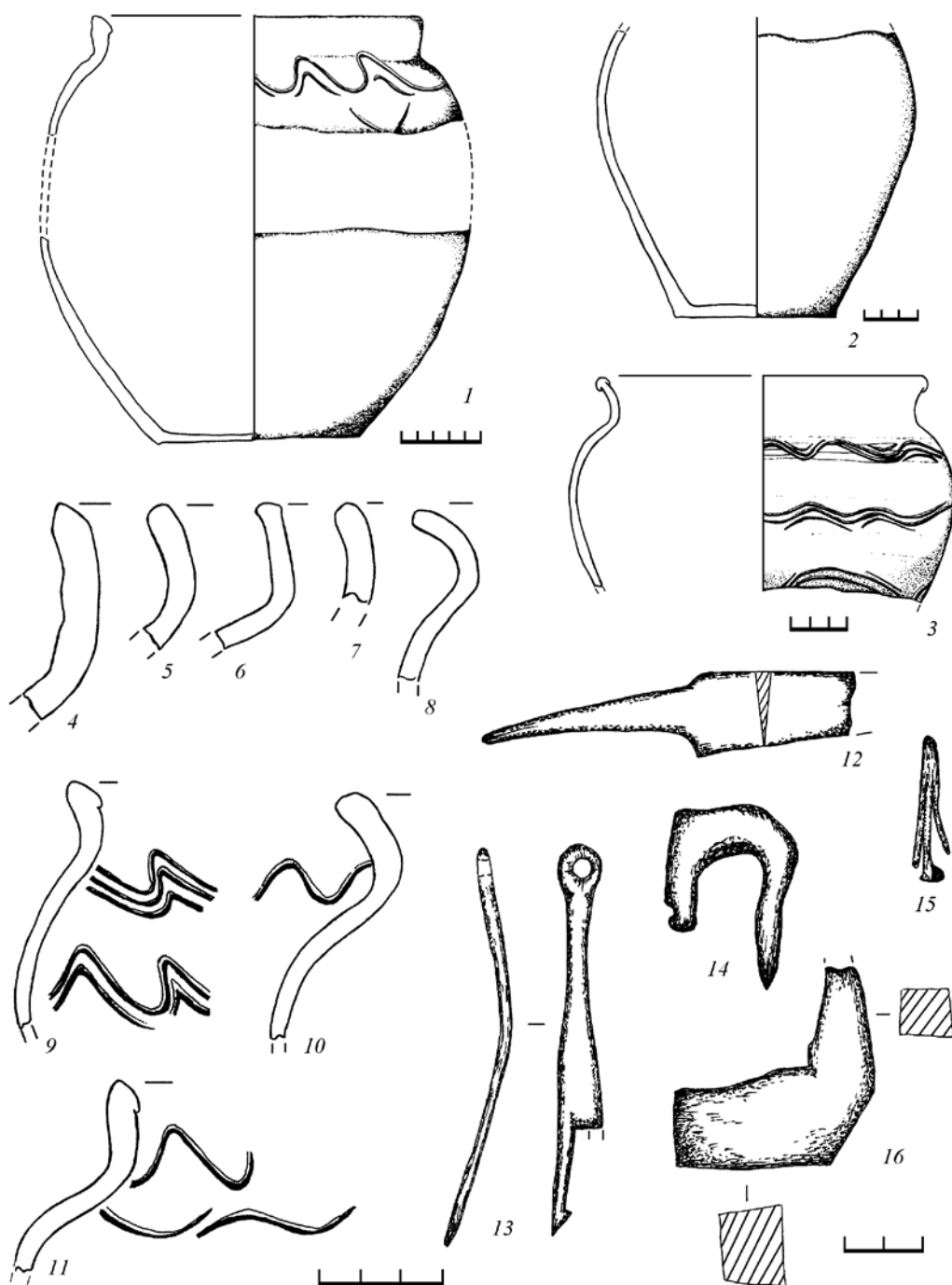

Рис. 22. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 4
1-11 – керамика; 12-16 – железо

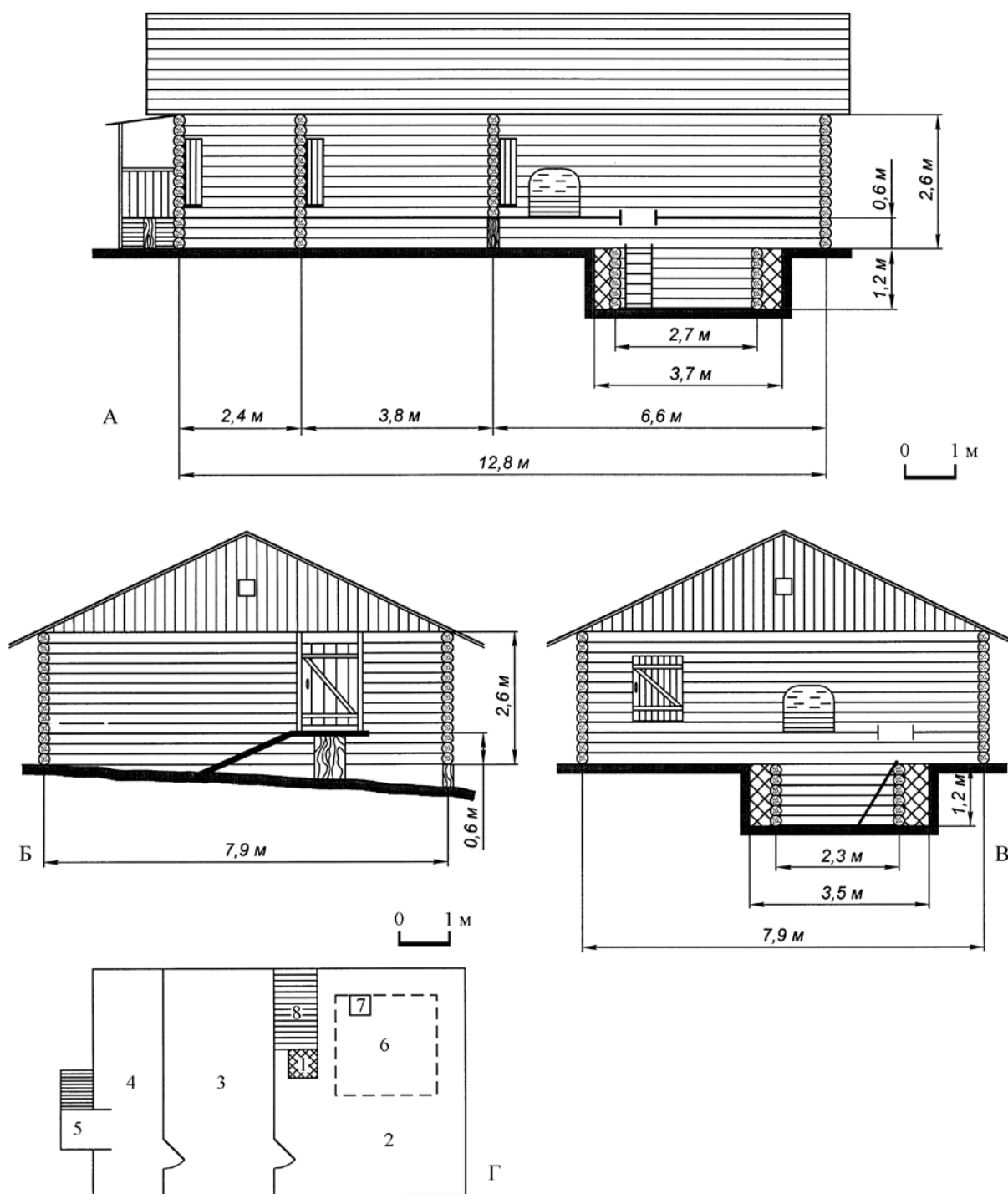

Рис. 23. Поселение Аргамач-Пальня 3. Реконструкция постройки № 4Б

1 – печь; 2 – изба; 3 – горница; 4 – сени; 5 – крыльцо; 6 – подпол; 7 – вход в подпол; 8 – спальное место.
А – вид с юга; Б – вид с запада; В – вид с востока; Г – план

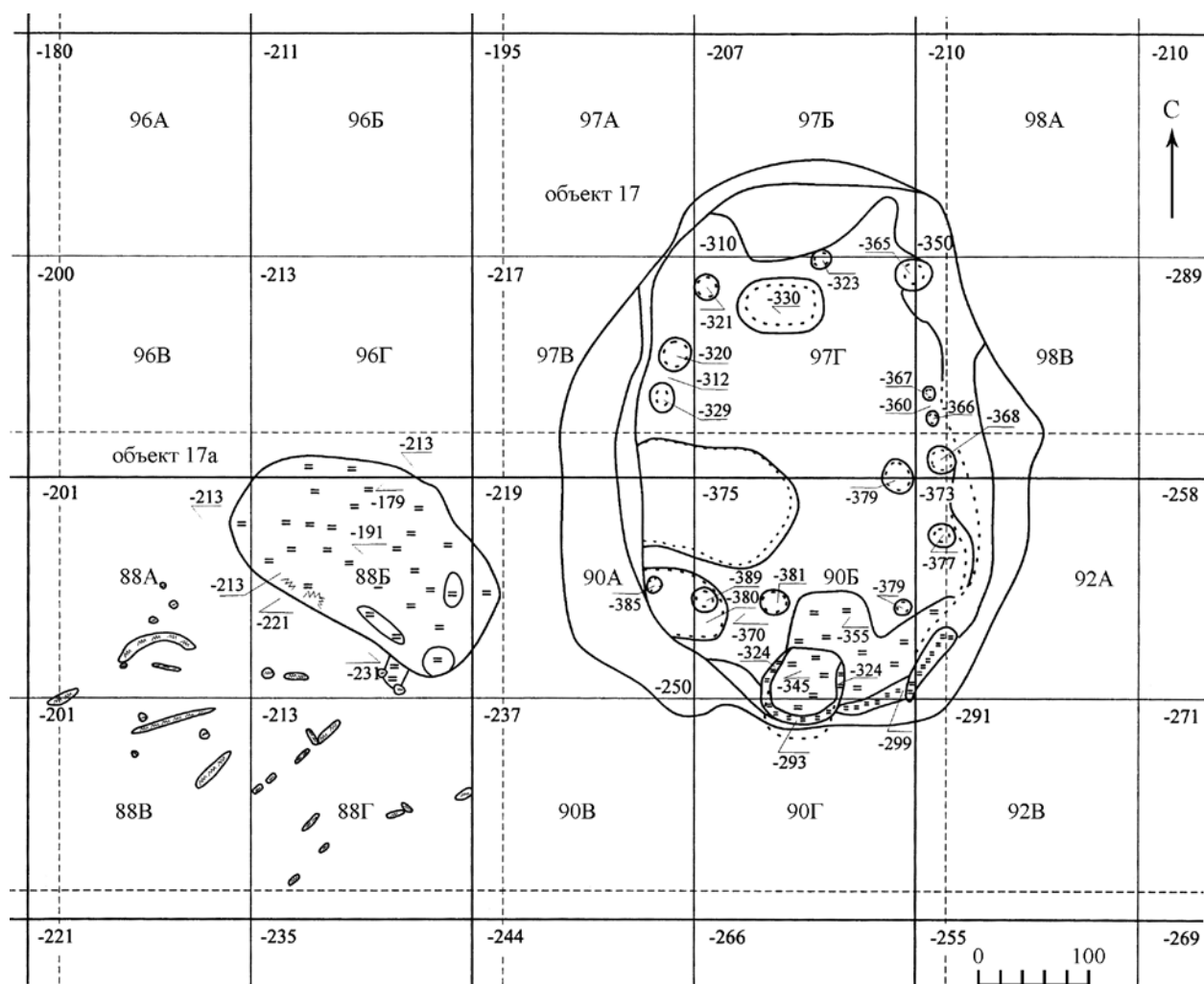

Рис. 24. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 10. Сводный план

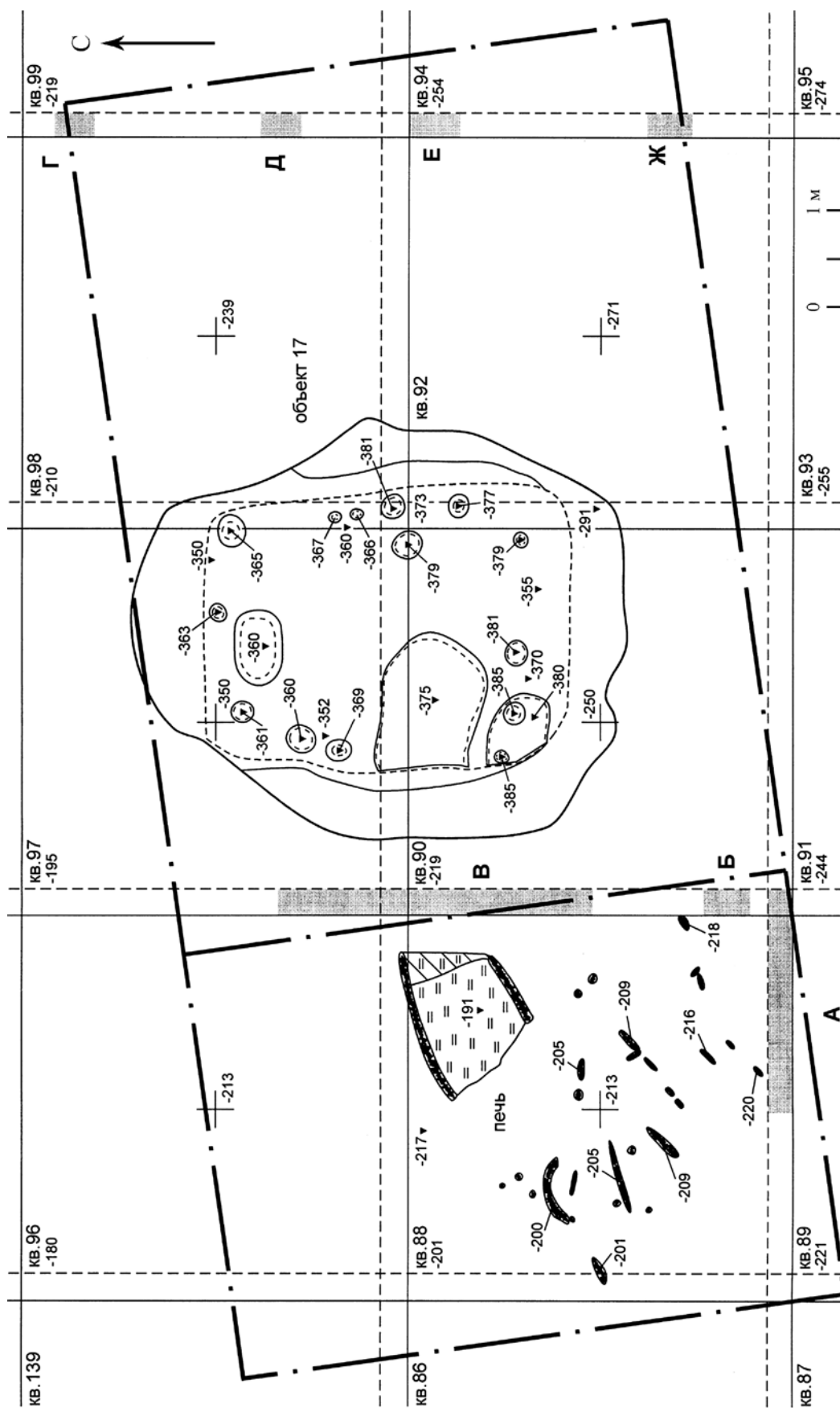
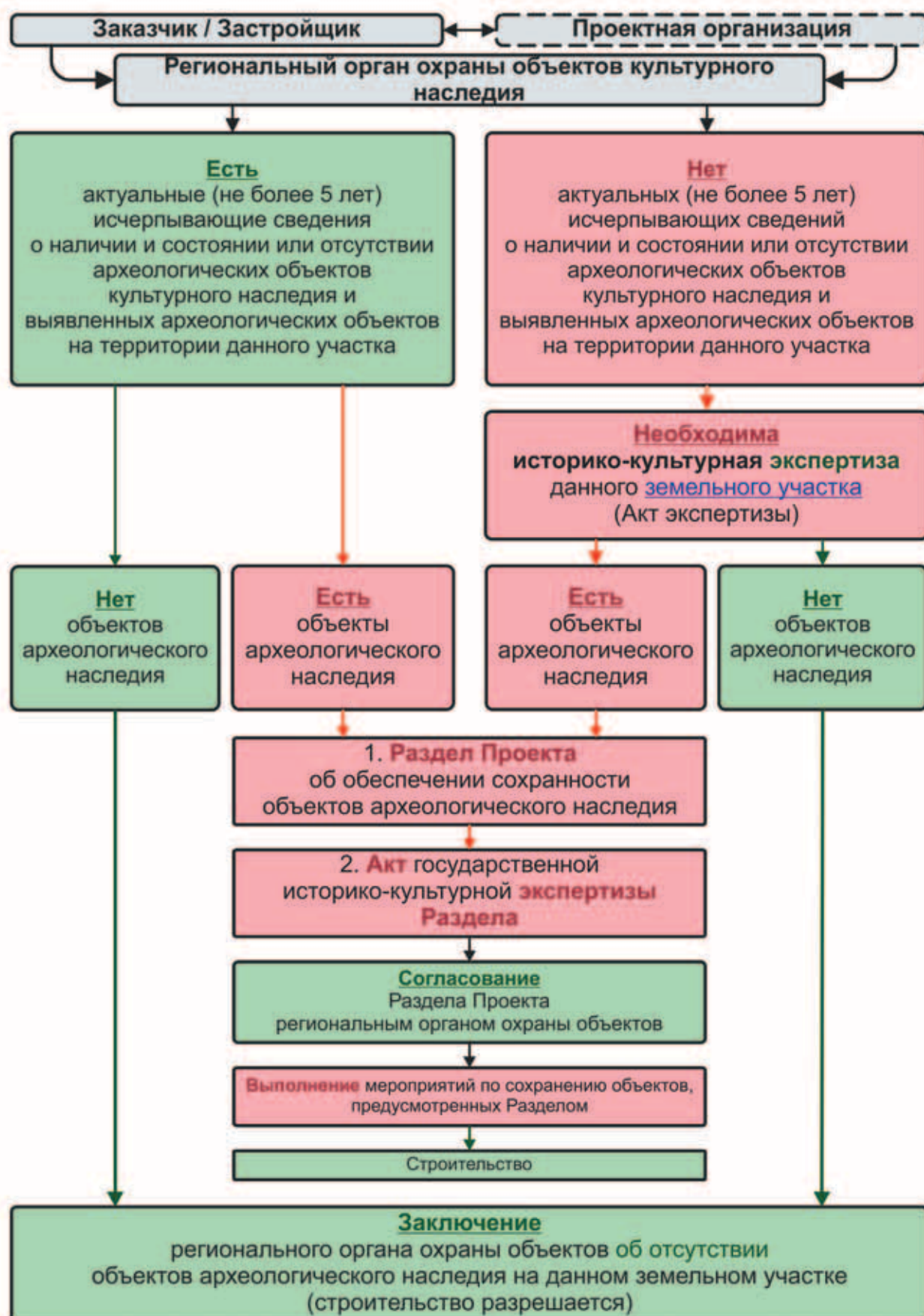
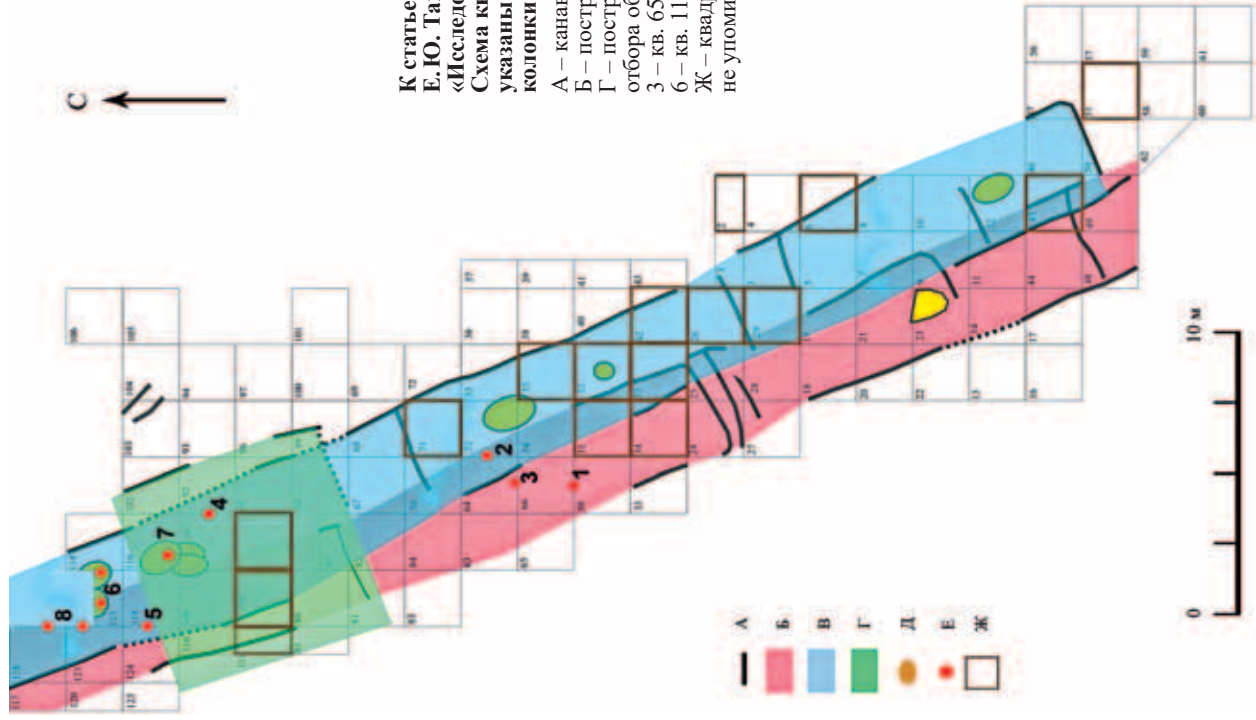

Рис. 25. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 10А. План

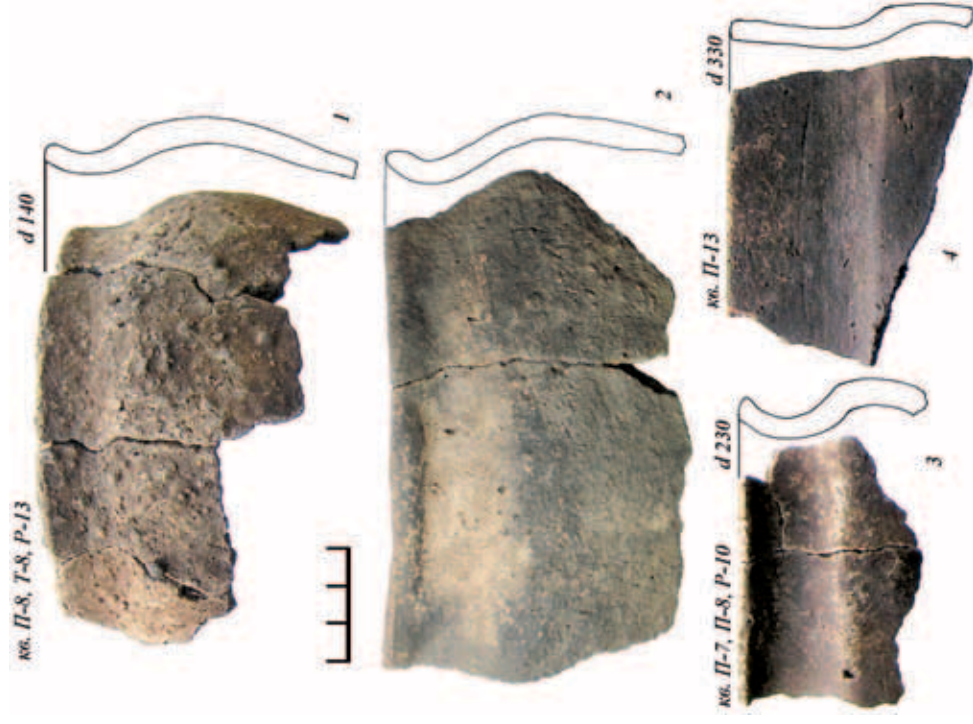

К статье А. В. Энговатовой, Н. Т. Колдаевой «Новое в Российском законодательстве...».
Рис. 1. Последовательность прохождения государственной историко-культурной экспертизы

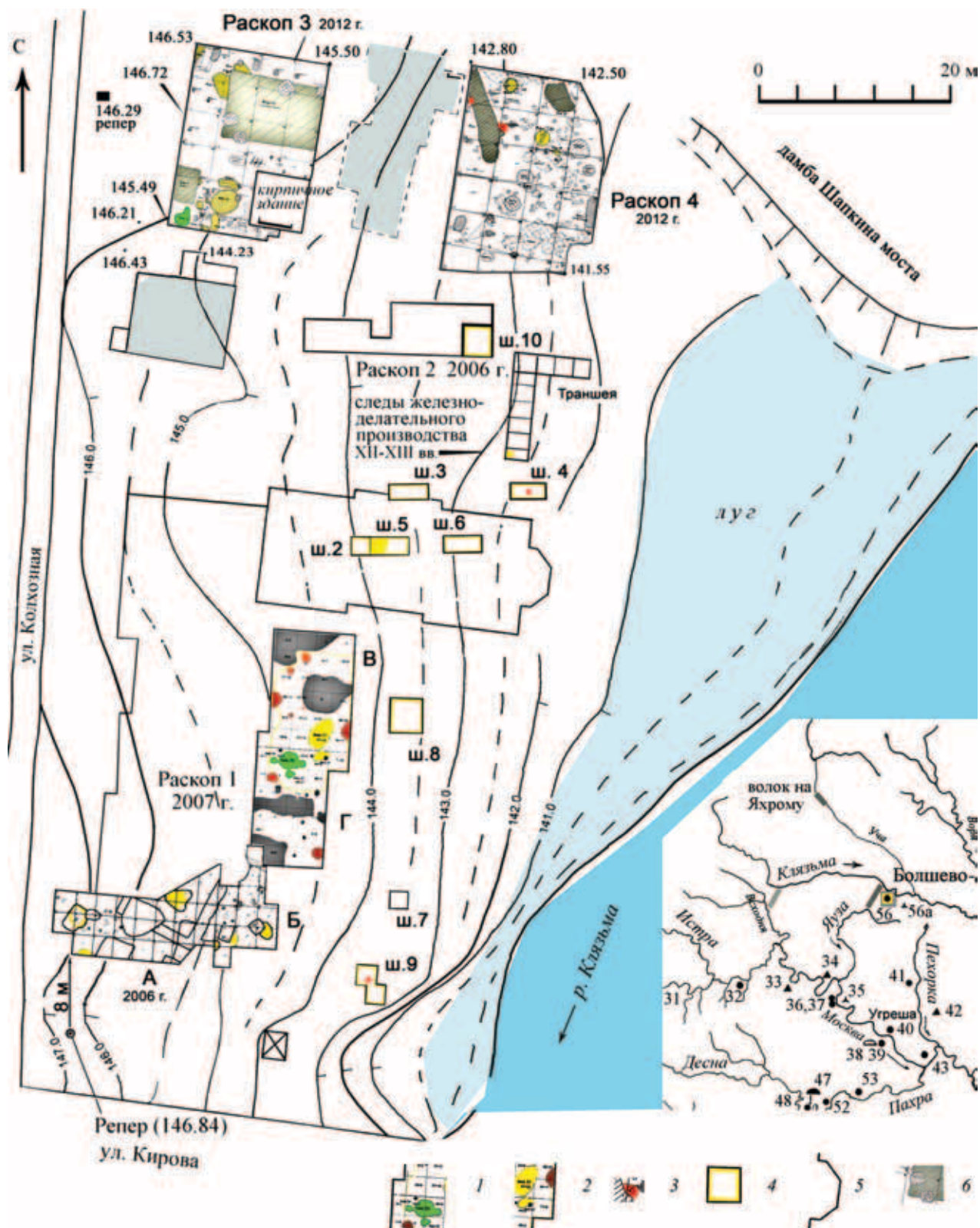

К статье А. А. Гольевой,
Е. Ю. Тавлинцевой, В. Ю. Ковалю
«Исследование жилища...», Рис. 1.
Схема квадратов раскопа У. Цветом
указаны квадраты, где отбирались
колонки образцов для исследований
А – канавки от стен построек А и Б;
Б – постройка А; В – постройка Б;
Г – постройка В; Д – очаги; Е – места
отбора образцов (1 – кв. 66; 2 – кв. 64;
3 – кв. 65/66; 4 – кв. 92; 5 – кв. 115;
6 – кв. 113; 7 – кв. 116; 8 – кв. 118 и 121);
Ж – квадраты отбора образцов,
не упоминаемые в статье

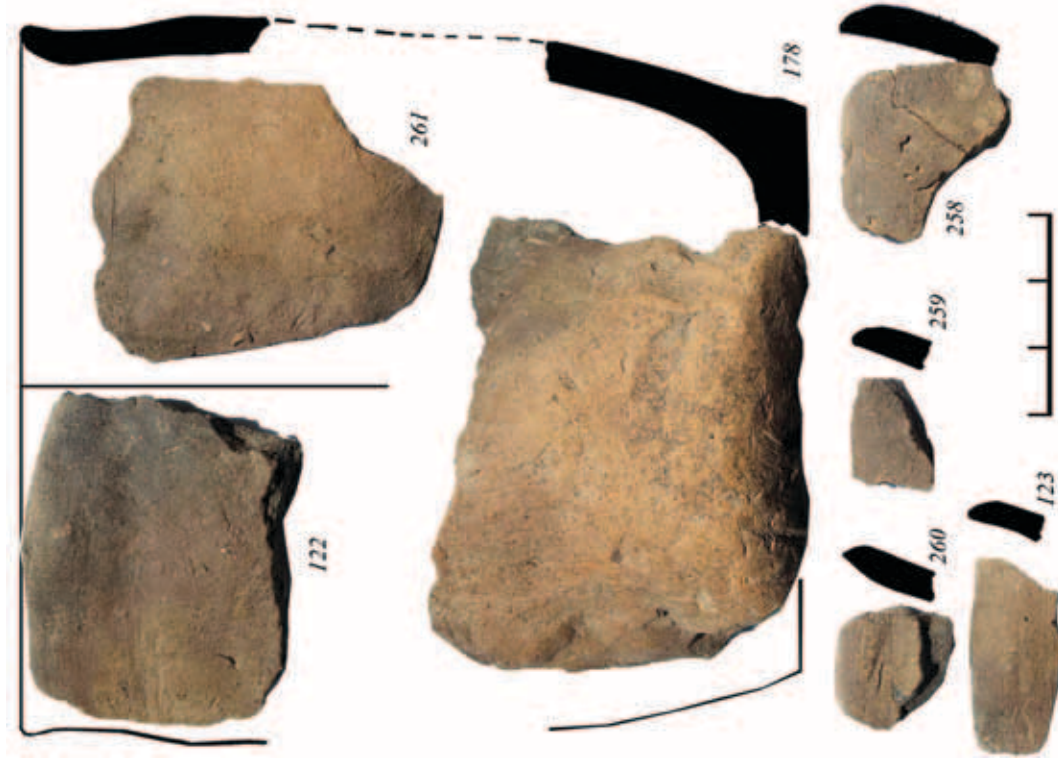

К статье Т. Н. Новоселовой, В. И. Вишневого, А. А. Гольевой
«Ратьковский раннесредневековый...», Рис. 5. Ратьковский
могильник. Фрагменты керамики. Пласт 3
1 – кв. П-8, Т-8, Р-13; 2 – кв. Т-6; 3 – кв. П-7, П-8, Р-10; 4 – кв. П-13

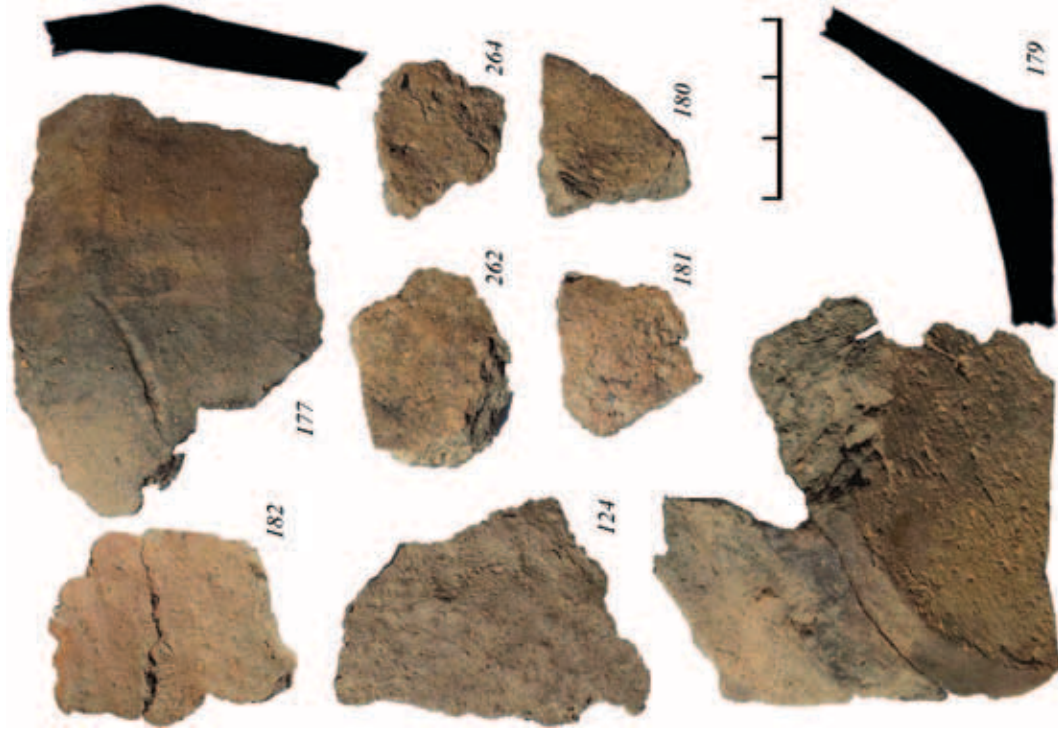

К статье С.З. Чернова «Болшево-3...». Рис. 1. Селище Болшево-3.
 Сводный план шурфов (2005 г.) и раскопов 1А 2 (2006 г.), 1Б, 1В, 1Г (2007 г.), 3 и 4 (2012 г.). (См. с. 79)

К статье С.З. Чернова «Болшево-3...». Рис. 15. Болшево-3. Раскоп 3.
Яма 6. Лепная керамика: баночный сосуд с вертикально стоящим
венчиком (№ 122, 178, 261) и отдельные венчики

К статье С.З. Чернова «Болшево-3...». Рис. 16. Болшево-3. Раскоп 3.
Яма 6. Лепная керамика ладожского типа с ребром по плечу (№ 177),
донце и стенки

К статье Е. К. Столяровой «Стеклянные украшения...».
Рис. 2. Стеклянные браслеты селища Мякинино 1 (см. с. 160)

К статье Е. К. Столяровой «Стеклянные украшения...».
Рис. 4. Стеклянные бусы селища Мякинино 1 (см. с. 164)

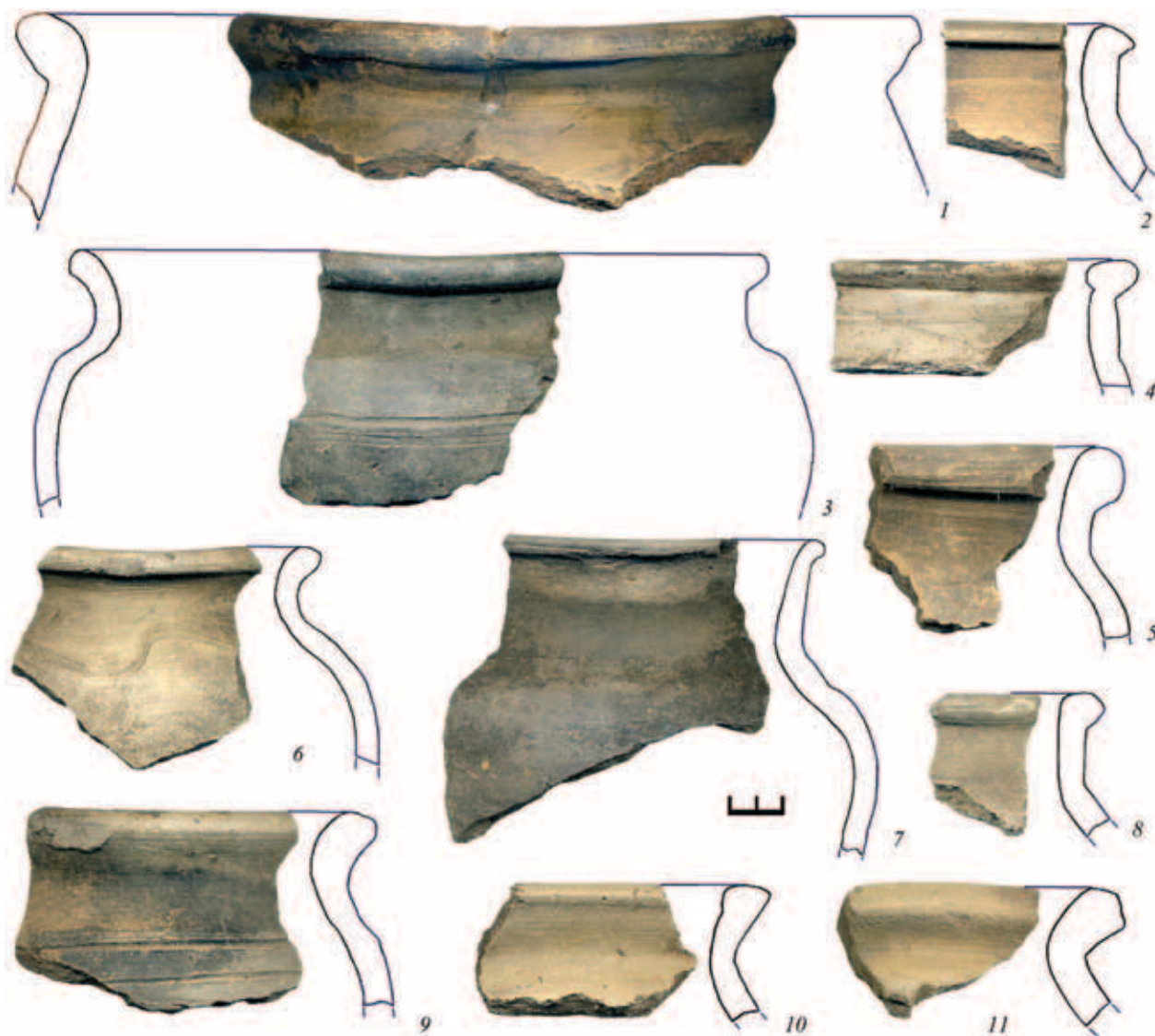

К статье С. И. Андреева «Поселение Екатериновка-3...».

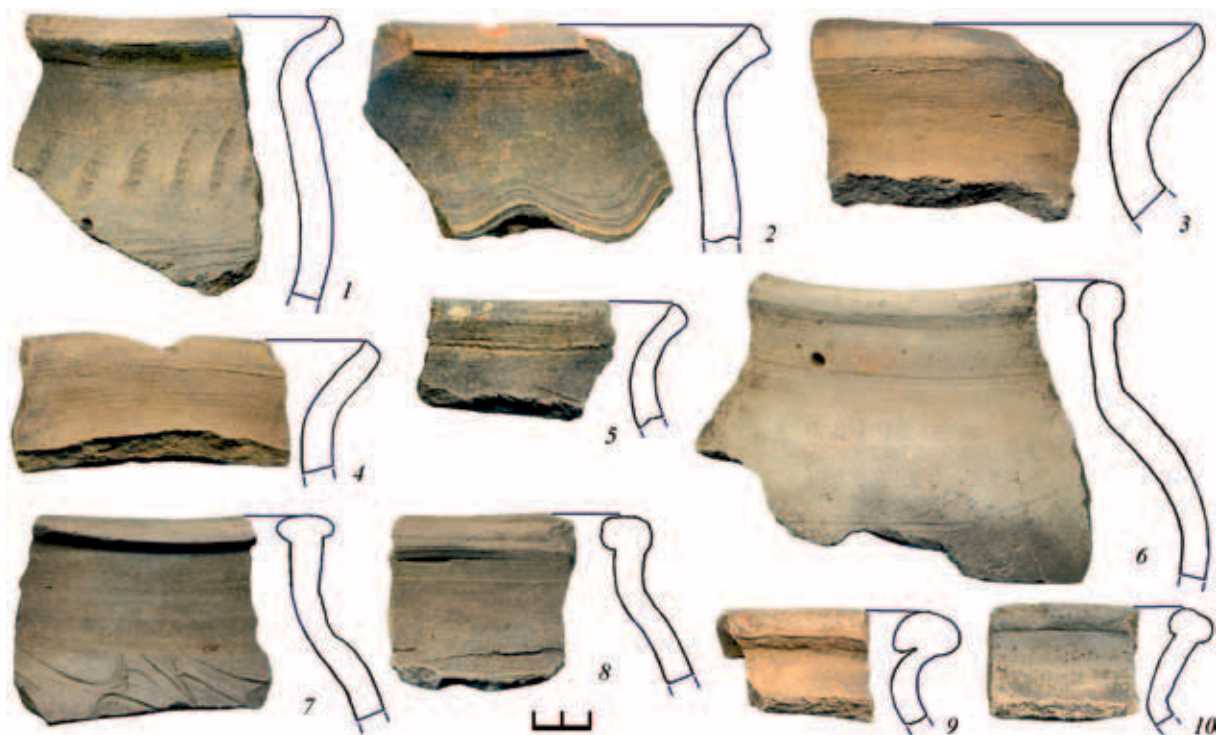
Рис. 5. Поселение Екатериновка 3. Находки из заполнения ямы 3

1 – перстень; 2 – ключ; 3 – обломок светца; 4 – пряслице; 5–22 – фр-ты лепной и круговой керамической посуды.
1 – медный сплав; 2, 3 – железо; 4 – глина; 5–7 – фр-ты лепной посуды; 8–22 – фр-ты круговой посуды

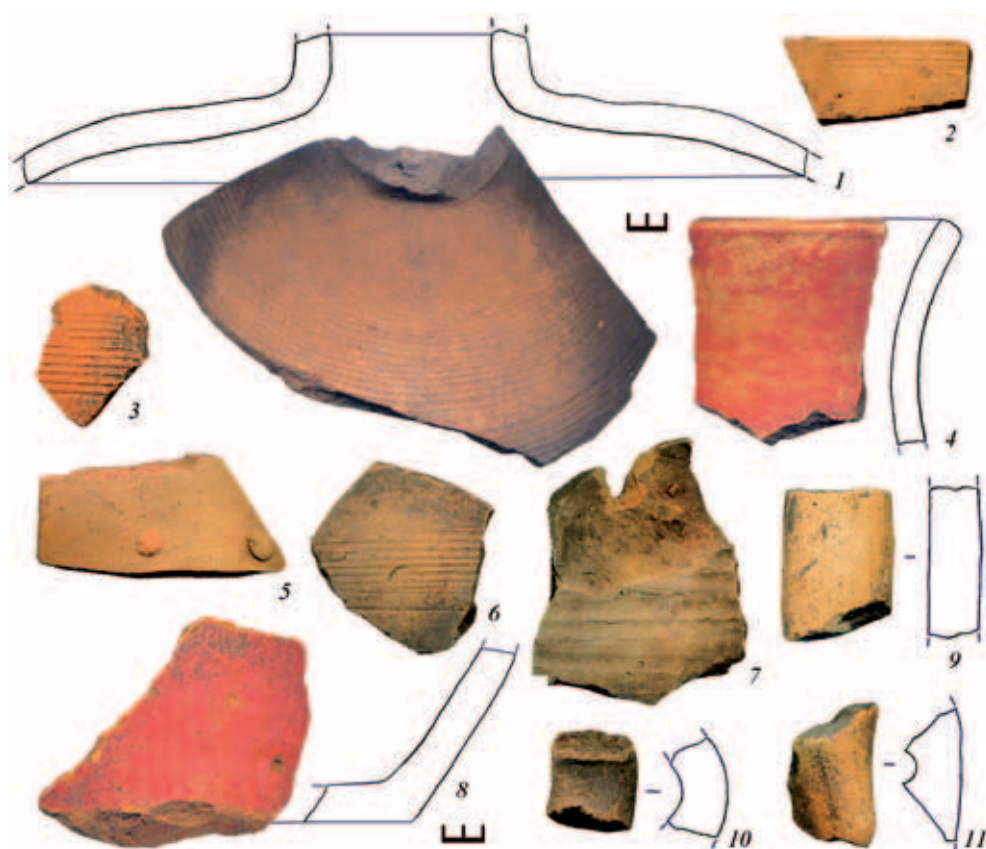

К статье С. И. Андреева «Поселение Екатериновка-3...».
 Рис. 20. Поселение Екатериновка 3. Фрагменты круговой древнерусской керамики из слоя. Тип III

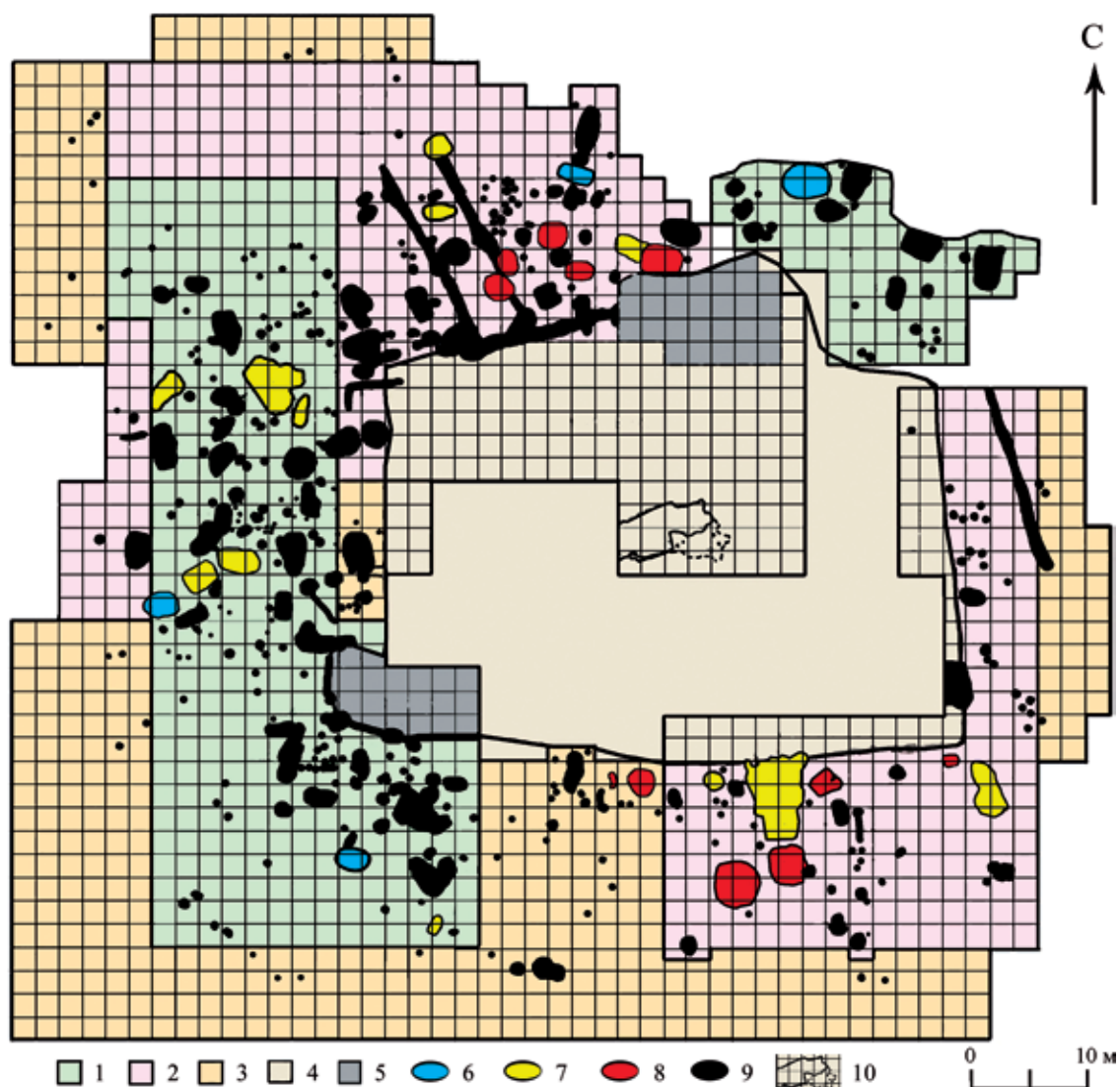
К статье С.И. Андреева «Поселение Екатериновка-3...». Рис. 22. Поселение Екатериновка 3.
Фрагменты круговой древнерусской керамики из слоя. Типы V и VI
1–5 – тип V; 6–10 – тип VI

К статье С.И. Андреева «Поселение Екатериновка-3...». Рис. 24. Поселение Екатериновка 3.
Фрагменты круговой импортной посуды из слоя

К статье М.И. Гоняного и др. «К вопросу о топографии...».

Рис. 2. Сводный план раскопов 2006–2008 гг. погоста у села Рождественно

1 – раскоп 2006 г.; 2 – раскоп 2007 г.; 3 – раскоп 2008 г.; 4 – исследованная часть могильника; 5 – законсервированная часть могильника; 6 – ямы, датированные XV в.; 7 – ямы, датированные концом XV – первой третью XVI в.; 8 – ямы, датированные второй третью XVI в.; 9 – ямы, траншеи и канавы, датированные по незначительному материалу в пределах XV–XVI вв.; 10 – контуры пятна храма (часовни), выявленного на уровне зачистки основания пахотного горизонта

К статье Ю. А. Лихтер, А. Ю. Балашова, А. К. Пономаренко «Погребения со слезницами».

Рис. 4. Стекланные сосуды-слезницы

1 – погребение 2 (№ 15); 2 – погребение 9 (№ 16); 3 – погребение 10 (№ 21)

К статье В. Ю. Коваля «Керамика из раскопок...». Рис. 6. Полувинная русская керамика
 1 – край чаши (№ 647); 2 – ножка сосуда (№ 1476); 3 – стенка кувшины (№ 169); 4 – елейницы
 обломок (№ 865); 5 – кувшина обломок (№ 577); 6 – пряслице белоглиняное (№ 360); 7 – пряслице
 красноглиняное (№ 977); 8 – чаши край (№ 928); 9 – чаши дно (№ 1095); 10 – водолея обломок (№ 363)

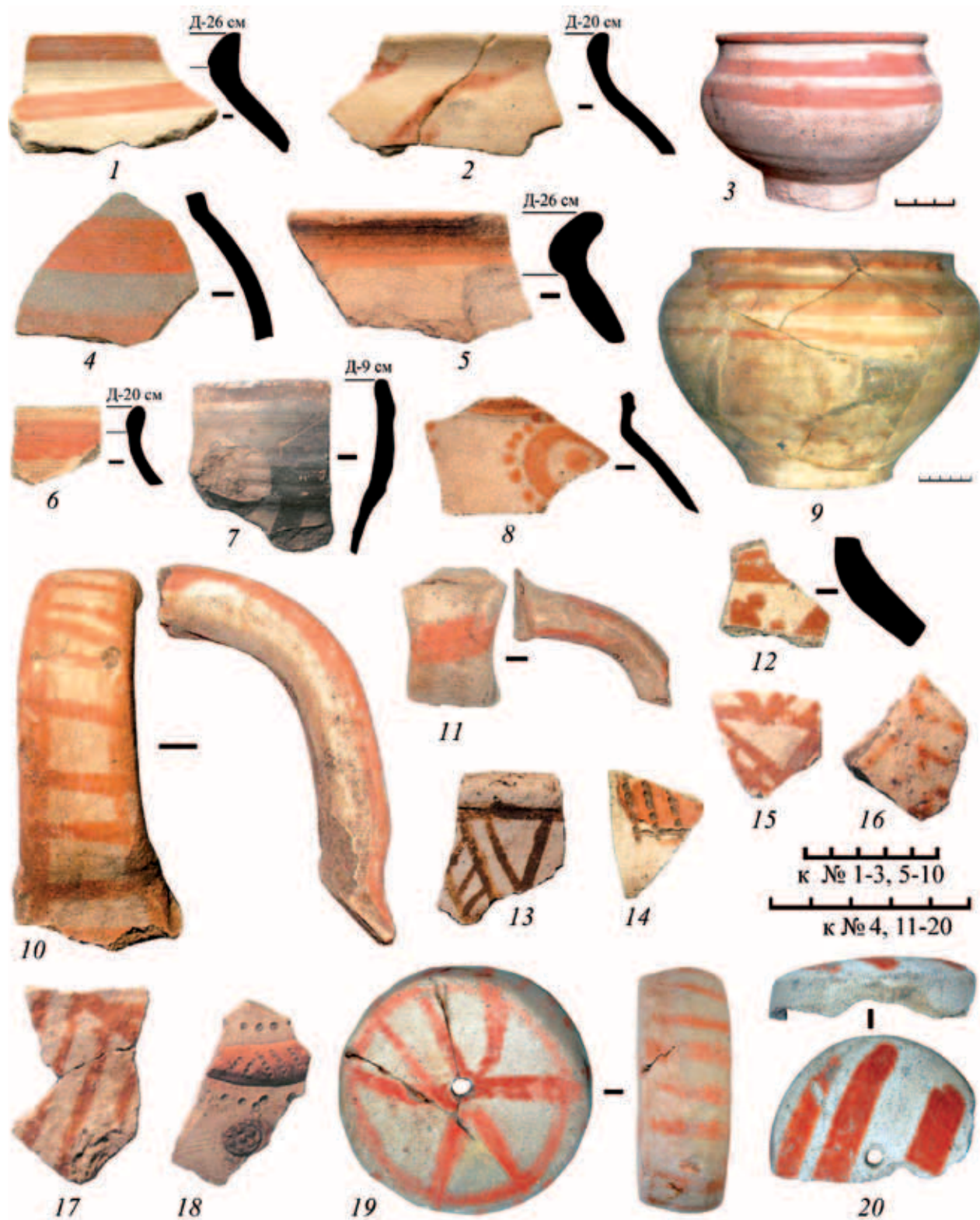

К статье В. Ю. Коваля «Керамика из раскопок...». Рис. 9. Красноглиняные
 белоангобированные игрушечки-лошадки (2–6 – расписные) (№ 483, 584, 670,
 557, 1553, 536)

К статье Н. Н. Малышевой, А. А. Полюляха, Т. Г. Сарачевой «Результаты натурного исследования...». Рис. 5.
Кувшин-голосник из церкви Трех Патриархов Константинопольских Покровского собора

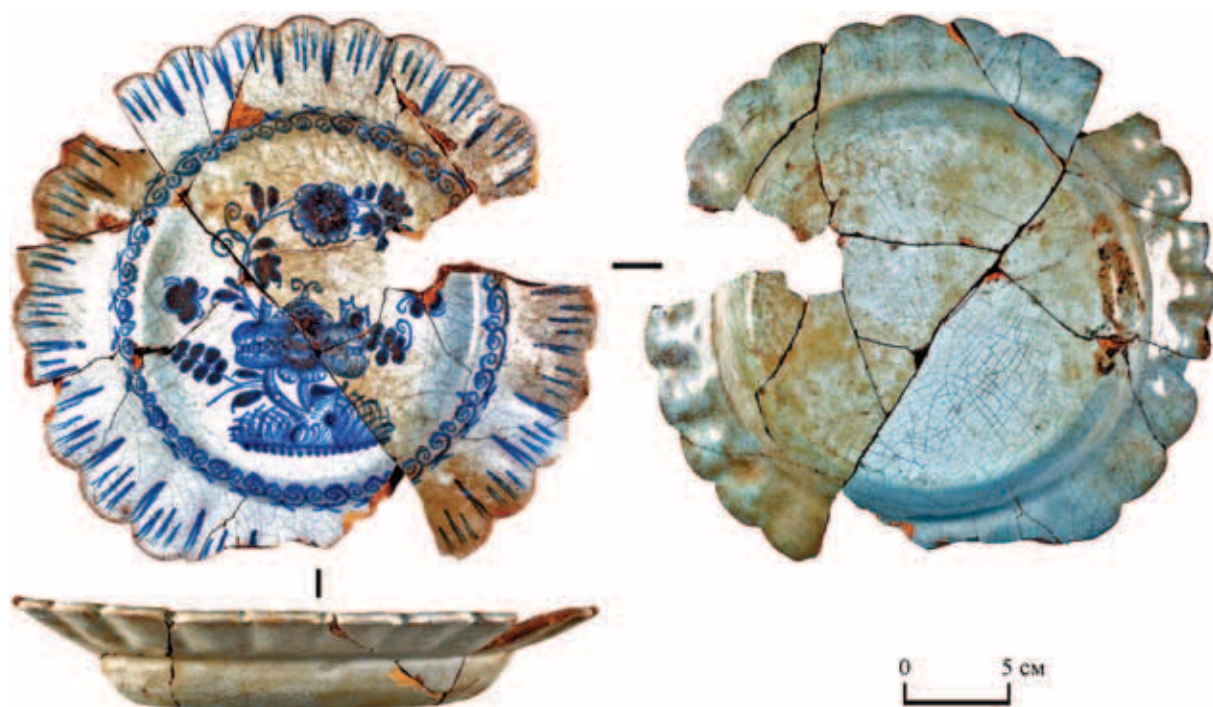

К статье А.А. Полюляха «Археологические исследования в селе Гжель...».
 Рис. 1. Белоглиняные расписные горшки (1–6, 9), кувшины (10–18) и игрушки-погремушки (19–20). (См. с. 453)

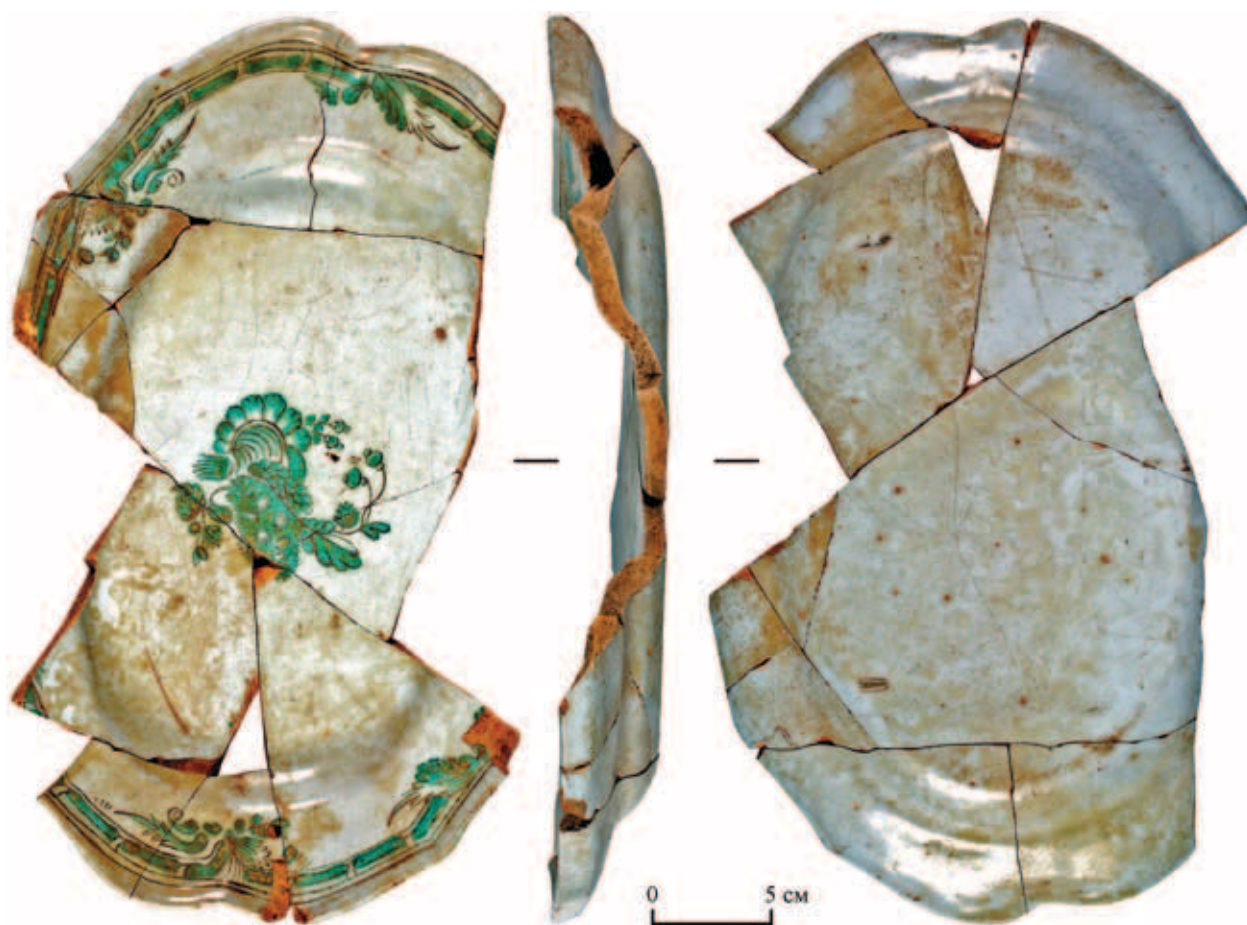

К статье О. Н. Глазуновой, С. В. Малыха «Звенигородская печь...».
Рис. 2. Изразцы-эмблематы из раскопок и наблюдений

К статье В. А. Берковича, А. А. Полюляха «Посуда завода Гребенчиковых...».
Рис. 3. Майоликовая тарелка, найденная в Вознесенском переулке

К статье В. А. Берковича, А. А. Полюляха «Посуда завода Гребенчиковых...».
Рис. 6. Майоликовое блюдо, найденное в Вознесенском переулке

К статье Л. И. Федоровой, В. А. Ткаченко, В. В. Федорова «Калужские керамические дудки...».

Рис. 2. Керамические трубки с раструбом из Калуги

а, б – керамическая дудка с раструбом и фр-т (ул. Степана Разина, д. 126);
в – фр-т керамической дудки с раструбом (ул. Берендяковская)

К статье А. С. Сыроватко, А. А. Гольевой «О следах древней распашки...». Рис. 7. Культурный слой под аллювием в западной части южной стенки р. 8 2016 г. В погребенном аллювию слое заметна более светлая прослойка, разделяющая пашню на подгоризонты. В правой части снимка следы отбора палинологических образцов

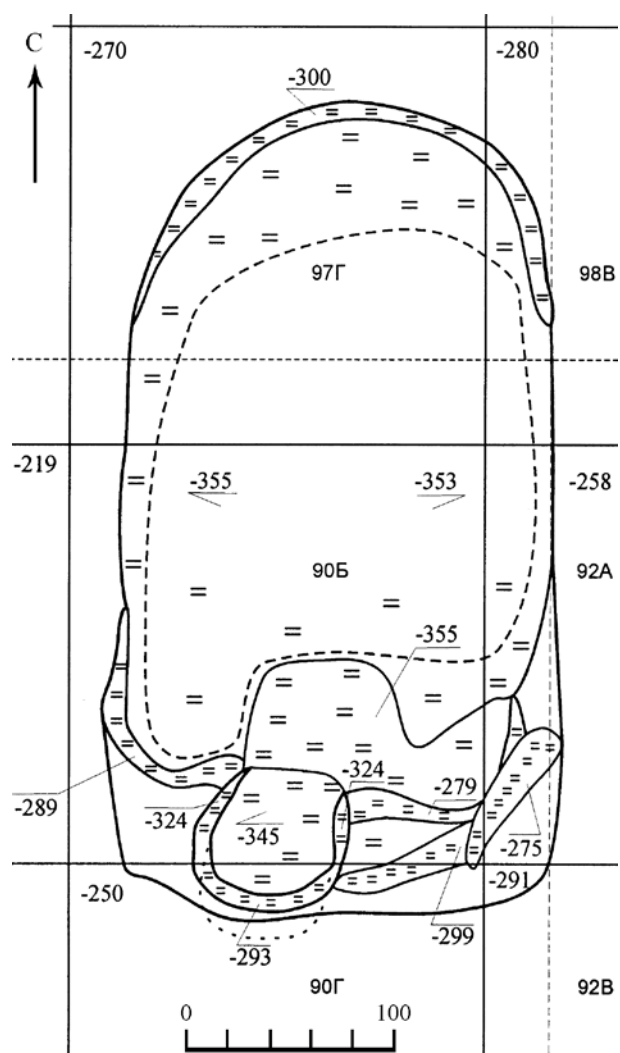

Рис. 26. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 10Б. План

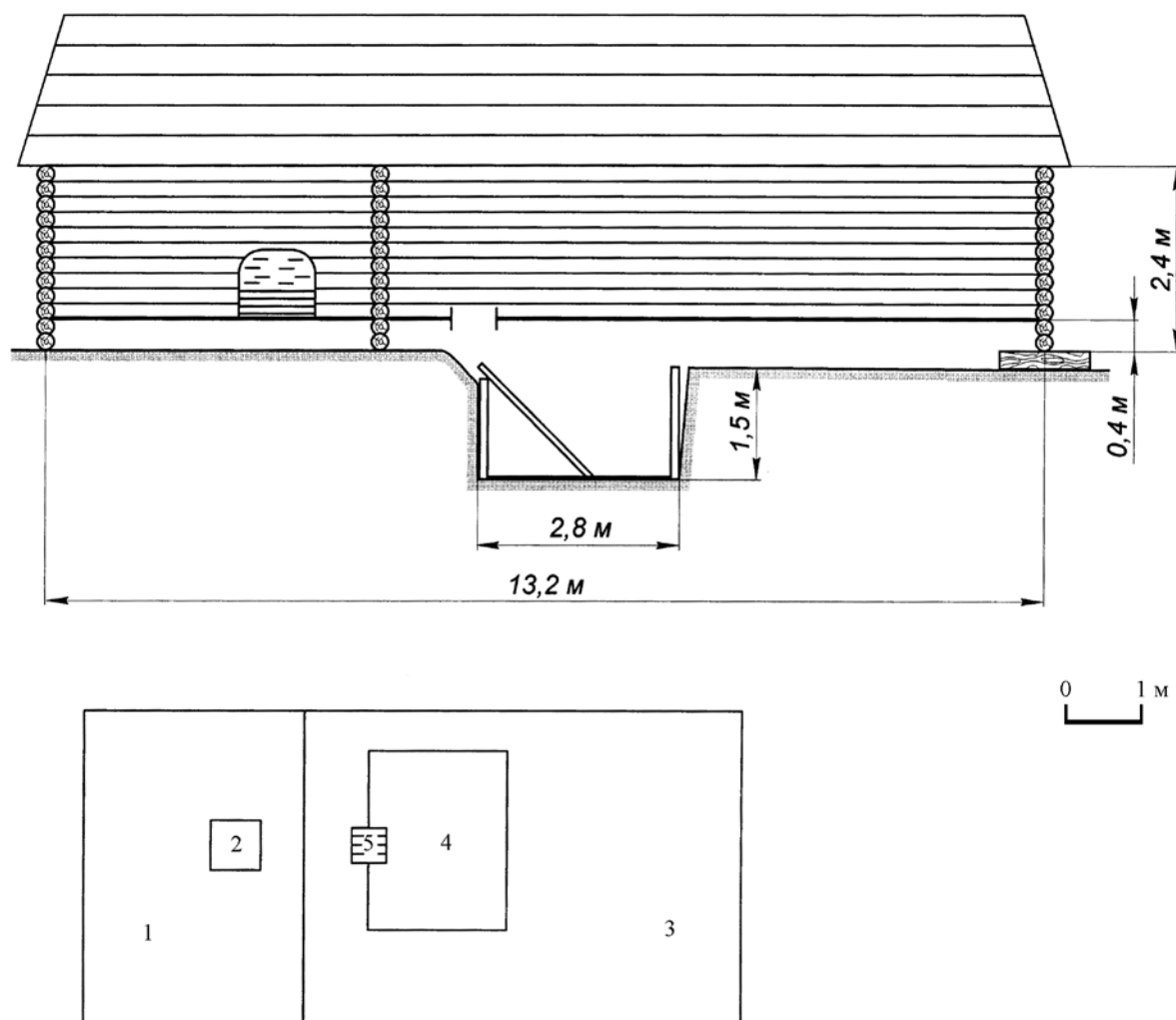

Рис. 28. Поселение Аргамач-Пальна 3. Реконструкция постройки № 10А. Вид с юга
1 – изба; 2 – печь; 3 – горница; 4 – подпол; 5 – вход в подпол

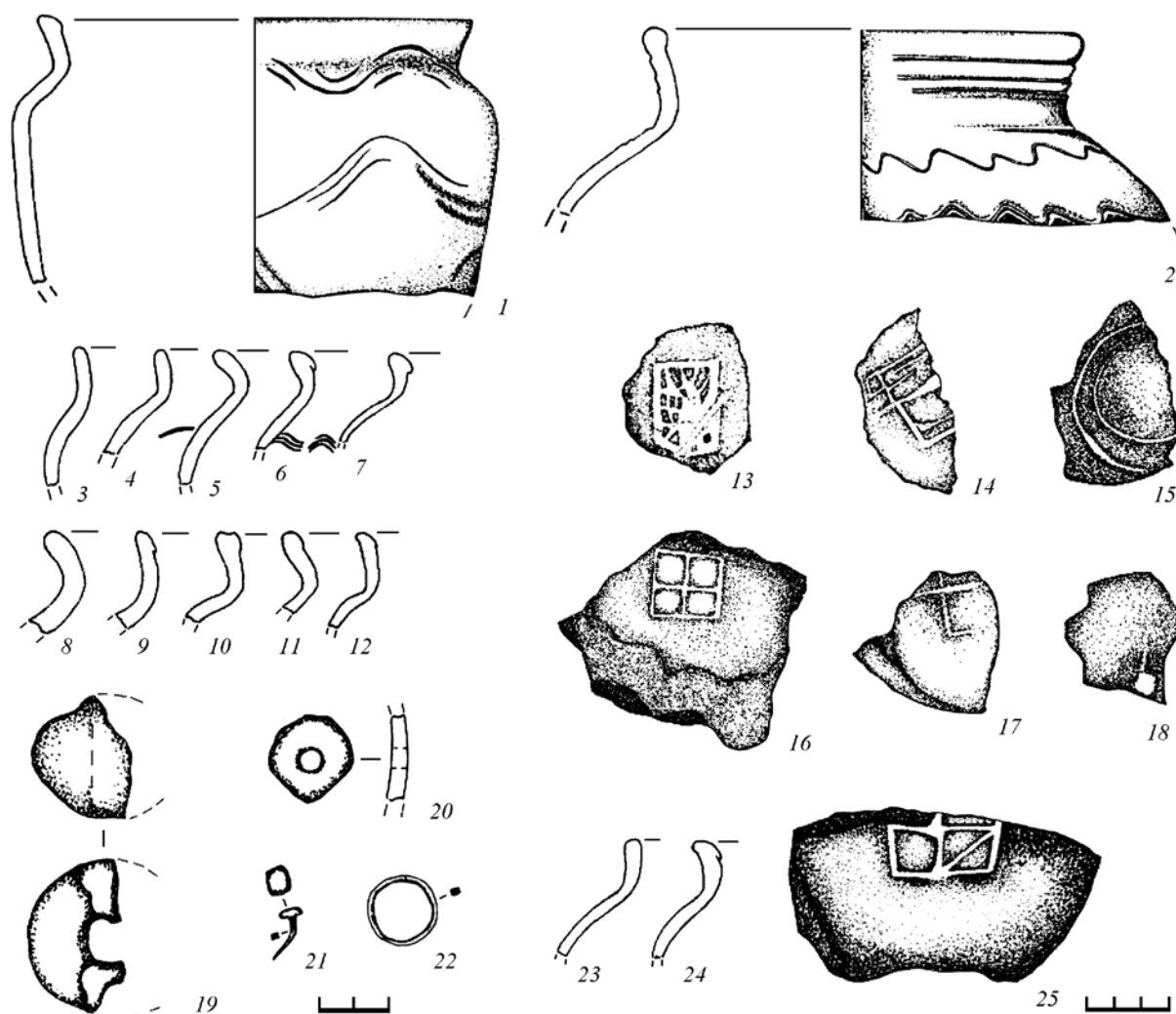

Рис. 29. Поселение Аргамач-Пальна 3. Постройка № 10А

1-18, 23-25 – керамика; 19-20 – глина; 21-22 – железо

Литература

- Борисов А. В., 2010. Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвоведов) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 99–106.
- Борисов А. В., 2014. Диагностические слои в заполнении котлована построек // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 339–344.
- Гончаров Е. Ю., 2011. Нумизматические находки как источник для изучения формирования локальных финансовых систем (Елецкие земли XIV – нач. XV в.) // На степном пограничье: Верхний Дон в истории средневековой России. Елец: Елецкий госуниверситет. С. 11–22.
- Грибов Н. Н., 2008. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука. С. 253–264.
- Грибов Н. Н., 2012. Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 155–165.
- Енукова О. Н., 2007. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск: Курский госуниверситет. 220 с.
- Енукова О. Н., 2011. Вопросы методики реконструкции славяно-русского жилья в условиях «сухого» слоя // Ученые записки (Электронный научный журнал Курского государственного университета). № 3–2. С. 42–49. (Интернет-ресурс <http://scientific-notes.ru>).
- Инишаков А. А., Инишакова А. В., 2012. Планшетный сбор подъемного материала на поселении 3 у с. Аргамач-Пальна // Археологические открытия в Ельце и его исторической округе 2011 г. Вып. 3. Елец: ЕГУ. С. 57–72.
- Коваль В. Ю., 2007. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 58–70.
- Коваль В. Ю., 2010. Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 84–98.
- Латишин В. А., 2016. Датирование комплексов длительного накопления (по материалам раскопок в Нижегородском кремле) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 127–135.
- Лысенко П. Ф., 1985. Берестье. Минск: Наука и техника. 399 с.
- Моргунов Ю. Ю., 2003. Сампсониев остров. Пограничная крепость на посульской окраине Руси в IX–XIII вв. М.: Наука. 187 с.
- Тропин Н. А., 2013. Исследования микрорайона сельских поселений XIV – начала XV в. в нижнем течении р. Пальна округа летописного Ельца // История: факты и символы. № 1–2. Елец: ЕГУ. С. 10–16.
- Тропин Н. А., Козмирчук И. А., Инишаков А. А., Инишакова А. В., 2012. Раскопки поселения 3 у с. Аргамач-Пальна // Археологические открытия в Ельце и его исторической округе, 2011 г. Вып. 3. Елец: ЕГУ. С. 17–56.
- Чижикова Л. Н., 1987. Жилище // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука. С. 223–258.
- Шполянский С. В., 2008. Конструкции подполий средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации) // ABC3. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 56–66.

N.A. Tropin

Basement-level dwellings served people in the Yeletsky Principality during the last quarter of the 14th and first half of the 15th centuries (based on material from the Argamach-Palna-3 settlement))

Summary

The article presents excavated materials from a settlement in the region of the town of Yelets (in Lipetsk District). The author proposed a methodical way of establishing the height of basements – the lower

level of wooden houses, which also included a cellar dug into the ground – offering extra floorspace and extensions to these houses.

Археология Московского государства и Нового времени

Н. В. Жилина

Институт археологии РАН, Москва

Серьги в уборе Московской Руси

Посвящается А. Г. Векслеру

Украшения второй половины XIII–XVII в., в том числе и серьги, рассматривались в ряде работ (Постникова-Лосева, 1987; Козлова, 2007; Сарачева, 2007; Жилина, 2012¹). Для рассматриваемого периода исследователями в общем виде отмечалось сохранение плоскостности украшений, традиции ношения их в головном уборе, использования в качестве крепежной детали массивных несомкнутых колец, а также развивающаяся в XV–XVII вв. тенденция к подвижности закрепления к ним подвесок (Уткин, 1970. С. 65–68; Постникова-Лосева, 1987. С. 16; Козлова, 2007. С. 128).

Целью данной статьи является сопоставление данных вещественных, письменных и изобразительных источников с целью возможного воссоздания истории развития категории. Необходимо более конкретно зафиксировать время сохранения традиций и появления изменений.

Серьги отличны от других головных украшений (височных колец, колтов, рясен) тем, что конструктивно не связаны с головным убором. Исконным в славяно-русском уборе VI–VII вв. (анты) было ношение крупных височных колец, скрепленных с металлическим венком, в VIII в. распространились миниатюрные серьги провизантийского облика (Щеглова, 1990). С IX по первую треть XIII в. наблюдалось сложное совмещение этих традиций при преобладании колтов (более тяжелых и ювелирно оформленных подвесок) и височных колец. Украшения крепились к головному убору; к головному убору и к ушам одновременно; к ушам (Агапов, Сарачева, 1997; Жилина, 2002). Составные закрытые конструкции головной убора, сначала ленточного (височные кольца, колты),

позже – кичкообразного (рясна), обуславливают и нахождение украшений в их составе. Предпосылками этого являются и исторические стадии убора из украшений: сначала тяжесть убора обильно-металлической стадии, затем роскошь и сложность убора ювелирной стадии (Жилина, 2016).

Ситуация меняется из-за распространения цельных головных уборов, открывающих уши, в конструкции которых нет конструктивных деталей для подвесных украшений. К таким уборам относятся жесткие кокошники, мягкие сборники и плотные уборы (рис. 1). Кокошники встречаются на миниатюрах ЛЛС XVI в., их изображения на рисунках иностранцев XVII в. перекликаются с этнографическими формами (Жилина, 2013. С. 165, 168. Рис. 4: 16–19; 7, 4–8). Соответственно и становление серег как категории и основного головного украшения связано с эпохой Московской Руси.

Русские серьги можно ориентировочно подразделить в соответствии с тем, формы каких украшений они наследуют. Серьги с каплевидной подвеской и крылообразными лопастями ведут свое происхождение от концевых украшений косы – «косников» (рис. 2, 1–5). Серьги с обильными жемчужными поднизями – от сеток-поднизей к головным уборам (рис. 2, 6, 7). Серьги с отходящим вниз стержнем, вероятно, происходят от височных простых проволочных колец, к которым прикрепляются стержневые подвески, количество которых умножается (рис. 2, 8–11). Подвешивание стержней – основной путь развития серег – подтверждает исходность именно составной формы. Лунничные серьги и серьги в форме фигурок птичек связаны по происхождению с подвесками-ряснами.

¹ В указанной работе приведен краткий историографический очерк. В данной статье проведено уточнение стратиграфических датировок украшений по отчетным данным.

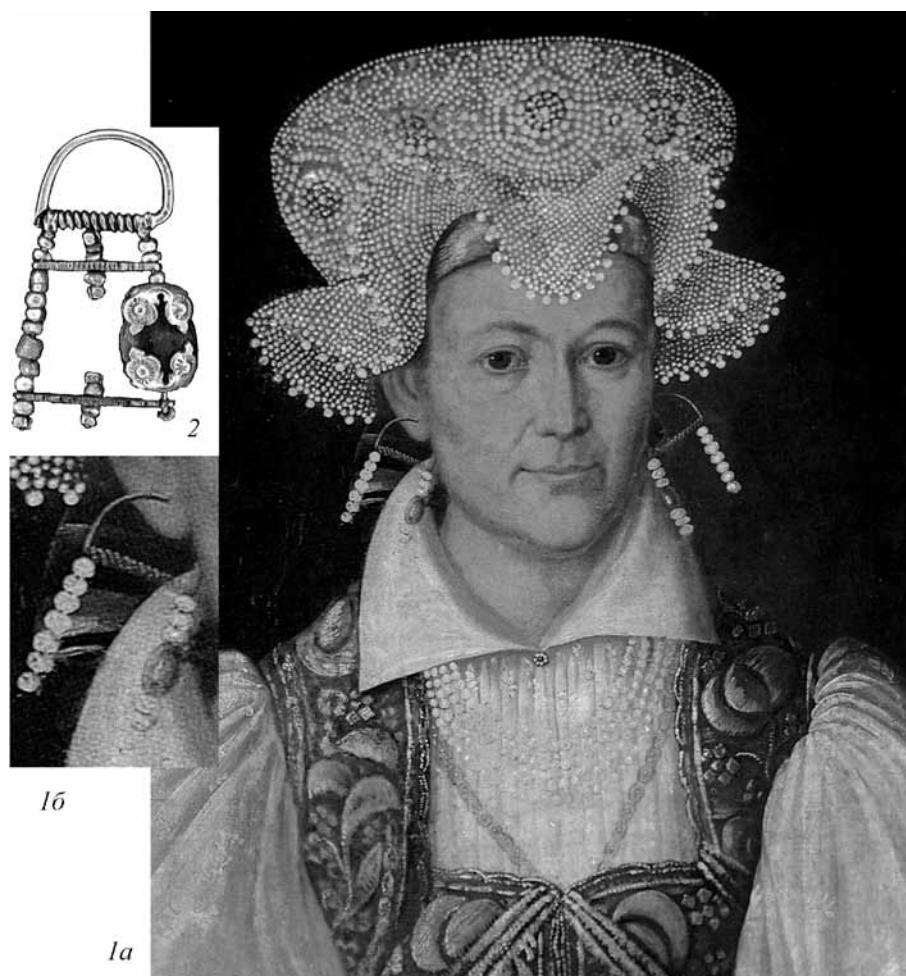

Рис. 1. Кокошник и серьги

1а, 1б – портрет крестьянки, неизв. худ., 1820-е, серьга – отдел 1, подотдел 2, тип I (Постникова-Лосева, 1987. С. 53);
2 – серьга (Приложение, 3, № 3; отдел 1, подотдел 2, тип III)

Материал. К анализу привлечены 137 серег и их деталей². 75 серег сохранились в музейном материале (ГИМ, ВСИАЗМЗ, ГММК). 62 украшения происходят из археологического материала (культурные слои городов, поселений) и имеют стратиграфические даты разной степени точности³.

Материал происходит из таких городов и центров, как Александров (Александровская слобода), Белоозеро, Великий Устюг, Владимир, Москва, Мытищи, Новгород Великий, Переяславль Залесский, Сольвычегодск, Суздаль, Старая Рязань (Рязанская обл.), Тверь, Ярославль. Основой

датирования является археологический материал, но музейный тоже не лишен хронологической привязки по письменным документам, стилистическим и техническим особенностям оформления. Перспективно сопоставление разных хронологических данных.

Хронологически материал распределяется следующим образом: вторая половина XIII–XV в. – 22 экз. (археологический материал); XVI в. – 38 экз. (16 – археологический материал, 22 – музейный); XVII в. – 77 экз. (24 – археологический материал, 53 – музейный).

² М. М. Постникова-Лосева включила в обзор 48 русских серег (24 пары) XVI–XVII вв. из музейной коллекции ГИМ (Постникова-Лосева, 1987. С. 15, 16, 52–65). В статье Т. Г. Сарачевой учтено 30 серег из археологического материала второй половины XIII–XVI в. Северо-Восточной Руси (Сарачева, 2007. С. 76). А. Г. Козлова привлекла 34 серьги XIV–XV вв. из раскопок Пскова (Козлова, 2007. С. 126–129).

³ Благодаря своим коллег В. В. Бейлекчи, Л. А. Беляева, С. В. Томсинского, Н. Е. Чалых за возможность использовать материал из отчетов о раскопках.

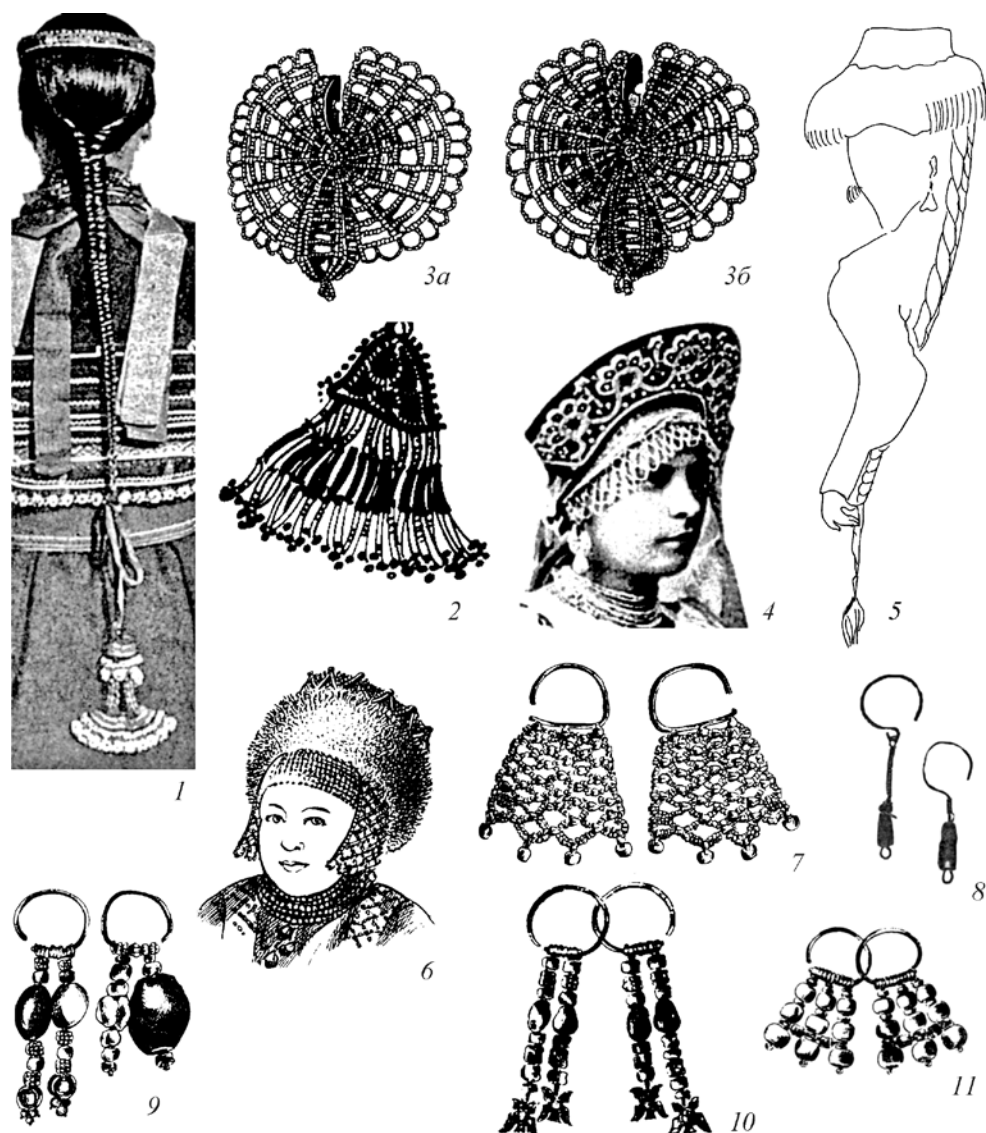

Рис. 2. Типологическая связь серег с другими категориями головных украшений

1 – украшение косы косником, Воронежская губ., 1908 г.; 2 – косник; 3 – лопастные серьги или серьги-«бабочки» (тип XI); 4 – лопастные серьги и кокошник, г. Кашин Тверской губ., 1867 г. (Соснина, Шангина, 1998. С. 132, 23, фото на вклейках без нумерации); 5 – украшение косы, московская девушка из боярской семьи, прорисовка Н. В. Жилиной (Олеарий, 1906. С. 175); 6 – височные поднизи; 7 – серьги-«пьясы», известны с нач. XVIII в., Русский Север (Соснина, Шангина, 1998. С. 259, 350); 8 – серьги-«одинцы» типа I, группы 1 (Седова, 1981. Рис. 3, 1, 2; Приложение, 1, № 7, 6); 9 – серьги-«двойчатки» (тип I, группа 2); 10 – серьги-«орлики»; 11 – серьги-«тройчатки» (тип I, группа 3) (Соснина, Шангина, 1998. С. 70, 200, 322)

Типология серег. Отделы выделены по конструкции: 1 – орнаментальная часть находится в плоскости крепежной детали; 2 – орнаментальная часть перпендикулярна плоскости крепежной детали.

Отделы отражают главное конструктивное изменение: переход к перпендикулярному развороту крепежной детали относительно плоскости подвески. Это и есть, собственно, становление и окончательное оформление серьги, разрыв с конструктивными традициями других головных украшений. У серег отдела 1 подвеска и крепежная деталь

находятся в одной плоскости, как у височных колец, колтов и рясен, приспособленных к плоскостному наложению сбоку (рис. 3, 1–3, 8; 4, 9; 5, 1, 2).

У серег отдела 2 орнаментальная часть перпендикулярна плоскости крепежной детали (рис. 6, 16, 19). Относительно боковой стороны головы ухо несколько развернуто вперед, вставляемая в мочку крепежная деталь стремится расположиться перпендикулярно относительно плоскости уха, а орнаментальная подвеска, наоборот, для лучшего обзора – совпасть с ней и стать перпендикулярной крепежной детали. Крепежные детали серег

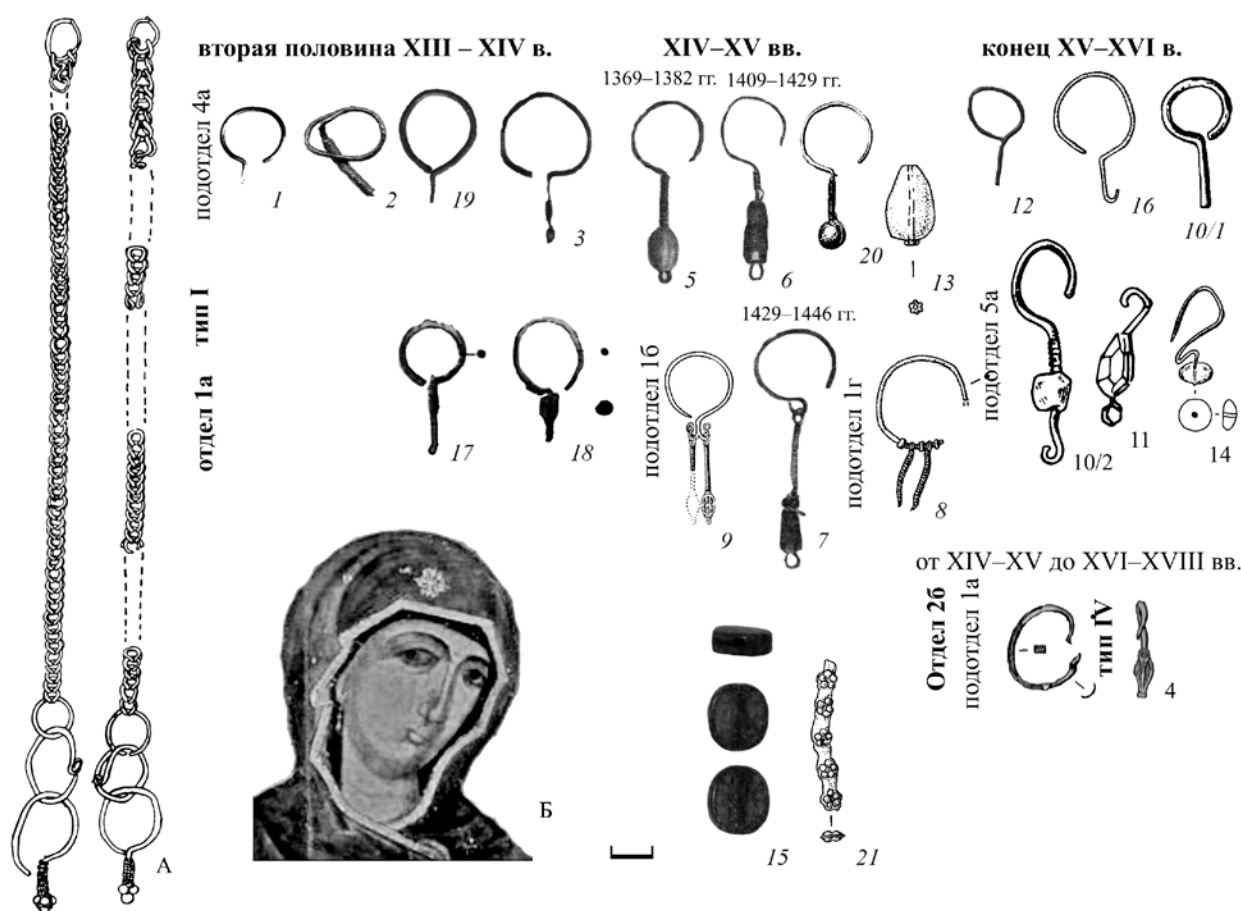

Рис. 3. Серьги 2-й пол. XIII – XV в. (номера соответствуют разд. 1 каталога в Приложении)

А – подвески рясна к головному убору из погребения 80 Новохарьковского могильника XIV в. (Новохарьковский могильник... 2002. Рис. 21, 1. 2); Б – псковская икона Богоматерь Одигитрия, конец XIV – начало XV в. из церкви Успения Богородицы на Пароменье (интернет-ресурс: pskovmir.edapskov.ru; 15.11.2017)

называют, как правило, «мочка» или «швенза». Первый термин подчеркивает связь украшения с ухом.

Параметр застежки отражен буквами после обозначения отдела: а – без застежки, б – застежка на петлю и крючок; в – замок с откидной дужкой.

Подотделы выделены по виду крепежной части: I – кольцо (рис. 3, 7–9); 2 – полукольцо закрытое, с нижней перекладиной (рис. 1; 5, 3); 3 – полукольцо открытое, в виде дужки (рис. 5, 10); 4 – кольцо с отогнутым вниз стержнем⁴ (рис. 3, 1–3, 5, 6); 5 – крючок (рис. 3, 10/2, 11, 14).

После обозначения подотдела буквой обозначен вид соединения орнаментальной части с крепежной: а – орнаментальная деталь слита с крепежной или соединена на штифт (рис. 3, 1–3); б – петля и крючок или петли (рис. 3, 7, 9); в – цепи (рис. 4, 10, 11); г – шарнир (рис. 3, 8; 4, 9, 19).

Тип выделен по форме подвески или орнаментальной части: I – линейная или в виде стержня (рис. 3, 1–3, 5–12; 4, 9); II – овально-округлая, кольцевидная или дисковидная (рис. 4, 6); III – прямоугольная или трапециевидная (рис. 5, 3, 8); IV – геометризированно-растительная (рис. 4, 16–18); V – лунничная (рис. 5, 10; 6, 11, 22); VI – натуралистично-растительная (рис. 6, 20, 34); VII – подтреугольная, абстрактно криволинейной формы (рис. 6, 12–15); VIII – дугообразной в основе формы (рис. 5, 5, 6; 6, 23); IX – зооморфная – в виде птицы (рис. 4, 12); X – миндалевидная (рис. 5, 7; 6, 21); XI – лопастная (рис. 6, 27); XII – без подвески или дополнительной орнаментальной части (рис. 6, 36, 37).

Группы выделены по количеству орнаментальных деталей, расположенных параллельно:

⁴ Эта форма получила общеупотребительное название «в виде знака вопроса».

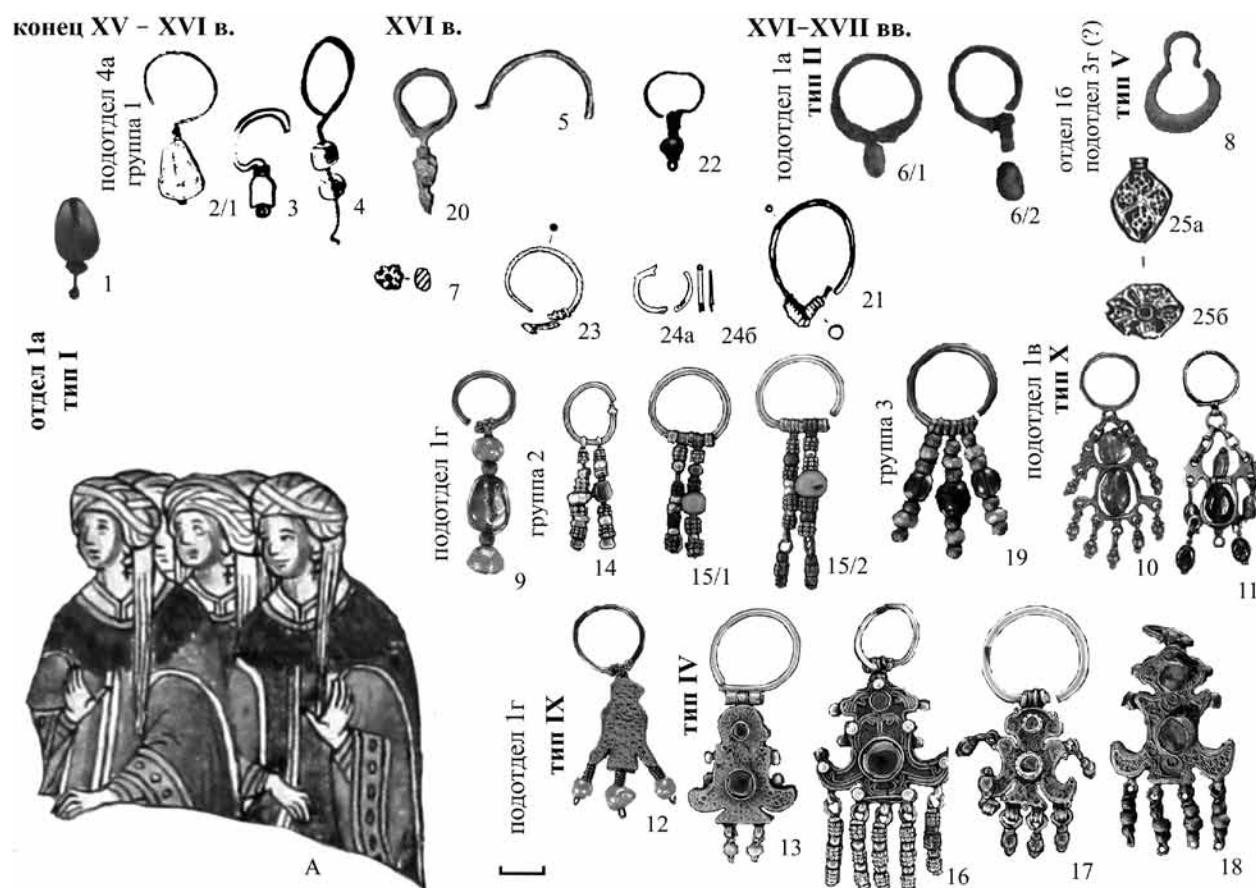

Рис. 4. Серьги XVI в. (номера соответствуют разд. 2 каталога в Приложении); А – миниатюра ЛЛС XVI в., Хронографический сб., л. 802 (ЛЛС, 2010. С. 431)

1 – одна (рис. 3, 5–7; 4, 9), 2 – две (рис. 3, 9, 8; 4, 14, 15); 3 – три (рис. 4, 19). Подгруппы выделены по виду дополнений на основных конструктивных частях: 1 – бусины (рис. 3, 5; 4, 19); 2 – вставки (рис. 6, 16, 19).

Основные периоды развития серег. Вторая половина XIII – XV в. (рис. 3). Господствует *отдел 1*, орнаментальная и крепежная детали находятся в одной плоскости. В качестве крепежной детали преобладают кольцо и кольцо с отходящим вниз стержнем (рис. 3, 1–3, 5–12, 16–20⁵). Во внешнем облике и конструкции серег остается многое от височных колец. В этот и последующие периоды преобладают украшения без застежек.

Конструкция преимущественно цельная и жесткая – *подотдел 4а* (рис. 3, 1–3, 5, 6, 10/1, 12, 16–20). Объемная бусинная подвеска несколько нарушает плоскостность, но в целом за ее пределы размещение не выходит, в плоскости кольца

осуществлено и подвешивание. По новгородским слоям серьги датируются XIV – серединой XV в. (Седова, 1981. С. 16).

Наблюдается соединение крепежной детали с подвеской на петлю и крючок – *подотдел 1б* (рис. 3, 7, 9). К XV в. крепежная деталь трансформируется в крючок более узких овальных очертаний – *подотдел 5а*, более удобный для закрепления в мочке уха (рис. 3, 10/2, 11, 14). К концу периода известен упрощенный шарнир (разделение подвесок на кольце выступами – *подотдел 1г* (рис. 3, 8).

Наиболее част тип I – со стержневой или линейной подвеской (рис. 3, 1–3, 5–12, 16–20). Для анализа происхождения данной формы необходимо задаться вопросом, какое явление первично: а) дополнение височного кольца подвеской или б) возникновение цельной формы крепежной детали с отходящим стержнем. Серьгой могло быть

⁵ Ссылки на номера рисунков являются одновременно ссылками и на соответствующий по хронологии раздел «Приложения» к этой статье.

отдельное небольшое кольцо, эта конструктивно простейшая форма, скорее всего, первична. Маленькое кольцо удобно размещается под мочкой и хорошо видно. Дополнение кольца подвеской составляет предпосылку образования в дальнейшем цельной жесткой формы с отходящим вниз стержнем. В русском материале есть такая конструктивная стадия: надевание подвесок на височное кольцо славяно-русской формы с S-видным окончанием (рис. 3, 7, 9). Крепежная деталь в виде кольца с отходящим вниз стержнем, похожая на широкий крюк, наблюдается в XIV–XV вв. и у рясен-подвесок (Жилина, 2017. С. 149. Рис. 6, 1, № 1 и 2, № 6). Бытование таких форм нуждается в уточнении, но возможно обнаружение и более ранних экземпляров XIII в. У серег XV–XVI вв. количество стержневых подвесок на кольце увеличивается. Основное дальнейшее развитие идет именно от подвесок, а не от сплошных стержней.

Привычной стала оценка серег типа I как заимствованных с Востока или от кочевого мира (Седова, 1981. С. 16; Сарачева, 2007. С. 82; Козлова, 2007. С. 127–129). В качестве аргументации выступает ссылка на типичность таких серег для Волжской Болгарии, Золотой Орды, кочевников (Федоров-Давыдов, 1966. С. 39–41. Рис. 6; Полякова, 1996. С. 171–175. Рис. 60, 15, 16; 61, 3–5; Недашковский, 2000. С. 40–42. Рис. 7, 4–6).

Типичность формы для других регионов не исключает самостоятельного перехода к ней у русского населения. Время распространения серег с отходящим вниз стержнем или подвеской – XIV в. – в Древней Руси и в других регионах совпадает (Седова, 1981. С. 16; Козлова, 2007. С. 128). Русские люди могли носить болгарские и золотоордынские серьги. Для утверждения формы важна конструктивная предпосылка, и изменение головного убора могло стать главным стимулом для этого.

Для XIV–XVI вв. по материалам Новгорода, Пскова и Твери известны детали серег – миниатюрные розетки (рис. 3, 21), надевавшиеся на стержень и разделявшие бусины (Козлова, 2007. С. 128; Персов, Сарачева, Солдатенкова, 2009. С. 269, 270; Солдатенкова, 2008. С. 156, 164, 165. Рис. 2, 17).

Датировка серьги отдела 26 с перпендикулярным разворотом орнаментальной части относительно крепежной детали условна: от XIV–XV до XVI–XVIII вв. (рис. 3, 4). Единичный пока ва-

риант представляет собой неподвижное слияние орнаментального щитка с кольцом (тип IV, подраздел 1а).

Ношение мужчинами одной серьги в ухе известно по описанию Львом Диаконом облика князя Святослава X в.: «В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами» (Лев Диакон, 1988. С. 82). Можно представить облик описанного украшения двояко: кольцо (тип XII) или стержень (тип I) с надетым между жемчужинами гранатом.

Такая традиция продолжается и в XIV в. Серьги в данный период упоминаются именно как мужские украшения (Лукина, 1990. С. 141). К 1358 г. относится духовная грамота князя Ивана Ивановича, где он завещает сыновьям по одной золотой серьге с жемчугом (Постникова-Лосева, 1987. С. 15⁶; ДДГ, 1950. С. 15). Можно представить такую серьгу в виде стержня с жемчужиной (тип I).

Женские серьги в духовных грамотах XIV–XV вв. не фигурируют. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, они могли входить в личное имущество женщин, не описываемое подробно, от лица женщин грамоты составлялись редко. В духовной грамоте 1433 г. князя Галицкого Юрия Дмитриевича на такое имущество указано: «А что моего осталось золота или женчюгу или матери его золота или женчюгу, или камения, а тем благословляю сына своего Дмитрея меньшего» (ДДГ, 1950. С. 75).

Во-вторых, вероятно, ношение серег знатными женщинами в парадном уборе в XIV–XV в. мало распространено, основным украшением были рясна. По музейной легенде, рязанской княгини Евпраксии, умершей в 1405 г., принадлежали рясна XIV в., сохранившиеся в Солотчинском монастыре (Жилина, 2017. Рис. 6, 1, № 1). В духовной грамоте 1486 г. князя Вереysкого и Белозерского Михаила Андреевича упомянуты рясна (ДДГ, 1950. С. 312). Показателен факт ношения серег типа I как подвесок в головном уборе, зафиксированный в погребении 80 Новохарьковского могильника на Среднем Дону (Новохарьковский могильник... 2002. С. 53–56. Рис. 21, 1, 2; Козлова, 2007. С. 127). Здесь наблюдается простой вариант парных подвесок-рясен, основу каждой составляет тонкая проволоочная цепь, завершающаяся цепью из трех украшений: двух височных колец и серьги типа I. На цепочках сохранились остатки ткани. Конец средних височных колец завершен небольшим

⁶ В публикации М. М. Постниковой-Лосевой дата грамоты указана как 1356 г.

завитком, использована полутораоборотная форма кольца, детали и общий вид подвесной цепи находятся в славянской традиции (рис. 3, А). Присутствие погребений древнерусского населения в могильнике не исключено⁷. Этот случай косвенно может быть привлечен для характеристики способов ношения русских серег типа I.

В-третьих, возможно, ношение серег в ушах шире распространялось в женском демократическом, более рациональном уборе. Это иллюстрирует изображение серьги типа I на псковской иконе Богоматери Одигитрии конца XIV – начала XV в. из церкви Успения Богородицы на Пароменье (рис. 3, Б) (Козлова, 2007. С. 129).

В XVI в. сохраняется плоскостная конструкция отдела I на кольце и без застежки (рис. 4). Наряду с креплением подвесок на жесткой петле или стержне – подотделы 1а, 4а (рис. 4, 2–4, 6, 20, 22) используется шарнир – подотдел 1г (рис. 4, 9, 12–19), цепи – подотдел 1в (рис. 4, 10, 11). При раскопках в Москве в Белом городе в слое XVI в. найдено крепежное кольцо серьги с шарниром (рис. 4, 23).

Серьги типа I происходят и из археологического материала (рис. 4, 2, 3, 4, 20, 22), и из музейных коллекций. Украшения из музеев имеют более развитые конструкции с подвижным закреплением (рис. 4, 9–11, 14, 15, 19). К концу столетия, на рубеже с XVII в., усложнение продолжается, количество подвесных стержней с бусинами увеличивается, на основе этого среди серег выделяются группы (рис. 4, 9, 14, 15, 19).

В XVI в. фиксируются и другие типы серег. Тип X с миндалевидной формой подвески на цепях (подотдел 1в) можно считать развитием типа I, но без непрерывного стержня, возможно, форма происходит от составных серег с подвесками подотдела 1б (рис. 4, 10, 11)⁸.

Концом XVI – XVII в. может датироваться лунничная серьга типа V, который будет активно развиваться в следующем столетии, но датировка этой формы нуждается в уточнении (рис. 4, 8). Она ведет происхождение от колтов домонгольского периода, через лунничные височные кольца XIV–XV вв. и рясна XVI в. (Жилина, 2017. Рис. 2, 2, № 1–3).

Орнаментальная подвеска серьги принимает форму фигуры птицы – тип IX (рис. 4, 12). К концу XVI в. изображение птицы трансформируется в растительную фигуру геометризованных очертаний – тип IV. Из Новгорода известна переходная форма: верхняя часть похожа на головку птицы, нижняя стилизована в трилистник (рис. 4, 13). Крепление подвесок новых типов преимущественно подвижное, на шарнире (рис. 4, 12, 13, 16–18).

Продолжают встречаться миниатюрные розетки, нанизываемые на стержень серег (рис. 4, 7). Литые детали подражали филигранным миниатюрным бусинам дорогих серег, представленных в музейных коллекциях (рис. 4, 14, 15, 19).

В оформлении серег XVI в. преобладает скань завитково-спирального стиля. Зооморфные и растительные мотивы геометризованы (рис. 4, 12, 13, 16–18). При раскопках на территории Казанского собора в Москве найдено кольцо серьги с зооморфным окончанием, напоминающим крепежные детали рясен (рис. 4, 24).

Изображения серег встречаются в ЛЛС XVI в.: подвески крестообразной формы на крупном кольце (соответствуют отделу I) показаны у знатных женщин, одетых в обматывающие асимметричные убрусы (ЛЛС, 2010. С. 431)⁹ (рис. 4, А).

В духовных грамотах XVI в. женские серьги упоминаются. Княгиня Юлиания, вдова князя Бориса Васильевича Волоцкого, в 1503 г. благословила свою сноху Марью двумя парами серег «одни яхонты, а другие лалы». Но при этом оказывается, что серьги находятся у ее неженатого сына Ивана «у ожерелья у белого в пугвицах». И далее выясняется, что немало серег пошло на украшение одежды Ивана, она несет на себе потенциальное приданое нескольких женщин... Будущую жену сына княгиня заранее благословила тремя парами серег с его же колпака: «трои серги, двои яхонты, а третьи лалы, а тех серег камене з жемчюги на калпаки у сына у моего у Ивана». Оттуда же должна получить наследство и дочь Юлиании (ДДГ, 1950. С. 349). Серьги были, очевидно, демонтированы, камни пришиты на дорогой колпак как броши и на воротник как пуговицы.

⁷ Антропологический анализ позволил связать население, оставившее могильник, с потомками алан. Тем не менее в инвентаре отмечена древнерусская керамика, а в обряде погребения – аналогии с древнерусскими могильниками в районе Куликова поля. Вопрос об этнической принадлежности пока оставлен открытым. Вполне возможно, она носит смешанный характер (Новохарьковский могильник... 2002. С. 99–102, 118).

⁸ Серьги с подвесками миндалевидной формы есть на фотографии коллекции фондов Суздальского музея (Георгиевский, 1927а. С. 32. Табл. XXV, рис. 1 – нижний ряд, третья пара справа).

⁹ На миниатюре (Хронографический сборник, л. 802) изображена свадьба легендарного царя Виза, основавшего Византию, и Алимпыды, дочери Эфиопского царя (ЛЛС, 2010. С. 428, 431).

Ситуация выглядит на современный взгляд комично, но она типична для своего времени. В том же 1503 г. князь Рузский Иван Борисович передает сестре, лишившейся приданого, «двой серьги яхонты, а третьи лалы, а то камень и жемчуги на калпаце на моем». Но князь в свое время получил эти серьги все-таки от матери (ДДГ, 1950. С. 352).

Сведения рисуют переходный период, когда мужчины перестают носить по одной серьге в ухе, и когда серьги более широко распространяются у женщин, используя парно¹⁰. Дочь Юлиании получает «сережки невелики, яхонты лазоревы» (ДДГ, 1950. С. 349).

К XVI в. относится упоминание серег с тремя подвесками – «тройчаток» (тип I, группа 3). В казне князя углицкого Дмитрия Ивановича в 1521 г. находилось три пары серег: «серги болшие, яхонты сини з зерны с гурмыскими. А другие серги троини яхонтцы сини и лалцы з зерны с гурмыскими и новгородскими. А третьи серешки лалцы з зерны с новгородскими»¹¹ (ДДГ, 1950. С. 410).

Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале 1597 г. – хороший источник для характеристики форм и конструктивных деталей серег XVI в. Формы серег видны и на сохранившихся фотографиях коллекций Суздальского музея (Георгиевский, 1927а. Табл. XXV; Георгиевский, 1927б. С. 1–57).

Для серег использовались золото, серебро, медный сплав, часто упоминается золочение. Почти на всех серьгах присутствовал жемчуг. Серьги, украшенные только жемчугом, были наиболее простыми: «серешки жемчужные на спнях на серебряных» (Георгиевский, 1927б. С. 23).

Как крепежная деталь названо кольцо или «колечко сережное» (Георгиевский, 1927б. С. 23). Известны «кольца медяны позолочены» и «кольца серебряны позолочены с жемчуги» (Георгиевский, 1927б. С. 14, 27, 42). Серьги (или «серешки») называли по наиболее яркому признаку формы или состава.

Распространенность серег типа I с разным количеством стержневых подвесок подтверждается частым использованием счетных названий: с одним стержнем (группа 1) – «единцы», «единчики» (Георгиевский, 1927б. С. 15, 16, 22); с двумя (группа 2) – «серги двоичатые» (Георгиевский, 1927б. С. 7, 10, 11, 14, 16, 17); с тремя – «серги троичатые»

(Георгиевский, 1927б. С. 8). Эти названия сохранились до XIX в. (Уткин, 1970. С. 66).

При описании иконы, вложенной Иваном Грозным, упомянут приклад царицы и великой княгини Марии: «серьги двойчаты яхонты, один яхонт червчат а другой лазорев кольца золота. А на них восемь зерен жемчужных» (Георгиевский, 1927б. С. 3).

Было название «серьги лапки», но точно сопоставить его с каким-либо типом трудно. По описаниям серег-лапок выявляется, что они были сложнее серег типа I, имели плоскостные широкие части. На них были вставки (Георгиевский, 1927б. С. 10, 11). Можно сопоставить эту форму с серьгами типов IV и X с расширяющимися книзу подвесками и отходящими деталями в виде лапок (рис. 4, 10, 11, 13, 16–18). Иногда к ним присоединялись жемчужные цепи с промежуточными бляшками: «серги лапки золоты с жемчугом а у них рясы жемчужные по четыре пряти переймы голубчики серебряные позолоченные» (Георгиевский, 1927б. С. 15). У некоторых названа такая часть, как жемчужный подзор (Георгиевский, 1927б. С. 26). Вероятно, некоторые виды серег сохраняли внешнее сходство с рясами-подвесками головного убора (рис. 7).

Детали в виде «лапок» были и у так называемых «серег казанских», обильно украшенных камнями (Георгиевский, 1927б. С. 5). Среди украшений казанских татар имеются формы, аналогичные русским, с плоскостными подвесками, сканью и драгоценными камнями (Золото... 2002. С. 82, 83).

Называли серьги и по камню определенного цвета, составлявшему главное украшение: «серги яхонты лазоревы» (сапфир), «серешки яхонты водяной цвет», «серешки яхонт сиз»; серьги «бечета» (гранат или рубин), «бечета да баус» (красные и синие камни), «серавики», «червцы» (красные камни); «серешки королковые» (кораллы) и жемчужные (Георгиевский, 1927б. С. 3, 4, 9, 15–17, 23–25, 29).

XVII в. Наиболее важное конструктивное изменение, фиксируемое с 30-х гг. XVII в., – переход к отделу 2 – перпендикулярному развороту крепежной детали относительно орнаментальной части (рис. 5, 5, 6). Такая дата выявляется на основании закрепления камней и способу наложения эмали (Мартынова, 2002. С. 283). Это явление развивается и во второй половине XVII в. (рис. 6, 16, 19, 20, 27).

¹⁰ Упоминание ломаной мужской серьги в описи имущества крестьянина XVII в., вероятно, свидетельствует о том, что такие серьги хранились и иногда продолжали использоваться (Постникова-Лосева, 1987. С. 15).

¹¹ М. М. Постникова-Лосева, ссылаясь на эти сведения, указывает, что грамота принадлежит князю Василию Ивановичу и относится к 1503 г. Поэтому она находит возможным переносить сведения о тройных серьгах в XV в. (Постникова-Лосева, 1987. С. 15).

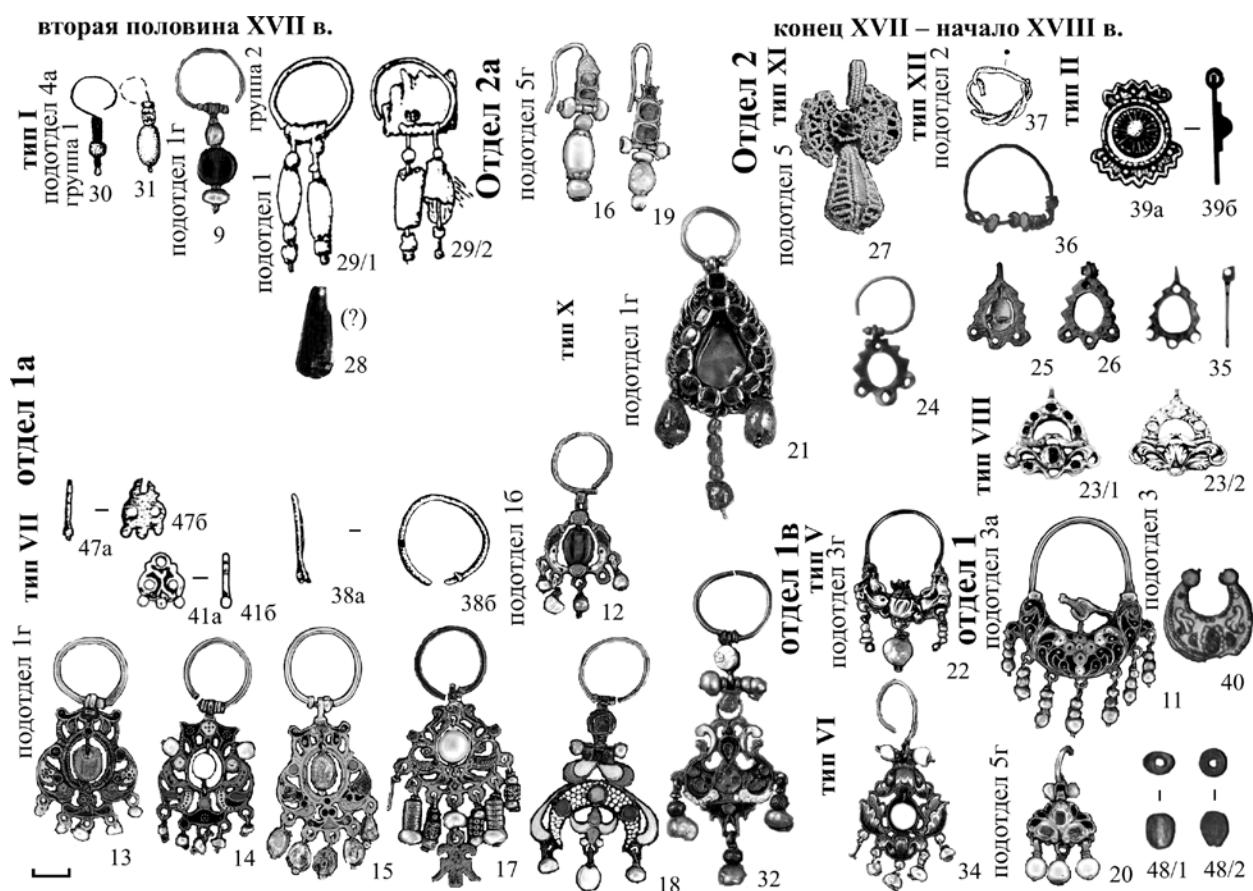

Рис. 6. Серьги 2-й пол. XVII в. (номера соответствуют разд. 3 каталога в Приложении) (см. цв. вкл.)

с подвеской трапециевидной или прямоугольной формы, закрепляющий стержни в определенном положении и способствующий появлению удобных для более широкой подвески крепежных полуколец (рис. 5, 3, 8).

Развитием типа I можно считать и сформировавшийся к первой трети XVII в. тип X – с подвеской миндалевидной формы, в центре которой находится бусина в фигурной оправе (рис. 4, 10, 11; 5, 7). Во второй половине XVII – начале XVIII в. такой тип известен и по музейному, и по археологическому материалу. Серьги из музейных собраний выполнены из золота, орнаментированы в тонких техниках эмали и филигрны, украшены драгоценностями. Их носили в боярском, дворянском, княжеском и богатом купеческом уборе (рис. 5, 7; 6, 21). Серьги, известные из раскопок, принадлежат к демократическому убору, изготовлены из цветного металла, оправка имеет простые зубчатые очертания, впускную бусину и петли для меньших подвесок. Вероятно, эти серьги возникли как упрощенное подражание более роскошным и дорогим. Известны четыре идентичных экземпляра,

что свидетельствует об их типичности и, возможно, серийности изготовления. Серьга XVII в. из дачи Суздаля сохранила крепежную деталь и дает представление об общей форме украшений (рис. 6, 24). Серьги из дворцового села в Мытищах (сохранились остатки бусины) и Александровской слободы имеют узкую привязку к концу XVII в. или рубежу XVII–XVIII вв. (рис. 6, 25, 26). Этой датировке соответствует и серьга, найденная в Москве на Арбате (рис. 6, 35).

Умножение количества подвесных стержней у серег типа I вызывает и формирование расширяющихся книзу подвесок, также создающих основы для закрепления меньших подвесок. У серег типа VII подвеска имеет подтреугольную форму в виде абстрактно-криволинейной ажурной фигуры. Тип известен от первой половины XVII в. по серии археологических находок в Москве, в Заяузье (рис. 5, 42, 43; 6, 41, 47). Серьги из музейных коллекций более крупны и роскошно оформлены, отличаются изысканной криволинейностью очертаний и растительной эмалевой орнаментацией (рис. 6, 12–15, 17, 18, 32). Появление серег типа VIII, с дугообразной

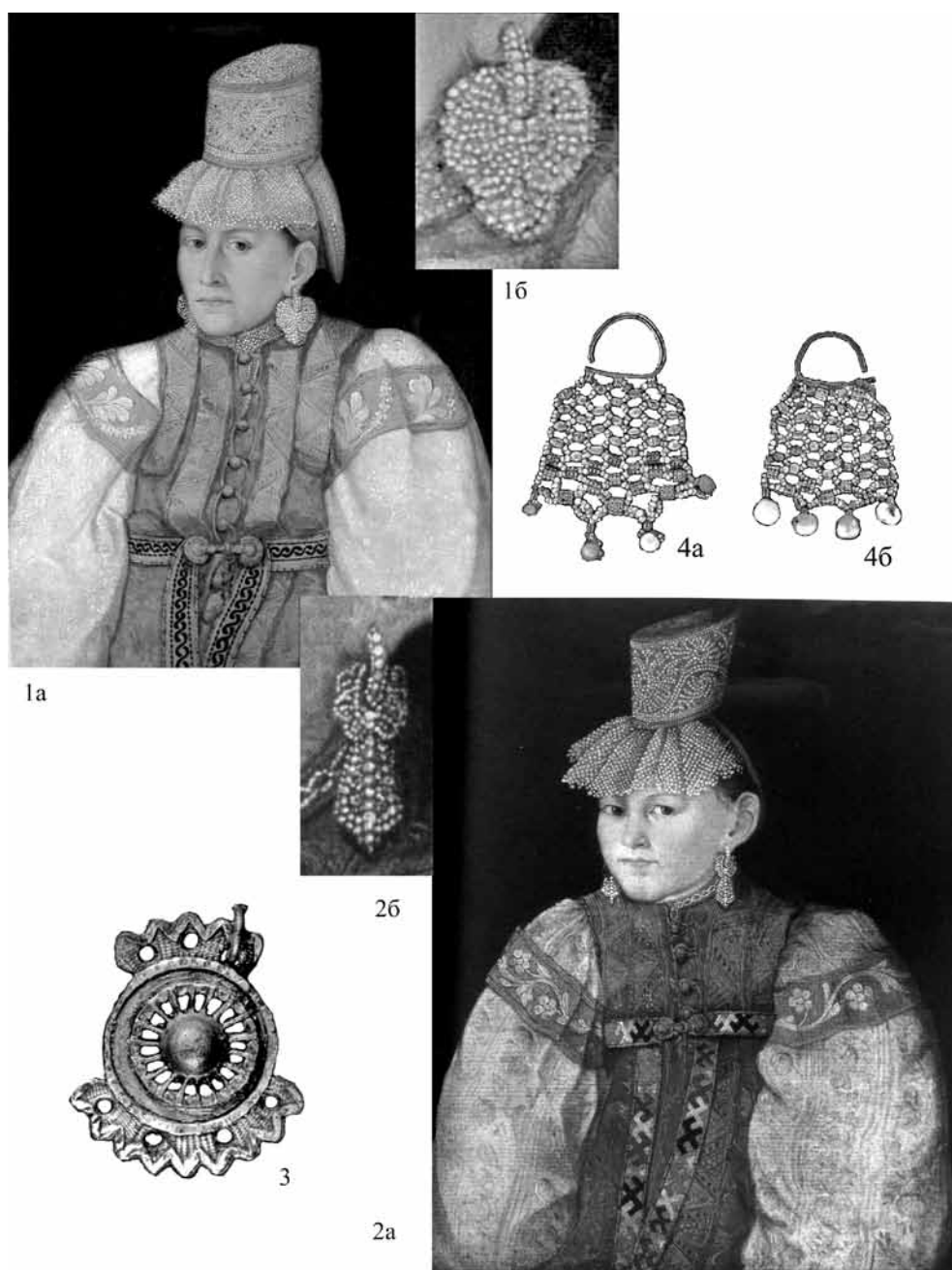

Рис. 7. Кокошник и серьги

Тип XI: 1a, 16 – портрет крестьянки в праздничном наряде Тверской губ., неизв. худ., 1830-е (Постникова-Посева, 1987. С. 122); 2a, 26 – портрет купчихи в праздничной народной одежде Тверской губ., неизв. худ., 1830-е (Купеческий портрет... 2013. С. 74, 75. № 37); 3 – деталь серьги или рясны, конец XVII – XVIII в., Москва, Замоскворечье (Приложение, 3, № 39); 4a, 46 – серьги, нач. XVIII в., серебро, жемчуг, перламутр, ГИМ, собрание П. И. Щукина (Постникова-Посева, 1987. С. 112. № 149)

основой подвески, фиксируется со второй четверти XVII в. (рис. 5, 5, 6; 6, 23).

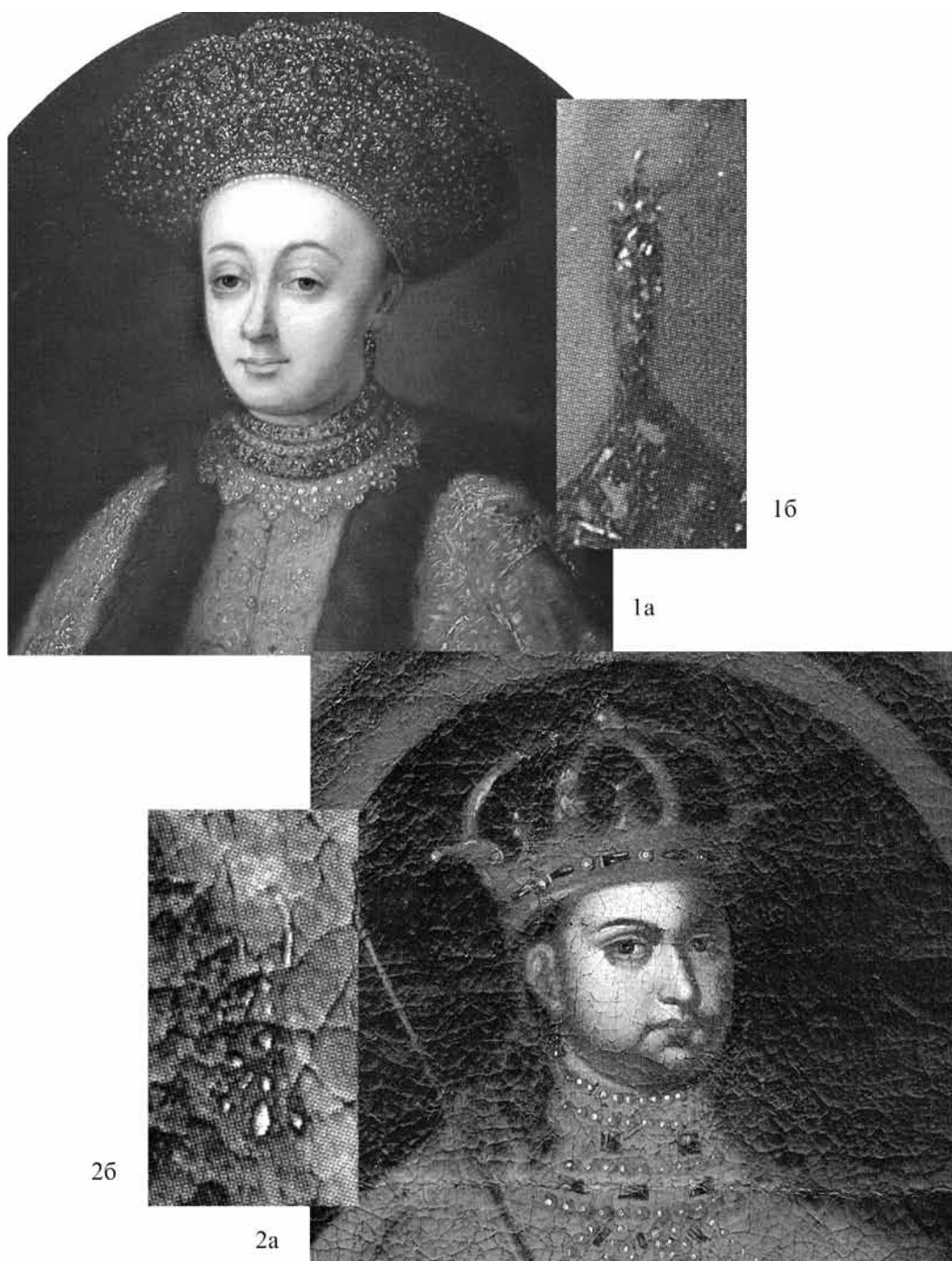
Продолжают существовать серьги типа V – лунные (рис. 5, 10; 6, 11, 22, 40).

Известны возникшие в XVI в. серьги типа IV – в виде растительной фигуры (рис. 5, 4, 33). Фрагмент подвески такой серьги найден в слое XVII в.

Москве, на территории Белого города, в Занеглимень (рис. 5, 46). Серьги типа VI, в виде растительной натуралистичной фигуры, являются развитием типа IV (рис. 6, 20, 34).

Единично известен тип II с дисковидной подвеской, дополненной зубчатыми бордюрами (рис. 6, 39; 7, 3). Возможно, это деталь рясны или

Рис. 8. Серьги на женских портретах XVII в.

1а, 16 – портрет царицы Марфы Матвеевны, неизв. худ., конец XVII в.;
2а, 26 – портрет царевны Софьи, неизв. худ., 1680-е (Постникова-Лосева, 1987. С. 59, 51)

украшения переходного типа. Украшение с аналогичной подвеской есть на фото рясен из коллекции Суздальского музея (Георгиевский, 1927а. Табл. XXVI, рис. 1, пятое и шестое украшения справа).

В конце XVII – начале XVIII в. появляется тип XI серьги с жемчужной обнизью, напоминающей бант или крылья бабочки (рис. 6, 27). Этот вид

серьги по форме происходит от народных наконечников, тесно связан в ношении с кокошниками (рис. 7, 1, 2). В начале XVIII в. известны и серьги с прямоугольными жемчужными поднизями (рис. 7, 4).

До второй половины XVII в. сохраняется ношение серег надетыми на ленты (Тверь, Затьмачье), что продолжает традиции височных колец и подтверждает предшествующее ношение височных

колец в системе головного убора (рис. 6, 29). Из письменных источников известен термин «шляпочные серьги» (Постникова-Лосева, 1987. С. 16).

В первой половине XVII в. растительные формы и зооморфные элементы филигранных и эмалевых серег сохраняют геометризированность. Геометрическая эмалевая орнаментация характерна и для лунничных серег (рис. 5, 4, 7, 10, 33, 46). Сама форма серег типа VII является абстрактно-геометризованной, используется завитковый орнамент (рис. 5, 42, 43).

Во второй половине XVII в. подвески эмалевых серег усложняются по форме, становясь изысканно-криволинейными (рис. 6, 12–15, 16–18, 32). Геометричность формы сохраняет тип X – миндалевидных (рис. 6, 21, 24–26).

На дугообразных серьгах (тип VIII) используется мотив парных птиц, композиционно напоминающий византийско-древнерусскую композицию, но выполненный в новой стилистической редакции, более натуралистичной и осмысляющийся как целующиеся голуби (рис. 5, 5, 6). Лунничные и растительные формы серег (типы V и VI) получают растительно-натуралистичное оформление (рис. 6, 11, 20, 22, 34). Серьга конца XVII – начала XVIII в. имеет признаки стилей рококо и классицизм (рис. 6, 40).

Для XVII в. известен ряд изображений серег с расширяющейся подвеской. На портрете царицы Марфы Матвеевны показана серьга, аналогичная типам VII или VIII, (рис. 8, 1). На портрете царевны Софьи угадывается серьга, по форме близкая типу X (рис. 8, 2). Возможно, серьга типа XI показана на девушке с длинной косой на групповом портрете боярского семейства из рисунков к сочинению А. Олеария (1906) (рис. 2, 5).

В 1725 г. в Суздальском музее составлена ведомость, включающая краткое описание серег (Георгиевский, 1927б. С. 63–75). Благодаря ей можно отметить названия серег в XVII–XVIII вв. Название «орлики» относится к зооморфным серьгам типа IX. Серьги типа I с одним стержнем назывались «одиначки» («одиночки»), с двумя – «двойчатки», с тремя – «тройчатки». Упомянуты хрустальные серьги-«одиначки» (Георгиевский, 1927б. С. 64, 68, 69, 74). Становятся известны детали оформления серег-«лапок»: их украшают разноцветные камни («семь камешков разных цветов»), финифть, вставки в гнездах, жемчуг «в закрепках» (Георгиевский, 1927б. С. 71, 72).

Таким образом, в уборе Нового времени серьги стали основным головным украшением. Утверждение цельных форм головного убора, в особенности

кокошника, в XVI–XVII вв. вело к утверждению серьги – украшения, не связанного с головным убором. Это главное различие категорий серег и височных колец. Формы прежних категорий украшений – височных колец, накосников, рясен – просматриваются в формообразовании серег.

До первой половины XVII в. сохраняется плоскостной способ ношения (отдел 1), характерный для височных колец, и даже изредка крепление их на ленты или ткань головного убора. В XV–XVI вв. распространено жесткое закрепление подвески, к XVI–XVII вв. развивается подвижное. В середине – второй половине XVII в. происходит переход к перпендикулярному закреплению подвески относительно крепежной детали (отдел 2).

Серьги со стержневыми подвесками (тип I) известны со второй половины XIII–XIV в. На базе типа I в первой половине XVII в. возникают серьги типа III с фиксированным креплением стержней. Эти украшения имеют более демократический характер и остаются в русском народном уборе (рис. 1).

Для XVI в. характерно распространение лунничных форм серег (тип V), что связано с формами подвесок рясен, лунничными височными кольцами и колтами. Характерная форма серег XVI в., зооморфная, в виде птичек (тип IX), также связывается с формами бляшек рясенных подвесок. Эти типы демонстрируют аристократическую линию серег.

На рубеже XVI–XVII вв. на базе усложнения типа I появляются серьги с миндалевидной подвеской – оправой бусины (тип X). В XVII в. эти серьги представлены и роскошными экземплярами, и значительно более простыми. В это же время серьги с подвеской в форме птиц (тип IX) трансформируются в серьги с подвеской в виде геометризированно-растительной фигуры (тип IV). Во второй половине XVII в. подвеска приобретает вид натуралистично-растительной фигуры (тип VI).

В первой половине XVII в. появляются типы серег: с дугообразной подвеской (тип VIII) и в виде подтреугольной абстрактно-криволинейной фигуры (тип VII). Последние известны в роскошном и демократическом вариантах. Эти типы также можно связать с развитием конструкции стержневых серег типа I. Таким образом, развитие этого исходного типа обогатило формы русских серег, причем прослеживается преемственная связь между ними.

В оформлении серег XVI в. преобладает скань завитково-спирального стиля. Общая художественная тенденция от XVI к XVII в.: от геометризованных к растительным натуралистичным формам.

Каталог серег¹²

1. Вторая половина XIII – XV в.

1. Серьга кольцообразная с отходящим вниз стержнем (рис. 3, 1).

Металл¹³; 1 экз.; 16×14¹⁴.

Белоозеро.

Захаров, 2004. Рис. 264, 12.

Конец XIII – XIV в.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип 1а, группа 1.

2. Серьга кольцообразная с отходящим вниз стержнем, деформирована (рис. 3, 2).

Металл; 1 экз.; 20×17.

Белоозеро.

Захаров, 2004. Рис. 264, 13.

Конец XIII – XIV в.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип 1а, группа 1.

3. Серьга кольцообразная с отходящим вниз стержнем (рис. 3, 3).

Цветной металл; 1 экз.; 37×22.

Старая Рязань, посад на Подоле.

Даркевич, Борисевич, 1995. С. 195; Сарачева, 2007. С. 76. Рис. 2, 7.

XIV – середина XV в.

Отдел 1, подотдел 4а, тип 1а, группа 1.

4. Серьга из тонкой проволоки с уплощенной центральной частью, с одним заостренным, отогнутым наружу концом, с петлей-приемником на другом конце и ромбическим орнаментальным щитком с растительным орнаментом в виде листа с прожилками, в отчете определена как височное кольцо (рис. 3, 4).

Бронза; 1 экз.; 18×21.

Суздаль, окольный город.

Пласт 1, кв. Б5, глубина -110¹⁵, № 1/10.

Бейлекчи, 2003. С. 3–5, 13–16, 92, 120. Рис. 26; 28, 1/10.

В пласте отложения XIV–XV и XVI–XVIII вв. не разделены, предложена суммарная датировка.

Датировка условна: от XIV–XV до XVI–XVIII вв.

Отдел 2б, подотдел 1а, тип IV.

5. Серьга кольцообразная с отходящим вниз стержнем и нанизанной овально-сферической бусиной (рис. 3, 5).

Цветной металл; 1 экз.; 44×18.

Новгород, Неревский раскоп, 8-6-480¹⁶.

Седова, 1981. С. 16. Рис. 3, 9.

Вторая половина XIV в.: 1369–1382 гг.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1, подгруппа 1.

6. Серьга кольцообразная с отходящим вниз стержнем и нанизанной граненой расширяющейся бусиной (рис. 3, 6).

Цветной металл; 1 экз.; 44×16.

Новгород, Неревский раскоп, 5/4-7-1287.

Седова, 1981. С. 16. Рис. 3, 2.

Первая четверть XV в.: 1409–1429 гг.

Отдел 1, подотдел 4а, тип I, группа 1, подгруппа 1.

7. Серьга, состоящая из кольца с отогнутым концом и с подвешенным к нему стержнем и граненой расширяющейся бусиной (рис. 3, 7).

Цветной металл; 1 экз.; 58×20.

Новгород, Неревский раскоп, 3-3-1021.

Седова, 1981. С. 16. Рис. 3, 1.

Вторая четверть XV в.: 1429–1446 гг.

Отдел 1а, подотдел 1б, тип I, группа 1, подгруппа 1.

8. Серьга из кольца с отходящими вниз двумя подвесками на упрощенном шарнире (рис. 3, 8).

Цветной металл; 1 экз.; 37,0×22,5.

Тверь, Затьмачье, раскоп 56.

Солдатенкова, 2008. С. 154, 156, 164, 165. Табл. I. Рис. 2, 18.

С учетом аналогий с болгарским материалом В.В. Солдатенковой для серьги определена дата XIV–XV вв. Но среди аналогий нет вариантов с шарниром (см.: Полякова, 1996. Рис. 61, 3–5). Поэтому не исключена возможность датировки

¹² Каталог составлен по той же схеме, что и в предыдущих публикациях (Жилина, 2017).

¹³ Материал указан в соответствии с данными отчета или публикации.

¹⁴ Размер указан в миллиметрах.

¹⁵ Глубина залегания находки на раскопе указана в сантиметрах.

¹⁶ Полевой шифр находки.

серьги концом XV–XVI в., временем, к которому относятся большинство ювелирных украшений раскопа и дворы ремесленников (*Персов, Сарачева, Солдатенкова*, 2009. С. 277).

XV–XVI вв.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип I, группа 2.

9. Серьга из кольца с двумя отходящими в разные стороны S-видными завитками, к которым присоединены подвески в виде стержней, завершающихся бусинами (рис. 3, 9).

Серебро с позолотой; 1 экз.; 43×17.

Гавердово (Ожск?) Рязанской обл., клад 1947 г.

Зубков, 1951. С. 138–141. Рис. 52, 5.

В составе клада – монеты 1350–1402 гг. Клад зарыт в начале – первой четверти XV в.

XIV–XV вв.

Отдел 1, подотдел 1б, тип I, группа 2, подгруппа 1.

10. Серьги кольцеобразные с отходящим вниз стержнем, одна с нанизанной граненой бусиной (рис. 3, 10/1, 2).

Металл; 2 экз.; 1) 31×17; 2) 55×16.

Переяславль Залесский.

Воронин, 1949а. С. 199. Рис. 6, 4, 5.

В слое имеется серебряная денга Ивана III. Автором раскопок серьги отнесены к XVI–XVII вв. Не исключена дата от рубежа XV–XVI вв.

XV–XVI вв.

Отдел 1а, тип I, группа 1; 1) подотдел 4а; 2) подотдел 5а, подгруппа 1.

11. Серьга кольцеобразная с отходящим вниз стержнем и с нанизанной граненой удлиненной бусиной (рис. 3, 11).

Цветной металл, синее стекло; 1 экз.; 34,0×9,0.

Ярославль.

Воронин, 1949б. С. 183. Рис. 5, 5.

Отнесена к слою XVI–XVII вв. (ниже лежит слой с верхней датой конца XV – начала XVI в.). Не исключена дата от рубежа XV–XVI вв.

XV–XVI вв.

Отдел 1а, подотдел 5а, тип I, группа 1, подгруппа 1.

12. Серьга кольцеобразная с отходящим вниз стержнем (рис. 3, 12).

Цветной металл; 1 экз.; 24×13.

Тверь, Затьмачье.

Персов, Сарачева, Солдатенкова, 2009. С. 277. Рис. XXVII, 2.

Конец XV – XVI в.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1.

13. Бусина миндалевидной формы, надетая на стержень (рис. 3, 13).

Цветной металл; 1 экз.; 20×12.

Тверь, Затьмачье.

Солдатенкова, 2008. С. 156. Рис. 2, 16.

Конец XV – XVI в.

Без полного типологического определения, тип I (?), подгруппа 1.

14. Серьга на деформированном до подтреугольной фигуры кольце с отходящим вниз стержнем и нанизанной сферической бусиной (рис. 3, 14).

Цветной металл; 1 экз.; 25×13.

Москва, Романов Двор, № 245–02/VIII.

Кренке, 2009. С. 391. Рис. 145, 25.

Вторая половина XIV – первая половина XVI в.

Отдел 1а, подотдел 5а, тип I, группа 1, подгруппа 1.

15. Бусина-пронизка овальной формы (рис. 3, 15).

Янтарь; 1 экз.; 18,0×16,0×5,6.

Москва, собор Покрова Богородицы на Рву, окружающая территория, жилая застройка посада близ стен Кремля, предшествующая Красной площади.

Беляев, 2006а. С. 15, 16; 2006б. Т. 2. Л. 39.

Раскоп 1, посадский слой, кв. 12, глубина -203, постройка 3, № 110.

Постройка 3 с монетой конца XIV – начала XV в. Застройка территории сгорела в пожаре 1493 г.

XIV–XV вв.

Без типологического определения.

16. Серьга кольцеобразная с отходящим вниз стержнем с крючком на конце (рис. 3, 16).

Цветной металл, 1 экз.; 32×20.

Тверь, Затьмачье.

Солдатенкова, 2008. С. 156, 164. Табл. I. Рис. 2, 15.

Конец XV – XVI в.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1.

17. Серьга кольцеобразная с отходящим вниз стержнем, обмотанным проволокой (рис. 3, 17).

Бронза, 1 экз.; 17×30.

Москва, ул. Ильинка.

Векслер, 1996д. С. 61–63, 81, 82 (218–220, 238, 239)¹⁷; 1996е. Л. 41об. Ил. 210, табл. 6, 3.

Раскоп 1, участок 6, пласт 17, кв. 111, глубина -322, № 164.

Пласт отнесен к 4 горизонту со слоем XV – начала XVI в., в слое есть находки XIII в.

XIII–XV вв. (?).

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1.

18. Серьга кольцеобразная с отходящим вниз стержнем (рис. 3, 18).

Бронза; 1 экз.; 17×28.

Москва, ул. Ильинка.

Векслер, 1996д. С. 61–63, 81, 82 (218–220, 238, 239); 1996е. Л. 41об. Ил. 210, табл. 6, 4.

Раскоп 1, участок 6, пласт 17, кв. 115, глубина -337, № 165.

Обоснование датировки см. по № 18.

XIII–XV вв. (?).

Отдел 1, подотдел 4а, тип I, группа 1.

19. Серьга кольцеобразная с отходящим вниз стержнем (рис. 3, 19).

Медь; 1 экз.; 28×19.

Москва, Зарядье.

Дубынин, 1955а. С. 110, 114, 115 (108, 112, 113); 1955б. Л. 24об., 44об. (с. 12). Табл. XLVI, 13; 1955в. С. 25.

Участок 5, квадрат 36, общая глубина от -460 до -480, глубина -480, № 298.

На данной глубине отмечены стеклянные браслеты. Слой расположен над слоем XII–XIII вв.

Вторая половина XIII – начало XIV в.

Отдел 1, подотдел 4а, тип I, группа 1.

20. Серьга кольцеобразная с отходящим вниз стержнем, обмотанным проволокой и с напущенной бусиной (рис. 3, 20).

Бронза; 1 экз.; 36×18.

Москва, Зарядье.

Дубынин, 1955а. С. 126, 136, 145, 149, 152, 154, 155, 159 (124, 134, 143, 147, 150, 152, 153, 157); 1955б. Л. 31, 45об. (с. 16). Табл. LIX, 1.

Участок 10, кв. 5Г, глубина -430, погребение 90, № 296.

Кладбище XIV/XV–XVII вв. залегает на уровне от -200 до -420. Слой смешан с домонгольским слоем (от -300 до -400 – сплошной перекоп). Крышка гроба и череп погребения 90 раздавлены.

Постройка конца XV – начала XVI в. сооружена позже кладбища, погребение 90 может быть датировано началом XV в., серьга № 296 обнаружена непосредственно под его гробом. Ниже кладбища – непо потревоженный домонгольский культурный слой от -340 до -350 (на площади кв. 5Г не указан).

XIV–XV вв.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1, подгруппа 1.

21. Бляшки-розетки для надевания на стержень серег (рис. 3, 21).

Цветной металл; 1 экз.; Д = 4,0–5,0.

Тверь, Затымачье.

Солдатенкова, 2008. С. 156. Рис. 2, 17.

Конец XV – XVI в.

Без типологического определения.

2. XVI в.

1. Фрагмент серьги в виде стержня с бусиной (рис. 4, 1)¹⁸.

Цветной металл; 1 экз.; 25×11.

Тверь, Затымачье.

Персов, Сарачева, Солдатенкова, 2009. С. 277. Рис. XXVII, 12.

Конец XV – XVI в.

Без полного типологического определения, тип I (?), подгруппа 1.

2. Серьги кольцеобразные (парные) с отходящим вниз стержнем и нанизанной подтреугольной зеленой бусиной, вторая серьга представлена фрагментом (рис. 4, 2/1).

Бронза, стекло; 2 экз.; 17×37 (размер целой серьги).

Суздаль, детинец.

Седова, Чалых, 1986. 1) С. 42–48 (31–36), 52 (40), 46 (34). Рис. 18, 5; 2) С. 63–70 (50–56).

Раскоп «Детинец – V»: 1) пласт 4 (глубина -60/-80), № 226, кв. 46; 2) пласт 6, (глубина -100/-120), кв. 38, постройка 1, № 104.

В слое пласта 4 преобладает керамика XV–XVII вв., в вышележащем пласте 3 найдена монета Ивана Грозного, прослежена связь с постройкой 1.

XVI в.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1, подгруппа 1.

¹⁷ Указаны страницы документа по архивным обозначениям, в скобках – страницы, отмеченные в оригинале отчета.

¹⁸ Материал дублирован для иллюстрации характерности формы в XV и XVI вв.

3. Серьга кольцообразная с отходящим вниз стержнем и нанизанной цилиндрической бирюзовой бусиной (рис. 4, 3).

Цветной металл; 1 экз.

Суздаль, кремль.

Седова, 1988а. С. 10, 13, 14, 21, 22; 1988б. Л. 13об. Рис. 26, 10.

Раскоп «Кремлевский XV», пласт 3, кв. 268, № 1.

Ориентировочная дата слоя – XVI–XVII вв. (серебряная монета-чешуйка, крест XVII–XVIII вв., западноевропейское стекло XIV–XV вв.; в нижележащем пласте 4 – монеты XVI–XVII вв., золотоордынская монета XIV–XV вв.). Находки XVI–XVIII вв. имеются в местах зафиксированных перекопов.

XV–XVI вв.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1, подгруппа 1.

4. Серьга кольцообразная с отходящим вниз стержнем и нанизанными на него двумя бусинами, сферической и кубической (рис. 4, 4).

Цветной металл, стекло; 1 экз.; 49×13.

Суздаль, детинец.

Седова, 1988а. С. 94, 96, 97; 1988б. Л. 10. Рис. 41, 1.

Раскоп «Детинец-VI», пласт 1, кв. 76, № 4.

В нижележащем пласте 2 преобладает керамика XVI–XVII вв.

XVI в.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1, подгруппа 1.

5. Фрагмент серьги (?) – кольцо (рис. 4, 5).

Бронза; 1 экз.; 29×18.

Москва, Романов двор.

Раскоп 1, участок 2, кв. 26, глубина -328/40, темно-серая – буро-серая гумусированная супесь, № 357.

Беляев, Кренке, 2003а. С. 58; 2003б. С. 109. Ил. 337, 357.

Найдены на полу постройки второй половины XVI в., к периоду жизни которой относится. В слое найдена красноглиняная гладкая и белоглиняная грубая (преобладает) керамика.

Вторая половина XVI в.

Без типологического определения.

6. Серьги из проволочных колец с закрепленным по центру кольца внизу овальным кастом с помощью подкладной пластины (рис. 4, 6/1, 2).

Бронза, 2 экз.; 30×21.

Суздаль.

Глазов, 2000. С. 22, 23, 29, 30. Рис. 45, 1, 3; 51.

Погребение 9.

Кладбище XVI–XVII вв., обнаружены под черепом погребенной.

XVI–XVII вв.

Отдел 1а, подотдел 1а, тип II, группа 1, подгруппа 2.

7. Деталь серьги в виде розетки для нанизывания на стержень (рис. 4, 7).

Цветной металл; 1 экз.; D = 7,0.

Москва, Замоскворечье, Татарская слобода.

Векслер, 2004а. С. 5, 106–110; 2004б. С. 104. Ил. 202, 97.

Раскоп 4, пласт 10, кв. 7, глубина -200, № 97.

В слое пласта, в том же квадрате, на той же глубине найдена монета XVI в.; найдены игрушки XVI в, изразцы XVII в. В отчете материал пласта на отметках -190/-200 датирован XVI в.

XVI в.

Без типологического определения.

8. Серьга лунничной формы (рис. 4, 8).

Серебро, 1 экз.; 22,5×19,0.

Владимир, Ветшаный город.

Жарнов, 1999а. С. 6–12; 1999б. Л. 59. Рис. 193, 1.

Раскоп I, пласт 1, № 12, кв. 53, глубина -18.

В отчете датирована от XVII в., находится в перемешанном слое. В нижележащем пласте зафиксированы канавки не ранее XV–XVII вв.

Конец XVI – XVII в.

Отдел 1б, подотдел 3г (?), тип V.

9. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской в виде стержня с нанизанными бусинами: одной крупной из сапфира, двух жемчужин и двух металлических промежуточных (рис. 4, 9).

Серебро, позолота, жемчуг, сапфир; 2 экз.; 48×10.

Русское серебро... 1984. № 21 (слева внизу). С. 33; 215.

ГММК, из Благовещенского собора Московского Кремля.

XVI в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип I, группа 1, подгруппа 1.

10. Серьги на кольце с петлей; на двух цепях закреплена подвеска в виде литой миндалевидной оправы со стержнем с двумя нанизанными сапфировыми бусинами; оправка включает петли, к которым прикреплены жемчужины на петлях

и штифтах; две – на уровне верхней бусины, пять – на уровне нижней (рис. 4, 10).

Серебро, позолота, сапфиры; 2 экз.; 60×25.

Русское серебро... 1984. № 21 (справа внизу). С. 33; 215.

ГММК, собрание П. Ф. Коробанова.
XVI–XVII вв.

Отдел 1а, подотдел 1в, тип X, группа 1, подгруппа 1.

11. Серьги на кольце с петлей; на двух цепях закреплена подвеска в виде литой миндалевидной оправы со стержнем с двумя нанизанными бусинами; оправка включает петли, к которым прикреплены бусины на петлях и штифтах; две – на уровне верхней бусины, три – на уровне нижней (рис. 4, 11).

Серебро, позолота, драгоценные камни, жемчуг; 2 экз.

ГВСИАиХМЗ, Золотая кладовая.

Золотая кладовая... 2008. № 56 (вверху). С. 76, 77 (опубликованы без масштаба).

XVI–XVII вв.

Отдел 1а, подотдел 1в, тип X; группа 1, подгруппа 1.

12. Серьги на кольце с шарниром с подвеской в виде фигуры птицы, выполненной в технике ажурной скани со спиральным орнаментом, с тремя подвесками из жемчужин на стержнях в оправках из спиральной филигрании (рис. 4, 12).

Серебро, позолота, жемчуг; 2 экз.; 50×15.

Русское серебро... 1984. № 21 (вверху). С. 33, 215.

Покровский монастырь в Суздале; ГММК, из Владимиро-Суздальского обл. музея.

XVI в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип IX.

13. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской зооморфно-растительной формы (верхняя часть напоминает птичью голову), с орнаментом из скани, округлыми вставками из перламутра и альмандина, с двумя подвешенными на петлях жемчужинами на штифтах, четыре жемчужины укреплены с двух сторон (рис. 4, 13).

Серебро, жемчуг, альмандины, перламутр; 2 экз.; 65×26.

Постникова-Лосева, 1987. С. 58. № 72.

Новгород; ГИМ, собрание П. С. Уваровой.

XVI в.

Отдел 1а подотдел 1г, тип IV.

14. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской из двух стержней с нанизанными жемчужинами, бусинами из альмандина и металлическими бусинами из спаянной зерни (рис. 4, 14).

Серебро, жемчуг, альмандины; 2 экз.; 40×13.

Постникова-Лосева, 1987. С. 54. № 65.

ГИМ, из Госфонда.

XVI–XVII вв.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип I, группа 2, подгруппа 1.

15. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской из двух стержней с нанизанными жемчужинами и коралловой бусиной, металлическими бусинами из спаянной зерни; стержни дополнены подвесными стержнями с металлическими зернеными бусинами, у одной серьги утрачены (рис. 4, 15/1, 2).

Серебро, жемчуг, кораллы; 2 экз.; 55×25.

Постникова-Лосева, 1987. С. 54. № 63

ГИМ, собрание П. И. Щукина.

XVI–XVII вв.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип I, группа 2, подгруппа 1.

16. Серьги на кольце с шарниром, с кринообразной подвеской с орнаментом из сканных завитков, двумя округлыми стеклянными вставками и жемчужинами, с пятью подвешенными стержнями с нанизанными бусинами из металла и из спаянной зерни; бусины из металла на штифтах укреплены по концам кринообразных выступов и по сторонам подвески; петля подвески украшена филигранью (рис. 4, 16).

Серебро, стекло; 2 экз.; 68×35.

Постникова-Лосева, 1987. С. 56. № 68.

Новгород; ГИМ, собрание П. И. Щукина.

XVI–XVII вв.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип IV.

17. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской в виде растительной фигуры с орнаментом из сканных завитков, двумя округлыми стеклянными вставками, с четырьмя подвешенными внизу на петлях металлическими бусинами; бусины из металла на штифтах подвешены с двух сторон по концам растительных выступов; петля подвески украшена филигранью (рис. 4, 17).

Серебро, стекло; 2 экз.; 60×25.

Постникова-Лосева, 1987. С. 56. № 68.

Новгород; ГИМ, собрание П. И. Щукина.

XVI–XVII вв.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип IV.

18. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской кринообразной формы, украшенной филигранью и двумя вставками, внизу с четырьмя подвесками с нанизанными бусинами (рис. 4, 18).

Серебро, стекло, камни, жемчуг; 2 экз.; 60×30.

Русское прикладное искусство... 1982. С. 207, 208. № 113.

Покровский монастырь в Суздале; ГВСИАиХМЗ. XVI–XVII вв.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип IV.

19. Серьги на кольце с упрощенным шарниром, с тремя стержневыми подвесками от нижнего края с нанизанными жемчугом и бусинами (рис. 4, 19).

Серебро, камни; 2 экз.; 55×21.

Русское прикладное искусство... 1982. С. 207, 208. № 114.

Покровский монастырь в Суздале; ГВСИАиХМЗ. XVI–XVII вв.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип I, группа 3, подгруппа 1.

20. Серьга на кольце с отогнутым вниз стержнем и остатками бусины (рис. 4, 20).

Бронза (?); 1 экз.; 34×14.

Москва, Романов двор.

Беляев, Кренке, 2003а. С. 1, 58; 2003б. С. 14, 15, 21, 110. Илл. 338, 365.

Раскоп 1, участок 2, кв. 27, пласт 17/18, глубина -338/43, темно-серая – буро-серая гумусированная супесь, № 365.

Найдены на полу постройки второй половины XVI в., к периоду жизни которой относятся. В слое найдена красноглиняная гладкая и белоглиняная грубая (преобладает) керамика.

Вторая половина XVI в.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1.

21. Деталь серьги – крепежное кольцо с сомкнутыми и спирально обмотанными концами (рис. 4, 21).

Медь; 1 экз.; 31,4×20,0.

Москва, Зарядье.

Векслер, 1984а. С. 5–7; 1984б. Л. 4 (чертеж), 24 об. Рис. 32, 9.

Раскоп II, пласт 3, кв. 7, глубина -105, № 52.

В слое пласта – красные и полихромные изразцы, белоглиняная корчага.

XVI–XVII вв.

Без полного типологического определения, отдел 1а, подотдел 1.

22. Серьга на кольце с отходящим вниз стержнем и нанизанной стеклянной бусиной (рис. 4, 22).

Металл, стекло; 1 экз.; 24×14.

Москва, Манежная площадь.

Векслер, 1995а. С. 108–110 (107–109); 1995б. Л. 48об (чертеж), 58 об. Ил. 107, табл. 2, 3.

Раскоп 12, пласт 25, кв. 25, глубина -484, № 30.

Найден красный изразец, основная часть находок пласта относится к XVII в., находка связана с постройкой на дворе усадьбы XVII в.

XVI–XVII вв.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1, подгруппа 1.

23. Деталь серьги – кольцо с шарниром (рис. 4, 23).

Бронза; 1 экз.; 28×19.

Москва, Белый город.

Векслер, 2002з. С. 72–78; 2002и. С. 107, 154, 162.

Зона экспресс-раскопок 4 (восточная прирезка к раскопу 1); яма 3, кв. Д-5, глубина -371, № 67.

В слое найдена белоглиняная грубая керамика рубежа XV/XVI–XVI в.; керамика XVII–XVIII вв.; монета – медное малое московское пуло. Сооружение в яме № 3 погибло в пожаре 1547 г. Находка серьги зафиксирована у дна ямы, в слое темно-серой супеси – второй половины XV – XVI в.

XVI в.

Без полного типологического определения, отдел 1, подотдел 1г.

24. Кольцо серьги с зооморфной лопастью (рис. 4, 24).

Серебро; 1 экз.; Д=10–12.

Москва, Красная площадь, Казанский собор.

Беляев, 1989. С. 16, 18–20, 79.

Раскоп КС-89, помещение 1б, зачистка каменного пола, № 86.

В переотложенном заполнении помещения возможен материал от XVI до XIX вв. Сооружение 1б примерно соответствует времени сооружения фундаментов Казанского собора.

XVI–XVII вв. (см. рис. 5, 5).

Без полного типологического определения, отдел 1, подотдел 1.

25. Подвеска серьги (?) биконическая в сечении с орнаментальной сеткой, ячейки которой заполнены плетеным орнаментом (рис. 4, 25).

Медь; 1 экз.; 15×20.

Москва, Северо-Западная часть Манежной площади, Воскресенский мост.

Векслер А. Г., 1996а. С. 36 (690), 58 (712); 130 (785); 1996б. Л. 47об. Ил. 912. Табл. 4, 6.

Раскоп XVI, кв. 101, глубина -799, № 220.

Нижние слои раскопа XVI относятся к первой половине XVI в. Но находка не отмечена в тексте и на плане, № квадрата, возможно, указан неверно. XVI в. (?)

Без типологического определения.

3. XVII в.

1. Серьги на кольце с шарниром (приближено к полукольцу), с подвеской из двух стержней с нанизанными жемчужинами и бусинами (рис. 5, 1).

Серебро, жемчуг, изумруды, рубины, сердолик; 2 экз.; 42.

Постникова-Лосева, 1987. С. 54. № 64.

ГИМ, из музея Александровской слободы. XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип I, группа 2, подгруппа 1.

2. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской из двух стержней с нанизанными жемчужинами, и бусинами (рис. 5, 2).

Серебро, жемчуг, янтарь; 2 экз.; 44.

Постникова-Лосева, 1987. С. 55. № 66.

ГИМ, собрание Вишневыских. XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип I, группа 2, подгруппа 1.

3. Серьги на полукольце с трапециевидной подвеской из стержней и пластин; на одном стержне укреплен стеклянная бусина в металлической лепестковой оправе с гравированным орнаментом, другой стержень и пластины украшены жемчугом (рис. 5, 3).

Серебро, жемчуг, стекло; 2 экз.; 51×28.

Постникова-Лосева, 1987. С. 52. № 61.

ГИМ, собрание неизвестного. XVII в.

Отдел 1а, подотдел 2г, тип III, группа 2, подгруппа 1.

4. Серьги на кольце с кринообразной подвеской с орнаментом из скани с эмалью, округлыми драгоценными вставками, с четырьмя подвешенными на петлях стержнями с нанизанными филигранными бусинами и жемчужинами, завершенными пирамидками зерни; бусины из металла на штифтах укреплены с двух сторон кринообразной фигуры (рис. 5, 4).

Серебро, эмаль, изумруды, жемчуг, алемандины; 2 экз.; 81.

Постникова-Лосева, 1987. С. 57. № 70.

Новгород; ГИМ, собрание П. И. Щукина. Начало XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип IV.

5. Серьги на кольце с застежкой на петлю и откидной дужкой, конец кольца оформлен в виде звериной головы, с двумя кастами со вставками; верхнюю часть подвески образует дуга с пятью драгоценными вставками, внутри которой – изображение пары целующихся птиц, ниже – каст и две розетки по сторонам, ниже – металлическая лента и кольца трех подвесок из крупных жемчужин в конусообразных оправках (рис. 5, 5/1, 2).

Золото, рубины, изумруды, жемчуг, стекло; 2 экз.; 52×20.

Русское золото... 1987. С. 60, 195. № 34; *Мартынова*, 2002. С. 283. № 385.

ГММК, собрание П. Ф. Карабанова.

Не ранее 30-х гг. XVII в.

Отдел 2в, подотдел 1б, тип VIII.

6. Серьги на кольце с шарниром для подвески (украшен двумя бусинами на штифтах), верхнюю часть образует дуга с пятью драгоценными вставками, внутри которой – изображение пары целующихся птиц, ниже – растительно-завитковая композиция с гнездами для вставок; на обороте – рельефный эмалевый орнамент, у одной из серег утрачено кольцо, сохранилась петля подвески (рис. 5, 6/1, 2).

Золото, рубины; 2 экз.; 30×23.

Мартынова, 2002. С. 283. № 386.

ГММК, из фонда церковных ценностей.

Не ранее 30-х гг. XVII в.

Отдел 2а, подотдел 1г, тип VIII.

7. Серьги на кольце с присоединенным проволочным приспособлением для прикрепления вверху и крючком для подвески, с подвеской на кольце и двух цепях с подпрямоугольными звеньями; подвеска в форме абстрактной орнаментальной фигуры с завитковым орнаментом из эмали, в центре закреплена гиацинтовая бусина; сверху укреплен жемчужина на штифте, с обеих сторон на абстрактно-зооморфных выступах кольца с жемчужинами на штифтах; внизу на петлях и кольцах прикреплены три жемчужины (рис. 5, 7).

Золото, рубины, изумруды, жемчуг, гиацинт; 2 экз.; 68×20.

Русское золото... 1987. С. 194. № 31; *Мартынова*, 2002. С. 81. № 48.

ГММК, основное собрание ГОП.

Первая треть XVII в. (не ранее конца 1620-х гг.).
Отдел 1а, подотдел 1в, тип Х.

8. Серьги на полукольце с подвеской из двух стержней с нанизанными миниатюрными бусинами из металла, с филигранными бусинами и с подвешенными розовой и зеленой каменными бусинами (рис. 5, 8).

Серебро, уральские самоцветы; 2 экз.; 57.

Постникова-Лосева, 1987. С. 55. № 67.

ГИМ, из коллекции бывшего Музея боярского быта.

XVII в.

Отдел 1а, подотдел 2б, тип III, группа 2, подгруппа 1.

9. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской из стержня с нанизанными жемчужинами и стеклянной зеленой бусиной (рис. 6, 9).

Серебро, жемчуг, стекло; 2 экз.; 40.

Постникова-Лосева, 1987. С. 52. № 62.

ГИМ, собрание музея Александровской слободы.

Вторая половина XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип I, группа 1, подгруппа 1.

10. Серьги на дужке с лунничной подвеской с орнаментом из скани с эмалью и филигранью и тремя подпрямоугольными драгоценными вставками, с тремя подвешенными на петлях гранеными бусинами, продленными жемчужинами на штифтах, две жемчужины аналогично укреплены между бусин (рис. 5, 10).

Золото, рубины, изумруды, жемчуг; 2 экз.; 76×45.

Постникова-Лосева, 1987. С. 60. № 73.

Москва; ГИМ, собрание П. И. Щукина.

1660-е гг.

Отдел 1а, подотдел 3а, тип V.

11. Серьги на дужке с лунничной подвеской с ажурным орнаментом из филигрании с эмалью; сверху припаяна литая фигура птицы на ветке; снизу на кольцах закреплены семь стержней с тремя нанизанными жемчужинами на каждом (рис. 6, 11).

Золото, жемчуг; 2 экз.; 52×36.

Постникова-Лосева, 1987. С. 62. № 77.

Москва; ГИМ, собрание П. И. Щукина.

Конец XVII в.

Отдел 1, подотдел 3а, тип V.

12. Серьги на кольце с подвеской на жесткой петле в форме абстрактной криволинейной орнаментальной фигуры с эмалевой орнаментацией; в центре – стеклянная бусина на стержне; снизу на кольцах закреплены пять жемчужин на штифтах (рис. 6, 12).

Серебро, жемчуг, стекла; 2 экз.; 45×22.

Постникова-Лосева, 1987. С. 63. № 79.

ГИМ, покупка.

Вторая половина XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1б, тип VII.

13. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской на петле в форме абстрактной орнаментальной фигуры с ажурным орнаментом из эмали и скани; в центре – стеклянная бусина на стержне; снизу на кольцах закреплены пять жемчужин на петлях и штифтах (рис. 6, 13).

Серебро, жемчуг, стекла; 2 экз.; 50×24.

Постникова-Лосева, 1987. С. 64. № 81.

ГИМ, собрание П. И. Щукина.

Вторая половина XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип VII.

14. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской в форме абстрактной орнаментальной фигуры с ажурным завитково-растительным эмалевым орнаментом, в центре – жемчужина на стержне; снизу на кольцах закреплены пять жемчужин на петлях и штифтах (рис. 6, 14).

Серебро, жемчуг; 2 экз.; 55×25.

Постникова-Лосева, 1987. С. 63. № 78.

Великий Устюг; ГИМ, покупка.

Вторая половина XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип VII.

15. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской на петле в форме абстрактной орнаментальной фигуры с ажурным орнаментом из эмали и скани; в центре – зеленая каменная бусина на стержне; снизу на кольцах закреплены пять стеклянных зеленых бусин на штифтах (рис. 6, 15).

Серебро, камень, стекла; 2 экз.; 60×24.

Постникова-Лосева, 1987. С. 64. № 82.

ГИМ, из Музея боярского быта XVII века.

Конец XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип VII.

16. Серьги на крюковой крепежной детали, завершающейся рядом из двух вставок, с соединенной на шарнире подвеской из стержня с тремя нанизанными жемчужинами, центральная – в оправе из лепестковых колпачков; концы

проволоки, продетой в шарнир, украшены жемчужинами (рис. 6, 16).

Золото, рубины, жемчуг; 2 экз.; 38.

Постникова-Лосева, 1987. С. 61. № 74.

ГИМ, собрание А. А. Брокара.

Вторая половина XVII в.

Отдел 2а, подотдел 5г, тип I, группа 1, подгруппа 1×2.

17. Серьги на кольце с шарниром, с ажурной подвеской (на петле) в форме абстрактной орнаментальной фигуры с эмалевым орнаментом; в центре одной серьги – жемчужина, в центре другой – перламутровая уплощенная бусина, на стержнях; снизу на кольцах закреплены семь подвесок: в центре – в виде распластанной птицы; остальные – в виде стержней, завершающихся жемчужинами на штифтах, с нанизанными бусинами и пронизками из спиральной проволоки (?) (рис. 6, 17).

Серебро, жемчуг, перламутр; 2 экз.; 63×28.

Постникова-Лосева, 1987. С. 65. № 83.

ГИМ, собрание П. И. Щукина.

Конец XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип VII.

18. Серьги на кольце с шарниром и с кастом, с присоединенной на шарнире подвеской в форме абстрактной орнаментальной фигуры с ажурным орнаментом из эмали, с округлыми кастами со вставками; снизу на кольцах закреплены на штифтах: две жемчужины и одна уплощенная перламутровая бусина в центре (рис. 6, 18).

Серебро, жемчуг, перламутр, стекла; 2 экз.; 61×31.

Постникова-Лосева, 1987. С. 65. № 84.

Москва, по преданию, принадлежали матери Петра I, царице Наталье Кирилловне.

ГИМ, приобретены у П. А. Корзинкина.

Конец XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип VII.

19. Серьги с крепежной деталью в виде крючка, завершающейся рядом из трех вставок, с присоединенной на шарнире подвеской из одного стержня с тремя нанизанными жемчужинами, центральная жемчужина крупнее; концы проволоки, продетой в шарнир, украшены надетыми жемчужинами (рис. 6, 19).

Золото, изумруды, рубины, жемчуг; 2 экз.; 40×15.

Постникова-Лосева, 1987. С. 61. № 76.

ГИМ, собрание неизвестного.

Конец XVII в.

Отдел 2а, подотдел 5г, тип I; группа 1, подгруппа 1×2.

20. Серьги на крепежной детали в виде крючка, с присоединенной на шарнире подвеской натуралистично-растительной формы с тремя прямоугольными драгоценными вставками; снизу на петлях подвешены три жемчужины на кольцах и штифтах; на концы проволоки, продетой в шарнир, надеты жемчужины (рис. 6, 20).

Золото, рубины, жемчуг; 2 экз.; 32.

Постникова-Лосева, 1987. С. 61. № 75.

ГИМ, собрание П. И. Щукина.

Конец XVII в.

Отдел 2а, подотдел 5г, тип VI.

21. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской миндалевидной формы с краем из ажурной вальцованной спиральной филигрании (канители), бордюром из драгоценных вставок и центральной бусиной на штифте; внизу на петлях и кольцах прикреплены три подвески: по краям из одной бусины, в центре – из пяти-шести миниатюрных бусин (рис. 6, 21).

Золото, сапфиры, изумруды, рубины, стекло; 2 экз.; 75×25.

Русское золото... 1987. С. 63, 196. № 39; *Мартынова*, 2002. С. 233. № 293.

Москва (?); ГММК, из Государственного музейного фонда.

Последняя четверть XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип X.

22. Серьги на дужке, с подвеской криволинейно-лунничной формы с растительно-натуралистичным рельефным эмалевым орнаментом; внизу на кольцах прикреплены три подвески на петлях: крайние – из трех жемчужин на стержнях, центральная – из одной крупной жемчужины и миниатюрной розетки на стержне (?) (рис. 6, 22).

Золото, жемчуг; 2 экз.; 40.

Мартынова, 2002. С. 233. № 294.

Москва (?); ГММК, собрание Л. К. Зубалова.

Последняя четверть XVII в.

Отдел 1в, подотдел 3г (?), тип V.

23. Подвески от серег без крепежной детали, верхнюю часть образует дуга с пятью драгоценными вставками, внутри которой – изображение пары целующихся птиц, ниже – каст в растительном обрамлении с гнездами для камней (рис. 6, 23/1, 2).

Золото, рубины; 2 экз.; 23×22.

Мартынова, 2002. № 316. С. 255.

Москва; ГММК, из Успенского собора Московского Кремля.

Конец XVII в.

Без полного типологического определения, тип VIII.

24. Серьга на кольце с шарниром, с миндалевидной ажурной подвеской с зубчатым краем, тремя петлями для подвешивания; вероятно, центральная бусина утрачена (рис. 6, 24).

Цветной металл (?); 1 экз.; 31×15.

Суздаль, детинец.

Седова, Чалых, 1986. С. 31–41 (21–30), 36, 37, 39 (25, 26, 28); С. 46. Рис. 18, 13.

Пласт 3, кв. 66, № 25.

Слой XVI–XVII вв. (монета Ивана IV, ключи XV–XVII вв., керамика XV–XVII вв., панатия XVI в., поливные зеленые и полихромные изразцы).

XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип X.

25. Серьга на кольце с миндалевидной подвеской с зубчатым краем, с бусиной на штифте и тремя петлями внизу для подвешивания (рис. 6, 25).

Цветной металл; 1 экз.; 20,5×15,0.

Дворцовое село, Мытищи.

Чернов, 2002. С. 61–65. Рис. 17, 86.

Связана с жилой постройкой рубежа XVII/XVIII вв.

Конец XVII в.

Без полного типологического определения, тип X.

26. Серьга на кольце с миндалевидной подвеской с зубчатым краем и тремя петлями для подвешивания; вероятно, центральная бусина утрачена (рис. 6, 26).

Медный сплав; 1 экз.; 21×15.

Александров Московской обл., Александровская слобода.

Томсинский, 2006. С. 3, 10, 11, 40, 39, 42, 92, 47.

Раскоп 1, пласт 2, кв. 9А, яма № 6, прослойка 2, глубина -120, № 47.

Прослойка 3А, датирующаяся от второй половины XVIII в., соответствует выборке сооружения и образованию ямы 6 (переотложенные напластования). В отчете указано, что следы обработки напильником свидетельствуют о датировке не ранее первой четверти XVIII в.

Конец XVII (?) – начало XVIII в.

Без полного типологического определения, тип X.

27. Серьги на крюкообразной крепежной детали (?), с подвеской в виде грушевидной бусины с отходящими в стороны полукруглыми лопастями (рис. 6, 27).

Металл, жемчуг; 2 экз.; 66×24.

Русское прикладное искусство... 1982. С. 207, 208. № 115.

Покровский монастырь в Суздале; ГВСИАиХМЗ. XVII–XVIII вв.

Отдел 2, подотдел 5 (?), тип XI.

28. Подвесная бусина граненая, возможно, от серьги (рис. 6, 28).

Аметист (?); 1 экз.; 23×10.

Владимир, Ветшаный город.

Жарнов, 1997а. С. 2, 19, 20 (18, 19); 1997б. Л. 47. Рис. 116, 1.

Раскоп I, пласт 3, кв. 113, № 33, глубина -36.

Яма древнерусского времени повреждена поздними перекопами, вещь отмечена в слое перекопа.

Предположительно XVII в.

Без типологического определения.

29. Серьги на кольце, соединенном с лентой, и двумя подвесками на стержнях с нанизанными шарообразными и удлиненными бусинами (рис. 6, 29/1, 2).

Бронза (?); 2 экз.; 50×20.

Тверь, Затьмачье.

Новиков, 1997. С. 264. Рис. 2, 1, 2.

Горизонт поздних погребений.

Вторая половина XVII – начало XVIII в.

Отдел 1а, подотдел 1, тип I, группа 2, подгруппа 1.

30. Серьга на разомкнутом кольце со стержнем, отходящим вниз с нанизанными цилиндрическими пронизками и шарообразной зеленой бусиной (рис. 6, 30).

Бронза, стекло; 1 экз.; 23×11.

Москва, Манежная площадь.

Векслер, Лихтер, 1997. С. 237, 243, 245. Рис. 1, 5.

Раскоп 1, № 387.

XVII–XVIII вв.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1, подгруппа 1.

31. Серьга на разомкнутом кольце со стержнем, отходящим вниз с нанизанными удлиненными пронизкой и сине-фиолетовой бусиной (рис. 6, 31).

Бронза, стекло; 1 экз.; 22×10.

Москва, Манежная площадь.

Векслер, Лихтер, 1997. С. 237, 243, 245. Рис. 1, 6. XVII в.

Отдел 1а, подотдел 4а, тип I, группа 1, подгруппа 1.

32. Серьга на кольце с шарниром, подвеска абстрактно-криволинейной формы с эмалевым орнаментом закреплена на нижнем шарнире, украшенном жемчугом на стержне; снизу три подвески из бусин и жемчужин (рис. 6, 32).

Серебро, позолота, жемчуг, драгоценные камни, 1 экз.

ГВСИАиХМЗ, Золотая кладовая.

Золотая кладовая... 2008. № 56. С. 76.

XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип VII.

33. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской геометризированно-растительной формы с филигранным орнаментом, округлыми стеклянными вставками, четырьмя подвешенными на петлях стержнями с нанизанными миниатюрными филигранными и перламутровыми бусинами, завершенными пирамидками зерни (рис. 5, 33).

Серебро, перламутр, стекло; 2 экз.; 80×35.

Постникова-Лосева, 1987. С. 58. № 71.

Новгород; ГИМ, приобретены у Б.И. Таховского.

XVI–XVII вв.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип IV.

34. Серьги на кольце с шарниром, с подвеской в форме растительно- натуралистичной фигуры с орнаментом из эмали; в центре – перламутровая уплощенная бусина на стержне; снизу на кольцах закреплены пять жемчужин на петлях и штифтах (рис. 6, 34).

Серебро, жемчуг, перламутр; 2 экз.; 52×24.

Постникова-Лосева, 1987. С. 63. № 80.

Сольвычегодск; ГИМ, собрание П.И. Щукина.

Вторая половина XVII в.

Отдел 1а, подотдел 1г, тип VI.

35. Подвеска к серьге миндалевидных очертаний с зубчатым краем и тремя петлями для подвешивания; центральная бусина, вероятно, не сохранилась (рис. 6, 35).

Медь; 1 экз.; 20×14.

Москва, Арбат.

Векслер, 1997а. С. 25–27, 30 (24–26, 29); 1997б. Л. 69. Ил. 72, табл. 8, 5.

Раскоп 2, пласт 19, кв. 11, глубина -371, № 92.

В слое – муравленый и полихромные изразцы, слой пласта датирован по находкам и керамике рубежом XVII–XVIII вв.

Конец XVII – начало XVIII в.

Без полного типологического определения, тип X.

36. Деталь серьги в виде полукольца с нанизанными бусинами с застежкой на петлю и крючок; подвеска, возможно, утрачена (рис. 6, 36).

Медь; 1 экз.; 23×20.

Москва, Арбат.

Векслер, 1997а. С. 44–49 (43–48); 1997б. Л. 69. Ил. 72, табл. 8, 6.

Раскоп 2, пласт 23, кв. 12, глубина -453, № 197.

В слое – полихромный и красный изразцы, слой пласта датирован по находкам и керамике второй половиной XVII в.

Вторая половина XVII в.

Без полного типологического определения, подотдел 2, тип XII (?).

37. Серьга (?) в виде кольца из перевитой проволоки с застежкой на петлю и крючок (рис. 6, 37).

Латунь; 1 экз.; 16×14.

Москва, Земляной город.

Векслер, 1999. С. 62–67, 245.

Раскоп 1, пласт 14, кв. 19, № 129.

В слое пласта преобладают монеты XVI–XVII вв., находки и керамика середины – второй половины XVII в.

Середина – вторая половина XVII в.

Отдел 1б, подотдел 2, тип XII.

38. Кольцо серьги с деталью упрощенного шарнира, концы разомкнуты (рис. 6, 38).

Медный сплав; 1 экз.; 22.

Москва, Белый город.

Векслер, 2002ж. С. 18; 104; 105; 195.

Раскоп I, участок 1, яма 11, кв. 7, глубина -361, № 300.

Яма содержит находки XVII в.

XVII в.

Без полного типологического определения, отдел 1а, подотдел 1г.

39. Подвеска серьги (или промежуточная бляшка рясна?) в виде диска и лучевой каймы сверху и внизу с отверстиями внутри лучей для колец, из которых сохранилось одно (рис. 6, 39).

Медь, серебрение; 1 экз.; 26×23.

Москва, Замоскворечье, Бродников пер.

Векслер, 1990а. С. 183, 200–203, 222, 223; 1990б. Л. 30об. Ил. 12 (чертеж). Л. 34об. Ил. 28. Л. 35об. Ил. 32. Табл. 5, 3/15.

Наблюдения, шурф, пласт 6, кв. А1, глубина -118, № 15.

В слое пласта, в сооружении 2 – кирпичи середины XVIII в., оно погребено в пожаре 1812 г.; яма 1 – второй половины XVII – конца XVIII в.; находки XVII–XVIII вв.

Вторая половина XVII – XVIII в.

Без полного типологического определения, тип II.

40. Серьга лунничной формы (дужка утрачена), с двумя бусинами на окончаниях лунницы, с растительным орнаментом в технике выемчатой эмали кобальтового и желтого цвета, с орнаментом в стиле рококо и классицизм (?); эмаль в остатках (рис. 6, 40).

Медный сплав, серебрение; 1 экз.; 21,5×21,5.

Москва, Земляной город, Сретенская часть.

Векслер, 1996в. С. 7, 14–16, 31, 32, 82; 1996г. Л. 6. Ил. 7, табл. 1, 2.

Шурф I, балластный слой (перекоп), пл. 5, кв. 6, № 6, глубина -99.

В слое на данном квадрате зафиксированы находки XVIII–XIX вв., в слое по раскопу – XVII в. Освоение участка произошло на рубеже XVII–XVIII вв. (ямы XVIII в. вырыты в отложившемся ранее культурном слое).

XVII–XVIII вв.

Отдел 1, подотдел 3, тип V.

41. Подвеска серьги (?) в виде абстрактно-криволинейной подтреугольной фигуры с тремя отверстиями и абстрактным орнаментом (рис. 6, 41).

Белый металл; 1 экз.; 10×11.

Москва, Замоскворечье, Земляной город.

Векслер, 2002а. С. 16, 39–41; 2002б. С. 25.

Раскоп I, участок 1, горизонт 2, яма 18, кв. В7, глубина -170, № 109.

В слое материал конца XVI – XVIII в.

XVII–XVIII вв.

Без полного типологического определения, тип VII.

42. Подвеска серьги в виде абстрактно-криволинейной подтреугольной фигуры с отверстиями и стеклянными вставками, пятью отверстиями по нижнему краю и подвесками, сохранились не полностью (рис. 5, 42).

Цветной металл, стекло; 1 экз.; 18,5×14,0.

Москва, Заяузье, Гончарная слобода.

Векслер, 2002в. С. 5, 106, 107; 2002г. С. 84. Табл. VI, 6.

Раскоп II, участок 2, горизонт балласта, № 62, кв. 53, глубина -232.

В слое материал XVI–XVIII вв.

Предположительно XVII в.

Без полного типологического определения, тип VII.

43. Подвеска серьги в виде абстрактно-криволинейной подтреугольной фигуры с отверстиями и стеклянными вставками (рис. 5, 43).

Медь, стекло; 1 экз.; 16×14.

Москва, Заяузье, речные террасы.

Векслер, 1994а. С. 12, 31–39; 1994б. Л. 58об. Ил. 114, 5.

Раскоп III, яма № 2, кв. 8, № 41, глубина -23.

Материал ям – от XVI до XIX в. (изразцы XVII в.).

Предположительно конец XVI–XVII в.

Без полного типологического определения, тип VII.

44. Подвеска серьги в виде нити с шарообразными и удлинёнными бусинами (рис. 5, 44).

Цветной металл, камень; 1 экз.; 28,5×6,5.

Москва, Земляной город.

Векслер, 1999. С. 79, 83, 260.

Раскоп 1, пласт 16, кв. 2, глубина -308, № 193.

В слое пласта монеты и другие находки XVI–XVII вв.

Первая половина XVII в.

Без полного типологического определения, тип I, подгруппа 1.

45. Детали серег.

1) кольцо от серьги с подвесной петлей от подвески (рис. 5, 45/1).

Медь; 1 экз.; 23,5×21,0.

Москва, Белый город, Занеглименье.

Векслер, 2002д. С. 16, 1, 53, 57, 65; 2002е. С. 35.

Раскоп I, участок 2, пласт 15, кв. 50, глубина -289, № 433.

XVII в.

Без полного типологического определения, подотдел 1б.

2) фрагмент кольца (рис. 5, 45/2).

Медь; 1 экз.

Векслер, 2002д. С. 16, 1, 53, 55, 65; 2002е. С. 30 (без масштаба).

Раскоп I, участок 2, пласт 15, кв. 67, глубина -294, № 411.

XVII в.

Без типологического определения.

46. Фрагмент подвески в виде трехлепестковой фигуры с отверстием (рис. 5, 46).

Белый металл; 1 экз.; 27,0×16,5.

Москва, Белый город, Занеглименье

Векслер 2002д. С. 16, 1, 53, 60, 65; 2002е. С. 39.

Раскоп I, участок 2, пласт 15, кв. 56, глубина -296, № 472.

XVII в.

Без полного типологического определения, тип IV.

47. Подвеска серьги подтреугольной формы с тремя лопастями и с круглыми отверстиями (рис. 6, 47).

Белый металл; 1 экз.; 14,0×10,5.

Москва, Белый город, Занеглименье.

Векслер 2002д. С. 16, 1, 53, 60, 65; 2002е. С. 39.

Раскоп I, участок 2, пласт 15, кв. 58, глубина -295, № 476.

XVII в.

Без полного типологического определения, тип VII.

48. Бусины-пронизки миндалевидной формы: 1 – уплощенная, яйцевидная, прозрачная, серо-голубая; 2 – прозрачная, сине-фиолетовая (рис. 6, 48/1, 2).

Стекло; 2 экз.; 1) 8,0×6,0; 2) 9,0×7,0.

Москва, Земляной город, Сретенская часть.

Векслер, 1996в. С. 7; 1) С. 41, 63; 2) С. 44, 62; 1996г. Л. 15об. Ил. 26. Табл. 9, 4, 5.

Шурф II; 1) кв. 10, № 55, глубина -244; 2) пл. 6, кв. 7, № 22, глубина -268.

XVII–XVIII вв.

Без типологического определения.

Литература и архивные источники

Агапов А. Г., Сарачева Т. Г., 1997. О способах ношения височных колец // РА. № 1. С. 99–108.

Бейлекчи В. В., 2003. Отчет о спасательных раскопках в городе Суздале Владимирской области на участке по адресу ул. Теремки, 26 в 2003 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 23954.

Беляев Л. А., 1989. Отчет об археологических исследованиях на участке памятника архитектуры XVII в. Казанского собора на Красной площади в Москве в 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14029.

Беляев Л. А., 2006а. Отчет об археологических исследованиях территории вокруг собора Покрова Богородицы на Рву в 2005 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 26844.

Беляев Л. А., 2006б. Альбом к отчету об археологических исследованиях территории вокруг собора Покрова Богородицы на Рву в 2005 г. Т. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 26846.

Беляев Л. А., Кренке Н. А., 2003а. Отчет об археологических исследованиях на раскопе 1 на территории Романова двора-2 в 2002 г. Участок 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23621.

Беляев Л. А., Кренке Н. А., 2003б. Отчет об археологических исследованиях на раскопе 1 на территории Романова двора-2 в 2002 г. Участок 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23622.

Векслер А. Г., 1984а. Отчет об археологических работах в г. Москве в 1984 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10975.

Векслер А. Г., 1984б. Иллюстрации к отчету А. Г. Векслера об археологических работах в г. Москве в 1984 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10975а.

Векслер А. Г., 1990а. Отчет об археологических работах в г. Москве в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15119.

Векслер А. Г., 1990б. Иллюстрации к отчету о работах в г. Москве в 1990 г. Альбом № 3. 1) ул. Б. Ордынка. 2) Бродников переулок / Архив ИА РАН. Р-1. № 15123.

Векслер А. Г., 1994а. Отчет об охранно-археологических работах 1994 г., связанных со строительством здания «Конверсбанк» по адресу Гончарная набережная, 15 / Архив ИА РАН. Р-1. № 18880.

Векслер А. Г., 1994б. Альбом иллюстраций к отчету об охранно-археологических работах 1994 г., связанных со строительством здания «Конверсбанк» по адресу Гончарная набережная, 15 / Архив ИА РАН. Р-1. № 18881.

Векслер А. Г., 1995а. Отчет об охранных археологических исследованиях на Манежной площади в 1994 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 18722.

Векслер А. Г., 1995б. Альбом к отчету об охранных археологических исследованиях на Манежной площади в 1994 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 18723.

Векслер А. Г., 1996а. Отчет об охранных археологических работах в 1995 году. Т. 1. Охранные археологические работы на Манежной площади. Кн. 4 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19613.

Векслер А. Г., 1996б. Альбом к отчету об охранных археологических работах в 1995 году. Т. 1. Охранные археологические работы на Манежной площади. Кн. 6 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19616.

Векслер А. Г., 1996в. Отчет об охранных археологических работах в 1995 г. Т. 2. Исследования в историческом центре Москвы (в пределах Садового кольца). Кн. 4. Охранные археологические работы по адресу: Б. Головин пер. д. 12/16/1 (квартал 267, район Сретенки) / Архив ИА РАН. Р-1. № 19621.

Векслер А. Г., 1996г. Альбом к отчету об охранных археологических работах в 1995 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 19622.

Векслер А. Г., 1996д. Отчет об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Кн. 1. Охранные археологические работы, связанные с прокладкой коммуникаций по ул. Ильинка. Т. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 20390.

Векслер А. Г., 1996е. Альбом к отчету об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Кн. 1. Охранные археологические работы, связанные с прокладкой коммуникаций по ул. Ильинка. Т. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 20391.

Векслер А. Г., 1997а. Отчет об охранных археологических работах в Москве в 1996 г. Кн. V. Охранные археологические работы на Арбате / Архив ИА РАН. Р-1. № 20406.

Векслер А. Г., 1997б. Альбом к отчету о раскопках на ул. Арбат 1/7. 1996 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 20407.

Векслер А. Г., 1999. Исследования в Земляном городе в 1999 г. Т. 1. Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством офисного комплекса зданий по адресу: Кадашевская наб., 16/18 / Архив ИА РАН. Р-1. № 22465.

Векслер А. Г., 2002а. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных со строительством жилищно-коммерческого комплекса по адресу: ул. Б. Якиманка, вл. 22 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23367.

Векслер А. Г., 2002б. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных со строительством жилищно-коммерческого комплекса по адресу: ул. Б. Якиманка, вл. 22 в 2002 г. Описание индивидуальных находок / Архив ИА РАН. Р-1. № 23368.

Векслер А. Г., 2002в. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных со строительством здания с подземной автостоянкой по адресу: Гончарная ул., 13–17 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23371.

Векслер А. Г., 2002г. Альбом к отчету 2002 г. Ч. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23373.

Векслер А. Г., 2002д. Отчет об археологических исследованиях, связанных с реконструкцией здания Московского академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко по ул. Б. Дмитровка, 17 в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23375.

Векслер А. Г., 2002е. Отчет 2002 г. Ч. 2 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23378. С. 35.

Векслер А. Г., 2002ж. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Москве в 2001 г. Т. 1. Археологические исследования в Белом городе. Ч. 4. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией здания музыкального театра им. К. С. Станиславского и И. И. Немировича-Данченко по адресу ул. Большая Дмитровка, 17 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23542.

Векслер А. Г., 2002з. Отчет об охранных археологических исследованиях в Москве в 2001 г. Т. 1. Археологические исследования в Белом городе. Ч. 5. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных со строительством нового учебного корпуса для Академии бюджета и казначейства РФ по адресу: Малый Златоустинский пер., д. 7, строение 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23546.

Векслер А. Г., 2002и. Альбом к отчету об охранных археологических исследованиях в Москве в 2001 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23547.

Векслер А. Г., 2004а. Отчет об охранных археологических исследованиях, в связи со строительством здания по адресу: г. Москва, Климентовский пер. вл. 2–4 – Б. Татарская ул., вл. 16/2 в 2003 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23575.

Векслер А. Г., 2004б. Альбом к отчету 2003 г. Т. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23577.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 1997. Новые находки стеклянных изделий в Москве (Раскопки на Манежной площади 1993, 1994 годов) / ТТЗ. Вып. 2. Тверь. С. 237–246.

Воронин Н. Н., 1949а. Раскопки в Переяславле Залесском // МИА. № 11. С. 193–202.

Воронин Н. Н., 1949б. Раскопки в Ярославле // МИА. № 11. С. 177–192.

Георгиевский В., 1927а. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М.: Главнаука. 59 с.

Георгиевский В., 1927б. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. Приложение. М.: Главнаука. 75 с.

Глазов В. П., 2000. Отчет о раскопках в г. Суздале на территории Александровского монастыря / Архив ИА РАН. Р-1. № 26494.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: Круг. 448 с.

Дубынин А. Ф., 1955а. Отчет Московской археологической экспедиции за 1955 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1110.

Дубынин А. Ф., 1955б. Московская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР. Раскопки и наблюдения в Зарядье г. Москвы. 1955 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1110а.

Дубынин А. Ф., 1955в. Описание находок, обнаруженных Московской экспедицией ИИМК АН СССР при раскопках в Зарядье г. Москвы в 1955 г. Участок № 5 (с № 1 по № 16156) / Архив ИА РАН. Р-1. № 1110б.

ДДГ.М.–Л.: АН СССР, 1950. 588 с.

- Жарнов Ю. Э., 1997а. Отчет о раскопках в 22 квартале исторического ядра г. Владимира в 1996 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 20032.
- Жарнов Ю. Э., 1997б. Отчет о раскопках в 22 квартале исторического ядра г. Владимира в 1996 г. Альбом иллюстраций / Архив ИА РАН. Р-1. № 20033.
- Жарнов Ю. Э., 1999а. Отчет о раскопках в историческом ядре г. Владимира в 1999 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23273.
- Жарнов Ю. Э., 1999б. Отчет о раскопках в историческом ядре г. Владимира в 1999 г. Альбом иллюстраций / Архив ИА РАН. Р-1. № 23274.
- Жилина Н. В., 2002. Эволюция височной подвески славяно-русского металлического убора // КСИА. Вып. 213. С. 49–60.
- Жилина Н. В., 2012. Типология русского городского убора из украшений второй половины XIII–XVII в. на материале Северо-Восточной Руси // АВСЗ. Вып. 4. СПб.: Нестор-История. С. 215–235.
- Жилина Н. В., 2013. Русский женский головной убор XV–XVII вв. // Этнографическое обозрение. № 4. С. 154–174.
- Жилина Н. В., 2017. Рясна в головном уборе Московской Руси // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 141–156.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белозеро. М.: Индрик. 592 с.
- Золотая кладовая. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Владимир: Аркаим, 2008. 128 с.
- Золото и серебро казанских татар из собраний Национального музея Республики Татарстан. Казань: ПИК Идел-пресс, 2002. 160 с.
- Зубков В. И., 1951. Гавердовский клад XV века. К вопросу изучения нумизматических памятников великого княжества Рязанского // КСИИМК. Вып. XLI. С. 138–141.
- Козлова А. В., 2007. Металлические украшения и предметы быта восточной традиции X–XV веков из раскопок в Пскове // АИППЗ. Материалы LII заседания. Псков: Дом печати. С. 125–142.
- Кренке Н. А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН. 524 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).
- Купеческий портрет XVIII – начала XX века из собрания Исторического музея. Живопись. Дагерротипия. Фотография. М.: ГИМ, 2013. 192 с.
- Лев Диакон, 1988. История. М.: Наука. 240 с. (Памятники исторической мысли).
- ЛЛС. Всемирная история. Кн.3. М.: Актеон, 2010. 748 с.
- Лукина Г. Н., 1990. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М.: Наука. 180 с.
- Мартынова М. В., 2002. Московская эмаль XV–XVII веков. Каталог. М.: Музей-заповедник «Московский Кремль». 303 с.
- Недашковский Л. Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература. 224 с.
- Новиков А. В., 1997. К хронологии некрополя у церкви Алексея – человека Божия на Затъмацком посаде г. Твери // ТТЗ. Вып. 2. Тверь. С. 262–270.
- Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2002. 200 с.
- Олеарий А., 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: А. М. Суворин. 582 с.
- Персов Н. Е., Сарачева Т. Г., Солдатенкова В. В., 2009. Средневековые ювелирные комплексы бывшего Затъмацкого посада города Твери (по материалам раскопок 2001–2006 гг.) // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 268–280.
- Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана. С. 154–268.
- Постникова-Лосева М. М., 1987. 16–17 века // Русские ювелирные украшения 16–20 веков. М.: Советский художник. С. 11–70.
- Русское прикладное искусство XIII – начала XX в. Из собрания Государственного объединенного Владимиро-Суздальского музея-заповедника, 1982. М.: Советская Россия. 280 с.
- Русское золото. XIV – начала XX века из фондов Государственных музеев Московского Кремля. М.: Советская Россия, 1987. 240 с.
- Русское серебро XIV – начала XX века из фондов Государственных музеев Московского Кремля. М.: Советская Россия, 1984. 250 с.
- Сарачева Т. Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. С. 73–88.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука. 196 с.
- Седова М. В., Чалых Н. Е., 1986. Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции за 1986 г. Т. I. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11962.
- Седова М. В., 1988а. Отчет о раскопках в г. Суздале в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14100.
- Седова М. В., 1988б. Альбом к отчету о раскопках в г. Суздале в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14101.
- Седова М. В., 1988в. Альбом к отчету о раскопках в г. Суздале в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14102.

Солдатенкова В. В., 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (по материалам раскопа 56 из истории Затьмацкого посада Твери // КСИА. Вып. 222. С. 153–169.

Солдатенкова В. В., Сарачева Т. Г., Персов Н. Е., 2011. К истории женского городского ювелирного убора XVI в. // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и Новое время. М. – СПб.: Альянс-Архео. С. 64–78.

Соснина Н., Шангина И., 1998. Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство. 400 с.

Томсинский С. В., 2006. Отчет о раскопках Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2005 г. Т. II. Ч. I. Алексеевский монастырь (г. Углич Ярославской области) / Архив ИА РАН. Р-1. № 26358.

Уткин П. И., 1970. Русские ювелирные украшения. М.: Легкая индустрия. 164 с.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М: МГУ. 275 с.

Чернов С. З., 2002. Дворцовое село Мытищи XVII–XVIII вв. в свете охранных раскопок 2001 г. // Археологическое изучение Подмосковья. Дмитров, Мытищи, Тарасовка. Т. I. М.: ИА РАН. С. 44–109.

Щеглова О. А., 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск: Курское областное отделение Всероссийского фонда культуры. С. 162–204.

Zhilina N., 2016. Attire of the adornments: the main historical stages: natural, heavy metal, jewelry, the accessory // 22nd Annual Meeting of the EAA. Vinis: Saulius Jokuzys Publishing-Printing House. P. 87.

N. V. Zhilina

Earrings as part of the dress of Moscovian Rus'

Summary

This article compares data of written, pictorial and material sources concerning the history of development of earrings of Moscow Rus'.

Earrings with rod pendants (*type I*) appear from the second half of the 13th–14th century. On their basis other types with more complex pendants emerged: almond-shaped (*type X*), sub-rectangular (*type III*), arc-shaped (*type VIII*), sub-triangular (*type VII*).

In the 16th century such forms of earrings as lunar (*type V*) and zoomorphic (*type IX*) existed associated with forms of *ryasna* pendants (i.e. which were suspended at either side of a woman's headwear). In the 17th century on the base of zoomorphic type earrings in the form of floral shape appeared (*types IV, VI*).

Earrings of various types are represented by both luxurious specimens and simpler ones, representing

the aristocratic and everyday spheres of the attire of adornments.

Until the first half of the 17th century the planar method of wearing was retained (*section 1*). In the middle – the second half of the 17th century there is a transition to a perpendicular fixation of the suspension relative to the bracing detail (*section 2*). In the 15th–16th centuries rigid fixture of the pendants became widespread, while in the 16–17th centuries, mobile bracing developed.

In the artistic design of earrings, in the 16th century a filigree curl-spiral style prevails. The general artistic trend from the 16th to the 17th century was from geometric shapes to naturalistic forms.

By modern times, earrings had become a woman's primary head adornments. The monolithic structure form of the headdress (*kokoshnik*) in the 16th–17th was an important background for such situation.

А. В. Алексеев*, С. В. Кузьменко**

* Институт археологии РАН, Москва;

*** Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей,
Звенигород (Московская обл.)*

«Московские» каменные кресты XV–XVI веков с геометрическим декором. Каталог памятников

Настоящий комментированный каталог представляет собой первый опыт обобщения сведений о редком виде надгробного памятника Московской Руси – белокаменных крестах с геометрическим декором, бытовавших, по нашему мнению, в узких временных рамках – последней четверти XV в. – первой половине XVI в. География находок таких крестов включает Москву и Подмоскovie, Ярославскую, Костромскую и Калужскую области¹. Часть находок, на которых построена наша работа, была опубликована ранее разными авторами, а часть вводится в научный оборот впервые. Общее число известных памятников пока невелико, однако вполне достаточно для понимания своеобразия явления. В большинстве случаев речь идет о фрагментах крестов, разбитых еще в древности. Некоторые из них найдены в переотложенном виде при проведении археологических работ, некоторые – при освидетельствовании средневековых могильников, подвергающихся ныне грабительским раскопкам, а другие выявлены в фондах краеведческих музеев. Один из двух целиком сохранившихся крестов находился в качестве почитаемой святыни в сельском храме. На настоящий момент мы не располагаем ни одним образцом, который мог бы быть точно датирован при помощи сопутствующих находке обстоятельств. В лучшем случае можно говорить о верхней границе датировки – начало XVII в., если анализ письменных источников и археологический контекст позволяют утверждать, что некрополь, с которого происходит памятник, прекратил свое функционирование в Смутное время.

Аргументы для более точной датировки мы можем черпать исключительно из анализа самих

памятников, опираясь лишь на факт применения в декоре крестов тех же орнаментов, которые встречаются на плитчатых надгробиях, подразумевая при этом, что выводы, сделанные относительно временных рамок использования этих орнаментов на плитах, могут быть перенесены и на кресты. Это допущение вполне оправдано обстоятельством бытования крестов и плит в одной среде: они устанавливались на одних и тех же кладбищах и, весьма вероятно, изготавливались в одних и тех же мастерских. Таким образом, надгробные плиты являются ближайшим фоном для рассмотрения исследуемых крестов и практически единственным ориентиром для их датировки. Типологическая же принадлежность памятников диктует их сопоставление со следующими категориями объектов: а) каменными крестами новгородских и псковских земель; б) скульптурно декорированными белокаменными крестами XV–XVI вв., намогильными и поклонными, из Ростова, Дмитрова, Романово-Борисоглебска и др.; в) белокаменными памятными крестами (кенотафами) XVI–XVII вв. из Москвы, Зарайска, Переславля-Залесского, Московской обл. и др.

Описания образцов даются в соответствии со следующей схемой: 1) место находки или хранения; 2) краткие исторические сведения о месте находки; 3) собственно описание образцов; выводы об облике и размерах целого памятника (или его отдельных частей), возможные на основании анализа фрагментов.

Для предотвращения повторов мы применяем условное название «крестчатый квадрат» для обозначения наиболее распространенного вида

¹ Имеются пока не проверенные нами сведения о таких находках на востоке Смоленской обл. (в Вяземском р-не) и на юго-востоке Тверской обл. (в окрестностях Ржева).

Р-1

Р-2

Р-3

Рис. 1. Кресты со средневекового погоста близ дер. Рогачёво
(Домодедовский р-н Московской обл.).

орнамента среди описываемых памятников. Единица этого орнамента представляет собою прочерченный графьей квадрат с диагоналями; в каждой из четырех ячеек квадрата вырезан треугольник подобной с ячейкой формы, только меньше нее. В совокупности четыре треугольника, заполняющие квадрат, производят впечатление крестообразной фигуры с расширяющимися рукавами.

Под крестом-кросслетом понимается центрированный крест, каждая из четырех главных ветвей которого снабжена дополнительной перекладиной.

1. Дер. Рогачёво (Домодедовский р-н Московской обл.) (рис. 1).

Р-1. Белокаменный крест опубликован С. Е. Компанцом (2015). Найден в 2012 г. на средневековом

могильнике в 1,5 км к западу от д. Рогачёво. Историческая идентификация погоста отсутствует. Крест сохранился относительно хорошо, отбита только часть нижней лопасти и края правой боковой лопасти. Размеры креста: высота – 35 см, ширина – 36 см, толщина – 11 см. Все лопасти прямоугольные, кроме нижней, слегка суживающейся к основанию креста. По сравнению с боковыми лопастями верхняя заметно уже, а нижняя немного шире. Бортика крест не имеет. В средокрестии находится круглое клеймо (диаметром 16 см), заключающее обронную работу – изображение крестокрестлета простой строгой формы. Выборка фона внутри круга – 5 мм. Вне круга лицевая поверхность (кроме верхней лопасти) сплошь покрыта

Рис. 2. Фрагмент креста с селища у дер. Петелино (Одинцовский р-н Московской обл.)

узором из орнаментальных полос в виде сдвоенных рядов треугольников. Расположение треугольников в полосах противопоставленное и чередующееся, но орнамент выполнен довольно грубо, без образования четкой «змейки» между сдвоенными рядами треугольников, в частности, из-за того, что ориентация треугольников не перпендикулярна направлению ряда, а скошенная. Полосы расположены столь плотно друг к другу, что издали поверхность кажется равномерно покрытой многочисленными насечками. Однако в расположении полос имеется определенная система, разная для боковых и нижней лопастей. На боковых лопастях внешняя полоса орнамента расположена по краю, образуя поставленную на бок П-образную фигуру. Внутри этой внешней полосы находятся еще три, повторяющие ее очертания, только с последовательным уменьшением размеров П-образной фигуры. Нижняя лопасть имела полосы по боковым краям (как видно по сохранившемуся левому краю), а заполнение ограниченной таким образом плоскости состояло из горизонтальных полос. Небольшая верхняя лопасть содержит лишь одну горизонтальную полосу в основании, остальное поле лопасти рисунка не имеет.

Одновременно с охарактеризованным здесь памятником С. Е. Компанец обнаружил на том же погосте еще два белокаменных креста (Р-2, Р-3) – неорнаментированные, которые отражены в его публикации (Компанец, 2015. С. 232, 233).

2. Дер. Петелино (Одинцовский р-н Московской обл.) (рис. 2).

П-1. Крупный обломок креста найден в 2016 г. на селище Петелино 1 (XIV – начало XVII в.), расположенном на западе Подмосковья. Анализ письменных источников позволяет идентифицировать селище с историческим селом Дмитриева Слобод-

ка. В XIV в. это был центр одноименной волости, принадлежавшей Дмитрию Донскому. Впервые Дмитриева Слободка упоминается в духовной грамоте князя Дмитрия Ивановича 1389 г. (ДДГ. С. 33–36).

Спасательные археологические раскопки ИА РАН 2016 г. под руководством одного из авторов были сосредоточены в южной части селища (Алексеев, Смирнов, 2017. С. 8–13). В раскоп площадью около 1500 кв. м попал участок средневекового прицерковного некрополя, где исследовано более 60 погребений. Некоторые могилы маркировались крупными валунами и тонкими белокаменными плитчатыми надгробиями, декорированными геометрическим рисунком, характерным для XV–XVI вв. К северу от раскопа на периферии современного кладбища (на преобладающей высоте) обнаружено и обследовано предполагаемое место древней деревянной церкви, где было найдено скопление предметов христианской металлопластики – наперсных крестов и створок энколпионов. Рядом, на территории кладбища было зафиксировано несколько валунных надгробий раннемосковского времени и поднят крупный обломок резного белокаменного креста XV в.

Обломок представляет собою средокрестье с двумя боковыми лопастями. Размер обломка: ширина – 42 см (соответствует ширине целого креста), толщина – 12–13 см. Боковые лопасти расширяются за счет наклона (подъема) верхних краев, при этом нижние края лопастей горизонтальны, боковые края слегка скошены. Ширина боковых ветвей в основании – 18 см, на конце – 20 см. Верхняя лопасть в основании имела ширину 18 см и, насколько можно судить по ее остатку, слегка расширялась вверх. Скол отломанной нижней лопасти

сильно заглажен; ширина нижней лопасти, там, где она соединялась со средокрестьем, оценивается в 20–22 см.

Крест оконтурен невысоким бортиком, покрытым крестчатыми квадратами. На первом этапе изготовления креста было сделано ровное внутреннее поле. Затем в средокрестье появился круг (будем называть его клеймом) с заключенной в нем обронной работой – крестом типа кросслет и окружающим его кольцом. Геометрическое построение этих элементов очень точное: центром всех круглых контуров является средокрестье креста-кросслета. Граница клейма пересекала вдающиеся в средокрестье углы бортика, так что участки бортика, попавшие внутрь этой границы при выборке фона для обронной работы, оказались «съеденными». Это хорошо заметно по верхней паре вдающихся углов бортика, уцелевшей на обломке; а нижней пары, надо полагать, это коснулось в еще большей мере, чем верхней. Возможно, первоначальный замысел резчика ограничивался маленьким клеймом, вмещающим только крест-кросслет, но затем резчику захотелось усилить впечатление декоративности от своего изделия, из-за чего непредусмотрительно пострадали бортики. Расположение клейма, на обломке кажущееся смещенным вниз, диктовалось разницей в ширине между верхней и нижней лопастями. Все перекладки креста-кросслета расчерчены срединными линиями. На пересечении этих линий просверлены углубления. На ленту кольца, окружающего крест-кросслет, нанесен трехгранно-выемчатый орнамент из одного ряда равносторонних треугольников, скомпонованных путем чередования их ориентации. Такой же орнамент нанесен и вне круга, заключающего обронную работу; кольцо этого внешнего орнамента прерывалось вдающимися в средокрестье углами бортика. Поля боковых лопастей снабжены дополнительным орнаментом в виде диагонального ряда мелких треугольников, удлинённых перпендикулярно направлению ряда. Начало еще одного такого ряда прослежено на остатке поля верхней лопасти креста. Следовательно, в поле верхней лопасти были два диагональных пересекающихся ряда насечек, что находит аналогию на фрагменте креста из некрополя храма Воскресения Христова в Кадашах (Егоров, 2015. С. 74. ВК-61).

3. С. Кременское (Медынский р-н Калужской обл.) (рис. 3).

Три крупных обломка разных крестов найдены в отвалах грабительских раскопок на территории средневекового погоста, расположенного на левом берегу р. Лужи примерно в 2 км к востоку от современного с. Кременского, которое связывается со средневековым городом Кременцом, где во время Стояния на Угре в октябре 1480 г. располагалась ставка Ивана III (АКР, 1992. С. 79).

В настоящее время обломки крестов являются экспонатами школьного краеведческого музея с. Кременского².

Поверхности обломков подверглись выветриванию, орнамент сильно стерт.

Фрагмент № 1 (Кр-1). Представляет собой крест, лишившийся нижней лопасти. Ширина сохранившейся части 43 см (соответствует ширине целого креста), высота – 32 см, толщина – 13 см. Верхняя лопасть прямоугольная. Форма боковых лопастей выглядит следующим образом: верхние края поднимаются от основания лопастей к их бокам; боковые края слегка скошены; нижние края, судя по направлению внутренней границы бортика, были горизонтальны. Крест оконтурен едва выступающим бортиком, покрытым лентой крестчатых квадратов. В поле памятника находятся четыре одинаковых круглых клейма (фон в клеймах углублен по отношению к плоскости поля) с обронным изображением креста-кросслета: одно клеймо в средокрестье и по одному в поле каждой из сохранившихся лопастей. Диаметр клейм – 7,5 см. По отношению к геометрическому центру средокрестья (если определить его как пересечение мысленно проведенных диагоналей, соединяющих внутренние вдающиеся углы бортика), центр срединного клейма находится существенно ниже и немного правее. По-видимому, это связано с тем, что сначала были размечены клейма в лопастях, а положение клейма в средокрестье было определено как равноудаленное от этих клейм. Изображения крестов-кросслетов имеют пропорционально тонкие ветви, снабженные акцентированными срединными желобками.

Фрагмент № 2 (Кр-2). Сохранившийся обломок имеет удлинённую нижнюю и короткие верхнюю и боковые лопасти, при этом верхняя лопасть уже нижней, а боковые уже верхней. Высота фрагмента – 39 см, ширина – 31 см, толщина – 10 см. Ширина нижней лопасти – 18,5 см, верхней – 13,5 см, боковых ветвей – 10,5 см. Крест был снабжен выступающим бортиком с квадратно-крестчатым

² Выражаем признательность Э. А. Краснову, директору сельской школы с. Кременское, за помощь в работе с памятниками.

Кр-1

Кр-2

Рис. 3. Обломки крестов из окрестностей с. Кременское
(Медынский р-н Калужской обл.)

орнаментом. Из-за небольшой ширины боковых лопастей их внутренние поля очень узки. В тесном средокрестье помещено прорезное изображение равноконечного креста, образованное пятью крестчатыми квадратами. Еще два прорезных крестчатых квадрата, помещенных друг над другом, видны в нижней части поля нижней лопасти. Продолжение фигуры креста, которой принадлежали эти два крестчатых квадрата, утрачено из-за скола лицевой поверхности, граница которого проходит в 6 см от нижнего края обломка. Не исключено, что оригинальное изделие имело еще одну перекладину, в таком случае нижнее изображение креста помещалось в средокрестье, а сохранившаяся на обломке малая перекладина была дополнительной

верхней. На обломке имеются процарапанные монограммы: немного ниже верхнего изображения креста – ИС ХС; по бокам от частично уцелевшего нижнего изображения креста – ЧРЬ (СЛА).

Фрагмент № 3 (Кр-3). Нижняя лопасть, расширяющаяся книзу, неорнаментированного креста. Боковые края имеют легкую дугообразную вогнутость. В пяте лопасти сохранился шип для установки креста на горизонтальное основание с пазом. Размеры фрагмента: наибольшая ширина лопасти – 22,5 см, наименьшая ширина – 16 см, высота – 38 см (включая шип), толщина лопасти – 13 см. Размеры шипа: ширина – 12 см, высота – 6,5 см; «зуб» несколько тоньше, чем лопасть (затесан с задней стороны изделия).

4. Московская область, г. Звенигород, Верхний посад (рис. 4).

ЗРП-25. В значительной мере сохранившийся каменный крест (из двух обломков) и фрагменты еще двух крестов найдены одним из авторов при археологическом изучении древнего Рождественского погоста в 2014 г. – первом научном обследовании этого объекта археологического наследия (Алексеев, 2015). Крест уже был опубликован (Алексеев, 2017. С. 65–67), в настоящее время он находится в экспозиции Звенигородского музея.

Рождественский погост – один из трех средневековых некрополей Верхнего посада Звенигорода. Возникновение погоста относится предположительно ко времени княжения Юрия Дмитриевича (конец XIV – первая треть XV в.), на что указывают находки надгробных плит с неустойчивой антропоморфной композицией, датирующиеся временем не позже первой половины XV в. Прекращение функционирования кладбища следует связывать с событиями Смутного времени, что подтверждается и сохранившимися письменными источниками, и археологически (факт отсутствия надгробных плит XVII в.). Вероятно также, что церковь и кладбище при ней были перенесены на новое место из-за паводков, заливавших кладбище в XVI–XVIII вв.: в шурфах на обследованном участке зафиксирован слой аллювиальных отложений. Анализ топографии территории погоста позволил выявить предполагаемое место деревянной церкви Рождества Христова.

Район находки креста ЗРП-25, сохранившегося в виде двух обломков (фрагменты № 1 и 1а), интерпретируется как место у алтаря Рождественской церкви. Археологический контекст находки креста довольно примечателен. Он позволяет восстановить следующую картину. Была вырыта яма глубиной около 50 см от дневной поверхности времени функционирования кладбища. На дне ямы были уложены оба обломка креста. Грунтовая засыпка ямы была перекрыта сверху крупным фрагментом надгробной плиты (примерно половина целой). Плита датируется концом XIV – первой половиной XV в., в данном случае она использована вторично. Захоронения или могильного перекопа под обломками креста не выявлено. В заполнении ямы человеческие останки отсутствовали. Таким образом, условия находки креста указывают на то, что он был преднамеренно закопан, причем в яме, имитирующей могильную. Вполне вероятно, это была реакция какого-то благочестивого человека на то, что крест оказался разбитым по неизвестным нам причинам (сознательное разрушение кем-то,

падение элемента кровли с церкви?). Распавшийся крест уже не мог быть ни восстановлен на прежнем месте, ни вторично использоваться. Однако он продолжал восприниматься как сакрализированный объект. Поэтому можно предположить, что закапывание креста имело целью уберечь его от какого-либо поругания, в том числе неосознанного: например, чтобы его не попирали ногами люди или животные. Произошло это не позже упразднения кладбища, то есть начала XVII в.

На большем фрагменте № 1 полностью уцелели левая и нижняя лопасти креста. Меньший фрагмент № 1а представляет собою сохранившуюся с утратами правую лопасть. Ширина целого креста оценивается в 51 см. Высота фрагмента № 1 – 61 см, из которых 11 см приходятся на прямоугольный шип, посредством которого крест устанавливался в гнезде подставки. Высота целого объекта при мысленной реконструкции верхней лопасти оценивается примерно в 63 см (без шипа). Толщина креста в основании – 15 см, в верхней части – 13,5 см. Боковые лопасти креста строгой прямоугольной формы; ширина полностью сохранившейся левой лопасти – 19 см. Нижняя лопасть расширяется к основанию креста от 20,5 до 35 см; ее боковые стороны слегка вогнутые. Ширина шипа – 21 см. Верхняя лопасть, как хорошо видно по ее остатку, кверху немного сужалась; ширина верхней лопасти в основании превосходила ширину нижней лопасти в месте ее отхождения от средокрестья.

Низкая кислотность почвы была благоприятной для сохранения известнякового изделия, поэтому характер обработки его поверхности, детали декора читаются очень хорошо. Любопытно отметить, что шип – такой же толщины, как и сам крест – сохранил обработку теслом, то есть черновую обработку всей заготовки. Благодаря наличию такого «контрольного участка» можно оценить, сколько тщательно была заглажена лицевая поверхность, прежде чем мастер приступил к вырезанию орнаментов. Разновидности орнаментов представлены линией-графьей, трехгранно-выемчатой резьбой и обрванной работой. Лицевая поверхность окаймлена лентой из крестчатых квадратов; нижний горизонтальный отрезок ленты в основании креста отступает от подошвенного уровня (судя по некоторой небрежности разметки этого отрезка, изначально он, вероятно, не планировался). Ленты каймы по бокам нижней лопасти расширяются книзу, что хорошо увязано с расширением самой лопасти. Декоративное заполнение нижней лопасти находится в той же плоскости, что и кайма.

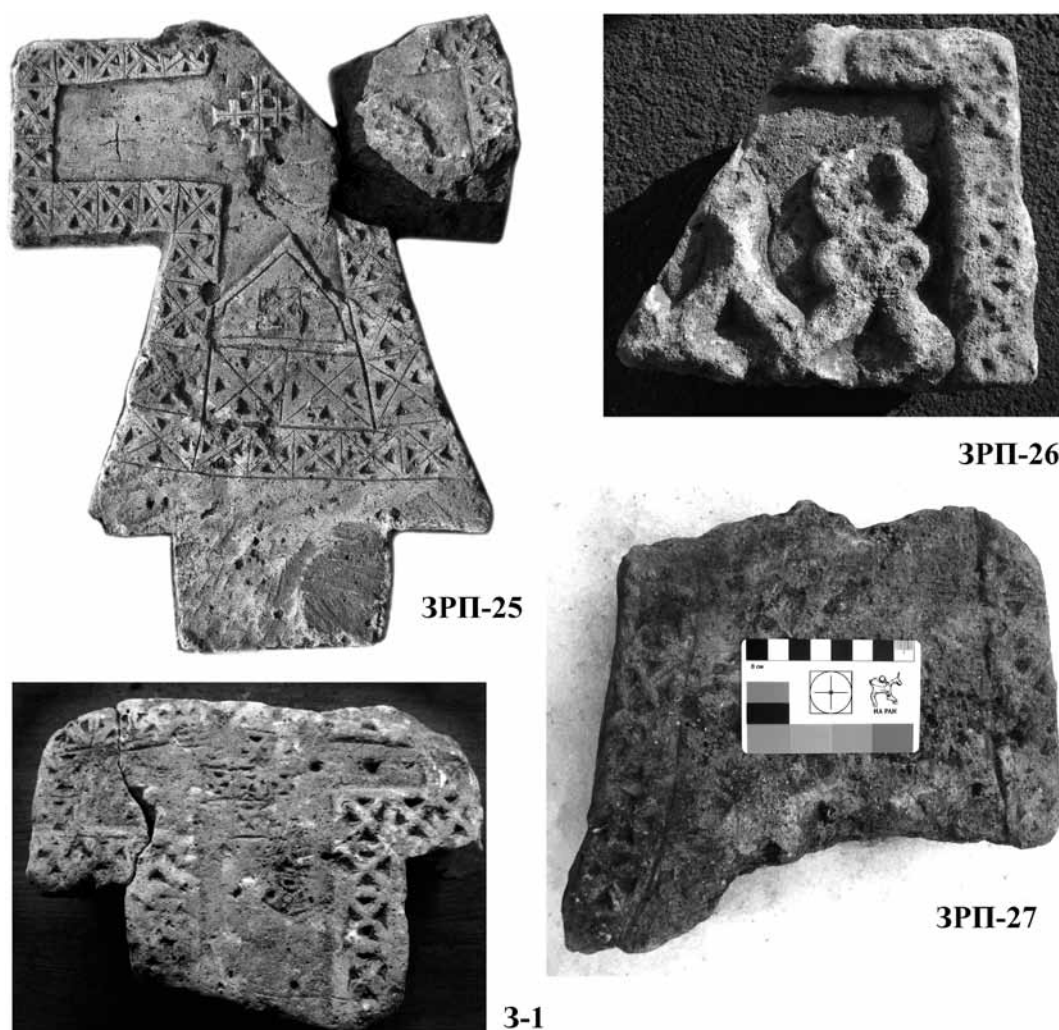

Рис. 4. Фрагменты крестов из г. Звенигорода (Московская обл.)

Это заполнение представлено парой крупных крестчатых квадратов и пятиугольной фигурой над ними, вдающейся верхним углом во внутреннее поле. С целью соблюдения плотности рисунка пятиугольная фигура снабжена графьей, очерчивающей внутреннюю рамку, и крестчатым квадратом в центре фигуры. Внутреннее поле памятника представляет собою углубленный фон, при выборке которого было высечено обронное изображение креста-кросслета в средокрестье. Изображение креста смещено влево от вертикальной оси памятника (вероятно, из-за изъяна известняка, например, каверны или инородного включения (твердой окаменелой ракушки), в том месте, где изображению надлежало бы находиться по соображениям симметрии). Крест-кросслет имеет расширяющиеся концы основных ветвей; все его ветви расчерчены срединными линиями. В поле левой лопасти небрежно процарапано изображение простого

равноконечного креста, очевидно, появившееся уже после изготовления памятника.

Следует отметить, что исполнение орнамента «крестчатый квадрат» на обсуждаемом памятнике существенно отличается от такового на прочих памятниках. Обычно вырезанные треугольники достаточно плотно заполняют внутреннее пространство квадрата, стороны вырезанных треугольников параллельны сторонам треугольных полей, внутри которых они находятся, и сама единица орнамента в целом может восприниматься как Х-образная фигура, вырезанная оброном. На обсуждаемом же памятнике вырезанные треугольники мелкие (относительно треугольных полей, образуемых графьей) и расположены довольно свободно, то есть без соблюдения параллельности их сторон сторонам разграфленных полей. В результате не образуется целостного впечатления от единицы орнамента, в ней слишком ощущается плоскость, на которую лишь

нанесены линии и треугольники, это не выкристаллизовавшийся трехмерный раппорт. Этим, в частности, и объясняется такое свободное обращение с этим орнаментом на данном памятнике: расширяющиеся ленты, компоновка вместе нестандартизованных по размерам и форме единиц орнамента, чего нельзя встретить в других случаях его применения. Близкую аналогию орнаменту на звенигородском кресте обнаруживает лишь крестчатый квадрат, уцелевший на осколке надгробной плиты, найденной на участке Воскресенской церкви в Кадашах в Москве (Егоров, 2015. С. 82. ВК № 72).

Фрагмент № 2 (ЗРП-26) – осколок крупного резного изделия, имевшего высокий бортик с нанесенной на него лентой из крестчатых квадратов. Во внутреннем поле изделия находились выполненные оброном резные изображения орнаментального характера (переплетающиеся ветви?), интерпретировать которые из-за недостаточного размера фрагмента и отсутствия хорошо сохранившихся аналогий пока не удастся³. Одна из боковых сторон (при длинном участке бортика) была обработана особым образом: она сделана не плоской, а слегка выпуклой в профиле. Измерения фрагмента: длина – 18 см, ширина – 16 см, толщина – 9 см.

Фрагмент № 3 (ЗРП-27) является остатком нижней лопасти креста, расширяющейся книзу. Боковые края лопасти сверху прямые, внизу вогнутые (заметно при правом крае). Лицевая поверхность, хотя и гладко затесана, имеет неровности – легкие «вмятины» и «выпуклости». Вдоль боковых краев сохранились участки едва выступающего бортика, покрытые крестчатыми квадратами. Измерения фрагмента: наименьшая ширина (сверху) – 20 см, наибольшая ширина (снизу) – 25 см, высота – 21 см, толщина – 13 см.

5. Московская область, г. Звенигород. Музей (рис. 4).

3-1. Фрагмент креста, составленный из двух осколков, находится в экспозиции Звенигородского музея.

Найден в 1960-е гг. в окрестностях Городка – кремля средневекового Звенигорода. Более точная информация о месте находки отсутствует.

Заметно выветрившийся фрагмент небрежно сделанного креста. Отсутствуют верхняя лопасть полностью и часть нижней лопасти (основание креста). Ширина фрагмента – 31 см (соответствует ширине целого креста), высота – 23,5 см. Короткие боковые лопасти прямоугольных очертаний за-

метно разные по ширине: левая лопасть шириной 14 см, правая 12 см, при этом верхние края обеих лопастей находятся примерно на одном уровне, так что асимметрия происходит от разницы в уровнях нижних краев. Нижняя лопасть немного суживается книзу, где ее ширина – 18 см. Толщина креста – 8,5 см. Крест оконтурен слегка выступающим бортиком, покрытым крестчатыми квадратами. Выступ бортика на участке левой лопасти сходит на нет. По остаткам бортика в верхней части фрагмента можно догадываться, что верхняя лопасть креста была уже нижней. В средокрестье вырезано (углубляющимся в плоскость поля образом) изображение равноконечного креста, составленное из пяти крестчатых квадратов.

6. Московская область, г. Можайск. Петровское кладбище (рис. 5).

Мож-1. Практически полностью сохранившийся каменный крест найден краеведом И.И. Николайченко на территории современного Петровского кладбища в Можайске. На месте кладбища в XVI–XVIII вв. находился Петровский женский монастырь (Мокеев, 1992. С. 100, 101). Фрагменты белокаменных надгробных плит с геометрическим декором, очевидно относящиеся к некрополю исчезнувшего монастыря, неоднократно фиксировались краеведами на современном кладбище.

Крест известен нам только по рисунку, выполненному художником по протиркам и фотографии. Известны также промеры памятника. Автор находки И.И. Николайченко скоропостижно скончался в 2016 г., и местонахождение креста нам неизвестно. По сообщению находчика, на Петровском кладбище крест использовался вторично как памятный знак на старой бесхозной могиле, поэтому его верхняя, возвышавшаяся над землей часть была окрашена синей масляной краской.

Среди памятников московского круга с геометрическим декором можайский крест – единственный достоверно известный крест с двумя перекладинами. Ветви обеих перекладин прямоугольные, одинаковой ширины. Размах лопастей главной перекладины – 41 см, лопастей нижней перекладины – 34 см. Высота креста – 72 см, из которых 5 см приходятся на шип, с помощью которого крест устанавливался на подпятном камне. Нижняя часть вертикальной стойки креста трапецевидна, ширина этой части в наиболее узком месте – 19 см. Ширина вертикальной стойки между двумя перекладинами – 17 см, ширина верхней

³ Ближайшая аналогия – фрагмент ПС-4 нижней части креста из д. Пудово-Сипягино (см. ниже).

лопасти – 14 см; нижней – 12 см. Верх креста завершается двумя скатами, немного «свисающими» по бокам лопасти. Скатy дугообразно вогнуты. Толщина памятника в основании – 13 см.

Наиболее приметная особенность декора обсуждаемого креста – наличие не только бортика, но и выступающих перемычек, посредством которых лицевая поверхность креста подразделяется на несколько изолированных друг от друга полей. Бортик и перемычки покрыты орнаментом из крестчатых квадратов, стандартизованных по размерам. Только бортик двускатной верхушки «голубца» покрыт «змейкой» – парой рядов противоположенных треугольников.

Относительно изображений во внутренних полях мы не располагаем прямой информацией, каким именно способом, обронным или резным на плоской поверхности, они были сделаны. Наиболее вероятен следующий вариант: все изображения крестов, «набранные» крестчатыми квадратами, а также плоское кольцо вокруг креста в центральном поле (диаметр кольца – 13,5 см) сделаны выступающими, а остальные изображения вырезаны на плоскости полей. Изображенные кресты все четырехконечные, однако их конкретные формы подчиняются размерам и (или) пропорциям полей, внутри которых они находятся. Центральное поле имеет четырехсторонне-симметричную крестчатую форму, поля лопастей главной перекладины близки к квадратам, и в этих трех полях помещены равносторонние кресты. Поля лопастей нижней перекладины – вытянутой прямоугольной формы, и процарапанные в них изображения маленьких крестов тоже вытянутые (с удлиненными по отношению к боковым вертикальным ветвям). Нижнее центральное поле сложной крестчатой формы, и этой форме великолепно соответствует изображение неравностороннего креста на ступенчатой Голгофе. Дополнительная декорация нижнего центрального поля – полукольцо сверху, дуги при углах основания, два косых ряда мелких треугольников, по-видимому, была призвана обеспечить равномерное заполнение лицевой поверхности памятника орнаментами. Поле верхней лопасти содержит лишь процарапанную аккуратную контрфигуру: ЦРЬ СЛАВ [под титлами]. По сторонам от центрального изображения креста, при этом внутри кольца, этот крест окружающего, нанесена христограмма: IC XC [под титлами].

7. Ярославская область, г. Мышкин. Народный музей (рис. 6).

Семь обломков вертикальных надгробий происходят из д. Кузьмодемьянка (Мышкинский р-н

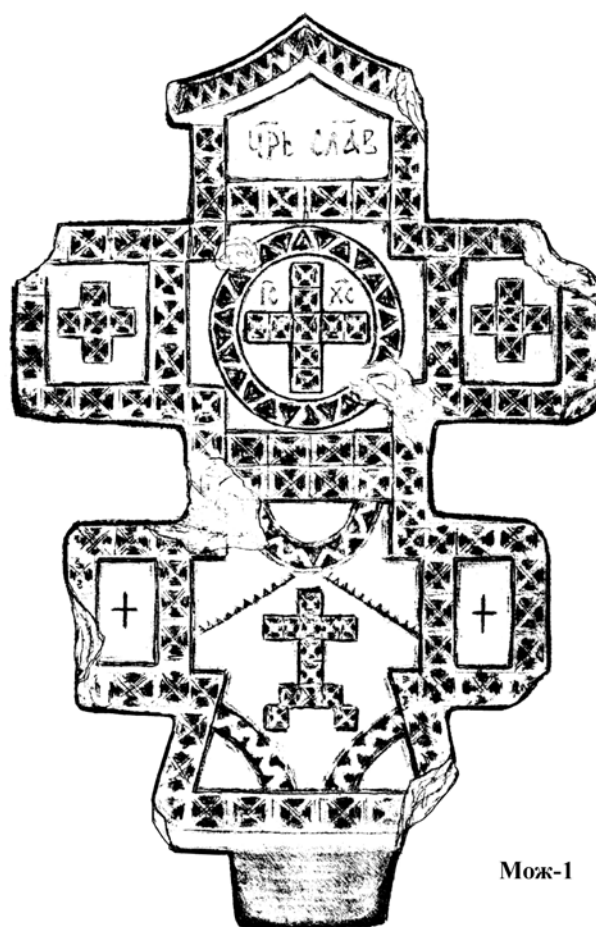

Рис. 5. Крест из г. Можайска (Московская обл.)

Ярославской обл.). Собраны в 1970-е гг. археологической экспедицией Мышкинского народного музея – краеведами В. Гречухиным, О. Корсаковым и др. Интересующие нас фрагменты были выявлены среди находок экспедиции и опубликованы ярославским краеведом А.Ю. Быковым в 2014 г. (Быков, 2014. С. 5–13)

Ввиду того, что описания публикатора нуждаются в уточнениях и корректировке, приведем наши комментарии, придерживаясь нумерации фрагментов, введенной публикатором. Все непосредственно указанные измерения взяты из статьи А.Ю. Быкова, реконструированные нами значения производны от этих измерений.

Фрагменты М-8 и М-25 стыкуются друг с другом. А.Ю. Быков допускал также возможность стыка фрагментов М-8 и М-17, на самом же деле они относятся к разным изделиям, весьма похожим по оформлению.

Композиция, оказавшаяся на этих осколках М-8 и М-25 (будем рассматривать их совместно),

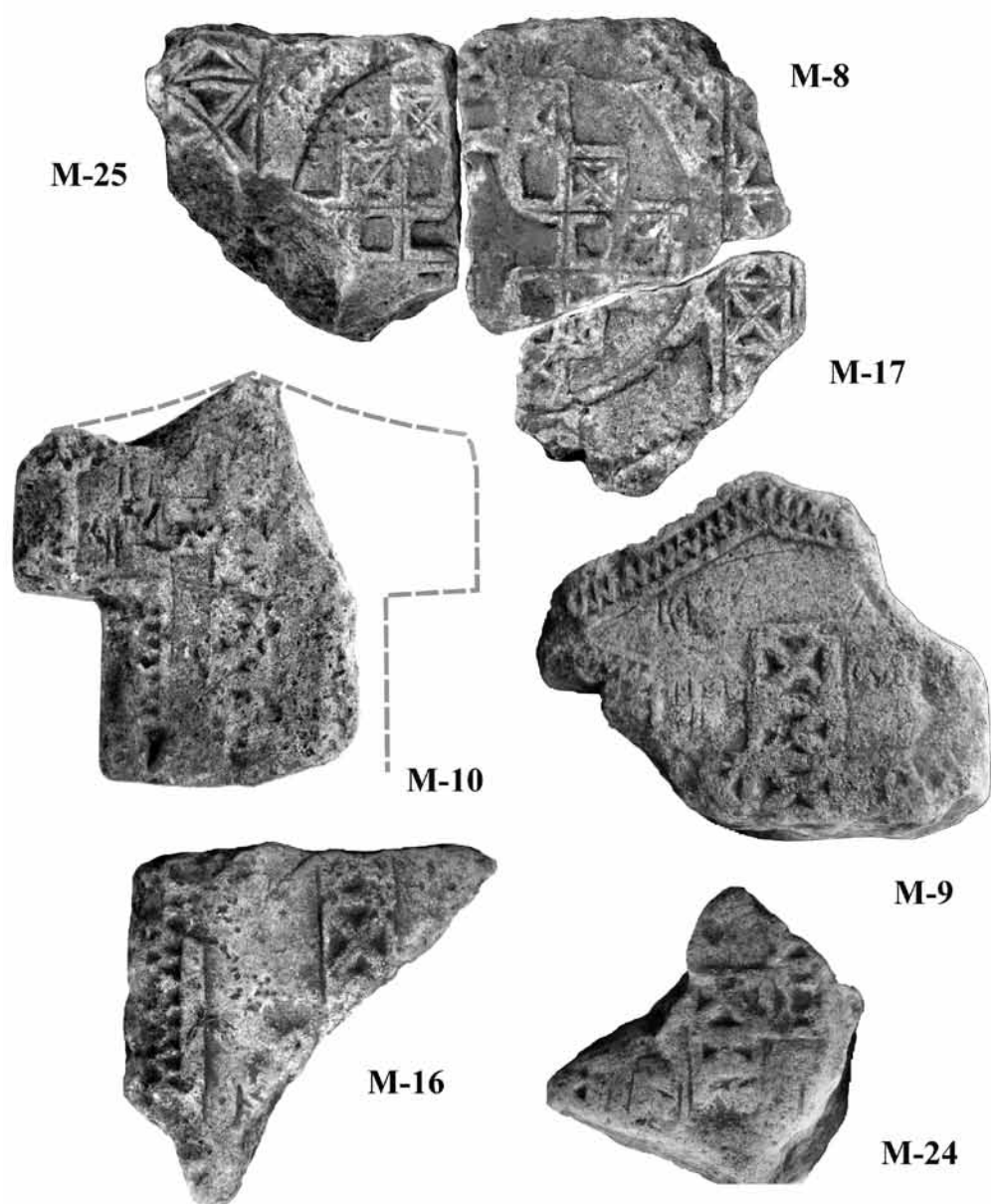

Рис. 6. Фрагменты вертикальных надгробий из д. Кузьмодемьянка (Мышкинский р-н Ярославской обл.)

читается очень хорошо – круглое клеймо диаметром 14,5 см, в котором путем выборки фона высечена обронная фигура. Эта фигура как целое представляет собою большой крест-кросслет, но заполнение фигуры довольно сложно. Можно сказать, что крест «набран» квадратными ячейками одинакового размера. Хорошо видна сетка графы из квадратов – подготовительная разметка фигуры. Центральные пять ячеек, образующие четырехконечный крест («сердцевину» креста-кросслета), были вместе выбраны до уровня фона. В перекрестьях главных и дополнительных ветвей креста-кросслета ячейки сделаны пустыми,

то есть с выбранным внутренним содержимым. На остальных ячейках, которыми заканчиваются и главные, и дополнительные ветви креста-кросслета, вырезаны крестчатые квадраты. Описанное клеймо заключено между двумя параллельными орнаментальными лентами, состоящими из крупных крестчатых квадратов; участки этих лент сохранились на обоих фрагментах. Ленты эти не выделены возвышением, то есть находятся в одной плоскости с полем (поверхностью вне клейма). Можно догадываться о наличии на целом изделии еще одной ленты с третьей стороны от клейма: ряды из мелких треугольников (по одному ряду

сохранилось на каждом фрагменте), по-видимому, следует считать маркерами углов орнаментальной рамки. Граница круглого клейма приближалась к этой реконструируемой ленте на такое же расстояние, как и к двум параллельным лентам.

Поскольку на фрагменте М-25 сохранился участок оригинальной боковой поверхности⁴, описанные совместно фрагменты нельзя считать средокрестьем каменного креста, снабженным собственной рамкой, по аналогии с Можайским крестом. Ленты из крестчатых квадратов, участки которых видны на обсуждаемых фрагментах, относились к окантовке изделия. Весьма маловероятно, что это изделие было каменным крестом, так как крупное клеймо со сложным изображением внутри него затруднительно представить не в средокрестье, а на какой-либо из лопастей креста. При этом несомненно, что реконструируемое надгробие было вертикальным. Таким образом, мы считаем возможным предполагать, что оно имело стеловидный характер. Ширина сложенных вместе фрагментов М-8 и М-25 – 25,5 см – почти полная ширина стелы (полная составляла примерно 27 см).

На фрагменте М-17 угадывается композиция, чрезвычайно близкая к композиции на описанной выше паре фрагментов, однако круглое клеймо на М-17 имело существенно меньший диаметр, мы оцениваем его в 11 см. Кроме того, если на фрагментах № 8 и 25 выбранный фон для оброчной работы находится только внутри клейма, то на фрагменте № 17 сверх этого был выбран фон между клеймом и лентой крестчатых квадратов, при этом клеймо оказалось в окантовке из узкой выступающей полосы. Таким образом, на фрагменте № 17 лента крестчатых квадратов находится на бортике, от которого, впрочем, не обособлена окантовка клейма (там, где край клейма находится близко к бортику). Круглое клеймо фрагмента М-17 содержало в себе точно такое же изображение креста-кросслета, что и на фрагментах № 8 и 25, только, разумеется, меньших размеров. Несмотря на сходство, а также на одинаковую толщину (9 см) всех трех фрагментов, фрагмент М-17 и фрагменты М-8 и М-25 относятся к двум разным изделиям, так как между крестчатыми квадратами на бортике фрагмента М-17 и бордюре фрагментов М-8 и М-25 есть существенная разница в размерах и в манере рисунка.

Принимая во внимание те же самые аргументы, что и для фрагментов № 8 и 25, мы предполагаем

на основе фрагмента № 17 также стелу, только меньшей ширины (примерно 20 см).

В другую группу находок объединяются остальные четыре обломка из д. Кузьмодемьянка. Наиболее важным для их осмысления является фрагмент М-10. Публикатор считал имеющееся на фрагменте «плечико» остатком перекладки креста. В действительности же это «плечико», без всякого сомнения, относится к завершению изделия. Скатывания завершения-«голубца» были прямыми или слегка вогнутыми, что видно по читающемуся на фрагменте внутреннему краю бортика левого ската. Направление ската подтверждается также остатками ряда мелких треугольников, вырезанных на бортике. Вертикальный участок бортика на «плечике» сохранился во всю ширину, которая соответствует ширине бортика на нижней прямой части фрагмента. Очевидно, такой же шириной обладал и бортик при скатах. Горизонтальный участок бортика внизу «плечика» сделан узким. Орнамент широкого бортика нижней прямой части («стойки») и завершение одинаковы, он представлен рядом мелких треугольников, расположенных основаниями вдоль внутреннего края бортика. Как кажется, этому ряду треугольников противостоял такой же ряд при внешнем крае, однако из-за повреждений периферии лицевой поверхности этот внешний ряд треугольников почти не читается. Если этот внешний ряд действительно существовал, то он не был тесно сомкнутым с сохранившимся внутренним рядом. Во внутреннем поле фрагмента – оброчное изображение креста, составленное из крестчатых квадратов. Боковые и верхняя лопасти этого креста состоят каждая из одного крестчатого квадрата. Перекладка креста находится внутри завершения изделия. От нижней части «древка» креста уцелели три крестчатых квадрата. В поле завершения, слева от верхней части изображения креста, заметны процарапанные христорогма с контрактурой: ИСЪ ЧР, которым на правой, несохранившейся, стороне должны были отвечать ХС СЛА. Вероятно, изображенный крест внизу имел горку-Голгофу. Такая Голгофа (также из крестчатых квадратов) частично уцелела на фрагменте М-24, относящемся к другому изделию. Допущение Голгофы у изображения креста на фрагменте М-10 сопряжено с допущением большей высоты для нижней прямой части («стойки»). Высота фрагмента – 21 см; при мысленном же наращивании прямой нижней части (для размещения вышеупомянутой Голгофы) и реконструкции отколотой

⁴ Это обстоятельство нам удалось специально проверить благодаря любезной помощи Карсакова О. Б., зам. директора по науке НЧУК «Мышкинский народный музей», сделавшего по нашей просьбе фотографии фрагмента с бокового ракурса.

верхушки высота увеличивается до 30 см. Так как толщина фрагмента всего 5,5 см, вряд ли целое изделие было крестом с перекладиной и навершием, ибо в таком случае оно (изделие) было бы непропорционально тонким. Кроме того, приведенные выше монограммы позволяют догадываться, что изображенный крест был на изделии единственным (ср. с каменным крестом Г-1 из с. Густомесово, где монограммы были распределены между двумя изображениями крестов). Вероятнее всего, изделие было вертикальным стеловидным надгробием с навершием-«голубцом». Реконструируемая ширина навершия – 23 см, реконструируемая ширина нижней части обломка – 14 см.

Фрагмент М-9 также представляет собою верхнюю часть изделия. Изделие это более массивное: его толщина – 7 см; вертикальная «стойка» сохранилась на фрагменте во всю ширину, и эту ширину мы оцениваем в 18,5 см. Форма навершия решена таким образом, что навершие можно уподобить сдавленному ромбу. Верхушка изделия несколько смещена влево от его вертикальной оси. Бортик навершия и вертикальной «стойки» одинаков и по ширине, и по орнаментации двумя противопоставленными рядами мелких треугольников, сомкнутых до образования «змейки» между ними. Во внутреннем поле изделия находилось обронное изображение креста, составленное из крестчатых квадратов. Изображение креста на фрагменте № 9, в отличие от фрагмента № 10, почти не «заходит» в навершие; кроме того, ширина крестчатых квадратов на фрагменте № 9 больше (4,5 см), чем на фрагменте № 10 (3,5 см). Верхняя лопасть изображения креста состоит из двух крестчатых квадратов, боковые – из одного. По бокам от верхней лопасти изображенного креста небрежно, без соблюдения симметрии размещения процарапаны христограмма с контрактурой: ІСЪ Х (С) ЦРЬ СЛА. Учитывая большой размер изображения креста, высокую вероятность наличия у него основания-Голгофы, следует представить довольно высокую «стойку», которая вместила бы это изображение. Это соображение ставит под сомнение реконструкцию целого изделия в виде креста. Таким образом, и в этом случае предпочтителен вариант реконструкции в виде стелы с навершием.

На фрагменте М-16 сохранился участок бортика и параллельный ему участок составленного из крестчатых квадратов изображения креста. Размер фрагмента – 17×18 см. Ширина вертикальной «стойки», которой принадлежал фрагмент, оценивается в 23 см (удвоенное расстояние между боковым краем и осью изображения креста). Ширина

крестчатых квадратов – 3,5 см. Бортик декорирован таким образом, что орнаментальная лента значительно отступает от его внутреннего края, что контрастирует с оформлением бортиков на фрагментах № 9 и 10. Толщина фрагмента – 9 см.

На фрагменте М-24, как уже говорилось, частично сохранилась Голгофа от обронного изображения креста. Ширина крестчатых квадратов в этом изображении – 3,5 см. У левой оконечности фрагмента заметны два мелких треугольника, которые можно трактовать как остатки орнаментальной ленты бортика, однако его внутренний край не читается: возможно, невысокий бортик был затерт заподлицо с полем. Ширина вертикальной «стойки», которой принадлежал фрагмент, оценивается не менее чем в 25 см (удвоенное расстояние между левым концом обломка и осью изображения креста). Толщина фрагмента – 8,5 см.

8. Дер. Ямищево (Одинцовский р-н Московской обл.) (рис. 7).

Ям-1. Обломок каменного креста или стеловидного надгробия, найден в отвалах грабительских раскопок средневекового могильника, расположенного в 1,25 км к западу от южной оконечности д. Ямищево. Крупное селище XIV–XVI вв., в границах которого находится могильник, интерпретируется как остатки погоста Дмитрия Солунского на речке Незнани, упоминаемого в качестве пустоши в писцовых книгах 1627–1628 гг. (Алексеев, 2017. С. 179–183). Плиты, найденные на территории могильника, по характеру орнамента датируются второй половиной XV–XVI в.

Для удобства описания будем говорить о прямоугольной стеле, не настаивая, однако, на такой интерпретации памятника. Обломок стелы представляет собой сохранившуюся во всю ширину приторцевую часть изделия. Ширина стелы – 26 см, толщина – 7 см. Длина обломка – 24 см. Орнамент пострадал из-за выветривания, но читается вполне уверенно. Вдоль сохранившихся краев обломок окаймлен слегка выступающим бортиком, на котором была вырезана лента крестчатых квадратов. Во внутреннем поле стелы на существенном удалении от торца находилось слегка выступающее круглое клеймо, состоящее из розетки и ее окантовки. Розетку образуют вырезанные по радиусам узкие треугольники, направленные вершинами к центру окружности. Кольцо окантовывающей розетку ленты покрыто крестчатыми квадратами. Клеймо сохранилось примерно наполовину, диаметр его – 13,5 см. Расстояние от центра клейма до торца «лопасти» – 20 см. На участке поля между клеймом и торцевым бортиком параллельно последнему нанесены

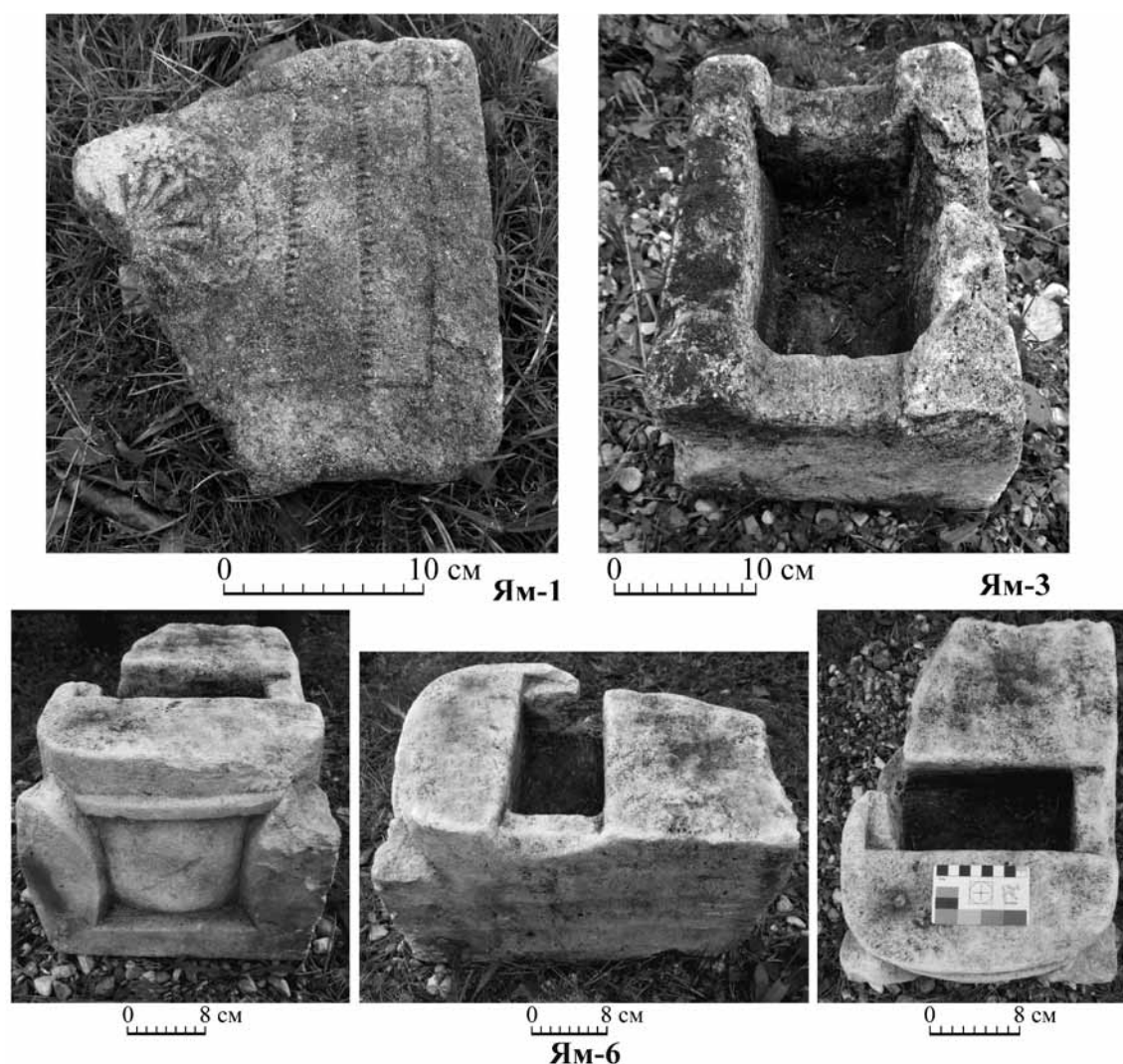

Рис. 7. Фрагмент вертикального надгробия и подставки под кресты с селища у дер. Ямищево (Одинцовский р-н Московской обл.)

два расставленных ряда мелких равнобедренных треугольников. Расположение треугольников в каждом из этих рядов определяется следующим образом: основания треугольников, составляющих ряд, находятся на одной линии; узкими вершинами треугольники направлены в сторону торца изделия.

Приведем свои доводы в пользу трактовки надгробия как стелы, памятуя об осторожности этого предположения, ибо надгробия такого типа до сих пор для Московской Руси не описаны. С одной стороны, обломок не относился к горизонтальной плите. На это указывает и наличие бортика, что не имеет аналогий среди плит XV–XVI вв. (а именно к этому времени относится фрагмент), и ширина 26 см, слишком малая даже для детского надгробия. С другой стороны, сложно реконструировать целое изделие в виде каменного креста. Клеймо в виде розетки с расходящимися лучами не встречено ни на одном

кресте. (Розетка как таковая присутствует на многих плитах позднего XV и XVI вв., но только не в виде выступающей над полем фигуры, с применением крестчатых квадратов в ее окантовке.) Главное же сомнение в отождествлении фрагмента с лопастью креста проистекает из его размерных и композиционных особенностей. Сохранившиеся на обломке внутренние края боковых участков бортика не обнаруживают поворотов, которые указывали бы на то, что «клеймо» располагалось в средокрестье гипотетического креста. К тому же в центре каменного креста может находиться лишь изображение креста. Следовательно, клеймо должно было целиком помещаться в поле гипотетической лопасти, и длина такой лопасти должна была составлять не менее 23 см. В таком случае крест получается выдающихся размеров среди рассматриваемого круга памятников. Кроме того, большие размеры гипотетического

креста плохо соответствуют толщине 7 см. Таким образом, версия о стеловидном характере надгробия является, на наш взгляд, наиболее приемлемой.

По фотографии краеведов нам известно о находке на этом же погосте крупного фрагмента неорнаментированного креста (его нижней части с характерным шипом: Ям-2).

Заслуживают отдельного описания найденные на этом погосте предметы, которые могли быть подставками для каменных крестов.

Подставка № 1 (Ям-3), сохранившаяся почти полностью, представляет собой параллелепипед с прямоугольным в плане гнездом в ее верхней стороне. В боковых стенках гнезда сделаны вспомогательные пазы, ширина которых несколько меньше ширины гнезда. Плановые размеры подставки – 22×24,5×23×25 см. Высота подставки – 18 см. Размер гнезда – 9×14 см, глубина гнезда (относительно верхнего края высоких стенок) – 7–8 см. Размеры гнезда соответствуют тем размерным характеристикам, которыми могли обладать шипы каменных крестов рассматриваемого круга. Для того чтобы служить подставкой для каменного креста, предмет должен был на большую часть своей высоты быть зарытым в землю.

Подставки № 2 (Ям-4) и 3 (Ям-5) (сохранились частично) были аналогичными изделиями, только стенки их гнезд были одинаковыми по высоте (без дополнительных пазов).

Подставка № 4 (Ям-6), сохранившаяся с некоторыми утратами, в отличие от предыдущих трех изделий представляет собой не просто утилитарный, но и художественно оформленный предмет. Подставка, в целом близкая по форме к параллелепипеду, удлинена в продольном направлении. Боковые грани изделия ровные, а передняя несет декоративное оформление в виде своего рода объемной рамки, три части которой (боковые и нижняя) составляют единую массивную фигуру, лицевая сторона которой затесана в одной плоскости; между боковыми расширяющимися к центру частями рамки, на уровне немного ниже их вершин, в качестве обособленного элемента высечен узкий козырек-карниз. Эта часть в плане дугообразна, как и вышележащее завершение передней стороны подставки. Поверхность, заключенная внутри рамки, выпуклая. Всю декоративную композицию можно уподобить базе вертикального архитектурного элемента. Измерения основания подставки: передняя сторона – 27,5 см, задняя сторона (сохранилась частично) – 17,5 см, правая боковая сторона – 38 см. Высота подставки – 23 см. На верхней стороне предмета имеется прямоугольное в плане гнездо, ориентированное поперечно. Размеры гнезда – 8,5×16,5 см, глу-

бина – 9,5 см. При торцах гнезда имеются дополнительные неглубокие пазы, не достигающие наружных сторон подставки; то есть эти дополнительные пазы имеют с внешней стороны бортик. Наличие декоративного оформления передней стороны указывает на то, что погружение предмета в землю не предусматривалось, он должен был обозреваться целиком. Происхождение изделия с территории некрополя указывает на его причастность к надгробным сооружениям (впрочем, можно допустить использование предмета и в интерьере деревянного храма).

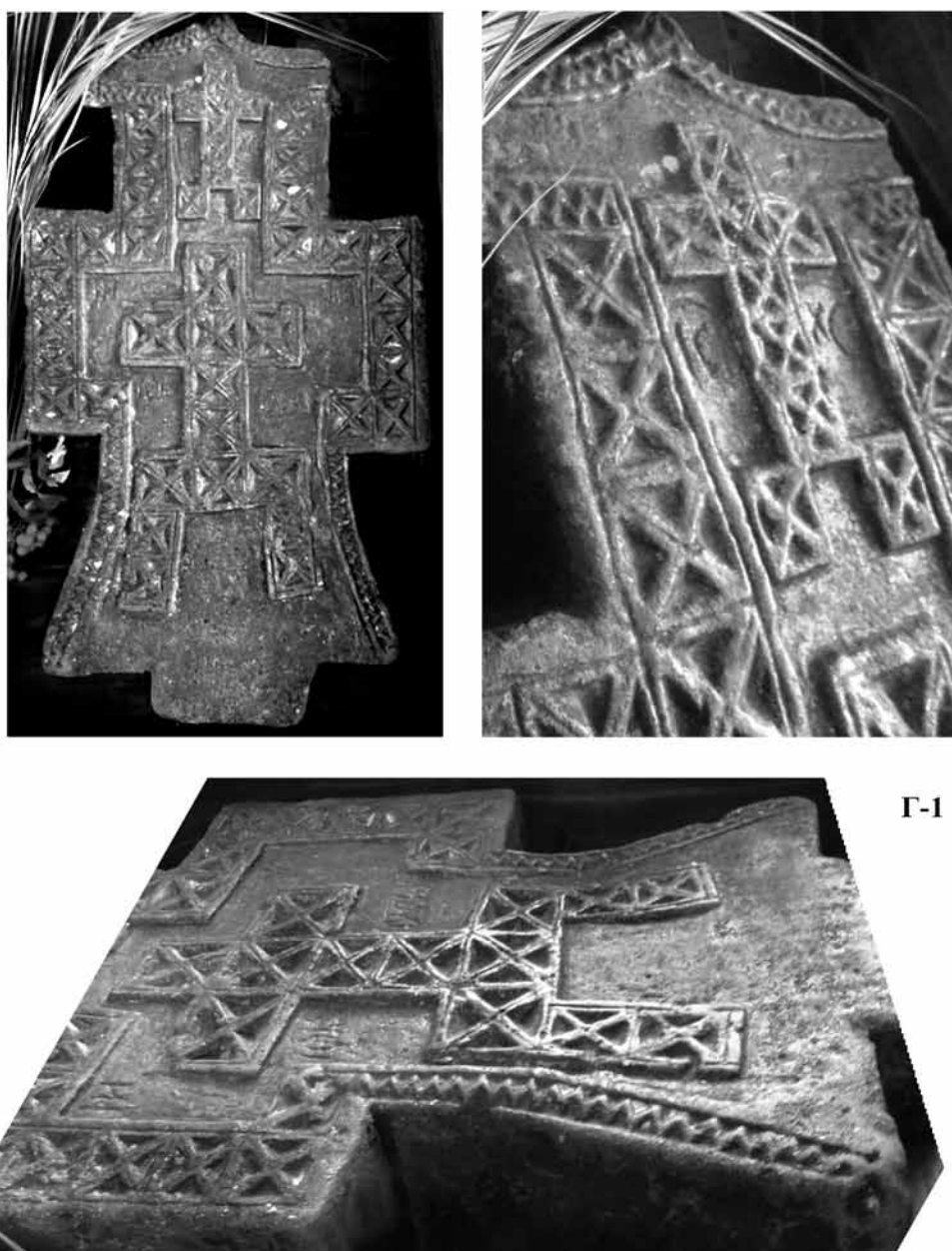
9. С. Густомесово (Красносельский р-н Костромской обл.) (рис. 8).

Г-1. Крест происходит из часовни д. Орлец близ с. Густомесово. При каких обстоятельствах крест попал в эту деревню, неизвестно. В 1920-е гг. часовня была подмыта разливом Волги, и крест был перенесен в Успенский храм с. Густомесово, где стал местночтимой святыней. В 2015 г., когда крест временно находился в храме прп. Тихона Луховского в Волгореченске, он был разбит из-за вандальной выходки прихожанки храма.

На фото, сделанных до разрушения, видно, что крест находился в хорошем состоянии сохранности, то есть дошел до наших дней без существенных утрат. Представляет собой типичный надгробный крест с характерным геометрическим декором, свойственным и остальным рассмотренным нами памятникам. Размеры креста: высота – 57 см, ширина – 32 см, толщина – 8–9,5 см. Для установки на горизонтальную плиту крест снабжен шипом, имеющим ту же толщину, что и само изделие. Силуэт креста характеризуется компактностью и стройностью, что связано главным образом с необычными пропорциями прямоугольных боковых ветвей: они коротки и при этом высоки. Свой вклад в создание гармоничного силуэта вносят существенно расширяющаяся к основанию нижняя лопасть и слегка расширяющаяся кверху верхняя, при этом боковые края у них вогнуты; ширина верхней лопасти в основании меньше, чем нижней лопасти в самом узком месте. Крест имеет навершие-«голубец» в виде миниатюрного объема, более широкого, чем верхняя лопасть. Скатывающиеся навершие вогнуто. В принципе навершие, в целом довольно сплюсненное, можно трактовать и как узкую венчающую перекладину. В силуэте креста заметна легкая асимметрия: правая ветвь немного опущена по отношению к левой.

Декор креста в целом характеризуется крупным рисунком и четкой рельефностью. Внутреннее поле креста оконтурено бортиком. На боковых и верхней лопастях бортик широкий, покрытый орнаментом из крестчатых квадратов; навершие и боковые края

Г-1

Рис. 8. Крест из часовни в дер. Орлец близ с. Густомесово
(Красносельский р-н Костромской обл.)

нижней лопасти снабжены узким бортиком, покрытым «змейкой». Бортик завершает и подчеркивает обособленность этой части. Обронные изображения во внутреннем поле памятника – набранные крестчатыми квадратами два четырехконечных креста на Голгофе: в верхней лопасти находится малый крест, горка-Голгофа которого изображена упрощенно, а остальное поле занимает большой крест на П-образной Голгофе. Квадратные ячейки – единицы орнамента – в изображении верхнего креста существенно меньше (примерно в два раза уже), чем ячейки бортика изделия. Основа изображения

нижнего креста (собственно крест и горизонтальная «перекладина» Голгофы) набрана ячейками несколько большими, чем бортик; а ячейки «ножек» Голгофы равны ячейкам бортика. Эти «ножки» не вертикальны, а слегка расходятся друг от друга книзу, тем самым «подстраиваясь» под расширение лопасти.

Крест имеет процарапанные надписи: по сторонам изображения верхнего креста – христограмму «IC XC» [под дугообразными титлами]; по сторонам изображения нижнего большого креста аббревиатуру «НИ КА» и контрактуру «ЦРЬ СЛВ» [последняя пара – под ^ – образными титлами].

На торце левой ветви креста нанесена надпись-граффити, содержащая часть текста тропаря Кресту Господню, который поется в Крестопоклонную неделю: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим». Вероятно, надпись имеет уже позднее происхождение, и ее появление относится к тому периоду, когда крест стал объектом поклонения в деревенской часовне. На оборотной стороне памятника имеются полустертые нечитаемые надписи и первичная разметка декора, которая почему-то не удовлетворила мастера-камнереза, и поэтому он перенес рисунок на противоположную плоскость креста⁵.

10. Дер. Пудово-Сипягино (до 2012 г. Подольский р-н Московской обл., ныне Троицкий административный округ г. Москвы) (рис. 9).

Обломки белокаменного креста обнаружены В.В. Кавельмахером в конце 1980-х – начале 1990-х гг. при археологическом обследовании фундаментов кирпичной часовни конца XIX в., поставленной на месте Благовещенского храма XVI в., находившегося в вотчине Наумовых при с. Сипягине. Материалы этих работ не были опубликованы⁶, и обломки нам известны только по фотографиям А.В. Яганова, принимавшего участие на завершающем этапе обследования⁷.

В опубликованных при жизни трудах В.В. Кавельмахера имеется лишь одно упоминание о церкви в Сипягине, в примечании к статье об ином подмосковном памятнике (*Кавельмахер*, 1996). Здесь Благовещенская церковь названа постройкой дьяка Ивана Григорьевича Кобяка и датирована 1513 г. Судя по этому же примечанию, исследователь относил утраченную церковь к ранним вотчинным церквям – памятникам «фряжского строительства», примерами которых являются церковь Рождества Христова в Юркине и церковь Троицы в Чашникове. Разрушение Благовещенской церкви В.В. Кавельмахер связывал с набегом крымских татар в 1521 г.

Точный размер обломков найденного здесь креста нам неизвестен, однако благодаря тому, что А.В. Яганов снимал фотографии со штатива, изображения фрагментов имеют одинаковый масштаб, и их легко сопоставлять друг с другом.

Фрагмент ПС-1 включает в себя верхнюю часть лопасти и навершие. Навершие представляет собой венчающую короткую перекладину, верхняя сторона которой решена в виде пары пологих вогнутых скатов. Фрагмент имеет невысокий бортик. Если не считать непреднамеренно получившейся разницы (например, разницы в ширине между правым и левым бортиками лопасти), ширина бортика везде одинакова. Бортики лопасти покрыты орнаментом в виде ленты крестчатых квадратов. Орнамент бортика навершия – два противопоставленных ряда мелких равнобедренных треугольников. Существенно, что треугольники эти вытянутые, и орнаментальная лента, образованная ими, довольно широкая. Во внутреннем поле фрагмента находится обронное изображение четырехконечного креста, на котором вырезаны крестчатые квадраты несколько меньшего размера, чем крестчатые квадраты бортика. Верхняя и боковые ветви изображенного креста состоят из двух крестчатых квадратов; от нижней ветви на обломке уцелело пять таких квадратов. В высоту крест распространяется до самой вершины внутреннего поля. Обронное изображение креста сопровождается прорезным орнаментом в поле – одинарным рядом равнобедренных треугольников (таких же, как в бортике навершия, только мельче). Четыре отдельные ленты этого орнамента размещены таким образом, что они все вместе визуальнo воспринимаются как П-образная фигура, расположенная «позади» фигуры креста. Монограмм в поле фрагмента нет. На обломке заметны следы покраски бортиков лопасти, обронного изображения креста и ленты из мелких треугольников (лента была закрашена сплошной полосой).

Фрагмент ПС-2 композиционно увязывается с фрагментом ПС-1. На фрагменте сохранился вертикальный участок бортика и остаток обронного изображения в поле, составленный из трех крестчатых квадратов (читаются два, третий поврежден), расположенных друг над другом вдоль бортика. Этот остаток трактуется как правая стойка горки-Голгофы фигуры креста на фрагменте ПС-1. Размер крестчатых квадратов в обронных изображениях фрагментов № 1 и 2 совпадает. Бортик фрагмента

⁵ Об оформлении оборотной стороны памятника нам стало известно благодаря любезному сообщению А.Ю. Андреевой и знакомству с еще неопубликованной статьей А.Ю. Андреевой и С.Б. Чернецовой. «Кресту Твоему поклоняемся...» К вопросу атрибуции белокаменного резного креста из деревни Орлец на Волге» (*в печати*).

⁶ На момент написания нашей работы на сайте <http://www.kawelmacher.ru> появился материал о данном объекте: *Кавельмахер В.В.* Памятник архитектуры начала XVI века – церковь Благовещения в деревне Сипягино Подольского района Московской области. Скомпоновано С.В. Заграевским из рукописей В.В. Кавельмахера 1988–1989 гг. http://kawelmacher.ru/science_kawelmacher40.htm

⁷ Благодарим А.В. Яганова за предоставленную возможность ознакомиться с серией сделанных им фотографий сипягинских находок и консультации по данному объекту.

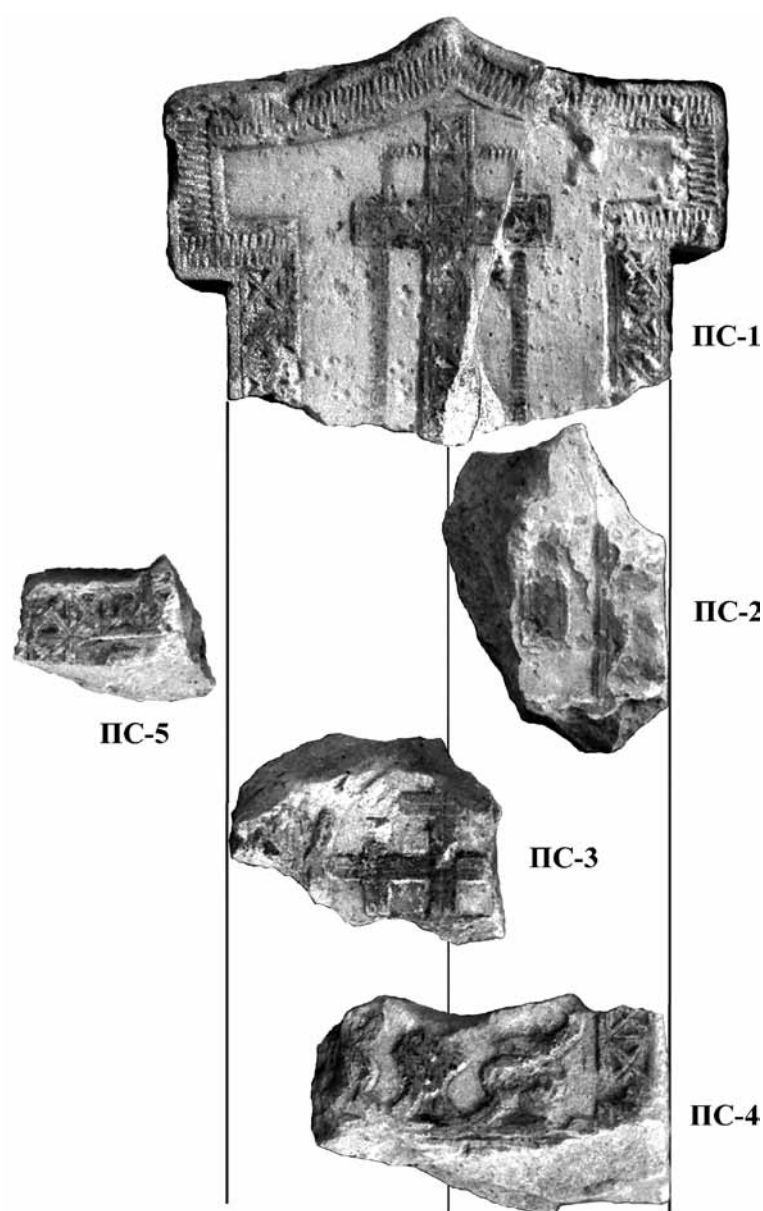
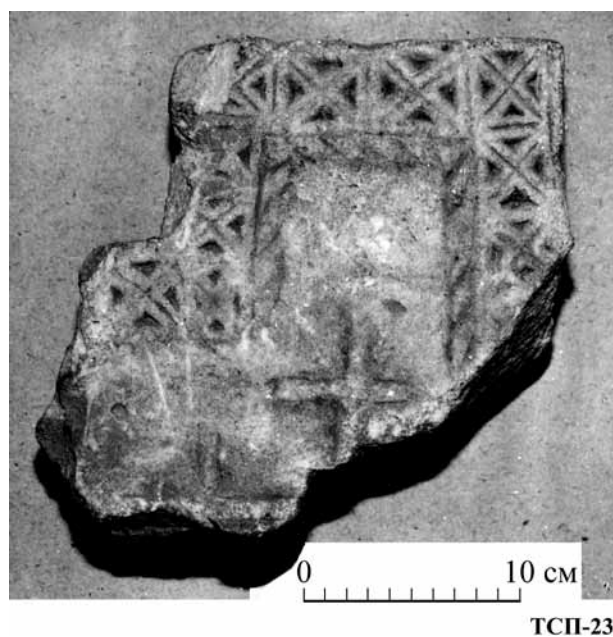

Рис. 9. Фрагменты креста из дер. Пудово-Сипягино
(г. Москва, Троицкий АО)

ПС-2 несколько шире, чем правый бортик лопасти фрагмента ПС-1, однако в самом верху бортика обломка № 2 заметен изгиб внутреннего края бортика, свидетельствующий о его сужении. Ширину бортика фрагмента ПС-2 следует признать «нормальной» для изделия, она соответствует ширине левого бортика лопасти на фрагменте № 1. В нижней части обломка заметен поворот внутреннего края бортика на 90°. Горизонтальная граница – либо край выступающей разделительной полосы между частями одного изделия, либо указание на близкое к границе нижнее завершение изделия. На фрагменте ПС-2 так же, как на фрагменте ПС-1, бортик

и обронное изображение несут следы покраски. На фрагменте ПС-3 имеется участок бортика такой же ширины, как левый бортик лопасти фрагмента № 1. На этом участке читается один крестчатый квадрат. В поле фрагмента частично уцелела композиция, уверенно реконструирующаяся как обронная фигура креста-кросслета, помещенная внутри обронного же кольца. Ветви креста – плоские ленты, на которых были процарапаны срединные линии. Насколько можно судить по фотографии, пересечение главных ветвей креста-кросслета выполнено таким образом, что одна ветвь расположена над другой. Кольцо, окружающее крест, плотную

ТСП-23

Рис. 10. Фрагмент креста из раскопок церкви Троицы в Старых Полях (г. Москва)

приближается к бортику. Расстояние между центром креста-кросслета и внешним краем бортика практически такое же, как полуширина лопасти фрагмента ПС-1, что делает принадлежность фрагментов № 1 и 3 одному изделию высоко вероятной.

На фрагменте ПС-4 также имеется участок бортика, ширина которого соответствует ширине левого бортика лопасти фрагмента № 1. На этом участке хорошо заметны два крестчатых квадрата. На фрагменте читается край еще одного бортика (или разгранки), перпендикулярный внутреннему краю бортика, сохранившегося во всю ширину. Внутреннее поле фрагмента заполнено частично уцелевшей, не поддающейся точному прочтению обронной композицией из переплетающихся уплощенных ветвей. Центр или узел композиции – четырехлепестковая миниатюрная розетка. Расстояние от центра розетки до внешнего края сохранившегося бортика несколько превышает полуширину лопасти фрагмента ПС-1, однако эта разница такова, что при допущении поля такой же ширины, как в лопасти фрагмента № 1, композиция была бы резко асимметричной (со слишком сжатым или вовсе иным рисунком на стороне, противоположной стороне сохранившегося бортика). Поэтому ширину той части изделия, к которой относился фрагмент № 4, приходится допускать большей, чем лопасть фрагмента № 1. Единственной более или менее близкой аналогией композиции на фрагменте № 4 является композиция на фрагменте № 3 с Верхнего посада Звенигорода, однако установление этой аналогии, важной

как факт, ничего не дает в плане реконструкции композиций и изделий, на которых они были вырезаны.

Фрагмент ПС-5, бесспорно, указывает на то, что изделие, к которому он относился, было каменным крестом, ибо этот фрагмент является остатком боковой лопасти. На краю одной из боковых сторон фрагмента имеется небольшой выступ, относившийся к месту отхождения лопасти от вертикального ствола, из чего следует, что длина обломка соответствует длине лопасти. Лопасть, очевидно, была короткой. Та боковая сторона, при которой имеется выступ, определяется как горизонтальная, а другая боковая сторона – как вертикальная. Бортик фрагмента № 5 несколько уже, чем левый бортик лопасти фрагмента № 1, однако крестчатые квадраты на фрагментах одинаковой ширины (ленты крестчатых квадратов занимают не всю ширину бортиков, а несколько отступают от их боковых краев. На фрагменте № 5 этот отступ минимален). На то, что боковая лопасть была короткой, указывает также сжатие крестчатых квадратов до прямоугольников на бортике при горизонтальной стороне; на этой стороне различимы четыре единицы орнамента. На фрагменте замечен остаток обронного изображения во внутреннем поле. Возможно, этот остаток относился к той же композиции, что и изображение в поле фрагмента ПС-4. Все рассмотренные фрагменты сходны небольшим выступом бортиков и обронных изображений; бортики на фрагментах проявляют такое сходство (в их ширине, в манере исполнения крестчатых квадратов на них, в отступе крестчатых квадратов от краев бортиков), какое возможно лишь для частей одного изделия или, по крайней мере, для изделий одного мастера.

11. Москва, некрополь церкви Троицы в Старых Полях (рис. 10).

ТСП-23. Фрагмент каменного креста происходит из материалов раскопок фундамента и некрополя церкви Троицы в Старых Полях (Векслер, 1999).

Первое упоминание о деревянной Троицкой церкви относится к 1493 г. В 1566 г. на ее месте была построена новая каменная церковь, которая с тех пор неоднократно подвергалась перестройкам и добавлениям. Наиболее крупная перестройка, при которой здание приобрело ампиный облик, относится к 1831–1834 гг. В 1934 г. храм был снесен. Раскопки на его месте проведены ЦАИ г. Москвы под руководством А. Г. Векслера в 1998–2000 гг.

Фрагмент креста включает полностью сохранившуюся левую боковую лопасть, часть средокрестья и небольшую часть нижней лопасти. Размеры обломка – 21×22,5 см. Длина лопасти – 8,5 см. Толщина – 10 см (Беркович, Егоров, 2017. С. 38, 39)

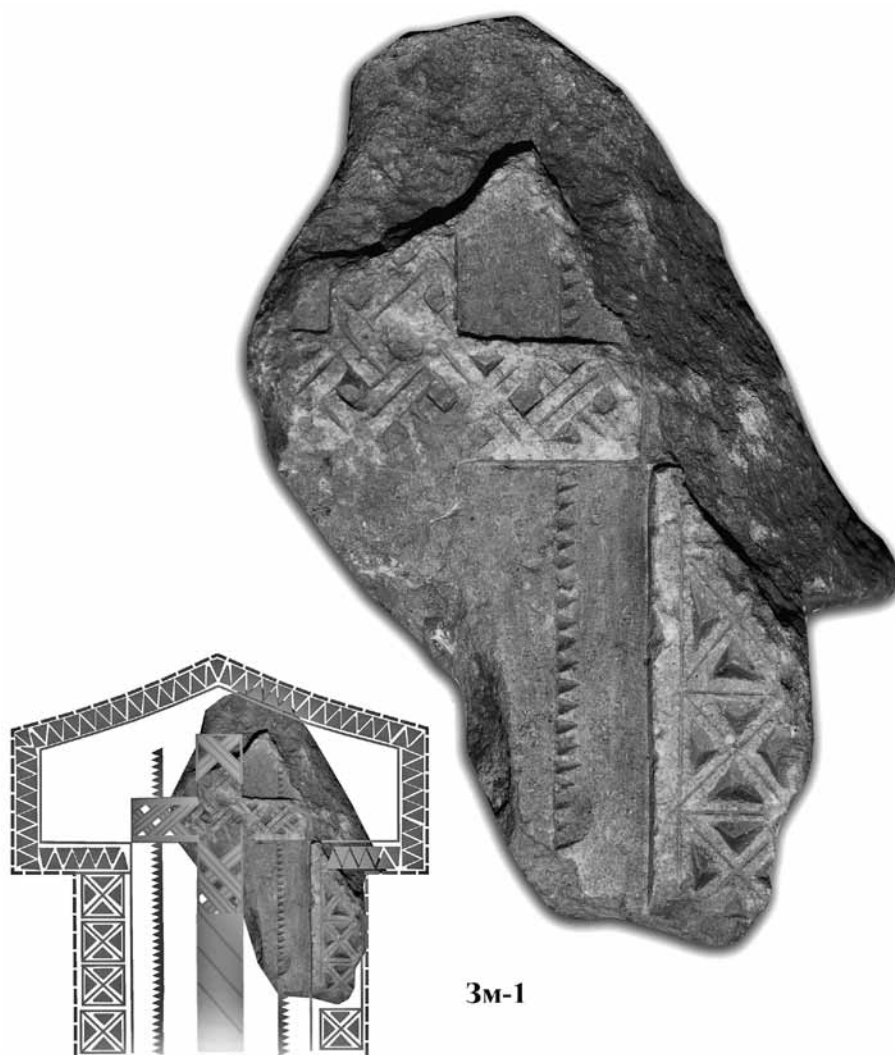

Рис. 11. Фрагмент креста из раскопок в Зачатьевском монастыре (г. Москва)

Крест имел широкий бортик с вырезанными четкими крестчатыми квадратами. Уникальная особенность креста – имитация витого жгута, уложенного вдоль границы поля и бортика. То, что сохранившаяся лопасть была боковой, следует из наблюдения, что параллельные участки бортика при этой лопасти имели разную длину (заметно по соотношению внутренних краев этих участков). На гладком фоне внутреннего поля выделялось обронное изображение креста-кросслета, расположенное в средокрестье и частично распространявшееся в поля лопастей. От изображения креста-кросслета уцелели две главные ветви с дополнительными ветвями. Все эти ветви пропорционально узки, срединных полос не имеют. Предполагая, что главные ветви креста-кросслета размещались по срединным ли-

ниям лопастей (что подтверждается полностью сохранившейся боковой лопастью), легко прийти к заключению, что нижняя лопасть была существенно шире, чем боковая перекладина. Ширина нижней лопасти в месте примыкания к средокрестью оценивается в 24 см. Ширина целого каменного креста оценивается в 46 см (удвоенное расстояние от торца боковой лопасти до средокрестья креста-кросслета).

12. Москва, Зачатьевский монастырь (рис. 11).

Зм-1. Фрагмент креста из материалов широкомаштабных раскопок (2003–2010 гг.) Института археологии РАН под руководством Л. А. Беляева⁸ внутренней территории монастыря. В настоящее время фрагмент экспонируется в церковно-археологическом музее Зачатьевского монастыря. Зачатьевская Алексеевская обитель на месте современного монастыря

⁸ Сердечно благодарим Л. А. Беляева за любезно предоставленную возможность опубликовать данный памятник.

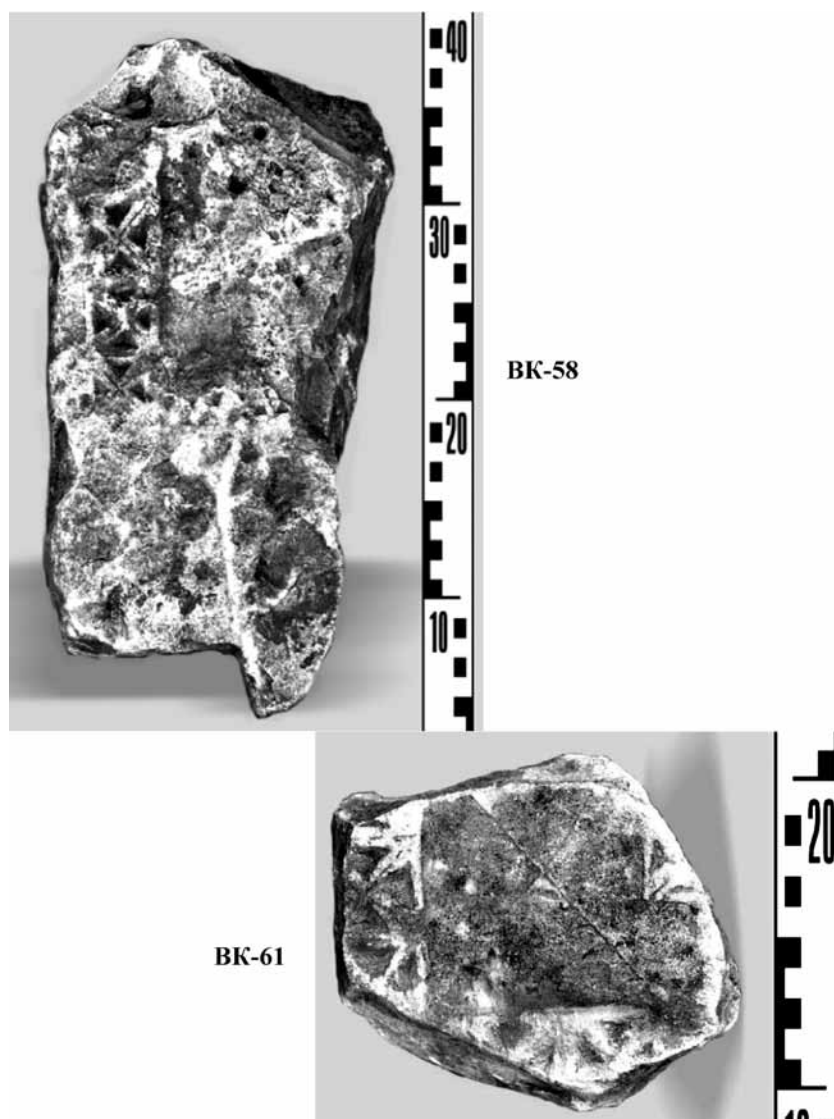

Рис. 12. Фрагменты крестов из лапидария при храме Воскресения Христова в Кадашах (г. Москва)

основана в третьей четверти XIV в. Некрополь монастыря, изученный археологически, относится ко второй половине XIV–XVIII в. Фрагмент креста найден поблизости от фундаментов трапезной XVI в., к востоку-северо-востоку от нее. Особо следует подчеркнуть, что за все время раскопок в монастыре (изучено более 800 погребений; найдено свыше 100 надгробий, преимущественно плитчатых) встретился лишь один фрагмент каменного креста, что свидетельствует о редкости этого вида памятников на городских монастырских некрополях раннемосковского времени.

Благодаря очевидной аналогии описываемого фрагмента с образцом ПС-1 из д. Пудово-Сипягино можно уверенно говорить о нем как об остатке вертикальной лопасти и ее навершия. Из лицевой поверхности изделия на фрагменте сохранился участок

правого бортика лопасти и часть внутреннего поля, топографически относящаяся к центру навершия и к лопасти (в основном к ее правой половине). Основание правого «выступа» («плечика») навершия сохранилось на обломке со сколотой лицевой поверхностью. Уцелел прямой угол, образованный нижней поверхностью «выступа» навершия и боковой поверхностью лопасти. На бортике вырезан орнамент в виде ленты крестчатых квадратов, края которой отступают от краев бортика (аналогично бортикам на сипягинских обломках). Вверху внутреннего края бортика заметен прямой угол, маркирующий переход бортика с лопасти на боковой «выступ» навершия. По соотношению вершины этого угла с нижней гранью «выступа» навершия отчетливо видно, что нижний горизонтальный бортик «выступа» навершия был го-

раздо уже, чем бортик лопасти. Таким узким бортик мог быть или во всем навершии, или только в нижних горизонтальных участках (имеются примеры и той, и другой ситуации – соответственно густомесовский крест (Г-1) и фрагмент № 10 из д. Кузьмодемьянки (М-10)). Орнаментальная лента узкого горизонтального бортика распространялась над торцом ленты из крестчатых квадратов бортика лопасти.

На фрагменте сохранилась часть обронного изображения четырехконечного креста, ветви которого имели очертания прямоугольных полос. Соотношение ширины ветвей креста с шириной бортика лопасти на описываемом фрагменте примерно такое же, как соответствующее соотношение на сипягинском фрагменте ПС-1.

На изображении креста вырезан орнамент, представляющий собою мастерски выполненную имитацию переплетенных узких полос, только не тесно сомкнутых, а разреженных. Каждая полоса ложного плетения снабжена «желобком» по центральной продольной линии, что способствует убедительности имитации. Ориентация рисунка плетенки косая. Орнамент нанесен на боковые ветви креста более экономно, чем на мачту: если последнюю «плетенка» покрывает сплошь, то на боковых ветвях орнамент вырезан с небольшим отступом от краев перекладины. Описанный прием орнаментации не встречен ни на одном другом известном нам каменном кресте; для надгробных плит он неизвестен вообще.

В поле имеется врезной орнамент – ряд одинаково ориентированных мелких равнобедренных треугольников, параллельный мачте изображения креста и бортику лопасти. Этот ряд перебивается боковой ветвью креста. Видна предварительная разметка – линия графы, на которой основаниями расположены треугольники. Общая композиция, в состав которой входил ряд треугольников, реконструируется благодаря аналогу – сипягинскому образцу ПС-1. Отметим, что на обоих фрагментах линия оснований вертикального ряда треугольников отстоит от мачты креста на расстояние ее ширины, однако на зачатъевском фрагменте треугольники ориентированы вершинами в сторону бортика, а на сипягинском – в сторону изображения креста.

Полная ширина лопасти зачатъевского изделия оценивается в 19 см.

Если условно принять ширину бортика с крестчатыми квадратами на зачатъевском образце и сипягинском ПС-1 одинаковой, то лопасть зачатъевского изделия, очевидно, характеризуется как более узкая. Из того же, что на зачатъевском фрагменте перекладина фигуры креста расположена выше, чем на сипягинском фрагменте, следует

СТ-1

Рис. 13. Фрагмент креста из Старицкого краеведческого музея (г. Старица, Тверская обл.)

большая высота навершия или, по крайней мере, больший размер внутреннего поля навершия (из-за узкого бортика) зачатъевского изделия.

13. Москва, Кадаши. Лапидарий при храме Воскресения Христова (рис. 12).

Обломки двух крестов опубликованы и описаны К. А. Егоровым (2015. С. 71, 74, 75) под номерами ВК-58 и ВК-61.

14. Тверская область, г. Старица. Краеведческий музей (рис. 13).

СТ-1. Фрагмент белокаменного креста, экспонирующийся в Старицком краеведческом музее (филиал ТГОМ), по-видимому, датируется тем же периодом, что и рассмотренные нами кресты, несущие московский тип орнамента. В качестве пока единственного образца геометрически декорированного креста, происходящего из Тверских земель, мы сочли необходимым включить в наш обзор старицкий образец.

Информация о его происхождении утеряна. Научный сотрудник Старицкого музея С. С. Кутаков допускает, что предмет может происходить из раскопок 1979 г. Старицкого Борисоглебского собора.

Фрагмент представляет собой, очевидно, верхнюю лопасть, сохранившуюся с многочисленными повреждениями. Размер обломка: высота – 32,5 см, ширина – 38 см, толщина – 23 см. Лопасть была прямоугольной формы. Несмотря на повреждения, рисунок лопасти восстанавливается практически полностью. Все его элементы вырезаны на плоской поверхности, выступающих бортиков и обронных изображений нет. По внешнему краю лопасть была околонтурена лентой из вытянутых равнобедренных

треугольников (вытянутых поперек направления ленты), размещенных с чередованием ориентации. Внутреннее поле заполнено двумя рядами киотообразных фигур – трех больших в верхнем ряду и пяти малых в нижнем. Для каждого ряда процарапана горизонтальная линия графы, на которой и были размещены контурные изображения. За исключением прямых оснований, прочерченных по упомянутой графье, сами фигуры вырезаны довольно небрежно. Внутри каждой из трех больших киотчатых арок с килевидным завершением вырезан четырехконечный крест (контуром) на П-образной Голгофе. Такое изображение креста, и то не полностью из-за скола, сохранился лишь внутри левого большого «киота»; изображения крестов внутри двух других больших фигур были целенаправленно стесаны теслом. Ниже графы, на которой был размещен ряд малых фигур, сохранилась горизонтальная борозда – очевидно, разгранка между полем верхней лопасти и средокрестьем. Еще ниже – остатки трех фигур, по-видимому, орнаментального характера.

В наш каталог включены не только целые памятники и фрагменты, принадлежность которых крестам не вызывает сомнений, но и такие обломки, по которым сложно уверенно судить о характере целых изделий, однако эти изделия, по крайней мере, были вертикальными надгробиями. В аннотациях каталога мы высказали свои соображения относительно трактовки спорных фрагментов, подтвердить или опровергнуть которые смогут только новые находки. Корпус несомненных каменных крестов с московским типом орнамента включает в настоящее время 12 памятников. Еще три памятника (из дер. Сипягино, зачатьевский, образец № 3 с Рождественского погоста Звенигорода), по-видимому, также были каменными крестами, но необычной формы, представить которую мы пока не можем. К спорным образцам относятся семь образцов из д. Кузьмодемьянки (принадлежавшие шести разным изделиям) и фрагмент из д. Ямищево. Итого общий счет орнаментированных в едином московском стиле вертикальных надгробий крестового или иного (гипотетически) характера – 22 памятника. Наряду с ними на той же территории встречены неорнаментированные белокаменные кресты (нам известно о 4 экз.), составляющие с орнаментированными единую общность намогильных памятников.

Преобладающая форма крестов – четырехконечная. К более редким вариантам относятся кресты с объемным навершием и кресты с двумя перекладинами. Последний вариант достоверно известен только по одному целиком сохранившемуся образцу (можайский крест), у которого дополнительная

перекладина занимает нижнее положение. Образец № 2 из с. Кременского может реконструироваться как крест с двумя перекладинами, дополнительная из которых занимает верхнее положение.

Размерные характеристики памятников невелики. Пожалуй, наиболее массивный четырехконечный образец, крест с Рождественского погоста Звенигорода, достигал в высоту примерно 62 см. Немногом больше высота можайского креста, обладающего двумя перекладинами, – 67 см. Нормальная же высота крестов оценивается в 40–50 см. (Все указанные здесь значения для высоты – без учета пяточного шипа.) В отношении ширины крестов мы располагаем рядом непосредственно измеренных или надежно реконструируемых значений, которые находятся в пределах 31–51 см. Ширина боковых лопастей, судя по тем случаям, когда ее можно было измерить, не превышает 20 см. Толщина образцов (включая спорные фрагменты) варьируется от 6 до 15 см. Это соответствует толщине плит XIV–XV вв. вплоть до первой половины XVI в., варьирующейся от 8 до 16 см (обобщено на основании примеров из каталога в монографии Л. А. Беляева (1996)). Почти все орнаменты, которые мы встретили в декоре рассматриваемых памятников, входят в репертуар орнаментики «московских» плит, отчего, собственно, мы и говорим о крестах с московским типом орнамента. Плиты, будучи хорошо датированным массовым материалом, дают нам ориентир для датировки крестов, ибо орнаменты, о которых идет речь, применялись на плитах ограниченное время.

Конкретные способы применения того или иного орнамента, естественно, различны между горизонтальными и вертикальными памятниками. В наибольшей мере это касается важнейшего для «московских» крестов элемента декора – крестчатых квадратов. Для рассматриваемых крестов этот орнамент является не менее характерным признаком, чем бортик и обронные фигуры. Крестчатые квадраты обязательно присутствуют на бортике и (или) на изображениях крестов во внутреннем поле (исключение – образец из дер. Рогачёво). На плитах же крестчатые квадраты в принципе не использовались в бордюрах, за исключением известного нам фрагмента плиты второй половины XVI в. из Троице-Сергиева монастыря (Вишневский, 2013. С. 126. Рис. 1, 9). Область эпизодического применения крестчатых квадратов на плитах – заполнения клейм, ленты вдоль изголовья, «пояс», соединительные косые ленты между верхним клеймом и плечиками (Беляев, 1996. С. 144), то есть в основном дополнительные изобразительные элементы, которыми резчики пытались индивидуализировать безэпитафийные

надгробия на раннем этапе применения устойчивой антропоморфной композиции. Самые ранние плиты с крестчатыми квадратами – крышки саркофагов митрополитов Киприана и Фотия, если верна датировка этих памятников временем кончины митрополитов (соответственно, 1406 г. и 1431 г.) (Шеляпина, 1973). Наибольшее количество примеров применения обсуждаемого рисунка на плитах приходится на последнюю четверть XV в. На протяжении XVI в. крестчатые квадраты еще встречаются, но уже в качестве исключения (Беляев, 1996. С. 144). Если переносить на «московские» кресты выводы относительно сроков применения

крестчатых квадратов на плитах, то кресты следует датировать расширенно – временем от начала XV в. до середины – третьей четверти XVI в. Наиболее вероятной нам представляется датировка, суженная до периода наибольшей востребованности крестчатых квадратов на плитах, то есть до последней четверти XV в., и некоторого последующего времени, в пределах первой половины XVI в.

Таким образом, собранные воедино сведения о белокаменных среднерусских крестах с геометрическим рисунком существенно обогащают наши представления о погребальной культуре Московской Руси.

Литература

- Алексеев А. В., 2015. Отчет об археологических разведках на Верхнем посаде города Звенигорода в 2014 г. Звенигород / Архив ИА РАН. Р-1.
- Алексеев А. В., 2017. Церковные древности Звенигородской земли. Звенигород: МК МО, ЗИАиХМ. 224 с.
- Алексеев А. В., Смирнов А. Н., 2017. Селище Петелино-1 (Московская область, Одинцовский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. М.: ИА РАН. 240 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19).
- АКР. Калужская область. М.: ИА РАН, 1992. 160 с.
- Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффи-ти. 563 с.
- Беркович В. А., Егоров К. А., 2017. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ТМ Продакшн. 768 с.
- Быков А. Ю., 2014. Уникальные находки (Надгробные памятники-кресты XV–XVI вв. из собрания Мышкинского народного музея) // Мышкинская «Лоция» (Краеведческий журнал). № 7 (13) Мышкин. Интернет-ресурс: <http://www.myshgorod.com/magilanka/lociya-journal.html>
- Векслер А. Г., 1999. Исследования в Китай-городе в 1999 г. в г. Москве. Отчет об охранных археологических раскопках церкви Св. Троицы в Старых Полях (Третьяковский проезд, д. 1, 2) / Архив ИА РАН. Р-1. № 22456–22461.
- Вишневский В. И., 2013. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 125–139.
- ДДГ. М.–Л.: АН СССР, 1950. 586 с.
- Егоров К. А., 2015. Белокаменные надгробия храма Воскресения Христова в Кадашах (каталог). М.: ТМ Продакшн. 128 с.
- Кавельмахер В. В., 1996. К вопросу о времени и обстоятельствах постройки церкви Рождества Христова в Юркине // Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука. С. 421–436.
- Компанец С. Е., 2015. Комплекс надгробных белокаменных крестов и плит погоста Рогачёво // Вопросы эпиграфики. Вып. 8. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 225–252.
- Мокеев Г. Я., 1992. Можайск – священный город русских. М.: Кедр. 127 с.
- Шеляпина Н. С., 1973. Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского кремля // СА. № 4. С. 227–235.

A. V. Alexeev & S. V. Kuzmenko

‘Muscovian’ stone crosses of the 15th – 16th centuries with geometric decoration. A site catalogue

Summary

This catalogue with commentary summarises information about a rare kind of tombstone from Muscovian Rus – whitestone crosses with geometric decoration, produced over the somewhat limited period of

the final quarter of the 15th and first half of the 16th centuries. The geographical spread of such finds includes Moscow and its surrounding County regions, along with the Yaroslavl, Kostroma and Kaluga Regions.

В. И. Вишневский
СПГИХМЗ, Сергиев Посад (Московская обл.)

Средневековые белокаменные надгробия кладбища села Воскресенского дворцовой волости Черноголовль (Ногинского района Московской области)

Село Воскресенское, как следует из документов первой четверти XVII столетия, существовало уже в XVI в. Село стоит на берегу речки Жмучки, в 47 км к северо-востоку от Москвы. Воскресенское в XVII–XVIII вв. (до 1762 г.) принадлежало к дворцовой волости Черноголовль, со второй половины называвшейся также Черноголовской волостью Вохонской десятины и было приписано к дворцовому с. Измайлово, которое ныне находится в черте г. Москвы. Оно находилось на царском «ловчем пути» и служило охотничьими угодьями царей (*Холмогоровы*, 1888. С. 9–10).

По указанию Алексея Михайловича у с. Воскресенское Черноголовской волости в 1669 г. был построен казенный стекольный завод – филиал московского казенного стекольного завода в Измайлово. По описи 1687 г., завод для производства стеклянной посуды состоял из амбара 6×9 сажен с кирпичными печами для обжига стекла и тремя чугунными котлами и тремя чанами для варки стекла, а также избы трех сажен. Завод огорожен заборами четверугольно (*Бакланова*, 1928. С. 137–138; *Забелин*, 1918. С. 558–559; *Топычканов*, 2004. С. 256–257). Стекольный завод производил лампы, различной формы стаканы, чарки, братинки и «склянки» белого стекла, шедшие на обслуживание нужд царского двора. Завод продолжал действовать и в начале XVIII в. В 1724 г. «хрустальной фабрикой» руководили бывшие мастера Измайловского стекольного завода Софрон Гаврилов и Демид Логинов. На фабрике работало всего пять человек: сами хозяева, два работника и один ученик. Завод прекратил свое существование по указу 1747 г. (*Заозерская*, 1953. С. 111; *Любомиров*, 1947. С. 544).

В 1750 г. с. Воскресенское в числе других земель дворцовой Черноголовской волости было пожаловано Екатериной II Федору Григорьевичу Волкову. «Отец первого русского публичного театра» в Ярославле принимал деятельное участие в перевороте при восшествии на престол Екатерины II, за что и получил дворянство и 700 душ крестьян (*Энциклопедический словарь...* 1892 С. 37–38).

По церковно-административному делению с. Воскресенское принадлежало к Патриаршей (с начала XVIII в. – Синодальной) области, а с 1742 г. – к Московской епархии. По всей вероятности, в конце XVI в. здесь находилось две церкви: Воскресения Христова и Покрова Пресвятыя Богородицы. В писцовых книгах 139–141 (1631–1633) гг. говорится: «Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы обвалилась. В описаниях села 1675–1677 гг. церковь Воскресения Христова уже не упоминается (*Холмогоровы*, 1888. С. 9).

Около 1633–1634 гг. была устроена придельная церковь Покрова Богородицы на погосте с. Воскресенского, которая в 1705 г. сгорела от молнии. Уже в следующем, 1706 г. по указу Петра I на месте сгоревшей построена новая деревянная церковь. В 1833 г. в Воскресенском построена новая каменная церковь, освященная во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а деревянная не использовалась для богослужений, в 1865 г. переименована в Вознесенскую и превратилась в кладбищенскую.

В 1845 г. после ремонта деревянная церковь лишилась части галереи, в конце 1920-х гг. галерея была полностью разобрана, в начале 1970-х гг. разобрано входное крыльцо (рис. 1, 1). В середине 2000-х гг. деревянная церковь переложена

Рис. 1. Церковь Вознесения села Воскресенского. Современный вид

с добавлением новых бревен. При переборке здания были обнаружены белокаменные надгробия – целые и фрагменты – всего 26 от 18 надгробий (рис. 1, 2; табл. 1).

Каталог надгробий

Первая группа – четыре фрагмента надгробий первой половины XVI в., украшенных резным геометрическим орнаментом: обрамление вдоль края из двух рядов мелких треугольников (размером 1×1 см), боковые грани без орнамента (рис. 2, 1–4).

№ 1. Фрагмент надгробия (изголовье). Первая половина XVI в. (рис. 2, 1). Размеры: длина – (64) см, ширина – 51 см, толщина – 9 см. Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление вдоль края из двух рядов треугольников (размером 1×1 см). Полукруглое верхнее клеймо – с «пустым» центром, окаймленным дугой из двух рядов мелких треугольников, обращенных вершинами внутрь. Полукруглые тяги из двух рядов мелких треугольников соединяют боковые края обрамления с круглым нижним клеймом, в центре розетка из 16 лучей-треугольников, окаймленная кольцом из двух рядов мелких треугольников, обращенных вершинами внутрь. Верхняя часть плиты (до полукруглых

тяг) имеет дополнительную внутреннюю рамку из ряда мелких треугольников, обращенных вершинами наружу. Контуры орнамента очерчены графией. Боковые грани без орнамента.

Внутренняя рамка из мелких треугольников появляется в конце XV в., встречается в первой четверти XVI в., максимально распространена во второй (при этом иногда становится двойной) и редко фиксируется в третьей четверти.

«Пустые», незаполненные верхние полукруглые клейма – довольно редкий элемент (в некрополе Троице-Сергиевой лавры отмечен только на семи плитах). Этот элемент, по наблюдению Л. А. Беляева, бытовал в XV в. и исчезал с середины XV до начала XVI в. (1996. С. 144), при том что самые древние датированные надгробия конца XV в. имеют заполненные клейма. В некрополе Троице-Сергиева монастыря на плитах с надписями «пустые» верхние клейма датируются 1506, 1530, первой четвертью XVI в. (Вишневский, 2013. С. 131). Таким образом, датировка этого элемента – XV – первая четверть XVI в., на что обратила внимание Т. В. Николаева (1966. С. 208).

Три фрагмента надгробий (изножья), где сохранились нижние клейма, вертикальные прямые тяги и полукруглые верхние (№ 3). Центр из розетки

Таблица 1. Белокаменные надгробия, найденные при переборке здания Воскресенской церкви в середине 2000-х гг. (цифры в скобках указывают сохранившийся размер).

№	Имя / датировка	Длина правая / левая, см	Ширина изголовья / ширина изножья, см	Толщина, см	Кол-во фр-тов
1	Неизвестный. 1-я пол. XVI в.	(64)	51	9	2
2	Неизвестный. 1-я пол. XVI в.	(80)	53	11	1
3	Неизвестный. 1-я пол. XVI в.	(68)	58	16	1
4	Неизвестный. 1-я пол. XVI в.	(53)	(49)	12	1
5	Неизвестный. Сер. XVI в.	(50)	(30)	12	1
6	Неизвестный. Сер. XVI в.	(46)	(48)	12	1
7	Неизвестный. Сер. XVI в.	(55)	57	12	1
8	Памфил. 1579.	(96)	65	18	1
9	Неизвестный.	153	62/61	18,5	—
10	Власьевская жена. 1584	173	65/68	21	2
11	Савелий Симонов. 1579	176	64/56	19	—
12	Ховроня, Кондратьева дочь, жена Максима Кузнецова. Посл. треть XVI в. – 1-я треть XVII в.	146	63/50	(14)	4
13	Неизвестный. 1650-е	(24)	(50)	(22)	2
14	Неизвестный. 2-я пол. XVI в.	(48)	(23)	22	1
15	Неизвестный. 1630-е	(48)	(38)	(21)	1
16	Аникин сын. 1-я пол. XVII в.	(115)	55	22	3
17	Кондрат Григорьев. Посл. четв. XVII в. – 1-я четв. XVIII в.	(86)	83	44,5	1
18	Неизвестный. Посл. четв. XVII в. – 1-я четв. XVIII в.	(114)	(55)	(23)	2

из 12 лучей-треугольников (№ 2, 3) и 16 лучей-треугольников (№ 4).

№ 2. Фрагмент надгробия (изножье). Первая половина XVI в. (рис. 2, 2). Сохранилась половина плиты. Размеры: длина – (80) см, ширина – 53 см, толщина – 11 см. Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление вдоль края из двух рядов треугольников (размером 1×1 см). Вертикальная прямая тяга из двух рядов мелких треугольников соединяет край изножья с круглым нижним клеймом – центр из розетки из 12 лучей-треугольников, окаймленный кольцом из двух рядов мелких треугольников, обращенных вершинами внутрь. Вдоль края изножья дополнительное внутреннее обрамление из ряда мелких треугольников, обращенных вершинами наружу. Контуры орнамента очерчены графьей. Боковые грани без орнамента.

№ 3. Фрагмент надгробия (изножье). Первая половина XVI в. (рис. 2, 3). Сохранилась половина плиты. Размеры: длина – (68) см, ширина – 58 см, толщина – 16 см. Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление вдоль края из двух рядов треугольников (размером 1×1 см). Полукруглые тяги и вертикальная прямая тяга из двух рядов мелких

треугольников соединяют боковые края обрамления с круглым нижним клеймом – центр из розетки из 14 лучей-треугольников, окаймленный кольцом из двух рядов мелких треугольников, обращенных вершинами внутрь. Контуры орнамента очерчены графьей. Боковые грани без орнамента.

№ 4. Фрагмент надгробия (часть изножья). Первая половина XVI в. (рис. 2, 4). Сохранилось около 1/4 плиты. Размеры: длина – (53) см, ширина – (49) см, толщина – 12 см. Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление вдоль края из двух рядов треугольников (размером 1×1 см). Вертикальная прямая тяга из двух рядов мелких треугольников соединяет край обрамления изножья с круглым нижним клеймом – в центре розетка из 16 лучей-треугольников, окаймленная кольцом из мелких треугольников, обращенных вершинами внутрь. Контуры орнамента очерчены графьей. Боковые грани без орнамента.

Вторая группа – четыре фрагмента надгробий середины XVI в. С внутренними рамками из крупных равнобедренных треугольников, поставленных так, что между ними образована «змейка»-зигзаг. Боковые грани без орнамента (рис. 3, 1–4). Внутренняя рамка из треугольников – «змейка»-зигзаг

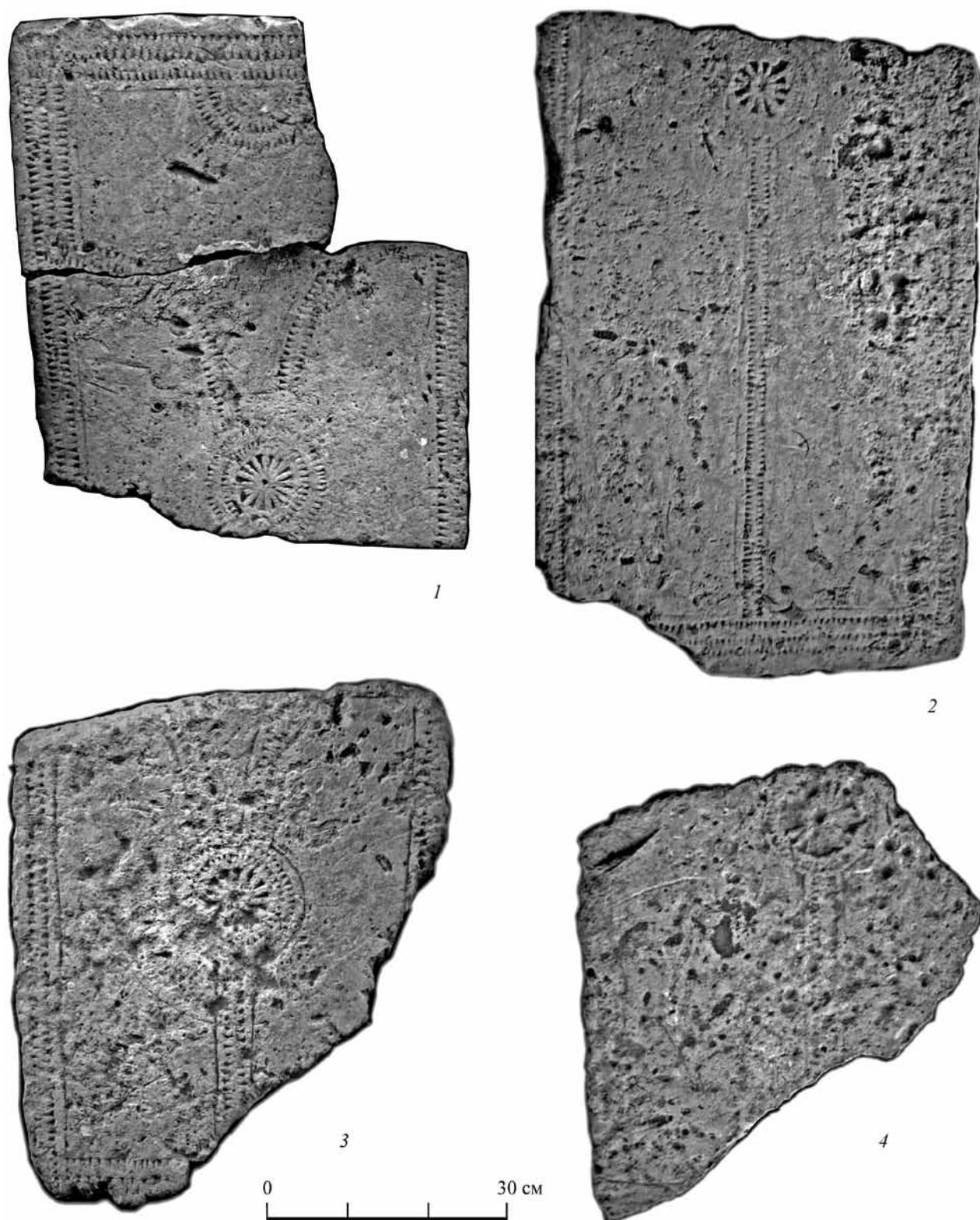

Рис. 2. Некрополь церкви Вознесения села Воскресенского. Фрагменты надгробий 1-й пол. XVI в.

на плитах некрополя Троице-Сергиева монастыря редко встречается во второй четверти XVI в. (3 плиты), часто – во второй четверти (20 плит), в четвертой четверти – лишь дважды. Датировка этого элемента – 1533–1580 гг. при наибольшем распространении в 1560-е годы (Вишневский, 2013. С. 129), в Москве – 1550–1580-е и доходит до начала XVII в., по Л. А. Беляеву (1996. С. 144) и 1560–1570-х, по Т. Д. Пановой (2004. С. 116).

№ 5. *Фрагмент (правый угол изголовья)* (рис. 3, 1). Размеры: длина – (50) см, ширина – (30) см, толщина – 12 см. Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление вдоль края из двух рядов мелких треугольников стерто, сохранилась внутренняя рамка из крупных треугольников (размером 1,5×1,5 см), образующих «змейку»-зигзаг. Контур орнамента очерчен графией. Боковые грани без орнамента.

№ 6. *Фрагмент изножья (левый угол изножья)* (рис. 3, 2). Сохранился край изножья. Размеры: длина – (46) см, ширина – 48 см, толщина – 12 см. Лицевая поверхность украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление по краям и вертикальная прямая тяга из двух рядов мелких треугольников. Дополнительное обрамление вдоль края изножья: лента из крупных равнобедренных треугольников – «змейка»-зигзаг. Вверху – нечитаемые остатки нижней строки надписи, резанной вглубь, из шести букв. Контур орнамента очерчен графией. Боковые грани без орнамента.

№ 7. *Фрагмент надгробия (изголовье)* (рис. 3, 3). Размеры: длина – (55) см, ширина – 57 см, толщина – 12 см. Лицевая поверхность плиты украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление вдоль края из двух рядов треугольников (размером 1×1 см). В изголовье – полукруглое клеймо, заполненное в центре рядом квадратов, заполненных треугольниками, расположенными крестообразно, и обведенное дугой из мелких треугольников. Верхняя часть плиты (до полукруглых тяг) имеет дополнительную внутреннюю рамку из крупных равнобедренных треугольников – зигзагообразная полоса-«змейка». Надпись отсутствует.

По надгробиям из московских монастырей элемент из треугольников, расположенных крестообразно, «хронологически распределяется от начала XV до начала XVI в., особенно в последней четверти XV в., в течение XVI в. их еще можно встретить, но как исключение» (Беляев, 1996. С. 144). В Троице-Сергиевой лавре клейм с таким заполнением зафиксировано 19, по датированным плитам они встречаются с 1480 по 1575 г.: последняя четверть XV в. – три

плиты, первая четверть XVI в. – три плиты, вторая четверть XVI в. – пять плит, третья четверть XVI в. – пять плит.

№ 8. *Надгробие Панфила. 1579* (рис. 3, 4). Размеры надгробия: длина – (96) см, ширина изголовья – 65 см, толщина – 18 см. Утрачено изножье (около половины плиты). Лицевая поверхность украшена резным геометрическим орнаментом: обрамление по краям и полукруглые тяги из двух рядов мелких треугольников, полукруглое клеймо вверху, в центре полурозетка из восьми треугольников-«лучей», и обведенное дугой из двух рядов мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь. Верхняя часть плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из крупных равнобедренных треугольников, поставленных так, что между ними образована «змейка»-зигзаг, прочерченная графией. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые грани без орнамента.

1. $\text{л}^{\text{б}}(\text{а}) \neq \text{З}(\text{клеимо}) \text{ПН} (7088) (1579) \text{го}^{\text{р(о)л}}$
2. $\text{ѡ} \text{к} \text{б} \text{р} \text{а} \text{т} \text{а} \text{КЗ} (27)^{\text{л(е)н(а)}} \text{прес}$
3. $\text{т} \text{а} \text{в} \text{и} \text{р} \text{а} \text{б} \text{б}(\text{о}) \text{ж} \text{и}$
4. $\text{п} \text{а}^{\text{л}} \text{а} \text{н} \text{л} \text{а} \text{в} \text{о} \text{и} \text{и} \text{а}$
5. $\text{ѡ} \text{ц} \text{а} \text{ѣ} \text{с} \text{н} \text{а} \text{ѣ} \text{с} \text{т} \text{а} \text{г} \text{о}$
6. ....

В «формуляре» текста редкое окончание – после имени слова молитвы (**ѡ ѡиѡ отцѡ и сѡна и сѡѡтѡго (ѡухѡ)**). Необычно разделение строк мощной графией (подобное часто встречается на плитах в монастырях Переславля-Залесского) (Вишневский, 2011. С. 33, 38. Рис. 6–9).

Третья группа – плиты со жгутовым орнаментом – четыре целых и три фрагмента. На четырех из них боковые грани без орнамента, три – с орнаментом (рис. 4; 5).

№ 9. *Надгробие неизвестного. Третья четверть XVI в.* (рис. 4, 1). Длина – 153 см, ширина изголовья – 62 см, ширина изножья – 62 см, ширина изножья – 61 см, толщина – 18,5 см.

Лицевая поверхность плиты украшена резным жгутовым орнаментом: обрамление по краю, полукруглое клеймо вверху – «вращающаяся розетка», окаймленная дугой из четырех завитков. В нижней части надгробия круглое клеймо – «вращающаяся розетка» в кольце жгута из шести завитков, соединенное с краями полукруглыми тягами. Боковые грани без орнамента. Надпись отсутствует.

По материалам датированных плит Троице-Сергиева монастыря, появление орнамента на боковых гранях происходит в середине XVI в.

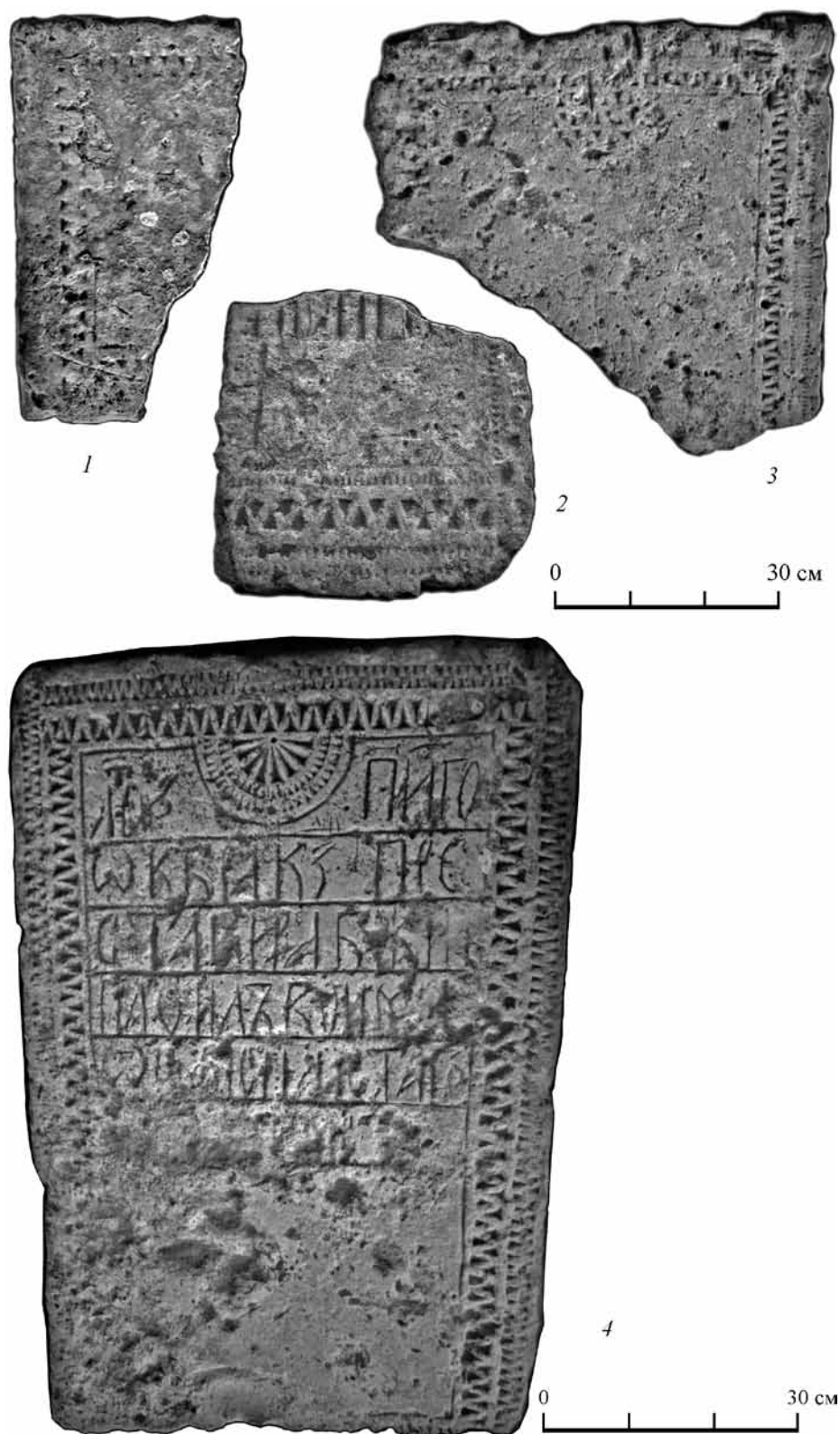

Рис. 3. Некрополь церкви Вознесения села Воскресенского. Фрагменты надгробий сер. XVI в.
1–3 – неизвестные; 4 – Панфил

Равное распространение неорнаментированных и орнаментированных боковых граней приходится на рубеж 3 и 4 четвертей XVI в. Исчезновение геометрического орнамента и неорнаментированных боковых граней приходится на середину первой четверти XVII в. По толщине плиты надгробие, вероятно, относится к 3 четверти XVI в., когда толщина плит составляла (по данным троицкого некрополя) от 7 до 25 см (толщина плит последней четверти XVI в. – от 11 до 38 см) (Вишневский, 2015. С. 32, 33).

№ 10. Надгробие Матро... онии (?) жены крестьянской Власьевской (?). 1584 (рис. 4, 2). Длина – 173 см, ширина изголовья – 65 см, ширина изножья – 68 см, толщина – 21 см. Расколота на две части (отколот правый угол изножья): 1) 67×168×21 см; 2) 68×48×21 см.

Лицевая поверхность плиты украшена резным жгутовым орнаментом: обрамление по краю, полукруглое клеймо вверху – «вращающаяся розетка», окаймленная дугой из четырех завитков. В нижней части – круглое клеймо, соединенное с краями полукруглыми тягами. В центре клейма – «вращающаяся розетка» в кольце жгута в восемь завитков. Боковые грани без орнамента. Надпись в четыре строки сохранилась не полностью и читается предположительно:

лѣта (клеймо) ѿЗчѣ^{тв} (7092) [1584]
мѣта в ке (25) ^{лѣтѣ} престави раб б(о)ж^на матронѣ
онни крас(тън)скаа жена влѣ^{тѣ}
скаа

№ 11. Надгробие Савелия Симонова. 1579 г. (рис. 4, 3). Длина – 176 см, ширина изголовья – 64 см, ширина изножья – 56 см, толщина – 19 см. Крупные сколы в центре, на левом краю лицевой грани.

Лицевая поверхность плиты украшена резным жгутовым орнаментом: обрамление по краю, полукруглое клеймо вверху – «вращающаяся» розетка, окаймленная дугой из шести завитков. В нижней части надгробия – круглое клеймо, соединенное с краями полукруглыми тягами. В центре клейма – розетка из 16 треугольников-лучей в кольце жгута в восемь завитков. Боковые грани без орнамента. Надпись, резанная вглубь, в четыре строки:

1. лѣта (клеймо) ѿЗП //
2. И(7088)[1579] марта в ке(25) ^{лѣтѣ} престави //
4. раб бож^на савелей //
5. симонов //

№ 12. Надгробие Ховрони Кондратьевны, жены Максима Кузнецова. Вторая половина XVI – первая треть XVII в. (рис. 4, 4). Длина – 146 см, ширина изголовья – 63 см, ширина изножья – 50 см, толщина – (14) см. Сколота большая часть первой строки. Лицевая поверхность украшена резным жгутовым орнаментом: обрамление по краю и полукруглое клеймо вверху, сильно опущенное к краю изножья круглое клеймо, что характерно для последней трети XVI в. (Гириберг, 1962. С. 214), соединенное с краями полукруглыми тягами, причем клеймо из семи завитков сплетено со всеми тремя жгутовыми тягами, что на плитах Троице-Сергиева монастыря датируется 1580–1605 гг. (Вишневский, 2013. С. 130, 133. Рис. 4, 2). Боковые грани с рельефным орнаментом: полоса «арочек» и полосы «валика-жгута» с частыми косыми нарезками. Сохранилась надпись, резанная вглубь, в четыре строки:

1. лѣта (клеймо) ...//
2. нила в д(5) престави...//
3. раба бож^на ховроня ко^ндра^т //
4. вева ^{л(о)ч} ма^ксимо^ва ж^на кузнецова

По боковому орнаменту плита может быть датирована второй половиной XVI – первой третью XVII в. (Вишневский, 2013. С. 136, 137. Рис. 8, 7, 8).

Четыре фрагмента от трех плит со жгутовым орнаментом.

№ 13. Фрагменты надгробия неизвестного. Середина XVII в. (рис. 5, 1, 2). Сохранились: фрагмент центральной части плиты, нижняя грань плиты значительно сколота (размеры: 24×50×22 см) и нижний угол (размеры: 35×40×22 см).

Лицевая поверхность имеет обрамление по краю резным жгутовым орнаментом. Особенность декора плиты – жгут свит из двух двойных, а не тройных нитей. Боковые грани украшены рельефным орнаментом: пояс из разреженных двойных арочек, сверху – две плоские ленты со спаренными косыми нарезками, разделенными на четырехсторонние грани (наклон нарезок у лент противоположный), полоса глубоко врезанных равнобедренных треугольников («акулий зуб»). Сохранились остатки надписи – три строки, резанные вглубь:

1. ....
2. ... престави...
3. ... ра^б [божий]...

Рельефный орнамент на боковых гранях с поясом арочек, обрамленным тройными лентами,

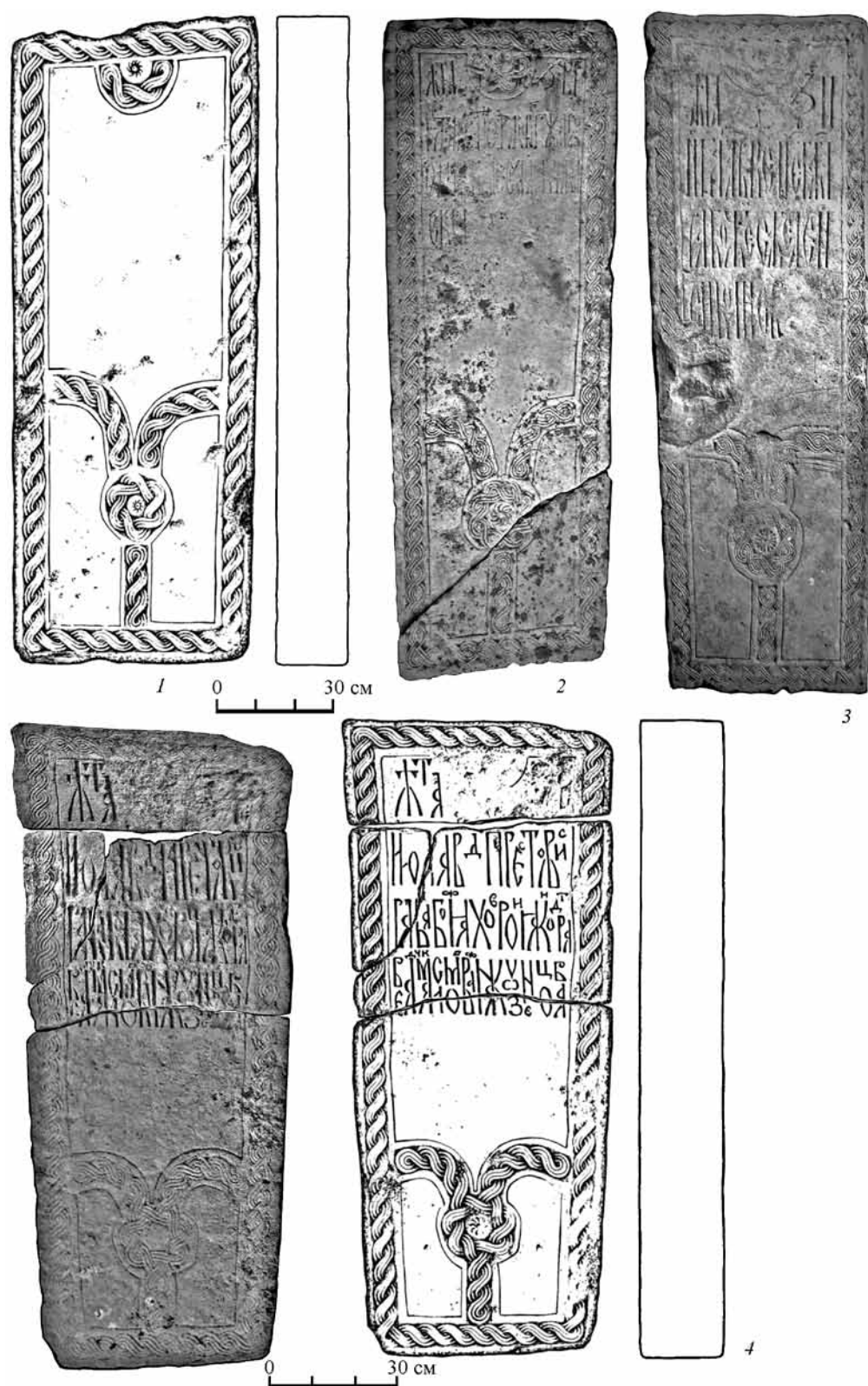

Рис. 4. Некрополь церкви Вознесения села Воскресенского. Надгробия 2-й пол. XVI в.

1 – неизвестный (1579); 2 – Власьевская (?) жена (1584); 3 – Савелий Симонов (1579);
4 – Ховрония Кондратьевна, жена Максима Кузнецова

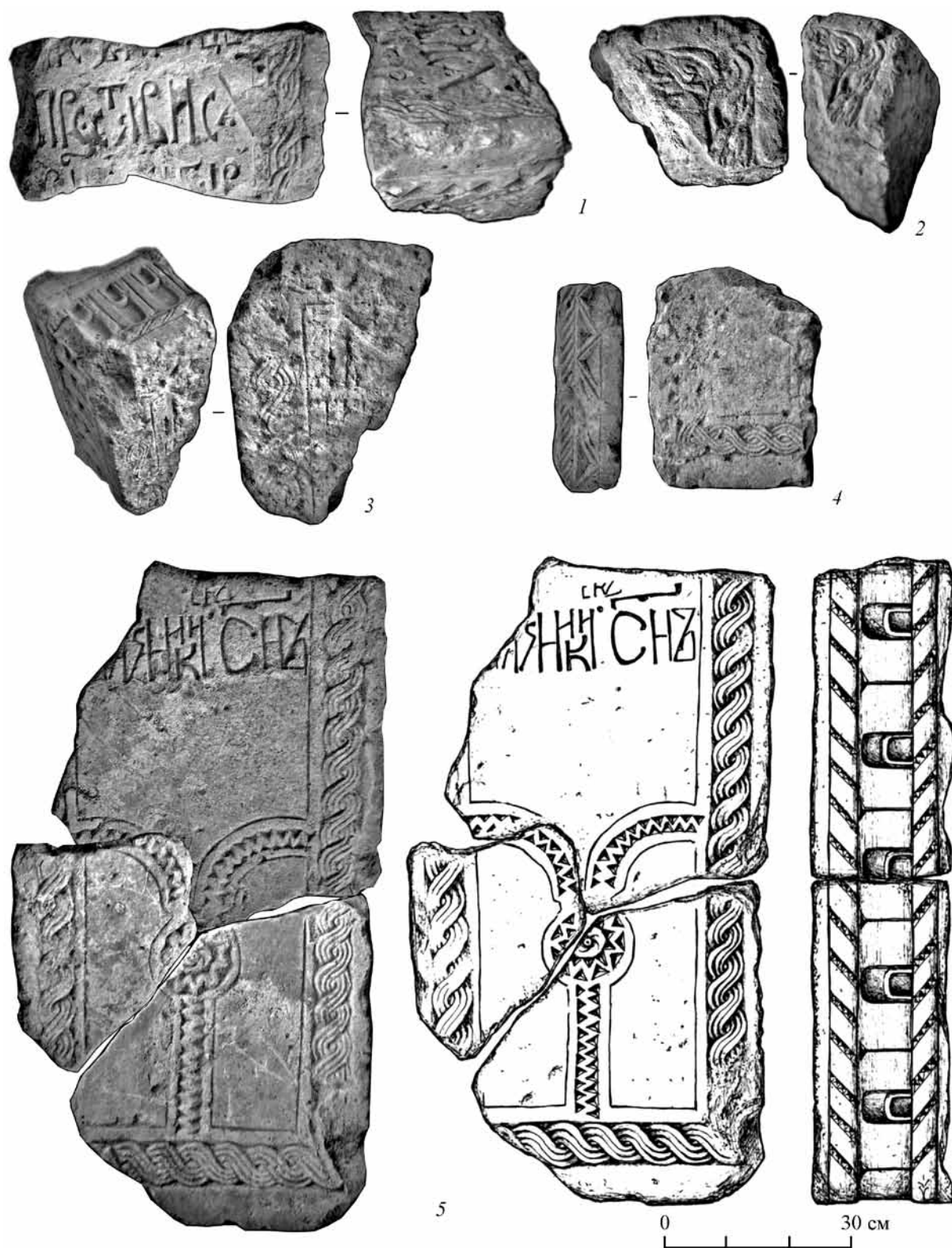

Рис. 5. Некрополь церкви Вознесения села Воскресенского. Фрагменты надгробий 1-й пол. XVII в.

1–4 – неизвестные; 5 – Аникин сын

на надгробиях Троице-Сергиева монастыря датируется серединой XVII в. (Вишневский, 2013. С. 138).

№ 14. Фрагмент изголовья (угол плиты). Середина XVI в. (рис. 5, 3). Размеры: длина – (48) см, ширина – (23) см, толщина – 22 см. Жгутовое обрамление по краю. Сохранились остатки надписи, резанной вглубь из двух строк: «Дѣ...». Боковые грани с рельефным орнаментом: – пояс из сомкнутых двойных арок, сверху и снизу – валики с косыми нарезками, расположенными попарно. По боковому орнаменту плиту можно датировать третьей четвертью XVI в. (1579–1585) (Вишневский, 2013. С. 136, 137. Рис. 8, 5).

№ 15. Фрагмент (левый угол изножья). Вторая четверть XVII в. (рис. 5, 4). Размеры: длина – (48) см, ширина – (38) см, толщина – (21) см. Жгутовой орнамент: обрамление по краю и вертикальная прямая тяга. Боковые грани с рельефным орнаментом: пояс из двойных арок, сверху и снизу – плоские ленты с частыми косыми нарезками и полосы глубоко врезаемых двух рядов равнобедренных треугольников, разделенных глубокой графьей-зигзагом. Плиты с подобным орнаментом в Троицком некрополе датируются 1630-ми гг. (надгробия Мавры Булатниковой 1632 г., Мирона Игнатьевича Уварова 1634 г., Фатее Дмитриевича Пильмова 1635 г.) (Вишневский, 2013. С. 137, 138. Рис. 8, 13).

№ 16. Фрагмент надгробия (изножье) Аникина сына. Первая половина XVII в. (рис. 5, 5). Размеры: длина – (115) см, ширина – 55 см, толщина – 22 см. Сохранилась изножье плиты, расколотое на три части: 1) 50×54×20; 2) 48×45×22 см; 3) 36×28×22 см.

Лицевая поверхность плиты украшена резным комбинированным орнаментом: жгутовое обрамление по краю и треугольчатые тяги. Боковые грани с рельефным орнаментом: полоса «арочек» – плоские ленты со спаренными косыми нарезками, разделенными на четырехсторонние грани. В верхней части плиты последняя строка надписи, резанной вглубь:

...АНИКИН СЫНЪ

Комбинированный орнамент из элементов жгутового и геометрического распространен в первой

половине – середине XVII в. (Гириберг, 1960. С. 5; Вишневский, 2013. С. 131).

№ 17. Фрагмент надгробия Кондрата Григорьева. Последняя четверть XVII – первая четверть XVIII в. (рис. 6, 1). Изголовье брусковидного надгробия. Длина – (86) см, ширина изголовья – 83 см, толщина – 44,5 см. Грани без орнамента. На торце изголовья надпись, резанная вглубь:

...МАЙЯ В АН ПРЕСТАВИСЯ РАБЪ БОЖИЙ СЕЛА ВОСКРЕ
СЕНСКАГО КРЯСТЯНИНЪ КОНДРАТЪ ГРИГОРЬЕВЪ СЫНЪ
ЧЛЧЕ ЗРИ НА РОБѢ СЕ" УМИЛИСЯ О" УМЕРШЕ" СЕ"
РАБѢ БЖИ" КО"ДРАТЕ БОГУ ПОМОЛИ"Я ТАКО ВСН СЕРЦИ УВѢ МА

Здесь мы имеем дело с формуляром, где старый начин «Лета ... МАЙЯ В... ДЕНЬ ПРЕСТАВИСЯ» сочетается с новым стилем стихотворной эпитафии, идущей от Симеона Полоцкого. Сравним с началом «Эпитафия» Симеона Полоцкого, написанный силлабическим¹ стихом Сильвестром Медведевым в 1680 г. (Древнерусская литература... 2005. С. 451–453):

Зряй, человеце! Сей гробъ, сердцемъ ѹмилися,
о смерти ѹчителя славно прослезися.
ѹчитель бо зде токмо одинъ таковъ бывый,
кого словъ правый, церкви догмата хранимый

Эпитафия Кариона Истомина, ученика Сильвестра Медведева и братьев Лихудов, посвященная стольнику Федору Ивановичу Троекурову, погибшему под стенами Азова в 1696 г., начинается теми же строками (Богданов, 2005. С. 372–374; Авдеев, 2013. С. 215).

Зри человеце, гробъ сей ѹмилися
о лежащемъ в немъ богу помолися
человекъ бо здесь лежитъ благородный,
царский ближний стольникъ в чести сынъ свободный

№ 18. Фрагмент надгробия. Последняя четверть XVII – первая четверть XVIII в. (рис. 6, 2). Боковая часть брусковидного надгробия. Длина – (114) см, ширина 55 см, толщина – (23) см. Грани без орнамента. Расколота на две части: 1) 73,5×55×23 см; 2) 73×55×23 см. На боковой грани надпись, резанная вглубь, в две строки:

ЛИБЕЗНАЯ МОЛЪ БРАТНІА ДРУЗИ СРОЧНИЦЫ НЕЗАБУДИТЕ МА
Е"ГДА МОЛИТЕ^[1] З[А]...

¹ Силлабическое стихосложение – принцип деления стиха на ритмические единицы, равные между собой по числу слогов, а не числу ударений и месту их расположения (в каждой строке 13 слогов, кроме того, после 7-го слога обязательный словораздел – цезура).

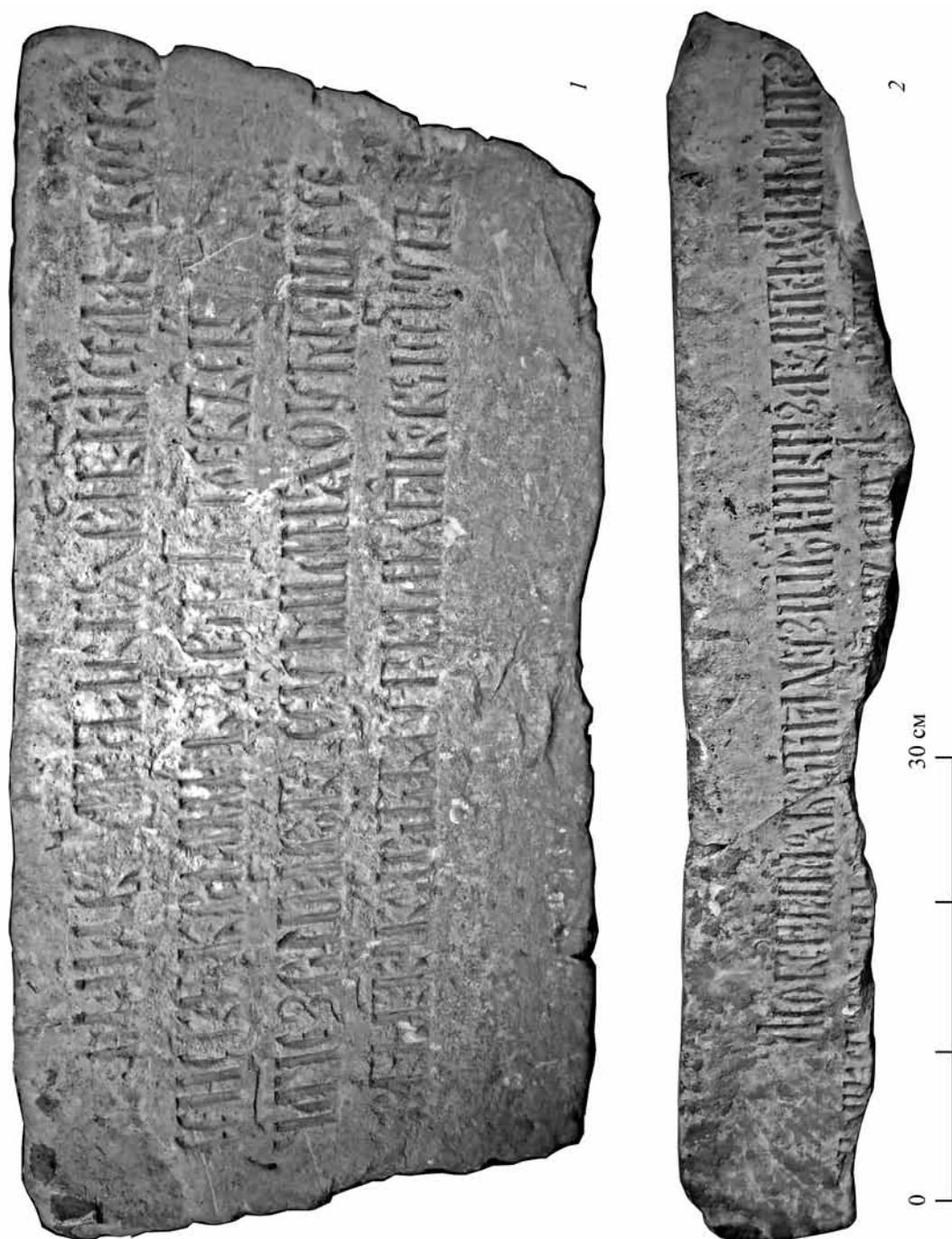

Рис. 6. Некрополь церкви Вознесения села Воскресенского. Фрагменты надгробный посл. четв. XVII в. – 1-й четв. XVIII в.
1 – Кондрат Григорьев; 2 – неизвестный

В итоге украшено: геометрическим орнаментом – восемь плит, жгутовым – семь, комбинированным – одна, без орнамента – две. Могут быть датированы: первой половиной XVI в. – четыре плиты, серединой XVI в. – четыре, второй половиной XVI в. – шесть, серединой XVII в. – две, второй половиной XVII в. – одна, последней четвертью XVII – началом XVIII в. – две. В трех надписях сохранились две даты: 1579 и 1584.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Кладбище с. Воскресенского и древняя церковь Покрова Богородицы могут быть датированы XVI – началом XVIII в.

2. Надгробия – традиционные московские белокаменные.

3. В первой половине XVI в. надписи выполнены грубо, техникой, близкой к граффитто, во второй половине XVI–XVIII в. – вполне профессионально.

4. Погребенные Воскресенского некрополя – дворцовые крестьяне, должностных и титулованных лиц нет. Имена погребенных – простонародные. Имена Панфил, Савелий, Аника, Ховрония, Власий, например, не встречаются на плитах аристократического некрополя Троице-Сергиева монастыря, а Максим и Кондрат встречены лишь однажды.

5. На 9 из 18 плит есть надписи (в Переславле-Залесском на недавно исследованном кладбище церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи XVI в. из 55 плит с надписями только 2) (*Зейфер и др.*, 2014).

6. Заметное количество надписей, в том числе и заказанные стихотворные эпитафии свидетельствуют об относительно высоком материальном и культурном благосостоянии заказчиков – дворцовых крестьян, среди которых были слуги и мастера-ремесленники, заметная доля грамотных.

Литература

Авдеев А. Г., 2013. Некоторые проблемы изучения русской стихотворной эпитафии последней четверти XVII – начала XVIII в. // Вопросы эпиграфики. Вып. VII. Ч. 2. М.: Русский фонд содействия образованию и науки. С. 206–230.

Бакланова Н. А., 1928. Стекланные заводы в Московском государстве XVII в. / Очерки по истории торговли и промышленности в России XVII – начала XVIII в. М.: Нижполиграф. 182 с.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.: Модус-Граффитти. 568 с.

Богданов А. П., 2005. Стих и образ изменяющейся России. Последняя четверть XVII в. – начало XVIII в. М.: ИРИ РАН. 504 с.

Вишневский В. И., 2011. Особенности орнамента и каллиграфии надгробий средневековых некрополей Переславля-Залесского // Художественное наследие Владимирского края. История и культура. Вып. III. Матер. III региональной науч. конф. 11–12 ноября 2010 г. Александров: Графика. С. 27–38.

Вишневский В. И., 2013. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 125–139.

Вишневский В. И., 2015. Исследование собрания средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря и возможности их датировки // Археология и общество. Вторая ежегодная конференция.

Археология исторических монастырей и некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления. Сб. тез. М.: ИА РАН. С. 32–35.

Гиришберг В. Б., 1960. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. 1 // НЭ. Т. I. М.: АН СССР. С. 3–77.

Гиришберг В. Б., 1962. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. 2 // НЭ. Т. II. М.: АН СССР. С. 212–287.

Древнерусская литература. Сост. Н. И. Прокофьев. М.: Наука, Флинта. 2005. 478 с.

Забелин И. Е., 1918. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. Ч. I. М.: Ступин. 792 с.

Заозерская Е. И., 1953. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М.: Наука. 516 с.

Зейфер В. А., Мазурок О. А., Рассказова А. А., 2014. Средневековый некрополь церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 304–321.

Любомиров П. Г., 1947. Очерки истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М.: Госполитиздат. 760 с.

Николаева Т. В., 1966. Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой Лавры // НЭ. Т. VI. М.: АН СССР. С. 207–255.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радуница. 195 с.

Топычканов А. В., 2004. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. М.: Московские учебники и картолитография. 368 с.

Холмогоровы В. И. и Г. И., 1888. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Вып. 6. М.: Университетская тип. 169 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1892. Т. VII. СПб.

V. I. Vishnevsky

**Medieval white-stone graves from the Voskresenskoye village cemetery
in the Tsar Chernogolovl district (the Noginsk District of the Moscow region)**

Summary

This article describes the white-stone graves found in the early 2000s near the Church of the Ascension, in Voskresenskoye village – 47 km to the North-East of Moscow.

In the 17th and 18th centuries, the village belonged to the Tsar Chernogolovl parish. We found 18 tombs:

both whole stones, and fragments. They date from the 16th to early 18th centuries. The tombs, judging by the folksy names (Panfil, Savely, Anika, Hovronia; Vlasy, Maxim, Kondrat), belonged to peasants of the Tsar. Three inscriptions contain prayers and poetic epitaphs.

Д. О. Осипов

Государственный исторический музей, Москва

Изделия из кожи из раскопок в Московском Кремле

В ходе археологических работ на Ивановской площади Московского Кремля, проводившихся Институтом археологии РАН с декабря 2015-го по декабрь 2016 г. с целью оценки сохранности культурных отложений и архитектурных объектов в связи с разборкой корпуса № 14, были собраны разнообразные материалы эпохи Средневековья (Макаров и др., 2017. С. 7–27), среди которых небольшую, но важную долю составляли изделия из кожи. Основная часть культурных напластований, сохранившихся на исследуемой территории, по причине сухости слоя практически не содержала органики. Лишь в шурфе 4 был обнаружен участок «мокрого» культурного слоя, при разборке которого зафиксированы 33 находки, значительная часть которых представлена обрывками деталей обуви и обрезками от ее раскроя¹.

Шурф 4 был заложен на Ивановской площади в 26 м к юго-западу от юго-западной стены здания 14-го корпуса с целью поиска фундаментов Алексиевской церкви (рис. 1). В этом шурфе (размерами 8×11 м) выявлен фрагмент кладки южного угла храма, частично сложенной из надгробных плит первой половины XVII в. В южном углу шурфа, в юго-западной части кв. 12, открыто сооружение № 2, представлявшее собой впущенный в грунт сруб погребя. Основное заполнение сруба составляла темно-коричневая супесь с битым кирпичом, углями. По вещевым находкам и керамическому материалу это заполнение датировано второй половиной XVI в. (Макаров и др., 2016. Т. 2. С. 338, 339).

Среди находок, происходивших из сооружения 2, зафиксированы: сапожная головка с округлым носком и прямым обрезом верха, четыре детали двухсоставных поднарядов под носочную

часть головки, обрывок подошвы с потайным швом, обрывок жесткого задника с заостренным верхом, сшитого в виде кармана, куда вставлялась берестяная вставка – собственно задник. К дополнительным обувным деталям принадлежит обрывок вкладной войлочной стельки. Все найденные в заполнении шурфа обувные детали принадлежат к сапогам жесткой конструкции, бытовавшим в XVI–XVII вв. (Осипов, 2006. С. 45, 46).

Все изделия изготовлены из кожи крупного рогатого скота, дубленной растительными экстрактами. Кроме изделий в шурфе обнаружено небольшое количество обрезков вторичного кроя, использовавшиеся для ремонта, и нитевидные обрезки, оставшиеся от окончательной подгонки деталей.

Наибольший интерес представляет детский сапожок, найденный в нижней части заполнения сооружения 2. Набор сапожных деталей включает двухсоставное голенище, обшивку голенища, головку с двухсоставным поднарядом, подошву с внутренним каблуком, подбитую на пятке гвоздиками (рис. 2). Высота сапожного голенища, выкроенного зацело с задником, составляет 25,5 см. Толщина кожи – 2 мм. Головка с округлым носком и заостренным обрезом верха имеет такую же толщину. Для двухсоставного поднаряда использована более тонкая кожа (1,5 мм). Длина подошвы, выкроенной из кожи толщиной 4 мм, составляет 20 см, что соответствует 33-му размеру по штих-массовой шкале.

На плантарной части сапожной подошвы сохранилось клеймо в виде трех параллельных линий, нанесенных при помощи горячего заостренного стержня (шила). Такие знаки позволяли мастеру выделять свою продукцию (Осипов, 2014. С. 47).

¹ Благодаря руководителям раскопок (академика РАН Н. А. Макарова, А. В. Энговатову и В. Ю. Ковалю) за предоставленный для изучения и публикации материал.

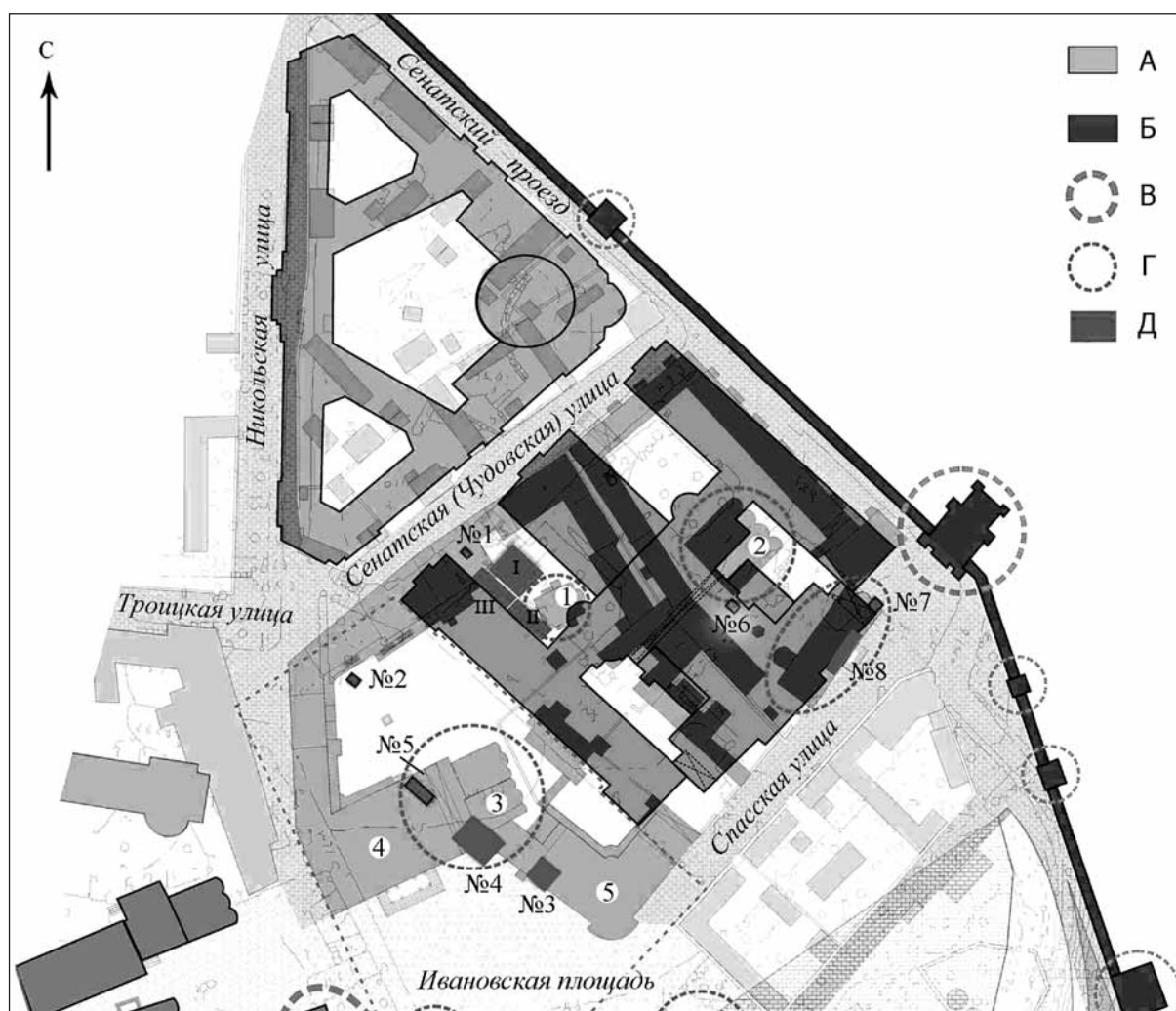

Рис. 1. Расположение шурфов на Ивановской площади Московского Кремля (по: Макаров и др., 2017. Рис. 1)

А – здания Чудова и Вознесенского монастырей, разрушенные в 1929–1932 гг.; Б – стены и башни Кремля;
В – существующие архитектурные доминанты; Г – утраченные церкви; Д – раскопы и шурфы 2016 г.
(I–III – раскопы; № 1–8 – шурфы)

По предположению Ю. Сванн, клейма могли использовать и оптовые торговцы обувью (Swann, 2001. S. 120, 121). Уникальность этой находки заключается в наличии кожаной обшивки голенища, сохраняющейся крайне редко.

В результате хроматографического исследования² удалось выявить наличие следов невидимых глазу растительных красителей (см. Приложение 1)³, в том числе индигоину, дававшую синий цвет.

Еще одни сапоги, изготовленные из цветной кожи, потерявшей свой первоначальный цвет, об-

наружены в прошлом году при раскопках Зарядья (Осипов, 2017. С. 202). Благодаря естественнонаучным методам мы можем определять состав утраченных красителей, использовавшихся при изготовлении обуви. Продолжая такие исследования, мы сможем выяснить, насколько широко в русских средневековых городах была распространена цветная обувь. В противном случае все споры исследователей по поводу широкого распространения или, наоборот, эпизодичности цветной обуви остаются безосновательными.

² Принцип жидкостной хроматографии (*High performance liquid chromatography*) состоит в разделении компонентов смеси, основанном на различии в равновесном распределении их между двумя несмешивающимися фазами, одна из которых неподвижна, а другая подвижна (элюент).

³ Анализ выполнен сотрудником Новосибирского института органической химии им. Н. Н. Ворожцова, канд. хим. наук Е. В. Карповой.

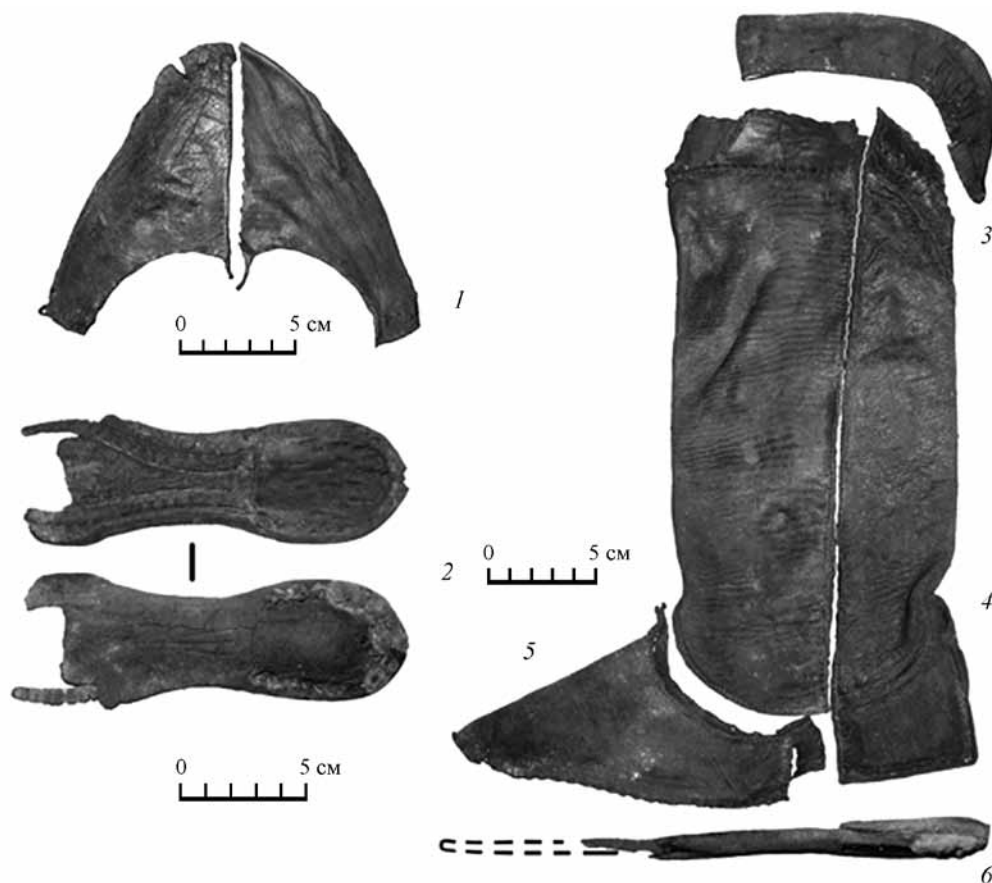

Рис. 2. Сапог (набор деталей) из шурфа 4 (сооруж. 2)

1 – поднаряд двухсоставной; 2 – подошва с клеймом; 3 – обшивка верхнего края голенища; 4 – голенище двухчастное; 5 – головка; 6 – подошва, вид сбоку

Литература

Макаров Н. А., Коваль В. Ю., Энговатова А. В., Васильева Е. Е., Панченко К. И., Модин Р. Н., Курмановский В. С., Майоров Д. Ю., 2016. Отчет об археологических исследованиях в Московском Кремле в связи с демонтажем корпуса № 14 в 2015–2016 гг. / Архив ИА РАН. Р-1.

Макаров Н. А., Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2017. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 гг. // КСИА Вып. 246. С. 7–27.

Осипов Д. О., 2006. Обувь Московской земли

ХII–ХVIII вв. (по материалам охранных археологических раскопок). Тула: ИА РАН. 200 с.

Осипов Д. О., 2014. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: Актеон. 270 с.

Осипов Д. О., 2017. Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье (предварительные итоги) // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 199–226.

Swann J., 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm: Coronet Books Inc. 357 p.

D. O. Ossipov

Leatherware items from excavations in the Moscow Kremlin

Summary

Among the leatherware items recovered during excavations at Ivanovskaya Square in the Moscow undertaken by the Institute of Archaeology of RAS, at Trench 4, there were 33 finds of footwear items identified from the

16th and 17th centuries. Of particular interest have been the children's shoes made from parti-coloured leather. The colouring of the leather was identified using High-Performance Liquid Chromatography (HPLC).

Анализ образцов кожи

Метод

Навеску образца ~3 мг кипятили в 150 мкл раствора соляная кислота/метанол/вода (2:1:1 по объему). Полученный раствор центрифугировали в течение 20 мин. Центрифугат декантировали с осадка и упаривали досуха. Сухой остаток растворяли в 100 мкл смеси метанол/вода (1:1 по объему), полученный раствор центрифугировали 20 мин. 30 мкл центрифугата вкалывали в хроматографическую систему.

Образцы анализировали на приборе *ВЭЖХ Agilent 1200 (Agilent)* с диодно-матричным детектором. Разделение проводили на колонках *Zorbax Rx-C18* (4,6×150 мм, 5 мкм) и *BONUS-RP*. Детектирование вели на полосах 247–263 нм (УФ-область), 340–400 нм (желтые красители), 400–480 и 510–570 нм (красные красители), 560–640 нм (синие красители).

Образец 1 (шифр OS-16)

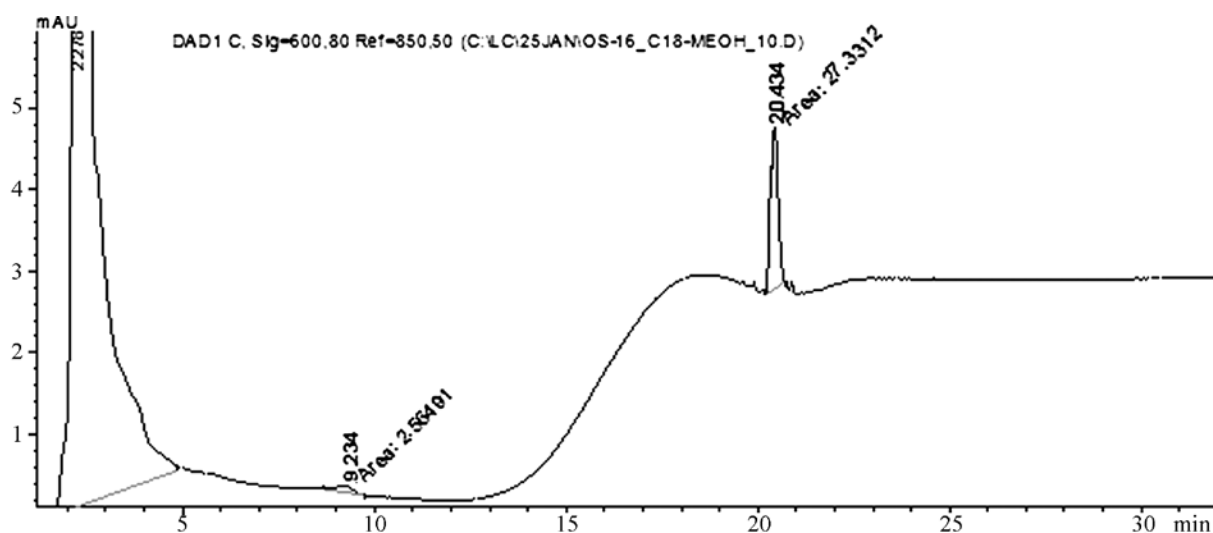

График 1. Хроматограмма на колонке C18 560–640 нм.

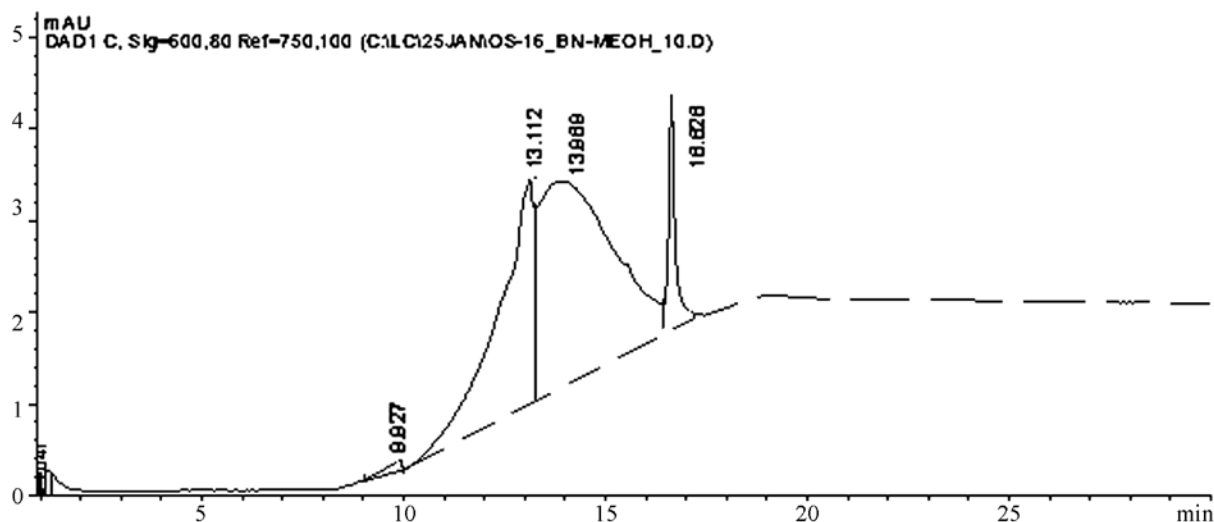

График 2. Хроматограмма на колонке BONUS-RP 560–640 нм.

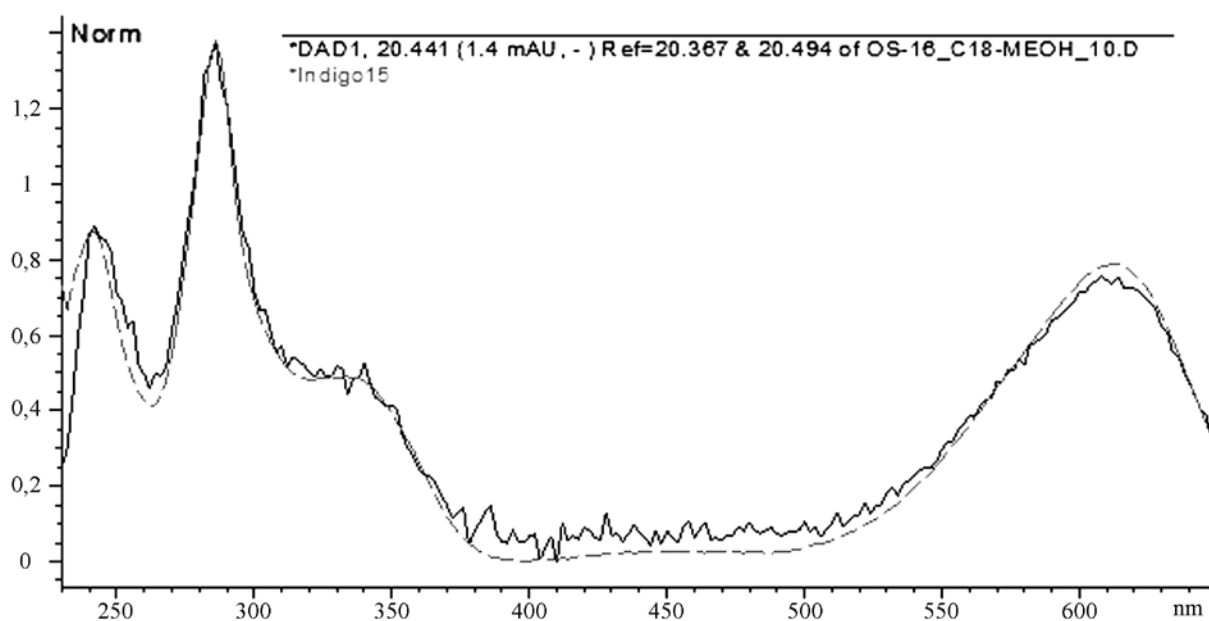

График 3. Пик 20,43 мин. (C18), 16,62 мин. (BONUS-RP) – индиготин

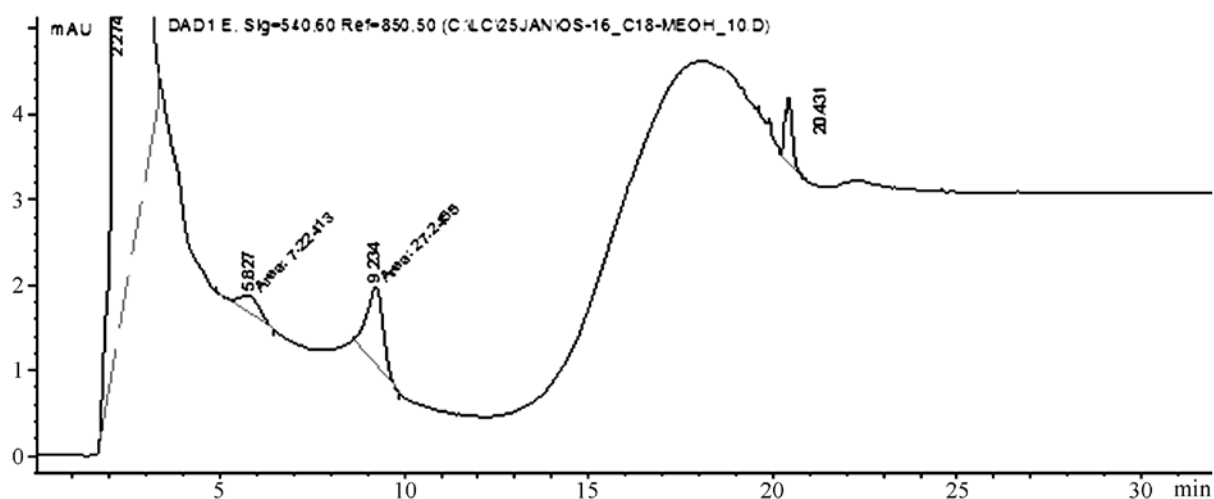

График 4. Хроматограмма на колонке C18 510–570 нм.

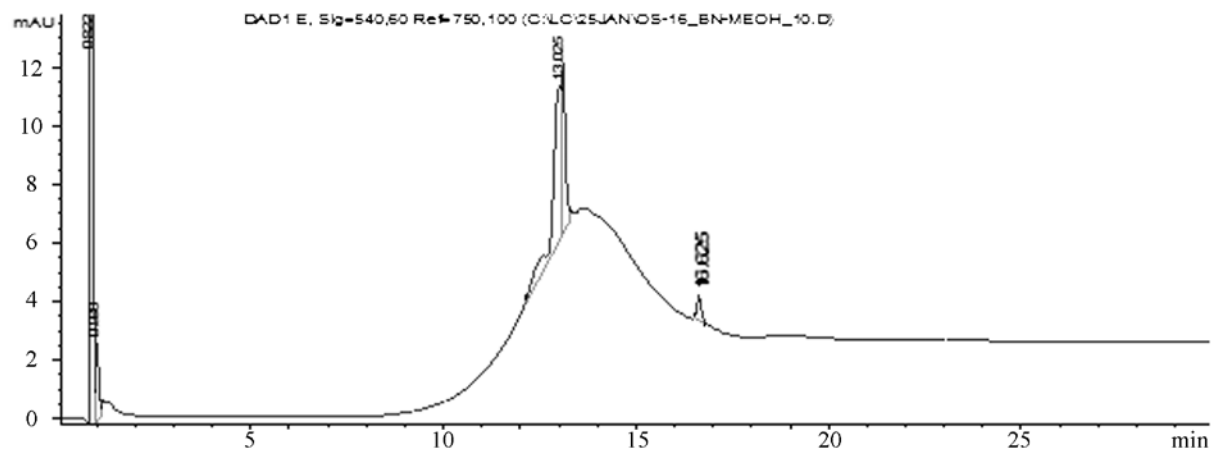

График 5. Хроматограмма на колонке BONUS-RP 510–570 нм.

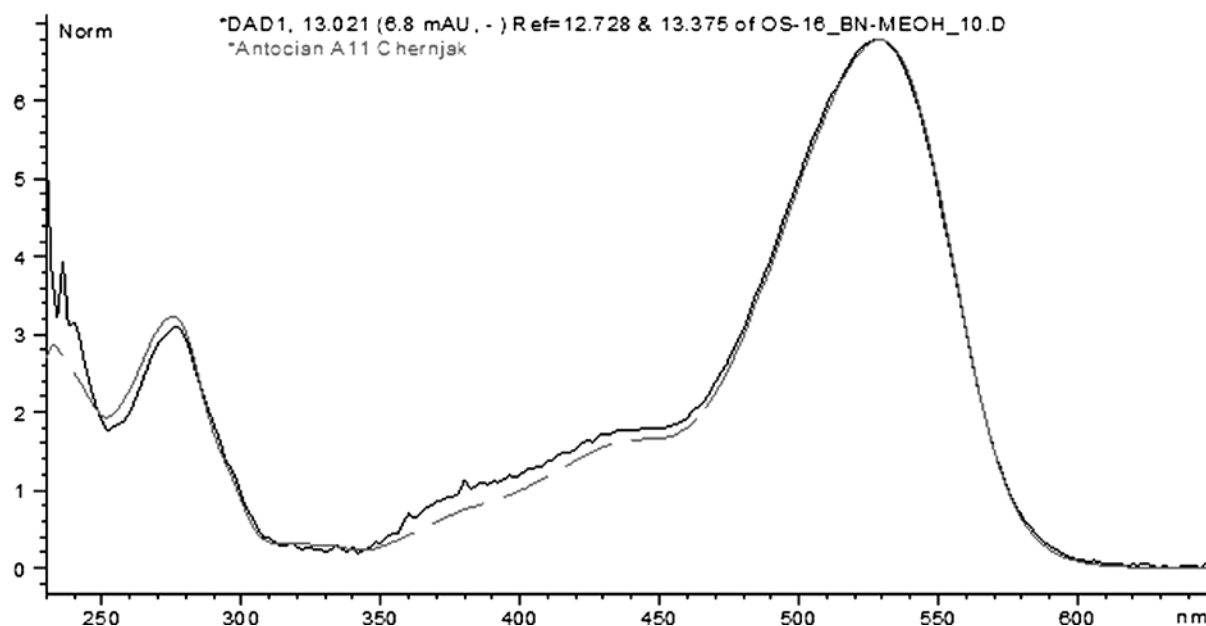

График 6. Пик 9,23 мин. (C18), 13,025 мин. (BONUS-RP) – антоциановый пигмент.

Антоцианы обычно нестойкие вещества, они придают окраску ягодам и лепесткам цветов. Содержатся практически во всех частях растений, в том числе в корнях и коре. Могли попасть на кожу в процессе дубления.

Дубильные вещества из-за их кислого характера хорошо видны в хроматограмме на колонке BONUS-RP в ультрафиолетовой области (247–263 нм).

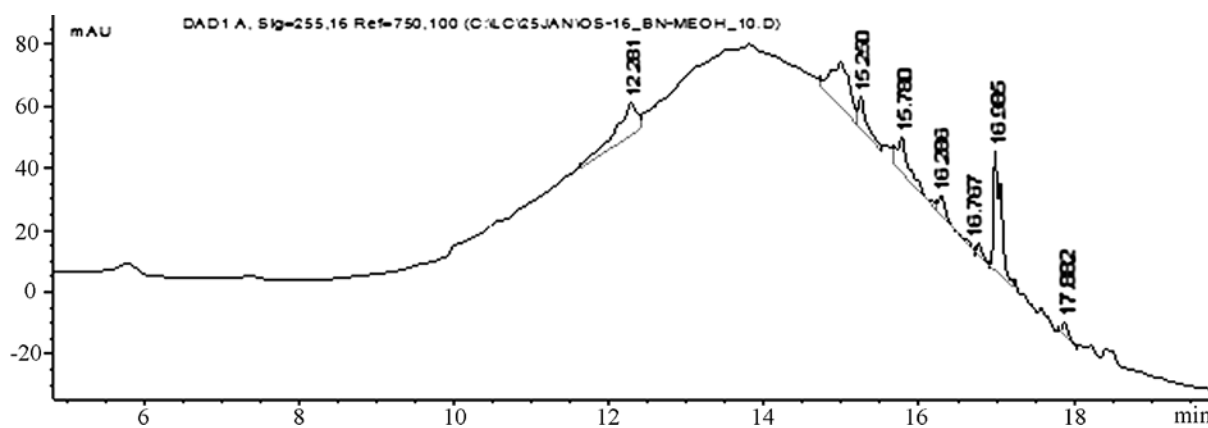
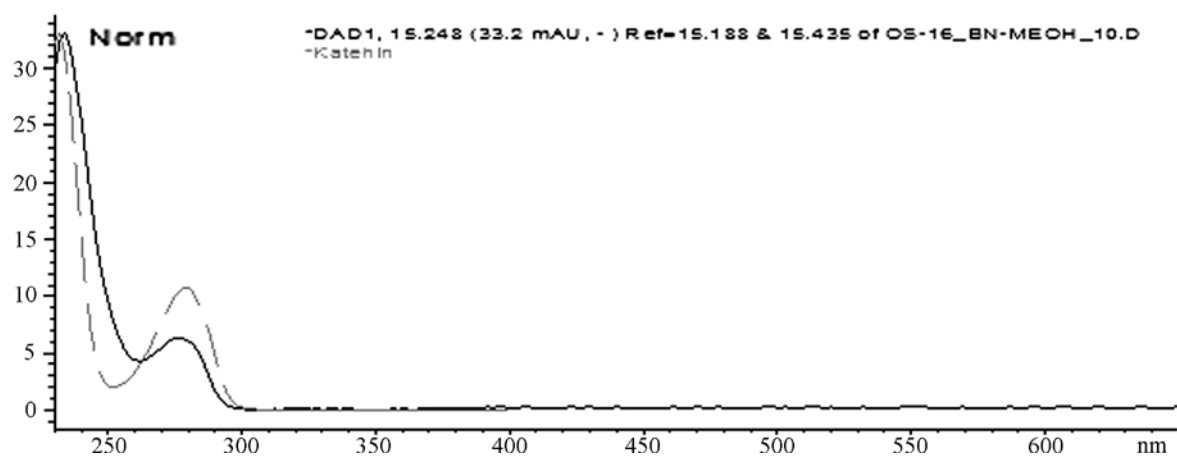
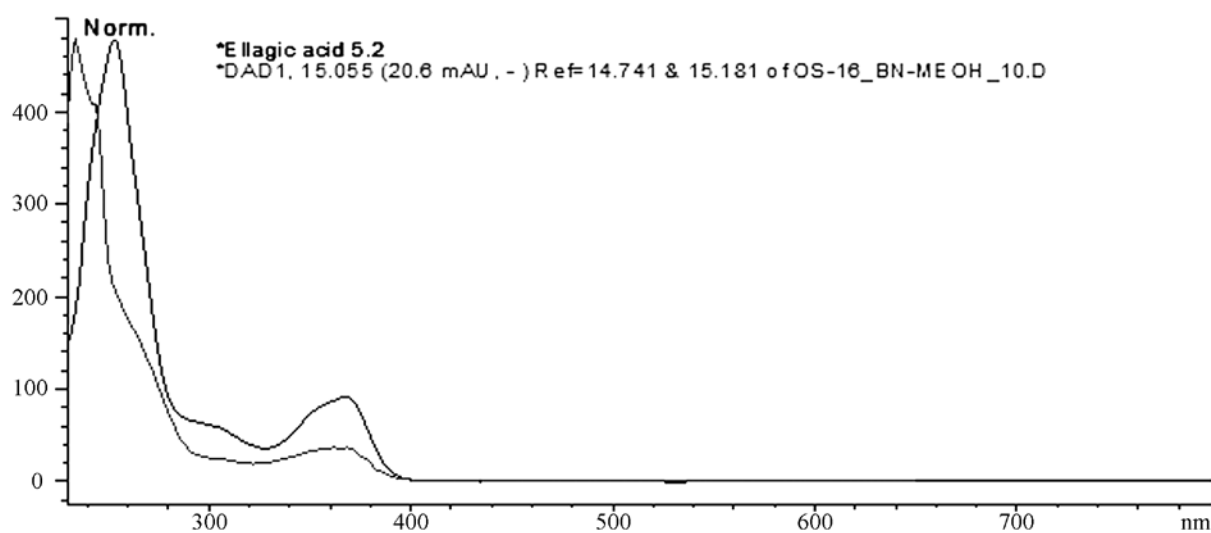
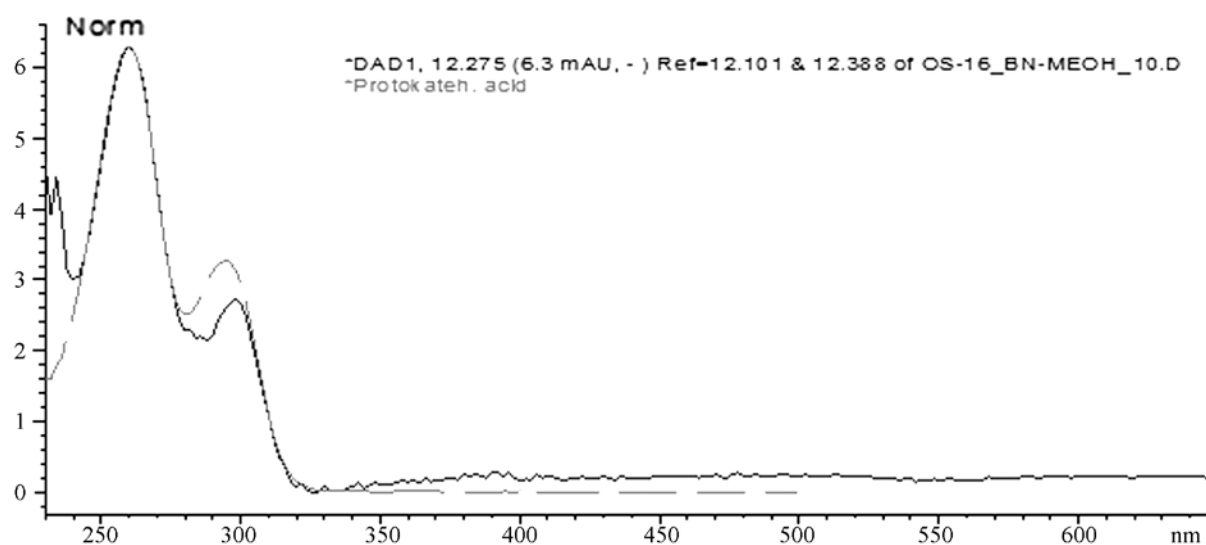

График 7.

Графики 8–10. Протокатехины и катехины

Образец 2 (шифр OS-17)

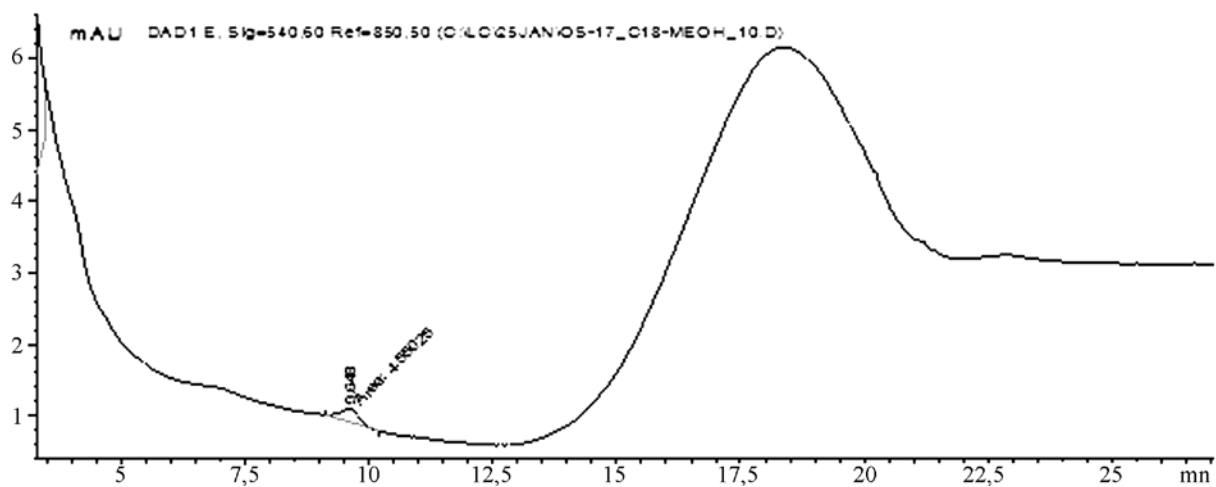

График 11. Хроматограмма на колонке C18 510–570 нм.

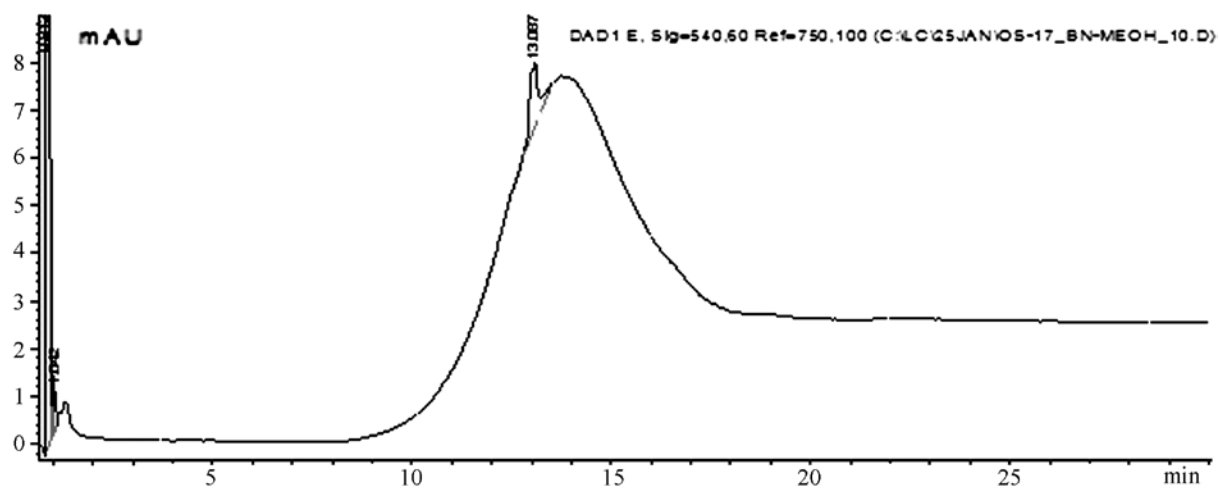
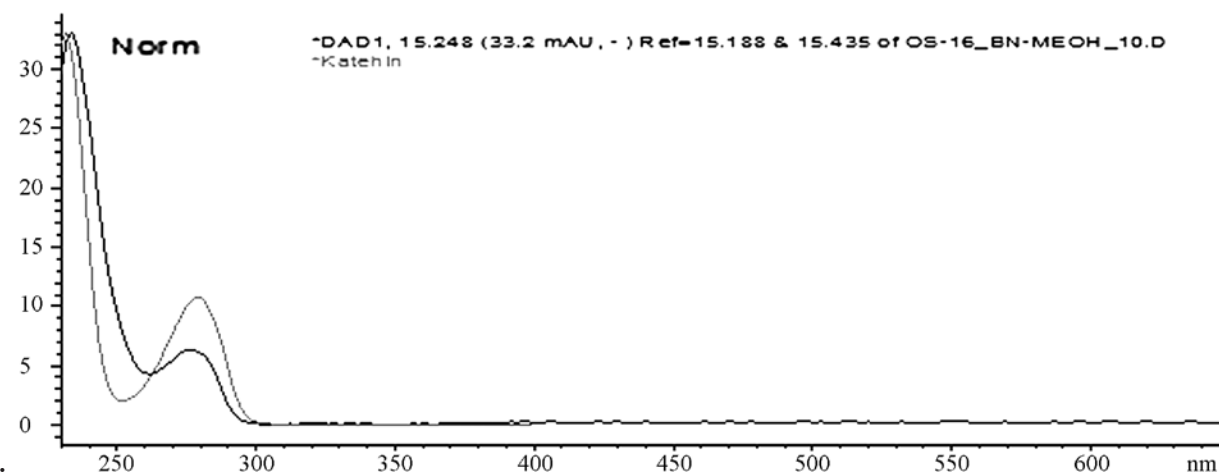
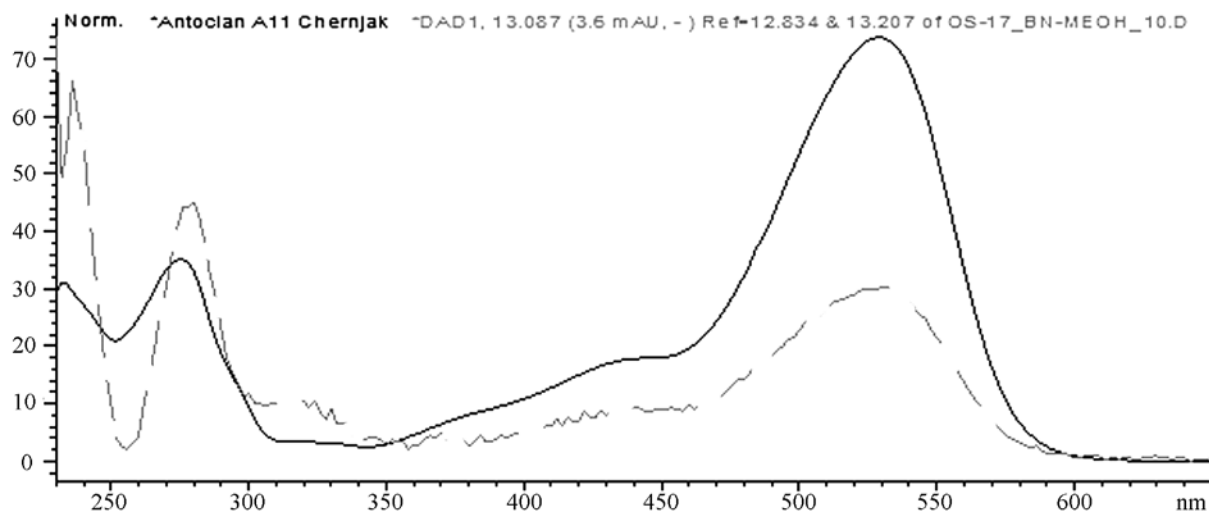

График 12. Хроматограмма на колонке BONUS-RP 510–570 нм.

Графики 13, 14. Пик 9,64 мин. (C18), 13,087 мин. (BONUS-RP)

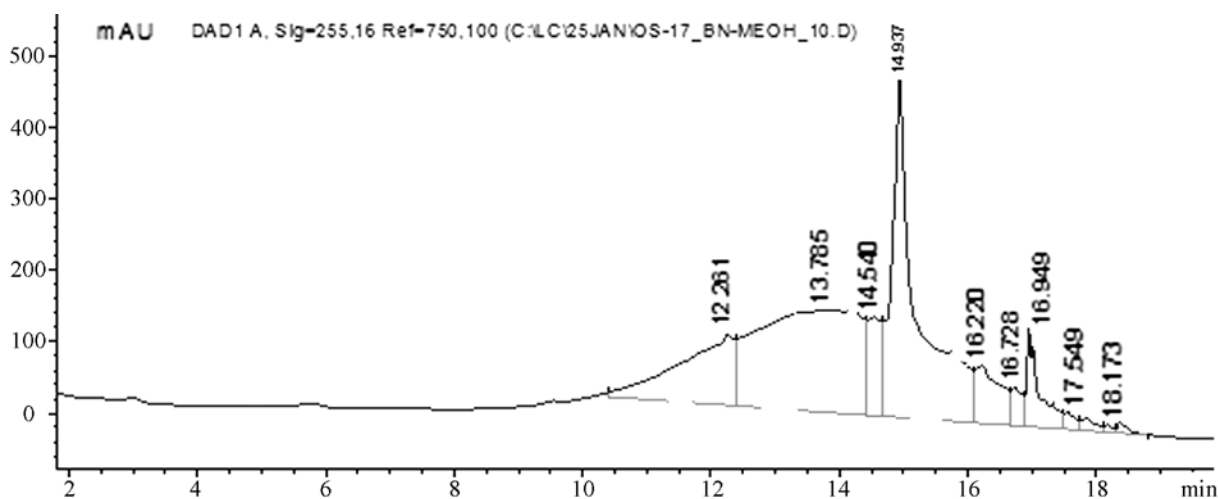

График 15. Хромотограмма на колонке BONUS-RP 247–263 нм.

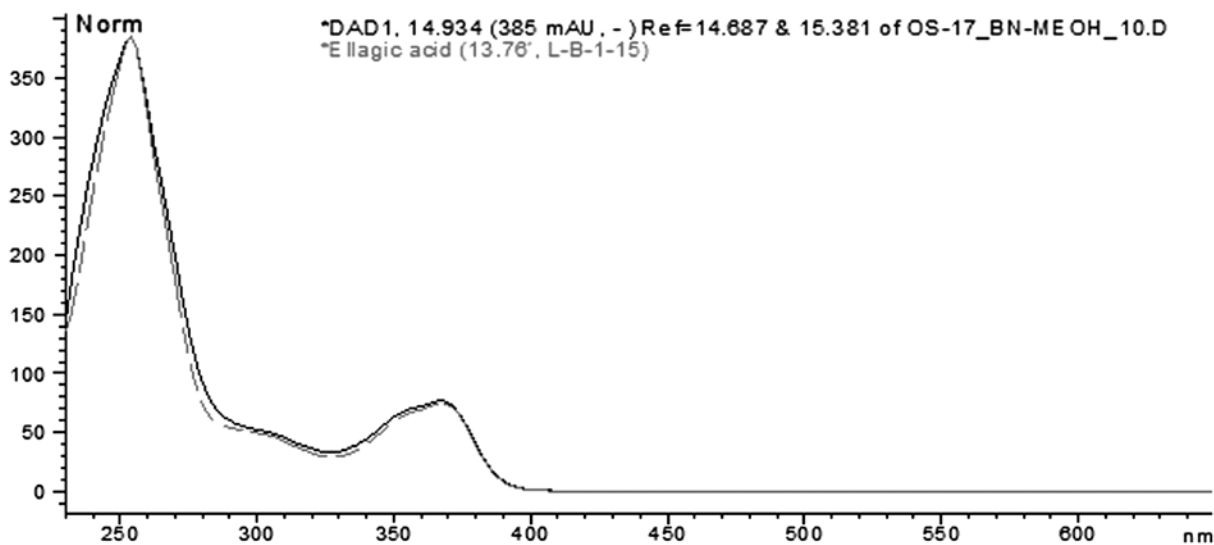
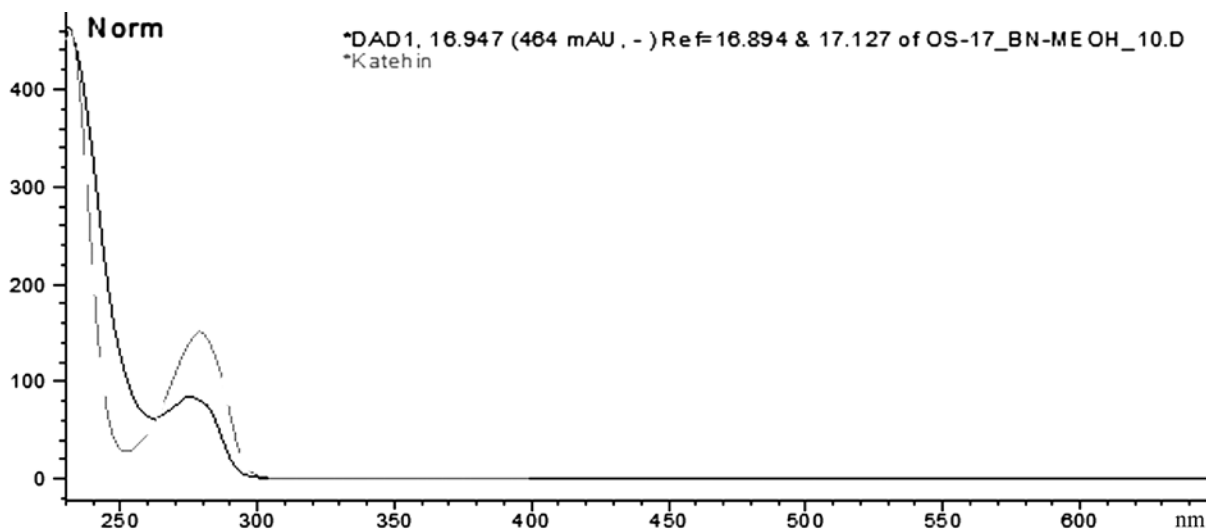
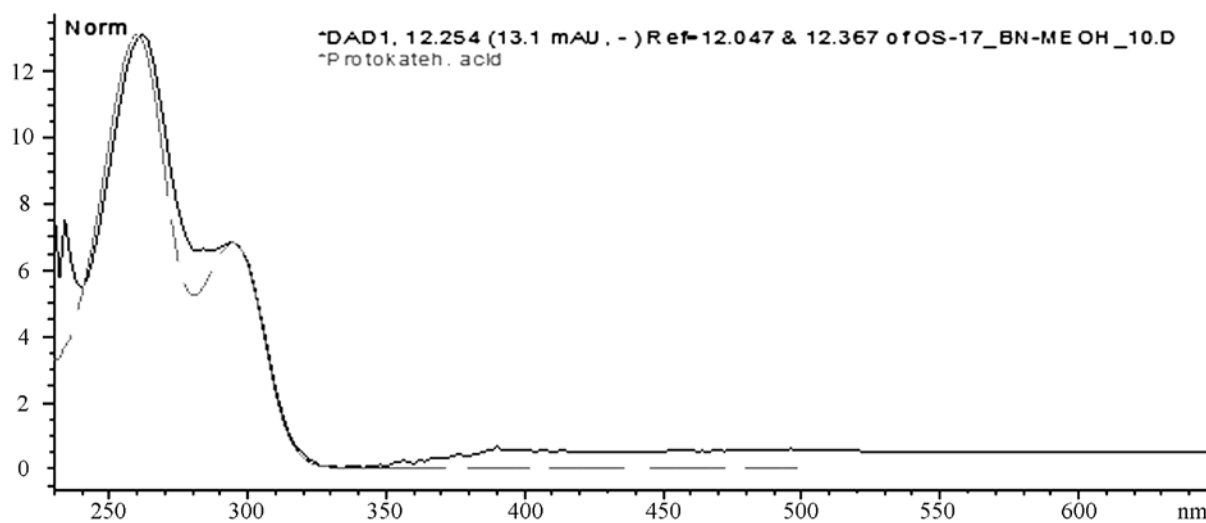

График 16. Самый интенсивный пик 14,94 мин. – эллаговая кислота.

Графики 17, 18. Показатель наличия катехинов

Заключение

Кожа образца 1 синего цвета, окрашена индигоотином. В коже образца 2 красителей не обнаружено. Обе кожи дубились примерно одинаковым сырьем, так как набор дубильных компонентов одинаков и включает эллаговую кислоту, катехины и антоцианы.

М. И. Гоняный*, А. В. Дедук**, Г. А. Шебанин***, А. В. Шеков****

* Государственный исторический музей, Москва;

** Российский государственный гуманитарный университет, Москва;

*** ЦОИПИК Тульской области, Тула;

**** Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула

К вопросу о топографии позднесредневековых погостов Подмосковья

Одним из важнейших аспектов изучения археологических памятников Подмосковья является исследование сельских средневековых погостов (Чернов, 1991. С. 73). Изучаются топография, хронология некрополей, особенности погребального обряда, антропологические характеристики древнего населения (Чернов, 1991, 2016; Чернов, Гончарова, 2015).

В связи с этим большой интерес представляют результаты археологических работ на погосте у с. Рождественно Одинцовского р-на Московской обл. Памятник выявлен и исследован раскопками в 2006–2008 гг. (Гоняный, 2007; 2008). Итоги работ частично опубликованы (Шполянская, 2008; Богомолов и др., 2009; 2012). Весьма важно, что раскопками полностью выявлены границы некрополя и значительная часть прилегающего к нему поселения (рис. 1, 2). Размеры могильника – 30–44×48–52 м, площадь – около 1850 кв. м. Вдоль границ кладбища, почти по всему периметру, была прослежена канавка. В центре могильника, на возвышенности, зафиксировано место расположения церкви или часовни. Размеры культовой постройки составляли около 4×9 м (Богомолов и др., 2009. С. 281). Возможно, внешний вид храма соответствовал облику церкви Святого Николая в с. Васильевское Серпуховского р-на Московской обл., построенной в конце XVII в. (рис. 3) (Храмы Серпуховского благочиния, 2013. С. 20–31). Вплотную к кладбищу прилегали остатки построек, относящихся, по нашему мнению, к строениям погоста (Богомолов и др., 2009. С. 285). Площадь погоста, включая его строения, составляла около 6400 кв. м. Индивидуальные находки, в том числе нумизматические, массовый керамический материал позволяют датировать поселение и могильник XV – серединой XVI в. (Богомо-

лов и др., 2009; 2012). Среди остатков построек (ям) выделяются комплексы XV в., конца XV – первой трети XVI в. и второй трети XVI в. (рис. 2). Материалы ранее неопубликованных работ в юго-восточной части памятника относятся к двум последним указанным периодам (Гоняный, 2009). Фрагменты белоглиняной гладкой посуды (МБК-2, коломенского типа) в керамических комплексах здесь либо отсутствовали, либо составляли не более 5,7% (яма 15) от всех фрагментов в составе одного комплекса (Савельев, Сергеев, Чернов, 2016. С. 329; 330). Наименее поздними монетами из ям в этой части памятника являлись серебряная тверская денга великого князя Ивана III (конец XV – начало XVI в.), медное подражание пулу первой трети XVI в., два медных московских пула XVI в. (Гоняный, 2009. Л. 44, 47).

В итоге полного изучения памятника можно сделать следующие выводы. В XV в. на водораздельном участке между оврагами – правыми притоками р. Сомынка – возникает погост. В центре его, на самом высоком месте, строится храм (часовня), вокруг которого возникает кладбище с прилегающими к нему жилыми и хозяйственными постройками (Богомолов и др., 2009. С. 285). Во второй трети XVI в. поселение при кладбище исчезает.

Территория рассматриваемого погоста во второй половине XVIII в. попадает на участки двух землевладений Сетунского стана Московского уезда: это с. Рождественно, Подушкино тож, и пустошь Спирина.

По материалам межеваний XVIII в., пустошь Спирина была окружена со всех сторон дачей с. Рождественно, Подушкино тож (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 252. Ч. 1. Ед. хр. Р – 8 кр.; С – 25 син.). Границы пустоши Спириной на юго-западе и юге

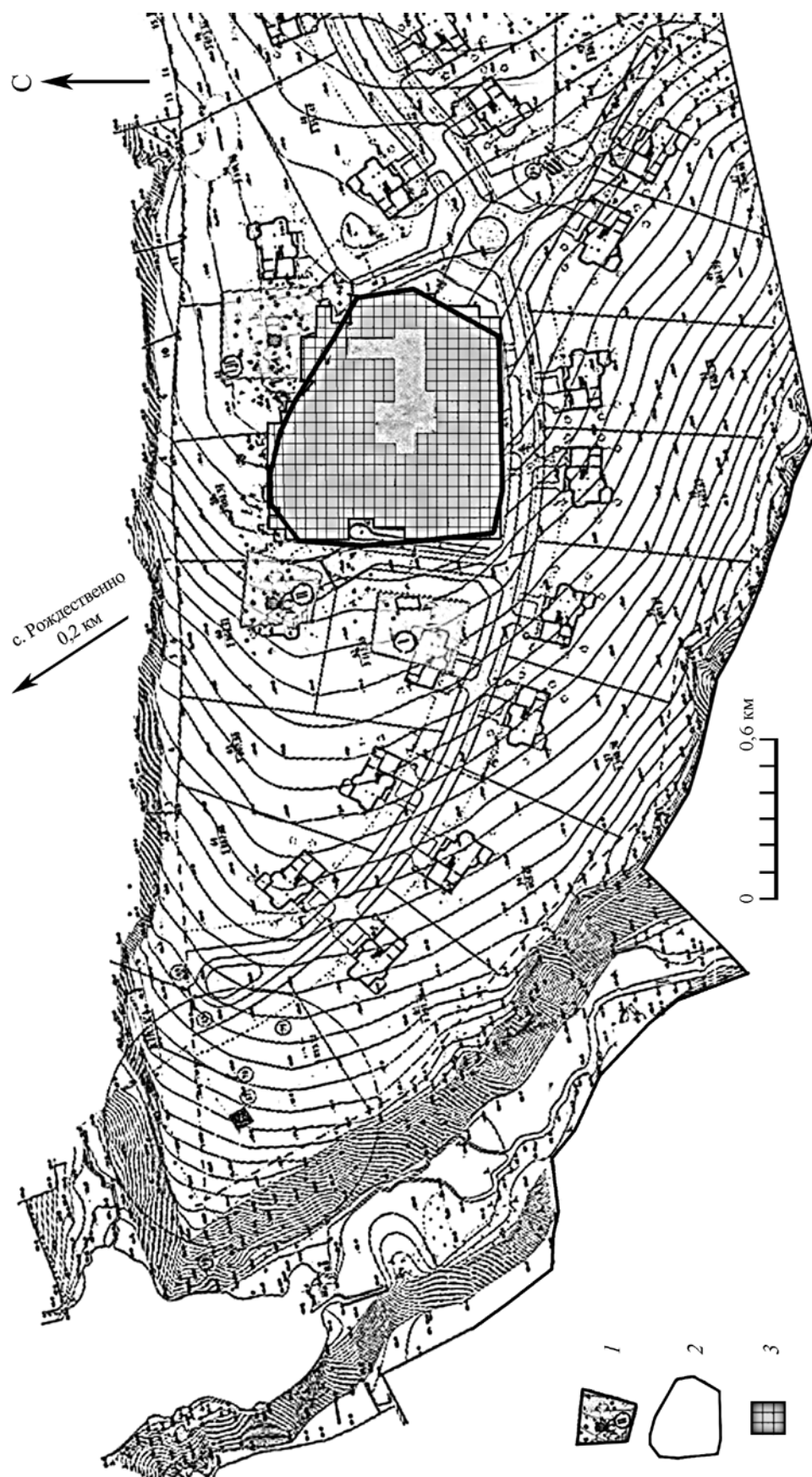

Рис. 1. Топографический план погоста у села Рождественно

1 – участки проведения археологических наблюдений за механизированным снятием грунта при детализации границ погоста в 2007 г.;
2 – границы погоста, установленные в 2007 г.; 3 – участок погоста, исследованный раскопами в 2006–2008 гг.

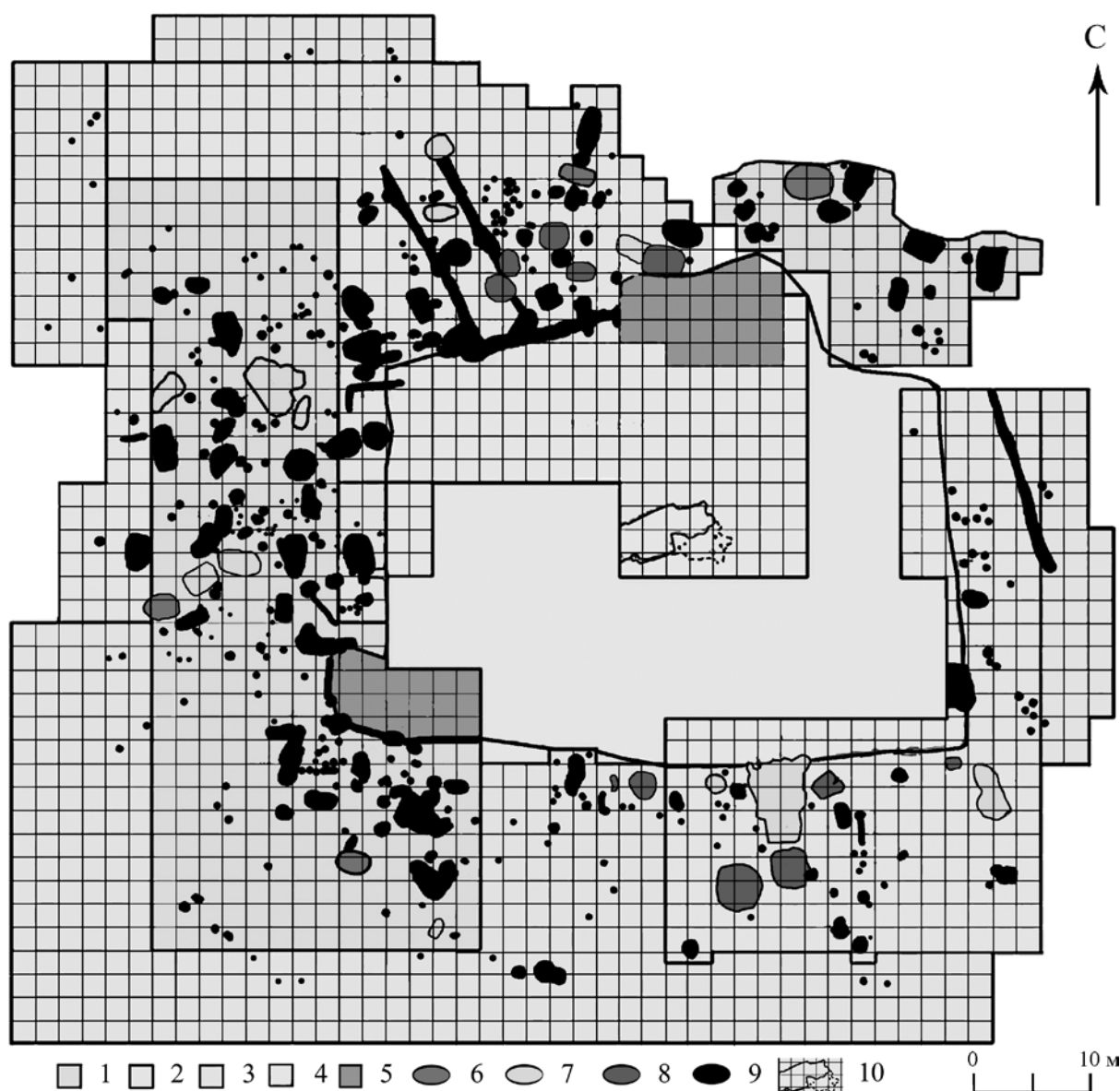

Рис. 2. Сводный план раскопок 2006–2008 гг. погоста у села Рождественно (см. цв. вкл.)

1 – раскоп 2006 г.; 2 – раскоп 2007 г.; 3 – раскоп 2008 г.; 4 – исследованная часть могильника; 5 – законсервированная часть могильника; 6 – ямы, датированные XV в.; 7 – ямы, датированные концом XV – первой третью XVI в.; 8 – ямы, датированные второй третью XVI в.; 9 – ямы, траншеи и каналы, датированные по незначительному материалу в пределах XV–XVI вв.; 10 – контуры пятна храма (часовни), выявленного на уровне зачистки основания пахотного горизонта

проходили по Петровскому оврагу (правый приток р. Сомынка), на севере – чуть южнее безымянного правого притока Петровского оврага (рис. 4, 5).

История с. Подушкино рассмотрена в работах И.Е. Забелина, В.И. и Г.И. Холмогоровых (Забелин, 1873. С. 134, 135; Холмогоровы, 1881. С. 241–243). С.Б. Веселовский, изучая топонимику Подмоскovie, возводил название с. Подушкино к московскому гостю XV столетия Ивану Владимировичу Подушке (Веселовский, 2008. С. 68).

В писцовой книге письма и меры Федора Пушкина 1627/28–1628/29 гг. землевладение с. Подушкино описано следующим образом: «За московским гостем за Иваном за Гавриловым сыном Сверчковым, что была преж того вотчина Семена Висковатова, село Подушкино на враге у речки у Сомынки. А в селе церковь Рождество да предел Покров Святые Богородицы древяна клетки, строенье церковное вотчинниково и приходных людей... Того ж села пустоши: (пус) Онто[но]во¹

¹ Слог «но» в рукописи пропущен.

Рис. 3. Храм Святителя Николая в селе Васильевское Серпуховского района Московской области

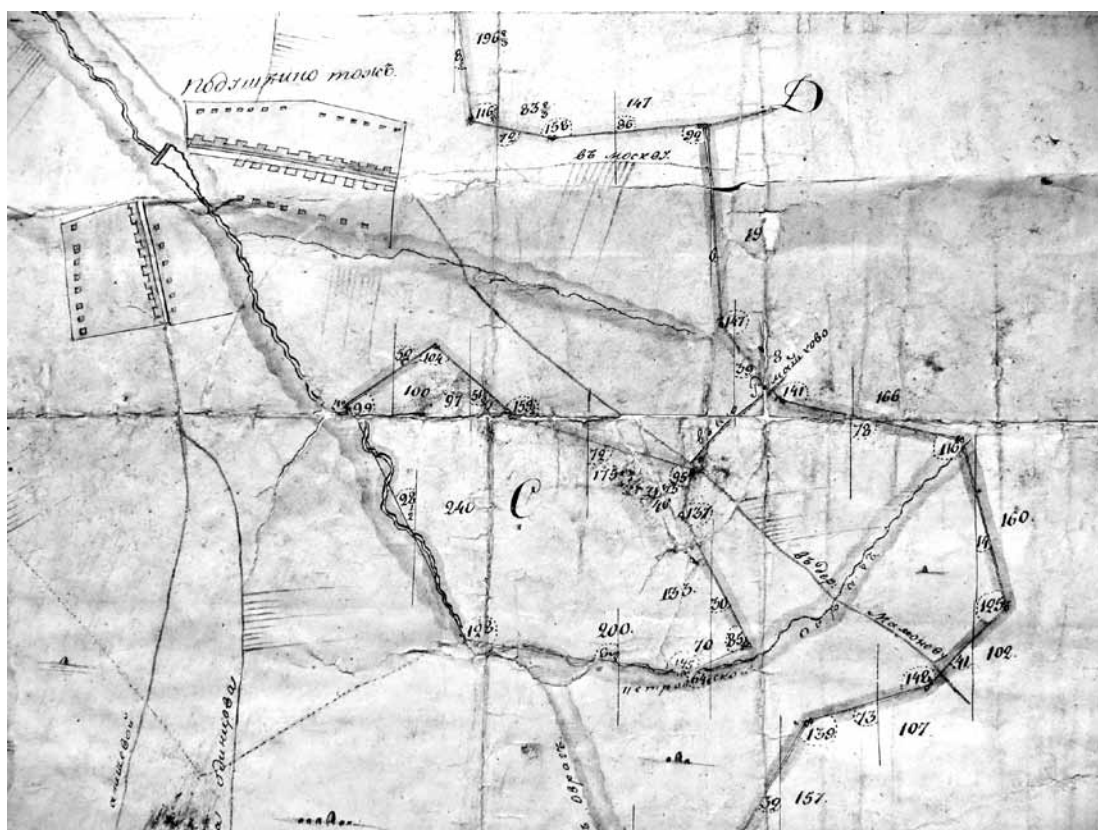

Рис. 4. Фрагмент плана с. Рождествено, Подушкино тож, с пуст. Спирино Сетунского стана Московского уезда. 1766 г. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 252. Ч. 1. Ед. хр. Р – 8 кр.

на речке на Сомынке... (пус) Макарово на враге на Макаровском... (пус) Лихачева, а Вешнякова тож, на речке на Сомынке... (пус) Савино, а Захарово тож, на Захаровском враге... (пус) Ильинская, а Жукова тож, на Жуковском враге... (пус) Ржище, а Ошурково тож, на враге... (пус) Кузнечиково, Трофимково тож, на Трофимковском враге... (пус) Копосово, а Корцово тож, на Корцовском враг... (пус) Ильино, а Чиркино тож, на речке на Самынке... (пус) Лисицыно, а Волково тож, на Волкове враге... (пус) Лазарево, Поповка тож, на речке на Сомынке... (пус) Марьино на речке на Сомынке.. А владеет Иван Сверчков тою вотчиною селом Подушкиным с пустошми по закладной вдовы Овдотьи Федоровы дочери Свиблова Семеновы жены Висковатого да сына ее Степана Андреева сына Ружнова 111-го году» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9807. Л. 8190–822).

Семен Иванович Висковатый был гипотетически соотнесен И. Гралей с сыном дьяка Ивана Михайловича Висковатого, упоминаемого в источниках в 80–90-х гг. XVI в. (Граля, 1994. С. 18, 19, 42. Прим. 39).

Сложнее обстоит дело с пустошью Спирино. Согласно плану 1756 г. пустошь была приписана к с. Ромашкову Хорошевской дворцовой волости и располагалась на Петровском овраге. Как известно, дворцовые земли описывались отдельно от поместного и вотчинного массива земель. Наши поиски писцового описания пустоши Спирино не увенчались успехом. Приселок Ромашков, судя по упоминанию священника этого населенного пункта, бывшего на размежевании земель Сетунского стана, в 1627/28–1628/29 гг. был приселком села Крылатского. Приселок относился к Хорошевской волости, находившейся тогда во владении великой княгини инокини Марфы Ивановны (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 689. Ч. 2. Л. 765 об). Приселок Ромашково локализуется на территории современного одноименного села в Одинцовском р-не Московской обл., расположенному в 5 км на восток от пустоши Спириной. Село Крылатское ныне находится в черте г. Москва. Описание пустоши Спириной отсутствует в «поместно-вотчинном» описании 1627/28–1628/29 гг. в составе Сетунского стана, что позволяет предполагать наличие у пустоши в первой четверти XVII в. «дворцового» статуса (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9807. Л. 779–856 об²; Кн. 689. Ч. 2. Л. 682–771 об³). В дозорной и описной книге церквей и церковных

Рис. 5. Фрагмент плана пустоши Спирино Сетунского стана Московского уезда. 1766 г. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 252. Ч. 1. Ед. хр. С – 25 син.

мест Московского уезда 1680 г. описание пустоши Спирино не обнаружено, есть только упоминание храма в с. Ромашково и пустоши Митинской, приписанной к этому храму (РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Ед. хр. 110. Л. 422–422 об).

В 1755–1756 гг. в ходе земельного межевания пустошь Спирино оказалась спорной между владелицей дачи с. Подушкино, Рождествено тож, Натальей Алексеевной Воейковой и Хорошевской волостью, которая управлялась дворцовой конюшенной канцелярией. Последняя не смогла предъявить на спорную землю документов «за бывшим в Москве в 737-м году пожаром и за погорением в архивах главной дворцовой и конюшенной канцелярий» (РГАДА. Ф. 1320. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 12). Для решения спора были привлечены старожилы

² Список XVII в.; частично утрачены итоги по стану и полностью отсутствует описание межей.

³ Список XVIII в.

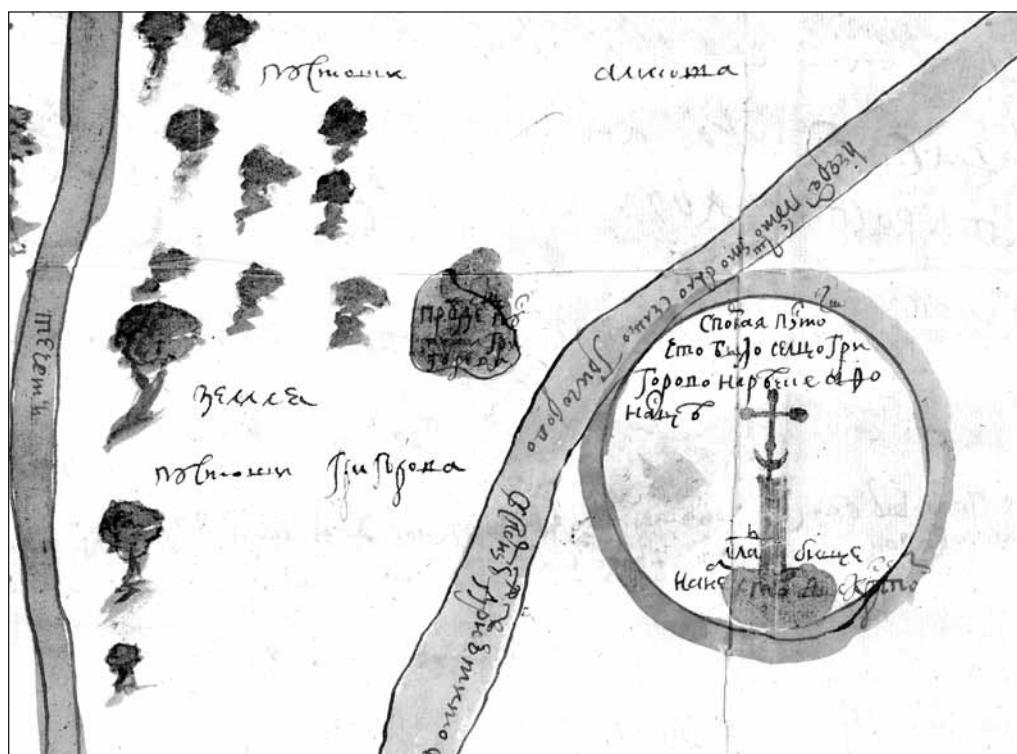

Рис. 6. Фрагмент чертежа земель по р. Лутосне у селца Щёлкова Дмитровского уезда

На фрагменте изображена «спороная пустошь, что было селцо Григорово на речке Афанасце» и «кладбище, на нем столб с крестом». 1690 г. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Дмитров. Ед. хр. 38934. Л. 129

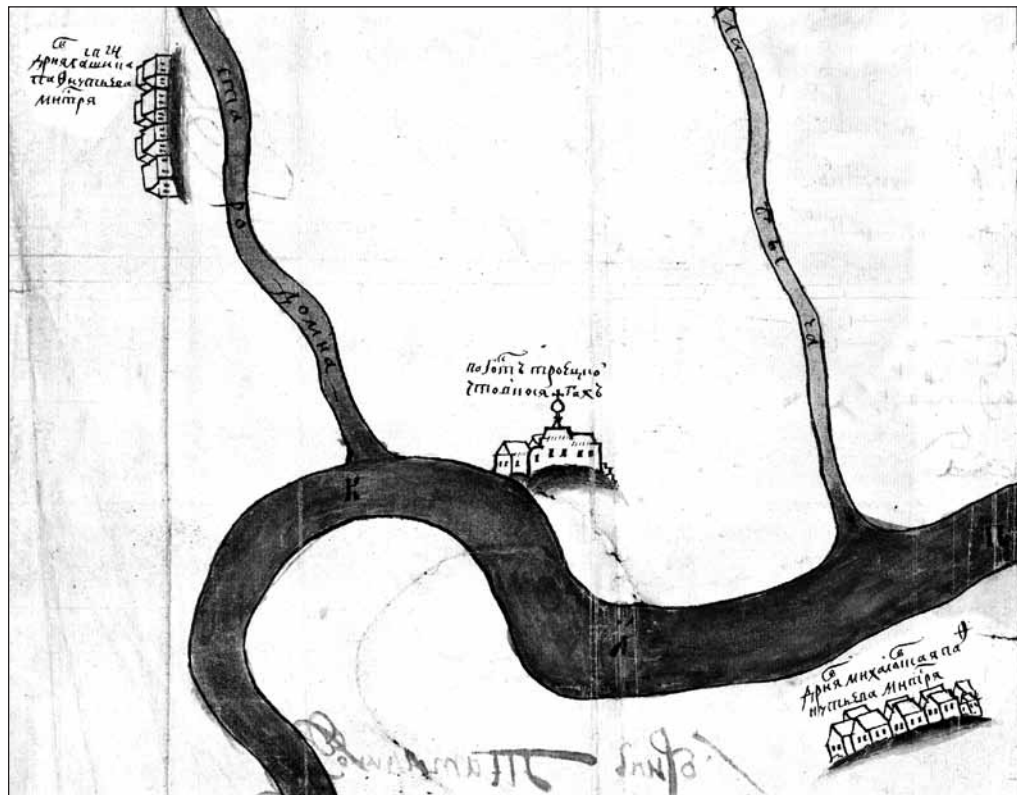

Рис. 7. Фрагмент чертежа местности по р. Поротва и р. Старая Домна в Угодской волости Малоярославецкого уезда и Окологороднем стане Боровского уезда. 1709 г.

На фрагменте изображен «погост Троецкий, что в Косягах». РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Алексину. Кн. 10400. Л. 356 об.

Рис. 8. Фрагмент чертежа земли церкви Рождества Пресвятые Богородицы на р. Пахре. 1680 г.
Список. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стб., Москва. Ед. хр. 33162. Ч. 1. Л. 126

ближайших населенных пунктов, которые указали на межевые ямы, маркирующие пустошь Спирино. Остальные пустоши, которыми владела Н. А. Воейкова, не были обмежеваны. При этом старожилы свидетельствовали: «Показуемая ж оным поверенным пустошь Петрова за предками оной госпожи Васейковой в писцовых книгах хотя и написана, токо оная особая, а не та дворцовая пустошь Спирино, и состоит с тою пустошью Спириной в межестве, на который враг, кладбище, и оселок, и где имелась церковь...» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ед. хр. 31460. Л. 19об. Также см.: РГАДА. Ф. 1320. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 10об, 11об; Ф. 1239. Оп. 3. Ед. хр. 31460. Л. 3об, 8об, 13об). Оселок – это непаханное поле (Словарь... 1987. С. 84). Таким образом, показания местного населения середины XVIII в.

подтверждаются результатами археологических исследований.

В экономических примечаниях к плану Московского уезда, сделанных до 1774 г., пустошь описана следующим образом: «Пустошь Спирина дворцовой Хорошевской волости, [расстояния от Москвы] 20 $\frac{1}{2}$ [верст], сенокосу 5 [десятин] 876 [сажень], перелогу и лесной мелкой поросли 16 [десятин] 2069 [сажень], итого 22 [десятины] 545 [сажень]. Земля качества глиноватого и пещанова, лес растет мелкой дровяной, березовой и осиновой» (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 1090. Л. 19об).

Можно ли найти описания или изображения аналогичных погостов и выяснить, как они выглядели в XVI–XVIII вв.? Для этого стоит

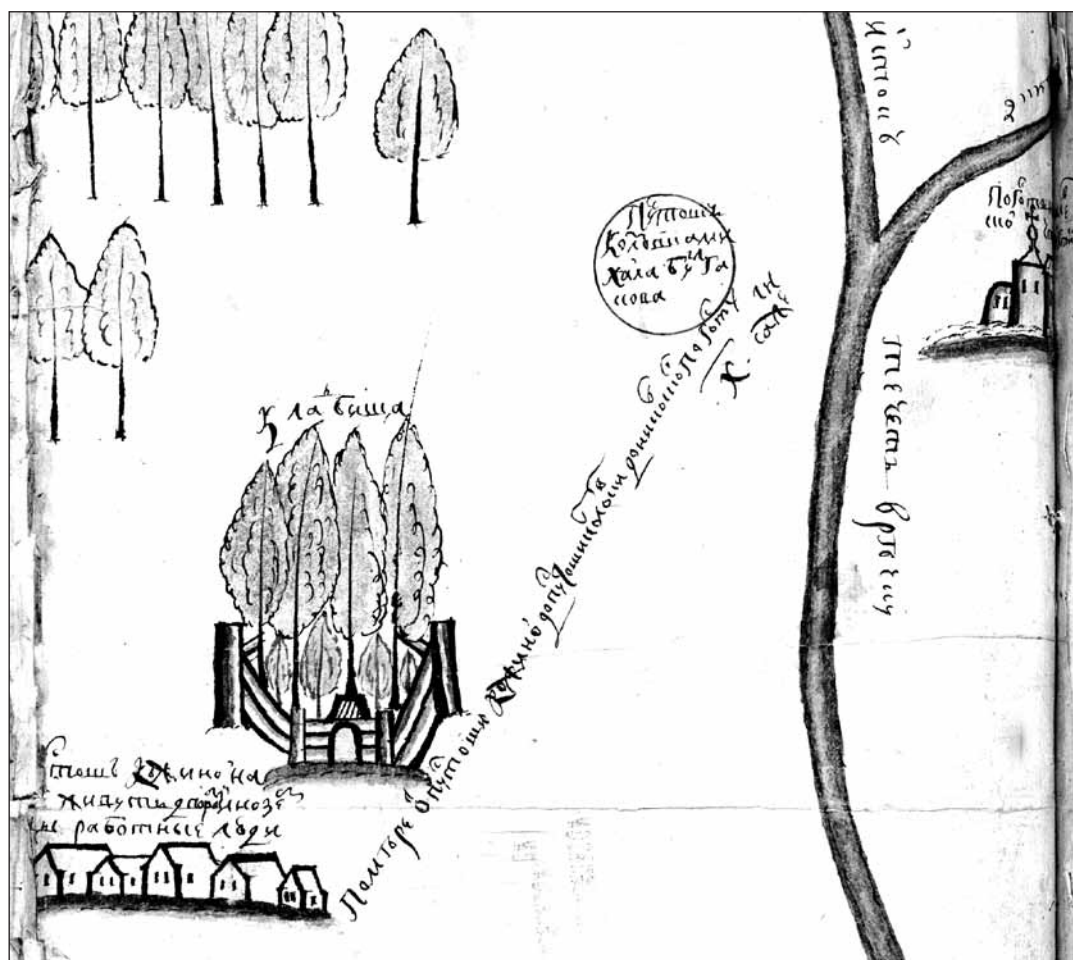

Рис. 9. Фрагмент чертежа земель, приписанных к железным заводам на р. Уголь Угодской волости Малоярославецкого уезда. 1708 г.

На фрагменте показаны кладбище и церковь, подписанная как «погост [Данилов]ской, что на Уголе». РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Алексину. Кн. 10400. Л. 464 об.

обратиться к такому историческому источнику, как схематичные чертежи местности XVII – первой половины XVIII в.

Наибольшее количество чертежей отложилось в спорных делах Поместного приказа – Вотчинной коллегии. Их планомерное выявление и постановка на учет начались в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. при переключении столбцов вышеозначенного учреждения из вязок в папки. Затем благодаря постановлениям об особом учете и доступе к материалам картографического характера на чертежи была составлена картотека, а в 60–90-е гг. было осуществлено их выделение в отдельное хранение (ныне РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77). Картотеки на графические материалы легли в основу каталога В. С. Кусова (2007).

На известных по этой работе чертежах погосты и кладбища показаны весьма схематично, зачастую

одним условным знаком. Приведем в качестве примера чертеж из столбцов поместного приказа по Дмитрову, на котором показана спорная пустошь, что было сельцо Григорово, а ниже приписано: «Кладбище, а на нем столб с крестом» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Дмитров. Ед. хр. 38934. Л. 129) (рис. 6). В некоторых случаях на чертежах показаны на кладбищах церковные постройки. Можно привести пример чертежа смежных земель Малоярославецкого и Боровского уездов 1709 г., на котором изображена такая постройка (РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Алексину. Кн. 10400. Л. 356об) (рис. 7).

Одному из авторов этой статьи удалось найти чертеж земель в округе с. Раево Московского уезда, в окрестностях которого показана «церковная земля Рождества Пресвятыя Богородицы», на котором расположено «кладбище» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Москва. Ед. хр. 33162. Ч. 1. Л. 126).

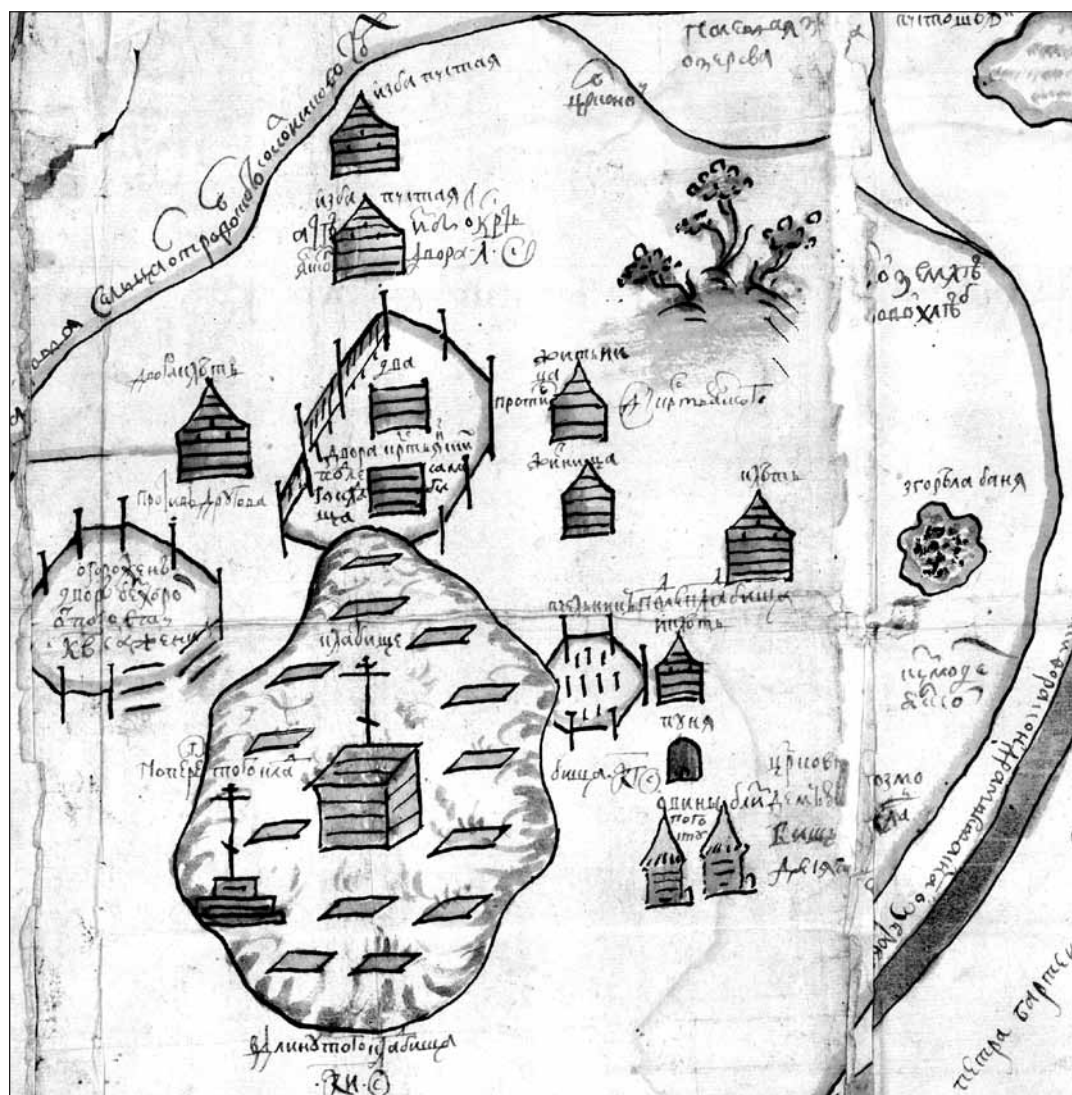

Рис. 10. Чертеж спорной земли кладбища с. Кузьмодемьянского Глинского стана Верейского уезда. 1676 г.
РГАДА. Ф. 1209. Стб. по Мурому. Ед. хр. 630/36551. Л. 20.

К сожалению, последний объект показан весьма схематично (рис. 8).

На чертеже 1708 г. железных заводов на р. Уготь в Малоярославецком уезде показан залесенный участок местности, обнесенный ограждением и подписанный как «кладбища» (РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Алексину. Кн. 10400. Л. 464 об) (рис. 9).

На третьем, вновь выявленном, чертеже сельского кладбища около слияния рек Ракиты и Береги в Верейском уезде мы видим в центре деревянную постройку с крестом, левее которой размещена еще одна конструкция с крестом (РГАДА. Ф. 1209. Стб. по Мурому. Ед. хр. 630/36551. Л. 20) (рис. 10). С трех сторон кладбище окружают «огороженный двор без хором», крестьянские дворы, житницы, баня, которая «згорела», пуня и овины.

Если сравнить некрополь, изображенный на чертеже, с планом раскопок погоста Рождественно, то можно отметить сходство в топографии этих двух объектов.

Названный чертеж был создан в 1676 г. при просмотре спорной земли Петра Бареньева в Глинском стане Верейского уезда, произведенном кн. Григорием Шаховским и подьячим Степаном Вошажниковым. Как показывают материалы этого дела, «до литовского разорения» эпохи Смуты спорная территория была с. Кузьмодемьянским с церковью и кладбищем. Петр Бареньев начал активно застраивать земли бывшего села, что создавало угрозу появления построек на кладбищенской «церковной» земле. По итогам спора территория кладбища была признана «церковной»

Рис. 11. Фрагмент плана дачи с. Сокольникова Вере́йского уезда с местностью, где находился Кузьмодемья́нский погост.

РГАДА. Ф. 1354. Оп. 255. Ч. 1. Ед. хр. С – 9 кр.

землей светлейшего патриарха Иоакима и обмежевана (РГАДА. Ф. 1209. Стб. по Мурому. Ед. хр. 630/36551). Позднее, уже в начале XVIII в., Кузьмодемья́нский погост все же был приписан к поместным землям ближайшего с. Саколовского (РГАДА. ДСЛ по Мурому. Кн. 51/11932. Д. 2⁴). По чертежу Генерального межевания, этот погост находился к востоку от р. Берега на возвышении между двумя оврагами, что сходно с топографией погоста у села Рождественно (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 255. Ч. 1. Ед. хр. С – 9 кр.) (рис. 11; 12).

Таким образом, погост у села Рождественно, как и Кузьмодемья́нский погост, следует отнести к четвертой группе поселений с храмом и некрополем, по типологии С.З. Чернова, основанных

на удалении от рек, на вершинах возвышенностей (Чернов, 1991. С. 88). Судя по итогам исследований, храм, дворы и территория, отведенная под кладбище, погоста у села Рождественно возникают одновременно как единый комплекс. В XV в. постройки погоста располагались к северу и юго-западу от кладбища. В конце XV – первой половине XVI в. также застраивается территория к югу от могильника (рис. 2). Территория к востоку от кладбища оставалась незастроенной, что было отмечено С.З. Черновым как характерная черта сельских некрополей Подмоскovie (Чернов, 1991. С. 93). Аналогичная характеристика прослеживается и по картографическому материалу Кузьмодемья́нского погоста.

⁴ Ед. хр. не имеет общей нумерации листов.

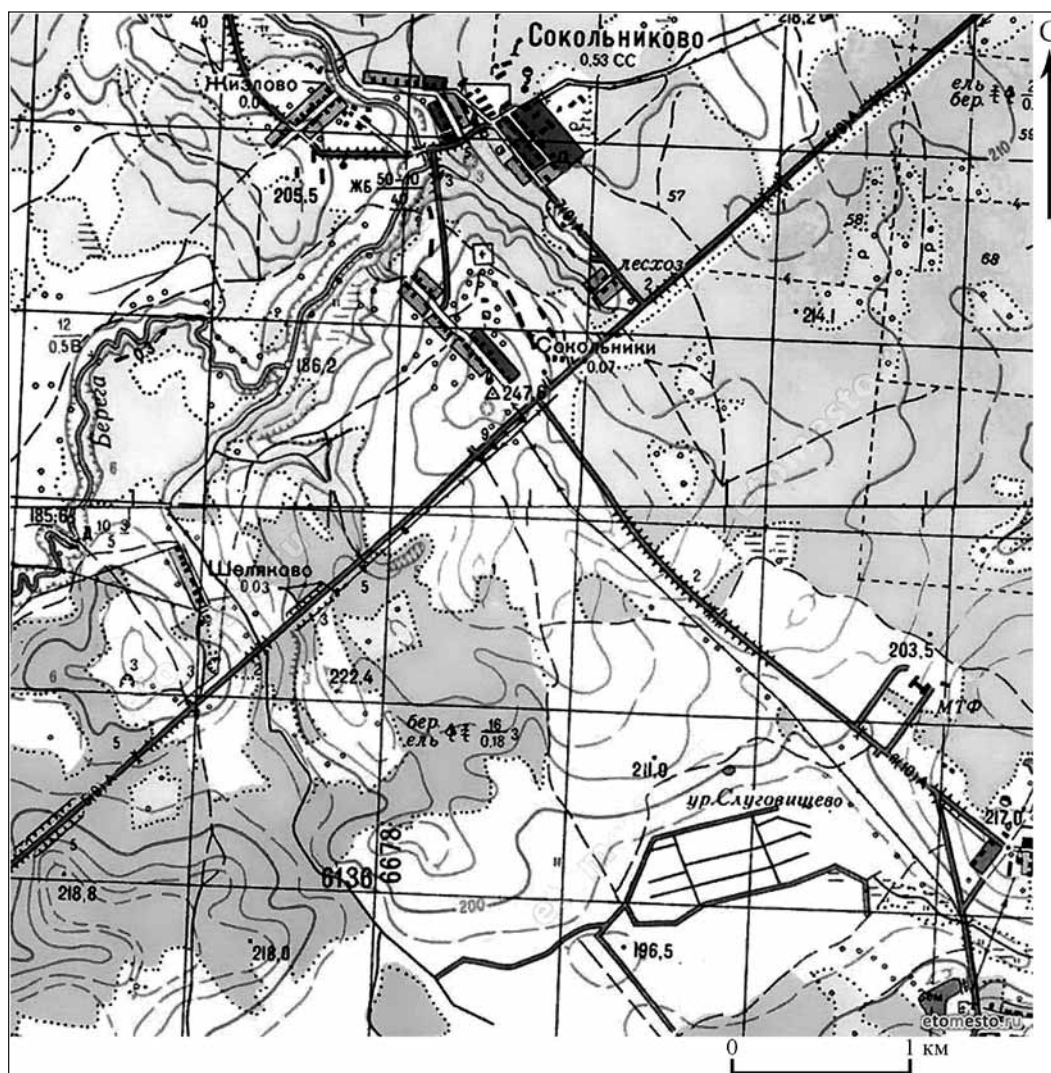

Рис 12. Фрагмент карты масштаба 1:5000 с местностью, где находился Кузьмодемьянский погост. Состояние местности на 1989 г.

Литература

- Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождественно Одинцовского района Московской области // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 281–326.
- Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2012. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 366–388.
- Веселовский С. Б., 2008. Московское государство XV–XVII вв.: Из научного наследия. М.: АИРО-XXI. 382 с.
- Гоняный М. И., 2007. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических раскопках селища Рождественно 1 в Одинцовском районе Московской области в 2007 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 47144–47149.
- Гоняный М. И., 2008. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных на селище Рождественно 1 в Одинцовском районе Московской области в 2008 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 42593.
- Граля И., 1994. Иван Михайлович Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М.: Археографический центр. 520 с.
- Забелин И. Е., 1873. Кунцово и древний Сетунский стан. М.: Типография И. И. Грачева. 258 с.
- Кусов В. С., 2007. Московское государство XVI – начала XVIII в.: Сводный каталог русских географических чертежей. М.: Русский мир. 704 с.

Савельев Н. И., Сергеев А. Ю., Чернов С. З., 2016. Усадьба служилого человека 1540–1550-х годов на посаде Радонежа по данным раскопок 2014 года // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 299–332.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1987. Вып. 13. М.: Наука. 314 с.

Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И., 1881. Исторические материалы о храмах и селах XVI–XVIII вв. Вып. 3. М.: Б. и. 388 с.

Храмы Серпуховского благочиния, 2013. Ч. 2: Очерки из истории и современной жизни храмов Серпуховского района. Тула: Лев Толстой. 191 с.

Чернов С. З., 1991. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. М.: НИИ культуры. С. 73–97.

Чернов С. З., Гончарова Н. Н., 2015. Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М. Вологда: Древности Севера. С. 444–459.

Чернов С. З., 2016. Кладбище д. Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // РА. № 1. С. 70–84.

Шполянская Д. В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождествено 1 (предварительное сообщение) // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 267–275.

М. I. Gonyaniy, A. V. Deduk, G. A. Shebalin & A. V. Shekov

Concerning the topography of late-Medieval churchyards in the vicinity of Moscow County Region

Summary

This paper considers written sources which consider one kind of settlement typical for the Middle Ages and New Era – churchyards. The study looks at the

typological ownership of the Rozhdestvensky churchyard in Moscow County Region.

В. В. Хухарев
ТНИИР-центр, Тверь

Прикладные печати-матрицы из кости среди находок в Твери

Среди сфрагистических материалов русского Средневековья особое место занимают прикладные печати-матрицы для получения воско-мастичных оттисков. Активно публикуемые археологами среди находок последних лет, они неизменно вызывают интерес как у коллег, так и у специалистов смежных дисциплин. Из известных на сегодня на территории средневековой Руси и Золотой Орды пяти десятков костяных печатей-матриц около 35 находок представляют собой печати в виде конусов или шахматовидных фигур, происходящие из Великого Новгорода, Твери, Берестья, Серенска, Белоозера, Болгара, Старой Руссы, Пскова и других городов. Остальные 15, в виде плоских дисков или призм различной высоты, происходят из Великого Новгорода, Смоленска, Москвы, Твери, Витебска, Переславля Рязанского и других городов (Станюкович, Авдеев, 2007; Хухарев, 2013. С. 145–147; и др.).

В данной публикации предлагается рассмотреть все пять известных на сегодня костяных печатей-матриц из Твери, аналогии им и уточненные датировки. Роль археологии в открытии и изучении новых источников здесь становится очень важной. За последние годы благодаря археологическим исследованиям произошло колоссальное приращение источников по истории Твери – одного из крупнейших городских центров Северо-Восточной Руси (первое упоминание – 1209 г.), с 1247 г. – центра Великого княжения, выгодно расположенного на пересечении торговых путей, с развитыми элементами торгово-ремесленной жизни (Сахаров, 1959. С. 107–114; Хохлов,

Дашкова 1996. С. 149–157; АКР, 2003. С. 80–91; Лапшин, 2009. С. 13, 14). А сам город, с его непростой историей, про который так ярко сказано в тверской летописи «... *преудивишиа бо ми ся мудрая основание твердости и крепости стен, и утверждение врат, и сведения столп, и палат украшение... сам аз не насладихся тоя неизреченная красоты...*» (ПСРЛ, 2000. С. 379. Стб. 463), продолжает интересовать уже несколько поколений исследователей.

Средневековая политико-экономическая активность в Твери находила яркое отражение и в региональной сфрагистике, которая в силу ряда объективных причин оставалась в своей большей части мало задействованной исследователями (Соболева, 1991. С. 124 и сл.). Находки последних десятилетий позволяют это положение исправить, чему, отчасти, будем надеяться, поспособствует и эта публикация¹.

Тверские находки печатей-матриц из кости были сделаны в 1936–1996 гг. при археологических исследованиях на территории Тверского кремля (три находки) и Затьмацкого посада (две находки), которые будем рассматривать согласно топографии нахождения. Находки первой группы, сделанные на территории Тверского кремля, расположенного на мысу левого берега р. Волги и правого берега р. Тьмаки, сделаны во время археологических исследований в его центральной части. Первые из них в 1934–1937 гг. проводились во дворе здания Пединститута им. М. И. Калинина (у здания бывшего реального училища) под руководством Н. П. Милонова (1896–1988), другие – в 1993–1997 гг.

¹ Выражаю признательность за предоставленную информацию и ценные советы Хохлову А. Н. (Москва), Лапшину В. А. (Санкт-Петербург), Чернецову А. В., Завьялову В. И., Таценко С. Н., Кузьмину А. В., Секретёву К. М. (Москва), Каретникову А. Л. (Ростов Великий), Кукушкину И. П. (Вологда), Карпову Д. А. (Брянск), Ткаченко В. А. (Калуга), Макарову Л. Д. (Ижевск), Колосницину П. П., Андриенко А. В. (Великий Новгород), Дворникову А. С., Романовой Е. А., Егоренкову О. И., Кунгурцевой С. А., Бодряковой Т. Н., Терещенко В. Г. и Пичугиной А. Н. (Тверь).

в этом же районе, на месте планируемых новых корпусов Тверского государственного объединенного музея (совр. ул. Советская, 5а) под руководством В. А. Лапшина. Находка первой печати произошла в 1936 г. в небольшом раскопе (13×13 м), в остатках одной из построек размерами 8×8 м, рубленной в обло и сохранившейся на три венца. Это была прикладная печать-матрица в виде шахматовидной фигурки (высотой 25 мм, диаметром основания 15 мм, в рукоятке – отверстие для подвешивания). Местонахождение этой печати в настоящее время неизвестно. В публикации 1941 г. она описана как сделанная из кости, но уже в отдельной заметке 1946 г., посвященной ей, автор описывает печать как «выточенную из вяза и тщательно отполированную...» (Милонов, 1946. С. 299). Судить о ней сегодня можно только по достаточно упрощенному рисунку печати и реконструкции ее оттиска в публикации Н. П. Милонова «Тверская печать XV в.» (1946. С. 299. Рис. 1). На матрице вырезана поясная фигура воина с мечом в одной руке и овальным щитом в другой, в круглой шапочке на голове (рис. 1, 10, 11). Среди сопутствовавших «точеной печати» находок благодаря сохранившимся описям (Архив ТГОМ. Д. 274. С. 65–73), можно отметить бронзовый перстень-печатку, светец, обломки расписного стекла и сосуда из белой глины (Лапшин, 2009. С. 21). Публикуя эту находку, Н. П. Милонов отметил сходство изображения на печати с сюжетами на денгах тверского князя Бориса Александровича (1425–1461 гг.), что и позволило датировать ему находку временем правления этого князя (Милонов, 1941. С. 72–74; 1946. С. 299). В. А. Лапшин с учетом сопутствующих находок предлагает расширить датировку комплекса до второй половины XIV в. (2009. С. 21).

Между тем для датировки этой находки можно привлечь целый ряд аналогичных печатей-матриц с изображением воинов из Старой Рязани, Великого Новгорода, Мглина (Брянская область) и селища на острове Рождественский (оз. Неро, Ярославская обл.). Наиболее близкая к ней находка – из раскопа 1971 г. близ Борисоглебского собора в Старой Рязани. Здесь в остатках жилой постройки 1 (усадьба А), погибшей предположительно в 1237 г., была зафиксирована печать-матрица в виде шахматовидной фигурки с отверстиями в головке, на рабочей поверхности которой размещено изображение святого воина (св. Георгий?) с копьем и щитом в руках (рис. 2, 1). Среди сопутствовавших ей находок – обломки поливной иранской керамики, фрагменты стеклянной посуды с золотой росписью, серебряный перстень-печатка с изображением

ладони, шиферное пряслице, обломки стеклянных браслетов (Даркевич, 1972. С. 102, 103; Даркевич, Борисевич 1995. С. 170. Рис. 109; Авдеев, Станюкович, 2007. С. 18. Рис. 2, 2). К аналогиям по сюжету можно отнести и новгородскую находку 1973 г. с Кировского раскопа печати-матрицы в виде сложной формы шахматовидной фигурки (высота 25 мм, диаметр основания 17 мм, с отверстием в головке диаметром 2,5 мм), на рабочем основании печати – парное изображение святых (св. Борис и Глеб?) с мечами в руках, опущенными остриями вниз (рис. 2, 2). Как отметили ее публикаторы, печать зафиксирована в слое 60-х гг. XIII в. (Колчин, Рыбина, 1982. С. 210, 211. Рис. 23; Авдеев, Станюкович, 2007. С. 10. Рис. 2, 4). Еще одна аналогия – мглинская печать-матрица (высотой ок. 22 мм, диаметром основания 15 мм, головка с отверстием обломаны), найденная в 2002 г. при исследовании урочища Казачья гора на городище Мглин-2, имела на рабочем основании изображение святого воина (Георгий?) и предположительную датировку в рамках XIII–XIV вв. (Хухарев, Карпов, 2014. С. 95–98. Рис. 1, 1, 2). К наиболее поздним в нашей группе аналогий, и то только по сюжету, можно относить рождественскую печать-матрицу, датируемую предположительно в рамках XIV–XV вв. Она имеет форму точеного цилиндра (высота 40 мм, диаметр 12 мм), на одной из сторон которого размещена негативная надпись «ШИМЕКЪ», а на другой – воин с мечом и копьем (рис. 2, 6). Все эти наблюдения позволяют и тверскую находку 1936 г. печати-матрицы в виде шахматовидной фигурки с изображением воина предположительно датировать в рамках XIII–XIV вв.

При охранных археологических работах 1993–1997 гг. на месте новых корпусов Тверского государственного объединенного музея (совр. ул. Советская, д. 5а), под руководством В. А. Лапшина в раскопе 11 было вскрыто ок. 1400 кв. м культурного слоя, в котором было зафиксировано более 9118 индивидуальных находок (Лапшин, 2009. С. 26, 86). Среди них были и две костяные печати-матрицы. Первая из них (уч. 1А, кв. В–5, пл. -318 см, пл. 16, № 164а, п/о 218), найденная в 1995 г., имела вид точеной шахматовидной фигурки (высота 24 мм, основание 14×12 мм, с отверстием в головке) с изображением архангела в рост с распахнутыми крыльями (рис. 1, 12, 13). Стратиграфически находка, по наблюдениям автора раскопа, была связана с комплексом жилой постройки (сруб № 8, усадьба 5-А), датируемой концом XIII – второй половиной XIV в., где были зафиксированы находки импортной поливной

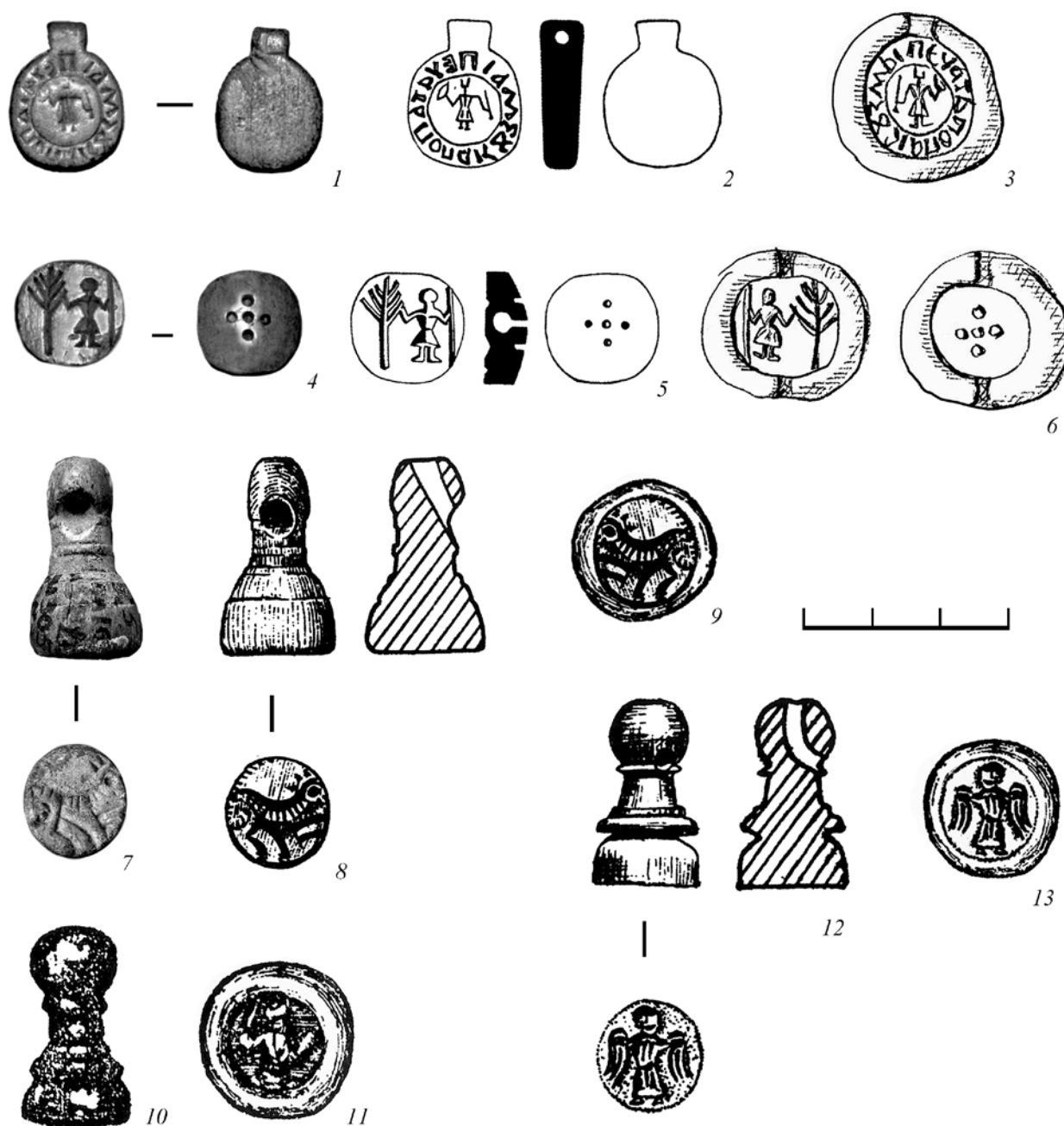

Рис. 1. Печати-матрицы из кости из находок в Твери

1, 2 – печать-матрица с изображением воина с щитом и мечом и надписью «ПЕЧАТЬ ПОПА КУЗЬМЫ» XV в., Тверь (по: Хохлов, Хухарев, 1999. С. 135, рис. 2, 1; фото Хухарева В. В.); 3 – реконструкция оттиска; 4, 5 – печать-матрица с изображением паломника XV – сер. XVI в., Тверь (по: Хохлов, Хухарев, 1999. С. 133, рис. 1, 1; фото Хухарева В. В.); 6 – реконструкция оттиска; 7, 8 – печать-матрица с изображением фантастического животного (дракона?) XIII–XIV вв., Тверь (по: Лапшин, 2009. С. 210, рис. 60, 2; фото Хухарева В. В.); 9 – реконструкция оттиска; 10 – печать-матрица с изображением воина с мечом и щитом XIII–XIV вв., Тверь (по: Милонов, 1946. С. 299); 11 – реконструкция оттиска; 12 – печать-матрица с изображением архангела XIII–XIV вв., Тверь (рис. по: Лапшин, 2009. С. 210, рис. 60, 1); 13 – реконструкция оттиска

керамики и сирийско-египетского стекла. А среди возможных владельцев печати был назван глава тверской администрации времен великого князя Михаила Ярославича (Лапшин, 1997. С. 156; 1997. С. 400, 401. Рис. 1; 2001. С. 21. Рис. 1, 1). Позднее, правда, В.А. Лапшин после

создания дендрохронологической шкалы раскопа предложил относить ее ко времени правления кн. Михаила Александровича и попадание печати в слой датировать временем около 1385 г. (Лапшин, 2002. С. 61. Рис. 1, 6; Лапшин, 2009. С. 119, 120. Рис. 35, 6. С. 310. Рис. 60, 1). В новой

Рис. 2 Печати-матрицы и печатные перстни

1 – печать-матрица с изображением святого воина с щитом и копьем XIII в., Старая Рязань (по: Даркевич, Борисевич, 1995. С. 170, рис. 109); 2 – печать-матрица с изображением святых воинов с мечами в руках XIII в., Великий Новгород (по: Колчин, Рыбина, 1982. С. 210, рис. 23); 3, 4 – печать-матрица с изображением святого воина XIII–XIV вв., Мглин (рис. по: Хухарев, Карпов, 2014. С. 96, рис. 1; фото Карпова Д. А.); 5 – фото оттиска; 6 – печать-матрица с надписью «ШИМЕКЪ» и изображением воина с копьем и мечом XV–XVI вв., оз. Неро, Ростов Великий (фото Каретникова А. Л.); 7 – печать-матрица с изображением архангела XIII в., городище Дуна (Тульская обл.) (по: Гендуле, 1903. С. 20, табл. II, 11); 8 – печать-матрица с изображением архангела XIV в., Старая Русса (фото Колосницына П.); 9 – печать-матрица с изображением архангела и круговой зеркальной надписью XV–XVI вв., Старица (фото Хухарева В. В.); 10, 11 – quadrifoil привеска с изображением архангела и зеркальной надписью «ПЕЧАТЬ ГРИГОРЬЕВА» XIV–XV вв., Ковровское городище (по: Станюкович, Авдеев, 2007. С. 11, рис. 1, 13); 12 – печать-матрица с изображением фантастического животного XIV в., Болгар (по: Полубояринова, 2008. С. 40, рис. 1, 8); 13 – печать-матрица с изображением фантастического животного и круговой зеркальной надписью «ПЕЧАТЬ ПРАКОША РАСО» XV в., Суздаль (по: Станюкович, Авдеев, 2007. С. 11, рис. 1, 3); 14 – печатный перстень с изображением фантастического животного XVI–XVII вв., Калязин (фото Секретёва К. М.); 15 – тверская денга вел. кн. Михаила Борисовича (1461–1485) (Орешиников, 1896. С. 48, № 295, табл. IV, рис. 158);

интерпретации возможным хозяином этой статусной усадьбы и предполагаемым владельцем печати уже называется тверской тысяцкий (*Лапишин*, 2009. С. 181).

Среди близких аналогий этой находке можно отметить две костяные печати-матрицы с изображениями архангелов. Одна из них (рис. 2, 7), с городища Дуна (Тульская обл.), найдена при археологических раскопках 1899 г. (Архив ИИМК РАН. Ф. 1 д. 51) в Калужской губернии, проводившихся Ю.Г. Гендуне. Она представляет собой шахматовидную фигурку в виде усеченного конуса с валиком ниже ушка (высота печати – 25 мм), на рабочем основании изображение архангела. Датировать печать можно не позднее XIII в. (*Гендун*, 1903. С. 20. Табл. II. Рис. 11; *Станюкович*, *Авдеев*, 2007. С. 19. Рис. 2, 15; *Наумова*, 2013. С. 46. Рис. 5, 11). Вторая аналогичная печать-матрица (рис. 2, 8) происходит из археологических исследований в Старой Руссе в 2017 г. Здесь на Пятницком раскопе (р. II, кв. 142, пл. 13, п/о № 155) в слое XIV в. зафиксирована печать-матрица в виде шахматовидной фигурки (высота – 23 мм, диаметр основания – 13 мм) с изображением архангела с распахнутыми крыльями. В качестве дальних аналогий могут быть приведены и металлические печати-матрицы с изображением архангела. Одна из них, с зеркальной надписью вокруг изображения архангела, происходит из подъемных материалов в окрестностях Старицы (рис. 2, 9), другая, квадратной формы и с надписью на оборотной стороне, – с Ковровского городища Верхнего Прикамья (рис. 2, 10, 11). Известны подобные находки в Твери, Великом Новгороде и Подмоскovie, датируются они обычно в рамках XIV–XV вв. (*Станюкович*, *Авдеев*, 2007. С. 17, 171, 172. Рис. 1, 13 и др.). Все эти наблюдения позволяют и тверскую находку 1995 г. печати-матрицы в виде шахматовидной фигурки с изображением архангела предположительно датировать в рамках XIII–XIV вв.

Нельзя не отметить широкое распространение сюжета с изображением архангела в тверской символике. Есть он и буллах великого князя Михаила Ярославича (*Янин*, *Гайдуков*, 1998. С. 66, 67, 165, 166. № 396–400) и его сына Дмитрия (*Янин*, 1970. С. 163. № 404). В еще большей степени представлен

этот сюжет в тверской иконописи, в иконографии дорогих мемориальных вещей, предметов личного благочестия (*Попов*, *Рындина*, 1979. С. 262, 264, 541–544, 573; *Куприянов*, *Хухарев*, 2003. С. 193, 194). И все это, на наш взгляд, является отражением культа архангела Михаила, существовавшим в Тверских землях (*Попов*, *Рындина* 1979. С. 528).

Вторая печать-матрица (р. 11, уч. 5, кв. Е-27а, гл. -305 см, пл. 16, бровка № 3, № 1402, п/о 1490), найденная в 1996 г., имела вид шахматовидной фигурки конусовидной формы (высота – 28 мм, основание – 15×17 мм, с отверстием в головке диаметром 3 мм) с изображением фантастического рогатого животного, повернувшегося вправо, присевшего на передние лапы, с шипастыми задними лапами и с хвостом, загнутым кольцом вниз. Тело зверя по спине покрыто линейной штриховкой. Глаз отмечен большой точкой (рис. 1, 7, 8, 9). Находка, по наблюдениям автора раскопа, связана с комплексом усадьбы 5-А (дендродата 1364–1385 гг.), где фиксируются находки, связанные с населением, отличающимся высоким социальным статусом. В качестве возможных владельцев печати-матрицы автором раскопа названы представители высших чиновников великокняжеской администрации XIV в., могущие проживать на этой усадьбе (*Лапишин*, 1997. С. 135; 2001. С. 17. Рис. 1, 2; 2009. С. 119, 120, 181, 310. Рис. 60, 2, 4).

Точных аналогий изображению с этой печатью-матрицы найти не удалось. Правда, на костяных печатях-матрицах из Болгара и Старой Руссы тоже присутствует изображение фантастического животного. Но они имеют несколько иной облик. По характеру изображения ближе к нашей находке можно считать болгарскую печать-матрицу (рис. 2, 12) в виде точеной шахматовидной фигурки (высота – 25 мм, диаметр основания – 17 мм, с округлой головкой диаметром 9 мм и тремя отверстиями). Найдена она в 1980 г. на раскопе в районе ремесленных кварталов Болгара. Находка сделана в комплексе, относящемся к позднезолотоордынскому времени (второй половине XIV – началу XV в.), вероятнее всего, связанном с русским населением города. На основании печати вырезано изображение фантастического животного, повернутого вправо, с поднятой когтистой передней лапой, с изогнутым над спиной хвостом,

16 – тверская денга вел. кн. Бориса Александровича (1425–1461) (*Орешиников*, 1896. С. 41, № 235, табл. III, рис. 105);
17 – печать-матрица с изображением воина с мечом и зеркальной надписью «ПЕЧАТЬ ЗАЗИРКИНА» и с другой стороны фантастического животного и зеркальной надписью «ПЕЧАТЬ РАТОИНА», XV в., Вологда (рис. по: *Баиенькин*, *Кукушкин*, 1994. С. 40, рис. 4: 10; фото Кукушкина И.П.); 18 – печать-матрица с изображением воина с мечом и копьем, сер. XVI в., Переяславль Рязанский (по: *Завьялов*, *Судаков*, 2010. С. 115, рис. 11; фото Завьялова В.И.); 19, 21 – печать-матрица с изображением воина с щитом и мечом, XV в., Москва (рис. по: *Рабинович*, 1954. С. 74, рис. 16; фото Хухарева В.В.);
20 – реконструкция оттиска

оканчивающимся кисточкой. Тело зверя с перехватом в средней части покрыто штриховкой, имитирующей шерсть. Глаз отмечен большой точкой. На концах ушей помещены точки (*Полубояринова*, 1983. С. 95–97. Рис. 1, 1, 2; *Полубояринова*, 1993. С. 33, 34; *Станюкович, Авдеев*, 2007. С. 16, 17. Рис. 2, 7; *Полубояринова*, 2008. С. 57, 40. Рис. 1, 8).

Среди аналогий по форме можно назвать находку с селища Кистыш-3 (работы Суздальской экспедиции ИА РАН под руководством Н. А. Макарова) фрагмента костяной печати-матрицы (расколотой вдоль) в виде шахматовидной фигурки конусовидной формы, с рельефным пояском и с отверстием в округлой головке (общая высота – 31 мм, диаметр основания – 6 мм, диаметр ушка – 4–5 мм). Изображение на печати из-за утраты ее большей части еще до попадания в культурный слой прочитать так и не удалось (*Шполянский*, 2015. С. 207, 208. Рис. 4, 10).

В материалах тверской символики среди изображений фантастических животных можно найти целую группу дальних аналогий. Наиболее близки к нашему изображению драконы. Это популярный для Средневековья символ силы и бдительности, нередко отождествлявшийся с княжеской властью (*Чернецов*, 1988; *Хухарев*, 2007. С. 295. Рис. 3). Изображения дракона-змея хорошо известны на парадном оружии, печатях различного рода и в тверской монетной символике (рис. 2, 15, 16) – великого князя Бориса Александровича и великого князя Михаила Борисовича (*Орешиников*, 1896. С. 41. № 235. Рис. 105; *Орешиников*, 1896. С. 48–51. № 295–315. Рис. 158–173; *Сотникова*, 1998. С. 130–132). Среди изображений на средневековых печатных перстнях тверского происхождения тоже встречаются изображения дракона (*Хухарев*, 2008. С. 218. Рис. 1, 6). К сожалению, большая часть из них представлена случайными находками, как и находка перстня с крылатым драконом влево из г. Калязина, фиксируемым в местах разрушения культурного слоя (рис. 2, 14).

Все эти наблюдения позволяют тверскую находку 1996 г. печати-матрицы в виде шахматовидной фигурки с изображением фантастического животного (дракона?) предположительно датировать в рамках XIII–XIV вв.

Еще две печати-матрицы из кости обнаружены при охранных археологических исследованиях под руководством А. Н. Хохлова в 1988 г. на территории Затьмацкого посада, в районе западнее стадиона Суворовского училища. Затьмацкий посад занимает большой участок территории между левым берегом р. Волги и левым берегом р. Тверцы, примыкая с запада к Тверскому кремлю, хорошо известен своими средневековыми комплексами и находками, не уступающими зафиксированными в центральной части Твери (*Хохлов, Дашкова*, 1996. С. 149–157; АКР, 2003. С. 80–91; *Лапишин*, 2009. С. 191–197; и др.) Среди них известны не только печатные перстни, но и прикладные печати-матрицы. Среди последних есть и выполненные из кости.

Первая из этих печатей-матриц (р. 1, уч. 1, кв. Г-16, пл. 2, гл. -138 см, столбовая яма 10, п/о 22) представляет собой костяной медальон в виде низкого цилиндра диаметром 15 мм, с ушком для подвешивания. Обратная сторона печати гладкая (рис. 1, 1, 2, 3). На ее лицевой стороне зеркально выгравирована фигура воина. Голова без головного убора обозначена несколькими штрихами. Тело показано в виде двух треугольников, обращенных вершинами друг к другу. Изображение в целом отличается схематизмом. В левой руке, согнутой в локте, меч острием вверх. Подчеркнуто навершие подтреугольной формы. В другой руке, также согнутой в локте, воин держит щит овальной (корытообразной) формы. Изображение заключено в круг, по периметру которого расположена зеркальная надпись «ПЕЧАТЬ ПОПА КҮЗМЫ». Палеографические наблюдения над буквами надписи (таких как одностороннее Ч и Ы южнославянского облика), по мнению А. А. Медынцевой, позволяют считать, что она была выполнена в XV в.² Рисунок и надпись выгравированы неглубокими линиями, некоторые линии едва намечены (*Хохлов, Хухарев*, 1992. С. 160–163; *Хохлов, Хухарев*, 1999. С. 131–133. Рис. 1, 1; *Станюкович, Авдеев*, 2007. С. 15. Рис. 1, 5).

Среди ближайших полных аналогий нашей находке – печать-матрица в форме низкой призмы с ушком для подвешивания из раскопок 1949 г. в московском Зарядье (рис. 2, 19, 20, 21). На ее рабочем поле в круговой ободке тоже изображен воин с мечом³ и щитом, вокруг ободка размещена

² Пользуюсь возможностью выразить А. А. Медынцевой большую признательность за предоставленную консультацию.

³ В публикации М. Г. Рабиновича о печати было написано: «...фигура воина со щитом и копьем». Однако анализ изображения, как и привлечение изображений на буллах, воско-мастичных оттисках и других матрицах позволяют утверждать, что копье всегда изображалось в виде вертикальной или наклонной линии, высотой равной фигуре человека или выше ее. Причем воин держит копье, как правило, за среднюю часть древка. Короткая прямая или слегка изогнутая линия, даже без проработанных деталей (перекрестья, навершия), которую воин держит за нижнюю часть (рукоять), обозначало, вероятнее всего, клинковое оружие.

зеркальная надпись: «ПЕЧАТЬ ИВАНА КАРОВИ». Находка была зафиксирована рядом с постройкой, уничтоженной пожаром 1468 г., что и позволило М.Г. Рабиновичу вместе с палеографическими наблюдениями над буквами надписи датировать печать второй половиной XV в. В качестве возможного владельца печати автор исследования предложил считать князя Ивана Юрьевича Патрикеева, владевшим исследованным участком (Рабинович, 1954. С. 74. Рис. 16; 1971. С. 56–58. Рис. 11, а, б; 1997. С. 5–13; Станюкович, Авдеев, 2007. С. 13. Рис. 1, 4). Исследователи, обратившиеся в последнее время к ее повторному изучению, выдвинули новую гипотезу о ее принадлежности одному из представителей рода Коровиных-Яхонтовых, выходцев из Твери (Кузьмин, Мусеев, 2012. С. 95–98).

Еще одной аналогией является печать-матрица из кости, найденная в 1992 г. при археологических работах в Вологде (руководитель И.П. Кукушкин). Печать представляет собой овальный медальон с ушком для привешивания (высота – 9 мм, овал – 19×23 мм). На одной из сторон изображен воин в остроконечной головном уборе (шлем?), с поднятыми вверх руками, в одной из которых меч с крестообразным перекрестием. По периметру зеркальная надпись: «ПЕЧАТЬ ЗАЗИРКИНА» (рис. 2, 17). На другой стороне в центре – изображение фантастического животного с загнутым хвостом (плохо читается), вокруг зеркальная надпись: «ПЕЧАТЬ РАТОНИНА». В отличие от другой стороны, она выполнена более тонкой гравировкой (Башенькин, Кукушкин, 1994. С. 40. Рис. 4, 10; Кукушкин, 1995. С. 75–78; Станюкович, Авдеев, 2007. С. 15, 16. Рис. 1, 2). Находка была датирована автором публикации XV в., и в качестве гипотезы приведены сведения о митрополичьем слуге Парфении Зазирки из Вологды, возможном владельце печати (Кукушкин, 1995. С. 77, 78).

Подписные печати, принадлежавшие духовенству, хорошо известны. Образцы булл высшего духовенства в большом количестве представлены в псковской и новгородской сфрагистике. Подписных печатей черного и белого духовенства известно меньше. В качестве одного из наиболее ранних примеров можно привести два восково-мастичных оттиска, сохранившихся при грамоте 1395 г., утверждающей раздел земли между Кирилло-Белозерским монастырем и никольским попом Фадеем. В обоих случаях в качестве печатей были использованы античные геммы. Одна из них окружена надписью «ПЕЧАТЬ ПОПОВА ФАДЕЕВА», вторая – «ПЕЧАТЬ ФЕДОРА СТАРЦА» (Каменцева,

Устюгов, 1974. С. 94–96). Печати священнослужителей есть и среди оттисков, сохранившихся на полочках грамотах XV–XVI вв. (Хорошкевич, 1972. С. 143). Таким образом, надписи, подтверждающие принадлежность печати священнику, не являлись в XV–XVI вв. чем-то исключительным (Иванов, 1858). Поиск по сюжету нашей печати дают значительно большее количество аналогий. Так, на оттиске печати князя Андрея Федоровича под грамотой на вотчины в сельце Колесникове по Бежецкому уезду содержатся все элементы тверской печати: воин с мечом и щитом, ободок вокруг фигуры, круговая надпись «ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ АНДРЕЯ ФЕДОРОВИЧА». Отличие наблюдается только в деталях рисунка: воин изображен стоящим не в фас, а вполоборота влево (Иванов, 1858. Табл. 1. Рис. 2). Не менее многочисленные аналогии присутствуют и в тверском нумизматическом материале XV в. Изображение воина с мечом и щитом есть на денгах великого князя Бориса Александровича и великого князя Михаила Борисовича (Орешников, 1896. С. 58–67. № 146–227. Рис. 68–97; Орешников, 1896. С. 44–46. № 260–273. Рис. 129–138).

Вторая печать-матрица (р. 1, уч. 3, кв. Г-8, пл. 2, гл. -130 см, п/о 357, Тверской музей, ОФ № 14) по форме близка к низкой призме (высота – 5 мм), через боковую грань которой просверлено отверстие для шнура. Основание печати плоское, почти круглое в плане, размером 15×16 мм. На нем в технике глубокой резьбы схематично изображена фигура человека в рост, с посохом (копьем?) в одной руке и пальмовой ветвью в другой. Голова выполнена в виде овала, головной убор отсутствует. Тело показано двумя треугольниками, обращенными вершинами друг к другу. Обратная сторона печати выпуклая. На ее поверхности высверлено пять круглых отверстий, образующих в плане четырехконечный крест (Хохлов, Хухарев, 1992. С. 160, 163; Хохлов, Хухарев, 1999. С. 134–135. Рис. 2, 1; Станюкович, Авдеев, 2007. С. 15. Рис. 1, 18). Не исключено, что оттиски можно было делать обеими сторонами матрицы (рис. 1, 4, 5, 6).

Среди ближайших аналогий нашей находке можно назвать печать-матрицу из кремля Переяславля Рязанского. Она представляет собой низкую призму высотой 4 мм, с рабочим плоским основанием 14×12 мм, на которой изображен воин с мечом, острием вниз и копьем в руках (св. Федор?). На оборотной стороне печати помещены четыре циркульных кружка, образующих в плане четырехконечный крест, через боковую грань печати просверлено отверстие для шнура. Зафиксирована печать в остатках сооружения, по керамическому

материалу и дендродатам датирующимся не позже середины XVI в. (Завьялов, Судаков, 2010. С. 114, 115. Рис. 11).

Сюжет на тверской печати-матрицы человека с посохом и пальмовой ветвью нельзя назвать широко распространенным. Она вполне может быть интерпретирована как изображение паломника. Посох (клюка) и пальмовая ветвь наряду со шляпой и плащом входили в перечень важнейших атрибутов как русских паломников, так и западных пилигримов. Изображение пальмовой ветви (древо жизни?) можно встретить и на перстнях-печатках из Москвы, Твери и Великого Новгорода (Бюллер, 1882. С. 113; Хухарев, 2008. С. 220. Рис. 1, 7), широкое бытование которых относится к XVI–XVII вв. В этот период они получают распространение в мужской моде, выступая зачастую признаками знатности и богатства. В торжественных случаях вельможи могли надевать по несколько перстней. Перстневые оттиски широко представлены в актовом материале, нередко печатные перстни упоминаются в духовных грамотах, часто они передавались по наследству.

Перечисленными находками исчерпывается круг известных нам аналогий. Возможно, это связано с тем, что высшая церковная администрация в позднем Средневековье уже не поощряла массового паломничества (особо паломников-мирян), чему способствовали и духовные стихи, и рассказы калик переходящих, которые не всегда совпадали с официальными описаниями христианских святых. Информация о паломниках (каликах переходящих) хорошо была известна не только в Твери. Известия о длительных путешествиях встречаются в различных по характеру источниках, среди которых и письменные записи о «хождениях» в Святую землю, которые вполне могли вызывать к жизни сюжеты, подобные изображению на рассматриваемой печати-матрице.

Датировать, исходя из приведенных сведений, тверскую находку можно пока предварительным периодом XV – середины XVI в.

Обе тверские печати-матрицы с Затьмачья были обнаружены, по-видимому, на территории одной усадьбы, в непосредственной близости друг от друга. Редкий сюжет на второй матрице позволяет предположить, что ее владелец мог и сам совершить паломничество в Святую землю или, что более вероятно, он был хорошо знаком с «хождениями», паломнической символикой и их идейной составляющей. Все это позволяет нам предполагать, что владельцы этих печатей, один из которых «поп Кузьма», тверской священник XV в., могли

быть заметными фигурами среди жителей Затьмачьего посада Твери. Однако идентифицировать их с кем-либо из исторических деятелей XV в. пока не представляется возможным, так как почти все актовые источники по истории Твери этого времени утрачены, а летописный материал, освещающий жизнь горожан, достаточно скуден. Писцовые книги Твери 1626 и 1685 гг. отмечают на интересующем нас участке Затьмачьего посада несколько храмов, среди которых церковь Бориса и Глеба, церковь архангела Михаила, церковь Параскевы Пятницы, возникновение которых вполне можно относить к более раннему времени. Священником одной из них, вероятно, и был «поп Кузьма» (Хохлов, Хухарев, 1999. С. 137).

В заключение хотелось бы отметить значимость рассмотренных печатей-матриц из кости как полноценного источника «права печати» в русском Средневековье. Тверь (5 печатей) наряду с Великим Новгородом (10 печатей-матриц из кости), Белоозером (5), Серенском (4), Старой Руссой (4) уверенно входит в лидеры по числу таких артефактов в культурном слое. В Твери эти находки концентрируются в двух локальных центрах. В северо-восточной части Тверского кремля (усадьба 5-А, по В. А. Лапшину), где кроме трех печатей-матриц из кости были зафиксированы металлическая печать-матрица с ушком с изображением четвероногого зверя, повернутого вправо, и круговой зеркальной надписью «ПЕЧАТЬ» (исследования А. Н. Хохлова 1991 г., 18×15 мм; вес 3 г), несколько печатных перстней и воско-мастичная печать с изображением воина и остатками круговой надписи (исследования С. А. Кунгурцевой 2013 г., 17,5×16,5 мм; вес 0,67 г, воск зеленого цвета). На ближнем Затьмачье кроме двух печатей-матриц из кости зафиксированы квадратной привеска с изображением архангела вглубь (печать?), несколько печатных перстней, металлическая печать-матрица с ушком с изображением зверя, повернутого вправо, и круговой надписью «ПЕЧАТЬ ПЕТРА СТЕПАНОВИЧА» (исследования Т. Н. Бодряковой 2010 г., диаметр 14 мм). Такая концентрация находок сфрагистического характера не фиксируется на других археологически изученных участках в Твери. Эти данные, дополненные сведениями о сопутствующих предметах, связанных с христианским культом, найденных при исследовании этих участков в Затьмачье (обломки хороса, каменных крестов и их фрагментов, предметов культовой металлопластики) и в кремле (предметы с надписями, фрагмент золотого энколпиона, обломки кашинных сосудов с росписью люстром), могут свидетельствовать о статусе

своих потенциальных владельцев, персонификация которых вполне возможна при дальнейших исследованиях.

Кроме того, печати-матрицы уже и на данном уровне исследований позволяют говорить о бытовании восковой печати в средневековой Руси в XIII–XV вв. на уровне полноценного явления. Печати-матрицы, дошедшие до нас, в отличие от множества несохранившихся актовых материалов с воско-мастичными оттисками, показывают

степень вовлеченности населения в правовые отношения. Будучи связанными с археологическими контекстами, печати-матрицы позволяют отмечать не только зоны их бытования в материальной культуре русских городов, маркируя комплексы, связанные на административные и владельческие отношения, но и дают потенциальную возможность изучения связей всего фиксируемого археологического материала с данными письменных источников⁴.

Литература

- Авдеев А. Г., Станюкович А. К., 2007. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. М.: Группа «Искатели». 190 с.
- АКР. Тверская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2003. 528 с.
- Башенькин А. Н., Кукушкин И. П., 1994. Древняя Вологда // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. I. Вологда: Русь. С. 29–45.
- Бюллер Ф. А., 1882. Снимки древних русских печатей, изданных Главным архивом министерства иностранных дел. М.: Тип. А. Гатцука. 276 л. Илл.
- Гендуне Ю. Г., 1903. Городище Дуна Лихвинского уезда Калужской губернии. СПб.: Тип. А. Лопухина. 22 с.
- Даркевич В. П., 1972. Раскопки в Старой Рязани // АО 1971. М.: Наука. С. 102, 103.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ. 448 с.
- Завьялов В. И., Судаков В. В., 2010. Раскопки в кремле Переяславля Рязанского // Археологические открытия 2007 года. М.: Наука. С. 114, 115.
- Иванов П. И., 1858. Сборник снимков с древнейших русских печатей, приложенных к грамотам и другим документам, хранящимся в Московском архиве Министерства Юстиции. М.: Типография С. Селивановского. 69 с.
- Каменцева Е. И., Устюгов Н. В., 1974. Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высшая школа. 264 с.
- Кузьмин А. В., Моисеев М. В., 2012. Музейный предмет как объект исследования и экспонирования (на примере атрибуции печати Ивана Карови) // Археография музейного предмета. М.: РГГУ. С. 95–98.
- Колчин Б. А., Рыбина Е. А., 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 178–238.
- Кукушкин И. П., 1995. Первая находка прикладной печати в Вологде // Послужить Северу: Историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда: Ардвисура. С. 75–78.
- Куприянов В. Г., Хухарев В. В., 2003. Крестельник из находок на Зятьмацком посаде // ТТЗ. Вып. 5. Тверь: Старый город. С. 193–194.
- Лапишин В. А., 1997. Костяная печать-матрица из раскопок в Твери // Памятники Старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. I. СПб. – Псков: Псковский музей-заповедник; ИИМК РАН. С. 400–401.
- Лапишин В. А., 2001. Археологические исследования в Тверском кремле в 1993–1997 гг. // Музей: память веков. Поиски и находки. Вып. 2. Тверь. С. 10–23.
- Лапишин В. А., 2002. Археологические свидетельства связей Твери с Новгородской землей в XIII–XIV вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН. С. 59–62.
- Лапишин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факт филологии и искусств СПбГУ. 540 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XXX; Archaeologia varia). 540 с.
- Милонов Н. П., 1946. Тверская печать XV в. // СА. Вып. VIII. С. 499.
- Наумова Т. В., 2013. Из истории изучения средневековых памятников Верхней Оки (по материалам работ Ю. Г. Гендуны) // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула: Музей-заповедник «Куликово поле». С. 41–51.

⁴ Выражаю признательность за помощь в подготовке таблиц иллюстраций и рисунки И. В. Заботиной (СПб.) и А. Р. Ореховой (Тверь).

Орешников А. В., 1896. Русские монеты до 1547 года. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова. 226 с.

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.

Полубояринова М. Д., 1983. Две костяные печати из Болгара // КСИА. Вып. 125. С. 95–97.

Полубояринова М. Д., 2008. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. М.: Наука. С. 27–107.

Попов Г. В., Рындина А. В., 1979. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI века. М.: Наука. 640 с.

Рабинович М. Г., 1954. Материалы по истории Великого посада Москвы. Некоторые предварительные итоги работ 1949–1951 гг. // Тр. МИГМ. Вып. 5. М.: Госкультпросветиздат. С. 57–94.

Рабинович М. Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. С. 9–116. (МИА. № 167).

Рабинович М. Г., 1997. Первые раскопки в г. Москве (воспоминания археолога) // Исторический архив. № 3. М. С. 5–13.

Сотникова М. П., 1998. О денежном чекане Великого князя Тверского Бориса Александровича (1425–1461) // VI Всерос. нумизм. конф. Тез. докл. Л. С. 130–132.

Соболева Н. А., 1991. Русские печати. М.: Наука. 240 с.

Станюкович А. К., Авдеев А. Г., 2007. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. М.: Д. Б. Нужненко. 190 с.

Хорошкевич А. Л., 1972. Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // ВИД. Т. IV. Л.: Наука. С. 130–145.

Хохлов А. Н., Хухарев В. В., 1992. Новые находки печатей-матриц из Твери // ННЗ. Новгород. С. 160–163.

Хохлов А. Н., Дашкова (Сафарова) И. А., 1996. Древняя Тверь в домонгольский период

(археологический комментарий к историографическим спорам) // ТТЗ. Вып. 1. Тверь: Старый город. С. 149–157.

Хохлов А. Н., Хухарев В. В., 1999. Прикладные печати-матрицы из раскопок Затымского посада в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 3. Тверь: Старый город. С. 131–138.

Хухарев В. В., 2007. О зооморфных сюжетах в тверской монетной символике // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II. Тверь: Тверской государственный музей-заповедник. С. 291–297.

Хухарев В. В., 2008. Средневековые перстни-печатки из Твери // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси: Матер. всерос. науч. конф. Тверь. С. 211–222.

Хухарев В. В., 2013. Печати-матрицы из кости в контексте русских средневековых древностей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (53). С. 145–147.

Хухарев В. В., Карпов Д. А., 2014. Печать-матрица из Мглина // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 7. Тверь: Старый город. С. 95–98.

Чернецов А. В., 1988. Светская феодальная символика Руси XIV–XV вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.

Шполянский С. В., 2015. Датированные находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. М., Вологда: Древности Севера. С. 199–212.

Янин В. Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М.: Наука. 328 с.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 1998. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. Т. III. М.: Наука. 504 с.

V. V. Khukharev

Bone-matrix seals located amongst finds in Tver

Summary

This study examines five bone matrix seals, made in Tver, over the period of 1936 to 1996, during archaeological research. Two of these seals were from the territory of the Tver Kremlin, and date back to the

13th or 14th centuries. A further two prism-shaped seals were found at the area of Zatymsky Posad, and date from the 15th to mid – 16th centuries.

В. Л. Щербаков, А. А. Зуютина
*Костромской историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник, Кострома*

Кресты-энколпионы из села Тетеринского в Нерехтском районе Костромской области

Село Тетеринское располагается на юге современной Костромской обл., вблизи летописной Нерехты, впервые упоминаемой в 1214 г. (рис. 1). На территории села находится памятник археологии «селище Тетеринское, XII–XIII, XIV–XVII вв.», практически полностью занятый в настоящее время строениями Успенской Тетеринской пустыни и усадьбами местных жителей. Селище локализуется на надпойменной террасе правого берега р. Солоницы, на правом берегу оврага с протекающей по нему р. Бобровец (приток Солоницы) (рис. 2). В культурно-историческом отношении указанная территория находится на границе Костромского и Ярославского Поволжья. Некоторые сведения о с. Тетеринское сообщают нам писцовые книги 1627–1631 гг., отрывки из которых были опубликованы по материалам архива Министерства Юстиции в 1912 г. (Костромского уезда... 1912). При описании Нерехтского стана в пункте 9 содержатся известия следующего содержания, датированные 7135–139 гг. (1627–1631 гг.): село Тетеринское является на тот момент вотчиной Переяславского Горицкого монастыря; примечательно, что в селе располагались две церкви: Николы Чудотворца и Параскевы Пятницы (Костромского уезда... 1912. С. 68); упоминаются в документе и 23 двора крестьян и бобылей, располагавшиеся в Тетеринском, отдельно перечислены монастырский и «прикащиков» дворы, а также проживающие на монастырской земле дьячки; дана некоторая информация о монастырском хозяйстве: «...пашни пахания церковной середняя земли 15 чети в поле... сена 50 копен» (Костромского уезда... 1912. С. 68).

На планах генерального межевания Костромской губернии от 1793 г. обозначено с. Тетеринское. Согласно плану, уже к концу XVIII в. Тетеринское

располагалось на обоих берегах оврага с протекающей по нему р. Бобровец.

Памятник археологии «селище Тетеринское, XII–XIII, XIV–XVII вв.» выявлен и обследован в 1975 г. Костромским отрядом ИА АН СССР под руководством Н. В. Малиновской. Тогда же снят инструментальный план памятника и определены его размеры и мощность культурного слоя. По результатам работ 1975 г. был составлен паспорт объекта культурного наследия (Паспорт памятника... 1975). По мнению Н. В. Малиновской, размеры селища около 260×100 м, высота над уровнем воды в ручье до 15 м (Паспорт памятника... 1975; АКР, 1999. С. 249). На момент обследования территория памятника была частично занята строениями и распахивалась под огороды. Мощность культурного слоя определена Н. В. Малиновской в пределах 0,5–0,9 м, отмечено, что в верхней части слой нарушен распашкой (Паспорт памятника... 1975). Общее состояние памятника, согласно паспорту, плохое. На основании анализа находок (фрагменты гончарной древнерусской и позднесредневековой посуды) время функционирования селища определено XII–XIII, XV–XVII вв. (Паспорт памятника... 1975; АКР, 1999. С. 249). В 1995 г. памятник осматривал археолог костромского ГНПЦ по охране памятников истории и культуры П. Г. Инягин (1996. С. 43, 44). В ходе инвентаризации памятников археологии Нерехтского р-на Костромской обл. в 2008 г. был осуществлен визуальный осмотр селища Тетеринское и сбор подъемного материала (всего найдено 15 фрагментов керамики) (Краткий научный отчет... 2008).

В 2012 г. селище обследовано археологической экспедицией Костромского музея-заповедника под руководством В. Л. Щербакова (2013). В 2013 г. экспедиция продолжила изучение памятника

Рис. 1. Расположение села Тетеринское

в форме раскопок в центральной его части (Щербаков, 2014а). В целом исследования 2012–2014 гг. дали материалы, позволившие предварительно определить начальный этап жизни поселения в пределах второй половины XIII в., что соотносится с отмечавшимся исследователями оттоком населения из центральных районов Северо-Восточной

Руси в периферийные районы в связи с неоднократными походами монголо-татар (Кучкин, 1984. С. 122). Обследование небольшого отрезка течения близрасположенной реки Даниловки не выявило поселений XII–XIII вв. (Щербаков, 2014б). Однако на близость одного или нескольких древнерусских поселений указывают данные о несохранившемся

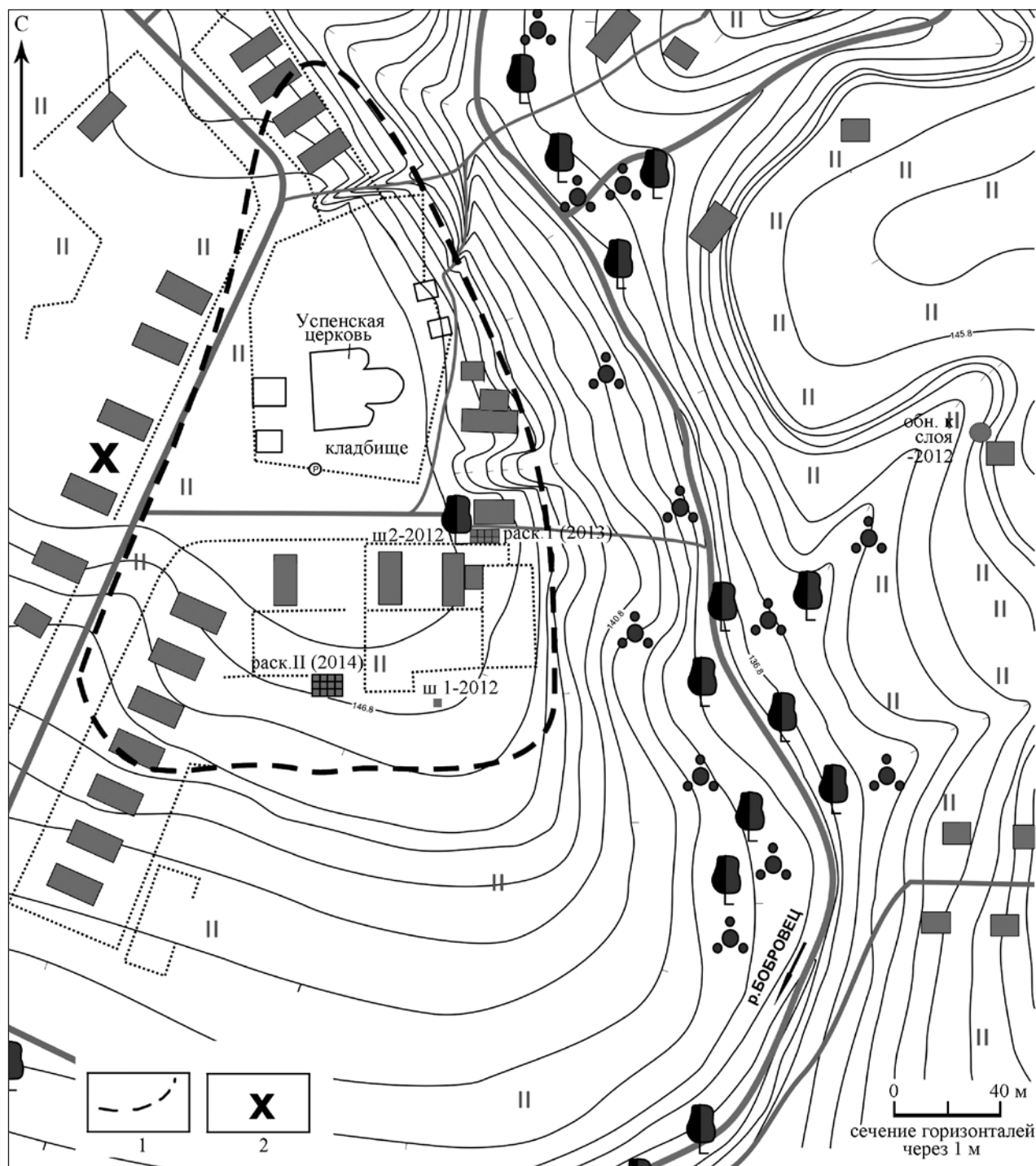

Рис. 2. Места проведения археологических работ на селище Тетеринское

1 – предполагаемая граница распространения средневекового культурного слоя;
2 – место находки фрагментов энколпионов на приусадебном участке

курганном могильнике XII–XIII вв. (?) вблизи села Тетеринского (АКР, 1999. С. 319).

В заложенном в 2013 г. раскопе площадью 32 кв. м изучены многочисленные разновременные объекты, в числе которых оказались остатки средневековой усадьбы. При изучении относящейся

к усадьбе постройки, попавшей в пределы раскопа частично, найден хорошо сохранившийся литой крест-энколпион из медного сплава, с эмалью и позолотой (рис. 3, 1). Утрачено только оглавие креста. Размеры креста – 4×6×0,5 см. Энколпион с прямыми, чуть расширяющимися концами,

Рис. 3. Индивидуальные находки (1–5) и образцы массового материала (6) из усадебной постройки (раскопки 2013 г.)

1 – крест-энколпион; 2 – булавка; 3 – нож; 4 – кудельная булавка; 5 – наконечник стрелы;
6 – фрагменты венчиков сосудов. 1 – медный сплав, эмаль, позолота; 2–5 – железо; 6 – керамика

рельефными изображениями и надписями. На лицевой стороне в центре фигура распятого Иисуса Христа; на концах перекладины поясные изображения предстоящих – Богородицы и апостола Иоанна Богослова. В верхней части над нимбом

Иисуса – изображение равноконечного креста и Духа Святого в виде голубя. В подножии – схематичное изображение горы Голгофы. Над голубем и в верхней части перекладины над руками Иисуса – традиционные надписи: IS XS (Иисус

Рис. 4. Энколпионы из медного сплава, найденные на приусадебном участке вне предполагаемых границ распространения средневекового культурного слоя

Христос), СБ (сын божий), НИК (Ника). На оборотной створке в средокрестии – фигура св. Николая Чудотворца (?) в рост, в епископском облачении, с окладистой бородой и закрытым Евангелием на плате в руках (изображение полустерто). Надписи отсутствуют. На концах перекладины в круглых медальонах помещены поясные изображения ангелов (?) в виде человеческих фигур с крыльями за спиной и жезлами в руках. На нижнем и верхнем концах креста в круглых медальонах изображены херувимы (лики, обрамленные четырьмя крыльями) – обобщенный образ высших небесных сил.

Анализ массового материала (рис. 3, 6), индивидуальных находок (рис. 3, 2–5), а также данных стратиграфии и планиграфии позволил датировать однородное заполнение постройки второй половиной XIV – первой половиной XV в. Индивидуальные находки представлены бронебойным наконечником стрелы типа 1Б по О.В. Двуреченскому (2007. С. 282. Рис. 5) XV – середины XVII в. (?), описанным выше крестом-энколпионом, кудельной булавкой (Колчин, 1959. С. 105, 106. Рис. 94), одежной булавкой с обрывком цепочки, железным

ножом, фрагментом дна сосуда с клеймом (сохранились только концы соляного знака), фрагментом привозной красноглиняной керамики, предположительно произведенной в XIV в. в Маджаре¹.

Аналогии найденному кресту неполные: сходные экземпляры опубликованы в Каталоге собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова (1908. С. 182. Рис. 158), в каталоге собрания Б.И. и В.Н. Ханенко (1899. С. 25, 26. Табл. XI), в каталоге энколпионов из собрания ГИМ (Асташова, Петрова, Сарачева, 2013. С. 296–298). Лицевая сторона найденного нами креста практически идентична опубликованным экземплярам, но на оборотной стороне известных крестов размещено ростовое изображение Богоматери и в одном случае – архангела Михаила. На оборотной стороне энколпиона из Тетеринского читается ростовое изображение Николая Чудотворца. С технологической точки зрения найденный крест схож с экземплярами из собрания ГИМ: на створках креста сохранились участки эмали, рельефные изображения несут следы золочения.

¹ Атрибуция проведена кандидатом исторических наук И.В. Волковым (Институт культурного и природного наследия, Москва).

В каталоге А. С. Уварова кресты не датированы, Б. И. и В. Н. Ханенко датировали такой энколпион XIV–XV вв., кресты из собрания ГИМ отнесены авторами каталога к XV–XVII (?) вв. Крест того же типа, но изготовленный чрезвычайно грубо, представленный в собрании Московской православной духовной академии, датируется XV в.

Рассматриваемый крест происходит из объекта, перекрытого достаточно мощным слоем подсыпки из боя плиток пола и кусков обожженной глины, в котором найдены медная копейка Алексея Михайловича и фрагмент медного котла золотоордынского времени (Руденко, 2000. С. 58), наиболее поздняя керамика из перекрывающего слоя относится к XVI–XVII вв. Следов перекопов нет. Полагаем, что это дает основания исключить переотложенный характер находки. В таком случае наиболее вероятная дата этого энколпиона – вторая половина XIV – первая половина XV в.

В 2015 г. экспедиции Костромского музея-заповедника, работавшей в Нерехте (в 10 км от Тетеринского), представителем Успенской Тетеринской пустыни были переданы несколько предметов, найденных при огородных работах на приусадебном участке одного из принадлежащих монастырю домов в с. Тетеринском (рис. 4). В числе этих предметов оказались створка энколпиона и часть еще одной створки.

1. Лицевая створка литого из медного сплава энколпиона с прямыми чуть расширяющимися концами (рис. 4, 1). Размеры креста 4,0×6,0×0,5 см. На верхнем и нижнем концах сквозные отверстия. Крепления утрачены, сверху к кресту после обнаружения на приусадебном участке «умельцами» приварено ушко от современного креста или кулона. В центральной части створки рельефное схематичное изображение распятого Иисуса Христа. Голова склонена набок, руки прямые. На ладонях просматриваются гвозди. Над головой – линия нимба и четырехконечный равносторонний крест. В перекрестии под руками Иисуса полустертые поясные фигуры предстоящих, предположительно Богоматери

и апостола Иоанна Богослова. В верхней части креста и рядом с предстоящими помещены рельефные надписи (полустерты). Предположительно «IS XS» (Иисус Христос), «СБ» (сын божий), «НИК» (Ника). Крест имеет аналогии в металлопластике XV в. (собрание Московской православной духовной академии). По конфигурации энколпион схож с описанным нами выше мощевиком, соответственно, в качестве отдаленных аналогий считаем возможным указать те же реликварии, что и для креста из раскопок 2013 г.

2. Верхний медальон створки еще одного литого из медного сплава энколпиона (рис. 4, 2) относится к более раннему времени, судя по аналогиям, к XII – началу XIII в. или к XIII в. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 24, 193–209; Гнутова, Зотова, 2000. Кат. № 8). В круглом медальоне помещено поясное изображение анфас неизвестного святого (Николай?). Левая рука прижата перед грудью. По фону плохо читаемые буквы: слева «О Л», справа – «И Н» Над головой нимб. Лик стерт.

По сведениям историка Нерехты М. Я. Диева, в конце XIV – начале XV в. с. Тетеринское принадлежало роду Остеевых, последний представитель которого передал свою вотчину Переяславскому Горицкому монастырю (Диев, 2012. С. 11). Находки энколпионов, относящихся ко второй половине XIV – первой половине XV и к XV в., не противоречат историческому контексту. В целом не противоречит хронологии памятника и дата третьего энколпиона.

Интересна топография находок. Оба энколпиона, переданные в 2015 г., происходят с участка, не входящего в территорию памятника археологии «селище Тетеринское», но расположенного в непосредственной близости от него. Место находки этих крестов приурочено к старой дороге из Владимира в Кострому, проходившей здесь. В этой связи на повестку дня встает вопрос уточнения границ памятника археологии и изучения планировки поселения в наиболее ранний период его функционирования.

Литература

АКР. Костромская область. М.: Восточная литература, 1999. 368 с.

Асташова Н. И., Петрова Л. А., Сарачева Т. Г., 2013. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИП-холдинг. 319 с.

Гнутова С. В., Зотова Е. Я., 2000. Медное художественное литье XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры

и искусства имени Андрея Рублева. М.: ИНТЕРБУК-БИЗНЕС. 127 с.

Двуреченский О. В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII вв. // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 277–331.

Диев М. Я., 2012. История города Нерехты. Кострома: Линия График Кострома. 135 с.

Инягин П. Г., 1996. Разведочные работы в Нерехтском районе Костромской области // АО 1995. М.: ИА РАН. С. 43–44.

Уваров А. С., 1908. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М.: Тип. общества распространения полезных книг. 214 с.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.: АН СССР. С. 7–120.

Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение. 432 с.

Костромского уезда: дворцовые, вотчинные, помещичьи, патриаршьи, монастырские вотчины и поместные села, погосты, деревни и пустоши с их церквями и церковными землями по пожалованным грамотам, по писцовым, переписным, дозорным, отказным и другим документам XV–XVIII вв., 1912. Вып. 5. М.: типография Русского Товарищества. 235 с. (Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десятины).

Краткий научный отчет о проведенной инвентаризации объектов археологического наследия Костромской области / Архив инспекции

по охране объектов культурного наследия Костромской области. № 268. 2008.

Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука. 350 с.

Паспорт памятника археологии «селище Тетеринское, XII–XIII, XIV–XVII вв.» / Сост. Н. В. Малиновская. Инспекция по охране объектов культурного наследия Костромской области. Кострома, 1975.

Руденко К. А., 2000. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер. 156 с.

Ханенко Б. И. и В. Н., 1899. Древности Русские. Кресты и образки. Киев. 35 с.

Щербаков В. Л., 2013. Отчет об археологическом обследовании селища Тетеринское XII–XIII, XV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2012 г. / Архив ИА РАН.

Щербаков В. Л., 2014а. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII–XIII, XIV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. / Архив ИА РАН.

Щербаков В. Л., 2014б. Отчет об археологической разведке в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. / Архив ИА РАН.

V. L. Scherbakov & A. A. Zuyutina

Encolpion Crosses from the Teretinsky Village in the Nerekhtsky District of Kostroma Region

Summary

This article covers the characteristics of Medieval reliquary crosses, of which analogous examples are found in Russia dating from the 14th to 16th centuries.

Fragments of one such cross can be dated to the period prior to the Mongolian occupation of Russia (prior to the 1230s).

А. В. Горохова, А. С. Лазарев, И. А. Бушуев
МОГБУ «Наследие», Кострома

Раскоп «Мелочные ряды II»: новые данные о культурном слое городского торгового Костромы в XV–XVIII веках

Раскоп «Мелочные ряды II» заложен в августе 2015 г. внутри Гостиного двора (Красных рядов) г. Костромы параллельно корпусу 3 Мелочных рядов напротив алтаря церкви Всемилошного Спаса (Спаса в рядах) на территории памятника археологии «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.), XV–XVIII вв.» (рис. 1). Общая площадь раскопа составила 96 кв.м. Работы проводились археологической экспедицией ОГБУ «Наследие» под руководством А.В. Гороховой в течение двух полевых сезонов и были завершены летом 2016 г. Общая мощность культурных напластований составила до 1,2 м, а в ямах – до 2 м.

Раскоп располагался в пределах Нового города второго (II) Костромского кремля, «пристроеного» к детинцу в 1619 г. (Писцовая книга г. Костромы, 2004. С. 17; Памятники... 1996. С. 5). Работы на раскопе II стали продолжением исследований на раскопе «Мелочные ряды I» 2013–2015 гг. (Горохова, Лазарев, Бушуев, 2017). Раскоп II был разбит на территории, прилегающей к церкви Спаса в рядах, известной с XVII в. и перестроенной в камне в 1766 г. (Памятники... 1996. С. 16). Изучение письменных источников и исторических планов и карт перед началом работ позволило предположить, что на месте раскопа ранее мог располагаться церковный некрополь: «[В Новом городе на площади. – Авт.] Церковь с трапезною древена, клецки, а в ней два престола великого чудотворца Николы да Усекновение Чесные главы Ивана Предтечи. <...> Да два места церковные, а у церкви были Всемилошного Спаса происхождение Честнаго креста да Рождество Пречистые Богородицы. Земли церковные с кладбищем девятнадцать сажень с полусаженью, поперег семнадцать сажень» (Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. С. 271). Из расчета, что

одна сажень равняется 2,16 м (Соборное уложение 1649 г.), площадь, занимаемая церковью и церковным некрополем, в первой половине XVII в. могла составлять до 0,15 га.

Спустя семь лет после возведения каменной церкви Спаса, в мае 1773 г., произошел крупный пожар, уничтоживший почти всю застройку центральной части города. С учетом того, что между пожаром и началом строительства каменных рядов прошло 18 лет, вполне логично предположить, что на территории городского торгового в этот временной промежуток функционировали временные деревянные лавки, возможно, и другие хозяйственные постройки – сараи, амбары, склады. Архивные источники свидетельствуют, что во время строительства прямоугольника каменного Гостиного двора, начатого в 1791 г., внутри него располагались деревянные конструкции, которые должны были быть вскоре удалены (Сообщение Костромского городского магистрата о постройке каменного Гостиного двора в г. Костроме. ГАКО. Ф. 497. Оп. 2. Д. 8).

Раскоп размерами 8×12 м (96 кв. м) был разбит по направлению северо-запад – юго-восток. Квадраты раскопа имели буквенно-цифровую нумерацию. В 2015 г. был снят балласт и разобраны три пласта; в 2016 г. до материка доследованы еще три пласта. В ходе полевых сезонов 2015–2016 гг. на раскопе открыты и исследованы остатки шести различных сооружений (рис. 2; 3).

Конструкция № 1. Хозяйственное сооружение XX в.: прямоугольная яма для гашения извести (2,5×3,0 м) со стенками, укрепленными досками, и с установленной в углу деревянной лестницей, прорезавшая культурные напластования и на 0,4 м заглубленная ниже уровня материка (общая глубина – около 2 м). Судя по материалам из заполнения конструкции, она была засыпана песком и строительным мусором в конце 40-х гг. XX в. (монеты

Рис. 1. Раскоп «Мелочные ряды II» на территории Красных рядов в г. Костроме, вид с северо-востока. Аэрофотосъемка

СССР – 20 копеек 1939 г.; 3 копейки 1940 г. и 20 копеек 1948 г.).

Срубы № 1–5 представлены нижними венцами и подкладками (обрезками бревен) под углами построек, ориентированных по сторонам света. Стратиграфически все остатки срубов синхронны и прослеживаются со 2-го по 4-й пласт. На уровне зачистки пласта 2 (на глубине 1 м от современной дневной поверхности) из-за навалов бревен, досок и древесного тлена практически не было возможности определить границы отдельных сооружений. Полностью срубы были расчищены в ходе разбора 3-го и 4-го пластов. На всех постройках видны следы пожара. Назначение выявленных построек предварительно определяется как хозяйственное (торговое), что связано с отсутствием забутовок и укреплений под печи и элементов печных конструкций, а также практически полным отсутствием кирпича в их заполнении. Сохранность археологической древесины позволила отобрать 25 образцов, переданных для проведения дендрохронологического анализа в Лабораторию дендрохронологии Института географии РАН.

Сруб № 1. Срубная конструкция размерами 6×5 м, рубленая в обло, северо-восточный угол постройки уходит в северо-восточную стенку раскопа, северо-западный угол уничтожен при

строительстве конструкции № 1. Бревна, сохранившиеся от западной и восточной стен сруба, уложены на землю без каких-либо подкладок или столбов. По центру западной стены сделана зарубка, предположительно для укладывания балки пола.

Сруб № 2 представлен одним бревном восточной стены (5,8 м), уложенным на две подкладки (обрубки бревен длиной 0,6 м).

Бревна северной и южной стен сруба № 1 и восточной стены сруба № 2, выходящие за основной объем этих срубов, могли выполнять функцию основы для настеленных помостов (предмостьев), располагавшихся перед входом и аналогичных обнаруженным на срубе № 1 на раскопе «Мелочные ряды I».

Сруб № 3. Срубная конструкция, рубленая в лапу. Видимая в раскопе часть сруба (4,2×2,8 м) представлена остатками южной, западной и восточной стен. Основная часть сруба уходит в профиль северо-западной стенки раскопа. Бревна западной и восточной стен уложены на землю. Углы рублены в лапу с шипом.

Сруб № 4. Срубная конструкция, рубленая в лапу с шипом (1,2×2,2 м). Небольшой размер указывает на то, что конструкция носила вспомогательный характер, вероятно, служила основанием для крыльца или входа в другой сруб большего

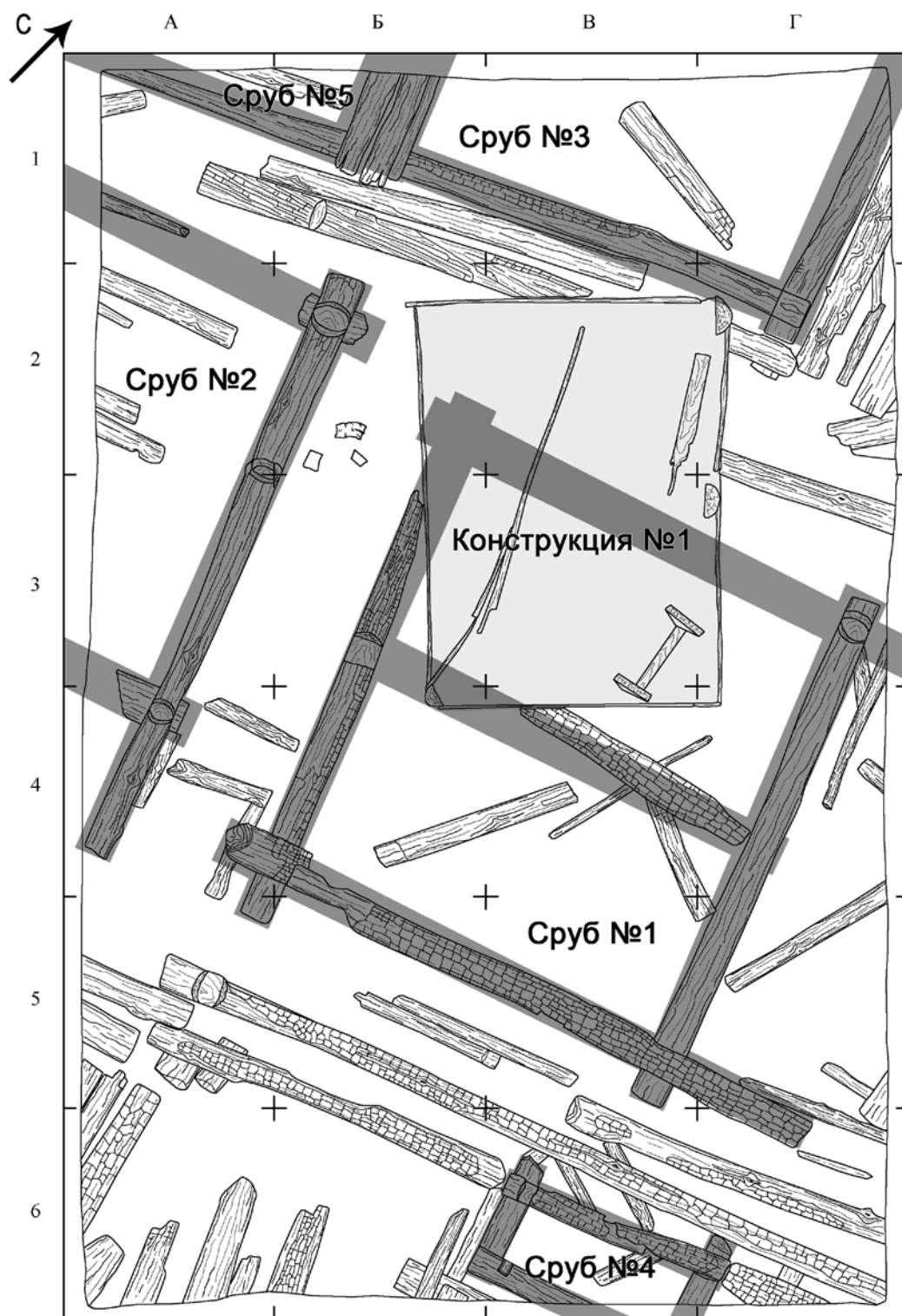

Рис. 2. План раскопа после зачистки 4-го пласта. Цветом выделены реконструируемые постройки

Рис. 3. Общий вид раскопа после зачистки 4-го пласта, вид с юго-востока

1–5 – срубы № 1–5; 6 – конструкция № 1

размера, находящийся за юго-восточной стеной раскопа (Древняя Русь, 1985. С. 153. Табл. 54).

Сруб № 5 восточной стеной примыкает к западной стене сруба № 3 и представлен одним восточным углом, рубленным в лапу (2,4×0,8 м).

Расположение всех выявленных срубов практически под современными напластованиями позволяет сделать вывод о том, что они были одновременно засыпаны в ходе благоустройства территории, скорее всего, после пожара 1773 г.

После разбора всех построек и зачистки пласта 5 были расчищены остатки двух частокольных линий, идущих по направлению западо-юго-запад – восточно-северо-восток и юго-восток – северо-запад (рис. 4). Место их предполагаемого пересечения в квадрате В/3 разрушено конструкцией № 1.

После зачистки пласта 6 (на глубине 1,7 м от дневной поверхности) на фоне материка были выявлены контуры 76 различных ям, основное количество которых представлено различными столбовыми ямами. При этом рядом с частокольными линиями фиксируются параллельные частокольные канавки без остатков частоккола, что может свидетельствовать о том, что ограда чинилась и спрямлялась. Находки в ямах представлены только керамикой, что затрудняет на данном этапе узкую их датировку.

В ходе разбора пласта 6 и зачистки материка сделан ряд интересных находок, относящихся

к наиболее раннему периоду: писало, костяная заготовка рукояти ножа, обломок жернова, два обломка стеклянных браслетов (рис. 5). Писало представляет собой металлический стержень длиной 9,5 см, с заостренным концом, упором для пальцев и ажурной лопаточкой. Писала подобного облика соответствуют типу 11 вариант «а» по классификации Б.Б. Овчинниковой (1997. С. 55–56. Рис. 8) и датируются на основании новгородских материалов концом XII–XIII в. Однако временной период бытования подобных инструментов может быть и более широким.

Стеклянные браслеты представлены всего лишь двумя обломками (длиной около 2 см) – гладким бледно-зеленым и черным (темно-коричневым) витыми (Древняя Русь, 1997. С. 86–90. Табл. 64).

В отличие от раскопа I монеты начала XVIII – конца XIX в. (98 экз.) существенно превышают нумизматические материалы XVI–XVII вв., представленные единичными находками (7 экз.). Самые ранние из них – медное тверское пуло времени правления Ивана IV 1540–1560-х гг. (Гайдуков, 1993. № 360) и серебряная денга Ивана IV 1540–1547 гг. (Гришин, Клецинов, Храменков, 2015. № 73).

Археологические исследования на раскопе «Мелочные ряды II» в 2015–2016 гг. позволяют сделать ряд выводов о функционировании данной городской территории в XVI–XIX вв.

Рис. 4. Общий вид раскопа после зачистки 6-го пласта, вид с юго-востока

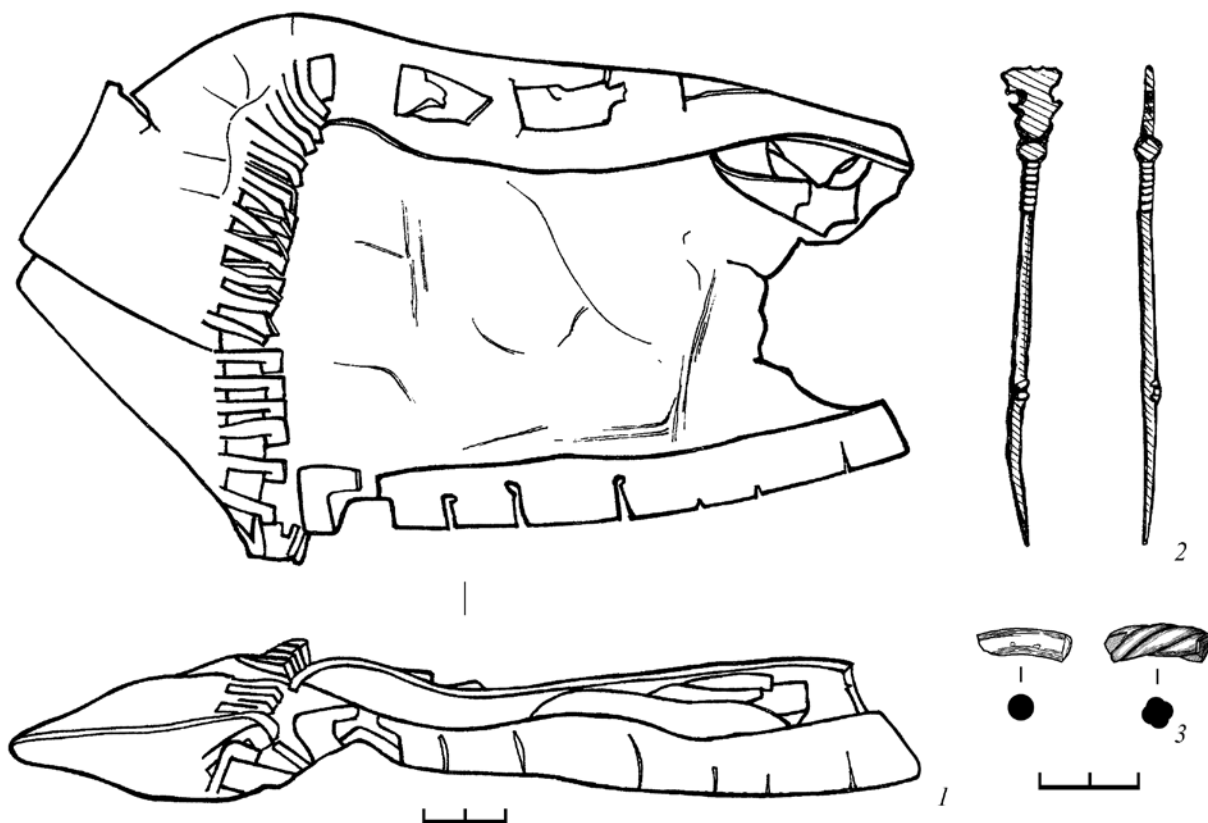

Рис. 5. Индивидуальные находки

1 – поршень; 2 – писало; 3 – фрагменты стеклянных браслетов. 1 – кожа; 2 – металл; 3 – стекло

1. В ходе раскопок не было выявлено остатков фундаментов, так же как и следов некрополя, которые могли бы соотноситься с существованием в XVI–XVII вв. в этом месте деревянной церкви, что корректирует представления о дорегулярной городской застройке (Бочков, 1997. С. 9).

2. Отсутствие выраженной застройки, предшествующей срубам № 1–5, позволяет сделать заключение о том, что все постройки были возведены единовременно на относительно ровной площадке (в момент включения этого участка в территорию

городского торгового не ранее первой трети XVIII в.). Окончание функционирования всех срубов также произошло синхронно, в результате одного пожара (возможно, пожара 1773 г.).

3. Единичные находки, датируемые периодом до XVII в., свидетельствуют о том, что данная территория была освоена до строительства в 1619 г. укреплений Нового города Костромского кремля. Однако их небольшое количество не позволяет датировать исследованную часть городского торгового более точно.

Литература

Бочков В. Н., 1997. Старая Кострома. Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома: Эврика-М. 230 с.

Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI в. М.: Наука. 297 с.

Горохова А. В., Лазарев А. С., Бушнев И. А., 2017. Предварительные итоги археологических исследований 2013–2015 годов на территории Красных рядов в городе Костроме (по материалам раскопа «Мелочные ряды I») // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 227–242.

Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV до правления царя Петра I (1533–1717 гг.). М.: Леопарт. 692 с.

Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с. (Археология).

Древняя Русь. Город, замок, село, 1985 / отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука. 432 с. (Археология СССР).

Овчинникова Б. Б., 2000. Писала – стилосы древнего Новгорода X–XV вв. Свод археологического источника // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь. Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 45–105.

Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. I. Ч. I / Под ред. В. Б. Корозина. Кострома: Кострома, 1996. 367 с.

Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629–30 гг. // Сост. Л. А. Ковалева, О. Ю. Кивокурцева. Кострома: Костромаиздат-850, 2004. 432 с.

A. V. Gorokhova, A. S. Lazarev, & I. A. Bushuev

Excavations at ‘Farthing Row II’ – new information about the cultural layer of the Kostroma Market Square over the 15th to 18th centuries

Summary

As part of the studies carried out over 2015–2016 at Gostinny Dvor (‘Red Market Rows’) in the town of Kostroma, the remains of 5 different buildings were examined. The buildings would have been typical for

Kostroma’s architecture prior to the great fire of 1773 and the subsequent inception of planned building. No buildings earlier than the 18th century were found at the site.

С. В. Зацаринный

Тульский областной краеведческий музей, Тула

Ружейные отвертки-огнива¹ XVII века из культурного слоя Тульского кремля (к вопросу о типологии и хронологии части позднесредневековых кресал)

Период позднего Средневековья и раннего Нового времени на Руси совпадает с начальным этапом распространения ручного огнестрельного оружия, оснащенного ударно-спусковым механизмом, включающим до нескольких десятков различных деталей. В XVI–XVII вв. широко применялись ружья с фитильными замками (жаграми), крепившимися без использования метизов с резьбой. Эксплуатация таких замков не предполагала применения специальных инструментов. Однако постепенная модернизация ручного огнестрельного оружия привела в начале XVII в. к массовому внедрению кремневых (завесных) замков (Мышковский, 1965. С. 189), в более сложной конструкции которых уже использовались резьбовые соединения отдельных деталей посредством винтов и колков. Необходимость регулярного технического обслуживания таких замков обусловила появление и распространение в среде представителей военно-служилого сословия специальных инструментов – ружейных приборов, значительная часть которых была образована путем «модернизации» отдельных типов бытовых огнив.

Ружейный прибор² использовался в основном для откручивания-закручивания винтов (колков)

в доску ружейного замка, посредством которых к ней крепились другие детали (курок с курковой накладкой, огниво, предохранитель-собачка, боевая пружина, пружина шептала, подогнивная пружина, ограничитель движения курка вперед и т. п.), набор которых определялся его конструкцией. Чаще других отворачивался винт (или колок), зажимающий кремень между верхней и нижней губками курка. Почти во всех замках, распространенных в Московском государстве (русском, карельском, шотландском, турецком), использовались винты с полукруглой головкой и прямым шлицем (Мышковский, 1965; Маковская, 1992). Следовательно, и их фиксация производилась посредством соответствующей отвертки³.

Начало изучения археологизированных позднесредневековых ружейных инструментов было положено московским археологом Р. Л. Розенфельдом, который впервые проанализировал и в 1958 г. частично опубликовал коллекцию ружейных приборов, собранных инженером В. А. Политковским на рубеже XIX–XX вв. на территории военного лагеря Лжедмитрия II в с. Спас-Тушино и хранящуюся ныне в ГИМ (Розенфельдт, 1958).

¹ В связи с тем, что рассматриваемые предметы являлись, судя по всему, многофункциональными орудиями, использовавшимися как по своему первоначальному назначению (как огнива), так и по привнесенному (оружейный инструмент), представляется логичным именовать их на данном этапе собирательным термином «отвертки-огнива».

² В данной статье мы используем узкое значение термина «ружейный прибор», под которым понимаются ружейные ключи и отвертки (в широком смысле этот же термин распространяется на шомполы, пулелейки, пороховницы и пр.). Функции ружейных ключей и ружейных отверток также в реальности являлись более широкими, так как помимо обслуживания механизмов ручного огнестрельного оружия они, очевидно, использовались и для сборки-разборки винтовых соединений иных предметов боевого снаряжения этого времени (например, пороховниц, тулумбасов и т. п.) (Ефимов, 2016. С. 29; Охота русских царей... С. 19).

³ Тезис А. В. Никитина относительно того, что «кремневый замок крепился в XVI–XVII вв. ... винтами с резьбой, которые заканчивались чаще (курсив мой. – С.З.) квадратными головками (иногда со шлицами)» (Никитин, 1971. С. 40), не выглядит убедительным в силу отсутствия доказательной базы.

В этой работе автором выделено три типа ружейных приборов.

Тип 1 – сложнопрофилированные вытянутые пластины с выделенной рукоятью квадратного сечения и петлей для подвешивания. В плоскости пластины имеются квадратные и прямоугольные отверстия, а конец бруска раскован под отвертку.

Тип 2 – короткие бруски прямоугольного сечения с втульчатым основанием, заостренным под отвертку противоположным краем и пробитыми в плоскости пластины несколькими квадратными отверстиями.

Тип 3 – двулезвийные кресала⁴ миндалевидных очертаний с узкой, сходящейся к концам центральной прорезью с парными фигурными вырезами треугольной формы. Один их конец заострялся под отвертку, тогда как противоположный снабжался сквозным отверстием для подвешивания к поясу.

Как нам представляется, ружейные приборы этих типов, вероятнее всего, предназначались для обслуживания ударно-спусковых механизмов замков преимущественно европейского ручного огнестрельного оружия, главным образом так называемых колесцовых замков. Именно в их конструкции присутствует взводный четырехгранный стержень колеса (под ключ с квадратным отверстием) и аналогичные колки для крепления отдельных деталей замка. Не случайно ружейные приборы двух первых типов происходят исключительно с территории Москвы (где широкое распространение передовых образцов европейского огнестрельного оружия среди привилегированной части представителей служилого сословия представляется очевидным фактом) и Тушинского лагеря (где

присутствие европейского воинского контингента с соответствующим вооружением в рассматриваемый период являлось весьма значительным).

Следовательно, за рамками предложенной Р.Л. Розенфельдом типологии ружейных приборов с территории Тушинского лагеря остались (известные этому ученому) овальные и овально-заостренные двулезвийные огнива с овальной или линзовидной центральной прорезью без фигурных вырезов, но имеющие отверстия для подвешивания с одного конца и заостренный под отвертку противоположный конец⁵. Такая отвертка-огниво из «тушинской коллекции» лишь недавно была опубликована О.В. Двуреченским, который указал на то, что подобные «кресала без вырезов также употреблялись как отвертки» (Двуреченский, 2008. С. 69). Справедливости ради следует отметить, что исследователи заполярного города Мангазеи еще в 1981 г. в коллективной монографии высказали аналогичное предположение относительно вытянутого двулезвийного огнива с узкой центральной прорезью и широкими заостренными под отвертку концами (Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 83). Спустя десятилетие в монографическом исследовании так же атрибутировал подобные ружейные приборы из раскопок на поле Берестецкой битвы известный украинский археолог И.К. Свешников (1993. С. 248).

Однако в большинстве научных работ последующего времени рассматриваемые изделия традиционно определялись авторами в лучшем случае как кресала (Бойцов, 1995. С. 262, 264. Рис. 3, 3; Седова, 1997. Рис. 69, 8; Ступан, 2010; Бугис, Стришка, 2014. С. 217; Андреев, 2016. С. 85, 91. Рис. 13)⁶. Исключением является недавняя

⁴ В отечественной археологии применительно к периоду Средневековья железные пластины различных форм, употреблявшиеся для высекания огня, традиционно именуются кресалами. Их типология была разработана Б.А. Колчиным на материалах археологической коллекции Новгорода Великого (Колчин, 1982. С. 161, 163. Рис. 4). Как нам представляется, термин «кресало» стал употребляться для обозначения рассматриваемых предметов уже в Новое время (не ранее XVIII в.) преимущественно в западных губерниях Российской империи (Зеленин, 1991. С. 127) и является, таким образом, анахронизмом по отношению к средневековым изделиям. Что же касается термина «огниво», то его бытование в период развитого и позднего Средневековья надежно зафиксировано письменными источниками этого времени (Словарь древнерусского языка... 2000; Словарь русского языка... 1987. С. 243). В этой связи употребление термина «огниво» в отношении рассматриваемых позднесредневековых артефактов представляется исторически более обоснованным и корректным. Еще одним косвенным, но достаточно весомым аргументом в пользу использования современниками термина «огниво» в отношении публикуемых находок – двулезвийных овальных пластин с узкой центральной прорезью и вытянутыми концами – является их морфологическая близость с бытующими в это же время перекрестиями шпак и мечей, которые по внешнему сходству с одноименными огневопламеняющими пластинами также именовались огнивами (Словарь русского языка... 1987. С. 243).

⁵ Полагаем, что в русле развития предложенной Р.Л. Розенфельдом типологии в рамках типа 3, объединяющего все двулезвийные отвертки-огнива с центральной прорезью, следует выделить два подтипа, где к подтипу 1 будут отнесены выделенные исследователем ружейные приборы с парными фигурными вырезами на центральной прорези под квадратную головку колка, а ко второму – аналогичные отвертки-огнива без таковых вырезов (т.е. инструменты без функции ключа). Известные сегодня находки калачевидных отверток-огнив могут быть выделены в дальнейшем в тип 4. Что касается ружейных приборов первых двух типов, то мы не видим оснований для полного отрицания их использования в том числе и как огнива.

⁶ В одной из работ коллеги называют их «ручками от разновесов» (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 96), в другой – вообще воздерживаются от их атрибуции (Болдин и др., 1999. С. 312–314).

публикация Т. Н. Ульяновой, посвященная находкам предметов средневекового вооружения в г. Коломне (Ульянова, 2008. С. 208). В этой работе исследовательница выделила в отдельную группу ружейные кресала, к которым были отнесены овально-заостренные двулезвийные огнива с вытянутыми концами и линзовидной центральной прорезью (в том числе и без фигурных вырезов). Эти орудия на верхнем конце имели отверстие или петлю для подвешивания, а противоположный их конец был заострен под отвертку.

В период своего бытования ружейные приборы типа 3, вероятнее всего, традиционно именовались огнивами, от которых они унаследовали как общую морфологию, так и функцию высекания огня. В то же время в одном из исторических документов XVII в. ружейные инструменты называются «ключиками отвертными пищальными» (Кутасов, 2009. С. 257). Однако определить, в отношении каких типов ружейных инструментов употреблялось это название, вряд ли возможно.

Таким образом, степень изученности ружейных приборов в целом и особенно той их части, которая возникла путем внесения изменений в конструкцию отдельных типов огнив, все еще остается весьма невысокой. В связи с этим несомненный интерес представляют недавние находки датированных ружейных отверток-огнив XVII в. из г. Тулы.

В 2013–2014 гг. в Тульском кремле был проведен цикл охранных археологических исследований в рамках комплекса мероприятий по музефикации, реконструкции и благоустройству этого объекта историко-культурного наследия и расположенных на его территории памятников архитектуры⁷. Тульский кремль, построенный в 1514–1520 гг., до конца XVII в. являлся действующей крепостью на южной границе Русского государства. В этот период на территории кремля располагались административные учреждения, церковь с приходским кладбищем и «осадные дворы», принадлежавшие преимущественно различным представителям военно-служилого сословия. Таким образом, социальный облик населения приграничной крепости нашел закономерное отражение и в характерных формах его материальной культуры со специфическим вещевым комплексом. Городские слои ранее XVI в. на территории кремля и в исторической части города отсутствуют (Зацаринный, 2017).

Рассматриваемые находки (3 предмета) происходят из трех раскопов, заложенных в северо-западной части кремля на местах будущих фундаментов колонн строящегося музейно-выставочного комплекса «Кремлевский» (раскопы 4, 6, 15). На этом участке средневековой крепости общая мощность культурного слоя (до горизонта рубежа XIX–XX вв.) составляла 1,4–1,8 м, мощность позднесредневековых отложений во всех раскопах не превышала 0,5 м. Культурный слой был сравнительно хорошо стратифицирован, что наряду с представительной серией узкодатирующего вещевого материала и разработанной шкалой эволюции тульской керамики XVI–XIX вв. позволило надежно определять хронологию строительных горизонтов. Траншеи коммуникаций XX в. в раскопах 4 и 6 не затронули слоев и участков, из которых происходят анализируемые предметы.

Тульские ружейные приборы морфологически близки к типу овальных заостренных двулезвийных огнив с овальной центральной прорезью, широко распространенных в эпоху Средневековья на всей территории Евразии. Они отличаются большей длиной за счет вытянутых концов (до 16 см) и формой центральной прорези в виде двояковыпуклой линзы. Кроме того, все отвертки-огнива имеют специальное отверстие (или петлю) для подвешивания к поясу. Следовательно, все они могут быть отнесены к подтипу 2 типа 3 типологии Р. Л. Розенфельда (с предложенными выше дополнениями).

Различия тульских оружейных отверток между собой не столь существенны и касаются в основном размеров и вариантов декоративного оформления поверхности⁸. Приведем краткую характеристику каждого предмета.

Изделие 1 (рис. 1, 1) изготовлено из пластины прямоугольного сечения, расширяющейся в средней части; сохранилось полностью. Вес изделия – 54,0 г. Его общая длина – 154 мм, сечение в средней части – 12×8 мм. Продольная прорезь линзовидной формы имеет длину 71 мм и максимальную ширину 4 мм. Рабочий конец отвертки имеет клиновидное сечение. Он раскован под прямой шлиц шириной 12 мм и толщиной около 1,5 мм. Противоположный верхний конец орудия, имеющий почти квадратное сечение, завершается выделенным узким петлеобразным ушком, развернутым перпендикулярно к фронтальной плоскости

⁷ Исследования проводились отрядом археологической экспедиции ГУК ТО «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей» под руководством автора настоящей статьи.

⁸ Выражаю глубокую благодарность реставратору по металлу высшей категории В. Н. Шмелёву (ФГБУК ГВИПМЗ «Куликово поле») за реставрацию и консервацию публикуемых находок.

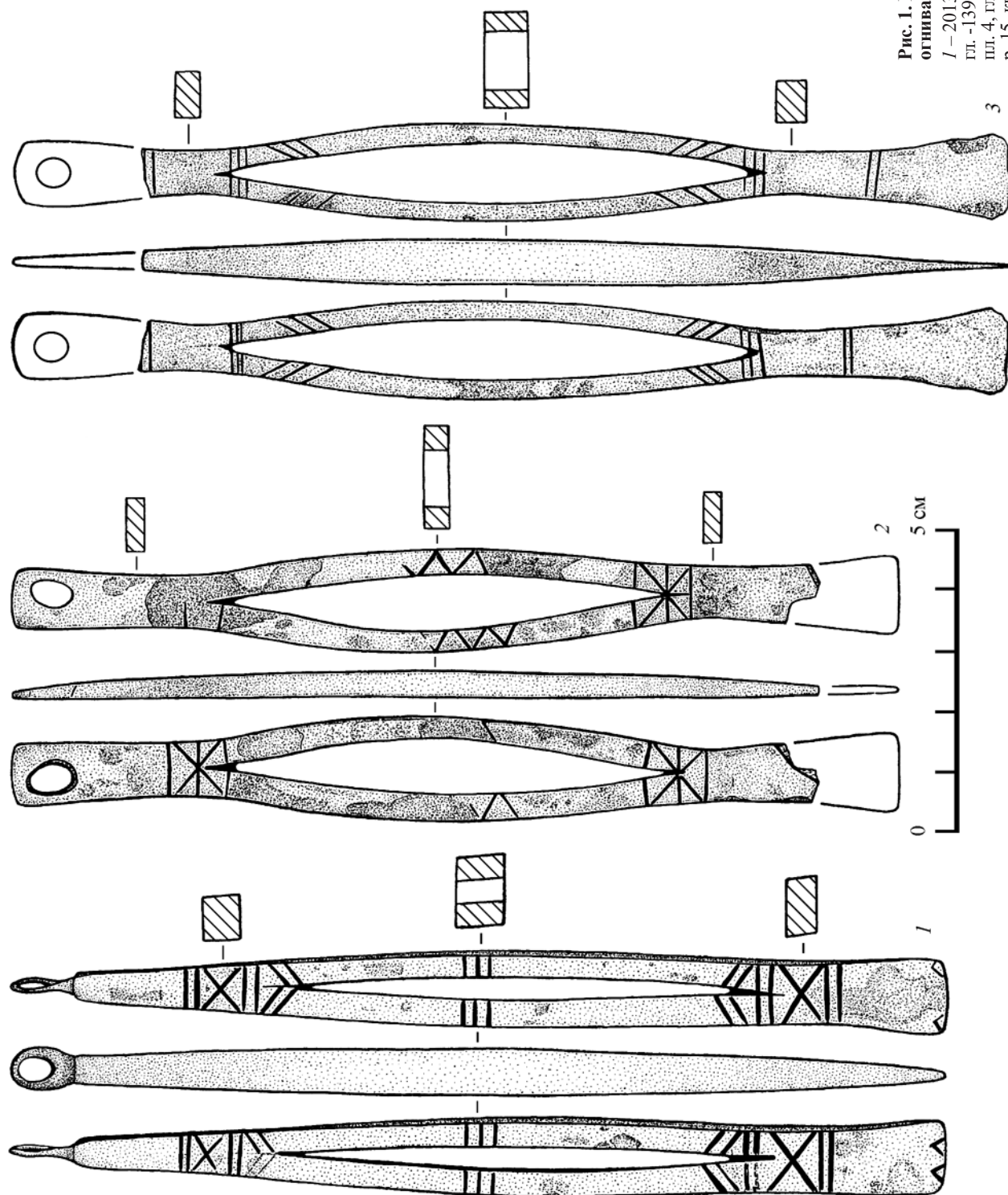

Рис. 1. Ружейные отвертки-огнива из Тульского кремля
1 – 2013 г., р. 4, кв. 4, пл. 5, гл. -139 см; 2 – 2013 г., р. 6, кв. 1, пл. 4, гл. -115 см; 3 – 2014 г., р. 15, кв. 3, пл. 5, гл. -135 см

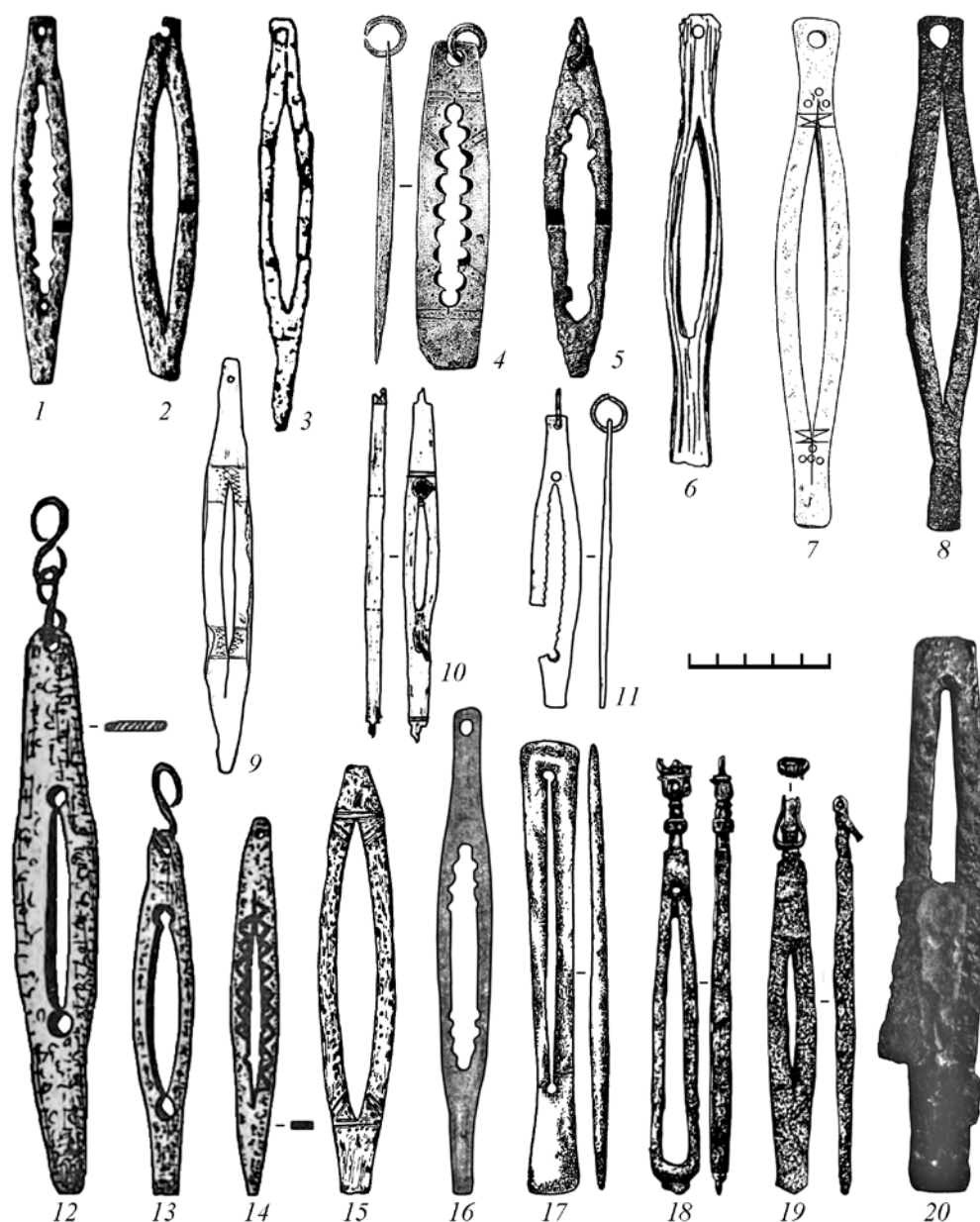

Рис. 2. Опубликованные находки ружейных отверток-огнив XVI–XVII вв., типологически близкие «тульским» ружейным приборам (см. Приложение)

инструмента. Размеры овального отверстия проушины – 5×4 мм. Расположение проушины с разворотом 90 градусов по отношению к фронтальной плоскости предмета, по-видимому, свидетельствует о креплении в этом месте подвижной петли для подвешивания. Подобные петли сохранились на ружейных приборах из раскопок Мангазеи (рис. 2, 18–19). Таким же креплением, очевидно, была оформлена и одна из коломенских ружейных отверток (рис. 2, 10). Широкие фронтальные плоскости прибора украшены симметричным рельефным зональным декором, выполненным в технике насечки. С двух сторон от центральной прорези

размещены две композиции, состоящие из косого перекрестия, оконтуренного с двух сторон сведенными прямыми линиями. Внутренняя часть этих композиций соединяется с центральной прорезью двумя сведенными отрезками, образующими таким образом треугольную фигуру. По месту наибольшего расширения изделие орнаментировано тремя параллельными линиями, расположенными перпендикулярно продольной прорези. Прямой рабочий край отвертки также с двух сторон украшен двумя треугольными фигурами, основание которых совпадает с линией шлица. Наличие декора на рабочей поверхности инструмента, возможно,

указывает на ограниченную осведомленность мастера-кузнеца о функциональном назначении этой части орудия.

Изделие 2 (рис. 1, 2) изготовлено из пластины прямоугольного сечения, расширяющейся в средней части; утрачен рабочий край. Вес изделия – 32,0 г. Общая длина сохранившейся части предмета – 133 мм, сечение в средней части – 17,0×4,5 мм. Продольная прорезь линзовидной формы имеет длину 70 мм и максимальную ширину 9 мм. В сторону обоих концов пластина слегка расширяется в плане, а ее толщина, напротив, к краям убывает, образуя форму клина. В верхнем конце орудия пробито сквозное отверстие неправильной овальной формы (7×4 мм). Широкие фронтальные плоскости инструмента украшены симметричным рельефным зональным орнаментом, выполненным в технике насечки. Местами элементы декора утрачены вследствие коррозии металла. С двух сторон у углов центральной линзовидной прорези размещены две композиции, причем конец прорези определяет их центр. Каждая композиция образована пятью линиями. Три линии нанесены параллельно друг другу и перпендикулярно длинной оси центральной прорези, причем центральная линия совпадает с краем прорези, а две другие проведены на одинаковом расстоянии от нее и образуют квадрат. Еще две линии соединяют противоположные углы этого квадрата, разделяя таким образом все поле на треугольные фигуры. В месте наибольшего расширения поверхности разведенных центральной прорезью участков пластины украшены короткими прямыми отрезками, образующими ломаную линию или треугольные фигуры.

Изделие 3 (рис. 1, 3) изготовлено из дрота прямоугольного сечения, расширяющегося в средней части; утрачен верхний край орудия с отверстием для подвешивания. Вес изделия – 38,0 г. Общая длина сохранившейся части предмета – 164 мм, сечение в средней части – 16,0×7,5 мм. Продольная прорезь линзовидной формы имеет длину 85 мм и максимальную ширину 10 мм. Рабочий конец отвертки имеет клиновидное сечение. Он раскопан под прямой шлиц шириной 14 мм и толщиной около 1,0 мм. Широкие фронтальные плоскости инструмента украшены симметричным рельефным зональным декором, выполненным в технике насечки. У противоположных сторон центральной прорези размещены две композиции. Каждая композиция образует подобие треугольника, сторонами которого являются группы из трех параллельных линий. Сторона, являющаяся

основанием треугольника, совпадает с углом линзовидной прорези и расположена перпендикулярно ее длинной оси, а вершина треугольника направлена в сторону центра изделия. На некотором расстоянии от основания этих треугольных композиций вытянутые концы орудия украшены двоянными параллельными линиями, также нанесенными перпендикулярно длинной его оси.

Во всех раскопах рассматриваемые находки происходят из строительного горизонта «постмутного» времени, сооружения которого существовали, по-видимому, на протяжении всей эпохи царствования первых двух представителей династии Романовых. В раскопе 15 ружейный инструмент был зафиксирован *in situ* на дощатом полу деревянной постройки. Оружейная отвертка из раскопа 4, примыкавшего к раскопу 15, найдена на расстоянии 3,2 м от аналогичного инструмента из раскопа 15 и залегала почти на той же глубине (нивелировочные отметки –139 и –135 см от нулевого репера), но, вероятно, за пределами этого сооружения. Отвертка-огниво из раскопа 6, по-видимому, происходит с площади разобранного деревянного строения, на что указывает (помимо скопления органических остатков) высокая степень насыщенности горизонта ее залегания как массовыми, так и индивидуальными находками.

Серия круговой посуды из горизонта залегания отверток-огнив представлена сосудами, сформованными из нежелезненной глины без визуально фиксируемых примесей на этапах РФК-4–5 (по А.А. Бобринскому). Прозвучавшее в литературе мнение о формовке горшков XVII в. на этапах РФК-6–7 (Коваль, 2001. С. 103) представляется неубедительным, поскольку доказательств появления ножного круга в среде производителей керамики коломенского типа в рассматриваемый период представлено не было⁹. Горшки характеризуются приземистыми пропорциями, широким устьем и небольшим диаметром дна. Они имеют вертикальные венчики, внутренний край которых оформлен уплощенным валиком, сформованным путем заворота чернового края внутрь сосуда. Внешняя сторона венчиков украшена плотным многорядным линейным орнаментом (рифлением), прочерченным инструментом с острым рабочим концом. В Туле такая керамика бытует на протяжении всего XVII в. (Зацаринный, Екимов, Наумова, 2011. С. 196). Она относится к развитым формам посуды МБК-2, которая в XVII в. распространилась

⁹ Упоминание в работе 2001 г. горшков, сформованных по столь высокой технологии, является прискорбным недоразумением (Прим. ред.).

на значительной территории Русского государства и имеет единую схему эволюционного пути (Коваль, 2001. С. 103, 106. Рис. 3).

В раскопе 4 из горизонта залегания отвертки-огнива происходит свинцовый ружейный снаряд диаметром 11 мм и весом 8,3 г, а также литое свинцовое изделие в виде диска с центральным отверстием и прорезными «спицами». В раскопе 6 непосредственно с уровня нахождения ружейного инструмента собрана серия из пяти монет XVII в., времени правления царей Михаила Федоровича (?) и Алексея Михайловича Романова. Причем две монеты являются медными копейками периода неудачной денежной реформы 1654–1663 гг. В этом же слое встречено четыре свинцовых снаряда для ручного огнестрельного оружия и винт с прямым шлицем от ружейного замка. Все снаряды имели диаметр в пределах 10,5–11,0 мм и вес 6–7 г.

В раскопе 15 из слоя с отверткой-огнивом происходит серия датирующих находок: медная монета (1655–1663 гг.), рамочный красноглиняный изразец с растительным орнаментом, фрагмент наконечника пики, ружейный болт и шесть свинцовых снарядов для ручного огнестрельного оружия. Шиловидный наконечник пики с пером в виде четырехгранного стержня ромбического сечения относится к разновидности 2 наконечников копий варианта 1в (по О. В. Двуреченскому; 2015. С. 81). В основании пера его грани украшены геометрическим декором, выполненным насечками. Находки наконечников копий с близкой орнаментацией происходят из Москвы и с территории Тушинского лагеря и датируются первой половиной XVII в. (Двуреченский, 2015. С. 87, 89. Рис. 31, 1; 33, 1). Снаряды ручного огнестрельного оружия по весо-размерным характеристикам могут быть разделены на две группы. Первая группа (4 ед.) объединяет снаряды диаметром 10 мм и весом 6–10 г, которые, судя по калибру, могли являться боеприпасами винтовальных пищалей второй половины XVI – начала и середины XVII в., карабина второй половины XVI в. или пистоля первой половины XVII в. Снаряды второй группы имеют диаметр 13 и 15 мм, а вес, соответственно, 15,1 и 17,6 г. Они могли являться боеприпасами карабина второй половины XVII в. или винтовальной пищали конца XVII в. (Маковская, 1992. С. 76. Табл. 1). Во всех раскопах в комплексах с отвертками-огнивами были встречены железные сапожные подковы, как врезные, так и комбинированные.

Как уже отмечалось, рассматриваемые ружейные отвертки-огнива морфологически отличаются от овально-вытянутых огнив наличием продольной прорези линзовидной формы, преимущественно

вытянутыми концами, один из которых оборудован специальным отверстием, выделенным ушком или подвижной петлей для подвешивания, а другой уплощен и оформлен в виде лопатки. Вес этих инструментов в сравнении с традиционными огнивами в целом также несколько возрастает. Как нам представляется, принципиально меняется функциональное назначение продольной прорези. Так, если у традиционных овальных огнив именно она, вероятно, использовалась для крепления изделия к поясному ремню (огниво подвешивалось к нему или на него одевалось), то у ружейных отверток-огнив для этой цели служило отверстие или петля на верхнем конце пластины. При употреблении ружейного прибора для затягивания (или откручивания) ружейных винтов сквозная линзовидная прорезь в инструменте, очевидно, использовалась для продевания в нее пластинчатого изделия (клинка ножа?), применяемого в данном случае в качестве рычага при выполнении поворотных и вращательных движений (рис. 3). На вероятное применение именно ножа косвенно указывает минимальная ширина линзовидной прорези одного из тульских изделий – 4 мм (рис. 1, 1), которая соответствует максимальной ширине спинки ножей того времени как с черенковой, так и с пластинчатой рукоятью. Размеры продольных прорезей у всех отверток-огнив из других регионов (рис. 2) вполне допускают их использование предложенным образом. Походный нож в рассматриваемый период являлся обязательным предметом воинского снаряжения практически всех представителей служилого сословия. При ношении на поясе или в голенище сапога (засапожный нож) он мог применяться для решения любых задач, не исключая и вышеизложенную. В связи с этим вряд ли случайным являлось смежное размещение ножа и ружейной отвертки-огнива на поясе погребенного русского воина из захоронения 1660–1661 гг. (Бугис, Стришка, 2014. С. 214, 219, 220. Рис. 4, 5).

Обобщая характеристику серии ружейных инструментов из Тулы, позволим себе сделать несколько предварительных выводов.

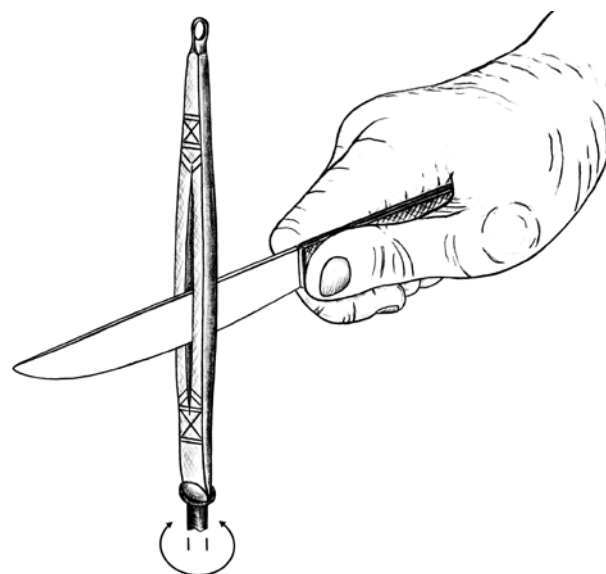
Тульские отвертки-огнива принадлежат к наиболее многочисленной группе отечественных ружейных приборов, возникших в результате усовершенствования бытовых огнив некоторых типов. Они являются неотъемлемой принадлежностью ручного огнестрельного оружия с кремневыми замками. Многофункциональность, компактность, простота в изготовлении и использовании относятся к числу очевидных достоинств рассматриваемых находок в сравнении с более массивными и конструктивно

сложными европейскими ружейными ключами к колесцовым замкам этого же времени (Бехайм, 1995. С. 367. Рис. 563, а, б; Свешников, 1993. С. 245, 247. Рис. 64, 5, 6, 9, 10, 12, 15; 65, 10, 14).

Стратиграфические условия залегания и датирующий вещевой материал позволяют определить вероятный период бытования тульских ружейных отверток-огнив в пределах XVII в. (вероятно, за исключением его последней четверти). Эта датировка, возможно, позволит в ряде случаев уточнить хронологические оценки типологически близких изделий, встреченных в позднесредневековых слоях других русских городов.

Отсутствие в Туле находок отверток-огнив других типов, например калачевидных (хотя бытовые огнива этого типа встречаются), свидетельствует о распространении в городе в рассматриваемый период ружейных инструментов овально-вытянутой формы с линзовидной центральной прорезью и вытянутыми концами. Близость морфологии, параметрических данных и техники орнаментации тульских ружейных приборов с аналогичными находками из других городов (рис. 2) указывает на определенную стандартизацию этой группы предметов в рассматриваемый период. Тот факт, что тульские отвертки-огнива не имеют на внутренней линзовидной прорези фигурных вырезов «под колки ружейных замков», убедительно свидетельствует о том, что в арсенале гарнизона тульской крепости середины – второй половины XVII в. не имелось ручного огнестрельного оружия с замками, в конструкции которых использовались колки¹⁰.

Орнаментация «тульских» изделий, во-первых, служила для их идентификации, что является признаком значимости и ценности этих предметов, а во-вторых, выполняла эстетическую функцию и, очевидно, свидетельствует о ношении отверток-огнив поверх верхней одежды (на поясе?), где они параллельно являлись и декоративной деталью костюма. Примечательно, что в орнаментации ближайшими аналогиями среди украшенных насечками бытовых железных изделий являются (также подвешиваемые к поясу) ключи от съемных цилиндрических замков

Рис. 3. Использование ножа для усиления вращательного движения ружейной отвертки-огнива в процессе закручивания и отворачивания винтов. Реконструкция автора

типов В и Г по Б. А. Колчину (Хорошев, 1997. С. 15, 16, 252. Табл. 6). Близкий орнамент присутствует и на некоторых предметах вооружения и воинского снаряжения XVII в. из раскопок в Тульском кремле 2013–2014 гг. (копье, стремя).

Локализация всех «тульских» отверток-огнив в пределах жилой зоны осадных дворов и нахождение их в комплексах с иными предметами военного снаряжения и вооружения позволяют относить их к элементам индивидуальной воинской экипировки представителей военно-служивого сословия XVII в. В основном из «воинских» комплексов происходят и ружейные приборы, обнаруженные в других регионах нашего государства (Прил. 1). Последнее наблюдение представляется достаточно важным в связи с тем, что, например, одни и те же ружейные приборы из Тушинского лагеря определяются исследователями не только как *военные инструменты* (Никитин, 1971. С. 57. Табл. 3, 7–8), но и как *инструменты ремесленников-оружейников* (Розенфельдт, 1971. С. 253, 264), что далеко не одно и то же¹¹.

¹⁰ Кроме того, данный вывод подтверждается и тем фактом, что все ружейные винты из раскопок в Тульском кремле имеют полукруглую головку под отвертку с прямым шлицем. По нашим данным, колков пока выявлено не было.

¹¹ Не отрицая наличия у московских мастеров-оружейников подобных инструментов, следует заметить, что все известные на сегодняшний день предметы этого круга (за исключением случайных находок) происходят не из раскопок ремесленных мастерских, а из вещевых комплексов, формирование которых было связано с проживанием или несением воинской службы различными представителями военно-служивого сословия. Одна ружейная отвертка-огниво происходит из вышеупомянутого захоронения «московского» воина (Бугис, Стришка, 2014. С. 214, 219, 220. Рис. 4, 5), целая серия других ружейных приборов – с территории военного лагеря (Розенфельдт, 1958. С. 94. Рис. 32, 1–5, 12; Двуреченский, 2008. С. 84, 85. Рис. 11, 5–9; 12, 10–11) или с поля сражения (Свешников, 1993. С. 245, 247. Рис. 64, 3, 5–6, 9–12, 15; 65, 9–10, 14), в котором мастера-оружейники вряд ли принимали участие.

Приложение

**Опубликованные находки тульских оружейных отверток
(порядковый номер в первом столбце соответствует номеру предмета на рис. 2)**

№ п/п	Место обнаружения	Датировка ¹²	Источники
1	Г. Москва, Тушинский лагерь. Подъемный материал	1608–1610 гг.	<i>Двуреченский</i> , 2008. С. 69, 85. Рис. 12, 11.
2	Г. Москва, Тушинский лагерь. Подъемный материал	1608–1610 гг.	<i>Розенфельдт</i> , 1958. С. 93–94. Рис. 32, 12; <i>Двуреченский</i> , 2008. С. 69, 85. Рис. 12, 10.
3	Г. Москва, Китайгородское подворье Троице-Сергиева монастыря. Шурф 1	Сер. XVII в.	<i>Бойцов</i> , 1995. С. 262, 264, 267. Рис. 3, 3.
4	Г. Москва, Ильинский проезд. Ров стены Китай-города	XVI – нач. XVII вв.	<i>Кутасов</i> , 2009. С. 256, 265. Рис. 4, 2.
5	Г. Епифань, Голинская слобода. Селище «Голино-3» (?)	2-я пол. XVI – нач. XVII в. (до 1609 г.)	<i>Гоняный, Гриценко, Двуреченский</i> , 2011. С. 34–35, 49, 54. Рис. 4, 13.
6	Г. Калуга. Торговая пристань. Подъемный материал	XVII в. (?)	<i>Болдин, Грудинкин, Ефимов, Массалитина, Прошкин, Хохлова</i> , 1999. С. 312–314, 316. Рис. 119, 13.
7	Воронежская обл. Случайная находка	XVII в. (?)	www.reviewdetector.ru [Электронный ресурс] (дата обращения: 14.01.2016).
8	Курская обл., Золотухинский р-н, поселение Переверзево II, 1983 г. P1, слой	XVI–XVII вв.	<i>Андреев</i> , 2016. С. 85, 91. Рис. 13.
9	Г. Коломна, кремль. Культурный слой	XVI–XVIII вв.	<i>Ульянова</i> , 2008. С. 207–208. Рис. 11, 8.
10	Г. Коломна, посад. Яма	1-я пол. XVII в.	<i>Ульянова</i> , 2008. С. 207–208. Рис. 11, 7.
11	Г. Коломна, кремль. Культурный слой	XVI–XVIII вв.	<i>Ульянова</i> , 2008. С. 207–208. Рис. 11, 9.
12	Г. Берестечко (Украина, Волынская обл.). Раскопки на месте сражения	1651 г.	<i>Свешников</i> , 1992. С. 245. Рис. 64, 3.
13	Г. Берестечко (Украина, Волынская обл.). Раскопки на месте сражения	1651 г.	<i>Свешников</i> , 1992. С. 247. Рис. 65, 9.
14	Г. Берестечко (Украина, Волынская обл.). Раскопки на месте сражения	1651 г.	<i>Свешников</i> , 1992. С. 245. Рис. 64, 11.
15	Г. Суздаль, кремль. Культурный слой	X–XV вв.*	<i>Седова</i> , 1997. Рис. 69, 8; <i>Ступан</i> , 2010. С. 29. № 62.
16	Г. Суздаль, посад. Культурный слой	«Домонгольский» слой (до сер. XIII в.)*	<i>Седова, Бельская</i> , 1981. С. 104, 112. Рис. 6, 3; <i>Ступан</i> , 2010. С. 29. № 62.
17	Г. Мангазея. Культурный слой	XVI–XVII вв.	<i>Белов, Овсянников, Старков</i> , 1981. С. 83, 138. Табл. 69, 9.
18	Г. Мангазея. Культурный слой	XVII в.	<i>Визгалов, Пархимович</i> , 2008. С. 275. Рис. 159, 1.
19	Г. Мангазея. Культурный слой	XVII в.	<i>Визгалов, Пархимович</i> , 2008. С. 275. Рис. 159, 2.
20	Г. Вильнюс (Литва). Погребение «московского» воина (захоронение № 9)	1660–1661 гг.	<i>Бугис, Стришка</i> , 2014. С. 217, 220. Рис. 5.

¹² Звездочкой отмечены те датировки предметов, которые вызывают у нас сомнения. Так, отвертки-огнива, обнаруженные при раскопках детинца и посада г. Суздаля, были отнесены исследователями либо к домонгольскому времени, либо к древнерусскому периоду в целом (*Седова, Бельская*, 1981. С. 104, 112. Рис. 6, 2–3; *Седова*, 1997. Рис. 69, 8). Наличие на данном памятнике слоев и сооружений XVI–XVIII вв. (*Седова, Бельская*, 1981. С. 113; *Седова*, 1997. С. 62–136) и присутствие в «древнерусских» слоях других позднесредневековых предметов, судя по публикациям, заставляют усомниться в однозначности хронологической оценки этих находок и их атрибуции.

Литература

- Андреев А. А., 2016. Предметы позднесредневекового русского вооружения и снаряжения из экспозиции и фондов Курского государственного областного музея археологии // Город Средневековья и раннего Нового времени – II (V): археология, история. Матер. V Всерос. семинара. Ноябрь 2013. Тула. С. 83–91.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея – материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М.: Наука. 148 с.
- Бехайм В., 1995. Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр. 564 с.
- Бойцов И. А., 1995. Производственное сооружение середины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.: Наука. С. 256–269.
- Болдин И. В., Грудинкин Б. В., Ефимов А. Е., Массалитина Г. А., Прошкин О. Л., Хохлова Т. М., 1999. Археология Калужской области. Калуга: Гриф. 376 с.
- Бугис П., Стришка Г., 2014. Новые археологические сведения о захоронениях московского войска на территории вильнюсского великокняжеского дворца // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 214–220.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург – Нефтеюганск: Магеллан. 296 с.
- Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В., 2011. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из казачьих слобод Епифанского уезда // Военная археология. Вып. 2. М.: Русская панорама. С. 32–57.
- Двуреченский О. В., 2008. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Военная археология. Вып. 1. М.: Квадрига. С. 55–93.
- Двуреченский О. В., 2015. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: ГМЗ «Куликово поле». 498 с.
- Ефимов Ю. Г., 2016. Эпоха рыцарства. Западноевропейское оружие IX–XVII вв. Старинное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Тула: Борус-Пресс. 36 с.
- Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Наумова Т. В., 2011. Керамические комплексы XVI – начала XIX века из раскопа по улице Спортивная, 15 в исторической части Тулы // Позднесредневековый город III: археология и история. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 111–203.
- Зацаринный С. В., 2017. Охранные археологические раскопки на территории Тульского кремля в 2013–2014 гг. (предварительные результаты исследований) // Тульский кремль. Тула: Борус-Принт. С. 176–194.
- Зеленин Д. К., 1991. Восточнославянская этнография. М.: Наука. 511 с.
- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. С. 98–109.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.
- Кутасов П. А., 2009. Предметы вооружения и снаряжения воина XVI–XVII веков, полученные в ходе археологических наблюдений в Ильинском проезде города Москвы // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 251–267.
- Маковская Л. К., 1992. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М.: Военное издательство. 200 с.
- Мышковский Е. В., 1965. Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // СА. № 4. С. 186–198.
- Никитин А. В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.: Наука. 85 с. (САИ. Вып. Е1–34).
- Охота русских царей и императоров. Из собрания Музеев Московского Кремля. Тула: Борус-Пресс, 2016. 36 с.
- Розенфельдт Р. Л., 1958. Русский ружейный прибор начала XVII в. // КСИИМК. Вып. 72. С. 93–95.
- Розенфельдт Р. Л., 1971. Инструменты московских ремесленников // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV. С. 253–267. (МИА. Вып. 167).
- Свеишников І. К., 1993. Битва під Берестечком. Львів: Слово. 304 с.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 320 с.
- Седова М. В., Бельнская Д. А., 1981. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М.: Наука. С. 95–115.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. М.: Русский язык. М.: Азбуковник, 2000. 608 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М.: Наука, 1987. 384 с.

Ступан Ю. С., 2010. Железные кресала X–XIX вв. из коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник. 36 с.

Ульянова Т. Н., 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII вв.) по материалам

археологических работ 1991–2006 гг. // АП. Вып. 4. М., ИА РАН. С. 195–221.

Хорошев А. С., 1997. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 15–16. (Археология).

S. V. Zatsarinniy

A rifle screwdriver-flint of the 17th century, from the cultural layer of the Tula Kremlin (typological issues and chronology of the late-Medieval ‘kresal’)

Summary

The paper is a write-up of finds from an excavation in the Tula Kremlin, relating to multifunctional tools from the 17th century – and in particular, tools for in-

stalling the locks on flintlock guns. A screwdriver-flint was found alongside other items, suggesting that these tools belonged to persons active in military service.

С. А. Кабатов*, С. А. Курочкина**

* Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, Кострома;

** Министерство культуры Республики Марий Эл, Йошкар-Ола

Первоначальный обзор некоторых групп рыболовного инвентаря сельского населения Костромского Поволжья (по результатам археологических исследований селища Вёжи)

В публикациях разнообразных археологических материалов памятников эпохи Средневековья рыболовству обычно отводится роль второстепенного занятия. При этом в ходе археологических исследований в большом количестве находят предметы, связанные с рыболовным промыслом: глиняные и каменные грузила, поплавки из дерева, бересты или сосновой коры, железные крючки, остатки сетей, деревянные иглы, фрагменты лодок, весел и т. п.

В целом изучение рыбного промысла в археологической литературе сводится либо к общей характеристике рыболовства, либо к классификации рыболовных орудий и приспособлений. К настоящему времени единственным крупным комплексным исследованием по рыболовству является работа А. В. Кузы «Рыбный промысел в Древней Руси» (2016), написанная еще в 1970 г. Накопление новых археологических материалов, связанных с рыболовством, поставило задачу более детального изучения рыбного промысла для отдельных местностей, городов, поселений. Необходимо отметить исследования рыбного промысла Новгорода (Колчин, 1968; Маракулин, 2009), древнего Орешка (Кирпичников, 1980; Кильдюшевский, 1973), Ладоги (Тарасов, 2009), Пскова (Салмина, 1994; 1996; 1997), Коломны (Мазуров, Цепкин, 2003), Ростова Великого (Кудряшов, 1999), Нижнего Новгорода (Грибов, Цепкин, 2004). В предлагаемом исследовании авторы сделали попытку рассмотрения рыболовного инвентаря сельского населения Костромского Поволжья на примере материалов, выявленных в результате археологических исследований селища Вёжи в 1999–2015 гг. (Кабатов, 1999; 2007; 2009; 2012; 2013а; 2014; 2015а; 2015б; Алексеев, 2001).

Территория Костромского Поволжья, расположенного в центральной зоне Русской равнины, представляет собой холмистую равнину, расчлененную многочисленными речными долинами и озерами. Местонахождение селища Вёжи на левом берегу р. Идоломки (бассейн р. Костромы) и топографические условия располагали местных жителей к активному использованию водных ресурсов. Поэтому не случайно в XV – первой половине XIX в. в среде сельского населения селища активно развивается рыболовный промысел, о чем свидетельствуют многочисленные археологические материалы.

При характеристике вёжского рыболовного промысла необходимо обращать внимание на следующий аспект его истории. Селище Вёжи с момента своего основания в XIII в. располагалось в контактной зоне столкновения славянских колонизационных потоков и местного мерянского населения. Славяно-русское население пришло сюда из новгородско-псковских и ростово-суздальских земель. В золотоордынское и постзолотоордынское время здесь проходят миграционные движения, связанные с внутренней (сельской) и церковной колонизацией края. В этот период в колонизационный процесс были втянуты и отдельные группы тюркоязычного населения.

Все эти процессы так или иначе могли отразиться на рыболовных изделиях селища Вёжи с XIII по XIX в. включительно. Поэтому эти материалы можно использовать в качестве источника, отвечая на вопрос об этнической принадлежности населения селища. Ведь здесь, как и во всем Костромском Поволжье, начиная со Средневековья и вплоть до XIX в., существовала неоднородная

Таблица 1. Распределение веревок селища Вёжи по ярусам.

Ярус/дата	Лен	Войлок	Лыко	Пенька
5. 1-я пол. XVIII в.	3		1	2
6. 2-я пол. XVII в.	1			
7. Сер. XVII в.		2		1
9. Кон. XVI – нач. XVII в.			1	
12. Кон. XV в.			1	1
14. 1-я пол. XV в.				1
15. Сер. XIV – нач. XV в.				1
Всего	4	2	3	6
Итого	15			

в этническом плане система, сочетающая славянский и финно-угорский компоненты (Кабатов, 2013б. С. 34–39).

В данном исследовании использованы основные положения А. В. Кузы, который все группы рыболовных орудий по назначению и способу применения разделил на колющие орудия, крючные снасти, сети и запорные системы с ловушками (Куза, 2016. С. 35).

В данной работе рассматриваются только две группы рыболовного инвентаря: сети и крючные снасти. Для их характеристики использованы основные положения классификационных схем Е. В. Салминой (Псков), Н. Н. Грибова и Е. А. Цепкина (Нижний Новгород), но с учетом специфики местных находок (Салмина, 1994. С. 153–168; Грибов, Цепкин, 2004. С. 76–82). Также для идентификации вёжских находок мы привлекаем аналогичные материалы памятников предшествующего времени и синхронных памятников.

К первой группе рыболовных орудий относятся принадлежности сетевого лова: фрагменты сетей, поплавки, грузила; здесь также рассматриваются инструменты для плетения сетей (Салмина, 1997. С. 334).

Фрагменты сетей сохраняются редко, и Вёжи не составляют исключения. Поэтому прежде всего рассматривают оснастку и огрузку сетей. На селище встречено 15 небольших фрагментов веревок из льна, лыка, пеньки (толщина волокон 0,2–0,3 см), но отнести их к фрагментам сетей затруднительно (табл. 1) (рис. 1, 1–4).

В ходе археологических исследований на селище Вёжи найдено 2536 грузил и 493 поплавок (табл. 2) (рис. 1, 5–13; 2, 1–19).

Все грузила делятся на две группы: керамические и каменные.

Керамические грузила были широко распространены на территории средневековой Руси. Они известны в Москве XIV–XVII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 16–17. Табл. 2, 29, 32), на подмосковных селищах

Мякинино-2 в комплексах XV–XVI вв. (Хижняков, 2008. С. 16. Рис. 1) и Тарасовка 1 первой половины XIX в. (Сыроватко, Панченко, 2002. С. 10. Рис. 3, 6), в Коломенском Поочье XVI – первой половины XIX вв. (Мазуров, Цепкин, 2003. С. 131. Рис. 2), в Козельске (Прошкин, 2005. С. 81. Рис. 86, 8) и Пскове (Салмина, 1994. С. 155. Рис. 3, 1, 2).

Согласно классификационной схеме костромской керамики грузила соотносятся с тремя группами керамики: красноглиняной, сероглиняной, чернолощеной (Кабатов, 2004. С. 7–25). Для выделения видов внутри данных групп использована классификационная схема, предложенная А. Б. Мазуровым и Е. А. Цепкиным для Коломенского Поочья, но с учетом специфики местного материала (Мазуров, Цепкин, 2003. С. 129–138).

Несмотря на многочисленность керамических грузил (2531 экз.), по форме они делятся всего на два вида.

Вид 1. Овальные (бочонковидные) грузила в разрезе имеют форму овала (рис. 1, 5–7). Всего на селище грузил данного вида найдено 583 экз., что составляет 23% от общего количества керамических грузил. Все овальные грузила относятся к одной группе керамики – красноглиняной.

Их размеры: длина 5,4–6,2 см, максимальный диаметр тулова 3,8–4,6 см, минимальный диаметр тулова 2,2–4,1 см, диаметр отверстия 1,3–1,8 см, вес 70–80 г.

По классификации А. Б. Мазурова и Е. А. Цепкина они соотносятся с типом 3, который в Коломенском Поочье изготавливался из кремевой или желтоватой глины с примесью песка, а бытовал в XVII – первой половине XIX в. (Мазуров, Цепкин, 2003. С. 130. Рис. 2).

На селище Вёжи в массовом количестве красноглиняные овальные грузила присутствуют в слоях второй половины XVII – середины XIX в. (табл. 2).

Вид 2. Сферические (шарообразные) грузила в разрезе имеют форму шара (рис. 1, 8–13). На селище Вёжи сферических грузил найдено 1497 экз.,

Таблица 2. Рыболовные орудия, связанные с сетевым ловом.

Ярус/дата	Грузила				Поплавки			
	Глина	%	Камень	%	Береста	%	Кора сосны	%
1. Сер. XIX в.	611		1					
Постройки	83				2			
Всего	694	27,41	1	20	2	0,41		
2. 1-я пол. XIX в.	349				8			
Постройки	55				2			
Всего	404	15,96			10	2,07		
Итого за XIX в.	1098	43,38	1	20	12	2,48		
3. Кон. XVIII в.	536				9			
Постройки	22		1					
Всего	558	22,04	1	20		1,86		
4. Сер. – 2-я пол. XVIII в.	37						1	
Постройки	36				1			
Всего	73	2,88			1	0,20	1	10
5. 1-я пол. XVIII в.	170		1		108			
Постройки			1					
Всего	170	6,71	2	40	108	22,36		
Итого за XVIII в.	801	31,64	3	60	118	24,43	1	10
6. 2-я пол. XVII в.	215				117		3	
Постройки	3							
Всего	218	8,61			117	24,22	3	30
7. Сер. XVII в.	46	1,81			15	3,10	1	10
8. 1-я пол. XVII в.	176	6,95			84	17,39	1	10
9. Кон. XVI – нач. XVII в.	7	0,27						
Итого за XVII в.	447	17,66			216	44,72	5	50
10. Сер. XVI в.	69	2,72						
11. Нач. XVI в.	19	0,75			7	1,44		
Итого за XVI в.	88	3,47			7	1,44		
12. Кон. XV в.	11				16			
Постройки	3							
Всего	14	0,55			16	3,31		
13. Сер. – 2-я пол. XV в.	38	1,50			79	16,35		
14. 1-я пол. XV в.	32	1,26			23	4,76		
15. Сер. XIV – нач. XV в.	7	0,27	1	20	4	0,82	4	40
Итого за XV в.	91	3,59	1	20	122	25,25	4	40
Подъемный материал	7	0,27			1	0,20		
Всего	2531		5		483		10	
Итого	2536				493			

что составляет 59% от общего количества керамических грузил.

В отличие от красноглиняных овальных грузил сферические грузила соотносятся с двумя группами костромской керамики: сероглиняной и чернолощенной. Причем в количественном соотношении преобладают сероглиняные грузила: 1484 экз., что составляет 58,6% от общего количества керамических грузил. Чернолощенных грузил за все годы археологических исследований селища найдено 13 экз., что составляет 0,5% от общего количества керамических грузил.

Размеры сероглиняных грузил: длина 3,3–4,3 см, максимальный диаметр тулова 4,0–4,7 см, диаметр отверстия 1,0–1,2 см, вес 40–60 г.

Размеры чернолощенных грузил: длина 3,0–3,5 см, максимальный диаметр тулова 3,9–4,2 см, диаметр отверстия 0,9–1,0 см, вес 40–59 г.

Все вёжские сферические грузила соотносятся с типом 1 по классификации А.Б. Мазурова и Е.А. Цепкина. В Коломенском Поочье грузила данного типа, красноглиняные и сероглиняные, бытовали в XIII–XV в. (Мазуров, Цепкин, 2003. С. 130–131. Рис. 2).

На селище Вёжи единичные экземпляры сероглиняных сферических грузил встречаются с первой половины XV в., но их массовое распространение приходится на период с первой половины XVII до середины XIX в.

Сферические чернолощенные грузила на Вёжах не получили массового распространения. Их единичные экземпляры встречаются в слоях начала XVI – первой половины XVIII в. и середины XIX в. (табл. 2).

Бытование чернолощенных грузил на селище в период с начала XVI до середины XIX в. не противоречит мнению Р.Л. Розенфельдта о том, что в русских городах появление чернолощенной керамики датируется XVI–XVII вв., а массовое ее производство приходится на XVIII – первую половину XIX в. Черномореная керамика получает массовое распространение в XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 28).

Форма овальных и сферических грузил приспособлена для того, чтобы они свободно катились по дну реки, не цепляясь за препятствия. Вероятно, ими могли снаряжаться небольшие волоковые сети.

Немногочисленные каменные грузила по форме и функциональному назначению делятся на три вида.

Вид 1. Неправильно-округлое с направляющим желобком для крепящей веревки по краю (2 экз.), размеры: длина 12,6 см, ширина 10,8 см, диаметр отверстия 1,4 см, толщина 3 см (рис. 2, 1). Данный вид грузил мог использоваться для крупной волоковой сети. Благодаря своей массивности (по сравнению с керамическим) каменные грузила могли удерживать более крупную передвижную сеть.

Вид 2. Овально-уплощенное массивное грузило с процарапанным знаком, размеры: длина 15 см, максимальный диаметр 20,2 см, диаметр отверстия 2,4 см, толщина 3,5 см (рис. 2, 3). Данный вид грузил мог использоваться для ставных сетей.

Аналогичные грузила встречаются в средневековых Пскове (Салмина, 1994. С. 157. Рис. 4, 1) и Нижнем Новгороде (Грибов, Цепкин, 2004. С. 82. Рис. 2, 23, 24), Орешке (XV–XVI вв.) (Кильдюшевский, 1973. С. 105. Рис. 36, 9, 10).

Оба вида грузил подвешивались к нижнему подбору сетей за отверстие, расположенное в верхней части. Для более четкой фиксации мог делаться направляющий желобок для крепежной веревки. Характерная черта вёжских каменных грузил – отверстие для веревки находится в его верхней части.

Вид 3. Комбинированные грузила в «мешочке» из бересты (2 экз.), размеры: высота «мешочка»

8,1 см, ширина 7,5 см, размеры камня 6×5 см (рис. 2, 4, 5). Аналогий им пока не встречено. Хотя А.В. Куза упоминает грузила из камней, обернутых берестой наподобие кошелька, которые использовались для более крупных сетей (Куза, 2016. С. 45. Рис. 10).

Скорее всего, данный вид грузил мог использоваться для многостенной крупноячеистой ставной сети. Возможно, данная форма не давала грузилу проскакивать в ячею и тем самым не путать сеть.

Следующий вид сетевой оснастки – поплавки, которые крепились к верхнему подбору сети. Поплавки по материалу изготовления делятся на две группы: берестяные и из сосновой коры. Материал и форма поплавков зависели от их функционального назначения.

Берестяные полавки имеют одну форму – в виде трубочки-свитка, размеры: длина 3,5–3,6 см, диаметр 2,1–2,3 см (рис. 2, 6, 7). Ими оснащались небольшие снасти (Салмина, 1994. С. 163).

Поплавки из сосновой коры по форме делятся на трапециевидные и прямоугольные с одним и двумя отверстиями. Поплавки с одним отверстием в верхней части могли использоваться для оснащения простых ставных и волоковых сетей (Салмина, 1994. С. 161). Размеры трапециевидных поплавков: длина 9–17,5 см, ширина 6–6,5 см, толщина 1,2–2,4 см, диаметр отверстия 0,6–0,8 см (рис. 2, 8, 10, 11, 16, 17). Размеры прямоугольных поплавков: длина 14,6–17,5 см, ширина 5–6,5 см, толщина 3–3,5 см, диаметр отверстия 0,7–0,8 см (рис. 2, 12, 13, 15, 18, 19).

Трапециевидные и прямоугольные полавки с двумя отверстиями могли использоваться для оснащения многостенных ставных сетей, так как для них необходима более четкая фиксация полавка (Салмина, 1994. С. 163). Размер трапециевидного полавка: длина 13,5 см, ширина 7 см, толщина 0,7 см, диаметр отверстий 1,2 см (рис. 1, 9). Размер прямоугольного полавка: длина 17 см, ширина 5,7 см, толщина 1,7 см, диаметр отверстий 0,6 см (рис. 1, 14).

Аналогичные полавки находили в Чебоксарах (XIV–XIX вв.) (Краснов, Каховский, 1978. Рис. 59), Переяславле Рязанском (слой XVI – первой половины XVII в.) (Завьялов, 2011. С. 214), Орешке (XV–XVI вв.) (Кильдюшевский, 1973. С. 106. Рис. 36, 17), Пскове (Салмина, 1994. С. 163, рис. 9, 2).

Только четыре вёжских грузила (рис. 1, 7, 11, 12; 2, 3) и три полавка (рис. 2, 11–13) помечены знаками. Для сравнения: в Пскове помечены 93 экз. (5,5%) таких предметов (Салмина, 1996.

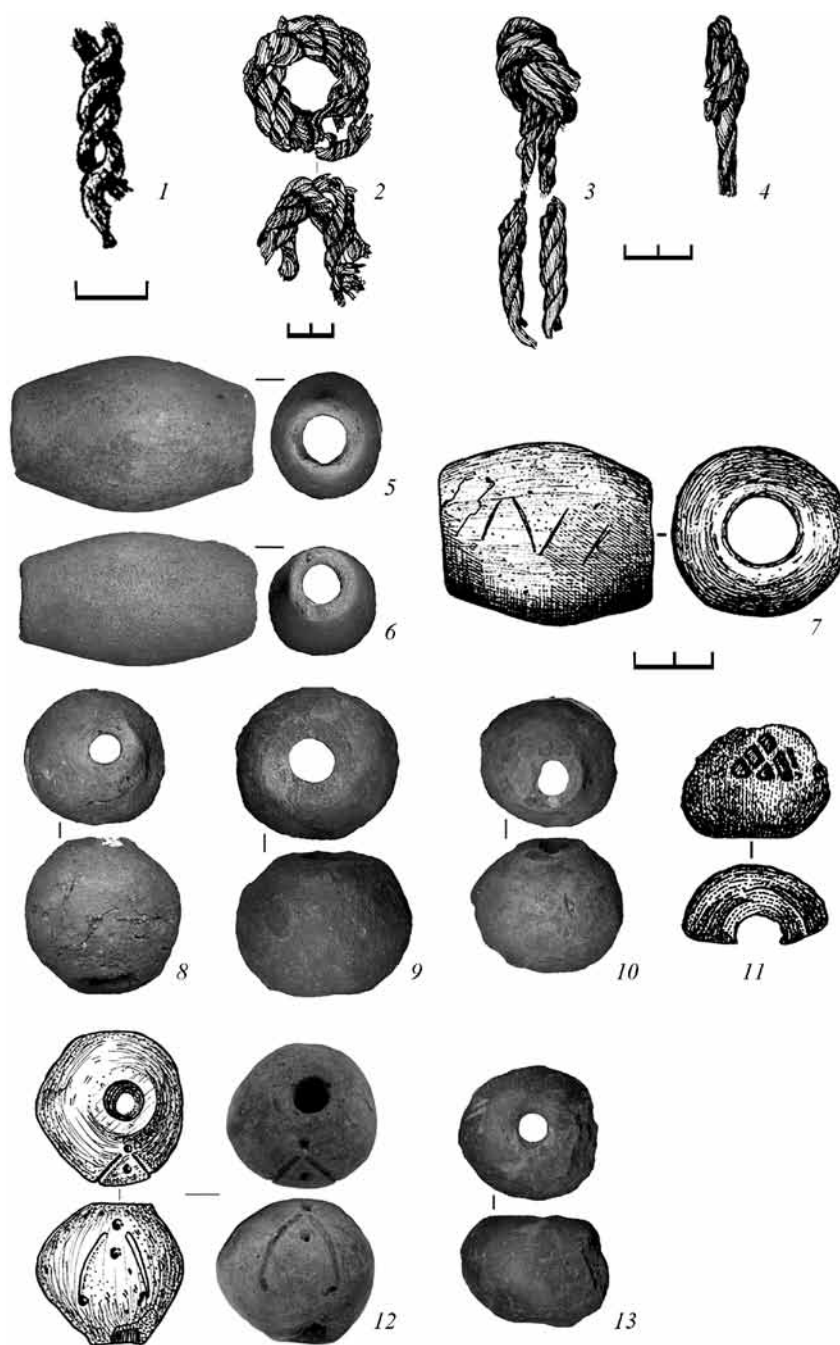

Рис. 1. Рыболовный инвентарь с. Вёжи

1–4 – веревки (лен); 5–13 – керамические грузила

С. 20), в Орешке – 14 экз. (Кильдюшевский, 1973. С. 106). Вероятнее всего, это были знаки собственности, наделенные дополнительными функциями талисмана-оберега. Подобного мнения придерживаются Б. А. Колчин (1968. С. 22), А. Н. Кирпичников (1980. С. 44, 45), В. И. Кильдюшевский (1973. С. 106), Е. В. Салмина (1996. С. 22–24), В. А. Макарулин (2009. С. 391). Некоторые вёжские знаки напоминают бортовые знаки («знамена»), которые

В. С. Ольховский рассматривал как особые знаковые системы, схожие с тамгами по форме, содержанию и структуре. Поэтому можно предполагать их использование в качестве меток-индикаторов, фиксирующих факт владения имуществом, или как оберег, восходящий к родовым культовым символам (Ольховский, 2001. С. 80, 85, 86).

Из инструментов для вязания сетей сохранились во фрагментарном состоянии простая

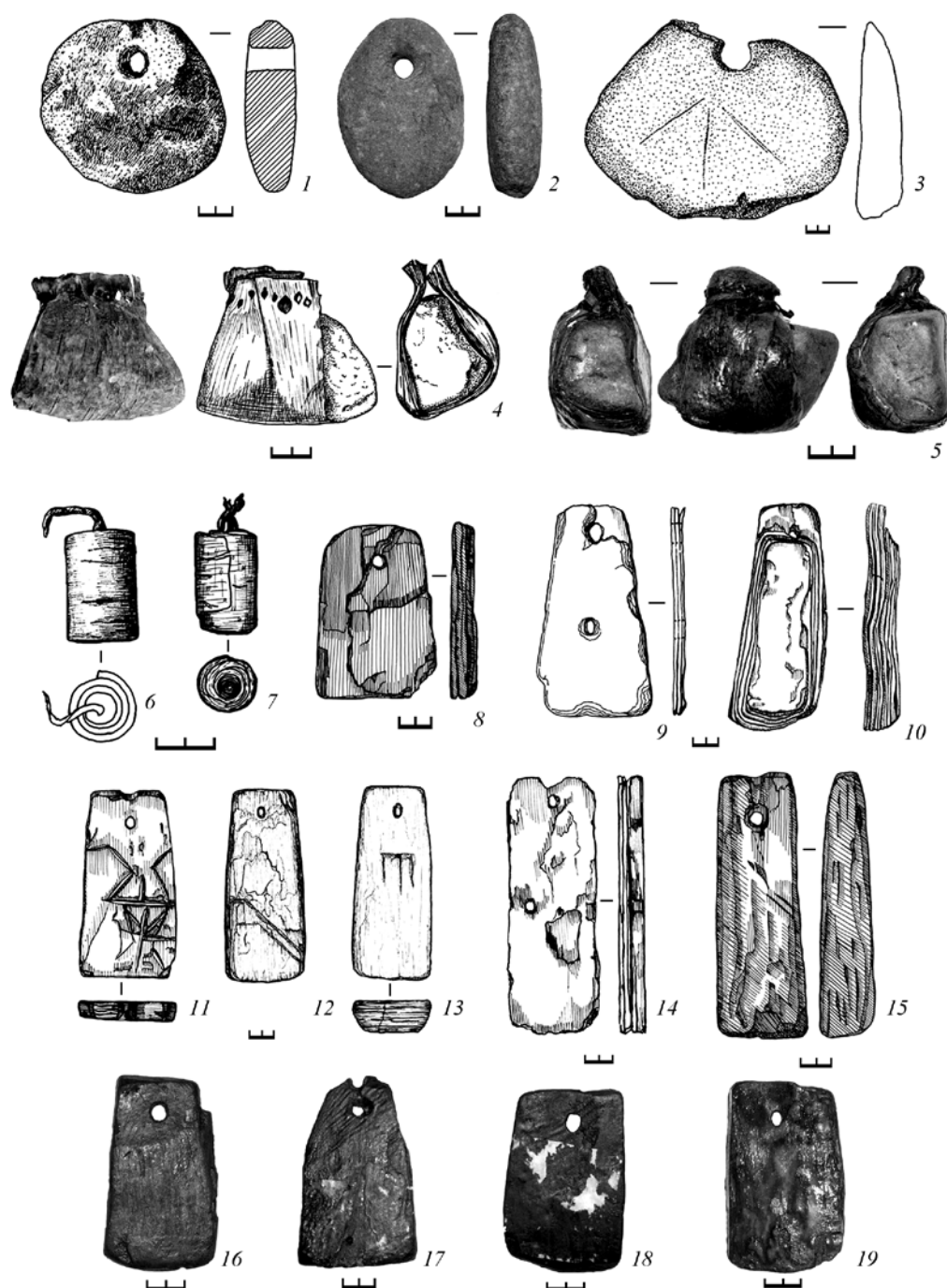

Рис. 2. Рыболовный инвентарь с Вёжи

1–5 – грузила; 6–19 – поплавки. 1–3 – камень; 4–5 – камень и береста; 6–7 – береста; 8–19 – кора сосны

деревянная игла и деревянный предмет, возможно, ячейки-шаблоны (ярус 9, конец XVI – начало XVII в.) (рис. 3, 11, 12).

Исходя из вышесказанного, мы предполагаем, что вёжские рыболовы могли использовать следующие виды сетей.

1. Волоковые сети:

– небольшие, для оснащения которых использовались овальные и сферические керамические

грузила, берестяные поплавки и поплавки из сосновой коры с одним отверстием в верхней части; – крупные, с неправильно-округлыми каменными грузилами.

2. Ставные сети:

– простые, для оснащения которых использовались массивные овально-уплощенные каменные грузила и поплавки из сосновой коры с одним отверстием в верхней части;

Таблица 3. Распределение рыболовных крючков по ярусам

Ярус /дата	Кол-во
1. Сер. XIX в.	1
5. 1-я пол. XVIII в.	1
6. 2-я пол. XVII в.	1
7. Сер. XVII в.	4
8. 1-я пол. XVII в.	6
Всего в слое XVII в.	11
Подъемный материал	5
Итого	18

– многостенные крупноячеистые с каменными грузилами в «мешочке» из бересты и поплавками из сосновой коры с двумя отверстиями.

У всех видов сетей грузила подвешивались к нижнему подбору за отверстие, расположенное в верхней части, а поплавки крепились к верхнему подбору.

Судя по количеству находок, в Вёжах более широко использовались небольшие волоковые сети. Причем, по мнению И.И. Тарасова, промысел ставными и малыми волоковыми сетями не отличался сложностью и не требовал больших коллективных усилий (Тарасов, 2009. С. 179).

Разное количество промысловых сетей (невод, простейшая волоковая сеть типа бредня, ставные сети для добычи определенных рыб) свидетельствует о промысловом характере рыболовства вёжских жителей, так как они были рассчитаны на массовый лов рыбы.

Ко второй группе рыболовных орудий относятся крючные снасти, представленные рыболовными крючками (табл. 3).

За все годы исследований на селище найдено 18 железных рыболовных крючков: 11 из них выкованы из стержня круглого сечения (рис. 3, 2, 3, 6, 7, 9, 10), 7 – из четырехгранного стержня (рис. 3, 1, 4, 5, 8).

Е.В. Салмина выделяет четыре вида рыболовных крючков, исходя из их функционального назначения и с учетом материала изготовления, размера, длины цевья (стержня), способа крепления, способа оформления жала (с бородкой или без) (Салмина, 1994. С. 165).

В вёжских материалах представлено два вида крючков (исходя из их промыслового назначения).

Вид 1. Переметные крючки с прямым стержнем (рис. 3, 1–6).

Данный вид крючков использовался для ловли крупной рыбы на живца или на «дурилку» (рыба насаживалась на крючок случайно, боком). Снасти типа перемета более уловисты и не требуют

постоянного присутствия рыболова в месте установки снасти (Салмина, 1994. С. 165, 168; Грибов, Цепкин, 2004. С. 77). И.И. Тарасов считает, что «только перемет может претендовать на лов в промышленных масштабах. Он мог снаряжаться несколькими десятками и даже сотнями крючков, использоваться с наживкой и без нее, по типу самолова, то есть когда рыба сама засекается на крючок какой-либо частью тела» (Тарасов, 2009. С. 178).

Размеры крючков: диаметр изгиба колеблется от 1,5 до 2,5 см; длина – от 8,0 до 11,4 см; «ширина» – от 2,0 до 3,5 см. Для них характерна бородка с хорошо выраженным противошипом – острый угол до 45°.

Вид 2. Насадные крючки для донок, закидушек, поставуш и других сходных по конструкции снастей (рис. 3, 7).

Данный вид крючков, по мнению К.В. Кудряшов, мог использоваться для пассивной ловли рыбы (Кудряшов, 1999. С. 42).

Размер крючка: диаметр изгиба 6,0 см; длина – 12,6 см; «ширина» – 6,5 см. Для него характерен заостренный отогнутый конец стержня.

Вид и тип еще трех рыболовных крючков не определяются, так как они сохранились частично (рис. 3, 8–10).

На вёжских крючках можно проследить несколько способов крепления крючка к лесе: утолщение, конец цевья раскован в «лопаточку», нарезка. Но они не соотносятся с определенным видом и типом крючка.

Аналогичные крючки встречаются в Пскове (Салмина, 1994. С. 164–168. Рис. 12), Нижнем Новгороде (Грибов, Цепкин, 2004. С. 77. Рис. 2, 1–14), Ростове Великом (Кудряшов, 1999. С. 42, 43. Рис. 1, 4), Коломенском Поочье (Мазуров, Цепкин, 2003. С. 129. Рис. 1, 1, 2).

Предметы оснастки крючных снастей присутствуют в слоях с XVII по XIX в., но основная их масса приходится на слои 1600–1650-х гг. Поэтому можно

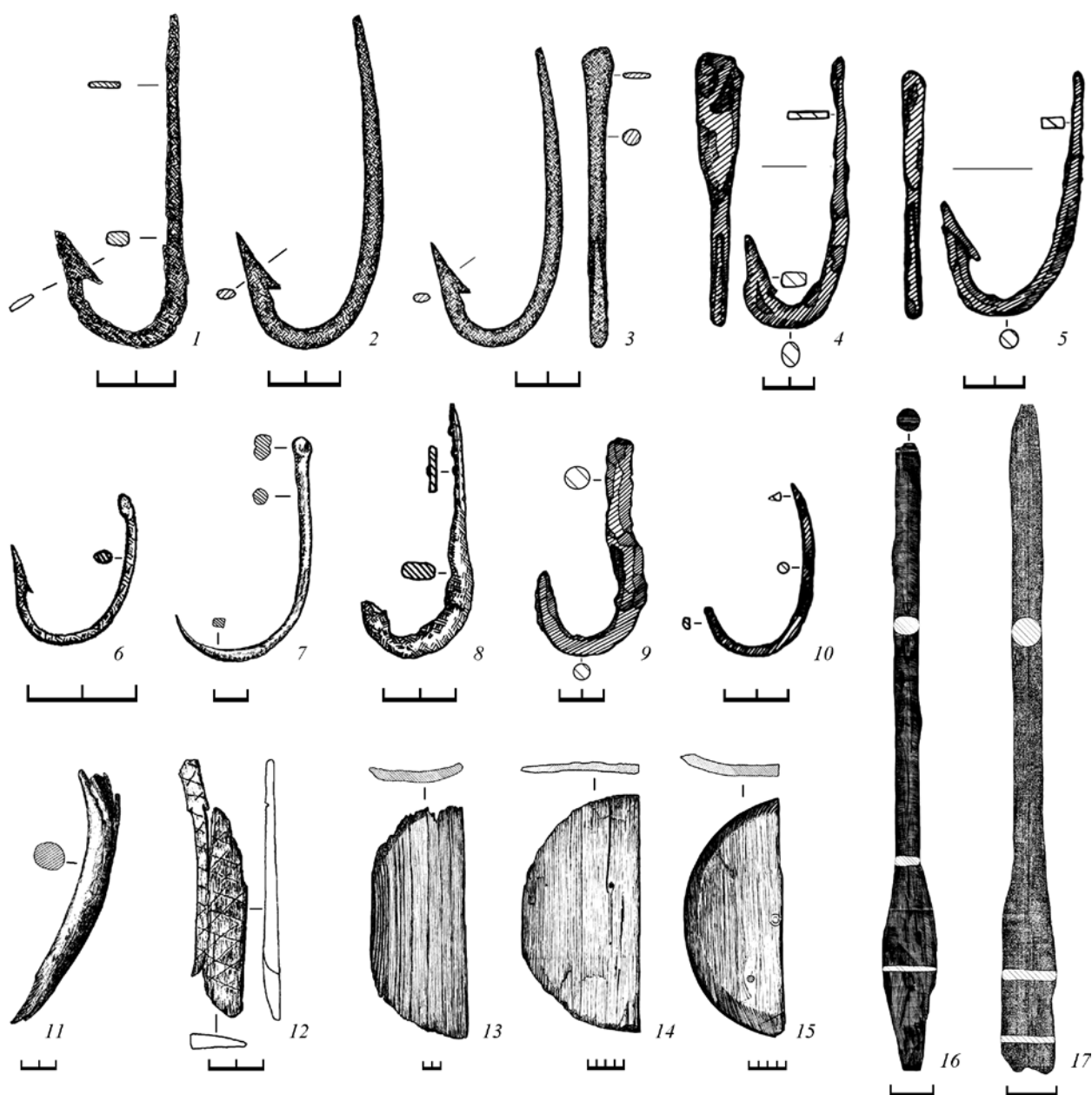

Рис. 3. Рыболовный инвентарь с Вёжи

1–10 – крючки; 11 – игла; 12 – ячейки-шаблоны; 13–15 – крышки бочек; 16–17 – весла. 1–10 – железо; 11–17 – дерево

предположить, что основное время бытования железных рыболовных крючков на селище Вёжи – XVII в. Причем связаны они прежде всего с индивидуальным способом рыбной ловли и, исходя из размеров, предназначались для лова крупной рыбы.

Также можно отметить еще две вспомогательные категории находок, связанные с рыболовным промыслом.

В слое первой половины XV в. (ярус 14) найдено два целых лодочных весла, сделанных из единого массива дерева (табл. 4).

Весло 1 (рис. 3, 16) – лопасть листовидной формы, ручка весла – овальная в сечении.

Весло 2 (рис. 3, 17) – лопасть неправильной подпрямоугольной формы, ручка весла – округлая в сечении.

Практически аналогичные по форме и параметрам весла были найдены в Чебоксарах в слоях XV–XVI вв. Там они интерпретируются как кормовые весла от небольших лодок-челноков (Краснов, Каховский, 1978. С. 124, 125. Рис. 58). Весло, вырезанное из ясеня, найдено в Переяславле

Таблица 4. Параметры деревянных весел, см

Находка	Длина весла	Длина ручки	Диаметр ручки	Длина лопасти	Ширина лопасти	Толщина лопасти
Весло 1	120	80	5	40	10,4	1,1
Весло 2	98,2	68	5,2	30,2	9,3	1,2–1,8

Рязанском (слой XVI – первой половины XVII в.) (Завьялов, 2011. С. 211. Рис. 1, 4).

Кроме того, на селище выявлены фрагменты крышек от пяти деревянных бочек (или кадок): четыре – в слое первой половины XVIII в. и один – подъемный материал (рис. 3, 13–15). Размеры крышек: диаметр 27–32 см, толщина 1,0–1,2 см. Возможно, деревянные бочки использовались для хранения засоленной рыбы и ее дальнейшей транспортировки.

Подводя итог данному исследованию, можно констатировать следующее. Для жителей селища Вёжи рыболовный промысел являлся одним из источников дохода. Причем промысловые способы

сетевого лова преобладали над индивидуальными. Возможно, вёжское рыболовство приобрело к XVI–XVIII вв. промысловый характер и было рассчитано на массовый лов рыбы, в связи с чем в нем могли быть задействованы десятки человек.

Наличие знаков на грузилах и поплавках свидетельствует об имущественной обособленности отдельных групп населения на с. Вёжи и их стремлении индивидуализировать принадлежащие им вещи.

Анализируя особенности рыболовного инвентаря, логична постановка вопроса об этнической принадлежности сельского населения селища Вёжи, реконструируя его место на этнической карте Костромского Поволжья.

Литература

Алексеев С. И., 2001. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 2001 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 26111.

Грибов Н. Н., Цепкин Е. А., 2004. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в средние века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 8. Нижний Новгород: Нижегородский университет. С. 71–95.

Завьялов В. И., 2011. Позднесредневековые деревянные изделия из Переяславля Рязанского // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 209–216.

Кабатов С. А., 1999. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 1999 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1999.

Кабатов С. А., 2004. Сельская керамика Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Российская провинция в динамике исторического развития: взгляд из XXI века: XI межрег. науч. конф. Т. 2. Кострома: КГУ. С. 7–25.

Кабатов С. А., 2007. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи (раскоп II) Костромского района, Костромской области. Т. III / Архив ИА РАН. Р-1. № 47341.

Кабатов С. А., 2009. Отчет об археологических исследованиях на селище Вёжи в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 36896.

Кабатов С. А., 2013а. Отчет по итогам археологических исследований, направленных на сохранение объекта археологического наследия «селище Вёжи», эпоха бронзы, железный век, средневековье, II тыс. до н. э. – XVIII в. / Архив ИА РАН. Р-1. № 40795.

Кабатов С. А., 2013б. Этнокультурная история сельского населения Костромского края золотоордынского времени // Вестник Костромского гос. университета. № 2. Кострома: КГУ. С. 34–39.

Кабатов С. А., 2014. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а / Архив ИА РАН. Р-1.

Кабатов С. А., 2015а. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи / Архив ИА РАН. Р-1.

Кабатов С. А., 2015б. Дополнительный материал к научному отчету по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи / Архив ИА РАН. Р-1.

Кильдюшевский В. И., 1973. Рыболовные принадлежности из раскопок древнего Орешка // КСИА. Вып. 135. С. 105–108.

Кирпичников А. Н., 1980. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л.: Наука. 128 с.

Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука. 186 с. (САИ. Вып. Е1–55).

Краснов Ю. А., Каховский В. Ф., 1978. Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М.: Наука. 92 с.

Кудряшов К. В., 1999. Рыбный промысел Ростова Великого (X–XIII вв.) // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 1998 г. Ростов: Музей-заповедник «Ростовский кремль». С. 40–47.

Куза А. В., 2016. Рыбный промысел в Древней Руси. М.–СПб.: Нестор-История. 320 с.

Мазуров А. Б., Ценкин Е. А., 2003. Рыболовный промысел в XII–XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // РА. № 4. С. 129–138.

Маракулин В. А., 2009. Знаки на предметах сетевого лова в средневековом Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород: Виконт. С. 389–397.

Ольховский В. С., 2001. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир: Армавирский краеведческий музей. С. 100–109.

Прошкин О. Л., 2005. Типология и хронология находок из культурного слоя, остатков построек

и разреза вала г. Козельска // Древний Козельск и его округа. М.: ИА РАН. С. 75–85. (Тр. Отдела охранных раскопок. Т. 4).

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1–39. М.: Наука. 124 с.

Салмина Е. В., 1994. Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове (классификация находок и способов ловли) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков: Псковский гос. научно-исследовательский археологический центр. С. 151–170.

Салмина Е. В., 1996. Предметы рыболовного инвентаря со знаками из раскопок в Пскове // АИППЗ. 1995. Псков: Псковский гос. научно-исследовательский археологический центр. С. 20–32.

Салмина Е. В., 1997. Рыболовство средневекового Пскова по данным археологии // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М.: Эдиториал УРСС. С. 334–342.

Сыроватко А. С., Панченко К. И., 2002. Археологический материал XVIII–XIX вв. из раскопок на селище Тарасовка 1 // Археологическое изучение Подмосквья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М.: ИА РАН. С. 7–26. (Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 1).

Тарасов И. И., 2009. Рыболовство в средневековой Ладоге // Староладожский сборник. Вып. 7. Старая Ладога: Музей-заповедник. С. 177–184.

Хижняков О. И., 2008. Керамические изделия из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 12–20.

S.A. Kabatov & S.A. Kurochkina

An initial overview of several sets of fishing gear from a rural population of Kostromsky Povolzhya (based on the results of archaeological studies of the settlement of Vyoza)

Summary

This article presents materials recovered from excavations at a 15th – 19th century settlement. They include stone and ceramic sinkers (weights), floats made

from birch and pine bark, fishing hooks, and other fishing gear. The materials listed illustrate the high importance fishing had for the people of this settlement.

Ю. А. Лихтер, А. Ю. Балашов, А. К. Пономаренко
ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва

Погребения со слезницами. Археологические исследования Нового кладбища Спасо-Андроникова монастыря в 2016 году

В 2016 г. ООО «Археологические изыскания в строительстве» (АИСТ) проводило археологические исследования территории Нового кладбища Спасо-Андроникова монастыря. Судя по всему, Новое кладбище, которое расположилось с восточной стороны монастырского комплекса, возникло не ранее 1868 г., но не позже 1878 г. Монастырь был закрыт в 1918 г. На его территории был основан лагерь ВЧК для военнопленных офицеров, который был упразднен в 1922 г. после окончания Гражданской войны. С 1922 по 1928 г. в монастыре располагалась колония для беспризорников (Пономаренко, 2016. С. 17). Соответственно, с 1918 г. здесь прекратились захоронения на кладбище по христианскому обряду.

В ходе работ вскрыто 12 погребений. Антропологический материал находится в обработке. В трех погребениях обнаружены стеклянные сосуды.

Описание погребений

Погребение 2 (рис. 1). Скелет представлен фрагментарно. Сохранилась лишь нижняя часть скелета, верхняя часть уничтожена поздним перекопом. На крышку гроба была наложена тканевая аппликация в виде креста, вышитого медными нитями. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении. Ориентирован по оси запад – восток, ноги на восток. Предполагаемая дата погребения – рубеж XIX–XX вв. В ногах лежал стеклянный стакан (Пономаренко, 2016. С. 34).

Погребение 9 (рис. 2). Погребение ориентировано головой на запад, с небольшим отклонением на север. Гроб имел форму трапеции, расширяющейся к изголовью. На крышку гроба была наложена тканевая аппликация в виде креста, вышитого медными нитями. Доски гроба были обтянуты тканью, содержащей медную нить. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении,

ориентирован головой на запад. Голова лежит на левой теменной кости. Руки сложены на груди. Предполагаемая дата погребения – вторая половина XIX – начало XX в. В ногах лежал стеклянный флакон (Пономаренко, 2016. С. 37).

Погребение 10 (рис. 3). Погребение ориентировано головой на запад, с небольшим отклонением на север. Гроб имел форму трапеции, расширяющейся к изголовью. На крышку гроба была наложена тканевая аппликация в виде креста, вышитого медными нитями. Доски гроба были обтянуты тканью, содержащей медную нить. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, руки сложены на груди. Предполагаемая дата погребения – вторая половина XIX – начало XX в. В ногах обнаружен стеклянный флакон (Пономаренко, 2016. С. 37, 38).

Описание сосудов

1. Стакан (погр. 2; № 15 – рис. 4, 1). Сохранился полностью, локальные следы коррозии. Конструкция сосуда состоит из тулова, дна и края. Общая высота – 8,88 см. Форма и размеры: тулово – конус расходящийся, усеченный снизу, стенки вогнутые; высота тулова – 8,88 см; диаметр тулова сверху – 7,59 см. Дно плоское; диаметр дна – 5,94 см; толщина дна – 0,66 см. Край выпуклый; диаметр края – 7,59 см; толщина края – 0,24 см. Стакан декорирован. В нижней части тулова и на дне вогнутый декор. На тулове бордюр из вертикальных овалов, срезанных внизу; на дне – многолучевая звезда (розетка) из вытянутых заостренных овалов. Стекло бесцветное, прозрачное. Стакан выдут в форму, декор шифованный (овалы на тулове) и резной (розетка на дне).

По известной нам литературе аналогии найти не удалось.

2. Флакон (погр. 9; № 16 – рис. 4, 1). Сохранился полностью, стекло в хорошем состоянии.

Рис. 1. Погребение 2. Общий вид и увеличенный фрагмент со стеклянным сосудом

Рис. 2. Погребение 9

Общая высота – 11,84 см. Конструкция сосуда состоит из венчика, горла тулова и дна. Край закрыт полосой стекла, образующей венчик. Форма и размеры: венчик горизонтальный наружу, граненый; высота венчика – 0,59 см; диаметр венчика – 3,03 см; диаметр венчика внутри – 1,4 см; ширина венчика – 0,92 см. Горло цилиндрическое вогнутое; высота горла (с венчиком) – 2,36 см; диаметр горла сверху – 2,18 см; диаметр горла внизу – 2,2 см. Тулово цилиндрическое; высота тулова – 9,48 см; диаметр тулова сверху – 5,82 см; диаметр тулова внизу – 5,82 см. Дно вогнутое; диаметр дна – 5,82 см. Переход от тулова к горлу скругленный. Флакон декорирован, на тулове сверху и внизу по четыре выпуклые горизонтальные линии в цвете сосуда. Цвет сине-зеленый средний светлый, стекло прозрачное.

Флакон выдут в разъемную рельефную форму. Венчик получен наложением на край полосы стекла, которую затем отпрессовали шаблоном. Декор получен при выдувании основы в рельефную форму.

По известной нам литературе аналогию найти не удалось, однако подобные флаконы часто встречаются при раскопках в Москве.

3. Флакон (погр. 10; № 21 – рис. 4, 3). Сохранился полностью, стекло в хорошем состоянии. Общая высота – 14,7 см. Конструкция сосуда состоит из венчика, горла тулова и дна. Край закрыт полосой стекла, образующей венчик. Форма и размеры: венчик горизонтальный наружу, граненый; высота венчика – 0,64 см; диаметр венчика – 2,70; диаметр венчика внутри – 1,37 см; ширина венчика – 0,70 см. Горло коническое расходящееся, усеченное снизу; высота горла (с венчиком) – 2,77 см; диаметр горла сверху – 2,17 см; диаметр горла внизу – 2,12 см. Тулово коническое расходящееся, усеченное снизу; высота тулова – 11,93 см; диаметр тулова сверху – 5,6 см; диаметр тулова внизу – 4,96 см. Дно плоское; диаметр дна – 4,96 см. Переход от тулова к горлу скругленный. Стекло бесцветное, прозрачное.

Техника изготовления: верхняя часть тулова выдута в разъемную форму, нижняя часть тулова выдута в цельную форму. После соединения частей тулова было вытянуто горло. На край наложили полосу стекла, которую затем отпрессовали шаблоном, получив таким образом венчик. В качестве аналогии можно указать флакон из каталога аптечного стекла (*Ритинг*, 1913. № 3056).

Стеклянные, как и керамические, сосуды часто встречаются в погребениях. В них наливали масло, оставшееся после соборования умиравшего. Долгое время такого рода находки в погребениях иссле-

Рис. 3. Погребение 10

дователи лишь отмечали, но не приводили ни изображений, ни описаний. В литературе их принято называть елейницами или слезницами, независимо от формы. По мнению Р. Л. Розенфельдта, обычай ставить в погребения такие сосуды существовал в Москве в XV–XVI вв., но исчез в конце XVI в. В других областях он дожил до XX в., но в этих случаях ставили фарфоровые и стеклянные стаканчики (*Розенфельдт*, 1968. С. 49).

Однако, как показали археологические исследования в Москве конца XX–XXI в., связанные с масштабными строительными работами, здесь продолжали ставить слезницы в погребения. Так, стеклянные елейницы, найденные при раскопках в Даниловом монастыре в 1983–1984 гг., опубликованы Л. А. Беляевым (1994. Табл. 102, 1, 3, 4). Большое количество погребений с елейницами, в том числе и стеклянными, найдено при работах Археологической службы Москвы на территории Георгиевского монастыря (1990 г., датированы XVIII в.),

Рис. 4. Стекланные сосуды-слезницы (см. цв. вкл.)

1 – погребение 2 (№ 15); 2 – погребение 9 (№ 16); 3 – погребение 10 (№ 21)

около церкви Феодора Студита на ул. Никитской (1993 г., датированы XVIII в.), в Моисеевском монастыре на месте позднейшей Манежной площади (1995 г., датированы концом XVII – началом XVIII в.), у церкви Троицы в полях (Третьяковский пр-д, 1999 г., стеклянные слезницы датированы концом XVII в.), в Малом и Большом Харитоньевском переулках (2010 г., склепы XVII в.).

Керамические елейницы, как правило, имеют форму чашечки или небольшого стаканчика (Розенфельдт, 1968. С. 49), стеклянные более разнообразны. По нашим наблюдениям, в этом качестве использовали банки, бокалы, кружки, рюмки, стаканы, чарки, чашечки; флаконы, аптечные штофы. В культурном слое некрополя Моисеевского монастыря была найдена полая стеклянная колонка, которая, по-видимому, также использовалась как елейница.

Вне пределов современной Москвы стеклянные елейницы (слезницы) также отмечены в некоторых некрополях: вокруг церкви Вознесения Господня на Нижнем посаде Звенигорода (Алексеев и др., 2005. С. 80, 84, 87) и в некрополе Троице-Сергиевой лавры в двух погребениях XVIII в. (Столярова, Энговатова, 2016). В Переславле-Залесском в 2012 г. при раскопках Б. Е. Янишевского на ул. Кардовского в двух погребениях рубежа XIX–XX вв. обнаружены стеклянные сосудики, в обоих случаях в голове у правого плеча¹.

Интересно, что в Коломне при раскопках некрополя у Старо-Голутвинского монастыря, датированного послереволюционным временем, во многих погребениях также была обнаружена разнообразная посуда – чашки, бутылочки (Дементьева, Чувиляева, Сыроватко, 2011. С. 441).

¹ Сообщение В. А. Зейфера.

По-видимому, традиция ставить сосудики с маслом (миро), оставшимся после соборования, продолжала существовать, как минимум, до революции 1917 г. и, вероятно, некоторое время после нее, пока не были запрещены погребения по христианскому обряду.

Трудно сказать, была ли эта традиция всеобщей. Отметим, однако, что в известных нам позд-

них некрополях, расположенных вдали от Москвы, слезницы не были обнаружены. Упомянем могильник XVII – начала XVIII в. на древнерусском городище Волочка Вяземского (раскопки Т. В. Сергиной, устное сообщение автора раскопок) и Горноправдинский могильник XVIII–XIX вв. в Нижнем Прииртышье (Зайцева, Кениг, 2014).

Литература

Алексеев А. В., Гончарова Н. Н., Зайцев В. В., Лазукин А. В., Седов Д. А., 2005. Охранные исследования церкви Вознесения Господня на Нижнем посаде Звенигорода // Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 3. М.: ИА РАН. 150 с.

Беляев Л. А., 1994. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: ИА РАН. 310 с.

Дементьева Т. Н., Чувиляева Ю. Н., Сыроватко А. С., 2011. Некрополь Новейшего времени у Старо-Голутвинского монастыря // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 441–443.

Зайцева Е. А., Кениг А. В., 2014. Погребальная обрядность русского старожильского населения Нижнего Прииртышья XVIII–XIX веков (по материалам раскопок могильника Горноправдинский) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, Тюмень, Екатеринбург: Магеллан. С. 23–27.

Пономаренко А. К., 2016. Отчет о проведении археологических работ в связи с реконструкцией (восстановлением после пожара) здания бывшего стрелкового тира ДОСААФ по адресу: г. Москва, Андроньевская пл., 10а // Архив ИА РАН. М.

Ритинг И., 1913. Прейс-курант аптечной и больничной посуды и принадлежностей для ухода за больными Общества Стеклового производства И. Ритинг. СПб.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука. 121 с.

Столярова Е. К., Энговатова А. В., 2016. Стекло-слезницы из некрополя церкви Сошествия Святого духа Троице-Сергиевой лавры // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 410–422.

Yu. A. Lichter, A. Yu. Balashov, & A. K. Ponomarenko

Burials with teardrops. An archaeological study of the “New Cemetery” of the Spaso-Andronikov Monastery (based on studies made during 2016)

Summary

This study looks at the funerary glass vessels known as *eleinitsy* or ‘teardrop-vases’, which were unearthed during excavations within the cemetery grounds, and

which had been made between 1868 and 1878. During the excavations, 12 burials were found, of which 3 contained such vessels (a glass, and three flacons).

Керамологические исследования и естественнонаучные методы в археологии

В. Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы

Настоящая работа продолжает исследование, на первом этапе которого была проведена обработка базовых комплексов керамики и представлены результаты статистической фиксации обширной информации, заключенной в массовом керамическом материале, сформулированы основные выводы по хронологии рассмотренных комплексов (Коваль, 2016а)¹. Однако за пределами той работы остались малосерийные группы изделий – столовая посуда (кувшины, кумганы, миски, плошки, светильники и т.п.), в том числе поливная местного производства, а также относительно редкие разновидности московской столовой керамики (лощеной, ангобированной). Не рассматривались также керамические игрушки, рыболовные грузила и прочие изделия из керамики, не относившиеся к посуде. В значительной степени это произошло потому, что большая часть подобной керамики происходила не из условно закрытых комплексов (заполнения заглубленных построек), материал которых был центром внимания на первом этапе исследования.

Необходимо напомнить, что керамический материал, собранный в 2007 г. на раскопе I в Тайницком саду Московского Кремля, хронологически относился к интервалу XII–XVIII вв., но все выявленные в ходе работ Института археологии РАН постройки датировались XIV–XVII вв. Застройки XII–XIII вв. на данном участке не было, хотя культурный слой этого периода здесь все же отлагался. Правда, мощность этих отложений была невелика, и к тому же они были сильно повреждены перекопами, связанными с позднейшим строительством, поэтому основная масса ранней (домонгольской) керамики встречена в переотложенном состоянии в слоях и построй-

ках XIV–XVII вв. Также следует повторить, что статистическая фиксация керамики из построек проводилась по системе, разработанной автором (Коваль, 2016б). Остальной материал, происходивший из слоев за пределами построек, фиксировался в рамках традиционной для археологии Москвы крайне упрощенной «цветной» системе фиксации керамики, которая не позволяет получать новых знаний о керамике Москвы, а лишь подтверждают выводы, сделанные более полувека назад корифеями московской керамологии (М. Г. Рабиновичем и Р. Л. Розенфельдтом).

Важным результатом проделанной работы стала подробная керамологическая (и статистическая) характеристика пяти эталонных керамических комплексов, происходивших из слоев на дне оврага и заполнения заглубленных построек (сооружения Т1-96, Т1-84, Т1-102, Т1-10/92, Т1-74), сформировавшихся в период от XIV до второй трети XVI в. (Коваль, 2016а. С. 439–457). Другие комплексы синхронизировались с эталонными по признаку близости соотношения различных типов керамики, венчиков горшков, днищ и декора.

В настоящем исследовании на основании полученных данных и выводов дается более подробное описание малосерийных групп керамики, встреченных в изученных комплексах и слоях протяженного залегания: краснолощеной, ангобированной, чернолощеной, поливной керамики, а также особых разновидностей белоглиняной посуды, не связанной с наиболее массовыми в средневековой Москве группами гжельской и коломенской керамики.

Краснолощеной керамики на исследованном участке Кремля фиксировалась начиная с XIV в.

¹ Раскопки в Кремле в 2007 г. проводились под общим руководством академика РАН Н. А. Макарова и д.и.н. Т. Д. Пановой (Музеи Кремля), при деятельном участии А. В. Энгватовой (ИА РАН) и других сотрудников Института археологии РАН.

в виде развалов и единичных обломков сосудов, являвшихся импортами из Волжской Булгарии или иных районов Золотой Орды. Время появления в Москве собственного производства краснолощеной керамики остается дискуссионным. Р.Л. Розенфельдт относил появление производства такой керамики к концу XIV в., связывая его с успешным походом князя Юрия Дмитриевича на Болгарский улус, когда в числе захваченных трофеев могли оказаться и болгарские гончары. Однако надежных археологических свидетельств производства краснолощеной керамики в Москве нет до сих пор. Ссылки на находки обломков такой керамики Б.А. Рыбаковым под валом Звенигородского городища (Розенфельдт, 1968. С. 14) не решали вопрос, поскольку эти обломки могли быть импортными, да и сама датировка городской стены (руинами которой был этот вал) установлена на основании косвенных данных, а не по археологическому материалу. Нет полной уверенности и в том, что краснолощенные корчаги, обнаруженные в горне, исследованном в Коломне, не являлись импортами (Мазуров, Коваль, 2004. С. 303, 304. Рис. 10), поскольку среди них не отмечены бракованные экземпляры. В заполнение горна эти корчаги могли попасть уже в качестве мусора, сброшенного в разрушенный старый горн. При всем этом совершенно ясно, что в XV в. краснолощенная посуда в Москве производилась: она в это время уже заметно отличается от болгарской по формам и деталям обработки поверхности. Начальный момент этого производства должен приходиться если не на конец XIV, то на первые десятилетия XV в.

Формы ранней московской краснолощеной керамики практически не опубликованы, поскольку она известна в основном в обломках (Чернов, 1991. Табл. 80А, 99А, 110, 111) либо в графических реконструкциях, число которых также невелико (Розенфельдт, 1968. Табл. 3, 1–2, 3–5; Кренке, 2009. Рис. 206, 211, 214). В этой ситуации кремлевские материалы способны расширить имеющиеся сегодня данные о подобной керамике.

Первые образцы краснолощеной посуды московского производства появляются в слоях и постройках первой половины XV в. раскопа I, хотя там продолжают встречаться в это время и единичные образцы импортных сосудов. К числу несомненных болгарских импортов XV в. относились развалы небольшой корчажки и кувшина, а также отдельные обломки кувшинов хорошего обжига, из характерного для Волжской Булгарии керамического теста с минимальным количеством примесей (Коваль, 2015. С. 258–260). Количество

краснолощеной керамики в заполнениях построек и слоях протяженного залегания колеблется в этот период в очень широких пределах – от 1 до 30%, хотя чаще всего ее доля составляла 12–20%. В XVI в. эта доля колебалась в слоях и комплексах столь же широко, в пределах 4–18%, но чаще всего она составляла 9–12%. При этом наряду с московскими изделиями в комплексах второй половины XVI в. зафиксированы единичные обломки керамики из светло-красной глины без видимых примесей со сплошным лощением (рис. 1, 1), производившейся, вероятно, в Можайске (Коваль, 2010б. С. 200–202). Впервые керамика этого типа была выявлена при раскопках на селище Мякинино-2 и при работах Б.Е. Янишевского в Можайске.

К московской краснолощеной посуде относились изделия из ожелезненной глины с всегда заметной примесью мелкого песка, полного горнового обжига, поверхности которых имели насыщенный красный (или красно-коричневый) цвет. Эти изделия относились к следующим формам.

1. Кувшины с выделенным горлом, украшенным горизонтальным рифлением, выполненным палочкой по спирали (Коваль, 2015. Рис. 12, 2) (рис. 1, 2; 2, 1, 2) и копирующим исходные болгарские прототипы. Эти формы хорошо известны по многочисленным обломкам из прежних раскопок в Москве (Чернов, 1991. Табл. 80А, 99А, 110, 111). Декор тулова таких кувшинов состоял из одной-двух горизонтальных гравированных линий по плечикам либо пояса из наклонных наколов многозубым (от 6 до 9) штампом или наклонных насечек, оконтуренных сверху и снизу горизонтальными линиями.

2. Кувшины-кружки – специфически московские изделия (рис. 2, 3), копировавшие форму усеченно-конических болгарских медных кумганов (Руденко, 2000. Рис. 18–23). При этом в самой Волжской Булгарии подобные формы керамики неизвестны, то есть московские гончары воспроизводили в глине именно медные сосуды, а не керамические изделия. При этом кувшины-кружки отличались от металлических кумганов отсутствием грубчатого носика-слива, а от других керамических форм – такой характерной деталью, как подрезка дна (Розенфельдт, 1968. Табл. 3, 1, 2, 5; Чернов, 1991. Табл. 110, 16–18). Среди изделий XVI в. встречаются гибридные формы, совмещающие признаки обычных кувшинов и кувшинов-кружек. У них грушевидное тулово, рифленая цилиндрическая горловина и подрезка у дна (Коваль, 2015. Рис. 15, 3). Кувшины-кружки изготавливались только московскими гончарами,

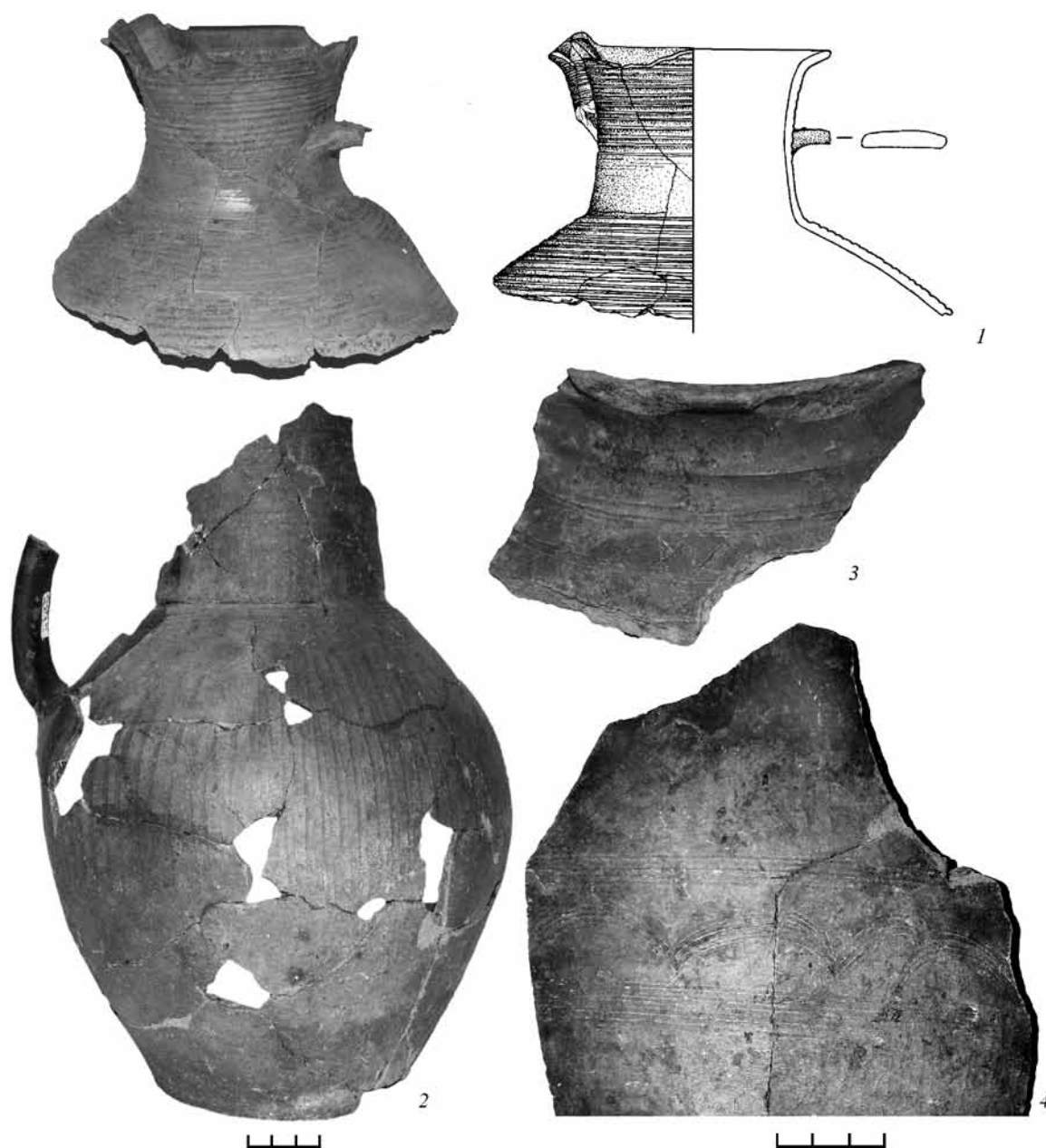

Рис. 1. Краснолощенная керамика

1 – горло кувшина (№ 786-кер); 2 – кувшин (№ 862);
3, 4 – обломки болгарской корчаги (кв. Д-7, гл. -420/-440 см)

поэтому за пределами Москвы они практически неизвестны.

3. Корчаги – сосуды, как правило, крупных размеров (диаметр до 50 см, высота до 80 см), предназначенные для хранения жидких продуктов питания (Коваль, 2015. Рис. 12, 1). Московские краснолощенные корчаги в целом повторяли формы болгарских корчаг и всегда имели несколько вытянутые пропорции с усеченно-конической нижней частью тулова. Они отличались относительно узкими

венчиками (их диаметр был в два раза меньше диаметра тулова), профилировка которых была однотипна: вертикальные или слегка изогнутые, с заворотом чернового края внутрь. В отличие от московских, венчики болгарских корчаг имели рельефное ребро на середине шейки венчика (рис. 1, 3). Лощением покрывалась только верхняя часть тулова, примерно до середины высоты сосуда. Днища – со следами формовки на песчаных подсыпках. Декор состоял из одного-двух поясов из наклонных

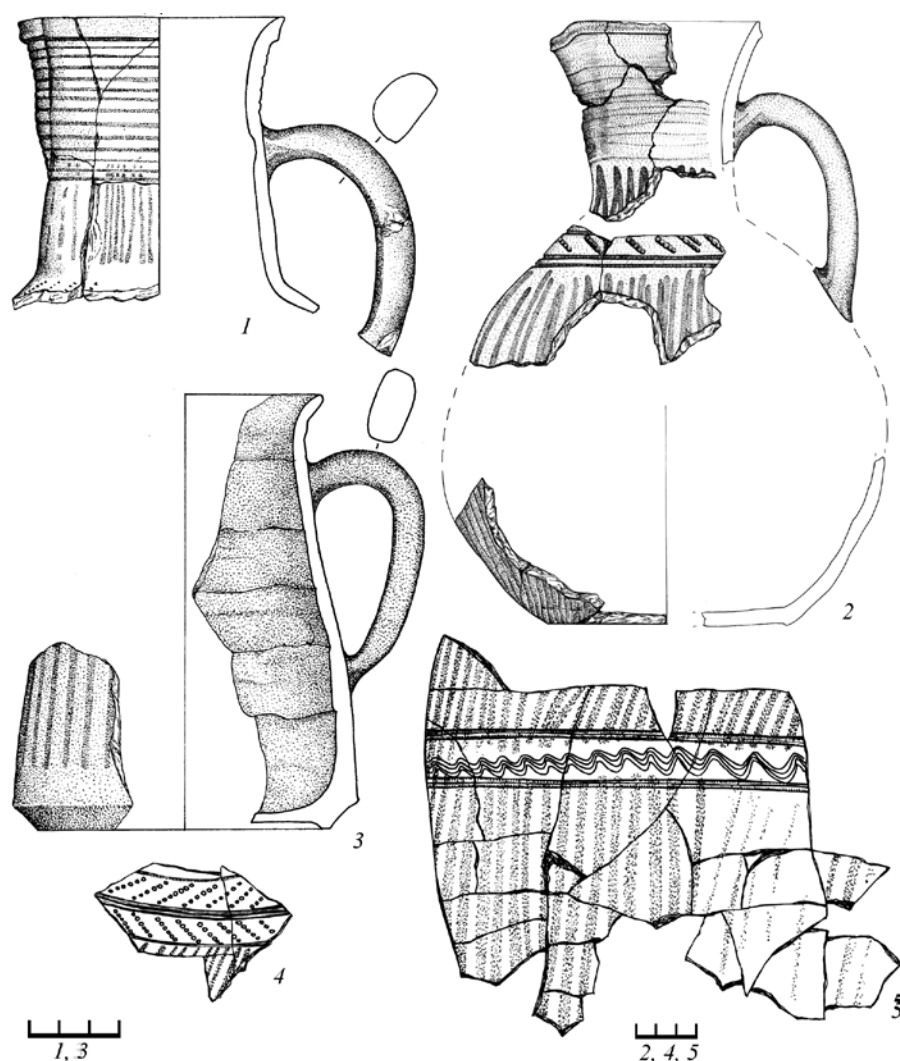

Рис. 2. Краснолощенная керамика

1 – горло кувшина (№ 92-кер. Т1-34); 2 – кувшин (№ 583-кер. Т1-117); 3 – кувшин (№ 582); 4, 5 – обломки московской корчаги (№ 391-кер. Т1-84)

наколов многозубым (от 6 до 9) штампом, разделенных и оконтуренных сверху и снизу одиночными горизонтальными линиями (причем штамп никогда не использовался для нанесения на корчаги линейного орнамента) (рис. 2, 4). Очень редко встречается такой элемент, как волна на уровне максимального диаметра и оконтуренная двумя горизонтальными линиями (рис. 2, 5). Подобный декор воспроизводит характерную фестончатую орнаментацию болгарских корчаг (рис. 1, 4), которая наносилась как раз именно многозубым штампом. Поэтому различать болгарскую и московскую краснолощеную керамику в целом несложно.

Другие формы посуды в московской краснолощенной керамике практически не встречаются.

Исчезает она одновременно с основной массой московской красноглиняной керамики, то есть после смены населения Москвы и изменений в снабжении города посудой, произошедших в ходе и после «смуты» начала XVII в. Хотя нельзя исключать того, что резкое сокращение объемов производства красноглиняной и краснолощенной посуды произошло в Москве еще раньше – после 1571 г., когда посады Москвы были разгромлены набегом крымских татар (Коваль, 2001. С. 103).

Красноглиняная белоангобированная керамика Москвы относилась к двум категориям – столовой посуде и игрушкам. Обе категории разделяются на три подгруппы.

А. С росписью белым ангобом в виде круглых пятен (очень редко – полос).

Б. Со сплошным покрытием поверхности белым ангобом, без дополнительного декора (кроме подангобной гравировки).

В. С таким же покрытием и росписью красной краской по белому грунту.

Р. Л. Розенфельдт, исходя из материалов раскопок в Зарядье, высказывал предположение о появлении ангобированной керамики в Москве в широких рамках XV в., однако подгруппа А, по его мнению, являлась наиболее ранней, появляясь одновременно с красноощенной посудой, то есть в конце XIV – первой половине XV в. (Розенфельдт, 1968. С. 21). Правда, комплексы узкой датировки с такой керамикой не опубликованы и сама дата выглядит скорее умозрительной. Было также замечено, что крупные пятна ангоба характерны для ранних разновидностей такой керамики, а позже эти пятна становятся мельче (меньше 0,5 см в диаметре), а также появляются такие элементы росписи, как полосы и завитки (Розенфельдт, 1968. С. 20). Ангобированная керамика использовалась исключительно как столовая посуда (к ней относятся обломки кувшинов и кубышек), кроме того, в такой же технике изготавливались детские игрушки в виде фигурок животных, людей, птиц (полые погремушки, свистульки и статуарные изделия со сплошным туловом).

Материалы раскопок в Тайницком саду Кремля не подтверждают предлагавшиеся ранее датировки, однако надо учитывать, что здесь количество находок ангобированной керамики (суммарное по группам А–В) было крайне мало. Всего из комплексов построек ее происходило 88 обломков посудной керамики и 12 фрагментов игрушек (0,7% керамики из построек), еще 148 обломков посуды и 18 игрушек присутствовали в слоях протяженно-го залегания (без учета находок в перекопах), доля которых в суммарном керамическом сборе была еще меньше – 0,4%. Эти значения существенно ниже тех, что были зафиксированы при прежних раскопках в Москве, когда доля ангобированной керамики достигала в некоторых комплексах 1,5–4,0% (МК, 1991. Табл. А). Это, конечно, сужает возможности для уточнения хронологии такой посуды, поскольку единичные обломки не могут

рассматриваться в качестве надежных свидетельств бытования керамики: они могли попасть в комплексы или слои по совершенно случайным причинам.

Вместе с тем представляется важным указать на то, что среди 11 репрезентативных комплексов XV в. на раскопе I ангобированная керамика была встречена только в одном комплексе середины XV в. (в верхнем горизонте заполнения погребка Т1-32 – всего один мелкий обломок) и в двух погребках второй половины XV в. (один и четыре обломка соответственно). При этом нет уверенности в том, что эти находки небольших обломков стенок не попали в выборки по микроперекопам из выше-лежавших слоев. Среди 30 находок обломков ангобированных игрушек нет ни одной, которая происходила бы из контекстов XV в., наиболее ранние образцы зафиксированы в начале и первой трети XVI в.² Таким образом, можно констатировать, что в комплексах построек XV в. эта керамика вовсе отсутствовала³.

Казалось бы, материалы из слоев, залежавших на площади раскопа, должны были бы дать более расплывчатую картину. Однако нет, они показывают, что обломки ангобированной керамики не встречены ниже уровня -580 см. Между тем выше-лежавшие слои (в пределах отметок -520/-580 см), включавшие всего 15 мелких обломков ангобированной посуды, датировались в интервале первой трети XVI в. Эта дата вытекает из структуры керамического материала этих пластов, содержавшего от 2 до 22% гжельской белоглиняной керамики (она же белая грубая в терминологии С.З. Чернова или МБК-1 по нашей ранней группировке) (Коваль, 2016а. С. 445–449). Поскольку слои на площади раскопа были повреждены многочисленными микроперекопами, нельзя исключать того, что рассматриваемая толща отложилась в несколько более раннее время – во второй половине XV в., но в этом случае ангобированная и гжельская белоглиняная керамика попала сюда, скорее всего, как раз благодаря этим перекопам.

Действительно заметным количество ангобированной посуды становится лишь в комплексах и слоях XVI в., начиная с первой трети этого столетия, причем особенно много ее оказывается в слоях XVII в. Итак, материалы раскопок

² Керамические игрушки рассмотрены в отдельном разделе ниже

³ Такую же картину демонстрируют и подмосковные комплексы. Однако при их анализе необходимо учитывать, что там встречаются и иные разновидности ангобированной керамики, например, белоглиняная ангобированная, замеченная С.З. Черновым на селище Дунино-6 под Звенигородом (Чернов, 2017. Рис. 21. Табл. 1). Такую керамику, происхождение которой пока не установлено, следует рассматривать отдельно от красноглиняной ангобированной посуды.

в Кремле не позволяют следовать за утверждениями о распространении ангобированной керамики с конца XIV в.

Рассмотрим каждую подгруппу посудной керамики более подробно.

Подгруппа А. Керамика с пятнами белого ангоба (48 находок) была представлена обломками кувшинов-кружек небольшого размера и миниатюрных сосудов-кубышек. Она обнаружена в ограниченном числе узко датированных комплексов – в семи заглубленных постройках, в том числе эталонных комплексах Т1-102 (1 экз.), Т1-92 (2 экз.) и Т1-74 (6 экз.). Рост числа находок соответствует здесь датам комплексов, отложившихся с начала XVI в. (Т1-102) по середину XVI в. (Т1-74). Самые ранние комплексы, в которых встречена эта керамика, причем в виде единичных обломков, датированы концом XV в. (Т1-58 и Т1-110). Однако большинство находок, в том числе единственный неполный развал кувшина-кружки (Коваль, 2016а. Рис. 11, 2) (рис. 3, 1), найдено в слоях раскопа, датированных XVI в. Интересен также поврежденный миниатюрный кувшинчик (отбито горло и ручка, находка № 390), внутри которого находились корпус цилиндрического замка и два астрагала (рис. 4, 1). Этот своеобразный кладик (или аксессуар магических действий?) найден в комплексе середины XVI в. (сооружение Т1-74). Игрушек найдено только четыре (рис. 3, 6).

Подгруппа Б. Посудная керамика со сплошным покрытием белым ангобом присутствовала в 12 комплексах (53 находки); кроме того, еще 119 обломков найдены в слоях XVI–XVII вв. К этой подгруппе относились обломки горшков (рис. 3, 2, 3), кувшинов и кубышек, слив зооморфного водолея (рис. 3, 4), однако ни одного целого сосуда этой подгруппы не встречено. Наиболее ранние контексты, в которых зафиксирована такая керамика, относились ко второй половине XV в. – постройки Т1-41 (1 экз.), Т1-47 (4 экз.), Т1-84 (1 экз.). При этом надо заметить, что комплекс керамики из постройки Т1-47 явно нарушен, поскольку в нем была обнаружена также чернолощенная керамика (см. ниже).

Из слоев протяженного залегания этого времени происходили еще восемь обломков. Таким образом, вся остальная керамика этой подгруппы была связана со слоями XVI–XVII вв. Если говорить на языке конкретных цифр, то в последних было собрано 145 обломков, или 85% всех находок). Эти данные позволяют относить появление керамики подгруппы Б к концу XV – началу XVI в., а ее распространение в Москве связывать уже с XVI в.

Интересно, что все белоангобированные горшки относились только к двум морфологическим разновидностям, копировавшим формы гжельских и коломенских белоглиняных горшков. Уже одно это позволяет объяснять появление белоангобированных горшков стремлением гончаров, работавших с красножгущимися глинами, имитировать белоглиняную посуду, которую начали производить в окрестностях Москвы сначала в Коломне (в XV в.), а затем в Гжели (с рубежа XV–XVI вв.).

Самые ранние образцы белоангобированной керамики, найденные в комплексах второй половины XV в., представляют собой венчики небольших столовых горшковидных сосудов (рис. 4, 2, 3), подражающих вертикальной профилировке венчиков коломенских белоглиняных горшков, которые в это время уже появляются в Москве, правда, в виде единичных сосудов (Кренке, 2009. Рис. 212, 2). Однако нельзя утверждать, что эти белоангобированные подражания были изготовлены только в Москве, поскольку в XV в. производство аналогичных подражаний существовало в Коломне, где доля белоангобированной керамики составляла до 1/10 всей массы керамического материала в комплексах рассматриваемого времени. В первой половине XVI в. изготовление ангобированной керамики в Коломне прекращается (Черкасов, 2004б. С. 16).

В кремлевских комплексах начала XVI в. появляются ранее не встречавшиеся здесь формы белоангобированных кубышек и елейниц (рис. 4, 5, 6), а затем и подражания гжельским белоглиняным горшкам с заворотом черного края венчика наружу (рис. 3, 2). Впрочем, наряду с ними продолжают присутствовать и очевидные подражания коломенским горшкам (рис. 3, 3). Обратим еще раз внимание на слив в виде морды лошади (рис. 3, 4), который мог принадлежать только зооморфному водолею, напоминавшему, вероятно, чуть более поздние чернолощенные сосуды.

Подгруппа В. Керамика с росписью красной ангобной краской по сплошной облицовке белым ангобом представлена единичными обломками кумганов (рис. 3, 5). При прежних раскопках в Москве изредка встречались также обломки горшков, мисок, крышек от кумганов, плошек-светильников, зооморфных водолеев и детских игрушек (Розенфельдт, 1968. Табл. 6, 7). На Подоле Московского Кремля эта разновидность керамики зафиксирована всего в пяти заглубленных объектах (сооружения Т1-28, Т1-32, Т1-50, Т1-74 и Т1-102) в количестве 7 экз. Самым ранним из них был комплекс

Рис. 3. Белоангобированная керамика

1 – кувшин-кружка (№ 1587); 2, 3 – обломки горшков (кв. 0–12, гл. -460/-480 см); 4 – слив зооморфного водолея (№ 486); 5 – стенка кумгана с красной росписью (№ 902-кер. кв. Н/О-11/12, гл. -500/-520 см); 6 – птичка-свистулька (№ 24)

погребя Т1-32, где обломок ангобированного сосуда отмечен в верхнем горизонте заполнения, сформировавшегося к середине XV в. В остальных комплексах также встречены единичные обломки этой керамики. В слоях раскопа, датируемых не ранее начала XVI в., было найдено еще 10 таких обломков. Следовательно, на данном участке Кремля эта посуда не бытовала, а попадала в культурный слой случайно только в виде небольших обломков, вероятно, принесенных со стороны (возможно, они перемещены сверху, с края кремлевского холма). При этом распределение находок таково, что позволяет допускать начало отложения этой керамики в слое не ранее середины XV в., тогда как массовое ее распространение приходится на XVI в.

Важно подчеркнуть, что все три подгруппы ангобированной керамики бытовали практически одновременно, и, по материалам кремлевских раскопок, первые их образцы стали откладываться в культурном слое во второй половине XV в., а более или менее заметное распространение такая керамика получила только в XVI в. Причем это наблюдение касается и изделий с пятнами белого ангоба. Разумеется, подобная ситуация не может

автоматически экстраполироваться на всю Москву (она могла сложиться по неведомым случайным обстоятельствам). Однако игнорировать это наблюдение также невозможно. Дело в том, что до сих пор по раскопкам в Москве не опубликованы узко датированные комплексы XV в., которые содержали бы ангобированную керамику, поэтому хронологические выводы Р.Л. Розенфельда, полученные на материалах раскопок в Зарядье (где точно датированные комплексы также отсутствовали или, по крайней мере, не были введены раскопщиками в научный оборот), можно рассматривать только как предварительные.

Новейшие исследования не дали полной определенности в датировке ангобированной керамики. Наиболее важны для нашей темы раскопки на Романовом дворе, где ангобированная расписная керамика встречена в нескольких комплексах, однако предлагаемая дата ее появления в пределах то ли конца XV в., то ли второй половины XV в. (Глазунова, 2009. С. 133) вступает в противоречие с датой опорного комплекса – ямы 5 раскопа VII, о датировке которого нам уже приходилось высказываться. Она относится не к XV в., а к первой

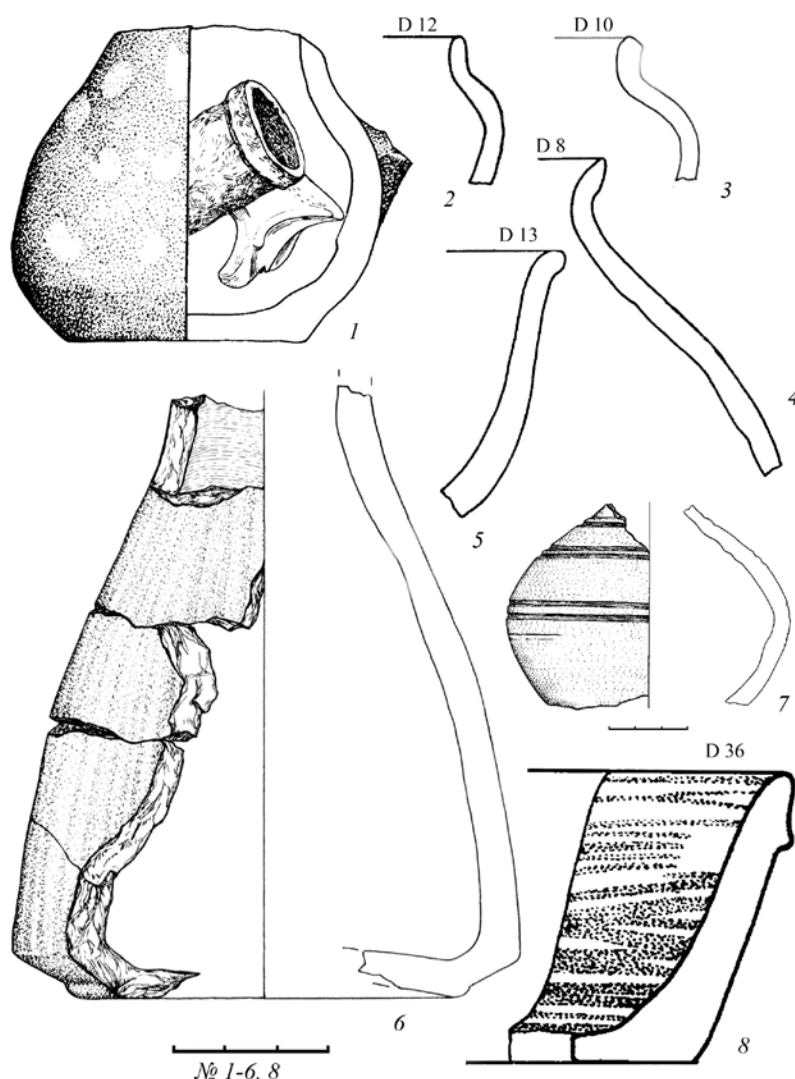

Рис. 4. Белоангобированная (1–5) и чернолощенная (6–8) керамика

1 – тулово миниатюрного кувшинчика с пятнами белого ангоба (№ 390); 2, 3 – венчики сплошь ангобированных горшков (№ 122-кер. Т1-41; 379-кер. Т1-84); 4 – венчик кубышки (№ 43-кер. Т1-28); 5 – край лощенной елейницы (№ 42-кер. Т1-28); 6 – кувшин-кружка (№ 376-кер. Т1-80); 7 – кубышка (№ 855-кер. Кв. Е-10, гл. -460/-480 см); 8 – профиль блюда (№ 666)

половине XVI в. (Коваль, 2016а. С. 449). Таким образом, кумган, найденный в этой яме (Кренке, 2009. Рис. 217, 1), скорее следовало бы датировать первой половиной XVI в., хотя, конечно, нельзя исключать производство сосуда в несколько более раннее время. Второй целый кумган этого типа был найден в Зачатьевском монастыре в яме первой половины XVI в. (Глазунова, 2009. С. 133). Наконец, еще один почти целый кумган с красной росписью, найденный на селище в южном Подмоскowie (но явно привезенный туда из Москвы), был обнаружен в комплексе, датировка которого ограничивается первой половиной – второй третью XVI в. (Фатков, Баранов, 2015. С. 427. Рис. 4). Таким образом, пока подобные сосуды не найдены

в комплексах, датированных ранее XVI в. И даже более того, все находки тяготеют к датам в пределах первой половины – середины XVI в. Поэтому голословное приписывание одного кумгана из раскопок в Гостином дворе к «слоям XV в.», которое не обременено никакими доказательствами (Векслер и др., 2015. Рис. 6), не следует принимать во внимание. Последующие публикации раскопок А. Г. Векслера и его соавторов еще более убеждают в недостоверности предлагаемых дат и умозаключений. Таким образом, находки последнего десятилетия подтверждают выводы по датировке ангобированной керамики, полученные в Кремле.

Тем не менее происхождение белоангобированной керамики остается невыясненным, так как ее

появление в Москве произошло внезапно, несмотря на существование производства простой белоангобированной посуды в Коломне. Однако в Коломне неизвестна керамика с пятнами белого ангоба и с красной росписью по ангобной облицовке, что не позволяет вести ее генезис напрямую из Коломны в Москву. Если говорить о происхождении разных подгрупп московской ангобированной керамики, то очевидно, что «пятнистая» подгруппа по формам сосудов напрямую связана с московской краснолощенной посудой и не имеет никакого отношения к коломенскому гончарству, в то время как простая белоангобированная (подгруппы Б) может связываться именно с коломенской традицией и ее развитием в Москве. Однако керамика с красной росписью (подгруппы В) не имеет прямой связи ни с той, ни с другой линиями развития, поскольку появляется с уже готовыми формами сосудов и стандартными орнаментальными схемами, включавшими геометрические (заштрихованные треугольники, вертикальные волнистые линии, пояса наклонных штрихов и т.п.) и существенно реже – зооморфные и растительные мотивы. Особенно ярко выделяются именно специфические формы этой керамики – кувшинообразные (кумганы) и зооморфные водолеи. По этому признаку ангобированная расписная керамика имеет сходство только с одним типом московской посуды – чернолощенной. И это сходство представляется вовсе не случайным.

Попытка объяснить внезапное появление в Москве белоангобированной керамики вызвала к жизни гипотезу, высказанную недавно М.Г. Гусаковым, о появлении этой посуды под влиянием итальянских архитекторов, приезжавших в Москву с конца XV в. по приглашению великого князя Ивана III для строительства новых стен Кремля, а заодно и других кирпичных зданий столицы (*Векслер и др.*, 2015. С. 446, 447). Мысль представляется вполне верной, поскольку совпадение появления новой керамики с приездом в Москву иностранцев вряд ли было случайным. Налаживание итальянцами производства кирпичей для масштабных строительных проектов теоретически могло сопровождаться и изготовлением столовой посуды по привозным образцам. Однако этих предполагаемых образцов пока нигде в Москве не найдено, как нет пока и никаких данных о распространении в Италии подобной керамики, а ссылки на этнографические образцы XX в. нельзя рассматривать как серьезное подтверждение существования подобного производства 500 годами ранее. Итальянская археологическая литература

не дает подтверждения производства на Апеннинских белоглиняной или белоангобированной расписной керамики в XV в. Впрочем, такое производство могло существовать в каком-то отдельном районе Италии, а также в других странах Европы. В связи с этим надо учитывать, что в число иностранцев, приезжавших на Русь и привозивших сюда новые технологии в конце XV в., входили не только итальянцы, но и представители иных народов Европы. Известно, что такие мастера приезжали из Дании и Германии, заметной была и иммиграция из Греции, последовавшая за женитьбой московского князя Ивана III на Софье Палеолог, дочери морейского (пелопоннесского) деспота. Правда, и в этих странах для XV в. керамика, аналогичная московской, неизвестна.

Таким образом, можно допускать, что идея производить белоангобированную, расписанную красной краской керамику могла быть импортирована из какой-то страны Европы (дело за малым – установить, из какой именно). Однако, скорее всего, речь может идти только об идее, стремлении наладить производство нарядной столовой керамики, но не о том, что производство ангобированной посуды было организовано специально для приезжих итальянцев и было делом рук итальянских мастеров, которые якобы держали в секрете тонкости этого производства, прекратившегося, едва только последний (известный нам сегодня) итальянец покинул Москву (*Векслер и др.*, 2015. С. 447). Эта часть гипотезы не выдерживает критики по целому ряду аспектов. Прежде всего, технология изготовления московской ангобированной керамики не была столь высокой, чтобы ее можно было связывать с итальянскими мастерами: не известно ни одного сосуда, изготовленного на ножном гончарном круге методом вытягивания (как производилась в это время высококачественная керамика в Европе). Напротив, вся эта посуда изготавливалась точно так же, как и остальная московская керамика, включая кухонную, – методом спирального налепа на ручном гончарном круге (*Векслер и др.*, 2015. Рис. 11). Трудно поверить, что итальянские (или любые иные европейские) мастера, приехав на Русь, решили отказаться от прогрессивной и хорошо знакомой им технологии, перейдя на архаичный способ скульптурной лепки сосудов. Во-вторых, никакого особого секрета в изготовлении ангобированной керамики не было. Напрасно М.Г. Гусаков утверждает, что до XV в. на Руси ангобирование керамики не применялось, это далеко не так: белоангобированная керамика изготавливалась в рязанском Поочье еще

в середине XII в. без всякой помощи иноземцев, а в Коломне эта техника была вновь введена в практику гончарства не позже конца XIV в. (и опять самостоятельно, без «технической поддержки» из-за рубежа) (Черкасов, 2004б). Известна ангобированная керамика и в других регионах Руси (например, в Смоленске, Муроме, Вщиже)⁴, хотя нигде и никогда она не получала широкого распространения, вероятно, из-за повышенной трудоемкости и, соответственно, стоимости продукции. Такая посуда всегда предназначалась специально для сервировки стола⁵ и, конечно, пользовалась спросом только у состоятельной части населения (в состав которого входили, конечно, и все приезжие мастера). Наконец, гипотезе об иноземном участии в производстве белоангобированной керамики противоречит широкое распространение в Москве аналогичного производства детских игрушек – лошадок, медведей, человечков, свистулек и др. (см. описание этой категории находок ниже). Если допускать европейскую «монополию» на изготовление такой керамики, то придется признать, что иноземцы прибрали к рукам все производство детских игрушек в Москве, ограничившись при этом самыми примитивными изображениями.

Таким образом, ситуация с распространением ангобированной керамики, видимо, была гораздо сложнее, чем это рисовалось автору в целом верной мысли о причинах ее появления в Москве. К моменту приезда сюда Софьи Палеолог, а затем итальянских (и разных иных) мастеров, скрывавшихся за фамилией-прозвищем Фрязин, московские гончары, вероятно, уже умели делать белоангобированную керамику, копировавшую коломенские образцы, и, во всяком случае, не могли не быть знакомы с коломенской белоангобированной посудой. Появление же небольшой, но, как сейчас сказали бы, «креативной» группы иноземцев, обеспечивавших стабильный спрос на высококачественную столовую посуду (кухонная их не интересовала, поскольку готовили еду они не сами), вполне могло вызвать начало (или расширение) производства нарядной белоангобированной керамики. Нельзя исключать того, что какие-то идеи (например, роспись красной краской по белому фону) могли быть поданы гончарам Москвы именно этими иноземцами, наверняка выступавшими и в качестве индивидуальных заказчиков столовой посуды. Если уж пытаться назвать регион, откуда

могла быть позаимствована идея украшать сосуды росписью ангобами (белым по красному фону или красным по белому), то этот регион следует искать на Балканах. По крайней мере, именно там, например в Сербии, как раз и известны крупные серии керамики с подобным декором (Bicić, 2003. S. 35, 56. Sl. 3, 12). Правда, красная роспись применялась там для росписи по белоглиняной основе, с частичным покрытием зеленой глазурью. Поэтому связывать московскую расписную керамику именно с сербским гончарством было бы слишком поспешным, тем более что на Балканах имелись различные иные страны с близкими гончарными традициями. Но сама идея применения именно такого декора вполне могла быть воспринята и из Сербии, всегда сохранявшей какие-то связи с единой православной Московией.

Можно также допускать, что некоторые формы сосудов, совершенно не известные московским гончарам до конца XV в. (кувшинообразные и зооморфные водолеи), были подсказаны европейскими прототипами, привезенными с собой иноземцами. Если эти прототипы были металлическими, то они просто не имели шансов сохраниться до наших дней, поскольку были переплавлены. Более вероятно, однако, что в Москву были привезены и несколько керамических водолеев, которые когда-нибудь еще будут найдены (если удастся найти и исследовать места проживания иноземцев во второй половине XV в.). Можно даже допустить, что в это же время, в конце XV в., в Москве появилась группа гончаров из западнорусских земель (но только не из Западной Европы, те наладили бы массовое производство тянутой керамики), принесших новые технологии, которые, попав в непривычные условия, были психологически готовы освоить новые формы керамических сосудов. Именно так могло начаться в Москве производство ангобированной, а затем и чернolощеной керамики.

Почему же ангобированная керамика исчезла в XVI в., а чернolощеная продолжала развиваться? Здесь мы переходим в область чистых предположений, поскольку этот вопрос в наименьшей степени может быть решен на конкретных археологических материалах. Представляется, что разные судьбы отдельных разновидностей бытовавшей в средневековой Москве керамики определялись тремя факторами:

⁴ Благодарю за консультацию И.С. Аникина (ИА РАН). В Муроме и его окрестностях такая керамика в слоях домонгольского времени составляла не менее 3% (Аникин, 2013. С. 153).

⁵ На ней очень редко встречается пищевой нагар, следовательно, ее не ставили в печь и в ней не готовили пищу.

– сохранением жизни самих носителей традиций гончарства в трагических условиях второй половины XVI – начала XVII в. (татарские набеги, голодоморы, польская интервенция и Смута);

– трансляция гончарных традиций в подмосковные центры производства керамики (Гжель, Коломну, Рязань, Переславль-Залесский и другие города);

– общеевропейской и местной российской тенденциями в развитии гончарных технологий и моде на разные типы керамики.

С учетом этих факторов можно предполагать, что отдельные группы гончаров подвергались физическому уничтожению или вымиранию, тогда как другие могли передавать свои навыки и опыт подмосковным гончарам (в том числе переселяться в иные места). Ко всему этому на производителей керамики воздействовала мода на мореную (черненую) керамику, господствовавшую в польско-литовских землях, связи с которыми в ходе Смуты стали особенно широкими. Взаимодействие всех этих факторов (причем проследить каждый из них в подробностях практически невозможно) и могло привести к той ситуации, которая наблюдается в гончарстве Москвы на рубеже эпох: полное исчезновение красноглиняной, краснолощенной и белоангобированной керамики московского производства, насыщение московского рынка коломенской белоглиняной посудой, сохранение и широкое распространение производства чернолощенной посуды как в самой Москве, так и в других городах Центральной России. Пример такого рода можно видеть в гончарстве Переяславля Рязанского, где чернолощенная керамика местного производства получила в XVII в. широчайшее распространение, а также производилась и белоангобированная посуда (Коваль, 2011. С. 113).

Таким образом, в прекращении производства белоангобированной керамики в Москве итальянские иммигранты также не виновны.

Чернолощенная керамика Москвы также относится к загадочной категории, происхождение, время и причины появления которой до конца не выяснены. В данном исследовании ограничимся констатацией того, что при раскопках на Подоле Московского Кремля эта керамика была встречена в виде единичных обломков – всего 70 обломков из комплексов заглубленных построек, где эта керамика составляла от 0,2 до 7,4% керамического набора. Эти цифры в целом совпадают с данными, полученными при прежних исследованиях в Москве (МК, 1991. Табл. А).

Основная масса чернолощенной посуды принадлежала к ранней ее разновидности (условный тип 7), которая характеризуется следующими признаками:

– формовочная масса с примесью мелкого песка на основе сильноожеженных глин (при полном восстановительном обжиге излом черепка получался темно-серым или бурым);

– обязательная облицовка внешней поверхности белым ангобом (заметно это, как правило, на образцах, подвергшихся вторичному обжигу) (рис. 5, 1);

– неполный восстановительный обжиг (черепок на изломе может иметь красновато-бурую сердцевину);

– сплошное зеркальное лощение по всей поверхности (рис. 5, 3), включая дно с внешней стороны;

– скупой линейный орнамент, ограничивающийся в основном несколькими витками по верхней части тулова;

– преобладание среди функциональных форм кумганов, кувшинов небольшого размера (рис. 5, 1), кубышек, зооморфных водолюбов (рис. 5, 2) (Розенфельдт, 1968. Табл. 9, 1–4; 10, 5, 8–12, 14; 11, 1, 3–7; 13, 7; 14, 1–9).

Более поздняя разновидность чернолощенной керамики, связываемая с производством XVII в. (условный тип керамики 17) отличалась:

– формовочными массами без видимых примесей;

– использованием слабоожеженных глин, часто без ангобирования внешней поверхности (у такой керамики поверхность получалась не столь насыщенного черного цвета);

– сплошным лощением только на верхней части тулова, на остальной поверхности лощение небрежное, разреженное; дно с внешней стороны покрывается лощением небрежно (рис. 5, 4), а затем от такого лощения отказываются полностью;

– линейным орнаментом в виде рифления, покрывающего значительную часть поверхности верхней половины тулова, использованием волнистого орнамента;

– доминирующей функциональной формой становятся кувшины, шире представлены миски, горшки, латки; зооморфные водолюбы сменяются горшковидными с зооморфными трубчатыми сливами (Розенфельдт, 1968. Табл. 9, 5–9; 11, 9–18; 12; 13, 8–27).

Чернолощенная керамика зафиксирована в 14 условно закрытых комплексах раскопа I, причем

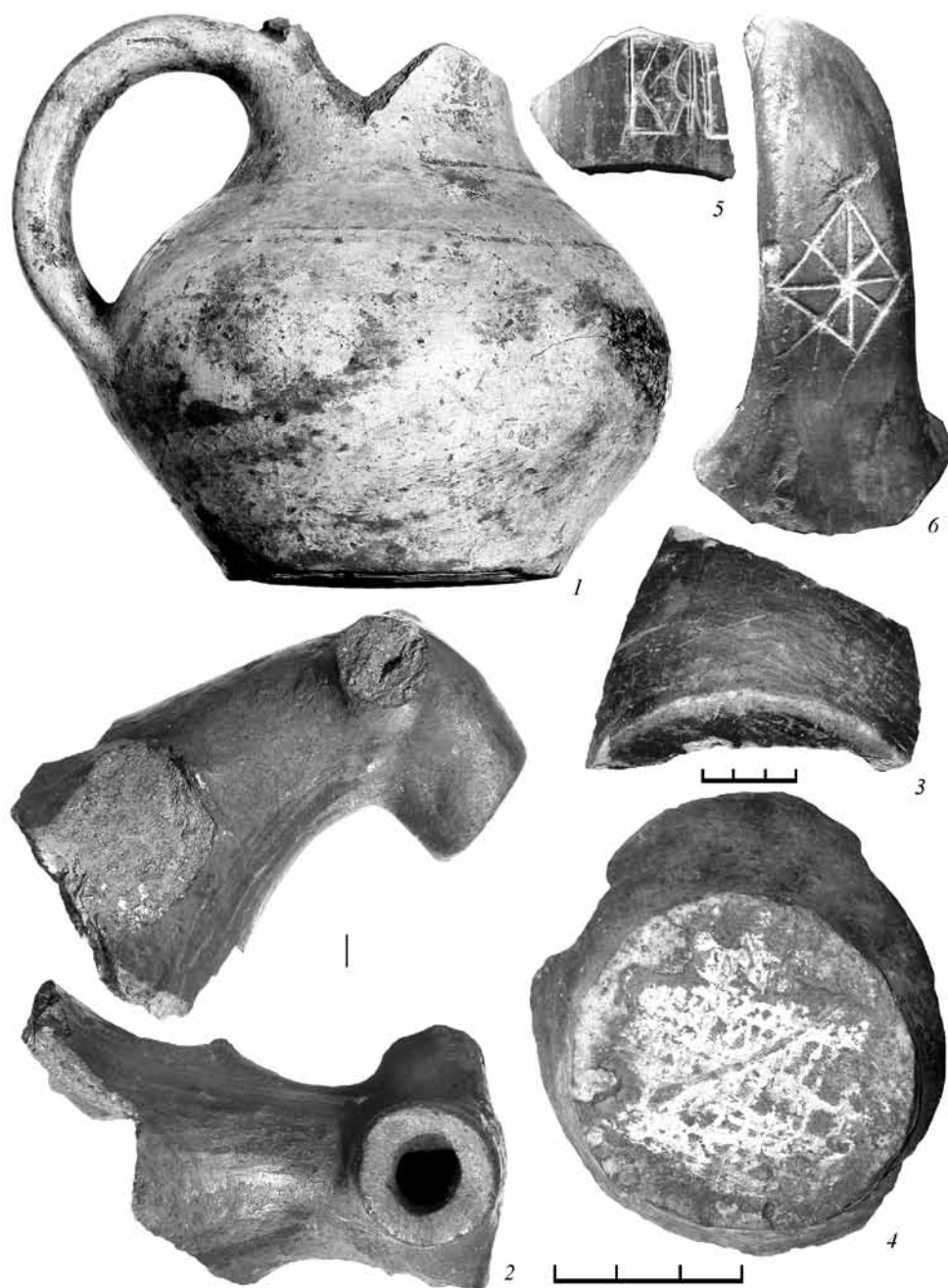

Рис. 5. Чернолощенная керамика

1 – миниатюрный кувшинчик, обгоревший в пожаре (№ 1164); 2 – слив зооморфного водолея (№ 938); 3 – дно кувшина со сплошным лощением; 4 – дно сосуда с небрежным (сетчатым) лощением (№ 856-кер. Кв. Д-6, гл. -440/-480 см); 5 – стенка сосуда с граффито; 6 – ручка кувшина с граффито. (5, 6 – раскопки ФРОМ)

из них только два были датированы XV в. В одном из них (погреб Т1-112), датированном первой половиной XV в., был найден всего один небольшой обломок такой керамики, который, несомненно, попал в выборку случайно. Второй комплекс (погреб Т1-47) содержал четыре обломка чернолощенной керамики, которые происходили из самой

верхней части заполнения, то есть, вероятно, из незафиксированной просадки вышележавшего (более позднего) слоя. Таким образом, фактически в комплексах XV в. чернолощенная керамика отсутствовала (а формальное ее присутствие было связано с ошибками в отборе материалов комплекса в поле).

В комплексах первой трети XVI в. чернолощенная керамика присутствует еще спорадически, то есть в виде единичных обломков, так что не может быть уверенности в том, что она синхронна этим контекстам, а не попала в них случайно (по микроперекопам, из-за просадки более поздних слоев в заполнения погребов и по иным подобным причинам). Речь идет здесь о комплексах погребов Т1-92 (два обломка кумганов) и Т1-108 (2 экз.), а также слое над уличной мостовой Т1-59 (четыре обломка, в том числе от миски).

Более заметно наличие этой керамики в комплексах середины – третьей четверти XVI в., где она иногда достигает 1% керамического сбора. Таковы комплексы из погребов Т1-74 (три обломка), Т1-106 (один обломок) и особенно Т1-80 (9 экз.). В последнем комплексе собран к тому же развал кувшина-кружки (рис. 4, б), являющейся уникальной формой для данного типа керамики. Сосуд явно копирует краснолощенные кувшины-кружки, но заметно отличается от них вытянутыми пропорциями, то есть сделан мастером, не имевшим навыка в изготовлении подобных краснолощенных сосудов, а копировавшим популярную форму.

Действительно стабильным присутствие чернолощенной керамики становится только в комплексах, отложившихся в начале XVII в., когда ее доля достигает 7% (сооружения Т1-50 и Т1-97, ямы 37, 41, 42, 52). Напомним, что именно в XVII в. появляется чернолощенная керамика с менее тщательным лощением (тип 17). Керамика с орнаментальным лощением в исследованных контекстах не встречена вовсе. Среди поздних серий чернолощенной керамики встречаются сосуды с граффити (различными знаками и буквенными надписями) (рис. 5, 5, 6).

Чернолощенная керамика XVIII–XIX вв. встречается только в перекопах и здесь не рассматривается.

Таким образом, материалы раскопок в Кремле дают основание предполагать, что чернолощенная керамика появляется в Москве во второй трети XVI в.⁶ Бытования этой керамики в XV в. представленные материалы не подтверждают.

В связи с этим надо заметить, что данные о находках чернолощенной посуды в комплексах XV в., появляющиеся порой в научной печати, относятся к числу недостаточно надежных. Например, «чернолощенная и мореная» керамика (причем в заметном количестве, более 20 обломков, в пересчете из процентного соотношения типов

посуды) отмечается в заполнении ямы 1 из раскопок С.З. Чернова на селище Дунино-6 в окрестностях Звенигорода (2017. Табл. 1). Заполнение этой ямы уверенно датируется автором раскопок, опиравшимся не только на анализ находок и керамики, но и на радиоуглеродное датирование, ко второй четверти XV в. (Чернов, 2017. С. 342). В этой дате заставляет сомневаться присутствие в комплексе белоглиняной грубой (то есть гжельской) керамики, начало производства которой даже сам С.З. Чернов не заводит обычно глубже последней четверти XV в. В данном случае она удревнена на полстолетия. Ровно на столько же удревнена в этом случае и чернолощенная керамика. Столь сенсационный результат статистических наработок не привлек, однако, внимания автора раскопок, который не привел в своей весьма объемной публикации ни одного изображения белоглиняной грубой и чернолощенной посуды. Зная скрупулезность исследователя, невозможно допустить, что такие находки действительно были сделаны, но проигнорированы им. Все это заставляет думать, что под хорошо знакомыми названиями типов посуды скрываются какие-то иные разновидности керамики, обладающие лишь частичным сходством с ними. Например, в группу чернолощенной и мореной посуды могла быть включена керамика с черными поверхностями и изломом, то есть обломки сосудов, прошедших восстановительный обжиг по случайным причинам либо пропитанных бытовым нагаром, но не имеющих никакого отношения к известной продукции московских гончаров. Если же в статистических данных нет ошибки и в комплексе с селища Дунино-6 присутствовали названные типы керамики, его датировка, предложенная С.З. Черновым, не может быть принята и должна быть омоложена до первой половины – середины XVI в.

Поливная посуда русского производства.

Импортная поливная посуда рассмотрена в специальной публикации (Коваль, 2015). Поливная посуда, производившаяся в городах Руси после монгольского нашествия, никогда не становилась объектом специального исследования, свод находок такой керамики отсутствует, что чрезвычайно затрудняет исследование новых находок. До сих пор не установлены основные центры производства поливной керамики средневековой Руси, пожалуй, за исключением Твери, где производилась

⁶ Хотя нельзя исключать возможности изготовления первых ее образцов в первой трети XVI в., надежными свидетельствами имеющиеся находки не являются.

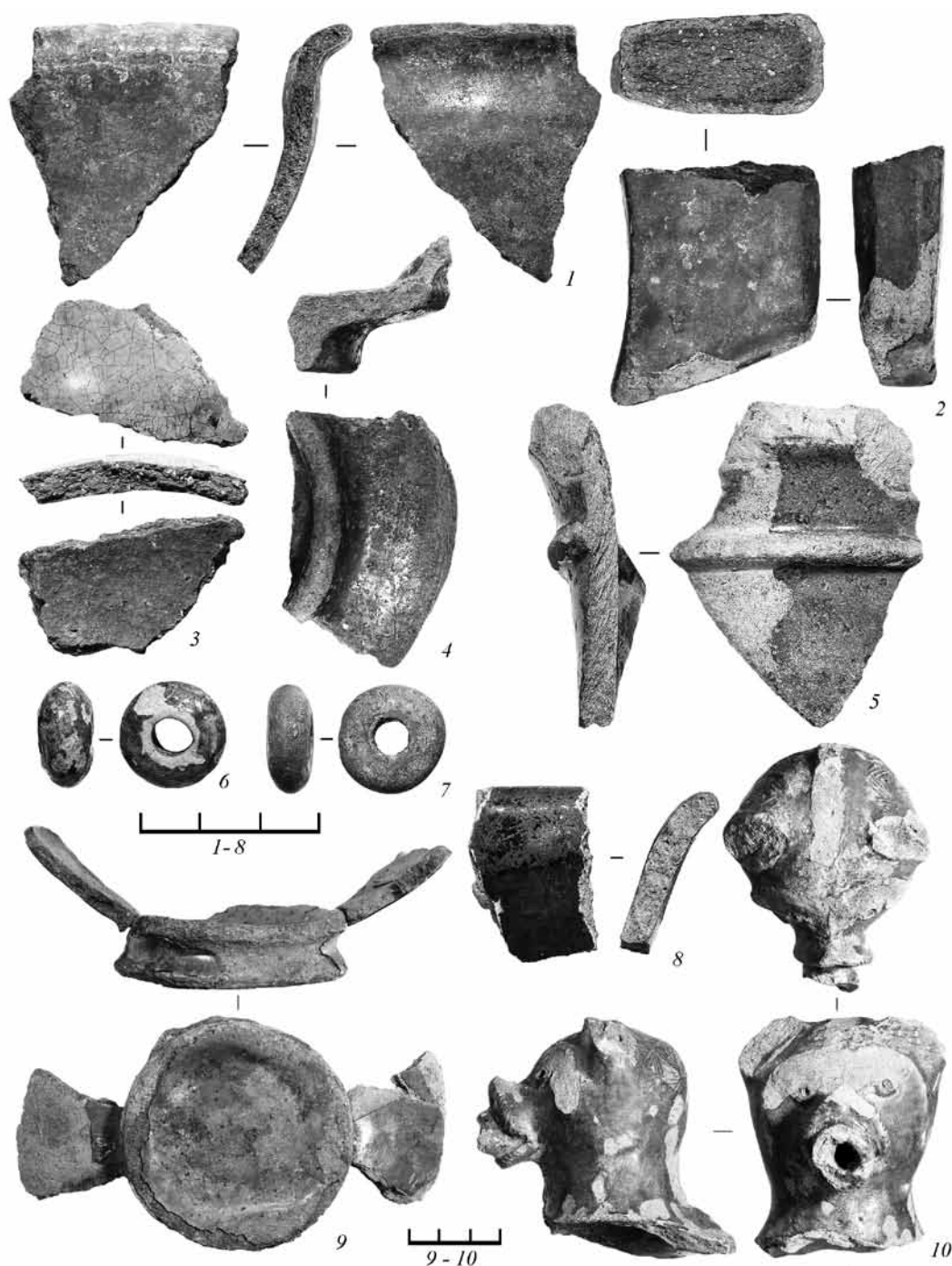

Рис. 6. Поливная русская керамика (см. цв. вкл.)

1 – край чаши (№ 647); 2 – ножка сосуда (№ 1476); 3 – стенка кувшина (№ 169); 4 – елейницы обломок (№ 865);
 5 – кувшина обломок (№ 577); 6 – пряслице белоглиняное (№ 360); 7 – пряслице красноглиняное (№ 977);
 8 – чаши край (№ 928); 9 – чаши дно (№ 1095); 10 – водолея обломок (№ 363)

светлоглиняная керамика с рельефным декором (Романова, 2009), но даже там места производства или браки этой керамики пока не обнаружены, так что атрибуция проводится исходя из массовости находок, число которых насчитывает уже много сотен. Для того чтобы рассматривать все находки

поливной керамики, найденные в Москве, в качестве именно московской продукции, оснований не так уж много. Фактически сегодня есть уверенность только в том, что в Москве изготавливались глазурованные елейницы («погребальные чашечки»), которые известны почти исключительно

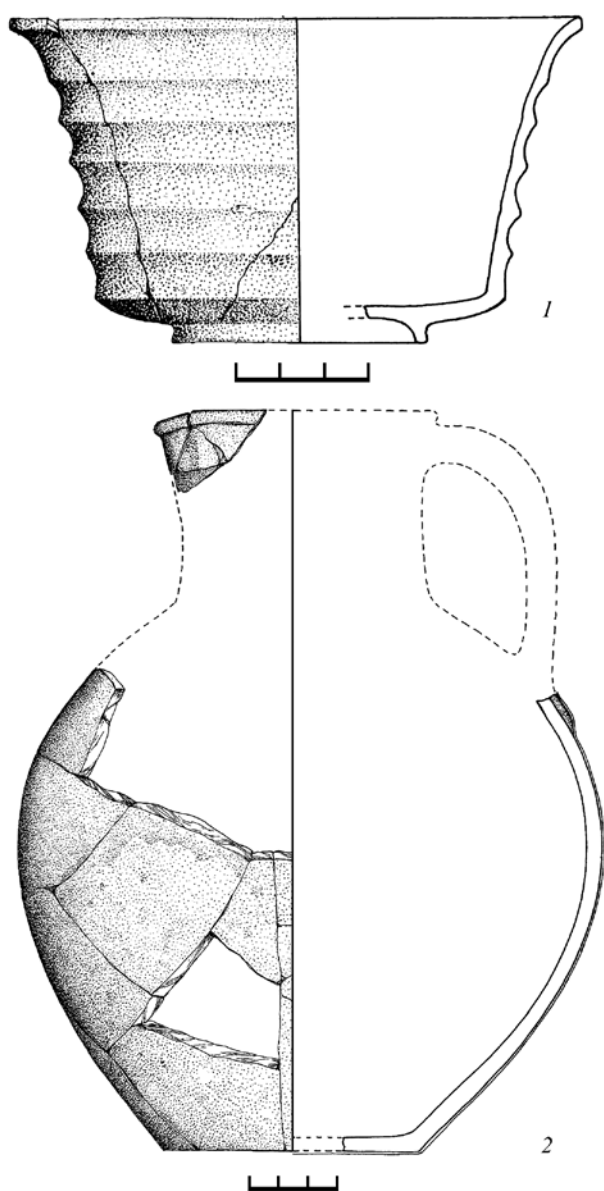

Рис. 7. Поливная русская керамика

1 – елейница красноглиняная (№ 22); 2 – кувшин красноглиняный (№ 1632, реконструкция)

в Москве и ее округе (Беляев, 2017). Для уверенности в московской атрибуции остальных находок не хватает именно свода такой керамики хотя бы в рамках столицы, чтобы убедиться в массовости тех или иных разновидностей поливной продукции.

В ходе работ на раскопе I было сделано 166 находок поливной керамики (отдельных фрагментов и развалов сосудов), из них 108 относились к красноглиняной и 58 – к белоглиняной посуде. Из этого числа только 28 находок происходили из условно закрытых комплексов, получивших более или менее определенную датировку, а остальные извлече-

ны из слоев (комплексов открытого типа). Самые ранние находки происходили из контекстов первой половины – середины XV в. (пять находок), все сосуды были изготовлены из сильноожеженных глин с примесями мелкого песка (и мелкой дресвы – № 169), прошли неполный окислительный обжиг (черепок на изломе трехслойный, с черной или серой сердцевиной) и были покрыты мутно-зеленой полупрозрачной поливой непосредственно по черепку (без ангобной грунтовки), в ряде случаев деградировавшей до патинизации желтоватого цвета (рис. 6, 3). Это три обломка от одной пиалобразной чаши из засыпки постройки Т1-32 (рис. 6, 1), два обломка стенок сосудов из сооружения Т1-112, стенка кувшина из котлована погребка Т1-29 (рис. 6, 3) и обломок ножки сосуда из погребка Т1-117 (рис. 6, 2). Чаша вполне могла быть изготовлена в Москве, подобные находки здесь известны (Шеляпина, 1971. Рис. 4). Сложнее установить происхождение сосуда с ножками (или ножки фигурки животного?), поскольку аналогий ему неизвестно. Поливной сосуд на трех ножках, найденный в том же самом комплексе Т1-117 (Коваль, 2015. Рис. 13, 4, 5), происходивший, вероятно, из Западной Европы, отличался гораздо лучшим качеством обжига и формами ножек. Рассматриваемый здесь образец вряд ли являлся дальним импортом.

В комплексах второй половины XV в. имеется 10 находок поливной посуды, которые происходили из построек Т1-34 (рис. 7, 1), Т1-41 (рис. 6, 4) и Т1-58 (рис. 7, 2). Здесь важно выделить два важных обстоятельства. Первое – вся перечисленная керамика изготовлена только из сильноожеженных глин и покрыта только зеленой прозрачной или полупрозрачной глазурью невысокого качества (иризована или патинирована, часто плохо скреплена с основой и отслаивается). Таким образом, на исследованном участке Кремля в XV в. белоглиняная поливная посуда оставалась неизвестной. Второе обстоятельство – появление первых образцов керамических поливных красноглиняных елейниц («погребальных чашечек») (рис. 6, 4; 7, 1), неизвестных в контекстах более раннего времени. Обе упомянутые находки происходят из заполнений погребов, то есть из бытовых контекстов. У одной из чашечек полива почти полностью осыпалась, что позволило убедиться в том, что нанесена она была на белую ангобную подгрунтовку. Это тоже важная деталь, показывающая развитие глазурного производства, поскольку в более раннее время русские мастера не использовали таких подгрунтовок, нанося глазурь прямо на поверхность

красной глины. Однако прогрессивное усовершенствование процесса производства привело к обратному результату: несогласованность коэффициентов расширения глазури и ангоба привела к отслоению первой от второго. Впрочем, возможно, что в первые годы после изготовления этот недостаток не был замечен и на оценку качества продукции не влиял.

В объектах начала и первой трети XVI в. образцов поливной посуды по-прежнему немного, всего пять находок (в комплексах T1-59, T1-102, T1-108), причем здесь впервые зафиксирован обломок керамики с белоглиняной основой. Правда, все обломки мелкие и невыразительные.

В объектах середины XVI – начала XVII в. (T1-74, T1-80, T1-97) картина оставалась прежней: все семь находок представляли собой маловыразительные обломки, принадлежавшие четырем сосудам, из которых один был белоглиняный (три обломка из погребов T1-74 – находки с номерами 568, 576, 1376), изготовленный из массы, идентичной гжельской посуде.

К сожалению, значительное число находок поливной посуды происходило из слоев протяженного залегания, датировка которых может быть установлена только в довольно широких рамках. Здесь следует выделить ранний пласт находок, в целом связанных со слоями второй половины XV – начала XVI в. Вся поливная посуда из этих слоев была покрыта только зеленой глазурью (как прозрачной, так и непрозрачной) и почти вся изготовлена из красножгущихся глин (рис. 6, 9). Единственное исключение составлял обломок белоглиняного кувшина с рельефным (накладным) валиком (рис. 6, 5). Наибольший интерес представлял развал верхней части красноглиняного зеленополивного кумгана (рис. 8, 2), который по морфологии близок болгарским кумганам XIV в. Однако поливные кумганы в Болгаре XIV–XV вв. неизвестны, а состав формовочной массы этого сосуда (с песком мелкой и средней фракции) и неполный обжиг изделия (двуслойный красно-серый) ясно указывают на его русское происхождение. Однако характерный для восточных кумганов трубчатый слив говорит о том, что сосуд копировал именно восточный (скорее всего, болгарский) образец. Находка сделана в слое, который может быть датирован в интервале второй половины XV – начала XVI в., однако нельзя исключать того, что в этот слой обломки попали как выброс из более ранних контекстов (конца XIV – первой половины XV в.) в результате перекопа. Действительно, «претендентом» на роль владельца такого кумгана

(как ритуального исламского сосуда) мог быть человек из окружения вчерашнего ордынца Турабей (а может быть, и сам Турабей, о крещении которого нет никаких данных), которому принадлежала берестяная грамота № 3, найденная в постройке T1-117a (рубежа XIV–XV вв.). В более позднее время присутствие в этой части Кремля мусульманина, которому потребовался бы такой кумган, труднообъяснимо. Напомним, что кумганы восточного облика не использовались в качестве столовой посуды, а предназначались для омовения перед совершением намаза. Этим они принципиально отличались от упоминавшихся выше белоангобированных расписных столовых кувшинов с трубчатыми сливами, древнее название которых неизвестно (кумганы – это их условное, археологическое наименование).

Наиболее насыщенными обломками поливной посуды были, разумеется, слои XVI – первой половины XVII в., из которых происходили 115 обломков такой керамики (рис. 6, 8), причем белоглиняными были 47 из них (40%). Наиболее интересной находкой в этом наборе был слив зооморфного водолеса в виде головы медведя (?) (рис. 6, 10). Водолес был изготовлен из беложгущейся глины с примесью мелкого песка, прошел полный обжиг, а его декор состоял из отпечатков штампа, который, вероятно, наносился, прокаткой колесика с рельефом по ободку. Находка происходит из слоев второй половины XVI в. Единственной морфологически близкой аналогией этому изделию является слив белоангобированного лощеного водолеса с росписью черной краской из Зарядья (Розенфельдт, 1968. Табл. 6, 19). Сходство трактовки круглой головы животного настолько близко, что вряд ли его можно считать случайным.

В слоях XVI в. найдены также два зеленополивных пряслица – белоглиняное и красноглиняное (рис. 6, 6, 7). Подобные изделия ошибочно называют «костяшками от счетов», следуя предположению Р.Л. Розенфельдта (1968. С. 52), которому размер отверстия в них показался слишком маленьким для пряслиц. Можно допускать, что эти изделия были полифункциональными и могли использоваться в качестве пуговиц, но никак не деталей от счетов.

Из приведенного обзора видно, что на исследованном участке Кремля русская поливная посуда начала откладываться в культурном слое не ранее первой половины (а скорее, даже середины) XV в., но до середины XVI в. здесь преобладала красноглиняная керамика, и лишь с началом массового производства белоглиняной посуды в Гжели

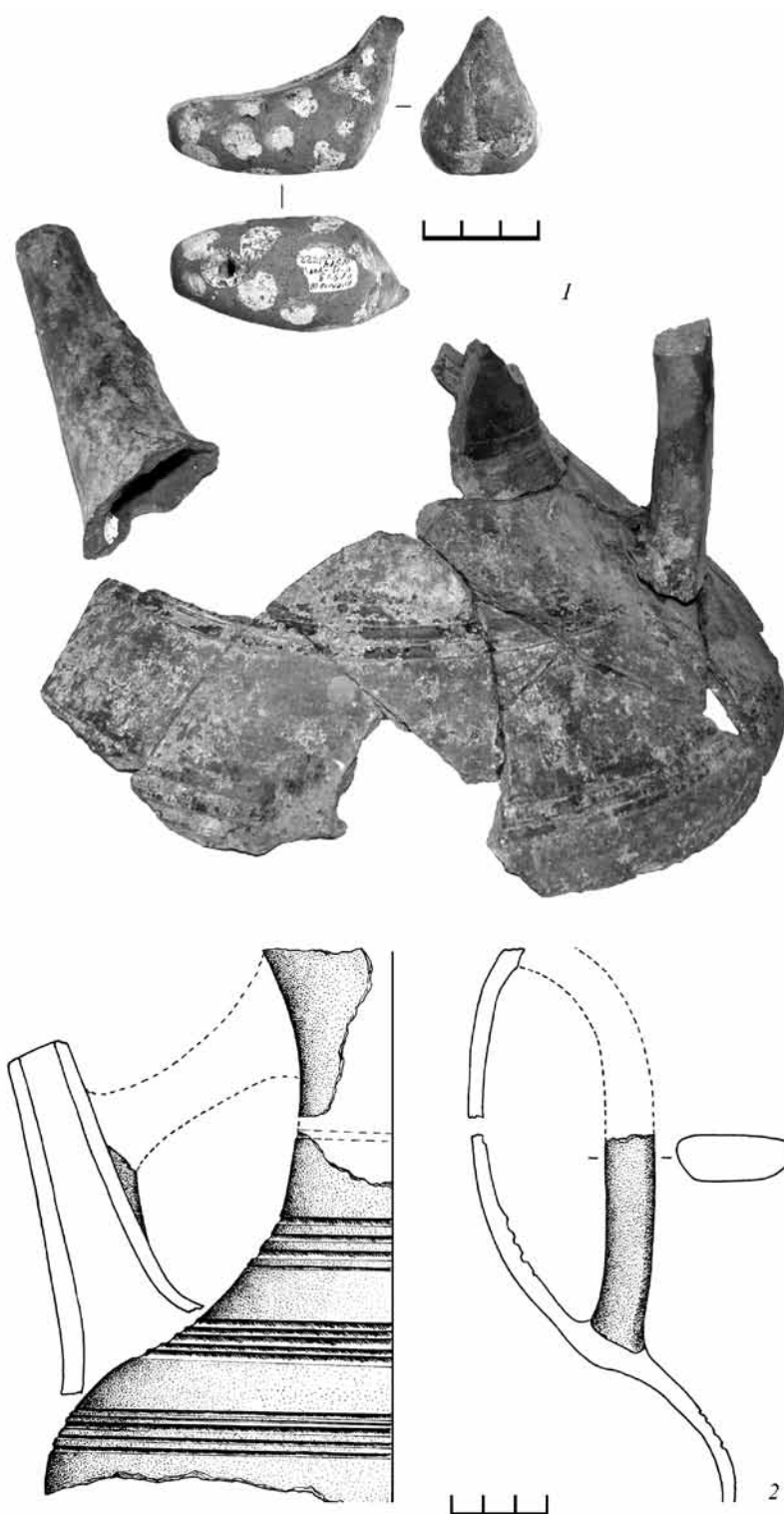

Рис. 8. Игрушка (птичка-свистулька) с пятнами белого ангоба (1 – № 722) и верхняя часть поливного красноглиняного кумгана (2 – № 1632, фото и реконструкция профиля)

в Кремле быстро появляется и поливная белая керамика. Это наблюдение позволяет утверждать, что тверская поливная посуда (исключительно белоглиняная) не имела в Москве заметного распространения. Возможно, тверскими по происхождению были только немногочисленные образцы белоглиняных поливных сосудов XV в.

Керамические игрушки.

Вопрос о происхождении московских игрушек является не менее загадочным, чем выяснение происхождения других керамических изделий. Остается неясным ни время их появления в Москве, ни причины довольно внезапно развившейся моды на такие вещи. Так же внезапно, как и в Москве, керамические игрушки появляются и за ее пределами – в Суздале и Коломне. При этом исследователи полагают, что появление этих игрушек относится к XV в., но эта дата вытекает не из контекстов находок, а из московских аналогий, что видно по ссылкам на работу Р.Л. Розенфельдта, относившего начало производства таких игрушек в Москве к XIV–XV вв. исходя из своих знаний, почерпнутых при изучении керамики Зарядья. Однако напомним, что ни один керамический комплекс из раскопок Зарядья в 1953–1964 гг. не был опубликован.

Авторы публикаций об игрушках Коломны и Суздаля не называют хорошо датированные комплексы XV в., а только ссылаются на сопровождающий керамический материал. Так, в Коломне из 392 находок керамических игрушек к XV в. отнесены только три обломка фигурок лошадок, причем две находки датированы по сопутствующей керамике второй половиной XV – началом XVI в. (Черкасов, 2004а. С. 310), то есть довольно расплывчато. Совершенно очевидно, что подавляющее большинство коломенских игрушек бытовало в XVI–XVIII вв., а три ранние находки могли попасть в более ранние контексты по перекопам или по иным случайным причинам.

В опубликованном музейном каталоге суздальских керамических игрушек насчитывается 115 предметов. Из них к XV–XVI вв. отнесены 19 игрушек в виде фигурок животных (лошадок и медведей) и человека, а также 30 птичек-свистулек (Нестерова, 2002; Мухина, 1992). Кроме того, имеется 16 своеобразных игрушек в виде колокольчиков, которые датированы XIV–XV вв. Поскольку датировки всех этих археологических

находок расплывчаты (в пределах двух столетий), ясно, что подавляющее их большинство происходит не из четко датированных контекстов, а определение их истинных дат еще предстоит сделать в будущем. На сегодняшний день эти даты нельзя воспринимать как достоверные, они в лучшем случае могут указывать на эпоху появления подобных изделий.

В связи с этим важно напомнить, что все игрушки, найденные при раскопках 1948 г. в Гончарной слободе Москвы горнов, в которых такие игрушки обжигались, датированы в интервале XVI – начала XVII в. К XV в. М.В. Фехнер относил только две находки из перемешанного слоя, датированного «по керамике» XV в. Однако что это была за керамика, не сказано. Еще две находки лошадок с росписью красной краской по ангобу М.В. Фехнер относил к XV в., поскольку доверяла сообщению Н.П. Милонова о подобной датировке аналогичных игрушек в Радонеже (Фехнер, 1949. С. 52–56). Но Н.П. Милонов отличался исключительной небрежностью в фиксации материала (как показывают современные исследования⁷, он практически не фиксировал не только находки, но не делал и чертежей раскопок), заменяя их фантастическими реконструкциями и произвольными построениями, поэтому доверять его выводам и датировкам недопустимо.

Надо подчеркнуть, что все московские керамические игрушки изготовлены только из красножгущейся глины, аналогичной той, из которой делалась посудная керамика. Среди них известны четыре разновидности: простые красноглиняные (серия А), украшенные пятнами белого ангоба (Б), сплошь покрытые белым ангобом и ангобированные (В), с росписью черной и (или) красной краской (Г). При этом игрушки серии А датировались Р.Л. Розенфельдом XV–XVII вв.; серии Б – то XIV–XV вв., то XV–XVI вв.; серии В – концом XIV–XVI в.; серии Г – XIV–XVI вв. (Розенфельдт, 1968. С. 17, 21, 22, 27). Самыми ранними назывались игрушки с пятнами белого ангоба и белоангобированные с черной росписью. Получалось, что ангобированные игрушки (птички-свистульки и лошадки) появились в Москве раньше, чем игрушки-медведи. Напомним, что все выводы о датировке разных групп керамических изделий сделаны на основе наблюдений о распределении находок керамики в культурных слоях, а не в закрытых комплексах. Во всяком случае, ссылки

⁷ Отсылаю тут к красноречивым свидетельствам исследования А.Б. Мазурова, посвященного деятельности Н.П. Милонова в Коломне (Мазуров, 2017).

Таблица 1. Глиняные игрушки из раскопок на Подоле Московского Кремля.

Типы игрушек	Всего, шт.	Типы фигур					
		Лошадь	Медведь	Человек	Птичка	Шарик	Неопределимые ⁸
Красноглиняные	4	—	2	1	—	—	1
С пятнами ангоба	4	—	—	—	2	2	—
Ангобированные	20	11	—	3	—	—	6
Расписные	10	10	—	—	—	—	—
Итого	38	21	2	4	2	2	7

на такие комплексы в литературе отсутствуют. Между тем, как было показано выше, материалы раскопок в Кремле не дают оснований для датировки ангобированной керамики всех разновидностей ранее второй половины XV в. Этот вывод касается и игрушек.

Всего при раскопках в Кремле найдено 38 достаточно крупных (для надежного определения типа изделия) обломка игрушек, но из условно закрытых комплексов происходили только 13 из них, причем все находки связаны исключительно с контекстами XVI в. (1 – начала столетия, 2 – первой трети века, 10 – второй половины столетия). Остальные находки сделаны в слоях площадного залегания с широкими датировками, однако практически все они происходили из слоев XVI в. Только один обломок белоангобированной лошади найден в слое, который можно датировать (да и то с определенными сомнениями) второй половиной XV в. (рис. 9, 3). Правда, еще одна находка (птичка-свистулька с пятнами белого ангоба) была сделана на уровне залегания слоев XV в., но контекст ее не вполне ясен (рис. 3, 6). В контекстах XIV и первой половины XV в. ни одного обломка игрушек не зафиксировано. Разумеется, это может быть связано с особенностями социодемографической ситуации и формирования культурных отложений на данном участке застройки Кремля, поэтому распространять полученный вывод на всю территорию Москвы было бы преждевременно. Однако и не учитывать полученные наблюдения не стоит.

Обратимся теперь к количественному распределению игрушек по сериям, то есть вопросу, который в археологии Москвы ранее никогда не рассматривался (за отсутствием элементарной статистики).

Из таблицы 1 ясно видно, что на участке проведенных исследований самыми распространенными были игрушки-лошадки (рис. 9, 1–6; 10, 6–7),

в том числе со следами от всадников (рис. 10, 7). Остальные разновидности игрушек встречались на порядок реже. При этом медведи встречены только среди красноглиняных фигурок без ангобного покрытия (рис. 10, 1, 4)⁹, игрушки с пятнами белого ангоба были представлены лишь шариками (рис. 10, 3) и птичками-свистульками (рис. 3, 6; 8, 1). Многие игрушки в виде фигурок животных встречены в виде обломков, поэтому определить их видовую принадлежность невозможно (хотя по загнутому вверх хвосту можно предположить, что две белоангобированные фигурки принадлежали собачкам). Интересны фигурки лошадей, украшенных росписью сразу двумя красками – черной и красной (рис. 10, 3, 6), поскольку о сочетании на одном изделии двух разных красок в литературе ранее не сообщалось.

Выборка недостаточно представительна, чтобы делать по ней какие-либо выводы о корреляции между способом декорирования поверхности игрушек и набором типов изображений, однако очевидно, что такая зависимость все же была. Р.Л. Розенфельдт, располагавший значительно более объемным исходным материалом из Зарядья, упоминал среди красноглиняных игрушек только медведей и птички-свистульки, замечая, что лошади, баранчики и шарики-погремушки встретились ему единично (Розенфельдт, 1968. С. 17, 18). В то же время среди игрушек с пятнами белого ангоба (и другими вариантами росписью ангобом) перечисляются в основном шарики-погремушки и птички-свистульки, хотя упоминаются и другие фигурки – лошади и одна собачка (Розенфельдт, 1968. С. 21, 22). Среди белоангобированных игрушек (серии В) в Зарядье доминировали лошади и фигурки людей (музыкантов, танцоров и поводырей медведей), а вот баран и птичка-свистулька зафиксированы как единичные находки (Розенфельдт, 1968. С. 24, 25). Среди расписанных красной и черной краской из Зарядья упоминаются

⁸ Обломки туловищ фигурок животных, не определимых до вида.

⁹ Одна фигурка была сильно закопчена, так что выглядела похожей на мореную (рис. 10, 3).

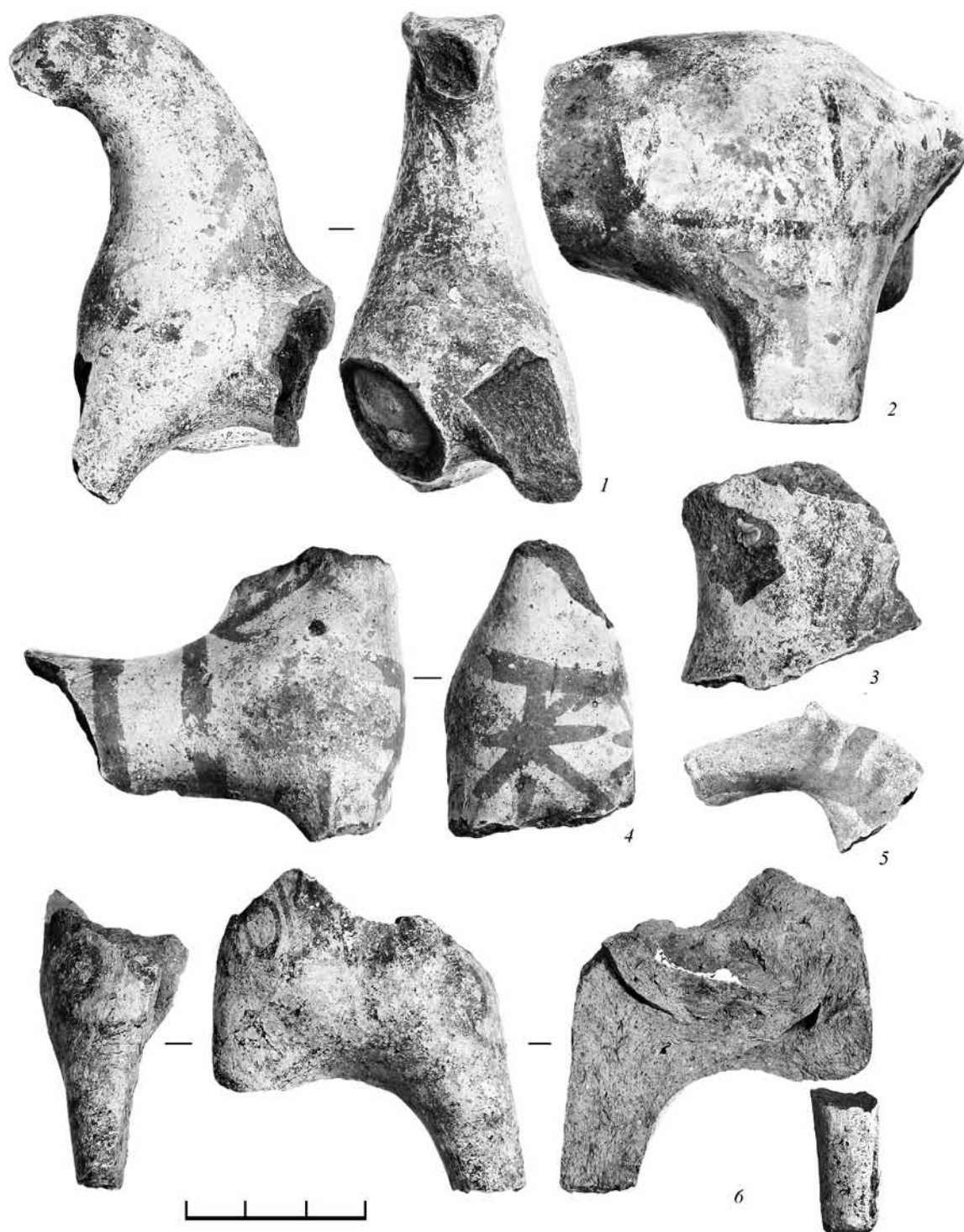

Рис. 9. Красноглиняные белоангобированные игрушки-лошадки (2–6 – расписные) (№ 483, 584, 670, 557, 1553, 536) (см. цв. вкл.)

Рис. 10. Игрушки: красноглиняные (1–2, 4), с пятнами белого ангоба (3) и белоангобированные (5–7)
 1, 4 – медведи (№ 557, 968); 2, 5 – части фигурок человечков (№ 838, 609),
 3 – шарик-погремушка (№ 719/720), 6–7 – лошадки (№ 1016, 489)

Таблица 1. Глиняные игрушки из раскопок в Гончарной слободе в 1948 г.

Типы игрушек	Всего, шт.	Типы фигур				
		Лошадь	Медведь	Человек	Собака	Птички-свистульки, шарики-погремушки, кувшинчик
Красноглиняные	75	—	75	—	—	—
С пятнами ангоба	52	—	—	—	1	51
Ангобированные	136	116	—	20	—	—
Расписные	2	2	—	—	—	—
Итого	265	118	75	20	—	52

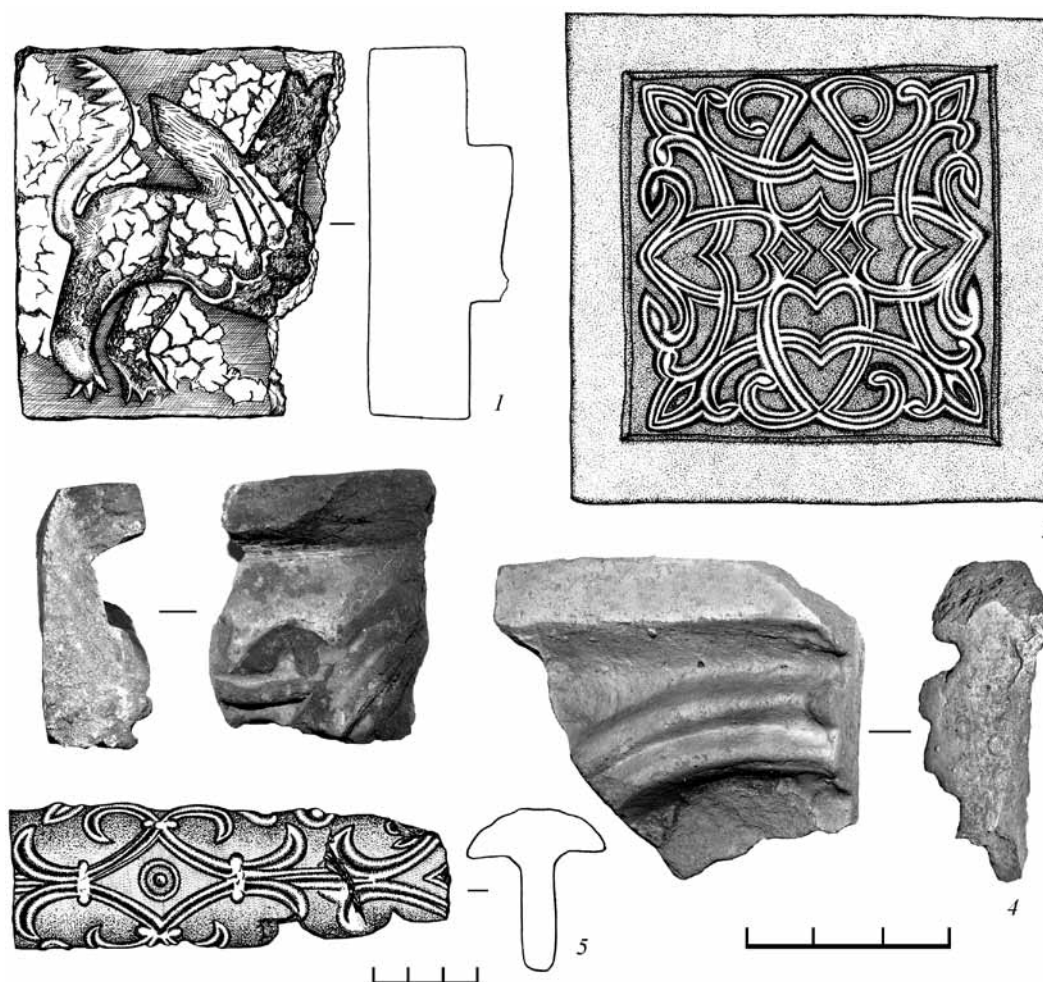

Рис. 11. Терракотовые плитки (1, 3, 4) и красные рамочные изразцы (2, 5) (№ 240, 364, 529, 558, 1663)

только фигурки лошадок, человечков и птички-свистульки, а единично встречены баран и повозка с саними (Розенфельдт, 1968. С. 26, 27).

Хотя М. В. Фехнер, описывая игрушки, найденные при раскопках горнов в Гончарной слободе, не дала четкой статистики найденного материала,

приведенные в ее статье количественные данные можно систематизировать в следующем виде (табл. 2).

Получается, что на исследованном в 1948 г. участке производства игрушек в Гончарной слободе¹⁰ расписные фигурки не производились вовсе,

¹⁰ Речь в статье идет о 265 игрушках, найденных на двух раскопах – I (118 экз.) и III (147 экз.). На раскопе I они залежали под горном, т.е. не производились в нем, а были связаны с каким-то иным горном, но на раскопе III, где найдены бракованные игрушки, раскопщик уверенно связывает их производство с исследованными горнами (Фехнер, 1949. С. 52, 55).

а красноглиняные игрушки-медведи изготавливались только в одном горне. Птички-свистульки и шарики-погремушки с росписью пятнами белого ангоба, вероятно, производились здесь же, но отдельно от полностью ангобированных лошадок и человеческих фигурок.

Таким образом, материалы Кремля не только не противоречат наблюдениям предшествовавших исследователей, но подтверждают их и позволяют более уверенно говорить о том, что различия между игрушками могут объясняться тем, что их изготавливали разные группы гончаров, каждая из которых работала по особой технологии (причем, наверное, не только при производстве игрушек, но и при изготовлении всей керамики с той или иной технологией декора). Максимальное сходство прослеживается между группами простых белоангобированных и расписных игрушек: их номенклатура практически ограничивается лошадками и фигурками скоморохов (музыкантов и танцоров). Изготовители игрушек с росписью белым ангобом специализировались на птичках-свистульках и шариках-погремушках, а производители красноглиняных игрушек без ангобного декора – на фигурках медведей и птичках-свистульках. При этом все эти производители проживали совместно в Гончарной слободе и изредка делали непривычные им (но прекрасно знакомые по деятельности соседей) разновидности игрушек. Для кремлевского материала примером такого исключения из правила является обломок красноглиняной фигурки человека – нога в сапоге (рис. 10, 2).

Эта различная специализация в производстве игрушек является едва ли не единственным маркером группировок, существовавших внутри корпорации московских гончаров. Однако, несмотря на все перечисленные различия, все изображения несут на себе печать местного колорита, и ни для одной из игрушек невозможно указать европейский прототип, благодаря которому можно было бы говорить о каких бы то ни было заимствованиях с Запада. Очевидно, что все московские игрушки были изготовлены русскими (даже точнее – московскими) мастерами по местным образцам, сделанным из органических материалов (дерева, кожи, соломы, тряпок?), и по этой причине не сохранившиеся даже в относительно благоприятных для органики условиях культурного слоя Кремля.

Декоративные плитки и изразцы.

Корпус паспортизированных находок такого рода невелик (всего восемь предметов), поскольку большинство их происходило из верхней части отложений культурного слоя на раскопе I, относящихся

к XVII–XVIII вв., разбиравшегося АОЗТ «ФРОМ» и не имеющих надежной привязки к комплексам. Среди материалов раскопок Института археологии РАН в условно закрытых комплексах найдены только два предмета: обломок терракотовой плитки с изображением грифона (рис. 11, 1), найденный в постройке второй половины XVI в. (сооружение Т1-21а), и целый красный широкорамочный изразец (рис. 11, 2), происходивший из комплекса начала XVII в. (сооружения Т1-50б). Еще два обломка терракотовых белоангобированных плиток с высоким рельефом найдены в слоях XVI в. на площади раскопа (рис. 11, 3, 4). Другие обломки изразцов, принадлежавшие к группе красных рамочных первой половины XVII в. (рис. 11, 5), найдены в перетолженных контекстах.

Тигли.

Обломки тиглей, предназначенных для плавки цветных металлов (всего 19 экз.), были найдены в разных частях раскопа. К сожалению, только четыре из них происходили из условно закрытых комплексов (заполнений погребов), даты формирования которых относятся к середине XV в. (Т1-96 – одна находка) и второй половине XV в. (Т1-84 – пять обломков от одного (?) тигля) (рис. 12, 1–3). Из относительно ранних слоев конца XV – первой половины XVI в. происходили еще 2 образца (рис. 12, 4, 9), все остальные находки были связаны со слоями второй половины XVI – первой половины XVII в. (рис. 12, 5–8, 10). Все тигли относятся к числу открытых стакановидных с округлым дном, с явными следами использования в виде остеклованных поверхностей, то есть не имели отличий от тиглей, известных ранее по раскопкам в Москве (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 22, 20, 22, 23, 24, 26). Никаких иных следов литья цветных металлов при раскопках не зафиксировано.

Рыболовные грузила.

В слоях XVI–XVII вв. на площади раскопа рыболовные грузила не встречены вовсе, все находки были сконцентрированы в контекстах XV в. Все грузила изготовлены из красножгущихся глин, но различались по форме. При этом за пределами построек в слоях этого времени было найдено всего два грузила – биконическое и цилиндрическое (рис. 13, 1, 2). Единственное грузило, найденное в заполнении погребка первой трети XVI в. (Т1-92), вероятно, было перетолжено из более раннего контекста (рис. 13, 3). На этом фоне резко выделяется комплекс погребка Т1-32, сгоревшего в сильном пожаре (того самого, в котором обнаружены останки

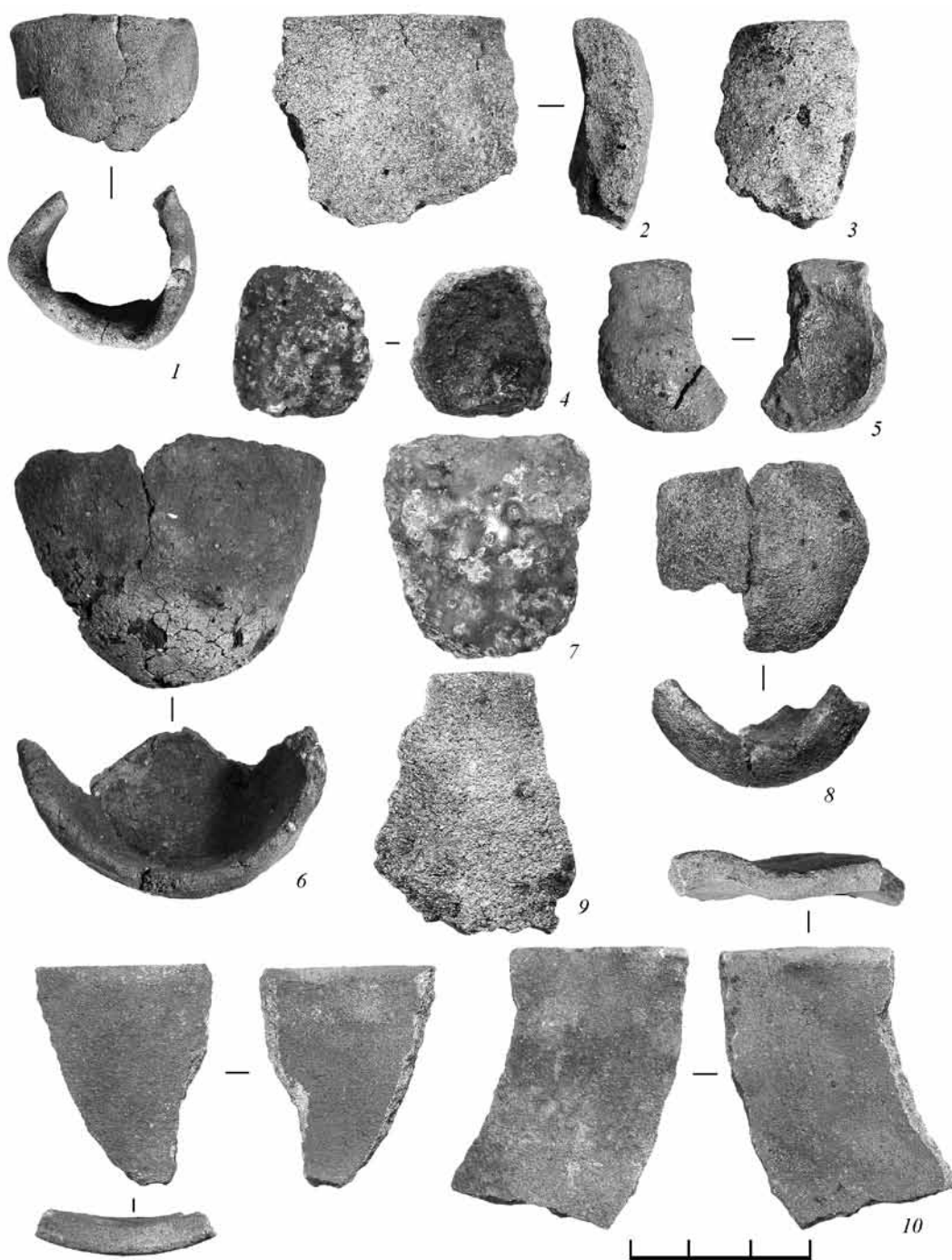

Рис. 12. Тигли (№ 1134, 1498, 1648, 1213, 963, 917, 966, 1568, 1570, 281)

сгоревших заживо людей). Из этого комплекса происходили 17 грузил, разделенных на два типа.

1. Бочонковидные (9 экз.) и биконическое (1 экз.) с вертикальным каналом (рис. 13, 4–7), которые в основном не были повреждены пожаром (пропитались углеродом и частично почернели) (рис. 13, 7). Грузила типа 1 являются наиболее распространенными в Москве (Розенфельдт, 1968.

Табл. 2, 32) и других городах Северо-Восточной Руси XV–XVII вв. и позднее (Мазуров, Цепкин, 2003. Рис. 2).

2. Уплощенно-сфероидальные, с защипом, сквозь который проведен горизонтальный канал (рис. 13, 8–10), – 7 шт. Они имеют несколько меньшие размеры (а значит, и вес), чем грузила типа 1, и, следовательно, принадлежали к другому типу рыболовных

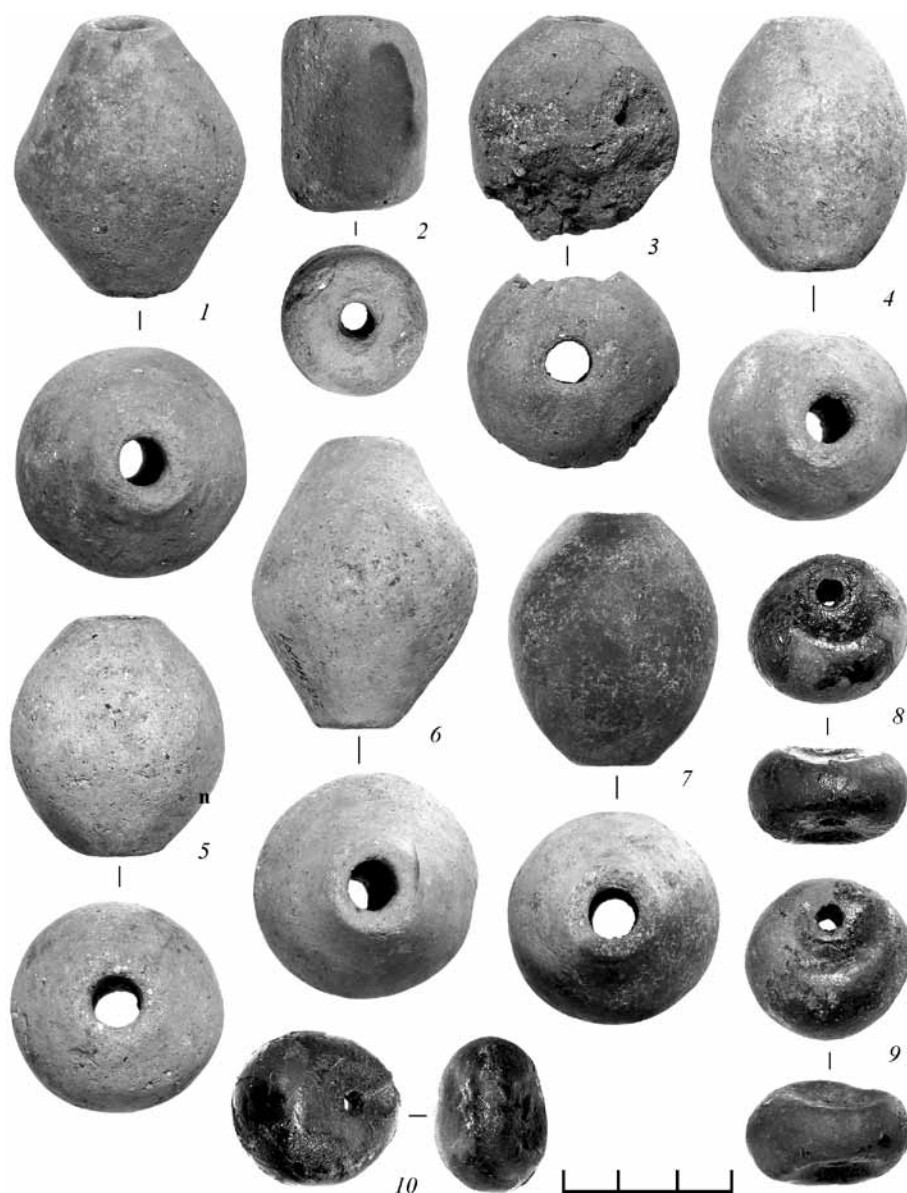

Рис. 13. Красноглиняные рыболовные грузила из слоев раскопа I (1, 2), погребов Т1-92 (3) и погребов Т1-32 (4–10) (№ 8, 1292, 514, 10, 630, 632, 655, 616, 645, 626)

сетей. Такие грузила копируют в глине каменные дисковидные грузила с отверстием у одного из краев.

Все грузила типа 2 из погребов Т1-32 побывали в пожаре, и их поверхности были покрыты пленкой черного органического вещества (точнее, углерода, выделившегося из этого вещества), хотя они найдены не на полу погребов, в несколько выше, в угольном завале остатков постройки. Вероятно, эти грузила находились не в погребов, а в наземной части постройки, рухнувшей в погреб входе пожара.

Грузила типа 2 нехарактерны для Москвы, но находят аналогии в Рязанском Поочье (Романова, 1995. Рис. 19, 6). Правда, там они делались из беложгущейся глины и не были столь уплощенными, как в данном случае. Следовательно, кремлевский набор грузил нельзя связывать напрямую с Поочьем. Однако очевидно, что грузила столь специфической формы вполне могли быть привезены в Москву из неизвестного пока пункта.

¹¹ Пряслице обгорело в пожаре, глазурь вспузырилась и покраснела. Тесто сосуда идентично керамике гжельского производства (насыщено мелким песком).

Для Москвы типология рыболовных грузил не разработана, находки не опубликованы, поэтому сравнивать кремлевский материал не с чем. Единственный пункт в округе средневековой Москвы, материалы которого анализировались, – это селища Мякинино-1 и Мякинино-2 на северо-западной границе современной территории Москвы, неподалеку от устья р. Сходни. На этих поселениях, существовавших в XII–XVI вв. почти вплотную друг к другу, найдено 22 рыболовных грузила, но большинство находок происходило из пахотного слоя, а в заполнениях древних объектов – только 8 предметов. Судя по этим находкам, на подмосковных селищах грузила овальной (бочонковидной или биконической) и подцилиндрической форм составляли подавляющее большинство, а в домонгольских комплексах встречались только такие грузила. Единственное сфероидальное грузило встречено в комплексе XV в. (Хижняков, 2008. С. 12, 13. Рис. 1; 2, 1–4; 3, 1–3). Таким образом, на сегодняшний день тенденции в развитии формообразования рыболовных грузил Москвы и Подмосковья остаются невыясненными, но похоже, что овальные грузила были здесь ведущей формой на длительном временном отрезке (по меньшей мере с XV в.).

Пряслища.

Последней рассматриваемой группой керамических изделий являются пряслища – грузики для веретена. На раскопе I такие предметы встречались крайне редко. За исключением двух поливных пряслищ, упоминавшихся выше (рис. 6, 6, 7), найдены еще только два пряслища, изготовленных из стенок горшков – красноглиняного московского и белоглиняного поливного¹¹ (рис. 14, 1, 2). Кроме того, обнаружены две круглые грубо обработанные заготовки для изготовления пряслищ из стенок горшков (рис. 14, 3, 4). Столь малое число находок пряслищ говорит о том, что на исследованном участке жители практически не занимались изготовлением пряжи.

Все пряслища найдены вне заполнений погребов и других построек, в слоях, не имевших узких дат (в пределах конца XV–XVII в.). Отсутствие разработок по керамическим пряслищам Москвы и всей Северо-Восточной Руси сокращает возможности для сужения их датировки. Единственная опубликованная серия синхронных находок происходит с упоминавшихся выше селищ Мякинино-1 и Мякинино-2, находящихся близ устья

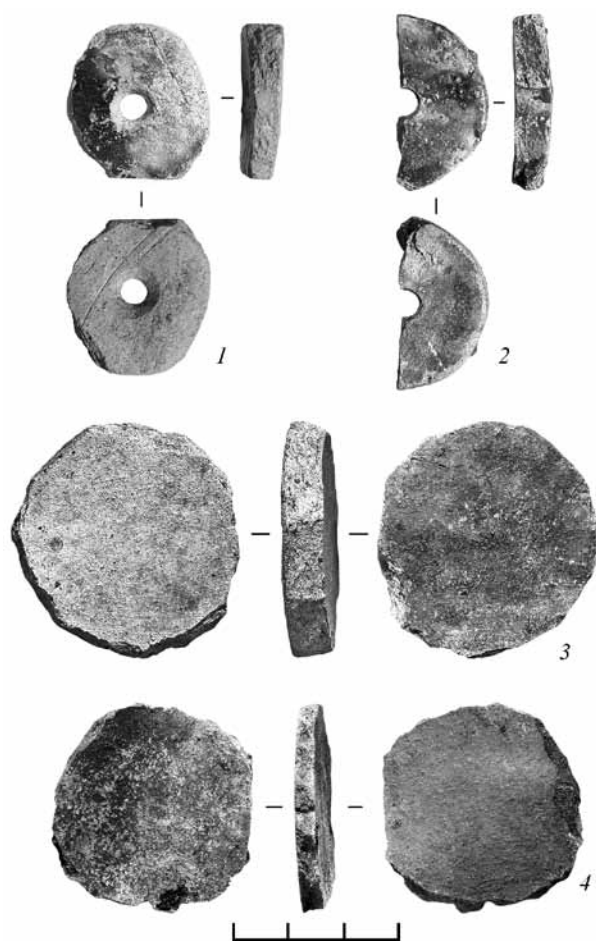

Рис. 14. Керамические пряслища

р. Сходни. Здесь на площади более 14 тыс. кв. м в комплексах XIV–XVI вв. найдены одно поливное пряслище (в яме XV в.), пять пряслищ из стенок сосудов, два почти законченных пряслища (с необработанными краями) и четыре заготовки таких пряслищ (без просверленных отверстий)¹². Из 11 пряслищ (и заготовок) 4 изготовлены из стенок белоглиняных гжельских сосудов, 2 – из краснотелых стенок, 1 – из белоангобированного сосуда, остальные 4 – из стенок красноглиняных горшков (Хижняков, 2008. Рис. 2, 5–8, 17; 3, 4–12).

Проведенные исследования показывают, что потенциал новых исторических знаний, которые можно обрести при анализе московской керамики, очень велик. Для получения новых результатов требуются новые данные первичной статистической фиксации керамических комплексов при будущих раскопках.

¹² Кроме того, на селище Мякинино-1 пряслища найдены в комплексах домонгольской эпохи, но их рассмотрение выходит за рамки данной работы.

Литература

- Аникин И. С., 2013. Керамический комплекс из ближайшей округи древнерусского Мурома (район села Карачарово) // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 152–167.
- Беляев Л. А., 2017. К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // *De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н. А. Кренке*. М. – Смоленск: Свисток. С. 119–136.
- Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2012. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 366–388.
- Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К., 2015. Московская красноглиняная (гладкая) и ангобированная керамика XV–XVI веков по материалам раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 437–448.
- Глазунова О. Н., 2009. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII веков // Археология Романова двора. М.: ИА РАН. С. 130–141. (Матер. охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 12).
- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. С. 98–109.
- Коваль В. Ю., 2004. Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасино. М.: ИА РАН. С. 21–39. (Тр. ПЭ; т. 2).
- Коваль В. Ю., 2010б. Три группы керамики из Северо-Западного Подмосковья // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 196–205.
- Коваль В. Ю., 2011. Керамика Переяславля Рязанского XVII–XVIII вв. // Материалы по археологии Переяславля-Рязанского. Вып. 1. Рязань: Рязанский музей-заповедник. С. 87–122.
- Коваль В. Ю., 2015. Импортная керамика Московского Кремля по материалам раскопок на Подоле в 2007 г. // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 254–286.
- Коваль В. Ю., 2016а. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 437–475.
- Коваль В. Ю., 2016б. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Методика полевых археологических исследований. Вып. 9. М.: ИА РАН. 126 с.
- Кренке Н. А., 2009. Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН. 521 с. (Матер. охранных археологических исследований; т. 12).
- Мазуров А. Б., 2017. Раскопки Н. П. Милонова в Коломне 1935–1936 гг. // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. № 1 (25). Коломна: ГСГУ. С. 3–62.
- Мазуров А. Б., Коваль В. Ю., 2004. Керамический импорт средневековой Коломны // АП: Матер. науч. семинара. М.: ИА РАН. С. 285–308.
- Мазуров А. Б., Цепкин Е. А., 2003. Рыболовный промысел в XII–XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // РА. № 4. С. 129–138. МК. М.: ИА РАН, 1991. 198 с.
- Мухина Т. Ф., 1992. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. в суздальских археологических коллекциях // Городецкие чтения. Городец: Городецкий краеведческий музей. С. 63–68.
- Нестерова Н. В., 2002. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир: ВСМЗ. 42 с.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 123 с. (САИ. Вып. Е1-39).
- Романова Е. И., 1995. Подземная охранная зона исторической территории Рязанского Кремля. Рязань: Стиль. 186 с.
- Романова Е. А., 2009. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород. С. 310–338.
- Руденко К. А., 2000. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья VIII–XIV вв. Казань: Репер. 155 с.
- Фатков А. А., Баранов Н. А., 2015. Находка ангобированного кумгана с раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2 // АП: Матер. науч. семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 422–432.
- Фехнер М. В., 1949. Глиняные игрушки московских гончаров // МИА. № 12. С. 52–56.
- Хижняков О. И., 2008. Керамические изделия из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 12–20.
- Черкасов В. В., 2004а. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // АП: Матер. науч. семинара. М.: ИА РАН. С. 309–320.
- Черкасов В. В., 2004б. Круговая керамика Коломны XII–XVII вв. (эволюция гончарной продукции). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // МК. М.: ИА РАН. С. 50–58.

Чернов С.З., 2017. Двор с монетными весами в деревне Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 309–345.

Шеляпина Н.С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле

в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля / МИА СССР. № 167. М.: Наука. С. 117–157.

Bicić V., 2003. Gradska keramika Beograda (16–17 vek) // Arheološki Institut. Posebna izdanja. № 39. Beograd. 187 s.

V.Yu. Koval

Ceramics from excavations at the Podol of the Moscow Kremlin – series of smaller pieces

Summary

This article covers finds from excavations undertaken in the Tainitsky Gardens of the Moscow Kremlin during 2007. Based on statistical information, it seems that the appearance of engobed (slipware) ceramics, and ceramics with engobed decoration took place not

in the 16th century, as had been previously thought, but in the late 15th century or early 16th. Finds are illustrated of Russian slipware ceramics from the 15th and 16th centuries, including fishing sinkers (weights), and other ceramic items.

Н. Н. Малышева*, А. А. Полюлях**, Т. Г. Сарачева*

* Государственный исторический музей, Москва;

** Музейное объединение «Музей Москвы», Москва

Результаты натурного исследования сосудов-голосников из церкви Трех Патриархов Константинопольских в соборе Покрова Пресвятой Богородицы на Рву

Сооруженный в 1555–1561 гг. Покровский собор (Храм Василия Блаженного) в Москве первоначально состоял из девяти церквей. В результате детального анализа архивных материалов и визуального осмотра церквей установлено, что в интерьерах семи из них насчитывается 83 голосника. Они расположены на значительной высоте, до 21 м, что затрудняет их изучение. Оно становится возможным лишь в процессе реставрации с возведением строительных лесов. Так, в 2015 г. удалось исследовать 16 керамических сосудов-голосников из центральной церкви Покрова Пресвятой Богородицы (Малышева и др., 2016. С. 92–95; 2017. С. 375–377).

Церковь Трех Патриархов Константинопольских Александра, Иоанна и Павла Нового Покровского собора представляет собой исключение: голосники в ней находятся невысоко, и поэтому они оказались доступны для натурного исследования. Их изучение существенно расширило наши представления о сосудах-голосниках Покровского собора.

Северо-восточная церковь, освященная во имя Трех Патриархов Константинопольских, – одна из четырех малых церквей второго яруса Покровского собора. Расположенные с восточной стороны храма две малые церкви меньше тех, которые находятся с западной (Малышева и др., 2017. С. 374. Рис. 1). Они не имеют выделенных апсид. Основу церкви составляет четверик правильной геометрической формы с тремя порталами (рис. 1). Стены четверика завершаются дугами подпружных арок,

опирающихся на угловые пристенные опоры. Нижний ярус переходит в невысокий сужающийся кверху восьмерик, на котором покоится цилиндрический световой барабан, перекрытый купольным сводом. Высота церкви составляет 14,6 м; площадь ее 12 кв. м.

Восемь голосников располагаются в верхней части четверика на высоте около 4 м. Они находятся внутри неглубоких полуциркульных нишек, размещенных по дугам подпружных арок (рис. 2)¹. На каждой стене четверика насчитывается десять ниш. Керамические сосуды расположены симметрично по два на гранях четверика, внутри каждой второй от угла ниши. Благодаря такому расположению, отверстия голосников практически незаметны (рис. 3).

Натурное исследование показало, что в качестве голосников мастера использовали белоглиняные кувшины с выделенными сливами, сходные по форме с голосниками центральной церкви Покрова Пресвятой Богородицы (Малышева и др., 2017. С. 376. Рис. 5). Однако их расположение в кладке стен отличается: носики-сливы ориентированы бессистемно, в то время как в центральной церкви они располагаются сверху. Сохранность сосудов хуже: все имеют трещины и 5 из 8 частично повреждены. Как правило, разрушена их верхняя часть, на которую приходится максимальное давление кирпичной кладки (рис. 4).

Сосуды отличаются по размерам: диаметр венчика варьируется от 11 до 13 см, высота – от 34 до 38 см. При этом пять из них имеют

¹ Фотографии, представленные на рис. 2–4, выполнены сотрудниками ГИМ А. С. Алимовым и Г. Г. Сапожниковым. Выражаем им искреннюю благодарность.

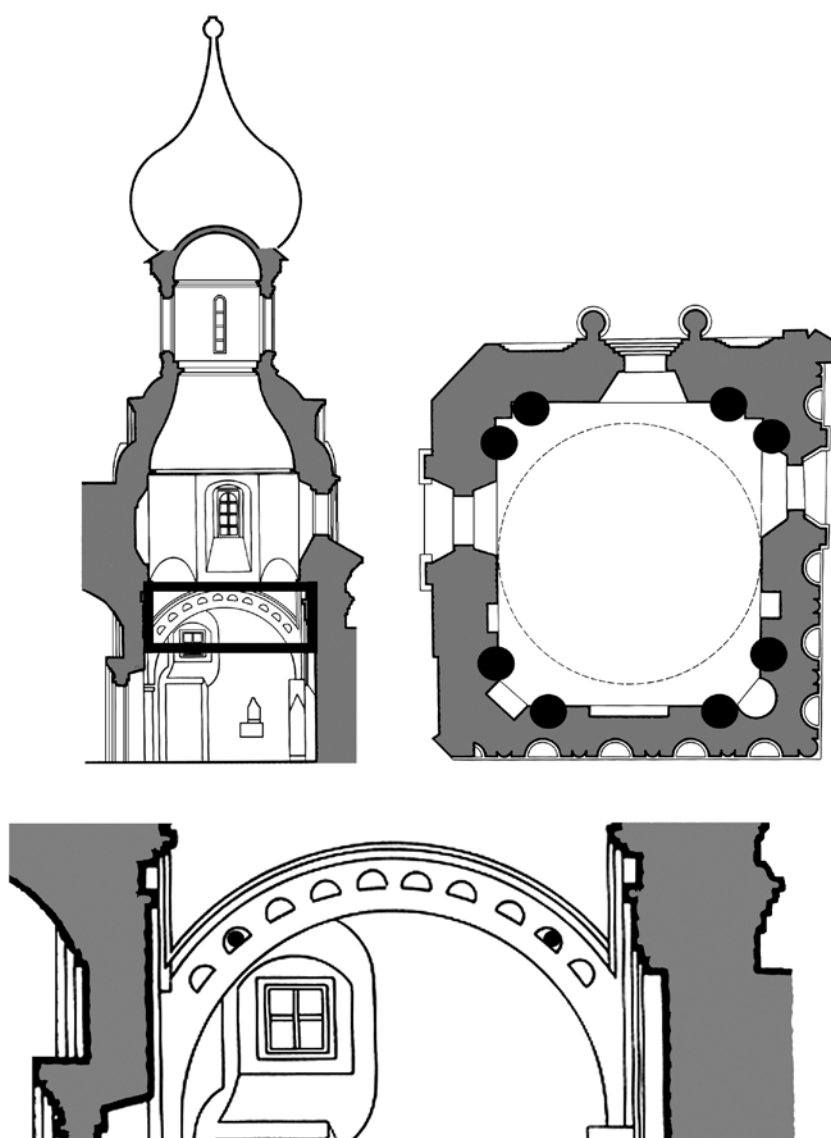

Рис. 1. Разрез и план церкви Трех Патриархов Константинопольских Покровского собора с обозначением мест расположения голосников (по: Брунов, 1988. С. 74–75)

максимальную высоту (табл. 1). Кувшин-голосник, вмурованный на южной стене четверика во второй от юго-восточного угла нише, был полностью разбит. Его фрагменты были извлечены с целью их сохранения. Так как в нашем распоряжении оказалась значительная часть сосуда, его удалось отреставрировать и с помощью незначительной догипсовки получить полную форму² (рис. 5). Фрагменты нижней части кувшина были утрачены ранее, видимо, в ходе ремонтно-реставрационных работ, которые проводились неоднократно в этой церкви. Впервые появилась возможность увидеть голосник из Покровского собора целиком и всесторонне его

исследовать, в то время как в центральной церкви изучалась лишь внутренняя поверхность вмурованных в стены кувшинов, и на основе этого воссоздавалась их форма.

Кувшин из церкви Трех Патриархов Константинопольских имеет овоидную форму тулова. Его размеры: высота 36,5 см, диаметр тулова 27 см, диаметр венчика 13 см, диаметр дна 12,5 см. Средняя толщина стенки составляет 0,5 см. Ручка дугообразной формы, овальная в сечении, по внешнему изгибу имеет несколько наклонных наколов. Ее размеры 2,4×1,7 см. В верхней части кувшина, по плечу, на уровне нижнего крепления ручки

² Выражаем благодарность реставратору археологического отдела «Музейного объединения «Музей Москвы» Д. Л. Толстову за проведенную на высоком уровне реставрацию сосуда-голосника.

Таблица 1. Размеры сосудов – голосников из церкви Трех Патриархов Константинопольских Покровского собора.

Местоположение в интерьере церкви	Высота сосуда, см	Диаметр венчика, см	Диаметр донца, см	Диаметр максимального расширения тулова, см
2-я от северо-западного угла ниша на северной грани	34	11	—	—
2-я от северо-восточного угла ниша на северной грани	38	11	—	—
2-я от северо-западного угла ниша на западной грани	38	13	—	—
2-я от юго-западного угла ниша на западной грани	—	13	—	—
2-я от юго-западного угла ниша на южной грани	36	12	—	—
2-я от юго-восточного угла ниша на южной грани	36,5	13	12,5	27
2-я от юго-восточного угла ниша на восточной грани	38	13	13	31
2-я от северо-восточного угла ниша на восточной грани	38	—	—	—

нанесен декор в виде двух горизонтальных линий. По промерам объем кувшина-голосника составил 11,25 л, что близко к основной единице измерения объема жидкости в XVI–XVII вв. – ведру, равному 13,3 л (Черепнин, 1944. С. 67).

Исследованный кувшин подтверждает результаты визуального осмотра голосников в центральной церкви и в церкви Трех Патриархов Константинопольских. Они сходны по форме, технологии и месту изготовления. Все кувшины белоглиняные, с характерным светло-желтым оттенком внешней и внутренней поверхностей. Судя по наличию следов от пальцевых защипов на внутренней поверхности кувшинов, они изготовлены на ручном гончарном круге с подсыпкой песка под дно, методом

ленточного налёпа полос шириной 5–6 см с последующим заглаживанием внешней поверхности.

Как уже отмечалось ранее, подобные кувшины с характерным светло-желтым оттенком теста производились в Гжели и бытовали в Москве в XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 46; Полюлях, 2015. С. 21–23. Рис. 5; Малышева и др., 2017. С. 384–385). Целые формы и многочисленные фрагменты подобных кувшинов были найдены во время археологических раскопок на месте гончарной мастерской в центральной части села Гжель в 1985–1988 гг., Никитского погоста XVI в. (Меткомелинское II селище) на р. Дорке в 1989–1998 гг. и Бахтеевского селища в 1996 г., наряду с другой белоглиняной посудой: горшками, корчагами, мисками,

Рис. 2. Голосник на северной грани четверика церкви Трех Патриархов Константинопольских

Рис. 3. Аркатурный пояс на западной грани четверика церкви Трех Патриархов Константинопольских

сковородами и плошками (рис. 6). Все эти керамические формы изготовлены гончарами Гжели (*Полулях*, 1990; 1991; 1993; 1996; 2005. С. 246–254; 2015. С. 8–35; 2017. С. 346–371).

Белоглиняные кувшины, обнаруженные в ходе раскопок указанных поселений, имеют аналогичную овоидную форму, пропорции, декор по тулову, конструкцию ручки и наколы по ее внешней поверхности. Так, например, кувшин Никитского погоста декорирован двумя горизонтальными линиями на уровне нижнего крепления ручки; на большинстве найденных там же фрагментах ручек фиксируются прямые и наклонные наколы по внешнему изгибу (рис. 6, 1, 7). Следует отметить, что и на Никитском погосте, и на месте гончарной мастерской в центральной части села Гжель найдены фрагменты ручек кувшинов с характерным оформлением канавкой и наколами, схожие с ручками кувшинов-голосников из Покровского собора (*Малышева и др.*, 2017. С. 376).

Строители Покровского собора использовали обычные бытовые кувшины, а не иные специально сделанные для этой цели сосуды. Подобная практика отмечалась неоднократно для домонгольского времени и особенно для XVI–XVII вв. (*Ранпопорт*, 1994. С. 52, 53; *Верховская*, 1936. С. 50). Эти кувшины могли быть приобретены недалеко от собора, в торговых рядах Китай-города, где

в середине XVI в. находились три горшечных ряда (*Тверская*, 1959. С. 45; *История Москвы*, 1952. С. 155–161).

Строительная история Покровского собора позволяет определить дату установки голосников в церкви Трех Патриархов Константинопольских. Она оказывается уже периода возведения храма, длившегося шесть лет с 1555 по 1561 г. Согласно тексту Никоновской летописи, 1 октября 1559 г. в день Покрова Пресвятой Богородицы «священны церкви приделы в новом городе у Фроловского мосту, которые ставлены на возвешение чудес Божиих о Казанском взятъе... А болшая церковь средняя Покров того году не совершена...» (ПСРЛ, 1904. С. 320). Таким образом, в церкви Трех Патриархов Константинопольских голосники появились в период с 1555 по 1559 г.

Извлечение полностью руинированного сосуда и его реставрация имеют важное значение не только для исследователей средневековой керамической посуды, но и для экспозиции музея «Покровский собор». С самого начала он задумывался как исторический архитектурно-художественный музей. С 1930-х гг. в его экспозиции были представлены изображения и чертежи собора и других древнерусских памятников, показаны примеры разновременных росписей и строительных материалов (*Сарачева*, 2013. С. 79). Среди них

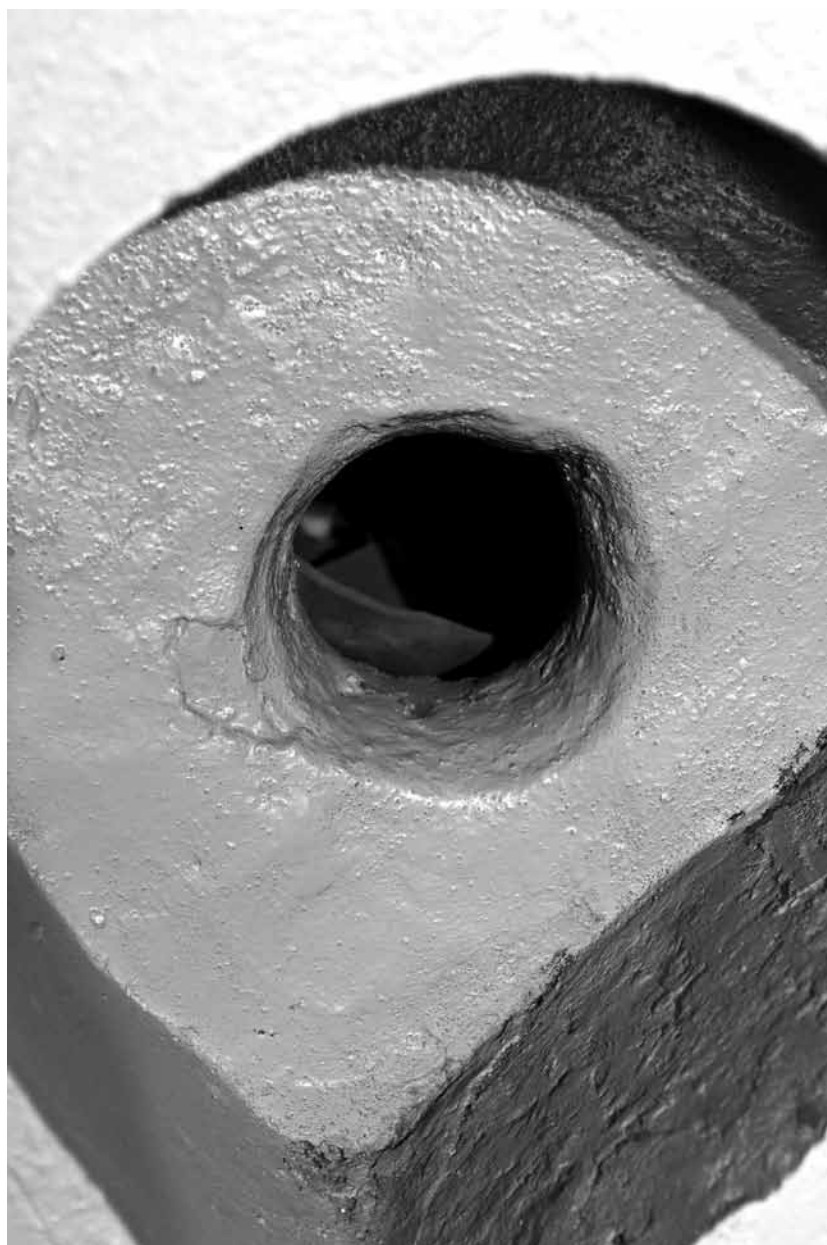

Рис 4. Фрагмент разбитого голосника

демонстрировался и голосник (рис. 7). Это белоглиняная корчага с шаровидным, сходным с большими горшками, туловом. Высота сосуда 33 см, меньше максимального диаметра – 45 см при толщине стенки 0,8–0,9 см (рис. 8, 1). Диаметр венчика 25 см, больше диаметра дна – 19 см. Корчага имеет венчик с высокой прямой шейкой и устьем, с заворотом черного края наружу в виде небольшого валика в нижней части (рис. 8, 3). Верхний край округлый с наклонным уплощением, направленным внутрь. Такие венчики преобладали среди венчиков корчаг, найденных при археологических исследованиях в центральной части села

Гжель в 1985–1988 гг., где была вскрыта часть крестьянской гончарной мастерской, действовавшей в XVI–XVIII вв. По залеганию в горизонтах Б и В раскопов 1 и 2 их датировка может относиться к XVII – началу XVIII в. (Полюлях, 2017. С. 352). Корчага изготовлена на ручном гончарном круге с подсыпкой песка на днище, имеет характерный для гжельских гончарных сосудов светло-желтый оттенок внешней и внутренней поверхностей. На внешней поверхности видны следы «овара» – темные пятна и потеки разных размеров. В нижней части плечика корчаги нанесен декор в виде двух горизонтальных линий (рис. 8, 2).

Рис. 5. Кувшин-голосник из церкви Трех Патриархов Константинопольских Покровского собора (см. цв. вкл.)

По-видимому, при изготовлении корчаг, как и кувшинов, существовали определенные стандарты их объема, кратные ведру (Черепнин, 1944. С. 67). На это указывают найденные в селе Гжель фрагменты корчаг трех размерных групп диаметров венчиков: 20–24 см, 26–34 см, более 36 см. Исходя из значений диаметров венчиков, некоторые из корчаг могли быть объемом в ведро, полтора или два ведра и более. Исследованная корчага имеет примерный объем, равный 32 л, или 2,5 ведра.

Корчага не использовалась в быту в качестве варочного сосуда и не имеет следов нагара с внутренней стороны венчика. На внешней поверхности остались следы известкового раствора, указывающие на использование ее в качестве голосника. Согласно экспликации в экспозиции,

голосник-корчага происходит из Покровского собора без указания, из какой именно он церкви. Однако изучение голосников и фасадных керамических сосудов собора показало, что эта корчага существенно отличается от них метрически и, скорее всего, происходит не из Покровского собора. В архивных документах музея пока не удалось обнаружить данные об источнике ее поступления. С большой долей вероятности можно предположить, что голосник поступил в фонды музея в 1920–1930-е гг. из другого московского храма. В ходе антирелигиозной кампании в этот период многие храмы разрушались, и в Покровский собор часто попадали предметы богослужебного назначения и разнообразные строительные материалы из уничтоженных церквей (Сарачева, 2013. С. 43).

Рис. 6. Белоглиняные кувшины и фрагменты ручек Никитского погоста (1–2, 5–7) и из села Гжель (3, 4)

Рис. 7. Раздел экспозиции музея, посвященный строительной истории собора. 1930-е гг. Архив музея «Покровский собор»

Рис. 8. Корчага-голосник

1 – общий вид; 2 – верхняя часть формы с декором (увеличено); 3 – профиль венчика

Необходимо отметить, что в экспозиции Московского объединенного музея-заповедника в Коломенском представлена близкая по форме и размерам белоглиняная корчага. С 1923 по 1927 г. музей «Коломенское» являлся филиалом Покровского собора, затем Исторического музея (Сарачева, 2013. С. 20). Возможно, обе корчаги происходят из одной партии голосников, разделенной между музеями.

Таким образом, в результате проведенных исследований в церкви Трех Патриархов Константинопольских Покровского собора удалось восстановить целую форму кувшина-голосника, точно датированного 1555–1559 гг. Выполненная на высоком уровне реставрация кувшина позволила весной 2017 г. заменить в экспозиции музея корчагу неясного происхождения на подлинный голосник из Покровского собора.

Литература

Брунов Н. И., 1988. Храм Василия Блаженного в Москве. М.: Искусство. 380 с.

Верховская И. Н., 1936. Голосники и их роль в акустике помещения // Сб. работ акустического раздела. Вып. 1. Тр. научно-исследовательского музыкального института при Московской государственной консерватории. М.: Музгиз. С. 46–72.

История Москвы. Т. 1. М.: Огиз, 1952. 777 с.

Малышева Н. Н., Полюлях А. А., Сарачева Т. Г., 2016. Голосники собора Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (храма Василия Блаженного) // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. М. – Новый Иерусалим: Коллектор. С. 92–95.

Малышева Н. Н., Полюлях А. А., Сарачева Т. Г., 2017. Новые сведения о голосниках собора Покрова на Рву в Москве // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 372–386.

Полюлях А. А., 1990. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском и Балашихинском районах Московской области в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15805.

Полюлях А. А., 1991. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском и Балашихинском районах Московской области в 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 16993, 17337.

Полюлях А. А., 1993. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II-го селища в Раменском районе Московской области в 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 17909.

Полюлях А. А., 1996. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II-го селища в Раменском районе Московской области в 1996 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 19991, 19992.

Полюлях А. А., 2005. Гончарный горн у с. Бахтево в Раменском районе Московской области // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 246–254.

Полюлях А. А., 2015. Факторы возникновения и характер развития мелкотоварного гончарного производства Гжели в конце XV–первой трети XX в. // Московия: материалы и исследования по истории и археологии. М.: Музей Москвы. С. 8–35.

Полюлях А. А., 2017. Археологические исследования в селе Гжель. Белоглиняная керамика: кув-

шины, корчаги, миски и сковороды // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 346–371.

ПСРЛ. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904. 320 с.

Раннопорт П. А., 1994. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.: Наука. 158 с.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 99 с.

Сарачева Т. Г., 2013. Музейная летопись Покровского собора: К 90-летию открытия музея. М.: ГИМ. 255 с.

Тверская Д. И., 1959. Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка // Тр. ГИМ. Вып. 34. М.: Советская Россия. 128 с.

Черепнин Л. В., 1944. Русская метрология. М.: Трансжелдориздат. 94 с.

N. N. Malysheva, A. A. Poliulyakh, T. G. Saracheva

Results of full-scale research into ‘golosniki’ ceramic vessels from the Church of the Three Patriarchs of Constantinople, within the Intercession Cathedral on the Moat (aka ‘St Basil’s Cathedral’) in Moscow

Summary

The article presents ceramic vessels ‘golosniki’ from the Church of Three Patriarchs of Constantinople of ‘The Intercession Cathedral on The Moat’ (1555–1561) in Moscow (often known as ‘St Basil’s Cathedral’). Eight ceramic vessels are situated in this church at the top part of a square basement (chetverik) at a height of about four meters. They are inside shallow semicircular niches, which are placed over the arches. The jug-‘golosnik’ inserted in the south wall of the ‘chetverik’ in the second south-east niche, has been completely destroyed. This vessel’s fragments were moved to preserve them and it has been completely

restored. These circumstances allowed the authors to analyze in detail the shape of the ‘golosnik’ vessel, its size and manufacture. It was concluded that similar jugs with a typical yellow dough-colour were manufactured in Gzhel, and were widely spread throughout Moscow in the 16th century. The building history of the Intercession Cathedral allows definite dating of ‘golosnik’s installation in the Church of Three Patriarchs of Constantinople between 1555 to 1559. The restored jug-‘golosnik’ replaced a large earthenware pot (*korchaga*) of uncertain origin in the permanent exhibition of the museum of the ‘Intercession cathedral’.

А. А. Полюлях

Музейное объединение «Музей Москвы», Москва

Археологические исследования в селе Гжель: белоглиняная расписная, чернолощеная и поливная керамика

Настоящая публикация является третьей, завершающей рассмотрение керамики, полученной при археологических раскопках в центральной части села Гжель в 1985, 1986 и 1988 гг., где была вскрыта часть крестьянской гончарной мастерской, действовавшей, по-видимому, в XVI–XVIII вв. Культурный слой на исследуемой площади (раскопы 1 и 2) отличался сильным насыщением обломками керамики (35 795 ед.). Коллекционная выборка из этого массива составила 1284 фрагмента¹, включающая ряд типов и форм керамики:

- белоглиняная – горшки, кувшины, корчаги, миски, сковороды,
- белоглиняная расписная – горшки, кувшины, игрушки,
- поливная – миски, фляги, кувшины (?), горшочки, черепица,
- чернолощеная и мореная – кувшины, кубышки, фляги, горшки, миски, цветочные горшки, игрушки.

Помимо обломков керамики указанных типов в составе выборки отмечены отдельные фрагменты посуды, изготовленной из красножгущейся глины с лощением и без него, а также и ангобированные белой глиной.

Ввиду значительности коллекционной выборки и большого количества посудных форм разных типов керамики ранее были опубликованы формы посуды одного типа – белоглиняной, включающей горшки, кувшины, корчаги, миски и сковороды (Полюлях, 2016. С. 476–546; 2017. С. 346–371). В данной публикации представлены формы посуды и изделия остальных типов: белоглиняной расписной, поливной, чернолощеной и мореной.

Белоглиняная расписная керамика

В процессе раскопок встречалась в единичных экземплярах и отдельно не учитывалась. Но, судя по поступившей в музей выборке, отбирались все, даже мелкие обломки, и их общее количество с учетом индивидуальных находок составило 26 экз. (см. прил. 1).

В общей статистике расписная керамика составляет: в раскопе 1 – 0,05%, в раскопе 2 – 0,1%. В обоих раскопах обломков расписной керамики найдено одинаковое количество. В раскопе 1 они залегали в основном в горизонте В и частично горизонте Б, а в раскопе 2 – в горизонтах А и Б (табл. 1).

Обломки белоглиняной расписной керамики относятся к горшкам, кувшинам и игрушкам-погремушкам (рис. 1). К этому же типу следует отнести не имеющий аналогий в московской керамике фрагмент стенки белоглиняного сосуда, декорированный рельефным налепом красной глины (рис. 1, 18). Он найден в верхнем пласте горизонта В (пласт 7) раскопа 1. Сосуд отличается тщательное выполнение сложной композиции декора, состоящего из дугообразного красноглиняного валика (или нескольких валиков) с нанесенными по нему линиями точек штампом, точки идут и вдоль валика. Ниже валика расположен овальный налеп с семью сферическими выступами в виде розетки, нанесенными штампом. Подобный штамп был найден автором на территории домовладения № 133 по ул. Центральная в с. Гжель, расположенного к востоку от раскопов 1–2,

¹ Хранится в составе коллекций: ОФ 27642/1-55, НВФ 17090/1-1229. Часть находок была в 1986 и 1988 гг. передана автором раскопок А.Г. Векслером в ЗАО «Объединение Гжель» (Московская обл., Раменский р-н, пос. Ново-Харитоново), где эти находки в настоящее время хранятся и выставлены в витрине выставочного зала в административном здании.

Таблица 1. Количественный состав белоглиняной расписной керамики раскопов 1–2 по горизонтам культурного слоя.

Горизонты	Раскопы		Всего
	1	2	
А	1	6	7
Б	4	6	10
В	8	1	9
Всего	13	13	26

за церковью, где, судя по находкам обломков керамики, в XVIII–XIX вв. существовало гончарное и фаянсовое производство (Полюлях, 1989).

Белоглиняные расписные горшки (7 обломков) представлены венчиками и стенками, декорированными горизонтальными и наклонными красными широкими полосами (рис. 1, 1, 2, 4–6). Почти все они найдены в горизонте Б раскопа 2 (прил. 1). Венчики горшков относятся к классу 3 типу 3/8 – вертикальных, с заворотом чернового края внутрь на всю высоту шейки (рис. 1, 1, 2, 5, 6)². Аналогичные горшки (рис. 1, 3, 9) известны в Москве в слоях XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 47).

Белоглиняные расписные кувшины (16 обломков) представлены венчиками, стенками и ручками (рис. 1, 7, 8, 10–17). По характеру росписи кувшины делятся на ранние и поздние. Ранние (5 экз.) имеют неровную поверхность, сложный декор в виде композиции из тонких линий, выполненный темной (видимо, из красной глины) краской (рис. 1, 13, 15–17). Два из них найдены в нижних слоях горизонта В раскопа 1 (рис. 1, 13, 17; прил. 1, № 859, 860). Обломки стенок кувшинов с аналогичной росписью найдены на Меткомелинском II селище XVI в. (Полюлях, 1998). В Москве находки обломков красноглиняной ангобированной посуды с похожей геометрической росписью красной краской отмечены в слоях XV–XVI вв. (Розенфельдт, 1968. С. 25, 26. Табл. 7, 1, 2, 6, 9–11, 18).

Обломки более поздних кувшинов (13 экз.) с более гладкой ровной поверхностью, и как горшки, декорированы горизонтальными и наклонными красными широкими полосами и композициями из окружностей с мелкими и крупными пятнами (рис. 1, 7, 8, 10–12, 14). Эти обломки найдены в верхних, поздних, горизонтах А, Б и в верхнем слое горизонта В (прил. 1) и, как и горшки, также могут быть датированы XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 47).

Белоглиняные расписные игрушки-погремушки. К этому типу относятся целая цилиндрическая погремушка и фрагмент аналогичной погремушки (рис. 1, 19, 20). Целая погремушка с отверстием в центре имеет диаметр 6,9 см и толщину 2,5 см, найдена в горизонте В (пласт 10) раскопа 1 (рис. 1, 19). Она расписана по боковой поверхности красными полосами-радиусами от центра к торцевой плоскости, боковое ребро обведено окружностью, по торцу нанесены частые полосы. Такой стиль декора, в виде двух продольных линий по ребру и полос между ними по внешнему изгибу, отмечен и на ручке ангобированного кувшина, изготовленного из глины, имевшей после обжига желтый цвет (рис. 1, 10).

Фрагмент второй цилиндрической погремушки, также с отверстием в центре, имеет диаметр 5,1 см и толщину 1,3 см, найден в верхнем пласте горизонта Б (пласт 4) раскопа 1 (рис. 1, 20). Боковая поверхность декорирована тремя параллельными красными полосами.

По наблюдениям Р.Л. Розенфельдта, аналогичные белоглиняные расписные погремушки (ошибочно определенные как колесико), а также горшки, кувшины и игрушки, бытовали в Москве в XVIII–XIX вв. (Розенфельдт, 1968. С. 47. Табл. 16, 29). Датировка их XIX в. вызывает сомнения.

Поливная керамика

Поливная керамика в ходе раскопок как отдельный тип учитывалась только по раскопу 1. По раскопу 2 учет велся совместно с фарфором и фаянсом. В раскопе 1 поливная керамика составляла 1,1%, в раскопе 2 – около 2,0–2,5% от общего количества обломков керамики (Полюлях, 2016. С. 508. Прил. 1–2).

Судя по поступившей в музей выборке керамики, в процессе раскопок отбирались все, даже мелкие обломки поливной керамики. Их общее количество составило 61 экз. (прил. 2). Более половины находок

² Этот тип венчиков рассмотрен ранее (Полюлях, 2016. С. 496).

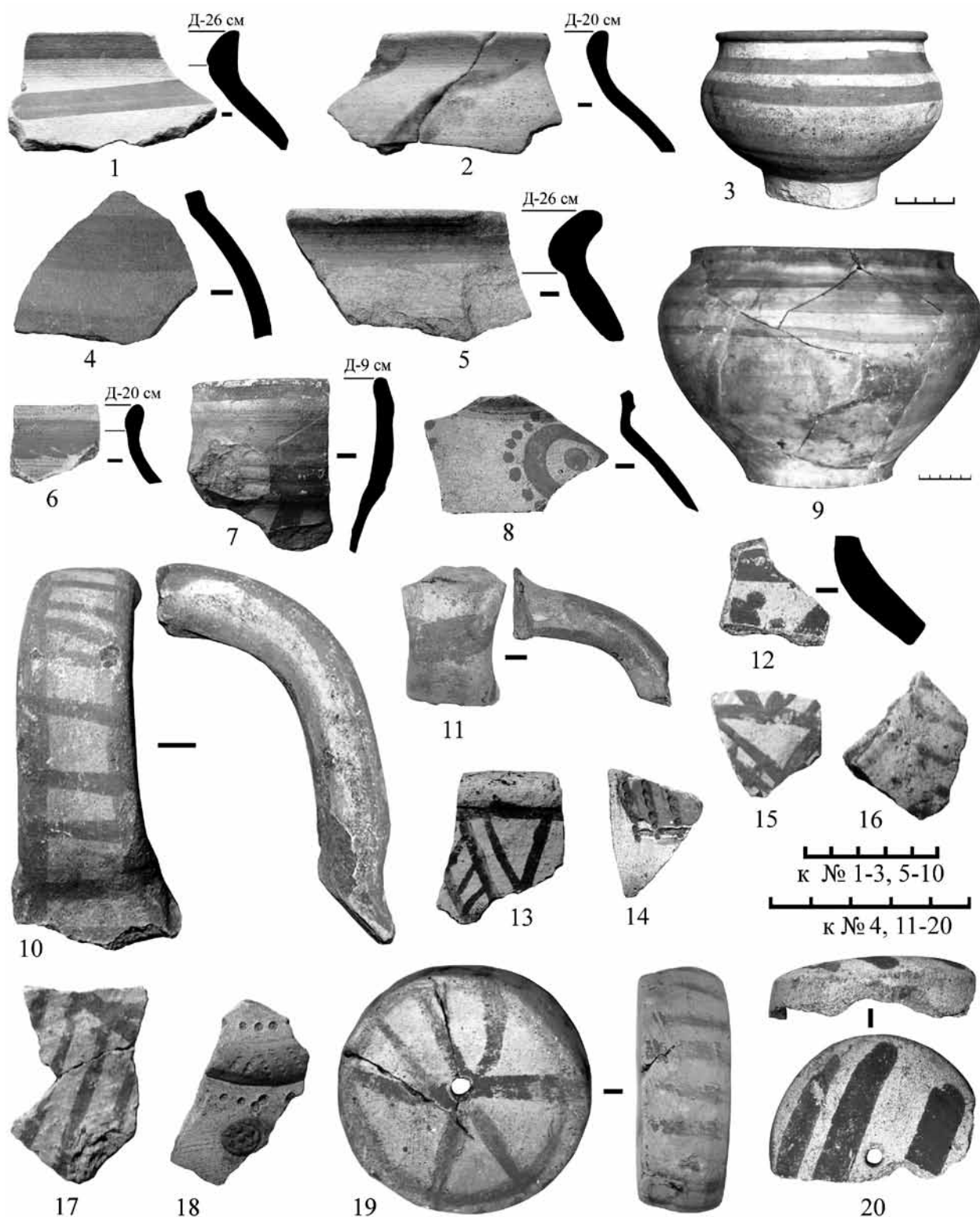

Рис. 1. Белоглиняные расписные горшки (1–6, 9), кувшины (10–18) и игрушки-погремушки (19–20).
(Здесь и далее указаны номера хранения научно-вспомогательного и основного фондов) (см. цв. вкл.)

1 – 17090/952; 2 – 17090/1000; 3 – 28769/52; 4 – 17090/212; 5 – 17090/995; 6 – 17090/897; 7 – 17090/1054; 8 – 17090/302;
9 – 28769/237; 10 – 17090/575; 11 – 17090/898; 12 – 17090/981; 13 – 17090/859; 14 – 17090/1053; 15 – 17090/298;
16 – 17090/1029; 17 – 17090/860, 895; 18 – 17090/301; 19–20 – ЗАО «Гжель»

Таблица 2. Количественный состав поливной керамики раскопов 1–2 по горизонтам культурного слоя.

Горизонт	Раскопы		Всего
	1	1	
А	2	1	3
Б	10	13	23
В	23	12	35
Всего	35	26	61

происходило с раскопа 1 – 35 единиц, где они преобладают в горизонте В. В раскопе 2 их найдено 26 единиц, и залегали они в горизонтах Б и В, с небольшим преобладанием в горизонте В (табл. 2).

Обломки поливной керамики относятся к флягам, мискам, кувшинам (?), мелкокоразмерным горшочкам и черепице (рис. 2, 3). Поливная керамика бытовала и в XIX в. Некоторые обломки посудных форм (горшок, миска) горизонта А были представлены ранее (Полюлях, 2016. С. 482. Рис. 7, 10–12).

Поливные фляги с цилиндрическим туловом (рис. 2, 5) были широко распространены в Москве в XVII – начале XVIII в. Диаметр их тулова составляет обычно 15 см при толщине 7,5 см. Фляги имеют в нижней части четыре ножки в виде выступов, вверху по бокам – два выступа-налепа с отверстиями. Боковые круглые стенки украшены разнообразными рельефными изображениями и орнаментами (чаще всего встречаются орлы, реже – другие птицы, семиголовый зверь и др.), сходными с представленными на красных и зеленых изразцах XVII в. Наружная поверхность фляг покрывалась зеленой поливой (Розенфельдт, 1968. С. 50. Табл. 18, 1–9).

К флягам относятся 20 обломков боковых стенок и стенок с выступом-ножкой. Почти все обломки фляг (рис. 2, 1–4, 6, 16) найдены в горизонтах Б и В (пласты 6–7) раскопа 1. Фрагменты фляг без поливы (рис. 2, 7–15, 17–20) найдены в горизонте В (пласт 8) раскопа 2.

Обломки фляг относятся к нескольким сосудам с рельефным изображением двуглавого орла на боковых стенках (рис. 2, 5). Фляги имели диаметр тулова 15–16 см. Толщина одной из них, судя по фрагменту с разломом по линии соединения двух половин, составляла 6 см (рис. 2, 16), толщина стенки – 4–5 мм. Ее формовка осуществлялась на круге в одной цилиндрической, по-видимому, деревянной форме, что обеспечивало точность соединения двух половин фляг.

К поливным мискам относятся 18 стенок сосудов двух форм – со сферическими и с коническими боковыми стенками. В раскопе 1 их найдено: в горизонте Б – 4 экз. и в горизонте

В – 7 экз. В раскопе 2 все семь обломков найдены в горизонте Б. Для обоих видов форм характерна вертикально отогнутая верхняя часть стенки с заворотом чернового края наружу в виде валика. Диаметр края – от 32 до 40 см и более, толщина стенки – от 0,8 до 1,3 см.

Миски первого вида (со сферическими стенками) имели с двух сторон округлые выступы с отверстиями и, видимо, невысокие, около 7–8 см, боковые стенки (рис. 3, 9). Полностью, с внутренней и с внешней стороны, они покрывались светло-зеленой поливой.

Миски второго вида (с коническими боковыми стенками) имели высокие, около 9 см, боковые стенки и покрывались желтой и зеленой поливой как только внутри (рис. 3, 8), так и с двух сторон. Найдено несколько обломков формы этого вида без поливы. Некоторые миски второго вида близки к лоханям. Они имеют большой диаметр края – около 40 см и толщину стенки 1,3 см.

Поливные кувшины (?) и мелкокоразмерные горшочки. Обломки кувшинов (7 единиц) найдены в горизонте В раскопа 1 и в горизонте Б раскопа 2 (рис. 3, 1–5; прил. 2). Они принадлежали сосудам с шаровидным туловом, один из которых имел диаметр 16 см и толщину стенки 4–5 мм. Шесть из семи обломков относятся к кувшинам, прошедшим первый, до покрытия поливой, обжиг. Все они, видимо, покрывались поливой зеленого цвета снаружи и внутри.

Кувшины формовались на круге в специальных формах, имевших внутри рельефный декор. Один из кувшинов декорирован валиком по основанию горла, ниже которого по плечу нанесен рельеф в виде покрытия городчатой черепицей (рис. 3, 1). Другие кувшины имеют более простой декор – валики по плечу, с линиями наколов в пространстве между ними, нанесенными вручную (рис. 3, 2–5). Декор из валиков характерен для чернолощенных кувшинов типа 3, появление которых в Москве и в Подмосковье отмечено с середины XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 32).

К мелкокоразмерным горшочкам относятся фрагменты двух сосудов, найденные в горизонтах Б и В раскопа 1 (рис. 3, 6–7). Покрываемые зеленой поливой

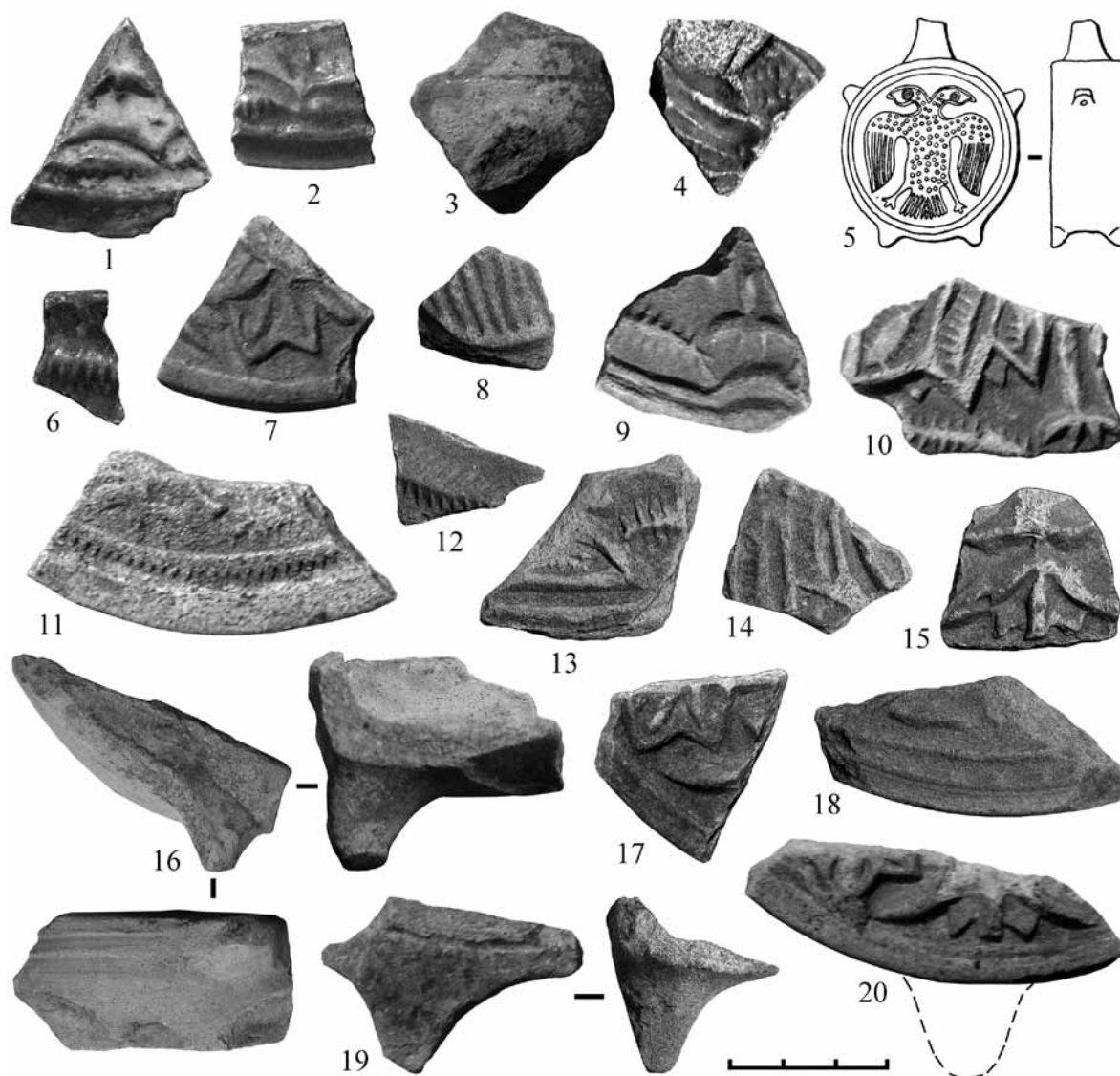

Рис. 2. Белоглиняные поливные фляги

1 – 17090/306; 2 – 17090/305; 3 – 28769/307; 4 – 17090/303; 5 – по Р.Л. Розенфельдту (1968. С. 113, табл. 18, 7); 6 – 17090/304; 7 – 17090/925; 8 – 17090/928; 9 – 17090/932; 10 – 17090/923; 11 – 17090/926; 12 – 17090/929; 13 – 17090/924; 14 – 17090/933; 15 – 17090/934; 16 – 17090/247; 17 – 17090/936; 18 – 17090/931; 19 – 17090/930; 20 – 17090/927

снаружи, они имели сферическое тулово. Первый имел диаметр венчика 6 см и высоту около 7 см (рис. 3, 6), второй – диаметр венчика 4 см, диаметр тулова 6 см и высоту около 5 см (рис. 3, 7).

Поливная досковидная (лемеховая) черепица (рис. 3, 10–15). Основная часть обломков найдена в горизонте В (пласт 9) раскопа 1 (прил. 2). Черепица формировалась в виде плоской прямоугольной пластины с округлым окончанием и имела длину 22–27 см, ширину 11–12 см и толщину 1,5–1,8 см. Противоположная прямая сторона пластины имела два отверстия для ее крепления гвоздями (рис. 3, 11). Помимо целой черепицы делались и ее вертикальные половины (рис. 3, 14).

Черепица изготавливалась из белой глины и покрывалась с лицевой стороны и с торцов светло-коричневой и зеленой поливой (рис. 3, 10, 13, 14). Отмечено несколько фрагментов черепицы без следов поливы (рис. 3, 12, 15). Пластины сначала обжигались чистыми, не покрытыми поливой, а затем второй раз, уже с поливой. Но не исключено, что в какое-то время черепица этого типа изготавливалась и неполивной.

Досковидная (лемеховая) черепица была широко распространена в Москве во второй половине XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 54. Тип 1). Существует и иная датировка черепицы этого вида – 1525–1650 гг. (Хворостова, 2002. С. 212).

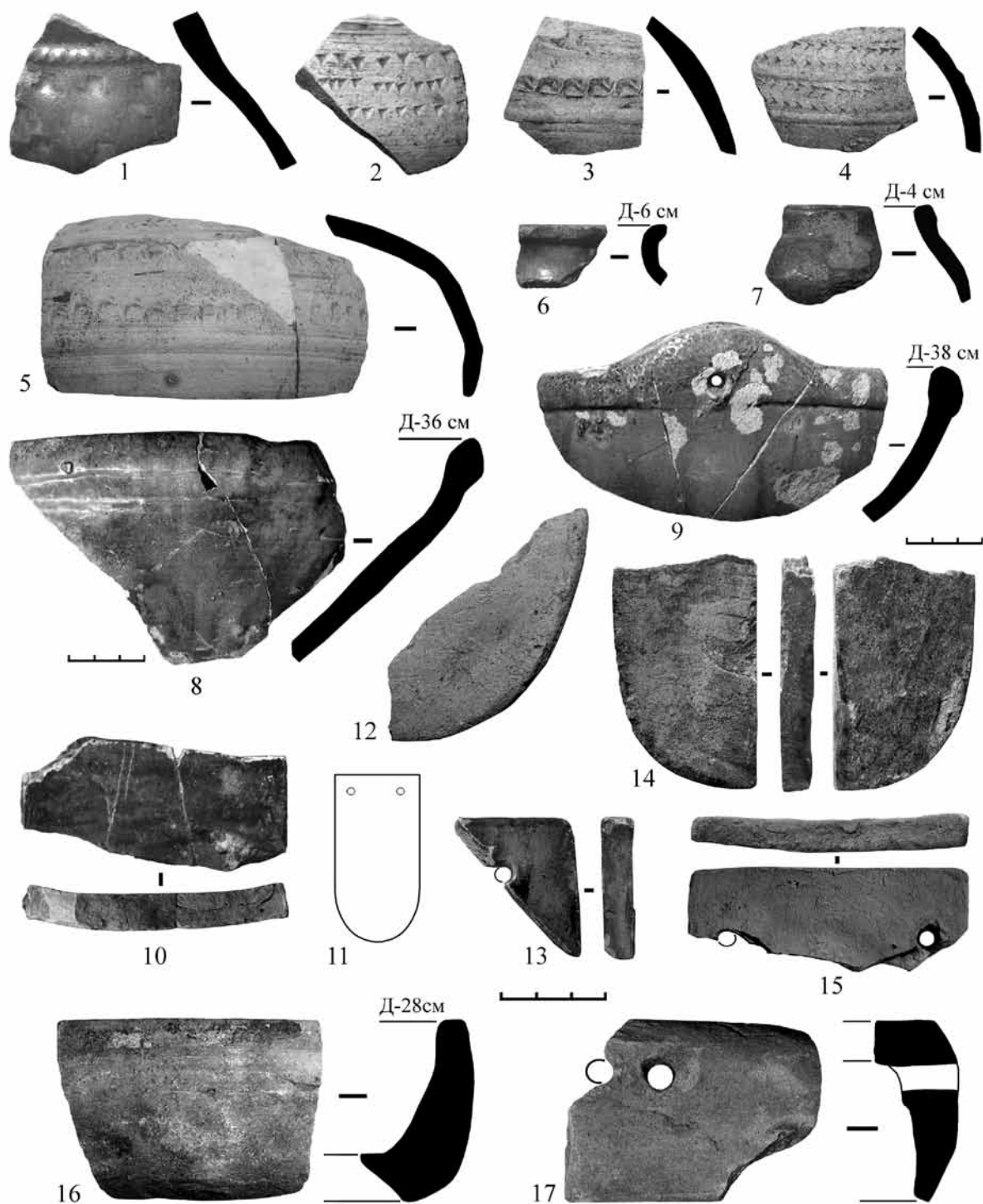

Рис. 3. Белоглиняная поливная посуда (1–9, 16) и черепица (10–15, 17)

1 – 17090/308; 2 – 17090/574; 3 – 17090/947; 4 – 17090/948; 5 – 17090/944–946; 6 – 17090/310; 7 – 17090/309;
8 – 17090/1015; 9 – 17090/1016; 10 – 17090/399; 11 – реконструкция черепицы № 12; 12 – 17090/394;
13 – 17090/397; 14 – 27642/8; 15 – 27642/1; 16 – 17090/1024; 17 – 17090/949

Таблица 3. Количественное распределение фрагментов чернолощенных кувшинов в горизонтах и пластах раскопов 1 и 2.

Элементы формы	Р-1, горизонт, пласт				Р-2, горизонт, пласт					Всего
	Б	В		Всего	А	Б		В	Всего	
	5–6	7–8	9–11		3–4	5–6	7	Яма 1		
Венчики, горловины	14	—	33	47	2	14	25	2	43	90
Декорированные стенки (плечики)	16	15	54	85	2	5	7	—	14	99
Ручки	4	1	10	15	1	1	5	—	7	22
Днища	8	2	33	43	—	—	12	4	16	59
Всего	42	18	130	190	5	20	49	6	80	270

К черепице, по-видимому, относятся два фрагмента, по профилировке сходных со сковородой, но имеющих толстые стенки и небольшую высоту борта (рис. 3, 16, 17). Один из них – округлой формы, диаметром 28 см, другой не имеет ровной округлости, но у его верхней плоскости находятся два отверстия диаметром 8 мм, предназначенных, видимо, для гвоздей. Внутренняя и внешняя поверхности обоих образцов не покрыты поливой. Оба найдены в горизонте Б (пласт 5–7) раскопа 2, где не было находок поливной черепицы, так что они могут также являться обломками крышек капсул для обжига майоликовой или фаянсовой посуды на заводе М.П. Кузнецова, располагавшемся на исследуемой территории в первой половине XIX в. (Полюлях, 2016. С. 480, 481).

Чернолощенная и мореная керамика

Подгруппа чернолощенной керамики невелика и составляет чуть более 3% от общего количества керамики в каждом раскопе. Количественно она преобладает в раскопе 1, где найдено 788 обломков, которые залежали преимущественно в горизонте В (пласты 7–11), ниже слоя белой глины. В раскопе 2 найдено 340 фрагментов, 71% которых находился в нижнем слое горизонта А (пласты 3–4) и в горизонте В (пласты 5–7), включающих слой белой глины (Полюлях, 2016. С. 508. Прил. 1–2).

Коллекционная выборка чернолощенной посуды – 329 обломков венчиков, горловин, декорированных плечиков, стенок и днищ кувшинов, кубышек, фляг, горшков, мисок и мореных оранжерейных цветочных горшков.

Все чернолощенные сосуды изготовлены из белой глины.

Помимо посудных форм в чернолощенной технике изготавливались детские игрушки – флейты. Обломок одной из них был найден в горизонте Б раскопа 2 (Полюлях, 2016. С. 483. Рис. 5, 8). Обломки таких флейт известны в Москве в слоях XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 39).

К *чернолощенным кувшинам* относится основное количество фрагментов коллекционной выборки чернолощенной керамики – 270 единиц (83%). Большая их часть происходит из раскопа 1 – 190 экз., залежавших в основном в нижних пластах горизонта В – 148 шт. В раскопе 2 фрагментов чернолощенных кувшинов было в 2,3 раза меньше – 80 единиц, и залежали они в основном в горизонте Б (табл. 3).

Выделены три типа кувшинов и отдельные их варианты. Сопоставление полученных в с. Гжель находок с их типологией Р.Л. Розенфельдта не представляется возможным в связи с ее неполнотой и схематичностью (Розенфельдт, 1968. С. 30–32).

Кувшины типа 1 – сосуды овоидной (яйцевидной) формы с коническим в нижней части туловом и сферическим расширением в его середине (иногда тулово целиком сферическое), с невысоким горлом, с округлой в профиле и овальной в сечении ручкой. К кувшинам этого типа относятся реконструируемая верхняя часть сосуда и горловина с ручкой (рис. 4, 1, 2).

Верхняя часть кувшина из горизонта В (пласты 9–11) раскопа 1 имеет отогнутый венчик, завернутый наружу черновой край которого оформлен в виде валика с продольной канавкой (рис. 4, 1). Его ручка дугообразной формы, типа 2 – овальная (КО = 2,27)³, имеет размеры 2,5×1,1 см.

³ Ранее для ручек белоглиняных кувшинов в качестве определяющего параметра взята форма профиля поперечного сечения, для которого по соотношению абсолютных размеров ширины (Р1) и толщины (Р2) рассчитывался коэффициент округлости КО (КО = Р1/Р2). По форме профиля поперечного сечения выделяются три типа: тип 1 – круглая (КР), КО = 1, тип 2 – овальная (ОВ), 3 > КО > 1, тип 3 – плоская (ПЛ), широкая, КО > 3.

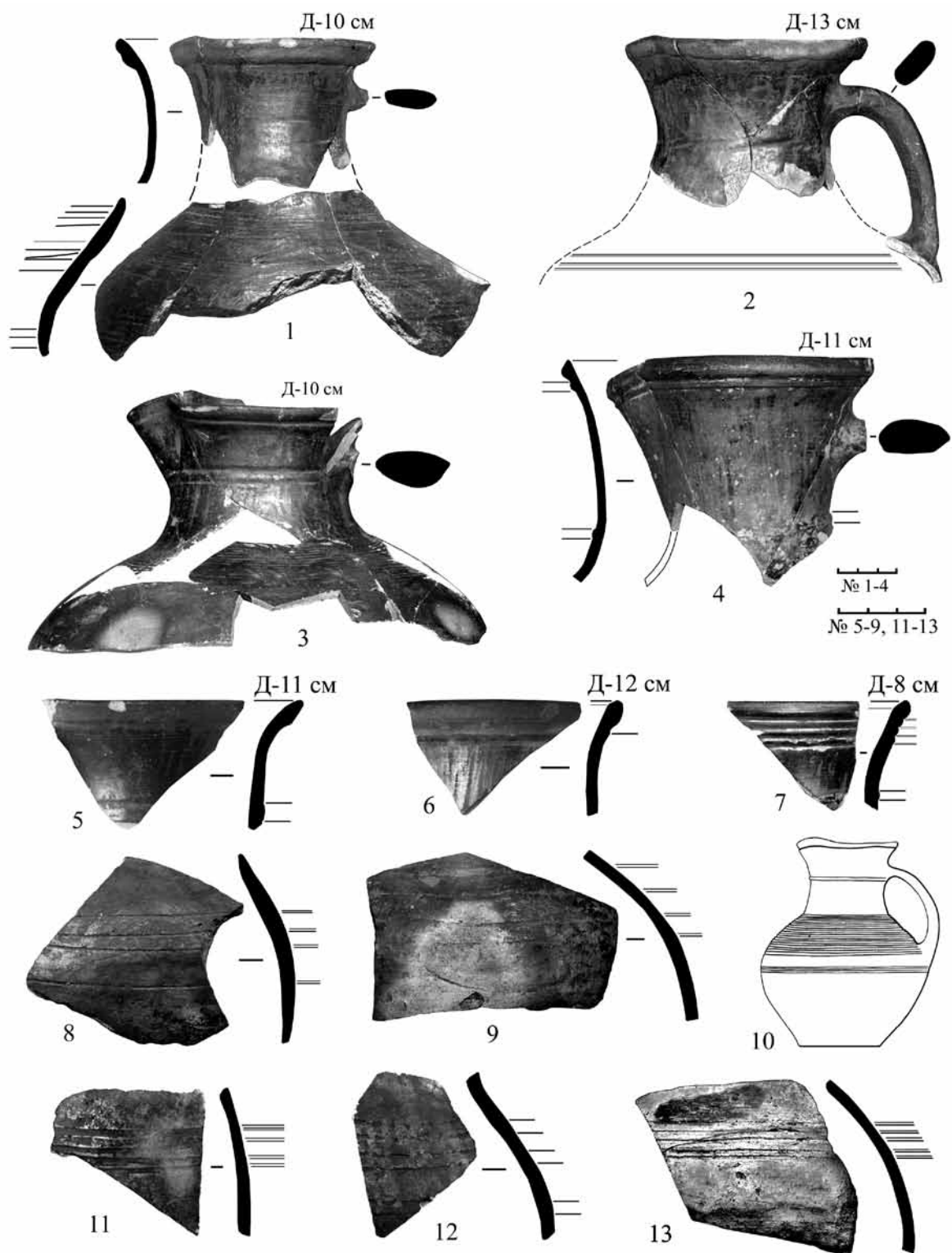

Рис. 4. Чернolощенные кувшины

1 – 17090/770; 2 – 17090/769; 3 – 17090/768; 4 – 17090/965; 5 – 17090/1108; 6 – 17090/1217; 7 – 17090/1109; 8 – 17090/288;
 9 – 17090/746; 10 – по Р.Л. Розенфельдту (1968. С. 95, табл. 9, 8); 11 – 17090/296; 12 – 17090/744; 13 – 17090/297

Исходя из абсолютных и примерно-расчетных размеров реконструированного кувшина (В сосуда ≈ 30 см, Д венчика – 10 см, Д макс. – 21 см, Д дна ≈ 9 см, В горла – 8 см, В плечика – 7 см), его объем составляет около 7 л, что близко к половине основной единицы измерения объема жидкости в XVI–XVII вв. – ведру, равному 13,3 л (Черепнин, 1944. С. 67).

Часть другого кувшина типа 1 (горловина с ручкой) имеет отогнутый венчик, завернутый наружу черновой край которого оформлен в виде валика (рис. 4, 2). Его фрагменты также найдены в горизонте В (пласты 9–11) раскопа 1. Его ручка дугообразной формы, типа 2 – овальная (КО=2,27), имеет размеры 2,5×1,1 см. От нижнего крепления ручки, посередине плечика кувшина, проходят в виде зоны три линии декора. Судя по абсолютным и примерно-расчетным размерам реконструированного кувшина (В сосуда ≈ 31 см, Д венчика – 13 см, Д макс. – 22 см, Д дна ≈ 9 см, В горла – 9 см, В плечика – 7 см), его объем составляет около 7 л, то есть также около половины ведра.

К кувшинам первого типа, по-видимому, относятся некоторые обломки стенок с линейным декором, найденные в горизонтах Б и В раскопа 1 (рис. 4, 8, 9, 11–13). Линии декора на них нанесены отдельными зонами, но не всегда ровно (интервалы между ними не выдержаны).

Кувшины первого типа по ряду характерных признаков, свойственных обычным белоглиняным кувшинам (форме тулова, пропорциям горловин, простому венчику, характеру нанесения декора), следует считать наиболее ранними чернолощеными кувшинами Гжели.

Кувшины типа 2 так же, как и кувшины первого типа, имеют овоидную (яйцевидную) форму с конической нижней частью тулова и сферическим расширением в середине (иногда целиком сферическую), со сравнительно невысоким горлом, с округлой в профиле и овальной в сечении ручкой. Но от кувшинов первого типа их отличает ряд характерных особенностей: 1) венчики с завернутым наружу черновым краем имеют различные варианты профилировки, 2) примерно на середине высоты горловины (иногда на уровне верхнего крепления ручки) выделен небольшой валик, поверхность от которого сверху и снизу покрыта вертикальными штрихами лощения, 3) от основания горла до середины плечика нанесена широкая зона линейного (рифленого) декора, ниже которого до линии максимального диаметра расположены еще две-три зоны из двух – четырех линий (рис. 4, 10; рис. 5, 1).

Ко второму типу относится большинство найденных фрагментов чернолощенных кувшинов, залегавших преимущественно в горизонте Б (пласты 5–6) и в горизонте В (пласты 9–11) раскопа 1. Отмечены они и в горизонте Б раскопа 2.

Вариант 2/1. Верхняя часть такого кувшина, восстановленная из фрагментов, найденных в пластах 9–11 горизонта В раскопа 1, имеет отогнутый венчик с округлым валиком с внешней стороны, подчеркнутым снизу широкой линией (рис. 4, 3). На середине высоты горловины, на уровне верхнего крепления ручки, выделен небольшой валик, также подчеркнутый двумя линиями, по-видимому, специальным инструментом. От основания горла до середины плечика нанесена зона линейного (рифленого) декора.

Ручка, судя по небольшой высоте горла (В горла – 7 см), была, видимо, дугообразной формы, типа 2 – овальная (КО=2,11), размеры – 3,8×1,8 см.

Исходя из абсолютных и примерно-расчетных размеров реконструированного кувшина (В сосуда ≈ 37 см, Д венчика – 10 см, Д максимальный – 24 см, Д дна ≈ 9 см, В горла – 7 см, В плечика – 6 см), его объем составляет около 7 л, что близко к половине ведра (см. выше).

На плечике под зоной линейного (рифленого) декора обращают на себя внимание два светло-серых пятна. Подобные пятна нередко отмечаются и на других чернолощенных сосудах. Их происхождение, по-видимому, связано с расположением сосудов в обжигательной камере горна, когда в процессе восстановительного обжига в точках соприкосновения стоящих вплотную или установленных друг на друга форм не происходит отложение углерода. Учитывая высоту кувшина, расположение пятен на его плечике и считая, что он при обжиге располагался вертикально, а сверху вторым ярусом была установлена меньшая по размеру и более легкая форма (горшок или кубышка), можно предположить, что высота обжигательной камеры горна была около либо немного более метра.

Вариант 2/2. К кувшинам этого варианта, по-видимому, более позднего по времени, относится горловина, восстановленная из семи фрагментов, залегавших в горизонте Б, и одного – в горизонте А раскопа 2 (рис. 4, 4). При обычном диаметре венчика (Д венчика – 11 см) она отличается большей высотой (В горла – 10 см), иным вариантом профилировки венчика в виде большого округлого валика и меньшего под ним, а также расположенным ниже середины высоты небольшим валиком.

Ручка у этого кувшина, судя по высокому горлу и месту верхнего крепления выше середины

высоты горла, могла быть Г-образной формы. Она овальная в сечении, типа 2 – овальная (КО = 2,14), размеры – 3,0×1,4 см.

Внешняя поверхность горловины с мелким точечным облущением, возникшим, по-видимому, в результате обрызгивания кувшина водой для его быстрого извлечения из еще разогретого горна (с целью экономии времени и топлива для обжига следующей партии изделий?). В результате такого обрызгивания, в частности, на поверхности белоглинной посуды оставались темные пятна и потеки – овар. Также из-за резкого и неравномерного охлаждения еще горячего сосуда в его стенках могли возникать неодинаковые внутренние напряжения, вызывающие растрескивание формы или, как в данном случае, мелкое облущение. Такой чернолощеный кувшин с белыми точками на поверхности терял товарный вид и мог считаться браком.

Отмечены и отдельные обломки венчиков с различными вариантами профилировки: с уплощенным валиком, с округлым валиком и выступом под ним, с округлым валиком и тремя небольшими валиками под ним (рис. 4, 5–7). Они найдены в горизонте Б раскопов 1 и 2.

К кувшинам варианта 2/2, по-видимому, относятся и обломки плечиков с декором в виде отдельных зон из двух, трех, четырех линий (рис. 5, 1–3). Их промеры показали, что они относились к сосудам с максимальным диаметром тулова от 20 до 28 см.

Следует отметить факт находки в горизонте В (пласты 9–11) раскопа 1 фрагмента плечика кувшина с зоной линейного (рифленого) декора и с зоной из двух линий ниже, но изготовленного не из белой, а из красной глины, что наблюдается в изломе. Поверхность перед лощением не ангобировалась и имеет не темный, близкий к черному, как обычно, а серый цвет. Чернолощеный кувшин этого подвида с таким же красным в изломе цветом массы (ММ, ОФ 28769/40) был найден в 1973 г. при археологических наблюдениях в Красносельском р-не Москвы, в Уланском пер.

Кувшины типа 3 – сосуды со сферическим туловом на монолитном поддоне и с высоким горлом. К ним относится всего 14 фрагментов, залежавших в горизонтах А и Б раскопа 2, а также 1 – горизонте В (пласты 9–11) раскопа 1. Для этих кувшинов характерно высокое (В – 11 см) прямое горло с незначительным отгибом верхнего края, примерно на середине высоты, которого выделены два (иногда три) небольших валика (рис. 5, 4). Верхняя часть горловин оформлялась округлым налепом с двумя-тремя небольшими валиками (рис. 5, 4, 10). Ровное расположение валиков, а также наличие тонких па-

раллельных линий указывает на использование деревянных шаблонов при их профилировке.

Валиками, но большего диаметра декорировано плечико кувшина: одним у основания горла и четырьмя в середине (рис. 5, 7, 9). В процессе формовки сосуда валики на плечике, как и на горле выделялись специальным шаблоном, что могло быть выполнено двумя руками при работе на ножном гончарном круге. О формовке таких кувшинов на ножном круге свидетельствуют характерные концентрические следы быстрого вращения в виде тонких ровных параллельных линий на внутренней поверхности отдельных фрагментов, а также равномерная толщина стенок в изломе с отсутствием следов стыка лент. Днище сосуда, изготовленного на ножном круге, имеет обычно характерный след в виде сплошной зоны дугообразных линий от среза нитью при снятии его с круга. Но на фрагментах днищ с небольшим монолитным поддоном (рис. 5, 16), относящихся к этому типу кувшинов, таких следов нет. Есть фрагменты таких днищ со следами подсыпки песка и днище с заглаженной поверхностью с отпечатками пальцев. Тем не менее изготовление кувшинов третьего типа на ножном гончарном круге не вызывает сомнения.

Ручки кувшинов этого типа, судя по высокому горлу, были Г-образной формы, типа 2 – овальные (КО = 2,46), имели размер 3,2×1,3 см, с частичным лощением внешней поверхности (рис. 5, 15).

Пространство между валиками на горле и плечике покрывалось вертикальными штрихами-зигзагами лощения. Поверхность кувшина от валиков на плечике до дна лощилась отдельными вертикальными штрихами. На некоторых сосудах лощение приобретало характер росписи, наносимой в виде композиции из двух вертикальных линий с треугольниками между ними (рис. 5, 8), либо вертикальными полосами по плечу, а ниже валика – наклонными штрихами в виде сетки (рис. 5, 14).

Целый аналогичный кувшин был найден в колдце на пл. Ногина (ныне Славянская пл.) в 1969 г. в Москве (рис. 5, 11; ММ ОФ 28769/43). Кувшин изготовлен на ножном гончарном круге; дно среzano нитью. При высоте 30 см, диаметре тулова 25,5 см и высоте горла 10 см его объем примерно равен 8,2 л, что близко к половине ведра.

Кувшины третьего типа (как разновидность пятого типа по Р. Л. Розенфельдту) известны в Москве и в Подмосковье с середины XVIII в. (*Розенфельдт*, 1968. С. 32).

Помимо вышеприведенных типов кувшинов в составе выборки чернолощеной керамики следует отметить и некоторые фрагменты других типов и видов кувшинов.

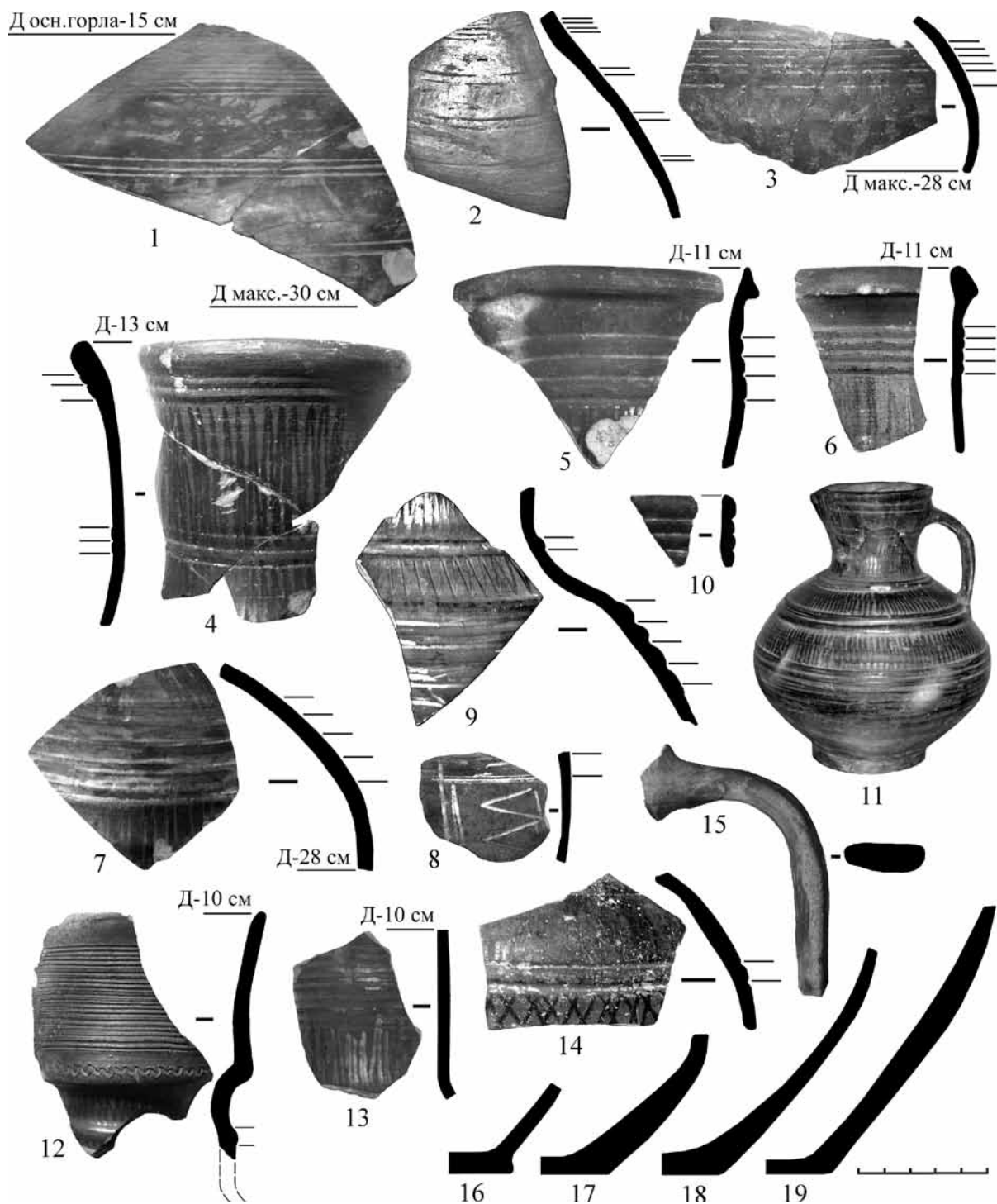

Рис. 5. Чернолощенные кувшины

1 – 17090/738; 2 – 17090/739; 3 – 17090/938; 4 – 17090/939; 5 – 17090/1125; 6 – 17090/1124; 7 – 17090/1132;
 8 – 17090/734; 9 – 17090/1131; 10 – 17090/1127; 11 – 28769/43; 12 – 17090/1122; 13 – 17090/285; 14 – 17090/1120;
 15 – 17090/1121; 16 – 17090/732; 17 – 17090/712; 18 – 17090/710; 19 – 17090/1089

К пятому типу чернолощенных кувшинов по Р. Л. Розенфельдту (судя по некоторому сходству с рисунком сосуда № 2 на табл. 10) могут относиться обломки прямых горловин с оформлением верхней части в виде подтреугольного налепа, ниже которо-

го специальным шаблоном выделены три-четыре валика (рис. 5, 5, 6). Кувшины этого типа бытовали в Москве в XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 32).

По-видимому, к кувшину относится фрагмент верхней части горла цилиндрической формы,

Таблица 4. Количественный состав фрагментов днищ по их диаметрам.

Диаметр, см	4	6,5	7	8	9	10	11	12	14	16	16,5
Количество	1	1	1	10	3	12	1	6	3	2	1
Кол-во в интервальных группах	3			32					6		

найденный в раскопе 2 (рис. 5, 12). Он имеет вертикальную немного отогнутую вверх стенку высотой 7 см, поверхность которой покрыта широкой зоной прямых линий с волнистой линией под ней. Стенка горла переходит в округлую шейку с лощением вертикальными штрихами-зигзагами, в нижней части которой выделен валик с отходящим от него, по-видимому, плечиком с вертикальным лощением. Кувшины с подобным расширением горла в верхней части в Москве появляются с середины XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 32. Табл. 10, 1, 3).

К кувшину XVIII в. с похожим декором горла относится и фрагмент из горизонта Б (пласты 5–6) раскопа 1 (рис. 5, 13). Он имеет вертикальную стенку с широкой зоной горизонтального линейного (рифленого) декора в верхней части и с вертикально-штриховым лощением в нижней части, переходящим на плечико.

В состав выборки чернolощеной керамики вошли 20 обломков ручек кувшинов из горизонтов Б и В раскопа 1 (14 экз.) и горизонта Б раскопа 2 (6 экз.). Это обломки ручек кувшинов и их основания на горловинах дугообразной и Г-образной формы двух типов: типа 2 – овальные (КО = 1,58–2,80) с размерными вариациями 1,9–3,5×1,0–1,6 см и типа 3 – плоские (КО = 3,11–3,50) с размерными вариациями 2,8–3,8×0,8–1,2 см.

Также в выборку чернolощеной керамики включены 55 обломков днищ, которые можно использовать для сравнительной характеристики чернolощенных сосудов. Их основная часть, 40 шт., найдена в раскопе 1: в горизонте В (пласты 7–11) 33 шт., в горизонте Б (пласты 5–6) – 6 шт. В раскопе 2 они находились в горизонте В (яма 1) – 8 шт. и в горизонте Б (пласт 7) – 8 шт. Обмер 41 фрагмента днищ показал, что их диаметр варьировался от 4 до 16,5 см, с преобладанием днищ диаметром от 8 до 12 см – 32 экз. (табл. 4).

Основная часть обломков днищ имеет следы подсыпки песка, эти сосуды формовались на ручном гончарном круге. Отдельные из них сформованы на ножном гончарном круге и имеют следы срезаания их с круга нитью. Судя по сферической профилировке придонных частей и количеству обломков ручек, по-видимому, их большая часть относится к кувшинам (рис. 5, 16–19). Но некоторые фрагменты могут относиться к кубышкам или горшкам.

К чернolощеным кубышкам относятся три обломка: горловина и стенки тулова, найденные в горизонтах Б (пласты 5–6) и В (пласт 11) раскопа 1 и в горизонте Б (пласт 7) раскопа 2 (рис. 6, 1–3).

Горловина кубышки, найденная в горизонте Б (пласт 11) раскопа 1, имела высоту не менее 6–7 см и на середине высоты, как и на чернolощенных кувшинах варианта 2/1, выделенный валик (рис. 6, 1). Судя по аналогичным сосудам, горловина этой кубышки имела широкий раструб. Вся ее поверхность полностью залощена, и, судя по линии окружности у основания, кубышка, видимо, была покрыта по плечику широкой зоной линейного (рифленого) декора, характерного для кувшинов первого типа. Подобные кубышки в Москве бытуют в XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 33. Табл. 11, 15). Сосуд с аналогичной горловиной был найден при наблюдениях в Зарядье в 1951 г. (рис. 6, 4).

К кубышкам, по-видимому, относятся две стенки тулова с эллипсоидным перегибом по линии максимального диаметра, характерным для этих сосудов с шаровидно-уплощенным туловом (рис. 6, 2–3). Один из них, найденный в горизонте Б (пласт 7) раскопа 2, декорирован по максимальному диаметру тулова (Д 21 см) зоной из шести линий (рис. 6, 2). Другой, из горизонта Б (пласты 5–6) раскопа 1, – тремя линиями по плечику (Д тулова – 10 см) (рис. 6, 3). Оба обломка имеют значительную толщину стенки – 8–9 мм.

Учитывая, что кубышки и кувшины XVII в. сходны по форме, декору и толщине стенки, некоторые фрагменты плечиков с широкой зоной линейного (рифленого) декора, характерного для кувшинов типа 1, могли относиться и к кубышкам.

К чернolощеным флягам относится, видимо, раструб горла, найденный в горизонте В (яма 1) раскопа 2 с диаметром венчика 4,3 см и диаметром горла 2,5 см (рис. 6, 6). В нижней его части – сплошное лощение вертикальными штрихами. Подобный раструб характерен для чернolощенных фляг с дисковидной формой тулова (рис. 6, 5). От горловин кубышек соответствующего размера его отличают иная профилировка и меньший диаметр венчика. Фляги дисковидной формы известны в Москве в XVI–XVII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 34. Табл. 12, 1). Других фрагментов этих сосудов в раскопах 1 и 2 не отмечено.

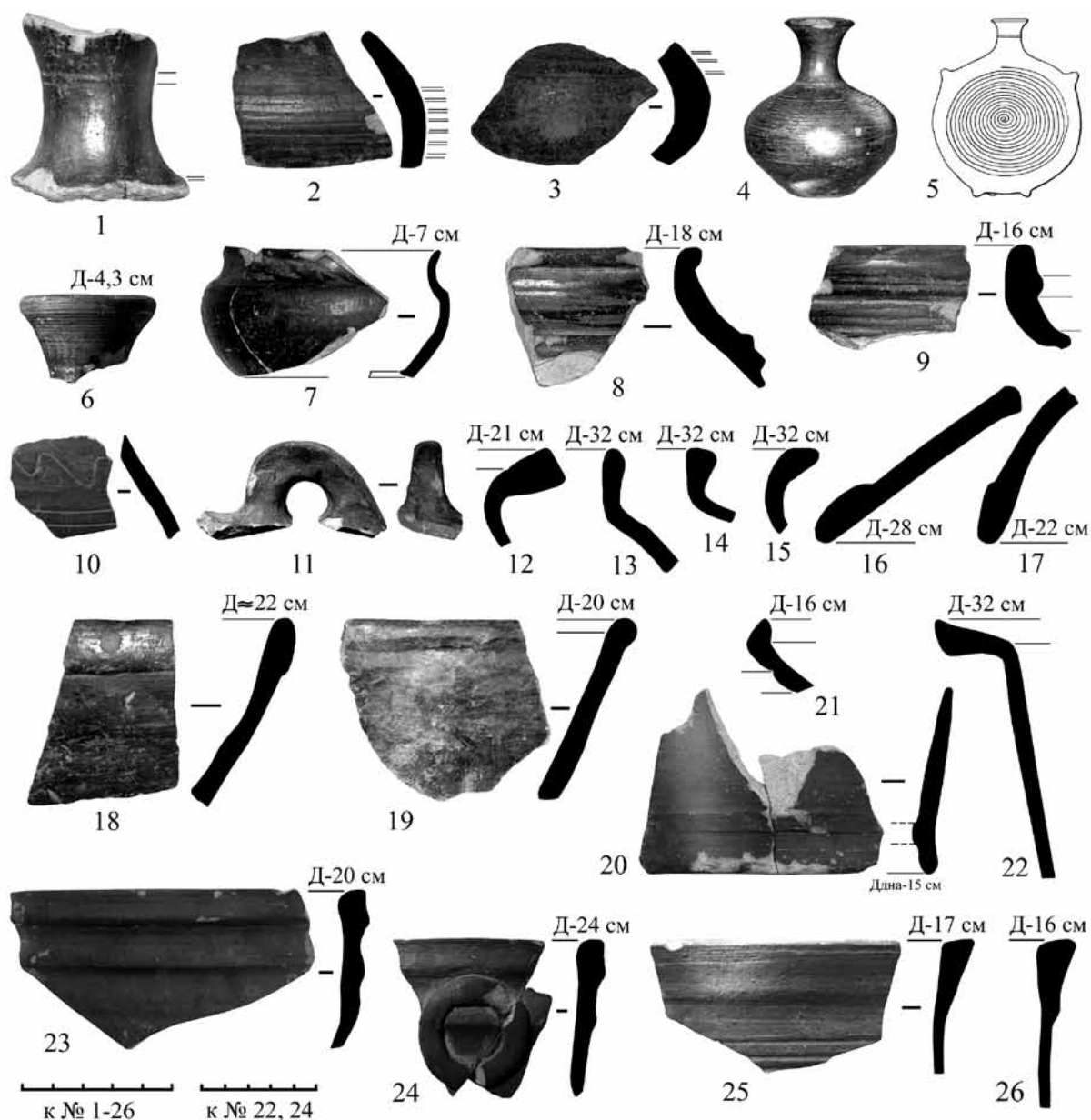

Рис. 6. Чернолощенная посуда (1–22) и мореные цветочные горшки (23–26)

1 – 17090/756; 2 – 17090/1104; 3 – 17090/291; 4 – 7401/225; 5 – по Р.Л. Розенфельду (1968. С. 101, табл. 12, 1); 6 – 17090/1218; 7 – 17090/1098; 8 – 17090/1101; 9 – 17090/1100; 10 – 17090/733; 11 – 17090/1130; 12 – 17090/966; 13 – 17090/1102; 14 – 17090/290; 15 – 17090/1099; 16 – 17090/754; 17 – 17090/755; 18 – 17090/761; 19 – 17090/757; 20 – 17090/1106; 21 – 17090/1103; 22 – 17090/760; 23 – 17090/963; 24 – 17090/1105; 25 – 17090/961; 26 – 17090/962

К чернолощенным горшкам относятся восемь венчиков. По диаметру они принадлежат к очень малой (Д 7 см), средней (Д 16 и 18 см) и большой (Д 32 см) интервальной группам этого параметра, который характеризует объем горшков (Генинг, 1992. С. 49).

К подгруппе горшков очень малой (ОМ) размерной группы относятся четыре фрагмента, найденные в горизонте Б (пласты 5–6) раскопа 1 и в горизонте Б (пласт 7) раскопа 2. Два из них представляют

полный профиль горшочка высотой 4 см и диаметром тулова 8 см (рис. 6, 7). Он имеет очень малый по высоте (В 0,9 см) прямой, с немного отогнутым верхним краем, венчик диаметром 7 см. Два других относятся к аналогичным сосудам. Внешняя поверхность этих горшочков полностью залощена. Подобные горшочки предназначались, по-видимому, для подачи на стол приправ (соль, масло и т.п.), их находки отмечены в Москве в слоях XVI в. (Розенфельд, 1968. С. 38. Табл. 13, 2, 4, 5).

К подгруппе горшков средней (С) размерной группы принадлежат два венчика, найденные в горизонте Б (пласты 5–7) раскопа 2. Первый – малый по высоте (В 2,5 см, Д 18 см), наклоненный внутрь сосуда с уплощенным верхним краем и двумя валиками у верхнего края и у основания (рис. 6, 8). Второй – средний по высоте (В 3 см, Д 16 см), вертикальный с округлым верхним краем (рис. 6, 9). Его черновой край имеет заворот наружу и оформлен в виде валика на середине высоты (как у корчаг), ниже которого, у основания, выделен второй валик. Третий венчик также средний по высоте (В 3 см, Д 21 см), отогнутый, с заворотом чернового края внутрь и оформленным с внешней стороны в виде подтреугольного утолщения с плоским краем (рис. 6, 12). Мореный горшок с трубчатым сливом и аналогичным венчиком найден на Манежной пл. в 1994 г. (ММ ОФ 33289/473). Он был изготовлен на ножном гончарном круге.

К подгруппе горшков большой (Б) размерной группы относятся три венчика, найденные в горизонте Б (пласты 5–6) раскопа 1 и в горизонте Б (пласт 7) раскопа 2. Все они вертикальные, с малой по высоте шейкой (В 1,7, 1,7, 2, 3 см, Д 32 см), с заворотом чернового края наружу, оформленным с внешней стороны в виде валика разной формы (рис. 6, 13–15).

Некоторые горшки декорировались по плечу волнистой и прямыми линиями (рис. 6, 10).

Горшки имели конические крышки с отворотом по краю в виде валика на внешней стороне и петлевидной ручкой сверху (рис. 6, 11, 16, 17).

К *чернолощенным* мискам относятся шесть обломков. Пять из них найдены в горизонте В (пласты 9–11) раскопа 1 и один – в горизонте Б (пласты 5–6) раскопа 2. Они относятся к трем типам мисок.

Миски типа 1 (Д венчика – 20, 22 см, В стенки ≈ 7 см) имеют слегка выгнутую наклонно поставленную стенку с округлым налетом по внешнему краю (рис. 6, 18, 19). Лощение нанесено с обеих сторон. Найдено два фрагмента в нижнем слое горизонта В (пласт 9–11) раскопа 1. Миски этого типа наиболее ранние. Обломки аналогичных мисок были найдены на Меткомелинском II селище XVI в. (Полюлях, 1993).

Миски типа 2 имеют широко раскрытое невысокое усеченно-коническое тулово с небольшим диаметром дна. Наклоненный венчик (Д 16 см) с вертикальным верхним краем и двумя валиками с внешней стороны (рис. 6, 21) найден в горизонте Б (пласты 5–6) раскопа 2. Подобные миски бытовали в Москве во второй половине XVII – пер-

вой половине XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 38. Табл. 13, б з, д).

Миски типа 3 – с усеченно-коническим туловом (В ≈ 10 см, Д венчика – 32 см) прямым, немного наклонно поставленным бортом (Ш 2,4 см), с заложением с внутренней стороны широкими штрихами (рис. 6, 22). Толщина стенки – 6 мм. К этому типу мисок относится фрагмент днища с частичным лощением (отдельно нанесенными линиями) по внутренней темно-серой поверхности. Толщина боковой стенки у основания – 9 мм. Миска была изготовлена на ручном гончарном круге с подсыпкой песка. Три обломка мисок этого типа найдены в горизонте В (пласты 9–11) раскопа 1.

Обломки *мореных оранжевых цветочных горшков* с усеченно-коническим туловом найдены в горизонте Б (пласты 5–7) раскопа 2. Горшки имели прямой венчик с плоским верхним краем и одним или двумя уплощенными наплывными валиками с внешней стороны (рис. 6, 23–26). Некоторые из них декорировались зоной из нескольких прямых линий, а также накладными кольцами в верхней части тулова (рис. 6, 24, 25). Судя по диаметрам венчиков (16, 17, 20, 24 см), горшки изготавливались разных размеров; дно их иногда выполнялось на кольцевом поддоне (рис. 6, 20). Толщина стенки горшка составляла 4–6 мм.

Таким образом, проведенные в 1985–1988 гг. археологические исследования на участке домовладений № 91 и 93 по ул. Центральная в с. Гжель, свидетельствуют о существовании на этой территории в XVI–XVIII вв. мелкотоварного, ориентированного на рынок Москвы, гончарного производства, которое к концу XVIII в., видимо, трансформировалось в более доходное производство майоликовой, а в начале в XIX в. – фаянсовой посуды.

Рассмотренный керамический материал в целом подтверждает ранее выдвинутое Р. Л. Розенфельдтом предположение о производстве в Гжели основной массы московской белоглиняной керамики XVI–XVIII вв. Более того, в Гжели производился и ряд видов белоглиняной расписной (горшки, кувшины, игрушки), поливной (миски, фляги, сосуды, черепица) и чернолощенной и мореной (кувшины, кубышки, фляги, горшки, миски, цветочные горшки, игрушки) керамики.

В процессе анализа керамического материала Гжели отмечалась необходимость более детального рассмотрения основных посудных форм тех или иных типов керамики, как ранее найденных в Зарядье и в Гончарной слободе в 1940–1950-х гг., так и найденных в Москве позднее.

Приложение 1

Каталог фрагментов белоглиняной расписной керамики раскопов 1–2 села Гжель

№ НВФ, ОФ Раскоп / пласт	Наименование предмета	Горизонт культурного слоя	№ на рис. 1
НВФ 17090 / 205 Р-1 / 5	Сосуда днища фрагмент	Б	–
НВФ 17090 / 210 Р-1 / 1-2	Сосуда венчика фрагмент	А	–
НВФ 17090 / 212 Р-1 / 4	Горшка стенки фрагмент	Б	4
НВФ 17090 / 298 Р-1 / 5	Сосуда стенки фрагмент	Б	15
НВФ 17090 / 299 Р-1 / 7	Сосуда стенки фрагмент	В	–
НВФ 17090 / 300 Р-1 / 7	Сосуда стенки фрагмент	В	–
НВФ 17090 / 301 Р-1 / 7	Сосуда стенки фрагмент	В	18
НВФ 17090 / 302 Р-1 / 7	Сосуда стенки фрагмент	В	8
НВФ 17090 / 575 Р-1 / 11	Ручка сосуда ангобированного (овал, 4×2,1 см)	В	10
НВФ 17090 / 859 Р-1 / 13	Кувшина горла фрагмент	В	13
НВФ 17090 / 860 Р-1 / 12	Кувшина (?) стенки фрагмент	В	17
НВФ 17090 / 895 Р-2 / 1-2	Кувшина (?) стенки фрагмент (к № 860)	А	17
НВФ 17090 / 896 Р-2 / 1-2	Сосуда стенки фрагмент	А	–
НВФ 17090 / 897 Р-2 / 1-2	Горшка венчика фрагмент	А	6
НВФ 17090 / 898 Р-2 / 1-2	Кувшина ручки фрагмент	А	11
НВФ 17090 / 952 Р-2 / 5-6	Горшка венчика фрагмент	Б	1
НВФ 17090 / 981 Р-2 / 3-4	Сосуда стенки фрагмент	А	12
НВФ 17090 / 995 Р-2 / 7	Горшка венчика фрагмент	Б	5
НВФ 17090 / 1000 Р-2 / 7	Горшка венчика фрагмент	Б	2
НВФ 17090 / 1007 Р-2 / 7	Горшка венчика фрагмент	Б	–
НВФ 17090 / 1029 Р-2 / 1-2	Сосуда стенки фрагмент	А	16
НВФ 17090 / 1053 Р-2 / 7	Сосуда стенки фрагмент	Б	14
НВФ 17090 / 1054 Р-2 / 7	Кувшина горла фрагмент	Б	7
НВФ 17090 / 1214 Р-2 / Яма 1	Горшка венчика фрагмент	В	–
ОФ _ / 22 Р-1 / 10	Погремушка цилиндрическая	В	19
ОФ _ / 23 Р-1 / 4	Погремушки цилиндрической фрагмент	Б	20

Приложение 2

Каталог фрагментов белоглиняной поливной керамики раскопов 1–2 села Гжель

№ НВФ, ОФ Раскоп / пласт	Наименование предмета	Горизонт культурного слоя	№ на рис. 2, 3
Фляги			
НВФ 17090 / 247 Р-1 / 6	Фляги днища с ножкой фрагмент со следом коричневой (?) поливы	Б	2, 16
НВФ 17090 / 303 Р-1 / 1-2	Фляги стенки фрагмент с зеленой поливой	А	2, 4
НВФ 17090 / 304 Р-1 / 7	Фляги стенки фрагмент с зеленой поливой	В	2, 6
НВФ 17090 / 305 Р-1 / 7	Фляги стенки фрагмент с зеленой поливой	В	2, 2
НВФ 17090 / 306 Р-1 / 7	Фляги стенки фрагмент с зеленой поливой	В	2, 1
НВФ 17090 / 307 Р-1 / 6	Фляги стенки фрагмент с зеленой поливой	Б	2, 3
НВФ 17090 / 923 Р-2 / 4	Фляги стенки фрагмент без поливы	А	2, 10
НВФ 17090 / 924 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы	В	2, 13
НВФ 17090 / 925 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы	В	2, 7
НВФ 17090 / 926 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы, Д 15 см	В	2, 11
НВФ 17090 / 927 Р-2 / 7	Фляги стенки фрагмент без поливы, Д 16 см	Б	2, 20
НВФ 17090 / 928 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы	В	2, 8
НВФ 17090 / 929 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы	В	2, 12
НВФ 17090 / 930 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы, Д 16 см	В	2, 19
НВФ 17090 / 931 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы	В	2, 18
НВФ 17090 / 932 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы	В	2, 9
НВФ 17090 / 933 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы	В	2, 14
НВФ 17090 / 934 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы	В	2, 15
НВФ 17090 / 935 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы	В	–
НВФ 17090 / 936 Р-2 / 8	Фляги стенки фрагмент без поливы	В	2, 17
Миски			
НВФ 17090 / 167 Р-1 / 4	Миски днища фрагмент с зеленой поливой, Д 14 см, Т стенки 1,3 см	Б	–
НВФ 17090 / 241 Р-1 / 7	Миски стенки фрагмент с коричневой поливой	В	–
НВФ 17090 / 243 Р-1 / 6	Миски стенки фрагмент с коричневой поливой	Б	–
НВФ 17090 / 244 Р-1 / 6	Миски стенки фрагмент с желтой поливой	Б	–
НВФ 17090 / 245 Р-1 / 6	Миски стенки фрагмент с желтой поливой	Б	–

№ НВФ, ОФ Раскоп / пласт	Наименование предмета	Горизонт культурного слоя	№ на рис. 2, 3
НВФ 17090 / 400 Р-1 / 9	Миски стенки фрагмент с зеленой поливой Т стенки 0,9 см	В	—
НВФ 17090 / 950 Р-2 / 5-6	Миски стенки фрагмент без поливы	Б	—
НВФ 17090 / 951 Р-2 / 5-6	Миски стенки фрагмент с желтой поливой	Б	—
НВФ 17090 / 1015 Р-2 / 7	Миски стенки фрагмент с желтой поливой	Б	3, 8
НВФ 17090 / 1016 Р-1 / 7-8-9	Миски стенки фрагмент с зеленой поливой	Б-В	3, 9
НВФ 17090 / 1017 Р-1 / 7	Миски стенки фрагмент с зеленой поливой	Б	—
НВФ 17090 / 1018 Р-2 / 7	Миски стенки фрагмент без поливы	Б	—
НВФ 17090 / 1019 Р-2 / 7	Миски стенки фрагмент без поливы	Б	—
НВФ 17090 / 1020 Р-2 / 7	Миски стенки фрагмент без поливы	Б	—
НВФ 17090 / 1021 Р-2 / 7	Миски стенки фрагмент без поливы	Б	—
НВФ 17090 / 1022 Р-1 / 7	Миски стенки фрагмент без поливы	Б	—
НВФ 17090 / 1023 Р-1 / 7	Миски стенки фрагмент с желтой поливой	Б	—
НВФ 17090 / 1143 Р-1 / 8-9	Миски стенки фрагмент без поливы	В	—
Кувшины и мелкоразмерные горшочки			
НВФ 17090 / 308 Р-1 / 7	Кувшина стенки фрагмент с зеленой поливой, полива с двух сторон	В	3, 1
НВФ 17090 / 574 Р-1 / 11	Кувшина стенки фрагмент без поливы Т стенки 0,4 см	В	3, 2
НВФ 17090 / 944 Р-2 / 5-6	Кувшина стенки фрагмент без поливы Д 16 см, Т стенки 0,5 см	Б	3, 5
НВФ 17090 / 945 Р-2 / 5-6	Кувшина стенки фрагмент без поливы Д 16 см, Т стенки 0,5 см	Б	3, 5
НВФ 17090 / 946 Р-2 / 5-6	Кувшина стенки фрагмент без поливы Д 16 см, Т стенки 0,5 см	Б	3, 5
НВФ 17090 / 947 Р-2 / 5-6	Кувшина стенки фрагмент без поливы	Б	3, 3
НВФ 17090 / 948 Р-2 / 5-6	Кувшина стенки фрагмент без поливы	Б	3, 4
НВФ 17090 / 309 Р-1 / 7	Горшочка с зеленой поливой венчика фрагмент В 5 см?, Д венчика 4 см, Д тулова 6 см	В	3, 7
НВФ 17090 / 310 Р-1 / 6	Горшочка с зеленой поливой венчика фрагмент Д венчика 6 см	Б	3, 6
Черепица			
НВФ 17090 / 157 Р-1 / 1-2	Черепицы (?) фрагмент	А	—
НВФ 17090 / 393 Р-1 / 9	Черепицы без поливы фрагмент Толщина 1,6 см	В	—
НВФ 17090 / 394 Р-1 / 9	Черепицы без поливы фрагмент Толщина 1,6 см	В	3, 12
НВФ 17090 / 395 Р-1 / 9	Черепицы фрагмент со светло-коричневой поливой Толщина 1,5 см	В	—
НВФ 17090 / 396 Р-1 / 9	Черепицы фрагмент с зеленой поливой Толщина 1,7 см	В	—

№ НВФ, ОФ Раскоп / пласт	Наименование предмета	Горизонт культурного слоя	№ на рис. 2, 3
НВФ 17090 / 397 Р-1 / 9	Черепицы фрагмент со светло-коричневой поливой Толщина 1,5 см	В	3, 13
НВФ 17090 / 398 Р-1 / 9	Черепицы фрагмент с зеленой поливой Толщина 1,8 см	В	—
НВФ 17090 / 399 Р-1 / 9	Черепицы фрагмент с зеленой поливой Толщина 1,6 см, ширина 12 см	В	3, 10
ОФ 27642 / 8 Р-1 / 9	Черепицы фрагмент со светло-коричневой поливой Толщина 1,6 см	В	3, 14
ОФ 27642 / 1 Р-1 / 4	Черепицы фрагмент без поливы Толщина 1,5 см	Б	3, 15
Неопределенные фрагменты			
НВФ 17090 / 249 Р-1 / 4	Сосуда стенки фрагмент с коричневой поливой	Б	—
НВФ 17090 / 213 Р-1 / 4	Сосуда венчика фрагмент с зеленой поливой	Б	—
НВФ 17090 / 401 Р-1 / 9	Сосуда фрагмент с желтой поливой	В	—
НВФ 17090 / 402 Р-1 / 9	Сосуда фрагмент с желтой поливой	В	—

Литература

Генинг В. Ф., 1992. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев: Наукова думка. 188 с.

Полюлях А. А., 1989. Отчет о разведках АЭМИГМ в Раменском районе Московской области в 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14691.

Полюлях А. А., 1993. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II селища в Раменском районе Московской области в 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 17909.

Полюлях А. А., 2016. Археологические исследования в селе Гжель: характер и особенности культурного слоя и состава керамического комплекса. Белоглиняные горшки // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 476–546.

Полюлях А. А., 2017. Археологические исследования в селе Гжель. Белоглиняная керамика: кувшины, корчаги, миски и сковороды // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 347–371.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 123 с. (САИ. Вып. Е1–39).

Черепнин Л. В., 1944. Русская метрология. М.: Трансжелдориздат. 94 с.

Хворостова Е. Л., 2002. Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область) // ТТЗ. Тверь: Старый город. Вып. 4. С. 204–214.

A. A. Poliulyakh

Archaeological investigations at the ceramics centre of Gzhel – white-clay decorated, black-decorated and poured-on ceramics

Summary

This article is a continuation of the publication of materials concerning the excavations of 1985–1988 at the town of Gzhel (to the east of Moscow), at the area of the former potters workshops of the 16th to 18th

centuries. Different kinds of ceramics from fired white clay were made here. Classification of white-clay decorated, black-decorated and poured-on ceramics is made.

О. Н. Глазунова*, С. В. Малых**

* *Институт археологии РАН, Москва;*

** *ООО «Столичное археологическое бюро», Москва*

Звенигородская печь, облицованная изразцами производства новоиерусалимской мастерской

В 2013–2015 гг. на территории Нижнего посада г. Звенигорода сотрудниками ООО «Столичное археологическое бюро» были проведены спасательные работы. Участок исследований располагался в 1 км к востоку от центра древнего Звенигорода (Городка). Он представлял собой неправильный пятиугольник, вытянутый с севера на юг. Северная граница участка проходила вдоль склона, на вершине которого располагалась сосновая посадка, восточная граница шла вдоль уреза Малинового оврага на его западном берегу, южная граница располагалась вдоль края бывшего сквера и была параллельна улице Фрунзе, западная граница шла вдоль края сквера и была параллельна улице Красная Гора (рис. 1).

Основная часть исследований включала археологические раскопки и, после того как начались земляные строительные работы, археологические наблюдения.

Среди находок обратила на себя внимание группа необычных рельефных изразцов, лицевая часть

которых была покрыта поливой желтого или желто-зеленого цвета (рис. 2). В культурном слое Москвы подобные изразцы авторам не встречались.

Основная часть изразцов из этой группы обнаружена в заполнении нескольких объектов, мелкие фрагменты также найдены в пахотном слое XVIII–XIX вв. В процессе раскопок выявлено два объекта в раскопе 1, в комплексе находок которых встретились обломки изразцов с желто-зеленой поливой. Оба объекта располагались рядом друг с другом, при этом в слое, который исследовался между объектами, были еще два фрагмента аналогичных предметов.

Первый объект (А) (рис. 3) фиксировался на участке размерами 280×300 см; он представлял собой скопление битых кирпичей, обожженной глины, серой супеси; толщина этого слоя – от 10 до 25 см. Достаточно компактное залегание, обожженная глина, фрагменты печных изразцов и печной конфорки (рис. 4) позволили пред-

Рис. 1. Исследования в Нижнем посаде г. Звенигорода. Ситуационный план

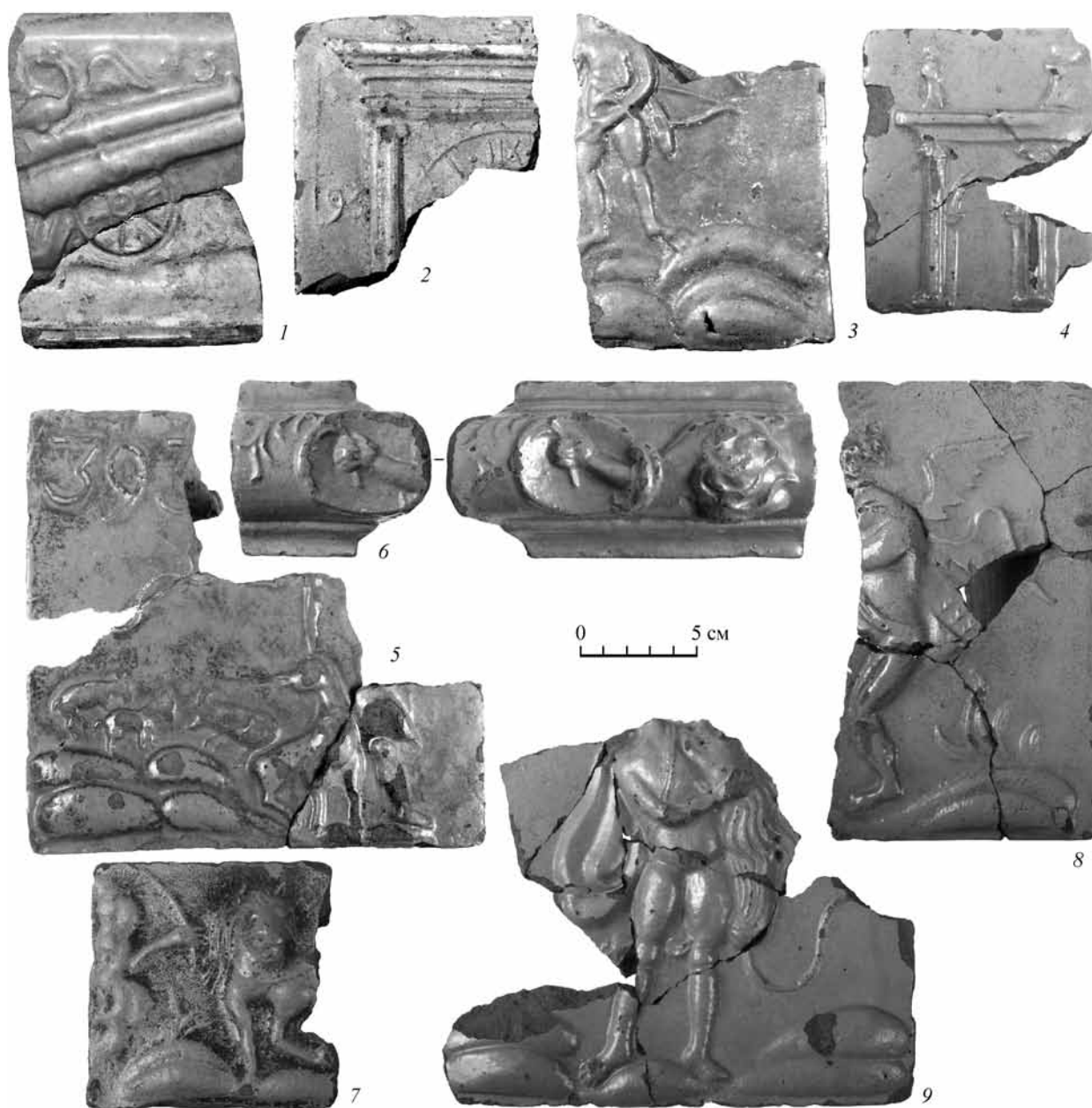

Рис. 2. Изразцы-эмблематы из раскопок и наблюдений (см. цв. вкл.)

положить, что данное скопление являлось остатками печи. Отсутствие под объектом каких-либо конструкций не позволяет нам говорить, что печь была расположена именно здесь. Среди обломков кирпичей кроме изразцов обнаружено несколько медных монет (денги 1749 и 1750 гг.), давших возможность отнести время отложения данного слоя к 1750-м гг. Непосредственно над объектом была обнаружена денга 1760 г.

В 1 м к западу от описанного выше объекта располагался второй объект (Б). Он представлял собой прямоугольную в плане яму размерами 200×240 см (рис. 3). Длинной осью вытянутая по линии

северо-восток – юго-запад, она имела вертикальные стенки с уступами по периметру в верхней части. Уступы прослеживались на глубине 45–50 см от верхнего уровня фиксации объекта, максимальная глубина которого 80–90 см. Дно ямы плоское, по краям ямы прослежены остатки сильно истлевшего деревянного каркаса. В заполнении верхней части данного объекта на 20–30 см прослежена серая супесь с кирпичной крошкой. Ниже располагался слой битых кирпичей, среди которых помимо изразцов с желтой поливой найдены гладкие расписные изразцы двух типов, относящихся ко второй четверти и второй половине XVIII в. (Маслих,

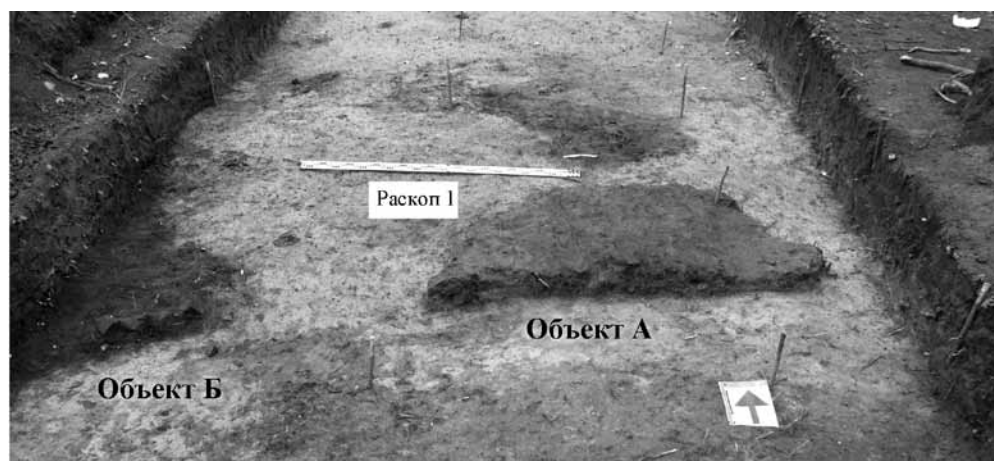

Рис. 3. Объекты А (справа) и Б (слева) в раскопе 1. Фото. Вид с юга

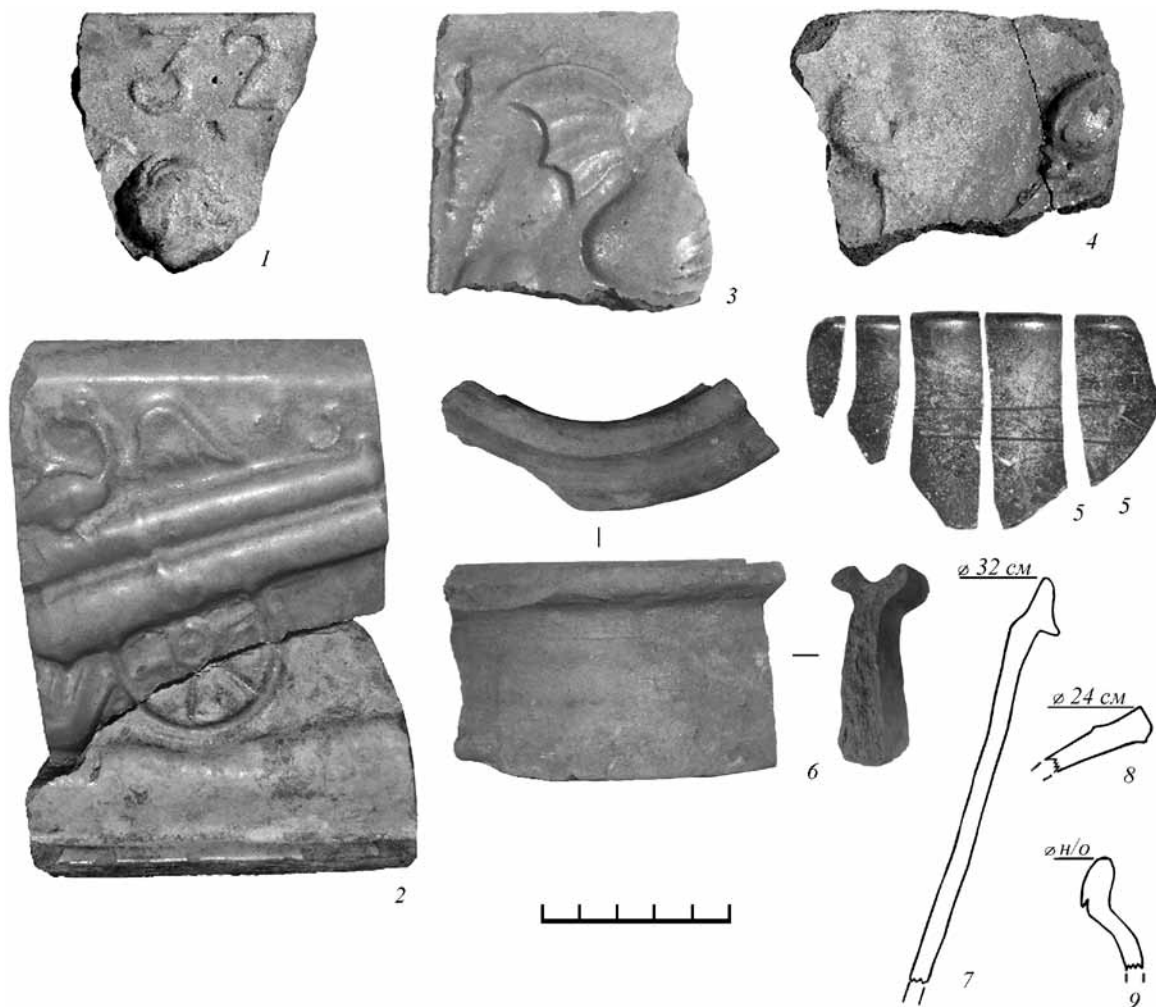

Рис. 4. Находки из объекта А

1–5 – фр-ты рельефных поливных изразцов (эмблематов); 6 – фр-т печной конфорки; 7 – фр-т сосуда;
8 – фр-т чернолощеной миски; 9 – фр-т миски с зеленой поливой; 10 – фр-т горшка.
1–6, 9, 10 – ожезненная глина; 7 – стекло; 8 – керамика

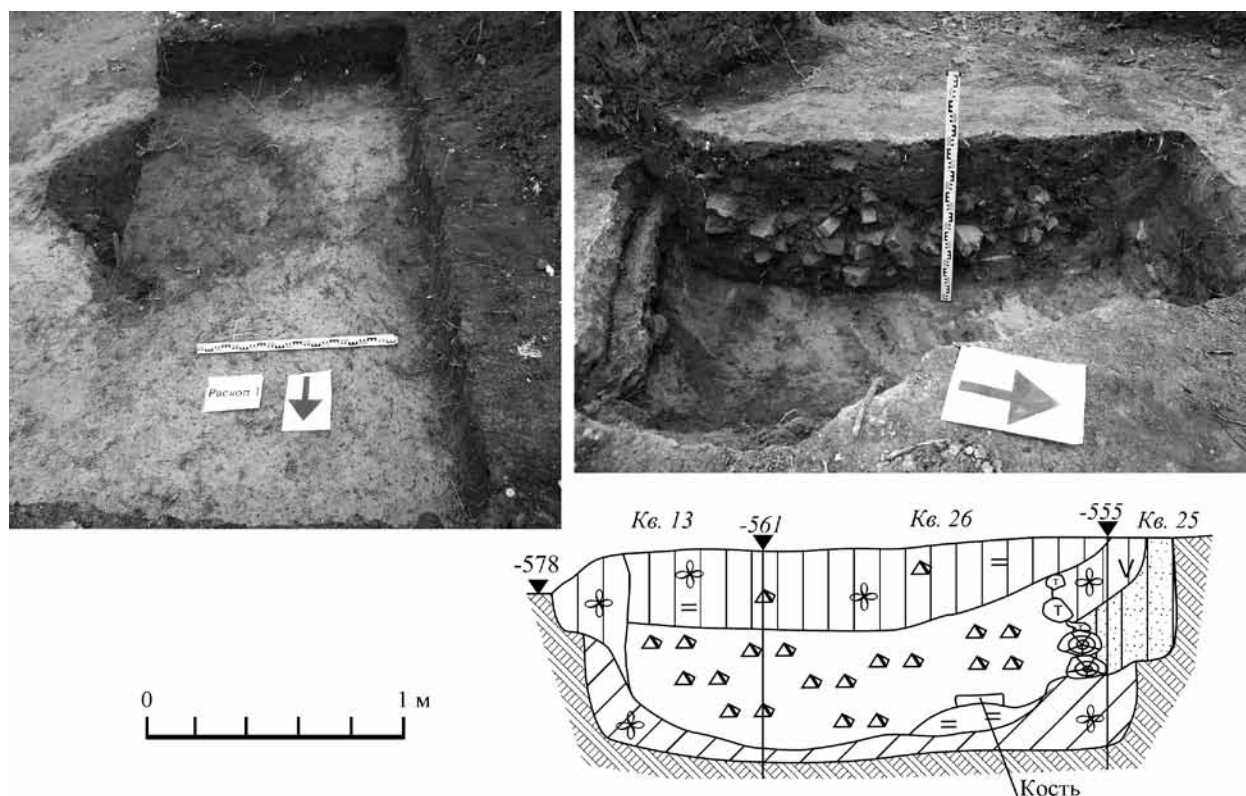

Рис. 5. Объект Б. План (фото, вид с севера) и разрез (фото и чертеж, вид с северо-запада)

1983. Илл. 210, 251; Баранова, 2011. С. 303–311). На дне ямы лежала прослойка светло-серой супеси с редкими включениями пещины. На поверхности этой прослойки обнаружена монета полушка 1737 г. Таким образом, второй объект, являлся погребом, время бытования которого определяется 2–3-й четвертями XVIII в. Кирпичная засыпка этого погребка, по всей видимости, одновременна первому объекту. На участке между этими объектами, как уже говорилось, обнаружены два желтых изразца и отдельные обломки кирпичей (рис. 8). Помимо этого названные объекты были расположены на участке раскопа размерами 5×6 м, причем на данном месте более ранний слой серо-коричневого суглинка, зафиксированный в остальной части раскопа на материке, был гораздо тоньше либо отсутствовал.

На раскопе 3, располагавшемся в 9 м к востоку от раскопа 1, в слое, датированном XVIII в., обнаружено еще шесть фрагментов изразцов с желтой поливой (рис. 8). Примечательно, что в раскопе 3 зафиксировано более 20 объектов (ям, погребов), среди которых как минимум 6 датируются 20–60-ми гг. XVIII в., однако в их заполнении изразцы указанного типа отсутствовали. В раскопе 2, располагавшемся к северо-востоку от раскопа 1, изразцы описываемого типа также отсутствовали.

После завершения раскопок и начала земляных работ на строительной площадке археологические исследования велись в режиме наблюдений. В результате это помогло выявить еще несколько объектов, один из которых располагался в южной части строительной площадки и содержал целый изразец и крупные фрагменты, относившиеся к описываемой группе. Исследование этого объекта проводилось в режиме экспресс-раскопок.

Относительно объекта А из раскопа 1 выявленный объект (В) располагался в 4,5 м к юго-востоку. Здесь исследованы остатки прямоугольной мусорной ямы размерами 240×230 см (рис. 9), углубленной в материк на 80 см, углами она была ориентирована по сторонам света (то есть параллельно погребу из раскопа 1). Площадь полезного пространства данного сооружения ограничивал деревянный каркас размерами 190×150 см, частично сохранившийся в виде тлена. Заполнение ямы состояло из темно-коричневой супеси с включениями кирпичного боя, тлена и песка. Здесь кроме упомянутых желтых изразцов (рис. 10) были обнаружены изразцы еще двух типов, аналогичных найденным в объекте Б из раскопа 1. Качество изразцов этих типов невысокое. Видны наплывы в керамических формах, неровное наложение поливы (рис. 11).

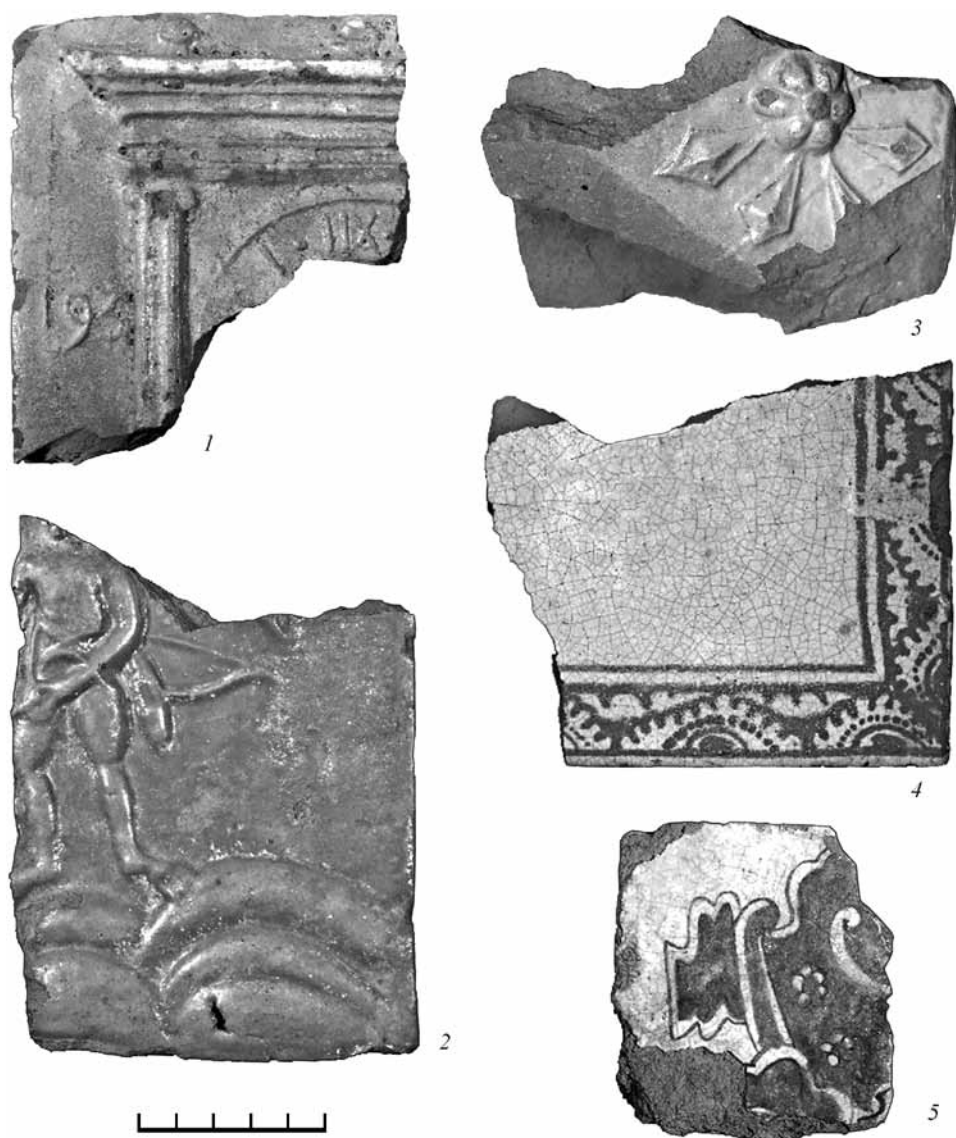

Рис. 6. Находки из объекта Б

1–3 – ф-ты рельефных поливных изразцов (эмблематов); 4 – фр-т гладкого изразца с белой и синими поливами; 5 – фр-т гладкого изразца с многоцветными росписями. Ожелезненная глина

Также здесь найдены фрагменты нескольких стеклянных штофов, два из которых имели небрежно изготовленные клейма «LONDON», осколки стеклянной кружки с гравированным узором, керамические сосуды и фрагменты, часть из которых несли следы поливы, кресальный кремь, складной нож с костяными накладками на рукояти (рис. 12, 13), монета «2 копейки» 1752 г., монета денга XVIII в. плохой сохранности, несколько медных пуговиц. Данное сооружение может быть датировано серединой – третьей четвертью XVIII в.

Еще один обломок изразца с желтой поливой найден в остатках погребца, располагавшегося в юго-западной части зоны наблюдений (в 5 м к западу от раскопа 1). Погреб датирован периодом

не ранее второй половины XIX в., здесь обнаружены фрагменты фарфоровой посуды, один из которых имел клеймо завода «Храпунова Нового» (рис. 2, 9). Его можно отнести к остаткам построек, располагавшихся в усадьбе мещан Бабакиных (План...1893. Л. 16 об, 17) (рис. 14).

Таким образом, при наложении всех находок желтополивных изразцов на план можно выделить место концентрации и периферию их распространения. Полученная картина (рис. 15) вместе с анализом залегания культурного слоя на раскопе 1 дает возможность говорить, что наиболее вероятным местом расположения дома с печью, которую украшали рельефные изразцы с желтой поливой, являлся участок, попадавший на южную часть раскопа 1, а также

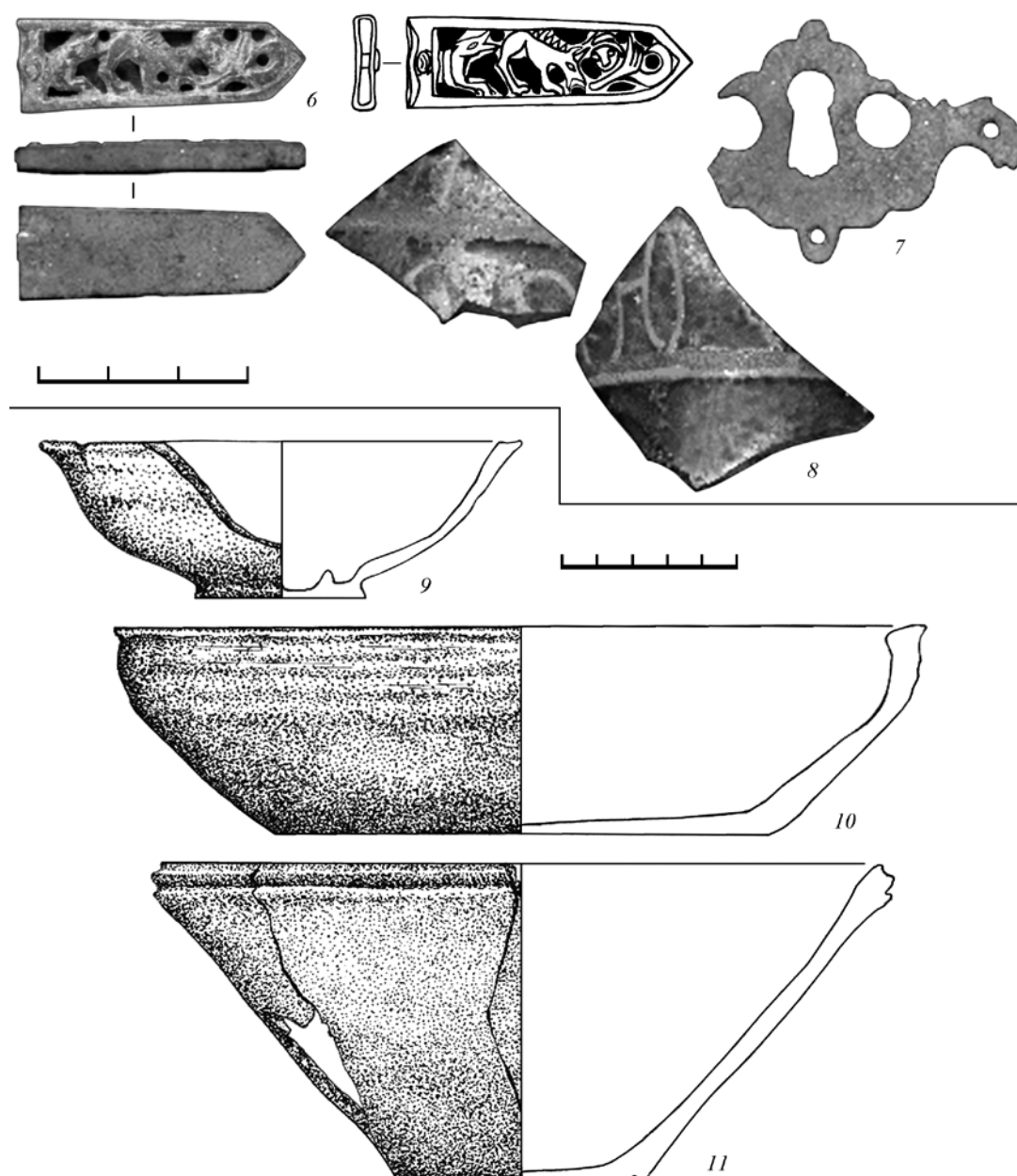

Рис. 7. Находки из объекта Б

6 – ременный наконечник; 7 – фр-нт накладки-личины; 8 – фр-ты сосуда с надписью; 9 – фр-т площадки-светильника; 10 – фр-т чернолощеной миски; 11 – фр-т миски. 6 – медный сплав, позолота; 7 – медный сплав; 8 – стекло; 9, 11 – слабожелезненная глина; 10 – керамика

восточнее, то есть по отношению к общей зоне исследований он располагался в ее юго-западной части.

Анализ комплексов, содержавших рельефные желто-поливные изразцы, позволяет утверждать, что печь с этими изразцами разрушена в конце 1740-х – начале 1750-х гг.

Следует отметить, что разрушение этой печи явилось своеобразной иллюстрацией к поворотному пункту, отметившему снижение экономического уровня и активности на изученном участке.

Одним из доказательств данного предположения может служить статистика монетных находок. Монет до начала XVIII в. на трех раскопках зафиксировано 19 экз. (из них большая часть может быть датирована XVI в.); монет начала XVIII в. – 4 экз., 1730-х гг. – 25 экз., 1740-х гг. – 16 экз., 2-й пол. XVIII в. – 6 экз., XIX в. – 3 экз. Как видим, максимальное количество монет приходится на 30–40-е годы XVIII в., что может служить показателем пика активности на исследуемой территории.

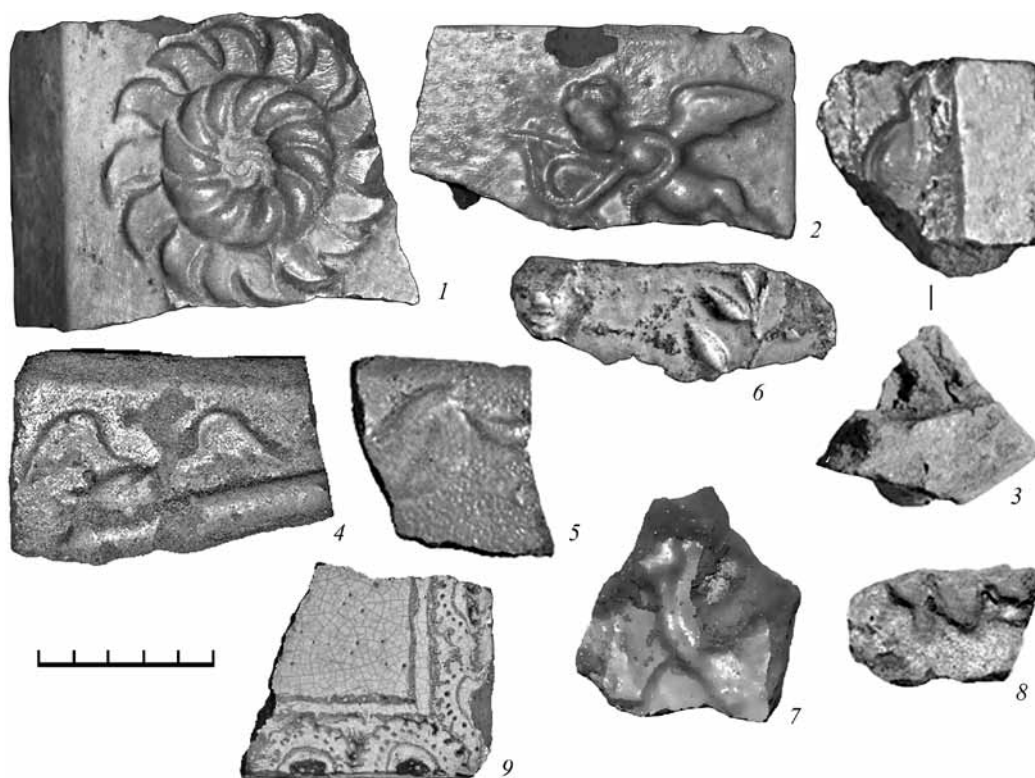

Рис. 8. Находки из слоя раскопов 1 (1, 2) и 3 (3–9)

1–8 – фр-ты рельефных поливных изразцов (эмблематов); 9 – фр-т гладкого изразца с белой и синими поливами. Ожелезненная глина

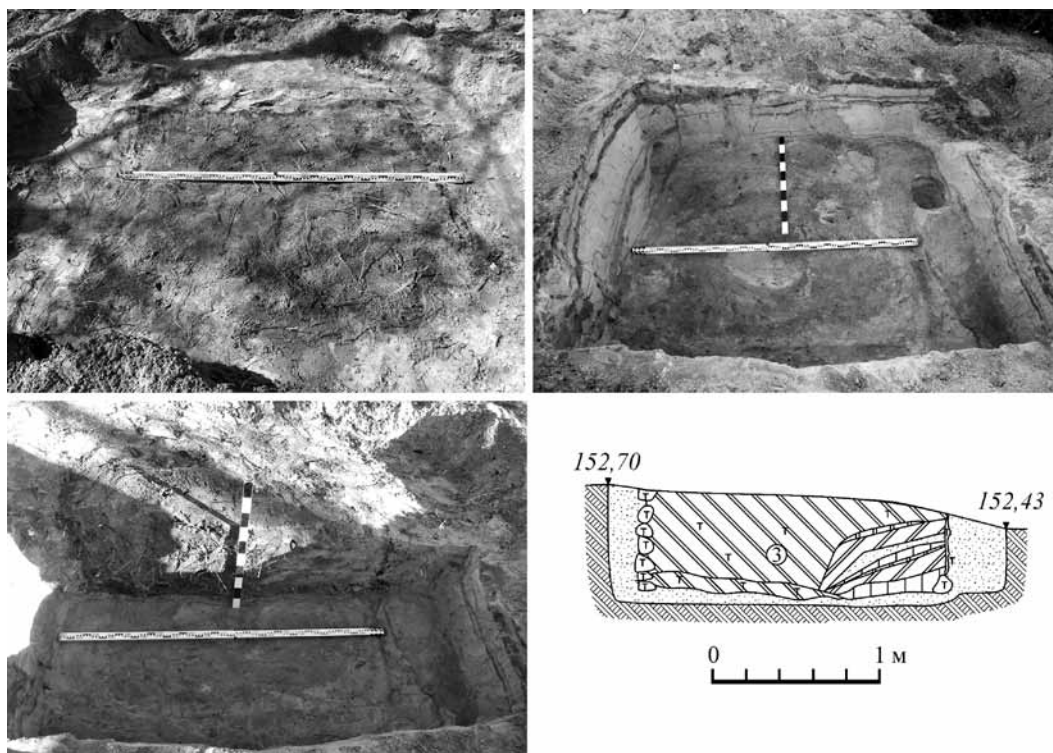

Рис. 9. Объект В

1 – план зачистки на уровне обнаружения, фото, вид с юга; 2 – план зачистки после выборки заполнения, фото, вид с запада; 3 – фото разреза, вид с запада; 4 – чертеж разреза

Рис. 10. Находки из объекта В. 1–5 – рельефные поливные изразцы (эмблематы). Ожелезненная глина

Комплект рельефных печных изразцов с желтой поливой, собранный в раскопе, оказался весьма необычным. Он выполнен на сюжеты книги «Символы и эмблемата», переведенной на русский язык и изданной в 1705 г. в Амстердаме по приказу Петра I (рис. 16).

Изразцы-эмблематы получили широкое распространение в России XVIII в., но это касается уже расписных изразцов (Сергеенко, 1993. С. 52–70). Рельефные же изготавливались только в одной мастерской и очень короткое время (Черненилова, 2016. С. 64). Место изготовления – гончарная

Рис. 11. Находки из объекта В

6–10 – гладкие расписные изразцы. Ожелезненная глина

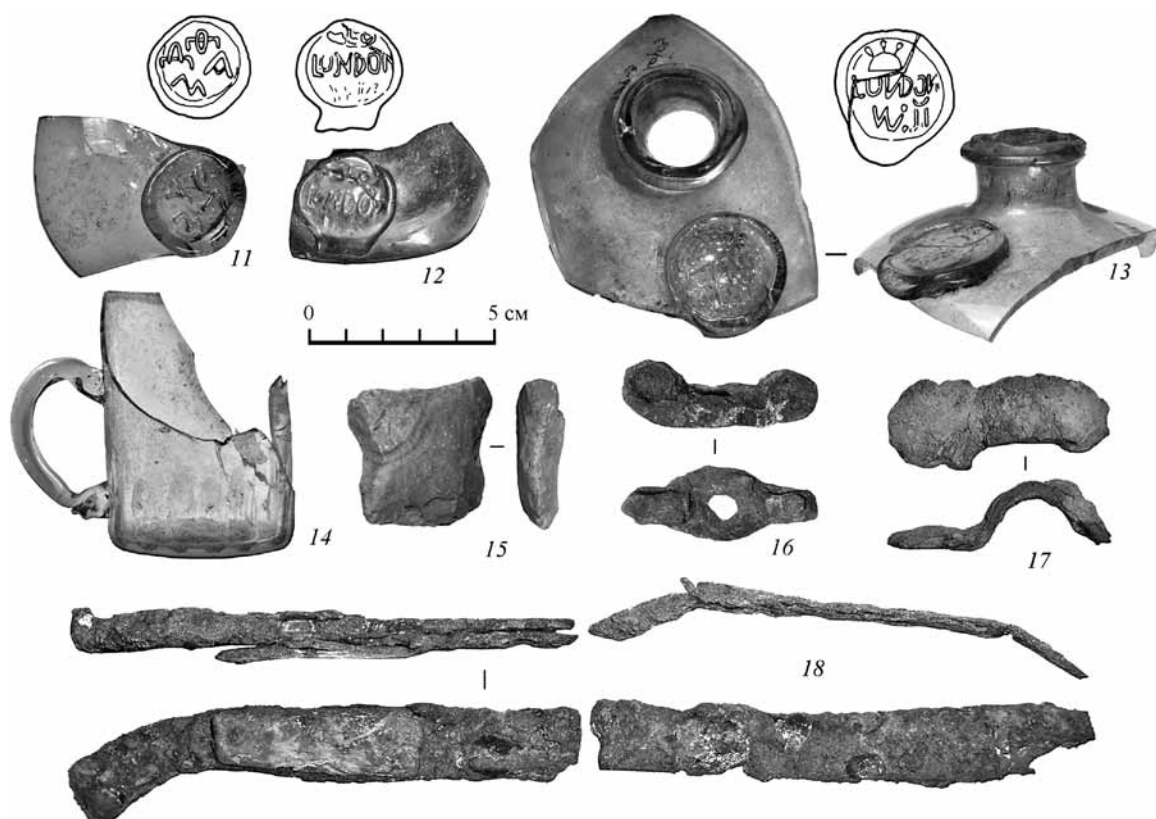

Рис. 12. Находки из объекта В

11–13 – фр-ты штофов с клеймами; 14 – фр-т кружки; 15 – кресальный кремь; 16 – гайка; 17 – засовная скоба;
18 – раскладной нож. 11–14 – стекло; 15 – кремь; 16, 17 – железо; 18 – железо, кость

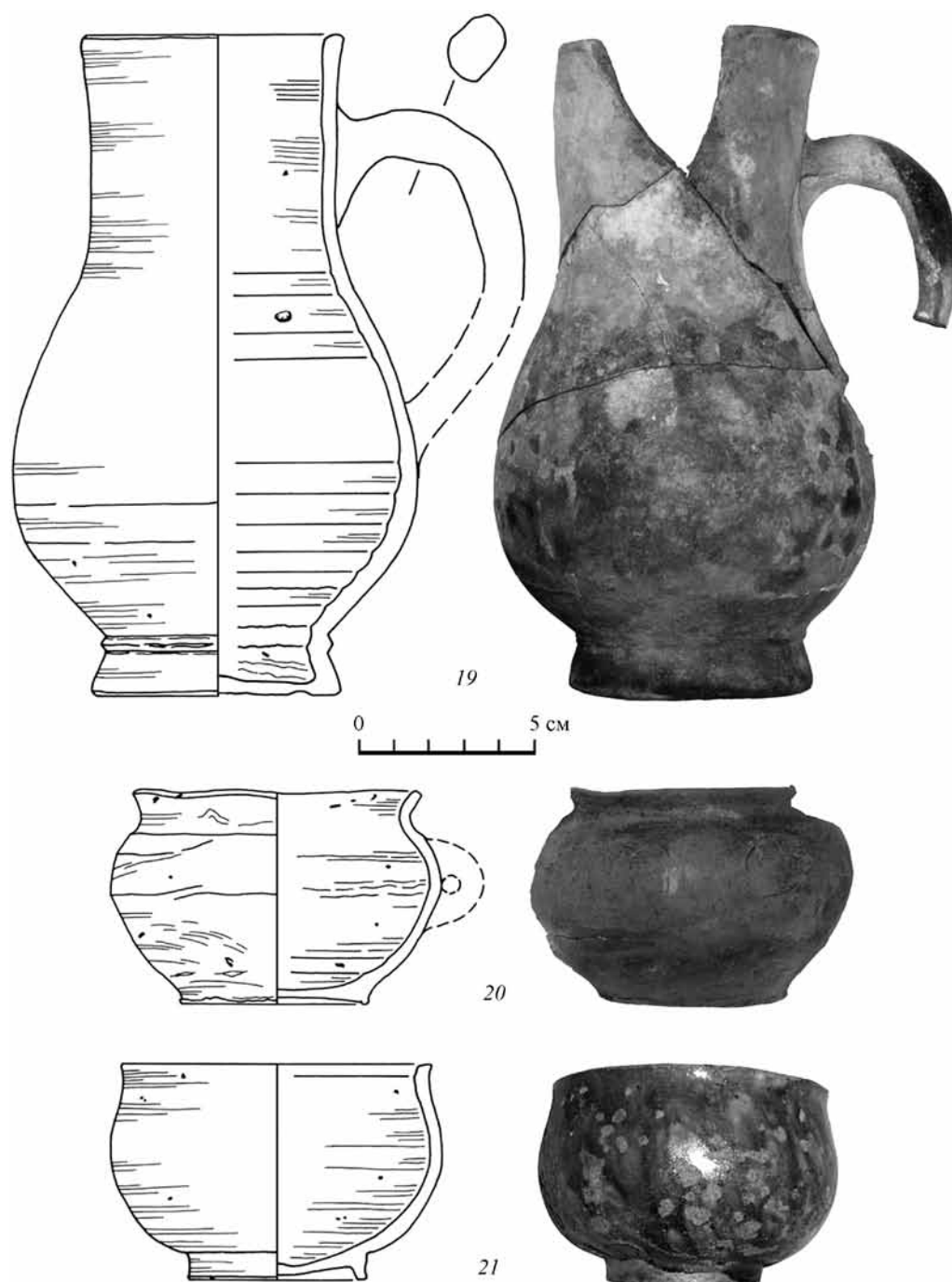

Рис. 13. Находки из объекта В

19 – фр-т кувшина; 20 – фр-т горшка; 21 – фр-т поливной чашки. 19, 21 – нежелезненная глина; 20 – ожелезненная глина

мастерская Солодовых палат Новоиерусалимского монастыря (Глазунова, Данилов, 2014. С. 278), работавшая в 1709–1726 гг. 1709-й – год, когда в монастырь были присланы плененные в Полтавской битве мастера для организации изразцового производства «шведским манером». А в 1726 г. в монастыре случился крупный пожар. В слоях выше этой пожарной прослойки рельефные

изразцы-эмблематы уже не встречаются (Глазунова, 2013. С. 73). При сравнении звенигородского комплекта с изразцами из Нового Иерусалима ясно, что изготовлены они с одного и того же набора матриц, совпадают до мельчайших деталей. Изготовлены, несомненно, в новоиерусалимской мастерской. В монастыре собрана огромная коллекция рельефных изразцов-эмблематов. Есть и заготовки

Рис. 14. План города Звенигорода 1893 г., фрагмент. Из картографической коллекции ЗИНАХМ

1 – владение мещанина Бабакина с деревянным домом; 2 – сад звенигородского купца П.И. Сариченкова; 3 – каменный дом А. Фокиной; 4 – каменный дом купца Стариченкова; 5 – огородный участок с плодовыми деревьями

без поливы, и готовые, но не использованные изразцы, и комплекты от стоявших в монастырских постройках печей. В гончарной мастерской Солодовых палат найдены бракованные изразцы и даже глиняная матрица для одного из сюжетов (Глазунова, 2015. С. 197). Несколько экземпляров со склада были использованы в починках наличников окон Воскресенского собора. Благодаря тому, что в Новом Иерусалиме собрана значительная коллекция, удалось восстановить большинство сюжетов из Звенигорода, даже в тех случаях, когда рисунок представлен небольшим фрагментом¹.

Что же это за изразцы? Как уже говорилось, изготовлены они были по сюжетам книги «Символы и эмблемата» 1705 г. издания. Книга представляет собой набор коротких лозунгов под номерами с 1 по 840. Дается описание сюжета и его символическое значение. Рядом приводится картинка, иллюстрирующая написанное. Вот эти-то картинки и воспроизведены на изразцах, причем довольно близко к исходному рисунку. На лицевых изразцах картинка «обратная», то есть мастер, делая форму-матрицу, переводил на нее рисунок из книги напрямую. При отпечатке с такой матрицы

изображение неизбежно становится зеркальным. На всех конструктивных элементах печи – фризах, валиках, карнизах – рисунок воспроизведен прямо, как он есть в книге. Возможно, это связано с тем, что более сложная форма конструктивных элементов требовала иной технологии изготовления матрицы. А может быть, мы видим здесь просто разных мастеров.

Сюжеты довольно сложные, символика запутанная, к тому же русскому человеку в то время практически незнакомая. Без текста догадаться, что тут имеется в виду, практически невозможно. Чуть позднее понятия символа, эмблемы и аллегории, давно известные в европейском искусстве и литературе, получили широкое распространение в России. А здесь мы встречаемся с самым началом этой эпохи в русской культуре (Беляев, Глазунова, 2015. С. 147–154). Выполнить рельефную надпись на изразце, конечно, можно, но довольно сложно. К тому же при нанесении поливы тонкие буквы расплываются, сливаются и искажаются. Текст превращается в нечитаемые символы. В Новом Иерусалиме были найдены изразцы-эмблематы с рельефными надписями. На заготовках буквы

¹ Реконструкции изображений на изразцах и все прорисовки выполнены художником С. В. Борзовой.

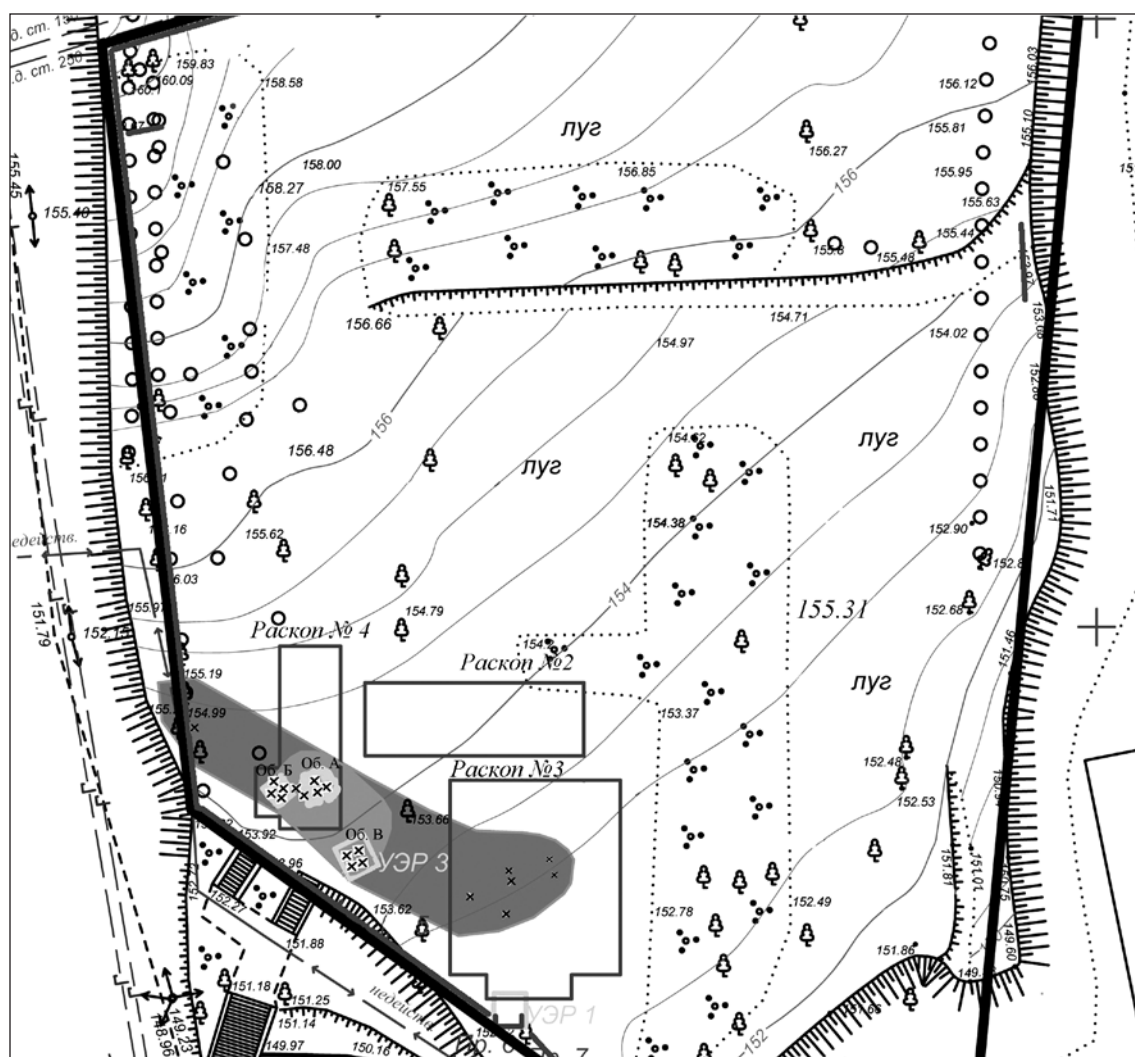

Рис. 15. Схема распространения рельефных изразцов-эмблематов на участке исследований

видно хорошо, на поливных изразцах их практически невозможно прочесть, даже если знаешь, что там написано. Выход был найден простой. На изразцах стали наносить только номер сюжета, соответствующий номеру эмблемы в книге. Цифры можно было сделать довольно крупно, в результате читаются они довольно хорошо. Правда, присутствует человеческий фактор. Часто цифры тоже «зеркалятся» вместе с сюжетом, иногда мастер просто ошибался в номере. Тем не менее отыскать значение рисунка на изразце довольно просто, достаточно сравнить его с книгой.

В нашем наборе присутствуют следующие изразцы:

– лицевой изразец № 454 (на изразце ошибочно 434) – «Аполлон умертвляет грифона-пифона» – «полезен целому миру, смерть единого обещает многим жизнь» (Эмблемы и символы, 2000. С. 184, 185) (рис. 17, 6–10);

– лицевой изразец № 393 – «пастух со своим псом» – «верен и молчалив» (Эмблемы и символы, 2000. С. 170, 171) (рис. 17, 11–14);

– лицевой изразец № 826 (на изразце ошибочно 823) – «Купидон пускает надутые пузыри» – «любовь твоя есть водяной пузырь» (Эмблемы и символы, 2000. С. 278, 279) (рис. 18, 5–8);

– лицевой изразец № 475 (на изразце ошибочно 374) – «Купидон мочою гасит факел» – «потушаю мое пламя» (Эмблемы и символы, 2000. С. 190, 191) (рис. 3);

– лицевой изразец № 193 – «часы» – «сколько часов, столько сил, указую часы по силе моей» (Эмблемы и символы, 2000. С. 120, 121) (рис. 19, 1–5);

– лицевой изразец № 828 – «пирамида, плющом обросшая» – «я буду зеленеть и расти, покуда ты стоять будешь. Твое бытие есть моя зелень» (Эмблемы и символы, 2000. С. 278, 279);

Рис. 16. Книга «Символы и эмблемата», 1705 г. Фронтиспис

– лицевой изразец № 380 – «муж, удавляющий льва» – «Господи! Не мне, но имени твоему слава будет» (Эмблемы и символы, 2000. С. 166, 167);

– угловой изразец № 579 – «столб, обвешанный якорями» – «основан на опыте, утвержден на испытании» (Эмблемы и символы, 2000. С. 216, 217);

– валик № 352 – «рука, держащая щит и лавровую ветвь» – «под щитом, под защитой» (Эмблемы и символы, 2000. С. 158, 159) (рис. 18, 13–17);

– фриз № 150 – «триумфальная арка» – «земля радуется под моей тяжестью, земля желает охотно носить меня на себе» (Эмблемы и символы, 2000. С. 108–109) (рис. 17, 1–5);

– фриз № 570 – «рука, держащая плетень и лошадь за голову» – «лаская и наказывая, иногда силою, иногда ласкою» (Эмблемы и символы, 2000. С. 214, 215) (рис. 17, 15–19);

– карниз № 43 – «орел с распростертыми крыльями при блистании, сидящий на огнестрельном оружии» – «он не страшится ни того, ни другого» (Эмблемы и символы, 2000. С. 82, 83) (рис. 18, 1–4).

Помимо сюжетных изразцов есть и конструктивные элементы, украшенные просто растительным орнаментом, например, два типа так называемых «наугольников», сложных изразцов, оформляющих угол печи. На первом изображены цветок и плоды

шиповника (рис. 19, 10–14) на втором – восьмилепестковый цветочек с пятью отходящими от него длинными листьями. Есть фрагменты сложной многочастной арки-подзора со стилизованным растительным орнаментом и разделительный элемент, который мог применяться как горизонтально, так и вертикально (рис. 19, 6–9). Необходимость в таком элементе становится ясной при попытке реконструировать варианты зеркала печи. Без таких «разделителей» сюжеты сливаются в единое поле, «мешая» друг другу.

Все звенигородские изразцы изготовлены из красной глины с примесью песка в тесте, покрыты поливой желтого цвета, румпа отступающая. Так как целый изразец найден только один – угловой валик, размеры будут приведены по новоиерусалимской коллекции. Лицевая пластина квадратная – 19,0×19,0 см; фриз – 19,0×12,0 см; валики – 20,0×8,0 см, карнизы – 18,0×9,5 см, разделительный элемент – 9,5×19,0 см.

Таким образом, в печи из Звенигорода было использовано как минимум семь различных сюжетов лицевых изразцов, три различных наугольника, два фриза, валик, карниз, арка и разделительный элемент. К сожалению, не было найдено ни одного городка. Неясно также, была ли у печи полочка.

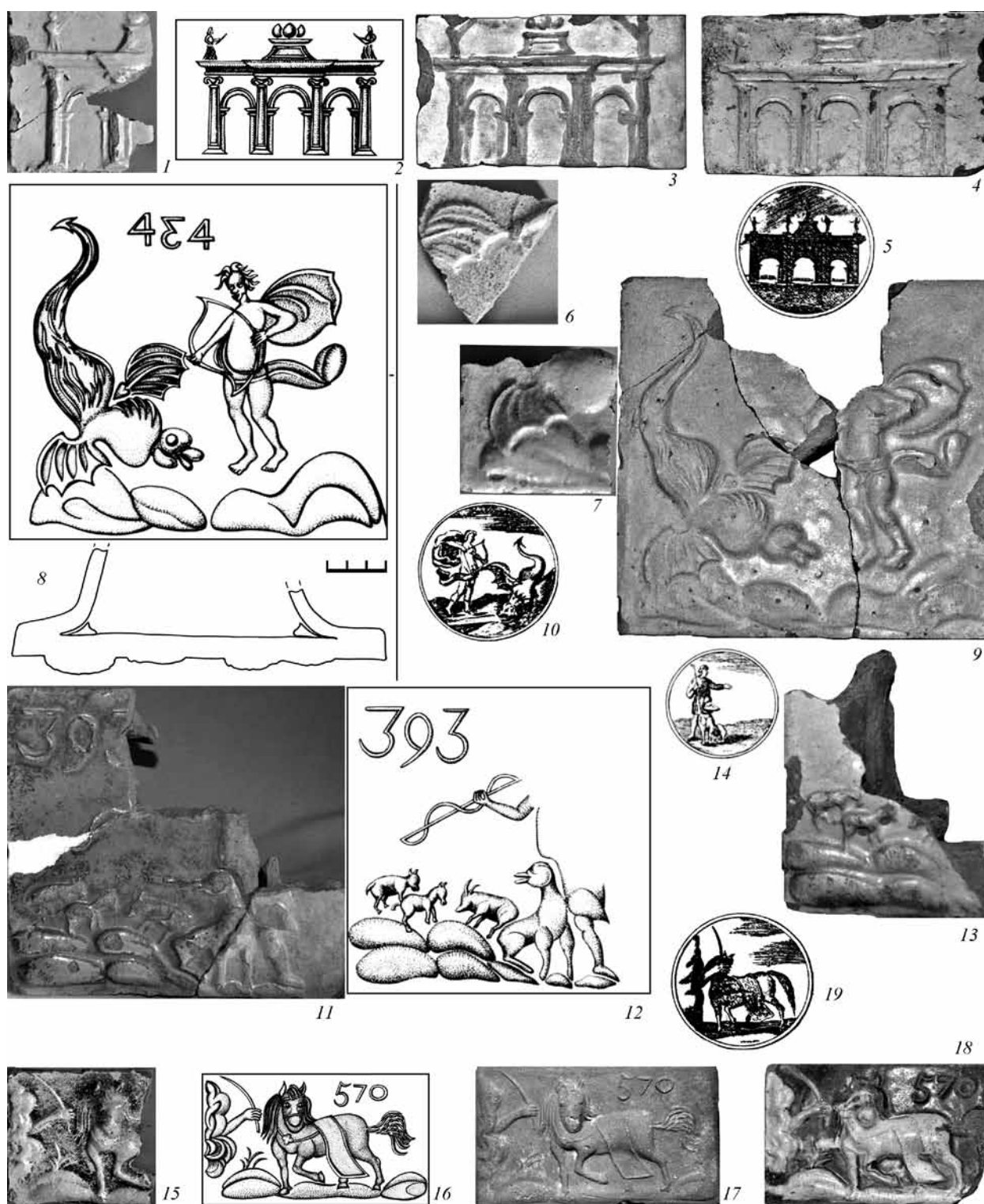

Рис. 17. Изразцы-эмблематы

1–5 – сюжет № 150: 1 – звенигородский; 2 – прорисовка; 3, 4 – новоиерусалимские; 5 – эмблема из книги; 6–10 – сюжет № 454: 6, 7 – звенигородские; 8 – прорисовка; 9 – новоиерусалимский; 10 – эмблема из книги; 11–14 – сюжет № 393: 11 – звенигородский; 12 – прорисовка; 13 – новоиерусалимский; 14 – эмблема из книги; 15–19 – сюжет № 570: 15 – звенигородский; 16 – прорисовка; 17, 18 – новоиерусалимские; 19 – эмблема из книги

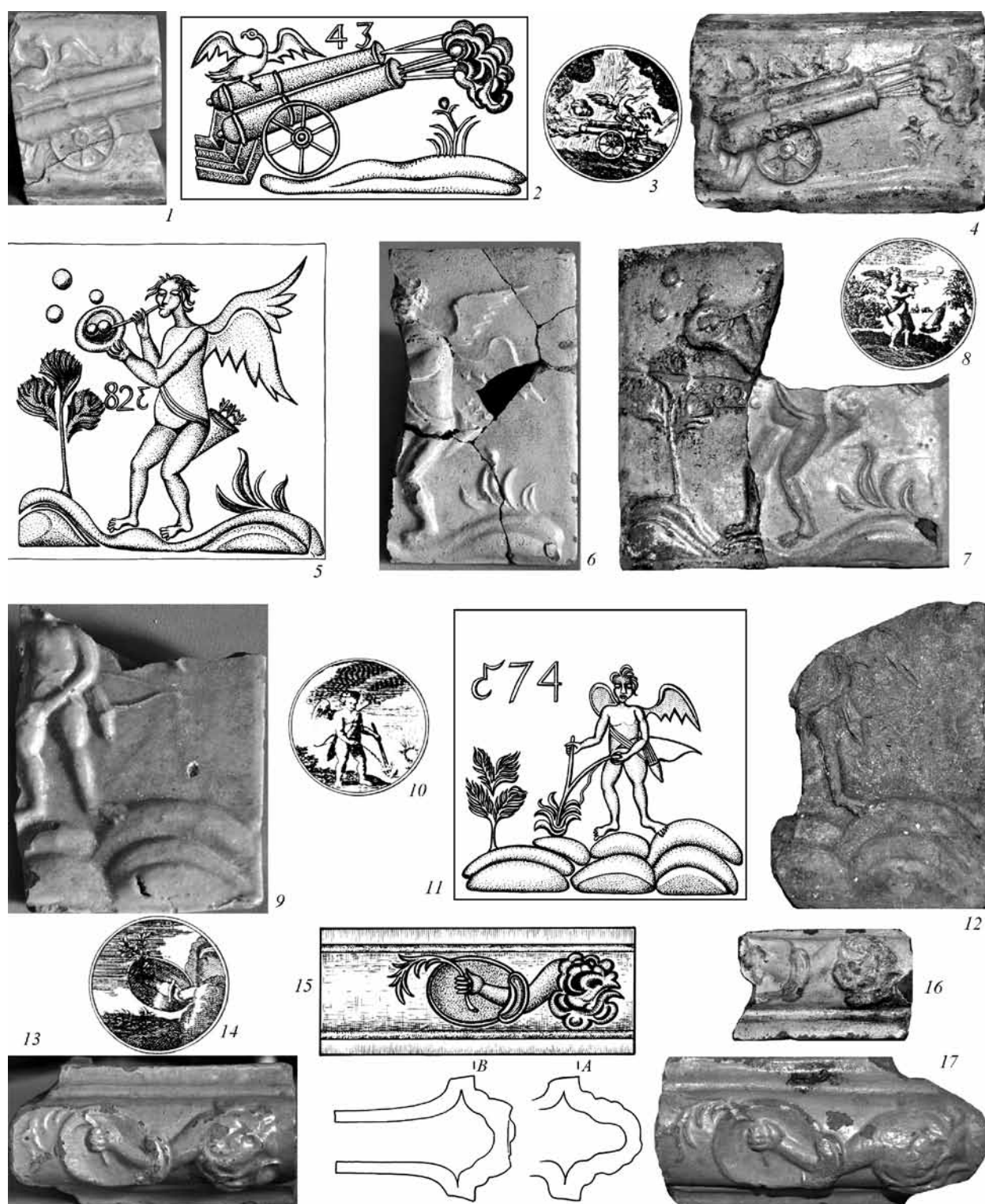

Рис. 18. Изразцы-эмблематы

1–4 – сюжет № 43: 1 – звенигородский; 2 – прорисовка; 3 – эмблема из книги; 4 – новоиерусалимский; 5–8 – сюжет № 826: 5 – прорисовка; 6 – звенигородский; 7 – новоиерусалимский; 8 – эмблема из книги; 9–12 – сюжет № 475: 9 – звенигородский; 10 – эмблема из книги; 11 – прорисовка; 12 – новоиерусалимский; 13–17 – сюжет № 352: 13 – звенигородский; 14 – эмблема из книги; 15 – прорисовка; 16, 17 – новоиерусалимские

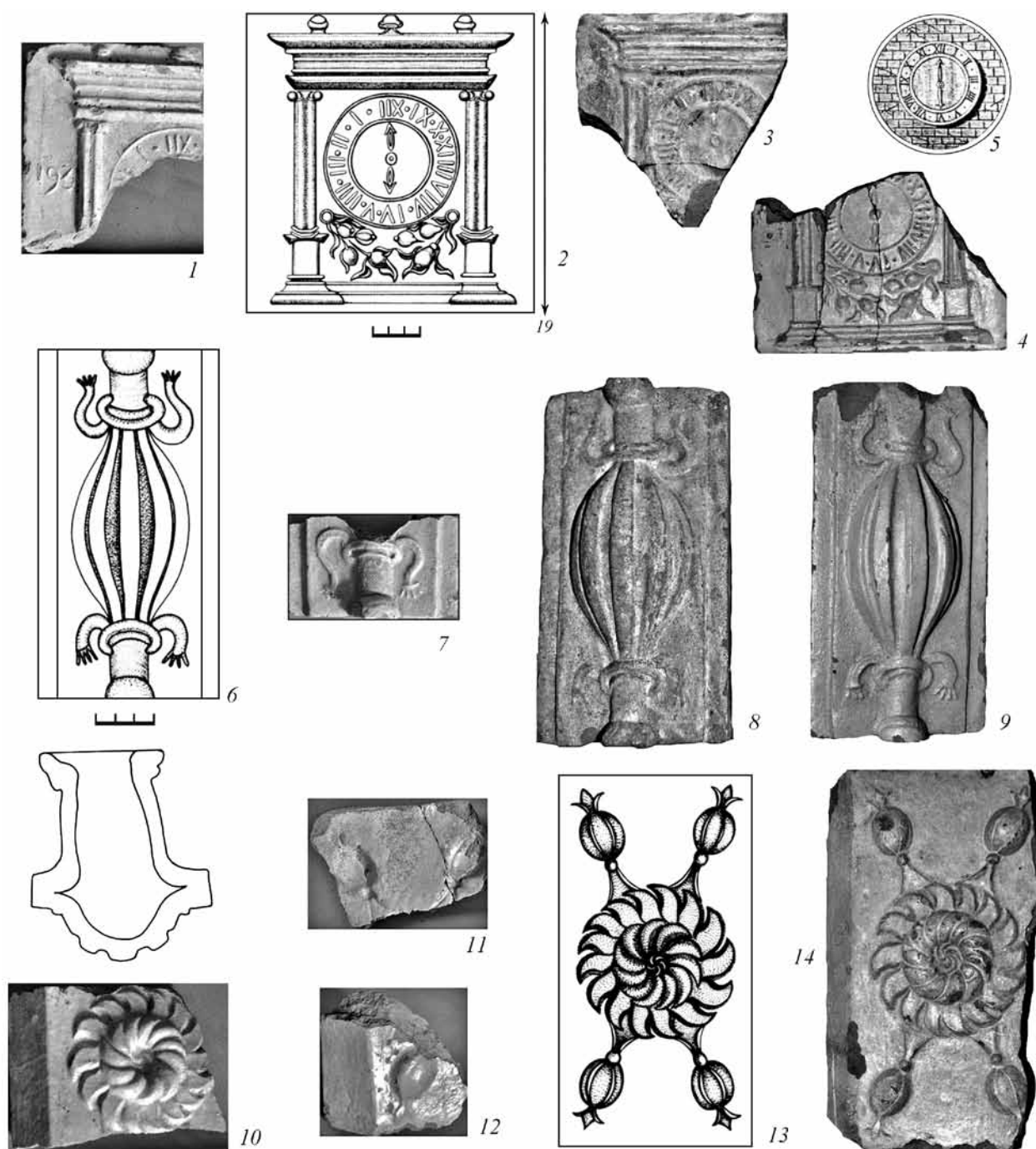

Рис. 19. Изразцы-эмблематы

1–5 – сюжет № 193: 1 – звенигородский; 2 – прорисовка; 3, 4 – новоиерусалимские; 5 – эмблема из книги;
 6–9 – разделительный элемент: 6 – прорисовка; 7 – звенигородский; 8, 9 – новоиерусалимские; 10–14 – наугольник:
 10–12 – звенигородские; 13 – прорисовка; 14 – новоиерусалимский

Возможно, что при раскопках собран неполный комплект. К тому же три фрагмента точно идентифицировать не удалось, так как сохранившиеся элементы рисунка могут указывать на различные сюжеты.

Как следует из вышесказанного, заказ на изразцы был царский. Как мог такой комплект попасть в дом звенигородского горожанина? Конечно, он

мог быть просто куплен со склада, где хранился. Но тут следует отметить, что подавляющая часть эмблематов, найденных в Новоиерусалимском монастыре, имеет совершенно иное цветовое решение. Они покрыты поливой красивого бирюзового оттенка, меньшее количество выполнено в синей гамме. Изредка встречаются экземпляры,

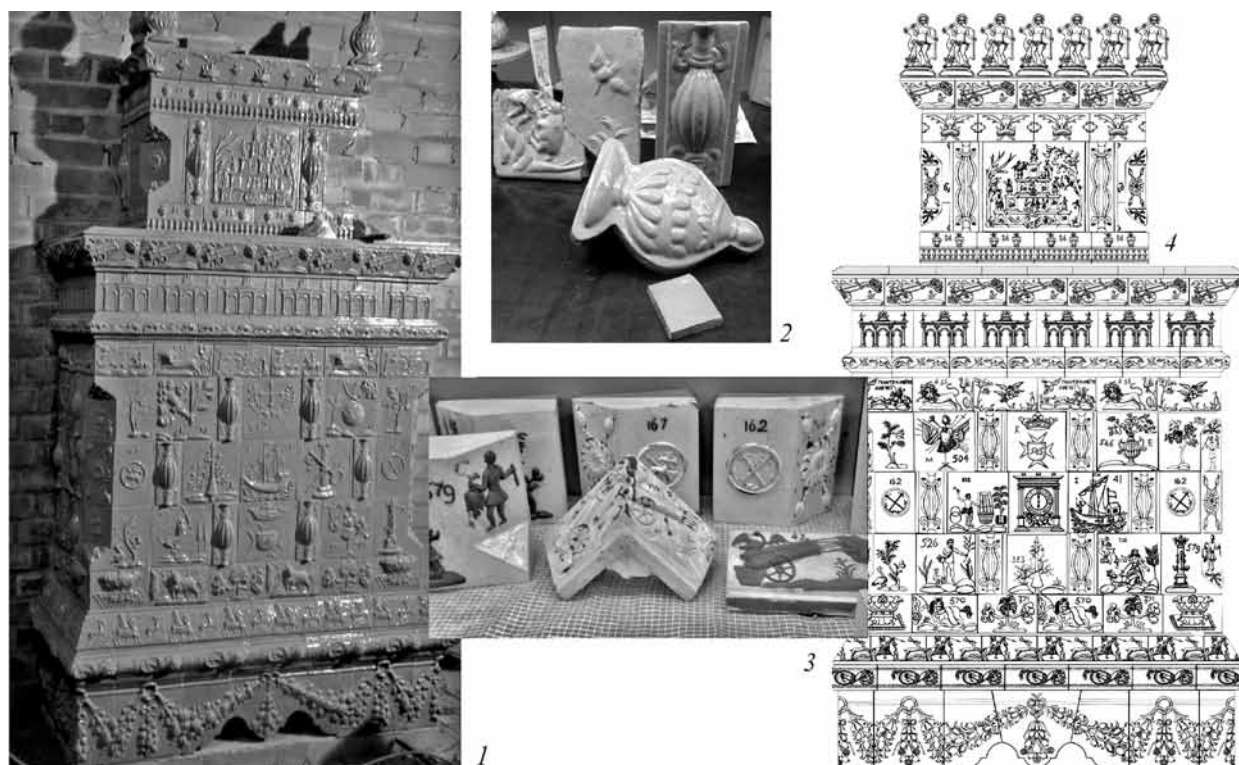

Рис. 20. Реконструкция печи, облицованной рельефными изразцами-эмблематами

1 – печь в помещении Южного братского корпуса Новоиерусалимского монастыря;
2, 3 – изразцы в момент изготовления; 4 – проект реконструкции печи

покрытые такой же желтой поливой, как и звенигородская серия, но это действительно отдельные экземпляры. За годы работы Новоиерусалимской экспедиции ИА РАН (2009–2016 гг.) под руководством Л. А. Беляева (Беляев, 2016. С. 400–417) было найдено всего четыре таких изразца, тогда как общее количество рельефных эмблематов в коллекции достигает нескольких сотен штук. Это дает основание сделать осторожное предположение о том, что данный цвет поливы, возможно, был признан неудачным, забракован. Однако изразцы были сделаны качественно, обжиг удался. Косвенно момент отбраковки целой серии подтверждается цитатой из переписки стряпчего Саввы Кудрявцева, ведавшего делами иноземцев в Новоиерусалимском монастыре, и графа Мусина-Пушкина. 5 августа 1710 г. Савве из Петербурга было отписано, что «велено шведам, которые отданы в Воскресенский монастырь, ныне сделать немедленно шведским манером печных изразцов гладких белых, а по них травы синею краскою, как у князя Матвея Петровича Гагарина, из добрые

земли, а не такие, что образец казали» (Кавелин, 1876, С. 85, 86). История сохранила для нас если не рецепт самой поливы, то, как минимум, набор ингредиентов для нее, запрошенный в 1709 г. мастерами. Это «свинцу 10 фунтов, олова 3 фунта, паташу фунт, краски лазори $\frac{1}{2}$ фунта, соли 6 фунтов» (Кавелин, 1876. С. 85). Для нашей истории интересно, что стряпчий Савва Кудрявцев посылает «память» (т. е. указание, что именно следует приобрести и как сделать) в Воскресенский монастырь с Саввинского подворья (Кавелин, 1876. С. 85). Таким образом, вполне вероятно, что комплект изготовленных по заказу изразцов мог быть доставлен именно на Саввинское подворье и оттуда уже попасть в город.

В рамках проекта по реставрации Новоиерусалимского монастыря в исторических помещениях обители выполнены реконструкции трех печей, облицованных изразцами серии «эмблематы». Одна из них, в помещении Южного братского корпуса монастыря, обладает похожим на звенигородский набором изразцов (рис. 20).

Литература

Баранова С. И. 2011. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ. 432 с.

Беляев Л. А., 2016. Археология Нового Иерусалима и францисканская идея в Центральной Европе XVII в. // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.: ИА РАН, ИРИ РАН, ОИФН РАН. М. – Вологда: Древности Севера. С. 400–417.

Беляев Л. А., Глазунова О. Н., 2015. Маркеры Запада: новые элементы европейской художественной и технологической традиции в археологических материалах Ново-Иерусалимского монастыря // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Традиции и инновации в истории и культуре». М.: ОИФН РАН, ИЭиА РАН. С. 147–154.

Глазунова О. Н., 2013. Изразцы в культурном слое Нового Иерусалима: планиграфия, статистика, атрибуция // РА. № 1. С. 68–78.

Глазунова О. Н., 2015. Изразцовые штампы XVII в. из новоиерусалимских гончарных мастерских // КСИА. Вып. 240. С. 196–201.

Глазунова О. Н., Данилов Ю. О., 2014. Горн и мастерская XVIII века для производства поливных

изразцов в Солодовых палатах Ново-Иерусалимского монастыря // КСИА. Вып. 236. С. 277–281.

Кавелин Л., 1876. Ценинное дела в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре с 1656 по 1759 год // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. Вып. 11–12. М. С. 81–87.

Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство. 208 с.

План города Звенигорода 1893 г. / Центральный Государственный архив г. Москвы. Ф. 54. Оп. 181. Д. 1371.

Сергеенко И. И., 1993. Об изразцах с иероглифическими фигурами и эмблематами и о московском мастере Яне Флегнере // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. М. С. 52–70.

Чернилова Л. М., 2016. Фонд изразцов музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим»: формирование и изучение. Описание коллекции // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. М.: Новый Иерусалим: Коллектор. С. 64–74.

Эмблемы и символы. М.: ИНТРАДА, 2000. 368 с.

O. N. Glazunova & S. V. Malykh

A Zvenigorod stove, lined with tiles produced at the workshops of the New Jerusalem monastery

Summary

This article presents a Russian stove, decorated with unusual relief-effect emblematic tiles from the early 18th century, from a house in the Lower Sloboda (district) of the town of Zvenigorod. The designs are conjecturally

reconstructed, and the subject-matter of the illustrations is established. The history of the production of such tiles is traced, and their origin at the ceramics workshops of the New Jerusalem monastery at nearby Istra, Russia.

В. А. Беркович*, А. А. Полюлях**

* ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва;

** Музейное объединение «Музей Москвы», Москва

Посуда завода Гребенщиковых из археологических наблюдений в Вознесенском переулке в Москве в 2016 году

В июне 2016 г. в ходе археологических наблюдений в рамках проекта «Моя улица», проводившихся ООО «Археологические изыскания в строительстве» в Вознесенском переулке у д. 22, в траншее коммуникаций на глубине 0,8–0,9 м, в слое пожара (рис. 1; 2), были найдены обломки тарелки и блюда, по ряду характерных признаков допускающих их атрибуцию как изделий завода Гребенщиковых. Датировать их позволяет залежавший в том же слое клад медных монет 1731–1759 гг.

Завод был открыт в Москве в 1724 г. купцом гостиной сотни А. К. Гребенщиковым после издания Мануфактур-коллегией специального указа, официально назывался «Ценинная и табачных трубок фабрика» и являлся первой в России мануфактурой, производившей столовую майоликовую¹ посуду, а также фигурки, курительные трубки и печные изразцы. Выпуск посуды из изразцовой массы (красной глины?) был начат в 1731 г., но ассортимент ее был невелик: в 1741 он включал тарелки, блюда и чашки. Значительное увеличение производства посуды на основе использования белых гжельских глин, включающее 18 наименования изделий, началось с 1749 г. и было связано с деятельностью второго сына А. К. Гребенщикова – Ивана

(1725–1754 гг.) (Салтыков, 1952. С. 6–22). С этого времени Гребенщиков неоднократно получал заказы императорского двора, в частности, в 1753 г. поставлял сервизы «с гербами и литерами, с разными цветками» для подмосковных дворцов в селах Алексеевском, Братовщине и Воздвиженском (Вольф, 1906. С. 8).

После смерти А. К. Гребенщикова в 1757 г. заводом владели до 1772 г. его сыновья Петр и Андрей. С 1772 г., в связи с ухудшением работы завода, видимо, по решению Сената, он был передан коллежскому асессору Козьме Матвееву (Салтыков, 1952. С. 26, 27), а в 1774 г. – Савве Яковлеву, при котором и был закрыт в 1779 г., судя по наличию последних данных о нем за 1778 г. (Лихачева, 1972. С. 172, 173).

Завод Гребенщиковых находился на собственном участке на восточной окраине Москвы, в Алексеевской слободе, «за Яузскими воротами, за Земляным городом», в приходе церкви Мартына исповедника на Большой Алексеевской улице. В настоящее время территория завода локализуется в средней части квартала между улицей А. Солженицына и Товарищеским переулком. На месте нахождения завода Гребенщиковых

¹ Изделия завода Гребенщиковых по современной технологической классификации отнесены к майолике – изделиям из цветных глин с крупнопористым черепком, покрытые как прозрачной, так и непрозрачной глазурью. Также полагал и исследователь деятельности завода Гребенщиковых А. Б. Салтыков. К майолике относятся многие древневосточные и средневековые керамические изделия, испано-мавританская керамика, итальянская майолика, близкие к ней французские и немецкие изделия, русские изразцы, «ценинная» посуда XVIII в. и др. Относить их к фаянсу (или полуфаянсу), как это в широком значении принято в западноевропейской и в российской литературе по истории керамики, по нашему мнению, неправильно. Майолика и фаянс – два разных по составу массы, технологии изготовления и внешним признакам типа керамических изделий. Фаянсовая масса, в отличие от майоликовой, получается по своей рецептуре с применением того же сырья, что и при производстве фарфора – беложгущиеся огнеупорные глины и каолины, кварц, полевошпат, мел, фаянсовый бой или шамот (обожженная глина) – и имеет мелкопористый белый (или подкрашенный) черепок, покрытый, как правило, прозрачной глазурью. В России впервые фаянсовые изделия начали производиться на открытом в 1799 г. заводе в Межигорье под Киевом, а в дальнейшем – на заводах Ф. Я. Гарднера, А. Я. Ауэрбаха, М. С. Кузнецова, И. Е. Кузнецова и др. (см. БСЭ. Изд. 3-е. 1974. Т. 15. С. 222; 1977. Т. 27. С. 225; Салтыков, 1952. С. 37).

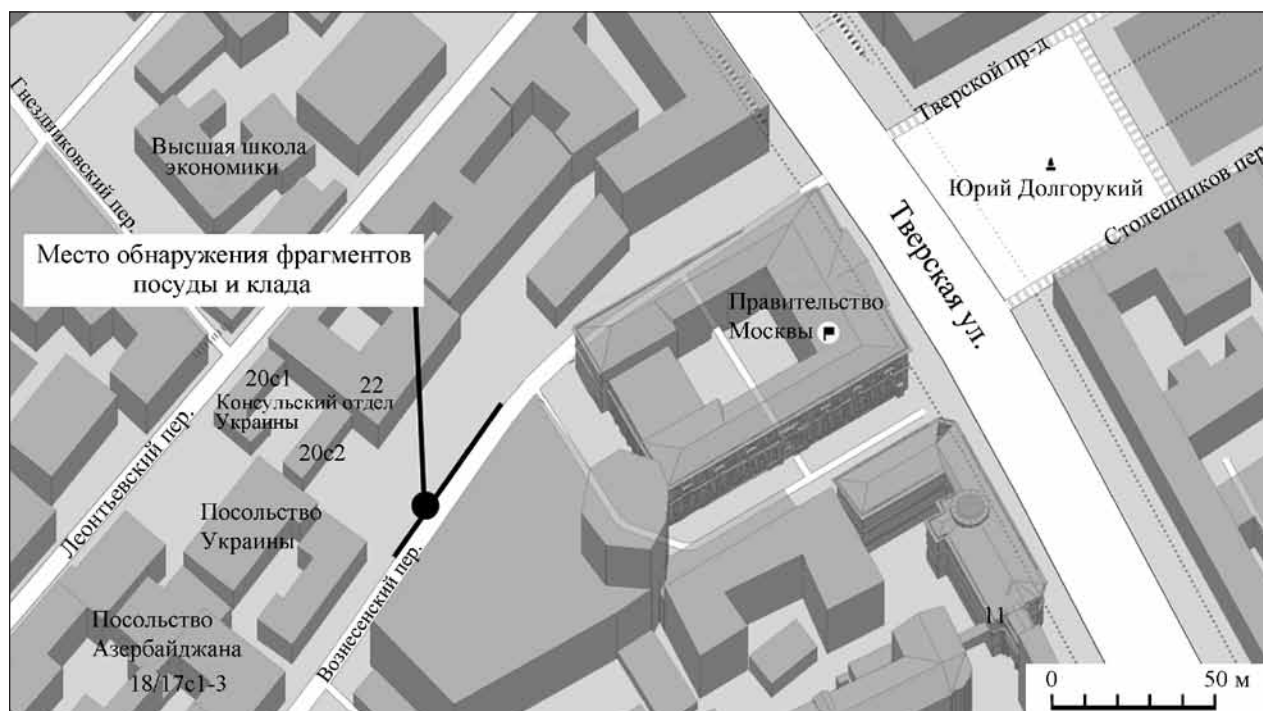

Рис. 1. Место расположения траншеи коммуникаций и находки фрагментов посуды и монетного клада в Вознесенском переулке на современном плане Москвы

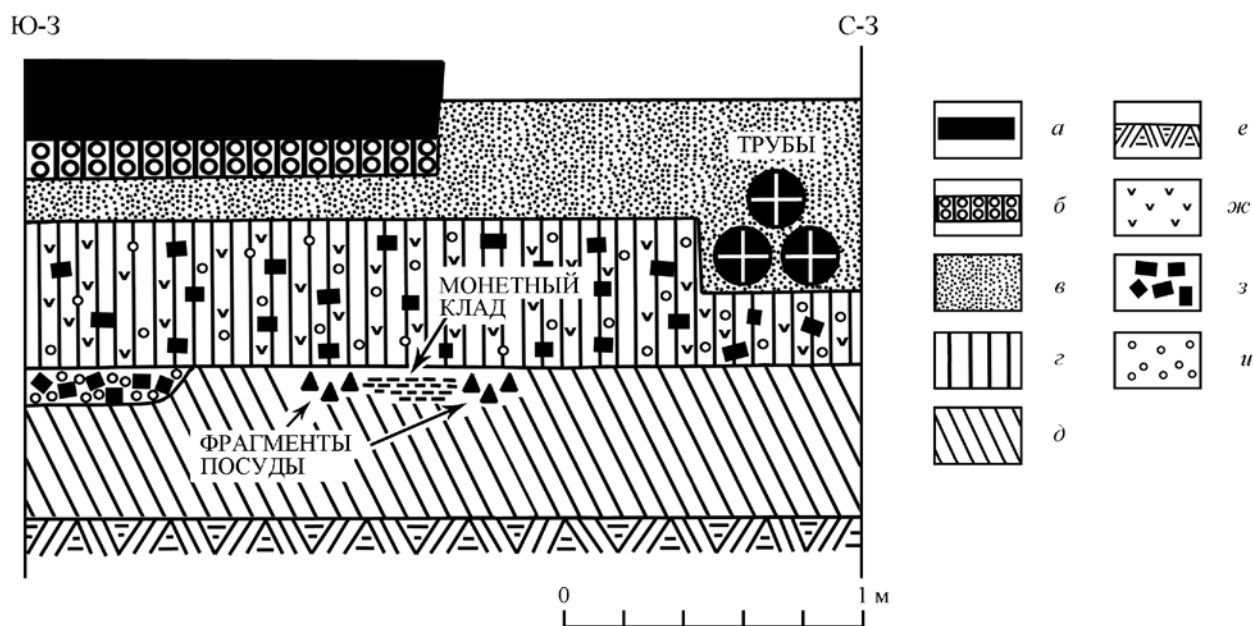

Рис. 2. Профиль участка траншеи в Вознесенском переулке с указанием места находки фрагментов посуды и монетного клада

не производились археологические исследования и наблюдения.

Деятельность завода Гребенщиковых рассматривалась в дореволюционный и в советский период в работах Н.В. Вольфа (1906), М.А. Безбородова (1950), А.Б. Салтыкова (1952) и Д.М. Лихачевой

(1972). Исследования проводились на основе немногочисленных документальных источников и выявленных в музейных коллекциях изделий завода; в настоящее время их насчитывается всего около 70 предметов. Они хранятся в фондах восьми музеев: Государственный исторический музей (ГИМ),

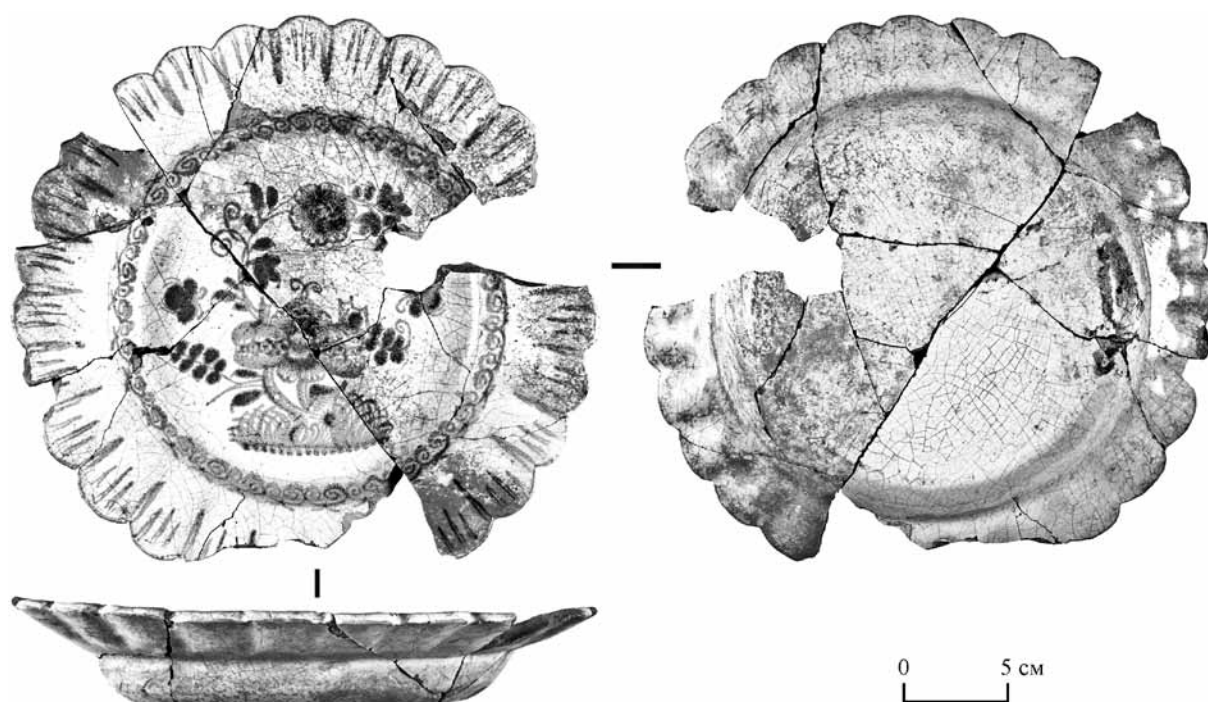

Рис. 3. Майоликовая тарелка, найденная в Вознесенском переулке (см. цв. вкл.)

Государственный Эрмитаж (ГЭ), Государственный Русский музей (ГРМ), Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века» (ГМК), Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник (СПГИХМЗ), Егорьевский историко-художественный музей (ЕИХМ), Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства (ВМДПИ), Музейное объединение «Музей Москвы» (ММ). Это отдельные посудные формы столовых сервизов: тарелки, овальные и круглые блюда, миски с крышками, соусник, судок круглый с крышкой, лоток с ручками. На девяти предметах имеются клейма «РМФАГ» и «МФАГ», написанные от руки синей краской или рельефные, которые, по мнению А. Б. Салтыкова, читаются как «Русская мануфактура фабриканта Афанасия Гребенщикова» и «Московская фабрика Афанасия Гребенщикова» (Салтыков, 1952. С. 28–33). Более точным прочтением клейма «РМФАГ», по-видимому, является «Работа Московской фабрики А. Гребенщикова».

Выявление новых, ранее неизвестных, изделий завода Гребенчиковых в музейных собраниях или в частных коллекциях маловероятно. В связи с этим особое значение имеет исследование верхнего горизонта Нового времени культурного слоя Москвы XVIII–XIX вв., где возможны, как показывают наблюдения, находки посуды этого завода. Так, например, найдены десять майоликовых

тарелок и крышка суповой миски с гербом грузинских князей Багратионов. Исследования проводились Г. П. Латышевой в 1957 г. на участке д. 10/23 в 1-м Песчаном переулке в поселке Сокол, на месте села Всехсвятского, принадлежавшего в XVIII в. князьям Грузинским (Полюлях, 2014).

При археологических наблюдениях в Вознесенском переулке у д. 22 найдены фрагменты тарелки и блюда, относящихся, по-видимому, к изделиям завода Гребенчиковых.

Тарелка по своим абсолютным размерам относится к мелким: диаметр 26 см, высота 4 см и внутренняя глубина от зеркала до перегиба борта – 1,5 см. Борт в профиле наклонный широкий (3,5 см), с фестончатым краем и поперечными углублениями, придающими ему волнообразную изогнутость. Боковой склон, переходящий к зеркалу, вогнутый. Дно тарелки плоское, без кольцевого поддона (рис. 3). Толщина стенки для столовой тарелки довольно большая – 0,5 см.

Тарелка изготовлена из содержащей песок белоглиняной массы желто-розового оттенка. Формовка тарелки, видимо, производилась на ручном круге, на деревянном перевернутом шаблоне, верхняя поверхность которого соответствовала внутренней форме тарелки. Об этом свидетельствуют ровные одинаковые углубления фестонов внутренней поверхности тарелки, в отличие от их округлых форм с внешней стороны.

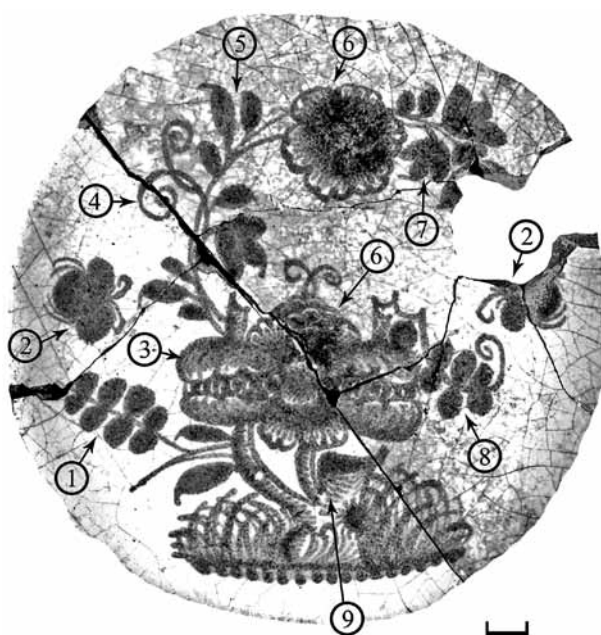

Рис. 4. Примерное определение растений в росписи тарелки

1 – лист горошка заборного; 2 – летящий жук, пчела; 3 – бутон цветка мальвы или розы; 4 – усики горошка заборного; 5 – лист растения семейства розоцветных; 6 – цветок мальвы, 7 – лист розы; 8 – лист горошка заборного; 9 – пенек ствола розового куста (культурная роза)

Поверхность эмали тарелки с внутренней и внешней стороны покрыта крупным тонким цеком. На внутренней поверхности эмали отмечаются многочисленные черные точки посторонних включений (засорка), на внешней – отдельные точки засорки и углубления (выгорка), образовавшиеся после выгорания попавших в эмаль инородных тел.

Внутренняя и внешняя поверхности тарелки после формовки, сушки и первого обжига были полностью покрыты непрозрачной («глухой») белой глазурью. По ней, на внутренней поверхности борта и зеркала, выполнен расписной декор синим цветом. По борту через одинаковые интервалы, чередуясь, нанесены один длинный и три коротких остроугольника. Ниже линии перегиба борта к склону – сплошной пояс из двойных спиралевидных завитков (волют). Всю поверхность зеркала занимает условно-эклектичная растительная композиция, состоящая предположительно из пенька ствола с отходящими вверх двумя короткими ветвями и изгибающимся побегом куста розы, на концах которых соцветия мальвы; у нижнего соцветия – два дисковидных, по-видимому, многосемянных плода. На ветвях и побеге расположены

листья и усики различных растений семейства бобовых (горошек заборный, люцерна, клевер?) или розоцветных (роза?)². С левой и с правой стороны композиции изображены подлетающие к ней жуки или пчелы (рис. 4).

Такая композиция, состоящая из аналогичных элементов, известна на трех сосудах, атрибутированных как изделия завода Гребенщиковых: на двух одинаковых суповых мисках (СПГИХМЗ и ГИМ) и на судке с крышкой (СПГИХМЗ). На них так же, как и на рассматриваемой тарелке, нанесен сплошной пояс из двойных спиралевидных завитков (волют), а в росписи миски СПГИХМЗ использованы и длинные аналогичные и короткие остроугольники (рис. 5, 2, 3).

Найденное вместе с тарелкой овальное блюдо по своим абсолютным размерам также относится к мелким: диаметры 35,5×22,5 см, высота 4,2 см и внутренняя глубина от зеркала до перегиба борта – 1 см. В профиле оно имеет наклонный, вогнутый борт шириной 3,5 см с фестончатым краем. Боковой склон, переходящий к зеркалу, вогнутый. Дно блюда плоское, без кольцевого поддона (рис. 6). Толщина стенки блюда также довольно большая – 0,9 см.

Блюдо, как и тарелка, изготовлено из содержащей песок белоглиняной массы желто-розового оттенка. Его формовка, видимо, производилась на ручном круге, на деревянном перевернутом шаблоне, верхняя поверхность которого соответствовала внутренней форме блюда.

Внутренняя и внешняя поверхности блюда после формовки, сушки и первого обжига были полностью покрыты непрозрачной («глухой») белой глазурью. По ней, на внутренней поверхности борта и зеркала, нанесен декор методом росписи по сырой глазури с первоначальной перьевой прорисовкой коричневым цветом общей композиции и последующей раскраской зеленым ее отдельных частей. По борту блюда, у его внешнего края, произвольно проведены линия отводки и узкий пояс из двух тонких линий с резервами, раскрашенными зеленым цветом. По сторонам продольной (большей) оси блюда по борту ниже зеленого пояса изображены два варианта композиции из продолговатых зубчатых листьев, по-видимому, бодяка огородного – сорного растения с соцветиями, похожими на соцветия лопуха (рис. 7, 1). Центр зеркала блюда декорирован в той же технике и цветовой гамме средней по величине (1/3 диаметра) условно-эклектичной растительной композицией,

² Автор выражает благодарность Н. В. Алаторцевой – специалисту по геоинформационным системам НП «Прозрачный мир», за примерное определение растений в росписи тарелки и блюда.

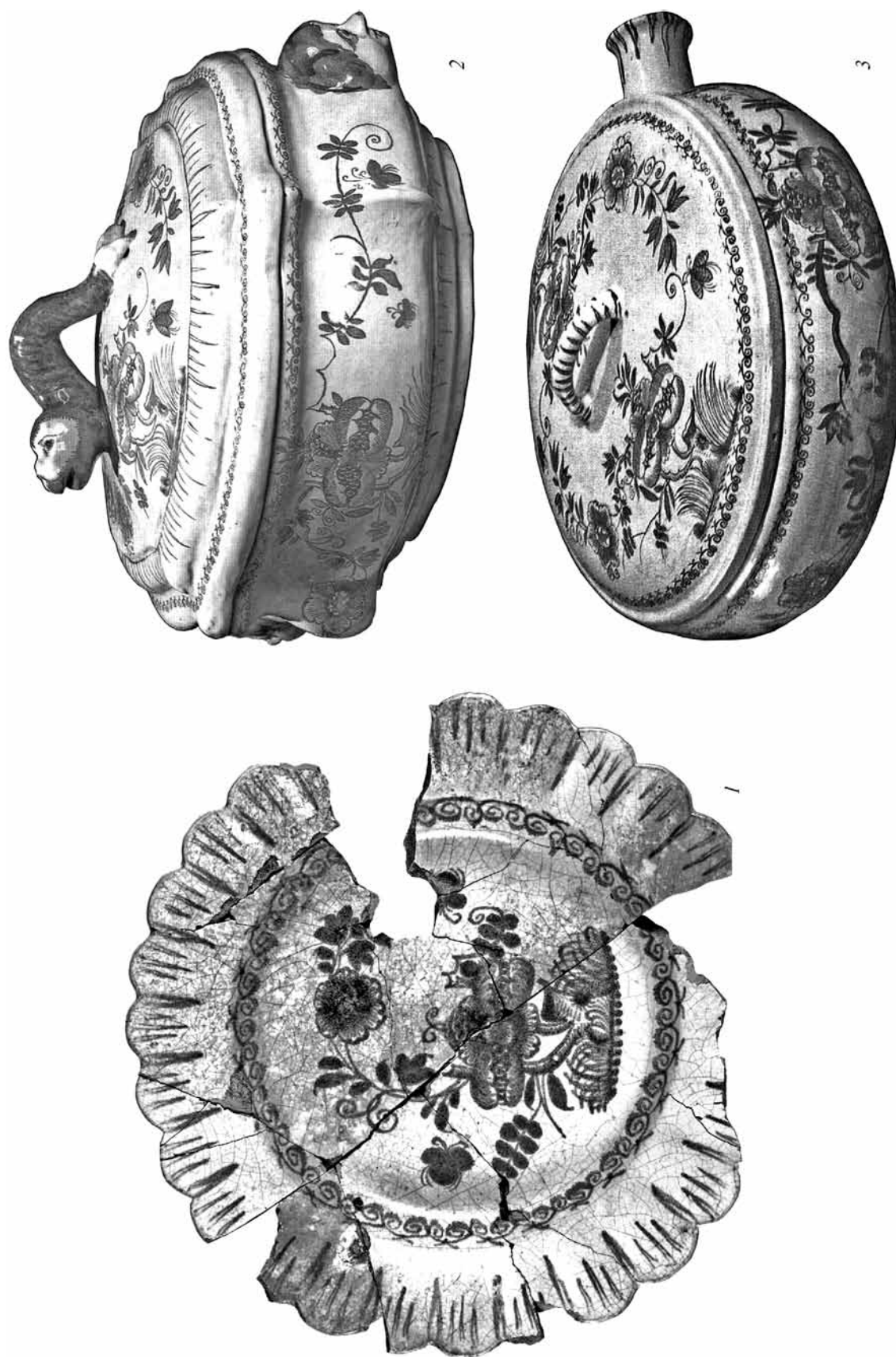

Рис. 5. Майоликовая тарелка из Вознесенского переулка (1) и посуда завода Гребениковых из собрания СПГХМЗ (2, 3)

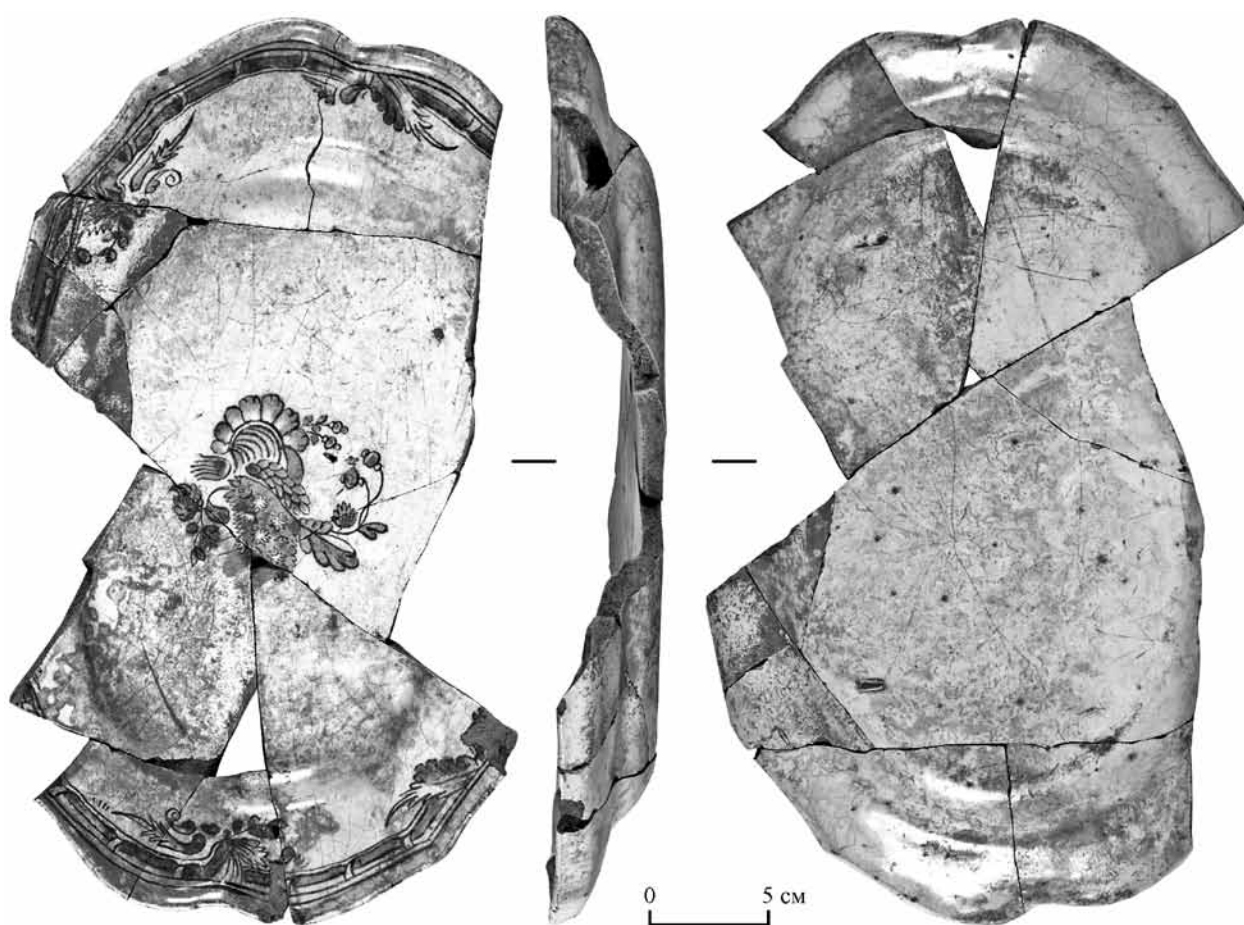

Рис. 6. Майоликовое блюдо, найденное в Вознесенском переулке (см. цв. вкл.)

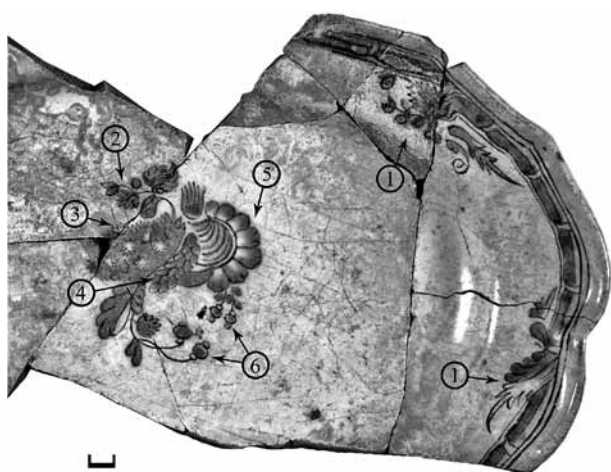

Рис. 7. Определение (примерное) растений в росписи блюда

1 – лист бодяка огородного; 2 – ветка боярышника;
3 – куртинка цветущего очитка едкого или печеночного
мха – маршанции; 4 – веточка очитка едкого; 5 – цветок
розы; 6 – бутоны соцветий герани луговой

предположительно состоящей из соцветий розы и астранции, веточки очитка едкого и боярышника, клумбы цветущего очитка едкого и бутонов соцветий герани луговой (рис. 7, 2–6).

Аналогичным поясом по борту и растительной композицией, но синим цветом, расписано блюдо завода А.К. Гребенщикова (рис. 8, 2) с рельефным клеймом «МФАГ» из собрания Государственного Эрмитажа (Салтыков, 1952. С. 45. Табл. II. Рис. 10).

Визуальное исследование тарелки и блюда указывает на их производство заводом Гребенщиковых. Они относятся к одному из видов керамики – майолике, которая выпускалась этим заводом и, по оценке А.Б. Салтыкова, характеризуется: 1) большими размерами; 2) желтовато-розовым цветом обожженной формовочной массы (черепка), что отмечается в изломе и на сколах; 3) ровным покрытием белой эмалью синеватого оттенка от слабого до среднего; 4) крупным цеком эмали в виде тонких трещинок на некоторых изделиях (Салтыков, 1952. С. 29). Все эти признаки, а также

аналогичные композиции и элементы декора характерны для рассмотренных посудных форм.

Производимая на заводе А.К. Гребенщикова майоликовая посуда по цене от 10 копеек до 1 рубля в середине XVIII в. в среде московского дворянства и купечества являлась недорогой и становилась повседневной. По ценам 1751 г. представленная тарелка могла стоить 12 копеек, а блюдо – 25 копеек (Салтыков, 1952. С. 23). Так, в 1749 г., по отчетным данным А.К. Гребенщикова, вся произведенная посуда – 14320 предметов, из которых 10000 тарелки, – была продана (Салтыков, 1952. С. 17, 18). А к 1751 г. объем производства посуды на заводе возрос в 2,3 раза и составил 32825 штук.

Датировать тарелку и блюдо позволяет залежавший вместе с фрагментами посуды монетный клад в виде спекшегося от огня кома, в котором находилось 90 монет 1731–1759 гг. мелкого номинала: от 1/4 («полушка») до 5 копеек. Состав клада:

- полушка (1/4 копейки) – 35 экз.;
- денга (1/2 копейки) – 38 экз.;
- 1 копейка – 1 экз.;
- 2 копейки – 13 экз.;
- 5 копеек – 3 экз.

Следует отметить, что сумма монет клада невелика – 69,75 копеек, и он мог принадлежать жителю этой части города, имевшему небольшой достаток. В 1750-е гг. для приемлемого существования необходимо было тратить в день 3 копейки. Столько получал за день, например, ткач на суконной фабрике. В Москве в это время на 1 копейку можно было купить один из видов продуктов питания: 615 г ржаной муки, 1,3 кг солонины, 60 г коровьего масла (Прохоров, 1984. С. 166). Таким образом, клад мог быть эквивалентным месячному прожиточному минимуму горожанина.

Уточнить принадлежность клада и вероятное время и обстоятельства его сокрытия можно, используя планы и переписные книги Москвы XVIII в. Планировка и расположение переулков района, где найден клад, не менялась, судя по сравнительному сопоставлению Плана Москвы 1739 г. архитектора И. Мичурина (рис. 8, А, 1), Плана Москвы 1767 г. Горихвостова (рис. 8, Б, 1), Плана Москвы 1789 г. И. Марченкова (рис. 8, В, 1), Плана Москвы 1812 г. (рис. 8, Г, 1) и других планов XIX–XX вв. Судя по Переписной книге Тверской части 1738–1742 гг., в районе между улицами Никитской и Тверской находились владения наиболее состоятельных жителей Москвы – преимущественно дворян и купцов. В то же время здесь жили и менее обеспеченные представители церковного причта («дьяконы, дьячки, просвирни, сторожа») церкви Николая Чудотвор-

ца «что в Гнездниках», церкви Воскресения Христова «что на Успенском вражке» и церкви Св. Пророка Елисея (рис. 8, 2, 3, 4). Но установить владельца участка, где был сокрыт клад, по Переписной книге Тверской части затруднительно в связи с указанием в ней дворов без привязки к переулкам (Переписные книги... 1881). Учитывая, что поблизости с местом находки клада находилась церковь Николая Чудотворца «что в Гнездниках» и преобладание в нем монет мелкого номинала (денга и полушка) – 73 экз. (81%), можно предположить, что клад был частью церковного кружечного сбора и принадлежал представителю причта, двор которого находился между современными Леонтьевским и Вознесенским переулками. Утрата клада владельцем могла произойти в связи с его внезапной смертью или в случае пожара, поэтому клад либо не был найден, либо его признали сгоревшим и не искали. В Москве, в Белом городе, в XVIII в., как и ранее, крупные и небольшие пожары были достаточно частым явлением. Как отмечалось в наказе жителей Москвы депутату Комиссии 1767 г., пожары происходили из-за большого количества и плотной застройки деревянными строениями, плохо сложенных печей и деревянных, а не черепичных крыш домов (История Москвы, 1953. С. 458).

Таким образом, найденные в траншее коммунаций в Вознесенском переулке у д. 22 фрагменты тарелки и блюда по ряду характерных технологических признаков изготовления и стилистических особенностей росписи следует атрибутировать как изделия завода Гребенниковых в Москве. Их датировка 1749–1759 гг. определяется снизу датой начала массового производства тарелок на заводе Гребенниковых, а сверху – датой младшей монеты из клада.

В декорировании тарелки и блюда, как показывает анализ растительных компонентов их росписи, художники на заводе Гребенниковых использовали различные виды луговых, полевых и культурных растений окружающей природы с определенной их стилизацией.

Майоликовая посуда с характерной синей росписью, производившаяся в России заводом Гребенниковых в 1749–1779 гг. и имеющая относительно узкую датировку, является маркером культурного слоя второй половины XVIII в. При этом следует учитывать, что она могла бытовать с момента изготовления довольно продолжительное время и попасть в культурный слой XIX в.

Тарелка и блюдо из Вознесенского переулка дополняют немногочисленный музейный комплекс известных изделий завода Гребенниковых.

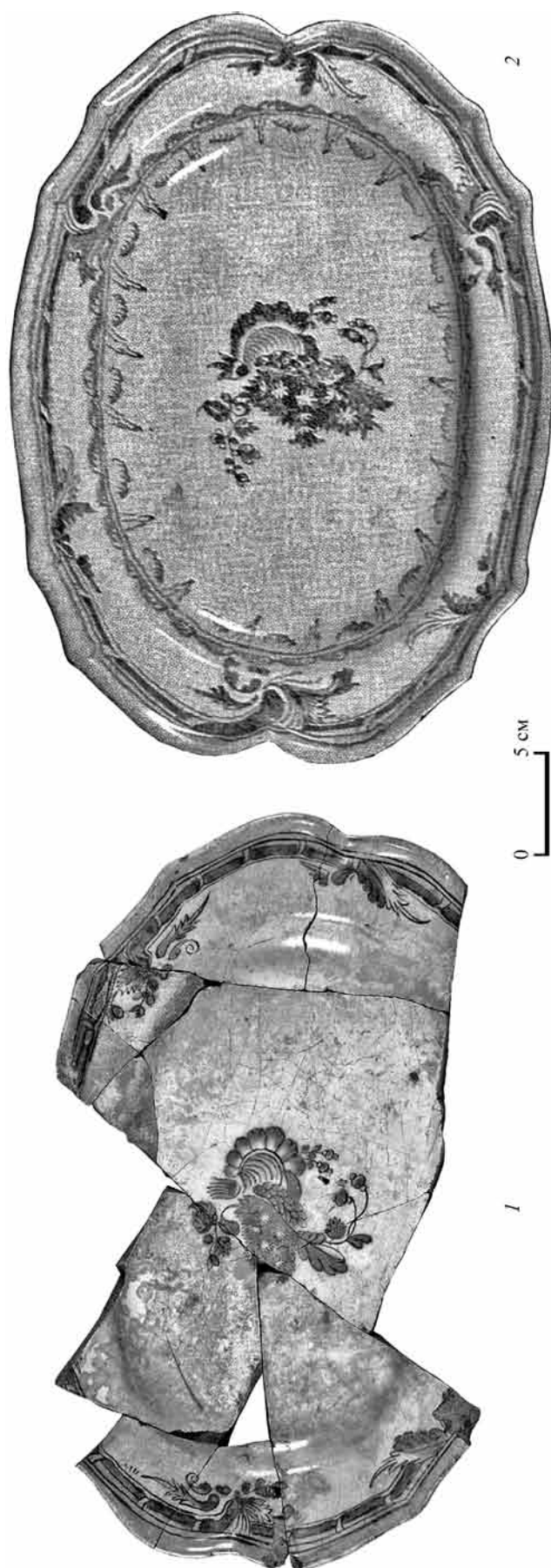

Рис. 8. Майоликовое блюдо из Вознесенского переуллка (1) и блюдо завода Гребенщиковых из собрания ГЭ (2)

Рис. 9. Участок Тверской ул. у Тверского бульвара на плане Москвы 1739 г. архитектора И. Мичурина (А), плане Москвы 1767 г. Горихвостова (Б), плане Москвы 1789 г. И. Марченкова (В), плане Москвы 1812 г. 1 – место находки фрагментов посуды и монетного клада в Вознесенском переулке; 2 – ц. Николая Чудотворца, «что в Гнездняках»; 3 – ц. Воскресения Христова, «что на Успенском вражке»; 4 – ц. Св. Пророка Елисея; 5 – ул. Тверская

Литература

Безбородов М. А., 1950. Д. И. Виноградов – создатель русского фарфора. М.–Л.: АН СССР. 511 с.

Вольф Н. В., 1906. Императорский фарфоровый завод. 1744–1904. СПб.: Р. Голике и А. Вильборг. 422 с.
История Москвы. Т. 2. М.: АН СССР, 1953. 743 с.

Лихачева Д. М., 1972. К истории зарождения частных фарфоровых фабрик в России // Тр. НИИ химической промышленности. Вып. 6. М.: НИИХП. 247 с.

Переписные книги города Москвы. Составлены в 1738–1742 гг., 1881. Т. 3. М.: Московская городская дума. 78 стб.

Полюлях А. А., 2014. Тарелки завода Гребенщиковых сервиза князей Грузинских из археологических раскопок на месте бывшего села Всехсвятское // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН..

Прохоров М. Ф., 1984. Отходничество крестьян в Москву в третьей четверти XVIII в. // Русский город. Вып. 7. М.: МГУ. С. 150–171.

Салтыков А. Б., 1952. Первый русский керамический завод. М.: ГИМ. 48 с.

V.A. Berkovich & A.A. Poliulakh

Crockery made at the Grebenshikov Works, from archaeological surveys at Voznesensky pereulok, Moscow, in 2016

Summary

The paper looks at fragments of a majolica plate and dish, whose characteristic features make attribution to

the Grebenshikov Works in Moscow possible, with a dating between 1760 and 1779.

Л. И. Федорова, В. А. Ткаченко, В. В. Федоров
Музей ремесла, архитектуры и быта, Калуга

Калужские керамические дудки в эволюционной системе свистковых музыкальных инструментов: особенности изготовления и хронология бытования

Происхождение глиняных дудок требует специального исследования, поскольку этот музыкальный инструмент, имеющий достаточно богатую историю на территории Центрального региона России, к настоящему времени фактически забыт и утерян для культуры. Согласно сведениям, имеющимся в словарях русского языка, глиняная дудка могла называться по-разному: свирель-сопелка, то есть дудка, на которой играют (*Даль*, 2001. С. 580), сопелка – дудка, свирель, то есть народный музыкальный инструмент в виде дудки из дерева или из трубчатых растений (*Ушаков*, 1940. С. 384, 92; 1935. С. 810); свирель – бытовое название народного инструмента, одностольной и двустольной флейты (*Ожегов*, 1989. С. 702). Согласно церковному словарю, свирели – это полые внутри, просверленные насквозь музыкальные инструменты (Полный церковно-славянский словарь, 1993. С. 577). Свистулька – дудочка для свиста. Свистеть – пропускать острый резкий звук через дудку (*Даль*, 2001. С. 580). Дудка – род музыкального инструмента – полая трубка с отверстиями (*Ожегов*, 1989. С. 185; 1953. С. 155). Дуда – народное музыкальное орудие у пастухов, ребят, нищих. Южное название – сопелка (*Даль*, 2001. С. 224). Видимо, от слова «дуть», скорее всего, произошли названия «дуда», «дудка», дудеть. Флейта – деревянный духовой музыкальный инструмент в виде прямой трубки с отверстиями и клапанами. (*Ушаков*, 1940. С. 101).

Базовая классификация музыкальных инструментов, предложенная в 1914 г. Эриком фон Хорнбостелем и Куртом Заксом и являющаяся общепринятой во всем мире, гласит: аэрофоны (духовые инструменты) производят звук путем колебаний (вибрации) воздуха и классифицируются по способу возникновения вибрации. Керамические дудки традиционно относят к флейтовым

аэрофонам, семейства трубчатых флейт. Свистковые флейты, называемые иногда свистульками, – разновидность продольных флейт, в которых воздух через простой мундштук направляется на острый край отверстия, вырезанного в трубке сразу под мундштуком. Игровые отверстия дают возможность получать разные по высоте звуки. Подобные игровые инструменты во все времена изготавливали из дерева и других растительных материалов. Известны дудки, сделанные из кости мелкой птицы, бытовавшие на территории Беларуси в первой половине II тысячелетия до н.э.: фрагмент одного инструмента длиной 50 мм с тремя игровыми отверстиями обнаружен археологом М. М. Чернявским в 1972 г. при раскопках стоянки на торфянике Осовец-2 возле д. Осовец Бешенковичского р-на Витебской обл. (*Чернявский*, 1972); часть другого инструмента, длиной 95 мм, с тремя отверстиями на одной стороне и еще одним отверстием на противоположной стороне, найден археологом Я. Г. Зверуго при раскопках древнего Волковыска (*Назина*, 1979. С. 70), он бытовал в XIII в. В 1994 г. при земляных работах на берегу р. Оки, при впадении в нее Городенского ручья, ниже по течению от Старокалужской пристани, калужским краеведом Игорем Леоновым был найден обломок музыкального инструмента длиной 106,5 мм, изготовленный из ребра животного. На его поверхности восемь круглых игровых отверстий разного диаметра: 5,5, 3,2, 3, 2,9, 3,7, 3 мм, которые объединяются в два комплекса, где игровые отверстия располагаются по мере убывания диаметров (рис. 1). В 1980–1990-е гг. при земляных работах на р. Оке разные лица находили обломки дудок из птичьих костей с круглыми отверстиями на боковой стороне, но изучить и сфотографировать их нам не удалось.

Рис. 1. Фрагмент музыкального инструмента из ребра животного. Калуга, берег р. Оки

Наиболее ранние письменные упоминания о духовых музыкальных инструментах восточных славян относятся к эпохе Киевской Руси. В литературных памятниках XI–XIII вв. часто встречаются названия «свирель», «сопель», «пищаль», «посвистели» (Галайская, 1974. С. 13), как, например: «... в бубны бьющем, в сопели сопущим» (Житие Федосия, XI в.), «или свирец, или гоудец, или смычек, или плясец». В XIV в. в русской литературе появляется обобщающее слово для всех музыкантов – «игрец» (Паисиевский сборник). Позднее, к XVI–XVII вв., мы снова встречаем в письменных источниках «струнников», «домрачеев», «сопельников», «гусельников», «домерщиков» и других. Это, видимо, было связано с возникновением разделения скоморохов на городских, бродячих, сельских. Для городских скоморохов-музыкантов в XVI–XVII вв. создаются благоприятные условия. Без народной музыки не обходятся свадьбы, крестины, другие праздники, что потребовало от музыкантов повышения мастерства. Лучшие из них, являясь представителями профессиональной музыкальной культуры, играли в богатых домах, что способствовало дальнейшему развитию музыкальной инструментальной культуры (Рытов, 2001. С. 11). Кроме того, часть из них занялась производственно-торговой деятельностью: в г. Коломне в 1578 г. струнник имел лавку в большом щетинном ряду; лавки в Новгороде имели два домрачея, один струнник, два веселых; в 1585 г. во Пскове лавкой владел Суббота Веселый, рожечник Артемка имел баню каменную; в 1627 г. в Вязьме Васька сопельник имел житницу, а в Москве в 1638 г. гусельник Любимка Иванов имел своего человека Левку (Петухов, 1961. С. 414, 415). Исходя из этого, можно предположить, что городские музыканты благодаря относительно высоким доходам могли себе позволить более дорогие и долговечные инструменты. Согласно предположению А. Н. Смирнова, керамические сопели в отличие от своих недолговечных деревянных «собратьев» более сложны в изготовлении,

требуют специальных навыков и развитых керамических технологий, что это ассортимент изделий, ориентируемый на городского потребителя (Смирнов, 2013. С. 219).

На территории города Калуги и Калужского края керамические музыкальные инструменты разделяются на две группы.

1. Дудки с раструбом.

2. Дудки без раструба, имеющие на противоположном от пищика конце устье: а) с открытым выходом воздуха; б) уменьшение отверстия, где выходит воздух.

Технологическая последовательность изготовления дудок с раструбом из Калуги, скорее всего, была следующая: глиняная масса предварительно раскатывалась в блин необходимой толщины, из него вырезался продолговатый прямоугольный лоскут, который обертывался вокруг цилиндрической круглой палочки – сердечника. Края вдоль сердечника соединялись, причем один край обертывался внахлест на другой заостренным краем. Шов трубочки разглаживался, она обжималась и снималась с основы: с одной стороны закрывался и обжимался пригубник, делался пищик, на другом конце устье оформлялось в виде раструба. Острым концом круглой палочки, обычно по сырой, слегка подсушенной глине, вращательным движением прокалывались игровые отверстия. Полученная дудка представляет собой полную трубку. В городе было найдено пять дудок с раструбом, удалось изучить и сфотографировать три из них (Ткаченко, Федорова, 2002. С. 47.) При земляных работах на ул. Разина, д. 126 были найдены две белоглиняные дудки-сопели с раструбом: одна целая длиной 104 мм, диаметром 20,3–20,5 мм при диаметре раструба 30–32 мм, усиленного снаружи валиком, с тремя игровыми отверстиями диаметром 5 мм. Фрагмент другой, длиной 75 мм и диаметром 25 мм, имел раструб диаметром 31 мм и три игровых отверстия. В 2005 г. на Берендяковке найден обломок третьей дудки длиной 95 мм (рис. 2). Все три экземпляра

Рис. 2. Керамические трубки с раструбом из Калуги (см. цв. вкл.)

а, б – керамическая дудка с раструбом и фр-т (ул. Степана Разина, д. 126);
в – фр-т керамической дудки с раструбом (ул. Берендяковская)

имели слегка загнутый вверх пригубник, три игровых отверстия, расположенные в ряд, диаметром 5 мм, на противоположной от пищика стороне, сдвинутые к устью раструба. Пищик расположен снизу, его отверстие прокалывалось круглой палочкой. Диаметр поперечного сечения дудок – от 20,3 до 25 мм, диаметр внутреннего канала 10–13 мм. Расстояние от края пригубника до первого отверстия у двух дудок 38–40 мм, у третьей – 50 мм, третье отверстие почти упирается в наружную поверхность раструба. Дудки кольцеобразно расписаны красным ангобом.

Всего удалось зафиксировать семь дудок с раструбом: пять в Калуге и две в окрестностях. Одна найдена около городища у с. Подборки Козельского р-на, другая в с. Недельное Малоярославского р-на (рис. 3). На дудке из с. Подборки между вторым и третьим отверстиями, с левой стороны, процарапано граффито, расшифровать которое пока не удалось. У всех изученных дудок с раструбом, бытовавших в Калужском крае:

1) слегка загнут вверх пригубник;

2) три игровых отверстия диаметром 5 мм на противоположной от пищика стороне сдвинуты к устью раструба;

3) отверстия прокалывались по сырой глине круглой палочкой, в том числе и отверстие пищика;

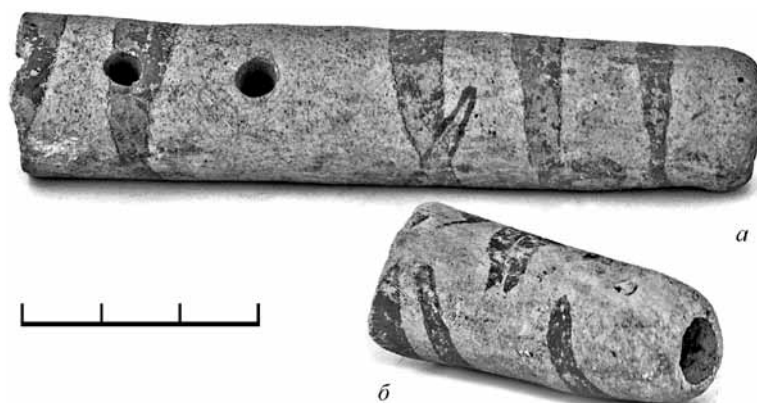
4) длина дудок в пределах 104–110 мм, одна из них имеет длину 74 мм;

5) роспись кольцами цветным ангобом.

В Калуге изучено два обломка устьевой части палочковидных дудок без раструба, которые имеют устье с уменьшением выходного отверстия: одна находка была по ул. Степана Разина, 126 осенью 2000 г., другая в 2006 г. при земляных работах по ул. Воробьевской (рис. 4). Длина фрагмента одной дудки – 95 мм, с тремя игровыми отверстиями диаметром 4,5 мм в ряд, сдвинутыми от края устья на 62 мм. Наружный диаметр двух дудок одинаков – 21 мм, внутренний – 11 мм (и 8 мм у устья). Обе дудки изготовлены из светложгущихся глин. Предположительно технология изготовления их такая же, как у раструбных дудок, но края вдоль сердечника соединялись впритык друг к другу.

Рис. 3. Керамические трубки с раструбом с территории Калужской обл.
а – керамическая дудка с раструбом (с. Подборки, Козельский р-н);
б – фр-т керамической дудки с раструбом (с. Недельное, Малоярославецкий р-н)

Рис. 4. Фрагменты палочковидных керамических дудок без раструба, с уменьшением отверстия для выхода воздуха, из Калуги
а – ул. Степана Разина, д. 126; *б* – ул. Воробьевская

Роспись красно-коричневым ангобом группируется по три кольца с разрывами между группами у одной дудки и спиралью у другой. Находки предположительно датируются рубежом позднего Средневековья и Нового времени.

В г. Козельске Калужской обл. при земляных работах в районе хлебозавода найдена дудка-сопель длиной около 100 мм, без раструба, с тремя игровыми отверстиями. Обломок дудки из д. Голчань Перемышльского р-на и два фрагмента из Мосальска Калужской обл. были изготовлены из куса светложгущейся глины, который протыкался насквозь круглым конусовидным сердечником со стороны устья дудки (рис. 5). Длина фрагментов дудок со стороны пищика – 80–85 и 65 мм; диаметр поперечного сечения на сломе – 23 и 18 мм; диаметр

канала – 12,8 и 8 мм. Сохранившиеся игровые отверстия расположены на одной стороне с отверстием пищика, выполненного плоской стороной палочки. На одной из дудок видна полустертая роспись кольцами. Длина третьего обломка безраструбной дудки составляет 86–91 мм (рис. 6). Технология изготовления такая же, как и у двух предыдущих. Расстояние между краем устья и сохранившимися тремя игровыми отверстиями – 47 мм. Мы можем предположить, что эти дудки могли принадлежать поводырям медведей. В третьем выпуске трудов Калужской Ученой Архивной Комиссии за 1894 г. содержатся сведения о проживании в 1630–1631 гг. в Рошинском стане, в вотчине боярина князя Б. М. Лыкова в д. Позднякова, четырех скоморохов; в с. Рошино проживали два скомороха

Рис. 5 Фрагменты керамических дудок без раструба с территории Калужской обл.

а – д. Голчань, Перемышльский р-н; *б* – г. Мосальск

и два медведчика. Обычно медведи поздней осенью залегают в спячку, поэтому крайне необходимо было иметь постоянное место, где бы медведи могли спокойно проспать всю зиму. Интересен тот факт, что к XVII в. меняются центры дрессировки медведей и перемещаются из Великого Новгорода в нижегородские земли и в земли будущей Виленской губернии. Медведей в них дрессируют ходить на задних лапах. На территории Калужского края обычно медведчики водили медведей, дрессированных в нижегородских землях, а из Вильно дрессированные медведи поставлялись в Западную Европу. Прекратился древний промысел вождения медведя к 70-м годам XIX в. по правительственному распоряжению, по ходатайству Общества покровительства животных. Принадлежность глиняных дудок музыкантам-игрецам или медведчикам на данный момент требует дальнейшего изучения.

Всего на территории Калужского края зафиксировано 13 дудок-сопелей, бытовавших в период с рубежа XVI–XVII в. до начала XIX в., из них 7 штук с раструбом и предположительно 6 штук без раструба. Все дудки изготовлены из светложгущихся глин, прошли полный окислительный обжиг, на большинстве имеется роспись красно-коричневыми полосками-кольцами. Большинство изделий найдено в населенных пунктах, расположенных в непосредственной близости от р. Оки и ее притоков.

Палочковидные безраструбные дудки-сопели известны среди находок в Москве: на Васильевском спуске (Владимирская, 1947. С. 158, 162) и в Александровском саду. Найденная во время охранных археологических работ на Арбате

в слое второй половины XVII в. керамическая дудка-сопель состоит из двух крупных обломков, что позволяет реконструировать ее. (Векслер, 1995. Табл. 10. Илл. 82, 9.) Дудка без раструба, с внешним отверстием открытого типа, но внутренний канал слегка сужается к устью, как и у устьевой фрагмента тверской дудки с тремя звуковыми отверстиями, найденного на территории бывшего Затьмацкого Посада г. Твери (Сафарова, Хухарев, 2010. С. 266, 267). Как уже упоминалось выше, на территории подмосковной усадьбы «Вязёмы» была обнаружена уникальная скоморошья свирель, несущая на поверхности изображение скомороха с дрессированным медведем (Смирнов, 2013. С. 217, 218, 220). В левой руке скомороха – цилиндрическая дудка, длину которой можно вычислить приблизительно по ширине ладони человека. По позе медведя можно предположить, что он прошел новгородскую школу дрессировки (Ткаченко, Федорова, 1998. С. 347; Ткаченко, Федорова, Федоров, 2012. С. 97, 98), поэтому и керамический инструмент мог относиться к северному типу, не имеющему узкого пригубника калужского

Рис. 6. Фрагмент устьевой части керамической дудки без раструба, с открытым выходом воздуха. Мосальск, Калужская обл.

Рис. 7. Керамические дудки с раструбом с территории Калужской обл.
 а – д. Латыши, Куйбышевский р-н, 1883 г.; б – д. Латыши, Куйбышевский р-н, 1885 г.;
 в – д. Латыши, Куйбышевский р-н, кон. XIX в.

типа и повторяющего форму деревянной новгородской дудки (Колчин, Янин, Ямщиков, 1985. С. 26, 27). Ведь именно Северное Поволжье в течение долгого времени поставляло потомственным вожакам для ученых медведей, хотя сведения о новгородских поводырях в XVIII и XIX вв. очень редки (Некрылова, 1984. С. 36).

Помимо обломков дудок, найденных при археологических исследованиях культурного слоя Москвы (Розенфельдт, 1968. С. 39; Калызин, 1998. С. 119) и Твери (Сафарова, Хухарев, 2010. С. 266, 267), имеются сведения о подобных находках в Гжели (Полюях, 2016. С. 483), Нижнем Новгороде (Иванова, 2000. С. 89, 9.), Коломне (Черкасов, 2004. С. 318), Ярославле (Спиридонова, 2010. С. 103). О бытовании керамических палочковидных безраструбных дудок на станции Сычевка Вяземского уезда Смоленской губернии в начале XX в. дает сведения в своей книге Г. Л. Дайн (1987. С. 165).

2014 г. преподнес сюрприз: в д. Латыши Куйбышевского р-на Калужской обл. в подвале старого нежилого дома было обнаружено сразу 17 керамических дудок. Сюрприз состоял в том, что три из них были с нанесенными на дудки датами: 1883,

1885 и 1875 гг. 14 экземпляров дудок удалось описать и сфотографировать, среди них датированные 1883 и 1885 гг. (рис. 7). Это толстостенные дудки диаметром поперечного сечения от 27 до 31 мм, с раструбом, кроме одной безраструбной. Длина их колеблется от 120 до 185 мм, имеются два игровых отверстия, расположенных почти по центру, расстояние между которыми от 16 до 29 мм, их диаметр от 5,0 до 6,8 мм, у двух дудок игровые отверстия ромбические: 6,5×5,0 и 7,0×5,0 мм. Пищик, проколотый плоским концом палочки, и игровые отверстия, кроме двух случаев, расположены на диаметрально противоположных сторонах. Все дудки изготовлены из светложгущейся глины по вышеописанной технологии с раструбом внахлест, с внешней стороны раструб и часть тулова небрежно покрыты желто-оливковой поливой.

Необходимо отметить невысокую сохранность найденных экземпляров керамических дудок, что существенно затрудняет их исследование, несмотря на обширную географию их распространения. Поэтому находки целых экземпляров в Калужском крае позволили изучить технологические особенности изготовления глиняных дудок и накопить целый ряд актуальных наблюдений.

Повышенная частота находок в Калуге позволяет с некоторой долей осторожности говорить и о большом распространении «скоморошья забавы» в Калужском крае.

Выявленная технологическая схема изготовления калужских дудок позволяет говорить об устойчивости приемов их изготовления со времен Средневековья вплоть до Нового времени.

Дудки являются не только источником музыкальной культуры и ремесла, но и эпиграфическим и иконографическим источником.

Изученные технологии изготовления данных изделий в настоящее время используются мастерами народного художественного промысла глиняной игрушки г. Калуги.

Литература

- Векслер А. Г., 1995. Отчет об охранных археологических работах в 1995 году. Исследования в историческом центре Москвы. Охранные археологические работы по адресу: Арбат, 1/7. Т. 2. Кн. 3 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19619.
- Владимирская Н. С., 1987. Художественная керамика XVIII века из Алевизова рва на Красной площади // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. V. М.: Искусство. С. 151–163.
- Галайская Р. Б., 1974. Музыкальные инструменты русского народа в исторических памятниках. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Л.
- Дайн Г. Л., 1981. Русская игрушка. М.: Легкая и пищевая промышленность. 165 с.
- Даль В. И., 2001. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо-Пресс. 786 с.
- Иванова И. В., 2000. Нижегородская игрушка. По материалам археологических раскопок 1999 г. в Крутом переулке // Ежегодник Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 87–93.
- Калызин А. М., 1998. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // РА. № 2. С. 113–122.
- Колчин Б., Янин В., Ямицков С., 1985. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.: Искусство, 1985. 168 с.
- Назина И. Д., 1979. Белорусские народные музыкальные инструменты. Самозвучающие, ударные, духовые. Минск: Наука и техника. 144 с.
- Некрылова А. Ф., 1984. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XIX века. Л.: Искусство. 126 с.
- Ожегов С. И., 1953. Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 732 с.
- Ожегов С. И., 1989. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 924 с.
- Петухов В. И., 1961. Сведения о скоморохах в писцовых, переписных и таможенных книгах XVI–XVII веков // Тр. Московского государственного историко-архивного института. Т. 16. М. С. 109–119.
- Полный церковно-славянский словарь. М.: Московский Патриархат, 1993. 1126 с.
- Полюлях А. А., 2016. Археологические исследования в селе Гжель: характер и особенности культурного слоя и состава керамического комплекса. Белоглиняные горшки // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 483.
- Рытов Д. А., 2001. Традиции народной культуры в музыкальном воспитании детей. Русские народные инструменты. М.: Гуманитарный издательский центр. 384 с.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: АН СССР. 99 с. (САИ. Вып. Е 1–39).
- Сафарова И. А., Хухарев В. В., 2010. Керамические дудки-сопели из археологических раскопок в Твери // ТТЗ. Вып. 6. Тверь: Старый город. С. 258–266.
- Смирнов А. Н., 2013. Скоморошья свирель из раскопок дворца Годунова в Вяземах // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 216–225.
- Спирidonova С. В., 2010. Керамические игрушки из раскопок 2007–2008 гг. в Ярославле // Археология – история и перспективы. Четвертая межрегион. конф. Рыбинск. С. 92–104.
- Ткаченко В. А., Федорова Л. И., 2002. Керамическая сопель XVII в. Краеведение в сфере культуры и искусства. Сб. материалов 4-й науч.-практ. конф. Калуга. С. 47.
- Ткаченко В. А., Федорова Л. И., 1998. Глиняные игрушки XVI–XVII веков из калужских находок // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М. С. 345–348.
- Ткаченко В. А., Федорова Л. И., Федоров В. В., 2012. Медвежий культ и калужская игрушка // Материалы IV и V науч.-практ. конф. по проблемам сохранения и развития фольклора «Калужская старина». Калуга. С. 93–116.

Ушаков Д. Н. (ред.), 1935. Толковый словарь русского языка. Т. 1. М.: Советская энциклопедия. 1562 стб.

Ушаков Д. Н. (ред.), 1940. Толковый словарь русского языка. Т. 4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 2766 с.

Черкасов В. В., 2004. Коломенская глиняная игрушка XV–XIX веков // Археология Подмосковья: Матер. научн. семинара. М.: ИА РАН. С. 309–320.

Чернявский М. М., 1972. Отчет об археологических исследованиях в 1972 г. / Архив сектора археологии Института истории АН БССР. Д. 410.

L. I. Fyodorova, V. A. Tkachenko & V. V. Fyodorov

Kaluga ceramic whistles and the evolution of a system of fipple-type (whistle) musical instruments: details of their manufacture, and a chronology of their use

Summary

This article describes ceramic whistles made in the 19th and 20th centuries, discovered by chance in the

town of Kaluga (Central Russia) and its environs.

А. С. Сыроватко*, А. А. Гольева**

* Коломенский археологический центр, Коломна (Московская обл.);

** Институт географии РАН, Москва

О следах древней распашки на Щуровском могильнике¹

Публикация посвящена сюжету, который к основному предмету исследования не имеет прямого отношения. Долгие годы коллективу, исследующему Щурово, все выходящее за время бытования селищ и могильников казалось малоинтересным. Однако после того как были начаты работы по реконструкции палеоландшафта, стало понятно, что нынешний облик памятника будет непонятным без объяснения «постщуровских» событий, таких, например, как образование аллювиального слоя или разрушение холма с курганным могильником (Сыроватко и др., 2016).

Следы распашки были обнаружены на раскопе 8, разбитом в центре пойменного участка (рис. 1), и исследовавшегося в течение двух лет (подробнее о топографии см.: Сыроватко и др., 2016. С. 54). Этот участок памятника имеет выраженный уклон с востока на запад, в сторону старичного русла р. Оки. Общая площадь раскопа составила 254 кв. м, но, к нашему удивлению, несмотря на встречавшиеся отдельные кальцинированные кости и даже небольшие скопления (рис. 5), редкие находки, характерные для грунтовых щуровских кремаций, погребений на нем не было. Не прослежено было и позднедьяковских объектов, хотя мощность слоя порой превышала 40 см, а керамика этого времени в раскопе встречена в изобилии.

Первоначально следы, интерпретированные как следы распашки, были обнаружены на участке 2 раскопа 82016 г. Зачистка была выполнена после того, как снят аллювиальный балласт и пройден слой темно-серого песка, который ранее трактовался нами как слой грунтового могильника с кремациями (рис. 2–3). Именно после снятия этого слоя проступили едва уловимые

полосы, ориентированные по линии юг – север, параллельные друг другу и перпендикулярно склону площадки (рис. 2, показаны зеленым цветом). Каждая из полос по ширине была примерно 5 см, интервал между полосами колебался в пределах 20–30 см. Полосы были едва заметны, читались при определенном освещении (рис. 3, где их можно разглядеть лучше, чем мы смогли увидеть непосредственно на раскопе и отразили на чертеже – рис. 2). Поскольку уклон материка и погребенной аллювием почвы сильнее, чем у современной дневной поверхности, первоначально эти полосы были прослежены только в восточной части раскопа, однако по мере понижения слоя их удалось проследить на всем раскопе. Попытка исследовать их разрезом ничего не дала – они не читаются, а при горизонтальной зачистке счищаются примерно за 2–3 см. Иными словами, то, что их удалось зафиксировать в слое рыхлого песка, является сочетанием аккуратной работы с обычным везением.

По мере понижения слоя в западной половине раскопа был выявлен еще один горизонт распашки, при этом внешне похожие полосы (интервал между ними составлял около 25 см, а ширина самих полос – 3–5 см) были ориентированы по линии запад – восток, то есть вдоль склона (рис. 2, показаны синим; рис. 4). Стратиграфически они располагались, вероятнее всего, ниже поперечных полос, описанных выше, и задевали надматериковый песок, хотя на некоторых участках в центре раскопа обе группы полос смотрелись как взаимопересекающиеся.

Хотя следы распашки и были наиболее заметны в плане, а не в профиле, стратиграфия

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00326 «Заселение левобережья Оки в «Темные века» (VIII–X вв.) в контексте динамики ландшафтов речной долины в позднем голоцене».

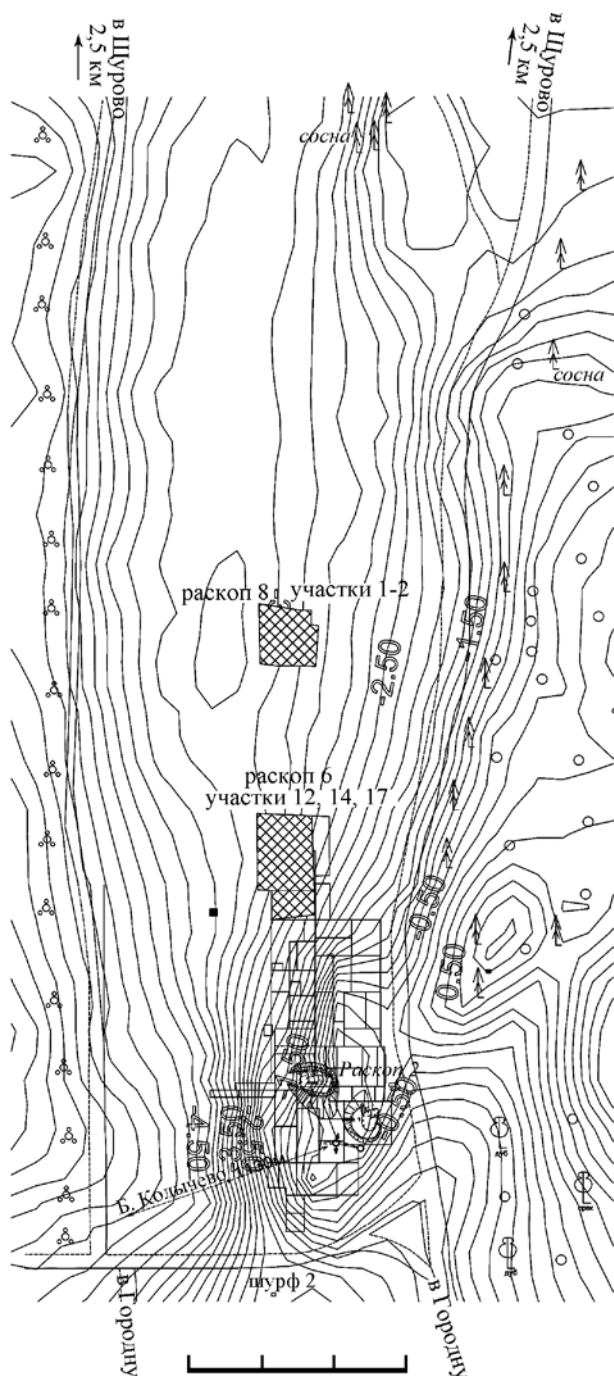

Рис. 1. Сводный план раскопов Щурово. Штриховкой показаны участки с достоверно зафиксированной распашкой

раскопа оказалась весьма информативной, особенно на взгляд почвоведа.

В качестве базового стратиграфического участка был выбран южный борт раскопа. Под аллювиальным слоем залегал слой черно-коричневого

песка, у самого восточного окончания профиля залегающий прямо на материке (горизонт поздней, «продольной» пашни). В этом слое читались вкрапления угля, а в центральной части профиля были хорошо заметны прослойки угля, «кострища», отделяющие этот слой от вышележащего оглеенного горизонта аллювия (рис. 6). В центральной и западной частях профиля под этим слоем прослежен еще один горизонт – темно-коричневого песка, причем там, где его мощность наибольшая (до 25 см), в западной части, он распадался на два подгоризонта (рис. 7), обнаруживая тем самым сходство со всеми надматериковыми прослойками раскопов «нижней площадки»: низ этого слоя оставался более темным, верх – несколько более светлым. Такая структура наиболее характерна для горизонтов пашни со следами агродеформации (сползания слоя вниз, по направлению «поперечной» распашки).

Какие выводы позволяет сделать анализ стратиграфии? Распашка вдоль южного борта или по склону была самой первой. В профиле западной части южного борта эта распашка видна в виде линейной нижней границы серого пахотного горизонта. Пахотный горизонт имеет равномерную окраску, однороден по цвету. Это свидетельствует о длительном агрогенном периоде. Период между поселенческой активностью, могильниками, с одной стороны, и первой распашкой – с другой, оценить невозможно, поскольку распашка уничтожила основную часть культурного слоя и возможную почву на нем. В то же время нижняя граница пахотного горизонта местами нарушена корнями трав (рис. 6; 7), что указывает на длительный период залежи (запустения) после забрасывания пашни – на участке сформировалась луговая почва. Время запустения пашни на настоящем этапе исследования мы также не можем определить², как и ее причины (агроэрозия? политические события?).

Продолжительная распашка вдоль склона, учитывая легкий гранулометрический состав грунта на всей территории, вызвала сильную агрогенную эрозию – снос материала пашни с высоких позиций рельефа в низкие, заполняя их, и выравнивание общей поверхности. Эти процессы способствовали увеличению мощности пахотного горизонта в западной части раскопа при полном уничтожении их в восточной. Заметим, что распашка вдоль склона – не очень удачный прием и либо осуществлялась не очень опытным земледельцем,

² Только общая логика подсказывает, что прекращение раннего этапа распашки можно связать с монгольским временем.

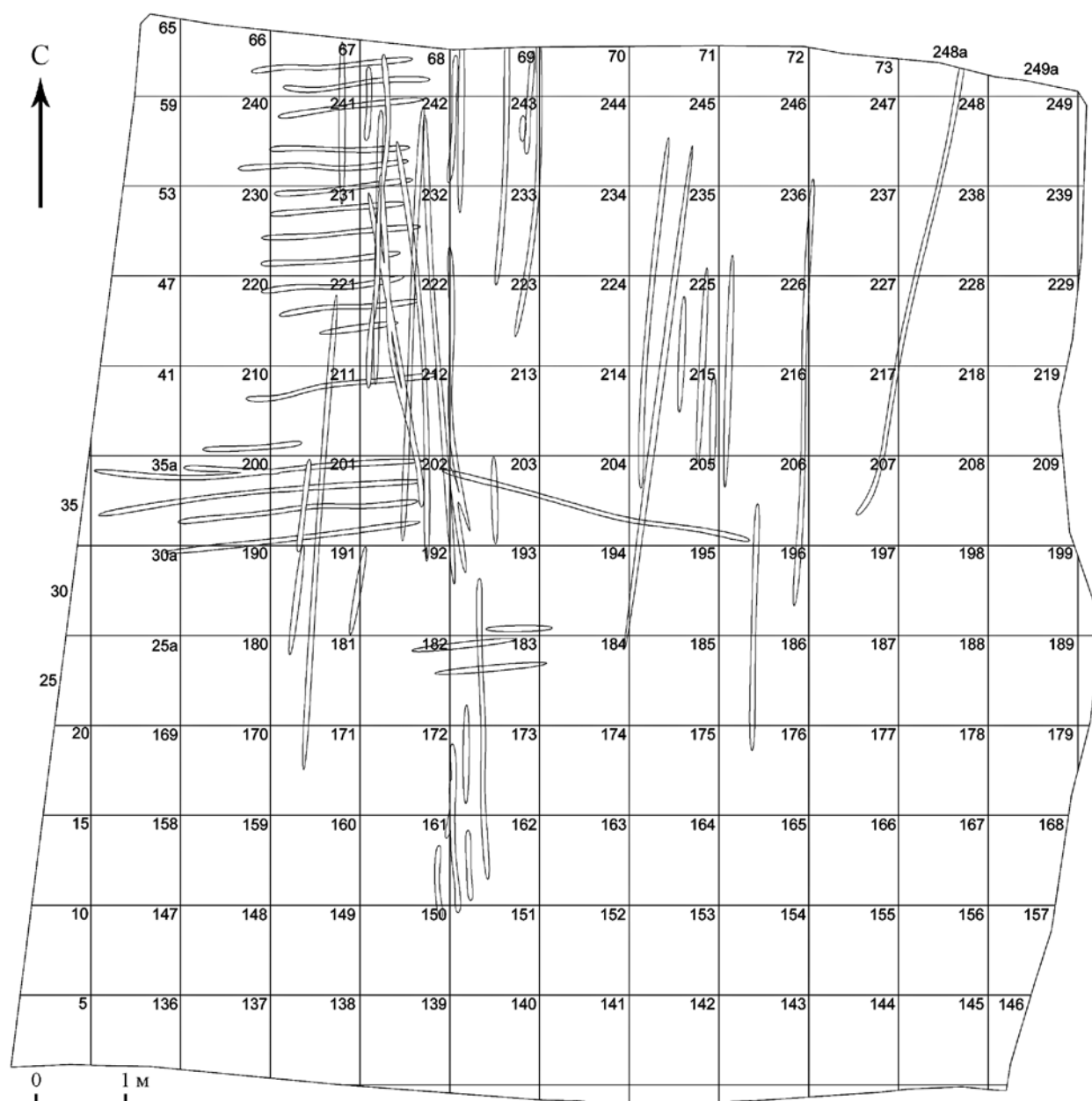

Рис. 2. Сводный план уч. 2 р. 8 2016 г. со следами распашки. Зеленым цветом отмечена стратиграфически верхняя группа (поперек склона), синим – нижняя (вдоль склона)

либо существовали какие-то обстоятельства (высокая влажность, требовавшая дренирования; слабосильный тягловый скот, который легче было пустить сверху вниз по склону), которые заставили поступить именно так.

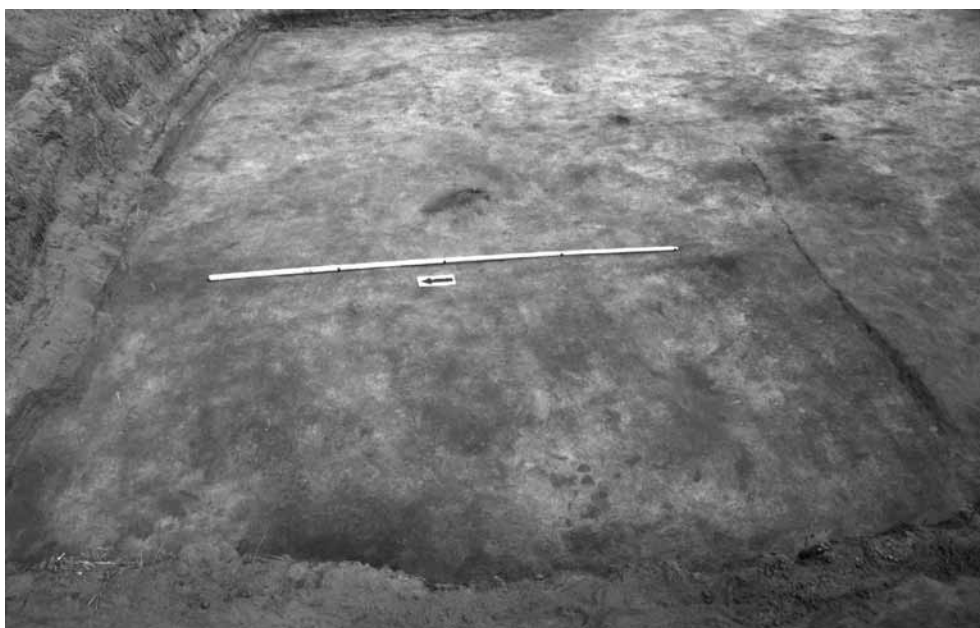
Именно эта распашка повредила более ранний культурный слой и погребения-кремации, поскольку в толще пахотного горизонта находятся мелкие обломки керамики позднедьяковского времени, разрозненные кости. Ранее мы публиковали одно из погребений на краю поля, у подножия холма в виде «облака» кальцинированных костей, шлейф

которых простирался вниз по склону от «ядра» погребения (Сыроватко и др., 2015а. Рис. 6–8). Вероятно, форма этого скопления костей сформировалась именно под воздействием распашки, причем направление этой распашки именно сверху вниз по склону, а не наоборот. Остатки культурного слоя фрагментарно сохранились под пашней. Под культурным слоем видна нижняя часть подзола – исходной почвы, типичной для песчаных субстратов в нашей природной зоне.

Спустя длительное время после забрасывания пашни (сотни лет) территория вновь распахивает-

Рис. 3. Общий вид с севера на уч. 2 р. 8 после снятия основного слоя. Все следы распахки ориентированы по линии север – юг (поперечные, стратиграфически поздние)

Рис. 4. Следы распахки в северо-западной части раскопа, вид с запада. Большинство полос ориентировано по линии восток – запад, вниз по склону (продольные, стратиграфически ранние). Возле рейки заметны остатки поперечных полос, задевающих предматерик

ся. Следы этой распахки отлично видны на горизонтальной расчистке в восточной части раскопа, поскольку здесь пахали по песку, обнажившемуся вследствие древней агрогенной эрозии, и не прослеживаются в западной, где распахивался уже сформировавшийся пахотный горизонт. На вертикальной стенке раскопа поздняя распахка видна по фестончатому рисунку нижней границы пахотного горизонта. Эта граница прослеживается по всей стенке раскопа, то есть распахивалась вся площадь участка 2 раскопа 8.

Следует отметить, что верхний пахотный горизонт неоднороден, он содержит много комочков другого цвета. Это указывает на малое по длительности время распахки (первые годы).

Верхний пахотный горизонт перекрывается аллювиальными наносами. Между аллювием и верхней частью пашни каких-либо признаков дернины нет. Пахотный горизонт не несет следов забрасывания и формирования луговой дернины. Это значит, что аллювий лег прямо на пашню без каких-либо временных интервалов, а произошло

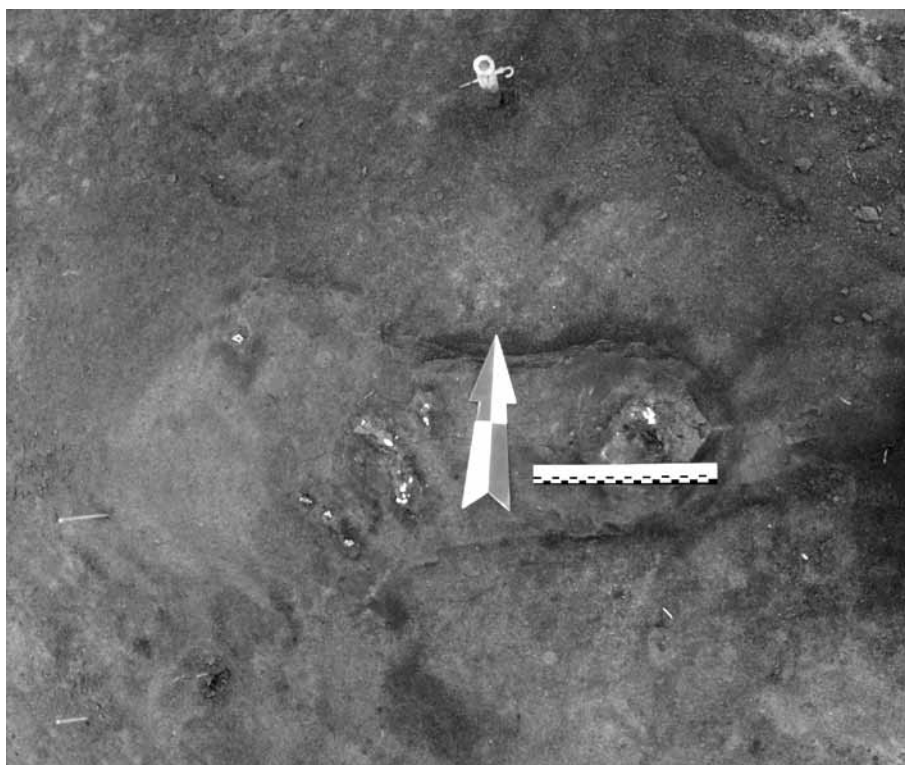

Рис. 5. Небольшое скопление кальцинированных костей – все, что осталось от погребения на распаханном участке

Рис. 6. Культурный слой под аллювием в центральной части южной стенки р. 8 2016 г. Хорошо заметна углистая прослойка кострища (?) под аллювием

это в начале XVII столетия (*Сыроватко и др.*, 2017). Однако граница аллювия и распаханного культурного слоя маркируется кострищами и многочисленными костями животных (причем на протяжении сотен метров), из чего следует, что перерыв между распашкой и началом наводнений все же был, хотя

и небольшой, и ему предшествовала какая-то активность человека. Вероятнее всего, именно начавшиеся регулярные высокие паводки заставили людей прекратить осваивать участок вплоть до советского времени. В то же время нельзя исключать, что могла быть еще одна причина – события Смутного

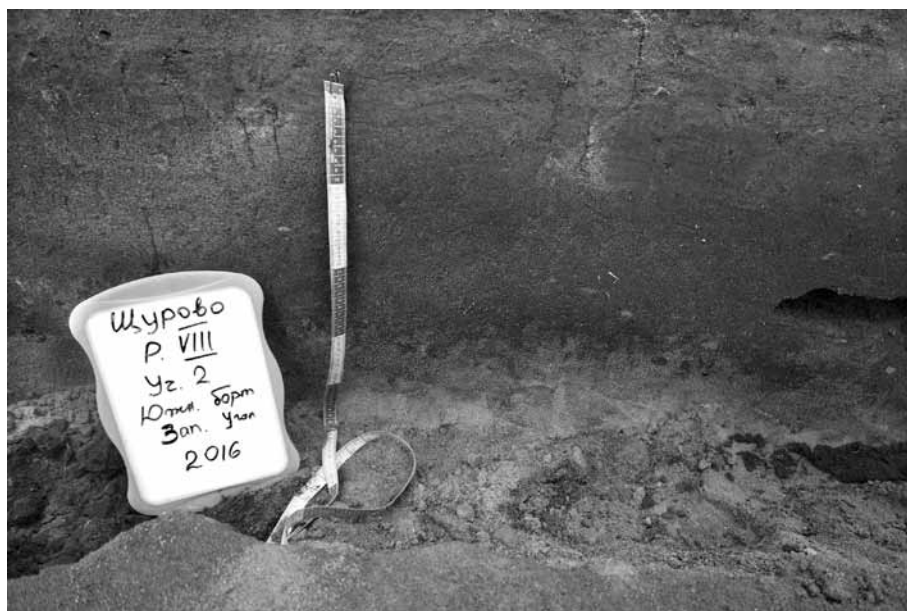

Рис. 7. Культурный слой под аллювием в западной части южной стенки р. 8 2016 г. В погребенном аллювием слое заметна более светлая прослойка, разделяющая пашню на подгоризонты. В правой части снимка – следы отбора палинологических образцов (см. цв. вкл.)

времени, которые привели бы лишь к временному перерыву, если бы паводки не начались³.

Авторы не уверены, что на наших материалах можно рассуждать о том, какое орудие использовалось для обоих периодов распашки. На наш взгляд, такие следы – узкие полосы с интервалом, превращавшие поле в ряды «грядок», не похожи на привычные плужные борозды. То, что эти следы не всегда параллельны, подсказывает, что таким инструментом могло быть рало (однозубая соха).

Какие выводы можно сделать из выявленной распашки?

1. Открытая распашка объясняет многие из тех особенностей культурного слоя, которые еще недавно казались весьма странными: насыщенность керамическим материалом при его высокой измельченности; большое количество фрагментов керамики, располагавшихся в слое вертикально, на ребре; высокая мощность слоя и при этом его гомогенная структура, почти лишенная антропогенных объектов; явное повышение мощности слоя вниз по склону, ко дну древней склоновой выемки. Все это оказалось результатом распашки и спровоцированной ею агроэрозии.

2. Открытие распашки не отменяет совсем сделанной нами ранее реконструкции первоначальной

формы грунтовых кремаций (Сыроватко и др., 2015а. Рис. 9; 10), но, возможно, заставляет ее несколько подкорректировать: ямки могли первоначально скрывать скопление костей целиком, хотя и на минимальной глубине.

3. Наблюдения за границей аллювиального слоя и пашни дают основание предположить, что паводковые наводнения стали перекрывать распаханную поверхность, что дает основание датировать поперечную распашку концом XVI – началом XVII в. В то же время очевидно и то, что непосредственно перед паводками «малого ледникового периода» в пойме часто горели костры, а поле (на протяжении не менее 500 м) было усеяно костями крупных копытных.

4. Именно шуровские материалы демонстрируют отсутствие корреляции между паводковым периодом и интенсивностью распашки. Очевидно, что паводки наступили позднее, и интенсификация земледелия не является причиной весенних половодий, по крайней мере в данном конкретном случае⁴. Отметим еще одну деталь: наиболее сильные наводнения, судя по стратиграфии шуровского аллювия, приходится вторую половину XVII – первую половину XVIII в. (Сыроватко и др., 2017), после чего стабилизируются хотя рост населения

³ Монетные находки из аллювиального слоя указывают на время Михаила Федоровича (Сыроватко и др., 2017).

⁴ Более того, шуровский пример демонстрирует, что паводки начинаются либо в финале Смуты, либо сразу после нее, когда разорения гражданской войны и отток населения были максимальными, – это еще один аргумент в пользу отсутствия такой корреляции.

в послепетровское время должен был увеличить обрабатываемые площади и, тем самым, усилить паводки.

5. Остается необъяснимым следующее обстоятельство: разрозненные кости, небольшие их скопления и особенно находки «погребального» набора однозначно указывают, что погребения грунтовой части могильника располагались и на месте раскопа 8. Логично предположить, что погребения северной части могильника переработаны пашней, однако в таком случае остается непонятным, почему уцелели, причем в сравнительно полном виде, погребения участков 10–14 раскопа 6 (некоторые из них опубликованы – Сыроватко, и др., 2015а,

2015б). В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что они повреждены только ранней продольной распашкой, причем у подножья холма она была менее интенсивной или эпизодической (а на участках 19–23 раскопа VI, непосредственно примыкавших к участкам 10–14 и исследованных в 2017 г., ее не выявлено совсем; на рис. 1 раскопы с достоверно зафиксированной пашней показаны штриховкой). Более поздняя поперечная распашка, добившая погребения в центре «нижней площадки», либо не проводилась у подножья холма, либо погребения оказались прикрыты слоем, сформировавшимся над ними в результате агроэрозии.

Литература

Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., Свиркина Н. Г., Трошина А. А., 2015а. Грунтовые кремации Щурово: к вопросу о первоначальной форме погребений // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 147–154.

Сыроватко А. С., Трошина А. А., Свиркина Н. Г., Клещенко Е. А., 2015б. Погребения из раскопов Щуровского могильника 2014 года // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья. Сб. матер. VII и VIII региональной науч.-прак. конф. Ступино: Ступинский историко-художественный музей. С. 119–131.

Сыроватко А. С. Панин А. В., Трошина А. А., Семеняк Н. С., 2016. Роль палеотопографии и ландшафтно-климатических изменений в формировании Щуровского археологического комплекса // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 53–63.

Сыроватко А. С., Панин А. В., Зарецкая Н. Е., 2017. Роль изменений водного режима р. Оки в формировании Щуровского археологического комплекса в последнем тысячелетии // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. М. – Смоленск: Свисток. С. 40–50.

A. S. Syrovatko & A. A. Golieva

Signs of ancient ploughing at the Shurovsky Graveyard

Summary

This article covers observations of the stratigraphy and signs of ploughing in the period before the Mongolian occupaton (prior to the 1230s) and in the 16th (?) century in the floodplain of the Schurovsky

Graveyard. The authors draw the conclusion that there was no correlation between the intensification of agriculture over the mid- and latter 17th century and flooding which began in the first quarter of the 18th century.

Н. Н. Каширская, А. В. Борисов
ИФХиБПП РАН, Москва

Фосфотазная активность как инструмент для реконструкции источников поступления фосфора в культурный слой¹

Введение

Естественнонаучные исследования в археологии играют важную роль в процессе формирования новых археологических источников на основании всестороннего комплексного исследования культурных слоев археологических памятников. В связи с этим оценка содержания валового фосфора относится к числу наиболее информативных и достоверных методов, используемых в археологической практике. Использование фосфора в археологии началось с 30-х годов XX в., с первых работ Аррениуса и Лорха, отметивших увеличение содержания фосфора в почвах на местах древних поселений северо-запада Европы. Во второй половине XX в. в качестве основного метода определения фосфора использовалась оценка содержания подвижных – доступных для растений – фосфатов. Этот метод заимствован из агрохимии и, по-видимому, не в полной мере подходил для решения археологических задач. Тем не менее с его помощью данные о накоплении фосфора стали широко применяться в различных археологических контекстах, таких как исследование почв древних поселений или реконструкция содержимого ритуальных сосудов из погребений (*Веллесте*, 1952; *Демкин, Дьяченко*, 1994). Оценка содержания валового фосфора редко применялась в археологии того времени, поскольку представляла собой достаточно трудоемкий анализ (*Convey*, 1983). С появлением рентгенфлуоресцентного метода изучение химических свойств культурного слоя вышло на качественно новый уровень. Высокая точность определения, простота использования и возможность анализа большого количества образцов об-

условили резкий рост количества публикаций по содержанию валового фосфора в культурных слоях (*Александровская, Александровский*, 2003; *Бронникова и др.*, 2008; *Рябогина и др.*, 2013).

Вместе с тем определение валового фосфора, будучи весьма информативным с точки зрения почвоведения, не способно было в полной мере раскрыть археологическую сущность феномена накопления фосфора в культурном слое. Фосфор мог накапливаться как в результате длительного поступления остатков пищи, бытовых отходов, экскрементов и других органических субстратов, так и вследствие поступления золы в культурный слой. И в том, и в другом случае использование рентгенфлуоресцентного анализа может давать сходные величины валового фосфора при весьма существенной разнице в источниках его поступления. В связи с этим возникает необходимость раздельного определения содержания органических и неорганических форм фосфора.

В известных к настоящему времени исследованиях по определению источников фосфора в культурном слое уже использовались показатели общего и органического фосфора (*Mikkelsen*, 1997). Однако было показано, что на археологических памятниках при высоком содержании общего фосфора содержание органического фосфора заметно снижается по сравнению с фоновыми участками (*Bethel, Ma'te'*, 1989). По мнению авторов, причиной этого является поступление минерального фосфора с костями. Очевидно, данный вывод можно распространять далеко не на все археологические объекты. Более объяснимое увеличение содержания органического фосфора, связанное с поступлением в почву растительных остатков, отмечено в почвах древних полей (*Guttmann et al.*, 2006). Кроме того, показана

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-29-04257 ОФИ-М «Археологическая микробиология: теория и практика выявления исходного присутствия органических материалов в археологических исследованиях».

перспективность совместного использования данных по содержанию органического фосфора и углерода для реконструкции момента возникновения поселения и начала формирования культурного слоя (*Schlezing, Howes, 2000*). Однако использование методов раздельного определения органического и неорганического фосфора может быть затруднено невозможностью учета той части биологического фосфора, которая переходит со временем в минеральные формы. Поэтому данный метод требует верификации другими методами, в качестве одного из которых можно предложить оценку фосфатазной активности (*Каширская и др., 2014*).

Фосфатазы – это ферменты, катализирующие гидролиз сложных эфиров и ангидридов фосфорной кислоты, которые присутствуют в растительных и животных тканях. Они являются непосредственными участниками фосфатного цикла и отвечают за вклад органического фосфора в фосфатный пул культурного слоя. Чем больше фосфатов растительного или животного происхождения вносится в культурный слой, тем больше фермента вырабатывается здесь почвенными организмами, поступает в почву, накапливается и сохраняется. Фосфатазной активностью в той или иной степени обладают все почвенные микроорганизмы, однако только некоторые из них образуют большое количество внеклеточных фосфатаз (*Звягинцев и др., 2005*). Активность фосфатаз зависит от почвенных свойств, состава растительности, присутствия ингибиторов или активаторов (*Speir, Ross, 1978*). Молекулы фермента могут длительно сохраняться в почве, не теряя своей активности (*Хомутова и др., 2012*), поэтому на протяжении тысяч лет до наших дней может сохраняться увеличение ферментативного пула, имевшее место при формировании культурного слоя в тот или иной период (*Чернышева и др., 2014; Чернышева и др., 2016; Chernysheva et al., 2015*). Показано, что активность фосфатазы и уреазы сохраняется в мерзлотных и озерных отложениях, возраст которых составлял 9 тыс. и 13 тыс. лет соответственно (*Skujins, 1976*). Кроме того, была выявлена фосфатазная активность в почве, погребенной под насыпью кургана, возраст которого составлял более 4 тыс. лет (*Хомутова и др., 2012*).

Мы полагаем, что синхронное увеличение содержания фосфора и фосфатазной активности в культурном слое может являться надежным свидетельством биологической природы фосфора. Таким образом, целью настоящей работы было выявление биологического фосфора археологических памятников на основании синхронного увеличения содержания фосфора и фосфатазной активности в культурных слоях.

Методы исследования

Фосфатазная активность культурных слоев определялась методом Галстяна – Арутюнян (*Хазиев, 2005*), содержание валового фосфора определяли с помощью рентгенфлуоресцентного анализатора *МАКС-GV*.

Результаты и обсуждение

В качестве объектов исследования были выбраны различные памятники, формирование культурного слоя которых происходило в условиях различной антропогенной деятельности и при различных условиях консервации. В качестве примера культурного слоя, не дифференцированного на горизонты и проработанного почвообразованием, было выбрано аланское укрепление Подкумское-2 в окрестностях Кисловодска (*Чернышева и др., 2014*). Здесь на фоне высоких значений содержания фосфатов была отмечена очень низкая фосфатазная активность (рис. 1). По всей видимости, это связано с преимущественно минеральной природой фосфора (золы), которая поступала в больших количествах в культурный слой.

В этом же районе были исследованы почвы средневековых полей, прилегающих к аланскому поселению Подкумское-3 (V–VIII вв.). Обилие керамики, встречающейся в почвах на разной глубине в пределах 500-метровой зоны вокруг памятника, а также микробиологические показатели почв (высокая уреазная активность и численность термофильных бактерий) позволили установить факт длительного внесения навоза на поля. В данном случае навоз обусловил высокие показатели содержания фосфатов в почве (рис. 2). При этом фосфаты поступали в почву в форме органических соединений, что, в свою очередь, вызвало синхронное увеличение фосфатазной активности.

В качестве примера хорошо дифференцированного культурного слоя, который лишь с поверхности проработан почвообразованием, был выбран культурный слой средневекового городища Учкак (XI–XIII вв., Удмуртская Республика). В данном случае прямая корреляция между величинами содержания фосфора и фосфатазной активности наблюдалась только на первом этапе формирования культурного слоя, а также в прослойке костяных опилок на глубине 99–100 см (рис. 3). Синхронное увеличение как фосфатазной активности, так и содержания фосфора на первом этапе формирования культурного слоя дает основания полагать, что накопление фосфатов в данном случае связано с поступлением органических материалов. Позднее, в период активного функционирования памятника,

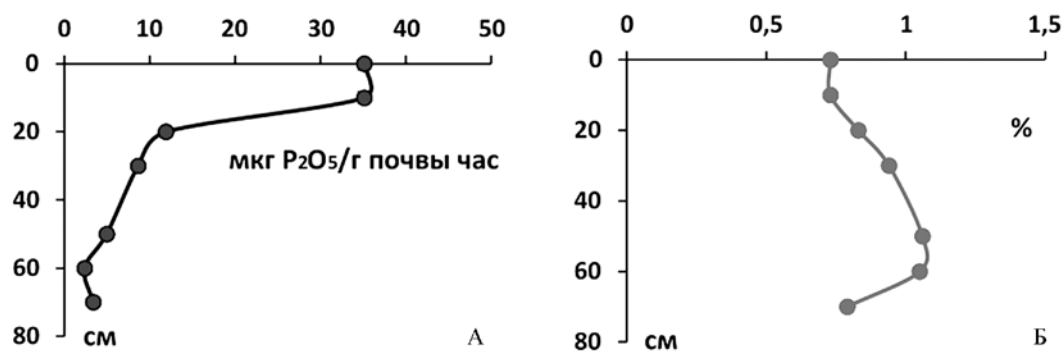

Рис. 1. Фосфатазная активность (А) и содержание фосфатов (Б) в культурном слое аланского укрепления Подкумское-2 (II–IV вв.)

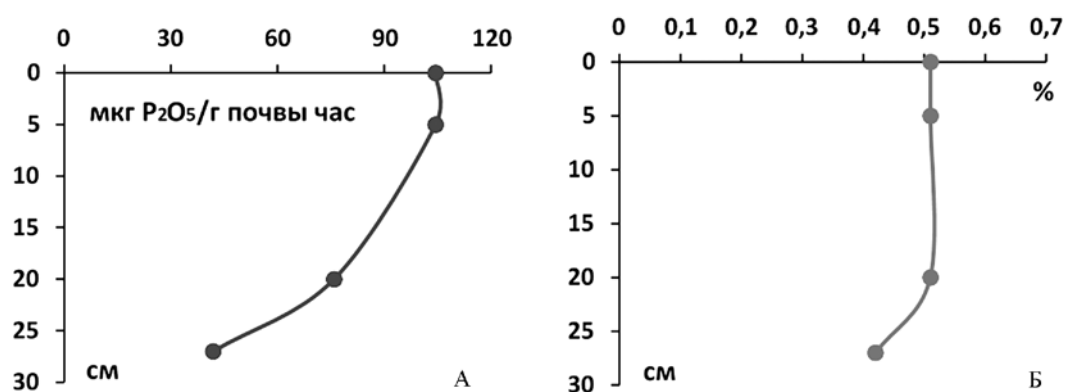

Рис. 2. Фосфатазная активность (А) и содержание фосфатов (Б) в почвах средневековых полей в окрестностях аланского укрепления Подкумское-3 (V–VIII вв.)

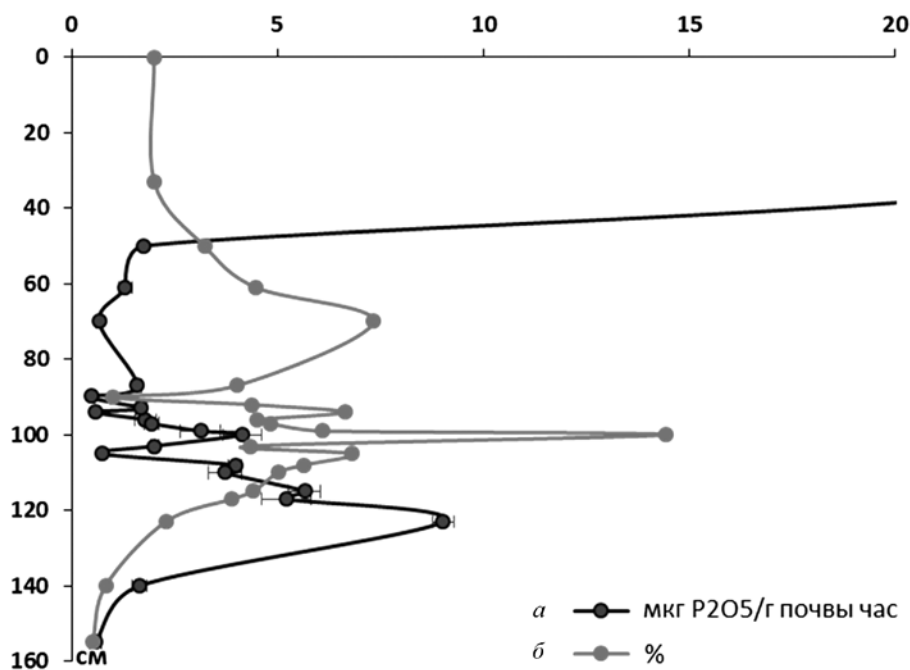

Рис. 3. Фосфатазная активность (а) и содержание фосфатов (б) в культурном слое городища Учцакар (IX–XIII вв.)

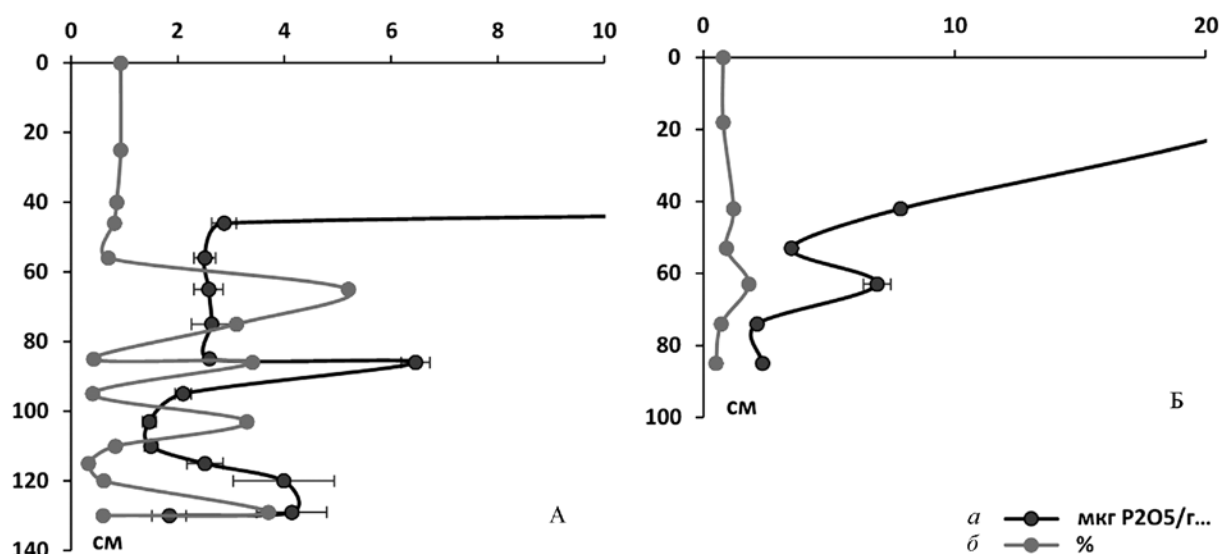

Рис. 4. Фосфатазная активность (а) и содержание фосфатов (б) в культурном слое городища Учкакар (IX–XIII вв.)

А – раскоп 179; Б – раскоп 191

в культурный слой поступали преимущественно минеральные формы фосфатов в виде золы, что обусловило резкое снижение фосфатазной активности на фоне увеличения общего содержания фосфатов.

Аналогичная закономерность была отмечена на одном из ключевых участков Болгарского городища (IX–XV вв., Республика Татарстан). Одновременное увеличение содержания валового фосфора и фосфатазной активности в нижних слоях данного участка (раскоп 179, центр городища) свидетельствует о том, что на первом этапе функционирования городища в почву поступало большое количество органического материала с высоким содержанием фосфатов (рис. 4, слой 130 см). Синхронное увеличение содержания фосфатов и фосфатазной активности позволяет предположить, что в данном случае фосфор поступал в виде органических соединений (навоз). На следующем этапе отмечается синхронное снижение содержания фосфора и фосфатазной активности (слой 115–130 см). Это могло произойти в результате поступления в культурный слой материкового грунта. Далее наблю-

дается та же самая закономерность, что и в случае с вышеописанным памятником: в слоях с максимальными значениями содержания фосфатов наблюдается снижение фосфатазной активности, что может указывать на минеральную природу фосфора, эти показатели наблюдались лишь на глубине 85 см в прослойке органического тлена.

На участке с менее интенсивным антропогенным воздействием (раскоп 191, жилая зона) синхронное увеличение содержания фосфатов и фосфатазной активности, выявленное в слое 53–63 см, связано с поступлением в почву бытовых отходов и прочего органического мусора.

Таким образом, первые результаты изучения фосфатазной активности археологических памятников показывают сложный характер изменения этого показателя в профиле культурного слоя, зависящий от характера использования территории и источников поступления фосфатов. Возможно использование фосфатазной активности в качестве диагностического признака органической природы фосфора в культурном слое.

Литература

Александровская Е. И., Александровский А. Л., 2003. Историко-географическая антропохимия. М.: НИИ-Природа. 204 с.

Бронникова М. А., Мурашова В. В., Якушев А. И., 2008. Первые данные по пространственной неоднородности культурного слоя Гнездов-

ского городища // Гнездово: результаты комплексных исследований памятника. СПб.: Альфарет. С. 145–149.

Веллесте П., 1952. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений // КСИИ. Вып. 42. С. 135–140.

Демкин В. А., Дьяченко А. Н., 1994. Итоги палеопочвенного изучения поселения «Ерзовка-1» в Волгоградской области // РА. № 3. С. 216–222.

Звягинцев Д. Г., Бабьева И. П., Зенова Г. М., 2005. Биология почв. М.: МГУ. 445 с.

Каширская Н. Н., Чернышева Е. В., Федотов А. Э., Агафонова М. Л., Крамарева Н. О., Пригородова Д. В., 2014. Ферментативная активность почв культурных слоев городища Болгар как показатель интенсивности и характера антропогенной нагрузки в прошлом // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. Казань: Институт истории АН РТ. С. 379–383.

Рябогина Н. Е., Борисов А. В., Занина О. Г., Савицкий Н. М., 2013. Природные условия восточно-европейской лесостепи в хазарское время Кисловодска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (22). Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 182–194.

Хазиев Ф. Х., 2005. Методы почвенной энзимологии. М.: Наука. 252 с.

Хомутова Т. Э., Демкина Т. С., Каширская Н. Н., Демкин В. А., 2012. Фосфатазная активность современных и погребенных каштановых почв Волго-Донского междуречья // Почвоведение. № 4. С. 478–483.

Чернышева Е. В., Борисов А. В., Коробов Д. С., 2016. Биологическая память почв и культурных слоев археологических памятников. М.: ГЕОС. 240 с.

Чернышева Е. В., Каширская Н. Н., Коробов Д. С., Борисов А. В., 2014. Биологическая активность дерново-карбонатных почв и культурных

слоев аланских поселений Кисловодской котловины // Почвоведение. № 9. С. 1068–1076.

Bethell P., Ma'te' I., 1989. The use of soil phosphate analysis in archaeology: a critique // J. Henderson (Ed.). Scientific Analysis in Archaeology and its Interpretation. U.C.L.A. Institute of Archaeology, Los Angeles. P. 1–29. (Archaeological Research Tools 5).

Conway J. S., 1983. An investigation of soil phosphorus distribution within occupation deposits from British hut group // Journal of Archaeological Science. № 10. P. 17–28.

Guttmann E. B., Simpson I. A., Davidson D. A., Dockrill S. J., 2006. The management of arable land from prehistory to the present: case studies from the northern Isles of Scotland // Geoarchaeology. Vol. 21 (1). P. 61–92.

Mikkelsen J. H., 1997. Laboratory method for determining organic, inorganic and total phosphate // Bulletin 1 of the Archaeological Soil Micromorphology Working Group. L.: University College. P. 5–8.

Chernysheva E. V., Korobov D. S., Khomutova T. E., Borisov A. V., 2015. Urease activity in cultural layers at archaeological sites // Journal of Archaeological Science. V. 57. P. 24–31.

Schlezienger D. R., Howes B. L., 2000. Organic phosphorus and elemental ratios as indicators of prehistoric human occupation // Journal of Archaeological Science. № 27. P. 479–492.

Skujins J. J., 1976. Extracellular enzymes in soil // Critical Reviews in Microbiology. Vol. 4. P. 383–421.

Speir T. W., Ross D. J., 1978. Soil phosphatase and sulphatase // Burns R. G. (Ed). Soil enzymes. L.: Academic. P. 197–250.

N. N. Kashirskaya & A. V. Borisov

The activity of phosphates as a way of reconstructing the sources from which phosphorus enters the cultural layer

Summary

High phosphorus content is an important feature of the cultural layer. In recent years, phosphorus content has been determined using an X-ray fluorescent analyzer, which determines the total phosphorus content. In such cases, the sources of phosphorus entering the culture layer remain unknown. The same phosphorus content can occur when household waste, garbage, food residues, manure (biological phosphorus) or ash (mineral phosphorus) enter the soil. It is suggested to

use a phosphatase activity index to separate mineral and biological phosphorus. Phosphatase is an enzyme involved in the decomposition of organic substrates with a high phosphorus content. This means that if a lot of organic matter has entered the soil at an archaeological site, there will be a high activity of the phosphatase enzyme. Using this indicator will provide an opportunity to represent more accurately the nature of anthropogenic activities at such sites.

Список сокращений

АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова.
АН СССР	– Академия наук СССР
АП	– Археология Подмосквья: Материалы научного семинара
БГУ	– Белорусский государственный университет
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВИД	– Вспомогательные исторические дисциплины
ВИМАИВиВС	– Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВМУ	– Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
ГВСИАиХМЗ	– Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГМЗ	– Государственный музей-заповедник
ГММК	– Государственный музей-заповедник «Московский Кремль»
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты
ДСЛ	– Дела старых лет
ЕГУ	– Елецкий государственный университет
ЗИАХМ	– Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИИ АНБ	– Институт истории АН Белоруссии
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии
ИГАИМК	– Известия Государственной академии Института истории материальной культуры
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
ИФХиБПП РАН	– Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
КСИА	– Краткие сообщения Института Археологии РАН
КУАК	– Калужская ученая архивная комиссия
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛЛС	– Лицевой летописный свод
МГУ	– Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ	– Музей истории города Москвы
МИМ	– Музей истории Москвы
МК	– Московская керамика. Новые данные по хронологии
ММК	– Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования
НИИЯЛИЭ	– Научно-исследовательский Институт языка, литературы, истории и этнографии, Саранск
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля. История и археология
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика
ПГУ	– Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
ПЭ	– Подмосковная экспедиция ИА РАН
РА	– Российская археология
РАНИОН	– Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РУАК	– Рязанская ученая архивная комиссия
РФА	– Рентгенофлуоресцентный анализ
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников

СПГИХМЗ	– Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
ТАС	– Тверской археологический сборник
ТГОМ	– Тверской государственный объединенный музей
ТНИИР-центр	– Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
ТТЗ	– Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Материалы научного семинара
ЦАИ	– Центр археологических исследований
ЦОИПИК	– Центр по охране и использованию памятников истории и культуры
VEDA	– Vydatel'stvo Slovenkej Akademie Vied

Научное издание

Археология Подмосквья. Выпуск 14
Материалы научного семинара

Корректор: Е. В. Буйда
Верстка: В. Б. Степанов
Художник: А. В. Голикова

Подписано в печать 15.02.2018
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 60,4. Уч.-изд. л. 61,7.
Тираж 300 экз. Заказ № .

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-94375-242-1

9 785943 752421

